

Институт языкознания
Российской академии
наук

Тамбовский государственный
университет имени
Г.Р. Державина

КОГНИТИВНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ЯЗЫКА

Выпуск № 4 (55)

КОГНИТИВНАЯ ЛИНГВИСТИКА В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННОЙ НАУКИ

ISSN 2071-9639

**МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РФ
РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ЯЗЫКОЗНАНИЯ РАН
ТАМБОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ Г.Р. ДЕРЖАВИНА
ЮЖНО-УРАЛЬСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
РОССИЙСКАЯ АССОЦИАЦИЯ ЛИНГВИСТОВ-КОГНИТОЛОГОВ**

Когнитивные исследования языка

Выпуск № 4 (55)

**КОГНИТИВНАЯ ЛИНГВИСТИКА В КОНТЕКСТЕ
СОВРЕМЕННОЙ НАУКИ**

**Материалы международной конференции
19-21 сентября 2023 года**

**Москва – Тамбов – Челябинск
2023**

УДК 40
ББК 80
К57

Серия включена в Перечень рецензируемых научных изданий, рекомендованных ВАК Министерства науки и высшего образования РФ для публикации результатов диссертаций. Зарегистрирована Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор), свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-52638 от 25 января 2013 г.
Индекс 79191 в каталоге периодики «Урал Пресс» на 2023 год

Редакторский совет:

Болдырев Н.Н., доктор филологических наук, профессор (гл. редактор);
Демьянков В.З., доктор филологических наук, профессор;
Турбина О.А., доктор филологических наук, профессор (отв. редактор выпуска);
Новодранова В.Ф., доктор филологических наук, профессор;
Бабина Л.В., доктор филологических наук, профессор;
Виноградова С.Г., доктор филологических наук;
Панасенко Л.А., доктор филологических наук;
Потанина Н.Л., доктор филологических наук, профессор;
Шарандин А.Л., доктор филологических наук, профессор;
Златев Й., доктор филологии, профессор (Лунд, Швеция);
Талми Л., доктор филологии, профессор (Буффало, США);
Жеребятьева Е.С., отв. секретарь выпуска;
Козлова Е.А., кандидат филологических наук (отв. секретарь)

К57 Когнитивные исследования языка / гл. ред. Н.Н. Болдырев; М-во науки и высш. обр. РФ, Рос. акад. наук, Ин-т языкознания РАН, Тамб. гос. ун-т им.Г.Р. Державина, Рос. ассоц. лингвистов-когнитологов. – М.: Ин-т языкознания РАН; Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2008–

ISBN 978-5-89016-442-1

Вып. № 4 (55): Когнитивная лингвистика в контексте современной науки: материалы Международной научной конференции. 19-21 сентября 2023 г. / отв. ред. вып. О.А. Турбина. – Челябинск: Южно-Уральский государственный университет, 2023. – 1028 с.

ISBN 978-5-696-05379-0

В очередном выпуске периодического издания «Когнитивные исследования языка» представлены материалы Международной конференции «Когнитивная лингвистика в контексте современной науки». В сборник включены статьи более 275 авторов, около 30% из которых – доктора наук, посвятившие свои исследования взаимосвязи принципов функционирования человеческого интеллекта с фундаментальными процессами языка и речевой деятельности.

Сборник адресован широкому кругу специалистов в области когнитивной лингвистики и всем исследователям, которым интересны проблемы ее взаимодействия с другими науками и, прежде всего, – с науками о человеке.

УДК 40
ББК 80

ISBN 978-5-696-05379-0 (Вып. № 4 (55))

ISBN 978-5-89016-442-1

© ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина», 2023

© ФГАОУ ВО «Южно-Уральский государственный университет (НИУ)», 2023

© Российская ассоциация лингвистов-когнитологов, 2023

ISSN 2071-9639

**MINISTRY OF SCIENCE AND HIGHER EDUCATION
OF THE RUSSIAN FEDERATION
RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
INSTITUTE OF LINGUISTICS OF RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
DERZHAVIN TAMBOV STATE UNIVERSITY
SOUTH URAL STATE UNIVERSITY
THE RUSSIAN COGNITIVE LINGUISTS ASSOCIATION**

Cognitive Studies of Language

Volume # 4 (55)

**COGNITIVE LINGUISTICS IN THE CONTEXT
OF MODERN SCIENCE**

**Papers of the International Cognitive Linguistics Conference
19-21 September 2023**

Moscow – Tambov – Chelyabinsk
2023

The publication is included in the List of publications recommended by Higher Assessment Board of Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation for publishing the results of candidate and doctoral dissertations.

Registered by the Federal Service for Supervision in the Sphere of Communication, Information Technologies and Mass Communications (Roscomnadzor), Certificate of Registration PI No. FS 77-52638.

The volume enters the catalogue of periodicals of Ural Press agency of 2023. The index is 79191.

Editorial Board:

Boldyrev N.N., Doctor of Philology, Professor (editor-in-chief);

Demyankov V.Z., Doctor of Philology, Professor;

Turbina O.A., Doctor of Philology, Professor (volume editor-in-chief);

Novodranova V.F., Doctor of Philology, Professor;

Babina L.V., Doctor of Philology, Professor;

Vinogradova S.G., Doctor of Philology;

Panasenko L.A., Doctor of Philology;

Potanina N.L., Doctor of Philology, Professor;

Sharandin A.L., Doctor of Philology, Professor;

Zlatev J., Doctor of Philology, Professor (Lund, Sweden);

Talmy L., Doctor of Philology, Professor (Buffalo, USA);

Zherebiateva E.S., volume executive secretary;

Kozlova E.A., Candidate of Philology (executive secretary)

Cognitive studies of language / editor-in-chief N.N. Boldyrev; Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation, Russian Academy of Sciences, Institute of Linguistics of Russian Academy of Sciences, Derzhavin Tambov State University, The Russian Cognitive Linguists Association. – Moscow, Institute of Linguistics of Russian Academy of Sciences; Tambov: Publishing House of Derzhavin Tambov State University, 2008–

ISBN 978-5-89016-442-1

Vol. # 4 (55): Cognitive Linguistics in the context of Modern Science: Papers of the International Cognitive Linguistics Conference held 19–21 September 2023/ Volume's editor-in-chief O.A. Turbina. – Chelyabinsk: South Ural State University, 2023. – 1028 p.

ISBN 978-5-696-05379-0

The current issue of *Cognitive Studies of Language* presents the materials of the Cognitive Linguistics in the Context of Modern Science International Conference. The collection includes articles by more than 275 authors, about 30% of whom are doctors of sciences who have devoted their research to the relationship between the principles of the functions of human intellect and the fundamental processes of language and speech activity.

The collection is addressed to a wide range of specialists in the field of cognitive linguistics and all researchers who are interested in its interaction with other sciences, especially with the human sciences.

ISBN 978-5-696-05379-0 (Vol. # 4 (55))

ISBN 978-5-89016-442-1

© FSBEI HE Derzhavin Tambov State University, 2023

© FSAEI HE South Ural State University, 2023

© The Russian Cognitive Linguists Association, 2023

СОДЕРЖАНИЕ

ОТ РЕДАКТОРА	27
I. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ КОГНИТОЛОГИИ	
<i>Болдырев Н.Н.</i> Путь к бесконфликтной языковой коммуникации.....	28
<i>Демьянков В.З.</i> Имплицирование и дезимплицирование в коммуникативно- когнитивном маневрировании.....	32
<i>Бабенко Л.Г.</i> Репрезентация как ключевое понятие когнитивной лингвистики: динамика осмысления термина в современном научном дискурсе (на материале лексикографических данных).....	35
<i>Краева И.А.</i> Некоторые особенности объективации концепта ГРАДУАЛЬНОСТЬ в современном английском языке.....	40
<i>Заботкина В.И.</i> Когнитивные механизмы манипулятивного воздействия в медиа- дискурсе.....	43
<i>Карасик В.И.</i> Дискурсивные индикаторы психической акцентуации.....	47
<i>Ковишова М.Л.</i> Языковой, когнитивный, культурологический анализ во взаимодействии: на материале русских паремий и фразеологизмов с терминами родства.....	50
<i>Чудинов А.П.</i> Уральская школа политической метафорологии как направление политической лингвистики.....	55
<i>Леонтович О.А.</i> Потенциал лингвокогнитивной интерпретации возраста.....	58
<i>Турбина О.А.</i> Лингво-когнитивная реальность: лингвосемиотика и психосемиология.....	63
<i>Викулова Л.Г., Рянская Э.М.</i> Метатекст в репрезентации концептуального содержания философского словаря.....	67
II. КОГНИТИВНАЯ ЛИНГВИСТИКА И НАУКИ О ЧЕЛОВЕКЕ	
<i>Анищенко А.В.</i> Вербализация эмоциональной концептосферы людьми с нарушениями зрения (на примере немецкого языка).....	71
<i>Вишнякова О.Д., Лингарт А.А.</i> Языковая экономия как лингвокреативная деятельность (антропоцентрический подход).....	74
<i>Истомина Е.М.</i> Новая эмоциональность как этап в истории эмоций.....	77
<i>Кинцель А.В.</i> Нейрологические основания формирования и развития языковой способности человека	81
<i>Ковалёва О.Н.</i> Дотрудовой и трудовой этапы социализации человека: формирование личностной системы ценностей (на материале рассказа Алексея Варламова «Шанхай»).....	84
<i>Лось А.Л.</i> Различия в репрезентации тактильных признаков, связанных с восприятием поверхности, в английском и русском языках	88
<i>Мазуркина Е.С.</i> Эмотивность гендерно маркированных текстов онлайн- дневников	92
<i>Мальнева Е.Ю.</i> Когнитивные стили: pensée complexe – «когнитивная сложность» homo sapiens.....	95
<i>Петухова Т.И.</i> К вопросу об антропоцентричности художественного концепта NATURE.....	100
<i>Ростовцева С.А.</i> Профессиональные и личностные качества врача-хирурга (по данным ассоциативного эксперимента).....	104

<i>Троценкова Е.В., Богатикова Ю.А.</i> Рефлексия доверия информации в комментариях читателей о правдоподобии новостей-шуток	108
<i>Яковенко Е.Б.</i> Символы внутреннего мира человека в древнеанглийской картине мира: особенности вербализации	112

III. КОГНИТИВНАЯ ЛИНГВИСТИКА В РЯДУ НАПРАВЛЕНИЙ НАУКИ О ЯЗЫКЕ

III.1. Когнитивная и политическая лингвистика

<i>Адащик Д.Н., Триус Л.И.</i> Англоязычный политический дискурс в контексте пандемии COVID-19: прагма-когнитивные особенности.....	116
<i>Дмитриева С.С.</i> Особенности концептуализации политической действительности на основе прецедентных феноменов (на примере Sleeping Beauty).....	120
<i>Калинин О.И.</i> Метафора и информационная война.....	124
<i>Космодемьянская В.И., Радюшкина А.А.</i> Специфика некооперативного взаимодействия в американском политическом дискурсе.....	127
<i>Кусоцкая Е.С.</i> «Чужой среди своих», или дискредитация оппонента как «чужого» в контексте дебатов демократической партии США	131
<i>Ли Мэйци.</i> Гидронимные метафоры в современном китайском политическом дискурсе	135
<i>Музалевская Е.С.</i> Особенности вербализации концептов ВОЙНА и МИР в дискурсе газет СССР и США периода холодной войны середины XX века.....	139
<i>Прийма Т.И.</i> Медиаторные стратегии в ситуации общественного раскола	142
<i>Принципалова О.В.</i> Когнитивные механизмы контраргументации и их языковое выражение в парламентской коммуникации (на примере немецкого бундестага).....	145
<i>Приходько М.В.</i> Основные концепты-мишени информационно-психологического воздействия в контексте «Торговой войны» между КНР и США.....	148
<i>Солопова О.А., М. Ли.</i> Механизмы и стратегии моделирования образа государства	152
<i>Стрельцова В.В., Клиновская А.А.</i> Феномен политической корректности в общественном дискурсе ФРГ.....	156
<i>Таймур М.П.</i> Метафоричность испанских политических карикатур (на материале статей испаноязычной газеты EL PAÍS)	159
<i>Чес Н.А.</i> Концептуальная метафора как когнитивный механизм лингвокреативности в политическом медиадискурсе	163

III.2. Когнитивная лингвистика и лингвистическая дискурсология

<i>Абиева Н.Р.</i> Лингво-прагматические особенности онлайн-дискурса преподавателя английского языка: этап открытия новых знаний.....	167
<i>Баландина Е.С.</i> Географический очерк как особый вид дискурса.....	170
<i>Бернат О.С., Раевская М.В., Чернышева М.А.</i> Символизм поэтического дискурса (на материале стихотворения Шарля Бодлера «Альбатрос»).....	174
<i>Бондаренко С.Ю.</i> Дискурсивно-языковые характеристики текстов астропрогноза как элемента популярной женской прессы (на материале французских женских изданий)	177
<i>Борботько Л.А.</i> Театральная рецензия: монолог в стремлении к диалогу.....	181
<i>Букина Ю.В.</i> Англоязычный мотивационный дискурс в когнитивно-дискурсивных координатах (на материале англоязычных видеолекций TED Talks).....	185
<i>Бурдина О.Б.</i> Социокогнитивный контекст развития фармакопейной терминологии.....	189

<i>Валиева А.В.</i> Когнитивная метафора в техническом дискурсе.....	193
<i>Герасимова С. А.</i> Жанровый потенциал предварительного проспекта «Энциклопедии» Д. Дидро и Ж.-Л. Д'аламбера.....	196
<i>Дзюба Е.В., Рябова И.Ю.</i> Разноуровневая гибридность современного рекламного текста.....	200
<i>Диденко В.Д., Анищенко А.В.</i> Устное воспоминание-интервью в свете теории прототипов.....	204
<i>Димитриева О.А.</i> Прецедентный текст в кулинарном рецепте как формат «культурных» знаний.....	207
<i>Ерещенко М.В.</i> Информация в сетевом дискурсе: распространение и интерпретация.....	210
<i>Зиновьева А.Ю.</i> Концептуальная структура научных статей и аннотаций по интегративной физиологии.....	214
<i>Ильинова Е.Ю., Волкова О.С.</i> Лингвистическое профилирование метафорических репрезентаций в дискурсе кибербезопасности	217
<i>Кащеева А.В.</i> Некоторые предпосылки когнитивных исследований текста.....	221
<i>Курбанов И.А., Гулагаев И. Н.</i> Сопоставительный анализ метафорических моделей образа Турции в медийном и художественном дискурсах на русском и английском языках.....	225
<i>Ли Цзяхэн.</i> Сравнительный анализ китайскоязычной и русскоязычной спортивной рекламы.....	229
<i>Миронова М.Ю.</i> Когнитивно-прагматические функции маркеров авторской позиции в жанре англоязычной научной статьи.....	233
<i>Михалева Е.И.</i> Гендерная обусловленность структурно-тематической организации шуток в англоязычных стэнд-ап шоу.....	237
<i>Немкина Н.И.</i> Мультиmodalность знания в сказочном дискурсе.....	241
<i>Опарина О.И.</i> Понятие привлекательности научного текста в эпоху цифровой коммуникации и клипового мышления.....	244
<i>Плисов Е.В., Белова Е.Е., Ворохобов А.В.</i> Структура и особенности современного немецкоязычного волонтерского дискурса.....	248
<i>Подгорная А.А., Оломская Н.Н., Элмасян А.В.</i> Когнитивные аспекты дискурса современной учебной английской лексикографии.....	252
<i>Пономарева О.Б., Пономарева Е.Ю.</i> Экфрастические референции с позиции когнитивной лингвистики.....	255
<i>Привалова Е.П.</i> Дискурсивные стратегии в немецкоязычной научно-популярной детской литературе.....	259
<i>Сян Янань.</i> Насколько мы готовы отвечать за свои слова? (прагматические маркеры-аппроксиматоры в русском устном дискурсе).....	262
<i>Финаева Т.В.</i> Интерпретация как когнитивный инструмент понимания иноязычного устного дискурса	266
<i>Хабирова Е.И.</i> Концептуальные характеристики термина «академическое письмо» в русском педагогическом дискурсе.....	270
<i>Хомутова Т.Н., Шабан А.К.М.</i> Вежливость в деловом дискурсе: интегральный подход.....	273
<i>Цветева Е.Н., Панкратьева Е.С.</i> Фразеологические и художественные образы в творчестве Я. Йорданса.....	277
<i>Чжан Чжэньхао.</i> Анализ прецедентных феноменов, вытекающих из названий произведений А.П. Чехова.....	281
<i>Широкова Е.Н., Тетюхина А.Ю.</i> Когнитивный подход к исследованию речевого экстремизма (на материале интернет-контента маскулистских сообществ)...	284

<i>Яременко В.И.</i> Когнитивный анализ структуры и семантики технического текста в современном электронном научном дискурсе.....	288
---	-----

III.3 Когнитивная лингвистика и речевая коммуникация

<i>Беляева И.В., Беляев А.А.</i> Роль когнитивных механизмов формирования интерпретирующих значений в бесконфликтном языковом общении (на материале футбольной фразеологии).....	292
<i>Воронцова Ю.А.</i> Дискурсивно-прагматический аспект правовой коммуникации.....	295
<i>Глинская Н.П.</i> Терминологическая компетенция в сфере профессиональной коммуникации: факторы и дескрипторы.....	299
<i>Голованова Е.И.</i> Военная лексика и лексика войны в современном медийном пространстве.....	302
<i>Григорьева В.С.</i> К вопросу о типах знаний в речевом взаимодействии.....	305
<i>Дмитриенко Е.В.</i> Когнитивный аспект межъязыковой девиации.....	309
<i>Ефименко Т.Н.</i> Языковые и когнитивные механизмы организации конфликта в СМИ.....	313
<i>Занина М.А.</i> Язык профессиональной коммуникации и термин-метафора.....	316
<i>Кочнева Ю.Е., Пастухова О.Д., Титова Е.А.</i> Вербальные средства воздействия на абитуриентов сообщества «Поступай в ЧелГУ».....	320
<i>Москвитина Т.Н., Баландина И.Д.</i> Лингвистические средства воздействия при описании кризисных ситуаций в современном медийном дискурсе.....	323
<i>Робустова В.В.</i> Манипулятивная функция имени собственного.....	327
<i>Рогозина И.В., Бухнер Н.Ю.</i> Эмоциональная амплитуда как результат социальной когниции в ситуации конфликта: лингвокогнитивная модель.....	331
<i>Самарина А.Г., Проскурнич О.Д.</i> Когнитивные механизмы формирования бесконфликтности в медицинском дискурсе.....	335
<i>Силкина О.М., Гудкова Д.С.</i> Смайлы, эмотиконы и эмодзи как средство коммуникации (на материале интернет-переписки преподавателя и студента).....	339
<i>Финогеева А.А.</i> Формирование патриотической позиции студентов вуза посредством социальных медиа.....	342
<i>Чжао Цзехун.</i> Лингвистическое исследование (не)вежливости.....	346

III.4 Когнитивная лингвистика и лингвокультурология

<i>Дамман Е.А.</i> Языковая метафора: значимость нормы и оценки в культуре.....	350
<i>Игнашина З.Н., Попова Е.А.</i> Изменения значения белого цвета в английской фразеологии (на примере идиомы White Knight).....	354
<i>Измайлян Д.Б.</i> К вопросу об изучении медиаречи в лингвокультурологическом аспекте.....	358
<i>Кантышева Н.Г., Шуклин А.А.</i> Этническое языковое сознание в рэп-поэзии российских немцев.....	361
<i>Кожухова И.В.</i> Языковой шейминг: описание и реализация.....	365
<i>Манерко Л.А.</i> Универсальность / вариативность в понимании морали в языках и культурах.....	368
<i>Оприц Н.С.</i> Лингвокультурологические особенности мультимодального текста англоязычной наружной рекламы.....	372
<i>Проконина Н.И.</i> Символика цвета в терминологической фразеологии в современном деловом английском и русском языках.....	375
<i>Толстых О.А.</i> Лингвокультурные скрипты коммуникативного поведения в англоязычном академическом дискурсе.....	379

<i>Хэкетт-Джонс А.В.</i> «Культурная слепота» как когнитивный барьер в ситуации дидактического полилингвизма.....	383
<i>Чжан Л.</i> Образы злого человека в русской паремиологической картине мира (на фоне китайского языка).....	386
<i>Чжоу Цин.</i> Родственные термины в коммуникации китайских преподавателей и студентов как отражение культуры и когнитивных процессов.....	388

IV. ЯЗЫК КАК СПОСОБ ПОЗНАНИЯ МИРА И КАК СИСТЕМА РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ЗНАНИЙ

<i>Бекишева Е.В., Рылкина О.М.</i> Репрезентация научного знания в медицинской терминологии.....	392
<i>Белова Л.А., Челпанова Е.В.</i> Лингвистическая репрезентация немецкоязычной картины мира в сказках братьев Гримм.....	396
<i>Беспалова Е.В.</i> Интеграция таксономического и операционного подходов к систематизации знаний о ландшафте (на материале немецкой прессы).....	399
<i>Бугаков А.Н.</i> Средства репрезентации пространственной локализации объектов в немецком языке.....	403
<i>Верещагина А.В.</i> Понятие «судьба» в древнегреческом языке.....	407
<i>Воронцова Т.А., Хакимова Е.М.</i> Репрезентация лингвистических знаний в научно-популярном дискурсе СМИ.....	411
<i>Донина О.В.</i> Психолингвистические маркеры для сравнения женских и мужских текстов.....	414
<i>Дроздова Т.В.</i> Descriptions типовых ситуаций использования информационных технологий социумом в аспекте трансформации ментальных структур репрезентации экспертного знания.....	418
<i>Зарипов Р.И.</i> Информационные и лингвокогнитивные основы социально-личностного конструирования.....	422
<i>Кирюхина Н.В.</i> Полевая структура гендерно маркированных пословиц и антипословиц (на материале русского и английского языков).....	425
<i>Комкова Н.И.</i> Особенности репрезентации концепта ДИТЯ в прозе Б.В. Шергина....	428
<i>Кочетова Л.А., Гуреева А.А.</i> Репрезентация концепта искусственный интеллект в русском языковом сознании.....	432
<i>Кошкарлова Н.Н., Кожухова И.В.</i> Медиаобраз Китая в российских СМИ.....	436
<i>Кушнерук С.Л., Курочкина М.А.</i> Дискурсивная репрезентация трудовой миграции в социальной сети Telegram.....	439
<i>Леонтьева А.В., Е.Б. Савельева, Е.Г. Котова</i> Специфика вербализации знания и когнитивного взаимодействия в тексте научного содержания.....	443
<i>Минеева М.В.</i> Эпистемическая оценка культурно-маркированной информации в лингвистическом гипертексте.....	446
<i>Мухина И.К.</i> Представление как способ репрезентации знаний о чувственности в синонимической картине мира.....	450
<i>Недопекина Е.М., Ц. Ха.</i> Представление о современной России в КНР (на лексическом материале китайских СМИ).....	454
<i>Попова Т.И.</i> Чего мы на самом деле не знаем? О дискурсивных особенностях устойчивой неоднословной единицы (ну) (я) не знаю.....	457
<i>Синцова М.В.</i> Когнитивная сущность английских медицинских терминов заболеваний респираторной системы.....	461
<i>Сироткина Т.А.</i> Ономастические концепты в художественном сознании поэта Александра Кердана.....	464

<i>Ужэнь Гаова.</i> Явление кеннинга в ракурсе теории концептуальной интеграции...	468
<i>Федотова О.С.</i> Метадискурс как репрезентация знаний автора художественного произведения о мире.....	472
<i>Фурс Л.А.</i> Интерпретативная репрезентация знаний в синтаксисе.....	476
<i>Фурсова И.Н.</i> Реализация концептуальной сферы ПРИРОДА в качестве источника метафорического моделирования художественной картины мира.....	479
<i>Хакимова Е.М.</i> Репрезентация знаний об истории языка в новых медиа.....	483
<i>Хвесько Т.В., Басуева Н.Ю., Орлова В.И.</i> Реализация когнитивной доминанты в раннем творчестве Э. Хемингуэя.....	487
<i>Циберная О.Ф.</i> Лингвокреативность как инструмент лингвокультурного трансфера знаний.....	490
<i>Цибуля Н.Б.</i> Корреляция интонации и невербальных средств в экзажерации ментально-эмоциональных значений (на материале англоязычного дискурса).....	494
<i>Чудинов А.П., Сегал Н.А.</i> Языковое моделирование образа полицейского в медиaprостранстве конца 2018 – начала 2023 гг.....	497
<i>Шершукова О.А.</i> Взаимодействие когнитивных и языковых структур при передаче количественных значений у названий жидкости в португальском языке.....	500
<i>Эльстон-Бирон А.В.</i> Когнитивная метафора света-тени-темноты в художественных репрезентациях ситуации объяснения в любви (на материале произведений А.П. Чехова).....	504

V. ЛЕКСИЧЕСКИЕ, ГРАММАТИЧЕСКИЕ И ДИСКУРСИВНЫЕ СПОСОБЫ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ЗНАНИЙ

<i>Абдулганеева И.И.</i> Актуализация категории интенсивности в публицистическом дискурсе.....	508
<i>Абросимова Е.А., Маджаева С.И.</i> Метонимические модели со сферой-источником «Мир природы» в ветеринарной клинической медицине.....	512
<i>Бабина Л.В., Безукладова И.Ю.</i> Английские сложнопроизводные прилагательные: модели создания и конфликтогенный потенциал.....	516
<i>Багиян А.Ю.</i> Языковая вариация в формировании профессиональной идентичности: социо-когнитивный и прагма-аксиологический аспект.....	519
<i>Бондарчук Г.Г., Грачев Г.В.</i> Новое в репрезентации концепта FOOD (ПИЦЦА) в среднеанглийский период.....	523
<i>Бухнер Н.Ю.</i> Лингвокогнитивное моделирование образа бедного и богатого человека.....	527
<i>Ван Цзяюэ.</i> Сравнительный анализ зоометафор в русских и китайских пословицах и поговорках (на примере лошади).....	530
<i>Воронина Т.М.</i> Параметр длительности в русском языке: характеризуемые объекты и лексические средства репрезентации.....	534
<i>Воякина Е.Ю.</i> Полиmodalная метафора в дискурсивных практиках интернет-коммуникации в аспекте теории концептуальной интеграции.....	538
<i>Горюшина П.Е., Петкау А.Ю.</i> Концепт кафе в русском языке: лексикографический аспект.....	542
<i>Голубева Н.А.</i> К вопросу о процедурной семантике(на примере редкого языка)....	546
<i>Гришаева Л.И.</i> Гибридизация типов текста и конденсирование информационного потока в дискурсе.....	549
<i>Дронова Н.П.</i> Лексическая экспликация пространства в дискурсе фастнахшпиля.....	554

<i>Ду Ц.</i> Заимствованная лексика в комплиментах российской и китайской молодёжи (по результатам анкетирования)	557
<i>Дубовицкая-Рожкова А.А., Купцов А.Е.</i> Дискурсивная специфика неологических единиц: коммуникативно-прагматический потенциал	561
<i>Жданова Т. А.</i> Метафора человека в терминологии (на примере политехнической терминологии английского языка).....	565
<i>Захарова О.С.</i> Средства репрезентации отрицательной оценки в англоязычном аналитическом обзоре валютного рынка.....	568
<i>Катермина В.В., Шершнева Н.Б.</i> Неологизмы в англоязычном воспитательном дискурсе: когнитивный аспект.....	571
<i>Кондратьева О.Н.</i> Метафорическая интерпретация идеологемы «духовные скрепы» в дискурсе традиционных и социальных медиа	575
<i>Корнева В.В.</i> Когнитивные основания полифункциональности топонимов в испанском медиадискурсе	578
<i>Купцов А.Е.</i> Дискурсивные маркеры как средство создания когерентности художественного дискурса.....	581
<i>Ладыгина С.Ю.</i> Фреймовый анализ русскоязычной терминосистемы автомобилестроения.....	585
<i>Медведева А.В.</i> Когнитивные аспекты полисемии на материале ЛСГ «животные» в английском языке.....	588
<i>Натхо О.И., Мосесова М.Э.</i> Паремии как инструмент трансфера профессиональных знаний в научно-популярном деловом дискурсе	592
<i>Нефедова Л.А., Циберная О.Ф.</i> Транспозиция как средство лингвокреативности в языке.....	596
<i>Парулина И.Ю.</i> Реализация стратегий инклюзивного языка в испаноязычном пространстве.....	599
<i>Панасенко Л.А.</i> Интерпретирующий потенциал лексики как когнитивная основа вторичных структур в дискурсе.....	602
<i>Песина С.А.</i> Когнитивные функции сленга как маркера языкового разрыва между поколениями.....	606
<i>Передриенко Т.Ю.</i> Фигура наблюдателя: лингвокогнитивный аспект	610
<i>Петросян М.С.</i> Англоязычные неологизмы, обозначающие фобии, в медицинском дискурсе: когнитивно-прагматический аспект.....	614
<i>Пивоварова Л.Н., Попова А.Н.</i> Анализ использования литературных аллюзий в названиях научно-популярных газет и журналов.....	617
<i>Попова Н.С.</i> Художественная интерпретация времени как вербальный способ познания мира	621
<i>Почиталкина Н.Е., Калугина Е.В., Кусарбаев Р.И.</i> Фразеологический признак-эмотив во фразеологическом кластере современного русского языка.....	624
<i>Пугачевская И.А.</i> Когнитивный аспект антонимических отношений в терминологии международного права.....	627
<i>Рожкова Т.В., Александрова Е.В.</i> Особенности репрезентации концепта боль посредством глагольных лексем.....	631
<i>Садова Т.С., Чекина А.А.</i> Парные фольклорные формулы.....	635
<i>Садуов Р.Т.</i> Динамический языковой ландшафт как инструмент построения когнитивной карты.....	637
<i>Сергиенко П.И.</i> Интерпретирующий потенциал метафоры в PR дискурсе.....	641
<i>Середина Е.В., Кислицына Е.В.</i> Языковые средства выражения магического реализма в романе С. Рушди «Последний вздох мавра».....	645

<i>Сигал К.Я.</i> Пунктуационные инновации сквозь призму когнитивно-прагматического подхода.....	648
<i>Сивова Т.В.</i> Цвет лебеды в репрезентации сегмента цветовой концептосферы флористического пространства языка.....	652
<i>Соколова В.Л.</i> Явление отсроченного дискурсивного программирования в англоязычном художественном дискурсе.....	656
<i>Толмачева И.Н., Якимова О.А.</i> Роль служебных слов в формировании бесконфликтных смыслов в публичном дискурсе.....	660
<i>Тульцева А.Э.</i> Перспективы использования когнитивного подхода к исследованию атрибутивной валентности глаголов движения человека в сопоставительном аспекте.....	663
<i>Уханова М.А.</i> Конструкционный подход к созданию комического эффекта в англоязычных анекдотах.....	666
<i>Цинкерман Т.Н., Сороколетова Н.Ю.</i> Лингвокогнитивные маркеры авторитарного стиля в англоязычном воспитательном дискурсе.....	669
<i>Шелепова Н.В.</i> Английские мифологемы в современном научном дискурсе.....	672
<i>Шестопалова А.М.</i> Сопоставительный анализ русских и английских квазисубъектных моделей.....	676
<i>Шилова Н.В.</i> Отрицательная оценочная семантика дискурсивных маркеров во франкоязычном художественном дискурсе.....	680
<i>Шмелёва Е.С.</i> SPRECHEN SIE MAASTRICHT: Лингвокреативная смена языкового кода (на материале англоязычной качественной прессы 1990-99 гг.).....	683
<i>Юздова Л.П., Авдина А.И., Чепуренко А.А.</i> Когнитивный консонанс и диссонанс как приемы в фильме Д. Дьяченко «Чебурашка».....	687
<i>Ян Т.</i> Лексические и грамматические характеристики <i>корона-</i> в сложных словах...	691

VI. ЯЗЫКОВЫЕ ПОЗНАВАТЕЛЬНЫЕ ПРОЦЕССЫ: КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ, КАТЕГОРИЗАЦИЯ

<i>Борисенко Т.В.</i> Принцип организации элементов специальной категории.....	694
<i>Бочарникова Е.А.</i> Концент ТЕРРОРИЗМ в интердискурсивном аспекте.....	697
<i>Володина О.В.</i> Когнитивно-фреймовое моделирование концептосферы женской языковой личности в медиадискурсе.....	701
<i>Глазырина Е.С., Салатова Л.М.</i> Когнитивная модель «самолет – это человек» в формировании авиационной терминосистемы.....	704
<i>Гусева О.А.</i> Становление концепта ПЛАЧ в английском языке (опыт этимологического анализа).....	707
<i>Даниленко И.А.</i> Дуальный художественный субконцепт WOMAN-NURSE в номинативном поле концепта-доминанты WAR (на материале романа Томаса Кенелли «The Daughters of Mars»).....	711
<i>Дубровская Е.М.</i> Категоризация образа народа в русской паремиологии (на материале пословиц о казаках).....	714
<i>Дудорова М. В.</i> Концептуализация состояния сна в русском языке.....	718
<i>Зотова А.А.</i> Языковая репрезентации концепта WOMAN в современных версиях классических сказок.....	722
<i>Иванов Е.Е., Гишкаева Л.И.</i> Категоризация пословичной семантики: грегериические пословицы.....	724
<i>Иванова О.А.</i> Категоризация знаний о «своих» (eigene) через призму неологизмов в современном немецком медийном дискурсе.....	728
<i>Клейменова В.Ю.</i> Моделирование структуры концепта CANCEL CULTURE.....	732

<i>Козлова Е.А., Маховикова Д.В.</i> Метонимические модели концептуализации события в современном английском языке.....	735
<i>Кострова О.А., Захаров В.С.</i> Концептуализация негативной оценки, связанной с движением вниз, в немецкой лингвокультуре.....	739
<i>Кутимская А.Ю.</i> Таксономическое моделирование базового концепта EINLAGEN немецкой терминосистемы банковского дела.....	743
<i>Лаенко Л.В., Пигловская В.В.</i> Концептуализация ландшафтных объектов небольшой возвышенности над землей средствами английского языка.....	747
<i>Мамонова Н.В.</i> Диахроническое дискурсивное портретирование концепта БИЗНЕСМЕН в российских СМИ	750
<i>Олизько Н.С.</i> Патриотизм, университет, медиaprостранство: точки соприкосновения и взаимодействия.....	754
<i>Павлова А.В.</i> Вторичная интерпретация знаний о мире как состояний: классификация, селекция, оценка.....	758
<i>Патиева М.М.</i> Концепт СЕМЬЯ в языковой картине мира ингушского писателя-билингва И. Базоркина.....	761
<i>Попова Д.А.</i> Особенности концептуально-ассоциативных составляющих образа национальной системы здравоохранения в британской и российской прессе... ..	765
<i>Приходченко П.И., Аксенова М.В.</i> Категориально-концептуальная сущность will и shall	768
<i>Рябуха О.В., Землякова К.В.</i> Лингвистические средства представления концепта COSINESS в журнале “Home & Decor”.....	772
<i>Рябых Е.Б., Кузьмина Е.А.</i> Креативность и индивидуально-авторская метафорическая концептуализация.....	776
<i>Салтанова П.А.</i> Категория интенсивности в англоязычном автобиографическом дискурсе.....	781
<i>Сидорова Е.Н.</i> О степени изученности концепта АНГЛИЙСКОСТЬ в современной лингвистике.....	785
<i>Соловьева Ю.О.</i> Особенности концептуализации и категоризации понятия «право» в текстах популярно-юридического дискурса.....	788
<i>Столяр Е.Д., Перельгина Т.А.</i> Аппроксимация в оценке.....	791
<i>Таскаева А.В., Питина С.А.</i> Деятель искусств в сознании будущих музыкантов (по данным ассоциативного эксперимента).....	795
<i>Чекулай И.В., Прохорова О.Н.</i> Композиционная семантика: новые аспекты развития теории	798
<i>Шефер Е.А.</i> Интегральная модель категории категоричности / некатегоричности в англоязычных источниках трудового права.....	802
<i>Шишкина С.А., Ушакова А.П.</i> Оценочный концепт ИНТЕРЕС в русском научном дискурсе.....	806
<i>Шутёмова Н.В.</i> Концептуализация национально-культурного как универсального в документации проекта «Всемирное наследие».....	809

VII. ПСИХОСЕМИОЛОГИЯ ЯЗЫКА И РЕЧИ

<i>Баландина И.Д.</i> Когнитивный потенциал топонимии (на материале топонимов Великобритании).....	814
<i>Березина О.А., Ильенкова Е.А.</i> Когнитивный подход в исследовании средств создания комического эффекта.....	818
<i>Блохина Е.Д.</i> Когнитивные основы компаративных номинаций в бесконфликтной коммуникации.....	821

<i>Бурдаева Т.В.</i> Принцип иерархичности в репрезентации синтаксического концепта каузальность (на материале немецкого научного текста).....	825
<i>Ван Тяньцзяо</i> Модели когнитивных метафор в русской фразеологии со значением любви.....	830
<i>Галкина А.Г.</i> Семантика неопределенно-личных предложений в русском пословичном дискурсе	833
<i>Жэнь С.</i> Объяснительная сила теории схемы изображения для механизмов семантической деривации (на примере глагола «бегать»).....	837
<i>Жэнь Ч.</i> Когнитивный подход к анализу антонимии.....	841
<i>Захарова А.Г., Голубкова Е.Е.</i> Действие механизма реконцептуализации в отпрецедентных именах (на примере дериватов от Robin Hood).....	845
<i>Канашина С.В.</i> Когнитивные основания реинтерпретации прецедентных феноменов в англоязычных интернет-мемах.....	848
<i>Ковригина А.И., Горячева И.Н.</i> Глаголы центробежного и центростремительного движения в испанской языковой картине мира.....	852
<i>Корытная М.Л., Михайлова С.Е.</i> Прецедентная номинация в названиях вооружения и военной техники России и США.....	855
<i>Логунова А.А.</i> Семантика предикатов depend on / rely on / count on.....	859
<i>Налдеева Л.Е.</i> Комплексные когнитивные модели формирования двухкомпонентных зоонимов.....	863
<i>Ненашева Ю.А.</i> Психосемиологическая основа художественного чтения (на материале аудиокниги).....	866
<i>Николаева Н.Н., Лежнева Е.Б.</i> Вербализация ментальных процессов автора академических работ: технические vs гуманитарные науки.....	870
<i>Остапенко И.А.</i> Метафоры в конструировании англоязычного юридического дискурса.....	874
<i>Пономаренко И.Н.</i> Симметрия и метафора как единая когнитивная модель.....	878
<i>Разумовская Ю.М.</i> Особенности осмысления прецедентных имен (на материале французского языка).....	881
<i>Степаненко С.Н., Федотова О.В.</i> Специфика языковой интерпретации количества (на примере лексических средств репрезентации концепта QUANTITY и фрейма TOUCH).....	885
<i>Топорова В.М., Корнева Е.В.</i> Концептуально-метафорический потенциал терминологических и номенклатурных номинаций.....	888
<i>Фан Сюйлун.</i> Анализ семантического расширения «близкий» на основе когнитивной лингвистики.....	892
<i>Федюнина И.Э., Богачёв Р.Е.</i> Фразеологическая репрезентация социальной и финансовой успешности в русском и английском языках.....	896
<i>Фокина М.С.</i> Актуализация семиотических свойств языка в англоязычных словесных играх.....	900
<i>Хрущева О.А.</i> Языковая перекодировка в текстах социальных сетей	904
<i>Чемодурова З.М.</i> Свободные семиотические ресурсы в структуре мультимодального художественного текста.....	907
<i>Чернышев А.Б.</i> Когнитивная модель «иметь–видеть» как языковая универсалия: морфологическая членимость глагола.....	910
<i>Четина М.М., Герасимова А.С.</i> Оказиональное словообразование в научно-техническом тексте (когнитивный аспект).....	914
<i>Шестакова Е.В., Исаева Л.Р., Передерий О.С.</i> Способы вербализации концепта мужество в военном дискурсе.....	918

**VIII. ИДЕИ И МЕТОДЫ КОГНИТИВНОЙ ЛИНГВИСТИКИ
В ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЯХ, РАЗРАБОТКАХ
ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫХ ИНФОРМАЦИОННЫХ СИСТЕМ
И В ЛИНГВОДИДАКТИКЕ**

<i>Бабина О.И.</i> Предметно-ориентированная параметризация оценки: кейс отзывов на услуги авиакомпаний.....	924
<i>Герцен С.М., Глазунова И.А., Шутова Е.Ю.</i> Искусственный интеллект в обучении иностранным языкам.....	928
<i>Глухова О.В.</i> Цифровые инструменты анализа концептуальной метафоры (на примере базы данных METANET).....	931
<i>Гусева И.Г., Плива Е.П.</i> Концепт цифровизация в образовательном дискурсе на материале зарубежных печатных изданий.....	935
<i>Дубровская О.Г., Зыкова И.В.</i> Искусственный интеллект сквозь призму лингвокогнитивной деятельности.....	938
<i>Егорова В.И.</i> Искусственный интеллект и язык.....	942
<i>Захарова-Дехамния В.В., Витязева М.Л.</i> Организация проектной работы при подготовке студентов-переводчиков.....	946
<i>Каганов А.Ш.</i> Концептуальная основа решения проблемы идентификации диктора.....	948
<i>Мальшева О.П., Рябченко Н.А.</i> Интеллектуальный анализ данных: опыт применения методов сетевой и когнитивной лингвистики.....	952
<i>Сорокина Ю.В., Рыкова О.В.</i> Когнитивный аспект онлайн-обучения.....	955
<i>Шереметьева С.О., Зиновьева А.Ю., Неручева Е.Д.</i> К вопросу о цифровизации когнитивных категорий лексики.....	959
<i>Ярославова Е.Н., Федотова М.Г.</i> Цифровое чтение: лингвистические и методические аспекты.....	962

IX. КОГНИТИВНЫЕ МЕХАНИЗМЫ ПЕРЕВОДА

<i>Абакумова О.Б., Загоруй А.А.</i> Переводные эквиваленты пословиц, репрезентирующих пословичный концепт время: концептуальная метафора и коды культуры.....	967
<i>Волкова А.Л., Бабина О.И.</i> Лингвокогнитивная реконструкция национально-культурной специфики при переводе.....	970
<i>Гао Цзяи.</i> Ранние этапы развития теории перевода в Китае.....	975
<i>Епимахова А.С.</i> Объективные и субъективные факторы, влияющие на выбор соответствий при переводе названий судов.....	978
<i>Зеркина Н.Н.</i> Преимущества когнитивного подхода в переводе культурно-исторически маркированной лексики.....	982
<i>Коканова Е.С., Пак Н.С.</i> Снятие грамматической омонимии как прием предредактирования текста медицинской инструкции для машинного перевода.....	986
<i>Краева С.С., Краснопеева Е.С.</i> Об интеграции социологических и когнитивных подходов при описании свойств цифрового перевода как процесса и практики.....	990
<i>Краснопеева Е.С.</i> Категория присутствия применительно к переводческому сопровождению удалённого инструктажа: о методах исследования.....	993
<i>Мазина И.О., Власенко Н.И.</i> Возможности использования CHAT GPT для перевода научной литературы.....	996

<i>Миньяр-Белоручева А.П.</i> Когнитивные механизмы профессионально ориентированного перевода.....	999
<i>Песина С.А., Комисарова Л.С.</i> Роль антропоморфной метафоры в когнитивистике и современной теории перевода.....	1003
<i>Ремхе И.Н.</i> В поиске современных характеристик когнитивного моделирования перевод.....	1007
<i>Седярова О.М., Соловьева Н.С.</i> Интерпретация как когнитивный механизм перевода мультимодальных текстов (на примере комиксов и интернет-мемов).....	1010
<i>Сулейманова О.А.</i> Биноминальные английские глагольные структуры и их перевод на русский язык.....	1014
<i>Устинова Т.В.</i> Метонимические трансформации в переводе с когнитивной точки зрения	1017
<i>Цзя Минсю.</i> О когнитивной модели «соответствие» в переводческом процессе с русского на китайский язык.....	1021
<i>Цихан Чжао.</i> Систематизация терминов как лексического способа репрезентации специальных знаний путем фреймового моделирования.....	1023

CONTENTS

FROM THE EDITOR	27
I. THEORETICAL AND METHODOLOGICAL ASPECTS OF COGNITIVE LINGUISTICS	
<i>Boldyrev N.N.</i> A way to conflict-free language communication.....	28
<i>Demyankov V.Z.</i> Implicitness and explicitness in communicative and cognitive maneuvering.....	32
<i>Babenko L.G.</i> Representation as a key concept of cognitive linguistics: dynamics of comprehension the term in modern scientific discourse (based on lexicographic data)	35
<i>Kraeva I.A.</i> Some features of objectification of the concept of <i>GRADUALITY</i> in modern English.....	40
<i>Zabotkina V.I.</i> Cognitive mechanisms of manipulation in media discourse.....	43
<i>Karasik V.I.</i> Discursive indicators of psychic accentuation.....	47
<i>Kovshova M.L.</i> Linguistic, cognitive and cultural analyses in combination, as applied to Russian proverbs and phraseological units with kinship terms.....	50
<i>Chudinov A.P.</i> Ural school of political metaphor studies as an approach of political linguistics.....	55
<i>Leontovich O.A.</i> Potential of linguocognitive interpretation of age	58
<i>Turbina O.A.</i> Linguo-cognitive reality: linguosemiotics and psychosemiology.....	63
<i>Vikulova L.G., Ryanskaya E.M.</i> Metatext in the representation of conceptual content of a philosophical dictionary.....	67
II. COGNITIVE LINGUISTICS AND HUMAN SCIENCE	
<i>Anishchenko A.V.</i> Verbalization of the emotional conceptsphere by German speakers with visual impairments.....	71
<i>Vishnyakova O.D., Lipgart A.A.</i> An anthropocentric approach to linguistic economy as linguocreative activity.....	74
<i>Istomina E.M.</i> New emotionality as a stage in the history of emotions.....	77
<i>Kincel A.V.</i> Neurological basis for the formation and development of human language ability.....	81
<i>Kovaleva O.N.</i> Pre-labor and labor stages of human socialization: formation of a personal value system in Alexey Varlamov's "Shanghai".....	84
<i>Los' A.L.</i> Tactile features of surface perception: representation in English and Russian...	88
<i>Mazurkina E.S.</i> Emotivity of gender-marked online diaries.....	92
<i>Malneva E.Y.</i> Cognitive styles: <i>pensée complexe</i> – the cognitive complexity of homo <i>sapiens</i>	95
<i>Petukhova T.I.</i> On the anthropocentricity of the literary concept NATURE.....	100
<i>Rostovtseva S.A.</i> Professional and personal qualities of a surgeon (according to the association experiment)	104
<i>Troshchenkova E.V., Bogatikova Yu.A.</i> Reflection of information plausibility in readers comments on the mock news verisimilitude.....	108
<i>Yakovenko Ye.B.</i> Symbols of inner man in old English worldview: specific of the verbalization	112
III. COGNITIVE LINGUISTICS AS A BRANCH OF THE SCIENCE OF LANGUAGE	
III.1 Cognitive and political linguistics	
<i>Adaschik D.N., Trius L.I.</i> Pragma-cognitive features of English political discourse during the COVID-19 pandemic	116

Dmitrieva S.S. Precedents as a trigger for conceptualization of political reality: Sleeping Beauty in political discourse.....	120
<i>Kalinin O.I.</i> Metaphor and information warfare.....	124
<i>Kosmodemianskaia V.I., Radyushkina A.A.</i> Peculiarities of non-cooperative interaction in the american political discourse.....	127
<i>Kusotskaya E.S.</i> Discrediting an opponent as an “them” in the context of the US democratic party presidential debates.....	131
<i>Li M.</i> Hydronymic metaphors in modern Chinese political discourse	135
<i>Muzalevskaya E.S.</i> Verbalization of WAR and PEACE concepts in the Soviet and American cold war newspaper discourse.....	139
<i>Priima T.I.</i> Mediation strategies in social crisis situations.....	142
<i>Printsipalova O.V.</i> Cognitive mechanisms of counter argumentation and their linguistic expression in German Bundestag communication.....	145
<i>Prikhodko M.</i> Target concepts of information and psychological impact: the US-China "Trade War"	148
<i>Solopova O.A., Li M.</i> Mechanisms and strategies of modeling the state image	152
<i>Streltsova V. V., Klinovskaya A.A.</i> Political correctness in public discourse of Germany..	156
<i>Taymour M.P.</i> Metaphoricity of Spanish political cartooning: articles from El PAÍS	159
<i>Ches N. A.</i> Metaphorical concepts as a cognitive basis for linguistic creativity in mediatized political discourse.....	163

III.2. Cognitive linguistics and linguistic discourse studies

<i>Abieva N.R.</i> Lingo-pragmatic features of EFL teachers’ online discourse: the stage of discovering new knowledge.....	167
<i>Balandina E.S.</i> Geographical essay as a special type of discourse.....	170
<i>Bernat O.S., Raevskaya M.V., Chernysheva M.A.</i> Symbolism of poetic discourse in “The Albatross” by Charles Baudelaire.....	174
<i>Bondarenko S.Y.</i> Discursive and linguistic characteristics of prognostic astrological texts in French women's magazines.....	177
<i>Borbotko L.A.</i> Theatre review: monologue striving towards dialogue.....	181
<i>Bukina Yu. V.</i> English motivational discourse in a cognitive-discursive perspective: TED Talks	185
<i>Burdina O.B.</i> Sociocognitive context of pharmacopeian terminology development.....	189
<i>Valieva A.V.</i> Cognitive metaphor in technical discourse.....	193
<i>Gerasimova S.A.</i> The genre potential of the preliminary prospect of D. Diderot and J.- L. D'Alembert's Encyclopaedia.....	196
<i>Dziuba E.V., Ryabova I.Y.</i> Multilevel hybridity of modern advertising texts.....	200
<i>Didenko V.D., Anishchenko A.V.</i> Oral recollection interview in the prototype theory.....	204
<i>Dimitrieva O.A.</i> Precedent text in culinary recipes as a format of cultural knowledge....	207
<i>Ereshchenko M.V.</i> Information in social network discourse: dissemination and interpretation	210
<i>Zinoveva A. Yu.</i> Conceptual structures of research articles and abstracts on integrative physiology.....	214
<i>Ilyinova E. Yu., Volkova O.S.</i> Linguistic profiling of metaphorical representations in cybersecurity discourse	217
<i>Kashcheyeva A.V.</i> Prerequisites to cognitive text studies.....	221
<i>Kurbanov I.A., Gulagaev I.N.</i> Comparative analysis of metaphorical models of the image of Turkey in media and artistic discourses in Russian and English.....	226
<i>Li JiaHeng.</i> Comparative analysis of Chinese-language and Russian-language sports advertising.....	229

<i>Mironova M.Y.</i> Cognitive-pragmatic functions of position markers in English scientific articles.....	233
<i>Mikhaleva E.I.</i> Gender differences in the structural and thematic organization of English stand-up jokes.....	237
<i>Nemkina N.I.</i> Multimodality of knowledge in fairy-tale discourse.....	241
<i>Oparina O.I.</i> The concept of academic text attractiveness in the era of digital communication and clip thinking.....	244
<i>Plisov E.V., Belova E.E., Vorokhobov A.V.</i> Structure and features of modern German volunteer discourse.....	248
<i>Porgornaya A.A., Olomskaya N.N., Elmasyan A.V.</i> Cognitive aspects of modern English lexicographic discourse.....	252
<i>Ponomareva O.B., Ponomareva E.Yu.</i> Ekphrastic references in cognitive linguistics.....	255
<i>Privalova E.P.</i> Discourse strategies in German non-fiction for children.....	259
<i>Xiang Yanan.</i> How ready we are to take responsibility for our words: pragmatic markers-approximators in Russian oral discourse.....	262
<i>Finaeva T.V.</i> Interpretation as a cognitive instrument in oral L2 discourse comprehension.....	266
<i>Khabirova E.I.</i> Conceptual characteristics of the term "Academic Writing" in Russian pedagogical discourse.....	270
<i>Khomutova T.N., Shaban A.K.M.</i> Politeness in business discourse: an integral approach.....	273
<i>Tsvetaeva E.N., Pankratieva E.S.</i> Phraseological and artistic imagery in the works of Jacob Jordaens	277
<i>Zhang Zhenhao.</i> Precedent phenomena in the titles of A.P. Chekhov's works.....	281
<i>Shirokova E.N., Tetyukhin A.Y.</i> Cognitive approach to the study of speech extremism: content in online masculist communities.....	284
<i>Yaremenko V.I.</i> Technical texts from popular science news sites: cognitive analysis of structure and semantics.....	288

III.3. Cognitive linguistics and speech communication

<i>Beliaeva I.V., Beliaev A.A.</i> The role of cognitive mechanisms in the formation of interpretive meanings in conflict-free language communication: football phraseology.....	292
<i>Vorontsova Yu.A.</i> The discursive-pragmatic aspect of legal communication.....	295
<i>Glinskaya N.P.</i> Terminological competence in professional communication: factors and descriptors.....	299
<i>Golovanova E.I.</i> Military vocabulary and vocabulary of war in the modern media space.....	302
<i>Grigorieva V.S.</i> Knowledge types in speech interaction.....	305
<i>Dmitrienko E.V.</i> Cognitive aspect of Interlingual deviation.....	309
<i>Efimenko T.N.</i> Language and cognitive mechanisms of conflict organization in media... ..	313
<i>Zanina M.A.</i> Professional language communication and metaphoric terms.....	316
<i>Kochneva Y.E., Pastukhova O.D., Titova E.A.</i> Verbal means of influence on applicants used by the internet community "Enter CSU".....	320
<i>Moskvitina T.N., Balandina I.D.</i> Linguistic means of influence in crisis times in contemporary media discourse	323
<i>Robustova V.V.</i> Manipulative function of proper name	327
<i>Rogozina I.V., Buhner N.Yu.</i> Emotional amplitude as a result of social cognition in a conflict situation: a linguo-cognitive model.....	331
<i>Samarina A.G., Proskurnich O.D.</i> Cognitive mechanisms of forming conflict-free communication in medical discourse	335

<i>Silkina O.M., Gudkova D.S.</i> Smileys, emoticons and emojis in teacher-student internet correspondence.....	339
<i>Finogeeva A.A.</i> Patriotic education of university students via social media.....	342
<i>Zehong Zhao.</i> Linguistic study of (im)politeness.....	346

III.4. Cognitive linguistics and cultural linguistics

<i>Damman E.A.</i> Language metaphor: the significance of norm and assessment in culture.....	350
<i>Ignashina Z.N., Popova E.A.</i> Meaning of the colour white in English phraseology: the “White Knight” idiom modification.....	354
<i>Izmailyan D.B.</i> Cultural linguistics of media language	358
<i>Kantysheva N.G., Shuklin A.A.</i> Ethnic language consciousness in rap poetry of Russian germans	361
<i>Kozhukhova I.V.</i> Language shaming: description and implementation.....	365
<i>Manerko L.A.</i> Universal / variable in morality understanding in languages and cultures	368
<i>Oprishch N.S.</i> Linguocultural peculiarities in the multimodal text of English outdoor advertising.....	372
<i>Prokonina N.I.</i> Symbolism of color in terminological phraseology in modern business English and Russian languages.....	375
<i>Tolstykh O.A.</i> Linguocultural scripts of communicative behavior in English academic discourse.....	379
<i>Hackett-Jones A.V.</i> Cultural blindness as a cognitive barrier in a multilingual classroom	383
<i>Zhang Licheng.</i> Images of the evil person in the Russian paremiological picture of the world (from the perspective of the Chinese language).....	386
<i>Zhou Qing.</i> Kinship terms in Chinese teacher-student communication as a reflection of culture and cognition.....	388

IV. LANGUAGE AS A MEANS OF UNDERSTANDING THE WORLD AND AS A SYSTEM OF KNOWLEDGE REPRESENTATION

<i>Bekisheva E.V., Rylkina O.M.</i> Representation of scientific knowledge in medical terminology.....	392
<i>Belova L.A., Chelpanova E.V.</i> Linguistic representation of the German-speaking world view in the fairy tales of the Grimm brothers.....	396
<i>Bespalova E.V.</i> Integration of taxonomic and operational approaches to knowledge about landscape representation: texts from the German press.....	399
<i>Bugakov A.N.</i> Means of representation of space localization of objects in German.....	403
<i>Vereschagina A.V.</i> The concept of FATE in ancient Greek	407
<i>Vorontsova T.A., Khakimova E.M.</i> Representation of linguistic knowledge in popular science media discourse.....	411
<i>Donina O.V.</i> Psycholinguistic markers for comparing female and male texts.....	414
<i>Drozdova T.V.</i> Verbal representation of typical uses of information technology in social life as evidence of the transformation of mental structures representing expert knowledge.....	418
<i>Zaripov R.I.</i> Information and linguo-cognitive foundations of socio-personal construction.....	422
<i>Kiriukhina N.V.</i> Gender-marked proverbs and anti-proverbs: field structure in the Russian and English languages	425
<i>Komkova N.I.</i> Representation of the concept of CHILD in the prose of Boris Shergin... ..	428
<i>Kochetova L.A., Gureeva A.A.</i> Representation of the concept ARTIFICIAL INTELLIGENCE in the mind of the Russian respondents	432

<i>Koshkarova N.N., Kozhukhova I.V.</i> The image of China in Russian mass-media.....	436
<i>Kushneruk S.L., Kurochkina M.A.</i> Discursive representation of labor migration on Russian telegram.....	439
<i>Leontieva A.V., Saveleva E.B., Kotova E.G.</i> Knowledge verbalisation and cognitive cooperation in academic texts.....	443
<i>Mineeva M.V.</i> Epistemic evaluation of culture-specific information by means of linguistic hypertext.....	446
<i>Mukhina I.K.</i> A way to represent knowledge about sensuality in a synonymous picture of the world	450
<i>Nedopekina E.M., Ha C.</i> The image of modern Russia in China: lexical material from Chinese media	454
<i>Popova T.I.</i> What we really <i>don't know</i> : discourse features of a stable multi-word unit (<i>nu</i>) (<i>ya</i>) <i>ne znayu</i>	457
<i>Sintsova M.V.</i> Cognitive approach in studying English medical terms of respiratory system diseases	461
<i>Sirotkina T.A.</i> Onomastic concepts in the artistic consciousness of poet Alexander Kerdan	464
<i>Wuren Gaowa.</i> The phenomenon of kenning in the perspective of conceptual integration theory	468
<i>Fedotova O.S.</i> Metadiscourse as a means of representing an author's knowledge about the world	472
<i>Furs L.A.</i> Interpretative representation of knowledge in syntax	476
<i>Fursova I.N.</i> Realization of the conceptual domain "nature" as a source of metaphorical modelling in individual worldview	479
<i>Khakimova E.M.</i> Representation of knowledge about language history in new media... ..	483
<i>Khvesko T.V., Basueva N.Yu., Orlova V.I.</i> Realization of the cognitive dominant in the early works by E. Hemingway	487
<i>Tsibernaya O.F.</i> Linguo-creativity as a tool for linguo-cultural knowledge transfer	490
<i>Tsibulya N.B.</i> Correlation of intonation and nonverbal characteristics in the exaggeration of mental-emotional meaning: English discourse	494
<i>Chudinov A.P., Segal H.A.</i> Linguistic modeling of the image of the police in the media space from late 2018 through early 2023	497
<i>Shershukova O.A.</i> The interaction of cognitive and linguistic structures in the expression of quantity relations of Portuguese names for liquid substances	500
<i>Eleston-Biron A.V.</i> Cognitive metaphor of light-shadow-darkness in artistic representations of professing love: the works of A.P. Chekhov	504

V. LEXICAL, GRAMMATICAL AND DESCRIPTIVE MEANS OF KNOWLEDGE REPRESENTATION

<i>Abdulganeeva I.I.</i> Actualization of the category of intensity in public discourse	508
<i>Abrosimova E.A., Madzhaeva S.I.</i> Metonymic models with the "World of nature" source domain in veterinary clinical medicine	512
<i>Babina L.V., Bezukladova I.Yu.</i> English parasynthetic adjectives: models of creation and conflictogenic potential.....	516
<i>Bagiyan A.Y.</i> Language variation in forming professional identity: socio-cognitive and pragmatic-axiological perspectives	519
<i>Bondarchuk G.G., Grachev G.V.</i> New features in the representation of the concept of FOOD in Middle English	523

<i>Buhner N.Yu.</i> Linguo-cognitive modeling of the image of the poor and the rich.....	527
<i>Wang Jiayue.</i> Comparative analysis of horse metaphors in Russian and Chinese proverbs and sayings	530
<i>Voronina T.M.</i> Length characteristics in the Russian language: characterized objects and lexical means of representation	534
<i>Voyakina E.Yu.</i> Polymodal metaphor in online discourse practices through the lens of conceptual integration theory	538
<i>Goryushina P.E., Petkau A.Yu.</i> The lexicographical aspect of the concept CAFÉ in Russian	542
<i>Golubeva N.A.</i> Procedural semantic analysis of the dyirbal language	546
<i>Grishaeva L.I.</i> Hybridization of text types and condensation of information flow in discourse	549
<i>Dronova N.P.</i> Lexical explication of space in the fastnachtspiel discourse	554
<i>Du Z.</i> Borrowed vocabulary in the compliments of Russian and Chinese youth (based on the results of the surveys)	557
<i>Dubotskaya-Rozhkova A.A., Kuptsov A.E.</i> Discursive specificity of neological units: communicative and pragmatic potential	561
<i>Zhdanova T.A.</i> Human metaphor in terminology. English polytechnic terminology.....	565
<i>Zakharova O.S.</i> Means of negative evaluation and their representation in anglophone analytical review of foreign exchange market	568
<i>Katermina V.V., Shershneva N.B.</i> Neologisms of English educational discourse: cognitive aspect	571
<i>Kondratyeva O.N.</i> Metaphorical interpretation of the ideologem “spiritual bonds” in the discourse of traditional and social media	575
<i>Korneva V.V.</i> Cognitive basis of toponym polyfunctionality in the Spanish media discourse	578
<i>Kuptsov A.E.</i> Discourse markers as a means of creating coherence of fictional discourse	581
<i>Ladygina S.Y.</i> Frame analysis of the Russian automotive engineering term system.....	585
<i>Medvedeva A.V.</i> Cognitive aspects of polysemy on the English lexico-semantic group "animals"	588
<i>Natkho O.I., Mosesova M.E.</i> Paroemias as a tool of professional knowledge transfer in popular science business discourse	592
<i>Nefedova L.A., Tsibernaya O.F.</i> Transposition as a means of linguo-creativity in Chinese	596
<i>Parulina I.I.</i> Enactment of inclusive language strategies in Spanish-speaking countries	599
<i>Panasenko L.A.</i> Interpretive potential of lexis as a cognitive basis of secondary structures in discourse	602
<i>Pesina S.A.</i> Cognitive functions of slang as a marker of the generational language gap..	606
<i>Peredrienko T.Yu.</i> The figure of an observer: linguo-cognitive aspect.....	610
<i>Petrosyan M.S.</i> The cognitive-pragmatic aspect of English neologisms denoting phobias in medical discourse	614
<i>Pivovarova L.N., Popova A.N.</i> Analysis of the use of literary allusions in the names of popular scientific newspapers and magazines.....	617
<i>Popova N.S.</i> Artistic interpretation of time as a verbal method of knowing the world	621
<i>Pochitalkina N.E., Kalugina E.V., Kusarbaev R.I.</i> Phraseological sign-emotive in the phraseological cluster of modern Russian	624
<i>Pugachevskaya I.A.</i> Cognitive aspect of antonymic relationships in the terminology of international law	627

<i>Rozhkova T.V., Aleksandrova E.V.</i> Verbs representing the concept PAIN.....	631
<i>Sadova T.S., Chekina A.A.</i> Pair folklore formulas.....	635
<i>Saduov R.T.</i> Dynamic linguistic landscapes as a tool to construct cognitive maps	637
<i>Sergienko P.I.</i> The interpretive potential of metaphor in PR discourse.....	641
<i>Seredina E.V., Kislisyna E.V.</i> Language means of expression magic realism in Last Moor's Sigh by Salman Rushdie	645
<i>Seagal K.Ya.</i> Punctuation innovations through the prism of a cognitive-pragmatic approach	648
<i>Sivova T.V.</i> The colour of quinoa in representation of floral space Russian colour conceptosphere segment	652
<i>Sokolova V.L.</i> The phenomenon of delayed discursive programming in English fictional discourse.....	656
<i>Tolmacheva I.N., Yakimova O.A.</i> The role of functional words within the formation of conflict-free meanings in public discourse	660
<i>Tultseva A.E.</i> Prospects of the cognitive approach to the study of the attributive valence of verbs of human movement in Russian and German	663
<i>Ukhanova M.A.</i> Constructional approach to comedic effect in English jokes.....	666
<i>Tsinkerman T.N., Sorokoletova N.Yu.</i> Lingvo-cognitive markers of authoritarian style in English educative discourse	669
<i>Shelepova N.V.</i> English mythologems in modern scientific discourse.....	672
<i>Shestopalova A.M.</i> Comparative analysis of Russian and English quasi-subject constructions.....	676
<i>Shilova N.V.</i> Negative evaluative semantics of discursive markers in the French-language fictional discourse	680
<i>Shmelyova E.S.</i> SPRECHEN SIE MAASTRICHT: linguacreative changes in linguistic code (based on the material of 1990–1999 English-language quality press)	683
<i>Yuzdova L.P., Avdina A.I., Chepurenko A.A.</i> Cognitive consonance and dissonance in D. Diachenko's film "Cheburashka"	687
<i>Yang T.</i> Lexical and grammatical characteristics of the component korona- in compound words.....	691

VI. LINGUISTIC COGNITIVE PROCESSES: CONCEPTUALIZATION, CATEGORIZATION

<i>Borisenko T.V.</i> Principle of ad hoc category element organization	694
<i>Bocharnikova E.A.</i> The interdiscursive aspect of the concept of TERRORISM.....	697
<i>Volodina O.V.</i> Cognitive and frame modeling of the female language personality concept sphere in media discourse	701
<i>Glazyrina E.S., Salatova L.M.</i> "aircraft is a human-being" in the formation of aviation term system: cognitive model	704
<i>Guseva O.A.</i> Development of the CRY concept in the English language: etymological analysis	707
<i>Danilenko I.A.</i> Dual literary subconcept WOMAN-NURSE within the nominative field of the dominant concept WAR: Thomas Keneally's The Daughters of Mars.....	711
<i>Dubrovskaja E.M.</i> Categorisation of the image of the folk in Russian paremiology: paroemias about the Cossacks	714
<i>Dudorova M.V.</i> Conceptualization of the state of sleeping in Russian	718
<i>Zotova A.A.</i> Linguistic representation of the concept WOMAN in modern versions of classic English fairy tales	722
<i>Ivanov E.E., Gishkaeva L.I.</i> Category of proverbial semantics: gregueric proverbs.....	724

<i>Ivanova O.A.</i> Categorization of knowledge about "our" (eigene) through the prism of neologisms in modern German media discourse	728
<i>Kleimenova V.U.</i> Modelling structure of the CANCEL CULTURE concept	732
<i>Kozlova E.A., Makhovikova D.V.</i> Metonymic models of event conceptualization in contemporary English	735
<i>Kostrova O. A., Zakharov V.S.</i> Conceptualisation of negative assessment oriented on moving down in German lingvoculture	739
<i>Kutimskaja A.Ju.</i> Taxonomic modeling of the basic concept of EINLAGEN in German banking terminology	743
<i>Laenko L.V., Piglovskaya V.V.</i> Conceptualization of low landscape objects in the English language	747
<i>Mamonova N.V.</i> Diachronic discursive portrayal of the BUSINESSMAN in Russian media	750
<i>Olizko N.S.</i> Patriotism, university, media space: points of contact and interaction.....	754
<i>Pavlova A.V.</i> Secondary interpretation of knowledge on the world: classification, selection, evaluation	758
<i>Patieva M.M.</i> The concept FAMILY in the linguistic picture of the world of the Ingush bilingual writer I. Bazorkin	761
<i>Popova D.A.</i> Peculiarities of the conceptual and associative components of the image of the national healthcare service image in British and Russian press.....	765
<i>Prihodchenko P.I., Aksenova M.V.</i> Categorical and conceptual essence of will and shall	768
<i>Ryabukha O.V., Zemlyakova K.V.</i> Linguistic representation of "COSINESS" in "Home & Decor" magazine	772
<i>Ryabykh E.B., Kuzmina E.A.</i> Creativity and individual author's metaphorical conceptualization	776
<i>Saltanova P. A.</i> Intensity in English autobiographical discourse	781
<i>Sidorova E.N.</i> The concept of ENGLISHNESS: the degree of scrutiny in modern linguistics	785
<i>Solovyeva Yu.O.</i> Conceptualization and categorization of the term "law" in the texts of popular legal discourse	788
<i>Stolyar E.D., Pereylygina T.A.</i> Approximation in evaluate categorization	791
<i>Taskaeva A.V., Pitina S.A.</i> The man of art in the consciousness of future musicians (according to an associative experiment)	795
<i>Chekulai I.V., Prokhorova O.N.</i> Compositional semantics: new aspects of the theory enrichment	798
<i>Shefer E.A.</i> Integral model of categoricity / non- categoricity in Canadian labour law...	802
<i>Shishkina S.A., Ushakova A.P.</i> Evaluative concept INTEREST in Russian scientific discourse	806
<i>Shutemova N.V.</i> Conceptualizing the national as the universal in statements on world heritage sites	809

VII. PSYCHOSEMIOLIGY OF LANGUAGE AND SPEECH

<i>Balandina I.D.</i> Cognitive capacity of toponymy: the toponyms of Great Britain.....	814
<i>Berezina O.A., Ilyenkova E.A.</i> Cognitive approach to studying the means of expressing comic effect.....	818
<i>Blokhina E.D.</i> Cognitive foundations of comparative nominations in conflict-free communication	821
<i>Burdaeva T.V.</i> The principle of hierarchy in the representation of the syntactic concept of causality in German academic texts	825

<i>Wang Tianjiao</i> . Models of cognitive metaphors in Russian idioms referring to love.....	830
<i>Galkina A.G.</i> Russian proverbs: semantics of indefinite-personal sentences	833
<i>Ren Xinzhu</i> . Explanatory power of the image schema theory for the mechanisms of semantic expansion	837
<i>Ren Ch.</i> Cognitive approach of antonymy analysis	841
<i>Zakharova A.G., Golubkova E.E.</i> Reconceptualization in derivatives from precedent names: Robin Hood cluster	845
<i>Kanashina S.V.</i> Cognitive basis of reinterpreting precedent phenomena in English internet memes	848
<i>Kovrigina A.I., Goryacheva I.N.</i> Centrifugal and centripetal motion verbs in the Spanish language worldview	852
<i>Korytnaya M.L., Mikhailova S.E.</i> Precedent designation in weaponry and military equipment of Russia and the USA	855
<i>Logunova A. A.</i> Semantics of predicates depend on / rely on / count on.....	859
<i>Naldeeva L.E.</i> Complex cognitive models of two-component zoonym formation	863
<i>Nenasheva Iu.A.</i> Psychosemiological foundations of audiobook voice acting	866
<i>Nikolaeva N.N., Lezhneva E.B.</i> Verbalization of author’s mental processes in academic texts: engineering sciences vs arts and humanities	870
<i>Ostapenko I.A.</i> Metaphors in English legal discourse construction	874
<i>Ponomarenko I.N.</i> Symmetry and metaphor as a single cognitive model	878
<i>Razumovskaya Yu.M.</i> Conceptualization of precedent names in French.....	881
<i>Stepanenko S.N., Fedotova O.V.</i> Quantity language interpretation: the lexical means of representing the concept of QUANTITY and the frame TOUCH	885
<i>Toporova V.M., Korneva E.V.</i> Conceptual and metaphorical potential of terminological and nomenclatural nominations	888
<i>Fang Xulong</i> . Analysis of the semantic extension of “blizkiy” based on cognitive linguistics.....	892
<i>Fedyunina I.E., Bogachev R.E.</i> Russian and English idioms representing social and financial success	896
<i>Fokina M.S.</i> Actualization of semiotic properties of language in English word games... ..	900
<i>Hrushcheva O.A.</i> Code switching in social media	904
<i>Chemodurova Z.M.</i> Free semiotic resources within the multimodal literary text structure	907
<i>Chernyshev A.B.</i> Cognitive model “have–see” as a linguistic universal: morphological segmentation of a verb	910
<i>Chetina M.M., Gerasimova A.S.</i> The cognitive aspect of nonce word formation in scientific-technical text	914
<i>Shestakhova E.V., Isaeva L.R., Perederiy O.S.</i> Ways to verbalize the concept COURAGE in military discourse.....	918

VIII. IDEAS AND METHODS OF COGNITIVE LINGUISTICS IN DIGITAL TECHNOLOGIES AND INTELLIGENT INFORMATION SYSTEM DEVELOPMENT IN LANGUAGE PEDAGOGY

<i>Babina O.I.</i> Domain-driven parametrization of evaluation: a case of airline reviews.....	924
<i>Gertsen S.M., Glazunova I.A., Shutova E. Yu.</i> Artificial intelligence in teaching foreign languages.....	928
<i>Glukhova O.V.</i> Digital instruments of cognitive metaphor analyses.....	931
<i>Guseva I.G., Pliva E.P.</i> The concept of digitalization in foreign educational discourse... ..	935
<i>Dubrovskaya O.G., Zykhova I.V.</i> Linguocognitive activity of artificial intelligence	938
<i>Egorova V.I.</i> Artificial intelligence and language	942

<i>Zakharova-Dehamnia V.V., Vityazeva M.L.</i> Project-based education for students-translators	946
<i>Kaganov A.Sh.</i> Conceptual basis for solving the problem of speaker identification.....	948
<i>Malysheva O.P., Ryabchenko N.A.</i> Network and cognitive linguistics methods for data mining	952
<i>Sorokina J.V., Rykova O.V.</i> Cognitive aspect of online learning.....	955
<i>Sheremetyeva S.O., Zinoveva A.Iu., Nerucheva E.D.</i> Digitalization of lexis cognitive categories	959
<i>Yaroslavova E.N., Fedotova M.G.</i> Digital reading: linguistic and methodological aspects	962

IX. COGNITIVE TRANSLATION MECHANISMS

<i>Abakumova O.B., Zagoruy A.A.</i> Translational equivalents of proverbs representing the proverbial concept of TIME: conceptual metaphors and codes of culture.....	967
<i>Volkova A.L., Babina O.I.</i> Linguocognitive reconstruction of national identity in translation	970
<i>Gao Jiayi.</i> Early stages in the development of translation theory in China	975
<i>Epimakhova A.S.</i> Objective and subjective factors in rendering foreign ship names into Russian.....	978
<i>Zerkina N.N.</i> Advantages of the cognitive approach in translating cultural and historical marked lexis.....	982
<i>E.S. Kokanova, Pak N.S.</i> Grammatical homonymy resolution as a pre-editing technique for machine translation of medical instructions	986
<i>Kraeva S.S., Krasnopeyeva E.S.</i> On the integration of sociological and cognitive approaches in digital translation as a process and practice	990
<i>Krasnopeyeva E.S.</i> Methods of presence assessment in interpreter-mediated remote guidance on a physical task	993
<i>Mazina I.O., Vlasenko N.I.</i> Using CHAT GPT to translate academic texts	996
<i>Minyar-Belouchcheva A.P.</i> Cognitive mechanisms of professionally oriented translation	999
<i>Pesina S.A., Komisarova L.S.</i> The role of anthropomorphic metaphor in cognitivism and modern translation theory.....	1003
<i>Remkhe I.N.</i> Searching for modern characteristics of the cognitive translation model....	1007
<i>Sedliarova O.M., Soloveva N.S.</i> Interpretation as cognitive mechanism of multimodal text translation: comics and internet-memes translation	1010
<i>Suleimanova O.A.</i> Translating binominal English verbal constructions into Russian.....	1014
<i>Ustinova T.V.</i> Metonymic transformations in translation: a cognitive semantics perspective	1017
<i>Jia Mingxiu.</i> The cognitive model of “correspondence” in the translation process from Russian to Chinese.....	1021
<i>Zhao Qihang</i> Systematization of terms as a lexical way of representing special knowledge by frame modeling	1023

ОТ РЕДАКТОРА

Очередной выпуск серии «Когнитивные исследования языка» содержит материалы докладов, представленных на международной конференции «Когнитивная лингвистика в контексте современной науки». Конференция была организована Российской ассоциацией лингвистов-когнитологов совместно с Институтом языкознания РАН, Тамбовским государственным университетом им. Г.Р. Державина, Южно-Уральским государственным университетом и прошла в Челябинске 19-21 сентября на площадке Южно-Уральского государственного университета.

Главной темой конференции стала связь когнитивной лингвистики и её всё возрастающая роль в ряду фундаментальных наук: философии, культурологии, истории, психологии, нейрофизиологии, а также развивающиеся отношения лингвистической когнитологии с новыми направлениями, объединенными задачей создания искусственного интеллекта и автоматической обработки информации. Общее представление о проблематике конференции дают основные разделы выпуска, посвященные конкретным вопросам взаимосвязи когнитивной лингвистики с названными науками и научными направлениями, а также с теориями познания и речевой коммуникации, дискурсологией, частным проблемам репрезентации знаний на разных языковых уровнях в контексте познавательных процессов концептуализации и категоризации, когнитивным механизмам, культурологическим и дидактическим аспектам перевода, использованию идей и методов когнитивной лингвистики в цифровых технологиях и лингводидактике.

Конференция стала знаковым научным событием в лингвистике. В ней на пленарных и секционных заседаниях на русском и английском языках выступили более двухсот семидесяти специалистов в области когнитивной лингвистики, каждый третий из которых – доктор филологических наук, в том числе ведущие ученые из Института языкознания РАН и центральных вузов России. География участников была представлена всеми регионами Российской Федерации: от Владивостока до Калининграда и от Архангельска до Симферополя. В числе зарубежных коллег – лингвисты-когнитологи из Китая, Ирака, Боснии и Герцеговины, Белоруссии.

Организационный и программный комитеты конференции, редакционная коллегия сборника материалов выражают благодарность Российской ассоциации лингвистов-когнитологов, Институту языкознания РАН, Тамбовскому государственному университету им. Г.Р. Державина и Южно-Уральскому государственному университету за оказанную организационную и финансовую поддержку в проведении конференции и публикации ее материалов в научной серии «Когнитивные исследования языка».

О.А. Турбина

І. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ КОГНИТОЛОГИИ

Н.Н. Болдырев (Тамбов, Россия,)

*Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина
boldyrev@tsutmb.ru*

ПУТЬ К БЕСКОНФЛИКТНОЙ ЯЗЫКОВОЙ КОММУНИКАЦИИ¹

Бесконфликтная языковая коммуникация трактуется автором как общение в норме, которое исключает речевой конфликт, т.е. конфликт интерпретаций мира и знаний о мире участниками коммуникации. Путь к бесконфликтному языковому общению видится автору в нивелировании разногласий, ориентации на эффективное концептуальное взаимодействие и нормативное использование языка, нормативную языковую репрезентацию опыта познания мира.

Ключевые слова: бесконфликтная языковая коммуникация, нормативное общение, концептуальное взаимодействие

Языковая коммуникация занимает центральное место не только в современных социальных процессах и явлениях, но и в любой сфере деятельности человека: материально-технической, производственной, экономической, правовой, политической, здравоохранительной, образовательной, культурно-просветительской. При этом роль любой языковой коммуникации во многом определяется ее эффективностью на концептуальном и языковом уровнях, что, в свою очередь, непосредственно зависит от ее бесконфликтности. **Бесконфликтность языковой коммуникации** в данном случае **понимается как отсутствие противоречий в интерпретации мира и его оценке** со стороны отправителя и получателя информации. Последнее в значительной степени связано с осмысленностью как самого содержания общения, так и способов его репрезентации в языке.

С этой точки зрения **бесконфликтная языковая коммуникация предполагает:** 1) нормативное владение коллективным знанием о мире и общепринятой системой ценностей; 2) согласованность индивидуальных интерпретаций, в том числе, оценочных, этих знаний и ценностей со стороны отправителя и получателя информации. Нарушение этих двух основных требований неизбежно ведет к конфликту знаний, мнений, оценок и, как следствие, к речевому конфликту между участниками коммуникации.

Необходимо специально подчеркнуть, что в данном случае **речевой конфликт** может пониматься в узком и широком смысле. **В узком смысле** это – проявление конкретных политических, экономических, социально-психологических, научных и других разногласий в языковой форме. **В широком смысле** речевой конфликт предполагает несовпадение интерпретаций и оценок самих событий и объектов мира, их характеристик, а также знаний о мире у участников любой

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-18-00067), <https://rscf.ru/project/22-18-00067/>

формы языковой коммуникации, у говорящего и слушающего в любом речевом общении. **Цель** данной статьи – поиск путей прогнозирования и преодоления этих противоречий в любом формате языковой коммуникации.

Сказанное выше дает основание предположить, что очевидный путь к достижению бесконфликтного языкового общения лежит через нивелирование разногласий, ориентацию участников коммуникации на эффективное концептуальное взаимодействие и нормативное использование языка. Напротив, общение, нарушающее, в том числе непреднамеренно, нормы в том или ином виде: норму концептуального или языкового взаимодействия, неизбежно влечет за собой конфликтную языковую ситуацию – речевой конфликт.

Норма концептуального взаимодействия подразумевает взаимный учет участниками коммуникации структурно-содержательной специфики знаний, культурного уровня, социального и других статусов друг друга. Норма языкового взаимодействия – знание общепринятых, разделяемых всем языковым сообществом, правил языкового общения. Нормонарушающий характер общения всегда связан с риском провоцирования конфликтной языковой коммуникации, т.е. конфликта знаний, мнений, интерпретаций и вызванных ими коммуникативных неудач. Следовательно, можно заключить, что в основе бесконфликтной языковой коммуникации лежит взаимная ориентация ее участников на коллективную концептуально-языковую норму организации общения.

Нормативность концептуальной организации и языкового оформления общения при бесконфликтной языковой коммуникации не ограничивается ориентацией на коллективный опыт взаимодействия с миром, общепринятую систему знаний о нем. Она также определяется владением коллективным языковым опытом схематизации (см. подробнее о схемах языковой интерпретации в: [Болдырев 2016; 2021]) и передачи всех этих знаний в виде: 1) нормативного лексико-грамматического, стилистического, просодического и графического оформления процессов общения, 2) нормативного использования форм актуального членения как отдельного высказывания, так и дискурса в целом, 3) адекватных когнитивных и языковых механизмов формирования смысла при построении высказывания и при его осмыслении, 4) прямой соотнесенности используемых определений и формулировок с коллективным знанием и системой ценностей, 5) прозрачной деривационной связи между первичными и вторичными концептуальными и языковыми структурами, в том числе обоснованность индивидуальных интерпретаций базовых знаний и оценок участниками коммуникации.

Нормативное владение коллективным языковым опытом как фактор бесконфликтной коммуникации, с другой стороны, также исключает: 1) использование ненормативной лексики, 2) грубые орфоэпические и орфографические ошибки, 3) использование языковых единиц, допускающих двусмысленность или неопределенность в их понимании: абстрактных формулировок, профессионализмов, сокращений, немотивированных неологизмов и заимствований из других языков, 4) рассогласованность реплик говорящего и слушающего в результате выделения разных когнитивных доминант и фокусирования на разных элементах высказывания и его смысла (**фокусный диссонанс**), 5) намеренное манипулирование смыслами за счет разной интерпретации многозначных языко-

вых единиц или их двойного осмысления в результате привлечения других когнитивных и языковых контекстов, использования двойных стандартов оценки.

Использование определенных схем языковой интерпретации того или иного содержания, таким образом, становится одним из важнейших факторов, влияющих на конфликтность или бесконфликтность языковой коммуникации в обеспечении ее эффективности или неэффективности соответственно. Говоря о схемах языковой интерпретации, необходимо иметь в виду два ее **основных типа**: **первичная** (интерпретация мира во всем его многообразии – многообразии объектов, событий и их характеристик) и **вторичная языковая интерпретация** (интерпретация в языке имеющихся знаний о мире), см. подробнее: [Болдырев 2014; 2017]. Потенциальная конфликтность языкового общения преимущественно связана со вторым типом – различной трактовкой и оценкой существующих знаний о мире (и о языковых нормах) в сознании отправителя или получателя информации, что и приводит к конфликту интерпретаций, влекущему за собой речевой конфликт в той или иной форме.

Учет всех перечисленных факторов в стремлении к бесконфликтной языковой коммуникации предполагает также использование специальных средств нейтрализации потенциально конфликтных интерпретаций, мнений, оценок в процессе устного или письменного общения, и это само по себе является важнейшим условием его эффективности. В связи с ограниченным объемом статьи приведем лишь несколько примеров, иллюстрирующих влияние вышеназванных факторов на эффективность или неэффективность языковой коммуникации, обусловленные соответственно ее бесконфликтным или конфликтным характером.

В качестве примера нарушения одновременно нескольких факторов бесконфликтной коммуникации рассмотрим публикацию (приведена в сокращенном виде) на одном из новостных интернет-сайтов Белгорода, предназначенном для широкой аудитории (сохранена авторская орфография):

Белгородец приговором суда признан виновным в даче взятки ... Зарегистрированный в налоговом органе в качестве индивидуального предпринимателя, [он] осуществил в одном из магазинов реализацию мужской контрафактной одежды ... С целью проверки указанного сообщения оперативным дежурным направлены сотрудники ..., которыми на месте в указанной торговой точке проводились процессуальные действия. В это время на место прибыл начальник отделения ... с целью проверки служебной деятельности подчиненных сотрудников. Подсудимый решил обратиться к вышестоящему сотруднику полиции с предложением о решении вопроса о непроведении в отношении него проверки ... и не привлечении его ни к административной ответственности ... ни к уголовной ответственности ... Он инициативно сел в служебный автомобиль полицейского, достал имеющиеся при нем денежные средства ... и полужил в машине. Сотрудник полиции от незаконного денежного вознаграждения отказался.

Использование канцелярского стиля (*осуществил реализацию, служебная деятельность*), профессионального жаргона (*процессуальные действия*), лексики неконкретной семантики (*вышестоящий сотрудник, решение вопроса*), сомнительного с точки зрения грамматики эвфемизма (*инициативно сел*) в изложении событий на общедоступном сайте придает тексту данного сообщения, ад-

ресованному широкой, непрофессиональной, аудитории, конфликтный (комичный) характер за счет конфликтного с позиции норм литературного стиля использования средств языковой интерпретации происшествия.

Приведем еще один пример, в котором нарушаются нормы концептуального и языкового взаимодействия с аудиторией. Помимо смысловой путаницы в глаголах *одеть* ('кого-либо') – *надеть* ('на себя'), в данном примере использовано англоязычное заимствование *look* ('смотреть, посмотреть, выглядеть, вид, взгляд, внешность'), многозначность которого приводит к конфликтному восприятию всего высказывания: *Это [ювелирное украшение] можно одеть только на хороший лук* (Телеканал «Ювелирочка», март 2023 г.).

Попытку спрогнозировать и нейтрализовать потенциально конфликтную ситуацию при восприятии текста сообщения иллюстрирует следующее объявление (также сохранены авторская графика, орфография и пунктуация):

УВАЖАЕМЫЕ СОТРУДНИКИ! 28 АПРЕЛЯ СОСТОИТСЯ СУББОТНИК. На лабутенах и в восхитительных штанах – не приходите! Явка всех изъявивших желание – обязательна!!!!!!!!!! Все не изъявившие желание обязаны сообщить о своем нежелании и им ничего не будет. ЧЕГО ИМ НЕ БУДЕТ, ПРЕДСЕДАТЕЛЬ РЕШИТ ПОЗЖЕ.))

Использование круглых скобок, заменяющих смайлики, цитата из известной песни, игра слов и смыслов (*желание – нежелание, ничего не будет – чего им не будет, не изъявившие желание обязаны*), нарочитая несерьезность стиля в сочетании с императивными предложениями призваны, с одной стороны, снять напряженность, нейтрализовать отрицательную реакцию, обычно прогнозируемую при восприятии подобных объявлений, и при этом донести важность и обязательность (при возможном нежелании) участия в планируемом мероприятии – с другой.

В качестве обобщения еще раз подчеркнем, что бесконфликтность языковой коммуникации обеспечивает ее эффективность в плане успешного концептуального и языкового взаимодействия ее участников. Путь к бесконфликтному общению лежит через ориентацию на нормы концептуальной организации и языкового оформления высказывания и учет культурно-образовательного уровня и социального статуса собеседника.

Литература

Болдырев Н.Н. Интерпретация мира и знаний о мире в языке // Когнитивные исследования языка. 2014. Вып. XIX. С. 20-28.

Болдырев Н.Н. Когнитивные схемы языковой интерпретации // Вопросы когнитивной лингвистики. 2016. № 4. С. 10-20.

Болдырев Н.Н. Язык как интерпретирующий фактор познания // Интерпретация мира в языке. Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2017. С. 19-81.

Болдырев Н.Н. Грамматические схемы вторичной интерпретации мира // Вопросы когнитивной лингвистики. 2021. № 4. С. 22-34.

*N.N. Boldyrev (Tambov, Russia)
Derzhavin Tambov State University*

A WAY TO CONFLICT-FREE LANGUAGE COMMUNICATION

The article interprets conflict-free language communication as speech interaction that follows a collective norm and excludes speech conflicts, i.e. conflicts in the interpretation of

the world and knowledge about the world by communication participants. The author sees the way to achieve conflict-free language communication in leveling disagreements, focusing on effective conceptual interaction and normative use of language, adequate linguistic representation of the knowledge of the world.

Key words: conflict-free language communication, normative communication, conceptual interaction.

В.З. Демьянков (Москва, Россия)
Институт языкознания РАН
vdemiank@mail.ru

ИМПЛИЦИРОВАНИЕ И ДЕЗИМПЛИЦИРОВАНИЕ В КОММУНИКАТИВНО-КОГНИТИВНОМ МАНЕВРИРОВАНИИ¹

Коммуникативно-когнитивное маневрирование состоит в использовании не прямой передачи мнения, опирающегося на различные нарративные и дискурсивные перспективы. Реконструкция таких не прямых стратегий и тактик подачи мнений позволяет предсказать «вычисляемый» коммуникативный эффект межличностной и массовой коммуникации.

Ключевые слова: когнитивные науки, коммуникативно-когнитивное маневрирование, эпистемический дефолт, мнение, имплицирование vs. креативное развенчание.

1. Имплицитность экспертная и авторская

Не только в обыденной жизни, но и в научном тексте не лишней бывает и экспертная, и авторская любовь к имплицитности, приводящая к неупоминанию и/или вычеркиванию второстепенного, если оно замедляет мысль. Тогда то оставшееся в тексте, что заключено в сказанном, подгоняет слушателей к нужным выводам. Поскольку не все говорится буквально, складывается впечатление, что слушатель и/или читатель получает возможность воссиять в качестве умелого интерпретатора, увидеть скрытое своими глазами, а не в авторитетно разжеванном виде. Сам текст при этом ставит задачу установить, что не сказано явно, но содержится в речи, «самовольно в нее влезло с ногами», «вырвалось» без спросу. Опираясь на «речевую самоволку», аналитик выясняет на свой страх и риск, в меру своих собственных возможностей и потребностей, что у автора на душе, что он хотел скрыть сознательно, а что – подсознательно. На этом основана трудоемкая практика въедливого инквизитора, способного любовно вытянуть из клиента все скрытые жилы.

Исследование взаимодействия когниции и коммуникации, учитывающее и сказанное, и несказанное, и недосказанное и даже избыточное («пересказанное»), опирается, среди прочего, на положения, давно уже пронизательно сформулированные в классической работе [Ducrot 1972]:

¹ Исследование в разделе 1 выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 19-18-00429) в Институте языкознания РАН. Исследование в разделе 2 выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 19-18-00040) в Институте языкознания РАН.

1. Рассматривать коммуникацию как основную лингвистическую функцию – значит признавать, что речь по своему призванию («по своей естественной нужде») адресована другим, формой и содержанием ориентирована на них, обеспечивая соприкосновение взглядов у контактирующих людей.

2. Есть как минимум две разновидности имплицитности – того, что коммуниканты имеют в виду, не всегда называя, «озвучивая»:

- **Имплицитность высказывания**: обыденный способ намекнуть на реальное или желаемое положение дел, когда вместо одних фактов предъявляют другие в качестве необходимой причины или следствия первых. Мы говорим, что в комнате холодно, чтобы коммунальщик включил отопление; мы говорим о том, что видели на улице, чтобы дать понять, что свет погас в квартире не по нашей вине.

- **Подразумеваемое** (*sous-entendu*), которое «следует искать не в самом высказывании, как продолжение или дополнение сказанного явно, а на более глубинном уровне, как условие осуществления акта речи» [Ducrot 1972: 7-9].

Обычно имплицитные взгляды бывают общими для коммуникантов, а потому признаются избыточными и не требующими эксплицитного упоминания. В нормальном случае выделяются, как минимум, четыре стратегии использования имплицитных презумпций [Ducrot 1972: 12-18], или «процедуры импликации», или имплицирования (*procédés d'implication ou procédés d'implications*), в зависимости от связи между имплицитным и буквальным значением (*que la forme du rapport existent entre signification implicite et signification littérale*):

1) невольная имплицитность (*l'implication comme manifestation involontaire*),

2) сознательные или полусознательные стилистические маневры (*les manœuvres stylistiques, conscientes ou semi-conscientes*),

3) коннотативная риторика (*la rhétorique connotative*),

4) подразумеваемое и подтвержденное значение (*l'implication et signification attestée*), лежащее между стилистическими маневрами и коннотативной риторикой; тогда складывается впечатление, что сказанное является лишь вершиной айсберга, а уж дальше интерпретатор сам должен продержаться на плову и поступать на свой страх и риск, не всегда удачно нащупывая семантическое дно и рискуя захлебнуться прагматикой сказанного.

Опираясь на импликации, человек в своем дискурсе учитывает нормы («деонтологию») акта пресуппозиции (*la déontologie de l'acte de présupposer*) [Ducrot 1972: 87]:

- Сообщение должно быть динамичным, простой повтор ограниченно допустим и требует дополнительной мотивировки; в каждое следующее высказывание нужно вкладывать что-нибудь новое, чтобы не топтаться на месте.

- Сообщение должно быть несопротиворечивым, логически связным, находиться в относительно устойчивых интеллектуальных и мировоззренческих рамках. Определенный мотив должен присутствовать и регулярно возникать по ходу дискурса, пусть и ценою определенной избыточности, ср. [Ducrot 1972: 87]. Эту устойчивость называют изотопией [Greimas 1966].

2. Креативное развенчание несказанного

По-русски на полноту соотношения замысла, формы и содержания речи указывает глагол *сказать* с различными префиксами и суффиксами (ср. *сказать*

и *сказануть*). Глагол *пересказать* в этом отношении двусмыслен: он чаще всего имеет в виду цитирование (вторичность, изложение в иной форме и от иного лица в иных обстоятельствах [Демьянков 2021]), но не избыточность коммуникации («сказать больше, чем требуется»), противоречащую скромному замыслу автора дискурса.

Когда же когнитивный занавес неожиданно падает, недосказанное и несказанное неожиданно выходят на сцену, ослепляя своим информационным декольте (эта ситуация неплохо схвачена в семантике глагола *сказануть*) и производя тот переполох, ради которого умолчание в руках опытного манипулятора и используется. Растерянное удивление передается предикатом пропозициональной установки *оказывается*. Ср. также приемы усиления сенсационности в СМИ с помощью заголовков типа: *Кем оказался Павлик Морозов?* и *Каким был на самом деле Карл Маркс?* Стоимость даже ничтожной информации тогда резко растет в цене, суля статусные доходы креативному «доносителю до сведения», низводящему идеологических конкурентов с пьедестала. Таков же мотив у маленького мальчика, возмущенного тем, что отец в умилении от младшей дочери все время повторяет в своем старомодно-высоком стиле *Дочь моя, дочь моя...* Передразнивая отца, в приступе ревности мальчик однажды не выдерживает и выкрикивает: *Дочь моя, дочь моя... Да она и говорить-то толком еще не умеет!* Сколько разоблачительного еще осталось невысказанным в этой реплике!

Подобное разоблачение следует законам «дезимплицирования», мастерство владения которыми у взрослого говорит о профессиональной пригодности к трудному занятию высококвалифицированного дискурсовода. Так, статья в СМИ под названием «Что на самом деле случилось с Чапаевым» (Русская семерка, 1 марта 2023) (https://weekend.rambler.ru/people/50278844/?utm_content=weekend_media&utm_medium=read_more&utm_source=copylink) излагает свой материал в соответствии со шкалой кинематографических штампов, связываемых в народной памяти с героем Гражданской войны и подаваемых в этой статье в виде подзаголовков: 1) Чапаев почти не ездил верхом, 2) «Психической атаки» не было, 3) тонул ли Чапаев? 4) каковы национальность и настоящая фамилия героя, 5) сложные отношения с церковью, 6) этот георгиевский кавалер еще до войны был признан негодным к службе, 7) измена жены и вдова погибшего товарища, 8) эсер-ударник, 9) кто такая Анка. Логика разоблачителя такова: «Как его можно называть героем, если он даже при всем желании не смог бы совершить приписываемого ему?». Этот яркий репутационно-эпистемический дефолт очень близок к безыскусному примитиву уничижения типа «Не было дедушки» в пьесе М. Горького «На дне». По порядку, в каком поданы подобные улики, как в знаменитом романе Дюма «Граф Монте-Кристо» видна шкала ценностей у перспективной аудитории в глазах разоблачителя-ниспровергателя.

3. Заключение

Опытный манипулятор и исследователь манипуляции (обычно это разные люди) опираются на рассудочную алгебру речевого воздействия, предсказывающую результаты речевых актов в конкретных обстоятельствах. Опираясь на техники коммуникативно-когнитивного маневрирования, в частности, имплицитирования и дезимплицирования, человек все время что-нибудь да «недосказывает», «иносказывает» и даже «пересказывает», вольно или невольно сообщая меньше

и/или больше, чем требуется и/или чем допустимо в конкретных обстоятельствах. И такое «самодоносительство», и реконструкция мотивов, осуществляемое усердными учениками Шерлока Холмса, невольно выдают истинные мотивы маневрирования, иногда скрытые от самих коммуникантов. Выявление стратегий и тактик имплицитирования и дезимплицитирования в рамках конкретных культур позволит разработать и усовершенствовать формальный аппарат для предсказания и «вычисления» результатов взаимодействия коммуникации и когниции. Этот аппарат позволит предсказывать степень воздействия текстов на аудиторию, обладающую конкретными параметрами.

Литература

Демьянков В.З. О вечной ценности идей в сиюминутных воплощениях // Критика и семиотика, 2021. № 1. С. 25-39.

Ducrot O. Dire et ne pas dire: Principes de sémantique linguistique. Paris: Hermann, 1972.

Greimas A.J. Sémantique structurale: Recherche de méthode. Paris: Larousse, 1966.

V.Z. Demyankov (Moscow, Russia)

Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences

IMPLICITNESS AND EXPLICITNESS IN COMMUNICATIVE AND COGNITIVE MANEUVERING

Communicative and cognitive maneuvering consist in using indirectness in the framework of several narrative and discursive perspectives. Reconstructing these perspectives may be used for predicting pragmatic effects of face-to-face interaction and of mass communication.

Key words: cognitive sciences, communicative maneuvering, cognitive maneuvering, epistemic warrant, opinion, implicitness vs. creative revelation.

Л.Г. Бабенко (Екатеринбург, Россия)

Уральский федеральный университет

имени первого Президента России Б. Н. Ельцина

lgbabenko@yandex.ru

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ КАК КЛЮЧЕВОЕ ПОНЯТИЕ КОГНИТИВНОЙ ЛИНГВИСТИКИ: ДИНАМИКА ОСМЫСЛЕНИЯ ТЕРМИНА В СОВРЕМЕННОМ НАУЧНОМ ДИСКУРСЕ (НА МАТЕРИАЛЕ ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИХ ДАННЫХ)¹

Репрезентация рассматривается в контексте основных понятий когнитологии, таких как категоризация, концептуализация, интерпретация, как ключевой термин, связанный с когнитивным механизмом ментального представления знаний о внешнем и внутреннем мире в сознании человека и закреплением их в формате единиц языка, речи и дискурса. Исследуется развитие семантики этого термина, отмечается расширение выражаемой парадигмы смыслов, регулярно реализуемых в научном дискурсе, выделяются их основные когнитивно-дискурсивные модели.

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта РФФИ (№ 22-18-00352).

Ключевые слова: когнитивная лингвистика, концептология, концептография, репрезентация, научный лексикографический дискурс.

Репрезентация – один из наиболее употребительных терминов, используемых сегодня во множестве научных направлений: философии, физике, психологии, языкознании и др., связанных с когнитивным подходом к изучению вопросов познания мира и закрепления его результатов в различном формате и наборах единиц, в том числе – лингвистических. Он имеет равную значимость с понятиями категоризации, концептуализации, интерпретации и включается в общую с ними парадигму ключевых научных терминов как в лингвокогнитологии, так и в концептографии. Именно он напрямую связывает две стороны концепта – содержательную и формальную: соотносительностью с действительностью, выражением и хранением знаний о ней, с одной стороны, с другой стороны, с выбором единиц из набора имеющихся в языке и речи, соотносительных и соотносящихся с ментальным содержанием концепта. Эта существенная особенность репрезентаций, по мнению Е.С. Кубряковой, обусловлена их семиотической знаковой природой и функцией, в соответствии с которыми она являет собой «ключевое понятие когнитивной науки, относящееся как к процессу представления (репрезентации) мира в голове человека, так и к единице подобного представления, стоящей вместо чего-то в реальном или вымышленном мире и потому замещающей это что-то в мыслительных процессах. Последнее определение указывает на знаковый или символический характер репрезентации и связывает ее исследование с семиотикой» [Кубрякова 1996: 157].

Обратившись к рассмотрению и осмыслению тенденций употребления термина *репрезентация* в научном дискурсе, мы опираемся на идею зеркальной соотносительности когнитивно-содержательной и конструктивно-оформляемой стратегий репрезентации концепта, воплощенную нами в лексикографических параметрах в словаре ключевых концептов [Концептосфера русского языка 2017]. Зеркальность проявляется в совпадении типологии компонентов внутренней когнитивно-ментальной структуры концепта, где они распределяются по значимости и функциональному предназначению на базовые ядерные (1), приядерные конкретизирующие (2), периферийные интегративные (3) и интерпретационные (4) когнитивные признаки, и внешней структуры словарных статей, содержащих лексику, формирующую аналогичные словарные зоны. Из этого следует, что концепт обладает двойной репрезентативностью: ментальной, закрепленной в сознании в виде мысленного представления, и вербальной, выражающей его в языке и дискурсе. Это учитывается в модели концептуального анализа, который одновременно предполагает выявление, с одной стороны, структуры концепта как ментальной сущности, с другой стороны, обнаружение корпуса языковых и дискурсивных средств его объективации. Указанная двойственность термина *репрезентация* учитывается при изучении динамики его использования в современном научном дискурсе, способствующем развитию его многозначности в различной когнитивно-дискурсивной среде. Анализ подобных контекстов позволил нам выявить иерархию когнитивных смыслов, выражаемых

во внешней структуре лингвистических репрезентаций разных типов, к которым относятся следующие разновидности.

Ментальные репрезентации – мысленные представления, в которых аккумулярованы знания человека о мире действительности, его фрагментах, полученные в процессе его познания, категоризации и концептуализации. Подобная ментальная репрезентация основывается на замещении реального мира в целом и составляющих его элементов, предметов, явлений, ситуаций и др. представлениями о них, которые иерархически организуются в виде внутренней ментальной структуры, состоящей из набора когнитивных признаков разного типа, включая категориальные ядерные (1), конкретизирующие периферные (2), интегративные склеенные, относящиеся к ближайшей периферии (3) и субъективно интерпретационные, формирующие дальнейшую периферию (оценочность, модальность, образность, ассоциативность) (4). Все эти признаки объединяются в единую совокупность, формируя когнитивный комплекс концепта, устойчивый и регулярный, характеризующийся полипризнаковостью.

Лингводискурсивные репрезентации. Это совокупность репрезентаций, объединенных принадлежностью к лингвистическим дискурсам разного типа: лексикографическому, литературно-художественному, политическому и пр., охватывающих лингвистические единицы разного статуса и в разном объеме: языка / речи, текста / дискурса, – рассматриваемых в аспекте их участия и роли в формировании ментальных представлений с опорой на определенные модели когнитивных стратегий. Например, обратимся к концепту РАДОСТЬ и в общем виде охарактеризуем его репрезентации. Прежде всего, это может быть лексика с семантикой радости, извлеченная из словарей или из текстов разных авторов и разной жанровой природы, передающих и описывающих это эмоциональное состояние, а также фразеология и паремиология радости. Во всем множестве лингво-дискурсивных репрезентаций выделяются при этом три основных их типа с учетом реализации определенных когнитивных стратегий: категориальная лексическая репрезентация (1), множественная парадигматическая репрезентация (2), интегративная комплексная репрезентация (3).

Категориальная лексическая репрезентация выполняет функцию категоризации – отнесения концепта к определенной категории на основе процедуры идентификации, что дополняется одновременно с этим и когнитивной стратегией номинации концепта, присвоения ему имени, например: РАДОСТЬ, ГОРЕ, РАЗУМ, ВООБРАЖЕНИЕ и др., и указанием места расположения концепта в общей иерархии категорий как по вертикали: суперкатегория, базовая категория, субкатегория, – так и по горизонтали в ряду классифицирующих классов: ЭМОЦИИ (радость, горе), ИНТЕЛЛЕКТ (разум, воображение). В результате концепт не только получает имя, но как основной ключевой репрезентант объединяет все множество языковых и речевых средств в единую целостную совокупность, имеющую особенности вертикально-горизонтальной организации, в которой каждое отдельное средство репрезентации концепта имеет свое место.

Множественная вариативная парадигматическая репрезентация заключается в вербализации, объективации ментального представления, закрепленного в концепте в виде комплекса когнитивных признаков, с помощью

объединений лексических единиц разного рода: тематических, лексико-семантических и функционально-семантических групп слов, содержащих в различных комбинациях указанные признаки, конкретизирующие в разных аспектах ядерный когнитивный признак и создающие ментальные варианты базового концепта. Ср. например: РАДОСТЬ, ВЕСЕЛЬЕ, ВЕСЕЛЬЧАК, РАДОВАТЬСЯ, РАДОСТНЫЙ и др. Подобная множественная репрезентация концепта достигается включением в состав рассматриваемых единиц его объективации совокупностей парадигм, состоящих из языковых и речевых средств разного уровня и типа: лексических, фразеологических, паремиологических, дискурсивных. В результате подобного комплексного рассмотрения единиц языка и речи как репрезентантов одного концепта, объединенных в единую совокупность, формируется новый тип лингвистического множества: когнитивно-дискурсивное множество (КДМ), которое выполняют функцию многоаспектной интерпретации, характеристики концепта, основанной на его множественной парадигматической репрезентации. Например, концепт РАДОСТЬ репрезентируют около 220 единиц, в том числе 170 лексем, 50 фразеологизмов, пословиц и поговорок, которые вместе формируют общее КДМ, состоящее из частных групп и подгрупп, представляющих собой потенциальный арсенал средств репрезентации концепта. Рассмотренный тип множественной парадигматической репрезентации отображает имеющиеся когнитивно-дискурсивные варианты репрезентации концептов, обусловленных семантико-грамматической, стилистической, модально-оценочной, национально-культурной и пр. аспектами интерпретации его общего ментального представления.

Интегративные комплексные репрезентации. Она связаны с имеющимися когнитивными механизмами концептуальной интеграции, пересеканности концептуальных полей, ментальных слияний в структуре различных концептов, приводящих к формированию сложных ментальных представлений, отображающих разного рода когнитивные взаимодействия, основанные на соположении, противоположности, обусловленности и др. логико-смысловых отношениях. Например, это может быть совмещение различных противоположных эмоций (ЗЛОРАДСТВО), эмоции и интеллекта (ЗЛОНАМЕРЕННОСТЬ), эмоций и речи (ЗЛОРЕЧИЕ, ЗЛОСЛОВИЕ) и др.

Научно-интерпретационные репрезентации. Они основаны на лингвистической интерпретации семантики различных лингвокогнитивных репрезентаций с целью их наглядной методической репрезентации: объяснения, схематического оформления, когнитивно-дискурсивного моделирования. К настоящему времени выявлена парадигма основных форм «упаковки» ментальных представлений, учитывающая степень сложности концептуальной информации, вариативность и возможность ее словесной, изобразительной, графической и пр. интерпретации (см.: картинки, дефиниции, эссе, пропозиции, фреймы, сценарии и др.). При этом прагматическая цель облегчения восприятия лингвистической когнитивно-дискурсивной информации способствует не только познанию имеющихся структур знаний, но и осмыслению парадигм форм их репрезентации.

Итак, репрезентация как самостоятельный когнитивный механизм характеризуется разнообразием проявлений в научном лингвистическом дискурсе,

динамика осмысления которого, с одной стороны, обусловлена особенностями отображения соотносительности действительности, мышления и языка. С другой стороны, она обуславливает саму типологию репрезентаций, сформировавшуюся в лингвокогнитологии и концептографии в процессе их развития на стыке XX – XXI веков. Парадигма репрезентаций, рассматриваемых в лингвокогнитивном аспекте, включает сегодня следующие разновидности. Во-первых, это **ментальные репрезентации**, соотносительные с действительностью и ее отображением в сознании человека в виде мысленных представлений. Во-вторых, – это **лигводискурсивные репрезентации**, представляющие собой вербализацию ментальных представлений в формате различных языковых и речевых знаков, различающихся частными вариантами когнитивных стратегий их осуществления: 1) категориальной лексической репрезентацией; 2) множественной вариативной парадигматической репрезентацией, 3) интегративной комплексной репрезентацией. И, в-третьих, это **научно-интерпретационные репрезентации**, представляющие в различном научно-иллюстративном и демонстрационном формате парадигму типов и способов оформления и хранения знаний о мире, их репрезентацию.

Литература

Концептосфера русского языка: ключевые концепты и их репрезентации в языке и речи (на материале лексики, фразеологии и паремиологии): словарь / под общ. ред. проф. Л.Г. Бабенко. М.: Изд. Центр «Азбуковник», 2017.

Кубрякова Е.С., Демьянков В.З., Панкрац Ю.Л., Лузина Л.Г. Краткий словарь когнитивных терминов / Под общей редакцией Е.С. Кубряковой // Краткий словарь когнитивных терминов. М.: Филологический факультет им. М. В. Ломоносова, 1997.

*L.G. Babenko (Yekaterinburg, Russia)
Ural Federal University named
after the first President of Russia B.N. Yeltsin*

REPRESENTATION AS A KEY CONCEPT OF COGNITIVE LINGUISTICS: DYNAMICS OF COMPREHENSION THE TERM IN MODERN SCIENTIFIC DISCOURSE (BASED ON LEXICOGRAPHIC DATA)

Representation is considered in the context of the basic concepts of cognitology, such as categorization, conceptualization, interpretation, as a key term associated with the cognitive mechanism of mental representation of knowledge about the external and internal world in human consciousness and their consolidation in the format of certain units of language, speech and discourse. The development of the semantics of this term is investigated, the expansion of the expressed paradigm of meanings regularly implemented in scientific discourse, their main cognitive-discursive models are highlighted.

Key words: cognitive linguistics, conceptology, concertography, representation, scientific lexicographic discourse.

И.А. Краева (Москва, Россия)

Московский государственный лингвистический университет

irinakraeva@linguanet.ru

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ОБЪЕКТИВАЦИИ КОНЦЕПТА ГРАДУАЛЬНОСТЬ В СОВРЕМЕННОМ АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Статья посвящена рассмотрению некоторых особенностей процесса объективации концепта ГРАДУАЛЬНОСТЬ в современном английском языке. Рассматриваются, в частности, случаи модусной перекатегоризации – употребление относительных прилагательных в качественных значениях, не зарегистрированных на данный момент в лексико-графических источниках.

Ключевые слова: градуальность, концепт, модусная категория, развитие языка, объективация концепта, современный английский язык.

Исследование посвящено изучению развития модусной категории «градуальность», члены которой объективируют в английском языке модусный концепт ГРАДУАЛЬНОСТЬ. Результаты исследования, представленные нами в более ранних работах, свидетельствуют о том, что развитие категории градуальности в английском языке – процесс сложный, связанный, с одной стороны, с количественным увеличением категории, а, с другой стороны, с качественными изменениями ее характера и содержания.

В ходе исследования внимание уделялось рассмотрению ряда теоретических вопросов, в частности, уточнению трактовки самого понятия – *развитие языка*. По данному вопросу мы разделяем мнения, высказанные ведущими российскими лингвистами. Так, Ю.В. Рождественский оперировал термином «динамика» и полагал, что динамика языка может быть расчленена на три процесса: эволюцию языка, развитие языка и совершенствование языка. Ученый писал: «**Эволюцией** (или **изменением**) языка можно назвать род процессов, когда единицы языка изменяют свое фонетическое (графическое) и смысловое качество, но при этом не происходит увеличения числа единиц и качественного усложнения их отношений. **Развитием** языка можно назвать такой род динамических процессов, когда происходит увеличение числа единиц языка и качественное усложнение их отношений. **Совершенствованием** языка можно назвать такие динамические процессы, которые, воплощаясь в изменении и развитии языка, возникают вследствие сознательного (а не стихийного) воздействия человека на язык. Все три процесса происходят одновременно и различаются только теоретически. В ряде случаев можно отметить и сознательное намерение и неосознанный процесс использования языка. Эта тенденция ведет к усложнению языка [Рождественский 1990: 131].

Разграничение между понятиями *эволюции* языка и его *развитием* проводится и в других ставшими уже классическими трудах по общему языкознанию. Например, З.Д. Попова и И.А. Стернин трактуют указанные понятия следующим образом: «Эволюция – это изменения внутри языка, происходящие под влиянием его собственных внутренних законов. Развитие языка – это изменения, связанные с воздействием на язык общества, приспособление языка к изменяющимся и

усложняющимся условиям его функционирования. Эволюция и развитие в равной мере определяют изменения в языке» [Попова, Стернин 2007: 96]. Для иллюстрации своей точки зрения ученые приводят яркую аналогию с человеком: организм его в течение жизни изменяется, что свидетельствует об эволюции организма, а совершенствование человека в плане его образованности и практических навыков говорит о его развитии [там же].

В настоящем исследовании мы рассматриваем изменения, происходящие в категории градуальности в английском языке, именно как развитие, в результате которого данная категория, объективирующая концепт ГРАДУАЛЬНОСТЬ в языке, претерпевает изменения, обладающие своей спецификой. Ранее мы представляли результаты исследования семантики и функционирования английских прилагательных – и качественных, и относительных, употребляемых в новых качественных значениях, подчеркивая, что это является свидетельством протекающей в современном английском языке модусной перекатегоризации (см., например, [Краева 2021]). Кроме того, при изучении вопроса о развитии категории градуальности рассматривались, в частности, особенности сочетаемости английских качественных прилагательных с традиционными и новыми модификаторами степени.

Один из основных выводов исследования заключается в том, что вербализация концепта ГРАДУАЛЬНОСТЬ в современном английском языке имеет ряд особенностей, одна из которых состоит, на наш взгляд, в том, что в качественных значениях начали употребляться относительные прилагательные, обозначающие национальную принадлежность (British, French и др.), т.е. *социальные признаки*, характеризующие человека как члена различных общественных групп, – признаки, которые ранее градации не подвергались.

На наш взгляд, объяснение этому факту можно найти в теории личности, разработанной в середине XX века Гордоном Олпортом (Allport G. W.), который не без основания считал, что людей очень сложно классифицировать по небольшому количеству социальных признаков, и полагал, что каждый человек уникален и отличается своими особыми чертами. Согласно данной теории, монополистические категории, т.е. стереотипы, людям легче формировать и поддерживать. Ученый объясняет этот феномен с позиции «принципа / закона наименьшего усилия» (the principle / law of least effort), т.е. способности достигать максимального результата, прилагая минимальные усилия. В данном случае имеется в виду, что люди профессиональны и квалифицированы обычно в одной определенной области. Что касается других сфер жизни, то, подчиняясь закону наименьшего усилия, они легко допускают в своих рассуждениях разного рода обобщения. Гордон Олпорт отмечает в этой связи: «Жизнь слишком коротка, чтобы иметь дифференцированные представления обо всем. В жизни нам достаточно и нескольких путей, чтобы пройти по ним. Узнав, что данная марка автомобиля достаточно хороша для меня, я затем классифицирую все остальные как неподходящие, и моя жизнь соответственно упрощается и становится более эффективной. Этот принцип явно применим к групповым отношениям» [Allport 1954: 173].

Представляется, что обсуждение данной теории тесно связано с дискутируемым в настоящее время вопросом о существовании «национального характе-

ра». Приведем лишь одно из многочисленных существующих определений данного явления, которое является, на наш взгляд, логичным и полным, и принадлежит известному ученому Д.В. Ольшанскому: «**Национальный характер** – устойчивые особенности, характерные для членов того или иного национального (этнического) сообщества, особенности восприятия мира, мотивов поступков (идей, интересов, религии)» [Ольшанский 2001]. Национальный характер проявляется, прежде всего, как система социокультурных (моральных) норм.

Содержание концептов национальной принадлежности, которые вербализуются в английском языке при помощи относительных прилагательных (например, «быть настоящим британцем / французом / американцем» (to be British / French / American)), невозможно кратко описать языковыми средствами, для этого требуются, порой, целые тексты. Рассматриваемые относительные прилагательные, обозначающие национальную принадлежность, по-прежнему не имеют степеней сравнения, у них нет синонимов и антонимов, и в этом плане они не поддаются шкалированию как механизму, обеспечивающему горизонтальное смысловое членение, поскольку невозможно градуировать те сложные смыслы, которые эти прилагательные передают. Представляется, что в данном случае сравнение идет с неким сложным *эталон*ом как нормой для данного вида объектов.

Всё вышесказанное позволяет, на наш взгляд, положительно ответить на вопрос о возможности градуировать социальные признаки. Действительно, как показал анализ материала исследования, концепт ГРАДУАЛЬНОСТЬ и репрезентирующая его в языке модусная категория градуальности, развиваясь, расширяют свое действие на новую концептуальную область – социальную познавательную деятельность человека (по Рэю Джекендоффу), градуируя некоторые социальные признаки (например, национальной и географической принадлежности), которые в принципе сложно поддаются определению даже сами по себе.

Можно назвать и другие относительные прилагательные, которые, как и наименования национальности, в современном английском языке начинают употребляться в качественных значениях, которые пока не зарегистрированы в лексикографических источниках, однако в словарях приводятся примеры употребления данных относительных прилагательных, например, с наречиями степени (традиционными и новыми), т.е. в качественном значении. Например, относительное прилагательное **administrative** (*административный*) – «*adj relating to the management of a company, organization, or institution: purely administrative tasks* [MED: 20] / относящийся к руководству компанией, организацией или учреждением: *чисто административные задачи*» – в приведенном примере сочетается с новым модификатором высокой степени признака *purely*.

В лексикографических источниках приводятся также примеры употребления относительного прилагательного **central** (*центральный*), обозначающее среднюю часть чего-то, с наречием степени *very*:

central *adj* used for saying that something is in the middle of an area, so it is very convenient for using shops, theatres etc: *My flat is very central* [MED: 230] – используется для того, чтобы сказать, что место находится в центре района, поэтому оно очень удобно для посещения магазинов, театров и т. д.: *Моя квартира находится в самом центре*;

central *adj* a place that is central is easy to reach because it is in the centre of a city where there are good transport services. E.g. The café was on Tottenham Court Road near Oxford Street, very central for her [COBUILD: 220] – до центрального места легко добраться, потому что оно находится в центре города, где есть хорошее транспортное сообщение. Например: Кафе располагалось на Тоттенхэм-Корт-роуд, рядом с Оксфорд-стрит, в самом центре города. Примеры протекающей в современном английском языке модусной перекатегоризации как одной из особенностей объективации концепта ГРАДУАЛЬНОСТЬ можно было бы продолжить.

Литература

Краева И.А. Развитие категории «градуальность» в английском языке: монография. М.: Изд-во Триумф, 2021.

Ольшанский Д.В. Основы политической психологии. Екатеринбург: Дел. книга, 2001.

Попова З.Д., Стернин И.А. Общее языкознание. Учебное пособие. 2-е изд., перераб. и доп. М.: АСТ: Восток – Запад, 2007. Лингвистика и межкультурная коммуникация. Золотая серия.

Рождественский Ю.В. Лекции по общему языкознанию. М.: Высшая школа, 1990. URL: genling.ru/books/item/f00/z0000008163

Allport G.W. The nature of prejudice. Cambridge, MA: Addison-Wesley Pub. Company, Inc., 1954.

MED – Macmillan English Dictionary for Advanced Learners. Second edition. Oxford: Macmillan Publishers Ltd, 2012.

I. A. Kraeva (Moscow, Russia)
Moscow State Linguistic University

SOME FEATURES OF OBJECTIFICATION OF THE CONCEPT OF GRADUALITY IN MODERN ENGLISH

The article is devoted to the consideration of some features of the process of objectification of the concept of GRADUALITY in modern English. In particular, cases of modus recategorization are considered – the use of relative adjectives in qualitative meanings that are not currently registered in lexicographic sources.

Key words: graduality, concept, modus category, language development, concept objectification, modern English.

В.И. Заботкина (Москва, Россия)
Российский государственный гуманитарный университет
zabotkina@rggu.ru

КОГНИТИВНЫЕ МЕХАНИЗМЫ МАНИПУЛЯТИВНОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ В МЕДИА-ДИСКУРСЕ¹

В статье анализируются основные когнитивные механизмы, лежащие в основе манипулятивного воздействия в медиадискурсе. К таким механизмам относятся кон-

¹ Публикация данной статьи осуществляется при финансовой поддержке гранта РНФ №22-18-00594

цептуальное проецирование, когнитивный механизм девиации/концептуальных отклонений, метафорическая стереотипизация. Анализ проводится с учетом тесного взаимодействия всех механизмов с позиций динамической концептуальной семантики

Ключевые слова: манипуляция, когнитивные механизмы, фрейм, девиация, метафорическая стереотипизация.

В данной статье мы продолжаем дискуссию о том, каким образом наше сознание осуществляет взаимосвязь между концептосферами знания при манипуляции словом. Манипуляция основывается на интер-когнитивной коммуникации между сознаниями манипулятора и манипулируемого.

Мы полагаем, что в основе манипулятивного воздействия в медиа-дискурсе лежит механизм многоуровневой системы концептуального проецирования [ср. Заботкина 2022, 2023].

В ходе анализа мы попытались построить модель фрейма «манипулятивное воздействие». Данная модель представляет собой сокращенный вариант фрейма «манипуляция», представленный в нашей предыдущей публикации [Заботкина, Боярская 2023].

1) Агнс – инициатор манипулятивного диктума
2) Пациенс/экспериенсер – адресат манипулятивного диктума
3) Цель – цель, преследуемая агенсом, формулирующим манипулятивный диктум

4) Диктум – сообщение, соответствующее или несоответствующее объективной реальности

5) Контрагнс[ы] – агнс[ы], препятствующий или деформирующий манипулятивный диктум.

Манипулятивное воздействие является стратегией контроля агенса над пациенсом в ситуации, когда агнс намеренно избегает прямого принуждения и стремится к неявному/скрытому навязыванию своих целей и убеждений.

В этом заключается отличие манипулятивного воздействия от убеждения и открытого влияния. Человек способен легко сопротивляться открытому навязыванию ему определенной точки зрения, то есть он становится контрагнсом. Но ему (адресату/пациенсу) не так легко сопротивляться, когда навязываемое становится неявным, имплицитным. Важной особенностью языкового манипулирования является иллюзия самостоятельности сделанных адресатом выводов [Чистова 2012]. То есть во фрейме манипуляция контрагнс занимает факультативную позицию.

Нами было доказано, что фрейм «манипулятивное воздействие» напрямую коррелирует с фреймами «событие» (Event), «контроль» (Being in control), а также с фреймами «ложь-правда» (Lie-Truth) [Заботкина 2023].

Анализ структуры аксиологических бинарных оппозиций truth – lie позволил нам построить концептуальную модель фреймов TRUTH и LIE. Данные концепты принадлежат к полярным областям концептуального континуума. Размытые границы в современном медиа-дискурсе формируют зону бленда «ни правда – ни ложь», инкорпорирующую аксиологические парадоксы альтернативной истины, полуправды и т.д.

Формирование концептуального континуума, зоны бленда, а также схожесть структуры фреймов TRUTH и LIE создает множественные точки концептуальной аксиологической референции, порождая условия для ее дальнейшего расширения, предоставляя точки альтернативной референции, искажая восприятие истинности фактов реальной действительности и, таким образом, закладывая основу манипулятивного воздействия [Заботкина, Боярская 2023]. Однако дополнительно к этим очевидным фреймам необходимо добавить фрейм «доверие» (Trust). В этой связи представляется весьма актуальным высказывание Чарльза Буковски, что если у тебя получилось обмануть человека, это не значит, что он дурак, – это значит, что тебе доверяли больше, чем ты этого заслуживаешь. Все перечисленные выше фреймы находятся в отношениях тесного взаимодействия посредством механизма концептуального проецирования.

Мы полагаем, что в процессе манипуляции задействован когнитивный механизм девиации/отклонения, сопровождающий формирование новых значений слов, что ведет к двусмысленности, неясности.

При этом мы выделяем три типа девиации: прагматическую, семантическую, концептуальную. Первым шагом в процессе развития новых значений слова является прагматическая девиация. Напомним в этой связи известный постулат Германа Пауля о том, что изменения значений слов осуществляются путем отклонений в индивидуальном употреблении узуального значения и путем постепенного превращения такого индивидуального употребления в узуальное [ср. Paul, 1937]. Таким образом, у истоков порождения нового значения слова стоит коммуникативно-прагматический оператор. Далее вслед за прагматической девиацией следуют семантическая и концептуальная.

Например, новое значение слова *woke* (пробудившийся от социальной спячки, чувствительный к социальным проблемам) появилось в результате употребления этого слова в контексте Брексита. С точки зрения семантической и концептуальной структур произошло концептуальное сужение (специализация) значения: к первоначальному значению *woke* (пробудившийся) добавился концептуальный признак «социально-ориентированный».

В связи с этим возникает вопрос: каковы границы девиаций, лежащих в основе образования новых значений слов? Что накладывает ограничения на развитие новых креативных значений? Мы считаем, что ограничения на развитие новых креативных значений слова накладывает концептуальная структура исходного значения. Здесь необходимо рассмотреть еще несколько вопросов: какая часть концептуальной структуры исходного значения наследуется при образовании нового креативного значения? Какова роль концептуальных признаков различной степени центральности и инферентного потенциала в создании новых креативных значений? Какова связь между прагматическими, когнитивными и семантическими процессами, лежащими в основе формирования нового значения [Заботкина 2022]?

Когнитивные механизмы девиации, лежащие в основе манипуляции, тесно связаны с неосознаваемыми предубеждениями, предвзятостью (*unconscious bias* – одно из значений полисеманта *bias* – смещение, дислокация, отклонение). Ведущим когнитивным механизмом формирования манипуляции на основе неосознаваемых предубеждений в англоязычных СМИ является метафорическая

стереотипизация – проецирование на новые ситуации прецедентных фреймов с ограниченным набором ролей, детализированной внутренней структурой и встроенной системой устойчивых оценок по шкале «плохо – хорошо». Сопровождаемая нивелированием границ между действительностью и фикцией, метафорическая стереотипизация порождает ложные аналогии, усваиваемые массовым адресатом как априорное знание. Прецедентные метафоры функционируют как интертекстуальный содержательный фокус, в котором событийные и оценочные смыслы, ранее усвоенные образным клише, сопрягаются с новыми денотатами, актуализируя нужные говорящему пресуппозиции. Фоновые знания адресата о семантической мотивации идиомы привлекаются для выстраивания целостного фрейма, который проецируется на современную ситуацию, порождая псевдо-идентификации [Заботкина, Коннова 2022].

Анализ новых концептуальных метафор манипулирования в англоязычном медиа-пространстве показывает, что манипулятор может концептуализироваться в качестве «невинного» рыбака, что лежит в рамках концептуальной метафоры «MANIPULATION IS FISHING/HUNTING» (например: likebaiting, clickbaiting, phishing и т.д.).

Таким образом, в основе формирования манипулятивного дискурса лежат такие когнитивные механизмы как: концептуальное проецирование; механизм концептуальных девиаций; метафорическая стереотипизация. Механизмы девиации приводят к нарушениям концептуального проецирования, имеющего место при манипулятивном воздействии.

Литература

Заботкина В.И. Когнитивные механизмы смыслопорождения в дискурсе: манипулятивных аспекты // Когнитивные исследования языка. 2023. Вып. № 3 (54). С. 51-65.

Заботкина В.И. Креативность личности в языке и коммуникации // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2022. № 8. Ч. 2. С. 182-192.

Заботкина В.И., Боярская Е.Л. Концептуальная структура бинарной аксиологической оппозиции истина-ложь // Слово.ру: Балтийский акцент. 2023. Vol. 14. # 1. С. 126-136.

Заботкина В.И., Коннова М.Н. Прецедентные метафоры как инструмент языковой манипуляции в англо-американском медиадискурсе: аксиологический аспект // Новый филологический вестник. 2022. № 3(62). С. 367-382.

Чистова С.С. Изменение ассоциативного поля как способ языкового манипулирования в средствах массовой информации США // Lingua mobilis. 2012. # 5 (38). С. 87-94.

Paul H. Prinzipien der Sprachgeschichte. Halle: Niemeyer. 1937. P. 93-94.

V.I. Zabotkina (Moscow, Russia)
Russian State University for the Humanities

COGNITIVE MECHANISMS OF MANIPULATION IN MEDIA DISCOURSE

The article analyzes main cognitive mechanisms underlying manipulation in media discourse. Such mechanisms include conceptual mapping, cognitive mechanism of deviation/conceptual deviations, metaphorical stereotyping. The analysis is carried out taking into account close interaction of all mechanisms within the framework of dynamic conceptual semantics.

Key words: manipulation, cognitive mechanisms, frame, deviation, metaphorical stereotyping.

В.И. Карасик (Москва, Россия)

Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина,
Московский государственный лингвистический университет
vkarasik@yandex.ru

ДИСКУРСИВНЫЕ ИНДИКАТОРЫ ПСИХИЧЕСКОЙ АКЦЕНТУАЦИИ

Рассматривается дискурсивно обусловленное негативное влияние на психическое состояние общества. Наиболее подверженными объектами такого влияния являются акцентуированные личности, в поведении которых усиливаются элементы демонстративности и фобического отношения к реальности. Такое положение дел в определенной мере вызвано возросшим влиянием массовой информации в ее медийном и сетевом модулах на сознание людей, с одной стороны, и переходом способов общения и хранения информации на качественно новый уровень, обусловленный возникновением всемирной электронной сети Интернет, с другой стороны.

Ключевые слова: психическая акцентуация, медийный дискурс, сетевой дискурс, демонстративность, фобия.

Личностный и институциональный типы дискурса в когнитивном плане обусловлены важнейшими ценностными доминантами культуры соответствующего сообщества, эти доминанты вербализуются в определенных коммуникативных практиках – модулах текстуализации [Болдырев 2022; Воркачев 2014; Дементьев 2016; Демьянков 2022; Маркелова 2013; Радбиль 2017; Silverstein 2019]. Следует подчеркнуть, что лингвокультурные ценности, нормы и традиции поведения определяют мировосприятие индивидов и общества в целом, но вместе с тем имеет место и обратное влияние ситуативных типов общения на эти ценности и нормы. Личность как носитель ценностей и норм меняется под воздействием типов дискурса, и в этом плане определенные характеристики личности требуют лингвокогнитивного анализа.

Можно выделить три основных типа получателей информации: личности с низкой, средней и высокой устойчивостью к вредному воздействию со стороны средств массовой информации и социальных сетей. Первые остро реагируют на реальные и воображаемые угрозы их существованию, последние обладают высокой степенью критичности либо игнорируют эти угрозы, а находящиеся между этими полюсами находятся в неустойчивом состоянии и могут соскользнуть в патологическое мировосприятие, имеющее определенные дискурсивные индикаторы. Заслуживает внимания детальный анализ личностных расстройств, обусловленных характерами людей [Руднев 2002].

В психиатрии выделяются основные типы психической девиации: шизоиды, истероиды, параноидальные личности, а также люди, страдающие маниакальными установками и фобиями и депрессивным мировосприятием [Ганнушкин, 2018]. К этим типам можно добавить тех, кто страдает ущербной бедностью рациональной оценки реальности (интеллектуально-дефицитарные личности).

Психическая девиация имеет градуальный характер. Следует подчеркнуть, что норма психического здоровья относительна и отклонения от нее могут иметь большую или меньшую степень проявления. Минимальная степень таких отклонений обозначается как акцентуация. Трехмерная модель описания акцентуантов предложена К. Леонгардом, выделяющим акцентуации личностные (личности демонстративные, педантические, застревающие и возбудимые), относящиеся к темпераменту (гипертимические, дистимические, аффективно-лабильные, аффективно-экзальтированные, тревожные и эмотивные личности), и к направленности вовне или внутрь себя (экстравертированные и интравертированные) [Леонгард 2002]. Заслуживает внимания тезис этого автора о том, что в развитых странах более половины популяции относится к акцентуированным личностям. Эти личности во многих ситуациях ведут себя адекватно таким ситуациям и в полной мере соответствуют психически здоровым людям, однако в определенных условиях проявляют отклонения от психической нормы. Поведение людей, страдающих различными психическими нарушениями, включает различные коммуникативные индикаторы их состояния и в этом плане может быть предметом лингвистического анализа. В основу работы положено предположение, что психическая акцентуация имеет определенные речевые индикаторы, соответствующие определенному типу отклонения от психической нормы, с одной стороны, и определенные типы дискурса способствуют развитию того или иного типа психической девиации, с другой стороны.

С учетом принятой в психологии классификации основных типов реакции на реальность – воля, эмоции и рассудок – можно установить три вектора акцентуирования: волевое измерение – истероидные и параноидальные установки личности, эмоциональное измерение – маниакально-фобические и депрессивные установки, рассудочное измерение – шизоидные и интеллектуально-дефицитарные установки. Этим установкам соответствуют определенные типичные языковые и речевые индикаторы акцентуации.

К индикаторам истероидной личности, т.е. к человеку, доминирующим признаком поведения которого является неконтролируемое стремление быть в центре внимания, относятся следующие речевые сигналы: выражения «лично я», «как я говорю», «это, будем говорить», «я бы сказал», а также демонстративное публичное произнесение обценных слов и выражений.

Параноидальная личность (в некоторых работах обозначаемая как ананкастическая) характеризуется неконтролируемым стремлением подчинять себе окружающих и присваивать себе право выражать традиционные установки поведения. Такой личности присущи следующие формульные выражения: «как принято считать», «как говорится», «народ считает, что», эти люди активно используют пословицы и другие назидательные речения.

Маниакальная (фобическая) личность может быть определена как человек, поведение которого находится под влиянием некой сверхценной для него идеи, толкающей его на совершение поступков социально неодобряемых или даже опасных для окружающих. Существует большое количество описанных в литературе маний и фобий (мания преследования, мания величия, клептомания, клаустрофобия, агорафобия и др.) с присущими им речевыми индикаторами: «есть

явные знаки», «против нас реализуется заговор», «нужно найти и разоблачить скрытых врагов», «люди не таковы, какими кажутся».

Депрессивная личность – это человек, который не контролирует свои эмоции, обычно негативные либо легко переходящие от восторженного отношения к жизни к крайнему проявлению ее неприятия. Типичными опознаваемыми знаками такой личности являются следующие выражения: «всё плохо», «выхода нет», «нет смысла», «уж лучше сразу».

Шизоидная личность – это человек, в сознании которого нет границ между данным и навязанными воображением мирами, и поведение которого характеризуется аутизмом, выключенностью из взаимодействия с другими людьми. Речь таких людей отличается смысловой разорванностью, произвольным использованием семантики слов, отсутствием ориентации на собеседника. Типичные коммуникативные индикаторы такой личности – вычурные и непонятные фразы: «я ему сказала «здравствуй» раскаленным утюгом», «утро – утроба дня» и др.

Интеллектуально-дефицитарная личность (в обиходном общении называемая дебильной) характеризуется сведением всех реакций на поступающие сигналы к потребностям организма. Как правило, таким людям свойственна высокая степень агрессивности, прожорливости и сексуальной активности. Им присущи такие доминирующие вербальные индикаторы поведения, как выражения «хочу есть», «я вас всех урою», а также замена любых средств общения междометиями (словарь людоедки Элочки из книги И. Ильфа и Е. Петрова «Двенадцать стульев»).

Можно выделить типы дискурса, способствующие проявлению акцентуации. Единственной сферой общения для интеллектуально-дефицитарной личности является обиходная коммуникация. Шизоидная личность находит свое максимальное выражение в научном дискурсе, в котором нет необходимости адаптировать содержание высказываний к уровню подготовки адресатов. Политический и медийный дискурс способствует манифестации маниакальных и фобических идей. Медийный и рекламный типы дискурса являются теми сферами общения, в которых реализуется акцентированное привлечение внимания к себе. Административный и педагогический (назидательный) дискурс привлекают к себе параноидальных личностей. Коммуникативным выходом для депрессивной личности является художественный дискурс.

Подводя итоги, можно сказать, что современное развитие общества подвело человечество к новым рискам, которые в определенной мере вызваны возросшим влиянием массовой информации в ее медийном и сетевом модусах на сознание людей, с одной стороны, и переходом способов общения и хранения информации на качественно новый уровень, обусловленный возникновением всемирной электронной сети Интернет, с другой стороны. Эти риски особенно значимы для людей с неустойчивой психикой.

Литература

Болдырев Н.Н. Языковые механизмы оценочной категоризации // Реальность, язык и сознание: Междунар. межвуз. сб. науч. тр. Вып. 2. Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г.Р. Державина, 2002. С. 360-369.

Воркачев С.Г. Воплощение смысла: *conceptualia selecta*: монография. Волгоград: Парадигма, 2014. 331 с.

- Ганнушкин П.Б.* Избранные труды по психиатрии. М.: Юрайт, 2018. 266 с.
- Дементьев В.В.* Речезанровые коммуникативные ценности в новых и новейших сферах русской речи: монография. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2016. 396 с.
- Демьянков В.З.* О креативности обыденной мудрости // Язык. Человек. Культура. Сборник научных трудов, посвященный юбилею Марии Львовны Ковшовой. М.: Ин-т языкознания РАН, 2022. С. 45-51.
- Леонгард К.* Акцентуированные личности. М.: Эксмо-Пресс, 2002. 358 с.
- Маркелова Т.В.* Прагматика и семантика средств выражения оценки в русском языке: монография. М.: МГУП им. Ивана Федорова, 2013. 300 с.
- Радбиль Т.Б.* Язык и мир: Парадоксы взаимоотражения. 2-е изд. М.: Языки славянской культуры, 2017. 592 с.
- Руднев В.П.* Характеры и расстройства личности. Патография и метапсихология. М.: Класс, 2002. 272 с.
- Silverstein M.* Texts, Entextualized and Artifactualized: The Shapes of Discourse // College English. 2019. Vol.82. # 1. P. 55-76.

V.I. Karasik (Moscow, Russia)
Pushkin State Russian Language Institute,
Moscow State Linguistic University

DISCURSIVE INDICATORS OF PSYCHIC ACCENTUATION

The paper deals with a negative influence of certain types of discourse on the psychic health of population. The rationale of the study is the thesis of intercorrelation of definite types of discourse and accentuation, namely media and advertising discourse, on the one hand, and demonstrative (hysteroid) and phobic behavioral digression, on the other hand. This state of affairs may be explained by increasing influence of mass media on human consciousness and a technological progress of electronic communication especially in its Internet network mode.

Key words: psychic accentuation, media discourse, network discourse, demonstrative behavior, phobia.

М.Л. Ковшова (Москва, Россия)
Институт языкознания РАН
kovshova_maria@list.ru

ЯЗЫКОВОЙ, КОГНИТИВНЫЙ, КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ВО ВЗАИМОДЕЙСТВИИ: НА МАТЕРИАЛЕ РУССКИХ ПАРЕМИЙ И ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ С ТЕРМИНАМИ РОДСТВА

В статье освещается интегративный подход, соединяющий наблюдения, полученные в ходе языкового, когнитивного и культурологического анализа. Определяется набор номинаций родства в пословицах, загадках, фразеологизмах; проводится количественная, структурная, семантическая параметризация языкового материала; сопоставляются словарные дефиниции имен родства; исследуются их формы, конструкции, позиции в составе пословиц, загадок и фразеологизмов. Выявляются процессы интеракции ментальных структур и языковых форм их презентации; эксплицируются различные имеющиеся в семантике языковых знаков культурно маркированные «сигналы».

Ключевые слова: языковой, когнитивный, культурологический анализ, термины родства, пословицы, загадки, фразеологизмы.

1. Введение

С конца XX века наука о языке переживает быструю смену лингвистических парадигм и, как следствие, постоянно изменяющийся образ языка [Степанов 1995]. Сосуществование различных видений языка как объекта исследования привело к возникновению множества направлений (когнитивная лингвистика, этнолингвистика, лингвокультурология, теолингвистика и др.), в которых разрабатываются и модифицируются свои правила научного менталитета. Восприятие систем, сформировавшихся в рамках одного направления с его понятиями, символами, терминами и методами, иначе видится с позиций «других лингвистик» [Бенвенист 1974: 45]; это отвечает положению Ф. де Соссюра о том, что изучаемый объект не дан исследователю непосредственно сам по себе; «точка зрения создает самый объект» [Соссюр 1977: 46]. В лингвистике XXI века множится предметно-объектная сфера познания, направленного на постижение того или иного языкового ракурса реальности; каждое направление работает со своим предметом и объектом, в своей, имеющей те или иные параметры, лингвистической реальности [Постовалова 2016]. Важно отметить, что в настоящее время заметно происходят как дифференциальные, так и интегративные процессы; это выражается, с одной стороны, в развитии научных школ, обладающих своей предметно-объектной сферой и метаязыком исследования; с другой стороны – в тенденции к возникновению целостной, лингвоантропологической по своей направленности, дисциплины и созданию интегративной методологии.

2. Основные принципы и методика исследования

Интегративный подход в данном исследовании представляет собой опыт языкового, когнитивного и культурологического анализа во взаимодействии разных методов и приемов, необходимых для описания таких феноменов, как паремии и идиомы, наиболее ярко отражающие язык, культуру, характер и мировоззрение народа. Исследование проводится на материале русских загадок, пословиц и фразеологизмов с терминами родства в их составе. Разработка данного подхода отвечает запросу на объединение методов и приемов разных направлений, позволяет сопоставить наблюдения, полученные с разных методологических ракурсов – в отношении языковых особенностей употребления терминов родства в паремиях и фразеологизмах; в определении признаков, составляющих концептосферу «РОДСТВО»; в описании культурных смыслов, которые крепко соединены с терминами родства; стереотипов и др.

Языковой этап начинается с определения специфики языкового материала – терминов родства и знаков, в составе которых они употребляются. Проводится количественная, структурная, семантическая параметризация языкового материала; сопоставляются словарные дефиниции имен родства; исследуются их формы, конструкции, позиции в составе пословиц, загадок и фразеологизмов. При сопоставлении терминов родства в лексической системе русского языка с терминами родства в составе загадок, пословиц и идиом в последних выявлены лакуны, определена активность тех или иных терминов. Например, в пословицах по количеству употреблений «лидируют» термины кровного родства: *мать*,

отец, сын, брат и полностью отсутствуют термины кровного и некровного родства: *правнучка, отчим, сводный брат, сводная сестра, крёстная мать, крестница*. Отмечено, что и в загадках, и в пословицах, и во фразеологизмах термины родства, как правило, употребляются в своей основной форме: *отец, мать, сын, дочь, брат, сестра, муж, жена* и др. (реже используются уменьшительные и оценочные формы). Родственные связи дифференцируются с помощью лексических средств, которые квалифицируют степень старшинства, очередности; ср.: *брат старший, средний, младший/меньший/меньшой; сестра старшая, средняя, младшая/меньшая; муж первый; жена первая, вторая*. Квалификация родственных связей производится с помощью притяжательных форм; ср. загадки: *женин брат; шуринов племянник*; пословицы: *отеческий сын, матушкин сынок, материна дочь, отцова падчерица*; фразеологизмы: *маменькин сынок, маменькина дочка*. Также в загадках, пословицах и фразеологизмах встречаются «юридические» описания родства по браку, узуальные и окказиональные; ср.: *законная жена, кадровая жена, мужняя/мужья жена, жена первого/второго закона*. В пословицах редко, в 1–3 текстах, будучи с точки зрения нормы избыточными, исключительно с целью противопоставления, используются квалификаторы *родной/родимый, неродной, свой, чужой* с терминами родства: *отец, мать, сын, дочь, брат*. В коллокациях с помощью данных квалификаторов кодируются статусы кровного/некровного родства, степень родства: *родной отец; неродной отец; родная мать; неродная мать; родной брат, двоюродный брат, троюродный брат; родная сестра, двоюродная сестра, троюродная сестра; родная тётка; родной дядя*. Во фразеологизмах-идиомах эпитеты *родной, свой, чужой* используются для интенсификации оценочной семантики: *как отцу родному; как отца/брата/сына родного; как родную мать; свой брат; работать на чужого дядю* и др. Термины родства в текстах, как правило, занимают приоритетные позиции: инициальную или финальную. В загадках и пословицах термины родства употребляются, по большей части, в позиции субъекта или объекта; во фразеологизмах – в позиции предиката. Важную роль играет рифма, задаваемая терминами родства.

Когнитивный этап включает концептуальный и фреймовый анализ языкового материала; в исследовании путей концептуализации родства в загадках, пословицах и идиомах.

В ходе первого направления «цель РОДСТВО – источник» концептуализация осуществляется, как правило, в рамках той же концептосферы. В **загадках** загадываются статусы родства (*сын, дочь*, др.), обыгрывается счет родственников, реже – типовые ситуации, характеры (*ссора мужа с женой, злая свекровь, сын неблагодарный*). **Пословицы** выступают номинативными знаками ситуаций и отношений между родственниками: «*Брат любит сестру богатую, а муж жену здоровую*»; «*Дочь – матери помощница*». Более яркими выглядят пословицы, в которых признаки родственных отношений осмысливаются с помощью метафор, сравнений, символов из других областей-источников: «*Мать праведная – ограда каменная*». «*Дочка – болячка, зять – чирей*». «*Муж да жена – одна сатана*». **Фразеологизмы-коллокации** кодируют статусы родства; ср.: *родной брат, сводный брат, двоюродный брат*.

В рамках второго направления «источник РОДСТВО – цель» процесс концептуализации носит ярко метафорический характер. В **загадках** понятия родства являются источником для двадцати концептосфер: от дома, частей тела – до космоса; по активному участию в концептуализации с помощью образов родства «лидируют» две концептосферы – как ближайшие человеку «родственники» осознаются «ДОМ» и «КРЕСТЬЯНСКИЙ ТРУД». В **пословицах** образы родственников используются для концептуализации понятий в пограничных с концептосферой «РОДСТВО» сферах: «БЛАГОПОЛУЧИЕ – НИЩЕТА»; «ПОВЕДЕНИЕ» и др. Знаком того, что перед нами именно метафоры родства, является употребление номинаций в предикативной позиции; или в форме мн. ч.; или в контексте сюжета. Ср.: «Голод не тётка». «Сонливый да ленивый – родные братья». «Дочки ягоды ели, а у матери оскомина». Во **фразеологизмах-коллокациях** концептосфера «РОДСТВО» служит источником для концептуализации понятий самых разных сфер, от природной и мифологической до религиозной; ср.: *чёртова тёща* – ‘сорная огородная трава’; *тётка бьёт* – ‘лихорадка’; *Отец Небесный* – ‘Бог’. **Фразеологизмы-идиомы**, в большинстве своем, участвуют в концептуализации этически «заряженных» сфер; ср.: «ПОМОЩЬ, ЗАБОТА»: *отец родной* – ‘опора, кормилец и поилец’; «НРАВ, ХАРАКТЕР»: *маменькин сынок*; «ПОРЯДОК, МЕРА»: *как отца родного; всем сестрам по серьгам; на брата*; «ПОВЕДЕНИЕ»: *блудный сын; Евина дочка* и др.

В ходе фреймового анализа выявляются основные признаки каждого понятия концептосферы «РОДСТВО», анализ репрезентируется в таблицах. Ср., напр., краткий фреймовый «портрет» идиомы *и брат, и сват* (табл. 1).

Таблица 1

	<i>И брат, и сват</i> <Брат и сват>	=	<i>Всякий, любой</i>
	Область-источник	Конституирующие признаки	Область-приемник
	Антропная Социальная (родственная, семейная) Квантитативная	Антропная Социальная Квантитативная	Антропная Социальная Квантитативная
Фрейм Признаки типовых сценариев	Квантификация представителей статусов кровного некровного родства и относительно друг друга	Объединение разных статусов, уравнивание по общему признаку	Квантификация представителей статусов разных категориальных групп (социальные типы, гендеры, характеры и др.)
	Представители статусов кровного и некровного родства объединяются в одно целое (семья), уравнивание по общему признаку (член семьи)		Представители статусов разных категориальных групп объединяются в одно целое (сообщество), уравниваются по общему признаку (человек)

Конкретизация фрейма Элементы ситуации 1 и 2	Брат – сын по отношению к другим детям одних родителей, родственно-семейное понятие, статус наиболее близкого по кровному родству человека, член семьи	Статусы элементов 1 и 2 определены относительно друг друга как равные члены одного сообщества	Разный, член сообщества, человек
	Сват – родственно-семейное понятие, статус некровного, семейно-обрядового, родства по браку, член семьи		Каждый из себе подобных, какой угодно, член сообщества, человек

Культурологический этап заключается в извлечении культурных «сигналов», содержащихся в поговорках и идиомах, и опирается на метод комментирования знаков языка в пространстве культурного знания. Данный ход исследования отвечает положениям о том, что термины родства коннотативны (С.М. Толстая, И.Б. Качинская), что знаки языка и культуры служат «нишей» (В.Н. Телия) для отражения национального мировоззрения. Так, образы родства обнаруживают связь с архетипами; ср. **загадки** «Сердита матка, да прикрыла деток пуховым одеяльцем (земля под снегом)»; «Стоит свекровь на току и грозитя на сноху (кошка и мышь)»; **пословицы**: «Маменькин сынок, да батюшкин горбок»; «Сноха веселится, свекровь злится»; **идиомы**: маменькин сынок – ‘об изнеженном заботой’; как злая свекровь – ‘придираться’ и др.

3. Заключение

Термины родства в загадках, поговорках, фразеологизмах, исходя их знаковых особенностей этих феноменов, акцентируют смыслы родственных отношений, принятые за образцы для описания мира. Языковой анализ подтверждает исходный синкретизм поговорок и фразеологизмов и в то же время выявляет их знаковую специфику и специфику употребления терминов родства в их составе. На основании когнитивного анализа выделяются основные признаки концептосферы «РОДСТВО». Культурологический анализ позволяет декодировать смыслы, необходимые для понимания этнической логики, запечатленной в поговорках и фразеологизмах. Интегративный подход на данном материале дает возможность обобщить полученные с разных ракурсов наблюдения и сделать шаг к построению единой научной методологии.

Литература

- Бенвенист Э. Общая лингвистика. М.: Прогресс, 1974.
 Степанов Ю.С. Изменчивый «образ языка» в науке XX века // Язык и наука конца 20 века. М.: Изд-во РГГУ. 1995. С. 7-34.
 Соссюр Ф. де. Труды по языкознанию. М.: Прогресс, 1977.
 Постовалова В.И. Наука о языке в свете идеала цельного знания: В поисках интегральных парадигм. М.: ЛЕНАНД, 2016.

M.L. Kovshova (Moscow, Russia)
Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences

**LINGUISTIC, COGNITIVE AND CULTURAL ANALYSES IN COMBINATION,
AS APPLIED TO RUSSIAN PAREMIAE AND PHRASEOLOGICAL UNITS
WITH KINSHIP TERMS**

The integrative approach of this study covers kinship terms in proverbs, riddles, and idioms under three-stage analysis of Kinship in the linguistic worldview as reflected in linguistic signs of varying length, as well as of structural and functional specificity. This approach allows for a more precise location and description of interaction processes for mental structures and their representation in language, expressing culturally marked "signals" embedded in the semantics of language signs.

Keywords: linguistic, cognitive-culturological analysis, Kinship terms, proverbs, riddles, figurative units.

А.П. Чудинов (Екатеринбург, Россия)
Уральский государственный педагогический университет
ap_chudinov@mail.ru

**УРАЛЬСКАЯ ШКОЛА ПОЛИТИЧЕСКОЙ МЕТАФОРОЛОГИИ
КАК НАПРАВЛЕНИЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИНГВИСТИКИ¹**

Рассмотрены основные этапы развития и достижения Уральской научной школы политической метафорологии, выделены ее характерные признаки: (когнитивно-дискурсивная методология, последовательное описание метафорических моделей, сопоставление различных национальных дискурсов и одного национального дискурса на различных этапах его исторического развития, экспансионизм, обращение к неинституциональным источникам и полимодальным текстам).

Ключевые слова: метафора, концептуальная метафора, политическая метафора, средства массовой информации, научная школа, политический дискурс.

Уральская школа политической метафорологии сложилась в конце прошлого века, когда стали возможными свободное исследование политического дискурса и публикация соответствующих материалов в средствах массовой информации и научных изданиях. Тогда же начал выходить журнал «Политическая лингвистика»: в августе 2023 года читатели смогут познакомиться с его юбилейным (№ 100!) выпуском.

В 1994 году начал свою работу диссертационный совет, в котором защищено более 40 докторских и кандидатских диссертаций по названному научному направлению. Среди первых соискателей ученой степени доктора филологических наук были О.А. Турбина, Л.А. Вараксин и Н.Б. Руженцева; первые диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук представи-

¹ Выражаем благодарность Российскому научному фонду за финансовую поддержку (грант № 22-28-00064).

ли Г.А. Авдеева, Н.В. Багичева, И.Д. Белеева, С.А. Еремина, С.В. Плотникова, И.Н. Суспицына, А.В. Цыганкова, С.Д. Томилова и Ю.Б.Феденева.

В деятельности нашей научной школы наиболее активное участие принимают специалисты из Екатеринбурга (М.Б. Ворошилова, Е.В. Дзюба, М.В. Илюшкина, Е.Б. Каган, Н.А. Красильникова, Е.А. Нахимова, М.В. Никифорова, М.В. Плотникова, И.С. Полякова, А.П. Чудинов, Е.В. Шустрова и др.), Челябинска (Т.Ю. Быкова, Н.Н. Кошкарлова, С.Л. Кушнерук, Л.М. Салатова, О.А. Солопова и др.), Нижнего Тагила (М.С. Алексеева, Т.В. Аникина, Э.В. Будаев, Ю.А. Ольховикова, А.М. Стрельников, С.С. Чистова, Н.М. Чудакова и др.) и Сургута (Л.В. Вдовиченко, С.В. Елисеева, Е.Е. Коптякова, А.С. Назин, П.П. Дубин, И.А. Русова и др.). Разумеется, мы стремимся поддерживать научные и дружеские связи с бывшими аспирантами и докторантами, работающими сейчас в Москве (А.В. Житков, Т.А. Светоносова, С.В. Толкач), Симферополе (Н.А. Сегал), Санкт-Петербурге (Е.В. Дзюба), Кемерово (О.Н. Кондратьева) и иных городах России, а также в США (О.В. Григорьева, Е.Е. Аникин), Великобритании (Ю.В. Матова), Франции (О.Е. Аникина), Китае (Л.Е. Веснина, А.Б.Ряпосова, Сунь Юй, Д.Р. Шарафутдинов), Швейцарии (С.В. Татаренко).

Характерные признаки уральской школы политической метафорологии на современном этапе ее развития – когнитивно-дискурсивная парадигма с использованием возможностей корпусной методологии, последовательное описание метафорических моделей, сопоставление различных национальных дискурсов и одного национального дискурса на различных этапах его исторического развития, экспансионизм, в том числе обращение к неинституциональным источникам и полимодальным текстам.

При когнитивном подходе метафора понимается как ментальный конструкт, как особая форма мышления, которая может проявляться как вербально, так и визуально. Вербальные и визуальные метафорические образы украшают речь, несут мощный прагматический заряд, но это лишь репрезентации концептуальных метафор, существующие в человеческом сознании [Чудинов 2021].

При дискурсивном подходе политическую метафору анализируют в широком экстралингвистическом контексте, не пытаясь установить отчетливый рубеж между лингвистическими и экстралингвистическими факторами [Чудинов, Будаев, Солопова 2020]. Отметим, что исследования, синтезирующие достижения когнитивной лингвистики и дискурсивного анализа (когнитивно-дискурсивный подход) – характерный признак нашей научной школы.

При корпусной методологии используются компьютерные технологии, позволяющие создавать и анализировать многотысячные базы метафор, включая оцифрованные тексты прошлых столетий, созданные в дальних государствах [Солопова 2015; Чудинов, Будаев, Солопова 2020].

При описании метафорических моделей в нашей научной школе обычно используется выявление фреймов и – далее – слотов, а также характеристика прагматического потенциала модели и ее функций в тексте [Чудинов 2021; Сегал 2017].

Диахронический подход предполагает сопоставление системы политических метафор того или иного языка на разных этапах его развития: например, широкое признание получила трехуровневая методика анализа, по которой со-

поставлялись политические метафоры России, Великобритании и США в XIX, XX и XXI веках [Солопова 2015].

Сопоставительный подход предполагает выявление специфических признаков и общих закономерностей метафоризации в при изучении метафорической картины мира в различных дискурсах – государственных, региональных, религиозных, институциональных и др. [Будаев 2020], в том числе идеологическое миромоделирование в контексте информационно-психологической войны [Кушнерук 2023].

Семиотический подход включает рассмотрение политической метафоры как отражение политической жизни метафоры в вербальных, визуальных и иных знаковых системах [Ворошилова 2013]. В этом случае предмет исследования выходит за рамки лингвистики, оставаясь при этом в сфере знаковых систем и, следовательно, воспринимается как семиотический.

Исследование неинституционального дискурса понимается как изучение интерактивного обсуждения проблем, при котором статусные роли участников нивелируются, а дискурсивные практики не подлежат регулированию и нормированию. [Золотайко 2019].

Характерный для когнитивной лингвистики экспансионизм проявляется в обращении ко все новым и новым смысловым сферам-мишеням и сферам-источникам, в том числе педагогической, медицинской, рекламной, полицейской и массмедийной метафоре [Богоявленская 2022; Кондратьева 2013; Кушнерук 2023, Шустрова 2020 и др.].

Для иллюстрации названных положений в докладе будут использованы материалы выделенного нам на 2022–2023 гранта Российского научного фонда № 22-28-00064 «Теория и методика метафорического моделирования образа полиции в электронных СМИ России, Украины и Белоруссии: аксиология, эволюция, ситуационная динамика, прагматика».

Литература

Богоявленская Ю.В., Стремякова М.С. Метафорическое моделирование образа Эммануэля Макрона во французском предвыборном массмедийном дискурсе // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Филологические науки. 2022. Т. 8. № 4. С. 161-172.

Будаев Э.В. Сопоставительная политическая метафорология. Санкт-Петербург: Научное издание, 2020. 464 с.

Ворошилова М.Б. Политический креализованный текст: ключи к прочтению. Екатеринбург: Урал гос. пед. ун-т, 2013. 194 с.

Золотайко А.И. Метафорическое моделирование образа полицейского в дискурсе общественного мнения // Политическая лингвистика. 2019. № 1. С. 65-71.

Кондратьева О.Н. Метафорическое моделирование в педагогическом дискурсе // Педагогическое образование в России. 2013. № 1. С. 116-122.

Кушнерук С.Л. Идеологическое миромоделирование в контексте информационно-психологической войны. Москва: ФЛИНТА, 2023. 232 с.

Сегал Н.А. Политический текст: метафорическое моделирование. М.: Флинта, 2017. 248 с.

Солопова О.А. Диахроническая сопоставительная метафорология: исследование моделей будущего в политическом дискурсе. Москва: Флинта, 2015. 254 с.

Чудинов А.П. Политическая лингвистика. Издание 8-е. Москва: Флинта, 2021. 312 с.

Чудинов А.П. Политическая метафорология. Дискурсивный поворот. Москва: Флинта, 2020. 236 с.

Шустрова Е.В. Семантика банкротства как способ продвижения банкротства в современном американском рекламном дискурсе // Политическая лингвистика. 2020. № 5. С. 29-39

*A.P. Chudinov (Ekaterinburg, Russia)
Ural State Pedagogical University*

URAL SCHOOL OF POLITICAL METAPHOR STUDIES AS AN APPROACH OF POLITICAL LINGUISTICS

The author dwells upon the main stages of development of the Ural scientific school of political metaphor studies and its achievements, and highlights its characteristic features: cognitive and discourse methodology, consistent description of metaphorical models, comparison of various national discourses and one national discourse at various stages of their historical development, expansionism, research on non-institutional discourses and polymodal texts.

Key words: metaphor, conceptual metaphor, political metaphor, mass media, scientific school, political discourse.

О.А. Леонтович (Волгоград, Россия)

*Волгоградский государственный социально-педагогический университет
olgaleo@list.ru*

ПОТЕНЦИАЛ ЛИНГВОКОГНИТИВНОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ВОЗРАСТА

Цель исследования – рассмотреть концептуализацию возраста с использованием логико-мыслительных категорий: темпоральность, динамичность, линейность, количественность, необратимость, релятивность, эгоцентричность, гендерная обусловленность, культурно-ментальная специфика. Такое рассмотрение позволяет выявить как закономерности когнитивной обработки понятия «возраст», так и его семантизации в традиционных и креативных контекстах.

Ключевые слова: возраст, логико-мыслительные категории, когнитивная обработка, интерпретация

Тема возраста – осознанно или неосознанно – преследует человека в течение всей жизни, вербализуясь во внутриличностном, межличностном и публичном дискурсе. В данном исследовании предлагается анализировать понятие возраста в соответствии со следующими логико-мыслительными категориями: темпоральность, динамичность, линейность, количественность, необратимость, релятивность, эгоцентричность, гендерная обусловленность, культурно-ментальная специфика. В качестве материала исследования выступают словарные дефиниции, живая речь, данные Национального корпуса русского языка (НКРЯ), цитаты и афоризмы.

1. **Темпоральность** в самом широком смысле трактуется как протяженность во времени, то есть свойство объектов и явлений иметь начало и

конец, и проявляется в ограниченности человеческой жизни во времени. Комментируя высказывание М. Хайдеггера: «Время, которое нам всегда уже дано, поскольку мы его себе отводим и берем в расчет, имеет характер «времени-для-того-чтобы» [Хайдеггер 2001: 365], С.А. Лишаев отмечает, что знание приблизительных границ жизни ставит перед человеком проблему выбора приоритетов и последовательности действий [Лишаев, 2022: 7]. Люди знают, в каком возрасте им предназначено идти в школу, жениться, заводить детей и внуков, выходить на пенсию. Отсюда упреки типа: *В твоём возрасте я уже сам зарабатывал на жизнь*. Опасение не уложиться в рамки существования звучит в афоризме: *Раньше я боялся опоздать, теперь – не успеть* (Ю. Мезенко).

2. Понятие темпоральности применяется к динамическим объектам, в частности человеческой личности. Это выводит нас на следующую категорию – **динамичность** возраста, которая связана с постоянным развитием человека, невозможностью остановить время: *Возраст – классический образец непостоянства* (С. Чиз). *Одна природа неизменна, но и та имеет свои: весну, лето, зиму и осень; как же хочешь ты придать неизменность формам тела человеческого?!* (Козьма Прутков).

3. **Линейность** представляет собой однонаправленность социального процесса или явления, понимаемую как «предзаданная безальтернативная реализация некой сущности, цели или структуры» [Краткий философский словарь]. Она предполагает последовательное выстраивание возрастов: *детство – молодость – средний возраст – старость*.

4. Следующая категория – **квантитативность**, то есть возможность исчислить возраст в конкретных цифрах или подсчитать его по этапам человеческой жизни (так, например, согласно подсчетам, шекспировской синьоре Капулетти лет 26–27, поскольку Джульетте «нет еще четырнадцати лет», а мать ее «и раньше родила»).

Лишь вышеописанные четыре категории получают свое выражение в словарных определениях, например в словаре Ожегова: **Возраст**-а, м. 1. Период, ступень в развитии, росте кого-чего-н. В. человека, животного, растения. В. Земли. Младенческий в. Зрелый в. (сменяющий юность). Выйти из школьного возраста. 2. Количество прожитого времени, лет. Ребёнок в возрасте шести лет.

Следующие категории не отражаются в словарных дефинициях, но латентно присутствуют в семантике возраста на коллективном уровне, таким образом выступая в качестве семантических доминант первого уровня, в терминологии Н.Н. Болдырева [Болдырев 2014: 16].

5. **Необратимость** возраста в человеческой жизни как конечной системе связана с линейностью и переходом в качественно новое состояние, предполагая невозможность возврата в предыдущее [Философский словарь]: *Жизнь проходит навеки без всякой надежды на возвращение* (Дж. Бруно). *Мечтам и годам нет возврата* (А. С. Пушкин).

6. **Релятивность**. Н.Н. Болдырев пишет о концептуальной релятивности как характерной особенности интерпретационной семантики, которая определяется рядом факторов когнитивного и языкового характера: антропоцентричностью, принадлежностью определенной концептуально-

тематической области, инферентностью, а также собственно языковой природой слов с интерпретационной семантикой [Болдырев 2021: 37]. Релятивность по отношению к возрасту имеет следующие проявления.

а. **Разная периодизация возраста в разные эпохи.** Пушкин в «Выстреле» говорит про Сильвио: *Ему было около тридцати пяти лет, и мы за то почитали его стариком.* Сравним с современным восприятием этого возраста: *Действующие лица: Рассказчик – молодой человек тридцати-сорока лет* (Е. Гришковец 2004). Всемирная организация здравоохранения с достаточной степенью регулярности пересматривает периодизацию возрастов; в частности, в настоящее время граница старости сдвинута с 60–65 до 75 лет – и думается, что это не предел.

б. **Сложность определения границ разных возрастов,** отражающаяся в расплывчатости семантики лексем *детство – подростковый возраст, молодость, зрелость, старость.* Средний возраст обозначает доминантную группу населения, которая воспринимается как «норма» и поэтому в наименьшей степени семантически маркирована. В связи с этим возраст зрелости наименее исследован в философии, лингвистике и ряде других наук. *Блажен, кто смолоду был молод, Блажен, кто вовремя созрел,* – пишет А.С. Пушкин. Но что такое вовремя? Самое частотное в НКРЯ словосочетание, включающее *зрелость*, – это *аттестат зрелости* (284 примера из 2646), но разве мы ассоциируем возраст его получения с достижением зрелости? Со столь же неопределенными этапами человеческой жизни соотносятся *личностная / социальная / психологическая / научная / творческая зрелость.*

в. **Разная семантизация возраста в разных типах дискурса.** Возраст как конструкт может быть *биологическим / хронологическим / паспортным / эмоциональным / умственным.* Возраст *социальный* конкретизируется как *трудоспособный / репродуктивный / призывной / комсомольский / избирательный / предпенсионный / пенсионный* и т. д. Во многих видах спорта карьера завершается после 35 лет, в то время как в других социальных контекстах это возраст расцвета профессиональной деятельности. *Психологический возраст* может характеризоваться как *нежный / сознательный / роковой / почтенный.* По разному осмысляются такие понятия как *старая дева, старые приятели, старые лица, старая гвардия, старый дед* и т. д.

б. **Эгоцентричность** – это логико-мыслительная категория, в нашем случае обозначающая субъективное восприятие возраста и постоянное сопоставление других с собой: *Кто такой старый человек? Тот, кто на десять лет старше нас* (NN). По мнению Ж. Пиаже эгоцентризм представляет собой интуитивную центрацию себя как основное свойство допонятийного интеллекта [Пиаже 1969: 214-215]. Н.Н. Болдырев пишет о том, что, конструируя мир в своем сознании, человек «постоянно структурирует и переструктурирует» свои знания о нём [Болдырев 2021: 37]. Эксперт по общению с пожилыми людьми А. Галицкий приводит высказывание 90-летней Надежды, которая моет посуду и ворчит под нос: *Посуду мыть заставили. В старости это ещё на мне скажется!* [Лепина].

7. **Гендерная обусловленность.** Анализ нашего материала показывает, что осмысление возраста мужчины и женщины происходит на разных основаниях, как, например, в цитате из С. Моэма: *Возраст женщины определяется её внеш-*

ностью, а мужчины – самочувствием. Для женщин положительно оценивается лишь молодость, за пределами которой тема возраста табуируется: *Иных занятий дамам нет, как скрыть десяток прошлых лет* (М. Лермонтов). *Нельзя доверять женщине, которая не скрывает свой возраст. Такая женщина не постесняется сказать все что угодно* (О. Уайльд). Отношение к возрасту мужчины определяется степенью зрелости, интеллектом, физическим состоянием: *В восемнадцать лет мужчина обожает, в двадцать любит, в тридцать желает обладать, в сорок размышляет* (В. Ключевский). *Зрелость есть качество, которое больше ценится в мужчинах, нежели в женщинах* (А. Декурсель).

8. Ментально-культурная специфика. Хотя по глубинной сути своей понятие возраста универсально, существуют нюансы его восприятия с позиций того, что В.З. Демьянков называет разными ментальными культурами [Демьянков 2022]. Например, в англоязычных культурах возраст ребёнка до двух лет исчисляется месяцами (*eighteen months*), а в России – годами (*полтора года*). Русское слово *подросток* обозначает возраст приблизительно от 12 до 16 лет, а английское *teenager* – от 13 до 19 лет; поскольку в русском языке нет соответствующего эквивалента, мы усвоили удобное слово *тинэйджер*. Нет однозначных английских эквивалентов у русских слов *юноша* и *молодёжь*. В китайском языке понятия *старый* и *уважаемый* обозначаются одним и тем же словом 老 *lǎo*, что отражает отношение к людям старшего возраста. Исторически китайский концепт сыновней почтительности 孝 *xiào* сформировал традиции общения со старшими и обязанность заботиться о пожилых родителях.

Обозначенные выше логико-мыслительные категории реализуются как в традиционных, так и креативных контекстах. Как пишет М. Шернер, «в сознании слушающего <...> “пробуждается”, “приходит в движение”, “начинает звучать” нечто, уже присутствовавшее в его сознании латентно и рудиментарно и требовавшее лишь толчка или ряда толчков извне для своего проявления» [Schermer, 1984, p. 74. Цит. по Донец, 2004]. Креативное использование не создаёт новых логических категорий, а инвертирует уже имеющиеся, что становится источником парадоксальных смыслов. Думается, что их можно соотнести с совокупностью устойчивых «традиционных реализаций системы, отобранных и закреплённых языковой памятью в процессе речевой деятельности» [Турбина 2015: 51]. Проиллюстрируем эту мысль некоторыми примерами:

○ темпоральность vs. попытка остановить время: *В жизни женщины рано или поздно наступает момент, когда она должна окончательно определиться со своим возрастом и придерживаться его до конца* (М. Чувашек);

○ необратимость vs. представление времени как обратимого: *Мы жили бы несравненно более счастливо, если б могли родиться восьмидесятилетними и постепенно приближаться к восемнадцати годам* (М. Твен). *Что годы идут, это бы еще ничего, но в какую сторону!* (С.Е. Лец). *О, если бы снова стать семидесятилетним!* (Ж. Клемансо в 85 лет);

○ релятивность: *Сорок лет – старость юности, пятьдесят – юность старости* (В. Гюго). *40 лет – это такой возраст, когда наконец-то чувствуешь себя молодым. Но уже слишком поздно* (П. Пикассо). *Молодая была уже не молода* (И. Ильф, Е. Петров);

○ эгоцентризм vs. альтероцентризм: *Меня ужасает не мой возраст, а возраст моих ровесников (NN). С точки зрения молодости жизнь есть бесконечное будущее, с точки зрения старости – очень короткое прошлое (А. Шопенгауэр);*

○ мужчины vs. женщины: *У настоящей женщины три возраста: молодость, вторая молодость и вечная молодость. (Я. Джангирова). Только последняя любовь женщины может сравниться с первой любовью мужчины (О. Бальзак). Мужчина бальзаковского возраста (Н. Богословский).*

Предложенные логико-мыслительные категории не являются единственными, по которым может идти осмысление возраста, – это лишь один из возможных путей прорваться к неязыковому мышлению, а «разумное мышление есть интерпретирование по схеме, от которой мы не можем освободиться» [Ницше. Приводится по: *Философия*, 2004].

Литература

Болдырев Н.Н., Григорьева В.С. Когнитивные доминанты речевого взаимодействия // *Когнитивные исследования языка*. 2014. Вып. 8 (45). С. 15-24.

Болдырев Н.Н. Интерпретационная семантика как способ вторичного осмысления мира // *Когнитивные исследования языка*. 2021. Вып. 2 (45). С. 34-43.

Демьянков В.З. Суждения о возможном и о вероятном в различных культурах // *Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология»*. 2022. № 4. Ч. 3. С. 312-322.

Лепина М. 12 правил общения со стариками и как не бояться старости // *Милосердие.ru*. URL: <https://www.miloserdie.ru/article/starikam-ne-nuzhna-zhalost-budte-ih-drugom/>

Линейность / нелинейность // *Современный философский словарь* / сост. В.Е. Кемеров. 1998. URL: <http://philosophy.niv.ru/doc/dictionary/modern/articles/191/linejnost-i-nelinejnost.htm>

Лишаев С.А. *Философия возраста (Возраст и время)*. СПб.: Изд-во Алтейя, 2022.

Лотман Ю.М. Роман А.С. Пушкина «Евгений Онегин». Комментарий: Пособие для учителя. Л.: Просвещение, 1983.

Необратимость // *Философский словарь* / под ред. И.Т. Фролова. 4-е изд. М.: Политиздат, 1981.

Пиаже Ж. Психология интеллекта // *Избранные психологические труды*. М.: Просвещение, 1969.

Турбина О. А. Норма в ряду категорий национального языкового сознания // *Вестник ЮУрГУ. Серия «Лингвистика»*. 2015. № 3. С. 50-53.

Философия: Энциклопедический словарь / под редакцией А.А. Ивина. М.: Гардарики, 2004.

Хайдеггер М. Основные проблемы феноменологии / пер. с нем. А.Г. Чернякова. СПб.: Высшая религиозно-философская школа, 2001.

Scherner M. Sprache als Text. Ansätze zu einer sprachwissenschaftlich begründeten Theorie des Textverstehens. Tübingen: Niemeyer, 1984.

O. Leontovich (Volgograd, Russia)
Volgograd State Socio-Pedagogical University

POTENTIAL OF LINGUOCOGNITIVE INTERPRETATION OF AGE

The study aims to investigate the conceptualization of age through the categories of temporality, dynamism, linearity, quantitativity, irreversibility, relativity, egocentricity, gender, and cultural specifics. This approach may help to reveal the regularities of cognitive processing of the notion of age, as well as its semantisation in both traditional and creative contexts.

Key words: age, logical categories, cognitive processing, interpretation.

О.А. Турбина (Челябинск, Россия)
Южно-Уральский государственный университет
(Научно-исследовательский университет)
turbina371@mail.ru

ЛИНГВО-КОГНИТИВНАЯ РЕАЛЬНОСТЬ: ЛИНГВОСЕМИОТИКА И ПСИХОСЕМИОЛОГИЯ

В предлагаемой читателю статье автор обращается к рассмотрению понятия *лингво-когнитивная реальность* через краткий анализ истории идеи от античности до наших дней. В статье показано, что данное понятие непосредственно связано и пересекается с выдвинутой Ч. Пирсом идеей об антропоморфной концепции вселенной.

Ключевые слова: лингво-когнитивная реальность, когнитивная деятельность человека, когнитивно-семиотические процессы.

С древнейших времен обращение великих мыслителей к вопросам, связанным с объяснением природы языка и отдельных его единиц, высвечивало тему познания человеком окружающей действительности и самопознания, заложив тем самым перспективы развития лингвосемиотики, психосемиологии и лингвистической когнитологии en général. Тема природы языка определяет фокус решаемого со времен Платона, Аристотеля и стоиков и нерешенного в целом по сей день основного вопроса философии об отношении *материя-дух*, известного в античности как *спор о правильности и неправильности имен*, в европейском средневековье как *спор между номиналистами и реалистами*, в новое время – как *спор об универсалиях*.

Заметим, что официально период зарождения семиотики относят к началу XIX века и связывают его с общими усилиями американского логика и философа Ч. Сандерса, занявшегося изучением трактатов средневековых схоластиков, а также швейцарского ученого Ф. де Соссюра, обратившегося на рубеже XIX-XX веков к непосредственному рассмотрению языка как знаковой системы. Однако, прообраз известного сегодня семантического (=семиотического) треугольника Г. Фреге *объект-концепт-знак* [Frege 1892; Фреге 1997], где показано отношение языкового знака с материальным миром, с одной стороны, и с представлением о нем, с другой, читается уже в античной философии – в космофизическом трие-

динстве *макрокосмос-микрокосмос-логос*, где *макрокосмос* это весь универсум, *микрокосмос* – человек, и где *логос*, как носитель разума и знаний, занимает центральную позицию, а в ряду его синонимов *дух, разум* значит *слово – язык, речь*. Так, на протяжении всей истории человечества все более отчетливой звучит идея ведущей роли языка в когнитивной деятельности человека, ибо мы познаем через призму наших знаний о языке, потому что естественный язык является самой полной и совершенной из всех систем связи, существующих в известном человеку мире, занимая главное место в ряду знаковых систем, в силу чего лингвосомиотика «занимает центральное место в науке семиотике» [Степанов 2021: 47]. Именно в силу этого свойства А.Ф. Лосев ставит язык в центр, а точнее – отводит ему особое место в ряду *материя-дух*, назвав язык «третьим видом бытия» [Лосев 1982], наряду с чисто духовным и чисто вещественным, блестяще решив тем самым главный спор основного вопроса философии.

Языковой (и речевой) семиозис непосредственно определяется природой человеческой когниции, а каждый знак языка «есть акт человеческого мышления» [Лосев 1982: 91]; он «представляет собой средство, передающее сознанию нечто извне» [Пирс 2001: 45] для дальнейшей обработки и интерпретации содержащегося в нем кванта информации об окружающем универсуме. Согласно сформулированному Г. Гийомом закону системности [Гийом 1992: 105-110], гласящему, что каждая единица системы как в капле воды отражает принцип устройства системы в целом, можно сказать, что в самом общем представлении система языка – это знак концепции универсума и, соглашаясь с остроумным замечанием Ч. Пирса утверждать, что «в свете достигнутых наукой огромных успехов отрицать наше право называться созданиями Божиими и с чувством ложной стыдливости отворачиваться от антропоморфной концепции вселенной было бы по крайней мере несколько неблагородно» [Пирс 2021: 29].

Антропоморфная концепция вселенной, сотворенная человеческим разумом – вот тот объект, который стремятся постичь (осознанно, или же интуитивно) адепты всех научных направлений (в философии, психологии, лингвистике), обращающиеся к изучению природы и функционирования интеллекта. Поскольку трудно представить формы сознательного поведения человека, в которых не учитывалось бы участие языкового фактора, лингвистика выдвигается среди перечисленных наук в лидирующую позицию, не отворачиваясь, однако, от них, поскольку когнитивно-семиотические процессы, творящие систему языка и управляющие механизмами и закономерностями речепроизводства, определяются фундаментальными принципами человеческого бытия, его природой. Когнитивная лингвистика – дочерняя ветвь когнитивной психологии – остается верна своим истокам и обращается к результатам исследований в области психологии, в силу чего лингвистическая семиология неизбежно имеет характер психосемиологии, ибо языковой семиозис включает механизмы генезиса знаков в системе языка, обусловленные, с одной стороны, результатом познания универсума носителями языка, включая внутренний универсум, и результатом их использования в речи – с другой [Турбина 2018: 10].

Однако изучение психомеханизмов языкового (и речевого) семиозиса в настоящее время сталкивается с серьезными и труднопреодолимыми пока проблемами, так как лингвистика пребывает в состоянии, позволяющем ей использо-

вать только половину своих возможностей, что разочаровывает в ней многих блестящих мыслителей [Гийом 1992: 84]. Дело в том, что речевой акт начинается не с произнесения слов, предназначенных для выражения мысли, а с более ранней, лежащей в его основании операции, представляющий собой сигнал, с которым мысль в момент своего выражения обращается к языку. Эта операция свершается в столь малое время, что становится недоступной для анализа. Если бы мы могли видеть операции интеллекта в предшествующей речевому акту подготовительной фазе импульса, то есть если бы «наш мозг мог различать, что происходит в самых его глубинах, мы имели бы лингвистические знания огромной важности». Но мы можем наблюдать только самые последние мгновения речевого акта. Понять, что происходит в эти скрытые от нас мгновения, мы можем только аналитически, отталкиваясь от изучения того, «что происходит в речи, и, с другой стороны, того, что зафиксировано в языке в форме семантем, морфем и систем» (моделей) [Гийом 1992: 81-82]. Именно этим обстоятельством определяется низкая степень объективности и достоверности результатов целого ряда исследований, например, в области лингвистической дискурсологии (при определении степени эмотивности/неэмотивности речи, конфликтогенности/неконфликтогенности речевой ситуации, намерения воздействия на адресата и т.д.) и невозможность их проверки без обращения к анализу механизмов психосемиозиса материальных (с учетом поправки А.Ф. Лосева) носителей информации. В качестве носителей информации система языка использует семантемы, морфемы и модели, которые лингвистика наблюдать умеет. Но сегодня исследователи, к сожалению, часто забывают об этом и смотрят «поверх» материи языка в поисках смыслового содержания, которое возникает именно в результате этих поисков в воображении самого исследователя, имея лишь условную связь с заключенной в рече-языковом комплексе информацией.

Здесь мы вновь возвращаемся к древнейшему вопросу: как изучать знаки языка и принципы их использования в речи, чтобы объективно точно декодировать заключенную в них информацию? И вновь возвращаемся к триединству *язык-мир-человек*, без учета которого невозможен когнитивно-семиотический анализ и в котором кроется природа языкового универсализма.

В настоящее время уже ни у кого не вызывает сомнения то, что в своих истоках природа сознания и мышления, несомненно, является биологической [Цехмистро 1981: 9-10]. Более того, ряд ученых, среди которых особо выделяется известный психолог XX столетия Ж. Пиаже, полагают, что поиски определения сущности интеллекта и его основных особенностей должны начаться с описания еще более фундаментальных процессов, существенных для живого в целом, на основе которых возникает интеллект и специфическое сходство с которым он всегда сохраняет [Piaget 1967: 14], ибо когнитивные процессы возникают в ходе – и как следствие – саморегуляции организма, основные механизмы которой они отражают, равно как и расширяют принципы взаимодействия различных органов с внешней средой на весь Универсум, *структурируя его в соответствии с этими принципами* [Piaget 1967: 49] (выделено мной – О.Т.), т. е., говоря словами Ч. Пирса, творя антропоморфную концепцию вселенной.

Антропоморфная концепция вселенной... Какая она? Доступна ли для изучения? Есть ли возможность выявить ее воплощение в некоем материальном но-

сителе? Каков он и что собой представляет? Все эти вопросы ведут к одному объекту – к естественному человеческому языку. Именно в нем, как заметил еще В. фон Лейбниц, закодирована вся информация о вселенной, – точнее, как скажем мы сегодня (вслед за И. Кантом и Э. Кассирером), представление о ней человеком. Это представление формируется на основе когнитивных способностей, обусловленных самой природой человека, познающего окружающий мир в ощущениях от органов чувств через восприятие к обработке интеллектом. Такой путь формирования концепции вселенной, антропоморфный характер которой определяется способом отношений человека с окружающей средой через его органы чувств: для человека вселенная такова, какой он сам ее создал в силу возможностей, данных ему природой. Язык, как периферическая система фиксации мыслимого (выражение Г. Гийома), это естественный материально-духовный (выражение А.Ф. Лосева) носитель информации об окружающем мире, созданный человеческим интеллектом.

Лингво-когнитивная реальность, таким образом, – это естественная информационно-кибернетическая система, оперирующим центром которой является воспринимающий, интерпретирующий, создающий и кодирующий информацию человек.

Литература

Гийом Г. Принципы теоретической лингвистики. М.: Издательская группа «Прогресс» «Культура», 1992.

Лосев А.Ф. Знак. Символ. Миф. М.: Издательство Московского университета, 1982.

Пирс Ч.С. Принципы философии. Том II. СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2001.

Степанов Ю.С. Семиотика. М.: ЛЕНАНД, 2021.

Турбина О.А. Семиозис эмогенного текста // Эмогенный текст. Под редакцией О.А. Турбиной. Челябинск: Издательский центр ЮУрГУ, 2018. С. 7-83.

Фреге Г. Смысл и денотат // Семиотика и информатика. 1997. Вып. 35. С. 351-379.

Цехмистро И.В. Поиски квантовой концепции физических оснований сознания. Харьков: Вища школа, 1981.

Frege G. Über Sinn und Bedeutung / Zeitschrift für Philosophie und philosophische Kritik. Leipzig, 1892. S. 24-50.

Piaget J. La psychologie de l'intelligence. Paris: Armand Colin, 1967.

O.A. Turbina (Chelyabinsk, Russia)
South Ural State University

LINGUO-COGNITIVE REALITY: LINGUOSEMIOTICS AND PSYCHOSEMIOTICS

In the article offered to the reader, the author addresses his consideration to the concept of linguo-cognitive reality through a brief analysis of the history of the idea from antiquity to the present day. The article shows that this concept is directly related and intersects with the proposed Ch. Pierce's idea of an anthropomorphic concept of the universe.

Key words: linguo-cognitive reality, human cognitive activity, cognitive-semiotic processes.

Л.Г. Викулова (Москва, Россия)

Московский городской педагогический университет

vikulovaLG@mgpu.ru

Э.М. Рянская (Нижневартовск, Россия)

Нижневартовский государственный университет

elohka2210@yandex.ru

МЕТАТЕКСТ В РЕПРЕЗЕНТАЦИИ КОНЦЕПТУАЛЬНОГО СОДЕРЖАНИЯ ФИЛОСОФСКОГО СЛОВАРЯ

В докладе речь идет о прагматике метатекста в философском словаре. Доказывается, что презентационная составляющая метатекста (предисловие, введение) направлена на представление концептуального содержания философского проективного словаря. Анализ показывает, что для издания характерна направленность на инновационные подходы к построению словаря нового типа, основанного на текстовой категории проспекции.

Ключевые слова: метатекст, прагматика метатекста, концептуальное содержание, философский словарь.

Обращение к словарю как источнику информации представляет исследовательский интерес не только в плане изучения его как словарного произведения определенной сферы, но и в свете наблюдений за фиксацией обновлений, происходящих в теории лексикографии. Согласно Т.Б. Заграевской, словарь является производением национальной культуры и представляет собой достижение науки на определенном этапе развития общества, включая уровень развития философской, религиозной, политической мысли этноса [Заграевская 2012: 91]. Значимыми изданиями в академической и научной коммуникации являются философские словари, включающие термины и понятия, которые имеют мировоззренческое и методологическое значение и отражают многие абстрактные характеристики бытия [Викулова и др. 2021: 200].

Ученые-лексикографы разделяют словарные параметры на теоретические (концептуальные) и эмпирические (прагматические). К теоретическим параметрам относят объект описания, типологические признаки и место в системе словарей, к эмпирическим – адресат, нормы и принципы построения словаря [Добичинский 2008: 55].

Содержание словарных статей, словарные дефиниции позволяют «увидеть те знания, которые сформировались в сознании носителей языка и получили статическое (результативное) осмысление отражаемого мира» [Шарандин 2018: 14]. Сравнение этих результатов в словарях разных лет позволяет увидеть «динамический аспект в развитии отражательной функции языка и ее представления в словарях» [Там же]. Вместе с тем словарь включает собственные характеристики, значимые в концептуальном плане с точки зрения позиций составителей словаря.

Особое место в словаре занимает предтекстовая часть, которая содержит основную информацию о словаре, включая отражение его концептуальной и прагматической направленности. Материалом исследования послужили тексты предисловия и введения к Философскому проективному словарю [Философский проективный словарь 2020]. Проблема прагматики этих текстов была рассмотре-

на в предыдущей публикации [Викулова и др. 2021], в которой показаны коммуникативные стратегии и их языковая репрезентация, обнаруживающие специфику метатекстового жанра паратекста.

Цель настоящего исследования состоит в том, чтобы выявить маркеры концептуального содержания словаря, представленные в его предтекстовой части. Общие принципы построения словаря, как правило, указываются в предисловии [Добичинский 2008: 61], однако в рассматриваемом словаре разъяснение читателю концепции издания содержится как в предисловии, так и во введении.

Предисловие, составленное редакторами (без указания авторства), занимает небольшой объем в текстовом пространстве словаря и в сжатой форме передает основную идею – построение словаря на новых методологических принципах. Словарь, независимо от его разновидности, создается с учетом актуальных потребностей общества или науки. При этом, опираясь на уже существующие традиции, его составители всегда привносят новое содержание. Авторы предисловия подчеркивают, что *«динамично меняющаяся реальность выдвигает новые и новые вызовы философскому осмыслению как результатов этой динамики, так и ее перспектив»*. Методологический прорыв, согласно цитируемому отзыву на словарь, есть не что иное как *«демонстрация возможности перехода через пропасть, где происходит обрыв преемственности, опыт перехода из вчера в завтра»* (Новый мир. 2009. № 4) [Философский проективный словарь 2020: 15]. Речь идет о том, что традиционно отечественная философия заимствовала новые идеи и тенденции у западной философии, а в ней самой преобладала направленность на осмысление и понимание прошлого. По мнению редакторов, XXI век выявил необходимость в создании новых философских направлений, концепций и жанров, поэтому зарождение проективного концептуального философского словаря в России является важным проектом в контексте развития отечественных гуманитарных наук [Философский проективный словарь 2020: 16].

Идея перехода от устоявшихся традиций к инновациям реализуется в таком декларируемом подходе, как обновление философских понятий и необходимость в их лексикографическом описании. Составители словаря выступили инициаторами описания и систематизации не только впервые предлагаемых терминов, но и уже известных, получающих новые толкования. При этом отмечается, что особенность проективного словаря состоит в возможности развития понятий и терминов в новых текстах. Таким образом, предлагаемые *«эвристический и экспериментальный»* способы использования словаря открывают перспективу для исследовательской и учебной работы в этом русле [Философский проективный словарь 2020: 16-17].

Концептуальной составляющей является замысел построения словаря как гипертекста, *«внедряющего в знаковую систему культуры новые концепты самим актом их манифестации»*. Этот принцип проявляется в организации словарной статьи, содержащей заглавное слово-понятие, которое сопровождается дополнительными данными, ссылками на смежные или тематически связанные понятия, примерами, сносками к цитатам и списками работ [Философский проективный словарь 2020: 17]. Подобное устройство словаря свидетельствует о приобретении им такого свойства, как гибкость, т.е. возможность включения разных сведений [Матюшина 2022: 145].

Дополнением и развитием положений концепции словаря является авторский текст введения, написанный М.Н. Эпштейном, российским и американским философом. Прежде всего, ученый опирается на идею взаимодействия философской мысли и языка: *«Поскольку мышление осуществляется в языке, то всякая новая мысль требует нового выражения, а радикально новая мысль, парадигмальный сдвиг в науке – нового языка»* [Философский проективный словарь 2020: 19].

Идея актуальности смены традиций в лексикографии отражается в следующем высказывании автора: *«<...>переход от описательно-обобщающих к созидательным функциям словаря совпадает с ходом общегуманитарного развития последних десятилетий»* [Философский проективный словарь 2020: 21]. Речь идет о смене вектора из аналитической в синтетическую фазу. В этом контексте проективный словарь рассматривается как порождающая модель, способная создавать новые концепты, используя общий терминологический ресурс [Философский проективный словарь 2020:22-23]. Демонстрируя на примере терминов *«благоподлость»* и *«инфиниция»*, как формируются новые концепты, ученый дает образец синтезирования словопонятия методом альтернативного переосмысления и перекомбинирования [Философский проективный словарь 2020: 28]. Тем самым показано, что проективный словарь представляет собой открытую систему, способную взаимодействовать с его пользователем.

Подводя итог, обозначим основные положения, отражающие концептуальное содержание философского проективного словаря, которое изложено в предтекстовой части издания. Отметим, что рассмотренные текстовые образования ориентируют читателя в направлении современных лексикографических тенденций, предполагающих развитие новых научных подходов к составлению словарей.

Своей основной задачей авторы словарного проекта видят построение словаря на новых методологических принципах, таких, как учет потребностей динамически развивающихся общества и науки, переход от устоявшихся лексикографических традиций к инновациям. Авторы, сталкиваясь с противоречиями между лексикографической практикой, ориентированной на описание и фиксирование терминов, и системным построением новых понятий и терминов, совмещают оба подхода. Ключевой идеей выступает построение словаря на основе сочетания гипертекстовой модели, в которой главной зоной словарной статьи является слово-понятие, и порождающей (открытой), способной создавать новые концепты.

С точки зрения взглядов составителей словаря, положение, касающееся взаимодействия языка и философской мысли, служит концептуальной характеристикой, значимой для представления результатов. Формируется философское направление, которое ставит своей задачей синтез новых понятий и терминов на основе их языкового анализа. При таком видении сущности лексикографической деятельности представленный проект имеет перспективу для лингвистических исследований.

Литература

Викулова Л.Г., Рянская Э.М., Герасимова С.А. Прагматика дискурсивных жанров *предисловие и введение* к французскому и русскому философским словарям: сравни-

тельный анализ // Русистика и компаративистика: сб. науч. трудов по филологии / гл. ред. С.А. Васильев. Вып. XV. М.: Книгодел, 2021. С. 197-218.

Дубичинский В.В. Лексикография русского языка. М.: Наука: Флинта, 2008.

Заграевская Т.Б. Теория словаря в отечественных оригинальных концепциях конца XX-начала XXI веков // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. 2012. Т. 1. Филология. № 3. С. 90-98.

Матюшина Н.В. Наглядное отражение признака деструктивности в билингвальном словаре нового типа // Вестник МГПУ. Серия: Филология. Теория языка. Языковое образование. 2022. № 2 (46). С.143-154.

Философский проективный словарь. Новые термины и понятия. Вып. 2 / под ред. Г.Л. Тульчинского, М.Н. Эпштейна. СПб.: Алетейя, 2020.

Шарандин А.Л., У Мэн. Лексикографическая репрезентация концептов как отражение эволюции языка и мышления // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2018. № 2. С. 14-20.

L.G. Vikulova (Moscow, Russia)

Moscow City University

E.M. Ryanskaya (Nizhnevartovsk, Russia)

Nizhnevartovsk State University

METATEXT IN THE REPRESENTATION OF CONCEPTUAL CONTENT OF A PHILOSOPHICAL DICTIONARY

The present report deals with the pragmatics of the metatext in the Philosophical Dictionary. It is proved that the presentation component of the metatext (preface, introduction) is aimed at presenting the conceptual content of the philosophical projective dictionary. The analysis shows that the edition is characterized by a focus on innovative approaches to the construction of a new type of dictionary based on the text category of the prospectus.

Key words: metatext, metatext pragmatics, conceptual content, philosophical dictionary.

А.В. Анищенко (Москва, Россия)

Московский государственный лингвистический университет

allan031@yandex.ru

ВЕРБАЛИЗАЦИЯ ЭМОЦИОНАЛЬНОЙ КОНЦЕПТОСФЕРЫ ЛЮДЬМИ С НАРУШЕНИЯМИ ЗРЕНИЯ (НА ПРИМЕРЕ НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА)

Предлагаемое исследование, выполненное на материале немецкоязычных документальных фильмов малого формата о людях с инвалидностью, посвящено выявлению особенностей концептуализации эмоциональной сферы людьми с нарушением зрения.

Ключевые слова: вербализация эмоций, эмотив, эмоциональный концепт, люди с нарушением зрения, инклюзия.

Социокультурная обусловленность эмоциональных проявлений неоднократно тематизировалась в исследованиях отечественных и зарубежных учёных-лингвистов последних лет. При этом, в центре внимания, как правило, оказывалось влияние национальной культуры на способы вербальной репрезентации эмоций. Предлагаемое исследование посвящено вербальной экспликации эмоциональных проявлений представителями особой социокультурной группы – людьми с ограниченными возможностями по зрению.

Идея инклюзивного общества, создающего комфортные условия существования для граждан с ограниченными возможностями здоровья, реализуется в многочисленных социально ориентированных проектах и инициативах, в том числе и посредством их освещения на телевидении и интернет-ресурсах. Влияние средств массовой информации на создание общественного мнения и трансформацию базовых ценностей в социуме, среди которых наиболее актуальны в последние годы толерантность и инклюзия, очевидно. Документальные фильмы о людях с инвалидностью обладают высоким прагматическим потенциалом: информируя о проблемах протагонистов с ограниченными возможностями здоровья и об их эмоциональной сфере, они создают условия для толерантного отношения социума и социальной адаптации.

В качестве материала исследования были выбраны документальные фильмы малого формата немецкоязычных канала *ZDF Einfach Mensch* (<https://www.zdf.de/gesellschaft/einfach-mensch/>) и *TRU DOKU* (<https://www.zdf.de/funk/tru-doku-12074>), повествующие о людях с полной потерей зрения или его нарушением. В предлагаемом исследовании предпринимается попытка ответить на вопрос, какие эмоции демонстрируют коммуниканты с нарушением зрения; какими вербальными средствами эти эмоции реализуются; влияет ли ограничение визуальной рецепции на процессы концептуализации эмоций и чувств?

Каждый документальный фильм рассказывает о жизни конкретного человека с сенсорными особенностями. Задача проекта заключается в том, чтобы не

только рассказать о проблемах инвалидов в обществе, но и поддержать тех, кто испытывает аналогичные трудности. Так, один из протагонистов, тик-токер Николаус Рицидис (*Nikolaus Rizidis*) говорит, что чувствует себя инвалидом из-за общества или внешних обстоятельств, а не из-за собственного недостатка и что своими видео он хочет достучаться до людей и показать, что ведет такую же жизнь, как и все (*Ich fühle mich oft behindert gemacht durch die Gesellschaft oder durch äußere Umstände als durch meine eigene Beeinträchtigung. Und mit verschiedenen Videos möchte ich die Leute erreichen und zeigen: Hey, ich bin zwar blind, aber führe ein normales Leben wie andere auch*). Герои репортажей выражают уверенность в том, что их рассказы помогут окружающим избавиться от психологического барьера и боязни контакта с инвалидами (*Ich glaube, wenn man selber eine Beeinträchtigung hat und offen, witzig damit umgeht, fällt bei den Leuten halt eben diese Hemmschwelle beziehungsweise diese Berührungsangst*).

Большая часть участников репортажей призывает не просто к принятию и терпимости по отношению к ним или их близким, а к некоему когнитивному усилию, в результате чего зритель научится понимать людей, которые выглядят или ведут себя необычно [Анищенко, Тумасян 2022: 18].

Определяющим в выборе материала исследования стала форма повествования «от первого лица». Сохраняя нейтральный тон, протагонист рассказывает о том, как изменилась его жизнь после ухудшения или потери зрения, с какими трудностями ему пришлось столкнуться, что давало и дает ему поддержку. В анализируемый корпус были включены реплики и комментарии, содержащие эмотивы, т.е. единицы, вербализующие эмоциональную сферу на трех уровнях: номинаций, дескрипций и экспликаций [Шаховский 2008: 43]. Выявленные единицы были систематизированы в группы, объективирующие базовые эмоциональные концепты – этнически, культурно обусловленные, сложные структурно-смысловые, интегративные, вербализованные образования, базирующиеся на понятийной основе, включающие в свою архитектуру, помимо понятия, образ и/или оценку, и функционально замещающие человеку в процессе рефлексии и коммуникации множество однопорядковых предметов, вызывающих пристрастное отношение к ним человека [Красавский 2008: 350].

Результаты контекстуального анализа отобранных методом сплошной выборки эмотивных контекстов свидетельствуют об определённой специфике объективации эмоциональной концептосферы людьми с нарушениями зрения в рамках анализируемого социально ориентированного проекта, выражающейся в особом лексико-стилистическом и прагматическом оформлении речи.

Количественно преобладают языковые реализации эмоционального концепта *Gefühl/чувство*, который характеризуется диффузностью; его центральный номинант, лексема *Gefühl* не дифференцирует модальность и интенсивность эмоции, а лишь констатирует факт эмоционального реагирования. Отличительной чертой вербализации этого концепта, а также других эмоциональных состояний является ее дескриптивный характер: эмоция не называется, а описывается, в том числе при помощи сравнений. Протагонисты используют для характеристики своего состояния следующие лексические средства:

а) существительное *Gefühl* + глагол *haben* (*Ich hab so ein richtiges Gefühl von Freisein; ...wenn man das Gefühl hat, es brechen noch andere Dinge weg; ich habe*

das Gefühl, es ist deutlich schlechter geworden...; ich habe das Gefühl, die Leute denken, ich bin eine Simulantin, es ist mit peinlich...);

б) глагол *sich fühlen* (jetzt in Berlin fühle ich mich viel unabhängiger);

в) глагол *sich fühlen* + сравнение (*das ist so eine Sache, dass ich mich oft wie so ein Zwitterwesen fühle; es ist zwar nett von den Leuten, aber dann fühle ich mich irgendwie wie eine Dreijährige; ich fühle mich eben wie im Urlaub. Ich denke mir gerade so eine Insel*).

Герои репортажей охотно и подробно рассказывают о своих увлечениях, которые ничем не отличаются от увлечений здоровых сверстников, подчеркивая тем самым, что они такие же, как и все. Таким образом, широко представлены в речи всех протагонистов языковые реализации концепта *Spaß/удовольствие*:

а) существительное *Spaß* + глагол *machen* (*mir macht Spaß am Klavier, dass ich die Töne hören kann; mir mach Spaß, dass ich mit anderen mich auspowern kann; am meisten Spaß macht mir, dass ich kreativ sein muss für meine Videos*);

б) глаголы *lieben, gefallen, mögen* (*ich liebe meine Arbeit im Café; ich liebe Herausforderungen; ich mag Schnecken, ich habe richtig Körperkontakt zu denen; ich liebe, liebe, liebe Tandemfahren*);

в) глагол + *gern* (*ich mache sehr gerne Judo. Ich bin gern beim Klavier und bei den Pfadfindern; ich hatte am liebsten Sachen, die Geräusche und Lärm machen; Sarah und ich gehen auch super gerne spazieren mit dem Hund*).

Следует отметить, что наибольшую радость герои репортажей получают от взаимодействия с друзьями и близкими (*ich würde mir noch wünschen, dass niemand ausgeschlossen wird, dass jeder mit jedem befreundet ist*), от принятия окружением их особенностей, невыделения их из социума по причине болезни (*ich möchte eine Akzeptanz, und ich möchte auch, dass Leute das wissen*) и от признания их достижений (*aber die Kommentare sind wirklich zum größten Teil sehr, sehr positiv. das macht mich sehr stolz, zum einen; das berührt mich auch sehr, und ich finde es einfach schön, so ein Feedback halt zu kriegen, so eine Rückmeldung*).

Таким образом, особенности манифестации эмоциональной экспрессии людей с нарушениями зрения в рамках социального проекта обусловлены форматом и задачами информационного ресурса – способствовать обеспечению социальной адаптации и равноправного существования людей с ограниченными возможностями в социуме.

Манифестация эмоций и чувств выступает как один из способов привлечения внимания массового реципиента и его расположения к адресанту через демонстрацию «одинаковости» адресанта и адресата.

Литература

Анищенко А.В. Вербализация ценностного концепта "ТОЛЕРАНТНОСТЬ" в речи немецкоязычной молодёжи (на материале репортажей TRU DOKU) / А.В. Анищенко, К. А. Тумасян // Филологические науки в МГИМО. 2022. Т. 8. № 4. С. 8-20.

Красавский Н.А. Эмоциональные концепты в немецкой и русской лингвокультурах. М.: Гнозис, 2008.

Шаховский В.И. Лингвистическая теория эмоций: Монография. М.: Гнозис, 2008.

*A. V. Anishchenko (Moscow, Russia)
Moscow State Linguistic University*

VERBALIZATION OF THE EMOTIONAL CONCEPTOSPHERE BY GERMAN SPEAKERS WITH VISUAL IMPAIRMENTS

The following study, based on German-language short documentaries about people with disabilities, is devoted to identifying the features of the conceptualization of the emotional sphere by people with visual impairments.

Key words: verbalization of emotions, emotive, emotional concept, visually impaired people, inclusion.

*О.Д. Вишнякова, А.А. Липгарт (Москва, Россия)
Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
ol-vish@mail.ru, oa_lipgart@mail.ru*

ЯЗЫКОВАЯ ЭКОНОМИЯ КАК ЛИНГВОКРЕАТИВНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ (АНТРОПОЦЕНТРИЧЕСКИЙ ПОДХОД)

В статье рассматривается проблема языковой экономии, нацеленной на минимизацию языковых усилий индивида. В рамках современной парадигмы научного знания изучение феномена языковой экономии предполагает осуществление антропоцентрического подхода с учетом диалектического единства языка и речи. Языковая экономия рассматривается в качестве продукта лингвокреативности в широком смысле, реализуемой как использование потенциала естественного человеческого языка для создания функционально и семантически емких языковых единиц на всех уровнях репрезентации. На примере английского языка может быть проиллюстрировано положение об основополагающей роли особенностей языковой системы, определяющей специфику осуществления оптимизации и компрессии в целях достижения успешности коммуникации.

Ключевые слова: языковая экономия, лингвокреативность, антропоцентризм, языковая система, лингвокогнитивный, интерпретация.

Проблема языковой экономии в последнее время предстает перед исследователями как все более объемная и многоаспектная. Основополагающие идеи, содержащиеся в работах А. Мартине и его последователей, получили развитие в многочисленных трудах лингвистов, опирающихся на положение о том, что языковая экономия обусловлена стремлением к реализации минимальных усилий со стороны индивида с точки зрения его умственных и физических затрат, — что может рассматриваться в качестве стимула и движущей силы языковых изменений [Мартине 2009: 188-189]. Очевидно, что возможность достижения данных целей, которые относятся к области речевого функционирования, обусловлена антропоцентрическим принципом, лежащим в основе исследовательской деятельности в рассматриваемой сфере, и непосредственно коррелирует с проблематикой, связанной с реализацией понимаемого в широком смысле лингвокреативного потенциала естественного человеческого языка [Vishnyakova et al. 2019]. Когнитивная природа лингвокреативности как процесса, демонстрирующего преобразовательные возможности языка, с одной стороны, и человека как

осуществляющего творческую деятельность субъекта, с другой, представлена как процедурами построения образа объекта на основе использования языкового потенциала, так и механизмами порождения новых языковых единиц в различных коммуникативных целях. Данный подход позволяет исследователям выделить особые зоны лингвокреативности на основе соответствующих стимулов интра- и экстралингвистического характера, включая собственно лингвокогнитивную сферу индивида и стимулирующие лингвокреативные процессы трансформации в знаковой области, воплощаемые в языковых образах [Ирисханова 2009]. Иначе говоря, система представлений человека, обусловленная устойчивым характером основных закономерностей и взаимосвязей, которые лежат в основе его деятельности, в том числе интерпретационной, может предстать в виде языковых репрезентаций, характеризующихся новыми семантическими и формальными свойствами, что позволяет решить те или другие коммуникативные задачи.

Так, например, одной из наиболее распространенных тенденций в употреблении английского языка, как и других современных языков, является создание сокращений, причем, не только относящихся к области трансформаций в области формы или семантических преобразований, но и четко очерчивающих лингвокультурные характеристики процессов репрезентации различных языковых и концептуальных картин мира. В австралийском и новозеландском социумах широко распространена единица “aggro”, отражающая специфику местных реалий в области достаточно типичных отношений, которые складываются между людьми, и подлежащая расшифровке в процессе анализа содержащего ее контекста в силу развившейся контекстуально-ситуативной омонимии: “A combination of aggravation (made worse, intensified) and aggression (over-readiness to attack), this contracted abbreviation came into use in the 1960s to indicate annoyance and exasperation. The meaning of agro has both widened and weakened: it can indicate either a potential street fight, or something as minor as a person being a few minutes late, thus causing agro to the person waiting. *Bernie couldn't play rugby on Saturday – he damaged his hands after some aggro in the street on Friday night*” [Cryer 2006: 9]. Подобные преобразования, демонстрирующие процессы сужения, расширения и объединения языковых значений, выступают в качестве одного из значимых маркеров лингвокреативности, позволяющей обеспечить экономию усилий языковой личности, порождающей и воспринимающей речь.

Антропоцентрическая природа данных явлений неоднократно подчеркивалась авторами исследований в области языковой экономии, справедливо опирающихся на тезис о диалектическом единстве языка и речи, а также отмечающих, что корректное выстраивание языковых элементов на речевом уровне обеспечивает успешность процесса коммуникации, достигаемого с наименьшими затратами [Головач 2011; Коровкин 2006]. В этом плане особого внимания заслуживают как собственно лингвистические, так и эвристические вопросы оптимизации дискурсивного пространства, с учетом лингвокогнитивных процессов, принимающих участие как в ходе формальной и смысловой компрессии языковых единиц, так и в интерпретационной процедуре смысловой и структурной расшифровки единиц, обладающих различной функциональной нагрузкой, семантической емкостью и способностью к реализации своего лингвокреативного потенциала. Например, исследователями приводятся примеры создания аб-

бrevиатур различного характера, являющихся одним из типичных случаев реализации лингвистического ресурса в сфере постановки и решения задач эвристического характера, с учетом Интернет-коммуникации [Minyar-Beloroucheva et al. 2020].

Важнейшей проблемой, относящейся к области реализации лингвокогнитивных процессов на различных уровнях репрезентации в ходе лингвокреативных преобразований, является вопрос о реальных возможностях языковой системы по осуществлению подобной деятельности индивидом и о тех условиях и потребностях данной языковой системы, выдвигаемых к ее носителю и преобразователю – человеку, с учетом принципа единства экономии и избыточности. Так, английский язык обладает целым рядом системных характеристик, которые выступают в качестве объективных оснований для манифестации скомпрессированных в ней ресурсов на уровне речи. Такие свойства, как широко представленные полисемия, омонимия, четко выраженные тенденции к проявлению полифункциональности языковых единиц [Гвишиани 2019], высокая продуктивность целого ряда морфологических моделей и т.д., позволяют использовать лингвокреативный потенциал естественного языка как в целях емкой и экономичной трансляции семантических и концептуальных содержаний, репрезентируемых языковыми единицами, так и пользоваться языком в быстро доступном оптимизированном виде для достижения различных целей, включая реализацию его паролльной и манипулятивной функций, выходящих за рамки собственно системных отношений.

Литература

- Гвишиани Н.Б.* Полифункциональные слова в языке и речи. М.: ЛЕНАНД, 2019.
- Ирисханова О.К.* О понятии креативности и его роли в языке лингвистических описаний // Когнитивные исследования языка. 2009. Вып. V. С. 158-171.
- Головач О.А.* Принцип экономии в лингвистике // Вектор науки ТГУ. 2011. №3 (17). С. 137-139.
- Коровкин М.М.* Когнитивный и коммуникативный аспекты языковой экономии. Рязань: Ряз. гос. мед. ун-т им. И.П. Павлова, 2006.
- Кубрякова Е.С.* Язык и знание. М.: Языки славянской культуры, 2004.
- Мартине А.* Основы общей лингвистики. М.: Книжный дом «Либроком», 2009.
- Cryer M.* The Godzone Dictionary of favourite New Zealand words and phrases. Auckland: Exisle Publishing Limited, 2006.
- Minyar-Beloroucheva A.P., Sergienko P.I., Vishnyakova E.A., & Vishnyakova O.D.* Semantic and Cognitive Communicative Aspects of Abbreviation in the Modern English Discourse Varieties // International Journal of English Linguistics. 2020. 10, (1). P. 26-36 DOI: 10.5539/ijel.v10n1p26
- Vishnyakova O.D., Dobroradnykh T.A., Aleksandrova V.A., Klimanova M.V.* Knowledge and Linguistic Creativity Interaction in the Media Discourse // International Journal of English Linguistics. 2019. 9(2). P. 65-74. DOI: 10.5539/ijel.v9n2p65

*O.D. Vishnyakova, A.A. Lipgart (Moscow, Russia)
Lomonosov Moscow State University*

AN ANTHROPOCENTRIC APPROACH TO LINGUISTIC ECONOMY AS LINGUOCREATIVE ACTIVITY

The article deals with linguistic economy, which is aimed at minimizing the language efforts of the individual. The study of linguistic economy involves implementation of an anthropocentric approach based on the dialectical unity of language and speech. Linguistic economy refers to linguo-creativity in a broad sense, realized as the use of the potential of natural human language at all levels of representation to create functionally and semantically capacious linguistic units. We examine the English language to demonstrate the fundamental role of the language system regularities, which determines the specifics of optimization and compression in terms of successful communication results.

Key words: language economy, linguistic creativity, anthropocentrism, language system, linguocognitive, interpretation.

*Е.М. Истомина (Челябинск, Россия)
Южно-Уральский государственный университет (НИУ)
istominaem@susu.ru*

НОВАЯ ЭМОЦИОНАЛЬНОСТЬ КАК ЭТАП В ИСТОРИИ ЭМОЦИЙ

В исследовании рассматривается связь между социокультурными изменениями в обществе и новым языком эмоций. Лексика новой эмоциональности привела к переосмыслению испытываемых эмоций, а дискурс новой эмоциональности сформировал новую эмоциональную матрицу. Результаты исследования говорят об эмоционализации культуры и о переходе общества к эпохе эгоцентризма.

Ключевые слова: эмотив, эмоциональный режим, эмоциональное сообщество, эмоциональный капитализм, новая эмоциональность.

Если изначально эмоция рассматривалась исключительно как антропологическая константа психологического характера и изучалась, соответственно, с опорой на концептуальный и методологический аппарат психологии, то в наши дни она трактуется и как культурно-историческая переменная, то есть как то, что во многом определяет всю историю культуры и социальные отношения.

Целью исследования является изучение связи между социокультурными изменениями в обществе и новым языком эмоций характеризующимся активным использованием лексики психотерапевтического дискурса.

Объектом исследования выступает дискурс новой эмоциональности, субъектом – лексика языка новой эмоциональности.

Ключевой концептуальный аппарат синтетической парадигмы, заключающейся в подходе к эмоции как некой постоянной основы и переменной культурной оболочки, разработан, главным образом, американскими учеными У. Редди и Б. Розенвайн, использующих, однако, различные подходы к исследованию эмоций.

Согласно У. Редди эмоции – это когнитивная деятельность, а их выражение представляет собой перевод универсального опыта на язык действующей культуры. Для слов и выражений, участвующих в осуществлении такого перевода, ученый использует термин «эмотивы». Концепцию эмотивов У. Редди основывает на результатах нейронауки и когнитивной психологии, выявивших обратную связь между произнесением эмотива и ощущением соответствующей эмоции, и приходит к выводу об изменчивости эмоций и возможности влияния на них [по Плампер 2018: 54]. Важнейшим тезисом автора является то, что политический режим поддерживается эмоциональным, который трактуется как некий набор нормативных эмоций и ритуалов, методов и эмоциональных практик для их выражения и внушения [там же]. Сегодня понятие «эмоциональный режим» чаще используется не в своем полном значении комплекса предписанных эмотивов, ритуалов, методов и символических практик, а как система представлений об эмоциональных нормах. Эмоциональный режим встраивается не только в политическую, но и в общественно-экономическую формацию формируя «эмоциональный капитализм». Термин, введенный Е. Иллуз, подразумевает культуру, в которой эмоции подвергаются рациональному управлению и переводятся на язык рыночной экономики: личностные качества, знания, связи рассматриваются как капитал, а эмоции – как инвестиции [Illouz 2007].

Эмоциональные режимы, по мнению А. Зорина со временем способны складываться в так называемую эмоциональную матрицу, подразумевающую «устоявшийся в культуре тип восприятия и переживания фактов действительности», т.е. эмоциональная матрица задает «паттерны» для эмоциональной реакции в контексте эпохи [Зорин 2016: 24].

Б. Розенвайн в отличие от У. Рэдди полагает, что эмоции не полностью определяются социально-политическими режимами, а зависят от «культурного языка» и устойчивых практик коммуникации и вводит термин «эмоциональные сообщества», подразумевающий группы людей, переживающих сходные чувства в ответ на определенные события. Эмоциональные сообщества в значительной степени аналогичны социальным группам (семья, учебное заведение и пр.), однако демаркация основывается на системе чувств: а) эмоциях (важных, критикуемых или игнорируемых), б) характере признаваемых аффективных связей между людьми и в) режимах выражения эмоций (используемых, поощряемых, терпимых и критикуемых). Автор отмечает возможность формирования эмоциональных сообществ лишь вокруг констелляции эмоций [по Плампер 2018: 112]. Б. Розенвайн также вводит понятие «текстового эмоционального сообщества», в которых люди, никогда не встречаясь, связаны друг с другом средствами коммуникации [там же].

В рассмотренных работах прослеживается мысль о том, что изучение эмоций дает возможность понять устройство общества и культуры и, соответственно, наоборот, поскольку эмоция диктуется эпохой.

Данное положение можно использовать в качестве теоретической рамки исследования возникновения и развития так называемой «новой эмоциональности», т.е. нового языка эмоций, характеризующегося активным использованием лексики психотерапевтического дискурса в качестве эмотивов при описании переживаний.

Косвенной причиной возникновения новой эмоциональности считается вьетнамская война, после окончания которой в США имелось достаточное количество психологов, и общество оказалось морально готово прислушиваться к переживаемому участниками боевых действий так называемому посттравматическому стрессовому синдрому (ПТСС). Впоследствии американская психология перенесла опыт ветеранов вьетнамской войны на всех людей, столкнувшихся с неким негативным опытом в жизни, и научила их интерпретировать свой опыт в терминах и категориях, используемых в описании ПТСС. В качестве второй причины появления новой эмоциональности выступает изменившееся в культуре эмоционального капитализма отношение к боли, которая перестала рассматриваться как нечто неизбежное, а как то, от чего необходимо избавляться. Сама боль перестала относиться лишь к физиологии, она перенеслась и на переживания психологического характера.

С давних времен сплочением людей в эмоциональные сообщества активно занимались политики, например, Б. Наполеон, А. Гитлер, В. Ленин. Сейчас это доступно пользователям социальных сетей и средствам СМИ. Люди не просто объединяются в эмоциональные сообщества, но открыто и активно делятся своими переживаниями с применением лексики психотерапевтического дискурса в качестве эмотивов, формируя новый эмоциональный режим. Такой вид открыто-эмоционального дискурса именуется дискурсом новой эмоциональности и определяется как «модусный компонент высказывания, когда задается такая эмоциональная модель общения, при которой главным становится выражение чувств и эмоций индивида...» [Кошкарова 2019: 148].

Эмотивы в большинстве случаев представляют собой заимствованные неологизмы и являются либо синонимами уже существующих в языке слов («буллинг» – «травля», «харассмент» – «домогательство») либо обозначают явления, ранее не имевшие однословного наименования («прокрастинация», «газлайтинг»). Через неологизмы прослеживается детерминированность эмоций культурой: в разных языках лексические единицы, обозначающие схожие переживания, не являются полными синонимами. Компонентный анализ наряду с набором интегральных сем у слова «харассмент» выявил семы «сексуальный» и «на рабочем месте», а «буллинг» в отличие от «травля» включает дифференциальные семы «между членами одного коллектива» и «физическое давление». Принимая во внимание выявленную обратную связь между произнесением эмотива и ощущением соответствующей эмоции, можно утверждать, что язык новой эмоциональности модифицирует испытываемые эмоции в сторону их интенсификации и переосмысления через призму терапевтической логики. А учитывая доминирование среди таких неологизмов единиц с отрицательным значением, можно говорить о языке новой эмоциональности как о языке жертвы.

Кроме заимствований для языка новой эмоциональности характерны замены одних лексических единиц другими, например, «любовь» меняется на «приязанность», «отношения» или «созависимость», «любовник» становится «партнёром», «чувства» – «эмоциями», а «работа над собой» трансформируется в «личностный рост». Причина таких замен видится нам в актуализации понятий, обусловленной эмоциональным капитализмом, где управляемым чувствам, как и всему прочему, следует быть максимально продуктивными и нацеленными на

получение выгоды, то есть на достижение личного комфорта и возможности самореализации.

Анализ лексики нового языка эмоциональности позволяет, во-первых, сделать вывод как о количественных, так и о качественных преобразованиях: в составе присутствуют как неологизмы, называющие новые концепты, так и замены одних лексических единиц другими, актуализирующие имеющиеся концепты.

Во-вторых, принимая во внимание выше упомянутую связь между произнесением эмотива и ощущением эмоции можно утверждать, что лексика новой эмоциональности привела к переосмыслению испытываемых эмоций в эгоцентрических аксиомах теории психологии и эмоционального капитализма и формированию саморегулируемого субъекта – страдающего и уязвимого, но нацеленного на самореализацию и комфорт. Дискурс новой эмоциональности сформировал новую эмоциональную матрицу: императив личных границ и потребностей, рефлексии личного опыта.

Поскольку изменения в эмоциональных режимах взаимосвязаны с социальными и культурными изменениями, вполне логично говорить об эмоционализации культуры, подразумевающей императив открыто-эмоционального дискурса (дискурса новой эмоциональности) не только в частных, но и в публичных сферах жизни и о переходе к эпохе эгоцентризма, когда личные эмоции и психологический комфорт ставятся во главу угла, при этом эмоции нормированы и управляемы.

Литература

Зорин А.Л. Появление героя. Из истории русской эмоциональной культуры конца XVIII – начала XIX вв. М.: Новое литературное обозрение, 2016.

Кошкарлова Н.Н. Дискурс новой эмоциональности: коммуникативные практики цифровой реальности / Н.Н. Кошкарлова, Е.М. Яковлева // Политическая лингвистика. 2019. № 5(77). С. 147-152.

Плампер Я. История эмоций. М.: Новое литературное обозрение, 2018.

Illouz. E. Cold Intimacies. The Making of Emotional Capitalism. London: Polity Press, 2007.

E.M. Istomina (Chelyabinsk, Russia)

South Ural State University (National Research University)

NEW EMOTIONALITY AS A STAGE IN THE HISTORY OF EMOTIONS

The paper studies the relationship between sociocultural changes and the new language of emotions. The vocabulary of the new emotionality caused changes in how emotions are experienced, and the discourse of new emotionality formed a new emotional matrix. We reveal the emotionalization of culture and the transition to the period of egocentrism in the social life.

Key words: emotive, emotional regime, emotional community, emotional capitalism, new emotionality.

*А.В. Кинцель (Барнаул, Россия)
Алтайский государственный университет
a.kincel@mail.ru*

НЕЙРОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ФОРМИРОВАНИЯ И РАЗВИТИЯ ЯЗЫКОВОЙ СПОСОБНОСТИ ЧЕЛОВЕКА

В статье рассматриваются некоторые нейрологические основания процесса формирования и развития языковой способности человека: мозговой субстрат, характер взаимодействия полей и уровни организации.

Ключевые слова: языковая способность, психолингвистика, нейрология, функциональная система, ассоциативный, концептуальный.

Большую актуальность в современной лингвистике и смежных с ней науках получило изучение формирования и развития языковой способности индивида, билингвизма, в том числе учебного двуязычия, вторичной языковой личности и т.п. Изучение этих проблем имеет большое теоретическое и прикладное значение, расширяя наши знания о языковых структурах, речевых процессах, а также процессах языкового мышления человека и позволяя оптимизировать сам процесс обучения на родном и иностранном языке.

Изучение указанных проблем с середины XX века в мировой и отечественной науке эффективно и продуктивно осуществлялось с позиций разных направлений психолингвистики. Отечественная психолингвистика в 70-е годы оформляется в теорию речевой деятельности, рассматривая языковую способность как «совокупность психологических и физиологических условий, обеспечивающих усвоение, производство, воспроизводство и адекватное восприятие языковых знаков членами языкового коллектива» [Леонтьев 1997: 19].

Развитие нейрологии как науки, изучающей структуру и функционирование высшей нервной деятельности человека, сделало качественный скачок в середине XX в. По словам известного российского нейробиолога, директора Института перспективных исследований мозга МГУ К.В. Анохина, в XXI веке науки о мозге и разуме человека (neuroscience) будут определять все виды интеллектуальной человеческой деятельности. На достижениях этих наук должны базироваться такие направления, как развитие человека и его личности; образование и обучение; язык; культура; экономика (уже употребляются термины нейроэкономика и нейромаркетинг); юриспруденция; история; искусство и др. [Анохин 2021].

К.В. Анохин указывает, что разум человека – это функция мозга, предназначенная для адаптации человека к окружающей действительности. Именно мозг генерирует процессы мышления, сознания, психики человека вообще. Отмечается, что память человека имеет большое перспективное значение, поскольку память (информация о прошлом) используется для формирования программы будущего [Анохин 2021].

Отмечается, что интеллектуальные виды деятельности требуют сильной мотивации (отрицательной или положительной) в связи с большой энергозатратностью работы мозга. Мозг составляет 2% от массы тела, потребляя 20% энергии, расходуемой организмом; при сильном интеллектуальном напряжении

– до 30%, поскольку запоминание, обучение, творческое мышление – это процессы морфогенеза. В связи с этим интеллектуальная деятельность должна усиленно стимулироваться.

Установлено, что процессы воспитания и обучения являются процессами морфогенеза. В результате формируются массивы памяти, которая складывается двумя путями: 1) выработкой белковых соединений внутри нервной клетки (нейрона), что регулируется генетически, 2) модификацией связей (синапсов) между нейронами. Оба процесса протекают в мозге постоянно и непрерывно, но с различной интенсивностью. В результате формируются сложные функциональные системы. Эти системы являются нейробиологической, физиологической базой всех знаний, умений и навыков человека.

Воспитание и обучение мозга в детском и юношеском возрасте приводят к формированию сложного комплекса функциональных систем, определяющих знания, умения и навыки человека. Нейробиологи указывают, что за 5-6 лет на основе морфогенеза формируется базовая система так называемых «социальных инстинктов», которая полностью определяет поведение человека в социуме. Такая система сложно перестраивается, ее практически невозможно сломать [Савельев 2000].

Языковая способность индивида – это представленность языка в мозговых структурах и функциях. Современной науке известно, что языковая способность человека определяется генетически. Установлено, что ген FOXP2 на 7-й хромосоме регулирует функционирование целого комплекса других генов, отвечающих за развитие структур, участвующих в реализации языковой функции [Бурлак 2019]. Однако гены создают биологические условия. Вторым фактором развития языковой способности является социальная языковая среда.

Мозговой субстрат языка – это специализированные нейронные области, связанные с моторной корой (зона Брока, задний отдел 3-й лобной извилины) и слуховой корой (центр Вернике, задние отделы верхней височной извилины). Установлено, что зона Брока, помимо артикуляционной моторики, отвечает также за синтаксис речи (грамматические отношения) и глаголы, а центр Вернике – кроме акустического восприятия речи, за семантику именных образований. Кроме того, существуют специальные структуры, которые регулируют сложные синтаксические трансформации (пассив, отрицательные конструкции), а также отвечают за планирование и контроль речи (лобные доли).

Между всеми речевыми зонами существуют плотные связи, пучки «проводов» в миелиновой оболочке, которые хорошо видны на фотографиях этих областей. Кроме того, речевые зоны мозга тесно связаны с различными неречевыми образованиями. В результате выполнение различных речевых заданий отражается в виде картины активации почти всего головного мозга человека.

Нейрологи отмечают, что в реализации языковой способности человека помимо первичных сенсорных (зрительного, слухового, соматосенсорного) и моторного полей, которые выполняют первичную обработку зрительных, слуховых, соматосенсорных и моторных сигналов, участвуют соответствующие вторичные поля, спецификой которых является их взаимодействие с ассоциативными структурами мозга человека [Дубынин 2021] и так называемыми «концептуальными» нейронами [Анохин 2021]. Ассоциативные поля мозга располагаются

в теменной и лобной части мозга, выполняя функцию объединения сигналов различной модальности и формируя устойчивые связи между ними.

Именно устойчивое ассоциирование зрительных, слуховых и моторных сигналов играет огромную роль в формировании языковой способности человека в процессе изучения языка. Это положение имеет огромное значение для теории и методики обучения иностранному языку, свидетельствуя о важности одновременного, в тесном взаимодействии, формирования всех видов речевой деятельности человека (аудирования, чтения, говорения и письма в процессе взаимосвязанного изучения лексики и грамматики).

Помимо выраженного полимодального характера ассоциативные зоны мозга характеризуются взаимодействием с «концептуальными» нейронами, специфика которых состоит в кодировании информации абстрактного характера, имеющей обобщенный характер. Информация, кодируемая такими нейронами, может быть соотнесена с привычными терминами «понятие» и «значение». Обобщение признаков – специфическая функция таких нейронов.

Следующее важное положение – тесное взаимодействие корковых и подкорковых (преимущественно, таламических) мозговых структур в реализации языковой способности человека: «тесное объединение коры и ближайшей к ней подкорки имеет место и при реализации высокоспециализированной речевой функции» [Бехтерева 1988: 619]. Это свидетельствует о тесной связи языковых функциональных систем мозга с системой потребностей человека и об их мотивирующей роли по отношению к языку. Формирование и функционирование языка обусловлено целым рядом биологических потребностей человека (витальных, социальных и программ саморазвития). Этот фактор также необходимо учитывать при организации процесса обучения иностранным языкам.

Важным представляется наблюдение о различной мозговой локализации лексической и грамматической составляющей языка. Об этом свидетельствуют результаты поражения различных зон мозга. «При поражении зоны Брока люди испытывают трудности при говорении, им сложно переходить не только от слова к слову, но даже от одного звука к другому в пределах одного слова. Речь замедленна, плохо артикулирована и требует от больного больших усилий. Во фразах отсутствует правильный порядок слов, мало служебных слов, а служебные морфемы (окончания рода, падежа, число, суффиксы времени и наклонения и т.п.) часто употребляются неправильно» [Бурлак 2019: 98]. «Из знаменательных частей речи при этой афазии больше всего страдает глагол... Кроме того, у людей с поражением зоны Брока возникают проблемы с синтаксическим анализом» [Бурлак 2019: 99]. Это свидетельствует о значительной роли зоны Брока в реализации синтаксической организации языка. «При поражении височной области синтаксис и морфология страдают меньше, но слова вспоминаются с трудом» [Бурлак 2019: 99]. Центр Вернике, таким образом, по большей части лексически ориентирован.

«Была обнаружена в мозге и система, обеспечивающая ... различие между именем и глаголом, или, точнее, между именной группой и предложением. Первая соотносит языковые выражения с объектами реальной действительности ..., второе – с теми или иными ситуациями...» [Бурлак 2019: 126], что свидетельствует о значительном синтаксическом характере глагола.

С развитием методов изучения мозгового субстрата языковой способности человека (ЭЭГ, МРТ, фМРТ, ПЭТ, вживление электродов при оперативном вмешательстве) появится возможность уточнить, модифицировать и решить многие общие и частные лингвистические и психолингвистические проблемы. Нейрологи по всему миру работают над решением в том числе и таких проблем.

Автор понятия когнитома и теории нейронных гиперсетей К.В. Анохин, десятилетиями изучающий мозг, утверждает в результате, что «мозг – это не биологический орган, а когнитивный, то есть психический, это другая форма организации материи» [Анохин 2021]. Именно в XXI веке крупнейшие ученые всего мира ожидают значительные научные достижения в области нейрологии, которые должны стать базой дальнейшего развития лингвистики и смежных с ней дисциплин.

Литература

Анохин К.В. Когнитом: в поисках фундаментальной нейронаучной теории сознания // Журнал высшей нервной деятельности им. И. П. Павлова. 2021. Т.71. № 1. С. 39-71.

Бурлак С.А. Происхождение языка: Факты, исследования, гипотезы. 2-е изд., перераб и доп. М.: Альпина нон-фикш, 2019.

Дубынин В.А. Мозг и его потребности. От питания до признания. М.: Альпина Диджитал, 2021.

Леонтьев А.А. Основы психолингвистики. М.: Смысл, 1997.

Механизмы деятельности мозга человека. Часть 1. Нейрофизиология человека / ред. Н.П. Бехтерева. Л.: Наука, 1988.

Савельев С.В. Морфология сознания: В 2 т. Т1. М.: ВЕДИ, 2000.

*A.V. Kincel (Barnaul, Russia)
Altai State University*

NEUROLOGICAL BASIS FOR THE FORMATION AND DEVELOPMENT OF HUMAN LANGUAGE ABILITY

The article discusses some neurological foundations for the formation and development of a person's language ability: the brain substrate, the nature of the interaction of fields and levels of organization.

Key words: language ability, psycholinguistics, neurology, functional system, associative, conceptual.

*О.Н. Ковалёва (Челябинск, Россия)
Челябинский государственный университет
babushkina_on@mail.ru*

ДОТРУДОВОЙ И ТРУДОВОЙ ЭТАПЫ СОЦИАЛИЗАЦИИ ЧЕЛОВЕКА: ФОРМИРОВАНИЕ ЛИЧНОСТНОЙ СИСТЕМЫ ЦЕННОСТЕЙ (НА МАТЕРИАЛЕ РАССКАЗА АЛЕКСЕЯ ВАРЛАМОВА «ШАНХАЙ»)

В статье рассматриваются стереотипные представления о деятельности человека на дотрудовом и трудовом этапах социализации. На материале рассказа Алексея Вар-

ламова «Шанхай» выявляются ценностные ориентиры, лежащие в основе оценочной интерпретации деятельности человека, описываются языковые средства оценочной интерпретации деятельности и личностной системы ценностей главного героя рассказа.

Ключевые слова: социализация, норма, ценность, оценка, деятельность, художественный текст.

Деятельность является одной из сфер социализации человека, наряду с общением и самосознанием. Через практический опыт человек осваивает систему общекультурных и профессиональных ценностей, норм, существующих в обществе. Одной из основополагающих ценностей русской культуры является представление о важной роли труда в формировании гармоничной личности, способной создавать общественно полезный продукт в результате своей профессиональной деятельности, способной взаимодействовать с разными людьми. Типичное, стереотипное представление о роли труда в жизни человека включает также понимание того, что успех в жизни зависит от самодисциплины, терпения, целеустремленности, ежедневного труда.

Профессиональной деятельности предшествует получение профессионального образования, деятельность человека по освоению системы знаний той или иной профессиональной сферы, системы ценностей представителей той или иной профессии. Получение профессионального образования происходит на дотрудовом этапе социализации человека. Образовательные институты формируют у человека представление о значимости получения образования, освоения профессии, основных факторах успеха в дальнейшей трудовой (профессиональной) деятельности.

Рассказ Алексея Варламова «Шанхай» показывает пример неспособности или нежелания человека освоить данную модель становления личности: общество отрицательно оценивает неуспеваемость студента, отсутствие у него самодисциплины и стремления к знаниям, прогнозирует невозможность дальнейшей успешной жизни. Получение профессионального образования является нормой, нарушение нормы вызывает отрицательное отношение общества. Эти ценностные установки репрезентированы в рассказе с помощью отрицательно оценочных лексем *двоечник, прогульщик, никчемный человек*.

В студенческие годы главный герой рассказа Петя не реализует норму «последовательное освоение программы высшего образования», но занимается некоторой предпринимательской деятельностью. Получение первичного опыта работы во время обучения поощряется и самими образовательными учреждениями (разумеется, без ущерба успеваемости), положительно оценивается обществом. Ранний выход на рынок труда позволил герою рассказа в постуниверситетской жизни лучше, чем его *собеседникам и наставникам*, адаптироваться к новой рыночной экономической ситуации и стать успешным бизнесменом. Для оценочной интерпретации начала карьеры главного героя писатель прибегает к метафорическому сравнению его вхождения в рынок с плавным вхождением *наливной баржи*, плоскодонного судна с упрощенным обводом корпуса, в шлюз:

«Так он всех и перестоял, и университета не закончил, а потом настали времена, когда оказалось, что *двоечник и прогульщик, никчемный по большому счету человек, на которого впустую тратило деньги государство, гораздо луч-*

ше приспособлен к новой жизни, чем его собеседники и наставники. Мелкая торговля и опыт посреднической деятельности университетских лет внесли Петю Шанхайского в рынок так плавно, как входит в шлюз наливная баржа» [Варламов 2011: 218].

«Плавность», «тихоходность» трудовой деятельности героя далее усиливается лексемами *постепенно, солидность и неспешность*. Писатель подчеркивает в образе главного героя черты вдумчивого бизнесмена, честного, несуетливого, руководствующегося в своей деятельности моральными принципами:

«Разбогател Петя не вмиг и не наскоком, а постепенно, со свойственной ему солидностью и неспешностью. В бизнесе был несуетлив и осмотрителен, не зарывался, никого не обманывал и не позволял, чтобы обманывали его, счастливо миновал многие напасти диких лет, и вскоре у него было уже несколько магазинов» [Там же: 218-219].

Деньги не испортили главного героя рассказа, в нем сохранились честность, отзывчивость, доброта. Процесс социализации, безусловно, сталкивает человека с финансовыми вопросами, которые ему приходится рано или поздно решать самостоятельно. Осознание ценности денег, формирование адекватного отношения к деньгам, возможностям, которые они предоставляют, является важным моментом становления гармоничной личности. Герою ничего не жалко для друзей, он дает деньги начинающим бизнесменам, дарит технику университету, финансирует надбавки преподавателям:

«Деньги не сильно изменили его. В душе он оставался таким же добрым и отзывчивым человеком, которому ничего не жаль для своих друзей, – он только не позволял, чтобы его использовали. Он давал без ссуды в долг тем, кто начинал свой бизнес, дарил университету компьютеры, факсы и ксероксы, доплачивал из своего кармана нуждающимся доцентам и кандидатам наук и до слез довел преподавательницу по истории КПСС, которая нищенствовала, после того как специальность ее прикрыли, тем, что назначил ей персональную пенсию» [Там же: 219].

Герой рассказа открыт людям, а люди, как это часто бывает, завидуют состоятельным и успешным. Автор рассказа вводит в повествование риторический вопрос, заставляя читателя задуматься об этих чувствах (бескорыстной открытости миру / зависти, злобе) через наделение завистливых людей характеристикой змей – шипением:

«Злые языки, правда, видели в этом особую, изысканную месть и разжигание дьявольского самолюбия, которым Петя якобы тешил себя и брал реванш за презрение, насмешки и упреки в растрате государственных денег и затянувшихся студенческих лет. Но завистники и неудачники были и будут во все времена, и что прислушиваться к их шипению?» [Варламов 2011: 219].

Людская зависть и злоба огорчали главного героя:

«... его нежная душа болезненно пережила все несправедливости и колкости, ... и чем дальше, тем больше мечталось Пете вернуться во времена, когда ... ни одна душа на свете ему ни в чем не завидовала... Проявления человеческой злобы огорчали Петю. Если бы это было возможно, он купил бы на свои капиталы всю людскую зависть и выбросил ее вон, но с каждым годом зависти становилось все больше и все реже люди философствовали о жизни, меньше ста-

рались ее понять, и Петя не мог уразуметь, есть ли между увеличением одного и уменьшением другого какая-то связь. Ему хотелось это обсудить, но обсудить было не с кем» [Там же: 220].

Люди бегут, не осознавая смысл своих важных дел, смысл бытия:

«Жизнь становилась лучше, а люди хуже, и этого противоречия Петя не мог понять. В молодости он не понимал, что делает плохого, когда продает джинсы, и почему его называют спекулянтом, а теперь ему было обидно то уважение, которым он был окружен. И из-за чего? Из-за денег? Из-за такой малой ерунды, что он стал богат, хотя это не требует ни большого ума, ни великого таланта? Иногда его спрашивали: расскажи, как тебе это удается? Он разводил руками, он пожимал плечами и смущенно улыбался, как если бы у него спрашивали о чем-то неприличном либо, наоборот, очень естественном. Одни на него смотрели как на хитреца, играющего в простака, другие перед ним заискивали и все думали, что дуракам везет, соображали, как бы его половчее обмануть, — а он все видел насквозь, читал чужие мысли, скорбел душой и все чаще пил в одиночестве» [Там же: 220].

Петя – человек с философским подходом к жизни. Как отмечает в своем исследовании Чи Цзиминь, в рассказе воплощена китайская философия даосизм, которая предполагает достижение Дао (Истины) через отшельничество, уход от мира, недеяние, безмолвие, спокойствие, умеренность и бесстрашие, понимание естественного порядка вещей, и философия персонализма Н.А. Бердяева, который верил в исключительность каждой личности и её силу. «Характер Пети соответствует принципам даосизма: нежный, терпеливый, он не знает материального наслаждения и стремится к духовному совершенствованию» [Чи Цзиминь 2015: 235]. Даосизм стал спасением для героя рассказа, «когда он, одинокий, очутился в безвыходном положении, именно даосизм открыл ему глаза и помог выйти из тупика» [Чи Цзиминь 2015: 233].

«А утром его пригласил к себе самый главный китаец. Это был маленький сухонький человек со смеющимися голубыми глазками, и Пете он очень понравился. Он был такой несуетный и ласковый, что Петя стал рассказывать китайцу свою жизнь, про «Шанхай» и про то, что мечтал уехать туда, где не будет фигни, но фигни стало еще больше, и китаец мудро ответил, что фигня находится не вовне, а внутри человека и не будет ее лишь там, где не будет уже ничего или будет все – в зависимости от личных убеждений каждого» [Варламов 2011: 224].

Вульгаризм *фигня* (нечто малозначимое, неважное) репрезентирует крайне эмоциональную, отрицательную оценку героем окружающего мира, его глубокое разочарование в жизни, в людях. Но идея рассказа, на наш взгляд, заключается в том, что человек должен преодолеть трудности, обрести смысл своего существования, осознать цель своей непрофессиональной (воспитание детей, помощь старшим) и профессиональной деятельности (достижение результата общественно полезной и созидательной профессиональной деятельности). «Крушение традиционных ценностей», «засилье в мире зла», быстроменяющиеся условия среды приводят человека к состоянию, когда он не находит для себя места в обществе, теряет себя, не успевает так же быстро меняться. Художественное слово может помочь человеку осознать свой опыт, опыт других людей, скоррек-

тировать свое отношение к миру в соответствии с возрождаемыми ценностными ориентирами, в том числе философскими и религиозными, обрести гармонию с окружающим миром.

Литература

Варламов А.Н. Все люди умеют плавать: [сборник]. М.: Астрель: АСТ, 2011.

Чи Цзиминь. Спасение по-китайски: даосская философия в рассказе А. Варламова «Шанхай» // Известия Уральского федерального университета. Серия 2: Гуманитарные науки. 2015. № 4 (145). С. 232-237.

*O.N. Kovaleva (Chelyabinsk, Russia)
Chelyabinsk State University*

PRE-LABOR AND LABOR STAGES OF HUMAN SOCIALIZATION: FORMATION OF A PERSONAL VALUE SYSTEM IN ALEXEY VARLAMOV'S "SHANGHAI"

The article examines stereotypical ideas on human activity at the pre-labor and labor stages of socialization. We studied Alexey Varlamov's "Shanghai" and revealed the value guidelines underlying the evaluative interpretation of human activity. We also describe the linguistic means of evaluative interpretation of the protagonist's activity and his personal value system.

Key words: socialization, norm, value, evaluation, activity, literary text.

*А.Л. Лось (Москва, Россия)
Национальный исследовательский университет «МИЭТ»
al_los24@mail.ru*

РАЗЛИЧИЯ В РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ТАКТИЛЬНЫХ ПРИЗНАКОВ, СВЯЗАННЫХ С ВОСПРИЯТИЕМ ПОВЕРХНОСТИ, В АНГЛИЙСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ

Статья посвящена исследованию сочетаемости лексем гладкий, ровный, smooth, even, flat, описывающих тактильные ощущения в русском и английском языках. На основе обобщения сочетаемостных характеристик выявлены сходства и отличия в репрезентации эквивалентных тактильных ситуаций и показаны различия в смыслах, передаваемых русскими и английскими лексемами.

Ключевые слова: перцепция, тактильное ощущение, сочетаемость, репрезентация, значение.

Исследование тактильной лексики в целом дает ключ к пониманию процессов, происходящих в нашем сознании, поскольку перцептивный опыт познания действительности является первичным – человек первоначально познавал мир органами чувств. В номинантах перцептивных событий обозначен также некий культурный код, ценностная составляющая, которая отвечает за расхождения в осмыслении перцептивных ситуаций в разных языках.

В данной работе различия в репрезентации тактильных ситуаций в русском и английском языках исследуются на примере русских лексем *гладкий* и *ровный*

и их английских эквивалентов *smooth*, *even* и *flat*. Интерес представляет также не только различия в значениях русских и английских лексем, но и объяснение различий в значении русских синонимов *гладкий* и *ровный* и их английских эквивалентов *smooth*, *even* и *flat*.

Необходимость исследования различий между тактильными ощущениями *гладкий* и *ровный* обусловлена тем, что в толковых словарях слова *гладкий* и *ровный* толкуются друг через друга:

гладкий – без выступов, впадин и шероховатостей; ровный; ... прямой, невыющийся, приглаженный (о волосах) [СРЯ1 1999: 313];

– ровный, без выступов, впадин и шероховатостей [ТСРЯ 2015: 272];

ровный – гладкий, прямой, не имеющий возвышений, утолщений, изгибов [ТСРЯ 2015: 698];

– гладкий, плоский, не имеющий впадин и возвышений; прямой, не имеющий изгибов [СРЯ2 1999: 721];

– не имеющий впадин и возвышений, гладкий, ... не имеющий утолщений, изгибов, прямой [ТССРЯ 2005: 589].

Помимо описания значения с помощью синонимов, слова *гладкий* и *ровный* также выражаются через лексему *прямой*.

В некоторых словосочетаниях лексемы *гладкий* и *ровный* могут использоваться равнозначно, ср.: *гладкая / ровная поверхность*; *гладкая / ровная стена*; *гладкие / ровные волосы*; *гладкая / ровная спина*; *гладкое / ровное покрытие* и др. При этом, если расширить контекст, то очевидно, что элементы контекста, которые релевантны для лексем *гладкий* и *ровный* могут не совпадать: *Они построили ровную стену* / **Они построили гладкую стену*; *У девушки были гладкие темные волосы* / **У девушки были ровные темные волосы*. Кроме того, наличие контекстов, в которых оба слова могут описывать один и тот же объект, например: *Стена была ровной и гладкой* / *Лед был гладкий и ровный как доска* говорит о том, что информация, вносимая этим словами, разная.

Сходная ситуация наблюдается и с английскими эквивалентами *smooth*, *even* и *flat*:

smooth – having an even surface without points, lumps or rough patches [OALDCE 1999: 1121];

even – level, smooth, flat; ... regular, steady [OALDCE 1999: 395];

flat – ... smooth and even, without lumps, hole ... [OALDCE 1999: 445].

Отметим, что в качестве эквивалента русским лексемам *гладкий* и *ровный* предлагается английская лексема *smooth*. При этом английскому слову *smooth* в качестве эквивалента указаны русские лексемы *гладкий* и *ровный*.

Для того чтобы объяснить различия в обозначении тактильных ситуаций, описываемых лексемами *гладкий*, *ровный* и их английскими эквивалентами *smooth*, *even* и *flat*, рассмотрим типичные контексты их употребления. Все контексты с русскими и английскими лексемами отбирались по следующей процедуре. Сначала методом сплошной выборки были собраны контексты с русскими лексемами из Национального корпуса русского языка (НКРЯ). После обобщения основная выборка с лексемой *гладкий* составила 154 контекста, с лексемой *ровный* – 193 контекста. Подобным образом собирались контексты с английскими лексемами в англоязычных корпусах текстов British National Corpus (BNC) и

Corpus of Contemporary American English (COCA). После обобщения основные выборки с английскими лексемами *smooth*, *even* и *flat* составили 110, 50 и 70 единиц соответственно. Далее проводился поиск аналогов сочетаний с русскими лексемами в англоязычных корпусах текстов, и наоборот, поиск аналогов сочетаний с английскими лексемами в НКРЯ.

По данным НКРЯ лексема *гладкий* имеет следующую сочетаемость: *гладкая дорога / доска / стена / полы / камень / плита / стволы дерева / стержень / ободок / поверхность реки / вода / прическа / волосы / лицо / нос / щеки / бок / лоб / голова / ладони / череп / кожа / шерсть;*
гладкий слог / речь и др.

Для слова *ровный* были найдены следующие контексты употребления: *ровная дорога / поверхность / стена / место / участок / площадка / асфальт / покрытие / слой / гладь болота / шар / круг / линия / черта / строчки / линейка / ряд / край / стопка / строй / пробор / зубы / загар / спина / нос / волосы / плечи;*

ровный голос / тон / свет / шаг / биение сердца / дыхание / отношения и др.;

У английских эквивалентов в корпусах текстов BNC и COCA были выявлены следующие сочетаемостные характеристики:

smooth surface / texture / consistency / pudding / road / skin / sheet of ice / sea / marble / custard / paste / whiskey / cigar / ride / landing;

even floor / layer of butter / stretch of grass / paving slabs / surface / footpath / colour / breathing / rate / stitches / temperature;

flat ice-rink / surface of pastry / surface for writing on / countryside / road / agricultural land / grass / sea / cap / dishes / plates / shoes / cake.

Исходя из сочетаемостных характеристик можно заметить, что лексемы *гладкий* и *ровный* сходны только в случаях, когда описывают объекты-поверхности: *гладкая / ровная дорога, гладкая / ровная стена, гладкая / ровная спина, гладкая / ровная поверхность, гладкий / ровный пол* и др. Во всех остальных случаях различия очевидны, поскольку тактильный признак *ровный* может присваиваться объектам типа *линия, отрезок, ряд, стопка, пробор, строй*. Лексема *гладкий* может описывать только объекты-поверхности. При этом основное отличие тактильных ситуаций *ровный пол* и *гладкий пол, ровная стена* и *гладкая стена* состоит в том, что лексема *ровный* описывает объект *пол* как поверхность, не имеющую отклонений / зазоров вверх-вниз и созданную по горизонтальному уровню. *Ровная стена*, соответственно, представлена как поверхность, созданная по вертикальному уровню без отклонений вправо или влево (наружу или внутрь). В тактильных ситуациях *гладкая стена / пол* лексема *гладкий* репрезентирует способность воспринимающего субъекта скользить / провести рукой по описываемому объекту. Следует отметить, что признак «возможность скольжения по поверхности объекта», актуальный для описания значения лексемы *гладкий*, требует уточнения, особенно для объяснения примеров, когда в качестве объекта, которому присваивается этот тактильный признак, выступает не обычная твердая поверхность, представленная лексемами *пол, стена, дорога* и др., а, например, водная среда, которая может осмысляться как поверхность: *гладкая вода / море / озеро*. Очевидно, тактильная характеристика *гладкий* присваивается таким поверхностям на основе не тактильной, а зрительной оценки.

Английская лексема *smooth* является эквивалентом русской лексеме *гладкий* в следующих контекстах *smooth surface / texture / road / skin / sheet of ice / sea / marble* (*гладкая поверхность / ткань / дорога / кожа / слой льда / море / мрамор*). Для передачи русских сочетаний *гладкая доска / пол* используется лексема *even: even floor / board*. Сочетания *smooth paste / whiskey / cigar / ride / landing* передаются на русский язык с помощью лексем *мягкий / некрепкий / плавный: мягкое тесто / некрепкий (мягкий) виски / мягкие (некрепкие) сигареты / плавная езда / мягкая посадка*.

Тактильные ситуации *even floor / layer of butter / stretch of grass / paving slabs / surface / footpath / breathing / stitches* передаются с помощью лексемы *ровный: ровный пол / слой масла / участок травы; ровные тротуарные плиты; ровная поверхность / тропинка / дыхание / шов*. При этом английская лексема *even* в сочетаниях *even colour / temperature / rate* эквивалентна русской лексеме *равномерный: равномерный цвет / температура / скорость*.

Эквивалентами сочетаний *ровный ледовый каток / дорога / местность / поле / трава* являются английские сочетания *flat ice / rink / countryside / agricultural land / grass*.

Не удалось выявить различие в сочетаниях *smooth sea* (*гладкое море*) и *flat sea* (*букв. плоское море*). Также требуют дополнительного исследования сочетания *smooth pastry* (*мягкое / ?однородное тесто*) / *smooth consistency* (*мягкая / ?однородная консистенция*). Как видно из более широкого контекста: *Mix together the butter and sugar until smooth* (*Смешать масло и сахар до однородной массы*), тактильный признак *smooth* может передаваться на русский язык словом *однородный / равномерный*.

Анализ репрезентации тактильных ситуаций в русском и английском языках показал, что сочетаемость слов, описывающих тактильные ощущения, играет важную роль в описании различий значений номинантов тактильных ощущений. В русском и английском языках эквивалентные тактильные ситуации могут иметь разные обозначения. Различия в восприятии и репрезентации сходных тактильных ситуаций в разных языках говорят о специфических особенностях их актуализации в разных культурах.

Литература

Национальный корпус русского языка. URL: <http://www.ruscorpora.ru/new/search-main.html> (дата обращения 09.03.2023).

СРЯ1 – Словарь русского языка: в 4 т. Т. 1. / под ред. А.П. Евгеньевой. М.: Русский язык, 1995.

СРЯ2 – Словарь русского языка: в 4 т. Т. 4. / под ред. А.П. Евгеньевой. М.: Русский язык, 1995.

ТСРЯ – Толковый словарь русского языка: 100000 слов, терминов и выражений / С.И. Ожегов; под общ. ред. Л.И. Скворцова. 28-е изд., перераб. Москва: Мир и образование, 2015.

ТССРЯ – Толковый словарь современного русского языка: [св. 110000 слов. ст.] / Д.Н. Ушаков; под ред. Н.Ф. Татьянченко. Москва: Альта-Пресс, 2005.

British National Corpus. URL: <https://www.english-corpora.org/bnc/> (accessed 04.03.2023).

Corpus of Contemporary American English. URL: <https://www.english-corpora.org/coca/> (accessed 04.03.2023).

OALDCE – Oxford Advanced Learner’s Dictionary of Current English / ed. by A.S. Hornby, J. Crowther. London, 1999.

A.L. Los’ (Moscow, Russia)

National Research University of Electronic Technology

TACTILE FEATURES OF SURFACE PERCEPTION: REPRESENTATION IN ENGLISH AND RUSSIAN

The article studies the compatibility of gladky, rovny, smooth, even, flat lexemes describing tactile sensations in Russian and English. It reveals the similarities and differences in the representation of equivalent tactile situations on the basis of generalizing combinable characteristics. It also illustrates differences in the meanings conveyed by Russian and English lexemes.

Key words: perception, tactile sensation, combinability, representation, meaning.

Е.С. Мазуркина (Москва, Россия)

*Московский городской педагогический университет
mazurkinaes@mgpu.ru*

ЭМОТИВНОСТЬ ГЕНДЕРНО МАРКИРОВАННЫХ ТЕКСТОВ ОНЛАЙН-ДНЕВНИКОВ

В статье освещается проблема определения эмоциональной тональности текстов автобиографических онлайн-воспоминаний. Результаты сентимент-анализа текстов онлайн-дневников позволяют сделать вывод о том, что мужской и женский гендеры различаются в эмоциональной оценке прошлого опыта.

Ключевые слова: эмотивность, онлайн-дневник, личные воспоминания, сентимент-анализ.

Значимые изменения в обществе возвели вопросы гендера, средств и форматов гендерной идентификации в число актуальных не только для психологии и социологии, для которых гендер является традиционным объектом исследования, но и для лингвистики. В рамках лингвистических исследований рассматриваются семантические, грамматические и коммуникативные уровни выражения гендерной принадлежности.

Вместе с тем, несмотря на пристальное внимание лингвистов к проблематике гендера, в этой области остается немало лакун, образующихся на стыке наук. Так, на данный момент в недостаточной мере исследована эмоциональная составляющая гендерно маркированных текстов, отсутствует подробное лингвистическое описание отражения в языке когнитивной сферы человека в гендерной перспективе.

В настоящей работе ставится цель изучения эмотивности гендерно маркированных текстов онлайн-воспоминаний. Обращение к эмоциональной окраске текстов, репрезентирующих работу механизма индивидуальной памяти, законо-

мерно в контексте взаимодействия эмоций и когниции. Известно, что, будучи эмоциогенной, когниция пробуждает эмоции, и эмоции, в свою очередь, оказывают влияние на когницию, что обусловлено их внедрением в когнитивные процессы [Андреева, Глушкова 2022]. При этом очевидно, что в эмоциональном плане мужчины и женщины значительно отличаются друг от друга, поэтому изучение эмотивности текстов онлайн-воспоминаний в гендерной перспективе представляется актуальным. Повсеместное распространение Интернета и его общедоступность способствовали изменению привычных коммуникативных практик [Карданова-Бирюкова 2018] и фиксации личного опыта и мнемических переживаний в формах и жанрах, типичных для киберпространства [Тивьяева 2013, 2018], что также объясняет интерес к подобного рода текстам. Благодаря рекурсивности сознания и памяти автор получает возможность очередного переживания экзистенциальных ситуаций прошлого и одновременно фиксирует их в письменной форме [Дубнякова 2017; Яковлева 2022]. Рекурсия позволяет пережить эмоции ещё раз, погрузившись в позитивный или негативный опыт. Воспоминание как состояние сознания – феномен не только психологический, по его дискурсивному воспроизведению мы можем судить о доминирующих тенденциях говорения в тот или иной период времени и, следовательно, о когнитивных установках говорящей личности [Лассан 2014].

Эмпирической базой настоящего исследования послужили материалы англоязычного сайта My diary (<https://www.my-diary.org>), а именно отдельные дневниковые записи, репрезентирующие личные воспоминания их авторов. Количество проанализированного языкового материала составило 3797 фрагментов, основной тематикой которых являются личные воспоминания о событиях из жизни и об отношениях с людьми. Помимо тематического критерия, при отборе языкового материала был задействован также критерий актуальности дневника, то есть последняя запись должна была быть датированной не позднее июня 2020 года. При этом объём рассматриваемых дневников составил от 20 до 200 отдельных записей.

Инструментом анализа эмотивности воспоминаний в онлайн-дневниках в данном исследовании выступает программное приложение SentiStrength (<http://sentistrength.wlv.ac.uk/>), которое позволяет пользователю произвести оценку тональности анализируемого текста. В настоящей работе указанная программа использовалась для анализа эмотивности гендерно маркированных личных воспоминаний в публичных онлайн-дневниках.

Анализ тональности текстов – определение полярности эмоциональных оценок в исследуемом тексте, который содержит мнения, суждения, эмоции, отношение автора к сущностям, личностям, вопросам, событиям, темам и их атрибутам. Лингвисты отмечают, что метод сентимент-анализа, который заключается в поиске оценочной лексики и ее интерпретации экспертом на основе субъективного опыта, участвует в раскрытии феномена комплексной эмоции [Чистова, Корчуганова 2021]. 3797 записей, выбранные методом сплошной выборки из двенадцати дневников, были обработаны с помощью программы SentiStrength. В ходе исследования была проанализирована эмоциональная окрашенность слов. В сентимент-анализе рассматривается тип тональности: радость, грусть, отвращение, разочарование, страх, тревога, надежда и др. Значение в программе

SentiStrength определяется с помощью шкалы от -5 до +5, где -5 является максимумом по шкале негативной оценки, а +5 – максимумом по шкале позитивной оценки. Следующие примеры иллюстрируют результат оценки эмотивности гендерно маркированных дневниковых записей программой SentiStrength:

Текст, маркированный по мужскому типу:

Work[0] was[0] ok[0] kind[1] of[0] slow[0] I[0] got[0] bored[-1] so[0] I[0] got[0] into[0] an[0] old[0] email[0] account[0] that[0] I[0] hadn't[0] used[0] in[0] like[1] 5[0] years[0] I[0] emailed[0] two[0] different[0] ladies[0] that[0] i[0] used[0] to[0] talk[0] to[0] surprisingly[0] the[0] one[0] that[0] I[0] didn't[0] think[0] would[0] reply[0] did[0] reply[0] within[0] a[0] couple[0] of[0] hours[0] and[0] we[0] exchanged[0] a[0] few[0] emails[0] and[0] it[0] was[0] like[1] we[0] never[0] skipped[0] a[0] beat[0].

Текст, маркированный по женскому типу:

Out[0] off[0] boredom[-1] and[0] loneliness[-1] I[0] opened[0] up[0] my[0] tinder[0] app[0] which[0] I[0] have[0] not[0] used[0] since[0] Noah[0] left[0] the[0] Ark[0] and[0] fell[0] off[0] my[0] chair[0]. First[0] profile[0] was[0] off[0] the[0] dude[0] who[0] raped[-3] me[0] in[0] 2016[0]. He[0] described[0] himself[0] as[0] a[0] normal[0] guy[0] who[0] does[0] normal[0] everyday[0] things[0] and[0] is[0] looking[0] for[0] a[0] lovely[1] lady[0] to[0] love[2] and[0] spoil[-1].

Значение эмотивности для текста, маркированного по мужскому типу гендера, составило +2, тогда как значение эмотивности текста, маркированного по женскому типу, составило -3. Программа изначально создана для извлечения тональности с применением существующих методик анализа грамматик и манеры правописания в киберпространстве, а именно метод машинного обучения для оптимизации весов эмоций; используются методы для извлечения тональности из неформальных текстов, содержащих ненормативные слова с повторяющимися буквами, используется метод, исправляющий правописание. В результате аналитической обработки текстовых данных путем суммирования оценок всех слов в рамках записи, были получены следующие значения эмоциональности дневников: -456, -297, -178, -146, -106, -78, -63, -19, 58, 144, 156, 167. Абсолютное большинство женских дневников имеет отрицательное значение эмотивности, тогда как в мужских дневниках преобладают положительные или нейтральные оценки. Стоит отметить, что значения максимальной (167) и минимальной (-456) эмоциональной окраски прошлого опыта представлены в мужских дневниках. При этом средняя оценка для дневников, полученная вычислением среднего значения из следующих оценок -456, -178, 58, 144, 156, 167, маркированных по мужскому типу, составляет -18, тогда как для дневников, маркированных по женскому типу, -118.

Таким образом, в ходе проведенного анализа с применением средств автоматической обработки текста было выявлено, что мужской и женский гендеры разнятся в эмоциональной оценке прошлого опыта, зафиксированного в форме воспоминаний на портале онлайн-дневников. При этом, в целом, возможно заключить, что женщины в большей степени склонны давать негативную эмоциональную оценку прошлого опыта, тогда как представители мужского гендера, в целом, более сдержанны в оценках. Данный вывод позволяет сделать заключе-

ние о необходимости дальнейшего изучения особенностей воспроизведения опыта прошлого представителями разных гендеров.

Литература

Андреева Е.Ю., Глушкова Н.М. Синтаксические средства выражения эмоциональности в художественном тексте на английском языке и их перевод на русский // Мир науки, культуры, образования. 2022. №4 (95). С. 181-185.

Дубнякова О.А. Коммуникативно-прагматические особенности личного дневника / О.А. Дубнякова, Т.А. Кашина // Вестник МГПУ. Серия: Филология. Теория языка. Языковое образование. 2017. № 1(25). С. 42-49.

Карданова-Бирюкова К.С. Особенности коммуникативного поведения носителей русского языка в межличностном общении (экспериментальное исследование) // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. 2018. Т. 17. № 1. С. 85-97.

Лассан Э. Эволюция способов репрезентации прошлого в жанре лирической песни // Жанры речи. 2014. №1-2 (9-10).

Тивьяева И.В. Мнемическое высказывание и процедура его идентификации // Вестник Томского государственного университета. 2013. № 372. С. 45-48.

Тивьяева И.В. Когнитивно-коммуникативная концепция мнемической деятельности: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М.: Московский городской педагогический университет, 2018.

Чистова Е.В., Корчуганова П.Н. Лингвистическая репрезентация эмоционального кластера "фобия" в китайских социальных сетях // Человек: Образ и сущность. Гуманитарные аспекты. 2021. №2 (46). С. 69-90.

Яковлева Е.Л. Рекурсивность автобиографического художественного повествования // Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования. 2022. №2 (35). С. 57-62.

*E.S. Mazurkina (Moscow, Russia)
Moscow City University*

EMOTIVITY OF GENDER-MARKED ONLINE DIARIES

The paper focuses on determining the emotional tone of autobiographical texts published online. Drawing on the results of sentiment analysis, the author argues that male and female authors of online diaries have differing emotional assessments of their past experiences.

Key words: emotivity, online diary, personal memories, sentiment analysis.

*Е.Ю. Мальнева (Хабаровск, Россия)
Тихоокеанский государственный университет
ekaterinamalneva@gmail.com*

КОГНИТИВНЫЕ СТИЛИ: PENSÉE COMPLEXE – «КОГНИТИВНАЯ СЛОЖНОСТЬ» HOMO SAPIENS

В рамках ряда сопряженных гуманитарных наук современности активно исследуются особенности интеллектуальной деятельности человека, характеризующие индивидуальные различия в способах восприятия, анализа, категоризации и интерпретации информации, которые именуется когнитивными стилями. Последние имеют ряд разно-

векторных характеристик, в частности, их можно описывать в терминах когнитивной простоты vs. когнитивной сложности. Как представляется, когнитивная сложность как один из модусов когниции может находить манифестацию в языке и речи, в том числе художественной, а именно в литературе модернизма, априори представляющей собой акме сложности.

Ключевые слова: когнитивный стиль, когнитивная сложность, когнитивный конструкт, модернизм, поток сознания.

В русле когнитивных наук в последние десятилетия все более актуальными становятся исследования индивидуальных различий в процессе построения познавательного образа ситуации («ментальной картины») *Homo sapiens*. Как представляется, разные люди по-разному ментально «видят» одну и ту же ситуацию и, соответственно, по-разному на нее ментально реагируют (воспринимают, оценивают, принимают решения, высказывают суждения и т.д.) [Холодная 2002]. Именно вышеозначенные положения являются фундаментом когнитивно-стилевого подхода (в соответствии с изысканиями профессора Института психологии РАН М.А. Холодной), в рамках которого индивидуальные различия в способах восприятия и категоризации информации именуется *когнитивными стилями*. Когнитивные стили – это стили *познавательные*, характеризующие индивидуальные различия между людьми в способах познания окружающего мира; это *метакогнитивные* способности – регулятивные механизмы интеллектуального поведения [Холодная 2002: 13].

В зарубежной когнитивистике когнитивные стили трактуются как сравнительно устойчивые характеристики личности [Riding & Douglas 1993: 273], статичные (то есть не подверженные изменениям) и, вероятно, *врожденные* личностные доминанты; как «характерный для индивидуума, согласованный и последовательный подход к структурированию и обработке информации» [Tennant 1988: 89].

Одним из самых значимых и интересных для исследования, особенно в поле зрения когнитивной лингвистики, является когнитивно-стилевой параметр, один из полюсов когниции *Homo sapiens*, именуемый «когнитивная сложность» (противопоставляемый полюсу «когнитивная простота»), который оценивает когницию с точки зрения ее способности оперировать сложными данными, зачастую вступающими в противовес с устоявшимися концепциями и простыми концептами.

Одни люди понимают и интерпретируют происходящее в упрощенной форме – на основе фиксации ограниченного набора сведений (полюс *когнитивной простоты*). Другие, напротив, склонны создавать многомерную модель реальности, выделяя в ней множество взаимосвязанных сторон (полюс *когнитивной сложности*).

Данный феномен – когнитивная сложность – есть психологическая характеристика личности – по сути, психическая константа (а не переменная [см. Riding 1997] – хотя, вполне вероятно, определенные качества можно со временем развивать и совершенствовать) – которая показывает, насколько сложен концептуальный каркас личности, равно как и ее перцептивные навыки (то, что часто в обыденной речи именуется тонкостью восприятия). Человек, который стоит в конце

шкалы, ближе к полюсу когнитивной сложности, способен подмечать нюансы и тонкие различия между явлениями и предметами, которые недоступны для восприятия человека, который отстоит дальше от полюса сложности. В целом, это указывает на наличие у последнего менее сложных когнитивных структур [The Internet Encyclopaedia of Personal Construct Psychology].

Термин «когнитивная сложность» был впервые введен психологом Джеймсом Бьери в 1955 г.; суть гипотезы заключалась в следующем: если в когнитивной системе конструкторов немного, при этом их структура проста, то предсказать способы функционирования такой системы достаточно просто; естественно, если конструкторов больше, и они вступают в более сложные конфигурации, количество возможных предиктивных сценариев возрастает [Bieri 1955].

Когнитивно сложная система содержит много конструкторов и обеспечивает значительную дифференциацию в восприятии явлений. Когнитивно простая система содержит мало конструкторов, и дифференциация восприятия при этом будет слабой. «Когнитивно сложный» человек воспринимает людей очень дифференцированно, полагая, что они обладают большим разнообразием качеств, тогда как «когнитивно простой» человек воспринимает других людей не дифференцированно, вплоть до использования одного-единственного конструктора (недаром существует пословица «Простота хуже воровства»). Также существуют исследования, в которых доказывается связь «когнитивной простоты» и предрасположенности к предрассудкам и предубеждениям [Koenig & King 1962]).

Когнитивная сложность как феномен может манифестироваться и соотноситься с разноплановыми параметрами, такими как:

- количество ментальных структур, которыми мы оперируем;
- насколько абстрактны данные категории;
- насколько сложным является взаимодействие между ними (с тем, чтобы формировать наше восприятие явлений и событий).

В этой связи проф. Е.Н. Князева рассуждает о сложности когнитивной активности человека, сложности самого процесса познания, сложности когнитивных функций и состояний сознания [Князева 2014]. Она апеллирует к работам выдающегося французского философа и социолога Эдгара Морена, который сформулировал ряд принципов сложного мышления (*pensée complexe* – буквально: «сложная мысль» или «сложное мышление»). Свои эпистемологические выводы Морен основывает на выделении двух фундаментальных аспектов сложности. Первый модус – это холизм, соединение частей или элементов с образованием единого целого, обретающего новые свойства. Сложное (лат. *complexus* = *com* (*cum*) – *с, вместе* + *pleco, plexi, plexo* – *плести, свивать*) буквально означает «то, что соткано, сплетено вместе, как единая ткань». Второй аспект сложности заключается в том, что всякое сложное познание, сложное явление в природе и обществе раздираемо глубокими, «нередуцируемыми противоречиями, которые не столько разрушают сложное, сколько, как это ни парадоксально, создают его» [Морен 2005: 14].

Когнитивная сложность, собственно, и создается противоположностями; это положение лучше всего иллюстрирует формула Гераклита «жить, умирая, и умирать, живя», как отмечает проф. Князева. «Бессмертные смертны, смертные – бессмертны; смертью друг друга они живут, жизнью друг друга они умирают»

[Материалисты Древней Греции 1955: 46]. В этой связи также приходит на ум софизм-катахреза (то есть троп, состоящий в сочетании слов, коллокаций с несовместимыми буквальными лексическими значениями; это сочетание противоречивых, логически несовместимых понятий) Эдгара Аллана По, не только поэта, писателя и литературного критика, но и мыслителя-философа, который в одной из своих новелл рассуждал на тему сложности восприятия, приводя пример, что «Анаксагор, как известно, утверждал, что снег черный, и я не раз имел случай в этом убедиться» (“Anaxagoras – it will be remembered – maintained that snow is black. This I have since found to be the case.” [Poe 1835: 735]). Вследствие того, что мир действительно сложен, парадоксы и оксюмороны имеют гораздо больший удельный вес, чем может показаться на первый взгляд, и писатели и поэты это всегда знали и чувствовали, оперируя в своих работах парадоксами, сводя вместе несводимые понятия, осмысляя действительность именно с полюса когнитивной сложности. (Также нельзя не вспомнить знаменитый афоризм Оскара Уайльда «Жизнь слишком важная штука, чтобы воспринимать ее всерьез» – “Life is far too important a thing ever to talk seriously about it”).

Если посмотреть на историю литературы, то возникает определенное видение сменяемости простоты и сложности главенствующих в ту или иную эпоху культурных и литературных стилей: вряд ли кто станет отрицать, что начало XX века, раздираемое теми самыми нередуцируемыми противоречиями, о которых писал Эдгар Морен, что стало следствием заката *Belle Époque* (Прекрасной эпохи) и *Götterdämmerung* (Сумерков богов) – во всех философских и социополитических смыслах, – ознаменовалось расцветом модернистской прозы, акме сложности смыслов, сложности лексической, семантической и когнитивной.

Модернизм и пришедший ему на смену во второй половине XX столетия постмодернизм – художественные направления чрезвычайной когнитивной сложности. Если посмотреть на это с точки зрения приведенных выше параметров, а именно:

- количества ментальных структур, которыми оперируют те или иные субъекты в рамках определенных исследовательских парадигм;
- насколько абстрактны данные категории;
- насколько сложным является взаимодействие между ними,

то по всем этим параметрам модернистская проза соответствует полюсу когнитивной сложности. Количество вербализуемых концептов в рамках модернистских произведений Дж. Джойса, В. Вулф, У. Фолкнера, Д. Томаса, Т.С. Элиота и других – в силу того, что модернизм суть течение психологическое, подвергающее анализу механику внутренней жизни человека, человеческого сознания, с его известной метафорой мыслительного процесса человека в виде реки, *потока сознания*, никогда не останавливающегося, – чрезвычайно обширно; в число них входят самые значимые экзистенциальные ментальные категории: жизнь, смерть, творчество, нравственный выбор, «невыносимая легкость бытия», смысл жизни так таковой и др. Из перечисленного очень ограниченного списка уже наглядно прослеживается ответ на второй из вопросов, очерченных выше: большинство этих категорий будут абстрактными. Безусловно, как в «Улиссе», так и в «Миссис Дэллоуэй» или, предположим, «На маяк», частотны элементы, соотносимые с рутинной повседневного бытия, предметами быта; Кларисса Дэллоуэй

очень долго размышляет относительно покупки цветов к предстоящему суаре, однако очевидно, что за данными размышлениями, за данными концептами стоят мучительные колебания человека, психологически запутавшегося в гнете экзистенции. Знаменитые строки из поэмы Томаса Стернза Элиота “I have measured out my life with coffee spoons” – «Свою жизнь я измеряю кофейными ложечками» – показывают, что за обыденностью фразы и номинируемых данными лексемами концептов скрывается отчаяние потерянного в океане духовной выжженной пустыни человека.

И, наконец, третий параметр – отношение между когнитивными конструктами, насколько сложным является взаимодействие между ними. Именно этот индикатор – прекрасная иллюстрация когнитивной сложности модернизма; она проявляет себя самым очевидным образом в *синтаксисе*. Синтаксис – это буквально порядок, координация; сложные предложения с массой придаточных, с эпаналепсисами, анафорами, эпифорами, анадиплосисами и иными риторическими фигурами (эллипсом, парцелляцией, полисиндетоном, параллелизмом) имитируют сложные концептуальные отношения между ментальными конструктами, актуализированными в прозе и поэзии модернизма. Более того, эта сложность есть имитация знаменитого потока сознания, метафоры, как нельзя лучше отражающей специфику мышления Человека разумного, поскольку этот поток мыслей не останавливается никогда, кроме как в фазе глубокого сна (фиксируемой на электроэнцефалограмме особым дельта-ритмом).

... I thought of Miss Stein and Sherwood Anderson and egotism and mental laziness versus discipline and I thought who is calling who a lost generation? Then I was getting up to the Closerie des Lilas with the light on my old friend, the statue of Marshal Ney with his sword out and the shadows of the trees on the bronze, and he alone there and nobody behind him and what a fiasco he'd made of Waterloo, I thought that all generations were lost by something and always had been and always would be and I stopped at the Lilas to keep the statue company and drank a cold beer before going home to the flat over the sawmill... [Hemingway 1964: 30].

В данном отрывке из романа Эрнеста Хемингуэя «Праздник, который всегда с тобой» налицо превалирование многосоюзия – полисиндетона, связывающего многочисленные придаточные, создающего ощутимый ритм (сродни поэзии в прозе), а в равной степени – объединяющего в общий концептуальный каркас множество когнитивных конструктов, как конкретных, так и абстрактных, концептов интертекстуальных, литературных и исторических аллюзий, а также помогающего эксплицировать смысл индивидуально-авторского художественного концепта «Потерянное поколение» (The Lost Generation), который автор и ввел в обиход совместно с Гертрудой Стайн, также упомянутой в данном отрывке.

Нелинейность письма – отражение нелинейности и сложности мышления, писал Э. Морен. Модернизм демонстрирует эту когнитивную сложность исключительно наглядно.

Литература

Князева Е.Н. Эволюционная эпистемология перед лицом междисциплинарных вызовов современной науки // Философия науки. 2014. Вып. 19. С. 125-144.

Материалисты Древней Греции. М.: Политическая литература, 1955.

Морен Э. Метод. Природа Природы / пер. с франц. Е.Н. Князевой. М.: Прогресс-Традиция, 2005.

Холодная М.А. Когнитивные стили: о природе индивидуального ума. М.: ПЕР СЭ, 2002.

Bieri J. (1955) Cognitive Complexity-Simplicity and Predictive Behavior // Journal of Abnormal and Social Psychology. V 51. P. 263-268.

Cognitive Complexity // The Internet Encyclopaedia of Personal Construct Psychology. URL: <http://www.pcp-net.org/encyclopaedia/cogcom.html>

Hemingway E. A Moveable Feast. New York: Charles Scribner's Sons, 1964.

Koenig F.W., King Jr M.B. Cognitive Simplicity and Prejudice // Social Forces. 1962. Vol. 40, No. 3 (March). P. 220-222.

Poe E.A. Loss of Breath // Southern Literary Messenger (Richmond, VA). Vol. I. No.13, September 1835. P. 735-740. URL: <https://www.eapoe.org/works/tales/lssbthb.htm>

Riding R.J. & Douglas G. (1993). The Effect of Learning Style and Mode of Presentation on Learning Performance // British Journal of Educational Psychology. 1993. No. 63. P. 273-279.

Riding R.J. On the Nature of Cognitive Style // Educational Psychology. 1997. V. 17, No1-2. P. 29-49.

Tennant M. Psychology and Adult Learning. London: Routledge, 1988.

*E.Y. Malneva (Khabarovsk, Russia)
Pacific National University*

COGNITIVE STYLES: PENSÉE COMPLEXE – THE COGNITIVE COMPLEXITY OF HOMO SAPIENS

Contemporary interdisciplinary studies in the domain of the Humanities examine concepts pertaining to the nature of intellectual activity, specifically those concepts which characterise individual differences in perception, analysis, categorisation and interpretation of information, referred to as cognitive styles. Cognitive styles possess a number of multidimensional features and characteristics, including the axis of cognitive simplicity versus cognitive complexity. As one of the modi of cognition, cognitive complexity can manifest in language and speech, particularly in modernist literature, which is unquestionably to be viewed as the acme of complexity.

Key words: cognitive style, cognitive complexity, cognitive construct, modernism, stream of consciousness.

*Т.И. Петухова (Санкт-Петербург, Россия)
Санкт-Петербургский государственный университет
t.petuhova@spbu.ru*

К ВОПРОСУ ОБ АНТРОПОЦЕНТРИЧНОСТИ ХУДОЖЕСТВЕННОГО КОНЦЕПТА *NATURE*

В статье анализируются антропоцентрические характеристики художественного концепта *NATURE*, актуализируемые в британской литературе. Рассматривается роль данного концепта в оценочной интерпретации внешности, мыслей и эмоций персонажей и выявляются доминантные когнитивные механизмы формирования оценочного смысла.

Ключевые слова: художественный концепт NATURE, британская литература, антропоцентричность, оценочная интерпретация, когнитивный механизм.

Концепт *NATURE* занимает значимое место в британской художественной литературе XX-XXI веков и неизменно привлекает внимание исследователей, которые рассматривают описание природы как важный инструмент построения сюжета, раскрытия мыслей и чувств персонажей, а также средство воздействия на процесс понимания и оценки литературного произведения читателем [Хомякова, Петухова, Тимченко 2018]. Лингвокогнитивный анализ художественного дискурса позволяет выявить антропоцентрический характер данного концепта, его роль в познании мира человеком и оценочной интерпретации своих знаний о мире.

Н.Н. Болдырев отмечает, что специфика передачи языкового опыта взаимодействия человека с окружающим миром проявляется в том, что языковая картина мира «передает не столько сам мир, сколько то, как видит и понимает объекты и явления, структуру мира человек, выделяя конкретные аспекты и характеристики», и это «обусловлено антропоцентрической природой языка» [Болдырев 2017: 33].

Природа является важным компонентом окружающего мира, ее гармония и совершенство способствуют обретению покоя и умиротворения воспринимающим ее субъектом, а ее стихии оказывают воздействие на физическое и эмоциональное состояние человека, направляют и мотивируют его мыслительную деятельность, вдохновляют на поступки. Неслучайно, природа и связанные с ней явления широко представлены в языке. Как отмечает Е.Г. Хомякова «они лежат в основе образования и функционирования лингвокультурных стереотипов, метафорических образований, идиом и фразеологизмов, пословиц и поговорок, участвуют в процедурах сравнения и сопоставления, иными словами, находят особую репрезентацию в языке каждой культуры» [Хомякова 2017: 224]. В фокусе внимания лингвистов-когнитологов находится оценочный потенциал, который способна передавать ландшафтная лексика современного английского языка [Болдырев, Чистякова 2015].

Как показывает анализ британской литературы, писатели при характеристике внешности, мыслей, эмоций персонажей нередко обращаются к языковым единицам, описывающим природные реалии. Так, например, героиня романа Кейт Аткинсон “Human Croquet”, 16-летняя Изобел, со свойственной юному возрасту самокритичностью так описывает свою внешность:

My human geography is extraordinary. I'm as large as England. My hands are as big as the Lakes, my belly the size of Dartmoor and my breasts rise up like the Peaks. My spine is the Pennines, my mouth the Mallyan Spout. My hair flows into the Humber estuary and causes it to flood and my nose is a white cliff at Dover. I'm a big girl, in other words [Atkinson. "Human Croquet"].

При описании своего телосложения и внешности героиня романа использует единицы ландшафтной лексики *lakes, estuary, cliff*, а также имена собственные, номинирующие как отдельные природные географические объекты, так и страну, где она родилась: *Dartmoor, the Pennines, the Mallyan Spout, the Humber, Dover, England*. Природа выступает как значимый

антропоцентричный лингвокультурный художественный концепт, языковая актуализация которого в тексте романа способствует формированию оценочных смыслов. В данном фрагменте текста в качестве доминантных когнитивных механизмов конструирования оценочного смысла выступают сравнение: *as large as England, as big as the Lakes, like the Peaks* и метафора, как например, в предложении *My hair flows into the Humber estuary and causes it to flood*.

Посредством использования природных номинаций автор художественного текста передает отношение персонажей своего произведения к самим себе, к другим людям, а актуализируемая при этом оценка способствует трансляции чувств, переживаемых персонажами:

Eliza was a miracle, her human geography sublime – the long curve of body, the hills and vales, her face buried in the pillow so that all he could see was the forest of black curls on her head [Atkinson. “Human Croquet”].

В представленном примере восторг и обожание, которое испытывает персонаж романа, глядя на свою жену, передается метафорическими смыслами, в формировании которых принимают участие ландшафтные лексические единицы, описывающие ее внешность – *her human geography, the long curve of body, the hills and vales, the forest of black curls on her head*. В контексте фрагмента художественного произведения, вводимого словами с положительной оценочной семантикой *a miracle, sublime*, ландшафтная лексика выполняет интерпретирующую оценочную функцию.

Природа как значимый антропоцентричный концепт актуализируется не только при языковой объективации внешности персонажей, но и при вербальной репрезентации их ментальной деятельности. Рассмотрим пример из романа Айрис Мердок «Under the net»:

As for the book itself, it figured in my mind, not only as a casus belli between myself and Hugo, but as a constellation of ideas which I could no longer be so disloyal as to pretend to be discontinuous with the rest of my universe [Murdock 2008: 188].

Написав книгу, основанную на беседах со своим знакомым Хьюго, герой романа характеризует произведение как созвездие идей, подчеркивая тем самым яркость и разнообразие тем, которые они обсуждали. Словосочетания *a constellation of ideas* и *my universe* демонстрируют антропоцентричность концепта NATURE, объективируя на вербальном уровне интерпретацию персонажем своей мыслительной деятельности. В следующем примере Джейк, обдумывая свои взаимоотношения с женщиной, описывает понимание ситуации, также используя природную лексику:

The sun began to rise over my intellectual landscape and I saw at last, in an outburst of clarity, the real shape of that which had before so obscurely compelled me to what had seemed to be a senseless decision [Murdock 2008: 205].

Айрис Мердок нередко обращается к метафорическому использованию ландшафтной лексики для описания мнемических процессов, приписывая воспоминаниям персонажей свойства водной стихии:

While I was thinking these thoughts a little stream was running softly somewhere in my mind, a little stream of reminiscence «...»

*I looked at it for a moment, still holding the book very gently, and the memory that I had been seeking took hold of whole consciousness with **the force of a hurricane** [Murdock 2008: 92].*

Базовой характеристикой художественного произведения является эмотивность. Как пишет В.И. Шаховский «Оязыковляя эмоции говорящей личности, авторы художественной литературы делают их идентифицируемыми для других языковых личностей – читателей этой литературы» [Шаховский 2010: 65]. В функционировании категории эмотивности в художественном тексте концепт NATURE играет важную роль, «...авторская референция к картинам природы не только показывает существующую связь между природой и человеком, подчеркивает определенное эмоциональное состояние персонажа, но и раскрывает механизмы каузации его настроения и чувств, способствуя развитию сюжетной линии повествования и воздействуя, таким образом, на читателя» [Хомякова, Петухова, Тимченко 2018]. Рассмотрим пример из романа К.Аткинсон:

***The sadness of autumn** is in the air, the smell of woodsmoke and earth and things long-forgotten. Over our heads the first skein of geese (the souls of the dead) scissor through the air, heading for their winter home, north of Boscrambe Woods, the creaking noise they make engenders **a fit of melancholy** in both of us «...» It was this time of year when my mother left and sometimes it seems to me that **in autumn the whole world becomes an elegy for Eliza**. Sometimes – like now – **the loss of her swamps me, my heart turns hard like a stone and something drags my insides like the tug of a retreating tide**. It's like being a child again, feeling her absence paralyzing me until all emotion is reduced to one mantra, I want my mother, I want my mother, I want my mother [Atkinson. "Human Croquet"].*

В представленном фрагменте текста концепт NATURE участвует в экспликации чувств героини на двух уровнях: на уровне описания состояния природы осенью, в то время года, которое характеризуется печалью и меланхолией (*the sadness of autumn, a fit of melancholy*) и коррелирует с настроением Изобел, а также на уровне функционирования отдельных единиц *природной лексики*, формирующих оценочные смыслы на основе когнитивных механизмов метафоры и сравнения (*the loss of her swamps me, my heart turns hard like a stone and something drags my insides like the tug of a retreating tide*). Осень связана у Изобел с утратой матери, и тоска по близкому человеку становится особенно острой в это время года (*in autumn the whole world becomes an elegy for Eliza*). Репрезентация эмоций персонажа посредством актуализации концепта NATURE позволяет читателю наиболее ярко представить то, что происходит в душе главной героини, и способствует эвокации его эмпатии.

Таким образом, художественный концепт NATURE в ряде произведений британской художественной литературы играет значимую роль, характеризуется антропоцентричностью и обладает ярко выраженным оценочным потенциалом. Это находит проявление в том, что его языковая актуализация участвует в репрезентации внешности, мыслей и эмоций персонажей, способствует формированию оценочных смыслов, участвует в построении сюжета и представляет необходимый для понимания поступков персонажей контекст.

Литература

Болдырев Н.Н. Антропоцентрическая теория языка. Теоретико-методологические основы // Когнитивные исследования языка. Вып. XXVIII. 2017. С. 20-81.

Болдырев Н.Н., Чистякова Е.В. Категоризация ландшафтов и интерпретационный потенциал ландшафтной лексики в современном английском языке. Тамбов: Тамбовский государственный университет им. Г.Р.Державина, 2015.

Хомякова Е.Г. Антропоориентированность временных параметров картины природы в английском языке // Романо-германистика: сборник статей по материалам XLVI Международной филологической конференции. СПб., 2017. С. 223-230.

Хомякова Е.Г., Петухова Т.И., Тимченко Н.М. Антропоцентричность концепта *NATURE* в англоязычном дискурсе // Вопросы когнитивной лингвистики. 2018. Вып. 4 (57). С. 47-57.

Шаховский В.И. Эмоции: Долингвистика, лингвистика, лингвокультурология. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2010.

Источники примеров

Atkinson K. Human Croquet. 1998. E-Book.

Murdock I. Under the Net. New York: Random House, 2008.

T.I. Petukhova (St. Petersburg Russia)
Saint Petersburg State University

ON THE ANTHROPOCENTRICITY OF THE LITERARY CONCEPT *NATURE*

The article analyzes the anthropocentric characteristics of the literary concept *NATURE*, as actualized in British literature. The role of this concept in the evaluative interpretation of the appearance, thoughts, and emotions of the characters is considered and the dominant cognitive mechanisms of formation of the evaluative meaning are revealed.

Key words: literary concept *NATURE*, British literature, anthropocentricity, evaluative interpretation, cognitive mechanism.

С.А. Ростовцева (Челябинск, Россия)
Челябинский государственный университет
rostovs79@mail.ru

ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЕ И ЛИЧНОСТНЫЕ КАЧЕСТВА ВРАЧА-ХИРУРГА (ПО ДАННЫМ АССОЦИАТИВНОГО ЭКСПЕРИМЕНТА)

В работе представлены результаты ассоциативного эксперимента, направленного на выявление профессиональных и личностных качеств, присущих с точки зрения обывательского сознания «хорошему врачу-хирургу». Сформированы и проанализированы пять групп качеств: профессиональные, психологические, морально-этические, коммуникативные, волевые, когнитивные, описывающие отношения к профессии.

Ключевые слова: лингвокультурология, лингвокультурный типаж, ценностная характеристика, врач, врач-хирург, ассоциативный эксперимент.

Профессия врача-хирурга имеет высокое социальное значение в современном обществе. Большая часть населения за свою жизнь сталкивается с необходимостью получения хирургической помощи. Возросшие объемы оказания данной услуги, с одной стороны, делают ее неизбежным этапом жизни фактически каждого человека, с другой стороны, даже минимальное вмешательство сопряжено с риском для жизни пациента, порождает серьезный эмоционально-психологический отклик и, как следствие, особые отношения, возникающие между оперирующим врачом, пациентом и его родственниками. Так, врач-хирург является актуализируемым типажом современной лингвокультуры и имеет яркие специфические характеристики.

На формирование лингвокультурного типажа «врач-хирург» оказывает значительное влияние ряд факторов: это и личный опыт взаимодействия пациента с врачом-хирургом, и персонажи художественной литературы и кинематографа, наиболее популярные представители которого формируют стереотипное или идеализированное представление о представителях данной профессии (наиболее характерными для отечественной лингвокультуры являются профессор Преображенский из повести М.А. Булгакова «Собачье сердце» и доктор Айболит из сказки К.И. Чуковского).

Лингвокультурный типаж «врач-хирург» является сложным ментальным образованием, требующим многокомпонентного анализа, включающего исследование как наиболее ярких фикциональных типажей, так и индивидуального представления, зафиксированного в креолизованных текстах, отзывах и комментариях.

Важным этапом конструирования типажа представляется анализ присущих врачу-хирургу ценностных характеристик, выявленных с помощью ассоциативного эксперимента.

Дискуссия о качествах, которыми должен обладать врач особенно актуальна в современном обществе. Так, продуктом недавнего времени стал стандарт, регулирующий коммуникативное поведение специалиста. Существует ряд исследований, направленных на выявление необходимых морально-этических, волевых и организационных качеств с точки зрения студентов медицинского института, ординаторов и практикующих врачей [Мелкумян 2016]. Актуальность подобных исследований объясняется прежде всего процессами «информатизации и либерализации культуры», которые приводят к «трансформации не только нравственно-правового содержания медицины, но и самого характера врачебной деятельности» [Неснова 2016].

Важным является также то, что существует расхождение в обывательском и профессиональном сознании в представлении о «хорошем хирурге» [Акопов 2015], и если второму посвящен ряд исследований, то первое находится вне фокуса научных изысканий.

Мы полагаем, что исследование бытового (под которым мы понимаем не принадлежащее к медицинской сфере деятельности) представления о качествах, необходимых врачу-хирургу, может внести не только теоретический вклад в теорию исследования лингвокультурных типажей, но и иметь практическую значимость при подготовке будущих медицинских специалистов.

Целью настоящей работы является выявить основные профессиональные и личностные качества, ассоциируемые в русском национальном сознании с представлением о «хорошем хирурге».

Материалом исследования послужили данные ассоциативного эксперимента, респондентами которого стали 108 человек возрастом от 15 до 85 лет. Обязательный вопрос «Являетесь ли Вы медицинским работником» позволил исключить из анализа тех респондентов, профессиональная деятельность которых связана с медицинской сферой. Респондентам было предложено указать качества «хорошего хирурга»; количество ответов было ограничено тремя. Всего было получено 305 реакций.

В результате анализа полученных реакций были сформированы группы, представляющие качества «хорошего врача-хирурга»: профессиональные (23,6%), психологические (13,7%), морально-этические (19,31%), коммуникативные (4,29%), волевые (33,9%), когнитивные (4,29%), описывающие отношения к профессии (4,29%).

Большая часть реакций в каждой группе являются индивидуальными (указанными одним респондентом), однако возможно выделить ядро, репрезентирующее наиболее частотные ответы и представляющее ключевые представления о враче-хирурге.

Так, в группе «профессиональные качества» ключевыми являются: *профессионализм* (9,01%), *опыт* (7,72%), *знания/обучение/образование* (5,15%). Если «профессионализм» является наиболее нейтральной характеристикой, предполагающей «хорошее владение своей профессией» [Ожегов 1999], то опыт уже подразумевает «активное практическое познание» [Ожегов 1999]. Таким образом, основа профессиональной квалификации – это совокупность теоретической базы и практической реализации. Здесь примечательно, что в 1,28% реакций упоминаются «руки» (*руки, твердая рука, навыки работы руками*) как аллегорическое представление о деятельности врача-хирурга, отсылающее к этимологии, когда синонимичным понятием «хирургии» было «рукодействие» [Даль 1903: 1184].

В группе морально-этических качеств хирурга основными являются *терпение* (2,14%) и *доброта* (2,14%), указывая на сложные психоэмоциональные отношения, выстраиваемые между пациентом и врачом-хирургом. Здесь же можно выделить синонимичную группу характеристик: *сострадание, эмпатия, участие, человечность, гуманизм, человеколюбие* (совокупно 6,86%), которые представляют потребность пациента в «человечном» отношении, включающем эмоциональную отзывчивость.

В группе «волевые качества» наиболее часто актуализированы *ответственность* (11,58%) и *стрессоустойчивость* (4,29%). Ответственность необходима в ситуации, когда пациент передает контроль за свою жизнь и здоровье другому, как правило, мало знакомому человеку. При этом профессия ассоциирована с высокой степенью психоэмоционального напряжения и с точки зрения респондентов требует стрессоустойчивости как важной волевой характеристики.

Сопряженная с высокой степенью ответственности и непрогнозируемостью ситуаций профессия врача-хирурга также требует таких качеств у ее представителей, как *сила воли, сила духа, решимость, решительность, хладнокровие*.

Чрезвычайно важным с точки зрения респондентов представляется такая характеристика, как *внимательность* (6,43%) (*внимательный* – 1,7%; *внимание* – 0,42%). Примечательно, что выбирая между похожими лексемами «внимание» и «внимательность» четырнадцатикратное предпочтение отдается последнему, что возможно объяснить его семантикой: «степень внимания, сосредоточенность внимания», когда психический процесс имеет четкую направленность.

Одной из доминирующих характеристик группы «психологические характеристики» является *уверенность* (3,43%) как качество, которое может передаваться пациенту.

В группе «когнитивные характеристики» представлены *ум/умный* (2,14%), *интеллект* (0,85%) и такие однократные реакции, как *разум*, *мудрость*, *трезвость ума*.

Группа «коммуникативные характеристики» и «отношение к работе» представлены индивидуальными характеристиками, которые при объединении в одну тематическую общность, позволяют выявить особую значимость общения между врачом-хирургом и пациентом, которые представлены как *общительность*, *коммуникабельность*, *умение общаться с пациентом*, *умение успокоить пациента*, *вселить в него надежду*; а также потребностью видеть во враче-хирурге не просто квалифицированного исполнителя, а равнодушного специалиста, эмоционально вовлеченного в деятельность (*увлеченный профессией*, *любовь к своей работе*, *желание помочь*, *вера в свое дело*).

По результатам проведенного ассоциативного эксперимента, направленного на диагностику представлений о хорошем враче-хирурге в русском языковом сознании, мы пришли к выводу, что хирургическая профессия связана с повышенной ответственностью и стрессообразующими ситуациями, требующими от врача-хирурга волевых и психологических качеств, таких как уверенность, ответственность, стрессоустойчивость.

Высокая степень ритуализации лечения с применением хирургии, а также страх, сопряженный с подобными манипуляциями, вызывают у пациента потребность в установлении более личного взаимодействия между больным и врачом-хирургом. Данная ситуация является основой для возникновения представления о таких качествах врача-хирурга, как доброта, эмпатия, человечность и пр. Врач-хирург в русском национальном сознании является не только профессионалом, обладающим как теоретическими знаниями, так и практическим опытом, но и осуществляющим психологическую поддержку пациента. С точки зрения обыденного сознания одинаково важны как профессиональные, так и морально-этические и коммуникативные качества. Представление об отношении к работе выводит деятельность врача-хирурга за рамки оказания специфической услуги и требует гораздо большего вовлечения в специальность.

Литература

Акопов А.Л., Массард Ж., Артюх Д. Хороший хирург – что вкладывается в это понятие? // Вестник хирургии имени И.И. Грекова. 2015. Т.174. №4. С. 87-92.

Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: [в 4 т.] / [соч.] Владимира Даля. 3-е изд., испр. и знач. доп., изд. под ред. [и с предисл.] проф. И.А. Бодуэна-

де-Куртенэ. Т. 1-4. Санкт-Петербург; Москва: т-во М.О. Вольф, 1903-1911. URL: <https://www.prlib.ru/item/457657> (дата обращения: 08.04.2023).

Мелкумян Э.Х. Личностные качества современного врача // Бюллетень медицинских интернет-конференций. 2016. Т.6. №1. С. 212-212.

Неснова Д.Ю., Насырина В.С., Ермолаева Е.В. Образ врача в русской культуре XVIII-XX веков // Бюллетень медицинских интернет-конференций. 2016. Т.6. №1. С. 214-214.

Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка / Российская академия наук. Институт русского языка им. В.В. Виноградова. М.: Азбуковник, 1999. URL: <https://lexicography.online/explanatory/ozhegov> /п/профессионализм (дата обращения: 30.12.2023).

*S.A. Rostovtseva (Chelyabinsk, Russia)
Chelyabinsk State University*

PROFESSIONAL AND PERSONAL QUALITIES OF A SURGEON (ACCORDING TO THE ASSOCIATION EXPERIMENT)

The paper presents the results of an associative experiment aimed at identifying the professional and personal qualities inherent to a "good surgeon" in non-professional consciousness. Five groups of qualities have been formed and analyzed: professional, psychological, moral and ethical, communicative, strong-willed, and cognitive, describing the attitude to the profession.

Key words: linguoculturology, linguocultural type, value characteristic, doctor, surgeon, associative experiment.

*Е.В. Трощенкова (Санкт-Петербург, Россия)
Санкт-Петербургский государственный университет
e.troschenkova@spbu.ru*

*Ю.А. Богатикова (Москва, Россия)
Национальный исследовательский технологический университет «МИСИС»
y.bogatikova@misis.ru*

РЕФЛЕКСИЯ ДОВЕРИЯ ИНФОРМАЦИИ В КОММЕНТАРИЯХ ЧИТАТЕЛЕЙ О ПРАВДОПОДОБИИ НОВОСТЕЙ-ШУТОК

В статье рассматриваются случаи языковых проявлений метакогниции и метаре-презентации в комментариях читателей каналов шуточных новостей в социальной сети Телеграм. Проведенный анализ показывает, что комментаторы могут быть распределены по группам, в зависимости от наличия навыков распознавания пародийного фикционального текста в жанре новостей. Участие в обсуждениях новостей-шутки формирует метаре-презентации и метакогнитивные навыки критического мышления и «информационной гигиены», которые позволяют оценивать качество поступающей информации, ее соответствие действительности.

Ключевые слова: социальные сети, новости-шутки, метакогниция, метаре-презентация, правдоподобие, Телеграм, фикциональный текст.

Опросы ВЦИОМа о популярности источников информации и использовании интернета россиянами показывают рост влияния социальных сетей и блогов [РБК 23.09.2021] как каналов новостей. Надежность таких источников часто сомнительна, легко распространяется фейковая информация, которая может попадать и в пространство традиционных медиа, например, на федеральные ТВ каналы. Следом появились сочиняющие по мотивам актуальных событий шуточные новости пародийные медиа, выражающие стремление повысить бдительность читателей и научить аккуратнее оценивать источники информации. Однако, в отличие от собственно «фейковых новостей» [Распопова, Богдан 2018: 18], новости-шутки изначально создаются с целью быть опознанными как нереальные. Подобная языковая деятельность сродни созданию игровых вариантов ложной идентичности/mock identity [Трошенкова, Шеховцова 2017], а пародийные новости в социальных сетях представляют собой mock news. Такие фикциональные тексты имеют правдоподобную жанровую форму и могут быть восприняты как реальные новости, см. подробнее [Богатикова 2023]. Например, сатирическое издание «ИА Панорама», название которого уже обрело черты имени нарицательного, а в англоязычных медиа такую нишу занимает издание «The Onion».

Цель настоящей статьи – выявить случаи языковых проявлений метакогниции и метарепрезентации путем анализа реакций пользователей пародийных новостных Телеграм каналов, что обусловило выбор материала анализа. Под метарепрезентацией понимается способность субъекта формировать репрезентации второго порядка [Sperber 1999: 54], т.е. репрезентации других репрезентаций, имеющих как у самого субъекта и осмысливаемых им в рамках саморефлексии (в этом случае будем говорить о метакогниции), так и у других субъектов, с которыми происходит взаимодействие. Как предполагается, в ходе участия в обсуждениях новостей-шутки происходит формирование метарепрезентаций и метакогнитивных навыков осознанного чтения, критического мышления, повышение осведомленности о жанровой и стилистической природе текста.

Были выбраны Телеграм каналы: «а вот мой яндекс кошелек» (АВМЯК, <https://t.me/lastoppo>, более 18000 подписчиков) и «Империя очень зла» (<https://t.me/verysexydasha>, более 70000 подписчиков). Проанализировано 13 случайно выбранных постов начала февраля 2023 года с 2577 комментариями (орфография в примерах сохранена) читателей к ним, имеющимися на момент сбора материала.

Рассмотренные комментарии показывают, что не вся аудитория каналов в полной мере осознает пародийную природу предлагаемых постов, и всегда есть группа читателей, которые воспринимают и обсуждают текст как серьезную новость. Такие комментарии осмысляются другими читателями, которые могут корректировать восприятие в нужном направлении, часто довольно агрессивно. **Пр. 1-4:** – *тётъ. этот пост троллинг админа. – Выдохнула) потому что после того, что эта идиотина с Никоглаем сделала, я за чистую монету приняла данную новость 😊*; *Ты долбо*б, здесь новости шуточные;* – *выше люди не прочитали полный пост – а ниже их те, кто прочитали но не въехали, что пост скамный;* **бать в комментариях ад. Я порвусь от смеха такими темпами. А если серьёзно, какого х*ра вы серьёзно воспринимаете этот стендап канал?*

Другие комментаторы могут намеренно продолжить «троллинг админа», притворяясь, что поверили новости, и развивая предложенную языковую игру. Их комментарии без дополнительной информации не могут быть однозначно распознаны как сарказм / наивное принятие новости-шутки на веру, поэтому иногда «поправляющий» обнаруживает, что предыдущий комментатор также не был серьезен. Комментарии типа **Пр. 5:** *Спасибо админу! Хоть тут узнаём что в мире творится*, легче опознаются как продолжение языковой игры, если пользователь – опытный участник канала, регулярно оставляет комментарии и взаимодействует с другими читателями, поскольку его активность создает дополнительный контекст, по которому можно точнее метарепрезентировать истинную позицию комментатора.

Еще одна группа пользователей верно считывает несоответствие «новости» реальности, но воспринимает текст как преднамеренный фейк и не учитывает его изначальной пародийной природы, хотя рассматриваемые каналы в названиях снабжены дискурсивными маркерами о фикциональной природе их текстов. **Пр. 6-8** *Это прикол такой?!; Это же фейк ...; Этот фейк уже во всех каналах разобрали.*

Пользователи, продолжающие языковую игру, могут снабжать свои комментарии отсылками к другим сатирическим изданиям (ИА Панорама, Злой Пруф, Шарли Эбдо, ХБ и др.) или подтверждать свое согласие с установками канала. **Пр. 9-11** *Кстати, у нас тоже кое-кто регулярно на АВМЯК покупается. Как раньше на Панораму слетались тупые светлячки; Даша, тебе всё-равно не выиграть конкуренцию у АВМЯКа); А ущерб для США от чата АВМЯК вообще не подлежит исчислению. Употребление лексики типа скам(ный), шутка (шуточный), прикол, пранк, стендап, троллинг (троллить), толсто, жир, слабо, перебор, дурить, покупать, втирать/принять за чистую монету, стебать, юмор, смеялась, поржать и различных эмодзи обычно маркирует, что пользователь осознает пародийную природу текста новости.*

Участники языковой игры регулярно высказывают ожидания, что другими пост будет интерпретирован неверно: **Пр. 12-16** *Через сколько этот пост будет растиражирован? 😊; Ждем это сообщение во всех новостных каналах!; И ведь верят 😂 😂 😂; Угорну, если СК возбудит дело, по факту этой новости!; Почитал комменты и понял, что опубликую эту новость в новостях по телевизору, даже если написать про 30 февраля, то процентов 70 напишут: Какого х*ра? Вы сначала сделайте альтернативу ютубу.... 😂. Наиболее часто, как символ того, что традиционные СМИ неаккуратны в проверке источников, выступает Первый канал: **Пр. 17-19** *Возмутительно! Ждем мнение экспертов на Первом; Так с ходу и не нашла, это было с полгода назад. Увижу кино. На первом его тоже цитировали и тоже Кузичев 🤔; Я редактор с первого, сегодня на время покажет расскажем про этот ужас!**

Читатели активно включаются в обсуждение случаев, когда шуточный пост попал в информационное пространство, был воспринят как серьезный и распространялся как настоящая новость. Они обычно согласны с заявленной миссией канала: **Пр. 20** *А вот это правда! Такие юмористические каналы учат людей элементарной информационной гигиене. Иногда высказывают озабоченность,*

что шутку можно воспринять как реальную новость и начать ее распространять, просят авторов добавлять дискурсивные маркеры, позволяющие правильно понять текст: **Пр. 21-23** *Надо какую-то пометочку что ли. А то ведь принимают за чистую монету 😊; Дора, пишите в конце "шутка", что ли. Ну реально, страшно уже за вот этих вот всех. Да и черт бы с ними, так они же людям втирают за чистую монету. Так и до ядерного апокалипсиса не далеко. Оно вам надо?)); – Массу людей здесь сначала нужно обучить, потом Ваши новости давать им читать. Постепенно, по строчке. Ведь сердятся, как большие. У меня чувства юмора нет, но, оказывается, есть ещё безнадежней. – Интересно для сравнения почитать комменты с "Панорамы". Там комментаторы уже почти как авторы канала пишут.*

Также комментаторы дают обратную связь по качеству самого текста, его способности обмануть, что, несмотря на примеры выше, оценивается как положительное качество. Примеры метакогниции, когда читатель ловит самого себя на готовности поверить, отражают положительные эмоции от того, что фальсификация почти удалась: **Пр. 24-25** *В первую секунду забыла- на каком я канале 😊 😊 😊; Это перебор.....у меня чуть инфаркт ж*ны не случился.* Напротив, более очевидные новости-шутки воспринимаются прохладнее, их критикуют за неправдоподобие и прозрачность юмористического посыла: **Пр. 26-27** *Что-то там безумно жирно, чтобы быть тру; Звучит абсолютно не правдиво. Шутка неудачная.* Негативную оценку может вызвать и затрагивание чувствительных тем, когда у читателя возникает ощущение, что автор канала «хайпует на трагедии», или сочиняет нечто, противоречащее характеру и биографии человека: **Пр. 28** (реакция на шутку про землетрясение в Турции): *Это уже юмор сродни французской шарли эбдо. Ниже плинтуса. Не к месту. Хотя и не удивили;* **Пр. 29-30** (реакции на пост про Д. Пучкова): *Х*евые шуточки, я раньше думала канал сочиняет на фоне реальных новостей, переворачивая на голову, утрируя, смеясь, а тут просто лажа какая-то; Чёт правда не смешно. Особенно после "пофиг, кого трогать". Минусуюсь.*

Анализ рассмотренных читательских реакций показывает возможность их распределения по степеням 1) доверия-недоверия информации, 2) осмысления природы текста новости-шутки как фикциональной. Комментирование новостей-шутки как комплексный речетворческий процесс повышает осведомленность участников коммуникации о качестве поступающей информации, формирует метакогнитивные навыки восприятия фикциональных текстов особой жанрово-стилистической природы.

Литература

Троценкова Е.В., Шеховцова Е.Е. Американские партийные стереотипы в метаре-презентационной деятельности: игровой вариант ложной идентичности. (Гл. XII) // Англистика в миниатюрах. Диалог культур и времен. СПб.: Издательство СПбГУ, 2017. С. 177-199.

Распопова С.С., Богдан Е.Н. Фейковые новости: Информационная мистификация. М: «Аспект Пресс», 2018.

Богатинова Ю.А. Правдоподобие как аспект читательского восприятия текста // Филологические науки. № 2 (март), 2023. С. 54-61.

РБК – ВЦИОМ выяснил главные источники новостей для россиян// РБК. 23.09.2021. URL: <https://www.rbc.ru/society/23/09/2021/614b810f9a794706edd3ad8https://www.rbc.ru/society/23/09/2021/614b810f9a794706e3dd3ad8> (дата обращения 9.02.2023).

Sperber D. Metarepresentation // The MIT Encyclopedia of the Cognitive Sciences. [R.A. Wilson, F.C. Keil (Eds.)]. Cambridge, Mass.: MIT Press, 1999. P. 541-543.

E.V. Troshchenkova (Saint-Petersburg, Russia)

Saint-Petersburg State University

Yu.A. Bogatikova (Moscow, Russia)

National University of Science and Technology MISIS

REFLECTION OF INFORMATION PLAUSIBILITY IN READERS COMMENTS ON THE MOCK NEWS VERISIMILITUDE

The article examines metarepresentation and metacognition in readers' comments on posts in satirical news channels on Telegram. Our analysis allowed us to identify commentors by their ability (or inability) to recognize satirical text in the news genre. Participation in discussions on satirical news reports forms the relevant metarepresentations and the metacognitive skills of critical thinking and "informational hygiene", which allow a reader to evaluate the quality of incoming information and its veracity.

Key words: social media, Telegram, satirical news, metacognition, metarepresentation, fictional text, information plausibility.

Е.Б. Яковенко (Москва, Россия)

Институт языкознания РАН

yakovenko_k@rambler.ru

СИМВОЛЫ ВНУТРЕННЕГО МИРА ЧЕЛОВЕКА В ДРЕВНЕАНГЛИЙСКОЙ КАРТИНЕ МИРА: ОСОБЕННОСТИ ВЕРБАЛИЗАЦИИ

В работе исследуются структура и содержание концептов ЖИЗНЬ и ДУША, представленных в древнеанглийских светских и религиозных текстах лексемами *feorh* и *sāwel*. Концепты, обнаруживая точки пересечения, обладают разным набором специфических признаков, что позволяет им, появляясь в сходных контекстах, не смешиваться.

Ключевые слова: душа, древнеанглийские тексты, Библия, концепт, вербализация.

Описание внутреннего мира человека, то есть нематериальных сущностей, не подлежащих непосредственным наблюдениям, стало одной из актуальных задач отечественной когнитивной лингвистики с первых лет ее становления (Апресян 1995, Арутюнова 1999). В последние десятилетия, действительно, появилось немало работ, выполненных в когнитивной парадигме на материале разных языков и посвященных анализу внутреннего мира человека в целом или отдельных его составляющих (Кондратьева 2004, Пименова 2004, Степаненко 2006, Яковенко 2007 и др.).

По мере развития когнитивной лингвистики и возникновением точек пересечения между нею и другими областями языкознания появились новые направления исследований «внутреннего человека». Так, усилиями когнитивистов и

специалистов по историческому языкознанию стала возможной реконструкция ментальных сущностей по данным письменных памятников. Когнитивный подход, предпринимаемый к их описанию, позволяет четче разграничить границы концептов, вербализуемых теми или иными единицами, выявить их интегральные и дифференциальные признаки, определить дистрибуцию номинантов концептов.

В данной статье исследуются фрагменты концептуальной области ‘внутренний мир человека’, соотносимые в общем плане с душой и вербализованные в древнеанглийском языке лексемами *feorh* и *sāwel*. Материалом исследования являются около 300 контекстов лексем, почерпнутых из древнеанглийской прозы и поэзии и сверенных с Хельсинским корпусом [XML]. Мы предполагаем, что в картине мира, отраженной в древнеанглийском языке, выделяются два концепта ДУША, различающиеся своими номинантами – *feorh* и *sāwel* – и обладающие своими наборами признаков, которые могут частично пересекаться.

Анализ текстов показывает, что дистрибуция лексем *feorh* и *sāwel* не совпадает, в значительной степени определяясь характером памятников. Из более чем 100 употреблений *feorh*, представленных в корпусе, более 80 приходится на эпическую поэму «Беовульф» и религиозные поэмы «Бытие», «Исход», «Андрей», «Феникс» и др. Остальные употребления присутствуют в законах англосаксонских королей, проповедях Вульфстана. В силу особенностей своей семантики лексема *feorh*, безусловно, тяготеет к религиозным текстам, но ее употребление не ограничивается ими. Интересно, что в древнеанглийских переводах Библии (Пятикнижие Эльфрика, Евангелия) лексема почти не встречается (см. далее).

По данным словаря древнеанглийского языка Босуорта-Толлера [BT], *feorh* обозначает душу как жизненную основу, жизнь и, метонимически, самого человека, что показывают, в частности, следующие примеры:

Ic ... sceal fōn wið fēonde and ymb feorh sacan [Beowulf, 438-439, цит. по XML].

‘Я ... должен схватиться с врагом и сразиться насмерть (букв. «за жизнь»)’.

gyf hwa ymb cyninges feorh sygwe, sy he his feores scyldig [Anglo-Saxon Laws, цит. по XML].

‘Если кто покушается на жизнь короля, он платит за это своей жизнью’ (здесь и далее перевод наш – Е.Я.).

hwa mæg æfre oðrum furðor freondscype gesyðan þonne he his agen feorh gesylle ðurh þæt his freond wið deað ahredde? [Wulfstan’s Homilies, цит. по XML].

‘Как может больше познаваться дружба, нежели когда [человек] отдает свою собственную жизнь (душу), чтобы его друг спасся от смерти?’

В структуре концепта FEORH вербализуются такие признаки, как 1) жизнь, жизненная основа человека (что обуславливает его близость к концепту LIF); 2) высшая ценность человека; 3) хрупкость, подверженность болезням, ранениям и т.д. В древнеанглийской картине мира образуется оппозиция *feorh* – *deað*.

Лексема *sāwel*, как и *feorh*, тоже обозначает жизненное начало человека, но это начало иного рода. Под влиянием христианства у *sāwel* (исконной единицы с общегерманским корнем, имеющей корреляты в дргих древнегерманских языках: гот. *saiwala*, др.с. *seola*, др.-исл. *sala* и др.) формируется способность обозначения души как бессмертного начала в человеке. *Sāwel*, сохраняя витальные характери-

стики, приобретает также ряд ментальных и трансцендентных признаков. Структура концепта складывается, таким образом, из следующих моментов: 1) душа как жизненная основа человека (отсутствие души эквивалентно отсутствию жизни); 2) душа как сам человек (метонимически); 3) душа как центр психической жизни; 4) душа как средоточие моральных качеств; 5) душа как центр воли; 6) душа как нематериальная сущность, духовное начало, возвышающее человека над миром, как высшая его ценность. Большая часть этих признаков реализуется в религиозной прозе (библейских переводах, проповедях, житиях святых, религиозной переписке и т.д.), но периодически *sāwel* появляется и в светских памятниках.

Ввиду ограничений в объеме работы проиллюстрируем функционирование *sāwel* в древнеанглийской литературе лишь несколькими, как нам представляется, типичными примерами:

to ðe dryht ic urahof sawle mine god min /in ðe ic getreowu ne scomiu ic [Vespasian Psalter, 24: 1-2], цит. по XML].

‘К Тебе, Господи, возношу душу мою. Боже мой! на Тебя уповаю, да не постыжусь [вовек]’ (РСП, Пс. 24: 1-2).

And ne ondræde ge ða ðe eowyrne lichaman ofsleaþ; ne māgon hig sōþlice da *sāwle* ofslean; ac ondrædaþ ma ðone, ðe mæg *sāwle* and lichaman fordōn on helle (ASG, Matt. 10:28).

‘И не бойтесь убивающих тело, души же не могущих убить; а бойтесь более Того, Кто может и душу и тело погубить в геенне’ (РСП, Матф. 10:28).

Se ðe lufaþ his *sāwle*, forspilþ hig; and se ðe hataþ his *sāwle* on ðisum | middan-earde, gehylt hī on ēcum līfe [ASG, Matt. 12: 25].

Таким образом, в древнеанглийской картине мира лексемы *feorh* и *sāwel*, служащие вербализации различных концептов, имеют в своей семантической структуре признаки, позволяющие им не смешиваться, даже если лексемы функционируют в сходных контекстах. Концепты ‘*feorh*’ и ‘*sāwel*’ демонстрируют совпадение ряда признаков, но в целом вполне автономны (о корреляции жизни и души в библейских текстах см. подробнее [Яковенко 2002]). Интересно, что соотношение лексем *feorh* и *sāwel* примерно такое же, как др.-евр. *chay* и *nephesh*, греч. ζωή и ψυχή, лат. *vita* и *anima*. Синонимия *feorh* и *līf*, осложняющая эту картину, требует отдельного исследования.

Источники и сокращения

РСП – Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета канонические в русском переводе. Перепечатано с Синодального издания. Объединенные Библейские Общества, 1993.

AOT – The Old English Heptateuch; and, Ælfric's Libellus de Veteri Testamento et Novo. Oxford: Oxford University Press for the Early English Text Society, 2008. 426 p.

ASG – The Gospels: Gothic, Anglo-Saxon, Wycliffe and Tyndale versions arranged in parallel columns. London: Gibbings, 1907. 584 p.

ASH – The Homilies of the Anglo-Saxon Church. The First Part, Containing the Sermones Catholici, or Homilies of Ælfric. In the Original Anglo-Saxon, with an English Version. Vol. II. Ed. by B.Thorpe. London, Printed for Ælfric society, 1844. 614 p.

BT – An Anglo-Saxon Dictionary. By Joseph Bosworth and T. Northcote Toller. Oxford: Clarendon Press, 1898 and 1921. Электронный ресурс. URL: <http://www.bosworthtoller.com> Последнее обращение: 10.04.2023.

OEP – Old English Psalms Edited and Translated by P.P. O'Neill. London: Dumbarton Press, 2016. 717 p.

XML – XML Helsinki Browser. Electronic Resource. URL: <https://helsinki.corpus.arts.gla.ac.uk> Дата последнего обращения: 10.04.2023.

Литература

Апресян Ю.Д. Образ человека по данным языка: попытка системного описания // Вопросы языкознания. 1995. № 1. С. 37-67.

Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. 2-е изд. М.: Языки русской культуры, 1999.

Кондратьева О.Н. Концепты внутреннего мира человека в русских летописях: На примере концептов *душа, сердце, ум*: дис. ... канд. филол. наук. Кемерово, 2004.

Пименова М.В. Душа и дух. Особенности концептуализации. Кемерово: Графика, 2004.

Степаненко В.А. Слово / Logos / Имя – имена – концепт – слова: сравнительно-типологический анализ концепта «Душа. Seele. Soul»: на материале русского, немецкого и английского языков. Иркутск: ИГЛУ, 2006.

Яковенко Е.Б. Жизнь: начало и конец (на материале английских и немецких переводов Библии) // Логический анализ языка. Семантика начала и конца. Москва: Индрик, 2002. С. 529-535.

Яковенко Е.Б. Homo biblicus. Языковой образ человека в английских и немецких переводах Библии (опыт концептуального моделирования). М.: Эйдос, 2007.

Ye.B. Yakovenko (Moscow, Russia)
Institute of Linguistics RAS

SYMBOLS OF INNER MAN IN OLD ENGLISH WORLDVIEW: SPECIFIC OF THE VERBALIZATION

The paper focuses on the structure, content, and correlation of the concepts 'life' and 'soul' widely represented in Old English secular and religious texts as *feorh* and *sāwel*. The concepts appear to share some components but the fact that each nominant has set of distinctive features makes it possible for them to function in similar contexts without being confused.

Key words: soul, Old English texts, Bible, concept, verbalization.

III. КОГНИТИВНАЯ ЛИНГВИСТИКА В РЯДУ НАПРАВЛЕНИЙ НАУКИ О ЯЗЫКЕ

III.1 Когнитивная и политическая лингвистика

*Д.Н. Адащик, Л.И. Триус (Пятигорск, Россия)
Пятигорский государственный университет
dmitry.adaschik@ya.ru, lilya_trius@mail.ru*

АНГЛОЯЗЫЧНЫЙ ПОЛИТИЧЕСКИЙ ДИСКУРС В КОНТЕКСТЕ ПАНДЕМИИ COVID-19: ПРАГМА-КОГНИТИВНЫЕ ОСОБЕННОСТИ

Целью данного исследования является анализ и описание коммуникативных стратегий, используемых в официальных выступлениях премьер-министра Великобритании в период пандемии COVID-19. Автором определяются наиболее частотные коммуникативные стратегии и тактики, используемые политиком для формирования общественного сознания в кризисные периоды жизни социума.

Ключевые слова: политическая коммуникация, политический дискурс, стратегемно-тактическая организация, коммуникативная стратегия, коммуникативная тактика, коронавирус, когнитивная прагматика.

Любое исследование когнитивных аспектов политической коммуникации неизбежно активизирует вопрос о правильности понимания друг друга говорящим и слушающими, иными словами, язык политики формирует общественное сознание и в конечном счете создает реальность [Шапочкин 2008: 2]. Задача политического дискурса – не описать, а побудить к действию, что предполагает использование тех или иных коммуникативных приемов для передачи политических идей, убеждений и мнений. Данную задачу решает целый ряд системообразующих признаков, включающих в себя: цель общения, участников общения, способы общения — избираемые стратегии и тактики.

В данном исследовании, мы сосредоточимся на анализе коммуникативных стратегий и тактик, эффективное использование которых позволяет политику реализовать интенции с целью формирования или изменения картины мира у массового адресата. Под коммуникативной стратегией мы, вслед за О.С. Иссерс, понимаем «комплекс речевых действий, направленных на достижение коммуникативных целей, который включает в себя планирование процесса речевой коммуникации в зависимости от конкретных условий общения и личностей коммуникантов, а также реализацию этого плана» [Иссерс 2008: с. 54]. В свою очередь, О.Н. Паршина под стратегиями и тактиками понимает конечную цель, понимаемую «как прогнозируемое искомое представление о результате, который должен быть достигнут по отношению к адресату» [Паршина 2005: 5]. Как отмечает

Т.А.Ширяева, «владение различными стратегиями и тактиками речевого поведения способствуют эффективному взаимодействию политических деятелей и приводят к разрешению и урегулированию политических, а также парламентских конфликтов и предотвращению многих кризисов в политической, социальной и экономической сферах жизни современного общества» [Ширяева 2015: 213].

Материалом данного исследования, нацеленного на выявление коммуникативных стратегий и тактик в текстах официальных публичных выступлений премьер-министра Великобритании Б. Джонсона в период пандемии COVID-19, послужили тексты официальных речей, опубликованных на официальном сайте правительства Великобритании (www.gov.uk) в 2020–2022 гг. Для анализа материала используется метод сплошной выборки эмпирического материала, лингвопрагматический и контекстный анализ, а также описательный метод.

Наиважнейшей задачей в англоязычном политическом дискурсе Б. Джонсона в период пандемии COVID-19 является донесение информации до адресата с целью регулирования настроения в социуме и последующего формирования верных, по мнению политика, установок у массового адресата в кризисный период жизни общества. На основе преобладания в официальных выступлениях премьер-министра Великобритании той или иной стратегии, были получены следующие количественные показатели: информационно-интерпретационная – 38%, легитимация – 32 %, самопрезентация – 30 %. По результатам количественного анализа было выявлено, что доминантной является информационно-интерпретационная стратегия, частотность которой составляет 87 случая употребления из 226. Данная стратегия включает в себя содержательно-концептуальную информацию, выражающую понимание адресантом связей между явлениями, фактами, событиями и реализуется при помощи тактики признания существования проблемы, тактики акцентирования информации и комментирования. Отметим, что коммуникативные стратегии и тактики, будучи инструментами прагмалингвистики, способствуют генерированию и передачи смысла в общении. Так, тактика признания существования проблемы выражается при помощи высказываний бытийного типа с предикатами (*there is, it is*), а также оценочных прилагательных (*important, difficult, crucial, serious*): «**The most important task will be to protect our elderly and most vulnerable people during the peak weeks when there is the maximum risk of exposure to the disease and when the NHS will be under the most pressure**». В данном примере премьер-министр использует превосходную степень оценочного прилагательного «important», а также конструкцию бытийного характера «there is», тем самым демонстрируя адресату события, происходящие в условиях коронавирусной пандемии в обществе в данный момент.

Тактика акцентирования информации выражается при помощи номинативных, атрибутивных и глагольных форм, создающих как положительную, так и отрицательную оценочность: «*We've all got to be clear, that this is the worst public health crisis for a generation*». В отмеченном примере премьер-министр при помощи превосходной степени прилагательного «bad» в сочетании с отрицательно окрашенным существительным «crisis» акцентирует внимание адресата на серье-

езности и неотложности ситуации, возникшей в условиях коронавирусной пандемии.

Тактика комментирования выражается посредством дискурсивных слов, передающих отношение говорящего к сказанному: *in fact, actually, indeed, there is no doubt, of course*, как можно отметить в следующем примере: «*And the number of cases will rise sharply and **indeed** the true number of cases is **higher** – **perhaps much higher** – than the number of cases we have so far confirmed with tests*». В данном случае политик информирует население, что случаев заболевания коронавирусной инфекцией намного больше, чем показывает статистика. Посредством адвербиальной лексемы «*indeed*» говорящий добавляет утвердительности выражаемой информации, что подкрепляется приемом усиления сравнительной степени прилагательного «*higher*».

Стратегия легитимации необходима политике для стабилизации политической жизни социума в период коронавирусной пандемии. Цель дискурсивной легитимации, кроме оправдания через аргументы, состоит в том, чтобы действия, предпринимаемые государством, оказались одобренными адресатами [Van Leeuwen 2008: 8-12]. Данная стратегия реализуется при помощи следующих тактик: тактика апелляции к авторитету и тактика оценки. Тактика апелляции к авторитету реализуется посредством использования номинаций нормативных актов, социально-правовых, государственных институтов или должностных лиц: «*I can tell you that the UK is now leading a growing global campaign amongst all our friends and allies, whether in the **G7, the G20, the UN, the IMF** – all those bodies in which we play a significant role*». В данном случае Борис Джонсон создает позитивный облик государства, прибегая к упоминанию наименований международных организаций и клубов, объединяющих в себе ведущие экономически развитые страны, тем самым убеждая адресата в том, что именно при успешном международном сотрудничестве будет осуществляться борьба с кризисом в условиях коронавирусной пандемии.

Тактика оценки реализуется при помощи оценочных прилагательных, выражающих как положительную, так и отрицательную оценку явлению или событию: «*Second, we have a **truly brilliant** NHS, where staff have responded with all the determination, compassion and skill that makes their service so revered across the world*». Премьер-министр Великобритании, комментируя начало борьбы с коронавирусной инфекцией, активно обсуждает действия ученых и исследователей, подчеркивая профессионализм ученых, используя оценочное прилагательное «*brilliant*», тем самым приравнивая их усилия к непосильному невероятному подвигу.

Тактика рационализации основана на апелляции к логике, которая используется Б. Джонсоном с целью обоснования принимаемых государством действий по сдерживанию коронавирусной инфекции и повышению уровня доверия к существующему положению дел со стороны адресата. Рассмотрим пример реализации данной тактики: «*Let me be clear – **these measures are not a second national lockdown** – the whole point of them is to avoid a second national lockdown*». В данном примере премьер-министр Великобритании заявляет о необходимости введения дополнительных мер по недопущению распространения коронавирусной инфекции, обосновывая рациональность принятых государством мер тем, что

предлагаемое решение является превентивной мерой для «избегания» наступления второго локдауна.

Наименее частотной стратегией в официальных речах выступления Бориса Джонсона является самопрезентация, реализующаяся при помощи тактики отождествления и солидаризации. Тактика отождествления позволяет адресанту реализовать непреднамеренную демонстрацию символической принадлежности к определённой социальной, статусной или политической группе с целью создания позитивного имиджа в глазах аудитории. Данная тактика реализуется при помощи употребления личных и притяжательных местоимений первого лица единственного и множественного числа (*I, we, my, our*), топонимов, лексем с семантикой «народ», «нация», а также лексем, апеллирующих к социальным и культурным феноменам: «*Yes, let's be clear this is a **national challenge** on a scale like **nothing we have seen before** and it will require an unprecedented **national effort***». Используя прилагательные «national», премьер-министр подчеркивает необходимость объединения правительства и граждан Великобритании в коллективных усилиях по борьбе с коронавирусной пандемией.

Тактика солидаризации позволяет адресанту выразить, что он разделяет переживания, чувства, схожие мнения, интересы и ценности с адресатом, тем самым создавая эффект сближения говорящего и аудитории: «*I also want at this stage to **speak directly** to older people. Because this disease is particularly dangerous for you... I know that many people will be very worried*». В данном примере тактика выражается при помощи наречия «directly» и личного местоимения «you» второго лица множественного числа, которое позволяет адресату добавить диалогичности речи, тем самым создать впечатление того, что государство заботится об уязвимой группе населения.

Таким образом, результаты исследования демонстрируют, что Б. Джонсон, освещая события в официальных выступлениях, прибегает к речевым стратегиям, которые реализуются при помощи различных речевых тактик. Именно они являются наиболее эффективным инструментом, который позволяет премьер-министру Великобритании осуществить запланированное воздействие на адресата, репрезентировать актуальные реалии, а также формировать необходимые государству установки в кризисные периоды жизни социума.

Литература

Иссерс О.С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. 5-е изд. М.: Изд-во ЛКИ, 2008.

Паршина О.Н. Российская политическая речь: теория и практика. 3-е изд. М.: Либроком, 2012.

Ширяева Т. А. и др. Прагма-риторическая перспектива исследования англоязычного парламентского дискурса // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2015. №. 1-1. С. 211-217.

Шапочкин Д.В. Когнитивные аспекты в политическом дискурсе // Язык и литература: электронный журнал Факультета романо-германской филологии Тюменского государственного университета. 2008. №. 22. С. 1-8.

Van Leeuwen T. Discourse and practice: New tools for critical discourse analysis. Oxford University Press, 2008.

*D.N. Adaschik, L.I. Trius (Pyatigorsk, Russia)
Pyatigorsk State University*

PRAGMA-COGNITIVE FEATURES OF ENGLISH POLITICAL DISCOURSE DURING THE COVID-19 PANDEMIC

The paper analyzes and describes the communication strategies used in the official speeches of the British Prime Minister during the COVID-19 pandemic. We define the most frequent communicative strategies and tactics used by politicians to form public consciousness in times of social crises.

Key words: political communication, political discourse, strategic-tactical organization, communication strategy, communication tactics, coronavirus, cognitive pragmatics.

*С.С. Дмитриева (Москва, Россия)
МГИМО МИД России
Lana.sdmi@gmail.com*

ОСОБЕННОСТИ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ НА ОСНОВЕ ПРЕЦЕДЕНТНЫХ ФЕНОМЕНОВ (НА ПРИМЕРЕ SLEEPING BEAUTY)

Использование прецедентных феноменов в текстах политического дискурса позволяет управлять процессом концептуализации действительности посредством проецирования на актуальное явление прототипического сценария, лежащего в основе прецедентного феномена. При этом модификации прототипического сценария могут приводить к усилению когнитивного и прагматического потенциала прецедентного феномена.

Ключевые слова: прецедентность, прецедентные феномены, прототипический сценарий, лингвокогнитивное моделирование, политический дискурс.

В рамках настоящей статьи мы предложим модель процесса концептуализации политической действительности на основе прецедентного феномена *Sleeping Beauty*. Прецедентные феномены представляют собой сложные концептуальные образования, которые несут в себе энциклопедическую информацию о «культурных предметах», все ментальные признаки и отношение общественного сознания к ним [Попова, Стернин 2007:24]. В силу того, что прецедентные феномены как правило хорошо известны представителям лингвокультурного общества [Гудков 2003], обращение к ним в дискурсе приводит к фиксации в сознании реципиента сообщения **предсказуемых** ассоциативных связей [Красных 2002] между прецедентным и актуальным явлениями, что позволяет создателю политического сообщения управлять процессом концептуализации действительности. Концептуализация действительности на основе прецедентных феноменов происходит в результате проецирования хорошо известного прототипического сценария с определенным набором компонентов, ролей и отношений на актуальное явление или процесс. В результате у реципиента сообщения формируются представления о причинах, участниках, сценарии развития ситуации и ее

последствиях и, как следствие, появляются оценочные суждения. Несмотря на то, что в основе прецедентного феномена как правило лежит относительно устойчивый прототипический сценарий, при функционировании в дискурсе нередко наблюдаются модификации этого сценария, что способствует усилению когнитивного и прагматического потенциала прецедента.

Анализ языкового материала показал, что при функционировании прецедентного феномена в дискурсе может наблюдаться модификация фокусных смысловых элементов его концептуальной структуры. Проследить этот процесс можно на примере статьи, опубликованной в журнале *The Economist*, где репрезентация ситуации в Евросоюзе и оценка роли Германии в нём происходит через использование языковых единиц, актуализирующих сценарий сказки «Спящая красавица» (*Sleeping Beauty*): *FOR so long the last man standing in Europe, Germany has suddenly become its Sleeping Beauty. Several Princes Charming are gathered around the bed, desperate to rouse the princess from her slumber. Emmanuel Macron, France's president, urges Germany to wake up for the sake of Europe. Brussels anxiously watches the princess's repose. Even Alexis Tsipras, who as Greece's prime minister is more used to taking instructions from Berlin than giving them, has been whispering into her ear... It took a century for Sleeping Beauty to awaken. In the meantime, most of her would-be suitors died in the thorns that surrounded her keep. [Germany is not about to reinvigorate the EU // The Economist, December 7, 2017].*

Ключевой вопрос, который поднимается в статье, – это проблема лидерства Германии в Евросоюзе: из-за пошатнувшихся в результате выборов позиций А. Меркель внутри страны Германия стала принимать менее активное участие в решении проблем Евросоюза, и другие страны блока обвиняют её в бездействии. Участники политического дискурса включаются в определённую модель иерархических отношений, прототипом которых является сказочный сюжет:

➤ Германия – это лидер Евросоюза, который бездействует из-за внутривнутриполитических проблем. За счет использования языковых единиц, актуализирующих знания о прецедентном феномене *Sleeping Beauty*, внутренний кризис в стране репрезентируется как последствие колдовских чар, а сама Германия – как Спящая красавица.

➤ Пробуждение возможно при поддержке партнеров по Евросоюзу, которые репрезентируются как Прекрасные принцы (*Princes Charming*). По сценарию сказки принцесса пробуждается от поцелуя Прекрасного принца, то есть партнеры по Евросоюзу (Прекрасные принцы) должны предпринять некоторые действия, которые помогут восстановить былое влияние Германии, но они бездействуют, получая выгоду от ослабления контроля со стороны Германии: прекрасные принцы собрались вокруг постели принцессы, но ничего не делают (*Several Princes Charming are gathered around the bed...*).

Сказка «Спящая красавица» очень хорошо известна в англоязычном лингвокультурном сообществе (ЛКС) существует множество интерпретаций этой сказки, самой известной из которых является версия Ш. Перро, по мотивам которой сняты фильмы и мультфильмы. Таким образом, прецедентный феномен *Sleeping beauty* хорошо понятен представителям ЛКС и даже имеет зафиксированное в словарях конвенциональное значение: *a beautiful princess, the heroine of a popular fairy tale, awakened from a charmed sleep by the kiss of the*

prince who is her true love (Collins online dictionary). Прецедентный феномен *Sleeping Beauty* содержит в себе минимизированное представление о прототипическом сценарии, содержащем в себе эталонные образцы поведения, в соответствии с которыми Прекрасный принц должен спасти Спящую Красавицу поцеловав ее. Поцелуй Прекрасного принца (поцелуй истинной любви) является фокусным смысловым элементом прототипического сценария, транслирующим идею о всеисилии настоящей любви. Однако при проецировании сказочного сценария на ситуацию в Евросоюзе этот смысловой элемент модифицируется: принцы лишь мнутя возле постели красавицы, шепчут что-то на ухо, тщетно пытаясь разбудить ее. На схеме ниже в общем виде представлен процесс переноса прототипического сценария на концептуальную сферу *Политика*:

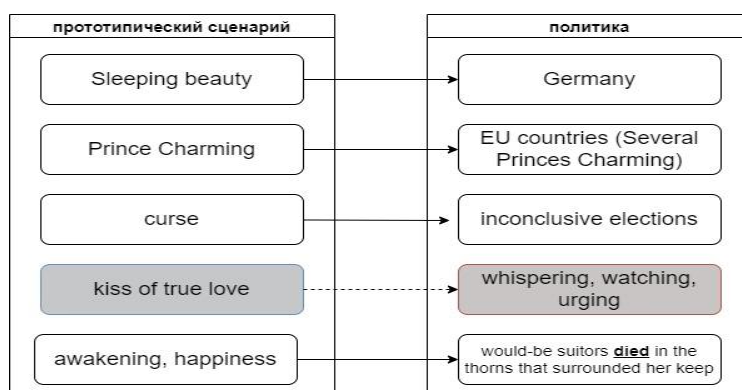

Рис.1. Проецирование прототипического сценария

Помимо модификации фокусного смысла происходит изменение ролей в структуре сценария. Опираясь на предложенную Ч. Филлмором теорию семантических ролей [Fillmore 1975], которая применима также для анализа функционирования прецедентных феноменов [Захарова 2016], мы рассмотрели процесс концептуализации политической действительности на основе прецедентного феномена *Sleeping Beauty*. В концептуальной структуре прецедентного феномена можно выделить следующие основополагающие роли: *агенса, пациента, экспериенцера, инструмента, эффекты*. Если в прототипическом сценарии Прекрасный принц выполнял роль агенса, то есть субъекта, который по сценарию совершает главное действие, определяющее финал сказки, то в тексте политического медиадискурса прекрасные принцы (страны Евросоюза) бездействуют, становясь простыми наблюдателями. По сути, происходит смена ролей в структуре фрейма, которая проявляется в том, что агент становится экспериенцером.

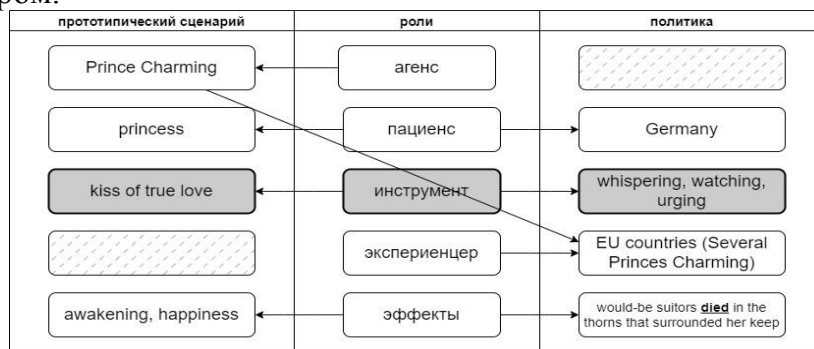

Рис.2. Модификация сценария

При составлении моделей мы учитывали только базовые элементы прототипического сценария, которые составляют минимизированное представления о нем, исключая остальные элементы, которые не влияют на процесс концептуализации политической действительности. За счет модификации фокусного смыслового элемента происходит смена ролей в сценарии и изменение сценария в целом. Сказка со счастливым концом превращается в грустную историю, где потенциальные спасители погибают из-за своей нерешительности. Такая модификация сценария влияет на процесс концептуализации действительности, позволяя транслировать идею о несостоятельности Евросоюза и его лидера Германии и прогнозировать дальнейшее усугубление проблем в Европе, что в конечном итоге может привести к очень неблагоприятным политическим последствиям для Германии и для Евросоюза в целом.

Литература

Гудков Д.Б. Прецедентные феномены в текстах политического дискурса [Электронный ресурс] // Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования: М.: Изд-во МГУ, 2003.

Захарова А.Г. Прецедентное имя Robin Hood как событийный фрейм // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2016. №7 (746). С. 75-86.

Красных В.В. Этнопсихолингвистика и лингвокультурология. М.: ИТДГК «Гнозис», 2002.

Попова З.Д., Стернин И.А. Когнитивная лингвистика. М.: АСТ: «Восток-Запад», 2007.

Fillmore Ch. 1982. Frame semantics // Linguistics in the morning calm: Selected papers from SICOL 1981. SEOUL, 1982. P. 111-137.

Collins Online Dictionary. URL: <https://www.collinsdictionary.com/>

*S.S. Dmitrieva (Moscow, Russia)
MGIMO University*

PRECEDENTS AS A TRIGGER FOR CONCEPTUALIZATION OF POLITICAL REALITY: SLEEPING BEAUTY IN POLITICAL DISCOURSE

Using precedents in political media discourse makes it possible to manage the process of conceptualizing reality by projecting the prototypical scenario upon which the precedent is based onto the actual phenomenon. Moreover, modifications of the prototypical scenario tend to enhance the cognitive and pragmatic potential of the precedent.

Key words: precedents, prototype, prototypical scenario, linguo-cognitive modeling, political discourse.

О.И. Калинин (Москва, Россия)

Военный университет им. князя Александра Невского,
Московский государственный лингвистический университет
okalinin.lingua@gmail.com

МЕТАФОРА И ИНФОРМАЦИОННАЯ ВОЙНА

В статье рассмотрены возможности анализа метафор для исследования информационной войны. Изучение функционального потенциала метафор позволяет выявлять тактики и стратегии информационно-психологического воздействия, при этом концептуальные переносы отражают концепты-мишени и направления их переконцептуализации.

Ключевые слова: информационная война, концепт-мишень, метафорические анализ, метафорическое воздействие.

Некоторые ученые отмечают, что исследований метафоры настолько много, что «постепенно стала складываться легенда об априорной непостижимости метафорического объекта исследования» [Лагута 2003: 7]. При этом упорство исследователей в разработке теории метафоры за последние годы дало значительные результаты в выявлении роли метафоры в дискурсе [Калинин 2020; Чудинов и др. 2020; Чудинов, Будаев, Солопова 2020], влиянии метафоры на принятие решений [Thibodeau, Boroditsky 2013], описании механизмов метафорического речевого воздействия [Калинин 2022; Charteris-Black 2016] и разработке эмпирических методов анализа метафор в дискурсе [Simpson, Mayr, Statham 2018; Sun, Kalinin, Ignatenko 2021].

Исходя из основополагающего положения В.Н. Телия о том, что «метафоризация всегда есть проблемная когнитивно-коммуникативная ситуация, включающая целеполагающую интенцию субъекта метафоризации, который задает когнитивную или прагматическую функции метафоры в коммуникативных актах» [Телия 1988: 29], под метафорическим речевым воздействием мы полагаем «имплицитное речевое воздействия, интенционально и неинтенционально оказываемое автором речевого сообщения посредством использования в разных частях композиционной структуры и тема-рематической иерархии речевого сообщении метафор разного типа и разной интенсивности» [Калинин 2022: 229].

В контексте рассмотрения воздействующего потенциала метафоры следует обратить внимание на использование метафор как одного из инструментов информационной войны, в основе которой лежит информационно-психологическое противодействие,

Нельзя не согласиться с мнением современных исследователей о том, что «современная информационная война разворачивается в пространстве эпистемологическом, знаниевом, смысловом, в котором языковые средства порождают, хранят и передают смыслы, способные трансформировать сознание реципиента» [Муравлева 2022: 40]. Совершенно очевидно, что средства информационно-психологического воздействия, ретранслируемые современными медиа, далеко выходят за пределы обычной пропаганды. Сейчас это инструмент формирования идеологем и базовых ценностей, представлений о мире и характере социальных отношений. Информационная война всецело вступила в пространство когниции,

современные инструменты воздействия уже не только формируют мнение или отношение к чему либо, но и воздействуют на сами механизмы обработки знания.

Как известно, знание как «проверенный общественно-исторической практикой и удостоверенный логикой результат познания действительности, адекватное ее отражение в сознании человека в виде представлений, понятий, суждений, теорий» [Кубрякова 1994: 45]. Фиксация и репрезентация знания, отражающего результат познания, происходит в языковых знаках, тем самым язык, очевидным образом открывает доступ к ненаблюдаемому когнитивному миру человека, структурам его сознания.

Так, анализ языковых явлений является на данный момент, пожалуй, единственным доступным способом выявления механизмов информационно-психологического воздействия, стратегических целей информационной войны и мишеней когнитивного воздействия. В современной лингвистике информационной войны центральное место занимают «речевые тактики и приёмы речевого воздействия, благодаря которым актуализируется коммуникативная/речевая стратегия» [Кушнерук 2019: 15]. В нашем предыдущем исследовании мы предложили перенести угол зрения на информационную войну с ее средств (дискурсивные тактики и стратегии) на цель (последовательное изменение и/или конструирование образа реальности) и обосновали когнитивно-дискурсивный подход к информационно-психологическому воздействию (????). В данной работе нами предлагается рассмотреть дискурсивный анализ метафор как один из действенных способов выявления и механизмов информационного воздействия, и его стратегических целей.

Имея одновременно коммуникативную и когнитивную природу, метафора может быть изучена как концептуальная проекция и как языковая реализация. Первая представляет собой абстрактное отражение концептуального переноса, в современных исследованиях ее принято описывать по модели А – это Б. Например, СТРАНА Х – это ЗЛОЕ ЖИВОТНОЕ. Любая концептуальная проекция реализуется в конкретных дискурсах в форме отдельных метафорических импликаций (entailments) [Kövecses 2017], отличающихся по языковой форме. Например, «Страна Х показала свой оскал», «Бешеная страна Х», «Зубы страны Х» и так далее. Так, по сути, все исследования метафор сосредоточены на двух взаимосвязанных направлениях: выявлении концептуальных переносов и анализе языковых метафор. Применительно к изучению информационной войны, языковые метафоры могут быть использованы для выявления механизмов информационного воздействия, а концептуальные метафорические модели во многом отражают стратегические цели информационной войны.

Так, метафора как точка пересечения языка, мышления и культуры реализует в дискурсе свой функциональный потенциал, который проявляется в метафорическом воздействии на когнитивном, семантическом и коммуникативном уровнях [Калинин 2022]. Анализ языковых метафор методом комплексного анализа метафоричности дискурса (MDDA) [Sun, Kalinin, Ignatenko 2021], позволяет выявлять разные эффекты метафорического воздействия и их степень, например, когнитивно-афезисивное, кредитоустанавливающее, демпфирующее, стимулирующее воздействие. Метод MDDA можно использовать для определения доминирующей функции языковых метафор: репрезентирующей, идентификацион-

ной или структурирующей. Кроме того, исследователь на основе анализа языковых метафор может делать вывод об уровне аттрактивности, суггестивности и персуазивности [Калинин 2022]. Анализ текста или дискурса информационной войны на предмет выявления и классификации языковых метафор предоставляет довольно широкий инструментарий для типологизации речевого воздействия. По представленным в тексте метафорам можно судить об «оборонительном» или «наступательном» характере информационно-психологического воздействия, выявлять на их базе отдельные дискурсивные тактики, такие как диффамации, мифотворчество и прочие.

При этом помимо анализа функционального потенциала языковых метафор в контексте исследования информационной войны также крайне важно на базе языковых метафор выявлять составляющие их основу концептуальные модели. Эти модели обычно типологизируются по семантике сферы-цели, тем самым могут быть выявлены основные «концепты-мишени» информационной войны.

Так, например, анализ информационного противоборства между Китаем и США в период освещения проблематики «торговой войны» показал, что основными мишенями информационной кампании, помимо очевидных ЭКОНОМИКА, ТОРГОВЛЯ – это ВОЙНА, что отражает суть торговой войны как таковой, стали КИТАЙ – это ШУЛЕР/ОБМАНЩИК (со стороны американских СМИ) и США – это ЖАНДАРМ (со стороны китайских СМИ). Кроме того, анализ метафор позволяет говорить о том, что конкретно эта информационная кампания была направлена на реконцептуализацию понятий о свободе торговли и демократии.

Итак, информационная война как предмет междисциплинарных исследований с позиций лингвистики должна рассматриваться как когнитивно-дискурсивный феномен. Метафора как точка пересечения языка, мышления и культуры раскрывает свой воздействующий потенциал в дискурсе. Соположение двух явлений порождает простую и эмпирически доступную методику исследования информационной войны с использованием метафорического анализа. Идентификация и качественно-количественное исследование языковых метафор является валидным средством выявления механизмов информационно-психологического воздействия, в то время как анализ концептуальных моделей может стать основой для определения стратегических целей информационной войны, а именно концептов-мишеней и направлений их переконцептуализации в массовом сознании.

Литература

Калинин О.И. Дискурсивная метафора и метафора в дискурсе: к вопросу о дискурсообразующей роли когнитивной метафоры // Когнитивные исследования языка. 2020. Вып. 3 (42). С. 213-219.

Калинин О.И. Метафорическое речевое воздействие // Когнитивные исследования языка. 2022. Вып. 4 (51). С. 229-234.

Кубрякова Е.С. Начальные этапы становления когнитивизма: лингвистика – психология – когнитивная наука // Вопросы языкознания. 1994. Т. 4. С. 34-47.

Кушнерук С.Л. Траектории исследования информационно-психологической войны в российской лингвистике // Политическая лингвистика. 2019. Т. 6. № 6. С. 12-22.

Лагута О.Н. Метафорология: теоретические аспекты. Новосибирск: НГУ, 2003.

Муравлева В.Р. О дискурсивном статусе современных информационных войн // Военно-филологический журнал. 2022. Т. 1. № 1. С. 33-40.

Чудинов А.П. и др. Теория и практика политической метафорологии: монография. Екатеринбург: ФГБОУ ВО «УрГПУ», 2020.

Чудинов А.П., Будаев Э.В., Солопова О.А. Политическая метафорология. Дискурсивный поворот. Москва: Флинта, 2020.

Charteris-Black J. Politicians and rhetoric: The persuasive power of metaphor. Palgrave Macmillan, 2016.

Kövecses Z. Levels of metaphor // CognitiveLinguistics. 2017. Т. 28. № 2. С. 321-347.

Simpson P., Mayr A., Statham S. Critical Metaphor Analysis // Language and Power. Second edition. Milton Park, Abingdon, Oxon; New York, : Routledge, 2018. С. 229-236.

Sun Y., Kalinin O.I., Ignatenko A.V. The use of metaphor power indices for the analysis of speech impact in political public speeches // Russian Journal of Linguistics. 2021. Т. 25. № 1. С. 250-277.

Thibodeau P.H., Boroditsky L. Natural Language Metaphors Covertly Influence Reasoning // PLoS One. 2013. Т. 8. № 1. С. 52-61.

О.И. Kalinin (Moscow, Russia)

Military University, Moscow State Linguistic University

METAPHOR AND INFORMATION WARFARE

The article discusses the possibilities of analyzing metaphors to identify the study of information warfare. The study of the functional potential of metaphors makes it possible to identify tactics and strategies of informational and psychological influence, while conceptual transfers reflect the target concepts and the directions of their re-conceptualization.

Key words: information war, target concept, metaphorical analysis, metaphorical impact.

В.И. Космодемьянская, А.А. Радюшкина (Санкт-Петербург, Россия)

*Российский государственный педагогический университет
имени А.И. Герцена*

kosmoviktoria@gmail.com, galeyа-2001@yandex.ru

СПЕЦИФИКА НЕКООПЕРАТИВНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В АМЕРИКАНСКОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Статья посвящена некооперативной форме взаимодействия в американском политическом дискурсе. Описываются речевые стратегии и тактики, выбираемые коммуникантами, отличающимися институциональным статусом, целями и установками.

Ключевые слова: Политический дискурс, американский политический дискурс, стратегии и тактики политического дискурса, некооперативное взаимодействие, стратегия уклонения от прямого ответа.

В любом акте речевого общения участники преследуют неречевые цели, которые в итоге влияют на деятельность и сознание реципиента [Иссерс 2009: 180]. Любое воздействие предполагает воздействие на восприятие другого человека и его структурирование мира, т.е. «осуществление власти» [Блакар 1987:

91], что особенно справедливо по отношению к политическому дискурсу, поскольку захват и удержание власти, а также формирование у других желательных для говорящего представлений о мире составляют его суть [Шейгал 2004: 30]. Достижению коммуникантами целей способствует выбор и реализация ими речевых стратегий, которые представляют собой «тип поведения одного из партнеров в ситуации диалогического общения» [Вишневецкая, Козлова, Романова 2017: 86] и рассматриваются как «комплекс речевых действий, направленных на достижение коммуникативной цели речевого субъекта» [Иссерс 2009: 182].

Рассмотрение дискурса с позиций коммуникативно-деятельностного подхода предполагает изучение его как процесса социально обусловленного речевого взаимодействия, описываемого в терминах социально значимых действий и стратегий, выполняемых участниками общения в рамках определенных, релевантных для данного языкового сообщества и культуры коммуникативных ситуаций [Цурикова 2007: 99]. Политический дискурс относится к институциональным видам дискурса, которые характеризуются тем, что речевое поведение их субъектов регулируется нормами, принятыми в конкретной институциональной среде и «определяется социальными ролями его участников» [Карасик 2000: 5-20]. В политическом дискурсе, статусно-ролевые отношения коммуникантов взаимно субординативны: политики имеют власть принимать решения, но номинально подотчетны народу (в т.ч. журналистам как его представителям); журналисты не имеют власти, но как представители народа имеют право требовать у власти объяснений.

Рассмотрим пример взаимодействия между представителем Пентагона Джоном Кирби и имеющим аккредитацию при Госдепартаменте США журналистом Мэтью (Мэттом) Ли [Электронный ресурс: www.youtube.com/watch?v=FX_enNDY_Co, дата обращения: 08.03.2023] с позиций выбранных ими коммуникативных стратегий и тактик.

Пресуппозиция: представитель Пентагона Джон Кирби на протяжении долгого времени в своих выступлениях и интервью обвиняет РФ в эскалации конфликта и вторжении в Украину.

Ситуация: 17 февраля 2023 г. состоялся очередной брифинг по украинскому вопросу. Журналист Мэтт Ли подвергает сомнению описанные представителем Пентагона Джоном Кирби причины столкновения НАТО и РФ.

Цель брифинга – вынести в общественное пространство принятые решения, сформулированные оценки, поставленные цели, другими словами, аргументированно сформировать у адресата представления о текущих политических, экономических, социальных и др. процессах. Так, Дж. Кирби аргументирует присутствие США в Восточной Европе как реакцию на угрожающую близость России к границам НАТО. Журналист Мэтт Ли выстраивает свое речевое поведение так, чтобы заставить политика признать, что причиной Украинского конфликта является расширение границ НАТО на восток и его приближение к России. Кирби и Ли перебивают друг друга, пытаясь захватить/перехватить инициативу. Фрагмент диалогического взаимодействия между коммуникантами представляет собой некооперативный тип общения и обнаруживает конфликт их интересов и прагматических целей.

Мэтт Ли выбирает форму прямой коммуникации и стратегию дискредитации, направленную против НАТО и против Кирби лично, реализованную тактиками аргументирования, скрытого и прямого обвинения, манипулирования, насмешки, выражения личного мнения, обличения.

Для того чтобы добиться нужного перлокутивного эффекта и вынудить Дж. Кирби признать факт экспансии НАТО, журналист использует тактику повторения своей мысли посредством перефразирования [...because NATO has expanded rather than the Russians expanding..in other words NATO has moved closer to Russia rather than Russia moved closer to Nato... NATO has expanded Eastward toward Russia...the reason that the Russian army is that NATO's doorstep is not the fault of the Russia...it's NATO has moved closer ...]. Используя тактику манипулирования, Мэтт Ли задает риторический вопрос, имплицитно вынуждая Кирби согласиться «Разве это не так, как на это нужно смотреть?» [is that not an accurate way to look at this?]. В завершении разговора Мэтт ли, используя тактику аргументации, имплицитно обвиняет Дж. Кирби во лжи. Он отмечает, что слова Кирби о том, что НАТО не представляет угрозу для РФ, не являются правдивыми [for 50 years it was an anti-soviet alliance how or can you not even see how the Russians have perceive it as a threat]. Формат брифинга дает журналистам возможность получить дополнительную информацию сверх той, которую сообщил политик в выверенной форме и дозированной объеме. Чтобы вынудить Кирби сказать больше, Ли на протяжении всего диалогического взаимодействия прибегает к форме провокационных комментариев или «неудобных» вопросов, сообщая им саркастично-ироничную окраску [would you not understand... do you not understand... can you not even see...] (тактика насмешки), что блокирует возможность кооперативного взаимодействия.

Стратегией Джона Кирби на протяжении всей дискуссии является стратегия уклонения от прямого ответа. Опираясь на свои представления о сложившейся ситуации в мире, а также на официальную позицию США, Кирби надеется закрепить официальную версию происходящего в сознании адресата (общества), используя тактики размывания (выбора другого аспекта проблемы), скрытого обвинения и дискредитации, отсылки к другому лицу, повтора, вынужденного согласия, самооправдания, нападения, отступления.

Не отвечая на вопросы журналиста, повторяя один и тот же тезис в различных вариациях (тактика повтора), Кирби пытается сохранить образ России как перманентной угрозы, используя язык как средство навязывания адресату своей интерпретации мира. Он пытается сместить прагматический вектор с НАТО на Россию, имплицитно обвиняя президента РФ в агрессии [sure it wasn't NATO who was ordering you know upwards of 15 Battalion tactical groups to within 10 kilometers of the border with Ukraine and I'm pretty sure it wasn't NATO who put Little Green Men inside Ukraine to destabilize Eastern]. Осознавая свое невыгодное положение, Дж. Кирби пытаясь снять с себя ответственность, говорит, что он не осведомлен о том, что происходит в головах военных командиров или президента РФ, и что НАТО – это оборонительный союз [I'm not going to pretend to know what goes in President Putin's mind or Russian military commanders I mean... well I can tell you what I can tell you is that is that NATO is a defensive Alliance] (тактика отсылки к другому лицу).

После аргумента журналиста о том, что НАТО защищает Украину, хотя Украина не входит в блок НАТО [which is not a NATO member which is not a NATO], Кирби больше не может уклоняться от прямого ответа, ему остается только прекратить комментарии и замолчать [I see...] (тактика отступления).

Диалог, в котором действия партнеров направлены не на согласование совместной деятельности, а на ее торможение, обращается в противоборство [Борботько 2019: 40], поэтому стратегия уклонения от прямого ответа характеризуется отсутствием кооперативной направленности и представляет собой полный или частичный отказ от предоставления запрашиваемой адресантом информации. Дж. Кирби в рамках рассмотренного политического взаимодействия, преследуя свои личные цели, делает вид, что пытается дать исчерпывающий ответ. На самом деле, прибегая к стратегии уклонения от прямого ответа, он фактически стремится отказать в предоставлении информации, поскольку она может негативно повлиять на его личный имидж и/или имидж партии, которую он представляет.

Несмотря на некооперативность такого общения, его нельзя назвать полностью неуспешным, т.к. каждый из коммуникантов достигает какой-то части своих целей. Так, Кирби уклоняется от прямого ответа и не дает журналисту ответ, к которому тот подводит, но при этом, обнаруживая этим поведением лукавство или наличие дополнительной, скрываемой информации, проигрывает по пункту «имидж партии/политика». Ли, загоняя своими вопросами политика в угол, показывает его неискренность, а в его лице и власти в целом, но не достигает такой цели своих вопросов, как вынужденное признание или самообличение оппонента.

Таким образом, каждый из участников стремится придать своему речевому вкладу форму кооперативного речевого сотрудничества, в котором политик не отказывается отвечать на вопрос, а журналист старается избегать прямых обвинений. К тактикам журналиста относятся тактики аргументирования, скрытого и прямого обвинения, манипулирования, насмешки, выражения личного мнения, обличения/дискредитации. Политик прибегает к тактикам размывания фокуса, отсылки к другому лицу, скрытого обвинения, повтора, вынужденного согласия, самооправдания, нападения и, наконец, отступления.

Литература

Вишневецкая Н.А., Козлова О.П., Романова О.Н. Понятие речевых стратегий и дискурс // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2017. № 10(76): в 3-х ч. Ч. 3. С. 86-89.

Блакар Р. Язык как инструмент социальной власти // Язык и моделирование социального взаимодействия. М.: Прогресс, 1987. С. 88-125.

Борботько В.Г. Принципы формирования дискурса: От психолингвистики к лингвосинергетике. Изд. Стереотип. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2019.

Иссерс О.С. Речевое воздействие: учеб. пособие для студентов, обучающихся по специальности «Связи с общественностью». М.: Флинта: Наука, 2009.

Карасик В.И. О типах дискурса // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс: Сб. науч. тр. Волгоград: Перемена, 2000. С. 5-20.

Цурикова Л.В. Дискурсивные стратегии как объект когнитивно-прагматического анализа коммуникативной деятельности // Вопросы когнитивной лингвистики. 2007. № 4 (013). С. 98-108.

Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса. Монография. Москва; Волгоград: Перемена, 2000.

Электронный ресурс: www.youtube.com/watch?v=FX_enNDY_Co (дата обращения: 08.03.2023).

*V.I. Kosmodemianskaia, A.A. Radyushkina (St. Petersburg, Russia)
The Herzen State Pedagogical University of Russia*

PECULIARITIES OF NON-COOPERATIVE INTERACTION IN THE AMERICAN POLITICAL DISCOURSE

The article deals with non-cooperative communication in American political discourse. It describes various speech strategies and tactics realized by speakers in accordance with their political status, pragmatic goals and intentions.

Key words: political discourse, American political discourse, strategies and tactics of political discourse, non-cooperative communication, strategy of evading a direct question.

*Е.С. Кусоцкая (Санкт-Петербург, Россия)
Санкт-Петербургский Государственный Университет
kuleshovaell4@gmail.com*

«ЧУЖОЙ СРЕДИ СВОИХ», ИЛИ ДИСКРЕДИТАЦИЯ ОППОНЕНТА КАК «ЧУЖОГО» В КОНТЕКСТЕ ДЕБАТОВ ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ США

Статья посвящена анализу имплицитных языковых средств, направленных на создание внутривнутрипартийного образа «чужого» и дискредитацию личности оппонента, на материале американского общественно-политического дискурса. Особое внимание уделяется анализу пресуппозиций и импликатур, используемых для внушения аудитории дискредитирующей оппонента информации с целью отстранения его/ее от общей группы поддержки.

Ключевые слова: американский общественно-политический дискурс, дискредитация, поляризация мира на «своих / чужих», имплицитная речевая агрессия, социокультурное знание.

Данная статья основана на исследовании речевой агрессии на материале американского общественно-политического дискурса, а именно: дебатов кандидатов в президенты Демократической партии США. В ходе работы были проанализированы шесть дебатов 2019–2020 гг. (девять часов звучания).

Американский общественно-политический дискурс идеологизирован, конфликтен, манипулятивен, направлен на широкую аудиторию. Этот тип дискурса в общем, как и жанр дебатов в частности, не универсален, а культурно-обусловлен. Он тесно связан с социокультурным знанием, то есть со знанием «о социокультурных феноменах», частично разделяемым «членами

лингвокультурного сообщества, которое непосредственно участвует в формировании и дальнейшем существовании самих этих феноменов» [Троценкова 2017: 249]. Подчеркнем вслед за Е.В. Троценковой, что социокультурное знание не статично, и участники дебатов не только апеллируют к нему для повышения своей социальной привлекательности и достижения личных целей, но и подспудно участвуют в его трансформации.

Особый интерес для нас представляют имплицитные средства речевой агрессии, с помощью которых участники внутрипартийных дебатов апеллируют к социокультурному знанию, каким должен быть истинный демократ, то есть «свой» представитель Демократической партии США, и используют это знание в своих интересах для дискредитации оппонента как «чужого» для партии с целью отстранения его или ее от общего круга поддержки.

Отметим, что стратегия поляризации мира на «своих» / «чужих» является одной из центральных коммуникативных стратегий общественно-политического дискурса. Так, представители критического дискурс-анализа выявляют следующие макстратегии, свойственные данному типу дискурса и взаимодополняющие друг друга: положительная самопрезентация, негативная презентация другого и упрощенная поляризация мира на «своих» / «чужих» [van Dijk 2002: 226-228; Wodak 2007: 203-206].

Как мы установили, речевая агрессия бывает прямой/эксплицитной или косвенной/имплицитной и направлена на обесценивание личности оппонента, а не на уважительное опровержение его или ее аргументов. При этом зачастую участники проанализированных дебатов прибегают не к прямым оскорблениям или обвинениям, а имплицитно дискредитируют друг друга как недостойных за личные недостатки, некомпетентность, коррумпированность.

Но особенно интересной является дискредитация оппонента как «чужого» в контексте внутрипартийной борьбы США. Так, культурологический анализ, в данном случае имплицитных средств речевой агрессии, как одна из разновидностей концептуального анализа по Н.Н. Болдыреву [Болдырев 2014: 83], дает нам представление не только о лингвокультурной специфике развития конфликтных речевых ситуаций в американском дискурсе, но и о социокультурном знании, распространенном именно в рамках Демократической партии США, о культурно-обусловленных характеристиках, определяющих «чуждость» для этой влиятельной партии и ее сторонников.

В ходе работы мы использовали положения прагмалингвистики, что позволяет выявить такие имплицитные языковые средства, как пресуппозиция и импликатура, которые не всегда очевидны для аудитории во время восприятия нагруженной смыслами коммуникации. Коммуникативная импликатура в грайсовском понимании зависит от контекста, достраивается слушающим за говорящего и может быть «отменена», что помогает политикам сохранить лицо и отказаться от сделанных намеков в случае развития конфликта не в свою пользу. Что касается пресуппозиции, то одно из ее свойств – неизменность при отрицании пропозиции, что делает ее сложнодоступной для критического восприятия в потоке речи [Archer, Aijmer, Wichmann 2012: 30-51; Grice 1991: 25-39; Naugh 2015: 41-43; Yule 1996: 28]. Как мы выяснили, в данном контексте дискредитирующая оппонента пресуппозиция «скрыта» в придаточных

предложениях, вопросах, вербалиях, аппозитивах или приложениях.

Рассмотрим конфликт между Камалой Харрис, ныне вице-президентом США, и Тулси Габбард, ветераном боевых действий, известной в медийном пространстве своей антивоенной риторикой:

1. *I think that it's unfortunate that we have someone on this stage **who is attempting to be the Democratic nominee for president of the United States, who during the Obama administration spent four years full-time on Fox News criticizing President Obama...Who has spent full time criticizing people on this stage as affiliated with the Democratic Party. When Donald Trump was elected, not even sworn in, buddied up to Steve Bannon to get a meeting with Donald Trump in the Trump Tower, fails to call a war criminal by what he is as a war criminal, and then spends full time during the course of this campaign, again, criticizing the Democratic Party...*** (К. Харрис vs Т. Габбард; Атланта, Джорджия; 20.11.19).

Харрис, не называя имени оппонента, прибегает к пресуппозиции, «скрытой» в придаточных предложениях, и имплицитно дискредитирует Габбард как «чужого» на партийном уровне кандидата за критику «своего» президента на «чужом» республиканском телеканале, встречу с одиозным для демократов Д. Трампом. Далее Харрис позиционирует Габбард как политика с сомнительной репутацией в сфере международных отношений, намекая на ее встречу с Башаром Асадом. При этом сирийский президент не назван по имени, используется только ярлык военного преступника, закрепленный за ним в американских СМИ. Этот ярлык в пресуппозиции, преподносимый как неоспоримый факт, ассоциативно дискредитирует и саму Габбард.

Важную роль в имплицитной дискредитации оппонента играют не только структурные, но и семантические пресуппозиции. Так, глагол «*attempt*» подразумевает, что Габбард безуспешно пытается быть «своей» для Демократической партии, но на самом деле не является таковой [Yule 1996: 28].

Харрис не обвиняет оппонента эксплицитно в серьезных преступлениях, однако с помощью имплицитных средств она создает непривлекательный образ Габбард как фальшивого демократа, не разделяющего общепринятый вектор международной политики США. Сама Габбард отказывается от партийной идентичности: «...*I'm not going to put party interests first...*». Однако эта внепартийная позиция не принесла ей успеха в президентской гонке.

2. *We've got to wake up as a party. We could wake up two weeks from today, the day after Super Tuesday, and the only candidates left standing will be Bernie Sanders and Mike Bloomberg, **the two most polarizing figures on this stage. And most Americans don't see where they fit if they've got to choose between a socialist who thinks that capitalism is the root of all evil and a billionaire who thinks that money ought to be the root of all power. Let's put forward somebody who actually lives and works in a middle-class neighborhood, in an industrial Midwestern city. Let's put forward somebody who's actually a Democrat. Look...We shouldn't have to choose between one candidate who wants to burn this party down and another candidate who wants to buy this party out. We can do better.*** (П. Буттиджич vs М. Блумберг, Б. Сандерс; Лас-Вегас, Невада; 19.02.20).

Мэр Буттиджич сразу присваивает себе право говорить от лица большинства американцев и однопартийцев («*we... as a party*»), «*most Americans*

don't see where they fit...»). Используя конструкцию «*Let's*»; объединяющее «*we*», мэр формирует доверительный круг «своих», к которому причисляет и себя.

Мэр отстраняет оппонентов от круга «свои», при этом сама дискредитирующая пресуппозиция неочевидна, она скрыта в приложении: «*the two most polarizing figures on this stage*». Затем он создает ложную альтернативу: или Сандерс, или Блумберг (социалист или миллиардер). Интересно, что Буттиджич только один раз называет своих оппонентов по имени. Он упрощает их образ и приписывает каждому экстремальную позицию с помощью пресуппозиций, «скрытых» в придаточных предложениях.

Имплицитно мэр внушает избирателям мысль, что по-настоящему близкий к народу кандидат только он сам: «*somebody who actually lives and works in a middle-class neighborhood, in an industrial Midwestern city*». Высказывание «*Let's put forward somebody who's actually a Democrat*» содержит следующую импликацию: оппоненты не являются истинными членами партии, таковым является только он, простой парень со Среднего Запада.

К сожалению, объем статьи не позволяет нам разобрать все заслуживающие внимания примеры использования имплицитной дискредитации оппонента. Изложим здесь основные выводы, сделанные в результате проведенного исследования. В ходе работы было установлено, что имплицитная речевая агрессия доминирует в дебатах Демократической партии США. Дальнейшее исследование использования пресуппозиций и импликаций в конфликтном речевом взаимодействии представляется нам особенно перспективным. Как показало это исследование, дискредитирующая оппонента пресуппозиция зачастую скрыта в вопросах, приложениях или аппозитивах, придаточных предложениях, вербалиях, также пресуппозиция может быть семантической. Следующие истинные или ложные характеристики используются для создания образа фальшивого демократа: симпатии к Республиканской партии США; сходство с Дональдом Трампом, общение с ним; социалистические или крайне правые взгляды; не общепризнанная позиция по международной политике.

Литература

Болдырев Н.Н. Когнитивная семантика. Введение в когнитивную лингвистику. 4-е изд. Тамбов: Изд. дом ТГУ имени Г.Р. Державина, 2014.

Троценкова Е.В. Взаимодействие стереотипов в коммуникативных стратегиях американского общественно-политического дискурса // Вестник СПбГУ. Язык и литература. Т.14. Выпуск 2. СПб, 2017. С. 248-274.

Archer D., Aijmer K. and Wichmann A. Pragmatics. Routledge, 2012.

Dijk T.A. van. Chapter 7. Political discourse and political cognition // ed. by P.A. Hilton and C. Shäffner. Politics as text and talk: analytic approaches to political discourse. John Benjamins Publishing Company, 2002.

Grice P. Studies in the Way of Words. Harvard University Press, 1991.

Haugh M. Im/Politeness Implicatures. De Gruyter Mouton, Germany, 2015.

Wodak R. Pragmatics and critical discourse analysis: a cross-disciplinary inquiry// Pragmatics and Cognition, Volume 15. John Benjamins Publishing Company, 2007. P. 203-225.

Yule G. Pragmatics. Oxford: Oxford University Press, 1996.

*E.S. Kusotskaya (St. Petersburg, Russia)
St. Petersburg State University*

DISCREDITING AN OPPONENT AS AN “THEM” IN THE CONTEXT OF THE US DEMOCRATIC PARTY PRESIDENTIAL DEBATES

This article considers implicit linguistic means that are often applied with the purpose of discrediting a political opponent as “Them” vs “Us”, as well as for creating the sociocultural knowledge about the properties of “Them” in the context of the US Democratic Party. It has been discovered that presuppositions and implicatures play an important role in portraying political opponents as “outsiders” for the shared support group.

Key words: American social-political discourse, discredit, polarization into “insiders / outsiders” or “Us” and “Them”, implicit verbal aggression, sociocultural knowledge.

*Ли Мэйци (Челябинск, Россия)
Южно-Уральский государственный университет
(национальный исследовательский университет),
529394950@qq.com*

ГИДРОНИМНЫЕ МЕТАФОРЫ В СОВРЕМЕННОМ КИТАЙСКОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

В статье рассматриваются метафоры неживой природы, связанные со сферой-источником «вода», которые используются в современном китайском политическом дискурсе. Источником материала исследования послужила выборка статей из официальной ежедневной газеты «Жэньминь жибао». Представлена специфика употребления метафоры, ее функции.

Ключевые слова: политическая метафора, неживая природа, политический дискурс, метафора воды, Китай.

Изучение метафоры является одним из основных направлений в рамках когнитивной лингвистике. В традиционном понимании метафора рассматривается как средство украшения речи и риторический прием, с точки зрения когнитивной лингвистики она представляет собой когнитивный феномен и ментальный механизм. Современные лингвисты считают, что метафора оказывает глубокое влияние на формирование картины мира человека и его восприятие окружающей действительности [Чудинов, Будаев, Солопова 2020].

Одной из разновидностей метафор, активно используемых для концептуализации действительности, является гидронимная метафорическая модель. Ее изучению посвящены работы таких ученых, как Л.Е. Веснина, Е.С. Надточева, Цзэн Цяоцзяо; О.А. Солопова, Тань Чжаньхэй, Е.В. Шустрова, Сюй Ливай; Сюй Вэньцзяо и другие [Веснина 2010; Надточева, Шустрова 2017; Солопова 2019; Tan Zhanhai 2009; Xu Liwei 2006; Xu Wenjiao 2010; Zeng Qiaojiao 2009].

С древних времен использование такого природного элемента как вода в качестве метафоры для обозначения различных процессов было прочно вплетено в образ мышления китайского народа, в том числе и в политической сфере. Древнекитайский философ Сюнь-цзы использовал метафору воды для обозначения

отношений между народом и правительством: «Правителя можно сравнить с лодкой, а народ – с водой: вода может нести лодку, а может её и опрокинуть» [Xun Zi 2011]. Г. Башляр считает, что вода для человека является источником многообразных метафор и символов [Bachelard 1998]. Н.И. Доронина полагает, что вода представляет один из базовых концептов-архетипов, лежащих в основе образного осмысления языка или речи [Доронина 2013]. О.А. Солопова отмечает, что, гидронимные метафоры могут продуцировать полярные смыслы: «с одной стороны, «общим компонентом гидронимных метафор является позитивное развитие, безостановочное и стремительное движение вперед, изменение, активность, сила потока; с другой – метафоры данной источниковой сферы насыщены смыслами стихийного разрушения, невозможности противостоять силам природы» [Солопова 2016: 252].

Использование гидронимной метафоры в современном китайском политическом дискурсе отличается от ее употребления в древние времена, тем не менее, она по-прежнему широко применяется. В современном китайском политическом дискурсе страна часто рассматривается как та точка (или центр, ядро), к которой стекается вода. Основные единицы модели представлены метафорами 凝聚 (конденсировать), 激荡 (волновать), 涓滴之力 (мелкие капли силы), 汇聚 (стекать), 注入 (вливать) и другими. Сила народа объединяется, как капли воды, превращаясь в могучие моря, образуя огромную, не имеющую аналогов силу, которая может преодолеть любые трудности, возникающих на пути развития страны, и каждый человек является неотъемлемой ее частью:

实现宏伟蓝图，需要在党的旗帜下团结凝聚起万众一心、共克时艰的磅礴力量，朝着既定的战略目标前进，不断夺取新的更大胜利。 (Для достижения грандиозного плана необходимо объединиться под знаменем партии и *конденсировать величественную и единокордную силу*, чтобы продвигаться к поставленным стратегическим целям и постоянно стремиться к новым великим победам и новым достижениям) / Жэньминь Жибао, 12.03.2023.

В данном контексте с помощью метафоры воды показано, что укрепление единства народа способствует его активному участию в строительстве государства и политической деятельности.

Частной реализацией гидронимной метафоры в политическом дискурсе Китая является репрезентация государства в образе корабля: Китай рассматривается как транспортное средство, которому удастся пересечь любые моря. Наиболее распространенными метафорическими единицами являются следующие: 回头浪 (встречная волна), 巨浪 (крупное волнение), 波澜壮阔 (большие, широкие волны и валы), 惊涛骇浪 (страшные валы и яростные волны) и т. п. В этом случае метафора воды часто используется для обозначения трудностей и препятствий, с которыми сталкивается страна при достижении своих целей:

我们深知越是接近民族复兴越不会一帆风顺，越充满风险挑战乃至惊涛骇浪。 (Мы хорошо понимаем, что чем ближе мы подходим к национальному возрождению, тем менее гладким будет путь, попутный ветер не раздувает паруса, мы можем столкнуться с рисками, вызовами и даже страшными валами и яростными волнами) / Жэньминь Жибао, 25.08.2021. Море – мощная природная сила, которой не может противостоять человек, кораблям часто приходится идти впе-

ред в неблагоприятных погодных условиях. В этот момент рулевой, лидер страны, становится ключевой фигурой для успешного продвижения к пункту назначения. В данном контексте при помощи метафоры воды демонстрируется, что укрепление доверия народа к правительству и лидерам способствуют беспрепятственному осуществлению политики страны.

В политическом дискурсе гидронимная метафора часто «соседствует» с другими метафорами неживой природы, например, сферы-источника «виды рельефа», используемыми для обозначения территории государства или непосредственно самой страны. Наиболее частотна метафорическая единица «горы»: 山河 (горы и реки), 山水 (горы и реки), 青山绿水 (зелёные горы и синие воды), 大好河山 (прекрасные реки и горы):

美丽中国属于每一个人, 需要我们一起建设。未来等着我们, 以实干为画笔, 共同描绘出更加美丽的山河。 (Прекрасный Китай принадлежит всем, он нуждается в том, чтобы мы строили его вместе. Будущее ждет, когда мы возьмемся за работу и, будто кистью, нарисует совместными усилиями еще более красивые горы и реки) / Жэньминь Жибао, 23.09.2019. *大好河山, 寸土不让!* (Реки и горы прекрасны, не уступать ни пяди земли) / Жэньминь Жибао, 02.10.2022. Метафоры вызывают положительные эмоции, повышают позитивное отношение народа к правительству, стимулируют общественность к поддержке проводимого правительством политического курса. В следующем иллюстративном контексте гидронимная метафора акцентирует факт того, что защита страны и коммунистического режима, который оправдал свою состоятельность, является ответственностью каждого гражданина:

习近平指出, 红色江山来之不易, 守好江山责任重大。 (Си Цзиньпин отметил, что красные горы и реки дались нам не легко, на каждом из нас лежит ответственность за их защиту) / Жэньминь Жибао, 06.08.2022. В данной контексте гидронимная метафора используется для обозначения новый Китай под руководством КПК, связывает территорию страны с политической властью, подчеркивает, что защита страны и коммунистического режима является важной ответственностью каждого гражданина. Итак, можно сделать вывод, что гидронимная метафора широко используется в современном китайском политическом дискурсе для обозначения представления политического курса государства, деятельности правительства и лидера. Причина высокой востребованности метафоры воды в политической сфере Китая заключается в том, что она является одним из базовых понятий категоризации окружающей действительности в китайской лингвокультуре. Следует особенно отметить, что при моделировании образа Китая в политическом дискурсе гидронимные метафоры в абсолютном большинстве моделируют положительно нагруженные образы.

Литература

Баиляр Г. Вода и грезы. Опыт о воображении материи / пер. с франц. Скуратова Б. М. М.: Издательство гуманитарной литературы, 1998.

Беляева И.А. «Текучесть» как метафора жизни в русской литературе. М.: Символика воды в русской словесности и мировой культуре, 2022.

Ван С. Образ воды в культуре и искусстве Европы и Китая: обзор русскоязычных научных источников // *Universum: филология и искусствоведение*. 2022. Вып. 12 (102). С. 22-25.

Веснина Л.Е. Метафорическое моделирование миграции в российских печатных СМИ // *Политическая лингвистика*. 2010. Вып. 1 (31). С. 84-89.

Доронина Н.И. Общетеоретические и типологические проблемы языкознания = *General Theoretical and Typological Problems of Linguistics* / отв. ред. Е.Б. Трофимова. Бийск: ФГБОУ ВПО «АГАО», 2013.

Надточева Е.С. Шустрова Е.В. Гидронимная концептуальная метафора в афроамериканской литературе VIII–XX вв. // *Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета*. 2017. Вып. 2. С. 97-102.

Солопова О.А. Лингвополитическая прогностика: сопоставительное исследование моделей будущего России в политических дискурсах России, США и Великобритании XIX в. (1955–1881) и XXI в. (2000–2014): дис. ... д-ра. филол. наук. Екатеринбург, 2016.

Солопова О.А. Ретроспективный анализ британского дискурса о будущем СССР // *Вопросы когнитивной лингвистики*. 2019. Вып. 4. С. 124-134.

Чудинов А.П., Будаев Э.В., Солопова О.А. Политическая метафорология: Дискурсивный поворот. М.: Флинта, 2020.

谭占海 (Tan Zhanhai). 以水喻人的隐喻认知特点 // *大家*, 2009. Вып. 12. С. 44.

许利伟 (Xu Liwei). 从“水”的隐喻看中西文化的差异 // *云南民族大学学报(哲学社会科学版)*, 2006. Вып. 4. С. 79.

徐文姣 (Xu Wenjiao). “以水取譬”——从认知角度考察汉语中“水”的概念隐喻 / *上海外国语大学*, 2010.

荀子 (Xun Zi). *中华经典名著全本全注全译丛书: 荀子* / пер. с древнекит. 方勇 (Fang Yong). М.: 中华书局, 2011.

曾侨骄 (Zeng Qiaojiao), 于善志 (Yu Shanzhi). 论汉语“水”的概念隐喻 // *宁波教育学院学报*, 2009. Вып. 11. С. 28-32.

M. Li (Chelyabinsk, Russia)

South Ural State University (national research university)

HYDRONYMIC METAPHORS IN MODERN CHINESE POLITICAL DISCOURSE

The article examines metaphors of inanimate nature associated with the source domain water used in modern Chinese political discourse. We examined a selection of articles from the official daily newspaper *People's Daily*. The peculiarities of the use and functions of the metaphor are presented.

Key words: political metaphor, inanimate nature, political discourse, hydronymic metaphor, China.

Е.С. Музалевская (Москва, Россия)

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

ekmuzalevskaya@yandex.ru

ОСОБЕННОСТИ ВЕРБАЛИЗАЦИИ КОНЦЕПТОВ *ВОЙНА* И *МИР* В ДИСКУРСЕ ГАЗЕТ СССР И США ПЕРИОДА ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ СЕРЕДИНЫ XX ВЕКА

Исследование посвящено анализу репрезентации оппозиции концептов *ВОЙНА* и *МИР* в дискурсе периодических изданий «Правда» и “New York Times” эпохи холодной войны. Фреймовый анализ рассматриваемых концептов позволяет определить их специфические черты в политически ориентированном контексте печатных СМИ СССР и США.

Ключевые слова: концепты *ВОЙНА* и *МИР*, фреймовый анализ, дискурс печатных СМИ, дискурсивный анализ, холодная война, фрейм, субфрейм.

Цель в данной работе определяется выявлением специфики вербализации концептов *ВОЙНА* и *МИР* в дискурсе газет «Правда» и “New York Times” 50–70 годов XX века при помощи сопоставительного анализа, а также использования метода построения фреймов. Печатные СМИ выбранного периода отражали основные события на мировой арене, в частности противостояние между Советским Союзом и США, возглавлявшими социалистический и капиталистический блоки. Исследование показывает различия в восприятии *войны и мира* советскими и американскими печатными изданиями. Анализ проводился в рамках когнитивно-дискурсивной парадигмы, поэтому дискурсивный анализ газет является важным этапом работы.

Когнитивно-дискурсивная парадигма, постулаты которой были сформулированы Е.С. Кубряковой, предполагает описание и интерпретацию языковых явлений на когнитивном и коммуникативном уровне [Кубрякова 2004: 16]. Таким образом, изучение таких когнитивных категорий как концепты невозможно без рассмотрения дискурса, в котором они актуализируются. В свою очередь концепты понимаются как особые ментальные образования, отражающие картину мира индивида. Мы придерживаемся лингвокогнитивного подхода к трактовке данного понятия, предложенного Е.С. Кубряковой: «Концепт – оперативная единица памяти, ментального лексикона, концептуальной системы и языка мозга, всей картины мира, квант знания. Самые важные концепты выражены в языке» [Кубрякова 1997: 90].

Раскрытие компонентов концептов *ВОЙНА* и *МИР* в работе выполнено благодаря анализу дискурса, в котором они функционируют. Дискурс в понимании Н. Д. Арутюновой является «связным текстом в совокупности с экстралингвистическими, прагматическими, социокультурными, психологическими и другими факторами, текст, взятый в понятийном аспекте; это речь, «погруженная в жизнь» [Арутюнова 1990: 136]. Материалом для настоящего исследования служат статьи газет политической направленности. Политический медиадискурс, выполняя функцию передачи информации, в тоже время основывается на приё-

мах убеждения и предоставления фактов в выгодном для текущего политического режима виде.

Дискурс газет «Правда» и “New York Times” отражает события холодной войны в различных сферах деятельности в том виде, в котором они были представлены в СССР и США. Указанный в работе временной период с 50 по 70-е годы XX века охватывает основные моменты конфронтации и спада напряжённости между странами. Особенности дискурса американских и советских периодических изданий времён холодной войны проявляются в характере информационной войны, развернувшейся между Советским Союзом и США. СМИ стали не только инструментом создания определённых образов политических противников, но и сплочения населения для соревнования в различных сферах деятельности.

Непосредственный анализ оппозиции концептов ВОЙНА и МИР выполнен при помощи методики фреймового анализа. Рассматриваемые концепты актуализированы в дискурсе газет «Правда» и “New York Times” через систему субконцептов, фреймов и слотов. Понятие концепта трактуется как фреймовая структура, соответственно фрейм ассоциирован с концептом, представляет собой построенную вокруг него единицу ментального пространства. Опираясь на теорию Дж. Лакоффа, концепты ВОЙНА и МИР в исследовании, как компоненты базового уровня иерархии, распадаются на субконцепты УЧАСТНИКИ, ДЕЙСТВИЕ и РЕЗУЛЬТАТ субординатного уровня [Lakoff 1987: 46].

В результате фреймового анализа было выявлено 965 лексических единиц, вербализующих оппозицию концептов ВОЙНА и МИР. В дискурсе газеты «Правда» было обнаружено 400 и 168 лексем-репрезентантов концептов ВОЙНА и МИР соответственно. Материалы газеты “New York Times” содержали 243 лексем-репрезентантов концепта ВОЙНА и 154 лексем, репрезентирующие концепт МИР.

Анализ показал наибольшую частотность концепта ВОЙНА в обоих дискурсах – 70% и 61% в газете «Правда» и “New York Times” соответственно. Однако процентное содержание субконцептов оппозиции распределено неравномерно.

Субконцепт УЧАСТНИКИ в двух рассматриваемых периодических изданиях представлен фреймами «Лагерь чужих» и «Лагерь своих», которые демонстрируют дружественность или враждебность упоминаемых стран и их населения: «поджигатели и их агентура», «американские интервенты»; “The chief advocates of the “cold war”. Чаще всего лексемами-репрезентантами выступают названия государств-союзников или государств-противников: СССР, США, Москва, USSR, USA.

Основное внимание в исследовании отводится фреймам субконцепта ДЕЙСТВИЕ. Здесь отмечается наибольшее разнообразие репрезентации концептов ВОЙНА и МИР. В дискурсе печатного издания «Правда» были выделены такие частотные фреймы в составе концепта ВОЙНА, как: «Агрессия», «Обман», «Угроза».

Интересен фрейм «Обман», который не встречается в дискурсе газеты “New York Times”. Обман проявляется в различных видах – выделены такие слоты, как: «Ложь», «Получение выгоды нечестным способом», «Прикрытие» и

«Вымышленная причина». Газета старалась передать все те нечестные способы борьбы, к которым прибегали США во время холодной войны:

«Доказано, что шумиха вокруг этой выдумки была затеяна с определенной целью – отвлечь внимание общественности от большого и серьезного вопроса об ответственности определенных кругов западных держав, и в первую очередь США, за события, имевшие место в Венгрии» (Правда, № 340, 05 декабря 1956, стр 5).

Концепт ВОЙНА в дискурсе газеты “New York Times” реализуется такими фреймами, как: «Пропаганда», «Агрессия», где агрессия проявлялась многочисленными «нападками» со стороны СССР:

«Dr. J. H. van Royen, Netherlands spokesman, informed the Council that the underlying purpose of the Russian attack was to set back progress made in Indonesia and “if possible” to create chaos in order to prepare the ground for the seeds of communism» (New York Times, Nov 10, 1957, pg 34).

Концепт ВОЙНА превалировал в дискурсе обеих газет, однако, он не смог вытеснить концепт МИР, который играл важную роль в понимании сложившейся на тот момент обстановки. Анализ периодических изданий «Правда» и “New York Times” показал в составе субконцепта ДЕЙСТВИЕ концепта МИР наличие таких фреймов, как: «Сотрудничество» и «Переговоры», «Мирное урегулирование» и «Разрядка напряжённости». Таким образом, СССР и США демонстрировали готовность к разрешению конфликта мирным путём:

«...сотрудничество между СССР и США в духе доброй воли, улучшение советско-американских отношений всегда шло на пользу делу мира» (Правда, № 144, 23 мая 1972).

«As part of the Vladivostok accord, the two sides said that the new agreement “will include a provision for further negotiations beginning no later than 1980-81 on the question of further limitations and possible reductions of strategic arms...” (Dec 23, 1974, pg 3).

Двойственность исхода противостояния СССР и США отражается в субконцепте РЕЗУЛЬТАТ. В двух периодических изданиях наблюдается наличие фреймов «Война», «Кризис» и «Тревога», но также и фреймов «Мир», «Соглашение» и «Безопасность».

В результате анализа дискурса газет «Правда» и “New York Times” выделен нетипичный характер оппозиции концептов ВОЙНА и МИР: чёткая грань между войной и миром стирается, поскольку конфронтация в рассматриваемом дискурсе не исключает мирных шагов для предотвращения вооружённого конфликта. Война и мир являются одним целым, в составе которого существует как стремление к победе над соперником любыми способами, так и желание предупредить глобальный кризис.

Литература

Арутюнова Н.Д. Дискурс. Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1990. С. 136-137.

Кубрякова Е.С. [и др.]. Краткий словарь когнитивных терминов. М.: Филол. ф-т МГУ им. М. В. Ломоносова, 1997.

Кубрякова Е.С. Об установках когнитивной науки и актуальных проблемах когнитивной лингвистики // Известия АН. Сер. лит. и яз. 2004. Т. 63. № 3. С. 3-12.

Lakoff G. Women, Fire, and Dangerous Things: What Categories Reveal about the Mind. Chicago-London: The University of Chicago Press, 1987.

*E.S. Muzalevskaya (Moscow, Russia)
Lomonosov Moscow State University*

VERBALIZATION OF WAR AND PEACE CONCEPTS IN THE SOVIET AND AMERICAN COLD WAR NEWSPAPER DISCOURSE

The study analyses the representation of the WAR and PEACE opposition in the newspapers “Pravda” and “New York Times” during the Cold War era. The frame analysis of the concepts makes it possible to determine their specific features in the politically oriented context of the USSR and USA print media.

Key words: concepts of WAR and PEACE, frame analysis, print media discourse, cold war, discourse analysis, frame, subframe.

*Т.И. Прийма (Санкт-Петербург, Россия)
Санкт-Петербургский государственный университет
tatianapriima@yandex.ru*

МЕДИАТОРНЫЕ СТРАТЕГИИ В СИТУАЦИИ ОБЩЕСТВЕННОГО РАСКОЛА

В статье рассматриваются коммуникативные стратегии и тактики медиации на примере документа «Позиция Китая по политическому урегулированию украинского кризиса». В ходе исследования анализируется языковая реализация данных стратегий, а также их прагматический потенциал. Выделяются две наиболее распространенные стратегии медиатора – убеждение и объединение.

Ключевые слова: дискурс медиации, коммуникативные стратегии, коммуникативные тактики, медиатор, стратегия убеждения, стратегия объединения.

В эпоху обострившихся информационных войн XXI века важную роль в процессе разжигания и урегулирования социально-политических разногласий играют языковые средства, используемые участниками конфликта.

В лингвистике роль «регулятора» ценностных, мотивационных и прочих расхождений участников коммуникации выполняет дискурс медиации, который в настоящем исследовании понимается как «коммуникативное взаимодействие, обусловленное конфликтным потенциалом» [Куликова, Прохорова 2016: 100].

Понятие *медиации* наиболее распространено в юриспруденции. В юридическом поле услуги медиатора в большинстве случаев реализуются конфиденциально [Литвишко, Черноусова 2016: 140]. Однако при рассмотрении конфликтов социально-политической сферы в качестве отличительной особенности можно отметить открытость и общедоступность всевозможных путей урегулирования сторонами.

В ситуациях общественного раскола участниками дискурса медиации являются представители различных социальных групп, а в роли медиатора зачастую выступает не один человек, а целое государство, или государственный ор-

ган, то есть некая значимая группа, способная эффективно воздействовать на когнитивное сознание участников конфликта.

В качестве яркого примера дискурса медиации с участием глобального медиатора в данной статье рассматривается документ, опубликованный Министерством иностранных дел Китайской Народной Республики в качестве плана по урегулированию конфликта на Украине [China's Position on the Political Settlement of the Ukraine Crisis: 2023].

Важно отметить, что сама тематика рассматриваемого документа (“China's Position on the Political Settlement of the Ukraine Crisis”/«Позиция Китая по политическому урегулированию украинского кризиса») является «медиаторной». В названии плана актуализируется стратегия информирования: сообщение китайской стороны, взявшей на себя роль медиатора, о своем видении конфликта. Тема конфликта вводится при помощи лексемы ‘*crisis*’, которая позволяет медиатору занимать нейтральную позицию и не принимать ничью сторону конфликта.

Структура текста «Позиция Китая по политическому урегулированию украинского кризиса» представляет собой последовательно и тезисно изложенные пункты.

Наиболее ярко с помощью разнообразных тактик в документе используется коммуникативная стратегия убеждения. Одним из распространенных приемов в рамках стратегии убеждения является тактика «мягкого призыва» и отсылки к коллективным ценностям (*common, comprehensive, cooperative and sustainable security, peace and stability, better the lives of their people, the safety of civilians, respecting, sovereignty, independence and territorial integrity of all countries, international fairness and justice*) в сочетании с глаголом *should*.

Наряду с *should*, в анализируемом документе часто используется и другой модальный глагол – *must*, с помощью которого тональность «мягкого призыва» сменяется «безоговорочным». Любопытно, что данная лексема, в отличие от *should*, используется в тактике описания потенциальных последствий и угроз (*Nuclear weapons must not be used and nuclear wars must not be fought. Nuclear proliferation must be prevented. <...> civilians must be effectively protected*). Данная тактика реализуется и с помощью иных средств, в частности – компаратива, приема нарастания смысловой значимости и пр. (*preventing a humanitarian crisis on a larger scale; prevent the crisis from deteriorating further or even spiraling out of control*).

Среди тактик, используемых в стратегии убеждения есть и обращение к «чувственной стороне конфликта», в частности, к таким темам, как незащищенность женщин и детей и, в целом, мирного населения (*...protect women, children and other victims of the conflict*).

Одной из оригинальных и, пожалуй, неожиданных для документов подобного формата тактик в рамках стратегии убеждения являются «обобщения в стиле пословиц». Так, например, выражения “*conflict and war benefit no one*” и “*there is no simple solution to a complex issue*”, более всего напоминают по форме народные мудрости поучительного толка.

Наряду с «отсылками» к исторической мудрости, в Плане имеет место и тактика апелляции к конкретному авторитету. На языковом уровне она реализуется за счет отсылок к международному праву (*universally recognized internation-*

al law), к международным организациям, их подразделениям и уставам (*The UN should be supported...*, *support the UN in playing an important role in this regard, the UN Security Council, the United Nations Charter*). В роли подобного авторитета и деятельного посредника в документе выступает и сам медиатор – Китай (*China <...> and calls on all parties, China stands ready to provide <...>, China will continue to play a constructive role <...>, China supports... China opposes*). Как видим, медиатор, сохраняя нейтралитет по отношению к двум сторонам конфликта, все же выражает свое позитивное или негативное отношение к тем или иным действиям сторон.

Стратегия объединения также занимает важное место в анализируемом Плате. Она реализуется и посредством используемых на протяжении всего документа лексем, апеллирующих к общности, равенству и совместным действиям (*jointly, work together, equal and uniform, all parties, all countries, comprehensive*), и с помощью антонимического ряда (пункт №1: *All countries, big or small, strong or weak, rich or poor, are equal members of the international community*). При этом стратегия объединения направлена не только на решение основного конфликта, которому посвящен анализируемый документ, – медиатор-Китай призывает к объединению и по таким смежным проблемам, как продовольственный, энергетический и финансовый кризис, а также вопрос восстановления в зоне конфликта по его завершении.

Таким образом, «медиаторный» по своей сути документ построен на двух глобальных коммуникативных стратегиях – убеждения и объединения, и разновидности тактик в рамках данных стратегий.

Литература

Куликова Л.В., Прохорова О.А. Исследовательские подходы к дискурсу медиации в фокусе междисциплинарности // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2016. № 2(56): в 2-х ч. Ч. 2. С. 100-104.

Литвишко О.М., Черноусова Ю.А. Лингвокультурная медиация как компонент глобального подхода в обучении профессионально-ориентированному английскому языку (на примере направлений подготовки 38.03.02, 38.04.02 «менеджмент», 40.03.01, 40.04.01 «юриспруденция») // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: лингвистика и межкультурная коммуникация. 2016. № 2. С. 139-143.

China's Position on the Political Settlement of the Ukraine Crisis URL: https://www.fmprc.gov.cn/mfa_eng/zxxx_662805/202302/t20230224_11030713.html (дата обращения: 01.04.2023).

*T.I. Priima (Saint Petersburg, Russia)
St.- Petersburg State University*

MEDIATION STRATEGIES IN SOCIAL CRISIS SITUATIONS

The article deals with the communicative strategies and tactics of mediation in the document “China’s Position on the Political Settlement of the Ukraine Crisis”. The study analyzes the linguistic implementation of these strategies and their pragmatic potential. The author focuses on the most common mediation strategies of persuasion and unification.

Key words: mediation discourse, communicative strategies, communicative tactics, mediator, persuasion strategy, unification strategy.

О.В. Принципалова (Москва, Россия)
МГИМО МИД России
oprinsipalova@gmail.com

КОГНИТИВНЫЕ МЕХАНИЗМЫ КОНТРАРГУМЕНТАЦИИ И ИХ ЯЗЫКОВОЕ ВЫРАЖЕНИЕ В ПАРЛАМЕНТСКОЙ КОММУНИКАЦИИ (НА ПРИМЕРЕ НЕМЕЦКОГО БУНДЕСТАГА)

Парламентские дебаты являются той платформой, которую политические акторы используют для манипулирования массовым сознанием избирателей. В своих речах политические деятели репрезентуют оценки деятельности представляемой ими партии, а также конкурирующих политических сил. В основе имиджеподдерживающих или имидженарушающих интенций лежат определенные когнитивные модели.

Ключевые слова: политический дискурс, контраргументация, фокусирование, дефокусирование, когнитивная модель ИМИДЖ ПАРТИИ.

Парламентская коммуникация в рамках пленарных дебатов адресована в первую очередь не оппонентам, а избирателям. Избирателям предъявляется уже выработанная позиция партий по тому или иному вопросу. Принятие решения и выработка аргументации происходит за кадром пленарных дебатов. Постановочный диалог пленарных дебатов, где аргументативное состязание противоборствующих сторон нацелено на избирателей, остающихся вне зала заседаний парламента, выводит на передний план элементы, которые сопровождают имиджеподдерживающие или имидженарушающие тактики оратора.

Для убедительного ведения политического спора политические акторы прибегают к фокусированию своих достоинств и недостатков оппонентов как базовым когнитивным операциям поддержания и нарушения имиджа партий. Существуют разные способы критиковать, поколебать или, в лучшем случае, опровергнуть чужую аргументацию. Контраргументация состоит из двух компонентов: с одной стороны опровергается точка зрения говорящего, с другой стороны обосновывается противоположная точка зрения [Барбина 2012: 82]. Чтобы нанести урон имиджу конкурирующих партий, ораторы приводят контраргументы для высказывания сомнения по поводу эффективности действий соперников, т.е. смещают фокус с их достижений на их промахи. В то же время депутаты бундестага нивелируют нападки в свой адрес. В рамках речеповеденческого модуля оправдания представители партий реагируют на поступившую в адрес партии критику и стараются дефокусировать негативные смыслы. Механизм перефокусирования или смены фокуса, когда один элемент замещается другим, используется для интерпертации и трансформации того или иного образа. Как отмечает М.И. Киосе, компонентами трансформации будут выступать концептуальные элементы и образы референта – исходный и трансформированный [Киосе 2015: 188]. С другой стороны, реализуется механизм дефокусирования, который изменяет фокус внимания говорящего с позитивного аспекта на негативный или наоборот.

Для формирования отрицательного смысла используются определенные когнитивные схемы [Болдырев 2011: 6]. Отрицательный смысл передается при помощи разноуровневых и неоднородных языковых средств, так как в основе данной категории лежит концепт, который обнаруживает разные характеристики и также не является однородным [Болдырев 2011: 9].

В модусе оправдания ораторы часто используют концептуальную модель МЫ, А НЕ ВЫ, например:

Christian Dürr (FDP): *Das waren wir, das machen wir – nicht Sie, Herr Merz!* [16.03.2023]. (**Кристиан Дюрр** (СвДП): *Это были мы, это делаем мы – не Вы, господин Мерц!*)

Опровергая точку зрения оппонента, представители партий расширяют эту модель: МЫ НЕ ТО, В ЧЕМ ВЫ НАС ОБВИНЯЕТЕ, МЫ – ДРУГОЙ ПОЛОЖИТЕЛЬНЫЙ ФЕНОМЕН. Эта модель может быть проиллюстрирована на следующем примере, в котором депутат от партии АдГ парирует критику. Парламентарий отрицает свое несоответствие идеальной когнитивной модели (ИКМ) ИМИДЖ ПАРТИИ. При этом говорящий использует отрицание *kein* для дефокусирования негативного смысла, а также прецедентный феномен *Pinocchio-Partei*, чтобы подчеркнуть независимость партии в принятии решений, и тут же перемещает фокус на положительные характеристики представляемой им партии, используя прилагательные *ernst* и *demokratisch*:

Stephan Brandner (AfD): *Wir sind keine Pinocchio-Partei wie alle anderen Parteien. Wir sind eine Partei, die ernst genommen werden muss und noch viele, viele Jahre hier demokratisch schalten und walten wird* [08.09.2022]. (**Стефан Бранднер** (АдГ): *Мы не партия буратин, как все остальные партии. Мы - партия, которую нужно воспринимать всерьез, и которая будет продолжать действовать здесь демократическим путем еще много-много лет*).

В качестве языковых средств реализации вышеназванной модели может выступать двойное отрицание. При помощи отрицательной частицы *nicht* и приставки *un-*, которая придает прилагательному отрицательное значение, говорящий смещает фокус с упрека на положительные действия представляемой им партии, например:

Martina Stamm-Fibich (SPD): *Sie sehen also: Wir sind nicht untätig. Wir tun etwas für den Standort* [08.07.2022]. (**Мартина Штамм-Фибих** (СДПГ): *Итак, вы видите: мы не бездействуем. Мы делаем кое-что для экономического пространства Германии*).

В модусе оправдания депутат партии Зеленые использует модель НЕ МЫ, А ВЫ, дефокусируя критику в свой адрес. В реализации данной модели участвует маркер агональности, а именно оппозиция отрицания *nicht* и союза *sondern*. Таким образом, оратор опровергает приписываемые своей партии характеристики, например:

Felix Banaszak (BÜNDNIS 90/DIE GRÜNEN): *Unabhängig davon geht es ja bei dem, worüber wir sprechen, darum, dass sich in einer Situation ein Energieversorgungsproblem angedeutet hat wegen des Ausbaus der Erneuerbaren in den 16 Jahren, in denen nicht wir dafür die Verantwortung getragen haben, sondern Ihre Fraktion* [16.03.2023]. (**Феликс Банашак** (BÜNDNIS 90/DIE GRÜNEN): *Независимо от этого, мы говорим о том, что проблема энергоснабжения*

возникла из-за расширения возобновляемых источников энергии за 16 лет, в течение которых не мы отвечали за это, а Ваша фракция).

Компоненты когнитивной модели могут меняться местами, принимая форму – ВЫ, А НЕ МЫ, тем самым затемняется критика в свой адрес и на передний план выводится неправильность действий оппонентов. При реализации данной модели оратор использует фразеологизм *Bärenndienst* (медвежья услуга), подчеркивая ошибочность действий властей земли Гессен, которые могут нанести больше вреда, чем принести пользы:

Sebastian Fiedler (SPD): *Herr Staatsminister Poseck, eins muss ich Ihnen sagen: Wenn Sie jetzt versuchen, anhand dieses Gesetzgebungsvorhabens den Untergang der Demokratie zu beschwören, dann erweisen Sie der Sache einen Bärenndienst und nicht wir* [17.03.2023]. (**Себастьян Фидлер** (СДПГ): *Господин государственный министр Посек, я должен сказать Вам одну вещь: если Вы сейчас пытаетесь подкрепить падение демократии с помощью этого законодательного проекта, то это Вы оказываете делу медвежьей услуге, а не мы*).

В процессе контраргументации для смещения фокуса с критикуемых качеств на положительные достижения часто используется модель: МЫ НЕ ТАКИЕ, НО МЫ ЛУЧШЕ. Как видно из следующего высказывания, представитель блока ХДС/ХСС обосновывает необходимость реформировать пакт о стабильности и росте и оправдывает действия блока ХДС/ХСС, когда он был правящей партией в правительстве, выстраивая шкалу с отрицания менторских функций до смещения фокуса на лексему *Vorbild* (пример для подражания), и усиливая высказывание прилагательным в превосходной степени *größt*. Также в качестве языковых средств реализации данной модели выступает оппозиция отрицаний *nicht / kein* и союза *aber*, как в следующем высказывании:

Dr. Michael Meister (CDU/CSU): *Liebe Kolleginnen und Kollegen, zum Abschluss. Wir sind in Deutschland nicht der Schulmeister. Aber wir sind als größte Volkswirtschaft das Vorbild Europas, und deshalb sollten wir uns auch vorbildlich verhalten* [30.09.2022]. (**Д-р Михаэль Майстер** (ХДС/ХСС): *Уважаемые коллеги, в заключение. В Германии мы не являемся школьным учителем. Но как крупнейшая национальная экономика, мы являемся образцом для подражания для Европы, и поэтому мы также должны вести себя образцово.*)

Таким образом, контраргументация может рассматриваться как неприятие нового знания вследствие индивидуальной интерпретации, выявляющей такие характеристики объекта интерпретации, как отсутствие, несоответствие, отрицательная оценка [Баребина 2012: 85], например:

Dr. Gregor Gysi (DIE LINKE): *Wir sind keine Weltmacht, aber können und müssen einen Beitrag dazu leisten, die Demokratie und Stabilität in unserem Land und in der EU zu erhalten* [07.09.2022]. (**Д-р Грегор Гизи** (Левая партия Германии): *Мы не являемся мировой державой, но мы можем и должны внести свой вклад в поддержание демократии и стабильности в нашей стране и в ЕС.*)

Агональный дискурс парламентской коммуникации характеризуются тем, что вовлеченные в него акторы стремятся доминировать в дискурсе и установить доминирование своей собственной позиции над позицией оппонентов. Поэтому для них всегда характерно стремление к суверенитету в дискурсе и интерпретации [Göhring 2023: 43].

В ходе лингвокогнитивных процессов степень выделенности определенных компонентов коммуникативной ситуации может повышаться или понижаться. Понижение степени выделенности элементов ситуации приводит к дефокусированию, т.е. к перемещению этих элементов в новый статус (позитивный или негативный). Контраргументация как способ смещения фокуса выражается набором определенных языковых единиц, определяющих смысловую структуру высказывания, и структур, связи между которыми представляют собой концептуальную модель.

Литература

Баребина Н.С. Когнитивный аспект контраргументации // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. 2012. №1 (17). С. 83-90.

Болдырев Н.Н. Концептуализация функции отрицания как основа формирования категории // Вопросы когнитивной лингвистики. 2011. №1. С. 5-14.

Киосе М.И. Техники и параметры непрямого наименования в тексте: дис. ... д-ра филол. наук. М., 2015.

Göhring T. Diskursive Kämpfe: Agonalität im politischen Sprachgebrauch am Beispiel des französischen Präsidentschaftswahlkampfes 2017, Berlin, Boston: De Gruyter, 2023, 687 p. <https://doi.org/10.1515/9783110981537>

O. V. Printsipalova (Moscow, Russia)

Moscow State Institute of International Relations

COGNITIVE MECHANISMS OF COUNTERARGUMENTATION AND THEIR LINGUISTIC EXPRESSION IN GERMAN BUNDESTAG COMMUNICATION

Parliamentary debate is the platform used by political actors to manipulate mass consciousness of voters. Speeches of politicians evaluate their party and competing political forces. Image-supporting or image-distorting intentions depend on certain cognitive models.

Key words: political discourse, argumentation, focusing, defocusing, cognitive model of PARTY IMAGE.

М.В. Приходько (Москва, Россия)

Военный университет имени князя Александра Невского

marko007@mail.ru

ОСНОВНЫЕ КОНЦЕПТЫ-МИШЕНИ ИНФОРМАЦИОННО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ В КОНТЕКСТЕ «ТОРГОВОЙ ВОЙНЫ» МЕЖДУ КНР И США

В рамках когнитивно-дискурсивной парадигмы информационная война рассматривается как дискурсивная деятельность по реконцептуализации базовых понятий культуры и идеологии. Данный процесс рассмотрен на материале медиадискурса США и КНР в рамках торговой войны.

Ключевые слова: информационная война, информационно-психологическое воздействие, лингвопрагматический анализ, дискурс-анализ, реконцептуализация, торговая война.

Считается, что понимание информационной войны («information war») сформировалось лишь в XX веке с выходом информационного доклада Томаса Рона о системах принятия решения для компании Боинг [Rona 1976]. Однако, принимая во внимание взгляды современных ученых на дезинформацию и пропаганду [Панарин 2012; Волковский 2003; Сулейманова, Назарова, 2017] как методы информационных войн целесообразно полагать, что этот феномен, являясь исторически сложившейся комплементарной формой ведения борьбы, «повному» приобрел актуальность в современном информационном мире. Так, по мнению ученых, информационной войной называется «противоборство сторон, возникающее из-за конфликта интересов и/или идеологий и осуществляемое путем целенаправленного информационного воздействия друг на друга [Колмогорова и др. 2017: 11]. Подобное противоборство сторон предполагает воздействие «...на сознание противника для его когнитивного подавления и/или подчинения [Колмогорова и др. 2017: 11-12].

Опираясь на взгляды В. Р. Муравлевой о том, что «современная информационная война разворачивается в пространстве эпистемологическом, знаниевом, смысловом, в котором языковые средства порождают, хранят и передают смыслы, способные трансформировать сознание реципиента» [Муравлева 2022: 39], целесообразно постулировать когнитивную природу языкового воздействия, осуществляемого в контексте информационной войны. Мы полагаем, что на современном этапе информационную войну можно рассматривать как «системное речевое воздействие на концептуальную картину мира» [Калинин, Приходько, 2022]. Основным когнитивным механизмом такого воздействия является реконцептуализация, то есть изменение образной, ценностной или понятийной основ базовых идеологических и культурных концептов.

Полагая внесение изменений в концептуальную картину мира основной стратегической целью информационно войны, мы рассматриваем весь процесс информационно-психологического воздействия как комплексное многоуровневое явление, где достижению указанной стратегической цели способствуют дискурсивно реализованные средства воздействия.

Полагаем, что выявление стратегической цели информационной войны возможно посредством использования комбинированной методики исследовательских приемов и методов, последовательно осуществляемых как бы «снизу вверх»: лингвопрагматический анализ, критический дискурс-анализ и лингвокогнитивный анализ. Эти три основных этапа позволяют двигаться по траектории от языкового знака через его употребление к тому, что он за собой скрывает, то есть от семантики через синтактику и прагматику к когнитивистике.

Еще одним базовым положением нашего исследования стал тезис Д.А. Дугиной о том, что ментальное воздействие может быть направлено «на собственное население» [Дугина 2022], так как реконцептуализация политических представлений среди населения собственной страны есть залог успеха проводимой внутренней и внешней политики.

Так, целью данного исследования является описание концептуальных целей-мишеней медиакампании в дискурсе торговой войны между Китаем и США. Основным методом исследования, как и в предыдущих исследованиях на эту те-

му [Калинин 2020], является лингвопрагматический анализ и критический дискурс-анализ.

Материалом исследования послужили тексты новостных сообщений с новостных интернет-сайтов китайского (Синьхуа (Xinhuanet.com), «Женьминь Жибао» (People.cn), Хуаньцзю (huanqiu.com), CCTV (cctv.com), новостной интернет-портал china.com) и американского (The Washington Post (washingtonpost.com), CNN (cnn.com), New York Daily News (nydailynews.com), The Wall Street Journal (wsj.com), The New York Times (nytimes.com)) медиа-дискурсов в период с середины 2018 г. по конец 2019 г. Общее количество новостных сообщений данной тематики составило 100 единиц (около 200 тыс. слов).

Проведенное исследование демонстрирует, что в рамках информационной войны, отражающей экономическое противостояние между Китаем и США, стратегическими целями информационного освещения «торговой войны» стали реконцептуализация представлений о стране-противнике, утверждение дополнительных концептуальных признаков о своей стране и реконцептуализация понятия торговли. Все три концепта-мишени равнозначно отражены и в китайском, и в американском дискурсах. Однако, очевидна разница в содержании указанных когнитивных процессов.

Так, для китайского новостного дискурса оказались характерными КИТАЙ – это ЖЕРТВА, ЗАЩИТНИК НАРОДА; АМЕРИКА – это АГРЕССОР, СУДЬЯ, «ПОЛИЦЕЙСКИЙ»; ТОРГОВЛЯ – это ФОРМА ВОЙНЫ.

Например, 1. *美国政府推行以“关税大棒”为代表的“美国优先”原则 (здесь и далее пер. автора) Американское правительство продвигает принцип «Американского превосходства» за счет показательного использования метода «дубинки таможенных пошлин». В данном примере использование метафоры «дубинка пошлин» позволяет создать представления о США как о несправедливом регуляторе, своего рода жандарме мировой торговли.*

2. *“韩国将在贸易战中首当其冲” Южная Корея в торговой войне первой примет на себя удар. В данном примере мы сталкиваемся и использованием военной лексики для описания экономических последствий торгового противостояния, тем самым представления о мировой торговле переносятся в концептуальную область, связанную с войной.*

3. *“中方坚守务实理性，坚决捍卫国家和人民利益...” – Китай твердо отстаивает свою рациональную позицию, выраженную в защите интересов своей страны и народа... Использование лексемы 捍卫, базовое значение которой именно «защищать (в том числе с оружием в руках)» отражает стремление подчеркнуть выполняемые центральным правительством функции по непосредственной защите национальных интересов.*

Для американского дискурса характерными концептами-мишенями стали: КИТАЙ – это МОШЕННИК, ВОР; АМЕРИКА – это ЖЕРТВА ВОРОВСТВА и НЕЧЕСТНОЙ ИГРЫ; ТАМОЖЕННАЯ ПОШЛИНА – ФОРМА НАКАЗАНИЯ.

Например: 1. *...willfully ignoring its G20 commitment to fair trade, dumping products below cost into US markets and stealing intellectual property. <Китай> намеренно игнорируя выполнение своих обязательств по ведению честной торгов-*

ли в G20, сваливая товары на рынки США по низкой цене и ворую интеллектуальную собственность.

В этом примере помимо прямого обвинения в воровстве (stealing intellectual property), мы также сталкиваемся с множеством указаний на другие нечестные действия КНР, что призвано создать образ страны-мошенника, которая строит свое благосостояние за счет прямого обмана. Это одновременно как бы создает оправдание для ведения жесткой таможенной политики в отношении Китая, потому что, если есть мошенник (КНР), то есть и жертва мошенничества (США).

2. The point is to punish China by making Chinese products more expensive for American consumers and businesses to buy. *Смысл в том, чтобы наказать Китай с помощью повышения цен на китайские товары для потребителей и бизнеса.*

В этом примере описывается суть мер США в отношении Китая через повышение таможенных пошлин, при этом характерно использование глагола punish (наказать), что создает представление о США как о могущественной державе, которая может как «родитель» или как «полицейский» наказывать других.

Даже краткий описательный анализ демонстрирует разный характер информационных кампаний медиадискурсов КНР и США, направленных на собственную аудиторию. Информационная повестка в американском дискурсе выглядит более агрессивной, обвинительной, поэтому доминирующей стратегией является «нападение» и «оправдание этого нападения», в то время как информационную кампанию в СМИ Китая мы можем охарактеризовать как «активную оборону».

Таким образом, информационная война характеризуется информационно-психологическим воздействием на отдельные релевантные в данный момент времени элементы концептуальной картины мира. Рассмотрение информационной войны с позиций когнитивно-дискурсивного подхода позволяет сделать вывод, что главной целью информационного воздействия является реконцептуализация концептов-мишеней. В случае с торговой войной между КНР и США, основными концептами-мишенями стали Китай, США и торговля. Анализ дискурсивных средств репрезентации данных концептов позволил выявить их содержательные отличия, что свидетельствует о разном стратегическом характере информационной войны в медиа дискурсе США и КНР.

Литература

Волковский Н.Л. История информационных войн в 2 ч. Санкт-Петербург: ООО "Издательство «Полигон», 2003.

Дугина Д.А. Тезисы «Ментальные карты и их роль в сетевых войнах» Форум Армия-2022. URL: <https://perfect-raise.ru> (дата обращения: 22.08.2022).

Калинин О.И. Сравнительная характеристика языковой репрезентации концепта ТОРГОВАЯ ВОЙНА в СМИ КНР и США // Филология: научные исследования. 2020. № 11. С. 93-107.

Калинин О.И., Приходько М.В. Информационная война: коммуникативный, дискурсивный, когнитивный и культурно-идеологический аспекты // Военно-филологический журнал. 2023. № 1. С. 23-36.

Колмогорова А.В., Сквородников А.П., Копнина Г.А. Лингвистика информационно-психологической войны. Книга 1. Красноярск: СФУ, 2017.

Муравлева В.Р. О дискурсивном статусе современных информационных войн // Военно-филологический журнал. 2022. № 1. С. 33-40.

Панарин И.Н. СМИ, пропаганда и информационные войны. М.: Поколение, 2012.

Сулейманова Ш.С., Назарова Е.А. Информационные войны: история и современность. М.: Международный издательский центр «Этносоциум», 2017.

Thomas P. Rona Weapon Systems and Information War, Boeing Aerospace Co., Seattle, WA, 1976.

M. Prikhodko (Moscow, Russia)

The Military University of Defense Ministry of the Russian Federation

TARGET CONCEPTS OF INFORMATION AND PSYCHOLOGICAL IMPACT: THE US-CHINA "TRADE WAR"

Information warfare is a discursive activity which reconceptualizes the basic concepts of culture and ideology. The paper focuses on the media discourse of the United States and China in the framework of the trade war.

Key words: information war, information and psychological impact, linguo-pragmatic analysis, discourse analysis, reconceptualization, trade war.

О.А. Солопова, М. Ли (Челябинск, Россия)

Южно-Уральский государственный университет

(национальный исследовательский университет)

solorovaoa@susu.ru, 529394950@qq.com

МЕХАНИЗМЫ И СТРАТЕГИИ МОДЕЛИРОВАНИЯ ОБРАЗА ГОСУДАРСТВА

В статье рассмотрены понятие образа государства, структурные компоненты образа, факторы, обуславливающие его изменения: мелиорацию или негативизацию, некоторые стратегии моделирования образа государства за рубежом и механизмы формирования и продвижения положительного образа страны.

Ключевые слова: образ государства, внутренний образ, внешний образ, положительный образ, отрицательный образ, Китай.

В эпоху глобализации и цифровизации образ государства является одним из факторов, которые играют ключевую роль в эффективном проведении внутренней и внешней политики страны. Именно поэтому вопросы восприятия государства внутри страны и за рубежом занимают важное место в современной науке: изучение взаимосвязи национальной и государственной идентичности с образом страны становится одним из ведущих направлений исследований в политологии, международных отношениях, политической лингвистике, дискурс-анализе и смежных дисциплинах.

Образ государства является «знаковой моделью, опосредующей представления о национальной общности через доступные обыденному сознанию понятия и суждения» [Беспалов 2007: 9]. Он часто не отражает реальную действи-

тельность и не соответствует объективным показателям национального развития: моделирование образа государства основывается «не на фактах, а на мнениях, иллюзиях, на мифологических представлениях о прошлом, на воображаемых представлениях о будущем, способных влиять как на поступки отдельных личностей или социальных групп, так и на модели поведения целых народов» [Boulding 1956].

Моделируемый образ представляет собой сочетание особенностей представлений о своем месте в мире (Я-образ или «внутренний» образ страны) и специфики восприятия страны другими субъектами международной системы (образ «Другого» или «внешний» образ). Внутренний и внешний образы государства в значительной степени отличаются друг от друга. Формирование внешнего образа в первую очередь связано с особенностями политической, экономической и научно-технической областей развития государства [Martin, Eroglu 1993]. Безусловно, образ государства в значительной степени зависит от категорий совокупной мощи и потенциала государства, однако, он не может быть приравнен к реальной ситуации, поскольку всегда конструируется намеренно [Sun Youzhong 2002]. Образ часто играет решающее значение в позиционировании государства на мировой арене, в регулировании поведения и политики других участников международной системы по отношению к государству, то есть восприятие той или иной страны как на уровне зарубежных политических элит, так и на уровне массового сознания определяется объективной ситуацией в стране опосредованно, сквозь призму существующего образа.

Одним из направлений изучения образа Китая является исследование структурно-социальных и символических компонентов, конституирующих образ. К ключевым компонентам, которые оказывают непосредственное влияние на формирование внутреннего и внешнего образов государства, Я. Лю относит ресурсный потенциал, политическое устройство, культурную политику, идеологию и национальный дух [Liu Yanfang 2007]. Ю. У считает, что неизменными составляющими образа государства являются экономика, национальная безопасность, культура, правительство и народ [Wu Youfu 2009]. С. Чжао в структуре образа государства условно выделяет постоянные величины (такие как географическое положение, народонаселение, история) и переменные величины (такие как форма государственного правления и устройства, развитие экономики, военная мощь, национальная культура и др.) [Zhao Xuebo 2006]. Л. Дин изучает взаимосвязь элементов, составляющих образ государства, их динамику, механизмы формирования и коррекции имиджа государства [Ding Lei 2010].

В фокусе внимания ученых находится также изучение тех факторов, благодаря которым происходит изменение образа государства. Образ государства не является статичным, он «пластичен» и обладает как характеристиками относительной стабильности (постоянные величины), так и динамичного развития (переменные величины): эта динамика обусловлена тем, что в каждый исторический период в нем доминируют несколько компонентов, которые более других влияют на его формирование. Диахроническое исследование, проведенное Н. Чжоу, показывает, что восприятие Китая и китайцев менялось в западном общественном сознании четырежды только в XX веке: от отрицательного образа к положительному в первую и третью четверти века, и наоборот, от положитель-

ного образа к отрицательному во вторую и четвертую четверть столетия [Zhou Ning 2008]. Именно переменные компоненты образа государства определяют тенденции к его мелиорации или негативизации в определенный исторический период.

Положительные и отрицательные образы Китая исследуются учеными в рамках таких тематических блоков как дипломатия, политика, экономика, военные действия, социальное развитие, культура, природные катастрофы. Положительные стереотипы в восприятии Китая главным образом связаны с устойчивой динамикой экономического развития государства и концепциями китайской традиционной культуры; к основным факторам, создающим негативные стереотипы восприятия, относят социальные проблемы, включающие социальное обеспечение, медицинское обслуживание, экологическую ситуацию и др. Интересно отметить, что в западном политическом дискурсе экономический образ Китая, как правило, положителен, а политический – негативен [Ma Qiong 2014]. Каждый субъект познания отбирает информацию о том или ином объекте в соответствии с собственными целями, приоритетами, установками, поэтому образы одного и того же государства, сформированные различными участниками международных отношений, будут разнотипны и часто противоречивы. Это связано с выбранной стратегией моделирования образа «другого» государства: а) всестороннее и объективное отражение образа государства; б) одностороннее и частичное отражение образа государства (вызванное, в основном, недостатком сведений о стране); в) когнитивное искажение образа государства, обусловленное стереотипами сознания, субъективными представлениями, существованием различий в ценностных ориентациях, когнитивными способностями субъекта познания и др. [Киселев, Смирнова 2006].

Исследователи отмечают, что «образ государства поддается целенаправленному формирующему воздействию. Эта возможность описывается с помощью категории “имиджа”, которая предполагает коррекцию образа с помощью ряда стандартных процедур и, в первую очередь, выборочного, целевого информирования» [Беспалов 2007: 9]. Понятия образа и имиджа государства не тождественны друг другу; последний является результатом целенаправленной имиджевой политики любого современного государства, сознательно культивирующего положительные элементы своего международного имиджа.

Формирование имиджа государства связано, во-первых, с анализом причин появления негативных стереотипных представлений, что существенно для разработки стратегии, которая позволит минимизировать или нейтрализовать их воздействие [Jin Zhengkun, Xu Qingchao 2010]; во-вторых, с формированием, продвижением и тиражированием положительных образов Китая на международном уровне [Lei Ding 2010], что становится возможным благодаря широкому использованию потенциала традиционных и новых средств массовой информации. Следует особенно подчеркнуть, что деятельность по формированию положительного имиджа любого государства будет эффективной в том случае, если формируемый имидж будет в целом соответствовать существующим тенденциям развития страны.

Изучение вопросов об образе и имидже государства имеет огромное практическое значение, поскольку восприятие страны другими государствами влияет на

политику в отношении этой страны и, следовательно, на международные отношения в целом. С одной стороны, государство обладает определенной автономией в определении и продвижении собственного положительного имиджа и представлении внешнему миру репрезентативной информации о системе национальных приоритетов, идей и традиций, являющихся основным источником моделирования его образа другими; с другой стороны, внешний мир формирует субъективные, соответствующие его интересам образы определенной страны и базовые представления о ней.

Литература

Беспалов С.В. Механизмы формирования позитивного образа России в странах постсоветского пространства / С.В. Беспалов, А.В. Власов, П.В. Голубцов, А.А. Казанцев, А.В. Караваев, В.Н. Меркушев. М.: Евразийская сеть политических исследований, ИАЦ МГУ по изучению общественно-политических процессов на постсоветском пространстве, 2007.

Киселев Ю.Д., Смирнова А.Г. Динамика образа государства в международных отношениях. Санкт-Петербург: Изд-во Санкт-Петербургского университета, 2003.

Boulding K.E. National images and international systems // *Journal of Conflict Resolution*. 1959. № 3 (2). P. 120-131.

Martin I.M., Eroglu S. Measuring a multi-dimensional construct: country image // *Journal of Business Research*. 1993. № 28. P. 191-210.

Ding Lei. National image and its influence upon inter-state behavior. Beijing: Intellectual Property Publishing House, 2010.

Jin Zhengkun, Xu Qingchao. 国家形象的塑造 中国外交新课题 // *中国人民大学学报* 2010. № 2. P. 119-127.

Liu Yanfang. 国家形象及中国国家形象战略研究综述 // *探索* 2008. № 2. P. 69-74.

Ma Qiong. 东南亚华文传媒与中国国家形象研究以联合早报网和凤凰网关于中国十八届三中全会的报道为例 Doctoral dissertation. Xiamen University, 2014.

Sun Youzhong. 国家形象的内涵及其功能 // *International Forum*. 2002. № 4 (3). P. 14-21.

Wu Youfu. 对外文化传播与中国国家形象塑造 // *International Review*. 2009. № 1. P. 8-15.

Zhou Ning. 隐藏了欲望与恐惧的梦乡: 二十世纪西方的中国形象 // *Taiwan Hong Kong and Overseas Chinese Literature*. 2008. № 3. P. 81-87.

Zhao Xuebo. 关于国家形象等概念的理解 // *现代传播: 中国传媒大学学报*. 2006. № 5. P. 63-65.

O.A. Solopova, M. Li (Chelyabinsk, Russia)

South Ural State University (national research university)

MECHANISMS AND STRATEGIES OF MODELLING THE STATE IMAGE

The authors discuss the notion of the state image, its structural components and factors that account for its dynamics, namely, melioration or negativization, strategies used for modeling the image of the state abroad, and mechanisms of forming and promoting a positive image of the country.

Key words: state image, internal image, external image, positive image, negative image, China.

В.В. Стрельцова, А.А. Клиновская (Москва, Россия)
Московский государственный лингвистический университет
wlapschina@yandex.ru, anna-klinov2@yandex.ru

ФЕНОМЕН ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОРРЕКТНОСТИ В ОБЩЕСТВЕННОМ ДИСКУРСЕ ФРГ

В исследовании рассматриваются способы манифестации политической корректности в немецком языке в общественном дискурсе ФРГ, лингвистические средства реализации политической корректности не только как способа нивелировать высказывания, задевающие чувства определенных социальных групп, но и как средства манипуляции общественным сознанием.

Ключевые слова: политическая корректность, дискриминация, гендерно-нейтральный язык, эвфемизм, дисфемизм, метафора.

Исследование посвящено феномену политической корректности как практики употребления немецкого языка с точки зрения толерантности и языкового такта. Целью «корректного» употребления языка первоначально декларировался осознанный выбор формулировки по отношению к группе, подвергающейся языковой дискриминации [Derecka 2022: 76]. Речь идет о национальных, религиозных меньшинствах, людях нетрадиционной ориентации, инвалидах, пожилых гражданах и людях с низким социальным статусом, но также и о женщинах, чьи права, а соответственно, и языковая презентация становились предметом дискуссии в рамках разных наук, в том числе и лингвистики.

Для толерантного языкового поведения характерно использование средств непрямого номинации. Широко используется метафора, приобретающая характер устойчивого выражения, например, *Menschen mit der Migrationsgeschichte / mit dem Migrationshintergrund* (рус. букв. люди, имеющие миграционную историю), перифраз *Personen mit Psychiatrieerfahrung* (букв. лица, имеющие опыт психиатрического диагноза), который может служить моделью для аналогичных образований. Последний пример представляет интерес с точки зрения создания положительного имиджа объекта. Это происходит благодаря многозначности трактований сложного слова *Psychiatrieerfahrung*, где определяемое слово *-erfahrung* обладает значениями *знания, опыт, переживания* и наводит реципиента на мысль о том, что объект обладает знаниями, мудростью, так как денотативная сема («диагноз, заболевание») становится менее значимой. Также используется постоянно расширяющийся синонимический ряд с функцией эвфемизации, в том числе за счет заимствования (*der Facility-Manager*) [Баскова 2006: 17]. Важно, что иностранные слова или словосочетания для обозначения профессиональных функций часто имеют широкое толкование. Так, номинация *der Facility-Manager* подразумевает охрану, обслуживание клиентов и т.д.

Тенденция использования завуалированных выражений для создания условий бесконфликтного общения является устойчивой в развитии языка, подробно рассматривается исследователями политического и рекламного дискурса с 1970-х годов XX века, но в последние десятилетия в связи с усилившимся противопоставлением различных идентичностей в обществе она стала особенно заметна.

Говоря о политкорректности в общественном дискурсе и медиадискурсе, можно отметить положительные моменты, в частности, неприятие исторически нагруженных слов, связанных с дискурсом Третьего рейха, а также использование этнических номинаций, предложенных представителями самого национального меньшинства, например, *Inuit* вместо *Eskimo* или *Sinti und Roma* вместо *Zigeuner*, последний пример связан с трагическими историческими событиями XX века. В связи с этим стоит упомянуть и стремление вытеснить из обращения и заменить производные названия, в частности, из области кулинарии (например, *das Zigeunerschnitzel*, употребление номинации *der Schokokuss* вместо *Negerkuss* для кондитерского изделия). Интересно, что глаголы и фразеологизмы с компонентом национальной номинации подвергаются критическому переосмыслению [Piirainen 2018: 176], например, *türken* (нем. *подделывать, фальсифицировать*), или *einen Türken bauen* (рус. *вводить в заблуждение*) и снабжены в словаре Duden Universalwörterbuch пометой «устаревшее». Отказ от использования номинации *der Schwarze* (рус. *черный*) как неприемлемого эвфемизма для слова *Neger*, однако, не оправдывает требования некоторых ревнителей языка заменить и разговорные устойчивые выражения *schwarz fahren* (нем. *ехать без билета*), *schwarz arbeiten* (нем. *работать нелегально*).

Следует отметить другой положительный момент поиска новых номинаций: благодаря выбору другой лексической единицы происходит повышение престижа профессий, например, *Agrarier* вместо *Bauer* (рус. *крестьянин*), *Reinigungskraft* вместо *Putzfrau* (рус. *уборщица*).

Рассматривая другие случаи толерантного употребления языка по отношению к детям и подросткам в образовательном и общественном дискурсе, обратим внимание на замену выражений *schwer erziehbar* (рус. *трудновоспитуемый*) и *verhaltensauffällig* (нем. *с отклонениями в поведении*) на *verhaltensoriginell* (рус. *оригинального поведения*). Стремление к толерантности часто смещает акценты, заставляет видеть отрицательные моменты в положительном свете, что совершенно не способствует решению проблемы. Это вряд ли поддержит стремление участвующих в процессе обучения и воспитания сторон точнее определить и решить проблему, а лишь создает непонимание и вызывает недоумение. Также излишним представляется номинация людей с инвалидностью с помощью лексем *das besondere Kind* вместо *behindertes Kind*, *Menschen mit einer Herausforderung* (рус. *люди, столкнувшиеся с вызовом, препятствием*), хотя в немецком языке при этом широко используется то же самое выражение с англоамериканизмом *Menschen mit einem Handicap*. Также обозначение бедных слоев населения как *sozialschwache* (рус. досл. *социально-слабые, незащищенные*), *armutsgefährdete* (нем. досл. *которым угрожает бедность*) вместо *arme* (нем. *бедные*) не способствует привлечению внимания к проблеме и ее решению. Последний пример скорее демонстрирует, как возможности синонимии позволяют отвлекать от проблемы и смещать акценты. То же самое касается таких примеров синонимического ряда как *Vertriebene, Geflohene, Geflüchtete, Zwangsemigranten, Entheimatete*, которые борцы за толерантные языковые практики предлагают использовать вместо привычного слова *Flüchtlinge* (рус. *беженцы*). В приведенных синонимах слова «беженцы» акцентируется внешнее воздействие, заставляющее людей покидать родную страну, они изгнаны, лишены родины, они

вынужденные мигранты. В условиях политкорректности обращает на себя внимание возможность использовать эти субстантивированные причастия в условиях гендерно-нейтрального языка.

Следует отметить, что выбор «политкорректной» номинации часто ведет к неполному пониманию, недостаточному акцентированию важнейших признаков объекта или вовсе к искажению смысла, иногда и намеренного, что можно рассматривать как пример манипуляции. Общество немецкого языка (Gesellschaft für deutsche Sprache) [<https://gfds.de>] также ежегодно регистрирует частотность употребления так называемых анти-слов года (das Unwort des Jahres), среди которых встречаются случаи намеренного нарушения норм политической корректности, когда определенная группа людей подвергается намеренной дисфемизации через употребление неологизма, демонстрирующей циничное отношение к обществу, например, *der Sozialtourismus* (рус. социальный туризм, иммиграция граждан из бедных стран), *Döner-Morde* (рус. денер-убийства, убийства подпольной националистической группой граждан турецкого происхождения) [<https://www.duden.de/sprachwissen/sprachratgeber/Wort-und-Unwort-des-Jahres-Deutschland>]. Стремление назвать иначе явления из области военных действий как попытку манипуляции общественным сознанием можно проиллюстрировать и на примере формулировки *гуманитарная интервенция*, использованной некоторыми западными политиками в связи с дискурсом о войне в Югославии. Постепенно политическая корректность вышла за рамки толерантности и стала инструментом манипуляции.

Настоящий раскол в немецком обществе произошел в тот момент, когда все чаще стали появляться требования внести «коррективы» в детскую литературу. В частности, речь идет о популярной у нескольких поколений читателей книги А. Линдгрена «Пеппи Длинныйчулок», где слово *Negerkönig* (рус. негритянский король) было предложено заменить на *Südseekönig* (рус. король Океании). Еще одним камнем преткновения стали рекомендации использовать так называемый гендерно-справедливый (нейтральный) язык (нем. *die gendergerechte Sprache*). С правилами можно ознакомиться на страницах Общества немецкого языка [<https://gfds.de/schwerpunkt-gendering/>]. Так, предпочтительными являются следующие варианты: описание (*zu behandelnde Personen/Kranke* – те, кого лечат, больные) вместо прямого названия *Patienten*, нейтральные синонимы (*публика* вместо *зрители*), вместо номинации субъекта (*Teilnehmer* – участник) называть действие, которое он выполняет (*teilgenommen haben* – участвовали). Необходимо признать, что часть рекомендаций успешно используется и действительно способствует гендерному паритету в общественном дискурсе. Однако следует отметить и случаи усложнения языковых структур, причем не все из них имеют стилистически такую же широкую сферу употребления, как и слово, ими заменяемое.

В заключение отметим, что рассмотренная тенденция использования немецкого языка позволяет изучать его словообразовательные, лексико-стилистические возможности.

Литература

Баскова Ю.С. Эвфемизмы как средство манипулирования в языке СМИ (на материале русского и английского языка): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Краснодар, 2006.

Das Fremdwörterbuch Duden, Auflage 11. Mannheim, Zürich: Dudenverlag, 2015.

Das Sprachwissen Duden. URL: <https://www.duden.de/sprachwissen/sprachratgeber/Wort-und-Unwort-des-Jahres-Deutschland>

Derecka M. „Wo hat sich das Endwort versteckt? – Auf der Suche nach dem Unlösbaren in der deutschen Amtssprache“ // Linguistische Treffen in Wrocław. 21, 2022 (I): 75–87. DOI: <https://doi.org/10.23817/lingtreff.21-4>. (Дата обращения 10.04.2023).

Gesellschaft für deutsche Sprache. URL: <https://gfds.de>

Piirainen E. Phraseologie, politische Korrektheit und Sprachkritik. In L. Gautier, P.-Y. Modicom, & H. Vinckel-Roisin (Eds.), *Diskursive Verfestigungen: Schnittstellen zwischen Morphosyntax, Phraseologie und Pragmatik im Deutschen und im Sprachvergleich* (1st ed., 2018. pp. 173–186). De Gruyter. URL: <http://www.jstor.org/stable/j.ctvbj7k9m.14> (Дата обращения 12.03.2023).

V.V. Streltsova, A.A. Klinovskaya (Moscow, Russia)
Moscow State Linguistic University

POLITICAL CORRECTNESS IN PUBLIC DISCOURSE OF GERMANY

The study examines the manifestation of political correctness in the German public discourse. It considers linguistic means of political correctness as a way of neutralizing the statements hurting the feelings of certain social and ethnic groups and as a means of manipulating public consciousness.

Key words: political correctness, discrimination, gender-neutral language, euphemism, dysphemism, metaphor.

М.П. Таймур (Москва, Россия)

Московский государственный лингвистический университет

Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова

mariaataymour@gmail.com

МЕТАФОРИЧНОСТЬ ИСПАНСКИХ ПОЛИТИЧЕСКИХ КАРИКАТУР (НА МАТЕРИАЛЕ СТАТЕЙ ИСПАНОЯЗЫЧНОЙ ГАЗЕТЫ EL PAÍS)

В статье ставится задача проанализировать феномен мультимодальной метафоры в карикатурах, присутствующих в современном испаноязычном политическом дискурсе. В ходе исследования определяется, что метафора и метонимия нередко образуют концептуальные цепочки, где метонимия включается в метафору, либо метафора интегрируется в другую метафору. Выясняется, что именно интеграция изображения и текста позволяет реципиенту наиболее корректно интерпретировать значения метафор и метонимий, лежащих в основе испанских политических карикатур.

Ключевые слова: карикатура, метафора, метонимия, мультимодальная метафора, политический дискурс.

Развитие теории когнитивной метафоры повлияло на значительное увеличение количества исследований вербальных, визуальных и мультимодальных метафор. Также в последние 30 лет проводились многочисленные лингвистические исследования случаев взаимодействия метафоры и метонимии в самых различных типах дискурса. В настоящей статье мы исследуем мономодальные визуальные и мультимодальные вербально-визуальные метафоры, а также мульти-

модальные случаи взаимодействия метафоры и метонимии в испанских печатных политических карикатурах на материале статей популярной испаноязычной газеты *El País*.

Теория когнитивной метафоры, разработанная Дж. Лакоффом и другими учеными (Lakoff 1987, 2006; Lakoff & Turner 1989; Lakoff Johnson 1980; Gibbs 1994; Gibbs, Bogdanovich 1997; Kövecses 1990, 2000, 2002, 2005; Dirven Ruiz de Mendoza 2010; Ruiz de Mendoza Prez 2011 и др.) постулирует вездесущность метафоры как в повседневном, так и в специализированном языке и приводит доводы в пользу взгляда на метафору как на концептуальный, а не лингвистический прием. Как утверждает Р. Гиббс, метафора – это не просто декоративный аспект языка, а фундаментальная схема, с помощью которой люди концептуализируют мир и свои собственные действия [Gibbs 2008]. С точки зрения когнитивной лингвистики метафора и метонимия занимают центральное место в нашей концептуальной структуре. Это когнитивные механизмы, которые способствуют структурированию концептуальной системы индивида. Их можно определить как концептуальные сопоставления (conceptual mappings), которые различаются по характеру задействованных доменов: в метафоре присутствуют два домена (домен-источник и целевой домен), тогда как в метонимии существует концептуальное сопоставление «домен – субдомен» (domain-subdomain).

Ф. Руис де Мендоса и Дж. Отал предлагают выделять два типа метонимии [Ruiz de Mendosa, Otal 2002]:

а) метонимии «источник-в-цели» (source-in-target), в которых источник является целевым субдоменом, например *La flauta se siente enferma hoy* (Сегодня флейта чувствует себя неважно), где «флейта» – это субдомен для «музыканта, играющего на флейте». Этот вид метонимии предполагает расширение домена.

б) метонимии «цель-в-источнике» (target-in-source), в которых целью является субдомен источника, например, *El Velázquez está en la sala* (Веласкес находится в зале), где под «Веласкесом» мы подразумеваем «одну из его картин», которая является частью наших знаний об этом художнике. Метонимия «цель-в-источнике» включает сужение домена и последующее выделение его части.

Метафора и метонимия часто взаимодействуют, и их концептуальному взаимодействию было посвящено множество когнитивных исследований XXI века. Несмотря на то, что основная часть исследований до сих пор была сосредоточена на вербальной метафоре, все большее число недавних исследований было связано с другими типами метафор. Визуальная (или изобразительная) метафора и мультимодальная метафора являются наиболее изученными типами невербальной метафоры. Визуальные и мультимодальные метафоры имеют много общих черт с вербальными метафорами, однако существует ряд их ключевых различий [Forceville 2008]:

1. Они обладают высокой степенью специфичности, обусловленной их перцептивной непосредственностью.

2. Их легче распознать в разных языках и культурах, поскольку они не зависят от языковых кодов.

3. У них есть средне-детерминированные способы указать на сходство между целевым доменом и доменом-источником.

4. Они имеют более сильное эмоциональное воздействие.

Из всех типов мультимодальных метафор вербально-визуальные метафоры привлекают наибольшее внимание современных ученых [см. подробнее Таймур 2021, 2022]. В настоящей работе мы рассматриваем подобные метафоры в специфическом дискурсе карикатур испанской политической прессы. В ходе исследования определяющими чертами политических карикатур были выделены следующие: они имеют описательную функцию, поскольку характеризуются аллюзией на общественно-политическую ситуацию, событие или личность; поскольку они связаны с определенными политическими событиями, для их правильной интерпретации реципиенту необходимо иметь некоторый объем фоновых знаний; политические события сочетаются с воображаемым миром таким образом, что подобные карикатуры служат «мостом» между фактом и вымыслом, где метафорический процесс переноса смысла из воображаемого в реальный мир передается преимущественно в визуальном режиме; политические карикатуры имеют сатирический, пародирующий характер, иллюстрирующий критический взгляд автора на определенные политические события; карикатуры в испанском политическом дискурсе – это коммуникативная область, наполненная метафорами и метонимиями.

Для настоящего исследования методом сплошной выборки были отобраны 55 политических карикатур известных художников-карикатуристов, Эрлиха и Эль Рото, опубликованных за последние 15 лет в популярной испанской газете *El País*. Большинство метафор, присутствующих в карикатурах, основаны на метонимии, причем последняя, как правило, представлена иконическим элементом.

Во время исследования испанских карикатур решались следующие задачи: 1) описание изображения, показанного в карикатуре; 2) анализ метафор и метонимий с точки зрения целевого домена и домена-источника; а также их визуальное и / или вербальное представление; 3) характер взаимодействия между метафорой и метонимией. Проиллюстрируем полученные результаты на одной из типичных карикатур (рис. 1).

Рис. 1. Erlich (*El País*, 27.12.2011)

Карикатура на рисунке 1 описывает рецессию в Испании в 2012 году. Цель передается ссылкой на 2011 и 2012 годы на картинке, а также газетным заголовком, касающимся заявления, сделанного Министерством финансов Испании об экономике в начале 2012 года (Гиндос сообщает, что испанская экономика в 2012 году начнет рецессию). Ключевыми концептуальными визуальными метафорами являются ЭКОНОМИКА – ЭТО ЧЕЛОВЕК / РЕБЕНОК и ЭКОНОМИКА – ЭТО УХОДЯЩЕЕ ВРЕМЯ. Испанская экономика изображается в виде ребенка, тянущего своего отца за ремень (метонимия «ремень вместо отца») и умоляющий его не уходить: *No te vayas! ¡Quédate!* (Не уходи! Останься!). Также

можно выделить концептуальную метафору ПРОХОДЯЩЕЕ ВРЕМЯ – ЭТО ДВИЖЕНИЕ РЕМНЯ, которая является частью более широкой концептуальной метафоры ЭКОНОМИКА – ЭТО ПРОХОДЯЩЕЕ ВРЕМЯ, образуя концептуальную цепочку (conceptual chain).

В настоящей статье была предпринята попытка дальнейшего развития исследования визуальной мономодальной и вербально-визуальной полимодальной метафоры в жанре испанской политической карикатуры. Анализ корпуса выявил частое использование метафоры и метонимии в испанских печатных политических карикатурах и позволил прийти в следующем заключении:

1. метафора и метонимия – продуктивные стилистические приемы, используемые в испанском политическом мультимодальном дискурсе, и значительная часть метафор основана на метонимии;

2. метафора и метонимия часто образуют концептуальные цепочки, где метонимия включается в метафору или метафора интегрируется в другую метафору;

3. интеграция изображения и текста позволяет реципиенту наиболее корректно интерпретировать значения метафор и метонимий, лежащих в основе политических карикатур, поскольку домен-источник и целевой домен не всегда присутствуют как в письменном, так и в визуальном коде;

4. метафора часто имеет определенную коннотацию, выявляя негативное отношение карикатуриста к новостному событию, изображенному в карикатурной ленте.

Дальнейшие исследования, несомненно, требуют более систематического решения этой проблемы, для чего видится необходимым проведение более глубинного анализа мультимодальной метафоры в специализированных жанрах с использованием более крупных корпусов.

Литература

Таймур М.П. Смешанная метафора как лингвокогнитивный феномен (на материале английского языка): дис. ... канд. филол. наук. Москва, 2021.

Таймур М.П. Лингвокреативность в мультимодальном дискурсе (на материале английского языка): монография. Москва: РУСАЙНС, 2022.

Forceville Ch. Metaphors in pictures and multimodal representations // R. W. Jr. Gibbs (ed.), *The Cambridge Handbook of Metaphor and Thought*. Cambridge: Cambridge University Press, 2008. P. 462-482.

Negro Alousque I. Pictorial and verbo-pictorial metaphor in Spanish political cartooning // *Círculo de Lingüística Aplicada a la Comunicaci n*. 2014. № 57. P. 59-84.

Ruiz de Mendoza F.J., Ota J.L. Metonymy, Grammar and Communication. Granada: Comares, 2002.

M.P. Taymour (Moscow, Russia)
Moscow State Linguistic University
Plekhanov Russian University of Economics

METAPHORICITY OF SPANISH POLITICAL CARTOONING: ARTICLES FROM EL PAÍS

The article aims to analyze the phenomenon of multimodal metaphor in cartoons present in modern Spanish-language political discourse. We determined that metaphor and metonymy often form conceptual chains, wherein metonymy is included in a metaphor, or

one metaphor is integrated into another. Integration of image and text allows the recipient to most correctly interpret the meanings of metaphors and metonyms underlying Spanish political cartoons.

Key words: cartooning, metaphor, metonymy, multimodal metaphor, political discourse.

Н.А. Чес (Москва, Россия)

*Московский государственный институт международных
отношений (университет) МИД России
natches@yandex.ru*

КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ МЕТАФОРА КАК КОГНИТИВНЫЙ МЕХАНИЗМ ЛИНГВОКРЕАТИВНОСТИ В ПОЛИТИЧЕСКОМ МЕДИДИСКУРСЕ

В статье на материале англоязычного политического медиадискурса рассматривается специфика лингвокреативных процессов, основанных на метафорической концептуализации новых политически значимых реалий и их аспектов; проводится анализ прагматического потенциала неологических единиц.

Ключевые слова: политический медиадискурс, метафорический концепт, конвенциональный метафорический концепт, вторичная номинация, лингвокреативность.

Значимые изменения и инновации, происходящие в социальной, культурной, политической, научной и других сферах жизни любого общества, являются неизменным источником новых, расширяющих национальную концептуальную картину мира, элементов знания, которые означиваются в процессе номинации, находя отражение в лексико-семантической системе соответствующего языка.

«Экономичность языка, – пишет В.И. Заботкина, – являясь одним из существенных его свойств, вынуждает язык избегать количественного приращения единиц его плана выражения и обращает номинативную деятельность в русло вторичной номинации – ведет к переосмыслению уже имеющихся в языке номинативных средств» [Заботкина 2014: 148]. В современном политическом медиадискурсе семантическая деривация, заключающаяся согласно определению М.В. Никитина в «образовании производных значений от исходных без изменения формы знака», входит в число наиболее продуктивных способов развития словаря [Никитин 1996: 375]. Метафора, представляющая собой сложный многоуровневый лингвокогнитивный механизм создания (концептуализации) и репрезентации в языковой (и неязыковой) форме новых фрагментов знания о перцептивно недоступных сферах деятельности человека, играет исключительную роль в процессах вторичной номинации, реализуя в дискурсе свой значительный лингвокреативный потенциал.

Основу метафорической концептуализации новых политически значимых реалий и их аспектов составляют конвенциональные метафорические концепты, что обеспечивает легкость понимания переносных значений массовым реципиентом и высокую вероятность закрепления новообразованного смысла в качестве лексико-семантического варианта лексемы. Например, следующие семантические трансформации *roadmap* – *N obj1* – *a map used to find your way when driving from*

one place to another → **N obj2** – a plan for how to achieve something и **gridlock** – **N obj1** – a situation where roads in a town become so blocked by cars that it is impossible for any traffic to move → **N obj2** – a situation in which no progress can be made обусловлены наличием в англоязычной лингвокультуре базовой концептуально-метафорической модели ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ – ПУТЕШЕСТВИЕ / ПУТЬ К МЕСТУ НАЗНАЧЕНИЯ. В соответствии с данным конвенциональным метафорическим представлением в актуальной политической коммуникации комплексный план по достижению определенной цели или соглашение, включающее данный план, часто обозначают лексемой **roadmap** – букв. «карта автомобильных дорог или схема проезда» (*a roadmap for Afghanistan, a roadmap for rebuilding Iraq, a roadmap to peace in Syria*); для описания безвыходного положения используют лексему **gridlock** – букв. «дорожный затор, пробка на дороге» (*the Iran nuclear gridlock, the gridlock on Afghanistan's refugee crisis, the chronic Arab political gridlock, Iraq's diplomatic gridlock*). Традиционная для английской лингвокультуры метафорическая концептуализация компонентов политической сферы посредством обращения к таким областям-источникам, как СПОРТ, ВОЙНА, ТЕАТР, БРАК, ПУТЕШЕСТВИЕ обуславливает возможность успешного перехода новообразований в разряд конвенциональных лексических единиц, однако вместе с тем создает обширную базу для появления неологических окказионализмов.

Лингвокреативность конвенциональных метафорических концептов обусловлена наличием в их структуре потенциальных соответствий, которые могут быть актуализированы в определенных дискурсивных условиях с целью выполнения конкретного прагматического задания – трансляции оценочных смыслов или оказания манипулятивного воздействия на массового реципиента посредством построения объемных полимодальных образов.

Потребность лингвосообщества (его представителя или группы) в выражении положительного или отрицательного отношения к какому-либо политическому феномену стимулирует возникновение неологизмов с оценочным компонентом значения. При метафорической концептуализации выбор области-источника метафоризации задает вектор оценки области-цели. В частности, отрицательная аксиологическая направленность неологических словосочетаний *atmosphere cancer* и *pollution death* (функционирующих в современном англоязычном политическом медиадискурсе наряду с узуальными лексическими единицами *global warming* и *climate change*) предопределяется использованием в качестве сферы-источника метафорической экспансии концептов БОЛЕЗНЬ и СМЕРТЬ. Необходимо также указать на то, что оценочные смыслы, конструируемые в политическом медиадискурсе на базе метафорических концептов, нередко носят имплицитный характер, и для их понимания требуются активизация знаний об области-источнике метафорической проекции, применение схем логического вывода и общее представление об актуальном политическом контексте. В следующем фрагменте интервью кандидат в президенты США Дональд Трамп, отвечая на один из вопросов американской журналистки и телеведущей Мегин Келли (Megyn Kelly), называет себя **counterpuncher** («боксер атакующего плана»); *counterpuncher is a boxer who waits for an opponent to attack before punching*: “It happens, right? But you gotta get over it, fight back, do whatever you have to do,” Trump responded. “I’ve been saying during this whole campaign that I’m a

counter-puncher, you understand that. I'm responding." (USA Today, 16 May 2016). Узуальная для спортивного дискурса лексема **counterpuncher** в политическом медиадискурсе окказионально используется респондентом в переносном значении с целью положительной самопрезентации: Дональд Трамп стремится заручиться поддержкой избирателей, конструируя имидж политика, который не будет первым «нападать» на соперников, но не оставит без жесткого ответа выпады в свой адрес. Концептуальной основой, обусловившей появление неологического окказионализма **counterpuncher**, является актуализированное в конкретных дискурсивных условиях неконвенциональное (то есть потенциально возможное, но коммуникативно невостребованное) соответствие, заложенное в структуре конвенционального метафорического концепта ПОЛИТИКА – СПОРТ (БОКС). Положительная оценочная направленность данного информационного посыла выводится реципиентом на основании фреймовых знаний о стратегии и тактике боя, которой следуют боксеры контратакующего плана, о сложившемся в спортивной среде представлении о боксерах, строящих бой на контратаках, как о самых искусных и высокопрофессиональных, а также на основании стереотипных моделей социально приемлемого поведения, сложившихся в обыденном сознании представителей лингвокультуры (неприемлемо в агрессивной форме атаковать своих политических конкурентов, пытаясь нанести урон их репутации; вполне приемлемо и оправданно «отвечать ударом на удар», стремясь защитить свое доброе имя).

Заимствование политическим медиадискурсом лексических единиц, репрезентирующих концепты, посредством которых в концептуальной картине мира структурируются знания о других сферах деятельности, может носить единичный характер. Возникающие в подобных случаях неологические окказионализмы способствуют формированию ярких метафорических образов. Так, в следующем контексте для создания образного представления о Дональде Трампе как импульсивном, непредсказуемом, эксцентричном и поэтому представляющем серьезную угрозу кандидате в президенты США используется военный термин **a neutron bomb** (нейтронная бомба): *On Thursday, Donald Trump trotted up to Capitol Hill to meet with Speaker Paul Ryan and the GOP leadership to try and assure them that he is not an electoral neutron bomb* (The Daily Beast, 13 May 2016). Основанием для данной метафорической проекции служит знание того факта, что нейтронная бомба представляет собой разновидность ядерного оружия, главным поражающим фактором которого является поток нейтронного излучения, способного проникать через различные преграды, что делает данный вид оружия чрезвычайно опасным для биологических организмов.

Важно также отметить, что механизм метафорической концептуализации оказывается чрезвычайно востребованным при необходимости осмысления и языкового описания нестандартных политических ситуаций и их отдельных аспектов. Неологические единицы, обеспечивающие фокусировку на ситуативно значимых характеристиках того или иного политического феномена, появляются в результате выдвижения на первый план тех элементов метафорического концепта, которые ранее не актуализировались. Например, стремясь передать всю остроту конкурентной борьбы, развернувшейся в ходе праймериз Республиканской партии в 2016 году, и подчеркнуть огромный разрыв по количеству голосов делегатов, об-

разовавшийся между Тедом Крузом и его более успешным соперником Дональдом Трампом по итогам голосования в северо-восточных и среднеатлантических штатах, автор статьи *Six key moments of Ted Cruz's campaign* прибегает к неологическому окказионализму **a shutout**, актуализируя неконвенциональный элемент (a shutout – игра «всухую») конвенционального метафорического концепта СОПЕРНИЧЕСТВО НА ВЫБОРАХ – ИГРОВОЙ СПОРТ (бейсбол, футбол): *The momentum of Wisconsin, however, soon gave way to a landslide loss in New York and a shutout in the mid-Atlantic and Northeast (USA Today, 3 May 2016).*

Комплексный когнитивно-дискурсивный анализ языкового материала свидетельствует о том, что метафорические концепты продуцируют в политическом медиадискурсе как окказиональные неологизмы, так и новации, которые быстро входят в узус благодаря активному тиражированию в средствах массовой коммуникации. Как пишет Е.С. Кубрякова, тот факт, что языковая картина мира «в какой-то мере, несомненно, фиксирует возможные ракурсы рассмотрения тех или иных сущностей и определенный взгляд на вещи <...>, не дает оснований полагать, что языковая картина мира жестко «навязывает» подобные точки зрения или же «диктует» особое восприятие мира и особое, раз и навсегда заданное, его осмысление» [Кубрякова, 2003, с. 33]. Концептуальная метафора функционирует в качестве одного из инструментов лингвокреативности, обеспечивающего возможность нового восприятия и осмысления мира и фиксации результатов этих процессов в языковой форме.

Литература

- Заботкина В.И. Слово и смысл. 2-е изд., испр. и доп. М.: РГГУ, 2014.
Кубрякова Е.С. Сознание человека и его связь с языком и языковой картиной мира // Филология и культура. Тамбов: ТГУ, 2003. С. 32-34.
Никитин М.В. Курс лингвистической семантики: уч. пособие для студентов, аспирантов и преподавателей лингвистических дисциплин в школах, лицеях, колледжах и вузах. СПб.: Научный центр проблем диалога, 1996.

*N.A. Ches (Moscow, Russia)
Moscow State Institute of International Relations (University)*

METAPHORICAL CONCEPTS AS A COGNITIVE BASIS FOR LINGUISTIC CREATIVITY IN MEDIATIZED POLITICAL DISCOURSE

The aim of this research is to explore the potential of conventional metaphorical concepts as a cognitive basis for innovative and creative ways of expressing meaning and as cognitive tools to change people's hearts and minds by promoting a particular interpretation and evaluation of events and issues.

Key words: mediatized political discourse, conceptual metaphor, conventional metaphor, metaphorical nomination, language creativity.

III.2 Когнитивная лингвистика и лингвистическая дискурсология

*Н.Р. Абиева (Москва, Россия)
Московский Государственный Институт
Международных Отношений (Университет) МИД России
ragim666@yandex.ru*

ЛИНГВО-ПРАГМАТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ОНЛАЙН- ДИСКУРСА ПРЕПОДАВАТЕЛЯ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА: ЭТАП ОТКРЫТИЯ НОВЫХ ЗНАНИЙ

Данная статья посвящена изучению изменений в дискурсивной практике преподавателей английского языка как иностранного, работающих в онлайн-режиме, в частности на каналах YouTube. В данном исследовании затрагиваются примеры речевого поведения преподавателя в рамках этапа объяснения (открытия новых знаний) онлайн-занятия. Чётко прослеживается сдвиг в сторону менее формального стиля общения со студентами.

Ключевые слова: онлайн-занятие, английский язык, социальные сети, профессиональный дискурс преподавателя, YouTube.

В современном мире различные онлайн платформы и социальные сети предоставили своим пользователям возможность проводить и посещать занятия по иностранным языкам в режиме онлайн. Появление интернета значительно повлияло на состав и функционал учебно-педагогического дискурса (далее УПД) в сфере преподавания английского языка.

Целью настоящего исследования выступает выявление и описание основных особенностей, присущих дискурсу педагогов, ведущих свою деятельность в сети Интернет.

Актуальность данного исследования обусловлена все более частым переходом учебных курсов, в том числе читаемых лекторами крупных мировых университетов, в режим онлайн в результате технического развития и с целью сдвига академических границ и расширения научных связей в мире. В своей работе В.И. Заботкина говорит о новой модели порождения и трансфера знания, которая в отличие от прежней гомогенной, узкоспециальной и иерархической, является междисциплинарной и возникает в прикладном контексте. Такая модель не подчиняется конвенциональным дисциплинарным схемам и требует применения широкого спектра навыков и умений, вовлекая различные формы передачи знаний [Заботкина 2015: 24-31]. Н.С. Бажалкина в статье «Жанровые особенности интернет-блога в педагогическом дискурсе» указывает на особенность интернет-коммуникации в рамках педагогического дискурса совмещать различные виды дискурса: виртуального (включая сетевой и электронный), масс-медиаальный и педагогический [Бажалкина 2016].

В сплошную выборку настоящего исследования вошли видеоматериалы и транскрибированные версии 43 уроков английского языка, проведённых преподавателями ресурса Smrt English и опубликованных на соответствующем

YouTube-канале в период с 2013 по 2021 год. Продолжительность каждого из уроков составила от 60 до 94 минут.

Выбор материала уроков английского языка, опубликованных Smrt English, для настоящего исследования обусловлен современным подходом, профессиональным использованием технических ресурсов преподавателями и прозрачностью осуществления педагогической деятельности.

При анализе онлайн-занятий мы обратились к транскрибированным примерам речевого поведения преподавателей в рамках этапа открытия новых знаний и закрепления полученных знаний (коротко: этапа объяснения). Следует отметить, в ходе онлайн-уроков английского, входящих в нашу выборку, организационный этап сразу сменяется этапом открытия новых знаний. Это обусловлено спецификой занятий ресурса Smrt English, где слушатели могут меняться, а постоянные слушатели – заниматься в собственном темпе, что исключает целесообразность проверки знаний, усвоенных в ходе предыдущих занятий. Третьим и заключительным этапом онлайн-занятия на платформе Smrt English является этап, именуемый «Обратная связь, завершение урока». Таким образом, уроки английского языка нашей выборки состоят из трех частей, гибких и различных по продолжительности. В данной статье мы обращаемся ко второму и главному (в силу потенциала влияния на когнитивные механизмы обучающихся) из этапов – этапу объяснения.

Этап объяснения в ходе онлайн-урока нередко сопровождается личными комментариями преподавателя относительно общего культурного фона группы, а также замечаниями, связанными с географией участников. Такая характеристика значительно сближает этап открытия новых знаний в рамках онлайн-урока английского языка с его организационным этапом. Представить такой акцент на культурно-географической составляющей в ходе традиционного занятия представляется практически невозможным.

Переходя к объяснению нового материала после завершения организационного этапа занятия, в следующем отрезке онлайн-занятия преподаватель вводит тему медицины и здравоохранения: «... so I'm gonna open Unit 2 from our English for academic purposes class, health and medicine is our subject for many units and we're gonna talk about similar topics like Chinese versus Western medicine», – обозначив сужение тематики до западной и китайской медицинских традиций, он вновь обращается к участникам, приветствуя только что подключившихся к стриму и подчеркивая их различное местоположение: «Good morning, all right Neela for a good morning from Melbourne that's awesome, let's see Rosa all right, for some people it's morning, for some students I think it's night». Лектор выражает радость, вызванную возможностью обучать такое количество участников со всего мира, подчеркивая разницу во времени, в которое участникам приходится подключаться к занятию.

Преподаватели, работающие со своей аудиторией в режиме онлайн, уделяют большое внимание участникам, присоединяющимся к занятию, выделяя практически каждого, что свидетельствует о повышенном внимании преподавателя к своим слушателям, проявляемом даже в ходе объяснения нового материала. Нередко, переходя к изложению основного материала урока, преподаватели, ведущие занятие онлайн, предваряют своё объяснение вопросом к аудитории,

посвящённому соответствующей тематике: «So this is note-taking, so what are some strategies you guys use for taking notes? What are some strategies? Let's just chat about that for a minute before we get started on the lesson». Предлагая слушателям ответить на вопрос, что же такое конспектирование и какие стратегии последние используют для записи информационных блоков, лектор приглашает всех присоединиться к недолгому обсуждению в чате, после чего он даже предлагает несколько собственных идей, которые студенты могут развить при желании. В процессе такого внедрения материала преподаватель участвует в обсуждении темы конспектирования, комментируя опосредованные компьютерным чатом ответы некоторых студентов и сообщая схожую информацию о себе: «I do too, I always have a note in my pocket. What other strategies do you use?» – для того, чтобы получить от слушателей наиболее подробные ответы, преподаватель сужает вопросы до детальных: почему вы делаете заметки, делаете ли вы заметки по учёбе, записываете ли вы что-то на работе и т.д. Такое подробное обсуждение их личных предпочтений, а также стратегий и тактик, которые они используют, в совокупности с дополнениями преподавателя о его собственных привычках призвано стимулировать более пристальное внимание студентов в ходе основного объяснения материала преподавателем. Подробные вопросы педагога и детальные ответы студентов в общем чате, которые предваряют подачу материала педагогом, также служат своеобразными пунктами опоры или сигналами, способствующими более успешной навигации студента в информации, которую он будет получать от преподавателя в ходе оставшейся части онлайн-урока.

Если в рамках традиционного офлайн-занятия преподаватель нередко старается дистанцироваться от своих слушателей, ставя последних в условия соблюдения субординации, преподаватель, работающий в онлайн-режиме, все чаще подчеркивает сходство со студентами, становясь словно одним из них: «Okay, Rosa you'd like to write on paper, I do too, I always have a note in my pocket».

Ещё один метод, который, на наш взгляд, педагог использует для сближения с аудиторией, имеет грамматическую природу: «Again we're changing the pronoun and we are putting it before the verb: what time will class start tomorrow, okay», – в данной отрезке речи преподавателя, посвящённой объяснению нового материала, мы наблюдаем использования временной формы Present Continuous при объяснении стандартного правила перевода прямой речи в косвенную. Грамматика современного английского языка диктует употребление формы Present Simple в предложениях такого рода (инструкции). Такой грамматический выбор со стороны преподавателя может быть обусловлен стремлением педагога к сближению со своими слушателями: описывая типичные грамматические манипуляции при помощи настоящего продолженного времени, преподаватель подчеркивает тот факт, что он делает это вместе со своими слушателями в режиме реального времени, таким образом сближаясь с ними и опекая их на пути к новым грамматическим открытиям.

Ещё одним способом формирования и укрепления связи преподаватель-ученик в рамках онлайн-занятия выступает подчеркивание преподавателем «естественного» характера ошибок со стороны студентов в ходе обучения: «Don't be sorry, that's okay, it's totally fine, it's good to make mistakes and you learn all

right», – после ошибки студента при ответе на вопрос преподавателя в чате, лектор обращает своё внимание на извинение студента, объясняя участникам аудитории, что в ошибках нет ничего плохого и что последние лишь стимулируют процесс обучения.

Таким образом, повышенное внимание к личностям как преподавателя, так и слушателей, проявляемое в обращении к культурным и географическим особенностям участников дискурса, грамматические трансформации, служащие сближению лектора и слушателей (замена Present Simple на Present Continuous), а также подчеркнутая «нормализация» ошибок преподавателем выступают в роли положительных отличительных характеристик занятия в режиме онлайн. Из всего перечисленного следует, что УПД в сфере преподавания английского языка однозначно меняется с формального на менее формальный при переходе аудиторного занятия в онлайн-формат, что является неизбежным последствием данной трансформации.

Литература

Заботкина В.И. Междисциплинарный дискурс и знание. Материалы XII международной конференции Лингвистической ассоциации преподавателей английского языка МГУ им. М.В.Ломоносова. М.: Университетская книга, 2015.

Бажалкина Н.С. Жанровые особенности интернет-блога в педагогическом дискурсе // Вестник СПбГУ. Сер. 9 Филология. Востоковедение. Журналистика. 2016. Вып. 1. С.131-141.

N.R. Abieva (Moscow, Russia)

Moscow State University of International Relations (MGIMO University)

LINGO-PRAGMATIC FEATURES OF EFL TEACHERS' ONLINE DISCOURSE: THE STAGE OF DISCOVERING NEW KNOWLEDGE

The article focuses on EFL teachers' communicational techniques and language patterns, primarily on YouTube channels. The scope of the current article includes the lesson phase of discovering new knowledge and its visible shift towards the use of a more informal language as well as certain modifications of the communication style of EFL lecturers.

Key words: online teaching, EFL teaching, new social media, teachers' professional discourse, YouTube.

Е.С. Баландина (Челябинск, Россия)

*Южно-Уральский государственный университет
balandinaes@susu.ru*

ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ ОЧЕРК КАК ОСОБЫЙ ВИД ДИСКУРСА

В статье представлен анализ жанровых особенностей географических очерков XIX века. Автором были выделены композиционные особенности данного типа дискурса, а также исследованы значимые аспекты репрезентации географического пространства.

Ключевые слова: географический очерк, дискурс, географическое пространство, лингвистическая репрезентация.

Географическое пространство является неотъемлемым объектом изучения, поскольку оно, находясь в постоянной динамике, регулярно множится и обрывает различными образами, которые в каждый определенный момент времени максимально удовлетворяют потребностям научного мира и всего общества в целом [Замятин 2001]. Описание географического пространства можно встретить в разнообразной литературе, однако в данной статье мы решили обратиться к изучению особенностей его репрезентации в географических очерках, основная задача которых и заключается в представлении полной картины той или иной местности, ее территориальных, климатических, природных и других особенностей.

Географический очерк является сложным по форме жанром, в котором сочетается точное и детальное описание территории с художественным моделированием ее пространственного образа. Подобная синкретичность фактического материала, подтвержденного документальными и научными данными, с эмоционально-оценочными свидетельствами, мифами и легендами позволяет автору создавать глубокое и целостное представление о географических особенностях той или иной местности [Бабенко 2018].

В то же время географический очерк, как и любой другой жанр, непрерывно развивается и изменяется. В нашем исследовании мы хотим выделить ключевые особенности географических очерков XIX века. Данная точка отсчета для исследования была выбрана не случайно, поскольку именно в это время происходит актуализация очерковых жанров, обусловленная стремлением литературы к объективности, а также желанием совместить научные факты со сферой искусства и литературы [Подлевских 2009].

Становление географического очерка как особого вида дискурса можно объяснить влиянием не только перечисленных выше внутренних факторов развития литературы и ее тенденций к достоверной репрезентации пространства, но и внешними изменениями в самом обществе, требовавшими глубокого осмысления территориальной целостности страны и понимания специфики ее географических особенностей с научной точки зрения.

Одним из основных признаков географических очерков является документальность, которая становится своеобразным знаком достоверности представляемого материала. Выражение достоверности происходит через:

1. Упоминание различных актов, указов, приказов, включенных в текст, что подчёркивало значимую роль императорского двора в развитии и изучении географического пространства России.

- *...указ был утверждён императоромъ Павлом I въ 1799 году...*
- *...согласно указу императора от 1807 года ...*
- *Екатерина II своим указом отправила...*
- *Охотиться за зубрами запрещено Высочайшимъ Указомъ...*

2. Включения точных данных относительно географических особенностей территории, без упоминания четкого источника информации получения сведений.

• *Величина Сибири полагается въ 290,735 кв. миль; следовательно эта страна почти въ полтора раза больше европейскаго материка ...*

• Но въ долину этой рѣки «чувствуется лишь послѣднее дыханіе западно-европейского вѣтра»; однако-жъ въ Красноярскъ (подъ 56 с.ш.), какъ показали 10-лѣтнія наблюденія, случилось только два раза замерзаніе ртути.

3. Использование топонимических рядов, позволяющих читателю произвести ментальное картографирование описываемой местности и выстроить четкое представление о территориальных особенностях ландшафта. При этом реальные картографические изображения в очерках XIX века оставались относительно редкой формой репрезентации местности.

• Въ Волгу изъ Заволжья течетъ очень немного рѣк, и то только между Самарою и Камышинымъ; отъ Камышина же до Касиія Волга течетъ одиноко, не принимая въ себя слева ни одной рѣки ... Между тѣмъ отрасль Уральскаго хребта, идущая къ Волгѣ, даетъ питаніе несколькимъ рѣкамъ, льющимъ слѣва въ Волгу. Изъ числа этихъ рѣкъ замечательны: Самара, Моча.

Следовательно, описание фактической информации, позволяло в полной мере сформировать у читателя устойчивый образ пространства, подкрепленный отсылками к различным документам, предоставлением ключевых метаданных и описанием реальных географических объектов.

• По документам на о. Ситхъ, близъ американскаго материка, лежит Ново-Архангельскъ, главный город колоніи, мѣстопробываніе губернатора. Это отдаленнѣйшее мѣсто русскихъ владеній имѣетъ 993 чел. жителей, монастырь, семинарію, школы, двѣ больницы, библіотеку и обсерваторію.

В тоже время поскольку общие тенденции рассматриваемого жанра в литературе напрямую влияли на моделирование текстов географических очерков, в них также выделяются такие черты как: присутствие авторского «я» и эмоционально-оценочная подача информации.

Авторское «я» чаще всего прослеживается или через повествование от первого лица, или через прямые обращения к читателю, в которых автор очерка за счет лексико-семантических рядов с ярко выраженной коннотацией дает свою оценку географии описываемого региона или места.

• Выражение негативного, субъективного мнения автора при описании местного населения: Колюжи, получившіе это имя отъ русскихъ ... отличаются звѣрскими обычаями и мстительностію. ...Если вы увидите въ первый разъ колюжа, то постаронитесь отъ ужаса.

Оценка авторского восприятия пространства видна и через включение в текст различных цитат без указания четкого источника информации. Подобная свобода выбора материала как раз и позволяет создавать в сознании тот географический образ, который замыслил автор очерка, поскольку в таком случае документальность и достоверность уходят на второй план, уступая место художественности.

• Моделирование положительного образа местности через цитату неизвестного путешественника, связанную с красотой природы: Насъ окружали великолѣпныя, около которыхъ стояли хижины, почернѣвшія отъ дыма, и деревянные шалаши индійцевъ. Повсюду красовалась зелень со свѣжестью и прелестью, какихъ мы до сихъ поръ не видѣли. Здѣсь растительность никогда не страдаетъ отъ пыли... Изъ лѣса раздавались пріятныя, но нѣсколько меланхолическіе звуки пѣнія птицъ.

Смешение документальности и художественности достигается и за счет включения в текст различных путевых заметок известных исследователей, а также преданий и мифов, которые авторы географических очерков часто использовали с целью привлечения внимания читателя и поддержания его интереса, поскольку содержащаяся в них информация чаще всего повествовала о каком-либо опасном событии, приключении или интересном историческом факте.

•Пример путевых заметок (описание гор и пещер Палестины): *Вотъ какъ разсказываетъ объ одномъ изъ своихъ посещеній извѣстный русскій путешественникъ докторъ Елисъевъ: «Сѣчи наши догорали, в запасъ осталась всего одна ... проводникъ съ ужасомъ объявилъ намъ о томъ, что мы заблудились. ... Наступила минута такого ужаса, о которомъ даже теперь, черезъ 10 лѣтъ, нельзя вспоминать. ... Вдругъ по неосторожности проводника потухли всѣ наши сѣчи и мы очутились въ беспростытной, настоящей, кромѣшной тьмѣ. ... Къ счастью одинъ изъ насъ успѣлъ зажечь наплывшую сѣчу».*

•Пример предания: *Основаніе Бреста относится къ глубокой древности. Преданіе говоритъ, что какой-то богатый купецъ, не могши съ своимъ товаромъ пробраться чрезъ топкія болота, срубилъ плотину изъ березовыхъ деревьевъ ... Здѣсь построилъ онъ капище 'поганскому' богу Велесу, назвавъ все это мѣсто 'Берестьемъ'.*

Еще одной особенностью географических очерков является их мозаичная композиция, представляющая поэтапное описание отдельных фрагментов, связанных с географическим образом: описание территории, природных богатств и ресурсов, населения, хозяйственности, промышленности и так далее. Подобная композиция позволяет постепенно раскрывать ключевые компоненты образа, четко выделяя положительные, нейтральные и негативные аспекты его восприятия.

Таким образом, мы можем сделать вывод, что географические очерки XIX века были выстроены по форме мозаичной композиции, описание самих территорий сопровождалось четким изложением фактических данных, которые в той или иной степени проходили через авторское мировоззрение и восприятие, поскольку информация относительно художественного моделирования пространства отбиралась таким образом, чтоб сформировать определенное мнение о конкретном месте. При этом достоверность источника не всегда указывалась. Именно в этом, возможно, и заключалась основная сложность объективного описания пространства, поскольку в таком случае субъективное восприятие, создаваемое через художественные вставки, напрямую влияло на формирование целостного реального географического образа в сознании читателя.

Литература

Бабенко В.А. Эволюция жанра путевой очерк в документальной телепублицистике // Международный научно-исследовательский журнал. 2018. № 1(67). С. 94-98.

Замятин Д.Н. Феноменология географических образов // Социологические исследования. 2001. № 8. С. 20-25.

Подлевских Т.Н. Становление жанровых и функциональных особенностей русского очерка 40-х годов XIX века // Вестник Вятского государственного университета. 2009. С. 135-139.

E.S. Balandina (Chelyabinsk, Russia)
South Ural State University (National Research University)

GEOGRAPHICAL ESSAY AS A SPECIAL TYPE OF DISCOURSE

The article presents an analysis of the genre features of geographical essays of the 19th century. We determined the compositional peculiarities of this type of discourse and studied the significant aspects of geographical space representation.

Key words: geographical essay, discourse, geographical space, linguistic representation.

О.С. Бернат, М.В. Раевская, М.А. Чернышева (Челябинск, Россия)
Южно-Уральский государственный университет
bernatos@susu.ru, raevskaiamv@susu.ru, chernyshevama@susu.ru

СИМВОЛИЗМ ПОЭТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА (НА МАТЕРИАЛЕ СТИХОТВОРЕНИЯ ШАРЛЯ БОДЛЕРА «АЛЬБАТРОС»)

В статье говорится об особенностях французского поэтического дискурса и дискурсивного пространства поэтического текста. В работе уточняется понятие «семантическое пространство поэтического дискурса», рассматривается функционирование особых текстовых знаков-символов в поэтических произведениях, приводится анализ стихотворения Ш. Бодлера «Альбатрос».

Ключевые слова: поэтический дискурс, поэтический текст, лингвистический символизм, символизация, слово-символ.

Вопросы французского поэтического дискурса, символизма языка поэзии рассматривали Д.Д. Обломиевский (1973), К. Абастадо (1979), А.Ф. Лосев (1982), Ц. Тодоров (1998), М.М. Бахтин (1993), Ж-М. Випре (2012), А. Рей (2013), Н.А. Фатеева (2017) и др.

Как справедливо отмечает в своей монографии «Мысли и слова» Ален Рей, в отличие от лингвистики с ее строгими требованиями, филологический подход видит в дискурсе след человека, а в знаке – единственную ценность означаемого [Rey, 2013].

Семантическое пространство поэтического дискурса – особая системно-структурная организация, которая создается художником посредством совокупности замыслов, эксплицитно и имплицитно выраженных.

Многие исследователи (Д.С. Мережковский, Д.Д. Обломиевский, Ц. Тодоров), рассуждая о функциональной нагрузке лексических единиц в текстах поэтов-символистов, обращают внимание на особую роль знаков, которые одновременно функционируют не только в качестве образных субъектов, носителей некоей информации о мире, но и в качестве образных объектов, то есть некоей формы для передачи информации [Мережковский, 1982; Обломиевский, 1973].

Творческую задачу символисты видели в возможности максимального использования семантического потенциала: в учете всех предельных знаков содержательного плана, ассоциативных возможностей слова. Воздействуя на разум и чувства, подключая к восприятию мотивы и образы разных эпох и культур, используя явные и скрытые цитаты, «различного рода эпитеты», расширяя художественное впечатление, «уклонившись от ясности», проводя аналогии, схематично называя какие-либо явления, художники усиливали «ответную» реакцию на произведение искусства, открывая «новые грани прекрасного» [Hansen-Löve, 1998].

Не случайно, одной из самых значимых единиц в поэтических символистских произведениях становится словесный символ – своеобразный центр текстового пространства. Именно в нем (слове-символе) «в концентрированном» виде находит отражение художественный замысел. Такими символическими знаками творец пользуется для того, чтобы «заставить читателя сосредоточиться в одном пункте, забыть себя ради известного предмета, увидеть мир» [Потебня, 1999] в сформированной условной реальности.

Поэтическое произведение Шарля Бодлера «Альбатрос» входит в сборник «Цветы зла», посвященный Теофилю Готье, литературному приверженцу концепции «Искусство ради искусства» (фр. *l'art pour l'art*), которая подчеркивает автономную ценность искусства.

Произведение сфокусировано на страданиях альбатроса, который символизирует двойное напряжение, создаваемое сплинном (унынием, т.е. глубокой душевной болью поэта) и идеалом (стремлением к высшему миру, недоступному в этой жизни). Поэту суждено оставаться непонятым и изгнанным, страдать от невежества и жестокости «среди шиканья глупцов» (*au milieu des huées, среди свиста и брани*).

Художественная ценность разбираемого поэтического произведения – наличие в нем многообразия лексико-грамматических средств выразительности: метафор (*паришь под грозой, в урагане*), эпитетов (*горькая пучина, гигантские крылья, gouffres amers, grandes ailes blanches*), сравнений (*как весла, comme des avirons, подобен принцу облаков, semblable au prince des nuées*), перифраз (*король лазури, rois de l'azur, indolents compagnons de voyage, крылатый путник, voyageur ailé*), риторических восклицаний (*Этот крылатый путник, как он неуклюж и слаб (безволен)!; Ce voyageur ailé, comme il est gauche et veule!*) и т.п. Подобного рода структурно-семантическая организация дает возможность художнику провозгласить идею: существование поэта возможно лишь в процессе «духовного посредничества» между двумя мирами: небесным (созидающим) и земным (разрушительным).

Символы

1. Альбатрос – символ поэта

В разных лингвокультурах (например, немецкой, французской, русской) «птица» – «крылатое существо» – символизирует поэта (его поэтическое наследие), с одной стороны, внутренне свободного, способного противостоять стихиям, с другой – скованного «земными цепями», непонятого и отверженного.

В поэтическом тексте Ш. Бодлера антитеза «красота и величие – уродливость и слабость», усиленная репризой образа, позволяет автору продемон-

стрировать дихотомию условного пространства: творческого, бескрайнего и земного, ограниченного. Именно в таком пространстве творец постигает глубину экзистенции.

*Que ces rois de l'azur, maladroits et honteux,
Опозоренный царь высоты голубой*

и

*Ce voyageur ailé, comme il est gauche et veule !
Быстрейший из гонцов, как грузно он ступает!*

Авторская антиномия [лазурь, облака как стихия поэта – земля – место, где существуют те (*толпа*), кто не принимает и не понимает творца] демонстрирует неразрешимый конфликт поэта с миром, в котором «король лазури», «король облаков» становится «неуклюжим», «слабым» и «пристыженным».

Включение в систему поэтического произведения синекдохи – перехода от множественного числа (*des albatros, альбатросы*) к единственному (*ce voyageur ailé, быстрейший из гонцов, взвивавшийся к тучам*), птице и поэту (*Le Poète, Поэт*) – прагматически обусловлено, поскольку позволяет поэту выразить свое отношение к проблеме места поэта в мире.

Третья строфа, посвященная птице, является зеркальным отражением четвертой, обращенной к поэту.

Три восклицания в третьей строфе усиливают ощущение страдания альбатроса, ставшего посмешищем в людских руках:

*Ce voyageur ailé, comme il est gauche et veule !
Lui, naguère si beau, qu'il est comique et laid !
L'un agace son bec avec un brûle-gueule,
L'autre mime, en boitant, l'infirme qui volait !*

2. Величие и страдание

Альбатрос называется в оригинальном тексте «королем лазури» (*roi de l'azur*; рус. *царь лазури, царь высоты голубой*). Он величественный и сильный. Его белые крылья символизируют королевскую мантию, которая, по одной из существующих версий, напоминает сложенные ангельские крылья, превращающие его одновременно и в смелого и непокорного, и в кроткого и смиренного.

Не случайно, на наш взгляд, введение в текст лексемы «палуба» (фр. *les planches* 'доски'), являющейся символом городской площади, грубой и шумной, места публичного наказания, казни, поскольку данная единица, во-первых, увеличивает напряженность всего произведения, во-вторых, семантически дополняет центральный знак (символ поэта).

Душевные страдания поэта-альбатроса на земле символизирует лексема «*exilé*» (изгнанный) в тексте оригинала, которую автор употребляет в последнем четверостишии, чтобы еще раз показать бесконечное «земное» одиночество поэта: он создает бессмертные творения для людей, но, к сожалению, люди, по мнению Ш. Бодлера, не могут, не хотят и не способны принимать «такие дары».

Таким образом, в лексическое наполнение слова-символа «альбатрос» входят следующие семы: «поэт», «поэтическое творчество», «сила поэтического слова», «сила», «непокорность», «непонятость», «кротость», «смирение», «одиночество».

Литература

- Анненский И.Ф.* Бальмонт – лирик // Книги отражений. М., 1994. С. 150-159.
Критика русского символизма // Библиотека русской критики. М.: АСТ: Олимп, 2002. С. 250-280.
Лосев А.Ф. Знак. Символ. Миф. М.: Изд-во МГУ, 1982.
Мережковский Д.С. О причинах упадка и о новых течениях современной русской литературы. Санкт-Петербург: типо-лит. Б.М. Вольфа, 1893.
Макарова Л.С. Поэтический дискурс и перевод // Филологические науки. 2005. С. 116-118.
Бахтин М.М. Поэтический язык как предмет поэтики // Формальный метод в литературоведении. М.: Лабиринт, 1993. С. 84-116.
Фатеева Н.А. Поэзия как филологический дискурс. М.: Изд. дом ЯСК, 2017.
Обломиевский Д.Д. Французский символизм. М.: Наука, 1973.
Потебня А.А. Полное собрание трудов: Мысль и язык. М.: Лабиринт, 1999.
Тодоров Ц. Теория символа. М.: Дом интеллектуальной книги: Русское феноменологическое общество, 1998.
Abastado C. Doctrine symboliste du langage poétique // Romantisme. Conscience de la langue. 1979. № 25-26. P. 75-106.
Hansen-Löve A.A. Der russische symbolismus. Wien: Verlag der Österreichischen Akademie der wissenschaften, 1998. P. 27-37.
Viprey J.-M. Le Discours poétique et son vocabulaire // Semen [En ligne], 33 | 2012. URL: <http://journals.openedition.org/semen/9508>; DOI : <https://doi.org/10.4000/semen.9508>
Rey A. Des pensées et des mots. Ed. Hermann, 2013. P. 145-158.

O.S. Bernat, M.V. Raevskaya, M.A. Chernysheva (Chelyabinsk, Russia)
South Ural State University

SYMBOLISM OF POETIC DISCOURSE IN “THE ALBATROSS” BY CHARLES BAUDELAIRE

This article discusses the characteristics of French poetic discourse and the discursive space of poetic text. The concept of semantic space of poetic discourse is clarified, and the function of special textual signs-symbols in poetic works is examined. An analysis of Charles Baudelaire's “The Albatross” is presented.

Key words: poetic discourse, poetic text, linguistic symbolism, symbolization, word-symbol.

С.Ю. Бондаренко (Челябинск, Россия)
Южно-Уральский государственный
гуманитарно-педагогический университет
su_bondarenko@mail.ru

ДИСКУРСИВНО-ЯЗЫКОВЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ТЕКСТОВ АСТРОПРОГНОЗА КАК ЭЛЕМЕНТА ПОПУЛЯРНОЙ ЖЕНСКОЙ ПРЕССЫ (НА МАТЕРИАЛЕ ФРАНЦУЗСКИХ ЖЕНСКИХ ИЗДАНИЙ)

Статья посвящена изучению текстов астропрогноза как одного из элементов женской прессы. В статье описываются регулярные дискурсивные и языковые характери-

стики текстов астропрогноза, позволяющие отнести их к особому жанру женской прессы, удовлетворяющему задачам этого вида СМИ.

Ключевые слова: социальная коммуникация, дискурс, текст, жанр, манипулятивное воздействие.

Средства массовой информации представляют собой сложный культурный, когнитивный и социальный феномен, поскольку призваны оперативно распространять разнообразную по содержанию информацию с учетом разнообразия читательских интересов и социального расслоения общества. В современном информационном пространстве, характеризующемся тенденцией к демократизации, женская популярная пресса сохраняет свой облик, создавая и поддерживая образ современной женщины в свойственной ей доброжелательной тональности. Несмотря на расширение тематики публикаций, в женских популярных изданиях преобладают материалы о моде, здоровье, о взаимоотношениях мужчин и женщин, светской жизни, дизайне и ремонте и др. Таким образом, женские издания продолжают выполнять роль доброго советчика, помогающего женщине обрести уверенность в современном мире. Одним из жанров женской популярной прессы, способствующим выполнению этой функции, является астрологический прогноз.

Тексты астропрогноза на страницах женской прессы представляют собой своеобразный результат лингвокреативной деятельности его автора или составителя в рамках, накладываемых жанровыми ограничениями. Особенности таких текстов определяются с одной стороны природой коммуникативного действия, который они осуществляют, с другой стороны – особенностями дискурса СМИ, частью которого они являются.

В современной науке текст признается основой дискурсивно-коммуникативной единицей речевой деятельности человека и рассматривается как единица динамическая, организованная в условиях реальной коммуникации и, следовательно, обладающая экстра- и интралингвистическими параметрами. Текст характеризует наличие коммуникативной задачи. Являясь результатом целенаправленной деятельности, текст всегда отражает прагматическую установку его создателя (информирование, инструктирование, постановка проблемы и т.д.)

Как коммуникативной единице тексту свойственны такие признаки, как целостность/смысловая законченность, завершенность (с точки зрения его автора и в соответствии с его коммуникативными задачами). Целостность этой единицы проявляется в структурно-смысловой организации, т.е. в логико-смысловой структуре, интеграция частей которой обеспечивается семантико-тематическими связями, а также формально-грамматическими и лексическими средствами.

С семантической, грамматической и композиционной структурой текста тесно связаны его стилевые и стилистические характеристики. Каждый текст обнаруживает определенную более или менее ярко выраженную функционально-стилевую ориентацию (научный текст, художественный и др.) и обладает стилистическими качествами, диктуемыми данной ориентацией и, к тому же, индивидуальностью автора. Стилистические качества текста подчинены тематической и общей стилевой доминанте, проявляющейся на протяжении всего текстового пространства.

Указанные признаки обеспечивают и такую важную ее черту, как воспроизводимость в разных условиях и служат основанием для выделения ти-

пов/жанров тестов по характеру коммуникативных задач, которые они реализуют. Каждый из этих жанров характеризуется не только определенной композиционной структурой, но и набором специфических языковых средств, обеспечивающих в нем смысловые связи.

Тексты астропрогноза на страницах женских журналов представляют собой целостные, завершенные произведения автора (составителя гороскопа) и соответствует основной коммуникативной задаче такого типа речевого действия, а именно на основании расположения планет сообщить о предстоящих событиях и предостеречь или помочь в выборе правильного решения. Целостность такого текста проявляется в логико-смысловой структуре, части которой объединяются семантико-тематическими связями, к таким следует отнести регулярные тематические блоки в тексте гороскопа такие, как любовь, семья, работа, финансы.

Тематическая лексика, описывающая данные блоки является элементом связности такого текста (**Amour**: relations de couple, rencontrer l'amour, vie à deux, partenaire, célibataire, coeur, jalousie, l'harmonie du couple; **Famille**: proche, questions familiales, responsabilités familiales, parent, enfants, personnes âgées; **Travail**: se lancer dans une entreprise, sur le plan professionnel, passer des examens, obtenir des résultats honorables, vie professionnelle, carrière, supérieurs, emploi du temps, travail indépendant; **Argent**: finances, commerce, transactions immobilières, sur le plan pécuniaire, gestion financière, envie d'achat, emprunter de l'argent, rembourser les dettes).

Грамматические средства также способствуют целостности текста астропрогноза, регулярно повторяясь в однотипных позициях текста.

Основной коммуникативной целью текста астропрогноза являются сообщения о событиях грядущих, что обуславливает использование времен. Общий темпоральный контекст текста гороскопа образует заранее определенный временной период, на который дается предсказание. В тексте это отражается в указании дат, соотносенных с прогнозируемым периодом и в использовании форм будущего времени, которые задействуются как основные грамматические средства со значением будущего в гороскопе.

- *Vénus dorlotera votre coeur.*
- *Vous croulerez sous les responsabilités familiales.*

Преобладание форм простого будущего времени придает действию значение обязательности (уверенности).

Другая составляющая коммуникативной задачи текста астропрогноза это оказать на адресата такое воздействие, которое бы побудило бы последнего совершить или не совершить определенное действие. Реализация такого коммуникативного намерения происходит при помощи использования форм повелительного и сослагательного наклонений.

- *Mais tâchez de faire preuve de discernement.*
- *Ne vous laissez pas séduire par les apparences.*
- *Vous devriez tout de même vous résoudre à faire quelques concessions.*
- *Vous devriez prendre un peu de recul et réfléchir davantage.*

Особенности отбора языковых средств в текстах астропрогноза подчиняются общим закономерностям публицистического стиля, в частности выполняемым

ими функциям: информационной и воздействующей. Следует отметить, что на первый план выходит манипулятивное воздействие с целью изменения или поддержания принятых в обществе норм поведения.

Существует мнение, что гороскоп создается опытным журналистом, нежели астрологом. Адресант текстов гороскопов в СМИ выступает в роли всезнающего эксперта, вооруженного некими теоретическими знаниями, а адресат – в роли обывателя, готового неукоснительно принять совет, касающийся своего будущего. Манипулятивный потенциал такого авторства заключается в том, что представленные факты или мнения, являющиеся вымыслом составителя гороскопа, принимаются читателем за здравый смысл и не поддаются критическому осмыслению.

Манипулятивное воздействие в текстах гороскопов чаще направленно не на рациональную, а на субъективно-эмоциональную сторону читателя. Авторы гороскопа стремятся польстить читательницам, создать видимость сочувствия и солидарности с их взглядами. Таким образом, поддерживается чувство собственной значимости адресата. Среди языковых средств этому способствует использование местоимения второго лица множественного числа, создающее эффект личного общения (Vous aurez intérêt à ménager la susceptibilité de votre entourage familial).

Апелляция к эмоциональной сфере человека приводит к такому отбору языковых единиц, при котором предпочтение отдается не прямым обозначениям, но образным, вызывающим нужного рода ассоциации. К таким средствам относятся метафора и фразеологизмы. Использование других стилистических средств ограничено в целях сохранения псевдонаучности данного текста.

- Heureusement, un ami sera à même d'aider à chasser ces vilains nuages noirs.
- En couple, la tendresse sera là, pimentées par une belle sensualité.
- AMOUR: Orages en vue !
- Si vous en faites voir de toutes les couleurs à vos proches, ils vous mèneront la vie dure.
- Cette journée vous permettra de franchir un cap dans votre vie professionnelle.
- Célibataire, vous aurez les yeux plus gros que le ventre.

Лингвостилистические средства, способствующие осуществлению манипулятивного воздействия в тексте астропрогноза, направлены на создание неконкретных, неточных и расплывчатых предсказаний. К таковым следует отнести языковые единицы со значением возможности, потенциальной реализуемости предсказания, лексику, актуализирующую ситуацию выбора, языковые единицы, прагматически «пустые» вне детализирующего их содержания контекста (l'embarras du choix, une bonne occasion, donner libre cours à votre créativité, réagir dans le bon sens, en sortir haut la main, bénéficier d'une protection, aboutir à quelque chose de positif).

Проведенный анализ позволяет отметить, что формальные, содержательные и прагматические характеристики текстов астропрогноза соответствуют специфике женской прессы, позволяя изданиям отвечать на запросы женской аудитории.

Литература

Азначеева Е.Н. Астрологический дискурс: семиотический и когнитивный аспекты // Вестник Челябинского государственного университета. 2011. № 33 (248). Филология. Искусствоведение. Вып. 60. С. 19-21.

Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. 4-е изд., стереотип. Москва: Комкнига, 2006.

Кашкин В.Б. Сопоставительные исследования дискурса // Концептуальное пространство языка. Тамбов: ТГУ, 2005. С. 337-353.

Левицкий А.Э. Антропоцентризм профетического текста // Языковая личность и эффективная коммуникация в современном поликультурном мире: сборник статей по итогам III Международной научно-практической конференции. Минск, 2018. С. 3-9.

Чернявская В.Е. От анализа текста к анализу дискурса // Текст и дискурс: традиционный и когнитивно-функциональный аспекты исследования: сборник научных трудов. Рязань: Ряз. гос. пед. ун-т им. С.А. Есенина, 2002. С. 230-232.

S.Y. Bondarenko (Chelyabinsk, Russia)
South Ural State Humanitarian Pedagogical University

DISCURSIVE AND LINGUISTIC CHARACTERISTICS OF PROGNOSTIC ASTROLOGICAL TEXTS IN FRENCH WOMEN'S MAGAZINES

The article considers texts of astrological forecast as one of the elements of women's press. We describe the regular discursive and linguistic characteristics of texts of astrological predictions which allow them to be considered a special genre meeting the needs of women's press.

Key words: discourse, text, genre, social communication, manipulative influence.

Л.А. Борботько (Москва, Россия)
Московский городской университет
ludmilaborbotko@gmail.com

ТЕАТРАЛЬНАЯ РЕЦЕНЗИЯ: МОНОЛОГ В СТРЕМЛЕНИИ К ДИАЛОГУ

Театральный дискурс, рассматриваемый в рамках исследования, обладает ансамблевым характером, обуславливающим синергию разнообразных элементов, в том числе, вспомогательных. Одним из них является рецензия как вторичный аналитический текст, созданный в форме монолога критика, но одновременно предполагающий диалог с читателем, соответствуя принципу ответственности.

Ключевые слова: театральный дискурс, рецензия, эпитекст, диалогичность, ответственность.

Театр представляет собой феномен, характеризующийся многоаспектностью, поскольку реализует ряд функций, формирующих систему. Если апелляция к зрителю посредством оказания на него прагматического воздействия является ключевой функцией и одновременно принципиальной задачей театра, то наряду с ней театр стремится реализовать образовательную, культуроформирующую, регулятивную, воспитательную, развлекательную и другие функции.

Потенциал театра, предполагающий реализацию перечисленных функций, обусловлен синергичностью театрального дискурса как типа, структура которого характеризуется ансамблевостью – все звенья составляют единый ансамблевый комплекс [Киселев 2004: 188], представленный драматургом, создающим пьесу как «отправную точку» для театрального дискурса; режиссером-постановщиком, работающим над воплощением замыслов драматурга, одновременно представляя собственное видение вопросов, поднятых в пьесе; театральным коллективом, чья слаженность и выверенность действий позволяют сделать театральную адаптацию созданной драматургом пьесы успешной; актерской труппы, выступающей трансляторами мыслей драматурга и режиссера-постановщика, а также инструментами для манипуляции зрительским вниманием.

Помимо обозначенных составляющих, работающих над созданием и представлением спектакля как продукта и инструмента театральной коммуникации, театральный дискурс включает в себя вспомогательный аппарат, систему ориентиров, функционирующих в параллели со спектаклем и имеющих прагматическую цель – представить зрителю необходимую информацию и дать «авторитетную оценку специалиста в конкретной предметной области» [Викулова 2012: 64]. Подобный вспомогательный аппарат представлен паратекстуальными образованиями, обрамляющими спектакль и обеспечивающими его адекватную и корректную интерпретацию.

Паратекст состоит из двух элементов – перитекста (*около*текстовый элемент) и эпитекста (*зате*кстовый элемент), – располагающихся в определенной последовательности «перитекст – основной текст – эпитекст». Финальная рематическая позиция эпитекста позволяет формировать общий контекст вокруг основного текста, оказывая непосредственное влияние на его интерпретацию аудиторией. Справедливо подчеркнуть, что синергичность театрального дискурса, воплощаемая во взаимодействии элементов, реализуется на трёх уровнях восприятия сценического действия: формальном, ментальном языковом и ментальном неязыковом уровнях [Алесенкова 2019: 342].

В контексте проводимого исследования объектом выступает такой вид эпитекста как театральная рецензия. Последняя представляет собой вторичный текст, выступая репрезентацией «прошлого-в-настоящем» [Касавин 2008]. Более того, рецензия как вторичный текст является «двухслойной системой», внутренне организованной в соответствии с «ограниченным кодом» (текст не столько передает информацию о событии, сколько анализирует уже свершившееся и укрепляет позиции театра как социальной структуры и института), но внешне воплощаемой посредством «разработанного кода» – текста, созданного благодаря труду эксперта и являющегося средством достижения личного успеха. Отметим, что вербальное воплощение рецензии позволяет адресовать ее для последующего прочтения и оценки не только таким же экспертам, как автор, но и менее подготовленной аудитории («хорошо информированному гражданину» или «человеку с улицы») [Там же: 206].

Театральная рецензия представляет собой сложившийся жанр коммуникации, обладающий полифункциональностью – реализуются информационная, аналитическая, критическая, регулятивная, рекламная, оценочная функции. При

этом рецензия содержит аргументацию и репрезентирует позицию рецензента с помощью, в том числе, лингвистических средств [Никитина 2019].

С точки зрения лингвистических инструментов выражения авторской позиции, необходимо отметить контактоустанавливающие средства, нацеленные на стимулирование и поддержание взаимодействия с аудиторией, а также раскрывающие диалогический потенциал рецензии. Несмотря на монологическую форму, рецензия безусловно обладает диалогической сущностью, поскольку «диалогичность пронизывает монолог» [Дускаева 2012: 15]. Диалогичность рецензии, выступающая «основой формирования замысла текста» [Там же: 16] и одновременно гарантирующая успешность рецензии как коммуникативного события, достигается исключительно в диалоге критика и аудитории, который способствует реализации ее основного прагматического потенциала, заключенного в воздействии на аудиторию, управлении мнением, а также в рекламировании и популяризации спектакля у зрителей. При этом, диалогичность предполагает обязательную ответственность – наравне с адресантом адресат выполняет активную роль, влияя на строй речи адресанта.

Рассмотрим классификацию контактоустанавливающих средств подробнее [Кормилицына, 2014; Балыхина, Черкашина, 2013]. Контакттоустанавливающие средства включают лексические:

1. Этикетные формулы, реализующие регулятивную функцию и нормирующие акт коммуникации: *This is a generous and inviting performance that seems to say "I'm having so much fun – aren't you?"* [London Theatre, URL]

2. Эпитеты, вызывающие эмпатию со стороны аудитории: *Enthralling, captivating, exhilarating but above all funny. Funny, funny, funny* [London Theatre1,URL];

3. Разговорные элементы, позволяющие апеллировать к аудитории, сокращая дистанцию: *Being teenagers, and apparently raging cynics, we all took the piss out of her relentlessly* [Time Out, URL];

4. Обращения в функции «социального поглаживания», настраивающие аудиторию на позитивный лад [Кормилицына, 2014]: *The play deliberately doesn't say, allowing audiences to continue the storytelling in their own heads – the conclusion is ours to write for ourselves* [London Theatre, URL];

5. Выражения совместности: *we feel the connection between them immediately, even if she does not acknowledge it* [London Theatre1,URL]

К синтаксическим контактоустанавливающим средствам относятся:

1. Вопросное-ответные конструкции (риторический вопрос, риторическое восклицание, имитация диалога, апелляция к слушателю): *Indeed, no matter how many of the previous casts you've seen, this is the line-up you don't want to miss* [Theatre Weekly, URL];

2. Средства выразительности (парцелляция, анафора, эпифора и пр.): *and the story, certainly in the first act, reminds us of a time when everyone got poorer...except the rich, who got richer* [Theater Weekly, URL]

3. Конструкции выражения мнения – собственного или предполагаемого оппонента, что соответствует принципу ответственности: *I'm as pessimistic about humanity as the next person, but ...* [Time Out, URL].

В целом, контактоустанавливающие средства способствуют управлению читательским вниманием и восприятием текста рецензии. В то же время, контактоустанавливающие средства выступают в качестве репрезентантов категории авторства, следовательно, инструмента, с помощью которого критик выражает свои взгляды и благодаря которому рецензия становится действительно индивидуализированной.

Таким образом, диалогичность театральной рецензии как эпитекстуального образования, традиционно представляемого в форме монолога, реализуется с помощью лингвистических средств, позволяющих установить контакт с аудиторией, обеспечить более успешную интерпретацию представляемой информации, а также достичь ответственности.

Литература

Алесенкова В.Н. Когнитивное театроведение как опыт анализа ментальных процессов в контексте постдраматического театра // Манускрипт. 2019. №11. С. 341-345.

Бальхина Т.М., Черкашина Т.Т. Специальные языковые контактоустанавливающие средства как особые стилистико-текстовые единицы разрушения «Монологической образцовости»: лингводидактический аспект // Полилингвильность и транскультурные практики. 2013. №1. С. 7-11.

Викулова Л.Г. Издательский дискурс в системе общения «Автор–издатель–читатель» // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. 2012. №2s (18). С. 63-69.

Дускаева Л.Р. Диалогическая природа газетных речевых жанров / под ред. М.Н.Кожинной. СПбГУ: Филол. факультет, 2012.

Касавин И.Т. Текст, дискурс, контекст. Введение в социальную эпистемологию языка. М.: Канон+, 2008.

Киселев В.С. Метатекст как тип художественного целого (к постановке проблемы) // Вестник Томского государственного университета. 2004. № 282. С. 184-190.

Кормилицына М.А. Контакттоустанавливающие средства // Эффективное речевое общение (базовые компетенции) / под ред. А.П. Сковородникова. Красноярск: СФУ, 2014.

Никитина Е.С. Рецензия как коммуникация с текстом, или об этосе, логосе и пафосе научной рецензии // Когнитивные исследования языка. 2019. Вып. 16. С. 9-17.

London Theatre. URL: <https://www.londontheatre.co.uk> (Дата обращения: 08.04.2023).

London Theatre1. URL: <https://www.londontheatre1.com> (Дата обращения: 08.04.2023).

Time Out. URL: <https://www.timeout.com/london> (Дата обращения: 08.04.2023).

Theatre Weekly. URL: <https://theatreweekly.com> (Дата обращения: 08.04.2023).

*L.A. Borbotko (Moscow, Russia)
Moscow City University*

THEATRE REVIEW: MONOLOGUE STRIVING TOWARDS DIALOGUE

Theatrical discourse involves an ensemble, which determines the synergy of various elements, including auxiliary elements. One such element is review, a secondary analytical text

created in the form of a critic's monologue, which simultaneously suggests a dialogue with the reader, corresponding to the principle of responsiveness.

Key words: theatrical discourse, review, epitext, dialogic nature, responsiveness.

Ю.В. Букина (Пятигорск, Россия)

Пятигорский государственный университет
juliabukina@mail.ru

АНГЛОЯЗЧНЫЙ МОТИВАЦИОННЫЙ ДИСКУРС В КОГНИТИВНО-ДИСКУРСИВНЫХ КООРДИНАТАХ (НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛОЯЗЫЧНЫХ ВИДЕОЛЕКЦИЙ TED TALKS)

Формат публичной видеолекции TED talks мотивирует адресата на получение нового научного знания, и способствует более основательному осмыслению получаемой информации. В статье предпринимается попытка когнитивно-дискурсивного анализа языка лекций TED Talks с позиции изучения когнитивно-дискурсивных практик, доминирующих в речи лектора, а также когнитивно-речевых стратегий, используемых лектором с целью воздействия на аудиторию.

Ключевые слова: мотивационный дискурс, лекция TED Talks, когнитивно-дискурсивный анализ, когнитивно-речевые стратегии, адресат, адресант.

С позиции когнитивного подхода дискурсивная деятельность крайне важна для человека. Она представляет собой особый уникальный вид деятельности, непосредственно связанный с познанием, позволяющий реализовывать различные когнитивные способности, такие как внимание, восприятие, запоминание, анализ, установление логических и причинно-следственных связей и т.д. Как отмечает в своих работах А.Е. Кибрик, языковая и мыслительная деятельность – параллельны и неразделимы [Кибрик 2015: 30]. По этой причине «надъязыковые когнитивные структуры» и озвучивающие их вербальные проявления должны рассматриваться одновременно [Там же]. Таким образом, для адресанта дискурса, его генерирование – это когнитивный процесс, который включает операции над знаниями о мире и их языковую репрезентацию. С позиции адресата дискурса, для которого ключевым является понятие «восприятие», особую значимость представляют именно те знания, которые он получает дискурсивно. Они являются «источником возбуждения многочисленных ассоциаций и когнитивных структур, побуждая адресата к когнитивной деятельности, которая имеет дело с осмыслением человеческого опыта, запечатленного в описаниях мира и служащего сотворению новых ступеней познания этого мира» [Ширяева 2006: 443]. Как отмечает Е.С. Кубрякова, «по самой своей сути дискурс – явление когнитивное, т.е. имеющее дело с передачей знаний, с оперированием знаниями особого рода и, главное, с созданием новых знаний» [Кубрякова 2000: 23]. В этой связи мотивационный дискурс лекций TED Talks обладает рядом когнитивно-дискурсивных особенностей, позволяющих спикеру не только эффективно устанавливать контакт с аудиторией, передавать новые знания о мире адресату, но и затрагивать определенные механизмы сознания, пробуждающие в адресате скрытые мотивы и побуждая его к дальнейшему действию.

Объектом исследования в данной работе является мотивационный дискурс англоязычных публичных лекций TED Talks, отобранный методом сплошной выборки. При отборе публичных выступлений для формирования банка исследования и последующего изучения были приняты во внимание следующие параметры: 1) речь обязательно должна воодушевлять адресата (аудиторию) вести себя определенным запланированным образом, что позволяет определить ее как мотивирующую; 2) все выступления, отобранные для этого исследования, были предоставлены на английском языке, объединены двумя макротемами: «Изучение языков», «Бизнес»; 4) продолжительность выступлений варьировалась от 6 до 15 минут; 5) выступления датированы 2016–2022 гг.

Данная работа преимущественно опирается на принципы когнитивно-дискурсивного анализа, предложенного Г.А. ван Дейком [Дейк 1989; Dijk 1983] и исследует основные черты мотивационного дискурса лекций TED Talks в когнитивном аспекте, включающем знания о фонетических, грамматико-синтаксических, лексических, риторических особенностях лекций TED, и в дискурсивном аспекте, фокусом внимания которого являются время, место, социо-когнитивные характеристики участников, социальные отношения.

Первый уровень когнитивного анализа мотивационного дискурса TED Talks – фонетический, его звуковая оболочка. Объектом исследовательского внимания здесь стали ключевые фонетические признаки, присущие спикерам TED Talks, как профессиональной группе в целом: интонация и доминирующие интонационные структуры, логическое ударение, паузация, мастерское владение голосом (высота тона, громкость, манера речи). Подчеркнем, что любой TED лектор сознательно фокусирует внимание слушателя на той информации, которую он считает наиболее важной. Данный факт созвучен с мнением специалистов, подчеркивающих, что именно звуковые и невербальные сигналы в речи говорящего имеют максимальный воздействующий эффект на слушателя [Голованова 2009: 45].

Исследование грамматико-синтаксических особенностей лекций TED Talks выявило ряд характеристик, которые используются в лекциях TED не только как средство выразительности текста [Арнольд 2002; Гальперин 2013; и др.], но и как один из действенных приемов манипуляции [Блакар 1987; Иссерс 1996; Михалева, 2009]. Отмечено, что в лекциях TED Talks одна синтаксическая форма может употребляться не в прямом ее значении, а в косвенном, обычно присущем другой форме. В частности, спикеры TED Talks прибегают к таким приемам, как риторические вопросы, используя их от 1 до 10 раз за одну лекцию. В контексте лекции риторические вопросы становятся эмфатическим утверждением или даже отрицанием: [...] *“Why do we have so much of this stuff all over the place?!” Well, that’s really quite simple. Your kids love playing with it, so you buy more. [...] And they said to me, “Dad, of course it’s a princess flying on a dragon to visit farm animals in New York.” Of course, what else could it be?! [M. Reeves 2022].* Вопросительная форма высказывания подчеркивает ироничную уверенность автора в том, что ребенок прав и перед ним ничто иное, как игрушечная принцесса, которая летит на ферму к животным в Нью Йорк.

Экспрессивное воздействие на аудиторию заключается в том, что адресат бессознательно вовлечен в когнитивные операции, такие как включение в рас-

суждение, самостоятельные выводы или принятие решений. Как в следующем примере, где спикер практически подталкивает слушателя к ответу, вводя необходимую для рассуждения и вывода информацию в форме риторического вопроса о необходимости изучать иностранный язык: [...] *Why should we learn foreign languages (pause) other than English, (pause) if English happens to be foreign to one? Why bother to learn another one (pause) when it's getting to the point where almost everybody in the world will be able to communicate (pause) in (pause) one? [...] The one that you're probably most likely to have heard of, [...] that is the idea that a language channels your thoughts, that the vocabulary and the grammar of different languages gives everybody a different kind of acid trip, so to speak [John McWhorter 2017].*

Следуя логике Т.А ван Дейка, синтаксис и семантика предложения в дискурсе взаимосвязаны. Стоит подчеркнуть, что семантическая связность – прямое воздействие на когнитивную сферу адресата, поскольку она находится в зависимости от знаний и суждений о том, что возможно в этом мире [Дейк 1989: 126]. Так, для более глубокой реализации логической связности мыслей и идей в тексте лекции TED спикер прибегает к разнообразным средствам логической связи в форме дискурсивов. Несомненно, что дискурсивы в речи спикера сигнализируют, с одной стороны, реализацию сближения и акцентируют общие знания между коммуникантами (see, you know, listen), а с другой - они служат для выражения эмоций и отношений говорящего (absolutely, exactly, actually, sort of/kind of, like, to be frank, to be honest, oh, basically, really) [Авакова 2016: 12]. Нужно подчеркнуть, что результаты анализа англоязычных лекций TED Talks показали, что дискурсивные маркеры служат достаточно разным целям адресанта, а именно: для обозначения мыслительных процессов с целью самокоррекции говорящего (I mean, that is, in other words, what I mean is, to put it in another way), для выражения колебания (well, sort of/kind of), с целью уточнения (I mean, like, above all, also, for example), для оценки знаний слушающего (you know).

Когнитивно-дискурсивная интерпретация мотивационного дискурса будет неполной без освещения его дискурсивных особенностей. Бесспорно, знания, отношения, идеология – главные контекстные составляющие когнитивного облика мотивационного оратора-профессионала на конференции TED Talks. Опыт спикера и его профессионализм – то, что заставляет слушателя верить оратору, вдохновляет на действие. *So, my research over the past few years with John Higgins has involved interviewing hundreds of activists and leaders and activist leaders. And our works in service of enabling voices of difference to make a difference in the workplace [Megan Reitz (2022)].* Как видим, лектор подчеркивает, что он серьезно занимается данной проблемой, проводит исследование, причем в сотрудничестве с таким авторитетным ученым в своей области, как Джон Хиггинс, что позволяет задействовать общую когнитивную базу адресанта и адресата, в которой знание о том, что спикер – профессионал, а значит, к его мнению несомненно стоит прислушаться, с самого начала лекции неизбежно вызывает у слушателя когнитивный настрой на доверие и располагает к успешному восприятию дальнейшего содержания лекции.

Итак, подводя итоги, подчеркнем, что на примере мотивационного дискурса видеолекций TED Talks становится очевидно, что эффективность языковых и прагмалингвистических компонентов в речи спикера TED достигается на когни-

тивном и дискурсивном уровнях. Для полного понимания воздействующего потенциала языковых структур в речи ТЕД лектора необходимо рассматривать их на фонетическом, грамматико-синтаксическом, лексическом уровнях. Безусловно, успешность коммуникативного взаимодействия адресата и адресанта не может быть достигнута без учета и анализа экстралингвистических дискурсивно-контекстуальных факторов, таких как время, место, авторитет и профессионализм спикера, когнитивные особенности участников дискурса и др.

Литература

Авакова М.Л. Владение дискурсивными маркерами как составная часть коммуникативной компетенции // Материалы научно-методических чтений ПГУ. Часть III. Пятигорск: ПГУ, 2017. С. 10-14.

Арнольд И.В. Стилистика. Современный английский язык. М.: Флинта: Наука, 2009.

Блакар Р. Язык как инструмент социальной власти // Язык и моделирование социального взаимодействия. М.: Прогресс, 1987. С. 108-125.

Гальперин И.Р. Стилистика английского языка / English Stylistics. М.: Либроком, 2012.

Голованова И.И. Методика публичного выступления: учебное пособие. Казань: Центр инновационных технологий, 2009.

Дейк Т.А. ван. Язык. Познание. Коммуникация. М.: Прогресс, 1989.

Иссерс О.С. Что говорят политики своему народу, чтобы понравиться // Вестник Омского университета. 1996. Вып. 1. С. 71-74.

Кибрик А.Е. Когнитивный подход к языку // Язык и мысль: современная когнитивная лингвистика. М.: Языки славянской культуры, 2015. С. 29-59.

Кубрякова Е.С. О понятиях дискурса и дискурсивного анализа в современной лингвистике // Дискурс, речь, речевая деятельность. М.: ИНИОН, 2000. С. 7-25.

Михалёва О.Л. Политический дискурс: Специфика манипулятивного воздействия. М.: Книжный дом ЛИБРОКОМ, 2009. С. 87-90.

Шуряева Т.А. Когнитивная сущность делового дискурса // Теоретические и прикладные проблемы педагогической антропологии: Материалы I Международной научно-практической конференции. Ставрополь, 2006. С. 442-451.

Dijk T.A. v an. Strategies of Discourse Comprehension. New York, 1983.

Источники

Martin Reeves "Why play is essential for business?" URL: <https://www.youtube.com/watch?v=xJ9qRH2XLUQ&t=62s> (Дата обращения: 20.03.2023).

John McWhorter «4 reasons to learn a new language». URL: <https://www.youtube.com/watch?v=VQRjouwKDIU> (Дата обращения: 20.03.2023).

Megan Reitz «How to lead in the new era of employee activism». URL: <https://www.youtube.com/watch?v=HFKmpyf9ucQ&t=102s> (Дата обращения: 20.03.2023).

*Y.V. Bukina (Pyatigorsk, Russia)
Pyatigorsk State University*

ENGLISH MOTIVATIONAL DISCOURSE IN A COGNITIVE-DISCURSIVE PERSPECTIVE: TED TALKS

TED talks motivate the addressee to receive new scientific knowledge and contribute to a more thorough understanding of the information received. The article attempts to complete a cognitive-discursive analysis of the language used in TED Talks from the perspective of the discursive practices that dominate in a TED presenter's motivational speech.

Key words: motivational discourse, TED Talks video lectures, cognitive-discursive analysis, cognitive-speech strategies, addresser, addressee.

*О.Б. Бурдина (Пермь, Россия)
Пермская государственная фармацевтическая
академия Минздрава России
burdina-pfa@yandex.ru*

СОЦИОКОГНИТИВНЫЙ КОНТЕКСТ РАЗВИТИЯ ФАРМАКОПЕЙНОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ

Фармакопейная терминология в фармацевтическом дискурсе является кодифицированным терминологическим стандартом. Однако происходящие в обществе процессы оказывают влияние на фармацевтическую деятельность и, как следствие, проявляются в трансформации терминологических моделей, в том числе и в фармакопее.

Ключевые слова: фармацевтический дискурс, термин, фармакопея, профессиональная деятельность, институционализация, деинституционализация.

Вариативность лингвистического оформления специального знания сегодня занимает центральное место в функциональном и когнитивном терминоведении. Терминология каждой профессиональной сферы имеет уникальную историю, изучение которой помогает выявить традиции употребления слов и словосочетаний для номинации профессиональных понятий, а также особенности формирования терминологических моделей и причины их трансформации. Фармацевтическая терминология репрезентирует комплекс знаний о лекарственных средствах; её ядерную зону составляют фармакопейные термины.

Государственная фармакопея (ГФ) – это основной фармацевтический нормативный документ, который содержит обязательные общегосударственные стандарты и положения, определяющие требования к качеству лекарственных средств (ЛС). Фармакопея в дискурсе фармации представляет собой как технологический, так и терминологический стандарт, который реализуется, в числе прочего, перечнем кодифицированных терминов на двух языках – национальном и латинском (эта традиция носит наднациональный характер, закреплена уставными документами Всемирной организации здравоохранения).

Несмотря на то, что термины фармации носят универсальный характер и понятны специалистам разных стран, в построении терминов, их грамматике, особенности адаптации к национальному языку проявляются черты, дающие

представление, с одной стороны, о способе мышления определённой нации, а с другой – о тех общественных процессах, которые проживает та или иная страна.

Сведения фармацевтического характера встречаются в исторических документах, начиная с XV в. (зелейники, травники, ветрограды и проч.), однако фармацевтическое знание в них не сепарировано от других видов знания, поскольку фармацевтическая деятельность ещё не была институционализирована, вписывалась в контекст повседневной жизни человека. Формирование русской фармацевтической терминологии исследователи датируют в XVII в. [Олехнович 2000], в 1681 г. выходит в свет первая «Фармакопея или аптека, имеющая в себе предписание всех лекарств, <...> из которых может каждый человек употреблять в небытие доктора, имея оные у себя в собрании» И. Венедиктова, составленная на основе опыта народной медицины и данных о ЛС европейских стран; в ней впервые произведена сепарация фармацевтического знания [Бурдина 2022: 30].

Появление первых – военных – государственных фармакопей (*Pharmacopoea castrensis*, 1765 г. – «Полевая фармакопея», *Pharmacopoea navalis Rossica*, 1784 г. – «Русская морская фармакопея») тесно связано с необходимостью действий в экстремальных условиях, что оказало большое влияние на когнитивное развитие фармацевтического дела в целом и фармакопейный стандарт в частности. Фармакопея вместе с «ящиком» с лечебными материалами и хирургическими инструментами в официальном порядке рассылалась в воинские подразделения. В фармакопеях содержались сведения о лекарственных веществах (в том числе растениях), способах приготовления из них лекарственных средств, способах применения этих средств. Тогда же формируется структура фармакопейной статьи (выделение заголовка – названия ЛС, четкое деление информации и проч.). «Ящик» с лекарственными веществами строго делился на отделы, где хранились вещества и инструменты, каждый был подписан (структура деления ЛС на отделы сохраняется и в современной аптеке: ЛС определённых групп – наркотические, сильнодействующие вещества и др. – кодируется и хранится под определёнными буквами – «препараты списка А, списка Б»). Создатели отечественных фармакопей стремились избежать западного влияния, пользовались трудами российских учёных (Н.М. Максимовича-Амбодика, И.И. Лепёхина, В.М. Севергина), включали ЛС с выраженным терапевтическим эффектом из произрастающего в России сырья, исключались дорогостоящие импортные препараты. Структура и оформление военных фармакопей сохранились и в светских изданиях («Придворная фармакопея», «Фармакопея для бедных») [Куликов 2012: 57].

В 1778 г. вышла первая русская общегосударственная фармакопея (*Pharmacopoea Rossica*, посвящена Екатерине II). Она была разослана в аптеки, госпитали, а также отдельным врачам; её основу составляли отечественные растительные средства, а для сложных препаратов приводилось описание методов изготовления. Фармакопейная статья была составлена по следующей схеме: латинское и русское название; описание вкуса и запаха; фармакологическое действие; при каких заболеваниях применяется; дозировка; то есть фармацевтическое знание в фармакопее стандартизируется.

Наработки в области стандартизации сформировали первую Государственную фармакопею (ГФ-I), от которой идёт отсчёт современных отечественных

фармакопей (действующей на данный момент является ГФ-ХІV). Фармакопеи Российской империи содержательно уже соответствует назначению фармацевтического стандарта: в них устранены все не относящиеся к фармации сведения (терапевтический эффект, метод приёма и другие).

Фармакопейный стандарт требует унификации. От фармакопеи к фармакопее происходит отбор слов для номинации специальных понятий – формируется терминология, выстраивается терминосистема (определённая структура, где каждый элемент – термин – вступает в системные отношения с другими [Бурдина, Мишланова 2022: 6]), вырабатываются продуктивные терминологические модели в грамматическом параллелизме русского и латинского языков.

Особую роль в процессе стандартизации фармацевтического знания сыграли советские фармакопеи. Аптеки советского времени не только отпускали ЛС фабричного производства, но и сами занимались изготовлением лекарственных препаратов (практически до конца XX в.). Фармакопея, как технологический стандарт, была обязательным (нормативным и справочным) документом аптеки. Хранящиеся для производства лекарственных препаратов в аптеке ингредиенты маркировались только по-латински; подразумевалось, что работать с ними могут лишь специалисты, владеющие профессиональной латинской терминологией.

В XXI в. фармация столкнулась с институциональным кризисом, нашедшим своё отражение в терминологии: за 2007 – 2016 гг. выпущены ГФ-ХІІ и ГФ-ХІІІ, также не утратила правовой статус ГФ-ХІ, вышедшая ещё в XX в. Такая ситуация способствовала не только появлению большого количества узаконенных терминологических вариантов, но и большой терминологической путанице, поскольку разные фармакопеи предписывали использование разных словообразовательных моделей терминов. В 2018 г. вышла ГФ-ХІV отменившая действие всех предыдущих фармакопей.

Главным новшеством ГФ-ХІІІ и ГФ-ХІV стали преобразования в фармацевтической латыни, что связано, в частности, с попыткой гармонизации отечественного стандарта с европейским. В частности, унифицированы названия некоторых химических соединений: (так, в названиях некоторых кислот устранён избыточный суффикс: *Acidum ascorbinicum* трансформирована в *Acidum ascorbicum*); произошло увеличение вариантов номинаций натриевых, калиевых новокаиновых солей (*Amoxicillinum natriicum*, но *Amoxicillini natrii pulvis*), а также наблюдается расхождение в структуре терминологических моделей терминов на русском и латинском языках (Рибавирин, крем для местного и наружного применения – *Ribavirini cremor ad usum localem et externum*). Самым важным новшеством стала трансформация и транспозиция в названиях лекарственного растительного и животного сырья: *Radices Althaeae* – корни алтея (ГФ-ХІ); *Althaeae radices* – Алтея корни (ГФ-ХІV).

Трансформация некоторых терминологических моделей связана со сменой характера фармацевтической деятельности. Так, пока аптеки были производственными, в терминологической модели опосредованно, через грамматику, дублировалась технологическая информация. Например, в отечественных фармакопеях в названиях масел, полученных из плодов-костянок, сохранялась грамматическая категория множественного числа (*Oleum Persicorum*, *Oleum Amygdalarum*), а в названиях масел, полученных из семян – категория единст-

венного числа (*Oleum Lini*, *Oleum Hyoscyami*). В XXI веке количество производственных аптек практически сошло на нет, масла производятся исключительно промышленным способом, утрачена актуальность терминологического разнообразия. В результате в ГФ-XIV происходит преобразование термина не только в части транспозиции (на первое место выносятся название растения), но и в части грамматики: множественное число меняется на единственное, и в структуре многокомпонентного термина появляется определение, единое для всех эфирных масел – «масло жирное»: *Amygdali communis seminum oleum pingue* (Миндаля обыкновенного семян масло жирное).

Быстрая смена фармакопейных стандартов в XXI в. и снижение общей терминологической грамотности (особенно в области латинской терминологии) привели к кодификации в фармакопее значительного числа терминологических и орфографических ошибок в номенклатурных наименованиях ЛС, что поднимает вопрос о соотношении кодификации и терминологической нормы.

Социальные процессы оказывают значительное влияние на институциональные дискурсы и, как следствие, на терминологию различных предметных областей. Трансформация терминологических моделей отмечается даже в отраслевых стандартах, как мы убедились на примере фармакопейного стандарта в фармацевтическом дискурсе.

Литература

Бурдина О.Б. Терминология фармации: формирование и развитие фармакопейного стандарта. Пермь: ФГБОУ ВО ПГФА Минздрава России, 2022.

Бурдина О.Б., Мишланова С.Л. Моделирование фармацевтической терминологии: трансфер знания. Пермь: Изд-во Перм. нац. исслед. политехн. ун-та, 2022.

Куликов В.А. История создания общегосударственных и ведомственных российских фармакопей // Вестник фармации. №2 (56) 2012. С. 55-61.

Олехнович О.Г. Когнитивные механизмы формирования медицинского текста «сказка» (на примере документов «Аптекарского приказа» XVII в.) // Когнитивные исследования языка. 2020. № 2 (41). С. 692-696.

***О.Б. Burdina** (Perm, Russia)*

*Perm State Pharmaceutical Academy of the Ministry
of Health of the Russian Federation*

SOCIOCOGNITIVE CONTEXT OF PHARMACOPEIAN TERMINOLOGY DEVELOPMENT

Pharmacopoeial terminology in pharmaceutical discourse is a codified terminological standard. However, social processes affect pharmaceutical activity and, as a result, are revealed in the transformation of terminological models, including pharmacopoeia.

Key words: pharmaceutical discourse, terminology, pharmacopoeia, professional activity, institutionalization, deinstitutionalization.

А.В. Валиев (Нерюнгри, Россия)

*ТИ (ф) ФГАОУ ВО «СВФУ им. М.К. Аммосова» в г. Нерюнгри
ilage@yandex.ru*

КОГНИТИВНАЯ МЕТАФОРА В ТЕХНИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

В данной публикации представлены результаты исследования когнитивной метафоры в технических текстах угледобывающей промышленности. Исследование основано на анализе корпуса производственных текстов в сфере планирования и добычи полезных ископаемых в языковой паре английский-русский. Выделены основные виды метафорических проекций в угледобывающем техническом дискурсе. Результаты исследования подтверждают систематичность и продуктивность метафоры в этой области знания, а также демонстрируют многообразие видов метафорических проекций как результат ее полидискурсивности.

Ключевые слова: базовая языковая метафора, метафорическая модель, когнитивная проекция, технический дискурс, угледобывающий дискурс.

В когнитивной лингвистике метафора рассматривается как ментальная когнитивная проекция, механизм образования новых понятий в различных сферах знания. Научная и техническая сферы не являются исключением: «Recent research in metaphor use within different fields of science and technology points to the fact that specific knowledge is organized by means of metaphorical conceptualization» [Cuadrado, Durán 2013: 56]. Существует ряд работ, посвященных метафоре в техническом дискурсе. Это работы В.В. Овсянниковой в геологии [Овсянникова 2009, 2010], Дж. Куадрато и П. Дюран Эскрибано в науке и технике [Cuadrado, Durán Escribano 2013], А. Ролдан-Риехос и С. Молины в сфере производства стали [Roldán-Riejós, Molina 2015], А.М. Ролдан и П. Убеды в гражданском строительстве [Roldán, Ubeda 2013]; М.М. Робиско в воздухоплавании [Robisco 2011], Дж. Куадрато и Л. Берж в физике [Cuadrado, Berge 2005]. Такие исследования имеют большое значение в сфере усовершенствования систем автоматизированного перевода, так как часто при переводе именно базовых метафор в таких текстах происходит наибольшее количество сбоев в системах автоматического перевода и в cat-системах.

Базовая метафора в техническом дискурсе.

В вышеперечисленных работах доказывается, что для описания процессов, методов работы или состояний в технических текстах используются метафорические проекции из не относящихся к данному дискурсу доменов. При этом, выделяются базовые языковые метафоры, например, А. Ролдан-Риехос и С. Молина выделяют в сталелитейном дискурсе такую метафорическую модель, как «производство стали – кулинарное искусство» [Roldán-Riejós, Molina 2015]. Естественно, в каждом дискурсе можно выделить множество таких метафорических проекций. Например, исследуя геологический дискурс два независимых исследователя выбирают две разные базовые метафоры для анализа: «природа – это дом» [Овсянникова 2009] или «минерал – это человек» [Cuadrado, Durán 2013]. При этом, каждая базовая метафора в свою очередь, распадается на множество составляющих, например, «базовая метафора «Природа – это дом», ... воплощается в более конкретных метафорических моделях «Формирование природного

объекта – это строительство здания» и «Повреждение природного объекта – это разрушение здания» [Овсянникова 2009: 41].

Полидискурсивность технического дискурса и обилие моделей метафоризации.

Богатая концептуальная система угледобывающего дискурса, еще более обогащается за счёт сопутствующих и тесно связанных с угледобычей областей знания и деятельности. В макроструктуры такого профессионального дискурса входит большое количество схем и сценариев из смежных областей деятельности, т.е. из смежных дискурсов. Кроме сценариев добычи и транспортировки продукции, войдут такие сценарии, как

- эксплуатация и обслуживание оборудования для добычи и транспортировки оборудования, его ремонт (механика, электромеханика);
- проветривание и аэрация горных выработок;
- рабочая сила, её квалификация, обучение, прием на работу (сфера hr);
- качество продукции, её свойства (химия, обогащение);
- геология, геофизика в северных районах мерзлотоведения;
- транспортировка сырья и готовой продукции, погрузочно-разгрузочные работы;
- сбыт, экономика и экономия предприятия;
- правовые вопросы, связанные со сбытом, а также с организацией труда и отдыха работника.

Специфика смежных профессиональных сфер вплетается в добычную канву, навязывая свою терминологию. Таким образом, базовые метафоры в добычном дискурсе очень разнообразны.

Базовая метафора в геологической терминологии угледобывающего дискурса. Угледобывающий дискурс неразрывно связан с геологическим. Между ними нет чёткой границы, т.к. все системы и способы добычи и откатки ископаемого, нацелены фактически на вмешательство в геологическую среду. От геологических условий зависит метод разработки месторождения, способы добычи и откатки полезного ископаемого, политика безопасности предприятия, выбор добывающего и откаточного оборудования, наконец, качественные характеристики продукции, способы её обогащения, необходимость шихтования, расценки на продукцию на рынке, выбор рынков сбыта и т.д. В геологическом дискурсе основополагающим научным макроконцептом является концепт «природа», который специалисты в данной области скорее назовут «геологическая среда». Метафорическим спутником данному концепту является концепт «природа-это дом» [Овсянникова 2009: 41]. Полезные ископаемые при этом лингвистически очеловечиваются – «минерал как человек» [Cuadrado, Dugán 2013], обладающий возрастом, очеловечиваемыми свойствами. В геологическом дискурсе используются такие термины, как *host rock* 'материнская порода', *suite* 'свита' и пр. Геологический пласт лексики очевидно занимает внушительную часть словаря профессионала добывающего и перерабатывающего предприятия.

Базовая метафора в собственно добывающей терминологии. В именовании большей части основополагающей терминологии горнодобывающей сферы лежат пространственные и процессуальные понятия, при этом, может прослеживаться тенденция сохранения базовых геологических метафор «природа –

это дом», «выработка – человек»: *roof* ‘кровля’, *foot* ‘почва’ (пласта, выработки), *room* ‘камера’, *coal face* ‘угольный забой’, ‘грудь угольного забоя’, *footwall* ‘лежащий бок’.

Кроме того, можно также отметить базовую языковую метафору «выработка – механизм», при этом прослеживается использование морской терминологии: *brattice* ‘парус’ (вид подземной вентиляционной перемычки), *side* ‘борт выработки’ и т.д.

Базовая метафора в технической терминологии. Термины, обозначающие различные виды оборудования, его узлы и запасные части, могут быть сформированы по модели «механизм – живое существо». Данная метафора распадается на несколько:

а) дублирует антропоцентрическую метафору «механизм – человек» (*американец* ‘комбайн производства США’, *continuous miner* ‘комбайн непрерывного действия’, *cutter head* ‘врубная головка’, *head/foot bar* ‘верхний/нижний щит’);

б) «механизм – животное» (*ramcar*, червячный механизм).

в) «узлы, запчасти – одежда/части тела» (*pick sleeves* ‘муфты’, ‘втулки’, *conveyor tail* ‘хвостовая часть конвейера’);

г) «производственные процессы – процессы, характерные живым существам» (напр., *service life* ‘эксплуатационный ресурс’)

Последняя метафорическая проекция распадается на слоты:

– «загрузка – питание» (*plant feed conveyor* ‘питающий загрузочный конвейер’, *feeder-breaker* ‘бункер-перегрузчик’);

– «рабочий процесс – жар» (*hot seat changeover* ‘пересменка на горячих рычагах’)

Базовая метафора во второстепенных дискурсах. Угледобывающий полидискурс вмещает три основных дискурса, а также большое количество элементов второстепенных дискурсов из смежных областей деятельности, которые, однако, часто встречаются в основной канве производственной документации и влияют на оригинал, и, соответственно, на перевод. Элементы таких дискурсов в узкоспециальном дискурсе привносят большое количество специализированных базовых метафор. Например, «работники как механизм/ресурс» во второстепенном дискурсе «управление персоналом»: *manpower*, *workforce* ‘рабочая сила’, *outsourcing* ‘аутсорсинг’ и пр.

Выводы. Угледобывающий дискурс включает в себя большое количество смежных дискурсов, три из которых (собственно добывающий, геологический и технический) являются основными, остальные – второстепенными. Основные и второстепенные дискурсы прочно вплетены в канву угледобывающего дискурса и привносят в него большое количество метафорических проекций, значительно влияя на терминологический состав текстов и их перевод. Исследования метафорических моделей узкоспециальных дискурсов не теряют своей актуальности, так как имеют значение для усовершенствования автоматических и автоматизированных систем перевода.

Литература

Овсянникова В. В. Антропоморфные метафоры в геологическом дискурсе // Язык и культура. 2010. № 1 (9). С. 48-58.

Овсянникова В.В. Базовая языковая метафора «Природа – это дом» в естественно-научных текстах (на материале текстов по общей геологии) // Вестник Томского государственного университета. 2009. № 318. С. 41-43.

Cuadrado Georgina & Durán Escribano, Pilar. Rocks are Human Beings. Researching the Humanizing Metaphor in Earth Science Scientific Texts // The Global Journal of Pharmaceutical Research. 2013. Vol 13. P. 55-64.

Cuadrado G. & Berge Legrand, J. (2005). A cognitive semantic analysis of metaphor in conceptualizing Particle Physics // Annual Review of Cognitive Linguistics. 2005. 3. P. 165-181.

Cuadrado G. & Durán, P. Proposal for a Semantic Hierarchy of Terminological Metaphors in Science and Technology // International Journal of English Linguistics. 2013. 3: 4. P. 1-14.

Robisco M.M. Análisis cognitivo de las preposiciones en torno al eje de verticalidad en el inglés para la aeronáutica. Madrid: Editorial Doppel, 2011.

Roldán A.M. & P. Ubeda Metaphor in the ESP engineering context // IBÉRICA 2013. 25. P. 107-126.

Roldán-Riejos Ana & Molina, Silvia A Taste of the Technical Cuisine: Metals and Other Ingredients // Procedia - Social and Behavioral Sciences. 2015. P. 178. 201-206. DOI: 10.1016/j.sbspro.2015.03.181.

A.V. Valieva (Neryungri, Russia)

TI (b) NEFU after M.K. Ammosov» in Neryungri

COGNITIVE METAPHOR IN TECHNICAL DISCOURSE

The article studies cognitive metaphor in coal mining discourse. The research analyzes the English-Russian corpus of industrial texts in the field of mine planning and mining. It singles out the main types of metaphorical mapping in the coal-mining technical discourse. The results of the study confirm the systematic and productive nature of metaphor in this domain and demonstrate the diversity of metaphorical mapping as a result of its polydiscursivity.

Key words: baseline metaphor, metaphorical model, mapping, technical discourse, coal mining discourse.

С.А. Герасимова (Москва, Россия)

*Московский городской педагогический университет
gerasvetlana@yandex.ru*

ЖАНРОВЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО ПРОСПЕКТА «ЭНЦИКЛОПЕДИИ» Д. ДИДРО И Ж.-Л. Д'АЛАМБЕРА

В данной статье анализируются причины появления авторского проспекта (Prospectus) «Энциклопедии» Д. Дидро и Ж.-Л. Д'Аламбера как нового научно-литературного жанра XVIII века, стоявшего у истоков современного историко-литературного комментария. Доказывается потребность в функционировании данного жанра, продвигавшего справочное издание на издательском рынке как высококачественный интеллектуальный продукт. Уточняется, что Prospectus относится к полемическому типу метажанра, поскольку в нем присутствуют рефлексивно-комментирующие и диалогические элементы авторской оценочности и стратегичности. Особенность Проспекта состояла в его просвещенческом дидактизме, что было присуще большинству произведений Д. Дидро.

Ключевые слова: Prospectus / Проспект, Энциклопедия, научно-литературный жанр, историко-литературный комментарий, читательская аудитория, просвещенческий дидактизм.

Развитие науки и укрепление французского национального письменно-литературного языка в эпоху Просвещения привели к тому, что стали появляться новые жанры, сыгравшие важную роль в формировании национальной литературы во Франции XVIII в., периода вызревания просветительских идей. Ведущей функцией одного из новых научно-литературных жанров «Энциклопедии, или Толкового словаря наук, искусств и ремесел» Д. Дидро и Ж.-Л. Д'Аламбера (далее – «Энциклопедия») становится популяризация новых научных знаний в среде читателей - непрофессионалов. Для привлечения внимания читательской публики к новому научно-художественному произведению Д. Дидро создает новый жанр – *Prospectus / Проспект*.

Определение лексемы *prospectus* во французских словарях показывает, что данный термин книгоиздательской практики, заимствованный из латинского языка, вошел в употребление только в 1723 г. для обозначения подробного плана и описания будущего издания: «*Prospectus* <...> *est d'abord un terme de librairie désignant le programme donnant le plan et la description d'un ouvrage avant son apparition (notamment le célèbre Prospectus de l'Encyclopédie)*»¹ (Проспект – прежде всего книгоиздательский термин, обозначающий программу действий и описание труда до его издания (в частности, знаменитый Проспект Энциклопедии)) [Dictionnaire historique de la langue française 2006: 2981]. (здесь и далее – подчеркнуто нами: С.Г.). В современной книгоиздательской практике термин *проспект книги* обозначает вторичный документ научного характера, в котором автор развернуто представляет читателю содержание и форму будущего издания, стараясь убедить его в достоинствах предлагаемого труда [Мильчин 1998: 316-317].

Отметим, что впоследствии *Prospectus* стал обязательным документом, согласно Кодексу книготорговли и издательского дела (*Code de la Librairie et imprimerie de Paris*) 1744 г., информировавшем о любом произведении и издании, которое планировалось к распространению по подписке (*Souscription*). *Prospectus* печатался до выхода сочинения в стиле планируемого издания (тот же шрифт, формат книги и качество бумаги) [Sougrain 1744: 129], что свидетельствует об ответственности автора и издателя перед будущими читателями.

С октября 1647 года Д. Дидро вместе с Ж.-Л. Д'Аламбером (*co-directeurs du projet*) возглавлял работу над «Энциклопедией». Информационно-рекламным стимулом при позиционировании «Энциклопедии» как нового издания на книжном рынке стали два варианта Проспекта (*Le Prospectus*, 1745, 1750). Встает вопрос, почему Д. Дидро создал два варианта Проспекта. Для привлечения многочисленных подписчиков **Проспект 1745 г.** объявлял о создании точного перевода и публикации французской версии одного из изданий английской «Циклопедии» Эфраима Чемберса – *Cyclopaedia: or an Universal Dictionary of Arts and Sciences* под названием «Универсальный словарь искусств и наук» [Edition numérique collaborative et critique de l'Encyclopédie]. Думается, что в силу финан-

¹Здесь и далее – перевод В.М. Богуславского [Богуславский 1994].

совых трудностей этот Проспект не дал ожидаемого результата (текст Проспекта 1745 г. отсутствует даже в Национальной библиотеке Франции [Lough 1969: 267]), поэтому только через пять лет появился его второй вариант.

В октябре 1750 г. Д. Дидро при поддержке объединения ассоциированных книготорговцев Парижа выпустил обновленный **Проспект (*Prospectus*)** тиражом 8000 экземпляров [Diderot 1750], ставший для того исторического периода в жанровом отношении новым феноменом, сыгравшим в литературном процессе значимую роль при продвижении «Энциклопедии». Согласно требованиям своего времени и для придания социокультурной значимости сочинению Д. Дидро предварил издание «Энциклопедии» дотекстовым обращением к читателю, объясняя с его помощью актуальность и суть инновационного в жанровом отношении произведения.

Новый *Проспект* по сути стал *концептуальным историко-литературным комментарием* подготовительного этапа создания «Энциклопедии», который определялся «читательским назначением издания» [Лотман 1995: 472], подводя итоги многолетней работы большого коллектива. Повествовательная перспектива данного текста заложена в семантике термина, определяющего жанр текста – *Проспект*, представляющий собой новый для того времени метатекстовый литературный жанр, своеобразный опыт подготовки к изданию, развернутый преамбульный комментарий, рассчитанный не только на эрудитов, но и пытливого читателя (*un lecteur studieux*).

Проспект как новый жанр представлен текстом комментирующего характера и фактически формирует «горизонт ожидания» читателей, который Н. Пьегэ-Гро обозначает как «знание читателем правил игры» (*un ensemble de règles du jeu que le lecteur est censé reconnaître*), связывая его с культурным и литературным опытом последнего [Piégay-Gros 2002: 232-233]. Данный историко-литературный термин позволяет автору произведения определять степень новизны книги и говорить о принятии или отказе читателем в этой новизне.

Словацкий ученый А. Попович, предложил считать метатексты, коррелирующие с основным произведением, самостоятельными произведениями, выделив ряд признаков, устанавливающих соотношение между основным и вторичным текстами, среди которых обозначим [Попович 1980]:

1. Аксиологическую составляющую Проспекта, что находит выражение в высоком пафосе и оценочности суждений, поскольку Д. Дидро апеллирует к эмоциональной сфере потенциальной читательской аудитории, когда оценочный характер дискурса писателя направлен на осознание читателем уникальности будущей Энциклопедии: «*Jusqu'ici personne n'avait conçu un ouvrage aussi grand, ou du moins personne ne l'avait exécuté*» (Никто еще доньше не начинал столь великого дела или, по крайней мере, никто не мог довести его до конца) [Diderot 1750: 130]. Оценочные высказывания создают особую коммуникативную тональность, основанную на содержательной позиции говорящего (в данном случае – автора) и теме самого жанра – Проспекта [Дементьев 2016, с. 20].

2. Авторскую стратегичность и диалогичность, демонстрирующие корреляцию между двумя текстами (метатекстом и основным научно-художественным текстом будущей «Энциклопедии»). Адресат метатекста в таком случае может рассматриваться либо как «неэрудированный читатель», либо как профессио-

нально заинтересованный адресат (литературовед, литературный критик и др.) [Попович 1980: 143-145]. В Проспекте как метатекстовом жанре активно используются рефлексивно-комментирующие и диалогические элементы, которые «скрепляются» коммуникативной интенцией автора, предполагающей разъяснение читателям структурных особенностей «Энциклопедии», мотивов отбора материала, непосредственную апелляцию к читателю [Киселев 2006]. Можно согласиться с мнением, что читательской аудиторией, на которую рассчитывал Д. Дидро, являлась светская интеллигенция, у которой не было опыта, к примеру, в сфере технических знаний: «*Les lecteurs visés par Diderot étaient les laïcs intelligents sans aucune expérience dans le sujet expliqué*» [Birn 1988: 640].

3. Объяснительный потенциал Проспекта, эксплицирующего сложную природу готовящегося к изданию словаря. Текст Проспекта 1750 г. отсылает читателя к структуре будущего издания: «*Toute la matière de l'Encyclopédie peut se réduire à trois chefs: les sciences, les arts libéraux et les arts mécaniques*» (Весь материал энциклопедии может быть сведен к трем главным отделам: науки, искусства и ремесла) [Diderot 1750: 136]. Проспект выступил «авантекстом», фактически став детальным планом издания, своего рода материальным предшественником «Энциклопедии», обеспечившим ее подготовку [Бельмен-Ноэль 1999]. В этом авторском метажанре Д. Дидро очертил главную задачу, стоявшую перед авторами «Энциклопедии», – воплотить проект создания идеального свода всех знаний: «*le premier pas que nous avons à faire vers l'exécution raisonnée et bien entendue d'une Encyclopédie, c'était de former un arbre généalogique de toutes les sciences et de tous les arts*» (первый шаг, который нам предстояло сделать к обдуманной и хорошо осознаваемой задаче издания Энциклопедии, – это составить генеалогическое древо всех наук и всех искусств) [Diderot 1750: 133].

Просветительский прагматизм Д. Дидро состоит в том, что писатель поставил в центр своих интересов «Энциклопедию» как научно-литературный жанр, который призван воспитывать общество на основе новой образовательной парадигмы. Социальный и речевой поступок Д. Дидро проявился в создании нового жанра – Проспекта, отразившего ответственность его создателя как коммуникативной личности [Викулова 2016, с. 267].

Литература

Бельмен-Ноэль Ж. Воссоздать рукопись, описать черновики, составить авантекст // Генетическая критика во Франции: антология. М: ОГИ, 1999. С. 93-115.

Викулова Л.Г. Французский литератор XVII века: энциклопедическая доминанция, лингвистическая компетенция, коммуникативное лидерство // Древняя и Новая Романия. 2016. № 17. С. 266-278.

Киселев В.С. Метатексты в русской прозе XVIII столетия: эволюция повествовательных форм // Известия РАН. Серия литературы и языка. 2006. Т. 65. № 3. С. 20–31.

Лотман Ю. М. Пушкин. СПб.: Искусство-СПБ, 1995.

Мильчин А.Э. Издательский словарь-справочник. М.: Юристъ, 1998.

Попович А. Проблемы художественного перевода / перевод со словацкого И.А. Бернштейн и И.С. Чернявской / под общ. ред. П.М. Топера. М.: Высшая школа, 1980.

Проспект // В.М. Богуславский. Философия в Энциклопедии Дидро и Даламбера. М.: Наука, 1994. С. 42-54.

Birn R. Les mots et les images: l'Encyclopédie, le projet de Diderot et la stratégie des éditeurs // *Revue d'histoire moderne et contemporaine*. 1988. Том 35. №-4. P. 637–651. URL: <https://www.persee.fr/authority/257220>

Dictionnaire historique de la langue française: en trois volumes / sous la direction d'Alain Rey. Paris: le Robert, 2006.

Diderot D. Prospectus / Texte établi par J. Assézat et M. Tourneux, Garnier (XIII, P. 129–158). 1750. URL: <https://fr.wikisource.org/wiki/Prospectus>

Edition numérique collaborative et critique de l'Encyclopédie. URL: <http://enccre.academie-sciences.fr/encyclopedie>

Lough J. Le Breton, Mills et Sellius // *Dix-huitième siècle*. 1969. Vol. 1. P. 267–287. URL: https://www.persee.fr/doc/dhs_0070-6760_1969_num1_1_895

Piégay-Gros N. *Le lecteur: textes choisis et présentés par.* Paris: G.F. Flammarion, 2002.

Sougrain Cl.-M. Code de la Librairie et Imprimerie de Paris, ou conférence du règlement arrêté au Conseil d'État du Roy, le 28 février 1723, et rendu commun pour tout le Royaume, par Arrêt du Conseil d'État du 24 mars 1744. Avec les anciennes ordonnances, édits, déclarations, arrêts, règlements & jugements rendus au sujet de la Librairie & de l'Imprimerie, depuis l'an 1332, jusqu'à présent. Paris Aux Dépens de la Communauté, 1744. XXIV, 496 p. URL: <https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k6452483t/f159>

S.A. Gerasimova (Moscow, Russia)
Moscow City University (MCU)

THE GENRE POTENTIAL OF THE PRELIMINARY PROSPECT OF DIDEROT AND J.-L. D'ALEMBERT'S ENCYCLOPAEDIA

This article considers the reasons why Diderot and J.-L. D'Alembert's Prospectus for the Encyclopedia (Encyclopédie) emerged to create a new scientific-literary genre of the 18th century which served as the origin of modern historical and literary commentary. The article proves the relevance of the genre, which promoted the Encyclopedia in the publishing market claiming it was a high-quality intellectual product. Prospectus is viewed as a metatext literary genre, which forms the readers' "horizon of expectations". It is revealed that the text of Prospectus mirrors the expert community of Enlightenment scholars as a collective bearer of special knowledge, presented in the Encyclopedia. The principal feature of Prospectus is its Enlightenment didacticism, which was typical for most of Diderot's works.

Key words: Prospectus, Encyclopedia (Encyclopédie), scholarly-literary genre, historical-literary commentary, readership, Enlightenment didacticism.

Е.В. Дзюба (Санкт-Петербург, Россия)
Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого
elenacz@mail.ru

И.Ю. Рябова (Екатеринбург, Россия)
Уральский государственный юридический университет им. В. Ф. Яковлева
i.y.ryabova_3012@mail.ru

РАЗНОУРОВНЕВАЯ ГИБРИДНОСТЬ СОВРЕМЕННОГО РЕКЛАМНОГО ТЕКСТА

В фокусе внимания современный рекламный текст как сложно организованный, многослойный семиотический комплекс, рассмотренный в социолингвистическом,

историко-философском, когнитивном ключе. Реализованный посредством комикса в жанровом отношении, представленный в виде поликодового текста в плане речевого и языкового воплощения и активизирующий два типа мышления (научное и обыденное) рекламный текст демонстрирует свойство гибридности одновременно в нескольких плоскостях.

Ключевые слова: рекламный текст, взаимодействие, семиотика, гибридность, гибрид, жанр.

Говоря о художественном произведении, М.Ю. Лотман подчеркнул его специфическую усложненную структуру и многообразные связи с околोलитературным контекстом: «Многослойный и семиотически неоднородный текст, способный вступать в сложные отношения как с окружающим культурным контекстом, так и с читательской аудиторией, перестает быть элементарным сообщением, направленным от адресанта к адресату. Обнаруживая способность конденсировать информацию, он приобретает память» [Лотман 1992: 131]. Ученый подчеркивал, что сложно организованный текст не просто передает информацию, он ее трансформирует, перерабатывает, порождая тем самым новые смыслы.

При этом текст вовлекается в целый ряд взаимозависимых процессов: взаимодействие автора и читателя посредством текста; взаимодействие адресата и культурной традиции («текст выполняет функцию коллективной культурной памяти»); взаимодействие читателя с самим собою в процессе интерпретации текста и «перестройки» посредством этого собственной личности; взаимодействие читателя с текстом (текст становится «равноправным собеседником»); взаимодействие текста и культурного контекста [Лотман 1992: 131-132]. Данная мысль может быть спроецирована сегодня не только на художественные, но также на семиотически сложно организованные тексты иных сфер речевой коммуникации, в частности – на современный рекламный текст. При этом заметим, что текст, фокусирующий на себе эти разнородные, в первую очередь когнитивно-психологические «взаимодействия», превращается в такое образование, которое обладает свойством гибридности сразу в нескольких плоскостях. По замечаниям Е.В. Дзюбы и И.Ю. Рябовой, результатом трансфера знания между различными концептуальными областями как продуктом процесса гибридизации становится «создание нового когнитивного контекста», позволяющего реконструировать персонифицированную модель поведения (здесь – рекламодателей) посредством обращения к различным факторам конституации [Дзюба, Рябова 2021: 297-317]. Рассмотрим положение о многогранной природе гибридности на конкретном примере рекламного текста как продукта «email-маркетинга».

В день философии одна из пиццерий осуществила рассылку электронных писем с рекламой акции по продаже пиццы с промокодом «Сократ». Поликодовый рекламный текст представлен на рисунке 1.

Взаимодействие автора и читателя осуществляется в данном случае посредством рассылаемой рекламы. Исследователи отмечают, что данный вид коммерческих (рекламных) обращений к конкретному человеку или группе людей, использующих «в повседневной жизни электронную почту для делового и личного общения, ... является одним из наиболее результативных видов продвижения бизнеса в Интернете» [Зубарев 2018: 55-57]. Воздействие при этом осуществля-

ется фокусно, с учетом не только потребительских, но также интеллектуальных запросов целевой аудитории (данная рассылка приурочена к Всемирному дню философии, провозглашенному на 33-й сессии Генеральной конференцией ЮНЕСКО в 2005 г. и ежегодно проводимому в третий четверг ноября). Этот факт определяет выбор темы (спор философов о соотношении вещи и идеи) и замысла рекламного сообщения (рекламируемый продукт – пицца Папа Джонс – идеален в силу его максимального «подобия идее» пиццы).

Рис. 1. Рекламный текст пиццерии «Папа Джонс»

Текст интегрирует два жанра: рекламное сообщение и комикс, представляющий собой поликодовый текст, объединяющий вербальные и невербальные средства выражения замысла. Авторы избирают формат комикса неслучайно: комикс представляет собой диалоги героев. В данном случае героями выступают Сократ и Парменид, которые являются персонажами произведения Платона «Диалоги» [Платон]. С именем Сократа связано открытие диалектического (сократического) метода рассуждения, суть которого сводится к рождению истины в результате взаимодействия противоречивых суждений. Философию Сократа описал Платон, который в свою очередь создал учение об идеях вещей. Таким образом, выражение «идея пиццы» в рекламном тексте прецедентно отсылает к учению Платона об идеях.

В диалоге Платона «Парменид» Сократ и его собеседник рассуждают о дуализме идеи и вещи, Сократ подчеркивает: «... идеи пребывают в природе как бы в виде образцов, прочие же вещи сходны с ними и суть их подобия, самая же причастность вещей идеям заключается не в чем ином, как только в уподоблении им» [Платон]. Попутно заметим значимость данной идеи для когнитивной лингвистики и особенно для теории прототипов, учения «о видах и структуре категорий» [см. подробнее: Дзюба 2012]. Вымышленный в рекламе вопрос Парменида, обращенный к Сократу, *Идея пиццы тоже существует?* и утвердительный ответ мыслителя транслируют идею о причастности обсуждаемого объекта высоким материям. В этом видится намеренный прием когнитивного соположения бытового и бытийного. Каламбур, основанный на пересечении значений слов *идея* («мысль») и *идеальный* («безупречного качества»), и прием прямолинейного ответа (на вопрос *какая?* собеседник отвечает неточно, избегает прила-

гательных и сразу называет сам рекламируемый объект) раскрывают замысел авторов, который заключается в утверждении идеи безупречности рекламируемого товара, принятии его высокого качества без лишних слов.

Пониманию рекламного текста способствуют визуальные образы: древнегреческих философов реципиент узнает по специфической одежде (вероятно, хитон) и некоторым иным атрибутам (венки на голове Парменида, создавшего учение о венцах Вселенной, виноградная кисть в руках Парменида, бокал у Сократа). Прецедентные имена (Сократ, Парменид) и прецедентные культурные образы (облик древнего грека, виноградная лоза и вино, венки из лавра или оливы) стимулируют процессы взаимодействия, с одной стороны – текста и культурного контекста, с другой стороны – адресата и культурной традиции, активизируя таким образом культурную память. Иронический прием включения в ряд прецедентных имен единицы *ПАПА ДЖОНС* также актуализирует идею уподобления торговой марки и ее продукта едва ли не идеальным образцам.

Декодирование представленного текста, который совмещает разные жанры, языковые и неязыковые приемы воздействия, бытовые и бытийные аспекты существования человека и окружающего его мира, способствует активизации процессов взаимодействия читателя с текстом, который становится «равноправным собеседником», а также читателя с самим собою при интерпретации текста. При этом текст обнаруживает следы гибридности в разных аспектах. Данный текст является гибридом по выбору средств выражения и воздействия (представлен поликодовый текст, сочетающий неразрывно связанные вербальные и визуальные образы); по своей жанровой форме (рекламное сообщение реализовано как комикс с отсылкой на уникальный платоновский жанр – диалогов); по способам активизации мышления (соединены два когнитивных плана: научно-философский и бытовой, потребительский).

Текст, по замечанию Ю.М. Лотмана, предстает как «сложное устройство, хранящее многообразные коды, способное трансформировать получаемые сообщения и породить новые, как информационный генератор, обладающий чертами интеллектуальной личности. В связи с этим меняется представление об отношении потребителя и текста. Вместо формулы «потребитель дешифрует текст» возможна более точная – «потребитель общается с текстом». Он вступает с ним в контакты. Процесс дешифровки текста чрезвычайно усложняется, теряет свой однократный и конечный характер, приближаясь к знакомым нам актам семиотического общения человека с другой автономной личностью» [Лотман 1992: 132]. Эта мысль о многослойности и семиотической неоднородности текстов относится к современным рекламным произведениям (по крайней мере – некоторым), а сложный процесс разнообразных «взаимодействий» отражается в таком свойстве современных рекламных текстов, как разноуровневая (семиотическая, жанровая, смысловая) гибридность.

Литература

Дзюба Е.В. О видах и структуре категорий // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова. 2012. № 19. С. 20-33.

Дзюба Е. В. Трансфер юридического знания в нарративное пространство художественного произведения. Е.В. Дзюба, И.Ю. Рябова // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2: Гуманитарные науки. 2021. Т. 23. № 4. С. 297-317.

Зубарев А.О. Особенности развития электронного маркетинга в России // Вестник научных конференций. 2018. № 3-4 (31). С. 55-57.

Лотман М.Ю. Избранные статьи в трех томах. Том 1. Статьи по семиотике и типологии культуры. Таллинн: «Александра», 1992.

Платон. Парменид // Диалоги. URL: <https://classics.nsu.ru/bibliotheca/plato01/parme.htm> (Дата обращения: 10.04.2023).

E.V. Dziuba (St. Petersburg, Russia)

Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University

I.Y. Ryabova (Yekaterinburg, Russia)

Ural State Law University named after V.F. Yakovlev

MULTILEVEL HYBRIDITY OF MODERN ADVERTISING TEXTS

The article examines modern advertising text as a complex semiotic sign in terms of sociolinguistics, history, philosophy, and cognitive linguistics. Presented through the comic book genre as polycode text in its speech and language design and activating two ways of thinking (scientific and ordinary), advertising text demonstrates hybridity simultaneously on several levels.

Key words: advertising text, interaction, semiotics, hybridity, hybrid, genre.

В.Д. Диденко (Москва, Россия)

МГИМО МИД России, wikadidenko@gmail.com

А.В. Анищенко (Москва, Россия)

Московский государственный лингвистический университет

allan031@yandex.ru

УСТНОЕ ВОСПОМИНАНИЕ-ИНТЕРВЬЮ В СВЕТЕ ТЕОРИИ ПРОТОТИПОВ

Устное воспоминание-интервью характеризуется как гибридный тип текста, сочетающий прототипические характеристики конвенционального устного воспоминания, а также отличительные вариативные характеристики, обуславливающие выполнение прагматических задач сохранения и трансляции информации о событиях прошлого.

Ключевые слова: прототип, вариант, устное воспоминание, устное воспоминание-интервью.

Развитие информационных и коммуникационных технологий, наряду с актуальными задачами и потребностями общества создают предпосылки для возникновения новых лингвистических феноменов, в том числе и для появления новых типов текста. И хотя воспоминания как зафиксированные вербально ретроспективные репрезентации событий существовали уже не одно тысячелетие, до недавнего времени речь шла об их письменной фиксации. Полноценная трансляция устных воспоминаний для массового реципиента на долгосрочной основе стала возможна только с развитием цифровых технологий, что обуслови-

ло трансформацию типа текста «устное воспоминание» и вызвало появление его вариантов «устное воспоминание-интервью», «устное воспоминание-документальный фильм», «воспоминание-беседа» и др.

Целью исследования является анализ типа текста «устное воспоминание-интервью» в свете теории прототипов. Это позволит выделить общие прототипические, т.е. свойственные для всех представителей категории устных мемуарно-автобиографических текстов характеристики, а также определить типологические черты устного воспоминания-интервью, создающие их прагматический потенциал.

Отметим, что классификация мемуарных текстов сейчас находится в активной фазе и пополняется новыми типами текстов. Помимо расширения технических возможностей это объясняется и тенденцией к гибридизации самих текстов: например, личный дневник может совмещать в себе дневник в традиционном понимании и онлайн-дневник, блог, влог и др. Классификация мемуарных текстов может проводиться на основе различных критериев, наиболее значимые из которых: перволичность / опосредованность; адресат; временной фактор (обращенность в прошлое или настоящее), участие другого человека в создании текста; канал трансляции.

В соответствии с теорией прототипов тип текста «устное воспоминание» может быть выделен как «лучший представитель», ядро всей категории устных мемуарно-автобиографических текстов, т.е. текстов, представляющих собой воспоминание о событиях прошлого, где объектом ретроспекции оказывается сам автор. Устное воспоминание выступает, таким образом, как «наиболее репрезентативный (канонический, эталонный) вариант устных мемуарно-автобиографических текстов, характеризующийся наибольшей специфичностью и концентрацией специфических признаков [Бондарко 2003], таких как: ретроспективность, хронологичность, документальность, субъективность, эмотивность, оценочность, аксиологичность, тождественность автора, повествователя и героя, устность.

Будучи прототипом, устное воспоминание способно «порождать» новые типы текстов, обладающие как перечисленными прототипическими чертами, так и отличиями и характеристиками, обеспечивающими их структурное и функциональное своеобразие. К таким текстам-вариантам можно отнести, например, устное воспоминание-интервью, устное воспоминание-документальный фильм, устное-воспоминание-беседа и т.д.; при этом, каждый из вариантов может быть источником новых производных.

Анализируемый в рамках данного исследования тип текста «устное воспоминание-интервью» рассматривается как вариант устного воспоминания, т.е. как информационное единство, передающее индивидуально-авторское знание о событиях прошлого в рамках конкретной ситуации в настоящем и обладающее в той или иной степени прототипическими чертами устного воспоминания. Отличительной особенностью устного воспоминания-интервью является то, что оно инициируется внешними факторами, среди которых стоит назвать общественных или государственных заказчиков, например, исторические фонды или архивы, средства массовой информации. В связи с этим, воспоминание-интервью не

только изменяет структурные характеристики, становясь диалогичным текстом, но и расширяет свой прагматический потенциал, выполняя функцию, заложенную его инициатором.

Устное воспоминание-интервью, совмещающее в себе два типа текста – интервью и мемуары, может быть зафиксировано на электронном носителе, что ставит его в обособленное положение среди других мемуарных текстов. Фиксация устного интервью не позволяет отнести его к другим опосредованным текстам, поскольку воспоминания свидетеля не опосредованы другим соавтором. В то же время, в интервью важную роль играет модератор, направляющий беседу в нужное русло, а также редактор материала. Оба они так или иначе выполняют функцию посредника. Степень вовлеченности модератора и редактора материала достаточно высока. Целенаправленное применение интервьюером речевых стратегий воздействия, а также последующая редакторская обработка текста происходят с учетом задач интервью и свидетельствуют об институциональном характере коммуникативного события.

Устная форма текстов-воспоминаний определяет их относительную спонтанность: предмет обсуждения известен, но направление беседы меняется в режиме живого общения. Неподготовленные, спонтанные тексты характеризуются наличием кратких и незаконченных предложений. Неподготовленность текстов сказывается на порядке следования частей текста, в текстах-воспоминаниях может нарушаться хронология событий. Следствием неподготовленности текстов являются повторы целых предложений, семантические и лексические повторы.

Корпус исследования составили немецкоязычные устные воспоминания-интервью со свидетелями исторических событий последнего столетия, находящихся в архиве Немецкого государственного исторического фонда (Stiftung Haus der Geschichte der Bundesrepublik Deutschland).

Отметим, что для институционализированных интервью-воспоминаний важен этап сохранения и трансляции информации, поскольку такое воспоминание одновременно передает информацию индивидуального и коллективного характера и может участвовать в формировании и поддержании культурной памяти лингвосоциума. Такие воспоминания выступают как реконструируемый через призму индивидуального, часто эмоционально окрашенного восприятия фрагмент национальной истории [Анищенко, Диденко 2022: 14]. Чтобы воспоминание стало частью культурной памяти, оно должно выйти за рамки индивидуального. Воспоминания участников и свидетелей исторических событий способны восстановить совокупность фактов, не получивших отражения в других видах исторических источников, и могут иметь важное значение для реконструкции того или иного события.

Таким образом, как вариант устного воспоминания, исследуемые устные воспоминания-интервью предстают как гибридный тип текста, сочетающий структурные и содержательные характеристики устного воспоминания и интервью. Они сочетают личностный (индивидуальный и субъективный характер) и надличностный (социальная и историческая значимость) факторы; характеризуются наличием косвенного адресата; сменой ролей адресантов; прецедентностью. Данные характеристики взаимосвязаны и обусловлены в первую очередь институциональным характером интервью-воспоминаний.

Литература

Анищенко А.В., Диденко В.Д. Вербализация эмоций в немецкоязычных интервью-воспоминаниях // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2022. Вып. 11(866). С. 9-15.

Бондарко А.В. Функциональная грамматика: проблемы системности // Русский язык в научном освещении. 2003. Вып. 1(5). С. 5-22.

V.D. Didenko (Moscow, Russia)

MGIMO University

A.V. Anishchenko (Moscow, Russia)

Moscow state linguistic university

ORAL RECOLLECTION INTERVIEW IN THE PROTOTYPE THEORY

Oral recollection interview is characterized as a hybrid type of text that combines the prototypical characteristics of conventional oral recollection and distinctive variant characteristics that determine the fulfillment of the pragmatic tasks of preserving and transmitting information about past events.

Key words: prototype, variant, oral memory, oral memory-interview.

О.А. Димитриева (Чебоксары, Россия)

Чувашский государственный педагогический

университет им. И.Я. Яковлева

olgaal_79@mail.ru

ПРЕЦЕДЕНТНЫЙ ТЕКСТ В КУЛИНАРНОМ РЕЦЕПТЕ КАК ФОРМАТ «КУЛЬТУРНЫХ» ЗНАНИЙ

В статье рассматриваются особенности функционирования прецедентных текстов в заголовках кулинарных рецептов А. Зимина и Е. Чекаловой, извлеченных из журнала «Коммерсантъ Weekend». Отмечается частое употребление как канонического прецедентного феномена, так и прецедентного клише, или фразеосхемы.

Ключевые слова: медиатекст, кулинарный рецепт, прецедентный текст, когниция, интерпретация.

Вводные замечания. Явление прецедентности широко изучается как в лингвистике, так и литературоведении (о различии в подходах см. [Михновец 2006]). Ю.Н. Караулов называет прецедентные тексты «готовыми интеллектуально-эмоциональными блоками», т.е. это «стереотипы, образцы, мерки для сопоставления», которые «используются как инструмент» переключения «из «фактологического» контекста мысли в «ментальный» и <...> обратно» [Караулов 2010: 220]. В.В. Красных, исследуя «ментефакты» как репрезентанты «национально-культурной когнитивной базы и культурного пространства», выделяет 4 основных класса: знания, понятия, концепты, представления, причем последние два «обладают эмотивностью, аксиологичностью, оценочностью», «культурозависимы и культуроспецифичны», а следовательно, и включают прецедентные феномены [Красных 2012].

Апеллирование к национально-культурной базе проявляется в медийном дискурсе, что отвечает его основной цели – воздействие на читателя (см. например, [Кушнерук 2005]). Использование прецедентных феноменов как культурно маркированных единиц имеет свои особенности при создании кулинарного рецепта. Традиционное наименование, как правило, содержит прямое указание на то, что будет готовиться: салат «Оливье», торт «Наполеон» и т. п. Материалом для данного исследования послужили заголовки кулинарных рецептов А. Зимина и Е. Чекаловой, извлеченные из журнала «Коммерсантъ Weekend». Помимо типичных названий рецептов типа «Салат из рубленой куриной печени», «Запеченные яблоки» и т. п., некоторые рецепты имеют название, в котором сохраняется эффект неожиданности и тайны, например, «*Экссессы на горошине*» (прецедентный текст – «Принцесса на горошине» Г.Х. Андерсена). В таких случаях, как правило, появляется дополнение к основному названию, эксплицирующее кулинарный подтекст, или, говоря словами Ю.Н. Караулова, переход от ментального к фактологическому контексту: «Алексей Зимин о супе из нута с кальмарами» (№4, 07.02.2014).

Прецедентные феномены в заголовках медийного кулинарного рецепта.

1. Прецедентная единица (далее – ПЕ) употребляется в каноническом виде, причем названия рецептов могут содержать «кулинарно-гастрономические / пищевые» лексемы, как например, (1) *Вершки и корешки*: Алексей Зимин о слойках с ревенем (№25, 06.07.2012); (2) *Съешь пирожок!* Елена Чекалова о пирожках с осенними ягодами (№35, 14.09.2012), или могут быть тематически не связаны с гастрономией, но интерпретироваться в кулинарно-аксиологическом ракурсе: (3) *Два капитана*. Еда с Алексеем Зиминым (№18, 20.05.2011); (4) *Французу отдана*. Алексей Зимин об утиной грудке с вишневым соусом (№45, 06.12.2013); (5) *Жизнь за царя*. Еда с Алексеем Зиминым (№45, 25.11.2011); (6) *Ориентация – Север*. Алексей Зимин о тартаре из лосося (№7, 01.03.2013). В последнем случае «работает» ассоциативный ряд, который отсылает чаще всего либо к блюду / продукту, либо является национальным / географическим индикатором: «двумя капитанами» оказываются свекла и квас, что, по мнению А. Зимина, лучше всего характеризуют нашу кухню (пример 3); «царем» становится салат «Цезарь» (пример 5); наименование «Ориентация – Север» переносит читателя в шведскую кухню (6), рецепт 4 приводится в исполнении француза Раймона Блана.

2. В ПЕ вводится отрицательный модус – частица *не* – для маркирования того или иного аспекта темы рецепта: *Прекрасна не без извилин*: Алексей Зимин о телячьих и бараньих мозгах (№38, 03.10.2014); *Праздник, который не всегда с тобой*. Еда с Алексеем Зиминым (№49, 21.12.2012); *Котелок, не вари*. Алексей Зимин о зеленом супе с курицей, помидорами и лаймом (№2, 02.02.2018); *Вернуться к не нашим баранам*. Алексей Зимин о пряной баранине с изюмом и миндалем (№14, 20.04.2012); *Ура, не гнутся шведы!* Елена Чекалова о том, чем хороша настоящая нордическая кухня (№5, 26.02.2016). Строчки высокой поэзии переформатируются: аксиологический пафос нивелируется, строки интерпретируются в прямом смысле (ср. *без извилин*₁ – без недостатков в стихотворении Б. Пастернака «Любить иных тяжелый крест...», (*не*) *без извилин*₂ в рецепте А. Зимина – рецепт о приготовлении телячьих мозгов). Строчки из поэмы «Полтава» А.С. Пушкина – *Ура! Мы ломим; гнутся шведы...* – о победе русских отсылают к

блюдам нордической кухни. В некоторых случаях для создания контраста, наоборот, частица *не* убирается: *Миссия выполнима*. Елена Чекалова о битых огурцах в тхинном соусе (№40, 24.11.2017) (ср. с источником – наименованием американского фильма «Миссия невыполнима», шпионский боевик).

3. ПЕ в составе стилистического приема – паронимической аттракции. Принято считать паронимизию бинарной структурой, в которой присутствуют оба паронима. Воспроизводимость ПЕ позволяет процесс языковой игры осуществлять во «внутренней речи», имплицитно: *Студный день*. Алексей Зимин о том, как готовить студень (№39, 18.11.2016); *Перу на весь мир*. Елена Чекалова о «новой андской кухне» (№41, 27.11.2015); *Еда с Алексеем Зиминым. Горе от умами* (№7, 26.02.2010); *Лето красное проела*. Еда с Еленой Чекаловой (№31, 15.08.2008); *Если наступит завтрак*. Алексей Зимин о шакишке (№44, 14.11.2014); *Под крышкой* дома своего. Елена Чекалова о супе фо бо (№2, 25.01.2013); *Дорогой блинню*. Елена Чекалова о том, как просеивать, замешивать и выпекать (№7, 11.03.2016). Исходные прецедентные феномены – *судный день*; *пир на весь мир*; *горе от ума*; *лето красное проела*; *если наступит завтра*; *под крышей дома своего*; *дорогой длинню* – являются источниками для приведенных заголовков, в языковую игру вступают лексемы *судный / студный*; *пир / Перу*; *(от) ума / умами*; *проела / проела*; *завтра / завтрак*; *(под) крышей / крышкой*; *длинню / блинню*. Особенностью таких заголовков становится трансформация кулинарно нейтральной лексики в кулинарно маркированную.

4. Как отмечает Е.Н. Ремчукова, многие прецедентные тексты в силу своей хрестоматийности «трансформируются по определённым «лекалам» субституции», т. н. «прецедентные клише» [Ремчукова 2022: 255]. В синтаксической фразеологии это является основной единицей – «фразеосхемой». Приведем примеры из заголовков кулинарных рецептов: *Еда с Еленой Чекаловой. Килька я дрожащая или анчоус имею?* («Quality». Приложение №3, 09.04.2010), *Вышел трюфель из тумана*. Елена Чекалова о картофельном креме с копченым чаем, перепелиным яйцом и трюфелем (№47, 07.12.2012); *Еда с Алексеем Зиминым. Истина в свинье* (№34, 03.09.2010); *Найти место под соусом*. Елена Чекалова о рагу из кролика Валентино Бонтемпи (№42, 03.11.2011); *Утка мира*. Елена Чекалова о новогодней утке-леденце (№50, 26.12.2014); *Еда с Алексеем Зиминым. Салатами не рождаются* («Weekend». Приложение №42, 04.12.2009). Как видно из примеров, элементами субституции становится лексика, обозначающая продукт питания, который является основным ингредиентом приготавливаемого блюда (*килька / анчоус, трюфель, свинья, утка*) или наименованием самого блюда, его части (*соус*).

5. В некоторых заголовках встречается контаминация двух ПЕ. Так, название рецепта «*И одна в поле ягода*. Алексей Зимин о черемуховом пироге» (№5, 15.02.2013) содержит отсылки к двум выражениям «И один в поле воин...» и «одного поля ягода» (или, возможно, к песне БГ группы «Аквариум», строчки которой довольно часто приводит А. Зимин, «В поле ягода навсегда»).

Выводы. Таким образом, одной из частотных стратегий использования ПЕ в заголовках является трансформация кулинарно нейтральной лексики в кулинарно маркированную. Каноническое употребление ПЕ обязывает автора дополнительно раскрыть информацию в подзаголовке, в том случае если в нем не содержится лексема с гастрономической семантикой.

Как отмечают Л.В. Моисеенко, Э. Керо Хервилья, «медиаальный интертекст носит автороцентристский характер» [Моисеенко, Керо Хервилья 2021: 455]. Приведенные примеры прецедентных единиц, их широкий диапазон в отношении сферы-источника свидетельствуют, с одной стороны, об особенностях языковой личности автора. С другой стороны, употребление ПЕ предполагает общность «национально-культурной когнитивной базы» (по В.В. Красных) автора и читателя.

Литература

- Караулов Ю.Н.* Русский язык и языковая личность. 7-е изд. М.: Изд-во ЛКИ, 2010.
- Красных В.В.* Когнитивная подсистема лингвокультуры: возможные пути исследования // Язык, сознание, коммуникация. 2012. Вып. 45. С. 4-38.
- Крылов С.А., Фролова О.Е.* Интертекстуальная цитата как единица синтаксической фразеологии (фразеосхема) // XLVI Международная филологическая научная конференция. Тезисы докладов. СПб.: СПбГУ, 2017. URL: <https://conference-spbu.ru/conference/36/reports/5251>
- Кушнерук С.Л.* Прецедентные имена как символы прецедентных феноменов в рекламных дискурсах России и США // Известия уральского государственного педагогического университета. Лингвистика. 2005. №16. С. 182-189.
- Михновец Н.Г.* Явление прецедентности: лингвистический и литературоведческий подходы // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2006. Т. 7. № 21-2. С. 41-50.
- Моисеенко Л.В., Керо Хервилья Э.* Прецедентное пространство русского массмедийного дискурса // Русистика. 2021. Т. 19. № 4. С. 453-465.
- Ремчукова Е.Н.* Динамика прецедентного знака в медиатексте: «прецедентное клише» как стандарт, «прецедентный комплекс» как творчество // Медиалингвистика: мат-лы VI междун. научн. конф. Вып. 9. СПб.: Медиапепир, 2022. С. 254-256.

O.A. Dimitrieva (Cheboksary, Russia)

Chuvash I. Yakovlev State Pedagogical University

PRECEDENT TEXT IN CULINARY RECIPES AS A FORMAT OF CULTURAL KNOWLEDGE

The article examines the function of precedent texts in the headings of the culinary recipes of A. Zimin and E. Chekalova, extracted from the magazine “Kommersant Weekend”. Canonical precedent phenomenon and the precedent cliché, or phraseoscheme, are commonly used.

Key words: media text, culinary recipe, precedent text, cognition, interpretation.

M.B. Ereshchenko (Rostov-na-Donu, Russia)

Южный федеральный университет

mar.ereshchenko@yandex.ru

ИНФОРМАЦИЯ В СЕТЕВОМ ДИСКУРСЕ: РАСПРОСТРАНЕНИЕ И ИНТЕРПРЕТАЦИЯ

В статье рассматриваются вопросы распространения и интерпретации информации в социальных сетях, развития и конструирования сетевого дискурса. Особенности коммуникативного взаимодействия участников социальной сети. Особую сложность

представляет исследование жанрового многообразия сетевого дискурса, объединение и интеграция его компонентов.

Ключевые слова: сетевой дискурс, аттрактив, информация, блог, коммуникация, социальная сеть.

Передача информации – это не проблема. Проблема заключается в превращении информации в коммуникацию. Искусственный интеллект (ИИ) является центральным аспектом вычислительной техники и огромным объемом вычислений. Особенно важным элементом ИИ является коммуникация. Мы можем узнать о том, как работает язык, только если рассмотрим, как он используется в конкретных контекстах, как культурных, так и ситуационных. Такая ориентация влечет за собой взгляд на язык как на социальную семиотику [Halliday 1978]. Общей чертой семиотических систем является то, что они развиваются и функционируют в определенном контексте, и что значение является продуктом взаимоотношений между системой и ее окружением. [Halliday 1985: 10] Функция, в свою очередь, имеет различные аспекты, которые одновременно выполняются всякий раз, когда используется язык. «Для чего бы мы ни использовали язык, нам нужно каким-то образом сослаться на категории нашего опыта; нам нужно взять на себя какую-то роль в межличностной ситуации; и нам нужно воплотить это в форме текста» [Halliday 1974: 49-50].

В этом смысле язык обеспечивает поведенческий потенциал, который в конечном счете определяется контекстом культуры. Использование языка – это выбор среди языковых возможностей, определяемых контекстом культуры в конкретном контексте ситуации. Таким образом, язык – это в первую очередь социальный ресурс, с помощью которого говорящие и слушающие могут осмысленно действовать. Однако информация, знания и их передача – это культурные ценности. [Болдырев 2009; Болдырев 2019]. Они позволяют нам создавать свою индивидуальность, развивать чувство общности. Новые формы Интернет-коммуникации бросают вызов нашему самовосприятию внутри сообществ, в которых мы взаимодействуем. Но они, в свою очередь, также формируются социальными и культурными силами.

Социальные сети кардинальным образом меняют способ взаимодействия людей в Интернете, пути поиска информации, комментариев, отзывов и мнений. В сетевых обществах границы проницаемы, коммуникация осуществляется с разными людьми и возможностью переключения между несколькими сетями, а иерархии могут быть более плоскими и рекурсивными [Ereshchenko 2022].

Общение онлайн – это разговор с возможностью поиска. «Новая электронная взаимозависимость возвращает мир к ситуации глобальной деревни» [Мак-Люэн 2004: 47], где пользователи, в отсутствие реального эмоционального контакта при общении, компенсируют его, используя различные знаки, специфичные для Интернета, перенимают языковой стиль.

Социальная сеть приобретает признаки системы – это декларативное представление всех мыслимых ограничений на совместное использование определенного набора признаков, характеризующих область, к которой они применяются. Социальная сеть уже давно не набор ссылок между веб-страницами, полными изображений и текста, это семантическая сеть, которая состоит из связей

между данными, поддающимися компьютерной интерпретации. Такая семантическая сеть позволяет запрашивать и анализировать интегрированные наборы данных, состоящие из отдельных фрагментов информации, которые, может быть, никогда не предполагалось связывать вместе. В условиях сетевой коммуникации эти фрагменты могут быть плодотворно объединены и интегрированы, иногда даже третьей стороной, которая не писала и не владеет никакими исходными фрагментами данных.

Насколько успешно сетевое взаимодействие между сообществами в Интернете? Среди наиболее важных моментов, следует отметить, что пользователи могут использовать технологии таким образом, чтобы помочь увеличить социальный капитал, но этот результат не произойдет автоматически. Это функция человеческих действий, а не технологии. Требуются планирование, поддержка и, прежде всего, сотрудничество, коммуникация, доминирующая форма социальной организации. Социальная сеть расширяет возможности пользователей, а также тех, кто хотел бы контролировать пользователей и оказывать на них влияние. Сеть – это связь «многие ко многим», доступ к знаниям, сотрудничество. Но не является ли она предвестником разрушения социального взаимодействия? Не приведёт ли онлайн коммуникация к удаленности между людьми, разделяющими одно и то же географическое пространство? [Haywood, 1998]. Привела, ослабила национальные и местные культурные различия: и сегодня мы свидетели растущей культурной гомогенизации.

Сообщества внутри социальных сетей разнесены на большие расстояния, слабо ограничены, слабо сплочены и фрагментарны. Большинство людей взаимодействуют во многочисленных, слабо связанных, частичных сообществах. Развитие, регенерация и устойчивость сообществ внутри социальных сетей зависят от механизмов, используемых при распространении информации, базовых интенций, порождающих тот или иной тип речевого действия: привлечение внимания, воздействие, информирование, обучение, инструктаж, предписание, сообщение.

Приведем пример из социальных сетей «VK, Telegram», ярко иллюстрирующий жанровую подвижность системы сетевого дискурса: «Томас Стивенс – человек, который совершил первое кругосветное путешествие на велосипеде. Начал свой путь 22 апреля 1884 г. из Сан-Франциско, а завершил 17 декабря 1886 г. в Иокогаме. В январе 1887 г. прибыл в Сан-Франциско на корабле». Цель данного поста – информирование, обучение, а комментарии выполняют аттрактивную функцию:

« – Мам, я на велике покатаюсь!? Она «Хорошо, только недалеко!» «Ок, я за дом поеду

– Виталий, и три года звала: «Томас кушать»

– Виталий, лучше бы заострили внимание на втором слове

– Дмитрий, с этим «надеть» вместо «одеть» и меня внучка замучила замечаниями))))))

– Ах, бедный мой Томми из к/ф Остров сокровищ

– старинная народная – еду, еду на велосипеде, у прохожих на виду....

– Дмитрий, из личного опыта скажу, что чаще всего говорят «одень» (пусть это и неправильно), поэтому комментарии Виталия вполне себе реалистичный

– Марк, неправильность сомнительна. Просто кто-то сказал, что дескать так неправильно. Но народ-то не обманешь».

То же наблюдаем и следующем примере: «–Есть Индийские обучающиеся. Представляю ... (медицинский вуз)

–.... мед.есть студенты из Индии

– Почему?

– Молодой человек, информация, что в университете есть студенты из Индии относится к заданному Дарьей вопросу. Не думаю, что в чате ... уместен ваш вопрос "почем". Или вы считаете, что тонко пошутили. Модератору предлагаю исключить участника ... из чата за подобные сообщения

Вера, я прошу прощения за, возможно, неуместную шутку, но слишком серьезно относиться, уверен, излишне) Надеюсь, что как Вы простите мне это вечернее сообщение после тяжелого рабочего дня».

Итак, общаясь в социальной сети, мы хотим выполнить некоторый информационный обмен или извлечь некоторую информацию, поддерживая многостороннее взаимодействие без барьеров естественного общения. Вопрос в том, удастся ли нам это взаимодействие? Пользователи могут публиковать свои новости, идеи, комментарии по определенной теме, будучи не ограниченными во времени и пространстве и не полагаясь на большую организационную или профессиональную поддержку. Таким образом, каждому участнику становится относительно легко вступать в диалог и делиться информацией.

Литература

Болдырев Н.Н. Концептуальная основа языка // Когнитивные исследования языка. 2009. Вып. IV. С. 25–77.

Болдырев Н.Н. Язык и система знаний. Когнитивная теория языка. М.: Издательский Дом ЯСК, 2019.

МакЛюэн М. Галактика Гутенберга: Сотворение человека печатной культуры. Киев: Ника-Центр Эльга Издательский дом ДМИТРИЯ БУРАГО, 2004.

Ereshchenko M. Concept of Content-Based News Discourse Construction // Studies in Contemporary Journalism and Communication in Russia's Provinces.- London: Routledge, 2022. Ch.7.URL: <https://doi.org/10.4324/9781003266112-10>

Halliday M.A. K. Language as social semiotic: the social interpretation of language and meaning / [by] M. A. K. Halliday Edward Arnold London, 1978.

Halliday M. A. K. Systemic Background // J. D. Benson, & W. S. Greaves (Eds.). Systemic Perspectives on Discourse. 1985. Vol. 1. P. 49-62.

Haywood T. 'Global networks and the myth of equality: trickle down or trickle away?', in Loader, B. D. (ed.) Cyberspace Divide: Equality, Agency and Policy in the Information Society, London: Routledge, 1998.

M.V. Ereshchenko (Rostov-on-Don, Russia)
Southern Federal University

INFORMATION IN SOCIAL NETWORK DISCOURSE: DISSEMINATION AND INTERPRETATION

The article deals with the dissemination and interpretation of information in social networks and the development and construction of social network discourse. Features of the

communicative interaction of the participants of the social network are presented. Studying the genre diversity of network discourse and the unification and integration of its components is of particular difficulty.

Key words: network discourse, attractive, information, blog, communication, social network.

А.Ю. Зиновьева (Челябинск, Россия)

Южно-Уральский государственный университет

zinovevaai@susu.ru

КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ СТРУКТУРА НАУЧНЫХ СТАТЕЙ И АННОТАЦИЙ ПО ИНТЕГРАТИВНОЙ ФИЗИОЛОГИИ

Проведен онтологический анализ концептуальной структуры русскоязычных научных статей и аннотаций по интегративной физиологии спортсменов на материале выпуска журнала «Человек. Спорт. Медицина». Выявлена близость концептуальных структур с незначительными расхождениями.

Ключевые слова: концептуальная структура, интегративная физиология спортсменов, научная аннотация, научная статья, онтология, русский язык.

Введение. Научные журналы являются основным средством коммуникации между представителями научного сообщества, однако в последние годы неизменный рост науки [Bornmann 2021] и платный доступ к полным текстам статей во многих журналах затрудняет ознакомление с актуальными исследованиями.

Решение проблемы в некоторой степени возможно благодаря аннотациям, с которыми можно ознакомиться беспрепятственно, и которые, в числе прочего, могут быть использованы для репрезентации статей в системах автоматической обработки текста, например, для извлечения информации.

Научная аннотация определяется как «самостоятельный информационно-реферативный жанр научного дискурса, вторичный письменный текст, содержащий научную и техническую информацию в сжатом виде» [Силкина 2018: 73], то есть аннотация должна отражать основное содержание статьи. При этом некоторые авторы – см. [Badenes-Olmedo 2017] – свидетельствуют, что результаты извлечения информации из полнотекстовых версий статей неизменно лучше, чем при обработке соответствующих аннотаций, что снижает ценность аннотации для решения обозначенной проблемы.

Целью настоящей работы было проверить, насколько аннотации к научным статьям предметной области «Исследование интегративной физиологии спортсменов» (далее – ПО ИИФС) отражают содержание соответствующих статей. Сравнение полнотекстовых версий статей и аннотаций выполнено на концептуальном уровне представления информации, поскольку он, в отличие от лексического, предполагает определенную степень обобщения и допускает варьирование лексического состава в аннотации и полном тексте статьи.

Материалы и методы. Выбор ПО ИИФС в качестве изучаемого материала обусловлен важностью исследований в области интегративной физиологии для

медицины, системы здравоохранения и общества в целом. Кроме того, исследования в данной сфере проводятся в ИСТиС ЮУрГУ, и полученные результаты могут быть полезны ученым при поиске и написании статей. Конкретным материалом исследования послужил корпус объемом 30 тысяч словоупотреблений, составленный из статей, опубликованных в номере 22(2) журнала «Человек. Спорт. Медицина». В корпус вошли 20 статей на русском языке, за исключением таблиц, рисунков, источников и сведений об авторах. Следует отметить, что журнал предъявляет строгие требования к структуре и содержанию аннотаций, которые должны отражать цель, методы и материалы, результаты и выводы исследования.

В качестве метода исследования концептуальной структуры выбран онтологический анализ, который предполагает извлечение знаний о сущностях предметной области [Façanha 2019] через отображение лексических единиц на онтологические концепты данной предметной области посредством концептуальной разметки (разметки лексических единиц тегами таких концептов), и включает в себя последующую формализацию и интерпретацию результатов.

В работе были задействованы экстрактор LanAKey [Sheremetueva 2012], онтология ПО ИИФС [Шереметьева 2023] и платформа концептуального аннотирования ПАНТ [Шереметьева 2020], настроенная на ПО ИИФС.

Онтология ПО ИИФС предназначена для обработки текстов на русском и английском языках и интегрирована в систему концептов онтологии MikroKosmos [Nirenburg 2004], в связи с чем имена концептов представлены на английском; значение же концепта определяется его дефиницией и отношениями с другими концептами. Онтология ПО ИИФС постоянно развивается и на момент исследования содержала 48 концептов на двух уровнях иерархии, при этом каждый из концептов представлен множеством лексических единиц, которые хранятся в онтолексиконах. Например, концепт ATHLETE, имеющий дефиницию ‘спортсмены и прочие лица, занимающиеся спортом’, представлен такими единицами, как *бегунья*, *девушка-подросток*, *пловец-дельфинист* и др.

Концептуальная разметка корпуса была проведена автоматически на платформе ПАНТ. Исходная покрываемость корпуса была увеличена путем извлечения из него с помощью экстрактора LanAKey наиболее частотных релевантных для ПО ИИФС именных групп длиной от одного до четырех компонентов. Полученный список был сопоставлен с онтолексиконами, после чего отсутствующие лексические единицы были распределены по концептам и внесены в онтолексиконы. Пополнение онтолексиконов именованными группами продиктовано тем, что именно в них выражается основной контент предметной области.

В связи с тем, что автоматическая разметка формализует информацию о свойствах лексических единиц в предметной области, отражая их возможную концептуальную неоднозначность и синкретизм, далее была вручную выполнена постобработка корпуса для снятия концептуальной неоднозначности. Например, в предложении «*Происходит изменение человеком самого себя, собственных установок и привычных поведенческих стереотипов*» лексическая единица *установка* была автоматически размечена тегами концептов ATHLETE-PHYSICS, ATHLETE-PSYCHOLOGY и EXAMINATION-INSTRUMENT, из которых в результате постобработки был оставлен только тег ATHLETE-PSYCHOLOGY.

Результаты. В полных текстах статей наиболее высокую частоту встречаемости имеют концепты RESEARCH (12,25 %) и MEASUREMENT-PARAMETER (12,15 %), затем следуют концепты ATHLETE (6,78 %), TRAINING-PROCESS (6,19 %), EXAMINATION-RESULT (6,16 %), LOCALIZATION (5,48 %). Вероятно, первые два концепта, будучи фактически общенаучными, широко представлены в каждой статье, в то время как другие четыре явно отражают специфику интегративной физиологии спортсменов как научного направления, изучающего разные аспекты жизнедеятельности спортсмена (ATHLETE) от тренировок (TRAINING-PROCESS) до взаимодействий веществ на клеточном уровне (LOCALIZATION), поэтому представлены в корпусе неравномерно и зависят от содержания включенных в него статей.

Важно отметить, что концептуальные структуры отдельных статей имеют отличия от усредненной концептуальной структуры корпуса, что, вероятно, также объясняется различиями в тематике. Например, в одной из статей значительно чаще, чем в среднем по корпусу, реализуются концепты ATHLETE ($F_{corp} = 6,78\%$, $F_{art}^i = 12,21\%$), ATHLETE-AGE ($F_{corp} = 2,86\%$, $F_{art}^i = 13,74\%$), SPORT ($F_{corp} = 2,14\%$, $F_{art}^i = 12,21\%$). В другой статье более частотны, по сравнению с корпусом, концепты ORGANISM-PRODUCT ($F_{corp} = 1,45\%$, $F_{art}^i = 13,28\%$) и BIOCHEMICAL-PROCESS ($F_{corp} = 1,97\%$, $F_{art}^i = 6,25\%$), при этом значительно реже упоминается концепт TRAINING-PROCESS ($F_{corp} = 6,19\%$, $F_{art}^i = 0,78\%$).

Усредненная концептуальная структура аннотации в основном повторяет усредненную концептуальную структуру статьи: преобладают концепты RESEARCH ($F_{abstr} = 14,11\%$, $F_{art} = 12,25\%$) и MEASUREMENT-PARAMETER ($F_{abstr} = 10,68\%$, $F_{art} = 12,15\%$), наибольший модуль разности между частотами равен 1,86 п.п. (RESEARCH). В аннотациях отсутствуют два концепта, обнаруженных в полных текстах статей, – TREATMENT-INSTRUMENT и TREATMENT-PURPOSE, однако они, очевидно, не играют в них значительной роли ($F_{art}^i = 0,45\%$ и $0,01\%$).

Тем не менее при сравнении отдельных аннотаций с соответствующими статьями выявлено, что число случаев, когда концепт представлен в полном тексте статьи, но не представлен в аннотации, значительно выше. В основном это концепты с низкой частотой ($F_{art} < 1,50\%$), но примерно в 10 % случаев доля концепта в статье превышает указанное значение. Данная проблема встречалась при репрезентации трети концептов онтологии, однако наиболее часто – при репрезентации концепта MEASUREMENT-UNIT ‘единица измерения’. Вероятно, это обусловлено тем, что единицы измерения указываются в результатах исследования, а результаты представлены в аннотациях в обобщенном виде.

Заключение. На основании вышеизложенного можно заключить, что концептуальная структура изученных аннотаций ПО ИИФС близка к структуре реэюмируемых статей, однако отражает ее не в полной мере даже невзирая на строгие требования к содержанию и структуре аннотаций, что может быть объяснено комплексным характером ПО ИИФС и особенностями представления результатов в аннотации и тексте статьи. Перспективным направлением дальнейших исследований является сравнение концептуальной структуры статей и аннотаций на более крупном корпусе ПО ИИФС, включающем статьи из других журналов по интегративной физиологии, а также их сравнение на межъязыковом уровне.

Литература

Силкина О.М. Аннотация как жанр научного дискурса // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия «Лингвистика». 2018. Т. 15. № 3. С. 70-76.

Шереметьева С.О., Неручева Е.Д. Концептуальное моделирование лексики предметной области // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Лингвистика. 2023. Т. 20. № 1. С. 65-72.

Шереметьева С.О., Бабина О.И. Платформа для концептуального аннотирования многоязычных текстов // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия «Лингвистика». 2020. Т. 17. № 4. С. 53-60.

Badenes-Olmedo C., Redondo-Garcia J. L., Corcho O. An initial analysis of topic-based similarity among scientific documents based on their rhetorical discourse parts // Proceedings of the First Workshop on Enabling Open Semantic Science co-located with ISWC 2017, Vienna, Austria. 2017. P. 15-22.

Bornmann L., Haunschild R., Mutz R. Growth rates of modern science: a latent piecewise growth curve approach to model publication numbers from established and new literature databases // Humanities and Social Sciences Communications. 2021. Vol. 8, No. 224.

Façanha R. L., Cavalcanti M. C., Campos M. A systematic approach to review legacy schemas based on ontological analysis // Metadata and Semantic Research. 2019. P. 63-75.

Nirenburg S., Raskin V. Ontological semantics. Cambridge: MIT Press, 2004.

Sheremetyeva S. Automatic extraction of linguistic resources in multiple languages // Proceedings of NLPCS 2012 in conjunction with ICEIS 2012, Wroclaw, Poland. 2012. P. 44-52.

A. Zinoveva (Chelyabinsk, Russia)
South Ural State University

CONCEPTUAL STRUCTURES OF RESEARCH ARTICLES AND ABSTRACTS ON INTEGRATIVE PHYSIOLOGY

The paper presents an ontological analysis of the conceptual structures of Russian-language research articles on Integrative Physiology of Athletes. It focuses on research articles from the journal "Human. Sport. Medicine" and reveals similarity of their conceptual structures with minor discrepancies.

Key words: conceptual structure, integrative physiology of athletes, research article, abstract, ontology, Russian language.

Е.Ю. Ильинова, О.С. Волкова (Волгоград, Россия)
Волгоградский государственный университет
ilynov@volsu.ru , olgavolkova@volsu.ru

ЛИНГВИСТИЧЕСКОЕ ПРОФИЛИРОВАНИЕ МЕТАФОРИЧЕСКИХ РЕПРЕЗЕНТАЦИЙ В ДИСКУРСЕ КИБЕРБЕЗОПАСНОСТИ¹

С опорой на прием лингвистического профилирования установлены онтологические и ценностные характеристики социально-значимого концепта «кибербезопасность», который в данный момент неоднозначно проектируется в русском дискурсив-

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-00509, <https://rscf.ru/project/23-28-00509/>

ном сознании с опорой на метафорику, репрезентирующую милитарные и медицинские ассоциации.

Ключевые слова: концепт, дискурс, ценности, профилирование, метафорические ассоциации, концептуальная метафорическая модель.

Активизация когнитивно-семантической парадигмы в изучении форм восприятия мира и дискурсивных процессов выражения смысла выдвинула в фокус научного интереса лингвистов когнитивную теорию метафоры [Теория метафоры 1990], призванную раскрыть процедуры обработки структур знания в категориях фреймов, концептуальных сценариев, отражающих в непрямом виде обобщенный опыт взаимодействия человека с миром материальных и осязаемых объектов и опыт создания межличностного социально-значимого пространства [Lakoff 2003; Миллер 1990; Баранов 2014; Беляевская 2022; Болдырев 2019; Дроздова 2022 и др.].

В ходе когнитивно-семантического анализа словесных репрезентаций в дискурсивно-коммуникативном пространстве проявляется профилирование [Баранов 2014: 30] фреймово-значимых признаков концепта, часть из которых, непременно, реализуется через механизм когнитивной метафоры.

Когнитивная метафора рассматривается в работе как процедура идентифицирующей транспозиции ассоциативных признаков из одной сферы понятий в другую, получающая репрезентацию в системе языковых знаков, способных высветить предполагаемый смысл на дискурсивном уровне. Многочисленные исследования доказали, что языковые проекции когнитивной метафоры участвуют не только в фиксации данных об онтологии миропонимания [Lakoff, 2003; Миллер, 1990 и др.], но открывают путь к объективации сведений об оценочных признаках разных фрагментов социальной картины мира. В этой связи особый интерес представляет возможность в активном режиме наблюдать за формированием этического осознания актуальных процессов массовой цифровизации институциональной и личностной сфер жизни человека.

Целью проводимого исследования является мониторинг и анализ данных об онтологической, семантической, аксиологической и прагматической составляющих дискурсивных практик, посвященных формированию концептуальности явления «информационная безопасность», которое имеет в русском языке вторую номинацию – транслингвальное заимствование «кибербезопасность». Активное внедрение указанного концепта в жизнь современных россиян отражается в массовом дискурсивном пространстве в профессионально-ориентированном, новостном, информационно-просветительском, рекламно-маркетинговом и сетевом контенте, что позволяет в режиме реального времени собирать текстовый контент для регулярного параметрического анализа и научных обобщений.

Проведенный анализ тематического своеобразия собранного корпуса контента о кибербезопасности указывает на ограниченный состав номинаций профессиональных терминов этой сферы знаний (напр., *информационные технологии, программное обеспечение, облачные технологии, сервер, маршрутизатор, приложение, кибертехнологии и пр.*). Социальная значимость изучаемого концепта проявляется в его номинации – *информационная безопасность*, иными словами, это технология создания защищенности жизненно важных сфер лично-

сти и социума в целом, деятельность по сохранению официальных и личных сведений, предотвращению противоправного доступа к ним третьих лиц. Понятийный анализ тематической системности лексики дискурса кибербезопасности косвенно подтверждает это. Наряду с тематическими группами общей лексики, ассоциируемой с нормативно-правовой защитой («Закон» – *киберзаконодательство, закон об информационной безопасности, кибернетическая ответственность, кодекс, статья, право и пр.*), выявлена группа «Преступление» (указание на типы угроз, типы преступлений и преступников, напр., *киберпреступный захват, кибервзлом, кибермошенничество, кибершпионаж, киберограбление, кибер-буллинг, кибер-шантаж; киберпреступник, киберзлоумышленник, кибербандит, кибер-шантажист, кибервзломец, кибервымогатель и пр.*). Значительное число единиц, указывающих на угрозу преступных действий и их негативные последствия, активируют профилирование коммуникативной тональности негативной оценочности («Опасность» – *риск, беспокойство, страх, уязвимость, вредоносность, утрата, срыв и пр.*)

Таким образом, во фрейме ситуации «Кибербезопасность» выявляются три агента – физическое / юридическое лицо, доверяющее свою информацию системе электронного хранения данных, профессионалы в сфере компьютерных технологий, которым доверяется защита данных, а также профессионалы, обладающими знаниями и навыками несанкционированного доступа к данным. Указанные агенты образуют этический треугольник «преступник – жертва – защитник», ассоциируемый с сакральной оппозицией мировидения «добро :: зло».

В общем контенте корпуса текстов о кибербезопасности обнаруживается относительное обилие лексем, коммуникативно выделяющих (профилирующих) метафорическую модель милитарности восприятия указанной области. Профилирование смысла о вероятности несанкционированного доступа к данным получает аргументацию в милитарных номинациях войны и опасности (напр., *кибервойна, киберфронт, кибервойско, кибер-армия, кабератака, кибернападение, кибервторжение, кибер-рейд, киберзащита, кибер-отражение, кибероборона и пр.*). В массовом дискурсе часто встречаются разъяснения специалистов о необходимости приобретения специализированных программ защиты данных, аргументируемые перечислением опасностей и вреда: *Кибервойны представляют собой целенаправленные атаки (в виде различных программных кодов) на различные материальные объекты. Данное воздействие своей конечной целью может иметь нарушение работы объекта, вывод объекта из строя или полный переход объекта под управление противника; Кибервойна бывает ориентирована на следующие действия: пропаганду, разжигание классовой или религиозной вражды, кибершпионаж, хакерские атаки на сервера и компьютерные системы.*

Выявленные доминирующие модели метафорической концептуализации темы «Кибербезопасность» отражают значимость дискурсивного механизма формирования социальной оценки актуальной ситуации. В общем информационном пространстве коммуникативно высвечиваются негативные последствия этой цифровой войны: *На самом деле, кибервойна может натворить гораздо больше бед, чем война традиционная, особенно в современных развитых странах. Одна единственная кибератака на компьютерную систему аэропорта*

может спровоцировать воздушные **катастрофы**. <...> **Кибератака** на электростанции провоцирует отключение света в городе или даже стране, что сразу же провоцирует не только множество **аварий** в ночное время, но и **всплеск преступности**. <...> Анализ документов, а также огромный бюджет показывает, что по всему миру давно ведётся крупномасштабная **кибервойна**, в которой США отводится роль главного действующего лица и т.п.

Доминирование коммуникативной тональности опасности и угрозы, профилируемой военной метафорой, подкрепляется медицинской метафорой, в которой киберопасность сравнивается с вирусным заболеванием и возможностью его лечения. Причиной **кибератак** объявляются **кибервирусы** (виды компьютерных программ, которые позволяют злоумышленнику управлять системами без ведома пользователя). При этом обсуждаются типы вирусов и интенсивность заражения: *Интенсивность глобальной **кибератаки** с применением **вредоносной "программы-шантажиста"** пошла на спад.* <...> *Однако через три дня после того, как **вирус поразил компьютерные сети в 150 странах мира**, в начале недели **очередная вспышка заражения компьютеров** произошла в странах Азии. Пострадали в основном пользователи, которые пришли на работу и включили свои компьютеры рано утром, без полной проверки системой **защиты**.*

Таким образом, профилирование темы «Кибербезопасность» в современном медийном пространстве отражает биполярность отношения к этой новой практике виртуальной реальности. Важная информационно-просветительская интенция позитивной репрезентации часто нивелируется новостным контентом с военными метафорическими импликациями (*кибератака, кибернападение, подрыв, киберразведка и пр.*), которые порождают в общем обсуждении кибербезопасности тональность тревоги и обеспокоенности. Сравнение кибервирусов с инфекционными заболеваниями (*вирусы появляются, проникают, распространяются, заражают, выводят из строя и т.п.*) также усиливает ощущение риска и незащищённости. Разработанная программа изучения понятийной и аксиологической составляющих фрейма ситуации «Кибербезопасность» перспективна для изучения актуальных дискурсивных практик, ориентированных на ценностное профилирование феноменов новой социальной реальности двадцать первого века.

Литература

- Баранов А.Н.* Дескрипторная теория метафоры. М.: Языки славяно-ой культуры, 2014.
- Беляевская Е.Г.* Концептуальные основания языковой картины мира : типы когнитивных структур // Когнитивные исследования языка. 2022. Вып. № 1 (48). С. 80 – 105.
- Болдырев Н.Н.* Доминантный принцип концептуального взаимодействия в языковом общении // Когнитивные исследования языка. 2019. Вып. 38. С. 21–30.
- Дроздова Т.В.* Оценочные смыслы как рефлексия социальной когниции и их вербализация в профессиональном дискурсе социально-ориентированных областей // Когнитивные исследования языка. 2022. Вып. № 3 (50). С. 202 – 206.
- Миллер Дж.* Образы и модели, уподобления и метафоры // Теория метафоры. М.: Прогресс, 1990. С. 236-283.
- Теория метафоры. М.: Прогресс, 1990.
- Lakoff G., Johnson M.* Metaphors We Live By. Chicago & London: The University of Chicago Press, 2003.

*E.Yu. Ilyinova, O.S. Volkova (Volgograd, Russia)
Volgograd State University*

LINGUISTIC PROFILING OF METAPHORICAL REPRESENTATIONS IN CYBERSECURITY DISCOURSE

Linguistic profiling revealed the ontological characteristics and estimated values of cybersecurity as a recent concept of social significance that is being ambiguously laid out in the Russian discursive consciousness on foundations of militant and medical metaphorical associations.

Key words: concept, discourse, values, profile assessment, metaphorical associations, concept metaphorical model.

*A.B. Кащеева (Тамбов, Россия)
Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина
kashcheyeva@mail.ru*

НЕКОТОРЫЕ ПРЕДПОСЫЛКИ КОГНИТИВНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ ТЕКСТА

В статье представлен краткий обзор идей лингвистики текста, которые были развиты и трансформированы когнитивным направлением. Когнитивные исследования текста фокусируются на способах структурирования и репрезентации знания. Выявлено, что идея когнитивного аспекта текста, связанного с глубинной концептуальной текстовой структурой, получила развитие в теориях пресуппозиции, инференции и интерпретации. Высказано предположение, что указанные когнитивные особенности зависят от типа текста.

Ключевые слова: лингвистика текста, когнитивный аспект текста, пресуппозиция, инференция, интерпретация, тип текста.

Исследования текста в рамках языкознания представляют сформировавшееся направление, которое опиралось на идеи структурной и генеративной лингвистики. В рамках этих исторически сложившихся языковедческих концепций текст служил материалом исследования, а не самостоятельной исследовательской единицей. Перспективы исследования текста в рамках когнитивной парадигмы были очерчены Е.С. Кубряковой [Кубрякова 1994]. В когнитивной лингвистике текст есть многоаспектный предмет исследования [Романова 2013], что характеризует общие свойства текста как способа репрезентации и источника знания. Вместе с тем, некоторые особенности текстов разных типов представляются изученными не в полной мере. До настоящего времени исследовательский интерес в большей степени сосредоточен на научных, деловых и медиа текстах [Баженова 2020; Должич 2016; Дроздова 2007; Кушнерук 2011]. Объектом нашего исследования является учебный текст, обладающий определенным когнитивным потенциалом. Для решения поставленной исследовательской задачи нам необходимо установить взаимосвязь когнитивных исследований текста с другими направлениями языкознания. Задача данной статьи заключается в том, чтобы проследить становление идей в отношении текста, развитых далее когнитивным направлением в лингвистике.

Необходимость изучения характеристик текста как автономной единицы речи была впервые обоснована лингвистикой текста, далее развита в рамках коммуникативной и когнитивной лингвистики [Гальперин 1981; Москальская 1981; Тураева 1986]. Термин «когнитивный» в отношении текста был использован неоднократно задолго до становления когнитивного направления исследований в лингвистике. Он был связан с развитием антропоцентрических идей в изучении текста как продукта деятельности человека, а не только статичного объекта. Идея процессуального подхода к изучению текста состояла в том, что текст следует изучать не только с позиций формальной логики, но и с учетом данных когнитивных наук и положений теории коммуникации. Идея процессуального подхода к изучению текста опиралась на предположения Э. Кошеру о том, что посредством текста человек активизирует потенциальное знание. Было введено понятие когнитивного содержания текста, или глубинной абстрактной структуры, которую составляет конфигурация концептов (знаний об объектах и действиях) и которая лежит в основе категории когерентности текста [Beugrande, Dressler 1981]. Таким образом, можно утверждать, что в исследованиях текста наметился переход к антропоцентрической парадигме, в рамках которой текст как способ и результат деятельности человека не образует самостоятельный смысл, а отражает смысл этой деятельности.

В этот же период в статье, опубликованной в 1986 году, А.М. Шахнарович и В.И. Голод высказали предположение о том, что текст как элемент коммуникации имеет «когнитивный аспект», под которым понимается взаимодействие когнитивных структур в сознании человека с предметным содержанием текста. Таким образом, текст реализует одну из важных функций в коммуникации – функцию передачи знания адресату, то есть, когнитивную функцию. Роль текста в выполнении данной функции заключается в «формировании» знания для его последующей передачи [Шахнарович, Голод 2011: 198, 200]. Изучение когнитивной функции текста, определяющей характер отражения объектов действительности, составляет гносеологический аспект текстовой теории [Тураева 1986].

Идеи о взаимосвязи правильного понимания смысла текста с познавательными процессами высказывались ранее в рамках лингвистики текста, однако в отношении них не употреблялся термин «когнитивные». Например, З. Шмидт полагал, что наблюдаемые части текста, составляющие его поверхностный уровень, находятся в иерархической зависимости от уровня «конституэнтов», «фактов» или «историй», стоящих за текстом [Новое в зарубежной лингвистике 1978: 96-97]. Очевидно, под конституэнтами и историями автор понимал репрезентируемые в тексте фрагменты окружающей действительности, знаниями о которых обладают автор и адресат. И. Беллерт непосредственно связывала целостность восприятия и понимания текста не только с языковыми и ситуативными знаниями, но и знаниями о мире [Новое в зарубежной лингвистике 1978: 172-173].

Другой термин, обозначающий ссылку на объекты и ситуации окружающей действительности, передаваемую текстом, «миросемантический» компонент текста, был выдвинут Я. Петефи [Beugrande, Dressler 1981]. Из названия термина вытекает взаимосвязь текстовых и отражаемых текстом структур. По мнению Богранда и Дресслера, такая взаимосвязь не всегда является прямой, поскольку конфигурация концептов, лежащая в основе текста, может носить вероятност-

ный характер, из чего авторы делают вывод о типичности и случайности знания, репрезентируемого в тексте [Beugrande, Dressler 1981]. Очевидно, что эта мысль соотносится с понятиями коллективного и индивидуального знания, репрезентируемого в языке, и принятыми в современной когнитивной лингвистике [Болдырев 2016].

Идея «текстового мира» в когнитивных исследованиях текста получила развитие для обозначения концептуального пространства, разделяемого автором и адресатом. Максимальное сближение текстовых миров участников коммуникации есть залог успешной реализации прагматической функции текста, в частности, в сфере рекламы [Кушнерук 2011].

С другой стороны, понятие «миросемантического» текстового компонента Я. Петефи можно считать попыткой расширения понятия пресуппозиции. Лингвистика текста рассматривает пресуппозиции как необходимое условие понимания текста, однако ограничивается семантикой высказывания, что в большей степени характеризует языковые знания участников коммуникации. Внутри текста пресуппозиции могут выполнять логические, прагматические и синтагматические функции [Арутюнова 1973; Новое в зарубежной лингвистике 1978; Филиппов 2003]. Развитие теории пресуппозиций когнитивной лингвистикой позволяет отнести это понятие к фонду неязыковых, ситуативных знаний участников коммуникации [Филиппов 2003: 55-57].

Теория пресуппозиций тесно связана с понятием интерпретации текста, поскольку, по мнению И. Беллерт и К. Гаузенבלата, последняя предполагает знание контекста, предшествующего высказыванию и раскрывает скрытый смысл текста [Новое в зарубежной лингвистике 1978]. Интерпретирующая функция языка стала одним из основных направлений исследований в когнитивной лингвистике [Болдырев 2016]. Следовательно, текст как средство интерпретации полученных знаний об окружающем мире может выражать очевидные и неочевидные смыслы, или выводное знание. В когнитивной лингвистике инференция считается одним из признаков структурированности мышления и сознания человека, она проявляется путем «достаивания» недостающих или невыраженных связей между воспринимаемыми объектами языковыми средствами [Болдырев 2016].

В рамках нашего исследования важна мысль о влиянии типа текста на степень инференции. К. Гаузенблат утверждает, что «простота», или однозначность смысла текста, характерна для текстов определённого жанра, например, заявления [Новое в зарубежной лингвистике 1978]. Мы полагаем, что особенности пресуппозиций, соотношения коллективного и индивидуального, выводного и невыводного знания в учебном тексте как особом типе текста, служащем для интерпретации знаний о мире, требуют дальнейшего детального анализа.

Подводя итог сказанному, отметим, что основными идеями, сформулированными в лингвистике текста и развитыми когнитивными исследованиями текста, стали положения о том, что текст как часть человеческой деятельности имеет когнитивный аспект, связанный с глубинной концептуальной текстовой структурой, которая может опираться на типичные и единичные знания. Текст является объектом и средством интерпретации знания. Интерпретация текста связана с теорией пресуппозиций и инференции. Особенности интерпретации знания зависят от типа текста.

Литература

- Арутюнова Н.Д. Понятие пресуппозиции в лингвистике // Известия АН СССР. Серия лит. и языка. Т.32. 1973. №1. С. 84-89.
- Баженова Е.А. Структура нового знания в научном тексте // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2020. № 4(210). С. 144-151. Болдырев Н.Н. Язык и структура сознания // Когнитивные исследования языка. 2016. Вып. XXIV. С. 35-48. DOI: 10.20916/2071-9639-2016-24-35-48.
- Болдырев Н.Н. Языковая интерпретация и структура сознания // Когнитивные исследования языка. 2016. Вып. XXVII. С. 23-35. DOI: 10.20916/2071-9639-2016-27-25-35.
- Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. М.: Наука, 1981.
- Должич Е.А. Когнитивно-дискурсивное пространство научного текста // Ученые записки Орловского государственного университета. 2016. № 2(71). С. 121-123.
- Дроздова Т.В. Репрезентация концептов в научном тексте (опыт концептуального анализа) // Вопросы когнитивной лингвистики. 2007. № 1 (010). С. 31-35.
- Кубрякова Е.С. Текст и его понимание // Русский текст. Российско-американский журнал по русской филологии. №2. СПб: Коллектив авторов, 1994. С. 18-25.
- Кушнерук С.Л. Теория текстовых миров как исследовательская программа в рамках когнитивной лингвистики // Вопросы когнитивной лингвистики. 2011. № 1 (026). С. 45-51.
- Москальская О.И. Грамматика текста. М.: Высшая школа, 1981.
- Новое в зарубежной лингвистике. Выпуск VIII. М.: Прогресс, 1978.
- Романова Т.В. Когнитивный анализ текста: работа над методологическими ошибками // Теоретические и прикладные аспекты изучения речевой деятельности. Нижний Новгород: НГЛУ, 2013. С. 170-181.
- Тураева З.Я. Лингвистика текста. М.: Просвещение, 1986.
- Филиппов К.А. Лингвистика текста: курс лекций. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2003.
- Шахнарович А.М., Голод В.И. Когнитивные и коммуникативные аспекты речевой деятельности // Вопросы психолингвистики. 2011. №13. С. 196-201.
- De Beaugrande R., Dressler W.U. Introduction to text linguistics. London: Longman, 1981.

*A.V. Kashcheyeva (Tambov, Russia)
Derzhavin Tambov State University*

PREREQUISITES TO COGNITIVE TEXT STUDIES

The paper presents a brief overview of the ideas of text linguistics developed and transformed by the cognitive paradigm. Cognitive text studies focus on knowledge structuring and representation. The paper reveals that the idea of the cognitive aspect of text associated with the deep conceptual structure of a text has been integrated in the theories of presupposition, inference and interpretation. It suggests that these cognitive features depend on the text type.

Key words: text linguistics, text cognitive aspect, presupposition, inference, interpretation, text type.

*И.А. Курбанов, И.Н. Гулагаев (Сургут, Россия)
Сургутский государственный университет
ibragimkurbanov@mail.ru, mr.israpil1@gmail.com*

СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ МЕТАФОРИЧЕСКИХ МОДЕЛЕЙ ОБРАЗА ТУРЦИИ В МЕДИЙНОМ И ХУДОЖЕСТВЕННОМ ДИСКУРСАХ НА РУССКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ

Настоящий доклад посвящен вопросу метафорического моделирования образа Турции в российских и зарубежных средствах массовой информации, а также в художественных произведениях на английском языке и их переводе на русский язык. Авторы рассматривают концептуальную метафору и отмечают ее прагматический потенциал при создании образа Турции. Авторами выделяются и анализируются метафорические модели, благодаря которым репрезентация Турции может иметь определенный положительный или отрицательный эмоциональный окрас.

Ключевые слова: метафорическая модель, концептуальная метафора, медиа дискурс, художественный дискурс, Турция.

Актуальность нашего исследования объясняется несколькими причинами. Во-первых, научной новизной анализа метафорического образа Турции в русскоязычных и англоязычных медийном и художественном дискурсах. Во-вторых, проведением данного исследования в одной из наиболее интенсивно развивающихся и актуальных парадигм современной лингвистики – когнитивной парадигме. В-третьих, изучением изменения отношения к Турции как к одной из самых влиятельных стран в средиземноморском регионе.

Цель исследования – выявить наиболее частотные метафорические модели, репрезентирующие образ Турции. В связи с поставленной целью предлагается решить круг следующих **задач**:

- вскрыть концептуальные метафоры в медийном и художественном дискурсе;
- произвести концептуальный анализ выделенных когнитивных метафор;
- построить соответствующие метафорические модели;
- произвести классификацию обнаруженных концептуальных метафор;

Для решения поставленных задач в работе применяются следующие научные **методы**: метод сплошной выборки, метод концептуального анализа, заключающийся в структурном анализе метафор и их смыслов, метод компонентного анализа, предполагающий обращение к словарным дефинициям языковых единиц для вычленения их семантической структуры, а также метод классификации.

Материалом исследования послужили новостные статьи, освещающие новости о Турции и турецкой действительности в русскоязычных и англоязычных средствах массовой информации в период с 01.01.2022 по 01.04.2023. Источником примеров на английском языке послужило британское издание «The Guardian»; источником примеров на русском языке – новостное агентство «РИА Новости».

Материалом исследования метафор в художественном дискурсе послужили романы турецкого писателя, нобелевского лауреата, Орхана Памука на английском языке: *White Castle (Белая крепость, 1985, рус. перевод 2004)*, *The Black*

Book (*Черная Книга*, 1990, рус. перевод 1999), Silent House (*Дом тишины*, 1983, рус. перевод 2007), My Name Is Red (*Меня зовут красный*, 1998, рус. перевод 2001), The Museum of Innocence (*Музей невинности* 2008, рус. пер. 2009), а также их переводы, осуществленные Верой Феоновой.

В связи с тем, что метафора изучается различными направлениями лингвистики и смежных наук, существует значительное множество дефиниций этого понятия. Поэтому многие лингвисты признают потребность создания интегративной модели, которая объединила бы существующие трактовки метафоры [Чудинов 2001: 127].

Так как метафора исследуется множеством ученых и направлений в науке, невозможно упустить из внимания различные достижения в этой области. Однако в нашей работе мы будем придерживаться дефиниции, взятой из Большого Энциклопедического Словаря. Итак, метафора – это «троп или механизм, состоящий в употреблении слова, обозначающего некоторый класс предметов, явлений и тому подобное, для характеристики или наименования объекта, входящего в другой класс, либо наименования другого класса объектов, аналогичного данному в каком-либо отношении» [Арутюнова 1998: 296].

Основанием метафоры могут являться многие факторы: будь то поверхностная или глубинная схожесть явлений, процессов и т.д., схожесть их функционирования или однородность слуховых, визуальных и других впечатлений. Схожесть между явлениями может действительно существовать, а может и искусственно додумываться автором. При рассмотрении предметной области мы можем увидеть, что метафора используется на основе переноса значения в рамках концептов неодушевленного или одушевленного и между этими концептами [Саркисян 2011].

В целом, когнитивная теория может быть объяснена так: «в сущности процессов метафоризации лежат процедуры обработки структур знаний – фреймов и сценариев» [Лакофф 2004: 9]. Эти знания получены человеком в результате приобретения опыта познания окружающего мира. Устойчивые соответствия между областью источника и областью цели, фиксированные в языковой и культурной традиции данного общества, получили название «концептуальных метафор» [Лакофф 2004: 11].

В вопросе классификации разновидностей концептуальных метафор мы отдаем предпочтение типологизации российского ученого А.П. Чудинова, который, проанализировав массивный корпус политических текстов, выделяет четыре типа метафор: **антропоморфные**, **социоморфные**, **природоморфные** и **артефактные** [Чудинов 2001].

В нашей работе мы рассматриваем метафорические модели в рамках медиа- и художественного дискурсов. Е.А. Кожемякин дает следующее определение медиадискурсу – речемыслительная деятельность, направленная тематически, зависящая от социокультурных факторов и существующая в пространстве массовой коммуникации» [Кожемякин 2010: 14]. Художественный дискурс – это совокупность вербальных высказываний, сформированная в результате взаимодействия автора-художника и читателя (зрителя, слушателя) посредством произведения искусства, с учетом эстетических факторов порождения и восприятия этих высказываний в конкретных видах и формах искусства [Чудинов 2001].

При проведении поиска и анализа метафорических моделей со сферой-магнитом «Турция», нам удалось выделить следующие модели в обоих дискурсах: «Турция – это человек», «Турция – объект», «Турция – место».

Метафорическая модель «Турция – это человек» является наиболее частотной и репрезентируется следующими метафорами:

Фрейм – социальная роль

Слот 1 – игрок

Пример 1. Позволю высказать даже такую мысль: будь Анкара членом ЕС, она все равно проводила бы независимую политику. С Турцией нельзя не считаться, она слишком крупный **игрок**. (*РИА Новости, 2023*)

В данном примере Турция олицетворяется при помощи антропоморфной метафоры, что позволяет дополнительно подчеркнуть особый статус Турции в вопросах международных отношений.

Пример этого же фрейма на английском языке:

Слот 1 – союзник

Пример 2. That Turkey is a “vital strategic **ally**” of the west is the sort of truism on which people such as Joe Biden and Jens Stoltenberg, Nato’s secretary general, are raised. (То, что Турция является “жизненно важным стратегическим **союзником**” Запада, является своего рода прописной истиной, на которой воспитаны такие люди, как Джо Байден и Йенс Столтенберг, генеральный секретарь НАТО.) (*The Guardian, 2023*)

В данном примере сотрудничество Турции и западных стран выражается сравнением Турции с «союзником». Использование этой метафоры позволяет автору подчеркнуть дружественный характер стран.

Метафорический образ Турции в художественных произведениях выражен в следующих примерах:

Метафорическая модель «Турция – это объект»

Фрейм – бытовой предмет

Слот – ключ

Пример 3. Then he told them that the center of the world was the Middle East and the **key** to the Middle East was Turkey. (Потом он рассказал, что центром мира является Ближний Восток, а **ключом** к Ближнему Востоку – Турция.) (*Silent House, p. 178*)

При помощи артефактной метафоры автору удается выразить мысль, что Турция является важнейшей страной в своем регионе, заключающей в себе все особенности восточного менталитета и традиций.

Метафорическая модель «Турция – это человек»

Фрейм – качество человека

Слот – разумный

Пример 4. A city’s intellect ought to be measured not by its scholars, libraries, miniaturists, calligraphers and schools, but by the number of crimes insidiously committed on its dark streets over thousands of years. By this logic, doubtless, Istanbul is the world’s **most intelligent** city. (Разум города должен измеряться не его учеными, библиотеками, миниатюристами, каллиграфами и школами, а количеством преступлений, коварно совершенных на его темных улицах за тысячи лет. По этой логике, несомненно, Стамбул является **самым разумным** городом в мире.) (*My name is Red, p. 148*)

Используя данную антропоморфную метафору, автор иронично критикует Стамбул, символ Турции, за чрезмерный уровень преступности.

Сопоставительный анализ метафор в художественном и медийном дискурсах позволил нам сделать следующий вывод: метафорическое моделирование в художественном дискурсе является более разнообразным, чем в медийном, т.к. включает в себя метафоры, относящиеся ко всем четырем классификационным категориям метафор в более сбалансированном соотношении. Метафоры же из медийного дискурса являются скорее репрезентацией таких категорий, как антропоморфная и социальная метафора. Это можно объяснить тем, что сравнение с человеком и социальными процессами является более «доступным» и более подходит для характерных черт такого дискурса, как медийный.

Подводя итог вышесказанному, в настоящем докладе была предпринята попытка к выделению наиболее частотных метафорических моделей образа Турции в медийном и художественном дискурсах, а также их сопоставительному анализу. Наиболее распространенной является антропоморфная метафорическая модель «Турция – это человек». Также были выявлены артефактные, природные и социальные метафоры, представленные такими метафорическими моделями, как «Турция – это объект», «Турция – это война», «Турция – это природа» и др. Также нами сделан вывод о том, что медийный дискурс уступает художественному в разнообразии метафорических моделей.

Для иллюстрации данного вывода можно привести следующий пример из романа *Silent House* («Дом тишины»): *You know, sometimes it seems to me that all of this, all our country's sorrows, are on account of some bastards who just enjoy playing with us, but one day I'm going to do something, I'm going to take the fun out of their games.* (Знаете, иногда мне кажется, что все это, все горести нашей страны - из-за каких-то негодяев, которым просто нравится играть с нами, но однажды я собираюсь что-нибудь сделать, я вдоволь поиздеваюсь над их играми). Здесь мы видим предложение, изобилующее метафорами, причем из разных метафорических моделей: антропоморфная метафора (*горести нашей страны*) и социальная метафора (*играть с нами*). Подобное разнообразие метафор встречается в медийном дискурсе крайне редко, однако довольно распространено в художественном.

Последовательная частотность метафорических моделей в художественном дискурсе выглядит следующим образом: антропоморфные (45% от общего числа), артефактные (35%), социальные (16%), природные (4%). Последовательная частотность метафорических моделей в медийном дискурсе выглядит следующим образом: антропоморфные (60%), социальные (27%), артефактные (13%). Природные метафоры при сплошной выборке в медийном дискурсе не выявлены.

Литература

Арутюнова Н.Д. Метафора // Лингвистический энциклопедический словарь. Языкознание / под ред. В.Н. Ярцевой. М.: Научное изд-во «Большая Российская энциклопедия», 1998. С. 296-297.

Кожмякин Е.А. Массовая коммуникация и медиадискурс: к методологии исследования // Научные ведомости БелГУ. Серия: Гуманитарные науки. 2010. №12. С. 13-21.

Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. М.: Едиториал, 2004.

Матвеева Т.В. Полный словарь лингвистических терминов. Ростов-на/Д.: Феникс, 2010.

Саркисян О.Н. Некоторые особенности массмедийного дискурса // Университетские чтения – 2011. Материалы научно-методических чтений ПГЛУ. Часть II. Пятигорск: ПГЛУ, 2011. С. 118-124.

Соловых Ю.С. Системное представление метафоры в современной гуманитарной науке // Вестник Челябинский государственный университет. 2010. № 13. С.127-131.

Фещенко В.В. Художественный дискурс: к определению термина в перспективе лингвоэстетики // Новый филологический вестник. 2021. №1 (56). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/hudozhestvennyy-diskurs-k-opredeleniyu-termina-v-perspektive-lingvoestetiki> (дата обращения: 01.04.2023).

Чудинов А.П. Россия в метафорическом зеркале: Когнитивное исследование политической метафоры (1991-2000). Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2001.

РИА Новости. URL: <https://ria.ru/>

The Guardian. URL: <https://www.theguardian.com/international>

My name is Red, Orhan Pamuk: Faber & Faber, 2011 / ISBN: 9780571268832

Silent House, Orhan Pamuk: Knopf Doubleday Publishing Group, Vintage International, 2013 / ISBN 0307744833, 9780307744838

*I.A. Kurbanov, I.N. Gulagaev (Surgut, Russia)
Surgut State University*

COMPARATIVE ANALYSIS OF METAPHORICAL MODELS OF THE IMAGE OF TURKEY IN MEDIA AND ARTISTIC DISCOURSES IN RUSSIAN AND ENGLISH

This report examines the issue of metaphorical modeling of the image of Turkey in the Russian and foreign mass media, as well as in works of fiction in English and their translation into Russian. We consider the conceptual metaphor and note its pragmatic potential in creating the image of Turkey. We also identify and analyze metaphorical models, thanks to which the representation of Turkey can have a certain positive or negative emotional colour.

Key words: metaphorical model, conceptual metaphor, media discourse, artistic discourse, Turkey.

*Ли Цзяхэн (Челябинск, Россия)
Южно-Уральский государственный университет
540478876@qq.com*

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ КИТАЙСКОЯЗЫЧНОЙ И РУССКОЯЗЫЧНОЙ СПОРТИВНОЙ РЕКЛАМЫ

В статье рассмотрены лингвистические и стилистические особенности языка рекламы в средствах массовой информации (СМИ). Описаны культурные и социальные причины сформировавшихся языковых стилей. Приведены примеры спортивных рекламных текстов. Сделаны выводы о применимости знаний об особенностях анализируемого типа текста с целью увеличения эффективности рекламы.

Ключевые слова: реклама, Китай, Россия, мнемонические элементы, СМИ.

Язык рекламы является важным инструментом в современном мире, средством привлечения внимания потенциальных клиентов, увеличения продаж и укрепления бренда. Китай и Россия – это две крупные страны с разными культурами и традициями, и, соответственно, их отношение к языку рекламы также различно.

Китай является одним из крупнейших рынков рекламы в мире и отличается своим специфическим подходом к языку рекламы. Один из ключевых аспектов языка рекламы в Китае – использование языковых образов, которые выражают общепринятые социальные нормы. Также важно отметить частое использование образов животных, которые в китайской культуре имеют своеобразные символические значения. Например, дракон является символом удачи, а тигр – символом силы. Благодаря использованию языковых и символических образов китайская реклама сильно влияет на менталитет китайских покупателей.

Еще одна особенность языка рекламы в Китае – формат рекламного материала и его позиционирование. Во многих случаях реклама в Китае занимает значительное место в печатных СМИ и на телевидении. Это связано с тем, что китайские потребители любят украшенные рекламные материалы, которые выделяются на фоне других материалов.

Реклама в Китае также часто содержит мнемонические элементы [Дейк 1989: 122]. Это может быть символ, знак или музыкальный фрагмент, который клиенту будет легче запомнить и связать с определенным брендом. Также китайская реклама часто использует каламбуры и игру слов, что способствует ее запоминанию [Огилви 2001: 19].

С точки зрения когнитивной лингвистики китайская речь в рекламных СМИ отличается большей вариативностью лексических средств, так как используются иероглифы [об этом см., например, Чжан 2021]. Благодаря иероглифам появляется возможность передавать дополнительные смыслы, образы [Торичко 2001: 17].

Основные характеристики языка рекламы в России отличаются от тех, что приняты в Китае. Во-первых, рекламные материалы в России обычно более простые и прямые, не содержат сложных образов и мнемонических элементов. Вместо символических образов используются обычные изображения людей и продуктов.

Второй важный аспект языка рекламы в России – частое использование юмора. Реклама в России склонна к использованию забавных образов и неожиданных действий, что придает ей большую эмоциональную нагрузку и делает ее более запоминающейся.

Также одной отличительной чертой языка рекламы в России является ее социальная направленность. Российская реклама часто содержит сообщения общественного значения, призывы к здоровому образу жизни, экологии и защите животных. В то же время, в России также популярны рекламные кампании, нацеленные на элитную аудиторию, которые активно используются в архитектуре, кино и других культурных индустриях.

Перечисленные выше различия в структурно-функциональных особенностях рекламы обусловлены рядом причин. Во-первых, это различная структура языков Китая и России. Китайский язык имеет богатый словарь и использует

красочные иероглифы и образы, которые могут оказаться сложными для понимания для западного потребителя. В России же используются более простые формы рекламы, с меньшим количеством образов и мнемонических элементов. Кроме того, важно отметить, что язык рекламы в Китае ориентирован на традиции и общение, в то время как язык рекламы в России склонен к использованию юмора и социальных изменений. В китайской рекламе часто используются культурные и общественные темы, которые знакомы китайскому потребителю, в то время как российская реклама ориентирована на эмоциональное взаимодействие.

Спортивная реклама, которая является объектом анализа в настоящем исследовании с содержательной точки зрения относится к коммерческой разновидности [об этом см., например, Ильин 2020]. Коммерческая, политическая и социальная реклама могут быть представлены различными жанрами. Авторы выделяют огромное количество рекламных жанров в зависимости от тех или иных оснований [об этом см., например, Синельникова 2002]. В настоящем исследовании материалом для анализа стала телевизионная реклама, реклама в СМИ и слоганы.

Спортивные бренды часто создают рекламные кампании, которые основаны на забавных образах и неожиданных действиях. Например, компания Kanuda, занимающаяся производством подушек, разработала рекламную кампанию, в которой говорилось, что даже попугай знает о том, какие подушки супер. Отличительным признаком этой рекламы является использование юмора в общении с потребителем, что делает ее более привлекательной и запоминающейся. Такая реклама содержит значительное количество метафор, эпитетов.

Еще одной особенностью языка в рекламе России является использование образов и цитат. Например, реклама кабельного телевидения может содержать образ быка, который бодает все, что попадает под рога, что отсылает к образу боевого быка из культуры Испании. Во многих случаях, бренды используют цитаты из известных фильмов или произведений литературы для создания соответствующей атмосферы и ассоциаций с известными персонажами.

Кроме того, реклама в России также обладает социальной направленностью. Многие компании используют рекламу, чтобы выразить свое отношение к важным общественным событиям и принципам, таким как экология, борьба с нарушением прав животных и здоровый образ жизни.

Приведем пример использования рекламного китайского текста с целью демонстрации особенностей спортивной обуви: «更轻盈, 更优雅, 匹克清爽跑鞋 (Еще более плавно и изящно. Бегайте по улицам. Легкая обувь для бега Пик)».

Стоит отметить богатство рекламного текста эпитетами. «Плавно и изящно», «легкая обувь» помогают потребителю создать образ действительно невестомой обуви. Таким образом, перед ним создается картина предлагаемого продукта, которая может быть даже привлекательнее, чем продукт на самом деле.

Пример рекламного российского текста с целью демонстрации спортивной обуви Rieker: «Возможно, самое комфортное место на земле».

В обоих вышеописанных случаях иллюкативная цель текста – передать фактическую информацию об объекте, добавив образ, который потребителю будет обрабатывать самостоятельно [Анисимова 1991: 71].

С целью выполнения побудительной функции рекламного слогана используется постанковка в конце предложения модальной частицы. Модальная частица смягчает предложение, но побудительная функция все равно остается. Приведем пример: «用汗水唤醒我们的勇气，用坚强铸造我们的骨气！加油中国！（Разбудим нашу смелость！Упорством создадим нашу цельность. Вперед, Китай!）». В данном случае наблюдается редукция подлежащего. Можно сделать вывод, что побуждение в китайском языке передается лексическими средствами. В примере наблюдается также социальная роль спортивной рекламы – сплочение нации, как результат упорных тренировок.

В русском языке рекламных СМИ побуждение передается морфологическим способом – изменением формы глагола в повелительном наклонении [Григорьева 2006: 47]. Приведем пример: «Худей – сидя, хорошей – лежа» (реклама фитнес-клуба). Авторы российских рекламных текстов чаще обращаются к традиционной форме побуждения путем применения прямых глагольных императивов [об этом см., например, Соссюр де Ф. 1999].

Однако, несмотря на различные особенности языка рекламы, есть и сходства. Китайские и российские рекламные кампании часто ориентируются на сообщение, которое несет продукт бренда. Сравнительное исследование языков СМИ рекламы в Китае и России показало, что есть значительные различия в использовании языка в рекламных материалах. В то время как китайские рекламные кампании часто ориентированы на использование языковых и символических образов, мнемонических элементов и каламбуров, российские рекламные кампании склонны к использованию юмора и социальных тем. Однако, существует общая тенденция использования языка, который соответствует культурным нормам и ценностям целевой аудитории.

Язык рекламы – это важная часть маркетинговой стратегии, которая должна соответствовать культурным традициям и привычкам покупателей. Изучение лингвистических особенностей языка СМИ рекламы в Китае и России может помочь компаниям лучше понять потребности и интересы своих потребителей и разработать эффективные маркетинговые стратегии.

Литература

- Анисимова Е.Е. Паралингвистика и текст (к проблеме креолизованных и гибридных текстов) // Вопросы языкознания. 1992. №1. С. 71-78.
- Григорьева В.С. Речевое взаимодействие в прагмалингвистическом аспекте на материале немецкого языков: учебное пособие. Тамбов: ТГТУ, 2006.
- Дейк Т.А. Ван. Язык. Познание. Коммуникация (сборник работ). М.: Прогресс, 1989.
- Ильин А.С. Реклама в коммуникационном процессе. М.: КНОРУС, 2020.
- Огилви Д. Тайны рекламного двора // Психология и психоанализ рекламы. Самара, 2001. С. 17-99.
- Синельникова Л.Н. «Гул языка»: о процессуальности бытия вербальной сферы // Структура и содержание связей с общественностью в современном мире. Луганск: ЛДПУ «Альма Матер», 2002. С. 186-195.
- Соссюр де Ф. Курс общей лингвистики. Екатеринбург: Изд. Уральского Университета, 1999.
- Торичко Р.А. Реклама как мифологическая коммуникативная система: дис. ... канд. филол. наук. Барнаул, 2001.

Чжан Т. Функционально-стилистические и лингвоаксиологические характеристики рекламных текстов: (на материале китайского и русского языков): дис. ... канд. филол. наук. Челябинск, 2021.

Li JiaHeng (Chelyabinsk, Russia)
South Ural State University

COMPARATIVE ANALYSIS OF CHINESE-LANGUAGE AND RUSSIAN-LANGUAGE SPORTS ADVERTISING

The article discusses the linguistic and stylistic features of the language of advertising in the mass media (mass media). The cultural and social causes of the formed language styles are described. Examples of sport-advertising texts are given. Conclusions are drawn about the applicability of knowledge about the features in order to increase the effectiveness of advertising.

Key words: linguistics, advertising, China, Russia, mnemonic elements, mass media.

М.Ю. Миронова (Санкт-Петербург, Россия)
Санкт-Петербургский государственный экономический университет
mkpr@yandex.ru

КОГНИТИВНО-ПРАГМАТИЧЕСКИЕ ФУНКЦИИ МАРКЕРОВ АВТОРСКОЙ ПОЗИЦИИ В ЖАНРЕ АНГЛОЯЗЫЧНОЙ НАУЧНОЙ СТАТЬИ

Цель исследования состоит в выявлении дискурсивной специфики англоязычной научной статьи, обуславливающей использование в ней дискурсивных маркеров авторской позиции. Научная новизна исследования заключается в определении когнитивно-прагматических функций дискурсивных маркеров авторской позиции, направленных на успешную реализацию основной задачи научного дискурса – трансфера знаний.

Ключевые слова: дискурсивные маркеры, научный дискурс, когнитивно-прагматические функции.

В последнее время учёные всё чаще обращаются к изучению коммуникации, пытаясь определить, что детерминирует речевое поведение автора и выбор им дискурсивных стратегий и тактик в процессе вербализации своих интенций. Поскольку коммуникативные единицы, передающие фактуальную информацию, не всегда могут быть интерпретированы так, как планировал адресант, со временем сложился класс единиц (дискурсивных маркеров), рассмотрению которых и посвящена данная статья.

Несмотря на то, что для научного дискурса, как институционального типа общения, характерна нейтральная тональность, внутренние факторы, связанные с личностными качествами и установками авторов, всё же накладывают отпечаток на его устойчивую структуру, привнося в него оценочность и эмоционально окрашенные языковые единицы. Автор текста, в том числе научного, не может полностью абстрагироваться от создаваемого им произведения. В связи с этим субъективная составляющая, как форма выражения

авторской позиции по отношению к представляемым им результатам, в той или иной степени, присуща текстам данного жанра.

Распространенным средством реализации авторских установок в письменном англоязычном научном дискурсе, позволяющим адресанту передавать отношение к собственному высказыванию и к действительности, а также показывать значимость личного вклада в науку, являются дискурсивные маркеры уверенности и неуверенности. Вслед за Е.Ю. Викторовой мы понимаем под дискурсивными маркерами вспомогательные единицы (единицы коммуникативно-организующего уровня), осуществляющие организационно-регулятивную функцию и передающие информацию второго плана; единицы, факультативные с точки зрения структуры предложения, но чрезвычайно важные с точки зрения их прагматических функций [Викторова 2016].

Несмотря на всё разнообразие типологий, существующие сегодня классификации дискурсивных маркеров объединяет входящий в их состав класс маркеров повышения/снижения категоричности. Использование языковых средств интенсификации и смягчения учёные объясняют стремлением автора выражать свое мнение относительно тех научных результатов, о которых он сообщает, продемонстрировать уверенность или неуверенность в суждениях. При этом данные языковые средства выражают не уверенность как таковую, а степень уверенности, то есть субъективные ощущения автора. Применение маркеров повышения и снижения категоричности обусловлено когнитивно-прагматическими установками автора научного текста: либо сделать высказывание неоспоримым, либо, поскольку истинность любого знания относительна, смягчить категоричность суждений в попытке достичь объективности изложения [Викторова 2016].

Цель настоящего исследования – выявить когнитивно-прагматические функции дискурсивных маркеров авторской позиции в жанре англоязычной научной статьи. Актуальность исследования обусловлена необходимостью более детального изучения маркеров обозначенной группы, поскольку они участвуют в осуществление главной коммуникативной функции научного дискурса – передачи научных знаний.

Как отмечает И.П. Хутыз, максимально успешное достижение коммуникативной цели адресанта осуществляется путем речевого воздействия [Хутыз 2018]. Анализ научных текстов показал, что одной из таких тактик является употребление наречий, которые маркируют авторское отношение к пропозициональному содержанию, способны вовлечь читателя в разговор о полученных научных результатах, повлиять на его мнение и убедить в объективности предлагаемых знаний. К таким маркерам относятся: *clearly, obviously, certainly, of course, surely, indeed, always, in fact, actually, no doubt, undoubtedly, decidedly, definitely, incontestably, incontrovertibly, necessarily, unmistakably, unquestionably, undeniably, doubtless*.

Приведем несколько примеров: 1) *An alternative method is to make a careful selection of data, and to consider individual group averages in a graphical representation. If there is variation in the relationship it will **certainly** be apparent in the graph.* 2) *To test the result the residuals were then found and grouped in convenient ranges of distance, a few **obviously** abnormal observations being omitted.* 3) *This precaution is, **of course**, common to all low temperature installations.* В представленных

примерах наречия подчеркивают абсолютную уверенность автора в сообщаемой читателю информации. Несмотря на то, что отсутствие данных наречий не повлияло бы на изменение пропозиционального содержания высказываний, авторы текстов, тем не менее, прибегают к их использованию (осознанно или бессознательно) в попытке акцентировать внимание читателя на важном научном знании и подчеркнуть его обоснованность. Наречия, употребляемые в акцентирующей функции, выделяют конкретные слова, придавая силу и значимость утверждениям автора, подчеркивают бесспорность суждений и участвуют в реализации стратегии вовлечения читателя и воздействии на него.

Безусловно, критерием истины и способом убеждения в научных текстах, в первую очередь, выступает доказательная база, а именно, результаты опытных экспериментов и наблюдений, демонстрация, измерения и вычисления. При этом языковые средства маркирования авторской уверенности способны усилить персуазивный эффект с опорой на рациональное обоснование, например: 1) *The percentages are not submitted as authoritative, as the total figures are, **of course**, far too small for that.* 2) *The results invite comparison with those given by the method of stationary period and with those for Love waves. The stationary period method **always** gives too high a value of c/b , as we should expect, but the general trend of the results is very similar.* 3) *The effect is, however, **obviously** reversed at the epicentre, and this formula is not a good approximation at short distances.* Приведенные примеры указывают на то, что выводам ученых предшествует проведение эксперимента и количественного анализа. Тем не менее, чтобы максимально убедить читателя в достоверности собственных суждений, авторы используют наречия, маркирующие уверенность. Взаимодействие иллюстраций/результатов вычислений и дискурсивных маркеров выражения авторской уверенности в истинности сообщаемой информации усиливает персуазивный эффект.

Кроме того, выявлены случаи употребления дискурсивных маркеров уверенности в попытке манипулировать мнением читателя, когда автор, убежденный в истинности сообщаемой информации, предполагает, что читатель примет её на веру. Например: 1) *It is of profound interest to realize that in olden times, just as today, schools existed, one in favour of immediate reduction and the other in favour of allowing the shaft to unite before dealing with the displaced humeral head; and so it is **always**.* 2) *English will, **of course**, continue to be taught, and will be the medium of instruction in the secondary schools.* 3) *It has **always** been clear that a councillor must be allowed to see any information he needs to carry out his duties, but it has been unclear how far that goes.*

Так, употребление дискурсивных маркеров уверенности способствует успешной реализации коммуникативной цели научной статьи (трансфер научного знания) за счет выполнения основных функций – информативной, акцентирующей и убеждающей.

Не менее важной особенностью дискурса научной статьи является присутствие маркеров авторской неуверенности в достоверности транслируемой информации. К дискурсивным маркерам неуверенности относят следующие наречия: *possibly, perhaps, usually, at least, arguably, probably, maybe, apparently, likely, unlikely, normally, seemingly, evidently, hypothetically.*

С дискурсивной точки зрения неуверенность, как интенциональное состояние автора, указывает на сомнение в истинности пропозиции и допущение существования отличной от его точки зрения, на отсутствие доказательств или знаний, на стремление смягчить или избежать возможной критики со стороны коллег, обеспечивая таким образом большую благоприятность научной коммуникации, например: 1) *An echo-producing layer, which the authors think **probably** consists of euphausiids, has also been described as, in part, regularly moving in a reverse manner.* 2) *There is some evidence **possibly** supporting this idea although this relates only to horizontal movement.* 3) *Although the tomato plant is affected in nature with several diseases of the "streak" type, it is **unlikely**, in the writer's opinion, that the x virus is one of them, as it is **apparently** not aphid-borne.* Автор предполагает, что его идеи могут быть достоверными, но, из-за отсутствия или неполноты научных данных, не может позиционировать себя обладателем истинного знания и убеждать читателя в своей правоте.

По мнению С.В. Когут, использование маркеров снижения категоричности авторской позиции характерно для западноевропейской научной традиции с её стремлением избегать однозначных, категоричных высказываний и оценок [Когут 2016]. Автор заинтересован в результативности диалога с читателем-ученым, поэтому не навязывает свою точку зрения, а предоставляет собеседнику право принять собственное решение.

Нередки случаи взаимодействия оппозитивных дискурсивных маркеров выражения авторской позиции в составе одного высказывания. Данная тактика тоже обусловлена стремлением авторов смягчить категоричность, например: 1) *The "status anginosus" is **probably always** due to coronary block.* 2) *This rapid movement in the south was **almost certainly** associated with the strong gradients produced by the spurious anticyclogenesis.* 3) *The formation of rosettes appears to be essentially a feature of the developing retina and **probably never** occurs in one that is fully differentiated.* Приведенные примеры указывают на то, что показатели авторской уверенности и неуверенности в достоверности транслируемого научного знания, взаимодополняют друг друга и влияют на «формирование модусной и иллокутивной составляющих высказывания, продуцируемого и интерпретируемого языковой личностью» [Ильинова: 2010: 252].

Маркеры выражения авторской позиции являются коммуникативно-значимыми средствами формирования иллокутивной силы высказывания, поскольку способны повысить информативную значимость сообщения, передать отношение автора к сообщаемой информации, тем самым, повышая эффективность коммуникативного взаимодействия. Поскольку представление нового знания всегда происходит на фоне старого, автор прибегает к маркированию наиболее значимой в смысловом отношении информации, фокусирует на ней внимание читателя, предотвращая появление неверных интерпретаций, смыслов и ассоциаций, либо, наоборот, оставляя читателю возможность дать свою оценку новому научному знанию.

Литература

Викторова Е.Ю. Вспомогательная система дискурса: проблемы выделения и спецификации функционирования: дис. ... д-ра филол. наук: Саратов, 2016.

Ильинова Е.Ю. Рецензия на книгу: Панченко Н.Н. Достоверность как коммуникативная категория // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 2. Языкозн. 2010. №2 (12). С. 252-254.

Когут С.В. Дискурсивные маркеры в научном тексте: этнокультурный и дискурсивный аспекты (на русском и немецком языковом материале): дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2016.

Хутыз И.П. Коммуникативные категории и стратегии лекционного дискурса // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2018. № 10(88). Ч. 2. С. 374-379.

M.Y. Mironova (Saint-Petersburg, Russia)
Saint-Petersburg State University of Economics

COGNITIVE-PRAGMATIC FUNCTIONS OF POSITION MARKERS IN ENGLISH SCIENTIFIC ARTICLES

The purpose of the research is to identify the discourse specifics of English research articles which determines the use of markers to denote the author's position. The scientific novelty of the research consists in determining the cognitive-pragmatic functions of discourse markers noting the author's position, aimed at the successful implementation of the main task of scientific discourse – the transfer of knowledge.

Key words: discourse markers, scientific discourse, cognitive-pragmatic functions.

Е.И. Михалева (Москва, Россия)
Московский городской педагогический университет
mihalevaei@mgpu.ru

ГЕНДЕРНАЯ ОБУСЛОВЛЕННОСТЬ СТРУКТУРНО-ТЕМАТИЧЕСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ШУТОК В АНГЛОЯЗЫЧНЫХ СТЭНД-АП ШОУ

В статье описывается стэнд-ап как жанр комического дискурса. Выявляются гендерные различия в манере поведения англоязычных комиков, в тематике и структуре шуток. Доказывается гендерная асимметрия в жанре стэнд-ап и его относительная универсализация на структурно-тематическом уровне.

Ключевые слова: стэнд-ап, гендер, юмор, шутка, комическое.

Юмор в массмедиа давно стал индустрией, куда стремятся попасть представители разных возрастных, социальных, национальных и гендерных групп. Несмотря на то, что современная форма стэнд-ап появилась в 20 веке, ее до сих пор причисляют к динамично развивающемуся развлекательному жанру, имеющему большую популярность у широкой аудитории.

Комическое в лингвистических исследованиях анализируется такими учеными как А.Н. Войткова, М.Р. Желтухина, В.И. Карасик, О.А. Леонтович, А.А. Проскурина и др., которые выявляют социолингвистические, лингвокультурные, прагматические, эстетические и другие аспекты данной категории в разных видах дискурса. По мнению А.Н. Войтковой, комическое – «эмотивное и ментальное свойство речевого поведения человека, которое отражает специфику его познания окружающей действительности» [Войткова 2011], а юмор наряду с иронией, сарказмом, сатирой, которые отличаются по степени реализации оценоч-

ной модальности, относится к одному из видов комического. О.А. Леонтович, рассуждая о противоречивости сущности комического, выявляет его универсальные и культурно-специфические свойства, указывая на то, что «в комическом причудливо сочетаются общечеловеческое и национально специфическое, интернациональное и национальное» [Леонтович 2022: 142]. Считается, что юмор интернационален, а восприятие юмора – индивидуально и обусловлено традициями лингвокультур. Обобщенно юмористический дискурс – «текст, погруженный в ситуацию смехового общения» [Карасик 2002: 363].

Факт универсализации и в то же время уникальности выступлений юмористов разных лингвокультур был доказан на лингвистическом уровне. Учеными была выявлена склонность британских, американских и российских юмористов к использованию фонопрагматических и стилистических особенностей, соответствующих международному формату поведения в жанре стэнд-ап комедии независимо от социокультурного происхождения выступающего. Индивидуальность проявляется в сохранении идиостиля или сценического образа комика и в его произношении [Ivanova 2020].

С учетом дискурсивных категорий, таких как театральность, цельность, информативность, ситуативность, модальность, диалогичность и др., выделяемых в комическом дискурсе, стэнд-ап как разговорный жанр можно считать интердискурсивным, что проявляется в его связи с массмедийным, сценическим, прагматическим, презентационным, риторическим, инвективным видами дискурса.

Стэнд-ап комики адресуют шутки и монологи аудитории, являясь провокаторами комической ситуации. Знакомые зрителям события преподносятся с нового неожиданного и парадоксального ракурса. Личностно-ориентированная подача материала служит фактором диалогизации, импровизации, проявляет умение комика спонтанно реагировать на реплики из зала, несмотря на то, что практически все структурные элементы выступления отрепетированы.

Результаты гендерных исследований в юмористическом дискурсе подтверждают общеизвестный факт наличия гендерной асимметрии, особенностей в феминном и маскулинном речевом поведении. Гендерные различия проявляются и в реализации комического на лингвопрагматическом и невербальном уровне. «Женщины избегают откровенной грубости, уделяют больше внимания манере преподнесения юмористических монологов» [Васильева 2022: 162], тогда как мужчины проявляют более экспрессивную и агрессивную манеру подачи материала, используют обценную лексику. Отличия в выборе тематики комического дискурса объясняются «различными гендерными ролями, и соответственно, различным социальным опытом мужчин и женщин», что часто формирует у адресата негативное мнение в отношении женского комического «как неинтересному большому кругу людей и однообразному» [Войткова 2011].

Эмпирическую базу настоящего исследования составили англоязычные стэнд-ап выступления комиков – представителей разных полов. Гипотезой являлось предположение о том, что несмотря на гендерную асимметрию в стэнд-ап жанре, структурно-тематическая организация шуток комиков в связи со стандартизацией жанра не будет гендерно-обусловлена. Было проанализировано 40 выступлений комиков в англоязычных стэнд-ап шоу 2022 года. В ходе отбора широкого корпуса исследования было отмечено количественное соотношение муж-

чин и женщин-комиков в сборных концертах – 1 к 5, что свидетельствует о гендерной диспропорции в данной индустрии.

Текст стэнд-ап выступления как прием риторического воздействия представляет собой авторские монологи, состоящие из коротких шуток, а также шутки из одного – двух предложений (англ. *one-liner*), общение со зрителями. Короткая шутка включает в себя «заход» (*setup*), который создает ожидание зрителя, и «панчлайн» (*punchline*) – суть шутки, нацеленной на вызов удивления аудитории и разрушение ожидания, созданного в заходе. Одна или две сюжетные линии в шутке развиваются вокруг одной центральной идеи и часто идут вразрез с кульминацией. Шутки оформляются преимущественно краткими синтаксическими конструкциями, емкими по содержанию. Несоблюдение этических норм, разговорные фразы, слэнг отмечаются в речи представителей обоих полов, однако мужчины-комики гораздо чаще и свободнее, чем женщины используют нецензурную лексику в шутках, их юмор прямолинейный и откровенный, более агрессивный, поведение женщин-комиков – неуверенное, тематически и структурно более поверхностное, калькирующее манеру мужчин.

Композиционная структура проанализированных шуток как в мужском, так и в женском стэнд-ап выступлении совпадает. Поскольку одним из ключевых факторов организации стэнд-ап монолога является диалогизм, общение с аудиторией осуществляется либо в начале для установления контакта, либо в середине монологов, чтобы сбить эмоциональный накал и перейти к новой теме.

Тематическая организация шуток отражает этнические, социокультурные, ментальные представления о разных актуальных проблемах, находящихся в новостной повестке, а также о вечных бытовых, житейских вопросах, не теряющих своей значимости. Непреходящие ценности, религия – то, что упоминается мужчинами-комиками в шутках, высмеивающих современные тренды на отрицание традиционных ценностей и абсурдность навязываемых новых. Мужчины, в отличие от женщин, озвучивают свою обеспокоенность и переживания по вопросам аборт, отношений с детьми и другим социальным проблемам.

Юмористы обоих полов транслируют авторское восприятие мира, культурные ценности, менталитет, свою интерпретацию ситуаций, с которыми сталкиваются люди любого происхождения: проблемы личной неустроенности, сложности социализации. Обсуждение фобий, физических недостатков часто происходит в начале сольных стэнд-ап концертов. При этом если мужчины-комики шутят о наличии или избавлении от вредных привычек, то женщины хвалятся посещением психотерапевта как показателем финансового достатка.

Темы, выявленные в стэнд-ап 2022 года, представлены ниже от наиболее к менее частотным, причем в группе мужчин шутки на указанные темы примерно одинаково частотны. Курсивом выделены 6 гендерно-нейтральных тем, освещаемых как мужчинами, так и женщинами-комиками.

Мужчины: национальная культура и ментальность, *общение с детьми*, расовая дискриминация, критичное отношение к женщине (особенности мышления, манера общения с детьми), пандемия и вакцинация, религия, *социализация*, *физические недостатки*, вредные привычки, известные личности (королевская семья, актеры, певцы), *секс и смежные темы*, *взаимоотношения с партнером/женой*, *родители и детство*, современные реалии, политика.

Женщины: секс и смежные темы, взаимоотношения с партнером/мужем, физические недостатки, миграция/переезд, политика, социализация, социальные сети, родители, дети, деньги.

Юмор мужчин более сложный концептуально, композиционно и стилистически. Мужчины-комики превосходят по уровню мастерства, который проявляется в более широком спектре тем, затрагиваемых в шутках, в глубине реализации комического, связном «бесшовном» переходе от шутки к шутке, вербальной и невербальной экспрессии, эмоциональном накале, умении манипулировать реакцией публики, интерактивности. Женщины-комики стремятся копировать мужской стиль выступлений. Однако попытки вписаться в маскулинный жанр стэнд-ап, стремление подражать грубой и прямолинейной манере мужского юмора, а также тематика выступлений часто не создают ситуацию комического, не вызывая должного отклика у аудитории.

Литература

Войткова А.Н. Остроумная коммуникативная личность в комическом дискурсе: гендерный аспект : специальность : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Иркутск, 2011.

Васильева О. Креатив или примитив? Анализ текстов публичных выступлений в жанре стендап с точки зрения теории языковой игры // Acta Universitatis Lodzianae. Folia Linguistica Rossica. 2022. 21. С. 155-164. URL: <https://doi.org/10.18778/1731-8025.21.13>

Желтухина М.Р. Комическое в политическом дискурсе: дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2000.

Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Научное издательство ВГСПУ «Перемена», 2002.

Леонтович О.А. Слово и образ в поисках друг друга. Волгоград: ПринТерра-Дизайн, 2022.

Проскурина А.А. Прецедентные тексты в англоязычном юмористическом дискурсе: дис. ... канд. филол. наук. Самара, 2004.

Ivanova Y.E. Internationalization Of Stand-Up Comedians' Speech Behavior: Loss Of National Identity? // European Proceedings of Social and Behavioural Sciences: Conference proceedings. Moscow 23–25 april 2020. Vol. 95. London: European Publisher, 2020. P. 293-305. DOI 10.15405/epsbs.2020.11.03.31.

*E.I. Mikhaleva (Moscow, Russia)
Moscow City Teacher Training University*

GENDER DIFFERENCES IN THE STRUCTURAL AND THEMATIC ORGANIZATION OF ENGLISH STAND-UP JOKES

The paper describes stand-up as a genre of comic discourse. It reveals gender differences in the behaviour of English-speaking comics, the subject-matter and structure of their jokes. The results of the research demonstrate gender asymmetry in the stand-up genre and its relative universalization at the structural and thematic level.

Key words: stand-up, gender, humour, joke, comic.

Н.И. Немкина (Москва, Россия)

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
nemkinani@my.msu.ru*

МУЛЬТИМОДАЛЬНОСТЬ ЗНАНИЯ В СКАЗОЧНОМ ДИСКУРСЕ

В статье описывается сказочный дискурс как отдельный тип в классификации дискурса. Изменения в современном дискурсе, вызванные появлением новых средств массовой информации, накладывают отпечаток на сказочный дискурс, который раскрывается в статье при помощи понятия мультимодальность.

Ключевые слова: сказочный дискурс, мультимодальность, интертекстуальность, фоновые знания, мультфильм.

Дискурс, определяемый как «речь, погруженная в жизнь» [Арутюнова 2002: 137], и понимаемый как синтез различных коммуникативных факторов, включает в себя с одной стороны прагматику, с другой – ментальные процессы участников коммуникации. Из всего многообразия классификаций дискурса сказочный практически не упоминается, поскольку данный тип дискурса обычно представлен в качестве разновидности художественного дискурса наряду с фантастическим. В отличие от художественного дискурса, определяемого как творение индивидуального творчества, сказочный дискурс является достоянием общественным, в нем реализуются коллективные смыслы. Чтобы выделить сказочный дискурс в самостоятельную типологическую единицу, нужно исследовать прецедент изучения данного типа дискурса: определить его объект, цель и специфику, а также истоки образования сказки.

По мнению некоторых учёных, сказка возникла из первоначального слова, в основе которого была метафора. «Первозданные слова приобрели некий сакральный и волшебный смысл, все менее походивший на реальность вследствие постепенной утраты первоначальных смыслов метафор» [Суслов 2011: 103]. Другие ученые считают, что сказка появилась как результат развития мифа. Однако не смотря на наличие у мифа таких отличительных черт, как этиологизм, поэтизированное описание магических свойств, фокус сюжета на неизбежности и мироустройстве, «миф не может быть отличием от сказки формально» [Пропп эл.ресурс], важно учитывать то, какую социальную функцию они в себе заключают.

Для сказки, как и фольклора в целом, характерны традиционность формы выражения, а также сохранение образов и сюжетов в течение долгого времени. Национально-специфический компонент сознания определяется на этапе формирования этноса под влиянием природно-климатических условий. После формирования лингвокультурологических компонентов нации видение человеком мира так же, как и мышление больше не изменяются, однако многие факторы, повлиявшие на менталитет общества закрепляются в языке. Тем самым представляется возможным передача этнической, социальной и культурной особенностей коллектива. Такие особенности можно увидеть во многих сказках, проанализировав конкретные элементы. «Сказочный дискурс определяется практически всеми исследованиями в ключе его фокуса на национальной специфике и культурно-исторической ценности» [Мищерикова 2017: 88].

Говоря о цели исследования сказочного дискурса, основываясь на социальной направленности сказки, можно признать изучение отношений между дискурсом и обществом, определение влияния на дискурсивные практики и социальные установки. Однако постановка такой общей цели неизбежно приведёт к интеграции в социологию, культурологию и другие смежные лингвистике дисциплины. Таким образом, изучение такого сложного типа дискурса, как сказочный, требует исследования связи между дискурсивными и когнитивными структурами.

В качестве семантической единицы анализа сказочного дискурса можно выделить слово. Текст сказки может быть также рассмотрен и как самостоятельное целое, обладающее своей семантикой. По мнению Б.П. Кербелите, единица анализа сказки – это элементарные сюжеты, классификация которых строится по системе целей персонажей: стремление к свободе, господству над другими, добывание объектов. Именно общность главных потребностей человека позволяет проследить однотипность элементарных сюжетов у разных народов. Например, сказка «Василиса Премудрая» и история «Ясона и Медеи», которые похожи своим сюжетом вплоть до деталей. Таким образом, выделение сказочного дискурса как отдельного типа в классификации дискурса имеет весомые основания.

Для семантического анализа также необходим учет невербального (социального, культурного, психологического) контекста высказывания. Возможность верного восприятия и успешной интерпретации сообщения в устной коммуникации обусловлена большим числом предварительных знаний («предзнаний») [Norral 1980: 120]; неразрывно связанными со знаниями (памятью) традиции. «Подобное “знание текста” есть проявление фольклорной интертекстуальности: скажем, русская былина сталкивает в конфликте или поединке богатырей, обычно не встречающихся в пределах одного текста (Добрыню Никитича и Алешу Поповича, Илью Муромца и Добрыню Никитича, Добрыню Никитича и Дуная)» [Неклюдов эл. ресурс], а в современных мультфильмах, созданных на основе сюжета традиционных русских сказок, можно встретить всех этих героев вместе. Пересекаться в одном произведении могут не только герои, но и сюжеты (в мультипликационной интерпретации сказки «Иван Царевич и Серый волк» встречается сюжет из сказки «Пойди туда – не знаю куда, принеси то – не знаю что»).

В процессе коммуникации в определённых условиях «за каждой языковой единицей стоят различные знания (о мире, коммуникативном событии, лингвистические знания и предполагаемые знания адресата)» [Манерко 2015: 392]. В современных мультипликационных адаптациях традиционных русских сказок часто используются прямые и скрытые аллюзии, что ставит вопрос о целевой направленности подобных мультфильмов. Поскольку взрослые, обладая более сформированной интертекстуальной компетенцией, воспринимают информацию на глубинном уровне в отличие от детей, извлекающих из сюжета информацию на поверхностном уровне. Например, в мультфильме «Три богатыря: ход конем» в одном из эпизодов с целью проникновения в Киев герои используют золотую скульптуру «Князь на коне», заблаговременно спрятавшись в ней, что является отсылкой к истории о Троянском коне. Подобные элементы индуцируют понимание текста на экстралингвистическом уровне, где ключевую роль играют фоновые знания реципиента.

Всякое фольклорное произведение реализуется в одновременно сосуществующей с ним (и в этом смысле являющейся его контекстом) невербальной модели. Следовательно, коммуникативное событие (фольклорный нарратив) должно анализироваться в его полном коммуникативном контексте, включая лингвистические, визуальные, социальные, когнитивные и иные контекстуальные элементы. «Новые технологии и новые средства массовой информации предлагают новейшие коммуникативные возможности в появляющихся контекстах» [Bonacchi, Karpinski, эл. ресурс]. Тенденция обращения к былинным героям в отечественной мультипликации появилась сравнительно недавно. Исходя из анализа некоторых сюжетов на глубинном уровне, целевая аудитория подобного рода кинокартин охватывает более широкий сегмент. «Апеллирование к ранее созданным вербальным текстам позволяет авторам вписать своё кинопроизведение в контекст российской культуры, а историческая давность претекстов открывает перед авторами возможность продемонстрировать родство героев и зрителя в аспекте менталитета» [Федотова 2016: 233]. Анализируя современные мультфильмы со сказочным сюжетом в репликах героев можно встретить как традиционные формулы сказки (Жили-были.., В некотором царстве..), так и намёки на современность, включая некоторые элементы одежды. Интертекстуальные маркеры, отсылающие к нынешним реалиям и включающие элементы современного стиля речи, используют с целью сближения со зрителями по речевому поведению, исходя из предпочтений современной аудитории.

Воплощение вербального и невербального в единой субстанции, синтез текстуальных форм и экстралингвистических элементов, выявление семантических полей как различных кодов предъявления информации – все это включает в себе мультимодальность как семиотический комплекс, характеризующийся использованием нескольких модусов (способов передачи смысла). Совокупность таких модусов определяет значение мультимодальности и ее воздействие на различные коммуникативные ситуации, степень их восприятия аудиторией. «Дискурс оказывается связанным с актуализацией разных типов статического и динамического знания в коммуникативном событии в зависимости от социокультурного контекста, интертекстуального взаимодействия и явления мультимодальности» [Манерко 2015: 88].

Таким образом, характерной особенностью современного сказочного дискурса является наличие интертекстуальных связей, проявляющихся в понимании одного текста при условии знания другого, где немаловажную роль играет объем фоновых знаний реципиента. Мультимодальность знания в сказочном дискурсе проявляется в творческом усилении мысли адресата с целью достижения определённого коммуникативного эффекта.

Литература

Арутюнова Н.Д. Дискурс // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева. М.: Сов. Энциклопедия, 1990. С. 136-137.

Пропп В.Я. Исторические корни волшебной сказки. URL: http://www.lib.ru/CULTURE/PROPP/skazki.txt_with-big-pictures.html#III

Манерко Л.А. Изучение мультимодальности дискурсивного знания средствами методологического аппарата когнитивной лингвистики // Когнитивные исследования языка. 2015. Вып. XXII. С. 86-89.

Манерко Л.А. Модели перевода современности через призму социообусловленности и мультимодальности знания в теории дискурса // Вестник МГУ. 2015. С. 389-400.

Мищерикова М.А. Сказочный дискурс как объект дискурсивных исследований // Междисциплинарные аспекты лингвистических исследований: сб. науч. тр. Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2017. Кн. 12. С. 87-96.

Неклюдов С.Ю. Семантика фольклорного текста. URL: <https://www.ruthenia.ru/>

Сулов А.А. Особенности восприятия пространства в русской сказке // Известия Томского политехнического университета. 2011. Т. 319. № 6. С. 102-106.

Федотова И.П. Вербальные интертекстуальные маркеры в серии мультфильмов о трех богатырях // Вестник Брянского государственного университета. 2016. № 4 (30). С. 233-240.

Bonacchi S., Karpinski M. Remarks about use of the term “multimodality” // Journal of Multimodal Communication. 2014. Vol. 1 P. 1-7. URL: <https://www.studocu.com/pl/document/universytet-warszawski/seminarium-magisterskie-s/bonacchi-karpinski-2014-remarks-about-the-use-of-the-term-multim/44113524>

N.I. Nemkina (Moscow, Russia)
Lomonosov Moscow State University

MULTIMODALITY OF KNOWLEDGE IN FAIRY-TALE DISCOURSE

The article considers fairy-tale discourse as a separate type in the discourse classification. The emergence of mass media and changes in modern discourse influence fairy tale discourse. The author introduces the notion of multimodality to describe this phenomenon.

Key words: fairy-tale discourse, multimodality, intertextuality, background knowledge, cartoon.

О.И. Опарина (Москва, Россия)
Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова,
Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ
oloparina@yandex.ru

ПОНЯТИЕ ПРИВЛЕКАТЕЛЬНОСТИ НАУЧНОГО ТЕКСТА В ЭПОХУ ЦИФРОВОЙ КОММУНИКАЦИИ И КЛИПОВОГО МЫШЛЕНИЯ

Статья рассматривает некоторые особенности представления знаний, делающие научный текст привлекательным, и изменения в доминантах академической коммуникации в эпоху цифровизации и распространения клипового мышления. Выводы базируются на результатах проведенного опроса.

Ключевые слова: знание, научный дискурс, доминанта, опрос, привлекательность, клиповое мышление.

В любую эпоху, как результат исторических событий, достижений в области технологий, изменения общепринятых форматов коммуникации, происходили изменения и в способах подачи информации. Как следствие, вставал вопрос об

эффективности организации языковой деятельности для облегчения восприятия и понимания сообщений.

Понятие «эффективность» относительно языковой активности становилось особенно актуальным в периоды кардинальных изменений в обществе, что приводило к корректировке доминант речевого общения [Болдырев 2019]. Согласно Н.Н. Болдыреву, выделяются три основных типа доминант: содержательные, структурные и формально-языковые [Болдырев 2019: 24].

Целью данного исследования является рассмотрение формально-языковых доминант в контексте изменений в современном формате академического общения, в частности особое внимание сфокусировано на конвенциональных способах передачи знаний, а именно на понятии «привлекательности» текста.

Наше время является своего рода переломным с точки зрения объема общедоступной информации, формата получаемых сведений и способа коммуникации. В современную эпоху интернет стал не только основным источником информации, но и местом дискуссий / диалога (жанр комментариев, форумы, личные страницы, сайты, страницы в социальных сетях).

Еще одним фактором современного общества является тенденция к клиповому мышлению. Тема клипового мышления широко обсуждается на многих площадках, идут споры о его плюсах (возможность ознакомиться с большим количеством информации, многозадачность, экономия сил и времени, образность) и минусах (фрагментарность, отсутствие логичных связей, отсутствие систематизированности, поверхностность). Само название такого типа мышления подразумевает «фрагмент / нарезка», с точки зрения лингвистики – «фрагмент текста / отрезок текста». Появление клипового мышления обусловлено рядом причин и характеристик текста:

- сокращение объема сообщения;
- сокращение числа мыслей в единице контента до одной – одновременно с дополнением сообщения эмоциональным переживанием;
- многократное повторение одной и той же мысли в рамках одной единицы контента;
- сухой новостной контент больше не работает: аудитория хочет, чтобы в него заранее было заложено какое-то отношение автора, авторская субъективность / оценочность;
- разбивка одного сообщения на несколько однотипных;
- на место приглашения к разговору / дискуссии приходит контент как аксиома, который не предполагает рефлексии и аналитического, критического мышления со стороны аудитории [<https://trends.rbc.ru /trends/innovation/60dad2ce9a794760a59e66f5>].

Как правило, утверждается, что человеку с таким типом мышления сложно работать над большими сложными по структуре и контенту текстами. Академический дискурс и научное мышление противостоят клиповому мышлению по своей сути. Если учесть, что цифровизация коммуникации занимает около 90% научного общения, то неизбежно возникает вопрос, как совместить преобладающие фоновые тенденции и традиционный научный подход.

В качестве основного материала исследования стал опрос студентов магистратуры, которые, с одной стороны – погружены в принятый в интернете и социальных сетях стиль общения в виде коротких, отрывочных сообщений, конкретных и однозначных, часто с сопровождением эмоджи, отражающих эмоциональную оценку. С другой стороны, они имеют некоторый опыт академической коммуникации (написание выпускной квалификационной работы, выступление на конференциях, дискуссионных клубах, и, даже, наличие публикаций в научных журналах).

Опрос состоял из анализа предложенных отрывков и формулировки положений / характеристик «привлекательного» научного текста. С понятием «привлекательности», как показало исследование, неразрывно связано понятие «эффективности» текста. В данной статье целесообразно остановиться на результатах опроса, относящихся к общей формулировке «привлекательного текста» и выявление изменений в доминантах академической коммуникации.

Понятие «привлекательного текста» подразумевает текст со стилем изложения, «приятным для чтения», побуждающим к дальнейшему, более подробному изучению темы / предмета или произведений этого автора. К основным составляющим относятся: доступность текста, легкость для понимания, необычность.

Доступность – это изложение понятным и легким для восприятия языком. С лексической точки зрения, предпочтение отдается общенаучной лексике и терминам, значение и понимание которых четко определены и нет разночтений в их трактовке. Двусмысленность в понимании понятий воспринимается как преграда и дополнительные сложности в донесении важной и существенной информации. Синтаксис не должен быть осложненным. Предпочтение отдается не длинным предложениям, но и не простым. Структура предложения и абзаца должна быть очевидна и не требовать дополнительных усилий в понимании «что к чему относится».

Легкость для понимания – четкая стратификация текста, очевидность главных положений, наличие достаточной аргументации, иллюстрируемой конкретными примерами. Интересно, что более легким в восприятии и понимании текста считается организация абзаца в англо-саксонской традиции, то есть формулировка положения (topic sentence) в начале абзаца и его пояснение далее. Подобная организация текста напоминает тезисный нарратив, что соответствует доминантам клипового мышления: сказать основное сразу, кратко. Еще одним аргументом, объясняющим распространение такого стиля изложения, является распространенный формат упражнений: найти и перечислить основные положения прочитанного / прослушанного текста; написание эссе, четко обозначая содержание каждого абзаца; основы реферирования. Таким образом, система преподавания иностранных языков, предопределила и требования адресата к текстам.

Самым неожиданным параметром, названным в ходе опроса, стала «необычность» текста. В качестве примеров научных текстов предлагались отрывки из разных авторов, относящихся к промежутку времени от середины XIX века и до нашего времени. Среди авторов, в частности, был Бертран Рассел. Отрывки взяты из “A history of western philosophy” (1945) [<http://www.ntslibrary.com/PDF%20Books/History%20of%20Western%20Philosophy.pdf>] и “The principles of mathematics” (1903) [<https://people.umass.edu/klement/pom/pom.pdf>]. Фрагменты, взятые из этих произведений, не рассматривались как доступные и легкие для

понимания, но воспринимались как «интересные» и «стоящие дальнейшего прочтения и изучения». Основным аргументом стала необычность изложения, а именно – игра на парадоксах, или отрицание как основа логической структуры текста и стилистический прием. По сути, доказательство от обратного и доказательство через парадоксы требует больше внимания, но и способствует его удержанию. Необычность построения доказательств оказывает эмоциональное воздействие, маркированное читателями словом «прикольно». Достоверность изложения и убедительность предлагаемых положений достигаются постепенным исключением всех вариантов кроме последнего, или доказательство от обратного.

Таким образом, «привлекательность» текста складывается из традиционного систематизированного логического повествования и отрицания, выполняющего как роль элемента логической структуры, так и говорящего о присутствии в тексте языковой личности с ее субъективным видением проблемы, что сокращает дистанцию между автором и адресатом, вносит определенную эмоциональность.

Вопрос легкости и эффективности донесения информации в медиа и академическом дискурсах является одним из важных. Лексическая простота, понятный синтаксис, прозрачная структура текста обусловлены стратегией языковой личности на равноправие с адресатом, что делает текст привлекательным. Привлекательны также тексты, выходящие за рамки формата сухой научной коммуникации, в частности наличием «парадоксальности». Проведенное исследование лишь обозначило тенденцию в изменении доминанты в способе подачи информации в научной коммуникации, что может быть использовано в лекциях.

Литература

Болдырев Н.Н. Доминантный принцип организации языкового сознания // Когнитивные исследования языка. 2019. Вып. XXXVII. С. 37-44.

Болдырев Н.Н. Доминантный принцип концептуального взаимодействия в языковом общении // Когнитивные исследования языка. 2019. Вып. XXXVIII. С. 21-30.

Заботкина В.И. Когнитивные основы лингвистической креативности // Когнитивные исследования языка. 2019. Вып. XXXVIII. С. 208-216.

Зуйкова А. Что такое клиповое мышление и как извлечь из него пользу. 2021. URL: <https://trends.rbc.ru/trends/innovation/60dad2ce9a794760a59e66f5>

Russell B. A history of western philosophy. 1945. URL: <http://www.ntslibrary.com/PDF%20Books/History%20of%20Western%20Philosophy.pdf>

Russell B. The principles of mathematics. 1903. URL: <https://people.umass.edu/klement/pom/pom.pdf>

O.I. Oparina (Moscow, Russia)

Lomonosov Moscow State University, RANEPO

THE CONCEPT OF ACADEMIC TEXT ATTRACTIVENESS IN THE ERA OF DIGITAL COMMUNICATION AND CLIP THINKING

The article focuses on some characteristics of knowledge presentation which make academic communication attractive. Changes in academic communication dominants in the era of digitalization and the prevalence of clip thinking are also considered. Our conclusions are based on a survey.

Key words: knowledge, academic discourse, dominants, survey, attractiveness, clip thinking.

Е.В. Плисов, Е.Е. Белова (Нижний Новгород, Россия)
Нижегородский государственный педагогический университет им. К. Минина
e_plissov@mail.ru, belova_katerina@inbox.ru
А.В. Ворохобов (Нижний Новгород, Россия)
Российский государственный университет правосудия
Нижегородский государственный педагогический университет им. К. Минина, *vorokhobov@yandex.ru*

СТРУКТУРА И ОСОБЕННОСТИ СОВРЕМЕННОГО НЕМЕЦКОЯЗЫЧНОГО ВОЛОНТЕРСКОГО ДИСКУРСА

В статье описываются структура и особенности современного немецкоязычного волонтерского дискурса, рассматривается роль этого дискурса в конструировании социальной реальности, в формировании и трансляции социально значимых ценностей. Анализируются особенности концептуализации социально значимого действия в различных сферах жизни, выявляется гибридизация волонтерского дискурса.

Ключевые слова: дискурс, волонтерский дискурс, ценность, специальное знание, социальная реальность, вербализация.

При изучении типов и видов дискурса в современном немецком языке лингвисты обращают особое внимание на институциональные типы дискурса, аспекты их взаимодействия, характер представления специальных знаний [Дроздова 2022], особенности концептуализации отдельных квантов знания [Плисов, Оладышкина 2021], культурных пластов [Зими́на, Вашунина 2020], создание социальной реальности в языке и с помощью языка [Бабаева, Шмелева 2022; Плисов, Прокопьева 2018], акцентируют интегративные возможности дискурса [Бочарникова 2022]. В этих условиях концептуализация специальных знаний приобретает особое значение, так как участвует в конструировании элементов современной системы научного знания и социальной реальности. Целью данной работы является описание структуры и особенностей современного немецкоязычного волонтерского дискурса, роли этого дискурса в конструировании социальной реальности, формировании и трансляции социально значимых ценностей.

Цель волонтерского дискурса заключается в осознанной активной коммуникативной включенности участников в общественно-значимое действие, направленное на помощь, содействие и социализацию людей, находящихся на периферии общественной жизни ввиду их ограниченных возможностей. Например, на официальных сайтах больниц и медицинских центров в качестве обязательного раздела присутствует информация о социальной помощи пациентам, потому что болезнь или инвалидность могут изменить жизнь человека физически, эмоционально, социально, профессионально или финансово. Чтобы иметь возможность адекватно справиться с последствиями и побочными эффектами болезни, сотрудники клиник предлагают обратиться в социальную службу для конфиденциальных собеседований. Задачи социальной службы определяются как сопро-

вождение и поддержка стационарных пациентов с социальными и личными проблемами или проблемами, связанными с болезнью и инвалидностью. Целью консультирования является проработка и преодоление изменившейся жизненной ситуации после выписки из клиники. Пациент получает поддержку в индивидуальном или семейном консультировании, социальные работники помогают справиться с болезнью или инвалидностью, а также в поиске возможных решений для изменившейся жизненной ситуации: *Das Ziel der Beratung richtet sich auf die Verarbeitung und die Bewältigung der veränderten Lebenssituation nach der Entlassung. In diesem Prozess wird der Patient in Einzel- oder Familienberatungen dabei unterstützt, seine Krankheit oder Behinderung zu bewältigen, Entscheidungen zu treffen und Lösungsmöglichkeiten für die veränderte Lebenssituation zu finden* (<https://www.ukaachen.de/fuer-patienten/ihr-aufenthalt/unterstuetzende-dienste/sozialdienst/>).

Немецкоязычный волонтерский дискурс реализует в себе общие характеристики дискурса как коммуникативной единицы, но также отмечен своими специфическими особенностями. Так, одной из характерных особенностей волонтерского дискурса является отображение общечеловеческих ценностей и добродетелей, поощряется их наличие. Это в полной мере справедливо для немецкоязычного дискурса, см., например, слоган, отражающий в себе человеческую добродетель (а именно, любовь): *unter dem Motto #ausLiebe*. Волонтерская деятельность в контексте немецкоязычного дискурса довольно «волонтерцентрична», так как в многочисленных текстах обращается внимание на пользу для личностного развития самого волонтера. С этой целью используются несколько форм местоимений (личные – *Sie, du*; притяжательные – *Ihr, dein*), указание на личность волонтера с помощью прилагательного *eigen* и упоминание самого волонтера в третьем лице с последующим описанием положительного опыта, который он сможет извлечь из волонтерской практики. Кроме этого, чаще всего в текстах, написанных с целью привлечь на волонтерскую работу желающих, используется описание того, что волонтерство может *предложить*, нежели что *требуется* от потенциального волонтера. Часто используется словосочетание *persönliche Entwicklung* и его вариации, например: *Freiwilligendienste sind eine besondere Form des bürgerschaftlichen Engagements und bieten durch die praktische Tätigkeit in den Einsatzstellen und die Bildungsbegleitung in Form von Seminaren unterschiedliche Möglichkeiten, sich persönlich weiterzuentwickeln und neue Kompetenzen zu erlangen* (<https://bak-fsj.de/themen/partizipation/>).

Все перечисленные особенности отражают цели и ценности волонтерской деятельности. При этом, волонтерский дискурс не ограничивается только описанием абстрактных конструктов, соответствующих миссии и главной идее волонтерства, в описании волонтерских программ и инициатив можно также обнаружить конкретные временные и пространственные рамки. Волонтерские программы могут длиться как в течение неограниченного срока, так и на протяжении заранее заданного промежутка времени (*teilnehmer- und ressourcenorientiertes Bildungs- und Engagementjahr; einen Stundenumfang von mindestens 700 Stunden; bis zu 6 Monate; für rund zwölf Monate; In Ausnahmefällen kann er bis zu 24 Monate geleistet werden*).

В текстах с веб-сайтов, посвященных волонтерству, пространство данной деятельности указано с использованием эргонимов, предоставляющих возможности для волонтерской деятельности, например: *deshalb engagiert sich die Dia-*

konie Deutschland auch in der Bundesarbeitsgruppe (BAG) Gesundheit/Illegalität (<https://www.diakonie.de>); *das ehrenamtliche Engagement wird von vielen Jugendverbänden getragen* (<https://deutsches-ehrenamt.de>)

В источниках приводится также более широкое обозначение, в этом случае уже географических, пределов волонтерской работы, см. примеры: *einsatzstellen von unseren Partnerorganisationen in Afrika, Asien und Lateinamerika* (<https://www.ijgd.de/weltweit/weltwaerts>); *weltwärts bringt Menschen aus Deutschland, Asien, Afrika, Lateinamerika, Ozeanien und Osteuropa durch Freiwilligendienste zusammen* (<https://www.weltwaerts.de/de/startseite.html>).

При этом, включая в свою структуру данные элементы, волонтерский дискурс становится гиперонимичным для других, более узких субдискурсов. Так, например, можно выделить: волонтерство в сфере образования (дошкольного, школьного и вузовского) и, соответственно, педагогический дискурс; медицину (соответственно, медицинский дискурс); волонтерскую деятельность в культурной сфере – помощь в организации мероприятий в различных культурных учреждениях (музеях, театрах, кино, правительственных учреждениях, связанных с работой в культурной сфере и пр.) и, таким образом, работу в рамках социально-культурного дискурса; экологическое волонтерство и, вместе с ним, включение в экологический дискурс; общественную безопасность и оказание помощи в чрезвычайных ситуациях (обозначим его как «благотворительно-спасательный дискурс»).

В данных видах дискурса отображаются различные функции волонтеров, а также описываются требования к желающим принять участие в данной деятельности. То есть мы можем говорить о категоризации действующих лиц дискурса в зависимости от контекста. В первую очередь происходит деление на волонтеров (*Freiwillige, Ehrenamtliche*), работающих при координирующих организациях (*ein gemeinnütziger Verein, Träger*) и лиц (организаций), которым волонтеры оказывают ту или иную помощь. Например, на сайте благотворительной деятельности в христианской общине (*Diakonie Deutschland*) среди последних перечислены *Einkommensarme, Alte, Kranke, Familien, Wohnungslose, Geflüchtete*, однако это также могут быть *Kinder, Jugendliche, junge Erwachsene* и др. в зависимости от сферы деятельности волонтерства.

Часто на сайтах волонтерских организаций указывается конкретное описание волонтера, как правило, указывается не менее двух характеристик волонтера для определенной деятельности (возраст и пол, возраст и знание иностранных языков и пр.). Например, на сайте Международной службы по работе с молодежными сообществами (*Internationale Jugendgemeinschaftsdienste*) указывается, что волонтеру должно быть от 18 до 28 лет, а также отмечается, что волонтерами могут стать и уже работающие люди: *Das weltwärts-Programm ist ein Angebot für Menschen zwischen 18 und 28 Jahren. Übrigens können auch Berufstätige daran teilnehmen!* (<https://www.ijgd.de/weltweit/weltwaerts>).

Таким образом, волонтерский дискурс возникает в рамках волонтерского сообщества и волонтерской деятельности и вербализуется в текстах, отражающих определенные особенности данного дискурса. Волонтерский дискурс имеет свои цели и ценности, свой собственный хронотоп, субдискурсы, появившиеся вследствие разделения волонтерской деятельности на различные направления, а также агентов и клиентов, типичных только для данной дискурсивной области.

Цель волонтерского дискурса заключается в осознанной активной коммуникативной включенности агентов и клиентов в общественно значимое действие, а ценности волонтерского дискурса отражены в текстах, скорее, имплицитно. Значимость волонтерской деятельности рассматривается, в первую очередь, с точки зрения самого волонтера, волонтерскими организациями подчеркивается важность данной деятельности для личностного развития человека, в соответствии с чем акцентируется внимание на том, что волонтер может из данного опыта извлечь. Волонтерский дискурс очерчен темпорально и локально и может включать в себя следующие субдискурсы: педагогический, медицинский, социально-культурный, экологический и благотворительно-спасательный и др.

Литература

Бабаева А.В., Шмелева Н.В. Репрезентации «человеческой исключительности» в культурном потоке Нового времени // Вестник Мининского университета. 2022. Т. 10, №1. С. 12.

Бочарникова Е.А. Интеграционные явления в дискурсе (на материале англоязычной научной гуманитарной литературы) // Когнитивные исследования языка. 2022. № 51. С. 451-455.

Дроздова Т.В. Дискурс информационных технологий: репрезентация профессионального знания социального характера // Когнитивные исследования языка. 2022. № 51. С. 477-481.

Зимина М.В., Вашунина И.В. Сопоставление концептов AMERICA и RUSSIA в американской языковой картине мира // Когнитивные исследования языка. 2020. № 41. С. 221-225.

Плисов Е.В., Прокопьева Н.Н. Концептуальная сеть лексемы Vaterland в иерархической организации концепта HEIMAT в немецком языке // Когнитивные исследования языка. 2018. № 34. С. 196-199.

Плисов Е.В., Оладышкина А.А. Концептуализация феномена глобализации в современном немецкоязычном медийном дискурсе (на материале корпусных данных) // Когнитивные исследования языка. 2021. № 47. С. 370-377.

E.V. Plisov, E.E. Belova (Nizhny Novgorod, Russia)
Kozma Minin Nizhny Novgorod State Pedagogical University
A.V. Vorokhobov (Nizhny Novgorod, Russia)
Kozma Minin Nizhny Novgorod State Pedagogical University
Russian State University of Justice

STRUCTURE AND FEATURES OF MODERN GERMAN VOLUNTEER DISCOURSE

The article describes the structure and features of modern German volunteer discourse, discusses the role of this discourse in the construction of social reality and in the formation and transmission of socially significant values. The features of the conceptualization of a socially significant action in various spheres of life are analyzed, and the hybridization of volunteer discourse is revealed.

Key words: discourse; volunteer discourse; value; special knowledge; social reality; verbalization.

*А.А. Подгорная, Н.Н. Оломская, А.В. Элмасын (Краснодар, Россия)
Кубанский государственный университет
anna.podgornaya@mail.ru*

КОГНИТИВНЫЕ АСПЕКТЫ ДИСКУРСА СОВРЕМЕННОЙ УЧЕБНОЙ АНГЛИЙСКОЙ ЛЕКСИКОГРАФИИ

В статье рассматриваются когнитивные аспекты лексикографического дискурса с точки зрения трансформации методологии современных словарей, усилением антропоцентрического и лингвокультурного компонента в построении словарной статьи. Особое внимание уделяется теории фреймов и фрейм-сценариям в методике преподавания с использованием возможностей современных интернет-словарей.

Ключевые слова: когнитивные аспекты, лексикографический дискурс, фрейм-сценарий, словарная статья, лингвокультурный компонент.

Изучение лексикографических источников с точки зрения их дискурсивного потенциала, а также их воздействия на формирование когнитивных механизмов, необходимых для изучения иностранного языка, остается малоизученной темой в современной лингвистике. Между тем, актуальность данного исследования подтверждается востребованностью современных англоязычных онлайн-словарей и постоянным расширением их функционального инструментария.

Трансформацию лексикографии, ее переход от технического фиксирования языковой единицы в системе языка к созданию особого типа текста отмечают как отечественные лексикографы, так и представители зарубежной лексикографической школы.

«Лексикография – особое видение языка, обусловленное специфическими задачами, которые хотя и имеют прикладной характер, но видение, которое они задают, позволяет исследователям выявить в объекте (лексике) новые и весьма важные стороны» [Голев 2021: 7]. Более того, лексикографирование приобретает все более антропоцентрический характер, устанавливается коммуникативная связь между лексикографом и пользователем, и такие традиционные компоненты словарной статьи, как определение, стилистические пометы, иллюстративные примеры используются, чтобы передать концептуальную картину мира носителя языка. Так, О.И. Блинова предлагает ввести в систему помет словаря информацию о лингвокультурном параметре (ЛКП) семантики слова. За счет ЛКП «определяются, оживают принципы номинации слов, высвечивается мотивировочный признак, выявляются пристрастия человека...» [Блинова 2014: 127].

Трансформация функций учебного словаря объясняется не только расширением его технических возможностей и изменениями в методологическом подходе к представлению информации, но также связана с изменениями в мотивации изучающих язык, развитию более осознанного отношения к работе со словарем и словарным текстом. В отличие от личностно ориентированного или институционального видов дискурса [Карасик 2016: 17], лексикографический дискурс реализует свой коммуникативный потенциал адресант-адресат «в зависимости от языковой компетенции пользователя, его мотивации и когнитивных особенностей восприятия информации» [Подгорная 2022: 139].

Эволюцию когнитивно-мотивационных функций учебного словаря можно рассматривать с точки зрения развития и расширения теории фрейма. Трактовка фрейма, выдвинутая еще в 1970-х, претерпевала ряд изменений в зависимости от области исследования и целей применения данной гипотезы. Для нашей работы особый интерес представляет концепция «фреймового словаря», «фрейм-сценариев», а также потенциальные возможности использования словарных фреймов в методике преподавания английского языка.

Фреймовые структуры активно используются в методике преподавания иностранных языков, так как позволяют смоделировать те когнитивно-ассоциативные связи с ситуацией иноязычного общения, которые должны стимулироваться естественной языковой средой. Однако методические возможности «фреймового словаря» применяются в современной лексикографии относительно недавно. Е.Н. Елина рассматривает фреймовый словарь как способ реализации коммуникативного подхода и «один из видов лингвокогнитивного моделирования языка в лексикографии» [Елина 2020: 269].

Потенциал использования фреймового подхода к изучению лексики с помощью учебного английского интернет-словаря напрямую зависит от ключевых особенностей английского лексикографического дискурса:

1) фреймовая структура словарной статьи ↔ унифицированность текстовой формы. Для лексикографического дискурса характерна устойчивость его формы, то есть наличие обязательных элементов, таких как дефиниция, транскрипция, информация о синтагматических и парадигматических связях лексической единицы и т.д. Таким образом, сама форма словарной статьи представляет собой фрейм, унифицированный и узнаваемый в учебных словарях различного типа. Более того, с методической точки зрения работа со словарем, поиск заголовочной единицы и необходимой информации предполагает определенную программу действий, характерную для данной ситуации, что позволяет спрогнозировать ход операций, выполняемых пользователем, изучающим язык, и адаптировать работу со словарем в учебный процесс.

2) Фрейм-сценарий использования лексической единицы в речи ↔ иллюстративность. Иллюстративные учебные примеры дают сведения о базовом контексте применения лексической единицы в определенной ситуации общения. Примеры из языкового корпуса дополняют этот контекст, а также расширяют варианты сценариев использования лексемы в речи.

Уникальность лексикографического дискурса заключается в том, что, несмотря на фреймовость формы и ситуативных контекстов словарной статьи, современные интернет-словари обладают особенностями, которые оказывают воздействие на когнитивные ресурсы пользователя, что позволяет реализовать практически любой индивидуальный сценарий работы с лексической единицей.

Современный интернет-словарь представляет собой комплекс ресурсов: мультимедийных, игровых, графических; на странице интернет-словаря можно вступить в группы обсуждения новой лексики, прочитать авторский блог, задать вопрос составителям словаря и другим пользователям на форуме. Наличие перекрестных и гиперссылок открывает возможности для дополнительного исследования – изучения этимологии слова, его идеографических связей. Очевидно, что степень реализации возможностей интернет-словаря зависит, прежде всего, от

языковой компетенции пользователя. Однако решающую роль здесь играют разнообразными когнитивными аспектами: тип мотивации пользователя, тип его памяти, мышления и даже личности. На эти факторы, в свою очередь, оказывают влияние экстралингвистические факторы, такие как фоновые знания, жизненный опыт, наличие/отсутствие времени и другие.

Таким образом, преподаватель, выстраивающий учебный процесс с интернет-словарем, опирается на фрейм-структуру словарной статьи, обучает механизмам работы со словарем и закрепляет воспроизводимость лексической единицы в базовом сценарии коммуникации, проиллюстрированным словарным примером. В зависимости от языковой компетенции обучающегося-пользователя словарем, его целей, мотивации и ряда других экстралингвистических факторов траектория дальнейших ступеней учебной работы со словарем может быть адаптирована и модифицирована.

Рассмотрим, как реализуется подобная схема на примере словарной статьи заголовочной единицы *suburb* (в рамках изучения темы *Living Conditions*) в англоязычных учебных онлайн словарях *Cambridge Dictionary* и *Oxford Advanced Learner's Dictionary*.

В словаре *Cambridge Dictionary* помимо базовой информации о характеристиках слова и его семантике пользователь получает фоновую информацию о том, что “*suburb*” – это комфортный зеленый район, где живут люди среднего класса. Учебные и корпусные иллюстративные примеры создают определенный ассоциативный контекст, который дополняет значение лексической единицы лингвокультурной составляющей:

- We drove from middle-class suburbs to a very poor inner-city area.
- a leafy suburb
- Owing a car made it possible to live in the suburbs and drive to work.

Эти примеры мотивируют использование лексической единицы в рамках фрейм-сценария, ассоциативными компонентами которого будут понятия «за чертой города», «зеленый», «комфортный», «своя машина». Коммуникативный сценарий может быть расширен сопоставлением значения лексем “*suburb*” и “*suburbs*”. Для сопоставления дефиниций и сравнения иллюстративных примеров будут задействованы те когнитивные механизмы обучения, которые позволяют сделать этап обучения лексики более мотивированным и помогут выстроить два ассоциативно связанных сценария для использования слов “*suburb*” и “*suburbs*” в речи. Иллюстративные примеры к слову “*suburbs*” дают информацию о том, что в настоящее время наблюдается тенденция о переносе работы офисов крупных компаний за пределы города, а также расширении городов и осваивании новых территорий за пределами города.

- The publishing company relocated out of central London to the suburbs.
- The city pursued parallel programmes of building high-rise flats both in the central areas on slum cleared land and in its suburbs on greenfield sites.

В *Oxford Advanced Learner's Dictionary* словарная статья к слову “*suburbs*” дополнена тематическими группами “*Town*” и “*Country*”, что позволяет достраивать значение и употребление лексемы новыми сценариями коммуникативной направленности, задействуя когнитивные связи, ассоциирующие личный опыт обучающегося с семантическими оттенками лексической единицы и других слов, относящихся к данной тематической группе.

Современные тенденции развития интернет-лексикографии привели к появлению нового вида дискурса, основным преимуществом которого можно считать развитие когнитивного и познавательного потенциала пользователя и расширение методических возможностей словаря.

Литература

Блинова О.И. Размышления о лингвокультурологических пометах в словаре // Вопросы лексикографии. 2014. №2 (6). С. 122-129.

Голев Н.Д. Лексикографирование как метод описания лексики. К теоретическому наследию О.И. Блиновой // Вопросы лексикографии. 2021. № 21. С. 5-32.

Елина Е.Н., Кузнецова Л.И. Концептуальные основы учебного фреймового словаря // Мир науки. Культуры. Образования. 2020. №6 (85). С. 269-271.

Карасик В.И. Дискурсология как направление коммуникативной лингвистики // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2016. №1. С. 17-33.

Подгорная А.А., Невмержицкая Е.Е. Особенности учебного англоязычного лексикографического дискурса // Междисциплинарные аспекты лингвистических исследований. Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2022. С. 139-144.

Cambridge Dictionaries Online. URL: <https://dictionary.cambridge.org> (дата обращения: 06.04.2023).

Oxford English Dictionary. URL: <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com> (дата обращения: 06.04.2023).

A.A. Porgornaya, N.N. Olomsкая, A.V. Elmasyan (Krasnodar, Russia)
Kuban State University

COGNITIVE ASPECTS OF MODERN ENGLISH LEXICOGRAPHIC DISCOURSE

The article examines cognitive aspects of lexicographic discourse in terms of the transformations taking place in the methodology of modern dictionaries, in which anthropocentric and linguocultural components of a dictionary entry are enhanced. Particular attention is paid to the theory of frames and frame-scenarios applied in language teaching involving modern online-dictionaries.

Key words: cognitive aspects, lexicographic discourse, frame-scenario, dictionary entry, linguocultural component.

О.Б. Пономарева, Е.Ю. Пономарева (Тюмень, Россия)
Тюменский государственный университет
obponomareva@list.ru

ЭКФРАСТИЧЕСКИЕ РЕФЕРЕНЦИИ С ПОЗИЦИИ КОГНИТИВНОЙ ЛИНГВИСТИКИ

В статье рассматриваются экфрастические референции в когнитивной поэтике. Объектом изучения когнитивной поэтики являются литературные тексты, в русле когнитивно-поэтического подхода текст рассматривается не как часть исследовательского материала, а как основа для возникновения так называемого литературного опыта читателя. Понятие «литературный опыт» ('literary experience'), подчеркивает динамическую природу процесса чтения, где читательское восприятие постоянно изменяется на всех

уровнях концептуальной организации как результат взаимодействия с языковыми средствами литературного текста. Литературный опыт первичен для когнитивной поэтики, и для его изучения используются знания из областей лингвистики, когнитивистики и литературоведения.

Ключевые слова: когнитивная лингвистика, психологический экфрасис, экфраси-ческие референции, когнитивно-поэтический подход.

Современное направление когнитивной лингвистики получило развитие в 70-х годах XX века, в основе которого стал антропоцентризм знания о мире. По Н.Н. Болдыреву [2014: 14], «понимание и изучение языка как средства познания мира, формирования и выражения мысли, хранения и организации знания в человеческом сознании, обмена знаниями и лежит в основе когнитивного подхода к языку».

Когнитивная лингвистика интегративна по своему характеру, так как включает в себя опыт и знания, накопленные в междисциплинарных областях таких дисциплин, как языкознание, психология, когнитивистика и антропология. «Когнитивная парадигма изучения языка ставит своей задачей проанализировать взаимодействие языковых структур и соответствующих им когнитивных механизмов» [Болдырев 2016: 33]. В кратком словаре когнитивных терминов [1997: 430] описывается двойственная природа применения когнитивного знания в лингвистике: с одной стороны, новая лингвистическая парадигма занимается «репрезентацией собственно языковых знаний в голове человека (...) в анализе порождения, восприятия и понимания речи», с другой стороны, её областью изучения являются виды и пути формирования вербализованных структур знания.» Согласно Е.С. Кубряковой [1994: 3], «такая двуаспектность когнитивной лингвистики подтверждает, что данная дисциплина «вторгается в сложнейшую область исследования, связанную с описанием мира и созданием средств такого описания».

Объектом изучения когнитивной поэтики являются литературные тексты, однако в русле когнитивно-поэтического подхода текст рассматривается не как часть исследовательского материала, а как основа для возникновения так называемого литературного опыта читателя. П. Стоквелл [2020] оперирует понятием «литературный опыт» ('literary experience'), подчеркивая динамическую природу процесса чтения, где читательское восприятие постоянно изменяется на всех уровнях концептуальной организации как результат взаимодействия с языковыми средствами литературного текста. Литературный опыт выражает «мир, внутреннее содержание которого выходит далеко за пределы слов на страницах книг» [Stockwell 2020: 102]. Литературный опыт первичен для когнитивной поэтики, и для его изучения используются знания из областей лингвистики, когнитивистики и литературоведения.

Исследование литературного опыта как взаимодействия читателя с художественным текстом подразумевает моделирование и объяснение «когнитивных процессов создания текста, методов их возможного эксплицирования и последующего декодирования читателями» [Андреева 2009: 3]. Согласно К.А. Андреевой [там же: 18],» когнитивно-поэтический подход во многом перекликается с отечественной стилистикой текста. Сближение данных дисциплин обуславливается их приверженно-

стью принципам текстоцентричности, антропоцентризма и признанием вхождения читателя в художественный мир, создаваемый литературным текстом» [там же].

Когнитивно-поэтический подход к анализу интерпретации экфрасиса и формирования экфрастической репрезентации с позиции читателя возможен благодаря принципу телесности ('embodiment') [см.: Гэвин, Пономарёва 2020, Пономарева 2018]. Отвергая дуализм разума и тела, когнитивная поэтика строится на телесности восприятия, где разум воплощается в физической природе тела. Таким образом, человеческий разум использует подобные когнитивные механизмы в процессе интерпретации окружающей действительности и вымышленного художественного мира литературного текста [Stockwell 2020: 10-11]. «Язык рассматривается как продукт не отдельной системы человеческого сознания, а всеобщих когнитивных процессов, которые позволяют человеку концептуализировать знание в результате воплощенного понимания» ('embodied understanding') [Андреева 2009: 63]. С семиотической точки зрения, экфрасис – это также процесс межсемиотической транспозиции, т.е. вербальной репрезентации любых невербальных систем. Возможность вербализации музыкальных и визуальных текстов обеспечена отображением «жеста» музыки/живописи, связанного с изменением положения тела в пространстве. « В различных языках культуры наблюдается изоморфизм риторических фигур, связанных с телесностью человека» [Бразговская 2013].

Психологический экфрасис транслирует процесс и результат воздействия изображения на зрителя, восприятие произведения. В этом виде дескриптивного экфрасиса акцент переносится с описания самого произведения на описание субъективного впечатления [см.: Ponomareva O.V., Ponomareva E.Yu. 2018].

Приведем ряд примеров экфрастических референций музыкального экфрасиса и его воздействия на слушателя, когда акцент переносится с описания самого произведения на описание субъективного впечатления. Исследование занимается установлением черт соответствий и контраста на примере общих и идиолектно обусловленных языковых составляющих экфрастических референций на грамматическом, лексическом, стилистическом и текстовом уровнях русского и английского языков в рассматриваемых художественных текстах.

В романе Д.Б. Пристли "The Angel Pavement" один из персонажей, простой служащий небольшой фирмы, которой грозит кризис закрытия, в подавленном настроении посещает концертный зал the Queen's Hall. Слушая Первую симфонию Брамса, он постепенно был вовлечен в величие и красоту мелодии.

"The Brahms of this symphony seemed a very gloomy, ponderous, rumbling sort of chap, who might now and then show a flash of temper or go in a corner and feel sorry for himself, but for the most part simply went on gloomily rumbling and grumbling. There were moments however, when there came a sudden gush of melody, something infinitely tender swelling out of the strings or a ripple of laughter from the flutes and clarinets or a fine flare up by the orchestra, and for these moments Mr. Smeeth waited, puzzled and excited, like a man catching glimpses of some delectable strange valley through the swelling mists of a mountain side. As the symphony went on, he began to get the hang of it more and more, and these moments returned more frequently, until at last, in the final section, the great moment arrived and justified everything, the whole symphony concert" [Priestley 1974 :223].

Интерпретация главного символического смысла музыки в тексте художественного произведения создает так называемую «иллюзию экфрасиса», когда раскрывается не само произведение, а чувства и впечатления того, кто ее созерцает (см.: [Taylor 1980: 129]).

Очень интересны примеры **полиэкфрастических** референций, интерпретирующих текст религиозной притчи в картине художника, а затем представляющих его музыкальную интерпретацию. В романе Дины Рубиной «Русская канарейка» последняя часть озаглавлена «Блудный сын», и окончание этой части является музыкальной интерпретацией этой притчи Иисуса Христа в 15-й главе Евангелия от Луки в картине Рембрандта, а затем в музыкальном исполнении двумя голосами; слепого отца – котратенора Леона Этингера и его восьмилетнего сына – альты, судьба которых символически интерпретируется через контекст притчи. Трагические события произведения усилены красотой и величием музыки Вебера.

«И плачет голос Блудного сына, истекает нежнейшей любовью, и течет-течет, и парит-парит, улета и трепеща в растворенной взвеси золотого церковного воздуха. И это стон по утраченной жизни, это безбрежное невесомое парение – как дыхание небес над черной копотью ада. Затих в глубокой паузе хор; умолк оркестр, захлебнувшись в середине дуги остановленного дирижёром полета. Лишь голос в неустанной мольбе все восходит и восходит к горным высям, лишь голос один – бессмертный, бестелесный... Лучезарный Голос в беспросветной тьме» [Рубина, 2015:444].

Экфрастический контекст преобладает в рассматриваемых романах, что может быть объяснено универсальностью свойства контекстуализации. На уровне текстового многомирия экфрастический контекст проявляется с помощью ретроспективных и проспективных текстовых миров, модальных гипотетических миров и миров оценочного восприятия, что позволяет читателю получить доступ к мировоззрению персонажа и представить произведение искусства более целостно.

Литература

Андреева К. А. Введение в когнитивную поэтику: учебное пособие. Тюмень: Вектор Бук, 2009.

Болдырев Н.Н. Когнитивная семантика. Введение в когнитивную лингвистику: курс лекций. Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2014.

Болдырев Н.Н. Когнитивная природа языка: сборник статей. Москва: Директ-Медиа, 2016.

Гэвин П.И., Пономарёва О.Б. Лингвокогнитивный аспект экфрастических референций в художественном тексте (на материале произведений Д. Рубиной и М. Этвуд) // Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. Humanitates. 2021. Т. 7. № 1 (25). С. 62-79.

Кубрякова Е.С. Начальные этапы становления когнитивизма: лингвистика, психология, когнитивная наука // Вопросы языкознания. 1994. № 4. С. 34-47.

Рубина Д. Русская канарейка: Блудный сын. М.: Эксмо, 2015.

Бразговская Е.Е. Языки и коды. Введение в семиотику культуры: учебное пособие. Пермь: Перм. гос. пед. ун-т, 2008.

Бразговская Е.Е. Экфрасис как семиотический эксперимент // Критика и семиотика. 2020. № 1. С. 52-72.

КСКТ – Кубрякова Е.С. Краткий словарь когнитивных терминов / Е.С. Кубрякова, В.З. Демьянков, Ю.Г. Панкрац, П.Г. Лузина // под общей ред. Е.С. Кубряковой. М.: Филологический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова, 1997.

Пономарева О.Б. Экфрасис как интерсемиотическая модель когнитивно-коммуникативной интерпретации художественного текста // Прототипические модели в языках и дискурсах. Прототипические модели в языках и дискурсах: монография. Тюмень: Изд-во Тюменского государственного университета, 2018. С. 41-47.

Ponomareva O.B., Ponomareva E.Yu. Ekphrasis in cognitive-communicative interpretation // EpSBS European Proceedings of Social and Behavioural Sciences. Proceedings of the Philological Readings (PhR 2019). London, United Kingdom, 2020. С. 543-551.

Priestley J.B. Angel Pavement. M: Progress Publishers, 1974.

Taylor J.C. Two visual excursions. The language of images. Chicago, 1980.

Stockwell P. Cognitive Poetics: An Introduction. 2nd edition. London: Routledge, 2020.

O.B. Ponomareva, E.Yu. Ponomareva (Tyumen, Russia)
Tyumen State University

EKPHRASTIC REFERENCES IN COGNITIVE LINGUISTICS

This article examines ekphrastic references in cognitive poetics. Cognitive poetics studies consider literary texts from a cognitive point of view not as a part of research material, but as the basis of the reader's literary experience. The term literary experience stresses the dynamic process of reading, wherein reading perception constantly changes its conceptual structure as a result of interaction with the linguistic means of the literary text. Literary experience is the primary focus in cognitive poetics and is studied by using knowledge from linguistics, cognitive linguistics, and literature studies.

Key words: cognitive linguistics, psychological ekphrasis, ekphrastic references, cognitive-poetic approach.

Е.П. Привалова (Москва, Россия)
Московский государственный лингвистический университет
Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации
privalova.ep@yandex.ru

ДИСКУРСИВНЫЕ СТРАТЕГИИ В НЕМЕЦКОЯЗЫЧНОЙ НАУЧНО-ПОПУЛЯРНОЙ ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Научно-популярный текст как сложное явление на грани научного, публицистического и художественного текста традиционно привлекает внимание исследователей в силу своего гибридного характера. В настоящей статье рассматриваются особенности авторских стратегий, реализуемых в научно-популярном дискурсе для детей на примере немецкоязычных научно-популярных книг о природе.

Ключевые слова: научно-популярный дискурс, немецкоязычная детская литература, авторские стратегии, гибридный характер текста.

В настоящей статье мы понимаем дискурс, вслед за Н.Д. Арутюновой, как «связный текст в совокупности с экстралингвистическими, прагматическими, социокультурными, психологическими и другими факторами, текст, взятый в

понятийном аспекте; речь, рассматриваемая как целенаправленное социальное действие, как компонент, участвующий во взаимодействии людей и механизмах их сознания (когнитивных процессах). Дискурс – это речь, «погруженная в жизнь». [Арутюнова 1990: 136-137]. Научно-популярный дискурс представляет собой особый дискурс на стыке научного, публицистического и художественного дискурсов. Особенности немецкого научно-популярного дискурса подробно описаны в работах исследователей (Айтмуханова 1997, Киселев 2010 и др.). Следуя за рассуждениями В.И. Карасика о научном дискурсе [Карасик 2002: 229 и далее], мы можем сделать вывод о том, что научно-популярный дискурс детской литературы является частным подвидом научного дискурса, наряду с научно-учебной литературой. При этом в нем сохраняются ключевые концепты научного дискурса – «истина, знание, исследование» [Карасик 2002: 231]. Опираясь на утверждение В.И. Карасика о том, что «стратегии научного дискурса реализуются в его жанрах» [Карасик 2002: 232], проанализируем, какие дискурсивные стратегии реализуются в жанре научно-популярной книги для детей на материале немецкоязычной литературы.

А.Ю. Киселев отмечает, что «научно-популярный дискурс... относится к дистанцированной (непрямой) коммуникации» [Киселев 2010: 762], что приводит к необходимости применения автором адресных стратегий для «управления пониманием адресата» [там же]. А.Ю. Киселев выделяет два основных типа адресных стратегий – направленные на привлечение и удержание внимание стратегии аттракции и направленные на воздействие на волевую и эмоциональную сферу адресата стратегии модализации.

По М.П. Брандес, отличие научно-популярной литературы от собственно научной заключается в отборе материала, системе доказательств, в манере изложения и языке. М.П. Брандес отмечает такую стратегию, как «принцип говорить о неизвестном через известное, привычное, понятное» [Брандес 1990: 147].

На основании анализа произведений А. Хубер-Яниш с иллюстрациями А. Захариас мы можем выделить следующие дискурсивные стратегии, применяемые в научно-популярной литературе, адресованной детям младшего и среднего школьного возраста:

1. Стратегия пробуждения интереса к представленному объекту. Тексты содержат апелляцию к детской любознательности посредством представления необычных фактов, путем полемического характера изложения, в частности в заголовках разделов.

Wie bleibt die Wiese eine Wiese? Mit dem dritten Auge sieht man besser. Wer ruft da aus der Pfütze?

2. Стратегия передачи фактической информации, то есть реализация центральной коммуникативной задачи научно-популярного дискурса. В рассматриваемых произведениях естественно-научного характера описывается многообразие форм жизни, жизненные процессы. Текст содержит термины из области ботаники, зоологии, экологии; численные данные; названия географических объектов, например:

Hauptsächlich sind es drei Arten, die sich gelegentlich dort tummeln: die *Ringelnatter*, die *Schlingnatter* und die *Kreuzotter* [Die Pfütze: 32].

Im kältesten bewohnten Ort in Deutschland, in *Kühnhaiide im -Erzgebirge*, wird es fast jedes Jahr kälter als *minus 30 Grad Celsius*. [Die Pfueteze: 52].

3. Стратегия авторского присутствия реализуется путем создания эффекта диалога, а также совместной деятельности автора и читателя, в том числе за счет использования личных местоимений *wir, ihr, du*, элементов разговорной речи:

Spätestens nach 30–90 Sekunden geht *uns* die Puste aus. [Die Pfueteze: 31]

Bibber und zitter, schlotter und schnatter – in Deutschland können die Winter ganz schön frostig sein! [Die Pfueteze: 52].

4. Стратегия аргументации строится путем убеждения читателя в достоверности информации, в том числе, например, путем апелляции к его собственному практическому опыту:

Habt ihr schon mal Vögeln beim Nestbau zugesehen? [Die Wildwiese: 10]

Habt ihr schon mal beobachtet, wie elegant und leichtfüßig Spinnen und Insekten über das Wasser tanzen? [Die Wildwiese: 18]

5. Стратегия воздействие на эмоциональную сферу читателя реализуется в сочетании с другими стратегиями, среди прочего, посредством использования восклицательных предложений, лексем с оценочным компонентом смысла:

Wiesenvögel: *mutig, mutig!* [Die Wildwiese: 10]

Die Wildblumenwiese: *bunt und voller Leben!* [Die Wildwiese: 8]

Wäre das nicht toll, wenn ihr aus dem Stand vergleichbare 140 Meter hoch springen könntet? Damit würdet ihr garantiert jeden olympischen Wettkampf gewinnen! [Die Wildwiese: 35]

Am Schluss der Bauphase wird alles noch weich ausgepolstert, damit die wertvollen Eier nicht gleich kaputtgehen. [Die Wildwiese: 10]

6. Стратегия вовлечения читателя в процесс познания путем получения эмпирического опыта посредством побуждения к действию. Текст содержит рекомендации и инструкции для апробации приобретенного знания на практике:

Beim nächsten Wiesenspaziergang sammelt ihr einfach ein paar Blumen. Zu Hause legt ihr ein Blatt sauberes Papier in ein aufgeschlagenes Buch. Darauf kommt die Blüte mit dem Kopf nach unten. Dann legt ihr ein zweites Blatt sauberes Papier darauf und klappt das Buch zu. [Die Wildwiese: 56].

Pfützen selber bauen – der Umwelt helfen...Ihr braucht auch gar nicht viel, um so ein – Pfützenbiotop zu erschaffen. Schnappt euch einfach eine Schaufel und ein paar

Eimer voller Regenwasser. Dann braucht ihr nur noch ein kleines sonniges oder halbschattiges Eckchen im Garten oder im Wald. Und schon kann es losgehen mit der lustigen Bautätigkeit! [Die Pfueteze: 58-59].

В языковом плане необходимо отметить такую особенность, наблюдаемую при реализации всех описанных стратегий, как художественная образность речи, использование стилистические приемы (метафоры, сравнения, эпитеты, каламбур):

der größte *Krachmacher* unter den Heuschrecken; *So laut wie eine Motorsäge* oder *ein Rasenmäher*. Ohrenbetäubend ist das! [Die Wildwiese: 34]

Spinnt die, oder was? [Die Wildwiese: 26]

Armer kleiner Pierino ... [Die Pfueteze: 55].

Важной особенностью научно-популярных текстов для детей является их гибридный поликодовый характер, причем важная роль отводится иллюстративному материалу, который также служит реализации авторских стратегий.

В заключение необходимо отметить, что в научно-популярных текстах, адресованных детям, применяются авторские стратегии комплексного характера, представляющие собой типичные для научно-популярного дискурса стратегии со специфическими стратегиями, рассчитанными на детскую аудиторию. Среди особенностей научно-популярного дискурса для детей можно подчеркнуть акцентированное воздействие на эмоциональную сферу, применение обширного красочного иллюстративного материала, подчеркнутый стилистический компонент.

Литература

Айтмуханова Г.Ш. Стратегии интерпретации немецких научно-популярных текстов (грамматический аспект): автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1997.

Арутюнова Н.Д. Дискурс // Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1990.

Брандес М.П. Стилистика немецкого языка. М.: Высш. школа, 1990.

Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002.

Киселев А.Ю. Адресные стратегии в научно-популярном дискурсе // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2010. Т. 12. № 5 (3). С. 762-765.

Шевченко Ю.В. Авторские стратегии популяризации в разножанровых научно-популярных текстах // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2022. Том 22. Вып. 3. С. 947-953.

Huber-Janisch A., Zacharias A. Die Wildwiese. Knesebeck, 2022.

Huber-Janisch A., Zacharias A. Die Pfütze. Knesebeck, 2022.

E.P. Privalova (Moscow, Russia)

Moscow State Linguistic University

Financial University under the Government of the Russian Federation

DISCOURSE STRATEGIES IN GERMAN NON-FICTION FOR CHILDREN

Non-fiction combines the features of scientific, journalistic and fictional texts. It traditionally attracts the attention of researchers due to its hybrid nature. The article discusses the author's strategies in non-fiction discourse for children on the example of German non-fiction books about nature.

Key words: non-fiction discourse, German children literature, author's strategies, hybrid nature of the text.

Сян Янань (Санкт-Петербург, Россия)

Санкт-Петербургский государственный университет

st112867@student.spbu.ru

НАСКОЛЬКО МЫ ГОТОВЫ ОТВЕЧАТЬ ЗА СВОИ СЛОВА? (ПРАГМАТИЧЕСКИЕ МАРКЕРЫ-АППРОКСИМАТОРЫ В РУССКОМ УСТНОМ ДИСКУРСЕ)

Статья посвящена употреблению в устном дискурсе прагматических маркеров-аппроксиматоров, показывающих неуверенность говорящего в том, о чем он говорит.

Источник материала для анализа – корпус русской монологической речи. Результаты могут быть полезны в коллоквиалистике, в практике перевода и практике преподавания русского языка как иностранного.

Ключевые слова: прагматический маркер, аппроксиматор, хеджинг, монолог-рассказ, психотип, спонтанная речь.

Устный дискурс уже давно стал центром внимания лингвистов самых разных направлений. Еще И.А. Бодуэн де Куртенэ называл «живой язык» главным источником «материала как для грамматических, так и для всяких других лингвистических исследований и выводов» [Бодуэн де Куртенэ 1963: 103]. В устной речи отражаются индивидуальные социальные и психологические характеристики личности, а также речевые акты (РА) коммуникации, что важно в разных аспектах когнитивной лингвистики. Кроме того, в устном дискурсе существуют особые единицы, восходящие к обычным лексемам, как полнозначным, так и служебным, ставшие результатом активного процесса *прагматикализации* и в ряде своих употреблений утратившие (полностью или частично) лексическое и/или грамматическое значение, получившие взамен лишь прагматическое и ставшие коммуникативно-прагматическими функциональными единицами. Для них в коллоквиалистике используется термин *прагматический маркер* (ПМ) [Богданова-Бегларян 2021: 16].

Одним из типов ПМ являются *аппроксиматоры* (ПМА) – маркеры нечеткой, или приблизительной, номинации, показывающие неуверенность говорящего в том, о чем он говорит, или употребляющиеся, когда прямое название предмета, явления или положения дел является излишним, неуместным или невозможным [Подлеская 2013: 632]. Типичными ПМА русской повседневной речи являются *типа, как бы, вроде*. Все они достаточно частотны в устной коммуникации: в списке 60 базовых русских ПМ они имеют следующие ранги: *как бы* – ранг 5, *типа* – ранг 15, *вроде* – ранг 23 [ПМ 2021: 54-55].

Близким к аппроксиматору является понятие *хеджа* (от англ. *Hedge* – ‘уклонение от прямого ответа, страховка’) [Lakoff 1973]. *Хеджинг* предполагает использование говорящим слов (единиц) «осторожной» модальности – неопределенных местоимений или наречий, а также вводных слов, выражающих неуверенность говорящего (*какой-то, наверное, как-нибудь*). Согласно теории РА, стратегия хеджирования направлена на ослабление иллокутивной силы высказывания, так как хеджи придают высказыванию расплывчатость, частично снимают с говорящего ответственность за сказанное и смягчают категоричность его утверждений [Fraser 2013].

Объектом настоящего исследования стали устные спонтанные монологические рассказы, записанные от 10 носителей русского языка, юристов по образованию и профессиональной деятельности, с разным психотипом: 5 экстравертов (Э) и 5 интровертов (И). Тема монолога – способ проведения свободного времени. Все монологи взяты из корпуса русской монологической речи, созданного в СПбГУ и известного как «Сбалансированная аннотированная текстотека» (САТ) (блок речи юристов) [Богданова-Бегларян и др. 2019]. *Целью* работы стал анализ доли хеджирования в спонтанной речи говорящих с разным психотипом.

В каждом монологе вручную были выделены хеджи и ПМА, и подсчитана частота использования стратегий хеджирования разными говорящими (см. табл.).

Таблица. Частотность использования стратегий хеджирования в монологах-рассказах экстравертов и интровертов

	Психотип	N (кол-во слов)	H (кол-во хеджей)	X (соотношение H/N) (%)
	Э	245	9	0,04
	Э	261	3	0,01
	Э	460	4	0,01
	Э	245	2	0,01
	Э	330	15	0,05
	Σ	1 541	33	2,1
	И	623	30	0,05
	И	7 281	330	0,05
	И	1 865	83	0,04
	И	579	14	0,02
0	И	157	10	0,06
	Σ	10 505	467	4,4

Из таблицы видно, что среднее значение частоты использования стратегий хеджирования интровертами и экстравертами значительно различается (4,4 и 2,1 % соответственно). Эти стратегии напрямую зависят от психотипа говорящего: И используют их в два раза чаще, чем Э (ср. с данными, полученными на монологах студентов-филологов: И хеджируют в 4,34 раза чаще, чем Э [Костина 2022]).

При употреблении стратегий хеджирования заметно большое количество ПМА. Можно сказать, что хеджи и ПМА взаимно усиливают неуверенность говорящего, его нежелание «отвечать за свои слова», ср. обилие соответствующих единиц (выделены шрифтом) в контекстах:

(1) <вдох> до дачи ну вот то есть дело тоже со **всякими** / **там** разными приключениями и поэтому **как бы как бы** вот так интересно / да / завязались такие отношения которые не могу сказать / что такие отношения они носили **как бы** вот м-м такой значит / изначально дружеский характер просто это было обычное знакомство а потом они / **в принципе** / переросли в дружеские отношения ... (И);

(2) что за йока? такое йока / скажите/ что такое йока? а это говорит / наше такое блюдо в общем / очень интересное / что за йока? что за блю... блюдо такое йока? йока это когда / значит/ **как бы** яйцо / яйцо вместе с блином пожаренное / вот такое вот / **типа** это самое **типа** такого **чего-то**... (И);

(3) вот / **пожалуй** // **так** / бездарно прошла ну **наверно** / <вдох> вот **месяца два** / **три** последних моих выходных // всё (И);

(4) так как нужно было готовиться к экзаменам / в понедельник <смех> ну вот **наверно** так / были проведены выходные (Э).

В контексте (1) говорящий (И) описывает свои воспоминания о свободном времени и использует большое количество ПМА *как бы* и различных хеджей (*всякими там, в принципе*), чтобы маркировать свою неуверенность и снять ответственность за сказанное (точность воспоминаний). В контексте (2) говорящий (И) пытается объяснить собеседникам, *что такое йока*. Он стремится как можно точнее передать свою мысль, но в условиях временного дефицита, свойственного спонтанному речепорождению, не может подобрать подходящие слова, неоднократно сбивается и, наконец, вынужден выразиться крайне неточно. В контекстах (3) и (4) приведенными репликами говорящие завершают свои монологи. Начало и конец монолога – это самые сложные места спонтанного текста. Поэтому в них часто возникают различные паралингвистические элементы, например, смех [Богданова-Бегларян 2022], ритмические сбои, показатели метакоммуникации, в том числе и скопление хеджей, которых у интроверта снова больше, чем у экстраверта.

Заметно, что в монологах-рассказах маркеры нечеткой номинации, как ПМА, так и хеджи, часто употребляются рядом с другими ПМ (*вот, там, значит, это самое* и т.д.). Выстраиваются порой целые цепочки прагматических маркеров, которым в принципе свойственен такой «магнетизм» [Богданова-Бегларян 2021: 17] – такими образом говорящий пытается снять с себя ответственность за свои слова, когда он в них не полностью уверен, когда переживает стресс [Костина 2022] или стремится скрыть свою настоящую мысль.

Анализ показал, что при построении устного дискурса люди используют ПМА и хеджи, чтобы выразить свою неуверенность, избежать точности номинаций. При этом интроверты в целом гораздо чаще (почти в 2,1 раза) используют стратегии хеджирования, что, вероятно, связано с особенностями данного психотипа: интроверты склонны выражаться более осторожно, чем экстраверты, даже если это просто рассказ об отдыхе.

Речь, как когнитивный процесс, интересует как российских, так и зарубежных исследователей. Полученные в настоящей работе результаты могут быть полезны в коллоквиалистике (идентификация личности по речи, разработка модели речевого портрета говорящего и т.п.), а также в практике преподавания русского языка как иностранного и в практике перевода русских художественных текстов на другие языки, в частности, на китайский.

Литература

Богданова-Бегларян Н.В. Предисловие редактора // Прагматические маркеры русской повседневной речи: словарь-монография. СПб.: Нестор-История, 2021. С. 5-52.

Богданова-Бегларян Н.В. *Над кем смеетесь? Над собой смеетесь!* (о смехе как реакции говорящего на собственную речевую деятельность) // Слово и жест: научная конференция, посвященная памяти Е.А. Гришиной («Гришинские чтения»). М.: Ин-т русского языка им. В.В. Виноградова РАН, 2022. С. 7-11.

Богданова-Бегларян Н.В., Блинова О.В., Зайдес К.Д., Шерстинова Т.Ю. Корпус «Сбалансированная аннотированная текстотека» (САТ): изучение специфики русской монологической речи // Труды Института русского языка им. В.В. Виноградова РАН. Вып. 21. Национальный корпус русского языка: исследования и разработки. М., 2019. С. 111-126.

Бодуэн де Куртене И.А. Языкознание. Избранные труды по общему языкознанию. Т. II. М.: Изд-во АН СССР, 1963. С. 96-117.

Костина Е.Д. Стратегии «осторожности» в спонтанных монологах: психолингвистический аспект // Социо- и психолингвистические исследования. 2022. Вып. 10. С. 80-85.

Подлеская В.И. Нечеткая номинация в русской разговорной речи: опыт корпусного исследования // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. По материалам ежегодной Международной конференции «Диалог». Вып. 12 (19). В двух томах. Том 1. Основная программа конференции. М.: РГГУ, 2013. С. 631-643.

ПМ – Прагматические маркеры русской повседневной речи: словарь-монография / сост., отв. ред. и автор предисл. Н.В. Богданова-Бегларян. СПб.: Нестор-История, 2021.

Fraser B. Forthcoming. “A Brief History of Hedging” // *Vagueness in Language*. S. Schneider (ed.). Bingley: Emerald Publishing, 2013. P. 201-213.

Lakoff G. Hedges: A Study in Meaning Criteria and the Logic of Fuzzy Concepts // *Journal of Philosophical Logic*. № 2. Dordrecht-Holland: D. Reidel Publishing Company, 1973. P. 458-508.

Xiang Yanan (Saint Petersburg, Russia)
Saint Petersburg State University

HOW READY WE ARE TO TAKE RESPONSIBILITY FOR OUR WORDS: PRAGMATIC MARKERS-APPROXIMATORS IN RUSSIAN ORAL DISCOURSE

The article focuses on the use of pragmatic markers-approximators in oral discourse. These markers show the speaker's uncertainty about what he/she is talking about. The source material for the analysis is the corpus of Russian monologue speech. The results can be useful in colloquial studies, in translation practice and in teaching Russian as a foreign language.

Key words: pragmatic marker, approximator, hedging, monologue-story, psychotype, spontaneous speech.

Т.В. Финаева (Челябинск, Россия)
Южно-Уральский государственный университет (НИУ)
finaevatv@susu.ru

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ КАК КОГНИТИВНЫЙ ИНСТРУМЕНТ ПОНИМАНИЯ ИНОЯЗЫЧНОГО УСТНОГО ДИСКУРСА

В статье рассматривается понимание иноязычного устного дискурса с точки зрения интерпретационного подхода. Описываются свойства интерпретации: активный когнитивный характер деятельности, динамичность, субъективность, полиобъектность, неосознанность, комплексность, разноуровневость.

Ключевые слова: интерпретация, когнитивная деятельность, межкультурная коммуникация, понимание, слушание, устный дискурс.

Современная лингвистика не ограничивается рамками собственно языковой системы, в фокусе внимания оказывается человек как субъект коммуникативной деятельности, который использует лингвистические средства для взаимодействия с окружающим миром, что обуславливает закономерность дискурсивной

ориентации исследований. Под дискурсом мы понимаем коммуникативное событие, реализующееся в процессе взаимодействия участников коммуникации посредством вербальных и невербальных знаков в определенных контекстах общения, регламентированного социокультурными кодами, отражающего или формирующего картину мира человека.

Человеческая коммуникация предполагает сложные взаимоотношения между участниками коммуникации, текстом, контекстом, демонстрируемыми и понимаемыми смыслами. Как следствие, понимание иноязычного дискурса является сложной мыслительной деятельностью, задействующей разнообразные когнитивные механизмы на всех стадиях его осуществления. Процесс понимания устного дискурса имеет свои отличительные особенности. На этапе восприятия включаются такие механизмы, как зрительное / слуховое восприятие, внимание, идентификация языковых средств, группировка, память, антиципация [Жинкин 1958; Зимняя 2001]. На этапе обработки информации данные механизмы дополняются категоризацией, умозаключением, синтезом, анализом, инференцией, решением задач, построением ментальных моделей, оценкой, и др. [Anderson 1997; Brown 2001; Van Dijk 1983 и др.]. Заключительным этапом понимания является формирование определенной картины мира, которое может сопровождаться внешним коммуникативным действием. Следует отметить, что данные этапы реализуются в процессе общения практически одновременно.

Интерпретация как смысловое обобщение на абстрактном уровне обрабатываемого речевого сигнала является особым инструментом понимания устного дискурса. Согласно определению Демьянкова В.З., интерпретация является одновременно когнитивным процессом и результатом установления смысла речевых и/или неречевых действий [Демьянков 1999]. Когнитивные процессы, задействованные при восприятии и понимании устного дискурса, описываются несколькими когнитивными моделями, среди которых к интерпретации обращаются теория конструирования значения (D.H. Brown) [Brown 2001], теория смены стадий (S.J. Nagle, S.L. Sanders) [Nagle 1986], теория ментальных моделей (P. Johnson-Laird, T. Van Dijk, W. Kintsch) [Johnson-Laird 1983; Van Dijk 1983], теория сценариев (A. Anderson, R.S. Schank, R.P. Abelson, G. Buck) [Anderson 1997; Johnson-Laird 1983, Buck 2004], теория параллельно распределенной обработки (Rumelhart, J.C. Anderson) [Thagard 2005]. Несмотря на отличия в теоретических обоснованиях каждой модели, можно сделать вывод о том, что интерпретация является неотъемлемым элементом теории понимания устной речи.

На основании анализа теоретических источников и эмпирических данных, полученных в результате проведения эксперимента среди студентов-лингвистов I курса, можно выделить следующие важные свойства интерпретации как когнитивного механизма понимания устного дискурса:

– *активный когнитивный характер деятельности*: в процессе коммуникации значение создается слушающим по мере поступления информации, как вербальной, так и невербальной. В каждом конкретном контексте межкультурного общения слушающий интерпретирует элементы дискурса под влиянием собственных ожиданий относительно участников коммуникации, мест или событий в соответствии со своим уровнем коммуникативной компетенции;

– *динамичность*: когнитивная деятельность слушающего носит характер немедленной и непрерывной интерпретации поступающих звуковых и визуальных сигналов. Слушающим создается определенная когнитивная репрезентация значения, которая обновляется и корректируется в процессе слушания, создавая контекст для интерпретации следующей части сообщения, при этом интерпретация может осуществляться на основании неполного сигнала (например, не дожидаясь окончания слов, фраз или предложений);

– *субъективность*: каждый отдельный реципиент выстраивает свою цепь интерпретаций в зависимости от личностных качеств и опыта, как языкового, так и общего жизненного опыта. Психические особенности личности, имеющиеся социокультурные установки и ценности, фоновые знания или их отсутствие оказывают существенное влияние на результат понимания, в результате чего смысл, понимаемый слушающим, может значительно отличаться от смысла, который намеревался сообщить говорящий;

– *полиобъектность*: в условиях межличностного общения информация поступает к слушающему через несколько каналов восприятия (аудиальный, визуальный, кинетический), при этом она может быть как вербальной (лингвистической), так и невербальной (оптико-кинетической, пара- и экстралингвистической, относящейся к организации пространства и времени коммуникативного процесса, в виде визуального контакта [Андреева 2002]). Основой для построения интерпретации становится синтез всех поступающих сигналов;

– *неосознанность*: как показывают экспериментальные данные, процесс интерпретации поступающей информации идет в фоновом автоматическом режиме. В учебных условиях даже при наличии целевой установки на интерпретацию студенты в большинстве случаев затрудняются объяснить, на каком основании они пришли к той или иной интерпретации;

– *комплексность*: интерпретации подвергается комплекс компонентов, составляющих дискурс. В методических целях нами была выделена модель дискурса, отражающая все стороны процесса устной межкультурной коммуникации, включающая в себя лингвистический, ситуативный, социокультурный, психолингвистический и прагматический компоненты [Финаева 2018]. На лингвистическом уровне слушающий интегрирует семантические, синтаксические, стилистические ключи для интерпретации эксплицитного содержания дискурса. На ситуативном уровне интерпретации подвергаются сигналы, характеризующие статусно-ролевые параметры участников и условия коммуникативной ситуации. Интерпретация систем культурных кодов осуществляется на социокультурном уровне. Психолингвистический уровень связан с интерпретацией эмоционально-психологических элементов коммуникативной ситуации. На прагматическом уровне слушающий составляет представление об имплицитном содержании дискурса, интенциях партнеров по общению. При этом комплексная природа дискурса подразумевает, что интерпретация осуществляется на всех уровнях одновременно;

– *разноуровневость*: полнота, точность и глубина интерпретации разных компонентов дискурса отличается. На каждом уровне (лингвистическом, ситуативном, социокультурном, психолингвистическом, прагматическом) существуют свои трудности восприятия и понимания, вызывающие ошибки в интерпретации, которые могут привести к коммуникативным сбоям и/или коммуникативной не-

удаче. Результаты проведенного эксперимента показывают, что в условиях иноязычного общения наибольшую сложность представляет интерпретация прагматического компонента дискурса.

Подводя итог, можно сделать вывод о том, что интерпретация является важным когнитивным инструментом понимания устного иноязычного дискурса. Интерпретация осуществляется на всех этапах восприятия и обработки информации и оказывает непосредственное влияние на результат понимания. Успешность межкультурной коммуникации зависит от полноты, точности и глубины интерпретации слушающим поступающей информации. Результаты эксперимента показывают, что студенты в разной степени владеют инструментами интерпретации (знаниями и стратегиями), при этом целенаправленное обучение интерпретации может улучшить уровень понимания иноязычного устного дискурса.

Литература

- Андреева Г.М.* Социальная психология. М: Аспект Пресс, 2002.
- Демьянков В.З.* Интерпретация как инструмент и как объект лингвистики // Вопросы филологии. 1999. Вып. 2. С. 5-13.
- Жинкин Н.И.* Механизмы речи. – Акад. пед. наук РСФСР. Ин-т психологии. М.: Изд-во Акад. пед. наук РСФСР, 1958.
- Зимняя И.А.* Лингвопсихология речевой деятельности. М.: Московский психолого-социальный институт, Воронеж: НПО МОДЭК, 2001.
- Финаева Т.В.* Формирование перцептивной компетенции на основе аудиовизуальных средств: у студентов-лингвистов: автореф. дис. ... канд. пед. наук. Санкт-Петербург, 2018.
- Anderson A., Lynch T.* Listening. Oxford: Oxford University Press, 1997.
- Brown H.D.* Teaching by Principles: An Interactive Approach to Language Pedagogy. 2nd ed. A Pearson Education Company, 2001.
- Buck G.* Assessing Listening. 4th ed. Cambridge University Press, 2004.
- Johnson-Laird P.N.* Mental Models. Cambridge: Cambridge University Press, 1983.
- Nagle S.J., Sanders S.J.* Comprehension theory and second language pedagogy // TESOL Quarterly. 1986. 20(1). P. 9-26.
- Thagard P.* Mind: introduction to cognitive science. Massachusetts Institute of Technology, 2005.
- Van Dijk T.A., Kintsch W.* Strategies of discourse comprehension. London: Academic Press, 1983.

*T.V. Finaeva (Chelyabinsk, Russia)
South-Ural State University (NRU)*

INTERPRETATION AS A COGNITIVE INSTRUMENT IN ORAL L2 DISCOURSE COMPREHENSION

The article uses the interpretative approach to examine oral discourse comprehension in cross-cultural communication. The characteristic features of interpretation as a cognitive process are described: active cognition, dynamic character, subjectiveness, multisensory orientation, subconscious processing, complexity, results differentiation.

Key words: cognition, cross-cultural communication, discourse comprehension, interpretation, listening.

*Е.И. Хабирова (Челябинск, Россия)
Южно-Уральский государственный университет,
khabirovaei@susu.ru*

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ТЕРМИНА «АКАДЕМИЧЕСКОЕ ПИСЬМО» В РУССКОМ ПЕДАГОГИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

В статье представлен анализ концептуальных характеристик термина «академическое письмо» в русском педагогическом дискурсе. Приводится обзор словарных дефиниций и этимология понятия «академическое письмо». С помощью лингвистического анализа критических высказываний исследователей в отношении академического письма выявляются концептуальные характеристики термина.

Ключевые слова: академическое письмо, педагогический дискурс, термин, словарная дефиниция, авторское толкование, концептуальные характеристики.

Умение грамотно писать научные работы на родном и иностранном языках является важной составляющей научного и образовательного процесса. В последние годы термин «академическое письмо» все чаще используется в российском педагогическом дискурсе в отношении англоязычных научных публикаций, однако его концептуальные характеристики и смысловая нагрузка в русском языке требуют детального изучения.

Термин «академическое письмо» имеет неоднозначную оценку у российских исследователей. Некоторые авторы связывают его появление с интеграцией отечественного образования в европейское пространство и модой на терминологическую новизну, в то время как другие выражают недовольство и считают его условным обозначением для различных видов речевой деятельности. Другие исследователи указывают на различия в организации учебного процесса в Западной Европе и США по сравнению с российской системой образования, что может приводить к несоответствиям в переводе термина.

Цель настоящей статьи – выявить концептуальные характеристики термина «академическое письмо», который функционирует в русском педагогическом дискурсе. В качестве материала для исследования были использованы данные онлайн-словарей и научные труды некоторых российских авторов.

Согласно онлайн-словарю «Macmillan», термин “*academic writing*” имеет следующие значения:

1. a formal and factual style of writing that is used for essays, research papers and other academic texts (официальный и основанный на фактах стиль письма, который используется для эссе, исследовательских работ и других академических текстов);

1a. texts that are written in an academic style (тексты, написанные в академическом стиле) [Macmillan].

В онлайн-словаре «Free Dictionary» приводится следующее толкование термина: *Academic writing or scholarly writing is nonfiction writing produced as part of academic work. Writing that reports on university research, writing produced by university students, and writing in which scholars analyze culture or propose new theories are all sometimes described as academic writing. (Академическое письмо или*

научное письмо – это произведения нехудожественной литературы, созданные в рамках научной деятельности. Письменные работы, представляющие собой отчеты об университетских исследованиях, письменные работы, подготовленные студентами университета, и письменные работы, в которых ученые анализируют культуру или предлагают новые теории, – все это иногда называют академическим письмом) [Free Dictionary].

По данным онлайн-карты слов и выражений русского языка «Карта Слов», *академическое письмо или научное письмо – это стиль прозы. Обычно представленный в безличном и бесстрастном тоне, он нацелен на критическую и информированную аудиторию на основе тщательно обоснованных и доказанных знаний; и предназначен для укрепления или оспаривания концепций или аргументов. Этот стиль используют в академическом (научном) обиходе* [Карта Слов].

В результате анализа словарных дефиниций термина «академическое письмо» можно выделить такие ключевые признаки данного понятия, как формальность, опора на факты и тщательно обоснованные знания, нехудожественность, направленность на анализ и информирование, а также критическую оценку и оспаривание аргументов. Аналогичные характеристики присущи и русскому научному стилю, однако не являются основанием для замены понятия «русский научный стиль» термином «академическое письмо».

Именно поэтому ряд исследователей выражают свое неприятие термина «академическое письмо» в отношении русского языка. Они считают, что этот термин уместен только для английского языка и его применение в русскоязычной научной среде может привести к негативным последствиям, таким, как потеря интереса к изучению и развитию научного языка на родном языке. Они также подчеркивают разночтения в терминологии и сложность выполнения требований, связанных с академическим письмом, для большинства преподавателей и ученых.

Подробное описание особенностей заимствования термина «академическое письмо» из английского языка приводит в своей монографии В.Н. Базылев, акцентируя внимание читателя на различиях в трактовке терминологического элемента «академический». Использование в переводе кальки с английского “academic” не в полной мере отражает суть данного понятия в русском языке. Указанное несоответствие обусловлено различиями в организации учебного процесса в Западной Европе и США по сравнению с российской системой образования [Базылев 2014: 14].

В.Н. Базылев определяет «академическое «письмо» как «совокупность форм существования дискурсивных практик (устных и письменных), функционирующих в социальной среде профессионалов – носителей теоретического знания» [Базылев 2014: 16]. Автор намеренно заключает терминологический элемент «письмо» в кавычки, т.к. рассматривает его как условное обозначение «совокупности видов речевой деятельности – чтения, говорения и аудирования, наряду, конечно, с самим письмом» [там же].

Несмотря на активное внедрение термина «академическое письмо» в российский педагогический дискурс, ряд исследователей выражают к нему довольно неоднозначное отношение.

А.С. Роботова, рассуждая о сущности понятия «академическое письмо», связывает его появление с интеграцией отечественного образования в европей-

ское образовательное пространство, заимствованием нового понятия «*без соотнесения с русскими эквивалентами*», а также модой на терминологическую новизну [Роботова 2011: 49]. Негативная оценка данного понятия автором усиливается повторением наречия «*снова*» и использованием отрицательного прилагательного «*неизвестный*»: «*Снова и снова я пыталась проникнуть в сущность этого понятия, найти неизвестные мне смысловые оттенки*» [там же]. Неприятие термина автором прослеживается и в следующем высказывании: «*...не могу примириться с некоторым опрочением смысла в словосочетании академическое письмо*» [Роботова 2011: 50].

Н.И. Колесникова в своей работе подчеркивает, что применение термина «*академическое письмо*» уместно только в отношении английского языка [Колесникова 2022: 44]. Отрицательные последствия применения академического письма к английскому языку, по мнению автора, заключаются в том, что «*к этой технологии потеряли интерес историки, философы, социологи и русисты – те, кто готовит к написанию исследовательских текстов на русском языке*» [Колесникова 2022: 38]. Негативный контекст наблюдается также и в ряде других высказываний автора. Например, «*... условие невыполнимо для большинства преподавателей русского языка и гуманитарных дисциплин и закрывает для них дорогу с названием «Академическое письмо»; ... проявляются разночтения в терминологии*» [Колесникова 2022: 39]. Особый эмоциональный отклик у читателя-носителя русского языка вызывает мысль Н.И. Колесниковой о второстепенной роли русского языка: «*... русскому языку отводится временная служебная роль в обеспечении качества подготовки публикаций на иностранном языке до приобщения их авторов к англоязычной культуре, когда методика обучения русской научной речи заменяет технологии академического письма*» [Колесникова 2022: 40].

Таким образом, анализ словарных дефиниций термина «академическое письмо» и критических высказываний некоторых исследователей позволяет выделить важность учета концептуальных различий при переводе заимствованных терминов. Термин «академическое письмо» используется в ряде научных исследований в широком смысле, что вызывает критическое отношение к нему в российской научной среде. Авторы высказываний подчеркивают нежелательность применения термина «академическое письмо» для русскоязычных научных текстов в рамках российской системы образования и гуманитарных дисциплин. Полученные результаты также демонстрируют значимые различия в подходах к обучению научной речи в разных странах и языках.

Литература

Базылев В.Н. Академическое «письмо» (теоретический аспект): монография. М.: Изд-во СГУ, 2014.

Карта Слов. URL: [https://kartaslov.ru/карта-знаний/Академическое письмо](https://kartaslov.ru/карта-знаний/Академическое_письмо)

Колесникова Н.И. Русский научный стиль vs академическое письмо // Общество. Коммуникация. Образование. 2022. Т. 13. № 1. С. 36-47. DOI: 10.18721/JHSS.13104

Роботова А.С. Надо ли учить академической работе и академическому письму? // Высшее образование в России. 2011. №10. С. 47-54.

Free Dictionary. URL: https://encyclopedia.thefreedictionary.com/Scholarly+writing#cite_note-Hayot-1

Macmillan. URL: <https://www.macmillandictionary.com/dictionary/british/academic-writing>

*E.I. Khabirova (Chelyabinsk, Russia)
South Ural State University*

CONCEPTUAL CHARACTERISTICS OF THE TERM "ACADEMIC WRITING" IN RUSSIAN PEDAGOGICAL DISCOURSE

The article presents the analysis of conceptual characteristics of the term "academic writing" in Russian pedagogical discourse. The article provides a review of dictionary definitions and etymology of the concept "academic writing". The linguistic analysis of researchers' critical comments about academic writing reveals conceptual characteristics of the term.

Key words: academic writing, pedagogical discourse, term, dictionary definition, author's interpretation, conceptual characteristics.

*Т.Н. Хомутова (Челябинск, Россия)
Южно-Уральский государственный университет
khomutovatn@susu.ru*

*А.К.М. Шабан (Наджаф, Ирак)
Подготовительная школа для мальчиков, Центральный Наджаф
mehdijabbar71@gmail.com*

ВЕЖЛИВОСТЬ В ДЕЛОВОМ ДИСКУРСЕ: ИНТЕГРАЛЬНЫЙ ПОДХОД

В статье предлагается новая концепция вежливости как интегрального феномена. Построена и обоснована интегральная модель вежливости в деловом дискурсе, которая предполагает единство когнитивного, языкового, культурного, социального и коммуникативного аспектов. Намечаются перспективы дальнейшего исследования вежливости.

Ключевые слова: вежливость, деловой дискурс, интегральный подход, интегральная модель, культурно-специфический.

Введение. В эпоху активного межкультурного общения возрастает роль исследований, направленных на изучение единиц и категорий делового дискурса в различных лингвокультурах. Одной из таких категорий является вежливость. Особую роль вежливость приобретает в деловой переписке, где её функция состоит в достижении перлокутивного эффекта. Однако, как показал наш анализ, в современной лингвистике не существует единого взгляда на категорию вежливости, многочисленные исследования вежливости, как правило, отличаются фрагментарностью, выполнены на материале одного-двух языков, рассматривают отдельные аспекты данной категории, что не позволяет представить её полно и непротиворечиво. Вежливость рассматривается как речевые максимы, правила (Г.П. Грайс, Р. Лакофф, Дж. Лич); как этическая категория (В.В. Кобзева, Н.И. Формановская, Т.А. Ширяева); как оценка статуса человека (В.Е. Гольдин, В.И. Карасик, Р. Сколлон, С. Сколлон); как сохранение лица (Э. Гоффман, П. Браун, С. Левинсон), как дискурсивная категория (М. Лохер, С. Миллз, Р. Уоттс), коммуникативная категория (Р.А. Газизов, Т.В. Ларина, И.А. Стернин),

лингво-прагматическая категория (В.В. Леонтьев), социокультурная категория (В.И. Жельвис, Т.В. Ларина). Подробный анализ указанных подходов и теорий представлен в [Шабан 2020].

Настоящее исследование является попыткой представить вежливость как интегральную категорию в виде её интегральной модели. Эта модель объединяет фрагменты знания, языка, национальной культуры и социального пространства, актуализация которых происходит в процессе коммуникативной деятельности.

Методы и материал. Интегральный подход, используемый в настоящей работе, представляет собой такой подход, в котором объединяются различные точки зрения на один и тот же объект исследования в целях его целостного, разностороннего, объемного представления, при этом составные части интегрального подхода объединяются общей идеей, позволяющей определить их взаимосвязь и взаимозависимость при описании и объяснении объекта исследования. В основе универсального интегрального подхода, разработанного американским ученым К. Уилбером, лежит интегральная модель науки, принцип методологического плюрализма и объединяющая идея [Wilber 1997]. Объектом исследований самого К. Уилбера было сознание. Мы творчески переработали интегральный подход К. Уилбера и применили его к языку и языковым явлениям [Хомутова 2010]. Отличие применяемого нами частного интегрального подхода от других подходов современной лингвистики заключается в том, что он дает нам свою оригинальную модель, или матрицу, с помощью которой мы можем рассматривать любое языковое явление во всем многообразии и взаимообусловленности его составляющих. Интегральный подход к языку, его единицам и категориям позволяет теоретически обосновать их специфику и с помощью лингвистического моделирования представить в виде интегральных рассредоточенных объектов.

Основой используемого нами интегрального подхода является многоуровневая модель языка и языковых единиц, которая включает четыре сектора: когнитивный, языковой, культурный и социальный. Секторы рассматриваются как четыре базовые точки зрения, которые необходимо учитывать в стремлении наиболее полно и точно рассмотреть какой-либо объект. Механизм коммуникативной деятельности, который активизирует все элементы модели, может рассматриваться в качестве её пятой «особой внутренней» составляющей. Коммуникативная деятельность представляет собой стержень, объединяющий все четыре сектора модели в единое целое, в котором все аспекты взаимообусловлены и не существуют друг без друга, а разделяются только в исследовательских целях.

Для решения конкретных задач исследования в работе применяются различные общенаучные, лингвистические, лингвокультурологические, социолингвистические и другие методы и приемы анализа.

В качестве материала исследования использованы три корпуса текстов деловых писем-просьб предметной области «высшее образование» на английском, арабском и русском языках общим объемом 300 единиц. Письмо-просьба рассматривается как побудительный речевой акт, попытка адресанта повлиять на адресата с целью совершить выгодное для адресанта действие. Письмо-просьба по определению должно характеризоваться вежливостью.

Результаты. Применив интегральный подход к исследованию вежливости в деловом дискурсе, мы получили её интегральную модель, которая представляет веж-

ливость как интегральный объект, рассредоточенный по четырем секторам (см. рис.1).

В *когнитивном* секторе вежливость представляет собой фрагмент знания в виде концептосферы. Концептосфера вежливости определена нами как «совокупность установок и правил речевого поведения в данном обществе, участвующая в организации и/или регулировании коммуникативного процесса» [Шабан 2020: 73]. Составляющие концептосферы, такие как *уважение, доброжелательность, тактичность, почтительность, обходительность, предупредительность, корректность, учтивость, деликатность, дружелюбие* и т.д., актуализуются в различных лингвокультурах различными способами. Рассмотрение понятия вежливости в английской, арабской и русской лингвокультурных традициях дает основания утверждать, что все три культуры трактуют вежливость как уважение по отношению к другим участникам коммуникации, это универсальная характеристика данного понятия. Вместе с тем каждая из традиций обладает культурно-специфическим пониманием данного феномена: в русской традиции вежливость – это моральное качество человека, связанное с речевым поведением и направленное на гармонизацию социального взаимодействия; в арабской традиции вежливость – это мягкость, как внутренняя, интуитивная, так и внешняя, вызванная правилами поведения в обществе; наиболее прагматичной вежливость предстает в англоязычной традиции, которая рассматривает её как правила поведения, как «лицо», которое надевают участники коммуникации для достижения своих прагматических целей [Шабан 2020]. Все это подтверждает тесную взаимосвязь и взаимообусловленность единиц когнитивного, социального и культурного секторов.

Когнитивный сектор	Языковой сектор
Вежливость как фрагмент знания: <ul style="list-style-type: none"> ▪ концепты, организованные в концептосферу: <i>уважение, доброжелательность, тактичность, почтительность</i> и т.д. 	Вежливость как фрагмент языка: <ul style="list-style-type: none"> ▪ лексика, семантика, грамматика текста
Культурный сектор	<div style="border: 1px solid black; padding: 2px; text-align: center;"> Коммуникативная составляющая Вежливость как управление неречевой культурой текста </div>
Вежливость как фрагмент культуры: <ul style="list-style-type: none"> ▪ культурные концепты и ценности (отношение к времени, пространству, деятельности и т.д.) ▪ корпоративная (деловая) культура 	Вежливость как фрагмент социального пространства: <ul style="list-style-type: none"> ▪ Участники деловой коммуникации ▪ Социальные характеристики участников коммуникации (пол, возраст, должность, образование и т.д.) ▪ Социально-обусловленное коммуникативное поведение (деловой стиль, жанр)

Рис.1. Базовая интегральная модель вежливости

В *культурном* секторе специфика в понимании вежливости базируется на ценностях той или иной культуры, на отношении к времени и пространству, к деятельности, общению и т.д. В рамках полихронной русскоязычной культуры, где время воспринимается как неисчерпаемый ресурс, ценится духовная жизнь, рассуждения и размышления, доминантным является моральный аспект вежли-

ности. Для монохронной англоязычной культуры, в которой ценится четкое соответствие планам и эффективность результатов, первостепенную значимость имеет прагматический аспект вежливости, она рассматривается как инструмент для достижения целей. В высококонтекстуальной арабской культуре, ориентированной на традиции, родственные связи, прошлое, вежливость является предписанием, идущим свыше, которое все должны выполнять, в то время как в англоязычной низкоконтекстуальной культуре, ориентированной на будущее, сконцентрированной на решении проблем, вежливость имеет яркую индивидуалистическую, прагматическую направленность.

Как показал анализ средств вербализации вежливости на трех языках, в языковом секторе наблюдаются различия, обусловленные как социокультурными ценностями, так и принадлежностью языков к разным языковым группам. Например, такой элемент, как прямое обращение, типичен для структуры писем на английском языке, а для писем на русском языке он менее типичен. В арабском деловом письме-просьбе прямое обращение практически отсутствует. Даже для косвенного обращения в арабском письме-просьбе не характерно использование имени собственного, в русскоязычных и англоязычных письмах-просьбах обращение по имени встречается в большинстве случаев. Эти особенности обусловлены различиями в ценностях, присущих той или иной культуре. В основной части делового письма-просьбы на морфологическом уровне в английском языке типичным является прямое выражение просьбы с помощью повелительного наклонения, в большинстве случаев в сочетании с вводным словом *please*, которое смягчает императивную семантику. В арабском языке широко используются масдары – вежливые заменители повелительного и сослагательного наклонения. Для русскоязычного письма-просьбы использование морфологических средств (повелительное наклонение глагола) является нетипичным. Вместе с тем широко используется инфинитив с императивной семантикой после глагола *просить* [Шабан 2020].

В социальном секторе вежливость в институциональном деловом дискурсе представляет собой совокупность социальных концептов, таких как участники коммуникации (представители делового сообщества и люди, косвенно связанные с ним) и их социальные характеристики (статус, уровень образования, возраст, пол, опыт и т.д.), а также социально-обусловленное коммуникативное поведение в ситуациях делового общения (деловой стиль и соответствующий жанр). Как правило, участники коммуникации в ситуации делового письма-просьбы могут находиться в отношениях «подчиненный-начальник», «начальник-подчиненный», либо на одном уровне «начальник-начальник», «подчиненный-подчиненный». Вместе с тем, адресант всегда находится в роли просителя, то есть подчиненного, несмотря на свое положение. Как показал наш анализ, уровень образования, возраст, знание социально-этических норм, опыт играют немаловажную роль в процессе вербализации вежливости: более высокий уровень образования, статус, женский пол и возраст обуславливали более высокую степень вежливости, использование полной структуры письма-просьбы, традиционных формул вежливости, нередко избыточного характера, что вызвано, на наш взгляд, основной коммуникативной функцией вежливости – стремлением достичь поставленной цели.

Коммуникативная составляющая вежливости как стержень, объединяющий единицы всех секторов в единое целое, реализует её основные коммуникативные установки, такие как сдержанная манера общения, поддержание коммуникативного контакта, соблюдение коммуникативных императивов и табу, демонстрация общей культуры речи с целью управления неречевой деятельностью коммуникантов и достижения поставленной в деловом письме-просьбе прагматической цели.

Заключение. Интегральное исследование категории «вежливость» в деловом дискурсе, выполненное на материале трех корпусов англоязычных, арабоязычных и русскоязычных текстов письма-просьбы, позволило построить базовую интегральную модель вежливости с тремя вариантными культурно-специфическими реализациями и выявить причины их сходств и различий. Полученные результаты могут быть использованы для изучения вежливости на материале других языков и культур. Перспективным представляется применение выводов работы в обучении деловому письму.

Литература

Хомутова Т.Н. Научный текст: интегральный подход. Челябинск: Издательский центр ЮУрГУ, 2010.

Шабан А.К.М. Средства вербализации вежливости в деловом дискурсе: универсальное и культурно специфическое (на материале английского, арабского и русского языков): дис. ... канд. филол. наук. Челябинск, 2020.

Wilber K. An Integral Theory of Consciousness // Journal of Consciousness Studies. February 1997. №4 (1). P. 71-92.

T.N. Khomutova (Chelyabinsk, Russia)
South Ural State University
A.K.M. Shaban (Najaf, Iraq)
Central Najaf Preparatory Boys School

POLITENESS IN BUSINESS DISCOURSE: AN INTEGRAL APPROACH

The article focuses on an integral approach to the category of politeness. The authors present and explain an integral model of politeness in business discourse with respect to its cognitive, language, cultural, social and communicative aspects. The article outlines the perspectives for further research.

Key words: politeness, business discourse, integral approach, integral model, culture-specific.

Е.Н. Цветаева, Е.С. Панкратьева (Москва, Россия)
Московский государственный лингвистический университет
elenatsvetaeva@yandex.ru, helene-sergeevna@yandex.ru

ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ И ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ ОБРАЗЫ В ТВОРЧЕСТВЕ Я. ЙОРДАНСА

В фокусе внимания статьи находится рассмотрение особенностей визуализации фразеологических единиц в творчестве фламандского живописца Я. Йорданса. В про-

цессе визуализации устойчивых знаков путем корреляции разнотипных семиотических систем происходит создание целостного семиотически гетерогенного пространства, оказывающего на зрителя особое прагматическое воздействие.

Ключевые слова: семиотическая гетерогенность, барокко, аллегория, визуализация, фразеологизм.

Традиция визуализации фразеологических образов, зародившаяся еще во времена позднего Средневековья в Западной Европе и получившая наибольший расцвет в период Возрождения, была продолжена и в последующую эпоху барокко. Характерной чертой искусства барокко в живописи являлось акцентирование проявления эмоций и экспрессивности на полотне, особая выразительность и символическая визуальная образность. Для придания большей аллегоричности художественные произведения наполнялись изобразительной метафорикой, которая, как предполагалось, должна была успешно декодироваться образованным зрителем.

Одной из форм проявления иконической метафоры можно считать репрезентацию фразеологического знака в виде изображения, в ходе которой происходит интеграция языковых и графических элементов и формируется единое гетеросемиотическое пространство, обладающее значительным прагматическим потенциалом.

Многие знаменитые художники эпохи барокко включали в свои произведения «визуализированную» фразеологию. Среди них особое место занимает Якоб Йорданс (1593–1678), один из выдающихся и самобытных представителей искусства барокко, нидерландский живописец и рисовальщик, входящий наряду с П.П. Рубенсом и А. ван Дейком в триаду великих художников фламандской школы.

Я. Йорданс получил всемирную известность за свои портреты, жанровые сцены и картины на библейские, мифологические, исторические, аллегорические и бытовые сюжеты. Не менее значимым является его мастерство в создании тканых и бумажных шпалер. Нередко работы Я. Йорданса основаны на распространенных и, по всей видимости, актуальных для анализируемого времени пословичных изречениях или традиционных ритуалах. Многие из них представляется возможным отнести к жанру так называемых пословичных картин (нем. *Sprichwortbild*), среди них существует ряд работ со скрытым пословичным смыслом.

Так, среди известных пословичных картин Я. Йорданса выделяются несколько полотен, написанных по сюжету басни Эзопа «Человек и сатир», в которой повествуется о сатире, с немалым удивлением наблюдающем, как человек сначала дует себе на руки, чтобы их согреть, а затем – на горячую еду, чтобы остудить ее. Подобное поведение не располагает к доверию и заставляет сатира считать человека неискренним и двоедушным. Хотя на картинах Я. Йорданса этой тематики отсутствует собственно вербальный компонент, можно с уверенностью говорить о том, что художник визуализирует фразеологизм *kalt und warm (aus einem Mund blasen)* ‘быть двуличным человеком’.

Интерпретировать смысл произведения только на основе иконических элементов практически невозможно. Поскольку фразеологическая единица пред-

ставлена на полотне в имплицитной форме, распознать ее можно лишь в том случае, если реципиент знаком с художественно-литературными источниками устойчивых словесных комплексов, функционирующими в конкретном культурном сообществе. Данное обстоятельство позволяет рассматривать пословичные картины в качестве мультимодального пространства, образованного в результате корреляции разнотипных семиотических кодов, успешное «прочтение» которого путем извлечения из памяти образа, лежащего в основе внутренней формы фразеологизма, предполагает формирование комплексного смысла в ходе определенных когнитивных процессов. В этом отношении нельзя не согласиться с точкой зрения А. Н. Баранова, отмечавшего, что толкование фразеологической единицы основано не на разложении смысла, а на его узнавании как концепта, который уже имеется в сознании носителя языка; образ реконструируется по семантическому триггеру, инициирующему цепочку ассоциаций, порождающих нужный образ [Баранов 2008: 39-41].

В некоторых случаях художник подкрепляет визуализированный фразеологический знак языковым компонентом. Например, несколько версий произведения Я. Йорданса на тему «бобового короля» (данные полотна имеют названия «Бобовый король» и «Король пьет!»), относящиеся к числу бесспорных шедевров мастера, дополнены придающими работам некий морализаторский оттенок надписями *In een vry gelach / ist vry gelach* или на других вариациях *Nil similius insano quam ebrius* (нем. *Keiner ist dem Narren ähnlich als der Betrunkene*). Другим примером могут послужить версии картины Я. Йорданса «Старики поют, молодые играют», на которых реципиент обнаруживает включенное в полотно паремию *Soo d'oude songen, soo pepen de jonge* и на других работах латинское изречение *Ut genius est genius concors consentus ab ortu*.

Визуализация внутренней формы фразеологического знака в соединении с вербальным элементом не только привлекает внимание реципиента благодаря смене модальности, поскольку при созерцании картины зритель имеет возможность многократно переключаться с одного семиотического модуса на другой, но и способствует построению целостного содержания гетеросемиотического пространства за счет всестороннего раскрытия фразеологического образа. Слияние языкового и графического модусов упрощает процедуру «расшифровки» устойчивого словесного комплекса, а также интенсифицирует реализуемый автором прагматический эффект.

Следует также обратить внимание на то, что в процессе визуализации устойчивых словесных комплексов художник может эксплицировать определенные, не выраженные вербально, признаки фразеологизма путем включения в произведение иконических элементов, имеющих символическое значение и вызывающих положительные или отрицательные ассоциации. Такими аллегорическими смыслами может обладать изображенная на картине еда, одежда персонажей, животные, музыкальные инструменты и т.п. (ср., например, картину «Старики поют, молодые играют»). Тем самым интерпретация «послания» художника будет доступна только сведущему реципиенту. В этой связи представляется необходимым отметить, что художественные произведения, визуализирующие устойчивые единицы, с одной стороны, являются для историка фразеологии ценным источником исторического фразеологического материала, а с другой –

способствуют выявлению особенностей развития фразеологической системы на каждом языковом этапе, поскольку отражают в том числе и характерные культурные коды, лежащие в основе устойчивых словесных комплексов.

О тесной взаимосвязи изобразительных и словесных художественных форм в рассматриваемый период свидетельствует особое влияние произведений знаменитого поэта Я. Катса на живопись нидерландских художников, в частности на Я. Йорданса. Так, отдельные картины живописца посвящены визуализации фразеологических образов, включенных в известный сборник Я. Катса «Зеркало старого и нового времени» («*Spiegel van den ouden ende nieuwen tijt*», 1632). Помимо вышеуказанных произведений, стоит упомянуть, например, работу, «*Gaapt als men u de pap bidet*» (рус. *Открывай рот, когда тебе предлагают кашу*) с начертанным в верхней части рисунка вербальным компонентом, а также картины «*Een oude kat speelt met geen bal*» (рус. *Старый кот не играет в мяч*), «*De kanne gaet so lange te water tot se eens breeckt*» (рус. *Повадился кувшин по воду ходить – там ему и голову сломить*), «*Slecht gewonen, slecht verteerd*» (рус. *Как пришло, так и ушло*), «*Het oogen van den heer dat maect de peerden vet*» (рус. *Глаз хозяина кормит лошадь*), визуализирующую античное изречение *Oculus Domini pascit Equum* и некоторые другие. Данное обстоятельство демонстрирует, что живопись и литература еще продолжали существенно воздействовать друг на друга в эпоху барокко и обогащали себя культурно значимыми сюжетами.

Таким образом, детальное изучение процесса визуализации фразеологии, при котором вербальный и графический элементы, мотивирующие внутреннюю форму фразеологического знака, участвуют в построении семиотически гетерогенного пространства, вносит вклад в дальнейшее развитие полимодальной парадигмы исторической фразеологии, а выявление концептуальных оснований построения фразеологизмов позволяет определить потенциал разнознаковых систем при моделировании фразеологических образов.

Литература

Баранов А.Н. Против «разложения смысла»: узнавание в семантике идиом // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. По материалам международной конференции «Диалог 2008». М., 2008. Вып. 7 (14). С. 39-44.

*E.N. Tsvetaeva, E.S. Pankratieva (Moscow, Russia)
Moscow State Linguistic University*

PHRASEOLOGICAL AND ARTISTIC IMAGERY IN THE WORKS OF JACOB JORDAENS

The article focuses on the peculiarities of phraseological unit visualization in the works of Flemish painter, Jacob Jordaens. In attempting to visualize set signs via correlation of semiotic systems of different types, an integral semiotically heterogeneous space is created, which has a particular pragmatic effect on the viewer.

Key words: semiotic heterogeneity, Baroque, allegory, visualization, phraseology.

*Чжан Чжэньхао (Харбин, Китай)
Харбинский педагогический университет
1459011907@qq.com*

АНАЛИЗ ПРЕЦЕДЕНТНЫХ ФЕНОМЕНОВ, ВЫТЕКАЮЩИХ ИЗ НАЗВАНИЙ ПРОИЗВЕДЕНИЙ А.П. ЧЕХОВА

Прецедентный феномен является одним из объектов когнитивной лингвистики и воспроизводится несколько раз в процессе коммуникации с помощью соответствующего дискурса в тексте. Литературные произведения являются важным источником прецедентных феноменов, а большое количество прецедентных феноменов, связанных с творчеством А.П. Чехова, обладает глубокими социально-историческими и этнокультурными смыслами. Исследуя источники названий произведений А.П. Чехова, ставших прецедентным феноменом, и анализируя их повторяемость в различных дискурсах, автор объясняет их уникальное семантическое и прагматическое значение.

Ключевые слова: прецедентный феномен, Чехов, названия произведений, когнитивная лингвистика, литературные произведения.

Прецедентный феномен относится к междисциплинарной категории, охватывающей когнитивную лингвистику, психолингвистику и лингвокультуру одновременно, и сыграл важную роль в конструировании языковой картины мира. Многие литературные произведения Чехова стали прецедентными феноменами, содержащими богатую национально-культурную информацию. Знакомые россиянам прецедентные феномены могут быть совершенно неизвестны иностранцам. Перечисляя прецедентные феномены, производные от названий произведений Чехова, улавливая прецедентные феномены и соответствующие культурные фоновые знания, заложенные в оригинальном тексте, мы можем анализировать их влияние на национальную личность. Особая значимость исследования может уменьшить путаницу и неправильное толкование прецедентных феноменов у читателей.

1. Обзор прецедентных феноменов. Исследования российских ученых по прецедентному феномену берут начало от Ю.Н. Караулова. В «Русском языке и языковой личности» он впервые предложил понятие прецедентного текста и определил его: (1) значимые для той или иной личности в познавательном и эмоциональном отношениях, (2) имеющие сверхличностный характер, т.е. хорошо известные и широкому окружению данной личности, включая ее предшественников и современников, и, наконец, такие, (3) обращение к которым возобновляется неоднократно в дискурсе данной языковой личности [Караулов 1987: 216]. Позднее такие ученые, как В.Г. Костомаров, Н.Д. Бульвикова, А.Е. Супру, Ю.Б. Гудков проводили исследования прецедентных феноменов с разных сторон, и коннотация прецедентных феноменов обогатилась. В.В. Красных и другие, опираясь на теорию прецедентного текста Караулова, разделяли прецедентные имена, прецедентные высказывания, прецедентные тексты и прецедентные ситуации на прецедентные феномены. Она считает, что прецедентный феномен должен отвечать следующим трем условиям: (1) хорошо известные всем представителям национальнолингво-культурного сообщества («имеющие сверхличностный характер»), (2) актуальные в когнитивном (познавательном и эмоциональном)

плане, (3) обращение (апелляция) к которым постоянно возобновляется в речи представителей того или иного националь-нолингво-культурного сообщества [Красных 2002: 44]. Обобщение таких ученых, как Красных, достигло основного консенсуса в академических кругах.

Значение и ценность прецедентного феномена отражается в той важной роли, которую он играет в познании мира нацией, развитии эмоционального сознания, установлении оценочных стандартов. Литературные произведения, газеты и журналы, мифы и легенды, народные творения — все это источники прецедентных феноменов. Причина, по которой прецедентный феномен известен всем, заключается в том, что члены языкового и культурного сообщества имеют общий, хотя бы минимальный, запас знаний о явлении, и в процессе принятия и понимания активизируется соответствующий инвариант восприятия [彭文钊、赵亮 2006: 244].

2. Примеры прецедентных феноменов, образованных от названий произведений Чехова. Творчество Чехова имеет очень личностные черты, многие его произведения перехватывают типичный отрезок повседневной жизни, через этот типичный сюжет он раскрывает дурные привычки современного российского общества и выражает краткими словами глубокий смысл. Прецедентных феноменов, связанных с его литературными произведениями, много и они используются достаточно часто, в данной статье анализируется только употребление названий произведений Чехова, ставших прецедентными явлениями в дискурсе.

2.1 Человек в футляре

«Человек в футляре» представляют собой людей, которые не принимают новые вещи и новые идеи, имеют устоявшееся мышление, боятся любых форм инноваций и новых идей и придерживаются старых путей.

Тут он совершил роковую, все наперед предрешившую ошибку. Знамение времени, общественное зло он принял за явление домашнее. Неестественность тона, казенную натянутость наших рассуждений отнес к себе, приписал тому, что он – сухарь, посредственность, человек в футляре (Б.Л. Пастернак, «Доктор Живаго»). Здесь Пастернак прямо использовал прецедентный феномен «человек в футляре», чтобы отразить характер Баши Антипова. При появлении заглавия «человек в футляре» нет необходимости указывать источник текста, чтобы вызвать у представителей национально-культурной общности ассоциации и припоминание содержания прецедентного явления, через «закрытое» и «отстающее», содержащиеся в «человек в футляре» и других культурах со смыслом.

2.2 Живой товар

«Живой товар» относится к продаже рабов как к прецедентному феномену.

*Транзитом через нашу страну – в Европу – идет живой товар из Китая, Вьетнама, Индии, Бангладеш, Пакистана. Дешевая няня Получатель **живого товара** – страна непременно преуспевающая* («Газета», 06.06.2003). «Живой товар» играет символическую функцию в своем повторении, напоминая читателю о работорговле. Если адресат не знает о прецедентном феномене, отличительные признаки «живого товара» не могут быть выявлены.

2.3 Лебединая песня

«Лебединая песня» часто используется как прецедент для описания своей последней работы.

«**Лебединая песня**» полноприводных машин в Ф-1 прозвучала в Зандвоорте в 1971 году в «дождевом» Гран При Голландии («Формула», 15.02.2001). Через прецедентный феномен «лебединая песня» читатель напрямую вводится в атмосферу статьи, напоминающей о том, что это соревнование – последняя слава полноприводного автомобиля, и этот тип автомобиля уйдет со сцены гонок. соревнования.

2.4 Вишневый сад

Вишневый сад – это утопия, символизирующая прекрасную родину в прошлом, и он часто используется в дискурсе как прецедентный феномен.

Придут ли новые хозяева на смену? Вся Россия – наше гнездо! Старые птицы улетают, деградируют, вымирают, разоряются гнезда! Слышен звонкий стук топора, вишневый сад рубят – косточки летят, и никто уже не пьет чай с вишневым вареньем. Как тут всем нам быть? Финал неожиданно оптимистический («Столица», 22.12.1997). Вишневый сад в тексте – это не только отсылка к старым добрым временам, но и символ России. Вишневый сад был снесен, и наступает "новая эра" – не знаю, будет ли она лучше или хуже старой. Используя эти прецеденты, автор достигает своего замысла и провоцирует читателя на глубокие и интригующие размышления.

2.5 Анна на шее

Орден Святой Анны в романе – династическая награда, разделенная на четыре степени, которую Павел I ввел в наградную систему царской России для отличия широких государственных чинов и армии. Орден Святой Анны II степени носится на шее, отсюда и название «Анна на шее», означающее, что человек награжден орденом Святой Анны.

Губернатор был ни толст, ни тонок собой, имел на шее Анну (Гоголь, «Мертвые души»). Писатель Гоголь использовал титул Анны на шее в романе Чехова, чтобы раскрыть статус губернатора. Только когда читатели полностью поймут это прецедентное явление, вызовут ассоциации с текстом и свяжут текст романа с названием произведения, они смогут понять введение персонажей, содержащихся в тексте, и понять изобретательность автора.

2.6 Дама с собачкой

Дама с собачкой часто используется для обозначения любовной связи между двумя людьми [Лимарева, Багдасарян 2022: 101].

Сам не зная почему, но, выслушав Марию Павловну, я сказал: – У каждого, должно быть, была своя «Дама с собачкой». А если не было, то обязательно будет (К.Г. Паустовский, «Золотая роза»). В этом клипе Дама с собачкой символизирует красивую, желанную любовь. Здесь стимулируется культурный концепт «любовь» в языковом сознании читателя, что позволяет читателю точно уловить смысл, который хочет выразить автор. Если читатель не понимает этого прецедентного феномена, отличительная черта «любви» не может быть активирована, и читатель не может понять, что «я» означает для Марии.

В заключение, теория о том, что прецедентный феномен может раскрыть основную культурную сущность разных национальных языков, стала исследовательским центром в междисциплинарных областях лингвокультурологии и когнитивной лингвистики. Кратко представляя уникальные и богатые культурные коннотации нескольких общих прецедентных феноменов, он демонстрирует на

примерах ряд функций, которые они играют в разных текстах. Проанализировать понятие прецедентного феномена, определить его основную роль в когнитивной базе и языковом сознании носителя языка, а также сознательно ввести прецедентный феномен в педагогическую практику, чтобы у учащихся возникали определенные ассоциации с русскими национальными культурными концептами и чтобы межкультурная коммуникация проходила гладко.

Литература

- Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. М.: Наука, 1987.
Красных В.В. Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология: курс лекций. М.: ИТДГК «Гнозис», 2002.
Лимарева. Т.Ф., Багдасарян Т.О. Творчество А.П. Чехова как сфера-источник прецедентных феноменов в современных российских СМИ // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2022. №.5. С. 99-104.
彭文钊, 赵亮. 语言文化学[M]. 上海: 上海外语教育出版社, 2006.

*Zhang Zhenhao (Harbin, China)
Harbin Normal University*

PRECEDENT PHENOMENA IN THE TITLES OF A.P. CHEKHOV'S WORKS

The precedent phenomenon is one of cognitive linguistics objects. It is reproduced several times in the process of communication using the appropriate discourse in the text. Literary works are an important source of precedent phenomena. Numerous precedent phenomena associated with A.P. Chekhov's works possess deep socio-historical and ethno-cultural meaning. The paper explores the sources of precedent phenomena in the titles of Chekhov's works and analyzes their recurrence in various discourses. The author explains the unique semantic and pragmatic meaning of these precedent phenomena.

Key words: precedent phenomenon, Chekhov, titles of works, cognitive linguistics, literary works.

*Е.Н. Широкова, А.Ю. Тетюхина (Нижний Новгород, Россия)
Национальный исследовательский Нижегородский государственный
университет им. Н.И. Лобачевского
shirokelen@yandex.ru, alexandratetyuhina@yandex.ru*

КОГНИТИВНЫЙ ПОДХОД К ИССЛЕДОВАНИЮ РЕЧЕВОГО ЭКСТРЕМИЗМА (НА МАТЕРИАЛЕ ИНТЕРНЕТ-КОНТЕНТА МАСКУЛИСТСКИХ СООБЩЕСТВ)

В статье исследуются механизмы деструктивного воздействия экстремистского дискурса на концептуальное поле СЕМЬЯ. Доказывается, что внедрение в дискурс маскулистских сообществ фрейм-сценария БЫТОВОЕ НАСИЛИЕ приводит к трансформации периферийных компонентов концептов МУЖ и ЖЕНА, а также к изменению функциональных связей между ними.

Ключевые слова: фрейм, концепт, экстремистский дискурс, бытовое насилие, интернет-коммуникация.

Деструктивное воздействие экстремистского дискурса на концептосферу носителей русского языкового сознания осуществляется через распространение представлений, которые воздействуют на периферию национальных концептов, вытесняют из их структуры общепринятые перцепции и оценки и заменяют их на противоположные, а также разрушают традиционные функциональные связи между компонентами концептуальной системы. Целью нашей статьи является описание особенностей конструирования экстремистских смыслов внутри концептуального поля СЕМЬЯ на примере анализа интернет-высказываний, утверждающих необходимость применения насилия в бытовой сфере.

Специфика концептуализации представлений о семье в русской культуре описана во многих работах (Е.А. Кострубиной, Е.В. Добровольской, Н.Н. Занегиной, Н.Н. Рухленко и др.). Синтез различных подходов позволил сформировать когнитивную модель таких представлений. Так, концептуальное поле СЕМЬЯ включает в себя микрокомпоненты: ЧЛЕН СЕМЬИ, МЕСТО ПРОЖИВАНИЯ, СЕМЕЙНЫЕ ЦЕННОСТИ, СЕМЕЙНЫЕ ОТНОШЕНИЯ. Каждое микрополе представлено совокупностью концептов. Например, микрополе ЧЛЕН СЕМЬИ включает в себя такие концепты, как МУЖ, ЖЕНА, РЕБЕНОК. Кроме статических образований внутри концептуального поля также существуют и фрейм-сценарии, отражающие «эпизоды социального взаимодействия» [Радбиль 2018: 52]. Так, для концептуального поля СЕМЬЯ типичны такие фрейм-сценарии, как СВАДЬБА, ВОСПИТАНИЕ ДЕТЕЙ, СЕМЕЙНАЯ ССОРА.

Результатом воздействия экстремистских высказываний на концептуальное поле СЕМЬЯ является внедрение в традиционные концептуальные структуры фрейм-сценария БЫТОВОЕ НАСИЛИЕ. В частности, данный фрейм-сценарий вербализуется в дискурсе интернет-сообществ, выступающих в защиту мужчин (маскулистских сообществ). Прототип фрейм-сценария БЫТОВОЕ НАСИЛИЕ можно представить следующим образом: агент совершает действие над пациентом против его воли, где слоты *агента* и *пациента* эксплицируются репрезентантами микрополя концептов ЧЛЕН СЕМЬИ. Структура сценария может включать в себя факультативные элементы: *место действия*, *цель*, *результат*. При этом трансформация компонентов концептуального поля СЕМЬЯ нередко осуществляется на основе тактик, направленных на расчеловечивание образа жены. Так, в высказывании *Жена – это не человек, а собственность, которой должен полностью распоряжаться хозяин дома* адресант отождествляет жену с неодушевленным предметом, находящимся в собственности, а также заменяет лексику *муж* на лексику *хозяин*, содержащую признак ‘субъект, наделенный властью над объектом’. Трансформация семантических ролей также объективизируется глаголом *распоряжаться* с семантикой управления, что отражает представление адресата о семейных отношениях. При этом в инвариантной семантике глаголов управления «преобразовательная деятельность субъекта власти, направленная на изменение общества в соответствии с волей и целями властвующего субъекта» [Немшон 2017: 114] актуализируется семантический компонент ‘властвующий субъект’. Таким образом, семейные отношения осмысливаются адресантом как иерархичные: вместо оппозиции *жена – муж*, где категории МУЖ и ЖЕНА связаны горизонтальными связями и одинаково относятся к гиперкатегории СЕМЬЯ, вводится оппозиция *хозяин – собственность*, в которой названные категории находятся в вер-

тикальной связи. Причем то, что описанные представления о семейных отношениях нормированы в картине мира адресанта и осмысляются им как необходимые для принятия их адресатом, эксплицируется из модальности высказывания, представленной лексемой с семантикой долженствования – *должен*.

Рассмотрим подробнее, как трансформируются компоненты концептуального поля СЕМЬЯ в интернет-высказываниях экстремистской направленности, объективирующих фрейм-сценарий БЫТОВОЕ НАСИЛИЕ.

1. *Нужно женщину ломать об колено, отбивать ей рога, ломом, ребром ладони там, кто как силен, гнуть ее, тереть ее, запихивать ее в стиральную машину...делать с ней вообще не знаю что. То есть мужчина должен обломать женщину 100%! Превратить в настоящую женщину! /.../ Не сможет – пусть не женится, пусть в монахи идет.*

В первых трёх предложениях слоты *агенса* и *пациенса* вербализуются лексемами *мужчина* и *женщина*, в которых семантический компонент ‘семейный статус’ актуализируется глаголом *жениться*, объективирующим типичный для концепта СЕМЬЯ сценарий. Лексические репрезентанты слота *действие* можно разделить на две группы по их семантическому статусу. К первой из них относятся слова и словосочетания со значением деструктивного воздействия на объект, которые представлены переходными глаголами *гнуть*, *тереть*, *запихивать*, *превратить* и фразеологемой *ломать об колено*. Отметим, что в прямом значении перечисленные смысловые единицы обозначают действия, направленные на объект, что проявляется в их сочетаемости с существительными, относящимися к категории неодушевленных. Таким образом, адресантом осуществляется метафорический перенос признака ‘предмет’ в структуру представлений концепта ЖЕНА. Во вторую группу входит лексема *обломать* и фразеологема *отбивать рога*, имеющие семантику подчинения. По словам О.В. Колесниковой, компонент *рога* в подобных фразеологических структурах соотносится с «зооморфным кодом культуры» и вносит в контекст высказывания негативную оценку [Колесникова 2018: 26]. Таким образом, с одной стороны, представления о жене в маскулистском дискурсе могут формироваться посредством метафорического переноса образа животного или предмета на человека, а с другой стороны, приобретать отрицательные коннотации. Воздействие коммуникатора на концептуальную систему представлений реципиента усиливается модальностью высказывания, репрезентируемой лексемой с семантикой необходимости – *нужно*.

2. *В некоторых случаях слегка помять капот или дать толкача своей бабе, говорят, полезно для семейного благополучия: функционал особо не пострадает, зато заводиться будет с первого раза и только от хозяйской руки.*

Концептуальные признаки *жена* и *муж* в структуре слотов *пациенса* и *агенса* объективируются лексемой *семейное (благополучие)*. *Агенса* в высказывании представлен метонимическим переносом – *хозяйская рука*, *пациенса* репрезентуется лексемой *баба*, содержащей пренебрежительную оценку образа женщины. Семантический компонент ‘подчинение’ в концептуальной структуре ЖЕНА актуализируется посредством сочетания названной лексики с притяжательным местоимением *своей*. Словосочетание *хозяйская рука* объективирует вертикальную связь между категориями МУЖ и ЖЕНА. Слот *действие* представлен сочетаниями *помять капот* и *дать толкача*, имеющими семантику деструктивного

воздействия на объект. При этом, являясь элементами бытового дискурса и обозначающая действия с транспортным средством, указанные лексические единицы используются коммуникатором для создания образа жены по модели овеществления. Составляющая предикат высказывания лексема *полезно* позволяет квалифицировать ситуацию как положительно оцениваемую адресантом, а также выступает средством убеждения реципиента в представленной позиции.

Таким образом, в речевых практиках маскулистского дискурса экстремистской направленности реализуются компоненты МУЖ, ЖЕНА, СЕМЕЙНЫЕ ОТНОШЕНИЯ концептуального поля СЕМЬЯ. В структуре концепта МУЖ актуализируется признак 'субъект, наделенный властью над объектом'. Наряду с этим семантический компонент 'человек' концепта ЖЕНА элиминируется за счет метафорических переносов, донорами для которых являются сферы «предметы, вещи» и «животные». Последнее, с одной стороны, объективизирует субмиссивный статус субъекта в семейных отношениях, с другой – привносит негативные коннотации в представление о нем. При этом функциональные связи между категориями МУЖ и ЖЕНА осмысляются как иерархические. Представление о пассивной роли жены и активной роли мужа в семье также обусловлено распределением семантических ролей *пациенса* и *агенса* соответственно во фрейм-сценарии *бытовое насилие*. Воздействие коммуникатора на концептуальную систему представлений реципиента также эксплицируется из модальности высказываний.

Литература

Колесникова О.В. Национально-культурные особенности репрезентации каузальной семантики фразеологическими средствами русского языка // Научный диалог. 2018. №1. С. 22-31.

Кустова Г.И. Типы производных значений и механизмы языкового расширения. М.: Языки славянской культуры, 2004.

Немион Ю.А. Семантические и функциональные особенности глаголов власти (на материале английского языка) // Актуальные проблемы филологических и педагогических наук. Барановичи: БарГУ, 2017. С. 113-114.

Радбиль Т.Б. Когнитивистика: Учебное пособие. Нижний Новгород: Нижегородский госуниверситет, 2018.

E.N. Shirokova, A.Y. Tetyukhin (Nizhny Novgorod, Russia)
National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod

COGNITIVE APPROACH TO THE STUDY OF SPEECH EXTREMISM: CONTENT IN ONLINE MASCULIST COMMUNITIES

The article examines the destructive impact of extremist discourse on the conceptual field FAMILY. It is proved that introducing the frame scenario DOMESTIC VIOLENCE into the discourse of masculist communities leads to the transformation of peripheral components of the concepts HUSBAND and WIFE and changes the functional relationships between them.

Key words: frame, concept, extremist discourse, domestic violence, Internet communication.

В.И. Яременко (Москва, Россия)
Научно-исследовательский университет МИЭТ
veraj@mail.ru

КОГНИТИВНЫЙ АНАЛИЗ СТРУКТУРЫ И СЕМАНТИКИ ТЕХНИЧЕСКОГО ТЕКСТА В СОВРЕМЕННОМ ЭЛЕКТРОННОМ НАУЧНОМ ДИСКУРСЕ

Кратко описывается практическая значимость современных интернет сайтов как платформ движения культуры 'открытой науки', подразумевающей прозрачность и доступность изучения результатов исследовательских процессов других ученых. Проводится когнитивный анализ текстов с этих сайтов с точки зрения их некоторых структурных и семантических особенностей.

Ключевые слова: открытая наука, научно-технический текст, электронный научный дискурс, структура и семантика.

Темпы роста объемов научных публикаций, отражающих технический прогресс последних десятилетий, ставят задачу быстрого доступа к уже достигнутым результатам исследований по разным направлениям, в связи с чем наметились изменения в исследовательской культуре, которые в том числе предлагают крупным научным и учебным организациям по всему миру объединиться для того, чтобы сделать результаты научных достижений открытыми для широкой аудитории как авторитетных ученых и научных работников, так и молодых исследователей. Движение получило название «открытая наука (ОН)», или «Open Science (OS)», подразумевая полную прозрачность всего исследовательского процесса с возможностью свободно знакомиться с его результатами в форме статей в журналах, книгах и, что самое важное в век компьютерных технологий, на сайтах легко доступных электронных журналов. В настоящее время можно пользоваться целыми массивами открытых данных, собранных и систематизированных по конкретным научным проблемам, и на их основе ставить более сложные и комплексные задачи. Открытая наука предполагает не только возможность изучить результаты промежуточных этапов работы над темой, но и позволяет делиться мнениями относительно реализуемых проектов, что обеспечивается принципами прозрачности и доступности информации, и в процессе профессиональной коммуникации совместно добиваться решений глобальных научных проблем.

Примером практического воплощения главного принципа ОН делиться информацией и объединяться для решения сложных задач, часто требующих многоступенчатого подхода, могут служить интернет ресурсы, в частности, www.phys.org www.techtimes.com www.technewsworld.com Количество публикуемых статей и материалов из мировых рецензируемых научных источников поражает воображение даже самых искушенных научных работников. Строгая организация сайтов и наличие в текстах множества перекрестных ссылок для рассмотрения исследуемой проблемы с разных сторон создают впечатление, что весь океан накопленных научных знаний по описываемой проблеме находится на «кончиках пальцев».

Очевидно, что на таких сайтах не следует ожидать материалов о результатах прорывных исследований по значимым научным направлениям – они публикуются в специализированных изданиях и докладываются на международных симпозиумах высокого уровня. Однако даже наличие общей информации на сайте о постановке проблемы дает повод для начала поиска дополнительной информации и отслеживания состояния вопроса в его развитии, а рубрики *Latest News* и комментарии *Last update: 2 hours ago*, указывают на факт постоянного обновления информации на сайте.

Интенсивное развитие современной науки вносит изменения в исследовательскую культуру, меняя форматы представления результатов исследований с точки зрения структуры текстов, используемых языковых средств, средств визуализации и т.п. Обратимся к рассмотрению структурных и лексико-семантических особенностей научных текстов в современном цифровом пространстве, опираясь на определение научно технического текста, который, по мнению Жидкова А.В., представляет собой организованную и специфическую разновидность речевого творчества, обладает собственными параметрами, является завершённым письменным документом и имеет определенную целенаправленность и прагматическую установку [Жидков А.В. 2014].

Специфичность содержания научно технического текста определяется лингвистическими параметрами, в которых проявляется его узкая профессионально ориентированная направленность. Являясь источниками передачи и восприятия информации о научном опыте и технических знаний, тексты с вышеупомянутых сайтов единообразны стилистически и сопровождаются средствами наглядности – цветными рисунками, таблицами, схемами, графиками и т.п. Принимая во внимание, что научно технический текст представляет собой форму коммуникации на профессиональном уровне, отметим в этой связи важность взаимодействия функционального и когнитивного подхода к такой речемыслительной деятельности. На функциональном уровне анализ языковых особенностей обеспечивает, с одной стороны, объем, широту и многообразие, а с другой стороны – аутентичность, доказательность и актуальность описываемых результатов исследований. Когнитивный уровень профессиональной коммуникации обеспечивает глубину и многоплановость изучаемой проблемы при взаимодействии и взаимообусловленности языковых средств выражения и процесса осмысления представленной научной информации, тем самым реализуя принцип профессионального речевого общения.

Опираясь на вышесказанные краткие теоретические положения, но не ограничиваясь таковыми, рассмотрим структурные и семантические особенности текстов с сайтов в жанре научно популярных новостей. При беглом просмотре публикаций из выбранной рубрики сразу можно увидеть, что изложение информации не подчиняется формату классической научной статьи с полным набором общепринятых разделов – Введение, Методы, Результаты, Обсуждение, Заключение – что помогает читателю быстро ориентироваться и извлекать информацию на фоне сложного академического стиля изложения.

Электронный новостной научный дискурс характеризуется краткостью изложения заявленной в заглавии темы. Средний объем публикации насчитывает ~1200 слов. Компактность и конкретность решают ключевую задачу новости

науки – объяснить тему исследования и только потом сообщить о новом результате. Практически каждый текст содержит множество ссылок, позволяющих в один клик перейти на смежные с темой статьи проблемы, или исследования, добавляя глубину и многоплановость рассматриваемой научной теме.

Из структурных особенностей текстов отметим роль заголовков, которые, в отличие от классической научной статьи, в электронном дискурсе всегда содержат элемент увлекательности и формулирует суть проблемы в самом начале. Примером может служить заголовок к статье, где речь идет о возможном использовании экологически чистых методах производства электроэнергии в регионах, где возможно использовать энергию ветра: *“Winds of change: What will power the Northwest’s future?”* – во-первых, ‘winds of change’ это аллюзия на известный хит группы Scorpions, а во-вторых, если есть вопрос в заглавии, значит должен быть ответ в статье. Внимание специалиста в области искусственного интеллекта несомненно привлечет заголовок статьи *“Measuring AI’s ability to learn is difficult”*, где речь идет о потенциальных возможностях и ограничениях обучающих машинных алгоритмов выполнять поставленные задачи.

Рассмотрим, как реализуется принцип развертывания темы на примере текста с заголовком *“Robots can go all the way to Mars but they can’t pick up groceries”*, в котором речь идет о взаимодействии роботов и людей, и можно ли обучить роботов этическим вопросам. В конце текста традиционно есть ссылка на Related studies, или Explore further, или More information и т.п., где всегда приводятся как минимум 4-5 дополнительных источников информации по теме. В случае с нашим примером даны следующие ссылки: *“Scientists help robots understand humans with board game idea”*, *“3D printed robot hand plays the piano”*, *“Robotic labs for high-speed genetic research are on the rise”*.

Выше упоминалось, что по своим объемам тексты не делятся на общепринятые разделы, и изложение идет в виде повествования объемом до 20 абзацев, что визуально облегчает читателю навигацию по новости. Стиль текста приближается к разговорному, с употреблением фразеологизмов, например *“... no doubt that a wind farm is a different animal (т.е. нечто совершенно другое) – it is not a silver bullet (т.е. быстрое решение проблемы).* Многочисленные цитирования мнений авторитетных ученых из научных лабораторий и исследовательских институтов добавляют значимости и глубины исследуемой проблеме. Логика изложения выстраивается на последовательности аргументов и фактов и не отличается наличием типичных вводных словосочетаний, связующих слов или фраз. В синтаксическом плане предложения не содержат большого количества пассивных конструкций, делая акцент на самом действии или процессе, а не на зависимости от исполнителя. Также логичность изложения материала в виде скорее простых предложений, а не осложненных грамматических конструкций, причастных или деепричастных оборотов, распространенных определений и проч. позволяет избегать информационной насыщенности предложений. Выделенные по тексту ключевые слова обеспечивают расширенный электронный доступ к дополнительным понятиям по теме исследования, создавая у читающего эффект участия в процессе обсуждения научной проблемы. Цветные иллюстрации и визуальная сводка самых ключевых понятий в умеренном количестве служат инструментами для привлечения большего внимания читателя к теме.

В семантическом плане научные новостные тексты не изобилуют терминами для передачи когнитивной информации, чтобы не создавать излишней громоздкости их общей или базовой коммуникативности. Типичным является частое употребление названий или имен, добавляя экстралингвистический фон описанию научной проблемы. Так, например в статье под заголовком “*Who’s Winning the Latest Tech Industry Battles*”, где речь идет о конкуренции компаний, упоминаются следующие слова: *Qualcomm vs. Intel, Microsoft vs. Apple, IBM, AT&T, Huawei, Asus, Lenovo*, каждое из которых сравнимо по значимости с империей в области высоких технологий. Также в этом тексте встречаются примеры аллюзий, например *Zen-like strategy*, в основе которой лежит принцип ‘если хочешь выиграть, фокусируй внимание на цель, а не на оппонента’. Первое предложение в тексте содержит фразу ‘*May You Be Born in Interesting Times*’, как ссылку на известное Китайское пророчество ‘Не дай вам бог родиться в эпоху перемен’, когда идут битвы за мировое господство или передел сфер влияния в отдельной области науки, в данном тексте это касается технологии 5G, с вытекающими из этого процессами конфликтами интересов и потерями для некоторых основных игроков.

Приведенные примеры являются довольно репрезентативными структурными и семантическими характеристиками научного стиля современных электронных журналов. Их, несомненно, гораздо большее количество и многообразие. Темпы развития науки и техники стремительно наращивают объем текстов, поэтому детальное изучение данного стиля с широким набором средств оперирования языком будет приобретать все большую важность как для лингвистов, филологов, так и для переводчиков.

Литература

Public Library of Science. Sharing is caring, but is privacy theft? www.phys.org 2018.
Жидков А.В. Научно-технический язык и научно-технический перевод // *Science time*. 2014. №5 (5). С. 67-71.

V.I. Yaremenko (Moscow, Russia)
National research university MIET

TECHNICAL TEXTS FROM POPULAR SCIENCE NEWS SITES: COGNITIVE ANALYSIS OF STRUCTURE AND SEMANTICS

The paper considers structural and semantic features of technical texts in the form of popular science news. It discusses the popularity and practical value of contemporary online discourse. This type of discourse serves the platform of the ‘open science’ movement providing transparency and universal access to research results.

Key words: Open science, scientific technical text, online discourse, structure and semantics.

III.3 Когнитивная лингвистика и речевая коммуникация

И.В. Беляева, А.А. Беляев (Тамбов, Россия)

Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина

rin_1901@mail.ru, aragon_rw@mail.ru

РОЛЬ КОГНИТИВНЫХ МЕХАНИЗМОВ ФОРМИРОВАНИЯ ИНТЕРПРЕТИРУЮЩИХ ЗНАЧЕНИЙ В БЕСКОНФЛИКТНОМ ЯЗЫКОВОМ ОБЩЕНИИ (НА МАТЕРИАЛЕ ФУТБОЛЬНОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ)¹

В статье рассматривается роль понимания когнитивных механизмов формирования фразеологических интерпретирующих значений в бесконфликтном языковом общении. Исследование проводится на материале русских, английских и французских фразеологизмов, используемых в сфере футбола. Умение распознавать когнитивные модели, лежащие в основе интерпретирующих значений, способствует адекватному восприятию и пониманию заложенной в футбольных фразеологизмах информации.

Ключевые слова: фразеологическая единица, интерпретирующее значение, бесконфликтное языковое общение, концептуальная метафора, концептуальная метонимия, концептуальная метафтонимия.

Бесконфликтное языковое общение обеспечивается эффективным концептуальным взаимодействием адресанта и адресата, предполагающим правильное понимание значений единиц языка. С позиции фразеологии, бесконфликтность общения осложняется вторичным статусом интерпретации, заключающимся в формировании и передаче нового знания на основе уже существующего в результате его нового осмысления, схематизации, оценки [Болдырев 2014: 29]. Решение проблемы толкования интерпретирующих значений фразеологических единиц (далее ФЕ) видится, прежде всего, в распознавании когнитивных механизмов их формирования.

Когнитивные модели образования значений ФЕ реализуются в результате выявления концептуальных связей, возникающих при обнаружении общности сущностей разных концептуально-тематических областей. Именно эта особенность фразеологизмов и обеспечивает их использование в качестве средства языковой интерпретации знаний о мире, или вторичной языковой интерпретации мира, см. подробнее: [Болдырев 2014, 2019]. В частности, фразеологизмы, характеризующие футбольную сферу деятельности, образуются в результате взаимодействия концептуально-тематической области ФУТБОЛ, с одной стороны, с такими областями, как ЧЕЛОВЕК, ЖИВОТНЫЙ МИР, АРТЕФАКТ, АБСТРАКТНОЕ ПОНЯТИЕ – с другой.

В связи с широкой популярностью футбола в мире футбольные фразеологизмы отличаются разнообразием, характеризуя качество игры (рус. *сухарь с*

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-18-00067, <https://rscf.ru/project/22-18-00067/>

изюмом, англ. *Caught sleeping*, фр. *avalé la trompette*), особенности защиты и нападения (рус. *персональная опека*, англ. *parking the bus*, фр. *fermer la boutique*), результаты матча (рус. *сухая игра*, англ. *a clean sheet*, фр. *une lourde défaite*), движения спортсменов (рус. *поймать бабочку*, англ. *a pigeon's wing*, фр. *une passe téléphonée*), нарушения правил и штрафы (рус. *фол последней надежды*, англ. *a free kick*, фр. *piquer sa tente*), судейство (рус. *посадить на свисток*, англ. *"We were robbed!"* (реакция на несправедливое решение арбитра), фр. *l'arbitre a avalé son sifflet*) и даже болельщиков (рус. *двенадцатый игрок*, англ. *the 12th player*, фр. *le douzième homme*).

Анализ языкового материала свидетельствует о том, что в футбольной сфере интерпретирующие значения ФЕ образуются на базе когнитивных механизмов концептуальной метафоры, концептуальной метонимии и концептуальной метафтонимии. Особым разнообразием отличаются когнитивные модели концептуальной метафоры, основанные на физическом, физиологическом, функциональном, кинетическом или психическом сходстве, обнаруженном у объектов разных концептуально-тематических областей и категорий. Например, ФЕ *послать мяч в домик* образовалась по модели ФИЗИЧЕСКОЕ (форма постановки ног) ← ФИЗИЧЕСКОЕ (форма постройки). Фразеологизм с компонентом-зоонимом *a fox in the box* 'нападающий, умело ускользающий от маркеров' образовался по метафорической модели ПСИХИЧЕСКОЕ (хитрость человека) ← ПСИХИЧЕСКОЕ (хитрость животного). По аналогичной модели сформирована французская ФЕ *un renard des surfaces*, определяющая нападающего с хорошей интуицией. Функциональное назначение артефактов может проецироваться на манеру игры членов команды. Так, плохо играющего вратаря французские болельщики сравнивают с дуршлагом: *être passoire* (ФУНКЦИОНАЛЬНОЕ (вратарь, пропускающий мячи) ← ФУНКЦИОНАЛЬНОЕ (дуршлаг, пропускающий жидкость)).

Возможно формирование метафорических значений на базе общности не одного, а сразу нескольких признаков (например, цвета и формы, формы и размера и др.). Например, получение штрафной желтой карточки часто описывают с помощью фразеологизмов *получить горчичник*, *recevoir la biscotte*, поскольку в основе формирования интерпретирующих значений лежит метафорическая модель, включающая сходство сущностей сразу по двум признакам: ФИЗИЧЕСКОЕ (цвет и форма штрафной карточки) ← ФИЗИЧЕСКОЕ (цвет и форма горчичника/сухаря).

Примерами образования значений по принципу концептуальной метонимии являются русские ФЕ *гол в раздевалку*, *гол из раздевалки*: ВРЕМЯ (конец матча/первые минуты второго тайма) – МЕСТО (раздевалка, в которой находятся спортсмены после матча/после первого тайма). По метонимической модели образованы фразеологизмы *пас в больницу*, *a hospital pass*, обозначающие опасную передачу партнеру, из-за которой он может столкнуться с противником и получить серьезную травму: ПРИЧИНА (травма) – СЛЕДСТВИЕ (попадание в больницу). Французское фразеологическое название скамейки запасных *un banc de touche* соответствует метонимической модели ЛОКАЛИЗАЦИЯ (расположение скамьи на боковой линии) – АРТЕФАКТ (скамья). Во время французских трансляций футбольных матчей комментаторы нередко употребляют фразеологизм

voir rouge, также сформированный на базе замещения: АРТЕФАКТ (карточка) – ХАРАКТЕРИСТИКА (цвет карточки) (например, “- *L'arbitre a vu rouge*”).

Механизм концептуальной метафтонимии предполагает одновременное привлечение метафорической и метонимической модели при формировании конкретного интерпретирующего значения. Например, фразеологизм *выплюнуть легкие* соответствует метафтонимической модели ФИЗИОЛОГИЧЕСКОЕ (состояние дыхательной системы после долгой нагрузки) ← АБСТРАКТНОЕ (ощущение избавления от органа дыхания), ФУНКЦИЯ ОРГАНА (дыхание) – ОРГАН (легкие). Английский фразеологизм *lost the dressing room*, характеризующий потерю тренером влияния и контроля над своими игроками, образовался в результате привлечения метафтонимической модели АБСТРАКТНОЕ (потерять влияние) ← КОНКРЕТНОЕ (потерять раздевалку), ПОМЕЩЕНИЕ (раздевалка) – ПРИСУТСТВУЮЩИЕ (футболисты, находящиеся в раздевалке). На метафтонимической модели базируются некоторые фразеологизмы, используемые для общей характеристики активности игроков во время матча. В частности, ФЕ *mouillir le maillot, être sec* вербализуют когнитивную модель АБСТРАКТНОЕ (качество игры спортсмена) ← АБСТРАКТНОЕ (влажность/сухость спортивной формы), ПРИЧИНА (спортсмен много/мало двигался) – СЛЕДСТВИЕ (спортсмен запотел/не запотел).

Для бесконфликтного языкового общения в сфере футбола знания когнитивных механизмов формирования значений ФЕ не всегда являются достаточными. В отдельных случаях особую роль приобретает знание конкретных ситуаций, выступающих в качестве концептуальных обоснований фразеологических смыслов. Так, французская ФЕ *recevoir une valise* может трактоваться как ‘пропустить большое количество голов в матче’, формируясь по метонимической модели ВМЕСТИЛИЩЕ (чемодан как емкость для перевозки объектов) – СОДЕРЖИМОЕ (чемодан наполнен мячами) или по метонимической модели ПРИЧИНА (досрочное выбывание из соревнований) – СЛЕДСТВИЕ (упаковка вещей перед отъездом). Если в русском языке каждая из данных когнитивных моделей репрезентируется отдельными фразеологизмами – *получить (полную) авоську мячей* и *пора паковать чемоданы*, то французский многозначный вариант требует уточнения содержательной соотнесенности для конкретизации значения. Сравним, как в зависимости от контекста данный фразеологизм меняет свое значение: «- *Notre équipe a reçu une valise, mais on ne désespère pas, en accumulant nos forces avant le prochain match*», когда команда продолжает участие в соревнованиях, несмотря на проигрыш одного из матчей, и «*Malgré ce match nul, notre équipe nationale reçoit une valise, en quittant ce championnat*» в случае, если даже отсутствие пропущенных мячей не спасает сборную от выбывания.

Когнитивные механизмы концептуальной метафоры, концептуальной метонимии и концептуальной метафтонимии основываются на содержательных связях, которые могут устанавливаться между объектами разных концептуально-тематических областей при наличии схожих характеристик. Такие связи выступают в качестве концептуального обоснования фразеологических значений. Понимание когнитивных механизмов и связей, лежащих в основе формирования фразеологизмов разных сфер человеческой деятельности, включая футбол, является залогом адекватного распознавания их интерпретирующих значений ком-

муникантами и, как следствие, неотъемлемым условием бесконфликтного языкового общения.

Литература

Болдырев Н.Н. Интерпретация мира и знаний о мире в языке // Когнитивные исследования языка. 2014. Вып. XIX. С. 20-28.

Болдырев Н.Н. Язык как интерпретирующий фактор познания // Интерпретация мира в языке: кол. Монография. Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2017. С. 19-81.

Болдырев Н.Н. Язык и система знаний. Когнитивная теория языка. М.: Издательский Дом ЯСК, 2019.

*I.V. Beliaeva, A.A. Beliaev (Tambov, Russia)
Derzhavin Tambov State University*

THE ROLE OF COGNITIVE MECHANISMS IN THE FORMATION OF INTERPRETIVE MEANINGS IN CONFLICT-FREE LANGUAGE COMMUNICATION: FOOTBALL PHRASEOLOGY

The article discusses the role of understanding the cognitive mechanisms of forming phraseological interpretive meanings in conflict-free language communication. The study is carried out on Russian, English, and French phrasemes used in football. The ability to recognize the cognitive models underlying the interpretive meanings contributes to an adequate perception and understanding of the information contained in football phraseological units.

Key words: phraseological unit, interpretive meaning, conflict-free language communication, conceptual metaphor, conceptual metonymy, conceptual metaphonymy.

Ю.А. Воронцова (Белгород, Россия)

*Белгородский юридический институт МВД России имени И.Д. Путилина
vorontsova73@mail.ru*

ДИСКУРСИВНО-ПРАГМАТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ПРАВОВОЙ КОММУНИКАЦИИ

В статье рассматриваются дискурсивные маркеры как основное средство организации и структурирования правовой коммуникации. Отмечается, что правовая коммуникация характеризуется узкоспециализированной направленностью, поэтому лингвистическая репрезентация институционального общения осуществляется с помощью специфических дискурсивных маркеров.

Ключевые слова: дискурсивные маркеры, институциональное общение, правовая коммуникация, директивность.

Общение в юридической сфере представляется сложным и многоаспектным явлением, поэтому в основе дискурсивно-стилистического компонента правовой коммуникации лежит модель институционального общения, которая задается рамками статусно-ролевых отношений и пользуется определенной системой профессионально ориентированных знаков (Батюшкина М.В., Карасик В.И., Ко-

жемякин Е.А., Колтунова М.В., Палашевская И.В., Попова Т.П., Хомутова Т.Н., Цуканова Е.В., Шефер Е.А. и др.).

Выявление специфики моделирующего потенциала дискурсивных формул является эмпирической базой для научного осмысления широкого спектра явлений. Современные научные работы, посвященные дискурсивным маркерам (прагматическим маркерам, дискурсивным единицам, дискурсивным формулам, коммуникативным маркерам), аккумулируют в себе теоретические и методологические основы исследования, которые позволяют представить когнитивно-функциональную модель специфических единиц дискурса (Богданова-Бегларян Н.В., Викторова Е.Ю., Зайдес К.Д., Каменский М.В., Кибрик А.А., Кожухова И.В., Мурашкова Е.М., Смирнова В.В., Шмелев А.Д. и др.). В существующих исследованиях постулируется общее мнение относительно статуса дискурсивных маркеров, которые рассматриваются как средство структурно-смысловой организации текста с четко определенными функционально-прагматическими, когнитивно-дискурсивными признаками, что делает их обязательным элементом разных видов дискурса (Батюшкина М.В., Болсуновская Л.М., Викторова Е.Ю., Губарева О.Н., Драчук Н.В., Дубровская Н.В., Ерещенко М.В., Зеремская Ю.А., Каменский М.В., Когут С.В., Литвишко О.М., Массалина И.П., Царенко Н.М., Шилихина К.М., Шиффрин Д., Шугаева А.С., Шустова С.В. и др.).

В фокусе нашего исследовательского интереса находятся дискурсивные маркеры, являющиеся основным языковым инструментом организации и структурирования правовой коммуникации и отражающие процесс ее стандартизации.

Институциональность делает обязательными и целесообразными для правовой коммуникации дискурсивные единицы, представленные лингвоспецифическими, профессионально маркированными элементами, диктумный смысл которых выражается целым комплексом лексических средств. Моделирование тезауруса правовой коммуникации обусловлено требованием точности изложения и однозначности понимания текста. Этому способствует специфическая терминология: *административное правонарушение, дисциплинарный проступок, инкриминировать, наличность посягательства, производство выемки, процессуальный порядок*; слова в предметно-логическом значении: *группа, статья, документ, ценность*; профессионально маркированная фразеология: *мера пресечения, квалификация преступления, противоправные действия*; «прагматические идиомы»: *довожу до вашего сведения, прошу предоставить*.

Присутствие дискурсивных элементов, не свойственных правовой коммуникации, объясняется прагматическими целями юридического текста. Например, метафорические выражения *веские доказательства, борьба с преступностью, противодействие преступности, доброе имя, по горячим следам*, являясь языковым элементом структурирования институционального общения, демонстрируют обусловленность своего функционирования условиями правовой коммуникации. Метафоры используются как средство категоризации действительности, то есть номинируемое содержание реализуется как дескрипции различных обстоятельств, явлений, событий, ситуаций, характерных для правовой сферы. В подобных случаях метафорические выражения «теряют свою эмоциональную функцию и становятся условными формулами <...>. Это продиктовано спецификой текстов <...>, роль которых состоит в создании такой языковой картины,

которая не допускает двусмысленной интерпретации» [Гальперин 1958: 433-434]. В данном случае можно говорить о соответствии метафоры тематическим и коммуникативно-прагматическим установкам правовой коммуникации.

В правовой коммуникации рекуррентность является базовым семантически мотивированным средством выражения профессионально маркированного содержания, она создает структурную и формальную связность текста. Частотным способом ее реализации в сфере правовых отношений становится тавтология. Например, *добровольный отказ организатора преступления и подстрекателя к преступлению возможен только при условии принятия этими субъектами активных мер, приведших к предотвращению преступления. Ошибочные записи зачеркиваются и удостоверяются подписью оперативного дежурного дежурной части*. Подобные явления противоречат нормам, однако, рекуррентные единицы транслируются, повторяются, обогащая текст, генерируя новые смыслы и выполняя функцию детализации информации, поэтому в правовой коммуникации они имеют конститутивный характер и признаются «функционально (и жанрово) оправданным» [Руднев, Садова 2018: 191].

Аналитическая форма компаратива как средства дискурсивного маркирования не обозначает большую или меньшую степень интенсивности признака, она характеризуется абсолютным употреблением, то есть стандарт сравнения не соотносится с каким-либо другим носителем этого же признака: *окончательное наказание назначается путем поглощения менее строгого наказания более строгим ...* (п. 1. ст. 69 УК РФ).

Отметим, что директивность как доминирующая категория правовой коммуникации задается социальными характеристиками участников речевого взаимодействия, что оказывает влияние на выбор дискурсивных элементов. Реализация директивной дискурсивно-прагматической стратегии обеспечивается за счет различных глагольных форм: *производство уголовного дела прекратить; копию постановления направить; надлежит исполнить; следует обеспечить; прошу рассмотреть; свидетель обязан заранее уведомить следователя о причинах своей неявки; производство уголовного дела прекратить*. При этом статусно-ролевая иерархия, условия коммуникации и т.п. определяют выбор глагола. Как правило, с помощью формы первого лица единственного числа: *приказываю, ходатайствую, прошу, предлагаю, разрешаю* акцентируется принцип единоначалия; формы прошедшего времени: *решил, постановили, обсудили, установил* актуализируют коллегиальность.

Дискурсивные элементы регламентируются институциональными рамками и поддерживают жанровые характеристики служебных и процессуальных документов (приказ, заявление, рапорт, протокол, постановление, распоряжение и др.), по этой причине употребление перформативных глаголов *приказываю, предлагаю, постановляю, ходатайствую, прошу, объявляю* «обусловлено, во-первых, иерархическими статусными отношениями коммуникантов, во-вторых, регистром строгой официальности общения» [Колтунова 2004: 133]. Использование дискурсивных формул с целью нормирования, регулирования и принуждения создает перформативную ориентированность правовой коммуникации.

Базовым средством дискурсивного маркирования правовой коммуникации является конвенциональность, которая «представляет собой систему прагмати-

ческих конвенций, регулирующих взаимодействие коммуникантов на различных речевых уровнях <...> и обеспечивающих такие качества институционального общения, как структурированность, регулируемость, максимум речевых ограничений» [Колтунова 2006: 4]. Конвенциональность институционального общения определяет модель нормативного дискурсивного поведения в рамках правовой коммуникации. Конвенциональные нормы правовой коммуникации посредством иллокутивных актов, являющихся базовой частью коммуникативно-семантической и прагматической стороны высказывания, формально предоставляют права на исполнение определенных институциональных действий: *Разрешите обратиться...; Разрешите войти...; Доложите о результатах проверки...*. Иллокутивные глаголы способны выражать статусные отношения при осуществлении социально значимых действий. Ритуализированные элементы системно реализуют статусно-ролевые конвенциональные ожидания, а также подчеркивают иерархичность и регламентированность правовой коммуникации.

Таким образом, дискурсивные маркеры являются обязательным компонентом статусно-ролевого поведения, они структурируют текст, формируют его семантику и определяют прагматически значимые элементы, которые оптимизируют процесс дискурсивного взаимодействия, конструируют своеобразный коммуникативный континуум, создающий конвенциональный эффект. Профессиональная коммуникация в сфере права имеет многоуровневый характер, что обусловлено ее узкоспециализированной направленностью, поэтому лингвистическая репрезентация институционального общения осуществляется с помощью специфических дискурсивных маркеров, которые в совокупности обеспечивают точность, волюнтаривность, императивность, директивность, конвенциональность, регламентированность, иерархичность, прогнозируемость правовой коммуникации. Использование языковых средств, входящих в инвентарь дискурсивных маркеров, мотивировано коммуникативно-прагматическими условиями правовой коммуникации.

Литература

Гальперин И.Р. Очерки по стилистике английского языка. М.: Изд-во литературы на иностранных языках, 1958.

Колтунова М.В. Конвенционализация директивных иллокутивных актов в письменном и устном институциональном общении // Язык, сознание, коммуникация: сб. статей. Вып. 28. М.: МАКС Пресс, 2004. С. 131-142.

Колтунова М.В. Конвенциональность как основа делового общения: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2006.

Руднев Д.В., Садова Т.С. Деловой язык как основа государственной коммуникации: проблема нормообразования // Политическая лингвистика. 2018. № 1. С. 191-201.

Yu.A. Vorontsova (Belgorod, Russia)

Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs in Russia named after I.D. Putilin

THE DISCURSIVE-PRAGMATIC ASPECT OF LEGAL COMMUNICATION

The article considers discursive markers as the main means of organizing and structuring legal communication. It is noted that legal communication is characterized by a

highly specialized directivity, therefore the linguistic representation of institutional communication is carried out with the help of specific discursive units.

Key words: discursive markers, institutional communication, legal communication, directive.

Н.П. Глинская (Москва, Россия)

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

glinskaya_nelly@mail.ru

ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКАЯ КОМПЕТЕНЦИЯ В СФЕРЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ КОММУНИКАЦИИ: ФАКТОРЫ И ДЕСКРИПТОРЫ

В статье обсуждаются результаты эмпирического исследования базовой категории когнитивного терминоведения – терминологической компетенции. Вопросы качественно-количественной оценки компетенции и мониторинга ее развития остаются дискуссионными. На основе факторного анализа письменных метаязыковых описаний терминологической компетенции, составленных медицинскими специалистами – провизорами (n=28), выявлена структура терминологической компетенции в сфере фармации. Полученная факторная структура отражает взаимодействие 7 метаязыковых дескрипторов и включает 4 основных компонента: научный, жанрово-дискурсивный, дефинитивный, нормативно-профессиональный.

Ключевые слова: терминологическая компетенция, метакогнитивная деятельность, факторный анализ, метаязыковые дескрипторы, когнитивное терминоведение.

Метакогнитивная деятельность опирается на рефлекслируемые и знаково-опосредованные формы сознания, репрезентирующие объективную действительность в научных конструктах и терминах. Изучение терминологии и в целом метаязыка как основы для построения научной картины мира и терминологической рефлексии является актуальной задачей современного когнитивно-дискурсивного терминоведения, поскольку терминологическая рефлексия ученых как один из способов интерпретации является "частью ментального познания мира (т.е. освоения знаний о мире), имеющего отношение к вторичной концептуализации и вторичной категоризации» [Болдырев 2019: 257].

Одной из базовых категорий когнитивно-дискурсивного терминоведения является терминологическая компетенция, процесс изучения которой в последнее время приобрел полипарадигмальный характер [Алексеева, Мишланова 2019]. Терминологическая компетенция понимается нами как интегральная характеристика профессиональной языковой личности, отражающая ее способность использовать терминологические знания, осуществлять трансфер знаний, участвовать в формировании новых терминологических форматов знаний, вести эффективную металингвистическую деятельность в сфере профессиональной коммуникации.

В данной работе предпринимается попытка выявления основных когнитивных компонентов, лежащих в основе терминологической компетенции специалистов – провизоров. В литературе уже представлены некоторые дескрипторы

этой компетенции, в частности, «знание способов и принципов построения современных наименований ЛС, умение ориентироваться в этом динамично развивающемся и постоянно обновляющемся терминологическом массиве» [Лазарева 2018:114]. Тем не менее, поскольку вопросы качественной и количественной оценки структуры компетенции и мониторинга ее развития остаются во многом дискуссионными, нами был проведен анализ текстов развернутых письменных описаний (n=28) терминологической компетенции в сфере профессиональной коммуникации, составленных специалистами – провизорами в 2021–2022 гг.

Содержание полученных описаний во многом отражает параметры терминологической компетенции, обозначенные В.Ф. Новодрановой: наличие системных знаний фонетики и грамматики, используемых в терминологии, наличие умений в области терминологического словообразования, владение навыками построения и наименования диагнозов, знания «способов формирования наименований лекарственных средств и оформления рецептов» [Новодранова 2018:53]. Респонденты также указывают на важность понимания принципов терминологической номинации лекарственных средств. На основании метаязыковых описаний можно сделать вывод о понимании компетенции как способности, предполагающей принципиально разную объективацию различных типов знаний (научный, профессиональный, производственный) по сложности, по уровню абстрактности, по степени новизны и формализации в зависимости от типа коммуникации (общение с клиентом аптечной сети, специалистом-провизором, врачом-фармакологом, представителем фармацевтической компании и т.д.).

В ходе когнитивного анализа текстов метаязыковых описаний было выявлено семь наиболее частотных дескрипторов:

1. Понимание терминологического значения;
2. Нормативное использование терминологии;
3. Эффективное объяснение терминов специалистам разного уровня;
4. Эффективное объяснение терминов клиентам и пациентам;
5. Эффективное использование терминов в научной дискуссии;
6. Правильное использование терминологических определений;
7. Эффективное использование терминов в устной и письменной речи.

С помощью пакета статистических программ «MINITAB 19» для Windows был проведен анализ распределения когнитивных дескрипторов в текстах методом главных компонент с Varimax вращением. Факторный анализ позволил получить размер факторной нагрузки каждого метаязыкового дескриптора, вошедшего в фактор, и процент описываемой дисперсии. Результаты факторного анализа (77,6% дисперсии) представлены в таблице 1.

Результаты факторного анализа показывают очень высокую степень определенности метаязыковых описаний специалистов – провизоров терминологической компетенции в сфере профессиональной коммуникации. Эмпирические метаязыковые дескрипторы свидетельствуют о конкретном наполнении факторной структуры металингвистической деятельности, позволяя дать условное название каждому фактору: научный, жанрово-дискурсивный, дефинитивный и нормативно-профессиональный. Научный фактор в структуре терминологической компетенции оказался закономерно самым значимым, учет жанрово-

стилистической дифференциации дискурса стал вторым. Фактор, отражающий необходимость умения создавать правильные дефиниции и адекватно использовать терминологические определения, оказался на третьем по своей факторной нагрузке месте. Требование соблюдения профессиональных норм во всех коммуникативных ситуациях, предполагающих трансфер знаний, замыкает список основных факторов.

Таблица 1. Результаты факторного анализа когнитивных дескрипторов описания терминологической компетенции в сфере профессиональной коммуникации

1-й фактор (22,5%)	2-й фактор (19,9%)	3-й фактор (17,9%)	4-й фактор (17,3%)
Научный	Жанрово-дискурсивный	Дефинитивный	Нормативно-профессиональный
Понимание терминологического значения (0.528) - эффективное объяснение терминов специалистам (0.697) - эффективное использование терминов в научной дискуссии (0.855)	Понимание терминологического значения (0.692) - эффективное использование терминов в устной и письменной речи (0.867)	Эффективное объяснение терминов клиентам, пациентам (0.539) - правильное использование терминологических определений (0.898)	Нормативное использование терминологии (0.915) - эффективное объяснение терминов клиентам, пациентам (0.588)

Следует отметить, что полученные эмпирические данные вполне согласуются с теоретической моделью терминологической компетенции, разработанной в научной школе Л.М. Алексеевой и С.Л. Мишлановой [Алексеева, Мишланова, Бурдина 2016]. Этот факт косвенно подтверждает вывод, что когнитивный полипарадигмальный подход «с одной стороны, продолжает традиции терминологических исследований, а с другой – открывает новые возможности изучения когнитивных процессов» [Алексеева, Мишланова 2019: 386].

Литература

Алексеева Л.М., Мишланова С.Л., Бурдина О.Б. Терминологическая компетенция как основа знания, познания и профессиональной коммуникации // Методические и лингвистические аспекты греко-латинской медицинской терминологии. СПб.: Первый Санкт-Петербургский государственный медицинский университет им. академика И.П. Павлова, 2016. С. 7-12.

Алексеева Л.М., Мишланова С.Л. Когнитивно-дискурсивные аспекты терминологической компетенции // Когнитивные исследования языка. 2019. № 37. С. 383-387.

Болдырев Н.Н. Язык и система знаний. Когнитивная теория языка. 2-е изд. М.: Издательский Дом ЯСК, 2019.

Лазарева М.Н. К вопросу о способах формирования терминологической компетенции будущих специалистов-провизоров // Язык медицины: Межвузовский сборник научных трудов. Самара: Криптен-Волга, 2018. С. 114-119.

Новодранова В.Ф. Содержательные параметры профессионально-терминологической компетенции // Медицинское образование и ВУЗовская наука. 2018. № 3-4(13-14). С. 51-54.

*N.P. Glinskaya (Moscow, Russia)
Lomonosov Moscow State University*

TERMINOLOGICAL COMPETENCE IN PROFESSIONAL COMMUNICATION: FACTORS AND DESCRIPTORS

The article discusses terminological competence in professional communication as one of the main categories for the study of cognitive terminology. Qualitative and quantitative assessment of the structure of competence and monitoring of its development must be studied further. A factor analysis of written metalinguistic descriptions of terminological competence compiled by pharmacy specialists (n=28) has revealed the structure of the competence under investigation. The resulting factor structure underlies the interaction of 7 metalinguistic descriptors and includes 4 components: scientific, discursive, definitive, and professional.

Key words: terminological competence, metacognitive activity, factor analysis, metalinguistic descriptors, cognitive terminology study.

*Е.И. Голованова (Челябинск, Россия)
Челябинский государственный университет
terminolog2011@rambler.ru*

ВОЕННАЯ ЛЕКСИКА И ЛЕКСИКА ВОЙНЫ В СОВРЕМЕННОМ МЕДИЙНОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Рассматриваются особенности функционирования в современных медийных текстах специальной лексики, характерной для профессиональной коммуникации военнослужащих, а также лексики, связанной с формированием положительного или негативного образа противоборствующих сторон в связи проведением специальной военной операции.

Ключевые слова: современное медийное пространство, военная лексика, коммуникация, термин, профессионализм, специальное знание, оценка.

С началом специальной военной операции на Украине в центре медийного пространства оказалась тема войны и всего, что с ней связано. Информационные сообщения с мест ведения боевых действий, репортажи военных корреспондентов, интервью с очевидцами в той или иной мере включают специальную **военную лексику** – названия родов войск, видов вооружения, чинов и званий военнослужащих, а также наименования технико-тактических действий вооруженных сил и многое другое.

При этом наряду с общеизвестными или доступными для понимания – в силу прозрачной структуры – военными обозначениями типа *обстрел, воронка, контрудар, радиоперехват, блиндаж, оперативное окружение, линия обороны, противопехотная мина, штурмовые группы, ствольная артиллерия, самолето-вылеты, бомбы с лазерным наведением, боестолкновения, разведка боем* используются узкоспециальные термины типа *рокадная тропа, барражирующий боеприпас, транспондеры, боевое слаживание, минометный расчет*.

В медийное пространство активно проникают единицы устной профессиональной речи военных – профессионализмы и профессиональные жаргонизмы:

пятисотка (о фугасной бомбе), *восьмидесятка* (о танке Т-80), *опорник* (опорный пункт), *высокоточка* (высокоточное вооружение), *разгрузка* (разгрузочный жилет), *ленточка*, *лента* (линия боевого соприкосновения [см. Голованова 2023]), *броник* (бронезилет), *вертушка* (вертолет), *сбросники* (беспилотные летательные аппараты с боеприпасами), *перемальвать* (о живой силе и вооружении противника), *на передке* (на передовой), *укрепа* (укрепрайон противника), *теплак* (тепловизор) и т.п.

Наиболее значимые и актуальные средства ведения военных действий получают в медийном пространстве множественные обозначения. Так произошло со словом *беспилотник*: называемый им предмет осознается как значимая часть современной войны, своеобразный «летающий бинокль». В текстах представлен ряд синонимических наименований: *коптер*, *дрон*, *БПЛА* (*беспилотный летательный аппарат*), «птичка». Используются и производные термины: *противодронное ружье*, *беспилотная авиация*.

Страницы электронных и печатных изданий, речь репортеров и телеведущих заполнили устойчивые обороты, возникшие и функционирующие в профессиональной среде военнослужащих: *выбить боевиков из здания*, *развить успех*, *дать новую вводную*, *прикрыть фланги*, *выстроить оборону*, *вести бой с колес*, *действовать на предельных дальностях*, *в полном обвесе*, *обход по позициям*, *прямой наводкой*, *до победного* и др.

Обращает на себя внимание обилие в медийных текстах на военные темы сложносокращенных слов: *разведпризнак*, *разведгруппа*, *артподготовка*, *комвзвода*, в том числе аббревиатур: *ДРГ* – диверсионно-разведывательная группа, *РЭБ* – радиоэлектронная борьба, *ПВО* – противовоздушная оборона, *ЧВК* – частная военная компания, *ЛБС* – линия боевого соприкосновения, *ТВД* – театр военных действий, *РЛС* – радиолокационная станция, *ПЗРК* – переносной зенитный ракетный комплекс и т.п.

Широко представлена в СМИ и такая характерная особенность языка военных, как метафорическая номинация. Целый ряд специальных понятий из военной сферы получил образное осмысление: *ударный кулак*, *огневой мешок*, *котел*, *дрон-камикадзе*, *снарядный голод*, *бить по хвостам*, *атака захлебнулась*, *минные «хвостовики»*, *тактика выжженной земли*, *мясорубка*, *беспокоящий огонь*. Большой интерес представляют и другие обозначения в медийных текстах, связанные со специальной военной операцией. Так, например, военнослужащие в составе ЧВК «Вагнер» именуется журналистами не только как *вагнеровцы*, но и с помощью ассоциативных номинаций *оркестранты*, *музыканты*. Обозначения *зверинец*, *зоопарк* применительно к военной технике, поставляемой украинским вооруженным силам из-за рубежа, употребляется в медиатекстах под влиянием названий немецких танков «Леопард» (ср. с ранее известными «Тигр» и «Пантера»), бронетранспортера «Пума», британского танка «Кобра» и др. На контрасте с подобными названиями обращает на себя внимание обилие «цветочных» наименований российских средств вооружения и техники: ударные БПЛА «Герань», самоходные артиллерийские установки «Акация», «Пион» и «Гиацинт», противотанковый ракетный комплекс «Хризантема», самоходный миномет «Тюльпан», самоходные артиллерийские орудия «Гвоздика», «Хоста», гаубица «Фиалка», миномет «Астра» и т.д. [*«Хризантемы»... URL*]

Не менее значимой в современных СМИ является лексика **войны**, к которой мы относим прежде всего обозначения, формирующие в сознании читателей и слушателей образ врага (подробнее об этом: [Голованова 2023]). Для обозначения противника российских вооруженных сил используется длинный синонимический ряд наименований с разной степенью негативной оценки: *укрофашисты*, *украонацисты*, *неонацисты*, *нацисты*, *националисты*, *бандеровцы* (*бандеры*), *укропы*, *укры*, *украинские вояки*, *боевики*, *чубы*, *чубатые* и др. Следует отметить, что в СМИ противоположной стороны также активно используются лексемы с негативной коннотацией: *орки*, *рашисты*, *оккупанты* и др.

При описании действий украинских вооруженных сил употребляются не только существительные, но и глаголы (*сточиться* – уменьшить свой ресурс, понести потери в технике и живой силе), прилагательные (*вражеский*, *бандеровский*). Украинские информационные каналы обозначаются словами *помойки*, *ботофермы*, а сама страна, утратившая свою независимость, именуется презрительно как *Зомбилэнд*, *укрорейх*, *салорейх*.

Поскольку противостояние, о котором идет речь, осуществляется в разных сферах и на разных направлениях, в том числе на информационном фронте, к лексике войны можно отнести сегодня слова *фейк*, *фейкومتство*, а также *антифейк*, *фактчекинг* (проверка факта), применительно к космическому пространству – обозначение *спутник-шпион*. Кроме того, военная тема связана с использованием условных буквенных обозначений, и прежде всего буквы *Z*. Известен факт, что ряд зарубежных фирм отказался от использования в качестве элемента своих брендов или рекламных текстов буквы *Z*, за которой в современном медийном пространстве прочно закрепилась ассоциация с российскими вооруженными силами и патриотическим движением в нашей стране в целом. По общему признанию, этот знак стал неофициальным символом специальной военной операции: его изображают на плакатах, открытках, значках, рисуют на машинах и балконах, размещают на зданиях, используют в оформлении различных мероприятий, направленных на поддержку ВС России. Во время одной из недавних передач на канале «Дождь» звонок в прямом эфире от патриотически настроенного слушателя был назван ведущим *Z-звонок*.

В заключение отметим, что современное медийное пространство невозможно представить без военной лексики и лексики войны. Указанные группы лексики во многом определяют содержание и характер медиапубликаций, что обусловлено как общей политической и экономической ситуацией в мире, так и цивилизационным (онтологическим) противостоянием между Западом и Россией.

Литература

Голованова Е.И. *Прилеты, ленточка, боевая работа*: концептуализация событий на новых российских территориях // Художественное произведение в современной культуре: творчество – исполнительство – гуманитарное знание: сборник статей и материалов. Челябинск: ЮУрГИИ им. П.И. Чайковского, 2023. С. 180-183.

Голованова Е.И. Образ врага в народных песнях о Великой Отечественной войне // Человек и язык в коммуникативном пространстве. 2016. Т. 7. № 7. С. 20-26.

«Хризантема», «Гиацинт», «Тюльпан»: броневойные «цветы» российских войск. URL: <https://ria.ru/20171119/1507456336.html> (дата обращения: 25.02.2023).

*E.I. Golovanova (Chelyabinsk, Russia)
Chelyabinsk State University*

MILITARY VOCABULARY AND VOCABULARY OF WAR IN THE MODERN MEDIA SPACE

The features of functioning in modern media texts of special vocabulary characteristic of professional communication of military personnel, as well as vocabulary associated with the formation of a positive or negative image of the warring parties in connection with a special military operation are considered.

Key words: modern media space, military vocabulary, communication, term, professionalism, special knowledge, evaluation.

*В.С. Григорьева (Тамбов, Россия)
Тамбовский государственный технический университет
grigoriewa@mail.ru*

К ВОПРОСУ О ТИПАХ ЗНАНИЙ В РЕЧЕВОМ ВЗАИМОДЕЙСТВИИ

Настоящая статья посвящена одной из актуальных проблем речевого взаимодействия, эффективность которого в немалой степени зависит от тех типов знаний, которыми обладают участники разговора. Знания, как часть любого речевого взаимодействия, включают помимо тематических, языковых, социокультурных, этнокультурных знаний, предполагаемые знания участников беседы о партнере по коммуникации, личностные знания. Предположения о знаниях партнера имеют решающее значение для проектирования диалогов, поскольку они определяют, какие речевые действия, высказывания и формулировки адресант может использовать для создания эффективного речевого вклада.

Ключевые слова: знание, диалогический дискурс, речевое взаимодействие, когнитивный механизм, адресант, адресат.

Возникновение и развитие новой лингвистической дисциплины - когнитивной лингвистики неизбежно повлияло на все отрасли языкознания, изменив как методы исследования, так и направление, принципы, специфику и содержание исследуемых тем. Не явилась исключением и одна из наиболее исследуемых областей – анализ дискурса, и, в частности, анализ диалогического дискурса. Если раньше в эпицентре разговорного анализа находились вопросы организации диалога, в частности, социальные нормы и конвенции, социальные роли и роли общающихся, состав участников коммуникации, степень знакомства собеседников, уровень формальности, ситуативный контекст, речевой акт, речевой шаг, организация смены речевых актов (см.: [Макаров 1995, 2003; Dijk 198; Franke 1990; Henne, Rehbock 2001; Kallmeyer, Schütze 1976; Motsch 1985. Wunderlich 1976]), то в последнее время приобретает актуальность изучение роли знаний в организации социального и речевого взаимодействия. Целью настоящей статьи является анализ типов знаний, необходимых участникам разговора для организации эффективного речевого взаимодействия. Отметим, однако, что в статье в силу ограниченности ее размера не предполагается рассмотрение

всех типов знаний, используемых в вербальном взаимодействии. Общеизвестно также, что принципы конституирования знаний в дискурсе специфичны для каждой конкретной области. Например, специфика школьного диалогического дискурса отличается от специфики юридического, медицинского и др. дискурсов. Обратимся к тем аспектам, которые в значительной степени не зависят от предметной области, т.е. к базовой интерактивной инфраструктуре конституирования знаний в разговоре. При когнитивном подходе знание понимается как «внутренняя», ментальная структура, соответствующая нашему повседневному пониманию, которую можно наблюдать и объяснить. «Когниция означает и сам познавательный процесс – процесс приобретения знаний, и результаты этого процесса – знания» [Болдырев 2019: 30].

Знания являются частью практически любого речевого взаимодействия как предпосылка, как тематический объект и как продукт общения друг с другом. Все виды навыков, которые имеют отношение к конституции интерактивного действия, представлены в виде запасов знаний. При этом мы различаем языковое знание, энциклопедическое знание мира, процедурное знание о выполнении действий и взаимодействий, биографические знания, знания о собеседниках и экспертные знания, приобретенные в результате формального обучения и практического опыта (см. подробнее: [Григорьева 2012, 2019]). Знание является предпосылкой для восприятия, понимания, категоризации, объяснения и предвосхищения действий и событий, а также их планирования. Знание может быть как осознанным, так и интуитивным. Следует отметить, что наша сознательная концептуализация знаний, не всегда согласуется с фактически используемой совокупностью знаний (см. об этом, например, [Labov 1971]). Отметим, что «знание» используется нами не как обыденный термин, отличающийся от «веры» или «мнения» интерсубъективным характером, а как знание концептуальное, в то же время не обязательно лингвистически структурированное. Знания неизбежно связаны с памятью: только то, что хранится в долговременной памяти, может быть использовано в качестве ситуационно-трансцендентной основы знаний для будущих событий, служить действию.

Анализ речевого общения включает также вопросы о том, как участники беседы обозначают себя, какие знания они приписывают друг другу, как они делятся знаниями в беседе, и какое значение имеет для них освоение знаний. Для организации взаимодействия особое значение имеет важность знаний, которыми участники диалога делятся с партнерами по взаимодействию.

Процессы формирования знаний участников взаимодействия обычно не могут быть точно определены и проконтролированы исследователем. Кроме того, сравнительное исследование относительной релевантности различных областей знания для интерактивного поведения затруднено, поскольку социальная практика не стандартизирована и, следовательно, при сравнении разных интерактивных действий всегда много разных аспектов происходящего и предпосылок для участия в разговоре. При когнитивном подходе важно выявление структур знания, которые должны иметь пользователи языка, чтобы иметь возможность производить и понимать высказывания, а также учет предположений адресанта и адресата о знаниях своих партнеров по взаимодействию. Они являются основой для понимания речевых действий и формулирования высказываний в диалоге. Ожидания партнера

имеют также решающее значение для интерактивного сотрудничества. Знание о партнере по взаимодействию основано на моделировании собственного поведения и переносе его по аналогии на партнера по диалогу.

С когнитивной точки зрения представляет интерес то, как обрабатываются высказывания в уме и приводят к созданию или пересмотру баз знаний. Учитывая то, что знание является конструктором участника, целесообразно рассмотреть его эффективность во взаимодействии, исходя из того, как участники определенного взаимодействия ориентируются на релевантность запасов знаний в своих действиях. Знание в этом смысле является ресурсом организации взаимодействия, в отличие от менталистского взгляда, согласно которому оно является предпосылкой и результатом интерактивного действия (см.: [Derpeltmann 2012]).

Предположения о знаниях партнера имеют решающее значение для проектирования диалогов, поскольку они определяют, какие речевые действия, высказывания и формулировки адресант может использовать для создания эффективного речевого вклада, достаточно понятного, с одной стороны, но не слишком избыточного с точки зрения имеющихся знаний партнера. Этим двум задачам служит так называемый дизайн получателя и не эпистемические аспекты конституирования отношений собеседников (например, социальный статус, дистанция в разговоре, предполагаемые интересы, цели, самочувствие партнера). Модель такого речевого взаимодействия является метакогнитивной, она включает предположения о том, какими знаниями обладает адресат. Важнейшая часть коммуникации - предположения о точках соприкосновения, т. е. о знании, которое адресат разделяет с говорящим и, таким образом, является предполагаемой отправной точкой для производства речевых действий.

Рассмотрим в качестве примера одну из наиболее развитых бытовых форм передачи знаний - рассказывание историй. Коммуникативный жанр повествования включает в себя множество поджанров. Наиболее важными являются автобиографические рассказы, в которых рассказчик представляет периоды своей жизни, обычно в отношении конкретной темы; итеративные нарративы содержащие не единичное событие, а повторяющийся процесс [Schwitalla 1991]; маленькие истории, представляющие собой небольшие повествовательные эпизоды, которые функционально интегрированы в повседневное взаимодействие и часто привязаны к определенной совокупности отношений (например, среди друзей) и местам (например, университету). Они предназначены для обмена ежедневными новостями. Например:

«Alles schon vorbereitet, Lilly?» fragte ich.

Sie nickte. «Die Aussteuer hatte ich ja schon lange».

«Wunderbare Aussteuer», sagte Rosa. «Fehlt aber auch nicht ein Spitzendeckchen».

«Wozu braucht man denn Spitzendeckchen?» fragte ich.

«Na hör mal, Robby!» Rosa sah mich so vorwurfsvoll an, dass ich rasch erklärte, ich wüsste es schon. Spitzendecken – gehäkelte Möbelschoner, natürlich, sie waren das Symbol kleinbürgerlicher Behaglichkeit, das geheiligte Symbol der Ehe, des verlorenen Paradies. Sie waren ja alle keine Huren aus Temperament; sie waren Gescheiterte der bürgerlichen Existenz. Ihre geheime Sehnsucht war das Ehebett; nicht das Laster. Aber das hätten sie nie eingestanden» [Remarque 2005: 41].

В приведенном отрывке из романа Э.М. Ремарка «Drei Kameraden» Роза сообщает Робби о замужестве Лилли. На его вопрос о том, зачем нужны кружевные занавески в качестве приданого, Роза с помощью укоризненного взгляда активизирует знания Роберта, так что он сам сообщает ей об их предназначении. В описательных дискурсивных практиках задействованы объяснения, обоснования, ритуально-корректирующие, жестовые, мимические действия, репрезентируемые специфическими вербальными формами. Значительная роль при этом в самых разных жанрах передачи знаний отводится процессам иллюстрации, таким как метафора, сравнение, примеры и физические действия, а также другим когнитивным механизмам.

Нарративы, таким образом, являются центральными составляющими повседневного эмпирического знания и его социализации в процессах формирования сообщества, в которых конституирование знания сопровождается атрибуциями идентичности и оценками.

Литература

Болдырев Н.Н. Язык и система знаний. Когнитивная теория языка. 2-е изд. М.: Издательский Дом ЯСК, 2019.

Григорьева В.С. Речевое общение в аспекте взаимодействия когнитивных и языковых структур // Когнитивные исследования языка. 2012. Вып. XII. С. 82-92.

Григорьева В.С. Интегративность формата речевого взаимодействия в диалогическом дискурсе (на примере бытовых дискурсивных жанров): дис. ... д-ра филол. наук. Тамбов, 2018.

Макаров М.Л. Анализ дискурса в малой группе: учебное пособие. Тверь: Изд-во Твер. гос. ун-та, 1995.

Макаров М.Л. Основы теории дискурса. М.: Гнозис, 2003.

Deppermann A. How does 'cognition' matter to the analysis of talk-in-interaction? // Language Sciences 2012. № 34(6). P. 746-767.

Dijk T.A. van. Studies in the Pragmatics of Discourse. The Hague: Mouton, 1981.

Franke W. Elementare Dialogstrukturen: Darstellung, Analyse, Diskussion. Tübingen: Niemeyer, 1990.

Henne H., Rehbock H. Einführung in die Gesprächsanalyse. 4., durchg. und erw. Aufl. Berlin; New York: de Gruyter GmbH & Co. KG, 2001.

Kallmeyer W., Schütze F. Konversationsanalyse // Studium Linguistik. 1976. №1. S. 1-26.

Labov W. Some principles of linguistic methodology // Language in Society. 1971. №1(1), P. 97-120.

Motsch W. Sprechaktanalyse: Versuch einer kritischen Wertung // Deutsch als Fremdsprache. 1985. Jg. 22. №1. S.1-8.

Remarque E. Drei Kameraden. Moskau: Jupiter-Inter, 2005.

Wunderlich D. Studien zur Sprechakttheorie. Frankfurt a. M., 1976.

V.S. Grigorieva (Tambov, Russia)
Tambov State Technical University

KNOWLEDGE TYPES IN SPEECH INTERACTION

The paper focuses on an urgent problem of speech interaction. Its effectiveness largely depends on the types of knowledge possessed by the communicators. Knowledge, as part of any speech interaction, includes not only thematic, linguistic, sociocultural and ethnocultural

knowledge but also the assumed knowledge of the communicators about the interlocutor and personal knowledge. Assumptions about the partner's knowledge are critical to dialogue design because they determine the speech actions, utterances, and formulations the speaker can use to create an effective speech contribution.

Key words: knowledge, dialogical discourse, speech interaction, cognitive mechanism, addresser, addressee.

*Е.В. Дмитриенко (Новосибирск, Россия)
Новосибирский государственный технический университет
lizadmtr99@mail.ru*

КОГНИТИВНЫЙ АСПЕКТ МЕЖЪЯЗЫКОВОЙ ДЕВИАЦИИ

В данной статье рассматривается понятие межъязыковых комбинаторных девиантов как части когнитивного процесса при изучении иностранных языков на примере студенческих устных выступлений по теме «рекламная кампания».

Ключевые слова: межъязыковая девиация, девиант, межъязыковая интерференция, когнитивный аспект, межъязычие, комбинаторный девиант.

В лингвистике часто можно столкнуться с таким понятием, как межъязыковая интерференция, которую У. Вайнрайх – основатель контактной лингвистики – характеризует как «случаи отклонения от норм любого из языков, которые происходят в речи билингвов в результате того, что они знают больше языков, чем один, то есть вследствие языкового контакта» [Вайнрайх 1979: 6].

Как подмечает известный лингвист В.А. Виноградов, две взаимодействующие языковые системы обычно представлены родным (или неродным) языком и изученным ранее иностранным языком. Одна из представленных систем будет являться первичной по отношению к другой, изучаемой позднее. Ученый делает вывод, что родной язык может вызвать интерференцию, только если он имеет большую степень владения и функционально доминирует [Виноградов 1976: 62]. Согласно У. Вайнрайху, двуязычный индивид является источником языкового контакта, следовательно, интерференция порождается в его речи [Вайнрайх 1979: 127].

В ходе этого процесса билингвы также могут столкнуться с появлением отклонений от норм в речи, или же межъязыковой девиацией. Она может проследиваться в ходе когнитивного процесса, который реализуется в системе межъязычия как некий результат непреднамеренного игнорирования системных и коммуникативных свойств единиц всех уровней второй языковой системы [Дебрэнн 2006: 35].

В качестве результата когнитивного процесса выступает девиант, вербализующийся в речи билингва. Девианты могут подвергаться внешнему наблюдению и впоследствии анализу. Важно отметить, что систематизация девиаций складывается, главным образом, опираясь на данные системных наблюдений и последующую аналитическую работу. В классификацию девиантов можно включить следующие понятия: запланированные отклонения от нормы (авторские неологизмы, каламбуры, речевую игру) и незапланированные отклонения

от нормы. Последнее можно подразделить на случаи, когда билингв знаком с нормой языка (оговорки, описки) и собственно речевые ошибки, когда нормы языка неизвестны (ошибки).

Межъязычие (*interlanguage*) при этом представляет собой «почти язык» или же третью языковую систему, которая образуется у человека, изучающего иностранный язык, как переходная – от первого языка ко второму. Используя межъязычие, человек способен воссоздавать еще неизученные паттерны или конструкции, заполняя пробелы знаниями из первого языка. Такой процесс кажется естественным, однако, он довольно часто реализуется отлично от предсказанных благодаря анализу словарей или грамматики результатов.

Огромное количество когнитивных, психолингвистических, социолингвистических, лингводидактических исследований, ориентированных на раскрытие различных аспектов такой предметной области, как системные девиации межъязычия, имеют, как правило, частный характер [Дебрэнн 2006: 20]. Изучение становления новой языковой личности, формирования систем когнитивных тактик и новых когнитивных структур, не присущих первичному языковому сознанию индивида, невозможно без исследования объемного эмпирического девиантного материала – ошибочных высказываний и их компонентов (девиантов), возникающих в ходе овладения иностранным языком у большинства респондентов, и без составления на этой основе корпуса девиантов.

Девианты могут встречаться на любых языковых уровнях и затрагивать как парадигматические, так и синтагматические виды отношений между лексическими единицами. Данные термины были введены Ф. де Соссюром для различения двух видов означающих: один касается позиционирования (синтагматический), а другой касается замещения (парадигматический) [Соссюр 1999].

Синтагматические отношения – это тип сематических отношений между словами, которые встречаются в одном и том же предложении или тексте. Парадигматические отношения – это другой тип сематических отношений между словами, которые могут быть заменены другим словом в тех же категориях (синонимы, антонимы и др.).

Если рассматривать девиации, которые могут возникнуть в отношениях лексических единиц, то необходимо упомянуть коллокации, т.к. они являются их неотъемлемой частью. Лингвистический подход рассматривает коллокации как сательно лингвистических аспектов словосочетания, которые являются синтаксическими, семантическими, прагматическими и текстуальными. Коллокация может быть определена с точки зрения различных лингвистических уровней. На синтаксическом уровне это – последовательность синтаксически допустимых сочетаний слов [Cruse 2006: 27]. В то время как семантически словосочетание определяется как устойчивое выражение, имеющее одну семантическую единицу [Igaab, Abdulhasan 2018: 92]. Коллокации также имеют важный статус в изучении связности текста и, таким образом, определяются как один из важных компонентов, которые делают текст более последовательным благодаря семантической связи между его словами.

С момента зарождения корпусной лингвистики явления совместного употребления слов, особенно словосочетания, считались важной областью исследований. Психолингвисты считают, что «фраза» рассматривается как базовый уро-

вень языковой репрезентации, большинство языковых высказываний определяется коллокационными ограничениями. Тем не менее, различные эмпирические исследования показывают [Орлова 2018, Черноусова 2018 и др.], что изучающие второй язык склонны игнорировать данные паттерны и часто при переводе дословно воспроизводят коллокации родного языка. Следовательно, многие предложения звучат неестественно, даже если они совершенно «грамматически правильны». Подобного рода ошибки могут возникнуть как при переводе, так и в процессе изучения иностранного языка.

Проанализировать уровень знаний коллокаций изучающих второй язык представляется невозможным на данный момент, т.к. сочетания слов очень разнообразны как по лексическому составу, так и по функциям, и представляют собой весь словарный запас языка.

Для того, чтобы на примерах рассмотреть, как проявляется когнитивный аспект девиации, был проведен небольшой эксперимент, в ходе которого были использованы методы наблюдения и анализа с целью выявления комбинаторных девиантов в устной речи студентов на английском языке. В исследовании приняли участие 15 респондентов, студентов третьего курса направления обучения «Лингвистика», НГТУ. Перед проведением эксперимента со студентами велась работа по изучению описания графиков и таблиц, а также текстов по рекламным кампаниям. Затем каждому из студентов давались индивидуальные графики и таблицы для описания успешности рекламных кампаний и их влияния на продукт или бренд. Им давалась несколько минут на подготовку и анализ, а затем студенты делали устную презентацию для аудитории. После всех выступлений было проведено коллективное обсуждение результатов выступлений и анализ выявленных девиантов.

По результатам самыми частыми девиантами стали: отсутствие артиклей (*advertising campaign**, *on graph**, *on pie-chart**), неправильное использование формы глагола в зависимости от лица и числа (например, *it give* us*, *it have**), неправильно подобранные лексические единицы в коллокациях (например, *product stretching** вместо *brand stretching*, *lie over** вместо *lie behind*, *remained leveled** вместо *remained level*) и неправильно подобранные предлоги в коллокациях (например, *sales increased on** вместо *by*, *remained level on** вместо *at*). Полученные девианты можно отнести к комбинаторным т.к. они затрагивают как синтагматические, так и парадигматические связи в предложении.

В целом полученные в результате эксперимента примеры девиантов можно представить в следующем соотношении:

- отсутствие артиклей – 54%;
- неправильное использование формы глагола – 8%;
- неправильно подобранные лексические единицы – 28%;
- неправильно подобранные предлоги в коллокациях – 10%.

Как мы видим из примеров, появление всех полученных девиантов можно объяснить комбинацией или одним из следующих факторов:

1. владение английским языком у студентов еще не достигло высшего уровня, таким образом, они могли пользоваться подстановкой слов по аналогии с русским языком (*remained on*);

2. влияние фактора публичного выступления, что относит нас к следующему аспекту межъязыковых девиантов – психолингвистическому;

3. недостаточное знание лексики, что послужило появлению лексических девиантов (*product stretching*);

4. недостаточное количество практики, что привело к тому, что неправильные структуры превалировали над корректными, т.к. они еще не полностью закрепились в межъязычии.

Данная работа в дальнейшем может стать основной для исследований как в области лингвистики, так и педагогики, и позволит создать корпус комбинаторных девиантов, что в будущем сможет редуцировать их возникновение.

Литература

- Вайнрайх У.* Языковые контакты. Киев: издат. «Вища школа», 1979.
- Виноградов В.А.* Лингвистические аспекты обучения языку. К проблеме иноязычного акцента в фонетике. М.: Изд-во МГУ, 1976.
- Дебрени М.* Теоретические и прикладные аспекты межъязыковой девиатологии: дис. ... д-ра филол. наук. Новосибирск, 2006.
- Орлова Е.В.* К проблеме перевода английских коллокаций в ситуации учебного билингвизма // Теория и практика иностранного языка в высшей школе. 2018. №. 14. С. 278-283.
- Сосюр Ф.Д.* Курс общей лингвистики. Екатеринбург: Изд. Уральского Университета, 1999.
- Черноусова А.О.* Исследование письменного перевода коллокации с русского языка на английский с применением корпусов английского языка // Филология и культура. 2018. №. 2 (52). С. 134-139.
- Cruse D. A.* (2006). A Glossary of Semantics and Pragmatics. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2006.
- Igaab Z. K., Abdulhasan H.* Collocation in English and Arabic: a contrastive study // English Language and Literature Studies. 2018. Vol. 8. №. 4. p. 89-103.

*E.V. Dmitrienko (Novosibirsk, Russia)
Novosibirsk State Technical University*

COGNITIVE ASPECT OF INTERLINGUAL DEVIATION

This article discusses interlingual combinatorial deviants as part of the cognitive process in the study of foreign languages by examining student oral presentations on advertising campaigns.

Key words: interlingual deviation, deviant, interlingual interference, cognitive aspect, interlanguage, combinatorial deviant.

Т.Н. Ефименко (Тамбов, Россия)

*Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина
tefimenko@mail.ru*

ЯЗЫКОВЫЕ И КОГНИТИВНЫЕ МЕХАНИЗМЫ ОРГАНИЗАЦИИ КОНФЛИКТА В СМИ¹

Данная статья посвящена изучению языковых и когнитивных механизмов, служащих организации конфликта в англоязычных и русскоязычных медиатекстах. Доказывается, что такие когнитивные механизмы как концептуальное несоответствие, концептуальная метафора, концептуальная метонимия и спецификация усложняют понимание и интерпретацию смысла новостного сообщения и ведут к конфликтной коммуникации.

Ключевые слова: конфликтная коммуникация, когнитивные механизмы, медиатекст.

В современном мире средства массовой информации выходят за рамки одного лишь информирования аудитории, направляя вектор на реализацию дополнительных функций, таких как оказание влияния на восприятие информации, формирование коллективного и индивидуального знания, структурирование знания. Реализация данных функций происходит благодаря использованию определенных языковых и когнитивных механизмов. В качестве теоретико-методологической базы данного исследования выступают основные положения когнитивного подхода и теории языковой интерпретации.

В данной статье предполагается рассмотреть новостные англоязычные и русскоязычные тексты, размещенные в Интернет-пространстве и ориентированные на массовую аудиторию, то есть медийные тексты. Фокус исследования направлен на выявление когнитивных схем формирования смысла высказывания, а именно организации потенциально конфликтных ситуаций в медиатекстах. Учитывая результаты исследований по медиатексту в трудах отечественных и зарубежных ученых (Фэрклоу 1989; Фаулер 1991; Т. Ван Дейк 2000; Бэлл 1996; Солганик 2005; Добросклонская 2009; 2014; Дзялошинский 2019; и др.), медиатекст представляет собой «многогранный/многоуровневый феномен с определенной системой параметров, которые позволяют более точно описать медиатекст с точки зрения особенностей его производства, канала распространения и его языковую реализацию» [Ефименко 2023: 665-666].

С приходом когнитивно-дискурсивной парадигмы в языкознании идея о том, что языковые единицы формируют, вербализуют и интерпретируют индивидуальное и коллективное знание о мире получает новый виток развития. Как отмечает Н.Н. Болдырев, исследование различных языковых явлений «предполагает обращение к основным функциям языка: когнитивной, коммуникативной и интерпретирующей, см. подробнее: (Болдырев 2018, 2021). Когнитивная функция предусматривает выявление различных способов структурирования знаний, их сохранения и передачи языковыми средствами, в то время как коммуникативная направлена на изучение динамических аспектов языка в тесной связи с чело-

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 22-18-00067).

веком. Интерпретация сопряжена непосредственно с системой знаний, оценкой, ценностей, стереотипов [Болдырев 2021: 179].

Стоит отметить, что сами по себе языковые единицы ничего не формируют, смысл конструируется на основе знания, опредмеченного этими ЯЕ. Язык мышления следует отличать от языка как такового... он позволяет нам представить одну и ту же ситуацию разными, даже несовместимыми способами [Пинкер 2016: 13], то есть по-разному интерпретировать одну и ту же ситуацию в зависимости от того знания и опыта, которыми владеет человек. Слова не просто относятся к явлениям жизни и хранятся в мозгу людей, они вплетены в причинно-следственную ткань самого мира [Пинкер 2016:18]. С позиции когнитивного подхода это объясняется тем, что в результате использования определенных языковых единиц, репрезентирующих конкретное знание происходит активизация определенных структур знания и формирование образа, оценки события. При этом степень адекватности восприятия новой информации, интерпретации нового знания будет опираться на уже имеющиеся у коммуникантов знания и опыт взаимодействия с объектами окружающего мира и происходящими событиями. В случае, если содержание и структура знания у коммуникантов не совпадает (или зона пересечения их концептуальных областей слишком мала), восприятие информации будет крайне сложным, что может послужить причиной зарождения или эскалации конфликта понимания и интерпретации.

В рамках когнитивного подхода конфликт представляет собой «конфликт знаний и опыта, в том числе языкового, в плане степени совпадения их объемов и способов их структурирования у разных коммуникантов, а также механизмов формирования и понимания смыслов» [Болдырев 2022: 26]. Такими механизмами выступают способы вторичной интерпретации и репрезентации исходного концептуального содержания..., исходного вербализованного знания см. подробнее: [Болдырев 2018: 189], а именно: когнитивный диссонанс (концептуальное несовпадение), спецификация, концептуальная метафора, концептуальная метонимия.

Рассмотрим подробнее примеры использования концептуального несовпадения. Из заголовка газеты *The New York Times – We're covering evacuations of foreign officials from Sudan and Memorial Day in a polarized Israel* можно предположить, что речь пойдет об эвакуации иностранных чиновников из Судана и о каких-то особенностях празднования Дня памяти погибших воинов. Когнитивный диссонанс наблюдается в самом заголовке: во-первых, сочетание тем двух статей выпуска *-evacuations of foreign officials from Sudan and Memorial Day in a polarized Israel* уже вводит читателя в заблуждение; во-вторых, из первой части заголовка можно предположить, что статья посвящена эвакуации иностранных чиновников - *foreign officials* из Судана. Однако в самой статье используются языковые единицы *exodus of foreign officials, diplomats and citizens of other nations* [The New York Times, April, 20, 2023], которые служат когнитивным механизмом спецификации знания, транслируемого в статье. С одной стороны, спецификация служит уточнению смысла, но в данном случае, полагаем, что данный когнитивный механизм вводит читателя в заблуждение и ведет к неадекватному пониманию смысла статьи.

Вторая часть новостного сообщения посвящена празднованию Дня памяти погибшим воинам в Израиле, а именно в разобщенном Израиле. Однако в заголовке

не указывается причина разделения, что ведет к непониманию и неэффективной коммуникации. В тексте статьи посредством конкретизации формируется образ самой ситуации и ее оценка – *Israel is deeply divided... by protests and political chaos*.

Концептуальное несоответствие наблюдается и в русскоязычных медиатекстах: 1) *Во Франции забили тревогу из-за появления «второй Украины»* [РИА Новости, февраль, 23, 2023]. Учитывая сложную обстановку в данной стране, сложно понять, что именно имел в виду автор. Однако в тексте статьи посредством спецификации конструируется смысл о том, что речь идет об «увеличении числа солдат США на Тайване». 2) *Польша нанесла удар по Зеленскому* (там же). В тексте статьи посредством конкретизации формируется смысл о решении «властей Польши обязать украинских беженцев оплачивать половину расходов на проживание». Для усиления конфликтности используется и концептуальная метонимия – *Польша нанесла удар...*

Использование концептуальной метафоры в заголовке статьи – *Is there a solution to Britain`s bank holiday traffic nightmare?* – с одной стороны, служит конструированию негативной оценки ситуации с транспортом, а с другой стороны создает препятствие для понимания, поскольку непонятно, какова же реальная ситуация. В самой статье посредством спецификации уточняется знание о ситуации - *Every time, the warnings of miserable traffic escalation are the same* [The Evening Standard, April, 10, 2023].

Таким образом, проанализированный материал убедительно доказывает: 1) смысл, передаваемый языковыми единицами, формируется на основе когнитивных механизмов, таких как: концептуальное несоответствие, концептуальная метафора, концептуальная метонимия, спецификация; 2) подобные когнитивные механизмы усложняют понимание и интерпретацию смысла новостного сообщения в медиатексте, что ведет к эскалации конфликтности в коммуникации.

Литература

Болдырев Н.Н. Язык и система знаний. Когнитивная теория языка. М.: Издательский Дом ЯСК, 2018.

Болдырев Н.Н. Когнитивная семантика. Введение в когнитивную лингвистику: курс лекций. Изд. 5-е, испр.и доп. Тамбов: Издательский дом «Державинский», 2021.

Болдырев Н.Н. Бесконфликтная языковая коммуникация: программа исследования // Когнитивные исследования языка. 2022. Вып. №4 (51). С. 25-29.

Дзялошинский И.М. Современный медиатекст. Особенности создания и функционирования: уч.пособие для вузов / И.М. Дзялошинский, М.А. Пильгун. Москва, 2019.

Добросклонская Т.Г. Медиатекст как единица дискурса массовой информации // Актуальные процессы в различных типах дискурсов: политический, медийный, рекламный дискурсы и интернет-коммуникация: материалы международной конференции. М.: Ярославль, 2009. С. 137-143.

Ефименко Т.Н. Элиминирование конфликта в медиатексте: когнитивный аспект // Когнитивные исследования языка. 2023. Вып. №3 (54). С. 665-669.

Засурский Я.Н. Колонка редактора: медиатекст в контексте конвергенции // Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика. 2005. №2. С. 3-6.

Пинкер С. Субстанция мышления: Язык как окно в человеческую природу. М.: УРСС: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2016.

Солганик Г.Я. К определению понятий «текст» и «медиа́текст» // Вестник Московского университета. Серия Журналистика. 2005. Вып. 2. С. 7-15.

Тен А.ван Дейк Язык. Познание. Коммуникация. Б.: БГК им. И.А. Бодуэна де Куртенэ, 2000.

Bell A. Approaches to Media Discourse. London: Blackwell, 1996.

Dobrosklonskaya T. G. Media linguistics: theory and methods of studying language in the media // Media Linguistics. 2014. No. 2 (5). P. 7-15.

Fairclough N. Language and Power. London: Longman, 1989.

Fowler R. Language in the News: Discourse and Ideology in the Press. London: Routledge, 1991.

The Evening Standard. URL: <https://www.standard.co.uk/>

The New York Times. URL: <https://www.nytimes.com/>

*T.N. Efimenko (Tambov, Russia)
Derzhavin Tambov State University*

LANGUAGE AND COGNITIVE MECHANISMS OF CONFLICT ORGANIZATION IN MEDIA

The article scrutinizes language and cognitive mechanisms as the tool of conflict organizing in English and Russian mediatexts. The author arrives at the conclusion that such mechanisms as conceptual discrepancy, conceptual metaphor, conceptual metonymy and specification complicate understanding and interpretation of news meaning that brings to conflict communication.

Key words: conflict communication, cognitive mechanisms, media text.

*М.А. Занина (Челябинск, Россия)
Южно-Уральский Государственный Университет
m_zanina@mail.ru*

ЯЗЫК ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ КОММУНИКАЦИИ И ТЕРМИН- МЕТАФОРА

Специальное знание в языке профессиональной сферы выражается различными языковыми средствами, одним из которых является метафора, и в частности, термин-метафора. Термин является неотъемлемой единицей профессионального знания, а метафора, способствующая ассоциативным связям, даёт возможность объединять предметы из разных областей и делает общение в профессиональной среде более полным и понятным.

Ключевые слова: язык профессиональной коммуникации, метафора, термин-метафора, профессиональная языковая личность, профессиональное знание.

Специальная информация, полученная в ходе профессиональной и научной деятельности человека, внедряется в язык профессиональной коммуникации с помощью различных языковых средств. Язык профессиональной коммуникации представляет собой отдельную систему и отражает особенности восприятия че-

ловеком объектов, их связей, отношений и специфику в определённой профессиональной деятельности.

Множественность языков профессиональной коммуникации связано с разнообразием сфер профессиональной деятельности в обществе: экономика, самолётостроение, медицина, промышленность, политика, торговля и т.д. Но в данном случае – это не язык отдельной специальности, а именно профессиональный язык, представляющий комплекс языковых средств, обслуживающих определённую профессиональную область. А терминология является одним из средств познания и коммуникации в профессиональной сфере [Голованова 2004: 60].

Любая специализированная деятельность связана с профессиональным мышлением [Голованова 2011: 58]. Профессиональная сфера постоянно расширяется и видоизменяется и метафора выступает в роли ментального объединения предметов из разных сфер, что способствует появлению терминов-метафор.

Эвристическая функция метафоры даёт возможность фиксировать новые научные результаты и обозначать их в языке, если имеющиеся языковые средства не позволяют исследователю выразить то новое, что он открыл. Для обмена информации и на начальном этапе исследования объекта метафоризация даёт возможность представить и описать этот объект, то есть метафора является своеобразным «проводником» общения. Автор исследования может образно выразить свою мысль, подвергнув её когнитивной и чувственной оценке. Когнитивный потенциал метафоры в профессиональном знании заключается в том, что она даёт возможность сформулировать новое открытие или описать объект, и соответственно, понять новизну знания [Алексеева 1999: 25].

Так как язык профессиональной коммуникации – это обмен интеллектуальной информацией и средство общения, то отбор, обработка и презентация в речи профессиональной информации осуществляется с учётом фактора адресата. В данном случае общий набор определённых знаний и коммуникативных навыков в определённой области у говорящего и у слушающего должен быть равноценен.

Некоторые терминологические единицы являются авторским средством разного раскрытия объекта или понятия, а другие приобретают стабильный характер, и становятся новым термином. Например, метафоры-термины в области математики: *неубывающая функция* (англ. *nondecreasing function*), *обратный оператор* (англ. *backward operator*); в электротехнике: *semi-conductor* (с англ.: *полупроводник*), *the wire is alive / dead* (с англ.: *провод под током / провод отключен*, букв. *жив / мёртв*), в архитектуре: *агрессивные балконы*, *богатая лепнина*, *экспрессия здания*, в медицине: *водолюбивый сорбитол*, *мочевой канал*, *созревание фурункула* и т.п. Как видим, в разных профессиональных сферах деятельности функционируют метафоры, помогающие раскрыть сущность нового объекта на основании его сходства с другим, уже известным в другой области знания.

В терминах-метафорах заложен определённый «образ», например: *manual transmission* (с англ. букв. «ручная» трансмиссия, то есть механическая). Ассоциативный характер познавательного процесса – это прежние представления об уже известном объекте, и отсюда возникает изобразительность термина-метафоры, например: *nut – тех. гайка, муфта* (англ. *nut* обозначает также орех; гайка ассоциируется с орехом по форме и прочности), *jack* (с англ.: *домкрат*, ранее букв. *мальчик на побегушках*) [Алексеева 1998: 125].

В профессиональной области использования языка метафора помогает найти аналог между предметом, а также помогает осмыслить сложные объекты и явления, описывая их более красочно и вызывая определённые ассоциации. Но особенность понимания терминов-метафор лежит в области общения на родном языке и в одной профессиональной сфере. Если говорить об иностранном языке, то возникает проблема понимания при переводе метафор: их соответствие, эквивалентность и адекватность. Ведь «перевести – значит выразить верно и полностью средствами одного языка то, что уже выражено ранее средствами другого языка» [Фёдоров 1983: 10].

Студенты технических специальностей имеют определённые сложности с пониманием терминов-метафор при переводе текстов с английского языка на русский. Перевод текстов по гидравлике, ракетостроению, авиастроению, машиностроению и транспортному оборудованию показал, что многие термины-метафоры утратили свою новизну и уже не воспринимаются адресатом как метафорические словосочетания, так как они часто употребляются и в повседневной жизни. Например: *закалка охлаждением, механика жидкостей, воздушное судно, крыло самолёта, передняя бабка, маховое колесо, нос корабля*.

Иногда студент даёт перевод многосоставного термина отдельными словами, что даёт его неполное и неоднозначное толкование в определённом контексте. Так как термины имеют многозначность, то необходимо выбрать правильный вариант для данного контекста. Например: *adjustable seat-raising mechanism* (с англ. *механизм регулировки кресла по высоте*), *construction access road* (с англ. *подъездная дорога к месту строительных работ*).

Сложности, связанные с переводом и пониманием, показывают, что термины-метафоры определённой профессиональной области могут восприниматься только личностью с профессиональными знаниями и владеющими языком профессиональной коммуникации. Соответственно, восприятие формы речи и извлечение смысла требуют лингвистических знаний, а механизмы восприятия каждого человека индивидуальны. Также становление человека и его профессиональных качеств проходит в определённой культурной и социальной среде, что имеет значительное влияние на способы восприятия им окружающей действительности [Литвинов 2004: 284]. Термин-метафора усиливает ассоциации, исходя из основного образа предмета, поэтому возможны несовпадения лексико-семантического объёма значения слов.

В период обучения и совершенствования знаний в социальной среде, включаются механизмы для восприятия профессиональных языковых единиц. Поэтому «профессиональная языковая личность» играет ключевую роль при общении в профессиональной языковой среде и понимании профессионально-ориентированной терминологии.

Являясь продуктом речевой деятельности личности язык профессиональной коммуникации и его отдельные элементы определяются профессиональной деятельностью человека [Мишланова 2001: 15]. Деятельность в специальной сфере, способность к освоению мира и нескольких социальных ролей, формирование профессиональной картины мира в процессе обучения, даёт возможность свободного общения с представителями определённой профессиональной облас-

ти, и являются основными характеристиками профессиональной языковой личности [Алексеева 2002: 102].

Опираясь на вышесказанное, нужно отметить, что понимание, идентификация метафоры или термина-метафоры в языке профессиональной коммуникации тесно связаны с развитым воображением, творческим мышлением и личным опытом в профессиональной сфере.

Литература

Алексеева Л.М. Метафорическое терминопорождение и функции терминов в тексте: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 1999.

Алексеева, Л.М. Термин и метафора: семантическое обоснование метафоризации. Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 1998.

Алексеева Л.М., Мишланова С.Л. Медицинский дискурс: теоретические основы и принципы анализа. Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 2002.

Голованова Е.И. Категория профессионального деятеля: Формирование. Развитие. Статус в языке. Челябинск: Челяб. гос. ун-т, 2004. С. 60-61.

Голованова Е.Н. Введение в когнитивное терминоведение: учеб. пособие. М.: Флинта: Наука, 2011.

Головин Б.Н. Терминология // Березин Ф.М., Головин Б.Н. Общее языкознание. М.: Просвещение, 1979. С. 264.

Литвинов А.В. Научный дискурс в свете межкультурной коммуникации // Филология в системе современного университетского образования: материалы научной конференции. Вып. 7. М.: Изд-во УРАО, 2004. С. 283-289.

Мишланова С.Л. Профессиональная языковая личность как категория когнитивного терминоведения // Изменяющийся языковой мир: докл. Междунар. науч. конф. Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 2001. С.13-17.

Фёдоров А.В. Основы общей теории перевода. 4-е изд. М.: Высш. шк., 1983.

M.A. Zanina (Chelyabinsk, Russia)
South Ural State University

PROFESSIONAL LANGUAGE COMMUNICATION AND METAPHORIC TERMS

The specific knowledge in the professional language communication is expressed with the help of different linguistic tools, metaphors or metaphoric terms in particular. A term is an integral part of the professional knowledge, and a metaphor generates associations and joins the objects from different spheres making the professional communication more intelligible and complete.

Key words: professional language communication, metaphor, metaphoric term, professional language personality, professional knowledge.

Ю.Е. Кочнева, О.Д. Пастухова, Е.А. Титова (Челябинск, Россия)
Челябинский государственный университет
Julia_kochneva@list.ru, oksana-galaxy7@mail.ru, elena_vendina@list.ru

ВЕРБАЛЬНЫЕ СРЕДСТВА ВОЗДЕЙСТВИЯ НА АБИТУРИЕНТОВ СООБЩЕСТВА «ПОСТУПАЙ В ЧЕЛГУ»¹

Статья посвящена анализу вербальных средств воздействия на абитуриентов и их родителей сообщества «Поступай в ЧелГУ» в социальной сети ВКонтакте. Анализ более 300 постов показал, что наиболее частотными вербальными средствами оказались побудительные предложения и выразительная лексика.

Ключевые слова: ЧелГУ, абитуриент, интернет-коммуникация, вербальный, привлечение, вуз.

В отечественной и зарубежной дискурсологии практически нет исследований медиадискурса с точки зрения исследования и изучения особенностей репрезентации вуза в социальных сетях, каналах, позволяющих поддерживать постоянную двустороннюю связь участников коммуникации (абитуриент / родитель – вуз). Данное исследование направлено на изучение лексических средств воздействия сообщества абитуриентов «Поступай в ЧелГУ» в социальной сети ВКонтакте [URL], который является одним из важнейших источников информирования и привлечения абитуриентов и их родителей. Сообщество «Поступай в ЧелГУ», обладая информирующим и воздействующим потенциалом, оказывает значительное влияние на принятие решений пользователями, особенно на абитуриентов, которые стремятся поступить в лучший вуз.

Материалом исследования послужили интернет-посты 2022 года, представленные в группе для абитуриентов и их родителей «*Поступай в ЧелГУ*» в социальной сети ВКонтакте (всего было проанализировано более 300 постов). Методом сплошной выборки были отобраны статьи, направленные на привлечение внимания абитуриента и с помощью метода лингвистического анализа были исследованы и выявлены наиболее частотные лексические средства воздействия на абитуриентов и их родителей.

В современном мире интернет-коммуникация является основным типом общения и взаимодействия между абитуриентами с их родителями и вузами. Успешная коммуникация напрямую зависит от использования правильных лексических средств. Вербальные тексты, которые представлены в данном сообществе, имеют различную направленность – от сообщения или передачи информации до воздействия на адресата. Однако все они преследуют одну и ту же цель – привлечь внимание абитуриента и создать благоприятный образ университета в его глазах. Среди вербальных средств общения можно выделить акустическую форму, смысловую нагрузку и уровень выразительности [URL]. В нашем исследовании особый интерес вызвал уровень выразительности и смысловая нагрузка, которые могут быть представлены различными средствами, а именно – побуди-

¹ При финансовой поддержке Фонда перспективных научных исследований ФГБОУ ВО «ЧелГУ» 2023 г.

тельными предложениями, выразительной лексикой, тропами и фигурами речи.

Наиболее частотными вербальными средствами воздействия оказались побудительные предложения, в которых глаголы имеют императивную форму и стоят во множественном числе первого и второго лица, выразительная лексика (позитивно-окрашенные прилагательные), числительные.

Сообщество абитуриентов ЧелГУ – сообщество ВКонтакте, целью которого является привлечение абитуриентов, общение со школьниками, информирование их о предстоящих событиях в университете. Несомненно, лексические средства невероятны важны в создании привлекательного контента. Фраза «Поступай в ЧелГУ», которая присутствует в названии сообщества, имеет императивную форму, целью которой является привлечение внимания абитуриентов и призыв поступать в университет.

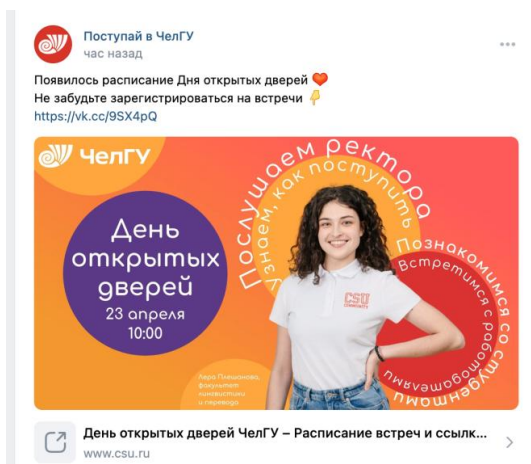

Рис. 1. День открытых дверей

Данный пост (см. рис. 1) посвящен информированию абитуриентов о предстоящем дне открытых дверей. Используются такие лексические единицы, как *послушаем, узнаем, познакомимся, встретимся*. Это глаголы во множественном числе первого лица, что заставляет школьников почувствовать себя частью университета, частью команды и, естественно, вызывает желание поступить в этот вуз в будущем.

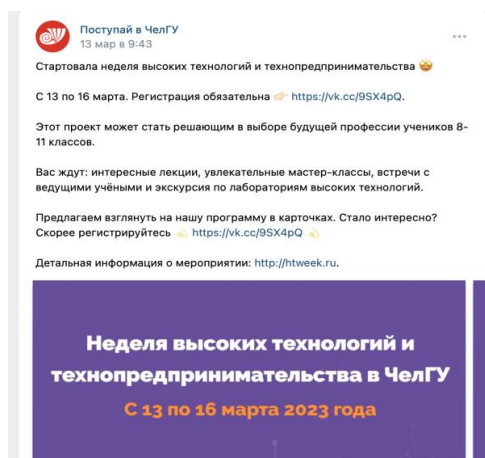

Рис. 2. Неделя высоких технологий и предпринимательства

В посте, который информирует абитуриентов о проведении «Недели высоких технологий и предпринимательства в ЧелГУ» (см. рис. 2) присутствуют такие лексические сочетания, как *решающим в выборе будущей профессии, интересные лекции, увлекательные мастер-классы, с ведущими учеными, лабораториям высоких технологий*. Использование большого количества прилагательных обусловлено необходимостью описания мероприятия. Такие прилагательные делают событие очень привлекательным для школьников, указывают на профессионализм организаторов и обещают знакомство с новыми, продвинутыми технологиями. Все прилагательные, которые используются для описания мероприятия, являются позитивно-окрашенными, что направлено на создание благоприятного восприятия у школьников и будущих абитуриентов.

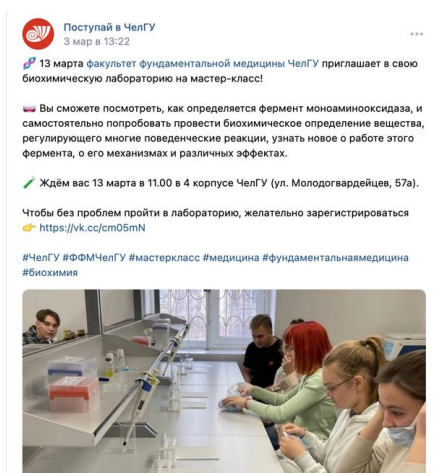

Рис. 3. 13 марта факультет фундаментальной медицины ЧелГУ приглашает в свою биохимическую лабораторию на мастер-класс!

Еще один пост (см. рис. 3) посвящен предстоящему мероприятию, которое проводится в ЧелГУ. Факультет фундаментальной медицины приглашает всех интересующихся в биохимическую лабораторию на мастер-класс. Глаголы, которые присутствуют в данном посте стоят в формах множественного числа второго лица (сможете), множественного числа первого лица (ждём) и в инфинитивной форме (посмотреть, провести, узнать). Глаголы в начальной форме имеют коннотацию приобретения нового знания, что подчеркивает образовательную ценность мероприятия и вызывают уверенность, что школьники смогут получить информацию, которая им пригодится в будущем.

Таким образом, сообщество абитуриентов «Поступай в ЧелГУ» посредством лексических средств информирует о предстоящих мероприятиях и приглашает школьников и абитуриентов к участию. Отмечается наличие числительных (дата, время, место проведения); глаголов, которые призывают к участию и указывают на приобретение новой полезной информации; эмоциональных прилагательных с положительной коннотацией, которые помогают создать позитивный образ мероприятий, проводимых университетом.

Литература

Сообщество абитуриентов «Поступай в ЧелГУ» Челябинского государственного университета. URL: https://vk.com/dod_csu (дата обращения: 07.04.2023).

Вербальные средства общения: правила и принципы эффективной коммуникации.
URL: <https://sales-generator.ru/blog/verbalnye-sredstva-obshcheniya/> (дата обращения: 07.04.2023).

*Y.E. Kochneva, O.D. Pastukhova, E.A. Titova (Chelyabinsk, Russia)
Chelyabinsk State University*

VERBAL MEANS OF INFLUENCE ON APPLICANTS USED BY THE INTERNET COMMUNITY "ENTER CSU"

The article analyses verbal means of influence on applicants and their parents used by the community "Enter CSU" in the social network VKontakte. The analysis of more than 300 posts showed that the most frequent verbal means were imperative sentences and expressive vocabulary.

Key words: CSU, applicant, Internet communication, verbal, attraction, university.

*Т.Н. Москвитина, И.Д. Баландина (Челябинск, Россия)
Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет
moskvitinatn@cspu.ru, irfrish@mail.ru*

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА ВОЗДЕЙСТВИЯ ПРИ ОПИСАНИИ КРИЗИСНЫХ СИТУАЦИЙ В СОВРЕМЕННОМ МЕДИЙНОМ ДИСКУРСЕ

В статье анализируется воздействующий потенциал медийного дискурса, роль СМИ в нагнетании ситуации вокруг пандемии и Covid-19. Авторы делают вывод, что, мастерски владея лингвистическими средствами и приемами (эпитет, метафора из различных сфер-источников, синонимические ряды), СМИ влияют на формирование общественного мнения, используя подачу информации как манипулятивный прием для управления ситуацией.

Ключевые слова: лингвистические средства воздействия, манипулирование, медиадискурс, кризис, COVID-19.

В настоящее время в условиях глобализации и прогресса в области информационных и коммуникационных технологий, средства массовой информации оказывают значительное влияние на формирование общественного мнения. Формирование общего настроения, консолидация общества вокруг одного мнения, персоны или стратегии поведения значительным образом зависят от способа подачи информации и того языкового оформления, в котором она предоставляется. Пропагандистская, воздействующая и манипулятивная функции медийного дискурса выходят на передний план во время переломных моментов в жизни общества, при возникновении кризисных ситуаций (особенно при принятии важных (и часто непопулярных) решений), во время войн и эпидемий, когда принятие решения или формирование общественного мнения стимулируются огромным потоком информации, появляющимся вокруг обывателя.

Целью нашего исследования послужил анализ основных приемов воздействия и нагнетания эмоционально-напряженной ситуации в текстах современных англоязычных СМИ, функционирующих на уровне логического построения тек-

ста, словообразовательном, лексическом и грамматическом уровнях. Практической базой исследования послужили публикации (интервью) из средств массовой информации за 2020 год, в той или иной мере касающиеся темы пандемии. Языковой материал был извлечен методом сплошной выборки из статей с официальных сайтов «Financial Times», «The Guardian», «GOV.UK», «United Nations» и ряда новостных порталов. Всего было проанализировано 130 статей, опубликованных в период с января по декабрь 2020 года.

Актуальность исследования обусловлена повышенным вниманием в данной теме со стороны СМИ за указанный период и по настоящее время, глобальностью самого события и его влиянием на жизнь людей. Кризисная ситуация природного происхождения, эпидемия Covid-19, имела долгосрочные последствия, вылившиеся в психологические, экономические и социальные кризисные ситуации. Именно поэтому создание правильного информационного поля вокруг события необходимо с целью оказания сильного эффекта на жизнь общества в целом. Психологический аспект, благодаря которому именно дискурс СМИ является основным инструментом воздействия на общество, основан на доверии, которое различные медийные организации сумели завоевать у своей аудитории на протяжении своего существования. Помимо психологических приемов воздействия на аудиторию (внушение, гипноз), использование различных лингвистических приемов позволяет достигать подчинения и попадания массового сознания под манипулятивное воздействие. По мере приближения к «знаковому» событию (к референдуму, дате выборов, к введению строгих карантинных мер) степень нагнетания ситуации растет в геометрической прогрессии, достигая пика накануне. Данный пик достигается не столько объемом информационного потока, сколько приемами лингвистического манипулирования, усиления эмоционального прессинга, реализующими прагматические установки и усиливающими эффект воздействия. В связи с этим становится очевидной актуальность исследования лингвистических особенностей воздействия, используемых современными СМИ.

Феномен речевого воздействия исследуется в рамках лингвистического, семиотического и психологического подходов, а термин «речевое воздействие» традиционно в широком и узком смыслах. В первом случае оно воспринимается как воздействие на индивидуальное или коллективное сознание, мышление и поведение, реализованное при помощи вербальных (реже невербальных) средств. Однако чаще всего данный термин употребляется в узком смысле как речевое общение в СМИ, ориентированное на конкретную аудиторию, с использованием различных лингвистических средств и техник речевого воздействия [Любимова А.А. 2006], [Asmaa Awad Ahmed 2015: 18].

Анализ средств воздействия на лексическом, синтаксическом и стилистическом уровнях языка в рамках исследования позволил прийти к следующим выводам:

Одним из средств привлечения внимания аудитории является словообразование и неологизация. При возрастании важности нового явления для аудитории значительно увеличивается поток новых слов с целью создания яркого образа в СМИ и привлечения внимания. В случае с COVID появилось значительное количество лексических единиц, связанных с новыми реалиями, транслирующими реципиенту страх, неуверенность в завтрашнем дне, опасность, стресс

(“covidiot”(someone ignoring public health advice), “Zoombombing” (the intrusion into a video conference)); “Zoombie” – someone incapacitated by too much screen time, or a malicious disruptor of a videoconference; “Blursday” – an undifferentiated day or date due to uncertainty after long confinement and isolation; “Masklessness” – wearing no face-covering, in US often as a gesture of defiance and/or disbelief in standard pandemic narratives and official advice).

Наиболее частотными средствами образования неологизмов стали: бленды, образованные при стяжении двух основ (44%):

Pandemicide (pandemic+suicide) серьезная ошибочная или намеренная стратегия управления, приведшая к увеличению числа погибших;

covideoparty (coronavirus +video+party) – онлайн встречи и вечеринки по Зуму или Скайпу;

covidiot (coronavirus + idiot) – человек, игнорирующий меры профилактики коронавируса;

covidpreneurs(coronavirus + entrepreneur) – бизнесмены, частные лица или компании, которые смогли увеличить выручку во время пандемии;

loxit (lockdown + exit) – процесс выхода с карантина;

quaranteams(quarantine + team) – группами команда людей, принимающие участие в онлайн мероприятиях, викторинах;

quarintini (quarantine + martini) – коктейль во время карантина;

quaranteens (quarantine + teens) – дети, которые станут подростками в 2033–2034 году;

сложносоставные слова (22%): *social distancing*, *self-isolation*, *self-quarantine* [Coronavirus news 2020];

аббревиатуры (15%): *BCV*, *BC* (before corona(virus)) – период до коронавируса; *nCoV* (novel coronavirus) – новый коронавирус; *PUI* (Person Under Investigation) – человек, находящийся под наблюдением; *PPE* (Personal Protection Equipment) – средства индивидуальной защиты; *WFH* (Working From Home) – работать дистанционно (на дому).

13% – фразеологизмы (*Armchair virologist*), незначительный процент неологизмов образован при помощи аффиксации (3%), оставшиеся 3% - это заимствования.

Иносказание с целью манипулирования – это мощный инструмент СМИ [Федоров А., Левицкая А. 2020: 199]. Например, во время первой волны эпидемии COVID-19, данную функцию взял на себя контекст, использующий медицинские (малопонятные большинству) термины и аббревиатуры (SARS, coronavirus, “nCoV” и “2019-nCoV”) в сочетании с цифрами и графиками стремительно ухудшающейся статистики заболевания и смертности, широкое использование лексем семантического поля «смерть» (die, deaths, suffocated,), «война» (casualties, common invisible enemy), «опасность» (red zone), для стимулирования нужных ассоциаций.

На лексико-семантическом уровне наиболее распространённый и эффективный способ интерпретации пандемии – это метафора (30%). Метафоры, связанные с природными явлениями или стихийными бедствиями, такими как “tsunami”, “wildfire”, “storm” и “wave”, сосредоточены на последствиях Covid-19 для систем здравоохранения и экономики: «Covid’s ‘viral tsunami’ floods Califor-

nia's hospitals», «UK entering second wave of coronavirus, Boris Johnson warns» [Coronavirus In Mass 2020].

СМИ активно использовали военную метафору. Больше всего примеров относится к фреймам «военные действия и вооружение», «погибшие» и «противник». Текущие события, связанные со вспышкой коронавируса, представлены в терминах вооруженного конфликта: стратегия, военное время, преследование, стрельба, давление или применение силы, жертвы.

Эмоциональное заряджение направлено на передачу адресату собственного эмоционального состояния или собственного восприятия деловой ситуации [Тилейхан 2020: 34]. На лексическом уровне достигается через частое использование использование эпитетов (24%): *enormous, challenging, day-to-day, essential, normal, selflessly, vulnerable, sparing, united, resolute*. В медиа дискурсе британских СМИ при освещении тем, связанных с коронавирусом, наблюдается тенденция к использованию стилистических приемов, таких как эпитеты, гипербола, сравнение, возрастающая и убывающая градация, повторение, и синтаксических средств выразительности, таких как параллельные конструкция, инверсия, обособление, парцелляция, чтобы объяснить сложную эпидемиологическую ситуацию, успокоить граждан страны и призвать их к единству, терпению и поддержке друг друга для преодоления кризиса.

В ходе проведенного исследования нами было выявлено, что одной из функций СМИ является речевое воздействие с целью формирования у реципиента или положительной, или отрицательной мысли по той или иной стратегии поведения. В ходе описания ситуации пандемии СМИ активно привлекали внимание к проблеме, умело используя человеческий страх перед природной стихией, перед смертью, ужасами войны. Использование разнообразных лингвистических средств способствовало достижению целей, а именно, объединение общества и необходимость следования новым, далеко не приятным правилам и ограничениям.

Литература

Любимова А.А. Языковые аспекты воздействия на общественное сознание: дис. ... канд. филол. наук. М., 2006.

Тилейхан А.Т. To the problem of language manipulation in media discourse // Актуальные исследования. 2020. №7 (10). С. 33-35.

Федоров А., Левицкая А. Как осуществляются манипуляции в научных медиатекстах // Современное состояние медиаобразования в России в контексте мировых тенденций: материалы II международной научной конференции. Таганрог, 15 октября 2020 г. М., Берлин: Директ-Медиа, 2020. С. 195-206.

Asmaa Awad Ahmed, Suzan Ismael Wadi. Language Manipulation in Media // International Journal on Studies in English Language and Literature (IJSELL) Volume 3, Issue 7, July 2015, P. 16-26 ISSN 2347-3126 (Print) & ISSN 2347-3134 (Online) www.arcjournals.org © p. 16-26 URL: <https://www.arcjournals.org/pdfs/ijSELL/v3-i7/3.pdf> (дата обращения: 10.03.2021).

Coronavirus In Mass: Public Health Experts Say Don't Panic But Do Prepare Carey Goldberg February 2020 <https://www.wbur.org/commonhealth/2020/02/27/novel-coronavirus-massachusetts-how-to-prepare> (дата обращения: 12.03.2021)

Coronavirus news – January and February 2020. URL: <https://www.hsph.harvard.edu/news/hsph-in-the-news/coronavirus-news-january-and-february-2020/> (дата обращения: 12.03.2021).

*T.N. Moskvitina, I.D. Balandina (Chelyabinsk, Russia)
South Ural State Humanitarian Pedagogical University*

LINGUISTIC MEANS OF INFLUENCE IN CRISIS TIMES IN CONTEMPORARY MEDIA DISCOURSE

The article analyses the manipulative power of the media and their role in overcolouring the situation around the pandemic and COVID-19. The authors focus on media linguistic means (epithets, metaphors, synonymic rows) and demonstrate how media influence social awareness using information as a manipulative tool to resolve the situation.

Key words: linguistic means of overcolouring, manipulation, media discourse, crisis, COVID-19.

В.В. Робустова (Москва, Россия)

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
nikarbs@yandex.ru*

МАНИПУЛЯТИВНАЯ ФУНКЦИЯ ИМЕНИ СОБСТВЕННОГО¹

В статье рассматриваются особенности функционирования имени собственного в качестве стимула к выполнению какого-либо действия, а именно сделана попытка изучить реализацию манипулятивной функции с помощью имен собственных. Проанализирована способность имени актуализировать внеязыковую информацию в определенном контексте, тем самым создавая конкретный образ, характеризующийся положительными или отрицательными коннотациями, которые выступают в качестве мотиваторов к какому-либо действию. Показана возможная коннотационная динамика и зависимость актуализации манипулятивной функции от фоновых знаний реципиента.

Ключевые слова: имя собственное, манипулятивная функция.

Креативность языковой личности позволяет использовать средства языковой номинации в различных функциях. Основной функцией имени собственного является индивидуализирующая, его ключевая характеристика – выделять предмет из ему подобных. В современных исследованиях широко рассматриваются характеризующая, оценочная, парольная и другие функции имен собственных. В настоящей статье нам хотелось бы привлечь внимание к манипулятивной функции, которую имя собственное способно реализовывать. Обратимся к примеру.

«Вот уже 10 лет **Кейт Миддлтон** ухаживает за лицом и телом с помощью крема от Nivea, который стоит всего 159 рублей» [https://www.cosmo.ru/beauty/star_beauty/lyubimye-byuti-sredstva-zvezd-nedorozhe-600-rublej/ (дата обращения: 04.03.2021)]. Позиционирование крема происходит путем использования антропонима, носитель которого обладает высоким социальным статусом, символизирующим достаток, комфорт,

¹ Исследование выполнено при поддержке Междисциплинарной научно-образовательной школы Московского университета «Сохранение мирового культурно-исторического наследия».

изысканный вкус. В результате взаимодействия двух онимов, использование социально маркированного антропонима формирует образ прагмонима, тем самым оказывая воздействие на потенциального покупателя. Принцесса Уэльская использует данную продукцию, значит продукт действительно высокого качества и имеет надлежащий эффект.

В данном примере антропоним Кейт Миддлтон используется в первичной функции наречения, но благодаря высокому статусу его обладательницы, реализует характеризующую, оценочную, парольную и манипулятивную функцию. Актуализация оценочной и манипулятивной функции опосредуется контекстом, в котором встречается антропоним, и может менять как коннотации, так и аксиологическую окраску.

В следующем примере мы так же видим рекламу продукта и реализацию манипулятивной функции онима. *«Принцесса Диана не слишком тепло относилась к бархату, и зря – она совершенно неотразима в этом винном бархатном платье от Catherine Walker!»* [https://www.cosmo.ru/fashion/star_style/princessa-stilya-13-obrazov-diany-kotorye-voshli-v-istoriyu/ (дата обращения: 14.03.2023)]. В данном случае образ носителя имени и социальный статус позиционируют продукт в выгодном свете. Ассоциации, связанные с изысканностью нарядов Принцессы Дианы, проецируются на платья указанного дизайнера, тем самым задавая определенный фрейм восприятия. Если в первом примере манипулятивная функция представлена более явно – купите крем за 159 р. и будете выглядеть красиво, – то во втором случае манипулятивная функция не выходит на первый план, но прослеживается в функциональном диапазоне онима. Актуализация внеязыкового значения имени собственного позволяет создать более осязаемый образ, не просто будете красивой, а будете как Кейт Миддлтон. Именно использование ономастической единицы, ее способность инкорпорировать как языковое, так и внеязыковое значение и актуализировать его в зависимости от контекста, представляет уникальную возможность использования имен собственных в манипулятивной функции.

Функциональная вариативность имен собственных, потенциальная возможность аксиологической динамики, создает пространство для реализации манипулятивного воздействия. «Креативность может привести к так называемой «конструктивной двусмысленности», когда неясность смысла, выраженного в новом значении слова, позволяет достичь консенсуса при принятии решения. Двусмысленность может носить и деструктивный характер. И в том, и в другом случае речь идет о манипулятивном воздействии агенса на пациента (слушающего/говорящего)» [Заботкина 2023: 42]. Подробно феномен речевой манипуляции рассмотрен в докторской диссертации И.В. Беляевой «Феномен речевой манипуляции: лингвоюридические аспекты», мы же приведем рабочее определение манипулятивной функции имени собственного – способность актуализировать определенный образ субъекта/объекта, тем самым воздействуя на восприятие иного субъекта/объекта посредством перенесения ключевых характеристик исходного объекта на формирование образа нового объекта. Манипулятивная функция онима реализуется в позиционировании определенного объекта через другой, обладающий закрепленными характеристиками в коммуникативном пространстве определенного общества.

Теория аргументации богата различными манипулятивными эффектами: истинные факты, метод «большой лжи», создание мнимых образов, кража лозунгов, к позитивным ожиданиям, к негативным ожиданиям, имитация наглядности, имитация критичности, подтасовка карт, довод к цивилизованным странам и другие [Василенко 2008: 43], многие из которых могут быть вербализованы с помощью ономастических единиц. Приведем пример. “*You know, there’s a common misconception that mergers don’t work. In fact, we’re repeatedly told that 70 to 80% of them fail. And it’s true that one of the biggest of all time, the \$180 billion AOL Time Warner merger went badly wrong. But that’s the thing. It’s mega-mergers that fail. When you merge with innovative smaller businesses, it’s a different story – particularly in research-intensive industries like yours. Take pharmaceuticals. To date, Pfizer has formed successful alliances with over a thousand biotech start-ups. And in IT Cisco averages one small business acquisition every six weeks. Has it been successful? Well, let’s put it this way. Eighteen years after it went public its market capitalization is bigger than Dell, Xerox and Apple combined!*” [Powell 2010, 52]. Мы позволили себе привести здесь такой обширный пример, так как он дает возможность увидеть вербализацию манипулятивных эффектов «к позитивным ожиданиям» – репрезентация успеха с помощью названий всемирно известных успешных компаний, «имитация наглядности» – игра на названиях известных компаний, которые успешны именно в настоящий момент. Подчеркнем, что прагмонимы использованы в первичной функции наречения, реализуют воздействующую функцию, так как создают определенный образ, который используется для создания определенного отношения у реципиента и мотивации его к действию. Положительно окрашенный объект создает позитивный образ и мотивирует человека к действию, чтобы и на него распространился этот положительный эффект от позитивного образа. Подчеркнем так же, что оним представляет собой сверток смысла, что может затруднить эффективную коммуникацию. Во-первых, образ одного и того же субъекта или объекта может по-разному трактоваться в разных социумах и культурах. Во-вторых, названия существующих объектов и имена живущих сегодня людей, а точнее их восприятие в обществе, подвержены динамике. Под воздействием каких-либо внешних событий репрезентируемый образ может меняться из-за смены аксиологического вектора или коннотативной валентности. Не все то хорошее, что было вчера, будет хорошим и завтра.

Когнитивным механизмом, формирующим смысл языковой единицы и обеспечивающим реализацию манипулятивной функции имен собственных выступает инференция, «формирование смысла за счет имплицитного обращения к другому концепту, то есть на основе выводного, дополнительного знания «Окончил Гарвард = получил хорошее, престижное образование) [Болдырев 2014: 102].

«*New moms with D+ cleavage will feel supported in this recycled jersey fabric that hugs like shapewear. Kim K would approve*» [<https://www.cosmopolitan.com/style-beauty/fashion/g36397657/best-postpartum-swimsuits/> (дата обращения: 11.03.2023)]. Для активации манипулятивного эффекта используется имя известной американской звезды Ким Кардашьян. Хотя ее фамилия

сокращена, читатели, ориентирующиеся в современных трендах, с легкостью поймут, о ком идет речь.

«*A graphic long-sleeved one-piece (by a **Bella Hadid**-approved designer, no less) is the perfect beach day look*» [<https://www.cosmopolitan.com/style-beauty/fashion/g36397657/best-postpartum-swimsuits/> (дата обращения: 11.03.2023)]. Имя супермодели Беллы Хадид используется для подчеркивания высокого качества и топового дизайна, оно же мотивирует реципиента купить именно этот купальник.

В рекламном тексте бренда Patience Torlowei можно встретить следующее предложение: «*This is giving me major BBC adaptation of **Pride & Prejudice** with **Jennifer Ehle** vibes, so I'm including it. Pretend there's another sleeve (or don't!)*» [<https://www.cosmopolitan.com/style-beauty/fashion/g35550997/bridgerton-lingerie/> (дата обращения: 19.02.2023)]. Дженнифер Эль играла главную роль в телесериале «Гордость и предубеждение». Своей превосходной игрой, изящностью и грациозностью актриса осталась в памяти многих зрителей. Фраза «Jennifer Ehle vibes» подчеркивает, что любая женщина будет смотреться ослепительно в представляемом платье. Здесь так же видим активацию манипулятивной функции, «живой» образ, создаваемый антропонимом в нашем сознании, заставляет нас приобрести платье. Но заметим, это происходит только в том случае, если реципиент смотрел фильм и героиня, точнее ее образ, понравился ему.

«*Anyway, Licorice Pizza the movie has a 100 percent rating on **Rotten Tomatoes**, with absolutely gushing reviews like “Paul Thomas Anderson’s sunniest movie yet, this San Fernando Valley palimpsest is so buoyant and bubbly, it practically floats off the screen” (from Time Out) and “It’s such a delectable film: I’ll be cutting myself another slice very soon” (from The Guardian)*» [<https://www.cosmopolitan.com/entertainment/movies/a38290947/how-to-watch-licorice-pizza/> (дата обращения: 25.03.2023)]. Сайт Rotten Tomatoes имеет высокую популярность и статус надежности среди сайтов, представляющих рецензии на кинопродукцию. Наличие высокого статуса в значении проверенного источника позволяет актуализировать манипулятивную функцию онима.

Мы постарались привлечь внимание исследователей к изучению манипулятивной функции имени собственного, особенностей ее реализации в дискурсе с помощью онимов в первичной или вторичной функции наречения. Актуализация манипулятивной функции имени собственного возможна благодаря активации внеязыкового значения онима, формирование и развитие которого происходит по спиральной модели, постепенно накапливая информацию о субъекте/объекте – носителе имени, тем самым расширяя его смысловой объем, семантическое варьирование и интерпретирующий потенциал.

Литература

Беляева И.В. Феномен речевой манипуляции: лингвоюридические аспекты: автореф. ... дис. д-ра наук. Ростов-на-Дону, 2009.

Болдырев Н.Н. Когнитивная семантика. Введение в когнитивную лингвистику. Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2014.

Васильева И.В. Искусство международных переговоров в бизнесе и политике. М.: Научная книга, 2008.

Заботкина В.И. Когнитивные механизмы смыслопорождения в дискурсе: манипулятивный аспект // Когнитивные исследования языка. Когниция, коммуникация, дискурс: современные аспекты исследования. 2023. Вып. №3 (54). Ч. I. С. 40-44.

Powel M. Dynamic Presentation. Cambridge: Cambridge University Press, 2010.
<https://www.cosmopolitan.com>

V.V. Robustova (Moscow, Russia)
Lomonosov Moscow State University

MANIPULATIVE FUNCTION OF PROPER NAME

The article investigates the functioning of a proper name as an incentive to perform an action. An attempt is made to study the implementation of a manipulative function using proper names. The ability of a name to actualize extralinguistic information in a certain context is analyzed, creating a specific image, characterized by positive or negative connotations that act as motivators for an action. The possible connotational dynamics and the dependence of the actualization of the manipulative function on the background knowledge of the recipient are shown.

Key words: proper name, manipulative function.

И.В. Rogozina, Н.Ю. Бухнер (Барнаул, Россия)
Алтайский государственный технический
университет им. И.И. Ползунова
irogozi@mail.ru, nbuhner@mail.ru

ЭМОЦИОНАЛЬНАЯ АМПЛИТУДА КАК РЕЗУЛЬТАТ СОЦИАЛЬНОЙ КОГНИЦИИ В СИТУАЦИИ КОНФЛИКТА: ЛИНГВОКОГНИТИВНАЯ МОДЕЛЬ

Статья нацелена на получение валидного представления об эмоциональных аспектах социальной когниции посредством построения лингвокогнитивной модели эмоциональной амплитуды, возникающей у носителей языка как следствие пребывания в ситуации конфликта. Опираясь на данные, полученные экспериментальным путем, авторы реконструируют лингвокогнитивную модель конфликто-детерминированной эмоциональной амплитуды, которая включает три типа эмоционально-психологических состояний.

Ключевые слова: социальная когниция, эмоция, эмоциональная амплитуда, конфликт, лингвокогнитивная модель.

Социальная когниция как перманентный процесс познания себя и других посредством социальной интеракции [Белютина 2007; Солодилова 2009; Мананенко 2013; Ирисханова 2014; Ленько 2015] охватывает всех членов социума и по этой причине нуждается в глубоком научном осмыслении. В этой связи представляется важным, что органично встраиваясь «в общую когнитивную структуру и, будучи неразрывно связанной с социальными интеракциями» [Белютина 2007: 91], социальная когниция включает в себя целую совокупность знаний,

фиксирующих как позитивный, так и негативный опыт взаимодействия индивидов в социуме. Вместе с тем проблематика, связанная с социальной когницией – с познанием индивидом социальной реальности – оказывается подробно изученной главным образом в плане выявления социопатических нарушений и коррекции социального функционирования индивида. Существующее положение дел определяет актуальность настоящего исследования, заключающуюся в получении научного представления об эмоциональной составляющей социальной когниции рядовых носителей языка, тем более, что в последнее время обнаруживается тенденция рассматривать эмоции как «определяющие составные части когнитивных состояний и процессов» [Handbook of Cognition and Emotion 2000: 7].

Очевидно, что «пребывание» индивида в зоне конфликта, как правило, проистекающего из несовместимости потребностей, интересов или ценностей, способно порождать широкий спектр эмоций, представляющих научный интерес в плане их лингвокогнитивного исследования в качестве ментальных образований, содержащих как знания, так и оценку. Сказанным определяется цель настоящего исследования, состоящая в получении валидного представления об эмоциональных аспектах социальной когниции посредством построения лингвокогнитивной модели эмоциональной амплитуды, возникающей у носителей языка как следствие их пребывания в ситуации конфликта.

Мы исходили из того, что полноценный доступ к необходимым для моделирования языковым данным возможен при помощи активно-продуктивно-рефлексивного взаимодействия, которое происходило бы на базе сочетания ситуационной задачи и вопроса открытого типа, одновременно предлагаемых респондентам. Такое сочетание способно стимулировать воспроизведение в сознании респондентов опыта пребывания в ситуации конфликта, идентификацию испытанных ранее эмоций и их репрезентацию посредством языка, результаты которой можно использовать для построения лингвокогнитивной модели конфликтно детерминированной эмоциональной амплитуды.

Для получения соответствующих данных 81 студенту Алтайского государственного технического университета им. И.И. Ползунова была предложена ситуационная задача с открытым вопросом в следующей редакции: «В вашей студенческой группе есть самоуверенный человек. Он демонстрирует свое превосходство над Вами и диктует, что Вам нужно и не нужно делать. Какие эмоции вызывает у Вас такой человек?».

Анализ полученных ответов выявил преобладание отрицательных эмоций, вызываемых описанной в ситуационной задаче конфликтной ситуацией. Общее число отрицательных реакций составило 74, или 91,4 % от общего числа всех реакций, однако они оказались неоднородными по степени конкретизации стоящих за ними эмоционально-психологических состояний и отчетливо распались на две группы – обобщенно-отрицательных (15, или 20,3 %) и специфицировано-отрицательных (59, или 79,7 %). Для обозначения обобщенно-отрицательных эмоций респонденты использовали всего два атрибутива – *негативные* и *отрицательные*. Этот эмоциональный модус был вербализован респондентами следующим образом: *только негативные* (2), *скорее негативные* (1), *такой человек вызывает у меня негативные эмоции* (1), *такой «контроль» является крайне плохим и этот человек вызывает негативные эмоции* (1), *негативные, не позво-*

ляю диктовать мне человеку, у которого такие же права, как у меня (1), негативные, хочется объяснить человеку, чтобы не продолжал себя так вести (1), негативные, такому человеку не место в демократическом, либеральном обществе (1), негативные, так как мне не нравится такой типаж человека (1), отношусь негативно, даже агрессивно (1), отрицательные, появляется желание поставить его на место (1), такой человек вызывает у меня отрицательные эмоции (3), скорее отрицательные, нежели положительные (1).

Представлявшие для нас наибольший интерес специфицированно-отрицательные реакции позволили получить целый спектр эмоций, возникающих у индивидов по отношению к человеку, демонстрирующему конфликтное поведение. С учетом того, что некоторые зафиксированные респондентами эмоции не отличались принципиально, а относились к одному типу эмоциональных состояний, мы сочли целесообразным объединить их в 3 группы эмоций, причем внутри каждой из них достаточно отчетливо определялась градация по степени выраженности.

В первую по частотности и наиболее эмоционально насыщенную группу, которая была условно названа ВРАЖДЕБНОСТЬ, вошло 25 реакций, (42,4 % от общего числа специфицировано-отрицательных эмоций), связанных с сильными эмоциями, как представляется, вызываемыми невозможностью для респондентов оказывать влияние на инициатора конфликта, контролировать его. В полученных ответах была установлена следующая градация по интенсивности испытываемых эмоций: максимально-интенсивные (10) – *злость* (5), *бесит* (2), *агрессия* (1), *гнев* (1), *негодование* (1); средне-интенсивные (13) – *раздражение*; умеренно-интенсивные (2) – *недовольство*.

Вторую группу (21 реакция, или 35,6 %), получившую название ДИСТАНЦИРОВАННОСТЬ, составили эмоции, связанные со стремлением минимизировать травмирующее воздействие конфликта, дистанцируясь от его инициатора. В этой группе эмоций градация по интенсивности выглядит следующим образом: максимально-интенсивные (7) – *отвращение* (5), *отторжение* (2), средне-интенсивные (11) – *неприязнь*, умеренно-интенсивные (3) – *презрение* (2), *пренебрежение* (1).

В третью группу, названную ПРЕНЕБРЕЖЕНИЕ, вошли 13 реакций (или 22 %), показывающих, что респонденты смотрят несколько свысока на своего самоуверенного одноклассника или испытывают чувство смущения, вызванное наблюдением за его поведением. На наш взгляд, об этом свидетельствует, следующая градация эмоций: максимально-интенсивные (8) – *смех* (5), *насмешка* (3); средне-интенсивные (2) – *жалость*; умеренно-интенсивные (3) – *испанский стыд* (2), *сочувствие* (1). Следует отметить, что в контексте конфликтной ситуации выражающие эти реакции лексемы отнюдь не говорят об отзывчивом и участливом отношении к противоположной стороне конфликта.

Приведенные выше группы градуированных по интенсивности эмоций легли в основу моделирования конфликтно-детерминированной эмоциональной амплитуды. В настоящей работе под эмоциональной амплитудой понимается спектр эмоций, вызываемых инициатором конфликтной ситуации и градуируемых по степени их выраженности от максимально-интенсивной до умеренной. Следует отметить, что по мере моделирования эмоциональной амплитуды была

обнаружена закономерность – прямая зависимость между типом эмоций и их частотными параметрами: по мере убывания интенсивности испытываемых респондентами эмоций уменьшалась и их частотность. Указанная зависимость находит выражение в реконструированной модели – конфигурации эмоциональной амплитуды в ситуации конфликта (рис. 1).

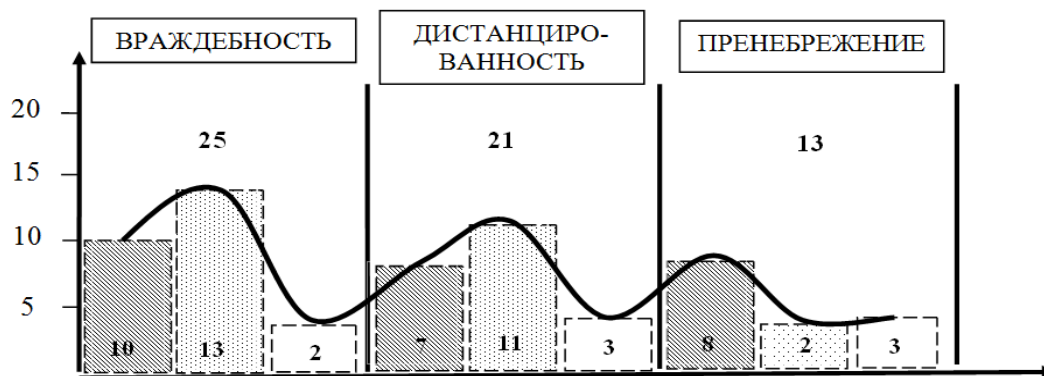

Рис. 1 Конфигурация эмоциональной амплитуды в ситуации конфликта, где
 ■ – максимально-интенсивные эмоции, ■ – средне-интенсивные эмоции,
 □ – умеренно-интенсивные эмоции

На наш взгляд, реконструированная модель убедительно свидетельствует о том, что поведение в форме навязывания указаний одних членов социальной группы другим является одним из мощнейших конфликтогенов и оказывает существенное негативное влияние на эмоциональный модус участников конфликта. Он проявляет себя в виде спектра негативных эмоций, образующих эмоциональную амплитуду по линии «враждебность-дистанцированность-пренебрежение», причем внутри каждого из трех секторов амплитуды образуется градация эмоций по степени интенсивности от максимально-интенсивных до умеренно-интенсивных. Таким образом, анализ предоставленных респондентами языковых фактов с последующей лингвокогнитивной реконструкцией на их основе конфликтно-детерминированной эмоциональной амплитуды позволяет получить достоверное представление об особенностях социальной когниции в ситуации конфликта как одной из основных форм взаимодействия индивидов в обществе.

Литература

- Белютина Ю.А. Спор как репрезентативная модель социальной когниции // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2007. № 4. С. 90-94.
- Ирисханова О.К. Социокогнитивная лингвистика: структуры социальных знаний и проблемы их описания // Вопросы когнитивной лингвистики. 2014. № 4. С. 5-17.
- Ленько Г.Н. Синтаксические способы выражения эмоций // Russian Journal of Linguistics. 2008. № 4. С. 53-56.
- Манаенко Г.Н. Основания социальной когниции и коммуникации // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2013. № 15. С. 144-153.
- Солодилова И.А. К вопросу о соотношении понятий «эмоция» и «когниция» // Вестник Башкирского университета. 2009. Т. 14. №. 4. С. 1348-1351.
- Handbook of Cognition and Emotion / ed. by T. Dalgleish, M. Power. John Wiley & Sons. 2000.

I.V. Rogozina, N.Yu. Buhner (Barnaul, Russia)

I.I. Polzunov Altai State Technical University

EMOTIONAL AMPLITUDE AS A RESULT OF SOCIAL COGNITION IN A CONFLICT SITUATION: A LINGUO-COGNITIVE MODEL

The article focuses on the emotional aspects of social cognition. It describes a linguo-cognitive model of the emotional amplitude arising in a conflict situation. The authors analyze experimental data and reconstruct a linguo-cognitive model of a conflict-determined emotional amplitude. It includes three types of emotional and psychological states.

Key words: social cognition, emotion, emotional amplitude, conflict, linguo-cognitive model.

А.Г.Самарина, О.Д. Проскурнич (Тамбов, Россия)

Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина

stasyasamarina1994@yandex.ru, olgaproskurnich@gmail.ru

КОГНИТИВНЫЕ МЕХАНИЗМЫ ФОРМИРОВАНИЯ БЕСКОНФЛИКТНОСТИ В МЕДИЦИНСКОМ ДИСКУРСЕ¹

В статье рассматриваются основы формирования бесконфликтной коммуникации в медицинском дискурсе. Эффективное концептуальное взаимодействие достигается за счет использования когнитивных механизмов, направленных на нейтрализацию отрицательной семантики, которые минимизируют конфликт между врачом и пациентом. На языковом уровне достижению бесконфликтной коммуникации способствуют языковые механизмы.

Ключевые слова: медицинский дискурс, бесконфликтная коммуникация, концептуальное взаимодействие, когнитивный механизм, языковой механизм.

Концептуальное взаимодействие играет важную роль в процессе формирования бесконфликтной языковой коммуникации. Эффективное вербальное общение предполагает установление взаимодействия между ее участниками, основанное на взаимной адаптации их концептуальных систем [Болдырев 2019: 22]. Каждый человек по-своему структурирует свой опыт, поэтому их концептуальные системы могут отличаться друг от друга в зависимости от их возраста, национальности, профессии и т.д. [Болдырев 2012: 40]. Для достижения концептуального взаимодействия участники коммуникации должны учитывать доминанты коллективного и индивидуального характера [Болдырев 2019: 22]. Нарушению концептуального взаимодействия способствуют следующие проблемы: отсутствие знаний о структурном и содержательном соответствиях концептуальных систем, неадекватности ее оценки, низкая степень владения коллективным знанием и языковым опытом, отсутствие знаний о соответствии принципов и механизмов формирования и понимания смыслов, а на языковом уровне – неуместное использование языковых средств, допускающих множественное толко-

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-18-00067, <https://rscf.ru/project/22-18-00067/>

вание и затрудняющих понимание [Болдырев 2017]. Так, концептуальное взаимодействие является главным фактором бесконфликтной коммуникации, отсутствие которого ведет к возникновению конфликта между ее участниками, что значительно снижает ее эффективность и приводит к возникновению недопониманий и разногласий между ними. Н.Н. Болдырев дает следующее определение бесконфликтности: бесконфликтность – это учет и преодоление не только конфликта разных мнений, но и знаний, опыта, что способствует формированию **речевого взаимодействия в норме** [Болдырев 2022: 32].

Понятие «бесконфликтность» может быть применимо к медицинскому дискурсу. Вышеназванный тип дискурса подразумевает под собой коммуникативную деятельность в сфере общения «врач – пациент», объектом которого является здоровье [Карымшакова 2016: 15]. В связи с тем, что взаимодействие с пациентом является неотъемлемой частью профессиональной деятельности медицинского работника, необходимо учитывать существенное влияние «нормальной» коммуникации на эффективность лечения. Целью каждого медицинского сотрудника является оказание пациенту медицинской помощи, направленной на нормализацию его физического и психологического состояния. Для достижения эффективности лечения медицинскому работнику необходимо решить одну из коммуникативных задач, а именно установить бесконфликтное взаимодействие с пациентом, проявляя к нему милосердие, доброту, чуткость, отзывчивость, заботливость и повышенный уровень внимательности. В соответствии с нормами медицинской деонтологии большое значение для медицинской сферы имеет не только культура речи, но «слово» в целом. Медицинская терминология – это совокупность слов и словосочетаний, используемых специалистами для обозначения научных понятий в области медицины и здравоохранения. Как отмечает Карымшакова Т.Г., использование врачом медицинских терминов отображает его образованность и профессиональную компетенцию в глазах пациентов (см. подробнее [Карымшакова 2016]). Однако они могут вызывать трудности в понимании у людей, не работающих в сфере медицины, что препятствует достижению бесконфликтной коммуникации между врачом и пациентом. Для предотвращения конфликта используются разные когнитивные и языковые механизмы формирования и понимания смыслов.

В рамках медицинского дискурса рассмотрим когнитивный механизм «эвфемизация», участвующий в нейтрализации потенциально конфликтной семантики. Так, согласно Н.Н. Болдыреву, эвфемизация – это способ концептуальной деривации, направленный на снижение отрицательной семантики [Болдырев 2018: 193]. Выделяют несколько типов эвфемизации (подробнее см. [Болдырев 2018]). В данной статье приведем примеры эвфемизации, когда используется механизм градуирования, снижающие степень проявления отрицательной характеристики [Там же: 193-194]. Так, эвфемизация может достигаться за счет изменения способа вербализации медицинских понятий при переводе с русского языка на английский путем замены лексической единицы, содержащей отрицательную семантику, научным термином, нейтрализующим ее:

1. *Лучше всего удалять такие прыщи (особенно большие) у специалиста – It is best to have a specialist remove that kind of **acne** (especially large);*

2. Нередко **косоглазие** можно выявить уже при наружном осмотре пациента – Often **strabismus** can already be detected during physical examination of the patient

3. Истинные **запой** характеризуются периодически возникающими приступами влечения к алкоголю – True **dipsomania** is characterized by intermittent painful attacks of alcohol cravings

4. Но если **нарыв** не представляет угрозы для жизни, его можно лечить самостоятельно, используя методы народной медицины. – But if an **abscess** is not life-threatening, it can be treated at home using traditional medicine. [<https://context.reverso.net>].

Кроме эвфемизации, в медицинском дискурсе используется когнитивный механизм «конкретизация» для достижения бесконфликтной коммуникации между врачом и пациентом. Он подразумевает представление знания с разной степенью конкретизации [Болдырев 2022: 42]. Очень часто пациенты не понимают, о чем говорит врач, в результате того, что они не имеют медицинского образования и не владеют медицинской терминологией, в результате это усложняет установление бесконфликтной коммуникации между ними, поэтому врачу следует пояснять используемые медицинские термины пациенту, а лучше всего, свести их к минимуму.

Приведем примеры диалогов между врачом и пациентом, и проанализируем, как врач достигает бесконфликтной коммуникации с ним.

1. ПРИМЕР И КРАТКОЕ ОПИСАНИЕ:

Mr. Robinson, your blood pressure is really high. You're at increased risk for a heart attack.

– *Could you explain exactly what happens during a heart attack?*

– *Certainly. Usually, an artery inside the heart gets blocked by fatty acids.*

– *That doesn't sound good.*

– *No, it's not. When that happens, blood can't get through. That can lead to permanent damage or death.*

– *Oh my. What are the symptoms?*

– *Sudden chest pains or difficulty breathing. Call the hospital immediately if you have them.*

– *I will. Thank you, Doctor* [Evans, Dooley, Tran 2011: 19].

В данном примере наблюдается конкретизация определенной ситуации, устраняющее недопонимания между врачом и пациентом. Незнание симптомов и последствий болезни вызывает тревогу у пациента, на языковом уровне это выражается междометием (*oh my*). Эксплицитное выражение недопонимания со стороны пациента также репрезентировано посредством общих вопросов: *could you explain exactly what happens during a heart attack?, what are the symptoms?* Врач же, чтобы избежать неудачи в процессе коммуникации, пытается разъяснить, к чему может привести состояние больного с подозрением на инфаркт.

2. ПРИМЕР И КРАТКОЕ ОПИСАНИЕ:

About to take a ten-year-old straight from A&E to theatre for a ruptured appendix. Colin, a charming registrar, has been conducting a masterclass in dealing with a worried mum—explaining everything that's going on her son's tummy, what we're going to do to fix it, how long it'll take, when he'll be allowed home [Kay 2018: 20].

За счет механизма «эфемизация» врачу удастся сформировать новый смысл исходного вербализованного знания *ruptured appendix*, и тем самым нейтрализовать исходную отрицательную характеристику, ассоциированную с первичным знанием. В примере проиллюстрирована коммуникативная ситуация, где за счет эфемизации врач стремится отвлечь внимание обеспокоенной мамы маленького пациента от истинного содержания исходного концепта (*ruptured appendix – fix tummy*).

Подводя итоги, необходимо отметить, что изучение функционирования эвфемизмов в медицинском дискурсе представляет особый интерес, поскольку семантическая эфемизация позволяет завуалировать содержания исходного концепта (медицинского термина), а также полностью или частично нейтрализовать негативные характеристики исходного концепта, в том случае, если оно вызывает у пациента непонимание, негативное отношение, чувство страха и т. д. и тем самым обеспечить бесконфликтную коммуникацию между врачом и пациентом. Для нейтрализации конфликтности также используется «конкретизация», которая позволяет детализировать состояние пациента в контексте определенной ситуации, чтобы снизить у него степень волнения. На языковом уровне достижению бесконфликтной коммуникации способствуют языковые механизмы (междометия, вопросительные предложения).

Литература

Болдырев Н.Н. Проблемы концептуального взаимодействия в процессе вербальной коммуникации // Когнитивные исследования языка. 2012. № 11. С. 39-45.

Болдырев Н.Н. Проблема вербальной коммуникации в когнитивном контексте // Вопросы когнитивной лингвистики. 2017. № 2 (51). С. 5-14.

Болдырев Н.Н. Язык и система знаний. Когнитивная теория языка. М.: Издательский дом ЯСК, 2018. 480 с.

Болдырев Н.Н. Доминантный принцип концептуального взаимодействия в языковом общении // Когнитивные исследования языка. 2019. Вып. XXXVIII. С. 21-30.

Болдырев Н.Н. Концептуальное взаимодействие как фактор бесконфликтной языковой коммуникации // Когнитивные исследования языка. 2022. № 3 (50). С. 31-36.

Карымушакова Т.Г. Лингвистические технологии воздействия в медицинском дискурсе: дис. ... канд. филол. наук, 2016. 198 с.

Kay A. This is going to hurt. UK: Macmillan Publishers, 2018.

Evans V., Dooley J., Tran Trang M. Career Paths. Medical: Express Publishing, 2017.

Reverso. URL: <https://context.reverso.net> (дата обращения: 04.03.2023).

A.G. Samarina, O.D. Proskurnich (Tambov, Russia)
Derzhavin Tambov State University

COGNITIVE MECHANISMS OF FORMING CONFLICT-FREE COMMUNICATION IN MEDICAL DISCOURSE

The article considers the basics of forming conflict-free communication in medical discourse. Effective conceptual interaction is achieved through cognitive mechanisms aimed at neutralizing negative semantics which create conflict between the doctor and the patient. At the language level, conflict-free communication is achieved by linguistic mechanisms.

Key words: medical discourse, conflict-free communication, conceptual interaction, cognitive mechanism, linguistic mechanism.

*О.М. Силкина, Д.С. Гудкова (Челябинск, Россия)
Южно-Уральский государственный университет (НИУ)
silkinaom@susu.ru, gudkovads@susu.ru*

СМАЙЛЫ, ЭМОТИКОНЫ И ЭМОДЗИ КАК СРЕДСТВО КОММУНИКАЦИИ (НА МАТЕРИАЛЕ ИНТЕРНЕТ-ПЕРЕПИСКИ ПРЕПОДАВАТЕЛЯ И СТУДЕНТА)

Исследуются особенности интернет-дискурса на материале переписки преподавателя и студента. Проанализированы данные социологического опроса, посвященного выявлению отношения участников официальной электронной коммуникации к использованию смайлов, эмотиконов и эмодзи. Намечены перспективы дальнейшего исследования.

Ключевые слова: интернет-дискурс, средства коммуникации, смайлы, эмотиконы, эмодзи, графические символы.

Введение. В современную эпоху цифровизации и компьютеризации интернет-общение выходит на первый план практически во всех сферах жизни. Образовательная среда не является исключением. Сегодня активно проводятся онлайн-занятия, получили широкое распространение электронные учебные курсы, посредством электронной переписки проходят консультации преподавателей и решаются многие внеаудиторные вопросы.

Среда функционирования интернет-дискурса определяет его особенности. Некоторые характеристики интернет-дискурса связаны с поведением коммуникантов: анонимность, добровольность, отсутствие эмоционального компонента, атипичность поведения [Виноградова 2004]. Ряд особенностей характеризует сам процесс коммуникации: диалогичность, совмещение категорий читатель-автор, отсутствие ограничений времени и пространства [Асмус 2005]. Несомненно, внимания заслуживают и языковые особенности: использование большого количества сокращений и аббревиатур, нелитературной лексики, специальных графических символов, заглавных букв, приближение графической формы слова к звуковой, нарушение орфографических, грамматических и синтаксических норм [Масликова 2019].

Одной из наиболее типичных и привлекающих внимание языковых особенностей интернет-дискурса является широкое распространение специальных графических символов, а именно смайлов, эмотиконов и эмодзи. По нашим наблюдениям, данные символы активно применяются всеми участниками интернет-дискурса, независимо от пола, возраста, уровня образования или социального статуса.

В качестве базового свойства любых средств коммуникации рассматривается функция усиления и дополнения человеческих возможностей общения и передачи информации [Нестеров 2017]. На наш взгляд, смайлы, эмотиконы и эмодзи выполняют соответствующую роль в интернет-дискурсе, а именно, ис-

пользуются коммуникантами в целях усиления и уточнения выражаемых эмоций, поскольку в условиях данного типа дискурса становятся недоступны такие средства невербальной коммуникации, как жесты, мимика и интонация. Кроме того, в некоторых случаях графические символы могут полностью заменять вербальные высказывания, как, например, эмодзи со значением «спасибо» или «привет», выполняя таким образом коммуникативную функцию.

Целью нашего исследования стало изучение функционирования смайлов, эмотиконов и эмодзи как средства коммуникации в институциональном интернет-дискурсе на материале переписки преподавателя и студента. Мы считаем, что тема является актуальной и заслуживает внимания ученых в связи с активным использованием сети Интернет в академических целях.

Объектом исследования выступает интернет-дискурс, а именно материалы интернет-переписки преподавателя и студента.

Предмет изучения – графические символы в интернет-дискурсе (смайлы, эмотиконы и эмодзи).

Методы и результаты исследования. На первом этапе исследования в результате проведенного анализа литературы мы выявили наиболее распространенные функции графических элементов в интернет-дискурсе. Используя различные формулировки, большинство авторов научных работ называют функции выражения эмоционального состояния, поддержания контакта, ориентирующую, замещения, дублирования и замены языковых знаков [Силкина, Гудкова 2022].

Второй этап исследования заключался в проведении опросов с целью выявления основных функций смайлов, эмотиконов и эмодзи в интернет-переписке преподавателя и студента с точки зрения обеих сторон коммуникации и определения их отношения к использованию графических символов. В опросах приняли участие 56 студентов первых и вторых курсов (от 18 до 20 лет) и 52 преподавателя высших учебных заведений (от 30 до 50 лет).

Согласно результатам первого опроса, все студенты используют эмотиконы и эмодзи в интернет-переписке. При этом лишь 28,6% опрошенных считают неуместным использование эмотиконов в переписке с преподавателями. 66,1% студентов отмечают, что применяют эмотиконы и эмодзи с целью выражения эмоционального состояния, а 53,6% опрошенных полагают, что графические символы уточняют их высказывание, то есть выполняют ориентирующую функцию. 41,1% ответивших используют эмотиконы для поддержания контакта с собеседником. 25% и 1,8% респондентов указывают, что используют эмотиконы в замещающей функции и вместо знаков препинания в конце предложения соответственно (рис. 1).

Результат опроса преподавателей показал, что, по мнению 84,6% респондентов, студенты прибегают к эмотиконам и эмодзи в интернет-переписке «иногда», в то время как 15% опрошенных считают, что студенты «всегда» вставляют графические символы в свои сообщения. При этом 17,3% ответивших положительно относятся к использованию эмотиконов и эмодзи со стороны студентов, а 21,2% респондентов считают неуместным применение студентами эмотиконов в переписке с преподавателем. 61,5% преподавателей допускают присутствие эмотиконов и эмодзи только в «уместных ситуациях».

Рис. 1. Цели использования графических элементов студентами в социальных сетях

На вопрос, с какой целью, на их взгляд, студенты прибегают к эмодзи и эмодзи в своей речи, 38,5% преподавателей полагают, что студенты используют эмодзи «по привычке», 30,8% – для того чтобы «вызвать у собеседника положительные эмоции». 9,6% преподавателей уверены, что студенты не могут выразить свои эмоции словами. По 7,7% респондентов предполагают, что студенты используют эмодзи «от избытка эмоций» и «не привыкли к официальному общению», 5,8% – студенты пытаются таким образом понравиться собеседнику (рис. 2).

Рис. 2. Цели использования графических элементов студентами (по мнению преподавателей)

Выводы. Результаты исследования показывают, что, несмотря на то, что общение преподавателей и студентов является формальным видом коммуникации, обе стороны все чаще используют графические символы в интернет-переписке. Использование эмодзи в ориентирующей функции встречается так же часто, как и для выражения эмоций, то есть посредством смайлов и эмодзи происходит компенсация отсутствия невербальной коммуникативной составляющей. Стоит отметить, что большинство преподавателей считывают желание студентов наладить контакт с помощью эмодзи и эмодзи. Расхождение взглядов по данному вопросу, на наш взгляд, вызвано различными социальными ролями опрошенных, их возрастом, статусом и уровнем образования.

Заключение. Мы полагаем, что актуальным направлением развития темы может выступать проведение детальных исследований ситуаций коммуникации, в которых и преподаватели, и студенты допускают использование графических элементов. Кроме того, мы планируем проанализировать коннотационную со-

ставляющую значения эмодзи в формальном виде коммуникации. В перспективе возможным представляется создание сборника правил цифрового этикета для достижения наибольшей эффективности в деловой коммуникации между преподавателем и студентами посредством интернет-переписки в социальных сетях и мессенджерах.

Литература

Асмус Н.Г. Лингвистические особенности виртуального коммуникативного пространства: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Челябинск, 2005.

Виноградова Т.Ю. Специфика общения в интернете // Русская и сопоставительная филология: Лингвокультурологический аспект. Казань: Казан. гос. ун-т., 2004. С. 63-67.

Масликова О.С. Языковые особенности общения в Интернет-пространстве // Инновационная наука. 2019. №9. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/yazykovye-osobennosti-obscheniya-v-internet-prostranstve> (дата обращения: 17.04.2022).

Нестеров А.К. Средства коммуникации // Энциклопедия Нестеровых. 2017. URL: <https://odiplom.ru/lab/sredstva-kommunikacii.html> (дата обращения: 07.04.2023).

Силкина О.М., Гудкова Д.С. Функции эмодзи и эмодзи в личной переписке преподавателя и студента в социальных сетях // Наука ЮУрГУ. Секции социально-гуманитарных наук: материалы 74-й научной конференции. Челябинск: Южно-Уральский государственный университет, 2022. С. 159-166.

O.M.Silkina, D.S.Gudkova (Cheliabinsk, Russia)
South Ural State University (National Research University)

SMILEYS, EMOTICONS AND EMOJIS IN TEACHER-STUDENT INTERNET CORRESPONDENCE

The paper focuses on the Internet communication between a teacher and a student. It analyzes the results of the sociological survey on identifying the attitude of academic discourse participants to the use of smileys, emoticons and emojis in their official Internet correspondence. The conclusion outlines the prospects for further research.

Key words: Internet discourse, means of communication, smileys, emoticons, emoji, graphic symbols.

A.A. Финогеева (Челябинск, Россия)
Челябинский государственный университет
Anna.eng.1811@gmail.com

ФОРМИРОВАНИЕ ПАТРИОТИЧЕСКОЙ ПОЗИЦИИ СТУДЕНТОВ ВУЗА ПОСРЕДСТВАМ СОЦИАЛЬНЫХ МЕДИА

Формирование устойчивых патриотических позиций молодых людей – важное направление деятельности образовательного учреждения. В статье рассматриваются особенности реализации патриотического дискурса в тематических постах новостной ленты сообщества «ЧелГУ. Челябинский государственный университет» во Вконтакте за 2022-2023гг.

Ключевые слова: патриотизм, патриотический дискурс, концепт, единство, Родина.

Проблематика патриотизма – одна из древнейших во всемирной истории. В современных реалиях патриотизм для российского народа – своего рода оружие в борьбе за самобытность и духовность. Более того, в историко-социальном процессе чётко прослеживается следующая закономерность: чем реальнее угроза, тем патриотизм проявляется ярче, полнее, всестороннее [Стрелецкий, Сидоренко 2018: 17]. Согласно С.Г. Воркачёву патриотический дискурс включает в себя все речевые образования, вербально воплощающие идею патриотизма: любовь и привязанность к своей стране; идея патриотизма сама по себе представляется особо значимой ментальной сущностью, отличающейся от нейтрального понятия или концепта рядом признаков, отраженных как в обыденном сознании носителей языка, так и в философской литературе [Воркачёв 2007: 19]. В рамках данного исследования идею патриотизма наполняют следующие концепты: родина, патриотическое воспитание, народ и его научные, культурные, спортивные достижения, историческая память.

Концепт РОДИНА воплощает в себе такие смыслы, как любовь и уважение к своей стране и народностям, проживающих в ней; сохранение культурного наследия и природных ресурсов. Учёные и студенты Челябинского государственного университета занимаются исследованием разнополярных народностей России и Южного Урала. Так, в 2022 году ученые кафедры микробиологии, иммунологии и общей биологии биологического факультета ЧелГУ исследовали гены системы HLA II класса малой народности нагайбаков, проживающих в Челябинской области, а студенты Миасского филиала и историко-филологического факультета ЧелГУ провели фольклорно-этнографическую экспедицию в село Ларино Уйского района. В стенах университета и за его пределами проводятся ежегодные конференции, мастер-классы и круглые столы, посвященные изучению этнических особенностей малых народностей. Музей археологии и этнографии ЧелГУ в феврале 2023 провёл семинар, открывшем цикл встреч любителей этнографии – «Экспедиционные поиски и находки: материалы фольклорных и этнографических экспедиций по Южному Уралу». В сентябре 2022 ЧелГУ традиционно выступил одной из площадок форума и организатором III Международной XI Всероссийской научно-практической конференции «Расулевские чтения: ислам в истории и современной жизни России».

Охрана природных ресурсов России – проявление заботы о своей Родине – это то, чему учат обучающихся преподаватели факультетов экологии и биологии. Одним из направлений деятельности сотрудников лаборатории экологии водных сообществ факультета экологии ЧелГУ является сохранение водоёмов Южного Урала. На примере Аргазинского водохранилища учёные разъясняют студентам, для чего там происходит промышленный вылов рыбы и что ещё нужно делать для сохранения ресурса родного края. Осенью 2022 студенты факультета экологии ЧелГУ приняли участие во Всероссийском субботнике.

Патриотизм – растить здоровым молодое поколение. В июле 2022 года студенты и сотрудники экономического факультета совместно с Ассоциацией реабилитационных центров «Южный без наркотиков» запустили социальный проект «Профилактика наркомании, алкоголизма и девиантных форм поведения в молодёжной среде», направленный на формирование привычек здорового образа жизни среди студентов ВУЗа.

Формированию патриотизма среди студентов и абитуриентов университета способствуют посты, размещенные в рамках проекта «Дома лучше!», где преподаватели ЧелГУ, выбравшие провести отпуск в разных уголках Родины, делятся впечатлениями от поездок по России (Санкт-Петербург).

Челябинский государственный университет регулярно проводит встречи с известными личностями, добившимися отличных результатов на своём поприще. Искренняя гордость за лучших в своём деле – хорошее подспорье для воспитания патриотизма у будущих поколений. В 2022 году проходили встречи с олимпийским чемпионом, гимнастом Иваном Стретовичем.

С самого начала специальной операции в феврале 2022 на Украине «ЧелГУ» совместно с волонтерским штабом общероссийского проекта взаимопомощи гражданам во время кризисных ситуаций #МыВместе оказывает помощь военнослужащим. Психологи института образования и практической психологии ЧелГУ консультируют мобилизованных челябинцев и членов их семей.

Еще одним важным аспектом в патриотическом воспитании молодых людей является сохранение **исторической памяти** народа. Челябинский государственный университет чтит память выдающихся деятелей разных эпох, внесших весомый вклад в становление России. В июне 2022 широко отмечалось 350-летие со дня рождения Петра I. 17-19 мая прошла крупная международная научная конференция «Значение преобразований Петра в новой и новейшей истории России». 22 июня ЧелГУ присоединился к всероссийской акции, приуроченной ко Дню памяти и скорби, почтив память павших в Великой Отечественной войне минутой молчания. 24 сентября у Вечного огня на ул. Цвиллинга прошёл очередной этап народного благотворительного проекта «Огни Победы». Именно поддержка наших ветеранов ВОВ – фронтовиков, узников концлагерей и детей с блокадного Ленинграда – стала основной целью данного мероприятия, так как они больше всего нуждаются во внимании со стороны младшего поколения.

Не остаются без внимания и памятные даты современной России. Участники Кубка ректора вместе с другими студентами ЧелГУ посетили концерт, посвящённый годовщине присоединения Крыма и Севастополя к России. Концепт современной исторической памяти играет важную роль в укреплении патриотической позиции молодых людей, соприкоснувшихся на своём опыте со значимым историческим событием.

Важна и память учёных, наших соотечественников, достигших высот в своих сферах деятельности. К 120-летию великого учёного Игоря Курчатова был подготовлен просмотр видеолекции президента НИЦ «Курчатовский институт» Михаила Ковальчука, посвященную «отцам» атомной энергетики – Игорю Курчатову и Анатолию Александрову, а также истории возникновения и развития Курчатовского института.

На базе Челябинского государственного университета ведёт свою работу Музей археологии и этнографии Учебно-научного центра изучения проблем природы и человека ЧелГУ, который совместно с Лабораторией исторической реконструкции подготовил две выставки, посвящённые историческому костюму, а студенты-филологи Миасского филиала ЧелГУ провели фольклорную экспедицию в поместье Приданниково. Они приняли участие в реконструкции старинного свадебного обряда села Ларино со всеми его этапами: сватовством, вы-

купом, расплетением косы, свадебным пиром. Более того, В ЧелГУ с успехом прошла V Международная научная конференция «Судьбы национальных культур в условиях глобализации: между традицией и новой реальностью». Главным организатором события выступил факультет Евразии и Востока. Сохранение и реконструкция традиций вносит существенный вклад в воспитание патриотизма у студентов Челябинского государственного университета.

Археологи ЧелГУ успешно провели полевой сезон 2022. Сотрудникам учебно-научного центра изучения проблем природы и человека ЧелГУ есть что показать: находки со стоянки эпохи новокаменного века. Научная группа под руководством директора Учебно-научного центра изучения проблем природы и человека ЧелГУ Елены Куприяновой провела уникальные исследования по изучению «Страны городов» (поселений синташтинско-аркаимского типа) и последствий древнего скотоводства в Южном Зауралье.

Формирование патриотизма у студентов высшего учебного заведения – одна из первостепенных задач современного этапа развития нашей Родины. Сила России – в единстве, в изучении и сохранении традиционной культуры, в почтительном отношении к историческим событиям и людям, которые внесли неоспоримый вклад в становление нашей страны. Одним из возможных путей формирования и укрепления патриотической позиции студентов высшего учебного заведения являются социальные сети, позволяющие точно, быстро и многомерно донести информацию до читателей публика. Доминантными концептами, реализующимися в сообщениях новостной ленты сообщества «ЧелГУ. Челябинский государственный университет» во Вконтакте за 2022-2023гг. стали Родина и сохранение исторической памяти.

Литература

Воркачев С.Г. Лингвокультурная концептология: становление и перспективы // Известия РАН. Серия литературы и языка. 2007. Т. 66. № 2. С. 19.

Савкин Н.С. Философия патриотизма: патриотизм мнимый, показной и подлинный // Гуманитарий: актуальные проблемы гуманитарной науки и образования. 2018. № 2. С. 197-204.

Стрелецкий Я.И., Сидоренко Н.С. Феномен российского патриотизма: социально-философский анализ // Общество: философия, история, культура. 2018. № 6. С. 16-20.

A.A.Finogeeva (Chelyabinsk, Russia)
Chelyabinsk State University

PATRIOTIC EDUCATION OF UNIVERSITY STUDENTS VIA SOCIAL MEDIA

Teaching university students to be patriotic is one of the main goals of every educational organization. The article studies some features of patriotic discourse in social media by examining materials from the news feed of Chelyabinsk State University on Vkontakte from 2022–2023.

Key words: Patriotism, patriotic discourse, concept, solidarity, Motherland.

Ц. Чжао (Санкт-Петербург, Россия)
Санкт-Петербургский государственный университет
zhaozehong@mail.ru

ЛИНГВИСТИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ (НЕ) ВЕЖЛИВОСТИ

В статье рассматривается взаимосвязь между исследованиями вежливости и исследованиями невежливости. Путем анализа концептов «вежливость» и «невежливость» делается вывод о том, что исследования вежливости и невежливости не являются полностью противоположным друг другу и не должны рассматриваться изолированно.

Ключевые слова: концепт «вежливость», концепт «невежливость», ассоциативный эксперимент, исследования вежливости и невежливости, лингвистическая (не)вежливость.

Исследованию невежливости долгое время уделялось относительно мало внимания, поэтому до сих пор она остается недостаточно изученной. Это связано с тем, что некоторые ученые считают, что невежливость, как обратная сторона вежливости, не заслуживает самостоятельного исследования, а также с тем, что сама теория вежливости все еще находится в стадии постоянного обсуждения и доработки. Но именно из-за недостатков классической теории вежливости некоторые исследователи пытались ввести в нее дополнительные понятия и модели; при этом понятие невежливости вводится в изучение вежливости и используется зонтичный термин «лингвистическая (не)вежливость». Термин обозначает разнообразные оценочные значения, касающиеся коммуникативного поведения адресанта: от сердечного, одобрительного, тактичного, вежливого, уважительного, почтительного до высокомерного, пренебрежительного, агрессивного, грубого [Spencer-Oatey 2005: 97]. Очевидно, это способствует расширению горизонтов исследования вежливости, благодаря чему ученые могут более комплексно рассматривать ее проявления. Однако исследователи до сих пор редко связывают изучение вежливости с изучением невежливости: в основном при изучении невежливости используется теория вежливости в качестве основы теории невежливости. Например, невежливым является намеренное нанесение ущерба «лицу» собеседника [Culpeper 2005: 38], а также нарушение норм и правил вежливости [Харлова 2016: 245]. На наш взгляд, значение изучения невежливости для изучения вежливости заключается не только в расширении исследовательского горизонта, но и в анализе пересечения феноменов вежливости и невежливости. Можно сказать, что изучение невежливости и изучение вежливости являются частями общего целого. Поскольку вежливость и невежливость неразрывно связаны между собой, они не существуют изолированно и в то же время не являются противоположностями друг друга. Как пишет Л. А. Хесед, «если поведение человека в некоторой ситуации нельзя охарактеризовать как вежливое, отсюда ещё не следует, что оно обязательно является невежливым. Верно и обратное: если о человеке нельзя сказать, что он в некоторой ситуации ведёт себя невежливо, это не означает, что он ведёт себя в этой ситуации вежливо» [Хесед 2013: 207].

Существует зона между вежливостью и невежливостью, которая оценивается, с нашей точки зрения, как нейтральная по своей природе. В некоторых случаях невежливые выражения могут входить в нейтральную зону, к примеру, приказы без добавления каких-либо дополнительных смягчающих средств между родственниками и друзьями не будут считаться невежливыми. Выражения в нейтральной или вежливой зоне иногда переходят в невежливую зону, так, например, слово «молодец» может использоваться и как комплимент, и как колкость. Изменение социальных представлений также влияет на оценку вежливости и невежливости, например: «В начале 1990-х годов участники деловых переговоров или представители разных компаний, не знакомые между собой, обращались друг к другу «на Вы» и исключительно по имени – отчеству. В последние десятилетия появляется новая тенденция к обращению «на Вы», но только по имени. Подобная форма считается уместной и достаточно вежливой, в то время как в прежние времена её могли бы счесть недостаточно формальной» [Кронгауз 2004: 182]. Следовательно, граница между вежливостью и невежливостью явно нечеткая и постоянно меняется.

Для того чтобы лучше раскрыть взаимосвязь между этими двумя понятиями, проанализируем концепты «вежливость» и «невежливость». Концепты хранят общие знания данного языкового сообщества, их главная роль заключается в категоризации мышления [Бабушкин 1996: 16]. Концепты сводят разнообразие наблюдаемых и воображаемых явлений к чему-то единому и обобщают их под одним заголовком, способствуя обработке субъективного опыта путем группировки информации в определенные категории [Кубрякова 1996: 90]. Концепты *вежливость* и *невежливость* были выявлены с помощью свободного ассоциативного эксперимента. Суть ассоциативного эксперимента заключалась в том, чтобы записать любые ассоциации (слова, словосочетания) со словами «вежливость» и «невежливость» в количестве не менее десяти ответов от каждого информанта. Мы собрали ответы 116 информантов в возрасте от 16 до 68 лет, в ходе эксперимента было получено 1097 слов и выражений, связанных с вежливостью, и 1043 слов и выражений, связанных с невежливостью, в которых было представлено 493 различных ассоциации к слову «вежливость» и 580 различных ассоциаций к слову «невежливость». Результаты ассоциативных экспериментов, исследующих концепты «вежливость» и «невежливость», представлены ниже. (Отметим, что слова и выражения с похожей семантикой группируются вместе, например: *воспитанность, воспитанный, воспитание, хорошее воспитание* даются как *воспитанность*. При этом все приведенные далее слова и сочетания являются наиболее часто встречающимися в каждой аналогичной группе. Цифры в скобках – это общее количество называемых реакций на данный стимул, а проценты – их доля в составе всех реакций на стимулы *вежливость* и *невежливость*.)

1. Концепт «вежливость»: воспитанность (59 / 5,4%), уважение (56 / 5,1%), тактичность (36 / 3,3%), учтивость (32 / 2,9%), доброта (24 / 2,1%), интеллигентность (20 / 1,8%), спасибо (17 / 1,5%), улыбка (17 / 1,5%), пожалуйста (16 / 1,5%), доброжелательность (16 / 1,5%), культура (14 / 1,3%), аккуратность (14 / 1,3%), спокойствие (14 / 1,3%), сдержанность (13 / 1,2%), манеры (13 / 1,2%), мягкость (12 / 1,1%), благодарность (12 / 1,1%), галантность (12 / 1,1%), внимательность

(11 / 1%), корректность (11 / 1%), помощь (11 / 1%), правила (11 / 1%), деликатность (8 / 0,7%), этикет (7 / 0,6%), обходительность (7 / 0,6%), дружелюбие (7 / 0,6%), будьте добры (7 / 0,6%), образованность (7 / 0,6%), холодность (7 / 0,6%), любезность (6 / 0,5%), точность (6 / 0,5%), приятно (6 / 0,5%), понимание (5 / 0,5%), приветствие (5 / 0,5%), скромность (5 / 0,5%), благородство (5 / 0,5%).

2. Концепт «невежливость»: грубость (88 / 8,4%), хамство (65 / 6,2%), невоспитанность (47 / 4,5%), неуважение (28 / 2,7%), злоба (21 / 2%), бестактность (20 / 1,9%), наглость (15 / 1,4%), эгоизм (14 / 1,3%), резкость (13 / 1,2%), крик (13 / 1,2%), невежество (11 / 1%), агрессия (10 / 1%), обида (9 / 0,9%), грязь (8 / 0,8%), неучтивость (7 / 0,7%), игнорирование (7 / 0,7%), глупость (6 / 0,6%), дерзость (6 / 0,6%), неблагодарность (6 / 0,6%), невнимательность (6 / 0,6%), несдержанность (6 / 0,6%), оскорбление (6 / 0,6%), нарушение границ (5 / 0,5%), неприязнь (5 / 0,5%).

Отметим, что невысокие проценты для каждого вида реакции являются результатом запроса достаточно большого количества ответов от информантов (до 10), что было сделано с целью получить разнообразие ассоциаций.

Результаты эксперимента показывают, что оба понятия-стимула в сознании участников эксперимента не очень четко структурированы; сравнивая ассоциации к одному и другому слову, можно обнаружить, что эти два концепта противоположны по семантике. Поэтому закономерно, что исследователи рассматривают вежливость и невежливость как две стороны одной монеты и выводят определение невежливости на основе определения вежливости. Но так ли это на самом деле? Необходимо обратить внимание на оценочный характер концептов *вежливость* и *невежливость*. Не существует четких критериев для суждения о вежливости и невежливости, мы не можем объективно оценивать кого-либо или что-либо по данной шкале, и эта проблема является первопричиной отсутствия четкости в границах между категориями вежливости и неделикатности. В основе концепта *вежливость* мы видим такие компоненты, как *воспитанность*, *уважение* и *тактичность*, а в концепте *невежливость* – *грубость*, *хамство*, *невоспитанность* и *неуважение*, все эти слова также носят оценочный характер. Критерии, которые мы используем для суждения о том, что является или не является уважительным, основаны в первую очередь на ярких правилах и нормах концепта (например, обращение на «Вы» и использование отчества для выражения вежливости), в то время как на периферии находятся такие слова и выражения, которые могут быть уважительными или неуважительными в зависимости от ситуации и контекста. Даже те слова и выражения, которые находятся в центральной области концепта уважения, в некоторых случаях также могут входить в область неуважения. Следовательно, оцениваемость концепта неизбежно приводит к динамике границ. До сих пор мы обращали внимание только на самую яркую, центральную часть концептов *вежливость* и *невежливость*. Теперь посмотрим на периферию – другие результаты ассоциативного эксперимента. 1) В концепте *вежливость*: ирония, ложь, притворство, лицемерие, холодность, маска, манипуляция, фальшь и т. п. 2) В концепте *невежливость*: фамильярность, субъективность, меняющиеся правила, жалость, случайность, правдивость, искрен-

ность, честность, ханжа, совесть, дорогуша, близкие отношения, непритворство и т.п.

В целом, из-за нечетких границ между категориями вежливости и невежливости, мы не рекомендуем определять невежливость как противоположность вежливости, лучше принять более широкое определение. Невежливость – это не просто нарушение принципов вежливости, это также может быть и неуместное использование принципов вежливости. А вежливость – это не только соблюдение социальных норм и соответствие культурным ценностям, но и в более широком смысле – соответствие ожиданиям адресата.

Литература

Бабушкин А.П. Типы концептов в лексико-фразеологической семантике языка. Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та, 1996.

Кронгауз М.А. Русский речевой этикет на рубеже веков // *Russian linguistics*. 2004. № 2. С. 163-187.

Кубрякова Е.С. Краткий словарь когнитивных терминов / Е.С. Кубрякова, В.З. Демьянков, Ю.Г. Панкрац. М.: Филол. фак-т МГУ им. М.В. Ломоносова, 1996.

Харлова М.Л. Невежливость и грубость в американской и русской коммуникативных культурах: дис. ... канд. филол. наук. Москва, 2016.

Хесед Л.А. Типы вежливого и невежливого поведения и их знаковые характеристики: дис. ... канд. филол. наук. Москва, 2013.

Culpeper J. Impoliteness and entertainment in the television quiz show: The Weakest Link // *Journal of Politeness Research*. 2005. 1. P. 35-72.

Spencer-Oatey H. (Im)politeness, face and perception of rapport: Unpackaging their bases and interrelationships. // *Journal of Politeness Research*. 2005. 1 (1). P. 95-119.

Zehong Zhao (St. Petersburg, Russia)
Saint Petersburg State University

LINGUISTIC STUDY OF (IM)POLITENESS

The article examines the relationship between studies of politeness and studies of impoliteness. Analyzing the concepts of politeness and impoliteness, the author comes to conclusion that the study of politeness and impoliteness are not completely opposed to each other and should not be considered in isolation.

Key words: The concept of politeness, the concept of impoliteness, the associative experiment, studies of politeness and impoliteness, linguistic (un)politeness.

III.4. Когнитивная лингвистика и лингвокультурология

*Е.А. Дамман (Челябинск, Россия)
Южно-Уральский государственный университет (НИУ)
dammanea@susu.ru*

ЯЗЫКОВАЯ МЕТАФОРА: ЗНАЧИМОСТЬ НОРМЫ И ОЦЕНКИ В КУЛЬТУРЕ

Исследование посвящено изучению концепта «Человек» посредством языковой метафоры, анализ социокультурного компонента значения которой предоставляет данные для выявления ценностных ориентации человека. Автор рассматривает взгляды на норму, эталон, оценку с точки зрения важности данных понятий в культуре. Анализируются примеры языковой метафоры мелиоративной и пейоративной оценки.

Ключевые слова: языковая метафора, концепт «Человек», ценностные ориентации, мелиоративная и пейоративная оценка.

Метафора играет важную роль в построении языковой картины мира и в членении действительности. Системный анализ социокультурного компонента значения языковой метафоры предоставляет данные для выявления ценностных ориентации человека. Концепт «Человек» занимает центральное место в картине мира и обладает огромной значимостью для носителей языка, что подтверждается наличием в каждой культуре строгих моральных, этических, эстетических, поведенческих и других норм, определяющих, согласовывающих и регулирующих отношения людей, требования к внешнему виду, образу поведения и моральному облику человека.

Норма определяется как понятие, обозначающее границы, в которых вещи, явления, природные и общественные системы, виды человеческой деятельности и общения сохраняют свои качества, функции, формы производства. Нормы могут относиться к внешним для человека объектам, к определенным ситуациям социальных взаимодействий, к индивидуальному развитию личности [Современный философский словарь 2020].

У каждого человека под влиянием общества, членом которого он является, формируются общие нравственно-эстетические требования к другим людям и образуются воплощающие эти требования эталоны, пользуясь которыми он дает оценку окружающим его людям. Помимо нравственно-эстетического компонента, у него складываются требования к соответствию занимаемым другими людьми положением в обществе и выполняемой ими ролью в том или ином виде деятельности.

Помимо эталонов, которые при восприятии и познании человеком человека дают возможность определить место объекта познания в системе типов личностей, сформировавшейся у познающего, у субъекта познания, как правило, имеется устойчивая тенденция приписывать тем лицам, класс которых им установлен, наборы определенных качеств. Приписывание познаваемой личности опре-

деленных качеств на основе отнесения ее по увиденным в ней отдельным характеристическим особенностям к какому-либо классу лиц было хорошо изучено Келли Х., который экспериментально показал, что за ним стоит факт так называемого безотчетного структурирования личности [Kelley 1950: 431-439]. Это явление получило название стереотипизации, а наборы качеств, которые человек придает познаваемой им личности, получили название оценочных стереотипов.

В последующем многочисленными исследованиями было показано, что в стереотипах всегда находит выражение запас теоретических и практических знаний, которыми располагает человек, о каждом народе, о каждом из общественных классов, о возрасте, профессии. Было выяснено, что стереотипы начинают влиять на оценку, даваемую человеку уже на уровне восприятия внешности этого человека. Секордом П. было установлено большое совпадение тенденций в приписывании определенных черт людям, в лицах которых можно было найти отличительные характеристики (формы лица, расположение глаз относительно носа, величина рта и т. д.) (**nosy** – *(adj)* «носатый», *coll* любопытный, проницательный; **bigmouth** – *(n)* «большой рот», человек, неспособный хранить секреты (болтун, трепач); **green-eyed** – *(adj)* «с зелёными глазами», ревнивый) [Secord 1965: 23-27]. Модели речевого поведения человека, отражающие его реакцию при столкновении с нарушением установленных в обществе норм, закодированы в системе языка в виде оценочной лексики, поэтому аксиологический (оценочный) аспект всегда присутствует при изучении социокультурного компонента языковой метафоры. Это доказывает важность нормы, как одного из основных ориентиров в культуре, регулирующей систему ценностей в жизни общества.

В основе каждого существа лежит принцип недостаточности (принцип неполноценности), который определяет возможности человека и направляет их. Исследуя языковые метафоры в социокультурном и аксиологическом аспектах, можно сделать важные выводы о многих психологических и социальных явлениях в жизни общества. Восприятие и характеристика человека человеком основана на системе оценочных стереотипов, которые в схематизированном виде содержат весь объем знаний этноса о самом себе и окружающей его действительности и образуют ядро языковой картины мира, центральным концептом которой является «Человек». Все приведенные ниже слова и их определения взяты из «Англо-русского словаря-справочника лексики с социокультурным компонентом значения» [Тарханова, Филиппенко 2003].

Языковая метафора мелиоративной оценки. Лексика разряда антропоцентрических метафор мелиоративной (положительной) оценки не только многочисленна, но и уязвима в отношении семантических свойств языковой метафоры и ее происхождения. Некоторые языковые метафоры мелиоративной оценки внесены в язык извне: заимствуются из художественной литературы, где они выполняли функцию художественного штампа (**Samson** – *(n)* «Самсон, герой, обладавший большой силой», сильный человек; **Junoesque** – *(adj)* «подобная Юноне», красивая женщина; **Robin Good** – *(n)* «легендарный герой, который грабил богатых и помогал бедным», человек, который объявлен вне закона). Ряд языковых метафор возник на основе лексики, заимствованной из религиозных культов различных стран (**guru** – *(n)* «личный религиозный учитель

или духовный наставник индуизме», 1 признанный лидер 2 знающий, опытный человек, эксперт; **Brahman** – (n) *Ind* «индус, принадлежащий к самой высокой касте», представитель высокого социального класса, отличающийся образованностью и вкусом).

Сравнительно небольшое количество языковых метафор мелиоративной оценки объясняется тем, что оценка «хорошо» как правило, означает соответствие норме, что не может вызвать таких же сильных эмоций, как нарушение нормы. Исключения составляют языковые метафоры, выражающие одобрение по причине превышения ожидаемого соответствия эталону (**ball of fire** – «огненный шар», человек, полный энергии и жизненной силы **marvel** – (n) «чудо, диво», великодушный человек; **queen** – (n) «жена короля, женщина-монарх», красивая девушка или женщина).

Языковая метафора пейоративной оценки. Языковые метафоры пейоративной (негативной) оценки обнаруживают большое семантическое разнообразие. Отрицательно оцениваются глупость (**airhead** – (n) «ветер в голове», *US sl* человек, не способный осмысливать свои поступки; **conehead** – (n) «голова конусом», глупый, ограниченный человек), жестокость (**brute** – (n) «жестокое животное/хищник», *coll* жестокий человек), равнодушие (**cold fish** – (n) «холодная рыба», бесчувственный, равнодушный человек), неблаговидное, недостойное поведение (**bigmouth** – (n) «большой рот», человек, неспособный хранить секреты, **scorpuscat** – (n) «копирующий кот», *derog* человек, копирующий других), низкое общественное положение (**sprat** – (n) «килька», 1 худенький ребенок 2 *derog* ничтожный, невлиятельный молодой человек), а так же некоторые физические и психологические качества, объективно не являющиеся отрицательными, но обладающие избыточностью, чрезмерным проявлением (**elephantine** – (adj) «слоновый», неуклюжий, тяжеловесный; **amazon** – (adj) «похожая на Амазонку», мужеподобная, большая, высокая женщина).

Объекты, избираемые для метафорического именованья человека, по тем или иным причинам вызывают устойчивое и всеобщее негативное отношение, связанное с пейоративной оценкой (**swine** – (n) «свинья», человек, который плохо себя ведет, **rat** – (n) «крыса», 1 *coll* мерзкий тип 2 предатель, ренегат, человек, покидающий организацию в тяжелое время; **louse** – (n) «вошь», *coll* мерзкий, отвратительный тип). Некоторые реалии сами по себе нейтральны, но приписывание их свойств человеку воспринимается как его дискредитация (**sap** – (n) «жизненные силы», 1 *sl* ученик, который учит материал, не улавливая его суть (зубрила, ботаник) 2 *sl* человек, которого легко обмануть, одурачить; **potato** – (n) «картофелина», физически непривлекательная женщина; **bananas** – (n) *pi* «бананы», сумасшедший человек).

Из 1360 рассмотренных языковых метафор 1188 (87 %) имеют пейоративную оценку и только 172 (13 %) – мелиоративную. Наши материалы показали, что отклонение от стандарта в подавляющем большинстве случаев вызывает отрицательную оценку, будь то превышение стандартной меры (**beef** – (n) «бык (откормленный на убой)», *coll derog* большой человек (туша)) или ее недостаточность (**reedlike** – (adj) «похожий на тростник», тонкий, худенький). Такое распределение метафорических обозначений человека обусловлено тем, что че-

ловеку свойственно называть «не своим именем» того, кто заслуживает порицания, представляет собой отклонение от нормы.

Понятие нормы – явление социальное, умение соотносить объекты действительности с идеалом, который зачастую практически недостижим, воспитывается в человеке в процессе социализации, соответственно воспитываются и реакции на несоответствие норме. Эталоны изменяются в ходе развития общества, однако эти метаморфозы никоим образом не сказываются на интенсивности реакции, вызываемой архетипом несоответствия норме. Как правило, на глубоком эмоциональном уровне человек переживает неосознанное чувство страха, дискомфорта, что приводит в действие психологические защитные механизмы. В этом случае языковая метафора не может служить критерием истинности суждения о каком-либо аспекте личности человека, спровоцировавшего эмоцию, поскольку, подпадая под влияние эмфатических оценок, человек приходит в эмоциональное состояние, в котором он в наименьшей мере способен применять верный масштаб. Следовательно, мы не можем реконструировать стереотипный образ англичанина, основываясь на социокультурном компоненте языковой метафоры, но у нас есть возможность с большой долей достоверности вывести эталоны, принятые в языковом коллективе и применяемые ко всем его участникам без исключения.

Литература

Современный философский словарь / под общ. ред. Кемерова В.Е., Керимова Т.Х. Москва: Академический Проект, 2020.

Тарханова Т.В., Филиппенко Е.А. Англо-русский словарь-справочник лексики с социокультурным компонентом значения. Челябинск, Изд-во ЮУрГУ, 2003.

Kelley H.H. The warm-cold variable in first impression of personality // *Journal of abnormal and social psychology*. 1950. №18. P. 431-439.

Secord P. Facial Features and inference processes in interpersonal perception // *Person Perception and Interpersonal Behaviour*. Stanford, 1965. P. 23-27.

E.A. Damman (Chelyabinsk, Russia)
South Ural State University

LANGUAGE METAPHOR: THE SIGNIFICANCE OF NORM AND ASSESSMENT IN CULTURE

The study focuses on the concept “Human Being” through a language metaphor analysis. Studying the meaning of language metaphors and its socio-cultural component provides data for determining the value orientations of a person. The paper examines the views on the norm, standard and assessment in terms of the importance of these notions in culture. It analyzes the examples of language metaphors of ameliorative and pejorative evaluation.

Key words: language metaphor, the concept “Human Being”, value orientations, ameliorative and pejorative evaluation.

З.Н. Игнашина (Москва, Россия)

Финансовый университет при Правительстве РФ
tirroleland@mail.ru

Е.А. Попова (Москва, Россия)

Московский государственный лингвистический университет, Москва
o-genia@yandex.ru

ИЗМЕНЕНИЯ ЗНАЧЕНИЯ БЕЛОГО ЦВЕТА В АНГЛИЙСКОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ (НА ПРИМЕРЕ ИДИОМЫ WHITE KNIGHT)

Статья посвящена особенностям развития значений и коннотаций идиомы *white knight* в английском языке. На ее примере показаны возможности семантических сдвигов устойчивых языковых единиц, в состав которых входят прилагательные со значением цвета. Делается вывод о влиянии на подобные трансформации экстралингвистических факторов.

Ключевые слова: английский язык, белый цвет, языковая единица, коннотация, семантический сдвиг.

Цвет является одним из ключевых факторов, воздействующих на психофизиологическое восприятие мира. Символика цвета лежит в основе образования ассоциативно-семантических микросистем, например, «хороший» – белый, «никакой» – серый, «плохой» – черный; «разрешающий» – зеленый, «предупреждающий» – желтый, «запрещающий» – красный; «нежный, радостный» – розовый, «безмятежный» – голубой «революционный» – красный, «контрреволюционный» – белый; [Лаенко 1988].

Белый цвет играет ключевое символическое значение в культуре. Исследователи связывают его истоки с психобиологическим опытом человека, с двумя важнейшими жидкостями (тканями) человеческого организма – семенной и молочной. Древние люди почитали их как священные, лежащие в начале существования человека, что придает белому цвету значение блага, жизненной силы, здоровья, благополучия [Васильева 2017]. Данное значение подкрепляется связью белого цвета со световым днем, когда действительность воспринимается ясно и отчетливо. Оптически белый – эталон чистоты, противоположность хаоса и грязи, поэтому он выступает символом чистоты мыслей и действий.

Большое количество английских идиом с компонентом «белый» имеет положительную коннотацию: *white-handed* (букв. ‘с белыми руками’) – честный, *white hope* (букв. ‘белая надежда’) – лицо, на которое возлагаются большие надежды, *white lie* (букв. ‘белая ложь’) – невинная ложь, «ложь во спасение»:

• *Since being signed last spring, many are talking about the rising football star as the team's white hope* (idioms.thefreedictionary.com). – После его прихода в команду прошлой весной многие считают, что восходящая футбольная звезда **подает большие надежды** (Здесь и далее перевод наш. – З. И., Е. П.).

• *I try to be honest most of the time, but I do tell white lies when I'm worried about upsetting people* (там же). – Я стараюсь быть честным, но иногда прибегаю **к невинной лжи**, чтобы не обидеть людей.

В ряде устойчивых единиц белый цвет реализует компонент значения элитарности, определенной степени величия, символизирует принадлежность к узкой престижной группе: *white collars* (букв. ‘белые воротнички’) – служащие умственного труда, работающие в офисе; *white list* (букв. ‘белый лист’) – список лиц, пользующихся дипломатическим иммунитетом; *white supremacy* (букв. ‘белое верховенство’) – вера в превосходство белой расы над другими.

Устойчивая языковая единица (далее – ЯЕ) *white knight* (букв. ‘белый рыцарь’) восходит к западноевропейскому рыцарскому роману, где данный образ представляет собой идеализированное ампула героя-защитника, лишенного негативных качеств, открыто действующего во имя высокой цели, образ чистой христианской души. Традиционная лексикография отражает положительную коннотацию лексемы *white* в рамках указанной идиомы. Так, в Кембриджском толковом онлайн-словаре английского языка (dictionary.cambridge.org) мы находим два определения указанной ЯЕ – общеупотребительное (1) и узкопрофессиональное, относящееся к сфере финансов (2):

1) *a person or thing that helps someone who is in a difficult situation* – лицо или объект, помогающий кому-либо, оказавшемуся в сложной ситуации;

2) *a person or organization that saves a company from financial difficulties or from an unwanted takeover by putting money into the company or by buying it* – лицо или организация, позволяющая компании избежать нежелательного поглощения путем инвестирования средств в компанию или ее покупки.

Приведенные примеры отражают положительную коннотацию идиомы, «белый рыцарь» в них воспринимается как надежная сила, оказывающая необходимую помощь и поддержку. Тем не менее со временем ЯЕ *white knight* претерпевает семантический сдвиг в сторону ироничной, а впоследствии – и негативной оценки. Рассмотрим причины подобной трансформации.

Концепт «белого рыцаря» связан с архетипичным образом, восходящим к традициям средневекового рыцарского романа – «дамы в беде» (*damsel in distress*), молодой и привлекательной женщины, пассивно ожидающей спасения извне. Указанные парные образы нашли отражение во многих классических литературных произведениях, плотно укоренившись в широкой массовой культуре. Со второй половины XX века использование данных архетипов становится объектом феминистской критики, образы переосмысляются, появляется гендерная инверсия: в рамках дихотомии «спасающий субъект vs. спасаемый объект» спасаемым выступает мужчина.

Изменение общественных парадигм поведения не могло не найти отражения в языке. Так, начиная с 2010-х годов ЯЕ *white knight* приобретает ироническое, умеренно-пейоративное значение. В рамках анализа употребления идиомы пользователями англоязычных форумов, мы выделили несколько значений, имеющих дерогативно маркированные коннотации, и проиллюстрировали их примерами актуализации из словаря *Urban Dictionary* (www.urbandictionary.com):

1. Мужчина, чье поведение нацелено не на защиту женщины, а на конкуренцию с другими мужчинами. Говорящим делается акцент на негативных сторонах обозначаемого лица, его слабости, никчемности. Синонимом *white*

knight выступает разговорная ЯЕ сниженного регистра *cockblocker* – «кайфолом», тот, кто мешает другому человеку «закадрить» кого-либо.

• *Typically, a man who behaves as a **White Knight** is in a pathetic state of mind. He feels for some reason that he cannot get laid, so reduces himself to trolling ... other men who happen to be hitting it off with women whom the **White Knight** has a history of fantasizing for.* – Мужчина, ведущий себя как **Белый Рыцарь**, нередко весьма жалок. Он, по каким-то причинам, считает, что не может быть отвергнут, поэтому посвящает себя нападкам на ... мужчин, которые проявляют интерес к женщине, ставшей объектом фантазий **Белого Рыцаря**.

2. Мужчина, готовый на все ради внимания противоположного пола, проявляющий экспансивные, чрезмерные знаки внимания.

• *Why do those **white knights** try so hard to impress the girls they run into online?* – Почему эти «**белые рыцари**» так стараются, чтобы поразить девушек, с которыми они пересекаются онлайн?

• *GUYS: BRO, WTF, GET OFF OF HER... Hey princess, don't worry... GUY: Dude... **white knights** up in here.* – Друг, что такое, отстань от нее... Принцесса, не переживай... – Ооо, да тут у нас **белые рыцари** собрались.

Говоря о втором значении, следует отметить тенденцию к его расширению, когда речь идет о подчеркнуто внимательном поведении по отношению к любому человеку, а не только к противоположному полу:

• *Dude, stop **white knight**ing... You're just making it worse.* – *Старик, прекрати себя вести как **белый рыцарь**... Ты только хуже делаешь.*

3. Мужчина, подчеркнуто занимающий сторону женщины в любом конфликте, независимо от объективных причин, угрожающий ей, нередко путем потери собственного достоинства (ср. рус. «подкаблучник»).

• *"My baby is an independent woman and she can do as she pleases", replies the Zach T. Wow, Zach T, stop trying to be her **White Knight**.* – «Моя детка – независимая женщина и может делать все, что ей пожелается», – отвечает Зак Т. Воу, Зак Т., прекращай уже быть ее **Белым Рыцарем**.

Как видно из примеров, положительная коннотация постепенно сдвигается в сторону негативной, уничижительной, концепт «white knight» теряет традиционное героическое значение. На наш взгляд, подобный сдвиг обусловлен влиянием таких экстралингвистических факторов, как эмансипация и активное распространение современных социополитических практик – феминизма второй и третьей волны, концепций новой феминности и маскулинности и т. д.

Тем не менее о выраженной пейоративной коннотации и принадлежности к сниженной лексике ЯЕ *white knight* уверенно можно говорить только в контексте первого и третьего значений, в то время как второе начинает тяготеть к нейтральности, что позволяет использовать словосочетание в более широком стилистическом контексте. Например, на научно-популярном портале Psychology today можно найти статьи, посвященные т. н. «синдрому белого рыцаря» (*white knight syndrome*) и способам работы с указанным состоянием. Таким образом, наряду с финансовой сферой идиома *white knight* начинает употребляться как профессионализм в области психологии и психотерапии, однако если в первом случае он связан с концептом силы, то во втором – с концептом слабости.

Отдельно стоит отметить фактор влияния политкорректности – приверженности убеждению, что язык и действия, которые могут задеть чьи-либо чувства, необходимо исключить из коммуникации. Политкорректность приобретает особое значение в межэтническом общении, подразумевающим внимательное отношение к отличиям партнера и проявление «коммуникативной толерантности». Пересмотр подхода к особенностям цветообозначающей лексики в рамках концепции политической корректности сказался на расширении значения словосочетания *white knight* в контексте межрасовой коммуникации. Так, в современном разговорном английском языке мы наблюдаем данное явление, когда речь идет об избыточной помощи, внимании, оказываемом, однако, не мужчиной по отношению к женщине, а представителем белой расы по отношению к представителю негроидной, не просившего этой помощи. Такое поведение рассматривается как проявление неуместного патернализма, скрытого расизма. Героиня сериала *And just like that* («И просто так»), выхватив у грабителя сумку и вернув ее владелице-афроамериканке – своему преподавателю, испуганно спрашивает: *Oh, I am so sorry, haven't that been an example of the white knight behavior?* – Простите, не повела ли я себя как белый рыцарь?

Таким образом, на примере устойчивого словосочетания *white knight* мы можем наблюдать интересную эволюцию коннотации от традиционно положительной к негативной, обусловленную сдвигом общественной парадигмы и влиянием общественно-политических течений.

Литература

Васильева Д.В. Значение цветовой триады в первобытных культурах Африки и Мезоамерики // Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки». 2017. № 1 (13). С. 165-169.

Лаенко Л.В. От семантики цвета к социальной семантике языка (на материале английских и русских прилагательных, обозначающих цвет): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 1998.

Cambridge Dictionary. URL: dictionary.cambridge.org (дата обращения: 9.04.23).

The Free Dictionary. URL: thefreedictionary.com (дата обращения: 9.04.23).

Urban Dictionary. URL: urbandictionary.com (дата обращения: 9.04.23).

Z.N. Ignashina (Moscow, Russia)

Financial University under the Government of the Russian Federation

E.A. Popova (Moscow, Russia)

Moscow State Linguistic University

MEANING OF THE COLOUR WHITE IN ENGLISH PHRASEOLOGY: THE “WHITE KNIGHT” IDIOM MODIFICATION

The article deals with the peculiarities of meaning and connotation development in the “white knight” idiom in English. It reveals the possibilities of semantic shifts in set phrases which include colour adjectives. The article considers the influence of extralinguistic factors on such changes.

Key words: English language, white color, language unit, connotation, semantic shift.

*Д.Б. Измаилян (Москва, Россия)
Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ
diana.izma@gmail.com*

К ВОПРОСУ ОБ ИЗУЧЕНИИ МЕДИАРЕЧИ В ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ

В статье рассматриваются особенности культурно-когнитивного анализа текстов массовой информации. Анализируется то, каким образом номинативные единицы языка, вовлеченные в медиатекст, фиксируют в своей семантике культуроспецифичную информацию. Демонстрируются также культурообусловленные особенности организации информационного пространства и формирования медиатекстов.

Ключевые слова: лингвокультурология, медиатекст, язык СМИ, картина мира, национальная культура, культуроспецифичность, культурологический контекст.

Антропоцентрическая парадигма в языкознании, сложившаяся на рубеже тысячелетий, поставила новые задачи в исследовании языка, а потому потребовала новых подходов к анализу его единиц и категорий. Основные направления в лингвистике, развивающиеся в рамках данной парадигмы, выдвигают на первый план человека, его мышление и социо-культурную деятельность; языку же отводится роль главной конституирующей характеристики человека, его важнейшей составляющей. Несмотря на то, что всё языкознание проникнуто культурно-историческим содержанием, резко возросший интерес к проблеме взаимодействия языка, культуры и этноса в конце XX в. связан с когнитивной революцией в языке, которая была спровоцирована отсутствием в «науке о человеке главного, что создало человека и его интеллект, – культуры» [Фрумкина 1995: 104]. Так, постулат о том, что язык является одновременно орудием создания, накопления и хранения культуры человека, стал основой лингвокультурологического подхода к исследованию языка.

В фокусе внимания лингвокультурологических исследований – изучение семантики языковых знаков, которые при взаимодействии с культурным кодом способны отображать культурно-национальную ментальность носителей данного языка. Поскольку культурная информация в языковых знаках имеет преимущественно скрытый за их собственно языковым значением характер, национально-культурное своеобразие языков и различия между ними легче демонстрируются на материале лексических единиц и фразеологизмов, вовлеченных в определенный тип дискурса (текста) [Иванова 2022]. Номинативные средства языка, будучи наиболее прямо связанными с внеязыковой деятельностью, фиксируют в своей семантике воззрения народа, идеологию своей эпохи; а текст оказывается связующим звеном между лингвистикой и культурологией, ибо, с одной стороны, принадлежит языку и является его высшим ярусом, а с другой, представляет собой непосредственно форму существования культуры.

Лингвокультурологический подход к анализу семантических аспектов разных типов текста представляет особую ценность для изучения медиатекстов. Весь корпус медиаречи является неотъемлемой частью современной культуры в

ее «массовом проявлении», ее способность как отражать, так и интерпретировать реалии окружающего мира, формировать идеологический фон не может не сказываться на состоянии культурно-информационной среды того или иного языкового сообщества. Медiateксты, соответственно, насыщены культуроразнозначимой информацией, в них хранятся как общие, так и специфические особенности функционирования национальных языков и культур.

Для описания культуроносного слоя медiateкстов в исследованиях языка СМИ используется категория «культуроспецифичности» [Добросклонская 2020]. Эта категория охватывает все способы выражения культуроразнозначимой информации, включённой в медийную и вербальную ткань медiateкста, и проявляется благодаря компонентам «культурологического контекста», который образует четырехуровневую модель:

- на *денотативном* уровне контекста культуроразнозначимые сведения выражены в прямой, эксплицитной форме; культуроспецифичность здесь представлена национальными словами и выражениями, служащими, как правило, предметом описания в страноведческих словарях. Это могут быть прецедентные имена, названия политических партий, улиц, исторических мест, а также обозначения специфических для данной культуры явлений (напр., fish-and-chips, kilt, backbencher, щи, дача, баня, гласность, челноки).

- на *коннотативном* уровне контекста культурная маркированность появляется в результате интерпретации денотативного, исходного значения в категориях национальной культуры. Единицы коннотативного уровня часто обозначают общие для различных культур предметы и понятия (напр., village, ambition/ambitious, бабушка), однако культурная коннотация запускает специфический для данной культуры образно-ассоциативный механизм осмысления этих предметов или понятий. Например, выражение «global village», обозначающее единое информационное пространство, при переводе на русский язык лексически эквивалентным словосочетанием «глобальная деревня» коннотирует негативный признак, связанный с денотатом «деревня», символизирующим низкий уровень жизни, отсутствие комфорта.

- на *ассоциативном* уровне контекста культурная информация о мире, социуме представлена в лексических и фразеологических единицах через соотношение ассоциативно-образного основания с эталонами, символами, стереотипами национальной культуры. Так, образ BBC традиционно ассоциируется у британской публики с высокопрофессиональным беспристрастным стилем вещания.

- на *метафорическом* уровне контекста культурообусловленную информацию несут метафоры, сравнения, образы и символы, порожденные из заимствованных в национальной культуре текстов. Это могут быть отсылки к литературным или музыкальным произведениям, фильмам, известные высказывания и крылатые фразы, пословицы и поговорки, рекламные слоганы и лозунги и т.п. Например, выражения «Bonny&Clyde bank robbery», «Trainspotting style existence» содержат прямые ссылки на названия хорошо известных в англоязычном мире фильмов, а газетный заголовок «Yankee Come Here» – это парафраз популярного в 60–х гг. XX в. антиамериканского лозунга «Yankee Go Home».

Категория культуроспецифичности, проявляющаяся также в организации информационного пространства, обуславливается такими социально-культурными факторами, как, например, принадлежность народа к культуре индивидуалистской или коллективистской, высококонтекстуальной или низкоконтекстуальной, с высокой или низкой степенью выраженности этноцентризма. Так, англо-американская культура характеризуется гораздо более высокой степенью этноцентризма, чем русская, что проявляется и в особенностях формирования медиатекстов в этих двух лингвокультурах: с точки зрения численного соотношения разделов «новости в стране» и «новости за рубежом» на газетных полосах явно преобладающими в плане освещения событий по стране оказываются британские и в особенности американские СМИ. Такие медиаплощадки, как CNN и BBC World, не берутся здесь в расчет ввиду их ориентированности на международную аудиторию.

Еще одним существенным лингвокультурным фактором в исследованиях текстов массовой информации является тематическая доминанта национального медиаландшафта. При общей схожести регулярно воспроизводимых СМИ тем (политика, бизнес, новости, культура, спорт, погода) в разных странах, можно выделить ряд устойчивых, часто повторяющихся тематических составляющих, характерных для той или иной культуры. Британские и американские СМИ, например, всегда особенно интересовались подробностями частной жизни высокопоставленных политиков и лиц королевской семьи: стоит вспомнить скандал вокруг президента Клинтона и Моника Левински или принца Гарри и Меган Маркл.

В условиях развернувшейся сегодня глобализации информационно-коммуникативного пространства и интенсивного развития межкультурного взаимодействия английский язык получил особый статус, затронув, тем самым, практически все сферы международной деятельности. Такая лингвокультурная ситуация в мире дала почву для выдвижения множества теорий и концепций, объясняющих экспансию англоязычных образцов преимущественно по каналам массовой коммуникации. Англоязычное медиавлияние в современной культурно-информационной среде может наблюдаться на всех лингвоформатных уровнях медиатекста. Так, на уровне формата типичным примером англоязычного медиавлияния как в мире в целом, так и в России в частности, выступает огромное множество передач, произведенных по аналогии с базовыми для англо-американских СМИ форматами: теле-шоу, ток-шоу, реалити-шоу, различные виды батлов и quiz-программ и др. Многие из этих передач попросту являются лицензированными вариантами оригинальных англоязычных программ. На уровне содержания медиавлияние проявляется в полном «перекачивании» публикаций из англоязычных источников, освещающих разные аспекты популярной культуры. Если ранее в России подобный контент отдельно сопровождался пометкой «по материалам зарубежной прессы», то сейчас информация о новинках мировой культуры представляется российскими СМИ как национально-культурный компонент. На уровне языка англоязычные тексты массовой информации являются неисчерпаемым источником лексических заимствований, которые, однажды появившись в национальных СМИ, распространяются практически на все сферы деятельности в стране (лайк и репост, лакшери и кэжуэл, селебрити и мейк-ап, ретейл и прайс-лист, гаджеты и девайсы, фрэш и пудинг и пр.).

Итак, поскольку СМИ отводится одна из ключевых ролей в формировании информационной картины мира, которая, в свою очередь, отображается в языковой картине мира и зависит от физического и культурного опыта, справедливо будет заключить, что обе картины мира заключают в себе национальную, культуроспецифичную систему. В этом случае изучение мериаречи с позиции современной концепции культуры позволяет понять структуру этой системы путем выявления культурообусловленных компонентов текста, которые определяют мировоззрение носителей языка данной культуры, их систему ценностей, отношения к миру и друг другу. В фокусе лингвокультурологического подхода в первую очередь оказывается содержательная сторона языка СМИ (лексика и фразеология), т.к. именно номинативные единицы языка создают культурно-национальную картину мира, из которой впоследствии образуются все культурные стереотипы.

Литература

Добросклонская Т.Г. Медиалингвистика: теория, методы, направления. Москва: КДУ: Добросвет, 2020.

Иванова Е.В. О некоторых аспектах лингвокультурологической интерпретации фразеологии // Когнитивные исследования языка. 2022. Вып. 2(49). С. 478-483.

Фрумкина Р.М. Лингвистика в поисках эпистемологии // Лингвистика на исходе XX века: Итоги и перспективы: тезисы международной конференции. Москва, 1995. Т. 2. С. 104.

D.B. Izmailyan (Moscow, Russia)

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

CULTURAL LINGUISTICS OF MEDIA LANGUAGE

The article addresses the cultural-cognitive analysis of mass media texts. The article shows how nominative language units in media texts represent culturally-specific information in their semantics. The culturally determined aspects of the information space organization and media text construction are also demonstrated.

Key words: cultural linguistics, media text, media language, picture of the world, national culture, cultural specificity, cultural context.

Н.Г. Кантышева (Тюмень, Россия)

Тюменский государственный университет, nkantysheva_@mail.ru

А.А. Шуклин (Баня-Лука, Босния и Герцеговина)

Панъевропейский университет «Апейрон»;

Тюменский государственный медицинский университет

alexander.schuklin@gmail.com

ЭТНИЧЕСКОЕ ЯЗЫКОВОЕ СОЗНАНИЕ В РЭП-ПОЭЗИИ РОССИЙСКИХ НЕМЦЕВ

В статье предпринята попытка рассмотреть концепты национально-культурной интерпретации окружающего мира переселенцами – российскими немцами, проживающих в Германии. Этническое языковое сознание раскрывается за счет ключевых

тем: история этноса, обособленность, непризнание, этническая неопределенность, антитеза «свое-чужое», интеграция, надежда.

Ключевые слова: рэп-поэзия, этническое языковое сознание, Мейджин, российские немцы, лингвокультурный тип, картина мира.

Данное исследование подтверждает тезис К. Ушинского о роли родного языка в формировании личности национального характера: «Язык есть самая живая, самая обильная и прочная связь, соединяющая отжившие, живущие и будущие поколения народа в одно великое, историческое живое целое. Он не только выражает собою жизненность народа, но есть именно самая эта жизнь» [Ушинский 1994: 374].

История этноса российских немцев стимулировала развитие этой этнической общности и высветила ее в особенно трудные времена. Массовая эмиграция этнических немцев на историческую родину – в Германию в девяностые годы лишила авторов возможности творческого самовыражения. Песня была одной из немногих возможностей для творческой реализации. В это кризисное время особую популярность среди иммигрантов в Германии приобрел шансон и так называемая стилизация под шансон [Зейферт 2009]. Жанр рэп-поэзии как вид творчества имел и имеет большое значение для российских немцев в связи с высокой степенью личностной значимости: основная тематика сосредоточена на проблемах социальной интеграции.

Предполагается, что рэп – это своего рода реакция на социальную маргинализацию, ненасильственное урегулирование конфликтов в результате неудачной интеграционной политики [Huber 2018: 9]. Замкнутость, чувство изгоя, невозможность найти общий язык с новым обществом – все это во все времена было известно переселенцам. Именно поэтому рэп в среде иммигрантов выступает предметом изучения многих исследователей [Belger 1999, Herschelmann 2013, Wegener 2007, Saied 2017]. Жанр рэп-поэзии получил сильный импульс развития у этнических немцев из России. Одним из самых талантливых современных исполнителей среди российских немцев является рэпер, выступающий под псевдонимом «Мейджин» (в ориг. – Meijin). Он иммигрант немецкого происхождения из России, который называет себя «Голосом переселенца» и знакомит нас с социальной реальностью всех иммигрантов, прибывающих в Германию. Часть композиций Мейджин записана в соавторстве с исполнителем «СК Карол» (в ориг. – SK Karol).

Обусловленные жанровой особенностью, тексты рэп-поэзии представляют интерес в первую очередь с точки зрения социолингвистического исследования. Этот аспект представляется особенно актуальным, поскольку неоднородность поколения иммигрантов по этническому происхождению часто игнорируется в исследованиях подобного рода. Перед нами встала задача провести анализ ключевых концептов национально-культурной интерпретации окружающего мира переселенцами – российскими немцами, проживающих в Германии. Существующие на эту тему исследования представляют нам исключительную возможность познакомиться с тем, через какие концептуальные призмы представлено этническое сознание русской и немецкой языковой общности. Подробный перечень ключевых концептов представлен в работах А. Зализняк, И. Левонтиной,

А. Шмелёва (ключевые идеи русской языковой картины мира) и Н. Мекленбург, А. Вежбицкой (ключевые идеи немецкой языковой картины мира). Но российские немцы – этническая группа, которая включает в себя оба культурологических компонента со всеми составляющими.

Особая часть текстов посвящена историческим зарисовкам, по которым можно проследить этапы - установление немецкой автономии на Волге, депортация немцев, переселение на историческую родину после падения «железного занавеса». Противопоставление «тогда-сейчас» проходит красной нитью в творчестве исполнителя:

*wir wurden erst von Deutschland zu Wolga, von dort aus vertrieben
nach Kasachstan, Sibirien, und sind im Dorf dort geblieben.
dann wieder zurück - voller Hoffnung,
wir sind wieder da, der Kreis wird geschlossen.*

Рэпер утверждает, что российские немцы до сих пор воспринимаются местными жителями как иностранцы, как «ненастоящие немцы» (по причине внешности или произношения/ наличия акцента) и поэтому иммигранты чувствуют себя отверженными и одинокими:

*Ich weiss noch in der Schulzeit, ich war ein Einzelgänger,
denn wer etwas anders ist - der bleibt ein Fremder...
Ich wollte nur paar Freunde, wollte nicht mehr,
doch sie lachten mich aus, denn ich rolle das R....*

Тематическое поле отверженности представлено следующими лексемами: *дистанцироваться, непонимание, высмеивать, чужой, одиночка, чужак.*

Несмотря на проблемы, с которыми сталкивается герой (*Tag und Nacht geschuftet, damit am Ende ein paar Euro bleiben. Man hat Berg von Schulden*), у него есть искреннее желание интегрироваться в общество (песни „Ihr kennt mich nicht“, „Niemals gehört“, „Gekommen zu bleiben“).

В творчестве музыканта также прослеживается концепт двоякости Родины. Речь идет о двойном переживании чуждости, что ярко отражено в формулировках: *in Russland sind wir die Deutschen, in Deutschland – die Russen*“. Утверждения „*das Volk ohne Flagge*“, „*heimatloses Volk*“ могут служить свидетельством резко выраженного этнического разрыва. Категория противопоставления «Родина/ чужая страна» реализуется как на лексическом (*deutsches Blut, russische Seele, weit, nah*), так и на грамматическом (*sich nicht willkommen fühlen, kein Zuhause*) уровнях. Концепт тоски по местам, где он родился / вырос, прослеживается очень ярко. Для любого переселенца страна происхождения остается эмоциональной точкой отсчета. И в песнях Мэйджин ядро концепта тоски по родине представлено следующим спектром лексем: родина, отечество, культура, гордость, мир, мать, соотечественники, родные, семья, друзья, детство, маленький, красивый, скучаю, вернуться, жить, родиться, уйти, прийти.

Концепт несбывшихся надежд можно описать с помощью лексем негативного семантического поля: сожаление/ разочарование (*es sollte nicht leicht sein*), обида (*Ich bin verletzt. Mein Herz weint*), беспомощность (*allein gelassen von ganzer Nation*). Очевидно, что процесс социализации и поиска этнической идентичности не всегда протекает легко и может претерпевать взлеты и падения. Несмотря на столкновение ожиданий и реальности, в рэп-поэзии Мейджин не при-

существует тема враждебности (*Gewalt ist keine Lösung, nichts gegen Deutschland*). Напротив, исполнитель выражает надежду на быструю интеграцию российских немцев и на принятие этой этнической группы со стороны немецкого общества (*wir sind alle Deutsche, wir lassen uns nicht unterteilen*). В текстах его песен российским немцам предлагается рассматривать свое бикультурное языковое сознание как возможный потенциал быть принятым большинством населения в качестве равного и принимать участие в общественной жизни.

Литература

Вежбицкая А. Сопоставление культур через средство лексики и грамматики. М.: Языки славянской культуры, 2001.

Зализняк А.А., Левонтина И. Б., Шмелев А. Д. Ключевые идеи русской языковой картины мира. М.: Языки славянской культуры, 2005.

Зейферт Е. Жанр и этническая картина мира в поэзии российских немцев второй половины XX – начала XXI вв. Lage: BMV Verlag Robert Burau, 2009.

Ушинский К. Родное слово. Новосибирск: Детская литература, 1994.

Belger H. Russlanddeutsche Schriftsteller: von den Anfängen bis zur Gegenwart. Berlin: Edition Ost, 1999.

Herschelmann M. Weil man sich selbst oft drin wiederfindet. Jungen im popkulturellen Sozialraum (Gangsta) Rap // Körper, Geschlecht, Affekt. Selbstinszenierungen und Bildungsprozesse in jugendlichen Sozialräumen / ed. By Bütow/Kahl/ Stach. Wiesbaden: Springer Fachmedien, 2013. 59 (60). S. 59-82.

Huber M. Gangsta-Rap – Wie soll man das verstehen? // BPJM-Aktuell. 2018. № 3. S. 9-14.

Mecklenburg N. Rettung der Besonderen. Konzepte für die Analyse und Bewertung regionaler Literatur // Kolloquium zur literarischen Kultur deutschsprachigen Bevölkerungsgruppen im Ausland. Hrsg. A. Ritter. Flensburg, 1984. S. 10-14.

Saied A.G. Gangsta Rap. Affirmative Inszenierung von Delinquenz als Erfolgsmodell? // Deutscher Gangsta-Rap II. Popkultur als Kampf um Anerkennung und Integration / ed. By Dietrich/Seeliger. Bielefeld, 2017. S. 221-240.

Wegener C. Rap im Kontext sozialer Benachteiligung. Alltagskultur und subjektive Deutung // TV diskurs. 2007. № 2. S. 54-59.

N.G. Kantysheva (Tyumen, Russia)

Tyumen State University

A.A. Shuklin (Banja Luka, Bosnia and Herzegovina)

Pan-European University "Apeiron"; Tyumen State Medical University

ETHNIC LANGUAGE CONSCIOUSNESS IN RAP POETRY OF RUSSIAN GERMANS

The article shows how rap poetry reflects the ethnic linguistic consciousness of immigrants, namely Russian Germans living in Germany. The national-cultural interpretation of the surrounding world is realized through several key concepts: history of the ethnos, isolation in society, non-recognition, ethnic uncertainty, self-other opposition, integration, hope.

Key words: rap poetry, ethnic language consciousness, Meijin, Russian Germans, linguo-cultural type, worldview.

И.В. Кожухова (Челябинск, Россия)
Челябинский государственный университет
vinantov@mail.ru

ЯЗЫКОВОЙ ШЕЙМИНГ: ОПИСАНИЕ И РЕАЛИЗАЦИЯ¹

В статье приводятся некоторые особенности языкового шейминга. Разграничивается шейминг в виртуальной среде и реальной коммуникации. Виртуальная среда создает особые условия шейминга, оперируя возможной анонимностью и опосредованным характером высказываний. Отношение к языку (т.е. причины шейминга) могут быть обусловлены территорией, политикой, модой, образованием и другими причинами.

Ключевые слова: языковой шейминг, стыд, анонимность, дискриминация, социальные медиа.

Интерес к шеймингу как к речевому явлению, неслучаен. Антропологи традиционно относили США к «культуре вины» (англ. Guilt culture), в то время как не-западные страны ассоциировались с «культурой стыда» (англ. shame culture). По наблюдению М. ван Херпена, идея стыда начинает активно проникать в жизнь западного человека, приводя к депрессии и подавленному состоянию. Исследователь отмечает три причины этого явления: новые тренды воспитания детей, активное функционирование социальных медиа, а также трансформация западного индивидуализма. Стыд, являясь динамическим явлением, может иметь волнообразный характер проявления. Новый виток шейминга автор связывает, в том числе, с движением #MeToo [Van Herpen 2022: 19]. Стоит, однако отметить, что обращение к стыду в обществе – не новое явление. Вспомним Б. Шоу «Человек и сверхчеловек»: «Мы живем в атмосфере стыда. Мы стыдимся всего, что в нас есть подлинного; стыдимся самих себя, своих родственников, своих доходов, своего произношения, своих взглядов, своего жизненного опыта точно так же, как мы стыдимся своего обнаженного тела. ...Нам стыдно ходить пешком, стыдно ездить в омнибусе, стыдно нанимать экипаж, вместо того чтобы держать карету, стыдно держать одну лошадь вместо двух и грума, который в то же время и садовник, – вместо кучера и ливрейного лакея. Чем больше есть вещей, которых человек стыдится, тем он почтеннее. Взять хотя бы вас: вам стыдно купить мою книгу, стыдно ее прочесть; не стыдно только осуждать меня за нее, не прочтя».

Языковой шейминг описывается в лингвистической литературе в виде оскорбляющего и унижающего взаимодействия, затрагивающее определенные способы и формы использования языка в реальном или виртуальном пространстве. Жертвами языкового шейминга «нередко становятся «нестандартные» (nonstandard) носители языка (аграмматизм, региональность, миноритарность и др.), чьи языковые особенности могут рассматриваться как результат проявления лени, глупости, отсталости». Шейминг, являясь одной из форм социальной стигматизации, имеет отрицательно влияние на стигматизируемого и может стать причиной низкой самооценки, обесценивания, социальному отчуждению.

¹ Работа выполнена при содействии Фонда поддержки научных инициатив Челябинского государственного университета

В случае с миноритарными языками языковой шейминг может стать препятствием для развития чувства принадлежности к своему (языковому сообществу) [Kaufman 1996].

Стыд и шейминг – взаимозависимые, отчасти перекрестные понятия. Цель шейминга – вызвать чувство стыда у реципиента, однако виртуальное функционирование шейминга (согласно некоторым подходам) может нивелировать ликоугрожающий эффект в случаях, если: а) адресат является опосредованным (т.е. вероятность того, что он увидит запись, содержащую элементы шейминга, минимальна); или б) реализуется основная характеристика виртуальной коммуникации – анонимность.

Классификации шейминга условны и зависят от многих факторов: культурной специфики, образования, новостной повестки.

На основе количественных данных выделяются, объясняются и ранжируются по популярности виды шейминга, характерные для коммуникации в Рунете, такие как бодишейминг, включающий несколько подвидов; грамматический шейминг; шейминг некорректного поведения в общении; шейминг недостаточной материальной обеспеченности; шейминг того или иного образа жизни, включающий несколько разновидностей; слат-шейминг; шейминг многодетности; кофе-шейминг; экошейминг, включающий два подтипа, и другие [Лутовинова 2022].

В отечественных исследованиях практически не уделяется внимания языковому шеймингу (language shaming). Языковой шейминг может быть частью грамматического, образовательного шейминга, либо шейминга некорректного поведения в общении. Языковой шейминг может быть результатом снобизма, политики пуризма в стране, а также результатом политической и социальной обстановки – например, в ситуации с мигрантами, где нетерпимость к языковым ошибкам может быть следствием общей нетерпимости к мигрантам/беженцам, а также общим недовольством политики страны. Более бытовые причины возникновения языкового шейминга также возможны и нередко реализуются в повседневном виртуальном и реальном общении.

Языковой шейминг в обывательском смысле трактуется как акт исправления языковой ошибки для демонстрации власти или превосходства, а не для конструктивного решения проблемы или улучшения ситуации. Данное понимание несколько отличается от стандартного определения (языкового) шейминга, в первую очередь тем, что обычно языковой шейминг встречается в виртуальной среде, предполагая анонимность общения. Шейминг, исходя из своего названия, нацелен на формирование чувства стыда у высмеиваемого человека за несоответствие условной норме. Шейминг не всегда является адресно-ориентированным, либо адресат шейминга может быть изначально недоступен. Эти различия являются основными при интерпретации шейминга в виртуальном пространстве и реальной коммуникации.

Языковой шейминг носителей языка и изучающих язык влечет за собой низкую самооценку, а также возможные академические неуспехи [Kaufman 1996]. С методической точки зрения можно сказать, что языковой шейминг в академической среде может привести к нежеланию и страху изучать иностранный язык. В культурах стыда подобное может привести к неготовности и неже-

ланию определенных страт или этносов сохранять свой язык или изучать новый. Языковой шейминг может привести не только к проблемам морального характера, он также может стать проблемой лингвоэкологии и изменить отношение к эритажным и/или миноритарным языкам. На данном этапе возникает парадокс: все языки одинаковы с языковой точки зрения, но имеют разный социальный статус. Лингвисты приводят примеры того, как может порицаться человек, использующий отличный от требований язык. Известно, что в школах колониальной Африки вплоть до конца XX века практиковалось использование физического наказания или специальных значков с уничижительными надписями. Эти унижения применялись к обучающимся, которые использовали язык, отличный от языка колонизаторов. Однако невозможно утверждать, однако, что более распространенный, официальный язык всегда будет более «правильным» и одобряемым, а использование языка меньшинства будет подвергаться порицанию. Даже в свободной стране недостаточное владение определенным языком (каким бы статусом этот язык ни обладал в наши дни), может подвергаться социальному порицанию, в т.ч. в виде шейминга на различном уровне: от бытового до официального. Противоположные явления также имеют место быть. Так, например, в Сети видим пример: "This was Mexico before and look at the young guy, he looks more Oaxaquita than anything and he does not speak Spanish. It's a shame they are from Mexico or of Mexican descendent and they don't even speak the language." (вольный перевод наш. – И.К.: «Раньше это была территория Мексики и посмотрите на этого парня, он же настоящий мексиканец и стыдно, что он даже не говорит на испанском») [What a shame, URL]. В ситуации контекста испанский язык «соперничает» с английским на территории США. Отношение к языку, как уже упоминалось, может отличаться территориально, зависеть от социальной и политической повестки.

Языковой шейминг может затрагивать не только учебные контексты, ему могут подвергаться не только дети и подростки в ситуации разностатусного общения. Особый интерес для исследователя представляет языковой шейминг публичных людей в виртуальной среде. Некоторые речи становятся вирусными: речь итальянского политика Маттео Ренци, немецкого политика Гидо Вестервелле и др. Некоторые выступления становятся поводом для шейминга: в комментариях высмеивается сильный акцент, плохое знание английского языка, очевидные ошибки, нежелание отвечать на английском языке и др. Классическим примером ситуации шейминга в русскоязычном сегменте интернета стала речь министра спорта и туризма Виталия Мутко на заседании Исполкома ФИФА 2 декабря 2010 года в Цюрихе. На международной арене, когда на первый план выходит общение на определенном (читай: английском) языке, знание этого языка может расцениваться как признак «принадлежности» и профессионализма, в то время как владение родным языком может быть признаком патриотизма.

Отмечается, однако, что некоторые группы, например, политики, звезды, миллионеры и др., имеют «иммунитет» к шеймингу. Получается, что шейминг как «санкция» или регулятивный фактор не будет оказывать значительного влияния на эти группы [Van Herpen 2022: 17].

Расцвет распространения шейминга также связывают с подъемом новых форм общения в цифровой среде. Проявление описываемого речевого жанра

наиболее ярко проявляется себя в социальных медиа (социальные сети, блоги, сайты знакомств, микроблоги, форумы и др.). Обсуждение особенностей формы, а не сути содержания становится чуть ли не параллельной линией коммуникации в комментариях. Социальные медиа становятся точкой самоопределения не только авторов постов, но и комментаторов. Обратной стороной шейминга любого вида в виртуальной среде становится то, что интернет, социальные медиа становятся доступным средством для манипулирования идеологиями, политическими и другими взглядами.

Литература

Лутовинова О.В. Шейминг как речевой жанр // Жанры речи. 2022. Т. 17. № 3(35). С. 212-219. DOI 10.18500/2311-0740-2022-17-3-35-212-219. EDN YEDCCM.

Kaufman G. The psychology of shame: theory and treatment of shame-based syndromes. New York: Springer, 1996.

Van Herpen M.H. The rise of the shame society: America's change from a Guilt Culture into a Shame culture. Lexington Books, 2022.

What a shame, you do not speak your own language // HUFFPOST. URL: https://www.huffpost.com/entry/what-a-shame-you-do-not-s_b_1000194(accessed: 29.03.2023).

*I.V. Kozhukhova (Chelyabinsk, Russia)
Chelyabinsk State University*

LANGUAGE SHAMING: DESCRIPTION AND IMPLEMENTATION

The article presents the features of language shaming. Shaming in a virtual environment and real communication is distinguished. The virtual environment creates special conditions for shaming, enabling the anonymity and indirect nature of statements. Attitudes towards language (i.e. reasons for shaming) can be determined by territory, politics, fashion, education, etc.

Key words: language shaming, shame, anonymity, discrimination, social media.

Л.А. Манерко (Москва, Россия)

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

УНИВЕРСАЛЬНОСТЬ/ВАРИАТИВНОСТЬ В ПОНИМАНИИ МОРАЛИ В ЯЗЫКАХ И КУЛЬТУРАХ¹

Автор данной статьи показывает, что вопрос, поднятый австралийской исследовательницей А. Вежбицкой, о правильности и неправильности в понимании морали и чувства морали имеет отнюдь не универсальные смыслы, особенно в межкультурной коммуникации. Можно наблюдать, что в работах Дж. Локка происходит первый концептуальный сдвиг в понимании морали. Второй концептуальный сдвиг наблюдается в сознании англоязычных носителей языка в XX веке, а также тех, кто говорит на других языках. Новый концептуальный сдвиг фиксируется на основе того, что происходит в межкультурном взаимодействии языков и культур. В статье раскрываются важные ас-

¹ Работа поддержана грантом Российского научного фонда № 21-78-10044 «Феномен моральной ответственности».

пекты понимания универсальности и вариативности чувства морали как категории, которая может быть рассмотрена через призму фреймовой семантики.

Ключевые слова: философия, психология, универсальность, вариативность, чувство морали, межкультурная коммуникация, английский язык.

В статье раскрываются важные аспекты в понимании универсальности и вариативности чувства морали, которые были поставлены А. Вежбицкой, при этом уделено внимание не только философским или психологическим аспектам, но и тому, что является ценным с моральной точки зрения для определенного языка и культуры. В качестве материала автор опирается на языковые единицы, способные показать отношение к чувству морали и основополагающим понятиям морали на примере английского языка, китайского и русского языков. Разбираясь в точках зрения на философские и культурологические аспекты морали, в работе показывается авторское видение данной проблематики межкультурного взаимодействия языков и культур.

Австралийская исследовательница и специалист по семантике и межкультурной коммуникации Анна Вежбицкая указывает на особенности разработанного в Гарвардском университете теста, благодаря которому описывается чувство морали (*Moral sense test*) в разных языках [Wierzbicka 2007]. Этот тест разрабатывался специалистом в области психологии и биологии Марком Хаузером – автором книги, озаглавленной «Моральные мысли: как природа создала наше универсальное чувство правильного и неправильного» (“*Moral Minds – How nature Designed our Universal Sense of Right and Wrong*”). В этой работе М. Хаузер развивает теорию объяснения морали как универсального явления в грамматике. Он опирается на понятие врожденности Н. Хомского и потому у Хайзера появляется выражение «врожденный моральный инстинкт». М. Хайзер приводит доказательства из разнообразных областей – эволюционной биологии, истории науки, моральной и политической философии, лингвистики и антропологии.

А. Вежбицкая указывает, что тест, разработанный под руководством М. Хайзера, подразумевался (*meant to be*) в качестве культурно-независимого эксперимента (*culture-independent, culture-blind*) [Wierzbicka 2007, с. 67]. Но она справедливо отмечает, что «концепт «чувство морали» понимается разработчиками как «культурный артефакт, появившийся как «часть английского культурного наследия», развиваемого вплоть до современного состояния, представленного английским языком. В ее исследовании указано, что «этому понятию нет семантических эквивалентов в других языках или даже в шекспировском английском» [Wierzbicka 2007, с. 68]. Она опирается на примеры из испанского и китайского языков, подчеркивая, что в этих языках отсутствуют соответствующие эквиваленты английскому выражению. Например, английская фраза *moral sense* в испанском заменена на *encuesta de juicio moral* «исследование моральных суждений». Название теста в китайском языке переведено как *shì fēi guān*, то есть «правильная и неправильная точка зрения» [Wierzbicka 2007, с. 68], причем в китайской фразе подчеркивается именно точка зрения конкретного человека.

Чрезвычайно ценно, что понимание правильного и неправильного, добра и зла может быть отнесено, по ее мнению, к моральным универсалиям, так как эти основополагающие понятия присутствуют во всех языках и культурах (см. об

универсалиях [Манерко 2020]). Следовательно, понимание правильного и неправильного представляет собой суперкатегорильный (более высокий) уровень категоризации. Но А. Вежбицкая совершенно правильно замечает, что «сами понятия добра и зла и то, как они раскрываются, представляются высоко культурно-специфическими понятиями (*highly culture-specific*)» [Wierzbicka 2007, с. 68]. Задумываясь о культурно-независимых и культурно-специфических понятиях в культуре, а также, почему понятие «чувство морали встроено в наши мозги», по мнению специалиста в области биологии Р. Докинзу [Wierzbicka 2007, с. 67], хотелось бы в данном материале углубиться в ряд понятий, которые затрагивают явления языка и культуры.

Глядя на понятие правильного и неправильного, которое развивалось в англоязычной культуре в течение последних столетий, следует вспомнить, что подобные представления действительно появились «не в шекспировском английском». Они были связаны с теолого-религиозной моралью и частично поисками рыцарской добродетели в XV-XVII веках. В дальнейшем существовавшие выражения были осмыслены английским философом Дж. Локком в его работах. Для него мораль относится не к простым идеям, которые воспринимаются на основе ощущений, когда человек «уверен в точном соответствии этой совокупности всем находящимся в данной субстанции идеям» [Локк 2022: 441]. Мораль относится к сложным «собирательным идеям субстанций» [Локк 2022: 359].

Сейчас подобные собирательные идеи называются ценностями человеческой культуры, которые понимаются как «совокупность духовных ценностей» [Азимов, Щукин 1999: 128], связанных с развитием общества, творческих сил и способностей человека в формах и типах организации жизнедеятельности людей в обществе. И.В. Тайлор считает, что культура это единое целое, куда входят человеческие знания, вера, искусство, мораль, закон, обычаи и любые другие черты, которые приобретаются человеком как членом общества [цит. по Елизарова 2005: 13].

Говоря о ценностях, следует помнить не о материальных, а именно о духовных ценностях, которые включают моральные, эстетические, познавательные и другие ценности. «Понятие моральной ценности возникает в результате оценки и сопоставления моральных идеалов, принципов, норм поведения, выражающих стремление людей к нравственно-возвышенному поведению» [Митюржев 1970: 3-4]. Эти ценности связаны с их значимостью для людей (вспомним понятие *value* – значимость знака для развития языка по Ф. де Соссюру), необходимостью, благом, услуг и возможностей для социума и языковой личности.

В английском языке культурно-значимые явления морали выстраиваются на основе оппозиции между нейтрально определяемыми элементами - правильным и неправильным (и совсем не нейтральными членами противопоставления - добром и злом). Кроме того, в основе англоязычной культуры лежит выделение индивида и его противопоставление другому индивиду, понятие идентичности (*identity*), что говорит о том, что подобная культура не относится к коллективистским. По мнению Дж. Лакоффа и М. Джонсона, мораль может быть описана на основе взаимодействия структур основных областей человеческого опыта. К ним относятся богатство, баланс, порядок, границы, свет/тьма, красота, сила и т.д. (*wealth, balance, order, boundaries, light/dark, beauty, strength, and so on*). Мораль-

ные права в наиболее широком смысле реализуются через: 1) права собственности (property rights), 2) свободу действий через действие как самодвижение (Action Is Self-Propelled Movement), 3) свободу от причинения вреда (freedom from harm) [Lakoff, Johnson 1999: 294-295]. Развитие категории морали на основе правильности – неправильности понимания морали описывается как радиальная категория посредством образных схем и концептуальной метафоры.

В китайском языке фиксируется мироощущение китайцев и их взгляды, которые связаны с 1) глубоким почитанием традиций и почтением к старшим как главным нравственным принципом, основанным на заповедях; 2) мораль представляют собой не систему теоретических принципов, а набор конкретных рецептов поведения, оформленных в ритуалах, и этике; 3) мораль взаимоотношений человека и общества сформировалась на основе представлений о морали в Древнем Китае, где основой являлось Конфуцианское учение, в рамках которого нравственным идеалом выступает «благородный муж» (君子, jūnzǐ), обладающий «пятью добродетелями» (五常, wǔcháng). Эти пять добродетелей включают: а) 仁 (rén), т.е. гуманность и человеколюбие («Чего не желаешь себе, того не делай другим»); б) 礼 (lǐ), т.е. почтительность и ритуал («Воспитанный человек предъявляет требования к себе, низкий человек предъявляет требования к другим»); в) 义 (yì), т.е. справедливость (Способность знать и распознавать, что правильно и что неправильно, и способность чувствовать, что хорошо и что плохо); г) 智 (zhì), т.е. мудрость. Умение различать правильное и лживое поведение, нравственная пронизательность; д) 信 (xìn), т.е. искренность («Если один заслуживает доверия, другие возложат на него обязанности»). Кроме этого, действуют нормы «сяо» (孝), или так называемого «культа сыновней почтительности» [Спешнев 2014].

В русской культуре и языке мораль как часть духовного мира понимается как система норм, идеалов и принципов, регулирующая поведение людей, а нравственность – это то, как реализуются эти нормы в жизни людей. В русской культуре данные понятия связаны с православными заповедями, которые рассказывают человеку о чистоте, помощи ближнему, уважению к старшим и др. Гуманизм, милосердие, сострадание и коллективизм являются основополагающими моральными принципами, отраженными в языке. Некоторые правила сходны с теми, которые мы наблюдаем в китайской культуре, например: *Поступай по отношению к другим так, как ты хотел бы, чтобы они поступали по отношению к тебе; Нужно, чтобы все люди понимали и любили красоту, тогда они построят на ней мораль. Они будут ценить свои поступки как красивые и безобразные. И тогда-то жизнь будет прекрасна!* (М. Горький).

Таким образом, в каждой культуре и языке закладываются определенные модели понимания морали. Часть из них являются эксплицитными и имплицитными, но всегда они связаны с освоением культурного наследия, созданием определенных ценностей и норм, принятых в культуре и языке. Это знание, воплощенное целой совокупностью мыслительных конструкций.

Литература

Азимов Э.Г., Щукин А.Н. Словарь методических терминов (теория и практика преподавания языков). СПб: Златоуст, 1999.

Елизарова Г.В. Культура и обучение иностранным языкам. СПб: Каро, 2005.

Локк Дж. Опыт о человеческом разумении.. СПб: Азбука-Аттикус, 2022.

Манерко Л.А. Сопоставительное изучение языков и концептуальные универсалии в когнитивных исследованиях // Вопросы романо-германской и русской филологии: Материалы конференции «Языковая реальность в контексте межкультурного стратегического диалога-2020». Пятигорск: Изд-во ПГУ, 2020. С. 6-15.

Митюрязев А.Н. О моральных ценностях человека. Пенза: Пензенский политехнический институт: общество «Знание», 1970.

Спешнев Н.А. Китайцы: особенности национальной психологии. СПб: Каро, 2014.

Lakoff G., Johnson M. Philosophy in the Flesh: The Embodied Mind and Its Challenge to Western Thought. New York: Basic Books, 1999.

Wierzbicka A. 'Moral sense' // Journal of Social, Evolutionary, and Cultural Psychology, 2007. № 1 (3). P. 66-85. URL: www.jsecjournal.org

*L.A. Manerko (Moscow, Russia)
Lomonosov Moscow State University*

UNIVERSAL/VARIABLE IN MORALITY UNDERSTANDING IN LANGUAGES AND CULTURES

We demonstrate that the question raised by the Australian researcher Anna Wierzbicka on right and wrong in understanding of morality and moral sense bears not universal features, especially in cross-cultural communication. The first conceptual shift in morality understanding occurred in Locke's works. The second conceptual shift was found in minds of English-speaking people in the 20th century and native speakers of other languages. A new conceptual shift was detected by investigating the cross-cultural interaction of languages and cultures. We reveal important aspects of understanding universal and variable features of moral sense as a category, which is viewed through the prism of frame semantics.

Key words: philosophy, psychology, universal feature, variable, moral sense, cross-cultural communication, English.

*Н.С. Оприщ (Москва, Россия)
Московский государственный институт международных отношений
(университет) МИД России
ms.oprish@mail.ru*

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ МУЛЬТИМОДАЛЬНОГО ТЕКСТА АНГЛОЯЗЫЧНОЙ НАРУЖНОЙ РЕКЛАМЫ

В данном исследовании мультимодальный текст англоязычной наружной рекламы рассматривается как вербальная и визуальная форма актуализации культурного опыта и культурного кода. Проведён анализ современной англоязычной наружной рекламы, её национально-культурных особенностей в вербальном и визуальном элементах. Результаты исследования подтверждают, что только владея

необходимыми фоновыми знаниями, реципиент может корректно интерпретировать и анализировать рекламное сообщение.

Ключевые слова: мультимодальный текст, реклама, культура, визуальный компонент, дискурс.

Лингвистика XXI в. активно разрабатывает направление, в котором язык рассматривается не только как орудие коммуникации и познания, а также как культурный код нации. Язык не только отражает реальность, но и интерпретирует её. Реклама ярко отражает особенности национального менталитета и раскрывает состояние социума, поэтому всё чаще рассматривается как лингвокультурологический феномен.

И.В. Анненкова отмечает, что современная культура утратила статус литературоцентричной культуры и демонстрирует многочисленные признаки медиацентричности. Стоит отметить, что в настоящее время именно медиа, предлагая собственную картину мира массовому адресату, формируют мировоззрение личности [Анненкова 2011: 51].

Рекламный текст является кластером языковых единиц и иконических элементов, заключающих в себе лингвоментальный стереотип. С одной стороны, создатели рекламы опираются на лингвоментальные стереотипы, которые являются знаковыми для того или иного социума, чтобы создать рекламный текст. С другой стороны, реклама сама по себе способна формировать определённые стереотипы и менять языковую картину мира. Именно сложность и многоаспектность мультимодальных текстов рекламы заставляет копирайтеров учитывать национально-культурные особенности целевой аудитории, а также всевозможные характеристики объекта рекламы, обусловленные культурными нормами.

Большинство мультимодальных текстов рекламы заключают в себе культурный код. Феномен культурного кода рассматривается как своего рода культурная матрица (структура, определяющая индивидуальное или групповое поведение в рамках локального или глобального культурного пространства), которая определяет многообразие современного рекламного дискурса и его роль в формировании массовой культуры. Более того, культурная матрица может транслировать процесс трансформации и перекодирования устоявшихся культурных концептов.

Культурный код представляет собой исходную знаковую систему, содержащую элементы культурной парадигмы народа и его поведения.

Культурный код строится на основе вербальной, иконической и конвенциональной системы знаков и их сочетания. Культурные коды актуализируются в рекламе с целью привлечения потенциальных потребителей, подталкивая их к заранее заданному алгоритму действий – приобретению рекламируемого объекта.

Для анализа лингвокультурологических особенностей мультимодального текста наружной рекламы было отобрано 120 примеров англоязычных баннеров Великобритании, Америки, Канады, Австралии и Новой Зеландии.

Исследование мультимодальных текстов позволяет сделать следующие выводы. Наиболее частотными приёмами, которые применяют копирайтеры данных стран, являются использование фоносемантических средств языка. В

первую очередь, авторы прибегают к аллитерации, чтобы придать тексту особую звуковую и интонационную выразительность.

Рассмотрим один из примеров. Реклама производителя пива Heineken гласит: “If you’re **d**riving, **d**on’t **d**rink this. When you **d**rive, never **d**rink”. Повтор фонемы ‘d’ акцентирует внимание читателя на семах *drive* и *drink*, благодаря чему продвигается не только сам товар, а также важный посыл, имеющий культурно-социальный подтекст (не водить машину после употребления алкогольной продукции). Стоит отметить, что в Америке и Великобритании в данный момент внедрение социальной повестки в коммерческую рекламу является однозначным трендом. Таким образом, данная реклама привлечёт внимание реципиента к рекламируемому товару, а также осветит важную проблему современного общества (вождение автомобиля в нетрезвом состоянии). Более того, факт внедрения аллитерации имеет особое значение в английской речи и англоязычной литературе. Традиция использования аллитерации восходит к аллитерационному стиху, которым написан древнеанглийский эпос «Беовульф».

Вторым по частотности средством и локальным трендом в англоязычной наружной рекламе анализируемых примеров являлась отсылка к социокультурным реалиям страны. В большинстве случаев такая отсылка не прямо поставлена в тексте, а выражена имплицитно. Более того, зачастую отсылки предстают в виде имен собственных (“Make Elizabeth the Last”, “I’m a Christian. I’m a republican. I’m for Biden”, “The Kims. They are on the same page”). Стоит отметить, что без необходимых фоновых знаний о культуре и традициях страны представляется невозможным интерпретировать информацию, заложенную в тексте.

Обратимся к анализу примера наружной рекламы авиакомпаний Новой Зеландии (Air New Zealand), который демонстрирует актуализацию культурных концептов в мультимодальном рекламном тексте. Слоган сообщения гласит “From the land that knows about counting sheep”.

Рекламный баннер авиакомпании в Новой Зеландии “Air New Zealand” демонстрирует преимущества авиаперевозчика.

Визуальный компонент представлен изображением спящего пассажира на борту самолёта. Так, полёт с данной авиакомпанией преподносится как комфортное и безопасное путешествие с высококлассным обслуживанием. Более того, иконический элемент непосредственно связан со словосочетанием из слогана “to count sheep” (считать овец для того, чтобы заснуть).

Локальный тренд рекламы, его имплицитность и отсылка к культурным реалиям выражены в самом слогане и его значении. Фраза “From the land that knows about counting sheep” в данном случае многозначна. С помощью игры слов авторы рекламного текста закладывают два значения: 1) “to count sheep” – считать овец, чтобы заснуть (комфортное путешествие и как следствие здоровый сон выводятся на первый план); 2) “From the land that knows about counting sheep” выявляет культурно-специфический компонент данной рекламы. Известно, что Новая Зеландия славится успешным овцеводством, которое возникло в этой стране ещё в 30-е гг. 19 века, когда из Австралии было доставлено небольшое стадо мериносов. В настоящее время количество овцеводческих ферм в Новой Зеландии составляет около 20 тыс., на мировом рынке Новая Зеландия выступает как крупнейший производитель баранины, ягнятины и шерсти. Таким образом, даётся отсылка к культурным реалиям страны.

Из вышеизложенного следует, что рекламный текст является вербально-знаковым воплощением культуры. Прагматический потенциал рекламного текста представляет собой определённый интерес для лингвокультурологии, так как он формируется внутри социума и отражает его уникальные культурные и национальные характеристики, а также национально-специфическую и языковую картину мира.

Литература

Анненкова И.В. Медиадискурс XXI в. // Лингвофилософский аспект языка СМИ: монография. Москва: Изд-во Моск. ун-та, 2011. С. 51-53.

Air New Zealand. URL: <https://www.circa-now.com/portfolio/air-new-zealand/> (дата обращения: 08.04.2023).

N.S. Oprishch (Moscow, Russia)

Moscow State University of International Relations (MGIMO-University)

LINGUOCULTURAL PECULIARITIES IN THE MULTIMODAL TEXT OF ENGLISH OUTDOOR ADVERTISING

In the research the multimodal text of English outdoor advertising is viewed as verbal and visual forms of the actualization of cultural experience. The analysis of modern English outdoor advertising, its cultural peculiarities in verbal and visual components is conducted. The research findings confirm that the recipient can correctly interpret the advertising message only with the help of necessary background knowledge.

Key words: multimodal text, advertising, culture, visual component, discourse.

Н.И. Прокопина (Орел, Россия)

*Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева
prokoninanatalie@mail.ru*

СИМВОЛИКА ЦВЕТА В ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ В СОВРЕМЕННОМ ДЕЛОВОМ АНГЛИЙСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ

Исследования, посвященные концептосфере различных культур, одни из наиболее важных и актуальных в современной лингвистике, поскольку понимание национальных

картин мира значительно упрощает коммуникацию и взаимодействие между людьми. В частности, каждая цветовая система направлена на то, чтобы упорядочить мир и обеспечить эффективность диалога.

Ключевые слова: символика, символ, концептосфера, концептуализация, языковая картина мира, ФЕ-термины языка.

В языковой картине мира одной из концептообразующих сфер языка является цветообозначение, которое подразумевает особую символику и закладывает специфическое понимание и отношение. Символ является ориентиром человека в сферах бессознательного и неосознанного, а также предстает в языке как хранитель культуры. «Символы представляют собой константы, особого рода устойчивые образы, в структуре которых предметный образ и глубинный смысл находятся в тесной взаимосвязи, что предполагает регулярную воспроизводимость культурного» [Ковшова 2018: 119].

Символ в языке возникает тогда, когда появляется необходимость в выделении какого-то феномена из ряда других и потребность наделить его особым смыслом и значением. «Он позволяет представить явление в некоей целостности, что делает его одновременно доступным и мысли, и душе: чтобы мы не осознавали его каждый раз заново, но читали мир как раскрытую книгу [Киреева 2014: 73].

Лингвоцветовая картина мира реализуется в отдельных лексемах, словосочетаниях, ФЕ и в других вербальных средствах [Зольникова 2010: 9]. Для большинства людей цвет является непосредственным и существенным компонентом их восприятия мира. Однако в каждой стране закладываемые когнитивные смыслы специфичны. Ассоциации, во многом, зависят от географических, исторических, культурных или социальных факторов. Однако каждый индивид имеет субъективное понятие о цвете, что обусловлено рядом биологических и психологических факторов, которые играют свою роль в процессе цветовосприятия [Barker 1987: 12]. Несмотря на то, что цветовое восприятие присуще всему роду человеческому и можно проследить в нем нечто универсальное, языковая концептуализация все же различна в разных культурах [Вежбицка 1996: 238].

Любопытно, но в английской и русской культурах термины с цветовым обозначением в целом схожи и близки по значению и восприятию, что, несомненно, облегчает взаимодействие между представителями обеих культур. Для того чтобы в этом убедиться, рассмотрим ряд примеров.

Начнем с основной цветоопределяющей оппозиции *белый-черный*.

Касательно образа, закладываемого концептом «белый», нужно отметить, что и в англоязычной, и русскоязычной культуре перцепция белого цвета связана, прежде всего, с чистотой, светом и духовностью. Но если в финансовой сфере английского языка существует целый ряд ФЕ-терминов с адъективным компонентом «белый» (*white coat rule* («закон о белом халате» – здесь и далее перевод мой – Н.П.) – закон в США, запрещающий ношение медицинских халатов с целью рекламы медицинских продуктов, *white elephant* («белый слон») – что-либо роскошное, но не имеющее никакого смысла, *white paper* («белый документ»/«белая бумага») – детализирующее пояснение выпускаемого продукта или закона, *white sale* («белая продажа») – период продажи товаров по гораздо более низким ценам, чем обычно), то в русском языке их значительно меньше: одно из

них заимствование «белые воротнички», другое – «белая зарплата» [Combley 2011: 922; Райзберг 2022: 43, 71]. Сначала в составе английского, а затем и русского языка появился образ «белых воротничков» (*white-collar*), работников, занимающихся не физическим трудом. Несмотря на то, что разделение категорий работающих людей по цвету воротника – исконное явление английской культуры, оно было легко перенято и наложено на русскоязычную культуру по причине схожести восприятия цвета и образа. А *белая зарплата* – относительно молодой термин, означающий официальный доход, который работник получает от своего работодателя и который указан в заключенном трудовом договоре.

Что касается черного цвета, то опять же в обеих культурах он ассоциируется с несчастьем, тьмой, чем-то порочащим. Так, в английской бизнес-культуре присутствуют термины *black economy* («теневая экономика») – экономическая деятельность вне государственного контроля и учета, *black hole* («черная дыра») – экономическая деятельность, в которую вложено много средств, однако не приносящая никакой прибыли или результата, *black list* («черный список») – список людей, организаций или государств, которым нельзя доверять, так как они каким-либо образом дискредитировали себя [Murphy 2004: 42]. Кроме того, все рабочие дни недели с понедельника по пятницу в деловом английском языке определяются также цветовой категорией «black» (*Black Monday, Black Tuesday, Black Wednesday, Black Thursday, Black Friday*), что, в основном, связано с удручающими событиями в мире экономики [Murphy 2004: 42-43].

В русском языке также довольно много экономических терминологизмов с цветовым определением «черный»: *черная касса/черная бухгалтерия* – неофициальная финансовая отчетность, *черная зарплата* – незаконно получаемая от работодателя денежная сумма, с которой не выплачиваются налоги государству, *черный возврат/откат* – нелегальный «возврат денежных средств заказчиком со стороны исполнителей заказа», *черный нал* – нигде не учтенная денежная наличность, находящаяся в обороте и применяемая для взаимных расчетов, – и все они несут в своем значении негативный окрас, подразумевая какую-либо нелегальную деятельность или явление [Райзберг 2022: 483-484]. В основном, эти ФЕ-термины возникли и вошли в обиход в 1990 годы прошлого столетия, когда начал зарождаться частный бизнес и происходила резкая переориентация экономики. В отличие от англоязычной культуры, в которой осуществлялось постепенное, планомерное развитие сферы финансов и частного предпринимательства, русский язык не получил должного развития в области экономики, поэтому многие реалии были просто заимствованы из других языков или же создавались собственные, в дальнейшем закрепившиеся в языке в качестве терминов, определяющие различные экономические процессы и виды деятельности с учетом специфики времени и культуры.

Помимо базовых черного и белого цветов, принято выделять также красный цвет в качестве основного [Воевода 2012: 113].

Красный цвет в большинстве европейских культур означает опасность, огонь, предупреждение, в чем снова близки английская и русская культуры. В английском языке с переосмысленным концептом «красный» применяются следующие терминологизмы: *red eye* («красные глаза») – неформальное наименование полета в темное время суток, *red ink* («красные чернила») – чернила, кото-

рыми отмечают убытки компании, *red chip* («красная фишка») – компания, ведущая значительную часть своего бизнеса в Китае [Murphy 2004: 401]. Красный цвет в последнем терминологизме выполняет дейктическую функцию, отсылая на красный коммунистический флаг Китая. В терминологическом составе русского языка встречается единственное заимствование из итальянского языка – «красное сторно» – исправления красными чернилами в бухгалтерской документации. Опять же несмотря на то, что термин перешел из другой языковой культуры, цветовое восприятие носителей русского языка позволяет воссоздать изначально требуемый образ.

Таким образом, цветовое восприятие базируется на высоком когнитивном уровне символов и образов, и является лингвокультурным звеном национальной картины мира, которая и включает в себя комплекс языковых концептов, «связанных внутренней формой языка, его специфической «логикой» и отражающих видение мира носителями языка в период становления его языковых форм» [Абакумова 2011: 88]. Приведенные в статье примеры демонстрируют сходство межкультурных цветовых концептов, которые закладывают для носителей английского и русского языка определенный образ. Под воздействием разнообразных факторов разум человека продуцирует различные ассоциации, ощущения, образные представления, оказывающие влияние на ценностный выбор.

Литература

Абакумова О.Б. Ролевая грамматика и языковая картина мира // Вестник Новгородского государственного университета: Научно-теоретический и прикладной журнал. Серия «Гуманитарные науки». 2011. №63. С. 88-92.

Вежбицка А. Обозначения цвета и универсалии зрительного восприятия // Язык. Культура. Познание. М.: Русские словари, 1996. С. 231-290.

Воевода Е.В. Цветовосприятие и ассоциативные поля в русском и английском языках // Научный Вестник Воронежского государственного архитектурно-строительного университета. 2012. № 2. С. 113-123.

Зольникова Ю.В. Цветовые фразеологизмы как фрагмент идиоматической картины мира русского и немецкого языков (на материале лексикографических источников): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тюмень, 2010.

Киреева И.И. Фитонимическая символика в британской лингвокультуре // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. 2014. С. 70-75.

Ковшова М.Л., Гудков Д.Б. Словарь лингвокультурологических терминов. М.: Гнозис, 2018.

Райзберг Б.А. Современный экономический словарь / 6-е изд., перераб. и доп. М.: ИНФРА-М, 2022.

Barker Binnig E. J. Subjective Color Perception. Ball State University Muncie, Indiana September, 1987.

Combley R. Cambridge Business English Dictionary. Cambridge: Cambridge University Press, 2011.

Murphy M. Longman Business English Dictionary. Pearson Education Limited, 2004.

N.I. Prokonina (Orel, Russia)

Orel State University named after I.S. Turgenev

SYMBOLISM OF COLOR IN TERMINOLOGICAL PHRASEOLOGY IN MODERN BUSINESS ENGLISH AND RUSSIAN LANGUAGES

Research on the concept sphere of different cultures is one of the most important and relevant in modern linguistics, since the understanding of national worldviews greatly simplifies communication and interaction between people. In particular, each color system aims to bring order to the world and ensure the effectiveness of dialogue.

Key words: symbolism, symbol, concept sphere, conceptualization, language picture of the world, phraseological units of the language.

О.А. Толстых (Челябинск, Россия)

Южно-Уральский государственный университет

tolstykhoa@susu.ru

ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЕ СКРИПТЫ КОММУНИКАТИВНОГО ПОВЕДЕНИЯ В АНГЛОЯЗЫЧНОМ АКАДЕМИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Статья посвящена лингвокультурным традициям англоязычного академического дискурса. Лингвокультурный скрипт коммуникативного поведения понимается как этнокультурный алгоритм, нормативное предписание, с помощью которого просматриваются ценностные ориентации участников дискурса и конструируется текст рецензии на научную статью.

Ключевые слова: академический дискурс, лингвокультурный скрипт, коммуникативное поведение, научная рецензия, научная статья.

За последние двадцать лет наукометрические показатели, измеряющие эффективность научно-исследовательской деятельности ученых, стали важной составляющей образа современного вуза. Стремление российских вузов попасть в международные рейтинги, как и желание исследователей войти в международное научное сообщество, повлекли за собой небывалый подъем публикационной активности и невероятную востребованность англоязычных высокорейтинговых журналов. К сожалению, процент отказа в публикации в данных журналах очень высок, что зачастую напрямую связано с отсутствием структурных, прагматических преобразований в тексте статьи при ее подготовке к переводу или с незнанием автором статьи коммуникативных традиций и норм, выработанных веками в данной лингвокультуре или научном сообществе.

Термин «академический дискурс», впрочем, как и сам термин «дискурс», до настоящего момента не получил своего универсального определения. Под академическим (или научным) дискурсом чаще всего понимается особая форма чтения, письма и мышления, характерная для образовательной (научной) среды, основными особенностями которой являются логичность, объективность, краткость, терминологичность и абстрактность. Любой подвид дискурса можно рассматривать в лингвистическом, когнитивном и интерактивном аспектах. В дан-

ном исследовании мы рассмотрим когнитивный аспект академического дискурса на примере его лингвокультурных скриптов.

Мысль о том, что любой вид дискурса культурно обусловлен, часто обсуждалась исследователями. Так, например, известная теория Р. Каплана (1966) о влиянии мышления на письменную коммуникацию на родном языке или теория культурных моделей взаимодействия Э. Холла могут быть использованы в качестве ее наглядного подтверждения. Тяготение представителя российской лингвокультуры к импликации, уходу от очевидного в описании результатов исследования можно противопоставить более прямолинейному и логичному коммуникативному стилю представителя англоязычной культуры. Низкую популярность факультативного раздела «Благодарности» в русскоязычных научных статьях исследователей можно противопоставить продолжительной культурной традиции в англоязычных статьях благодарить своих научных руководителей или близких за помощь.

Международный академический дискурс диктует собственные коммуникативные правила и нормы, знание которых позволит русскоязычным исследователям повысить не только свою академическую грамотность, но и публикационную активность. Поскольку любое лингвокультурологическое исследование является в своей основе сопоставительным, анализ культурных традиций академического дискурса значительно обогатит представления о различных нормах письма, раскроет специфику конструирования современной научной статьи на английском языке и поможет современным ученым успешно публиковать результаты своих исследований в международных высокорейтинговых журналах.

В основе академического дискурса можно выделить особую ценностную составляющую – лингвокультурные скрипты, этнокультурные алгоритмы, по которым выстраивается как устная, так и письменная научная коммуникация. Скрипт зачастую соприкасается с терминами «концепт», «фрейм» и «сценарий», однако отличается от них тем, что предполагает особую модель, последовательность действий, основанную на культурных нормах. В.И. Карасик полагает, что «скрипт является более общим понятием по сравнению со сценарием, подобно тому, как концепт включает фреймовые характеристики, не сводясь к ним» [Карасик 2007: 366].

Исследователь Я.В. Зубкова, к примеру, изучает лингвокультурные скрипты академического дискурса на примере ситуации экзамена [Зубкова 2008: 34]. В ее работах появляется определение лингвокультурного скрипта как «динамической когнитивной структуры, представляющей собой предписания особого рода, касающиеся закрепленных в языковом сознании культурных концептов и репрезентирующихся в дискурсивном сознании» [Зубкова 2008: 35].

Разработка теории лингвокультурных скриптов в настоящее время привлекает внимание многих лингвистов. Н.В. Моторина выделяет условия, которым обязательно должен отвечать скрипт: 1) регулярная употребляемость данного способа коммуникативного поведения; 2) соответствие этого способа выражения возможностям системы литературного языка; 3) общественное одобрение регулярно воспроизводимого коммуникативного поведения [Моторина 2015: 25]. Исследователь также отмечает феномен импорта лингвокультурных скриптов –

заимствование культурно-поведенческих норм в различных видах дискурса в эпоху глобализации [Моторина 2015: 26].

Теория лингвокультурных скриптов может быть успешно применима в области академического дискурса при анализе коммуникативного поведения его участников. Рассуждая о социокультурных традициях конструирования академического дискурса, И.П. Хутыз выделяет такие параметры, как ориентация на читателя/автора, ориентация на форму/содержание и уровень вовлеченности читателя в дискурс [Хутыз 2015: 86].

Английский язык относят к так называемым *writer-responsible languages* (языкам, ориентированным на читателя). В языковых системах данного типа именно автор научного текста делает все возможное для того, чтобы избежать коммуникативные неудачи. Ориентация на читателя определяет алгоритм поведенческих стратегий автора. Во многом это предопределяет четкий, ясный, структурированный и прямолинейный стиль англоязычной научной публикации, подробные объяснения методики исследования и акцентирование внимания на научной ценности проводимого исследования.

В рамках данной статьи мы рассмотрим лингвокультурный скрипт коммуникативного поведения редакторов и рецензентов англоязычных международных журналов на примере научной рецензии, целью которой является рекомендация о возможности/невозможности публикации рецензируемого материала в журнале.

Научная рецензия – это особый жанр динамического академического дискурса, который основывается на конвенциональности и ритуализированности. Шаблоны научных рецензий обязательно включают в себя оценку актуальности темы проводимого исследования, частные вопросы по структуре и содержанию, оформлению библиографического списка, методике исследования, презентации результатов и оформления заключительного раздела. Отдельно фигурирует параметр “quality of the English language” (критерий, оценивающий языковое оформление статьи), а в заключительной части рецензии представлены собственно комментарии и предложения рецензента. Рецензенты разыгрывают принятую на себя особую роль экспертов. Таким образом, основополагающей коммуникативной стратегией становится дискурсивное конструирование авторитетности. При этом важной коммуникативной составляющей рецензии является и внесение конструктивных предложений.

Обязательным атрибутом коммуникативного поведения в жанре англоязычной рецензии выступают вежливость, дистанцирование, уклонение и намек, отражающие характерные черты англоязычной коммуникации. Т.В. Ларина справедливо утверждает, что в рецензии отчетливо проявляются культурные ценности того или иного народа, поэтому и демонстрируемая в англоязычных рецензиях стратегия эмотивной вежливости присуща англоязычной коммуникативной культуре в целом [Ларина 2019: 41].

Схематично лингвокультурный скрипт коммуникативного поведения рецензента – представителя англоязычной культуры – можно представить следующим образом:

1. Четкое структурирование текста научной рецензии (вступление, положительные стороны рецензируемого текста, комментарии и предложения, окончательный вердикт).

2. Оценка положительных сторон рецензируемой научной статьи (позитивная тональность, акцент на достоинствах работы).

3. Смягчение категоричности и имплицитная критика недостатков (желание рецензента избежать конфликтной ситуации).

4. Эмотивная вежливость (тактичная и этичная оценка достоинств и недостатков работы).

5. Имплицитность и дистанцирование (зачастую присутствующий в рецензии подтекст, двусмысленность).

Подводя итог вышесказанному, отметим, что коммуникативное поведение англоязычного рецензента выстраивается на принципах шаблонности и клишированности, включая в себя доминанты англоязычной культуры.

В связи с этим при выборе рецензентов и знакомстве с рецензией зарубежных специалистов на свою статью необходимо также учитывать этнокультурные особенности жанра рецензии в различных типах академического дискурса.

Литература

Зубкова Я.В. Лингвокультурные скрипты в академическом дискурсе // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2008. Вып. 5 (29). С. 34-38.

Карасик В.И. Языковые ключи. Волгоград: «Парадигма», 2007.

Ларина Т.В. Эмотивная экологичность и эмотивная вежливость в английской и русской анонимной рецензии // Вопросы психолингвистики. 2019. №1 (39). С. 38-57.

Моторина Н.В. Лингвокультурные скрипты коммуникативного поведения: монография. Волгоград: ВолГГУ, 2015.

Хурыз И.П. Лингвокультурные традиции в пространстве академического дискурса: особенности конструирования // Вестник Московского государственного педагогического университета. Серия: Филология. Теория языка. Языковое образование. 2016. № 3 (23). С. 86-93.

*O.A. Tolstykh (Chelyabinsk, Russia)
South Ural State University*

LINGUOCULTURAL SCRIPTS OF COMMUNICATIVE BEHAVIOUR IN ENGLISH ACADEMIC DISCOURSE

The article considers linguocultural traditions of English academic discourse. The linguocultural script is an ethnocultural algorithm and regulatory requirement which makes it possible to analyse the values of the discourse participants and construct the text of an English-language academic review.

Key words: academic discourse, linguocultural script, communicative behavior, review, academic paper.

*А.В. Хэкетт-Джонс (Санкт-Петербург, Россия)
Российский государственный педагогический
университет имени А.И. Герцена
av.hackettjones@gmail.com*

«КУЛЬТУРНАЯ СЛЕПОТА» КАК КОГНИТИВНЫЙ БАРЬЕР В СИТУАЦИИ ДИДАКТИЧЕСКОГО ПОЛИЛИНГВИЗМА

В статье рассматриваются критически важные для обеспечения эффективности учебного процесса понятия «культурная слепота» и когнитивный барьер на примере ситуации дидактического полилингвизма (на материале работы с китайскими студентами в русскоязычном вузе в рамках дисциплины «История литературы стран второго иностранного языка (английский)»).

Ключевые слова: культурная слепота, когнитивный барьер, дидактический полилингвизм, поликультурность, эффективность учебного процесса.

Вопрос о необходимости включения культурного компонента при изучении языка давно признан очевидно неоспоримым, однако феномен «культурной слепоты» возникает не как результат сознательного или неосознанного игнорирования культурных параметров, невключения его в свою систему знаний и представлений о мире, а вследствие фактической невозможности увидеть то, что кажется очевидным носителю – речь идет о сложном, многоплановом когнитивном барьере, накладывающем особую специфику на весь процесс обучения. Данная статья рассмотрит эти явления на примере такой ситуации дидактического (учебного) полилингвизма, в которой китайские студенты обучаются английской литературе на английском языке в русскоязычной среде.

Под «культурной слепотой» понимается ситуация практически полного отсутствия чувствительности к иноязычной культуре, препятствующей пониманию культурного кода, выраженного в тексте вообще и в художественной литературе в частности.

Согласно словарю Американской ассоциации психологов (APA Dictionary of Psychology) «культурная слепота» (cultural blindness) определяется как неспособность понимать, как определенные явления могут рассматриваться людьми другой культуры вследствие жесткой приверженности взглядам, отношениям и ценностям собственной культуры либо вследствие того, что собственная культурная перспектива является достаточно ограничивающей, чтобы не допускать возможности видеть альтернативу.

Чтобы наполнить содержанием это достаточно сухое профессиональное определение, в качестве примера проявления подобной «слепоты» из реальных выступлений студентов на семинарах по литературе стран второго иностранного языка (английский) можно привести достаточно распространенный феномен несоответствия фона/картинки слайда презентации его содержанию: так, краткое описание событий Второй мировой войны приобретает пестрый, жизнерадостный фон; содержание романа «Влюбленные женщины» Д.Г. Лоуренса, наполненного драматичными и даже трагическими событиями, излагается на фоне, вдохновленном пляжным женским отдыхом (при этом в своем докладе студент

сообщает, что рабочим названием романа было *Dies irae* (*Day of Wrath*), то есть «Судный день», однако даже это не вызывает у него когнитивного диссонанса между воспринимаемой и транслируемой информацией и ее визуальным сопровождением). Носителем европейской культуры подобные ситуации воспринимаются как отсутствие чувствительности к культурному и историческому фону, игнорирование художественного замысла романа (хотя, безусловно, никакой негативной интенции студент в свои действия не закладывал), а также отсутствие у обучающихся базовых аналитических навыков.

Когнитивный барьер в самом общем виде определяется психологами как некое внутреннее препятствие в сознании человека, в то время как «когнитивные барьеры студентов в учебной деятельности» уточняются исследователями как «субъективные затруднения, возникающие при понимании и решении учебно-профессиональных задач на этапах целеполагания, планирования, исполнения, контроля и оценки полученных результатов и выражающиеся в замедлении или полной остановке познавательной активности» [Нго Тхи Нга, 2020: 11]. Н.А. Подымов, изучив причины снижения эффективности обучения иностранных студентов, приходит к выводу, что в их основе лежат «несформированность или слабая развитость приемов умственной деятельности, операций анализа и синтеза, низкий уровень развития мотивации, общих приемов работы с учебными материалами, стилевые особенности деятельности, интеллектуальная пассивность, понимаемые нами как когнитивные затруднения или барьеры» [Подымов, 2022: 101]. Представляется, что «культурная слепота» является именно таким затруднением, барьером, препятствующим эффективной коммуникации в учебной среде и развитию основных профессиональных компетенций студентов-лингвистов.

При рассмотрении «культурной слепоты» в контексте поиска и представления информации, касающейся культурных явлений (литературы, исторического, социального фона для создания произведений и так далее), интересно обратиться к исследованиям финского ученого Р. Саволайнена, изучившего влияние когнитивных барьеров на стратегии поиска информации. Классифицировав такие барьеры на шесть подтипов: 1) нежелание идентифицировать собственные потребности с информационными; 2) неумение выразить собственные информационные потребности; 3) незнание информационных ресурсов; 4) низкая самооэффективность; 5) неразвитые навыки поиска; 6) неспособность справиться с информационной перегрузкой. Также в ходе данного исследования было установлено, что когнитивные барьеры влияют на процесс поиска информации преимущественно негативно (блокируя, ограничивая или препятствуя поиску, а также вызывая отрицательные реакции, такие как фрустрация), но не исключен и позитивный эффект таких барьеров – например, он может состоять в том, чтобы мотивировать индивида сконцентрироваться на небольшом количестве в меру хороших (достаточных) источников [Savolainen 2015: 613].

Важно отметить, что когнитивные барьеры работают в обе стороны и являются препятствием на пути реализации деятельности как обучающего, так и обучающегося: напряженность наблюдается как со стороны преподавателя, так и студента, снижение эффективности проявляется как в освоении, так и в обуче-

нии материалу, цели не достигаются обеими сторонами, и, как следствие, неудовлетворенность также остается у всех участников процесса.

Однако, как отмечал С.Л. Рубинштейн, что «любой результат деятельности человека согласно мотивам и целям одновременно может иметь и положительное и негативное значение» [Рубинштейн 2000: 600], о положительной, развивающей функции барьера писал и Р.Х. Шакуров, ведь развитие любой живой системы зависит от преодоления препятствий [Шакуров 2001: 7]. Из практических примеров положительного эффекта можно отметить отсутствие гендерных стереотипов, классифицирующих европейскую литературу по признаку мужская/женская. Так, роман Джейн Остин «Гордость и предубеждение» стал предметом интереса и сообщения для группы молодых людей, в то время как в русскоязычной аудитории он всегда становится выбором женщин, в связи с его восприятием как женского романа, написанного женщиной и посвященного женским темам (его издания до сих пор аннотируют как «самый популярный женский роман в мире» (см. издательство АСТ, репринт 2022 года).

Положительное воздействие фактора полилингвизма и поликультурности были предметом обсуждения в работах многих отечественных исследователей (И.Л. Бим, Н.В. Баграмова, Н.В. Барышников, А.Н. Щепилова), отмечавших, что изучению третьего языка (каковым в описанной ситуации является английский) способствуют и сформированный при изучении родного и первого иностранного языка межкультурный, лингвистический и психологический опыт; и такие учебные навыки и умения, как рефлексия, самоконтроль, коррекция, умение работать с аутентичными материалами, ориентироваться в более широком социокультурном контексте; и металингвистическое сознание, позволяющее оперировать несколькими языковыми системами.

Представляется, что осознание наличия в ситуации дидактического полилингвизма такого когнитивного барьера, как «культурная слепота», а также понимание его природы, является первым шагом в кропотливой работе по его преодолению, что является сложной темой, требующей отдельного рассмотрения. Тем не менее очевидно, что усилия должны предприниматься всеми участниками и выражаться как в интеграции в поликультурный полилингвальный образовательный процесс основ этнической психологии его участников, так и в целенаправленном развитии учебных компетенций, связанных с аналитическими навыками, интерпретацией культурного контекста, стоящего за языковым выражением.

Литература

Нго Тхи Нга. Стратегии преодоления когнитивных барьеров иностранными студентами в учебной деятельности: дисс. ... канд. пед. наук. Москва: МПГУ, 2020.

Подымов Н.А. Когнитивные барьеры и стратегии их преодоления в учебной деятельности иностранных студентов // Высшее образование сегодня. 2022. № 3-4. С. 101-104.

Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. СПб: Питер, 2000.

Шакуров Р.Х. Барьер как категория и его роль в деятельности // Вопросы психологии. 2001. № 1. С. 3-18.

APA Dictionary of Psychology: онлайн-ресурс. URL: <https://dictionary.apa.org/cultural-blindness> (дата обращения: 9.04.2023).

Savolainen R. Cognitive barriers to information seeking: A conceptual analysis // Journal of Information Science. 2015. 41(5). P. 613-623.

*A.V. Hackett-Jones (St. Petersburg, Russia)
Herzen State Pedagogical University of Russia*

CULTURAL BLINDNESS AS A COGNITIVE BARRIER IN A MULTILINGUAL CLASSROOM

The article discusses such critical factors in a multilingual classroom as cognitive barriers in general and cultural blindness specifically. The author presents existing interpretations of the terms ‘cognitive barrier’ and ‘cultural blindness’ and discusses their implications for the educational process set against a complex multilingual and multicultural background – Chinese students studying English literature at a Russian university.

Key words: cognitive barrier, cultural blindness, multilingual and multicultural classroom.

*Чжан Личэн (Нанкин, КНР)
Юго-Восточный университет
Licheng.zhang@mail.ru*

ОБРАЗЫ ЗЛОГО ЧЕЛОВЕКА В РУССКОЙ ПАРЕМИОЛОГИЧЕСКОЙ КАРТИНЕ МИРА (НА ФОНЕ КИТАЙСКОГО ЯЗЫКА)

В статье проводится сравнительный анализ паремиологических единиц русского и китайского языков, репрезентирующих злого человека. Цель работы – выявление общих и национально-своеобразных черт в поговорках типологически различных языков, характеризующих злого человека. Результаты исследования могут быть использованы в курсах лекций по лингвокультурологии или лексикологии.

Ключевые слова: образ, паремиология, установка культуры, лингвокультурология, сопоставление, паремиологическая картина мира.

Концепт ЗЛО является одной из ключевых аксиологических оценок во всех лингвокультурах, он широко отражен во фразеологических единицах различных языков, поскольку именно поговорки «наиболее образно, аргументировано и лаконично позволяют выразить целый комплекс культурных смыслов, связанных с феноменом человека, человеческого сознания и человеческого общества» [Алефиренко 2009: 310].

По мнению Н.Д. Арутюновой, концепт «образ» является «синтетичным», он включает в себя не только все чувственно воспринимаемые аспекты объекта, но и все связанные и ассоциируемые с ним содержательные характеристики [Арутюнова 1999: 317]. В.А. Маслова отмечает, что понятие «образ» является «важнейшей языковой сущностью, содержащей информацию о связи слова с культурой, и он лингвокультурологически ориентирован» [Маслова 2001: 44].

Обратимся к пословицам русского и китайского языков, репрезентирующих злого человека. В ходе исследования из вышеуказанных словарей отобраны 81 русская и 66 китайских пословиц, объектирующих злого человека.

Во время исследования русских поговорок, описывающих злого человека, нам удалось выделить следующие установки культуры: 1. В отличие от доброго человека, жизнь злого человека не будет долгой: *Злой человек не проживет в добре век.* 2. Нельзя влюбляться в злого человека, это принесёт вред: *Злого кто*

любит – себя губит. 3. Необходимо держать злых на расстоянии: *Кто злым быть не хочет, тот со злыми не водится.* 4. Многократно встречается (13 единиц) словосочетание «злая жена» в пословицах, причём данное качество часто гиперболизируется; также отмечается, что такая жена разрушает семью и раздражает мужа: *Перед злой женою сатана – младенец непорочный.*

В ходе исследования китайских паремий, описывающих злого человека, нам удалось выделить следующие установки культуры: 1. Небо (Бог) наказывает злого человека: *恶人天不容 (Злых людей небо (божество) не потерпит).* 2. Сердце злого человека скрытое, его трудно понять: *恶人心, 海底针 (Сердце злого человека – иголка на дне моря).* 3. Как в русском языке, так и в китайском языке *恶妇破家 (злая жена разрушает семью).*

На основе проведенного анализа русских и китайских паремий, характеризующих злого человека, мы пришли к следующим выводам:

Общие ментальные установки культуры: как в русском, так и в китайском языках *злая жена разрушает семью.* Различий гораздо больше, чем общих черт. Паремии двух языков характеризуют злого человека по разным аспектам. В китайском языке отсутствуют аналогичные русским установки культуры: *нельзя влюбляться в злого человека, это принесет вред; необходимо держать злых на расстоянии* и т.д. Лакунарными для русского языка являются китайские установки культуры: *трудно понять злого человека; небо (Бог) наказывает злого человека* и т.д.

Познание общих и различных установок культуры, отраженных в интересующих нас пословицах, позволяет раскрыть универсальные и национально-своеобразные представления об указанной черте характера у носителей русского и китайского языков. В целом выделение аксиологических особенностей важно для инофонов, поскольку оценка одного и того же явления может различаться для разных народов, на это стоит обратить внимание, чтобы избежать коммуникативных неудач.

Литература

- Алефиренко Н.Ф.* Фразеология и паремиология. М.: Флинта: Наука, 2009.
- Арутюнова Н.Д.* Язык и мир человека. М.: Языки русской культуры, 1999.
- Маслова В.А.* Лингвокультурология. М.: Академия, 2001.
- Даль В.И.* Пословицы русского народа. М: ННН, ЭКСМО, 2003.
- Яо Цзецзюнь, Цзян Синь.* Словарь пословиц. Шанхай: Издательство Шанхайского университета, 2006.
- Вэнь Дуаньчжэн.* Большой словарь пословиц китайского языка. Шанхай: Шанхайское лексикографическое издательство, 2011.
- Мокиенко В.М. Никитина Т. Г., Николаева Е. К.* Большой словарь русских пословиц. М: ОЛМА Медиа Групп, 2010.
- Зимин В.И.* Словарь-тезаурус русских пословиц, поговорок и метких выражений. М: АСТ-Пресс, 2016.

*Zhang Licheng (Nanjing, China)
Southeast University*

IMAGES OF THE EVIL PERSON IN THE RUSSIAN PAREMIOLOGICAL PICTURE OF THE WORLD (FROM THE PERSPECTIVE OF THE CHINESE LANGUAGE)

The article provides a comparative analysis of Russian and Chinese paremiological units representing an evil person. The purpose of the work is to identify common and country-specific features in proverbs of typologically different languages (Chinese and Russian) that characterize an evil person. The results of the research can be used in courses on linguoculturology or lexicology.

Key words: Image, paremiology, cultural setting, linguoculturology, comparison, paremiological picture of the world.

*Zhou Qing (Moscow, Russia; Guangzhou, China)
RUDN; South China Business College Guangdong
University of Foreign Studies*

KINSHIP TERMS IN CHINESE TEACHER-STUDENT COMMUNICA- TION AS A REFLECTION OF CULTURE AND COGNITION

This paper examines the use of kinship terms in Chinese teacher-student communication and how they reflect cultural values and cognitive processes. Through analysis of naturalistic data, the paper explores the factors that influence the use of kinship terms, including social identity, power dynamics, and social distance. The findings suggest that the use of kinship terms in Chinese teacher-student communication is a complex phenomenon reflecting the interplay between culture and cognition.

Key words: address forms, kinship terms, teacher-student communication, power dynamics, social identity, social distance, Chinese culture.

1. Introduction

In academic discourse, the language of teachers and students can affect how they see each another and how they identify as teachers and students. One language signal which can indicate changes in status inequality and closeness is the term of address. It is also evident that educators and students from various cultural backgrounds select different forms of address. Consequently, it is crucial to understand how social identity and cultural values are revealed through academic communication by focusing on the forms of address used in teacher-student interactions. By using examples from naturalistic data, this article studies generalized kinship terms (GKT) in Chinese teacher-student communication. The purpose is to discover the social-cultural and cognitive grounds which affect how these kinship terms are used in Chinese teacher-student communication and how they reflect cultural and cognitive factors.

2. The usage of kinship terms in Chinese society

Kinship terms are a relatively prevalent language phenomena in human daily life across cultures, they can be used to address people who are related by blood, and there are various systems of kinship designations in different cultures [Chen, 2019: 1237].

Kinship terms play an important role in Chinese culture, reflecting the importance of family and social relationships. They are also applicable to those who are not connected through blood. For example, the term "ā yí" (aunt) can be used to refer not only to an actual aunt but also to any older woman who is not a close relative [Yang & Chen, 2023: 78-79]. These GKT are usually used to create a sense of closeness and solidarity, emphasizing the importance of social relationships beyond just blood ties.

This use of kinship terms is an extension of the family solidarity which is highly valued in Chinese culture. It reflects the collectivist nature of Chinese society, where individuals are likely to prioritize the interests of their family and community over their individual interests. Kinship terms are used to reinforce this collectivist mentality, creating a sense of belonging and interconnectedness within a group. The use of kinship terms is also closely tied to the concept of "guanxi", which refers to the complex system of social networks and relationships that are important in Chinese culture. In Chinese teacher-student interactions, power dynamics and social distance play significant roles in shaping interpersonal relationships and communication patterns. The higher status and authority of teachers influence communication patterns. Social distance, which relates to individuals' perceived psychological and social separation, also affects communication patterns. These factors all contribute to the intricate dynamics of Chinese teacher-student communication, including the use of kinship terms.

3. GKT in Chinese teacher-student communication

The use of kinship terms in teacher-student communication is a phenomenon that has been observed in various academic settings. Despite the absence of actual blood relationships, students and teachers in some cultures often use kinship terms to address each other.

When it comes to the application of kinship terms in Chinese teacher-student communication, both teachers and students use GKT. For example, students may choose terms such as "Ge" (elder brother), "Jie" (elder sister) for teachers with a little age difference, or "Ma" (mother), "Ba" (father) for older teachers. Here are some naturalistic recordings of students using GKT to communicate with their teacher:

(1) *Sister, excuse me! I sent the relevant documents to the e-mail! Please check it out, thank you!*

姐, 打扰啦! 相关文件我发到邮箱啦! 麻烦姐姐检查一下, 辛苦啦!!!

(2) *(Surname) Mom! Our defense is over! Thank you for all the careful guidance for so long, it was really hard work!*

X妈! 我们的答辩结束啦! 谢谢您那么长时间的认真指导, 真的辛苦了!

These examples are performed when the students express requests/appreciation, which necessitate the usage of Positive Politeness (e.g. a positive politeness strategy used to show closeness and relationships) [Brown & Levinson, 1978; Senowarsito, 2013: 84].

In addition, these examples reflect the tendency towards familiarity in Chinese academic settings. It is not uncommon for teachers and students to develop close relationships beyond the formal classroom setting, and the use of kinship terms reinforces this closeness. In contrast to the conventional address term in Chinese academic settings like laoshi (老师, 'teacher'), kinship addresses are more restricted in their use. By adopting the pragmatic strategy of using GKT to address teachers, students show

their politeness to further their communicative goals. However, it is important to note that the use of such terms of address needs to be based on a familiar and cordial relationship, and it is generally avoided when meeting teachers for the first time. In addition, there are strict restrictions on the occasion, and GKT are generally only used in informal and private settings.

4. Discussion and Conclusion

Family- and clan-centered cultural values are the underlying reasons for the use of Chinese GKT in various settings [Ren & Chen, 2019: 627; Wu, 1990]. Our analysis supports the notion that the use of kinship terms by teachers and students in academic settings is influenced by various social-cultural and cognitive factors, such as the cultural emphasis on collectivism and family solidarity, power dynamics, and social identity, as well as the tendency for close relationships between teachers and students to form. By understanding these factors, we can gain a deeper insight into the complexities of Chinese communication and culture, developing more effective strategies for cross-cultural communication and teaching in academic settings.

In conclusion, the use of kinship terms in Chinese teacher-student communication is a complex phenomenon that reflects both cultural and cognitive processes. Through the use of kinship terms, teachers and students can create a sense of closeness and solidarity that contributes to a positive and productive learning environment. However, it is important to recognize that the use of kinship terms can also reinforce hierarchical structures and perpetuate inequalities. Therefore, further research is needed to fully understand the implications of the use of kinship terms in academic discourse and to develop strategies to promote more inclusive and equitable communication practices.

Ultimately, by understanding the significance of the use of kinship terms in Chinese teacher-student communication, we can develop more effective strategies for communication and teaching in multicultural educational settings. This understanding can also contribute to the development of cross-cultural communication skills, which are increasingly important in today's globalized world.

References

- Brown P., Levinson S.C.* Universals in language usage: Politeness phenomena // Questions and politeness: Strategies in social interaction. Cambridge University Press, 1978. C. 56-311.
- Chen X., & Ren J.* (2020). A memetic cultural practice: The use of generalized kinship terms in a research seminar attended by Chinese graduate students. *Lingua*, 245, 102942.
- Ren J., Chen X.* Kinship term generalization as a cultural pragmatic strategy among Chinese graduate students // *Pragmatics and Society*. 2019. T. 10. №. 4. C. 613-638.
- Senowarsito S.* Politeness strategies in teacher-student interaction in an EFL classroom context // *TEFLIN Journal*. 2013. T. 24. №. 1. C. 82-96.
- Wu Y.* The usages of kinship address forms amongst non-kin in mandarin Chinese: The extension of family solidarity // *Australian Journal of Linguistics*. 1990. T. 10. №. 1. C. 61-88.
- Yang K., Chen J.* The son (érzi) is not really a son: Generalization of address terms in Chinese online discourse // *Pragmatics*. 2023. T. 33. №. 1. C. 78-98.

Чжоу Цин (Москва, Россия; Гуанчжоу, Китай)
*РУДН; Южно-Китайский коммерческий институт при Гуандунском
университете иностранных языков и международной торговли*

**РОДСТВЕННЫЕ ТЕРМИНЫ В КОММУНИКАЦИИ КИТАЙСКИХ
ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ И СТУДЕНТОВ КАК ОТРАЖЕНИЕ КУЛЬТУРЫ
И КОГНИТИВНЫХ ПРОЦЕССОВ**

В данной статье рассматривается использование родственных терминов в коммуникации китайских преподавателей и студентов, а также как они отражают культурные ценности и когнитивные процессы. Путем анализа естественных данных исследуются факторы, влияющие на использование родственных терминов, включая социальную идентичность, динамику власти и социальное расстояние. Наши результаты показывают, что использование родственных терминов в коммуникации между китайскими преподавателями и студентами – это сложное явление, которое отражает взаимодействие культуры и когнитивных процессов.

Ключевые слова: формы обращения, термины родства, общение между преподавателем и студентом, динамика власти, социальная идентичность, социальная дистанция, Китайская культура.

IV. ЯЗЫК КАК СПОСОБ ПОЗНАНИЯ МИРА И КАК СИСТЕМА РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ЗНАНИЙ

*Е.В. Бекишева, О.М. Рылкина (Самара, Россия)
Самарский государственный медицинский университет
zondterm@gmail.com, olga-rylkina@yandex.ru*

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ НАУЧНОГО ЗНАНИЯ В МЕДИЦИНСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ

Изучение репрезентации научного знания является актуальной проблемой как с точки зрения науковедения, философии, терминоведения и когнитивной лингвистики, так и в прикладном отношении, поскольку предоставляет возможность исследовать системообразующие факторы научного языка, которые являются одним из критериев научности в каждой отдельно взятой области знания.

Ключевые слова: научное знание, медицинская терминология, история медицины, дефиниция, этимология, терминообразование.

Репрезентация научного знания тесно связана с понятием языковой картины мира. Если проследить изменения в языковой картине медицины на протяжении всего исторического периода, начиная с античности и до наших дней, то возможно получить представление о когнитивных процессах и лингвистических способах репрезентации научного знания о человеке и строении его организма, а также о нормальных и патологических процессах, происходящих в нём. Одной из форм существования репрезентации медицинского научного знания является термин как особая вербальная единица, в которой аккумулируется опыт познавательной деятельности, субъективные интенции автора, обеспечивается возможность научной коммуникации и практического использования научных знаний.

Медицинское знание в разные исторические эпохи его двухтысячелетнего развития обладает различной степенью достоверности. Первый этап развития медицины называют эмпирическим. Эмпирическое знание человеческого организма формировалось в результате наблюдений древних медиков за страдающими от болезней людьми. Медицина прошла долгий путь проб и ошибок. Некоторые идеи прошлого сегодня кажутся наивными и нелепыми, однако они являются частью непрерывного научного процесса постижения структуры и функции человеческого организма, а также его патологических изменений. В качестве классического примера приведём термин *ревматизм* (гр. «истечение»), восходящий к гуморальной теории Гиппократов, которая заключается в представлении о том, что в теле текут четыре жидкости (кровь, флегма, жёлтая жёлчь и чёрная жёлчь). В норме эти жидкости находятся в балансе, однако избыток одной из них вызывает внутренние болезни. Язык периода зарождения медицины имеет весьма условное отношение к реальности. Слабые стороны терминологии этого периода были компенсированы в последующие века изменением семантики терминов. В современной нозологической терминологии термин *ревматизм* обо-

значает «системное воспалительное заболевание соединительной ткани с преимущественным поражением сердечно-сосудистой системы».

Как справедливо отмечает С.Р. Аблеев, «научный язык порождает бесчисленное множество теоретических конструкторов, которые имеют весьма условное отношение к реальности» [Аблеев 2014: 206]. Примеров так называемых терминов-катахрезов, словообразовательная структура которых противоречит современным научным концептам, можно найти немало в истории медицинского терминоведения, напр. *артерия* (гр. *aēr* – воздух + *tereō* – содержать). Древние греки полагали, что поскольку после смерти человека эти сосуды оказываются пустыми, у живого человека они также ничего кроме воздуха не содержат. Термин *двенадцатиперстная кишка* (лат. *duodenum*) отражает ошибочное представление древних естествоиспытателей о длине этого внутреннего органа. Термин *поджелудочная железа* (*pancreas*) неправильно ориентирует в расположении органов брюшной полости, так как названная железа располагается не под желудком, а за желудком. Как иллюстрируют приведённые примеры, их этимологическая структура весьма условна. В своём буквальном понимании они либо бессмысленны с синхронной точки зрения, либо вводят пользователей терминологией в глубокое заблуждение. Однако, несмотря на свои семантически слабые стороны, подобные термины не исключаются из активного словаря медицины, что объясняется тысячелетней традиционностью их употребления. Процесс осмысления термина опирается на готовый набор общепринятых в данном профессиональном сообществе условных intersubъективных значений как условия нормальной коммуникации. Репрезентант должен быть соответствующим образом интерпретирован и понят. С философской точки зрения приведённые примеры подчеркивают «простой, но еще мало осознанный факт: природная действительность сложнее рациональных научных теорий» [Аблеев 2014: 207].

Второй исторический период развития медицины и её терминологии – это Средневековье и эпоха Возрождения. В этот период зародились анатомия и физиология, без знаний которых сейчас немыслима профессия врача. В 1490г. был открыт первый анатомический театр. В 1443 г. в одной из монастырских библиотек был найден единственный энциклопедический труд римлян «*De medicina*», написанный Авлом Корнелием Цельсом в I в.н.э. После вторичного рождения в 15 в. медицинская лексика Цельса на латинском языке почти полностью вошла в профессиональный словарь медицины (*abdomen* – живот, *servix* – шея, *intestinum* – кишка, *manus* – кисть и др.). В этот период происходит вторая в истории после Цельса латинизация медицинского словаря.

В эпоху Возрождения с её культом античности в анатомию входит ряд мифологических терминов: *cornu Ammonis*, *mons Veneris*, *os Priapi*, *Atlas*, *tendo Achillis*. Мифологическая репрезентация научного познания ещё раз подтверждает факт, что когниция это субъективная реальность, а термин – условная вербальная единица с субъективной репрезентацией, но объективным денотатом. В связи с этим приведём слова английского философа Джона Локка: «*Nihil est in intellectu, quod non fuerit in sensu*» – «Нет ничего в уме, чего прежде не было бы в ощущениях».

В средние века и эпоху Возрождения, когда ещё не были сформированы объективные знания для объяснения причин болезней, а превалировало мифоло-

гическое мышление, появилось большое количество прототерминов, т.е. псевдонаучной лексики, отражающей мистические или ошибочные взгляды естествоиспытателей того времени, напр., прототермин средневекового учёного Парацельса *архей*. *Архей* (жизненное начало по Парацельсу) находился в человеческом теле, но мог быть угнетён, и тогда не в состоянии был поддерживать нормальные химические процессы и выводить из организма ненужные вещества: они накапливались подобно *тартарусу* (*tartarus*), винному камню в бочках, и вызывали так называемые *тартарические болезни*. Так как основная причина болезни заключалась в состоянии *архея*, то и лечить нужно было, прежде всего, его – или духовным влиянием, или с помощью таинственных сил растений или животных.

Третий, решающий период развития медицины – XVIII – начало XX в., эпоха бурного развития научного мышления на основе открытий в области биологии, химии и техники. Зарождение микробиологии, связанное с именами голландского натуралиста А. Левенгука, создавшего первый микроскоп, и французского учёного Луи Пастера, доказавшего, что заразные болезни вызываются различными микробами, положило начало этиологии (науки о причинах болезней). С тех пор на основе точной характеристики болезни, т.е. её причин, клинической картины и патогенеза каждой из них, начала формироваться дифференциация болезней, а вместе с ней и их названий. В настоящее время терминологии инфекционных болезней и гельминтологии (греч. *helmins*, *helminthos* – червь) являются наиболее эксплицитными в плане выражения категории причины микротерминосистемами, напр., *риккетсиоз* – острая инфекционная болезнь, вызываемая микроорганизмами *Rickettsia*. Однако метафорическая номинация, основанная на субъективных ассоциациях и аналогиях учёных, продолжает оставаться одним из продуктивных способов терминообразования, напр., *творожистый некроз*.

В этот же период наряду с традиционным терминообразованием на основе латинских слов и древнегреческих корней становится всё больше и больше продуктивна эпонимизация. Это можно объяснить возрастающей ролью науки и учёного и желанием последователей увековечить его имя для будущих поколений, напр., *пасторизация*, *гайморова пазуха*, *болезнь Меньера*, *евстахиит* и т.п.

В основе современного этапа развития медицинской науки лежит мощный технологический прогресс, продвинутое исследование в области фармакологии, генетики и нанотехнологий [Щербакова 2022: 6]. Ведущую роль в развитии медицинских знаний занимает доказательная медицина и персонифицированная медицина (индивидуальная терапия, которая учитывает особенности организма каждого пациента). Основным способом репрезентации сложных понятий персонифицированной медицины является спецификация и сужение значений традиционных терминов и фразеологизмов греко-латинского происхождения, а также слов общеупотребительного языка, напр., *ab initio* – лат. «с самого начала». В моделировании имеются в виду модели, разработанные без экспериментальных данных.

Для интерпретации терминов персонифицированной медицины недостаточно понимания смысла слов терминологического сочетания, а необходимы глубокие фоновые знания данного раздела медицины, напр., *приемлемое покры-*

тие – также известное как «*минимальное основное покрытие*» и определяемое как тип покрытия, которое лицо должно иметь для выполнения требования индивидуальной ответственности; *суррогатная конечная точка* – это маркер, такой как лабораторное измерение, рентгенографическое изображение, физический признак или другой показатель, который, как считается, предсказывает клиническую пользу, но сам по себе не является показателем клинической пользы.

Итак, на основе проведенного исследования трансформации репрезентаций медицинского знания в историческом аспекте можно сделать вывод, что язык науки стремится к формированию строгой научной терминологии. Это доказывалось существованием традиционного ядра терминов греко-латинского происхождения с их прозрачной для специалиста семантикой, как, например, система терминов, обозначающих воспалительные заболевания. Они способны своей внутренней формой выполнять дефиниционную функцию соответствующего научного понятия. Но природа человеческого организма и его функционирование, зависящие от эндогенных и экзогенных факторов, намного сложнее любой вербальной системы, поэтому слабые стороны рациональной репрезентации естественнонаучного знания компенсируются расширением метафоричности, символизма и абстрактности его терминологии. Процесс же интерпретации терминов опирается на готовый набор общепринятых intersubъективных значений как условия адекватной научной коммуникации.

Литература

Аблеев С.Р. Репрезентация научного знания: когнитивные пределы понятийного дискурса в исследованиях сознания // Вестник Московского университета МВД России 2014 № 9. С. 206-209.

Александрова Г.Н. Соотношение знаковой структуры и функций терминологических и квази-терминологических языковых единиц :на материале английской экономической и бизнес-терминологии: дис. ... канд. филол. наук. Самара, 2006.

Щербакова Ю.Е. Современный этап развития медицины как науки // Философия ID: 2022-02-4388-A-19777, 2022. URL: <https://medconfer.com/node/19777?ysclid=lj0cf412pp875897218>

E.V. Bekisheva, O.M. Rylkina (Samara, Russia)
Samara State Medical University

REPRESENTATION OF SCIENTIFIC KNOWLEDGE IN MEDICAL TERMINOLOGY

The study of scientific knowledge representation is a pressing issue in science studies, philosophy, terminology, cognitive linguistics, and applied linguistics since there is a possibility to investigate the system-forming factors of scientific language, which are one of the criteria of scientific character in each area of knowledge.

Key words: scientific knowledge, medical terminology, history of medicine, definition, etymology, term formation.

*Л.А. Белова, Е.В. Челпанова (Челябинск, Россия)
Южно-уральский государственный
гуманитарно-педагогический университет
belovala@csru.ru, chelpanovaev@csru.ru*

ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ НЕМЕЦКОЯЗЫЧНОЙ КАРТИНЫ МИРА В СКАЗКАХ БРАТЬЕВ ГРИММ

Цель статьи – выявить лингвистические средства репрезентации немецкоязычной картины мира в сказках братьев Grimm. Определены факторы, влияющие на формирование национального образа мира и ментальности в Германии. Мы провели сравнительный и контекстуальный анализ особенностей создания сказочного пространства, времени и национального характера немцев в сказках братьев Grimm. В качестве объекта исследования выступают основные сюжеты, мотивы и образы героев немецких сказок. Предмет исследования – лингвистические средства создания немецкоязычной картины мира через отражение сказочного пространства, времени и национального характера немцев в сказках братьев Grimm. Материалом исследования послужили тексты 30 сказок братьев Grimm.

Ключевые слова: картина мира, сказки братьев Grimm, лингвистическая репрезентация, немецкий язык.

Через язык происходит соприкосновение с образом жизни народа страны изучаемого языка, передается характер мышления, мировидение, мироощущение. Очень ярко национальную культуру любого народа отображают сказки. При прочтении сказки можно получить общую картину интонационно-невербальной, разговорной культуры общения и особенности менталитета народа.

Актуальность рассмотрения сказочного пространства и национального характера в немецких сказках обусловлена повышенным вниманием лингвистов к изучению концептуальной системы художественного текста особого типа, в котором сосредоточено богатство этнокультурного опыта человечества. Целью работы является изучение лингвистических средств репрезентации немецкоязычной картины мира в сказках братьев Grimm. Достижение цели предполагало решение следующих задач: 1) определить факторы, влияющие на формирование национального образа мира и ментальности в Германии; 2) изучить особенности языка сказок братьев Grimm; 3) провести лингвистический анализ особенностей создания сказочного пространства, времени и национального характера немцев в сказках братьев Grimm.

В качестве объекта исследования выступают основные сюжеты, мотивы и образы героев немецких сказок. Предмет исследования – лингвистические средства создания немецкоязычной картины мира через отражение сказочного пространства, времени и национального характера немцев в сказках братьев Grimm. Материалом исследования послужили тексты 30 сказок братьев Grimm. Для достижения цели исследования нами были выбраны следующие методы: метод сравнительного анализа и метод контекстуального анализа.

По мнению В.Я. Проппа сказочное пространство является основным композиционным элементом, так как в нем совершаются все действия героя, тогда как времени, выступающего в качестве реальной формы мышления, словно нет

совсем. В.Я. Проппом был установлен факт пространственного преобладания в тексте сказки [Пропп 1998]. Сказка погружает читателя в сказочное пространство, которое дает возможность сравнить себя с героем и воспринять сказку как действительность. Появляется ощущение, что сказочное пространство переплетается с реальностью, но в то же время отделено от нее, и его существование не подчиняется законам окружающего мира.

На лексическом уровне сказочное пространство братьев Grimm создается такими средствами, как метафоры, персонификации, аллегории: *Danach ging das Mädchen zu einem Baum, der hing voll Äpfel und rief ihm zu: „Ach, schüttel mich, wir Äpfel sind alle reif“* [Grimm 1984: 85], *du schüttelst mein Bett fleißig auf, dass die Federn fliegen, dann schneit es in der Welt, ich bin Frau Hölle* [Grimm 1984: 5]. Присутствие мотивов дома и дороги метафорически репрезентирует поиск себя, самоанализ: *Geh mit uns nach Bremen, du verstehst dich doch auf die Nachtmusik, da kannst du ein Stadtmusikant werden* [Grimm 1984: 93].

Преобладают глаголы с тематикой волшебных трансформаций, путешествий, способов добычи пропитания: *Es soll aber kein Tod sein, sondern ein hundertjähriger tiefer Schlaf, in welchen die Königstochter fällt* [Grimm 1984: 133], *ich will ein Stück vom Dach essen, Gretel, du kannst vom Fenster essen, das schmeckt süß* [Grimm 1984: 57]. На определенном этапе развития общества охота и собирательство обеспечивали выживание человека. Это ярко показано в сказках братьев Grimm, где герои охотятся, собирают орехи, дрова и ягоды в лесу: *Auf eine Zeit ging das Hühnchen mit dem Hähnchen in den Nußberg, und sie machten miteinander aus, wer einen Nußkern fände, sollte ihn mit dem andern teilen (Von dem Tode des Hühnchens)* [Grimm 1984: 174]. Охота в немецких сказках ассоциируется с образом молодого короля, так как охота была одним из основных занятий немецкой знати: *Es trug sich aber zu, daß der König des Landes eine große Jagd in dem Wald hielt. Da schallte das Hörnerblasen, Hundegebell und das lustige Geschrei der Jäger durch die Bäume, und das Rehlein hörte es und wäre gar zu gerne dabei gewesen. (Brüderchen und Schwesterchen)* [Grimm 1984: 41].

В морфологическом аспекте все части речи вносят определённый вклад в создание волшебного пространства. Существительные обозначают места остановок героя, такие как лес, замок, дом, гора, иное царство, луг [Grimm 1984]. Сказочное пространство населено названиями многочисленных животных, растений, птиц, что позволяет реконструировать особенности природной действительности Германии прошлых столетий. Лес выступает одним из действующих образов сказки, отображая трансформацию сказочного действия и самого героя. С древних времен лес рассматривается как опасное место, таящее в себе угрозы: *Die drei Männlein im Walde, Schneewittchen, Der Froschkönig oder der eiserne Heinrich, Brüderchen und Schwesterchen: Die böse Stiefmutter war eine Hexe, sie schlich den Kindern heimlich nach und hatte alle Brunnen im Walde verwünscht* [Grimm 1984: 39].

Написанные братьями Grimm сказки о животных представляют собой яркие и красочные аллегории, иносказания: «*Der Wolf und die sieben jungen Geißlein*», «*Der Wolf und der Fuchs*», порочные качества людей – глупость, жадность, слабость, покорность – обобщаются и находят отражение в образах животных: *Da fraß es der Wolf auf, war aber damit noch nicht zufrieden, sondern wollte das andere*

dazu haben und ging, es zu holen. Weil er es aber so ungeschickt machte, ward es die Mutter vom Lämmlein gewahr und fing an entsetzlich zu schreien und zu bläen, dass die Bauern herbeigelaufen kamen. Da fanden sie den Wolf und schlugen ihn so erbärmlich, dass er hinkend und heulend bei dem Fuchs ankam [Grimm 1984: 172].

На синтаксическом уровне язык сказок братьев Гримм отличает гиперболизация образов иного мира – великанов, карликов, ведьм, саспенс (драматическое напряжение): *In einem Walde hausten zwei Riesen, die mit Rauben, Morden, Sengen und Brennen großen Schaden stifteten* [Grimm 1984: 74], *die Köchin aber kam herzu, und als die den Teich sah, legte sie sich darüber hin und wollte ihn aussaufen. Aber die Ente kam schnell geschwommen, fasste sie mit ihrem Schnabel beim Kopf und zog sie ins Wasser hinein, da musste die alte Hexe ertrinken* [Grimm 1984: 138].

Иной мир имеет символическое, криптографическое, зашифрованное значение. Эта параллельная реальность выступает аналогом ада или рая, несёт абсолютное зло или добро, герой попадает туда не случайно, а по предназначению, через колодец (сказка *Frau Holle*), через дверь в подземный замок (сказка *Die zertanzten Schuhe*), через вход в подземную пещеру (сказка *Der Gevatter Tod*). Включение потустороннего мира в пространство сказки объясняется и тем, что менталитет немцев формировался под влиянием церковных идей во всех сферах жизни немецкого народа. Доминирование церкви заложило наличие у немцев таких черт как повышенное чувства долга и ответственности, дисциплинированность, патриотизм, педантичность, пунктуальность, экономность, уважение к себе и другим людям, которые отражаются в сказках: *Die Zwerge sprachen: "Willst du unsern Haushalt versehen, kochen, betten, waschen, nähen und stricken, und willst du alles ordentlich und reinlich halten, so kannst du bei uns bleiben, und es soll dir an nichts fehlen." – "Ja", sagte Schneewittchen, "von Herzen gern!" und blieb bei ihnen. Es hielt ihnen das Haus in Ordnung* [Grimm 1984: 145].

Любая ложь, порожаемая героем, порицается, как нарушение человеческого закона или правил Всевышнего. Вор, который не наносит физического вреда окружающим, а крадет только у богатых, подвергается осуждению со стороны близких и становится изгнанником. Король в сказке «*Der Froschkönig*» осуждает дочь за то, что она не хочет держать слово, данное лягушонку: *"Wer dir geholfen hat, als du in der Not warst, den sollst du hernach nicht verachten."* – «*Кто тебе в беде помог, тем пренебрегать не годится*» [Grimm 1984: 24]. Стилистически сказки братьев Гримм отражают национальную специфику и содержат ряд характерных для немецкого народного фольклора идиом и клише: *Er stickte mit großen Buchstaben darauf „Siebene auf einen Streich!“ (семерых одним ударом)* [Grimm 1984: 70]. Через идиоматичность языка авторы отразили разнообразие сказочных героев: крестьян, представителей высших сословий, глуповатых, наивных персонажей, героев, которые полны ловкости и смекалки: *Der Schneider wollte in die Wel thinaus (no белу свету), weil er meinte, die Werkstätte sei zu klein für seine Tapferkeit* [Grimm 1984: 70]. Средством высмеивания человеческих слабостей и пороков стали бытовые сказки братьев Гримм, полные юмора и задора: *Die Räuber fahren bei dem entsetzlichen Geschrei in die Höhe, meinten nicht anders, als ein Gespenst käme herein, und flohen in größter Furcht in den Wald hinaus* [Grimm 1984: 95]. Ведьма (*Hexe*) живет в опрятном, красивом, симпатичном, аккуратном домике: *Es war aber ein kleines Gärtchen an dem verwünschten Häuschen,*

darin standen zwölf Lilien Blumen [Grimm 1984: 58]. Ведьмы и колдуньи в немецких сказках строги, ответственны, аккуратны. Они всегда поддерживают порядок в доме и создают уют.

Все выше сказанное говорит о менталитете, о национальном характере немецкого народа. Сказочные герои Гримм точно передают всю специфику нации, а сказки отражают менталитет, культуру, традиции немцев, знание которых играет важную роль при изучении немецкого языка. Глубина морально-этического содержания сказок братьев Гримм достигается за счёт лингвистических средств, репрезентирующих немецкоязычную картину мира: метафоры, персонификации, аллегории, саспенс и гиперболы.

Литература

Пропн В.Я. Морфология волшебной сказки. Исторические корни волшебной сказки. М.: Изд-во Лабиринт, 1998.

Grimm J. Kinder-und Hausmärchen. Leipzig: P. Reclam jun., 1984.

L.A. Belova, E.V. Chelpanova (Chelyabinsk, Russia)
South Ural State Humanitarian Pedagogical University

LINGUISTIC REPRESENTATION OF THE GERMAN-SPEAKING WORLD VIEW IN THE FAIRY TALES OF THE GRIMM BROTHERS

The purpose of the article is to identify linguistic means of representing the German-speaking world view in the Brothers Grimm fairy tales. The factors influencing the formation of the national image of the world and German mentality are determined. We conducted a comparative and contextual analysis of the features creating a fairy tale environment, time, and national character of the Germans in the Brothers Grimm fairy tales. We studied the main plots, motives, and images of the heroes of German fairy tales. The subject of our research is linguistic means of creating a German-speaking picture of the world through the reflection of a fairy tale space and time and the German national character in the Grimm fairy tales. We studied 30 fairy tales by the Grimm brothers in total.

Key words: world view, Grimm fairy tales, linguistic representation, German language.

Е.В. Беспалова (Самара, Россия)
Самарский национальный исследовательский университет имени академика С. П. Королёва
bespalowa@mail.ru

ИНТЕГРАЦИЯ ТАКСОНОМИЧЕСКОГО И ОПЕРАЦИОННОГО ПОДХОДОВ К СИСТЕМАТИЗАЦИИ ЗНАНИЙ О ЛАНДШАФТЕ (НА МАТЕРИАЛЕ НЕМЕЦКОЙ ПРЕССЫ)

В статье обсуждаются возможности интеграции таксономического и операционного подходов к систематизации знаний о ландшафте с помощью когнитивных и языковых механизмов, применяемых в современной немецкоязычной прессе. Выявляются типы медийных дискурсов, взаимодействующих в этом процессе. Рассматриваются когнитивные механизмы профилирования и сравнения,

способствующие повышению релевантности медийного сообщения, и их реализация средствами немецкого языка.

Ключевые слова: медийный дискурс, ландшафтный дискурс, когнитивный механизм, таксономический подход, операционный подход.

Знания о ландшафте составляют одну из базовых областей знаний человека об окружающем мире, природном и рукотворном пространстве и его характеристиках. Эти знания носят интегративный характер, они включают в сознании человека многочисленные объекты разного рода: конкретно-чувственные предметные образы, представления, концепты-схемы, понятия и др.; в то же время они входят в концепты-фреймы или сценарии (например, «стройка» или «путешествие»), а в целом могут быть смоделированы в виде сложной многомерной интегративной структуры, когнитивной матрицы. В языковой репрезентации они объективируются в единицах конкретного языка разного уровня (лексемах, словосочетаниях, предложениях, текстах).

Рассматривая концепт LANDSCHAFT в немецкой лингвокультуре, необходимо разграничивать статический и динамический аспекты [Болдырев 2021: 70], то есть аспект систематизации знаний о ландшафтах в истории немецкого лингвокультурного сообщества и аспект активации элемента концептуальной структуры в рамках высказывания как единицы коммуникации. В первом случае подразумевается сложная таксономическая структура тематического концепта LANDSCHAFT, построенная на основании анализа многочисленных вербализаций в дискурсах немецкоязычного социума [см., например, Leibenath 2012]; во втором – единицы оперативного знания, конкретные смыслы, «операционные концепты», формируемые в процессе коммуникации в результате действия разнообразных «когнитивных и языковых механизмов обработки полученной или уже имеющейся информации» [Болдырев 2021: 72]. При этом операционный концепт представляет определенную фигуру (например, фрейм) на фоне тематического концепта LANDSCHAFT. Исследовательский интерес представляет то, какими операционными концептами оперирует человек как представитель определённого лингвокультурного сообщества, репрезентируя в процессе коммуникации знания о ландшафте (ср. [там же: 23]).

Цель настоящей статьи – проанализировать интеграцию таксономических и операционных концептов с когнитивными и языковыми механизмами, задействованными в передаче информации о ландшафтах в процессе медийной коммуникации на материале современной немецкоязычной прессы. Материалом исследования послужили тексты газеты «Süddeutsche Zeitung» за февраль 2023 г. [SZ]. Ландшафтный дискурс массмедиа мы рассматриваем как процесс операционной речемыслительной деятельности, зафиксированной в газетных текстах. В ходе этого процесса происходит производство и передача знаний о ландшафте; готовые тексты формируют представление о способах трансляции знаний о ландшафте (ср. [Кожемякин 2016: 53]).

Рассмотрим заявленные подходы к анализу газетных текстов, содержащих информацию о ландшафтах. Таксономический подход соотносим с когнитивным механизмом категоризации, который может быть реализован на разных уровнях.

На уровне категорий активация знаний о ландшафте обеспечивается тем, что член категории более низкого уровня таксономии способен активизировать знания о категории. Номинация *Landschaft* как имя метаконцепта, представляет суперординатный уровень таксономической модели; она встречается относительно редко, например, в составе сложного слова (1), чаще представлены единицы базового уровня, называющие ландшафтные формы и объекты *Wald, Meer, Stadt* (2). Единицы субординатного уровня, обозначающие конкретные объекты природного или городского ландшафта, представлены номинациями типа *Meereis, Fichte, Brücke, Brunnen, Rasen, Rathaus* (3).

(1) *Weil dieser Grüngürtel aber ein **Landschaftsschutzgebiet** ist, legt die Stadt noch 500000 Euro drauf – und gräuliche Plastikplatten auf den Rasen* (SZ vom 16.02.23, S. 1)

(2) *Wenn das Paradies zur Hölle wird ... im kalifornischen Montecito. Dessen Lage zwischen **Bergen** und **Meer** ist traumhaft schön und brandgefährlich* (SZ vom 22.02.23, S. 1).

(3) *Auch langfristig zeigt das **Meereis** in der Antarktis einen abnehmenden Trend von 2,6 Prozent pro Jahrzehnt, gemessen jeweils im Januar* (SZ vom 14.02.23, S. 8).

Операционный подход предполагает обращение к опыту, энциклопедическим и фоновым знаниям, результатом которого является активация знаний о когнитивных областях, связанных с разными формами взаимодействия человека с ландшафтом. Ландшафтная проблематика обсуждается в рубриках *Wirtschaft, Wissen, Reisen, Kultur, Architektur, Politik*, что свидетельствует о пересечении ландшафтного дискурса с другими тематическими дискурсами (например, экологическим) и с другими институциональными дискурсами (например, политическим, научным и др.). При этом активизируются релевантные когнитивные структуры, соответствующие типичным ситуациям: изучение ландшафта (4), его преобразование (5), переживание / созерцание (6), защита (7).

(4) *So wenig **Meereis** wie derzeit wurde seit Beginn der **Satellitenmessungen** vor 40 Jahren nie **beobachtet*** (SZ vom 14.02.23, S. 8).

(5) *Aber auch die deutsche Lust am **Bauen** in **Hochwassergebieten** führt zu Problemen* (SZ vom 16.02.23, S. 16).

(6) *Über den Bäumen wabern **Wolken wie Wattebüsche**, immer wieder **eröffnet sich ein schöner Blick ins Weite*** (SZ vom 18/19.02.23, S. 65).

(7) *Das **Verschwinden der Feldlerche** aus der deutschen Agrarlandschaft ist nur eines der vielen Signalen, dass etwas aus dem Gleichgewicht geraten ist* (SZ vom 18/19.02.23, S. 35).

Конкретизация операционного подхода происходит на уровне высказываний через употребление лексем, словосочетаний, конструкций, пропозиций. При этом объективируются компоненты структуры релевантных фреймов или сценариев, соотносимых, в свою очередь, с научной, экономической сферами деятельности, способом времяпровождения или тематикой: «изучение ледового покрова» – композит *Satellitenmessungen*, глагол *beobachten*; «строительство» – субстантивированный инфинитив с процессуальным значением *Bauen*; «любование пейзажем из окна поезда» – образное сравнение *Wolken wie Wattebüsche*, пропозиция *eröffnet sich ein schöner*

Blick ins Weite; «исчезновение видов» – словосочетание *Das Verschwinden der Feldlerche*, называющее конкретный вид птиц, исчезающих вследствие применения в сельском хозяйстве пестицидов.

Одним из основных используемых в прессе операционных когнитивных механизмов является *профилирование* – выдвижение адресантом на передний план тех характеристик концептов, которые, с его точки зрения, в наибольшей степени соответствуют его намерению [ср. Григорьева 2020: 291]. Сообщение новых сведений о ландшафте в текстах прессы связано с профилированием его изменений: ремонтом дорожной инфраструктуры (8), изменениями городского ландшафта (9); изменениями, обусловленными потеплением климата (10) или природными катаклизмами (11):

(8) *Reihenweise sollten alte Autobahnbrücken saniert werden, und das alles am besten zügig* (SZ vom 16.02.23, S. 39).

(9) *Die Stadt in NWR hat vergoldete Bänke aufgestellt. Es folgte ein Eklat* (SZ vom 28.02.23, S. 13).

(10) *Es geht aufwärts. Winzer ... in Südtirol bauen ... Wein nun in immer höheren und kühleren Lagen an* (SZ vom 18/19.02.23, S. 60).

(11) *Und es steht noch mehr auf der To-do-Liste: Auffangnetze für großes Gestein installieren...* (SZ vom 22.02.23, S. 8).

На поверхности текста выдвижение в фокус новой информации обеспечивается, прежде всего, организацией коммуникативной перспективы предложения: так в (8) за счёт пассивизации в коммуникативный фокус перемещается задача санации старых мостов, исполнитель работ имплицитно, но подчёркивается их объём и темп (употребление наречий *Reihenweise* и *zügig* в начале и конце). В (10) смысл формируется при участии когнитивной операции *сравнение*, объективированной в употреблении прилагательных в сравнительной степени, означающих перемещение виноградников из одних горных районов в другие, на большую высоту из-за стремления виноделов сохранить вкусовые качества.

Таким образом, ландшафтный дискурс представлен в немецкой прессе дискретными вкраплениями, систематизация которых может осуществляться с позиций таксономического и операционного подходов. Интеграция этих подходов позволяет выявить особенности системы активизируемых когнитивных структур знаний, систему языковых репрезентаций концепта LANDSCHAFT в зависимости от вида и типа дискурса с учетом возможностей пересечения последних. Понимание высказываний в процессе медийной коммуникации основано на знании типичных ситуаций взаимодействия человека с ландшафтом, которые могут быть описаны как фреймы или сценарии. Использование когнитивных механизмов профилирования и сравнения соответствует задачам адресанта медийных сообщений – донести новую информацию об актуальных изменениях ландшафта. Лингвокультурная специфика медийных текстов о ландшафтах проявляется в языковых особенностях поверхностной структуры текстов: способах и типах словообразования, видах номинаций, типах словосочетаний, синтаксических конструкциях. Перспективным направлением исследований представляется анализ импликаций и оценок в ландшафтном дискурсе прессы, способствующих

формированию актуального общественного мнения о проблемах ландшафта в лингвокультуре.

Литература

Болдырев Н.Н. Когнитивная семантика. Введение в когнитивную лингвистику. Тамбов: Издательский дом «Державинский», 2021.

Григорьева В.С. Рекламный дискурс через призму доминант его организации // Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал. 2020. № 4. С. 283-297.

Кожемякин Е.А. Медиадискурс: элементы анализа // Современный дискурс-анализ: повестка дня, проблематика, перспективы: коллективная монография / под ред. Е.А. Кожемякина, А.В. Полонского. Белгород: ИД «Белгород», 2016. С. 52-59.

Leibenath M., Gailing L. Semantische Annäherung an «Landschaft» und «Kulturlandschaft» // Schenk W., Kühn M., Leibenath M. & Tzschaschel S. Suburbane Räume als Kulturlandschaften. Hannover: Verlag d. ARL, 2012. S. 58-79.

SZ – Süddeutsche Zeitung, №№ 38-48 vom 14. 27.02.2023.

*E.V. Bepalova (Samara, Russia)
Samara National Research University
named after Academician S.P. Korolev*

INTEGRATION OF TAXONOMIC AND OPERATIONAL APPROACHES TO KNOWLEDGE ABOUT LANDSCAPE REPRESENTATION: TEXTS FROM THE GERMAN PRESS

The paper examines the possibilities of integrating taxonomic and operational approaches to systematization of knowledge on landscapes in press discourse using cognitive mechanisms of profiling and comparison as found in the German press. We reveal types of media discourse interacting in this process and analyze the linguistic representation of cognitive mechanisms that make media messages more relevant.

Key words: media discourse, landscape discourse, cognitive mechanism, taxonomic approach, operating approach.

*А.Н. Бугаков (Тамбов, Россия)
Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина
anb_tms@mail.ru*

СРЕДСТВА РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ПРОСТРАНСТВЕННОЙ ЛОКАЛИЗАЦИИ ОБЪЕКТОВ В НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ

В статье описываются языковые средства передачи положения объектов в физическом и временном пространстве в немецком языке. Особое внимание уделяется глагольным средствам репрезентации в их первичных и вторичных функциях.

Ключевые слова: пространство, позиционные глаголы, пространственная локализация, вторичная языковая интерпретация.

Проблема описания средств языковой репрезентации пространственной локализации объектов обусловлена двумя факторами. Во-первых, играет роль антропоцентрический характер познания, что прежде всего находит отражение в **дейктических** функциях лексических и грамматических значений. К. Бюлер,

описывая указательную функцию языка с позиций лингвистики и психологии, ставит в позицию точки отсчёта три указательных слова: *я/ich*, *здесь/hier* и *сейчас/jetzt* [Бюлер 2001: 87]. Соответственно, личные местоимения второго и третьего лица, дейктические слова *da*, *dort*, *dann*, *vor* и др. как средства выражения положения объектов и событий вне точки отсчёта проявляются **в оппозиции** к ней, т.е. к субъекту познания. В основе процесса идентификации объектов также лежит оппозиция – это противопоставление фигуры и фона [Кубрякова 2000: 88]. По мнению Р. Джекендоффа, это противопоставление является определяющим механизмом в восприятии, концептуализации и категоризации мира – использование одних объектов для выявления других [Jackendoff 1997: 554].

Согласно концепции А. Бергсона, сформулированной под влиянием идей И. Канта о пространстве как априорной форме познания, пространство благодаря своим свойствам является средством дифференциации сознанием человека предметов окружающего мира [Бергсон 1992: 90]. Данные свойства определяют саму возможность **одновременного** восприятия нескольких объектов, следовательно, возможность оппозиции субъекта и объектов, фигуры и фона. Об этом же пишет и Ю.Д. Апресян, характеризуя свойство дейксиса – совпадение или несовпадение мыслимых говорящим пространственных координат описываемого факта и говорящего – как самую глубокую лингвистическую универсалию из всех [Апресян 1996: 639]. Доминантами языковой интерпретации называет концепты пространства и времени Н.Н. Болдырев [Болдырев 2019: 458].

Таким образом, человек конструирует схемы восприятия физического и временного пространства с точкой отсчёта и свойствами «системы координат» относительно своего ЭГО, следствием чего являются ориентированные относительно говорящего характеристики положения в пространстве, реализуемые пространственными предлогами и наречиями, например: *vor – hinter*, *oben – unten*, *rechts – links*, *weit – nah*, *höher – niedriger – tiefer*, и пространственные признаки объектов, реализуемые прилагательными с учётом антропоморфизма в семантике, например, *groß*, *klein*, *hoch*, *breit* и др.

Во-вторых, проблема обусловлена самим понятием пространства. Пространство не воспринимается в языке и сознании говорящего как что-то единое, абсолютное, универсальное. Более того, в средние века такого понятия не существовало, языковая картина мира формировалась на основе наивных представлений, связанных скорее с понятиями промежутка и места [Гуревич 1972: 19]. Сегодня в языке могут быть выделены **различные виды пространств**, к примеру, пространства физического мира и времени, пространства дискурса и текста, пространства действительности и вымысла [Селивёрстова 2000: 565], пространства деятеля и наблюдателя в выражении события в высказывании [Болдырев 2000: 212] и т.д., отражающие разные характеристики входящих в них объектов.

Л. Талми для семантической области пространственной конфигурации, выражаемой предлогами, выделяет двадцать параметров, которые учитывают геометрические и физические свойства фигуры и фона, их взаимное расположение и отношение, положение относительно центра Земли, говорящего, наблюдателя [Talmy 1983: 277-278]. В зависимости от вхождения говорящего в пространство ситуации различают первичный дейксис (диалога, нормального общения) и вто-

ричный дейксис (пересказа, повествования). В зависимости от типа пространства выделяют временной и пространственный дейксис [Апресян 1996: 633].

С этой точки зрения представляется необходимым обозначить различие между **пространственной локализацией** и **нахождением в пространстве**. Нахождение в пространстве связано с понятием экзистенциальности (см. подробнее: [Селивёрстова 2000: 568-574]), оно не содержит указания на место, тип положения или изменение положения в этом пространстве. Для пространства времени примером экзистенциальности является грамматическая категория темпоральности, когда действие находится в пространстве прошлого/настоящего/будущего, но не имеет указания на занимаемое положение на временной прямой. Примером единиц лексического уровня являются глаголы с семантикой существования: *sein, passieren, geschehen* и др.

Локализация в пространстве времени представлена категориями аспектуальности и таксиса, отражающими положение события на временной оси или во временном цикле относительно положения «jetzt» говорящего, наблюдателя или деятеля. На грамматическом уровне данные категории могут быть выражены в немецком языке формами Futur I, Futur II и Plusquamperfekt, на лексическом – наречиями, выражающими положение события относительно положения высказывания: *früher, später, vorher, zuvor, darauf, danach* и др. (*eine Stunde früher, Minuten später, eine Woche darauf*); наречиями, указывающими на длительность, кратность, повторяемость события: *lang, oft, wieder, immer* и др. (*ganze Ferien lang, immer am Montag*).

В качестве средств пространственной локализации объектов традиционно рассматриваются **позиционные глаголы**, к которым в немецком языке относят: *stehen, liegen, sitzen, hängen* и *stellen, legen, setzen*. Сравним их с экзистенциальными глаголами *sein, bleiben, sich befinden*: *Wo ist das Kind? Er ist draußen. Er ist in Moskau. Er steht vor der Tür. Er sitzt am Tisch. Er liegt auf dem Sofa. Er liegt im Krankenhaus. Die Siegestsäule befindet sich in Berlin. Die Siegestsäule steht auf dem Mittenplatz. Das Gerät blieb zu Hause. Das Gerät liegt unbenutzt*. Можно сделать вывод, что употребление позиционных глаголов обусловлено указанием на конкретное место и тип положения в пространстве, включенность или предполагаемую включенность наблюдателя в пространство описываемого события, т.е. соизмеримость объекта, наблюдателя и пространства. Отметим, что позиционные глаголы могут выполнять и грамматическую функцию в пассивных конструкциях: *die Tür steht geschlossen – die Tür ist geschlossen. Die Soldaten liegen auf dem Friedhof beerdigt – sie sind auf dem Friedhof beerdigt* [Некрасова: 2020].

Обратим внимание на обязательные семантические компоненты значения данных глаголов: во-первых, характеристика типа пространства, во-вторых, характеристика типа положения или изменения положения объекта в пространстве (перемещение в пространстве, входение и выход из него), т.е. типа локализации – **статической** или **динамической**. Помимо описанных компонентов для рассматриваемых глаголов характерны и другие компоненты семантической структуры определенного положения в пространстве, которые **актуализируются** в метафоричных функциях и вторичных значениях. Рассмотрим их на примере глагола *stehen*: помимо компонента ‘занимать вертикальное положение в пространстве, имея небольшую площадь опоры в сравнении с остальными измере-

ниями», в их семантике присутствуют такие компоненты как: «перевать движение, функционирование» – *die Uhr steht*; «быть готовым возобновить движение» – *die Truppen stehen vor der Stadt*; «выполнять функцию при отсутствии движения» – *Es steht im Text*; «быть в направлении» – *der Wind steht nach Osten*; «быть в поле зрения, быть актуальным» – *die Frage steht; es steht zu erwarten*; «являться опорой, поддержкой» – *Er steht hinter ihre Interesse*; «выдерживать, стойко переносить, осилить что-либо» – *Er stand die Prüfung*.

Список глаголов с выраженной семантикой пространственной локализации с вышеописанными компонентами семантической структуры можно расширить следующими глаголами: *lehnen, neigen, heben, decken, breiten* и т.д. При этом во вторичных функциях у данных глаголов также будут актуализироваться дополнительные компоненты семантики локализации: *Er lehnt die Bitte ab. Sie neigt zur Korpulenz. Wir dürfen die Stimme nicht heben. Es ist genug, um die Kosten zu decken. Internet breitet sich über die Welt.*

Репрезентировать пространственную локализацию могут глаголы других семантических групп в соответствующих контекстах, высвечивающих необходимые компоненты семантической структуры, т.е. обеспечивающих **перекатегоризацию** глаголов (см.: [Болдырев 2001]): *in Schwierigkeiten geraten; auf Betrügereien hereinfallen; sich auf den Freund verlassen; in Traurigkeit versunken; in den Sinn kommen; wenn du in meiner Haut stecktest!*

Глагольные префиксы и полупрефиксы с пространственной семантикой также могут репрезентировать локализацию объектов в пространстве с различными глагольными и неглагольными основами: *anbauen, anwachsen, aufkleben, ausufern, bekleiden, dahinschreiten, dazukommen, durchstoßen, einkerkern, entladen.*

Таким образом, средства репрезентации пространственной локализации объектов представлены в языке достаточно широко на лексическом и грамматическом уровнях. Пространственное восприятие является базовым в механизмах познания мира и его языковой репрезентации – в процессах концептуализации и категоризации. Ведущая роль в этом принадлежит глаголам позиционной семантики в их первичной функции и глаголам других семантических групп в их вторичных функциях.

Литература

Апресян Ю.Д. Избранные труды, том II. Интегральное описание языка и системная лексикография. М.: Школа «Языки русской культуры», 1995.

Бергсон А. Опыт о непосредственных данных сознания // А. Бергсон Собрание сочинений в 4 томах. Т.1. М.: Московский клуб, 1992.

Болдырев Н.Н. Отражение пространства деятеля и пространства наблюдателя в высказывании // Логический анализ языка. Языки пространств. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 212-216.

Болдырев Н.Н. Перекатегоризация глагола как способ формирования смысла высказывания // Известия Российской АН. Серия литературы и языка. 2001. Т.60. № 2. С.40-55.

Болдырев Н.Н. ПРОСТРАНСТВО и ВРЕМЯ как доминантные формы языковой интерпретации // Русский язык: исторические судьбы и современность. М.: МГУ им. М.В. Ломоносова, 2019. С. 458-459.

Бюлер К. Теория языка. М.: Издательская группа «Прогресс», 2001.

Гуревич А.Я. Категории средневековой культуры. М.: Искусство, 1972.

Кубрякова Е.С. О понятиях места, предмета и пространства // Логический анализ языка. Языки пространств. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 82-92.

Некрасова И. М. Нетрадиционные пассивные формы с семантикой положения в пространстве (на материале немецкого языка) // Тенденции развития науки и образования. Самара: ИП Иванов Владислав Вячеславович, 2020. С. 55-59.

Селивёрстова О.Н. Труды по семантике. М.: Языки славянских культур, 2004.

Jackendoff, R. Semantics and Cognition // The Handbook of Contemporary Semantic Theory. Gr. Britain: Blackwell Publishers, 1997. P. 539-559.

Talmy L., How language structures space // Spatial orientation: theory, research, and application. N.Y.; London: Plenum Press, 1983. P. 225-282.

A.N. Bugakov (Tambov, Russia)
Derzhavin Tambov State University

MEANS OF REPRESENTATION OF SPACE LOCALIZATION OF OBJECTS IN GERMAN

The article describes means of language representation of localization of objects in physical and temporal space in German. The author pays special attention to verbs in their primary and secondary functions.

Key words: space, positional verbs, space localization, secondary linguistic interpretation.

A.B. Верещагина (Москва, Россия)
Московский государственный лингвистический университет
linaanghelina@mail.ru

ПОНЯТИЕ «СУДЬБА» В ДРЕВНЕГРЕЧЕСКОМ ЯЗЫКЕ

В данной статье проводится анализ древнегреческой языковой картины мира, а также языковых картин мира отдельных греческих авторов. В качестве материала были взяты древнегреческие лексемы, которые принадлежат к обозначениям такого ключевого понятия языковой картины мира как «судьба» в диахронии. Можно выявить несколько словарных гнезд и определенные изменения в обозначении данного понятия в древнегреческом языке.

Ключевые слова: языковая картина мира, понятие, судьба, древнегреческий язык, метафора, диахрония.

Интерес к понятию «судьба», относящемуся к ключевым понятиям языковой картины мира, мы находим в трудах многих ученых [Карасик 2004; Степанов 2004; Маслова 2007; Ахметзадина, Абасалымова 2018; Борисова 2020; Ибрагим 2015; Каюмова 2011; Лю Чаоцзе 2017; Подгаец, Цветухина 2009; Тань Аошуан 2004; Толстых 2008; Чупрына 2012], часто оно рассматривается в сравнительном ключе. Необходимо выделить работы, анализирующие понятие «судьба» на материале древних языков, в частности греческого языка [Онианс 1999; Горан 1990; Болдырева 2016]. В данном исследовании мы рассматриваем в сравнительном аспекте древнегреческую лексику, связанную с обозначением понятия «судьба» в диахронии у различных авторов, в том числе исследуется ее деривационный потенциал. Учтены данные этимологических словарей греческого

языка [Chantraine 1999, Frisk 1972, Hoffmann 1989]. В качестве материала нашей статьи привлекаются данные словаря древнегреческого языка и отдельных авторов [Дворецкий 1958].

В древнегреческом языке обнаружено около 15 лексем, связанных с обозначением понятия «судьба»: αἴσα, μοῖρα, μόρος, θεομορία, μόρσιμον, λάχεσις, λάχος, πότμος, χρῆν, τύχη, ἀνάγκη, πεπρωμένον и πεπρωμένη, εἰμαρμένη и εἰμαρμένον.

1. Лексема αἴσα в своем первом значении обозначает «судьбу, рок, участь, предопределение», вероятно, этимологически связана с корнем «часть». У Гомера олицетворяет богиню судьбы, например, ἄσσα οἱ αἴσα γενομένῳ ἐπένησε λίνῳ «то, что ему было на роду написано (досл. то, что ему при рождении судьба спряла из льна)». Можно отметить также выражения с данной лексемой типа – ὑπὲρ αἴσαν «вопреки судьбе» (Гомер) и ἐν αἴσῃ «по воле рока» (Эсхил). Среди дериватов (более 10) можно упомянуть – αἴσιμος «назначенный судьбой, роковой; справедливый, подобающий» (Гомер), αἰσιμία «счастье, радость» (Эсхил), αἴσιος «благоприятный, предвещающий счастье; подходящий, удачный, счастливый» (Гомер, Пиндар, Софокл, Еврипид, Ксенофонт, Плутарх), αἰσίως «счастливо, удачно» (Еврипид), αἰσιόομαι «быть благоприятным предзнаменованием» (Плутарх), αἴσιμα «в меру, умеренно» (Гомер), ἐξαισίος «несправедливый, нечестивый; страшный, ужасный и пр.» (Гомер и др.), катаίσιος «справедливый, благой» (Эсхил), параίσιος «предвещающий дурное, неблагоприятный» (Гомер), ἐναίσιος и ἐναίσιμος «предвещающий; благоприятный, счастливый; достойный; подобающий» (Гомер, Эсхил, Софокл), ἐναίσιμον «вовремя» (Гомер), ἐναίσίμως «справедливо, законно; достойным образом» (Эсхил, Еврипид).

2. Лексемы μοῖρα, μόρος, θεομορία, μόρσιμον, вероятно, объединяются корнем «мерить» (ср. μέρος «часть, доля» и μείρομαι «получать по жребью, принимать в удел»).

Моῖра как имя собственное была названием богини судьбы, смерти или несчастья, начиная с Гомера, а как нарицательное обозначала «часть, доля; удел, судьба, рок, жребий» также, начиная с тех же времен. Зафиксировано около 20 дериватов, не считая имен собственных, от данной лексемы, например, μοῖρίδιος и μοῖράδιος «предопределенный судьбой, роковой» (Пиндар, Софокл, Плутарх), μοῖρόκραντος «предопределенный, роковой» (Эсхил), однако не все связаны с значением «судьба».

Лексема μόρος имеет значение «участь, жребий, судьба (преимущ. несчастная); смерть», употребляется у Гомера, Эсхила, Софокла, от нее зафиксировано около 10 дериватов, не считая имен собственных. В Палатинской Антологии зафиксирована сложная лексема, образованная от μόρος и содержащая также корень θεός «бог» – θεομορία «судьба, рок» и однокоренная лексема θεόμορος «дарованный или взысканный божеством» у Пиндара. Суффиксальным способом от слова μόρος, например, образованы прилагательное μόρσιμος «предназначенный судьбой, доставшийся в удел; обреченный на смерть, смертный» (Гомер, Пиндар, Геродот) и субстантив μόρσιμον «судьба, рок» (Пиндар).

Кроме того, от глагола μείρομαι «получать по жребью, принимать в удел» (Гомер, Платон, Демосфен) также образован субстантив εἰμαρμένον (εἰμαρμένη)

«жребий, судьба» (Платон, Аристотель, Демосфен). Можно встретить также εἰμαρτός «назначенный судьбой, роковой» (Плутарх).

3. Что касается древнегреческих лексем λάχεσις и λάχος, они являются однокоренными с глаголом λαγχάνω «получать в удел, обретать по жребию или по воле судьбы», который встречается у Гомера, Эсхила, Геродота, Платона, Аристотеля, Плутарха. Λάχεσις как имя собственное обозначает вторую из трех Мойр, определявшую судьбу каждого человека у Гесиода, и как имя нарицательное «судьба, рок» у Геродота. Λάχος в значении «удел, судьба» встречается в частности у Софокла. Данные лексемы являются непродуктивными в древнегреческом языке.

4. Слово πότμος зафиксировано в древнегреческом языке в значении «судьба, участь, жребий; злая участь, гибель» у Гомера, Эсхила, Еврипида. Этимологические словари связывают это слово с глаголом πίπτω «падать, выпадать, случаться», который встречается у многих авторов. Можно выделить единичные дериваты ἄποτμος «несчастный, злополучный» у Гомера, Эсхила и Еврипида и какоλότμος «несчастный, роковой, пророчащий беду» у Эсхила, Еврипида и Аристотеля.

5. Лексема τύχη (дор. τύχα) «судьба, участь; случай; счастье; несчастье» является однокоренной с глаголом τυγχάνω «попадать(ся), случаться, выпадать на долю», употребляется многими авторами. Так, например, в значении «судьба, участь» она употребляется, например, в выражении τὸ и τὰ τῆς τύχης «судьбы, сложившиеся обстоятельства» (Софокл, Еврипид, Демосфен). Кроме того, можно отметить не менее 40 дериватов от данного корня, не считая имен собственных, например, τυχικῶς «случайно» (Полибий, Диодор, Плутарх), τυχηρός «случайный; счастливый» (Эсхил, Плутарх, Аристотель).

6. Древнегреческий отглагольный субстантив χρῆν «рок, неизбежность, судьба» выявлен у Еврипида и является непродуктивным образованием, происходит от глагола χρῆν и χρῆναι «необходимо, должно, следует», встречающегося в частности у Гомера, Софокла, Геродота, Феокрита.

7. Лексема ἀνάγκη (дор. ἀνάγκα) «необходимость, неизбежность; судьба, рок и пр.» является малопродуктивной, однако можно отметить, например, ἀναγκαίως «с необходимостью, вынужденно, покорно» (Софокл, Геродот, Платон), ἀναγκαῖον «необходимость, неизбежность, нужда, темница» (Ксенофонт, Фукидид, Исократ).

8. Непродуктивные субстантивы περρωμένον (Пиндар, Эсхил, Еврипид) и περρωμένη (Геродот) со значением «судьба» в древнегреческом языке образованы от причастия περρωμένος «определенный судьбой» (Гомер, Пиндар, Эсхил), в свою очередь происходящего от глагола πορῆν «давать, предоставлять», встречающегося у многих авторов – Гомера, Пиндара, Эсхила, Софокла, Еврипида, Демосфена.

Таким образом, засвидетельствованы определенные изменения в языковом выражении понятия «судьбы» и изменение языковой картины мира в древнегреческом языке, а также подтверждается множественность языковых картин мира греческих авторов. Несомненно, понятие «судьба» в древнегреческом языке является метафорическим понятием и пересекается с понятиями «счастья» и «несчастья».

Литература

Ахметзадина З.Р., Абсалямова Л.Ф. Лингвокультурологический анализ концепта «fate» / «яз мыш» в английской и башкирской языковых картинах мира (на материале ху-

дожественных текстов) // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия «Лингвистика». 2018. Том 15. №3. С. 5-12.

Болдырева И.И. Концепт судьбы в картине мира англосаксов VII-XI веков // Научный диалог. 2016. №1 (49). С. 181-188.

Борисова И.З. Концепт «судьба» и его роль в формировании региональной идентичности бретонцев // Культура и цивилизация. 2020. Том 10. №1А. С. 22-29.

Горан В.П. Древнегреческая мифологема судьбы. Новосибирск: Наука, СПб. отделение, 1990.

Ибрагим В.Ф. Концепт «судьба» в русской и арабской лингвокультурах // Русистика. 2015. № 4. С. 161-170.

Дворецкий И.Х. Древнегреческо-русский словарь. М.: ГИС, 1958.

Каюмова Д.Ф. Языковое воплощение концепта «судьба» в английской, татарской и турецкой лингвокультурах // Вестник Челябинского государственного педагогического университета им. И.Я. Яковлева. 2011. №1 (69). Часть 1. С. 96-100.

Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. М.: Гнозис, 2004.

Лю Чаоцзе Концепт «Судьба» в современном русском языке // Вестник Орловского государственного университета. 2017. №8 (208). С. 21-23.

Маслова В.А. Введение в когнитивную лингвистику: Двойничество в культуре: судьба, душа, тоска, совесть. М.: Флинта, 2007.

Онианс Р. На коленях богов. Истоки европейской мысли о душе, разуме, теле, времени, мире и судьбе. М.: «Прогресс–Традиция», 1999.

Подгаец А.М., Цветухина М.А. Репрезентация категорий «Бог», «Судьба», «Природа» в письменной культуре древних германцев, славян и кельтов // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2009. № 2. С. 41-48.

Степанов Ю.С. Константы: Словарь русской культуры: Изд. 3-е, испр. и доп. М.: Академический проект, 2004.

Тань Аошуан Китайская картина мира: Язык, культура, ментальность. М.: Языки славянской культуры, 2004.

Толстых Ю.А. Особенности лингвокультурологической репрезентации концепта «destin» («судьба») во французском языке // Вестник Челябинского государственного университета. 2008. № 20. С. 134-140.

Чупрына О.Г. Эволюция языковой репрезентации понятия «судьба» в английском языке // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия Филология. Теория языка. Языковое образование. 2012. № 2 (10). С. 36-43.

Chantraine P. Dictionnaire étymologique de la langue grecque. Paris, 1999.

Frisk J. Griechisches etymologisches Wörterbuch. Heidelberg, 1972.

Hoffmann J.B. Etymologisches Wörterbuch des Griechischen. Athen, 1989.

A.V. Vereschagina (Moscow, Russia)
Moscow State Linguistic University

THE CONCEPT OF FATE IN ANCIENT GREEK

This article analyzes the ancient Greek language picture of the world and the language pictures of the world of individual Greek authors. We studied ancient Greek lexemes belonging to a key concept of the linguistic picture of the world: fate in diachrony. It is possible to identify several dictionary nests and certain changes in the designation of this concept in the ancient Greek language.

Key words: language picture of the world, concept, fate, ancient Greek, metaphor, diachrony.

Т.А. Воронцова (Челябинск, Россия)

Челябинский государственный университет

voron500@yandex.ru

Е.М. Хакимова (Челябинск, Россия)

Южно-Уральский государственный университет

khakimova-elena@yandex.ru

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ЗНАНИЙ В НАУЧНО-ПОПУЛЯРНОМ ДИСКУРСЕ СМИ

В работе осмысливается проблема популяризации лингвистики в современных СМИ. Изучение контента ведущих российских газет позволило выявить аспекты науки о языке, получающие медийное освещение, а также определить жанры и речевые приемы, которые используются авторами с разной профессиональной подготовкой для репрезентации лингвистической информации привлекательным для массовой аудитории образом.

Ключевые слова: научно-популярный дискурс, лингвистика, медиакommunikации, российская пресса, жанры журналистики.

Как известно, основная функция научно-популярного дискурса – трансляция специальных научных знаний адресату-неспециалисту, т.е. в широком смысле массовому адресату. Научно-популярный дискурс изучается в лингвистике весьма активно в различных аспектах и на различном материале

Однако, несмотря на то что научно-популярная литература о языке за последние 50 лет представлена значительным количеством текстов разных жанров, лингвистических исследований, посвященных анализу данного дискурса, крайне мало. Из наиболее значительных работ в этой области можно назвать, пожалуй, только исследования Г.Ю. Гришечкиной [Гришечкина 2011] и В.Ф. Крюковой [Крюкова, 2001]. Отметим, что материалом для изучения, как правило, являются значительные по объему научно-популярные лингвистические тексты.

В.А. Ефремов [Ефремов 2014] и Ю.В. Щербинина [Щербинина 2015] как особый тип репрезентации лингвистических знаний, предназначенных для массового адресата, выделяют лингвистическую публицистику («лингвистику», по определению Ю. В. Щербининой). К данному типу лингвистического дискурса авторы относят тексты разного формата (книги, статьи, словари и др.) и авторства (лингвисты, писатели, журналисты), в том числе и произведения, представленные в литературно-художественных журналах.

Между тем для современного носителя языка основным репрезентантом популяризованных научных знаний все чаще становятся медиаисточники: радио, печатные СМИ, интернет-издания. При этом интерес массового адресата к той или иной отрасли научного знания обусловлен ее прагматической актуальностью. С этой точки зрения необходимость лингвистических знаний в той или иной степени осознается всеми носителями языка, поскольку язык – это инструмент, которым ежедневно пользуется каждый человек. В связи с этим можно предположить, что лингвистический научно-популярный дискурс представлен в современных СМИ достаточно широко. Однако нам не удалось обнаружить ни

одного исследования, в котором был бы предпринят системный анализ лингвистического контента, представленного в массмедиа.

Между тем такой анализ позволяет увидеть, какие лингвистические знания актуализируются в медиадискурсе и каким образом они влияют на формирование языкового сознания массового адресата.

Цель данного исследования – определить специфику репрезентации лингвистических знаний, представленных в научно-популярном дискурсе СМИ.

Задачи: 1) выявить круг лингвистических проблем, получающих медийное освещение; 2) проанализировать жанровые характеристики текстов, репрезентирующих лингвистические знания в медиаисточниках 3) определить статус адресанта лингвистической информации, представленной в современных российских газетах.

Эмпирическую базу исследования составили печатные СМИ, входящие в ТОП-10 федеральных российских газет по данным автоматической системы мониторинга и анализа СМИ и соцмедиа «Медialogия» на январь 2023 (<https://www.mlg.ru/ratings/media/federal>). Формирование эмпирической базы проводилось на основании автоматического поиска в системе Google по модели запроса: адрес сайта издания и слово «лингвистика» (например, «site:iz.ru лингвистика») и последующего отбора контента, направленного на популяризацию научных знаний о языке, за период с 2018 г. до марта 2023 г. В результате в эмпирическую базу включены 53 публикации.

Основным методом исследования указанного материала является функционально-стилистический анализ.

В ходе анализа было установлено, что на рассмотренных медийных площадках лингвистические знания репрезентируются в текстах различных жанров. Основное количество публикаций (33 текста) представлено в жанре **статья**. Статья – жанр аналитической журналистики, позволяющий в развернутом высказывании выявлять детерминирующие реальность факторы и вписывать рассматриваемый феномен (факт, событие, идею, концепцию) в широкий социальный контекст. Проблематика текстов данного жанра разнообразна: 1) история русского языка и его реакции на события современности (Г. Олтаржевский. *Контора пишет: как Россия лишилась Яти і Фиты* – Известия, 2018); А. Сомин. *Что удивляет в коронавирусе лингвистов* – РГ, 2020); 2) гендер в речевой практике (Е. Павлоцки. *Что не так с феминитивами?* – АИФ, 2020); 3) особенности коммуникаций в цифровой среде (Е. Туева. *Можно слушать глазами* – «Коммерсант», 2018); 4) естественный язык и искусственный интеллект (В.А. Рубанов. *Не подражать живым системам* – Независимая газета, 2020) и др.

Автором публикации может быть лингвист (зав. кафедрой медиаречи РГГУ Е. Басовская. *Хайпануть и сфоткаться: как вылечить лексическую идиосинкразию* – МК 2018) или журналист (А. Петухова. *География языка* – Коммерсант, 2021). В этом случае лингвистическая информация составляет основное содержание текста. В статьях ученых из других научных областей лингвистическая информация выступает как дополнительное знание по отношению к другим наукам (д. филос. наук В.А. Бажанов. *Что есть математика с точки зрения нейронауки* – Независимая газета, 2021). Кроме того, лингвистическая информация может быть минимально представлена в статьях, например, политической тема-

тики, но ее автор является практиком в сфере лингвистики (военный эксперт по миротворческим операциям, военный переводчик А. Исаенко. *Беспокойная миротворческая миссия в Ираке* – Независимая газета, 2020).

Вторым жанром по количеству текстов является аналитическое **интервью** со специалистами из разных областей лингвистики: компьютерной лингвистики, лингвистической дидактики, нейролингвистики, юрислингвистики и др. (12 текстов). Лингвистическое знание в данном случае транслируется специалистами-лингвистами, но интервьюер в свою очередь через вопросы производит своеобразный отбор лингвистической информации, актуальной для массового адресата. Лингвистические знания могут являться основным содержанием интервью (О. Нефедова. *Задавиться и обленеть. На каком языке говорят современные псковичи?* – АИФ, 2021 – интервью с доцентом ПсковГУ Н. Большаковой; Е. Мационг. *На каком языке мы заговорим в будущем* – РГ, 2021 – интервью с российским лингвистом, академиком РАН В.М. Алпатовым). Кроме того, лингвистическая информация в интервью со специалистами может быть дана в контексте социально значимых проблем и событий (Е. Светлова. *«Отлученная» от дела Егора Жукова эксперт раскрыла служебные тайны* – МК, 2019 – интервью со специалистом по лингвистической экспертизе И. Левонтиной).

7 текстов представляют собой жанр **заметки** – краткого сообщения о событии или факте. В нашем материале по тематике их можно разделить на новостные (*В словарь Института русского языка добавили три новых слова* – Известия, 2023) и поясняющие (*Почему бабье лето так называется?* – АИФ, 2018). Информация для новостных заметок может быть подготовлена PR-специалистами, в этом случае дается ссылка на источник информации (*В 2021 году словом года в России стал «спутник» <...>. Об этом сообщила пресс-служба Государственного института русского языка имени А.С. Пушкина.* – Известия, 2021), или журналистом (Т. Мейлахс. *Машина изобразит слова и эмоции* – Коммерсант, 2022). В поясняющих публикациях спикерами являются лингвисты (*Лингвист объяснила неприятие россиянами новых феминитивов* – Известия, 2020).

Один текст, содержащий лингвистическую информацию, представляет собой комментарий – аналитическое сообщение, в котором автор выражает отношение к актуальному событию, определяет связанные с ним задачи, делает прогнозы и т.д. [Тертычный 2000]. В нашем случае это реакция лингвистов на социально значимый информационный повод, включенная как структурный элемент в публикацию по экстралингвистической проблеме (И. Кармазин. *Уроки румынского: почему Молдавия отказывается от своего языка.* – Известия, 2023).

Анализ материала позволяет сделать следующие выводы:

1. Лингвистические знания представлены в медиадискурсе в текстах различных жанров (статья, интервью, заметка, комментарий).
2. Адресантами лингвистической информации в медиадискурсе являются, как правило, специалисты в разных областях, связанных с речевой деятельностью (лингвисты, журналисты, PR-специалисты, переводчики).
3. В текстах всех жанров можно выделить два способа репрезентации лингвистического знания: научно-популярную интерпретацию актуальной языковой

проблемы и интеграцию лингвистической информации в материал, посвященный актуальным социальным, политическим или культурным проблемам.

Дальнейшее исследование научно-популярного лингвистического дискурса в СМИ представляется нам весьма перспективным и предполагает более глубокий и многоаспектный анализ данного материала.

Литература

- Гришечкина Г.Ю.* Научно-популярный лингвистический текст. Орел: ОГУ, 2011.
Ефремов В.А. О новой лингвистической публицистике // Октябрь. 2014. № 1. С. 166-171.
Крюкова В.Ф. Лингвостилистические особенности языка научно-популярной литературы по лингвистике: дис. ... канд. филол. наук. Белгород, 2001.
Тертычный А.А. Жанры периодической печати. М.: Аспект Пресс, 2000.
Щербинина Ю.В. Лингвистика // Преподаватель XXI век. 2015. № 3-2. С. 389-395.

T.A. Vorontsova (Chelyabinsk, Russia)
Chelyabinsk State University
E.M. Khakimova (Chelyabinsk, Russia)
South Ural State University

REPRESENTATION OF LINGUISTIC KNOWLEDGE IN POPULAR SCIENCE MEDIA DISCOURSE

The paper deals with the problem of language promotion in modern media. The authors studied the content of the leading Russian newspapers and identified aspects of the linguistic science that receive most media coverage. The article defines the genres and speech forms used by authors with different professional backgrounds to represent special information in the most appealing way.

Key words: popular science discourse, linguistics, media communications, Russian press, journalism genres.

O.V. Donina (Voronezh, Russia)
Воронежский государственный университет
olga-donina@mail.ru

ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ МАРКЕРЫ ДЛЯ СРАВНЕНИЯ ЖЕНСКИХ И МУЖСКИХ ТЕКСТОВ

Данная работа посвящена изучению эффективности применения психолингвистических маркеров при сравнении текстов, написанных авторами-женщинами и авторами-мужчинами. Результаты проведенного исследования показывают, что психолингвистические маркеры могут применяться для выявления некоторых психологических и лингвистических особенностей текстов, но оказываются менее эффективны для атрибуции текстов по гендерному признаку, чем по жанровому признаку.

Ключевые слова: психолингвистические маркеры, гендерная лингвистика, цифровая коммуникация, атрибуция текста, психолингвистические характеристики текста.

В предыдущей работе [Донина 2023] нами была предпринята попытка использования психолингвистических маркеров для сопоставления жанров Интернет-дискурса. Исследование показало, что психолингвистические маркеры позволяют разграничивать жанры и могут быть использованы для усовершенствования автоматизированных средств классификации и атрибуции текстов. В связи с этим, в рамках данной работы выдвигается гипотеза, что психолингвистические маркеры могут быть столь же эффективны при разграничении текстов, написанных авторами-женщинами и авторами-мужчинами.

Объектом исследования выступает выборка из 200 текстов (64338 словоупотреблений) – по 100 текстов для каждого вида гендерной принадлежности авторов, написанных в период с 2016 по 2021 гг. В связи с тем, что предыдущее исследование [Донина 2023] показало важность учета жанра, каждая гендерная подгруппа состояла из равного количества новостных статей и сообщений форумов (по 50 текстов). Тексты были отобраны из электронных новостных источников (РИА Новости) и форумов (Большой Воронежский Форум).

Вслед за А.Г. Сбоевым [Сбоев 2013] мы исследуем следующие психолингвистические маркеры: коэффициент Трейгера, коэффициент определенности действия, коэффициент агрессивности, лексическое разнообразие, синтаксическое разнообразие, коэффициент логической связности и коэффициент эмболии. Для сравнения полученных результатов был использован критерий Стьюдента [Балдина 2012; Батура 2016; Гмурман 2012; Гмурман 1979], где уровень статистической значимости отклонения, с учетом нашей выборки, равен 2,02 и более (5% и выше). Рассмотрим полученные для каждого маркера результаты.

Для измерения коэффициента Трейгера находят соотношение количества глаголов и прилагательных в тексте. Данные, полученные в результате измерения, могут свидетельствовать о балансе между действием (количеством глаголов) и рефлексией (количеством прилагательных). При сравнении средних показателей коэффициента Трейгера было выявлено статистически незначимое отклонение по критерию Стьюдента между гендерами в рамках обоих рассматриваемых жанров: для новостей этот показатель составил 1,6; для форумов – 1,8. Таким образом, по результатам расчета данного коэффициента тексты авторов женщин и мужчин в рамках одного жанра оказались близки и сложно различимы. При этом сравнение жанров между собой показало статистически значимое отклонение, т.е. жанры различить гораздо проще, чем пол автора в рамках одного жанра. Интересен тот факт, что статистически значимое отклонение от нормы [Сбоев 2021] по данному критерию выявлено во всех исследуемых данных, кроме новостей, написанных мужчинами (отклонение 1,12 – статистически незначимо). Данный факт может свидетельствовать о более стабильном эмоциональном состоянии у авторов «Новостей» мужского пола.

Для измерения коэффициента определенности действия устанавливают соотношение количества имен существительных и количества глаголов, используемых в исследуемом тексте. Сопоставление средних значений коэффициента с помощью критерия Стьюдента показало статистически

незначимое отклонение между гендерами в рамках жанра «Новости» (1,2), т.е. новостные тексты авторов мужчин и женщин довольно схожи. Что касается отклонений между другими попарными сравнениями исследуемых групп, то они превышают значения критической точки из таблицы Стьюдента, следовательно, являются статистически значимыми и свидетельствуют в том числе об отдаленности мужских и женских текстов внутри жанра «Форумы». Интересен тот факт, что статистически значимое отклонение от нормы [Сбоев 2021] по данному критерию выявлено во всех исследуемых группах.

Для измерения коэффициента агрессивности устанавливают соотношение глаголов и глагольных форм во всем тексте к общему количеству слов, использованных для составления данного текста. Сравнение средних значений этого коэффициента для женских и мужских новостных текстов оказалось статистически незначимо (1,11), т.е. тексты авторов мужчин и женщин в рамках жанра «Новости» сложно различить и по коэффициенту агрессивности. Что касается отклонений между остальными сравниваемыми парами, они являются статистически значимыми. Таким образом, мы можем говорить о том, что сообщения форумов имеют гендерную специфику. Стоит отметить, что статистически значимое отклонения от нормы [Сбоев 2021] по данному критерию выявлено во всех рассматриваемых текстах.

Для измерения коэффициента лексического разнообразия устанавливают соотношение между количеством лексем в данном тексте и общим количеством слов. В рамках этого коэффициента статистически незначимыми оказались отклонения между женскими и мужскими сообщениями на форумах, т.е. тексты авторов мужчин и женщин в рамках жанра «Форумы» достаточно близки; в то время как отличия между новостными текстами, написанными авторами-мужчинами и авторами-женщинами, оказались статистически значимы (как и остальные попарные сравнения исследуемых групп), что говорит о возможности автоматического распознавания этих текстов на основе показателей коэффициента лексического разнообразия. Значения, которые превышают 50% по коэффициенту лексического разнообразия, составляют 54% выборки среди женских новостных текстов и 80% выборки среди мужских новостных текстов, что свидетельствует о том, что новостные тексты, авторами которых являлись лица мужского пола, более насыщены неповторяющимися лексическими единицами. В выборке форумов значения, которые превышают 50% по коэффициенту лексического разнообразия, составляют 32%, в текстах, авторами которых являются лица женского пола, и 16% – мужского пола, т.е. сообщения форумов, написанные женщинами, более лексически разнообразны. Стоит отметить, что в целом лексическое разнообразие жанра «Форумы» ниже, чем у жанра «Новости».

Для измерения коэффициента синтаксического разнообразия следует из единицы вычесть отношение между количеством предложений и количеством слов во всем тексте: чем выше значение коэффициента, тем более многословны предложения данного текста. Результаты сравнения средних показателей данного коэффициента показали статистически незначимое отклонение между гендерами в сообщениях форумов (1,45), в то время как для новостных текстов этот показатель оказался статистически значим и может быть использован для определения пола автора новостной статьи.

Для измерения коэффициента логической связности устанавливают соотношение между количеством служебных слов и количеством предложений в тексте. Сравнение средних значений коэффициента с помощью критерия Стьюдента показало, что статистически незначимыми являются отклонения между гендерами в форумах (1,59), но для новостных статей этот показатель оказался статистически значимым, т.е. в новостных текстах наблюдаются гендерные различия по коэффициенту логической связности. Интересен тот факт, что статистически значимое отклонения от нормы [Сбоев 2021] по данному критерию выявлено во всех исследуемых текстах, что может означать достаточно негармоничное сочетание служебных связующих слов.

Для измерения коэффициента эмболии устанавливают соотношение между количеством эмбол, т.е. слов, не несущих семантической нагрузки, и общим количеством слов в тексте [Балин 2000]. Статистически незначимое отклонение по коэффициенту эмболии было выявлено между гендерами в рамках обоих жанров: для новостных текстов этот показатель составил 0,6, для текстов форумов – 0,78, т.е. тексты авторов мужчин и женщин в рамках одного жанра близки и сложно различимы. При этом стоит отметить, что различия между жанрами оказались статистически значимы, что может говорить о том, что жанровый сигнал подавил гендерный и пол автора с помощью этого коэффициента разграничить невозможно.

Таким образом, проведенное исследование показало, что при помощи психолингвистических маркеров выявить гендерные различия сложнее, чем жанровые. Несмотря на то, что ни один из рассматриваемых маркеров не смог обнаружить гендерные отличия одновременно и в новостных текстах, и в сообщениях форумов, используемый метод может применяться для выявления некоторых психологических и лингвистических особенностей текстов. В рамках данной работы мы обнаружили определенную гендерную специфику форумов при помощи коэффициента определенности действия и коэффициента агрессивности, а коэффициент лексического разнообразия, коэффициент синтаксического разнообразия и коэффициент логической связности позволили выявить гендерную специфику новостных текстов.

Литература

Балдина К. В. Математика для гуманитариев. М.: Издательско-торговая корпорация «Дашков и К°», 2012.

Балин В. Д. Практикум по общей, экспериментальной и прикладной психологии. СПб: Питер, 2000.

Батура Т. В. Математическая лингвистика и автоматическая обработка текстов на естественном языке. Новосибирск: РИЦ НГУ, 2016.

Гмурман В.Е. Руководство к решению задач по теории вероятностей и математической статистике. М.: Высшая школа, 1979.

Гмурман В.Е. Теория вероятностей и математическая статистика. М.: Высшая школа, 2002.

Донина О.В. Использование психолингвистических маркеров при сопоставлении жанров интернет-дискурса // Когнитивные исследования языка. 2023. Вып. № 3 (54). Т. I. С. 157-161.

Сбоев А.Г. Нейросетевое моделирование и машинное обучение на основе экспериментальных и наблюдательных данных: автореф. дис. ... д-ра. физико-математ. наук. М., 2021.

Сбоев А.Г. Автоматическое выделение психолингвистических характеристик текстов в рамках концепции Big Data // Современные информационные технологии и ИТ-образования. 2013. № 9. С. 433-438.

O.V. Donina (Voronezh, Russia)
Voronezh State University

PSYCHOLINGUISTIC MARKERS FOR COMPARING FEMALE AND MALE TEXTS

This work studies the effectiveness of the use of psycholinguistic markers when comparing texts written by female authors and male authors. We found that psycholinguistic markers can be used to identify some psychological and linguistic features of texts, but they are less effective for attributing texts by gender than by genre.

Key words: psycholinguistic markers, gender linguistics, digital communication, text attribution, psycholinguistic characteristics of the text .

Т.В. Дроздова (Астрахань, Россия)
Астраханский государственный технический университет
drozdova_astu@mail.ru

ДЕСКРИПЦИИ ТИПОВЫХ СИТУАЦИЙ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ СОЦИУМОМ В АСПЕКТЕ ТРАНСФОРМАЦИИ МЕНТАЛЬНЫХ СТРУКТУР РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ЭКСПЕРТНОГО ЗНАНИЯ

В статье анализируются дескрипции ситуаций использования цифровых технологий членами социума с позиций сферы информационной безопасности и определяются направления трансформации экспертного знания этой области, заключающиеся в интегрировании понятий иных областей знания, субкатегоризации базовых концептов, расширении экстенционала понятий.

Ключевые слова: экспертное знание, типовая ситуация, концепт, событийный фрейм, интеграция, субкатегоризация.

Профессиональная деятельность, связанная со сферой информационных технологий, осуществляется не в изолированном пространстве, а в социальной среде, которая претерпевает некоторые изменения под влиянием научно-технического прогресса. В свою очередь, эти изменения так или иначе оказывают влияние на профессиональные сферы, причем, как мы полагаем, в двух направлениях: с одной стороны, может меняться объект изучения или перспектива его рассмотрения, предмет профессиональной деятельности, условия ее осуществления и др. С другой стороны, изменяются полученные в ходе осуществления этой деятельности результаты. В качестве таковых мы условно выделяем «первичные»: выдвижение новых идей, разработка технологий и артефактов, прогнозирование их внедрения в среду бытования социума и т.п., и «вторичные» ре-

зультаты: выводы о «последствиях» такого внедрения для человека и его социальной среды на основе их анализа. Полученные результаты в целом обуславливают определенную трансформацию базы экспертного знания как на ментальном уровне отдельных субъектов, так и на уровне коллективного сознания экспертного социума, представляющего данную профессиональную деятельность.

Будучи ограничены объемом статьи, мы ставим целью определить на основе анализа фрагментов специализированных текстов, описывающих типовые ситуации повседневного вредоносного использования информационных технологий в современном обществе с позиции IT-специалистов, каким образом расширяется база экспертного знания, установить направление трансформации когнитивных форматов ее репрезентации. Исследование осуществлялось с использованием комбинаторики элементов концептуального, когнитивного/ фреймового и семантического анализа а также метода инференции. При этом учитывалось, что новое знание формируется на базе уже существующего в результате его «сужения, расширения, развития или различного конфигурирования» [Болдырев 2020: 37], и что «всякому знанию предшествует онтологическая реальность, хотя и преобразованная человеческим мозгом» [Кубрякова 2008: 11].

Рассмотрим далее вербально представленное в специальных текстах обобщение множества типичных конкретных ситуаций злонамеренного использования информационных технологий для передачи и/или получения информации. Такие дескрипции являются результатом концептуализации понятия вредоносной деятельности как определенного вида действий и рассматриваются здесь как объективация вариантов инвариантного концепта **ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ**.

Когнитивная структура данного инвариантного концепта при ее репрезентации в формате событийного фрейма (Ч. Филлмор, Л. Талми, Р. Лэнекер, В.И. Заботкина, Е.М. Позднякова, Е.Л. Боярская и др.) в идеале включает концептуальные признаки (концепты), которые представлены основными и опционными слотами. К основным относятся следующие: субъект действия, объект действия, собственно действие, цель действия, инструмент/средство (осуществления действия), способ (осуществления действия), результат/эффект действия. Опционными слотами являются: обстоятельства (место, время) совершения действия, частота повторения действия, описание (участников, обстоятельств и др.), оценка (участников, результатов и др.).

Анализ специальной литературы показал, что в профессиональном дискурсе информационной безопасности данный вид деятельности получил свое обозначение и толкование:

(1) *Social engineering can be defined as the act of manipulating human beings, most often with the use of psychological persuasion, to gain access to systems, containing data, documents, and information that the social engineer should not have access to obtain* [Washo 2021:1].

(2) **Социальная инженерия** – метод получения необходимого доступа к информации, основанный на особенностях психологии людей. Основной целью социальной инженерии является получение доступа к конфиденциальной информации, паролям, банковским данным и другим защищенным системам [<https://efsol.ru/articles/social-engineering.html>].

Содержание представленных дефиниций имплицитно, что концептуализация данного понятия осуществлялась с привлечением знаний из области психологии: *psychological persuasion* (1), *особенности психологии людей* (2), и социологии. Из этой области заимствованы основные концепты/понятия (и их обозначения) *social engineering/ социальная инженерия*, *social engineer/ социальный инженер* (см. (1) и (2)), причем с определенным расширением и профилированием концептуального признака «цель» (получение несанкционированного доступа к конфиденциальной информации, которой обладают представители социума) и появлением негативной оценки в содержании указанных концептов/понятий в дискурсе IT-технологий. Эта оценка имплицитно, например, семантикой лексемы и значением синтаксических конструкций в формулировке приведенного выше определения (подчеркнуто нами): *manipulating human beings* (1), *the social engineer should not have access to obtain* (1).

Использование представленных выше вербальных средств, а также выражений *получение доступа к конфиденциальной информации* (2), *другим защищенным системам* (2) имплицитно интегрирование в область информационной безопасности знаний (и соответствующих понятий) из области юриспруденции. Данный факт подтверждается и приведенными ниже описаниями типичных ситуаций использования социальным инженером определенных методов/способов совершения действий с помощью цифровых устройств и/или программного обеспечения:

(3) *One of the most common methods of social engineering from an information security perspective is phishing schemes in which seemingly legitimate emails are sent to individuals with the hope that the recipients click on a link or provide information to the sender of the email* [Washo 2021:2].

(4) *При фишинговой атаке вы получаете письмо или сообщение от кажущегося надежным источника с просьбой предоставить информацию. Хорошо известный пример - письмо якобы от банка, который просит клиентов «подтвердить» конфиденциальную информацию и направляет их на поддельный сайт, где их учетные данные будут зафиксированы. Целевой фишинг – это отправка письма определенному сотруднику якобы от высшего руководства компании, запрашивающего конфиденциальные сведения* [Касперски: URL: http://citforum.ru/security/articles/soc_eng/].

(5) *Baiting is a social engineering attack where the attacker entices the user with a free item to lure them into clicking on a link. This may come in the form of a free music or movie download lined up with the user's interests. When the unsuspecting user clicks the link, they become infected with malware* [URL: <https://www.comptia.org/content/articles/what-is-social-engineering/>].

(6) *Злоумышленник взламывает почту человека или его учетную запись в социальной сети, получая доступ к его контактам. Теперь от имени жертвы он может сообщить им, что его ограбили, и попросить перечислить ему денег или разослать ссылку на вредоносное ПО или клавиатурный шпион под видом интересного видео* [Касперски: URL: http://citforum.ru/security/articles/soc_eng/].

Интеграция понятий юриспруденции в концептосферу информационной безопасности подтверждается также использованием вербальных единиц *legitimate* (3), *конфиденциальная информация/сведения поддельный* (4), *злоумышлен-*

ник, взламывать, жертва, ограбить, шпион (6). Заметим, что данная концептосфера может интегрировать понятия и иных областей знания, например биологии/медицины: *become infected* (5).

Дальнейшим результатом интеграции является конкретизация концептов через их субкатегоризацию на основе профилирования смыслов, связанных с социальными и/или правовым знанием. Так, субъект действия, обозначаемый на базовом уровне как *user/пользователь* (5) на уровне субкатегории представлен оппозицией неавторизованный пользователь (*sender of seemingly legitimate emails* (3), *кажущийся надежным источник* (4), *social engineer should not have access* (5), *злоумышленник* (6)) vs авторизованный пользователь (*банк, сотрудник, руководство компании* (4)). Концепт «способ/метод» также представлен на уровне субкатегоризации оппозицией техническое вмешательство vs психологическое манипулирование, что обуславливает определенное расширение экстенционала концепта «действие», отражающееся как включение в область профессионального дискурса нетипичных для сферы информационной безопасности предикатов: *entice, lure* (5). Аналогичного типа изменения можно, очевидно, обнаружить и в содержании других концептов.

Завершая проведенный анализ, подчеркнем, что описания в специализированных текстах типовых ситуаций использования информационных технологий представителями социума свидетельствуют о следующих основных направлениях трансформации экспертного знания области информационной безопасности: интеграция понятий иных областей знания, субкатегоризация основных концептов/понятий с формированием на этом уровне оппозиции концептов, расширение экстенционала понятий.

Литература

Болдырев Н.Н. Взаимодействие мыслительных и языковых структур как фактор динамики языковой картины мира // Когнитивные исследования языка. 2020. Вып. № 3 (42). С. 35-41.

Касперски К. Секретное оружие социальной инженерии. URL: http://citforum.ru/security/articles/soc_eng/

Кубрякова Е.С. О соотношении языка и действительности и связи этой проблемы с трактовкой понятия знания // Когнитивные исследования языка. 2008. Вып. III. С. 11-24.

EFSOL. URL: <https://efsol.ru/articles/>

Washo A.H. An interdisciplinary view of social engineering: A call to action for research // Computers in Human Behavior Reports. 2021. Vol.4. URL: <https://doi.org/10.1016/j.chbr.2021.100126>

T.V. Drozdova (Astrakhan, Russia)
Astrakhan State Technical University

VERBAL REPRESENTATION OF TYPICAL USES OF INFORMATION TECHNOLOGY IN SOCIAL LIFE AS EVIDENCE OF THE TRANSFORMATION OF MENTAL STRUCTURES REPRESENTING EXPERT KNOWLEDGE

The paper considers descriptions of common use cases of IT in social life as found in specialized texts on information security. An analysis of linguistic means provided evidence for some transformations in the content of expert knowledge viewed as an integration of concepts from other specialized fields, subcategorization of concepts, and broader content of concepts.

Key words: expert knowledge, typical case, concept, event frame, integration subcategorization.

Р.И. Зарипов (Москва, Россия)

*Военный университет имени князя Александра Невского
Министерства обороны Российской Федерации*

ИНФОРМАЦИОННЫЕ И ЛИНГВОКОГНИТИВНЫЕ ОСНОВЫ СОЦИАЛЬНО-ЛИЧНОСТНОГО КОНСТРУИРОВАНИЯ

Статья посвящена исследованию когнитивно-аксиологического значения информации в контексте развития лингвистической науки, формирования личности реципиента и социального конструирования.

Ключевые слова: информация, смыслы, реципиент, массовая коммуникация, действительность, язык, восприятие.

Информация, воспринимаемая человеком, предельно многообразна в своем выражении и складывается из различных параметров материальных объектов, их частей и соотношений между ними. С гуманистической точки зрения ее исключительное значение состоит в том, что проходя через органы чувств и психику индивида, именно она определяет его миропонимание и мировоззрение, архитектуру и тип его личности. Без информации невозможны были бы процессы восприятия, мышления и само сознание человека, поскольку оно есть процесс и результат ее обработки, постижения, ощущения, оценивания и хранения, а также выдачи новой [Коллендер 2011]. В отсутствие информации окружающая действительность, которая состоит из образов, не имела бы внешнего выражения, поскольку нечего было бы выразать. Соответственно, нечего было бы и воспринимать: «Любая информация материальна по форме существования и нематериальна по содержанию. Материальность формы обнаруживается органами чувств человека, а содержание – его сознанием» [Там же]. Бытие же как существование объективного мира и во все немыслимо без энергоинформационных взаимодействий.

Вместе с тем результат восприятия внешнего мира и его взаимодействия с психикой человека (то есть содержание отражения разнообразия) – это всегда субъективная информация. По Д.И. Дубровскому, информация, которой обладает человек, составляет его субъективную реальность, отражающую реальность объективную [См.: Дубровский 1983], но его отношение к этой информации чаще всего идеализировано. То, что составляет внутренний мир человека и «дано в его психических явлениях в качестве образов, ощущений, переживаний, мыслей, чувств, проявления воли, побуждений, убежденности и др.» [Шелякин 2012], как правило, воспринимается им как истина или близкое к ней положение вещей. На самом деле, «информация может быть реальностью какого угодно содержания и не ограничиваться какими-либо критериями и рамками: она может быть и фантастической, и произвольной (ср. всякого рода галлюцинации), и соответствующей объективной действительности. Если объективная реальность имеет всегда истинный характер, то субъективная реальность не имеет этого критерия:

она может быть истинной и ложной, какой угодно модальной и ценностно-ориентированной» [Там же]. Новая информация, которую получает реципиент из внешних источников, проходит сквозь фильтр его туннеля реальности и наслаивается на ту, которой он уже обладает, внося коррективы в его когнитивно-аксиологическую систему координат. Этот процесс дискретен и продолжается всю жизнь человека, но отражает порядок формирования и модификации его личности *информацией*.

Как следствие, на первый план для потребителя информации выходит, помимо новизны, ее содержательный аспект, включающий ценность и полезность. С позиции гуманитарной науки оказывается важен не сам факт наличия новой информации и ее количественный параметр, но и ее семантическое наполнение. С этой точки зрения теория качественного содержания информации (или «отражательно-разнообразностная» теория, по М.А. Шелякину), дополняет вероятно-статистическую теорию К. Шэннона и «делает ее более «работоспособной» для лингвистики» [Шелякин 2012]. Еще У. Уивер выделял синтаксический, семантический и прагматический аспекты информации [Weaver 1964: 1-29], а А.Н. Колмогоров одним из первых отметил сложный и многокомпонентный характер последней [Колмогоров 1957: 66-99]. Все это привело к появлению теории семантической информации [Зеркаль 2014: 53-69] и ее отдельных направлений: логико-семантического, семиотического и семантико-прагматического.

Язык в этом контексте выступает «ответом системы переработки информации на потребность в коммуникации» [Голицын, Петров 2007: 159], то есть мозговой нейродинамической системы в целях выражения субъективно-личностного видения окружающей действительности или ее отдельных фрагментов. Коммуникативная информация (то есть информация, предназначенная для передачи посредством знакового конструирования [Шелякин 2012]) всегда носит референтный характер и отражает определенное положение дел или отношение между объектами (событиями) с помощью простых и сложных предложений, текста и субъектно-предикатной пары. В случае передачи информации с помощью аудиовизуальных (экстралингвистических средств) эту роль выполняют изображение и звук, формируя сообщение семиотическими единицами нелингвистической природы. В массовой коммуникации субъект воздействия использует все перечисленные формы представления информации, однако в силу указанных выше причин не способен в своих сообщениях объективно отразить окружающую действительность.

Реципиент, в свою очередь, не обладает возможностями полностью охватить информационную картину мира и непредвзято ее оценить. При взаимодействии с информационными ресурсами он имеет дело с тщательно отобранными, неполными и субъективно-оценочными данными, которые транслируются коммуникатором с целью формирования гиперреальности и продвижения в ней своей альтернативной «истины». Современные СМИ отошли от созерцательного описания происходящего и сегодня сами формируют ситуацию [Почепцов 2000: 149], обеспечивая достижение глобальными акторами целей информационной войны, которые среди прочего заключаются в подрыве социально-политической системы противника, а также «массированной психологической обработке» его войск и населения [Война и мир в терминах и определениях. Военно-политический словарь 2011: 91]. В ее рамках коммуникатором широко исполь-

зуются различные формы, приемы и методы несилового – информационно-психологического – воздействия, включая пропаганду, запугивание и дезинформирование. Именно такую роль отводят информации в «Единой доктрине информационных операций» Комитета начальников штабов ВС США: «Информация стала представлять собой не только цель воздействия, но и оружие воздействия, а также область или сферу деятельности ВС США» [Бартош 2018: 99].

В контексте воздействия понятие информации сегодня приобретает более широкий, неклассический смысл, поскольку в условиях передовых информационно-коммуникационных технологий коммуникатор обеспечивает не только ее распространение, то есть движение от одного участника взаимодействия к другому, но и продвижение, блокировку и/или селекцию [Караяни, Караяни 2021: 8]. Тем не менее исследования современных военных конфликтов и контртеррористических операций подтверждают, что информационно-психологическое противоборство – это, прежде всего, борьба смыслов.

Таким образом, первостепенное значение приобретает не сам информационный фон, который окружает и наполняет индивида, а те смыслы, которые он несет. Этот тезис отражает теория массовой коммуникации как «направленной трансляции смыслов», разработанная Д.А. Леонтьевым на основе исследования рекламы. Он выделяет две основные стратегии воздействия на реципиента: на уровне рационального предложения посредством закономерностей смыслообразования и на уровне иррациональном через создание имиджа как целенаправленно конструируемого подсознательного образа, основанного на закономерностях субъективной семантики (причем более действенным и универсальным приемом признается второе) [Леонтьев 2003: 410-411]. А.А. Леонтьев отмечает, что вышесказанное актуально и в отношении всей деятельности СМИ [Леонтьев 2008: 89]. В этих условиях информацию следует оценивать с точки зрения того, насколько созидательные, интеллектуальные и гуманистические смыслы она формирует для массовой аудитории. Особенно актуальным это представляется именно сейчас, когда перед лицом экзистенциальной угрозы российское общество нуждается в национально-ориентированной и объединяющей информационной повестке.

Литература

Бартош А.А. Конфликты XXI века. Гибридная война и цветная революция. М.: Горячие линии-Телеком, 2018.

Война и мир в терминах и определениях. Военно-политический словарь / под общ. ред. Д.О. Рогозина. М.: Вече, 2011.

Голицын Г.А., Петров В.М. Информация. Поведение. Язык. Творчество. Изд. 2-е. М.: Издательство ЛКИ, 2007.

Дубровский Д.И. Проблема идеального. М.: Мысль, 1983.

Зеркаль О.В. Семантическая информация и подходы к ее оценке. Часть 1. Семантико-прагматическая и логико-семантическая концепции // *Философия науки.* 2014. № 1 (60). С. 53-69.

Караяни А.Г., Караяни Ю.М. Информационно-психологическое воздействие в контексте парадигмы стратегических коммуникаций // *Национальный психологический журнал.* 2021. № 1 (41). С. 3-14.

Коллендер Б. Информация и сознание // *Электронный научный семинар.* 29.01.2011. URL: http://www.elektron2000.com/kollender_0219.html (дата обращения: 29.09.2022).

Колмогоров А.Н. Теория передачи информации // Сессия Академии наук СССР по научным проблемам автоматизации производства, 15–20 окт.1956 г.: Пленар. заседания. М.: Изд-во АН СССР, 1957. С. 66-99.

Леонтьев Д.А. Психология смысла: природа, строение, и динамика смысловой реальности. 2-е изд., испр. М.: Смысл, 2003.

Леонтьев А.А. Прикладная психолингвистика речевого общения и массовой коммуникации. М.: Смысл, 2008.

Почепцов Г.Г. Информационные войны. М: «Рефл-бук», К.: «Ваклер», 2000.

Шелякин М.А. Язык и человек: к проблеме мотивированности языковой системы: учеб. пособие // Библиотека электронной литературы. URL: <https://litresp.ru/kniga/ru/%D0%A8/shelyakin-mihail-alekseevich/yazik-i-chelovek-k-probleme-motivirovannosti-yazikovojsistemi> (дата обращения: 12.01.2023).

Weaver W. Recent contributions to the mathematical theory of communication // Shannon C.E., Weaver W. The Mathematical Theory of Communication. University of Illinois Press: Urbana, 1964. P. 1–29.

R.I. Zaripov (Moscow, Russia)

*Military University named after Prince Alexander Nevsky
of the Ministry of Defence of the Russian Federation*

INFORMATION AND LINGUO-COGNITIVE FOUNDATIONS OF SOCIO-PERSONAL CONSTRUCTION

The article explores the cognitive and axiological significance of information in the context of recipient identity formation, social construction, and the development of linguistics.

Key words: information, meanings, recipient, mass communication, reality, language, perception.

Н.В. Кирюхина (Орёл, Россия)

*Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева
nkir001@yandex.ru*

ПОЛЕВАЯ СТРУКТУРА ГЕНДЕРНО МАРКИРОВАННЫХ ПОСЛОВИЦ И АНТИПОСЛОВИЦ (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОГО И АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКОВ)

В работе изучается содержание архетипической дихотомии «маскулинность»/«фемининность» как системы бинарных оппозиций, нашедших свое отражение в пределах полевой структуры пословичного и антипословичного высказывания, в результате чего удаётся извлечь детальное представление о национальной специфичности данных категорий.

Ключевые слова: пословица, антипословица, гендер, гендерный компонент, бинарная оппозиция.

Вопрос о степени насыщенности национально-культурной спецификой паремиологических единиц является несколько неоднозначным, поскольку как следует из определения их статуса, пословицы (в данном случае и антипословицы) представляют собой национально-культурный кластер информации, который обладает свойством антиномичности, раскрывающимся в наличии в разных языках многочисленных аналогов и эквивалентов пословиц (а также и антипо-

словicc). Подобная природа общенационального паремиологического фонда объясняется полиаспектностью самого понятия «культура», которая способна создавать и реализовывать в языке как универсальные, так и национально-специфические установки. В связи с этим, объектом исследования в данной работе выступил паремиологический (традиционный и современный) фонд русского и английского языков с объектным фокусом на гендерно маркированные пословицы и антипословицы избранных языков. Отбор исследуемого материала производился по гендерным маркерам структуры высказывания, которые могут быть эксплицитными или имплицитными. Под эксплицитными или же структурными маркерами стоит понимать наличие в структуре фразеологизма лексем, содержащих непосредственное указание на референта мужчину или/ и женщину [Зыкова 2003: 214], когда семантическая маркированность предполагает опосредованную, непрямую гендерную номинацию.

Пословицы представляют собой значимостный материал для исследования, что объясняется их ситуативным характером значения с последующей вариативностью сценария поведения, рекомендуемого пословицей на основе этой ситуации [Иванова 2014: 88]. В ответ на такую хрестоматийность транслируемого знания (поучения) зародились антипословицы, которые смогли стать средством выражения протеста «человека, уставшего от традиционной назидательности, общепризнанной мудрости и шаблонизированности конвенционального поведения» [Кирюхина 2022: 130]. Вслед за О. Б. Абакумовой в данной работе пословицей именуется самый сложный языковой знак, фразеологизм со структурой предложения, оценочное суждение с обобщенным значением, текстовыми характеристиками и прагматическими функциями; в актуализованном режиме пословица представляет собой косвенный речевой акт чаще всего директивного типа и используется в коммуникации как тактическое средство реализации коммуникативной стратегии говорящего [Абакумова 2018]. Антипословицы же, с точки зрения В. Мидера, представляют собой ничто иное как «пословицы, являющиеся смысловыми антиподами традиционных паремий, вывернутые наизнанку афоризмы и крылатые выражения знаменитых людей, веллеризмы» [Вальтер, Мокиенко 2005: 8-9]. Те оценки, которые содержат в своем сообщении антипословицы, способны максимально точно и полно передавать актуальные для того или иного общества тенденции, моральные устои и приемлемые модели поведения. Антипословицы можно разделить на две категории – это «искусственные» антипословицы, смоделированные с целью «красного словца» и имплементации в речь языковой игры, и «истинные» антипословицы, которые связаны с «семантикой высказывания, с изменением пропозиции базовой формы пословицы и тех деонтических норм, которые эксплицитно или имплицитно фиксированы в семантике традиционной паремической единицы» [Абакумова 2022: 161].

По замечанию Т.Г. Бочиной характерной чертой структурно двучленных пословиц выступает внутренняя связь «между собой отношениями сходства или противоположности, отсюда, наиболее распространенными изобразительно-выразительными средствами являются сравнение и противопоставление (контраст, антитеза)» [Бочина 2023: 117]. Одной из самых распространенных оппозиций, находящих свое воплощение в пословицах и антипословицах, является оппозиция *мужчина – женщина, маскулинность – фемининность*. Система стилисти-

ческих приёмов контраста весьма широко и разнообразно представлена в текстах английских и русских пословиц антипословиц, эталоном синтагматической аранжировки которой выступает антитеза. В традиционных пословицах женщина зачастую противопоставляется мужчине по отношениям глупости – разумности поведения и поступков, когда женщине приписывается чрезмерно эмоциональное поведение, не мотивированное логикой: «Худая жена и хорошего мужа портит»; «*A woman cuts her wisdom teeth when she is dead*». Однако антипословицы также фиксируют нейтрализацию данной оппозиции путём а) вхождения оценки “глупость” в категорию маскулинности, б) путём расширения оценки “ум” для категории фемининности: «Баланс: женщины чаще говорят глупости, мужчины – чаще делают», «*There are two sides to every man: the side his wife knows, and the side he thinks she doesn't know*».

Оппозиция *значимость внешней привлекательности – незначительность внешней привлекательности* раскрывается в атрибутированности красоты как одного из вершинных признаков женственности при отсутствии таковой в категории «маскулинность» в пословицах: «*A man is as old as he feels, and a woman as old as she looks*», «*Девушка без любви – цветы без солнца / цветок без запаха*»; и антипословицах: «Женщина из двух зол выбирает умного, а мужчина – красивую», «*A woman is as old as she looks, and a man is old when he stops looking*».

Оппозиция *болтливость – спокойствие* сохраняет стабильную устойчивость и актуальность, что подтверждается рядом пословиц и антипословиц: «*Deeds are males, and words are females*» «*Лучше в утлой ладье по морю ездить, чем жене тайну поверить*»; «*A woman's place is in the home because that's where the telephone is*», «Женщины, безусловно, умеют хранить тайны, но сообщают».

Оппозиция *интуитивность – рассудительность* раскрывается в следовании женщины каким-либо внутренним законам, а не следовании инструктивно-му поведению: «*Women's instinct is often truer than men's reasoning*», «Жена с сердцем, а муж с перцем». Однако антипословицы русского и английского языков не фиксируют данную оппозицию в полном объёме, а именно данная оппозиция передаёт именоваться оппозицией ввиду утраты звена «интуитивность», поскольку прототип современной женщины репрезентируется сродни мужской рассудительности и конкурентоспособности, вовлечённости в традиционно считающуюся маскулинную сферу жизнедеятельности, что особенно явно выражается антипословицами английского языка: «*Behind every great woman there's a man who tried to stop her*», «Если президентом страны станет женщина, то нам придется работать не на дядю, а на тетю».

Проведенный лингвистический анализ семантики пословиц и антипословиц русского и английского языков позволил выявить наличие контрастного поля, выстраиваемого и поддерживаемого за счёт сосуществования на основе взаимного противопоставления двух полярных областей в пределах народного речевого, которому также присущи отношения тождества. Стилистически полярная структура пословичного и антипословичного высказывания формируется полем контраста, которое базируется на совокупности стилистических приёмов, имеющих векторную направленность на экспликацию различного типа и рода полярных оппозиций. Рассмотренные антипословицы подтверждают факт социального сдвига в категориях «маскулинность»/ «фемининность», которую можно

расширить до трехчленной оппозиции «маскулинность» / «фемининность» / «андрогинность», что объясняется нивелированием дихотомии мужское/ женское и проявляется в приписывании мужчине стереотипных женских качеств и моделей поведения и наоборот.

Литература

Абакумова О.Б. Оценочность и способы ее выражения в пословицах (на материале русских и английских пословиц о правде) // Ученые записки Орловского государственного университета. 2018. № 3 (80), С. 59-63.

Абакумова О.Б. Антипословицы в языке и тексте. Язык. Человек. Культура. Сборник научных трудов, посвященный юбилею Марии Львовны Ковшовой. Москва: Институт языкознания РАН, 2022. С. 155-162

Бочина Т.Г. Пословица на века молвится: монография: избранные труды русской паремииологии. Казань: Издательство Казанского университета, 2023.

Вальтер Х., Мокиенко В.М. Антипословицы русского народа: [словарь]. ОЛМА медиагрупп. СПб.: Нева, 2005.

Зыкова И.В. Способы конструирования гендера в английской фразеологии: монография. М.: Едиториал УРСС, 2003.

Иванова Е.В. Кривое зеркало английских антипословиц // Язык как культурный код нации / отв. ред. А.В. Зеленщиков. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 2014. С. 83-103.

Кирюхина Н.В. Употребление стилистических приёмов в англо-американских и русских антипословицах. Язык. Культура. Коммуникация: изучение и обучение. Сборник научных трудов VI Международной научно-практической конференции. Орел, ОГУ имени И.С. Тургенева: «Картуш», 2022. С. 130-133.

Fergusson R. The Penguin Dictionary of Proverbs. London: Penguin Books Ltd., 2000.

Mieder W., Litovkina, A.T. Twisted Wisdom. Modern Anti-proverbs. Burlington: The University of Vermont, 2002.

N.V. Kiriukhina (Oryol, Russia)

Oryol State University named after I.S. Turgenev

GENDER-MARKED PROVERBS AND ANTI-PROVERBS: FIELD STRUCTURE IN THE RUSSIAN AND ENGLISH LANGUAGES

The paper studies the content of the archetypal dichotomy "masculinity" / "femininity" as a system of binary oppositions reflected within the field structure of proverbial and anti-proverbial statements. Such approach makes it possible to extract a detailed idea from the national specificity of these categories.

Key words: proverb, anti-proverb, gender, gender marker, binary opposition.

Н.И. Комкова (Тула, Россия)

*Тульский филиал Финансового университета при Правительстве РФ
lingvo_2012@mail.ru*

ОСОБЕННОСТИ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ КОНЦЕПТА ДИТЯ В ПРОЗЕ Б.В. ШЕРГИНА

Статья посвящена изучению концепта ДИТЯ как одного из превалирующих элементов, отражающего нравственные аспекты концептосферы Б.В. Шергина. На мате-

риале прозы писателя разных лет показано, какие лексемы и другие лексические средства репрезентируют концепт ДИТЯ, как они отражают отношение героев к младшему поколению, являющемуся доминантным компонентом, выявляющем моральные качества героев, их нравственные и семейные ценности.

Ключевые слова: концепт ДИТЯ, концептосфера Б.В. Шергина, язык поморов, текст художественной литературы, языковые категории, лексема, лингвистические объекты.

В когнитивной лингвистике превалирующим компонентом художественного текста является концепт, представляющий собой синтез тождественных объектов, включённых в процесс текстообразования [Комкова 2021: 98]. Для рассмотрения концептосферы в целом необходимо изучить каждый отдельный концепт в частности [Ломакина 2019: 781], а также их совокупность в нерасторжимой семантической совокупности [Комкова 2022: 520]. Моральные и нравственные ценности того или иного народа отражены в произведениях писателей определённого топоса [Ломакина 2021: 173]. Произведения Б.В. Шергина как транслятора культуры Поморского края показывают духовные характеристики героев: их отношение к дружбе, семье, детям [Комкова 2021: 75].

Край, к которому «душа стремится каждую минуту жизни морской, много трудной, семейство с большеглазой красавицей-женой и детками малыми, внушающими надежду на свершения всех отцовских чаяний, – вот что держит душу поморского мужа на краю бездны синей, когда сражается он со свирепыми волнами, добывая пропитания тем, кто так дорог и близок сердцу его бесстрашному» [Горелов 1983: 10], поэтому концепт ДИТЯ является одним из доминантных концептов в репрезентации концептосферы в произведениях Б.В. Шергина.

Цель статьи заключается в изучении особенностей репрезентации концепта ДИТЯ в прозе Б.В. Шергина.

Материалом исследования послужили такие рассказы писателя как: «Новоземельское знание», «Мастер Молчан», «Ваня Датский», «Митина любовь».

Сами по себе «языковые категории – это концептуальное объединение лингвистических объектов, языковых единиц» [Болдырев 2021: 155], тех лексических средств репрезентации, которые и создают концепт в целом. В выше обозначенных рассказах основным лексическим репрезентантом концепта ДИТЯ служит одноимённая лексема, которая в «Словаре русского языка» выступает в трёх лексико-семантических вариантах: '1. *Устар.* Ребёнок; ласковое обращение к юноше, девушке; о наивном неопытном человеке 2. *Перен.* О человеке, обнаруживающем в себе яркие черты какой-нибудь среды, какого-нибудь времени (*высок.*). 3. *Перен.* Тот или что, кто (что) является порождением чего-нибудь, несёт в себе черты, следы своего источника (*высок.*)' [МАС: 158].

Концепт ДИТЯ конституирован в рассказах Б.В. Шергина в большей степени в третьем значении, при этом «семантизируя в себе первые два понятия» [Лихачёв 2014: 155], ведь «продолжение мужа каждого в детях и внуках есть начало жизни самой в маленьком существе, ставшем его совестью и честью» [Горелов 1984: 7].

Так, в рассказе «Новоземельское знание» отец рассказывает сыну о своём учителе Пафнутие Анкудинове, который помог постичь родителю мальчика «морское знание» без учебников и назиданий, лишь поделившись с ним своим многолетним опытом и передав любовь к выбранному ремеслу: «*Мы, дитя, то-*

гда без книг **учились**. **Морское знание** брали с практики. Я расскажу тебе о моём первом плавании с Пафнутием Анудиновым. Ты поймёшь, как мы **учились...**» («Новоземельское знание»). Словосочетание *морское знание* и глагол *учились* выражают желание отца передать потомкам в лице «сына любимого свои навыки и умения, чтобы запечатлеть их в вековой памяти грядущих поколений» [Горелов 1984: 7]. Лексема *дитя* выступает в данном рассказе в значении ‘таланты и знания праотцов о морском деле, с новой силой возрождённые в их детях’, а также «с синонимичными единицами такого толкования» [Зализняк 2010: 155], как ‘черты характера и отношения к труду, унаследованные из прошлого’.

Молодые люди, «надежды и упования отцов, даруют поморам не только веру в продолжение рода своего, но и желание спасти их, защитить от всех злоключений и бед земных» [Горелов 1983: 10]. В рассказе «Новая земля» корабельный староста, понимая всю безысходность положения своей команды, задержавшейся на острове больше положенного срока ради богатой добычи пушнины, хочет огрбить молодого юнга, совершавшего первое морское путешествие, и не говорит ему всей правды о предстоящей зимовке на неизведанной земле, при этом полностью осознавая, что многие из артели не доживут до весны. Он успокаивает юношу, «как бы вскользь, как бы обещая, что игра юнга на гусях расскажет про их злоключения, и уберёжет других моряков от ошибки тяжкой» [Горелов 1983: 11]. При этом сам староста отчётливо понимает, что команда застряла здесь на неопределённое время: «...староста, даль небесная над морем побелела. Это от снегов?... – Нет, **дитя**, от льдины... – И ласково так и **печально** поглядел мне в глаза. – А ты **ладь, ладь** гусли-ти. **Ежели** не на корабле, **дак** на песне твоей поедем» («Новая земля»). Просторечные глаголы *поглядел*, *ладь* (повторение последнего создаёт «своеобразный стон о приближающейся напасти»), а также частицы *ти*, *дак* и союз *ежели* настраивают читателя «на манер былинной песни, сулящей трагическую развязку» [Горелов 1983: 11]. Адъективные наречия *ласково* и *печально*, с одной стороны выражают сопереживание старосты молодому моряку, с другой – приближают фатальный исход долгого пребывания вдали от дома. Лексема *дитя* выражена в значении ‘продолжение морского дела погибших корабельщиков в песнях юнга, игравшего на гусях’ при «второстепенной семантизации» [Зализняк 2010: 141] ‘молодой, неопытный человек, постигающий новое для себя ремесло’.

Для каждого человека семья является неким мерилом ценностей «незримо, но важного осознания того, что «жизненный путь пройден не зря, что он получит продолжение в детях и внуках» [Бахтин 1986: 44], которых «не писатель, не сам Бог никогда не даруют человеку, лишённому каких-либо моральных качеств» [Лихачёв 2014: 155]. Для поморов «семья незыблема, а без детей семьи и нет вовсе. Чада их плоть от плоти, кровь от крови, продолжатели дел славных, ремесла их бессмертного». В рассказе «Ваня Датский» всегда деятельная и полная сил Аграфена Ивановна теряет себя, когда сын сбегает из отчего дома поучиться делу морскому, но всё же через долгих двадцать лет разлуки прощает его, понимая, что он стал настоящим моряком, надеясь на новую, скорую встречу уже с детьми Вани, ведь «внучата Аграфены вновь воскресят в её памяти образ маленького Ванюшки, примирят с этими тяжёлыми годами одиночества вдали от него» [Горелов 1984: 8]: «**Ладно, дитя, я тебя прощаю и отпускаю тебя. Только...на будущий год сам приедешь и старшего внука мне на погляденье при-**

везёшь» («Ваня Датский»). Лексический повтор *я тебя прощаю и отпускаю тебя*, включающий контекстуальные синонимы *прощаю, отпускаю* приближает осознание читателем того, что на этот раз разлука матери с сыном не будет долгой, ведь он вновь приедет к ней со своей семьёй. Существительное *внука* актуализирует мысль о преемственности поколений и нетленности человеческой жизни [Горелов 1984: 8]. Лексема *дитя* вновь выступает в значении ‘любовь отца Вани к морю и корабельному промыслу продолжилась в его сыне и внуках’.

В прозе Б.В. Шергина ребёнком также может называться и взрослый, ведь для «мужа поморского всяк человек дитя светлое, если помыслы его чисты и подлинны» [Горелов 1984: 5]. В рассказе «Митина любовь» старушка, утешавшая влюблённого Митьку, который тщетно пытался разыскать свою возлюбленную Машеньку Кярстен, сразу заметила искренность его помыслов и чувств. Она предсказала герою скорую встречу с девушкой, если эта любовь взаимна, и Маша обладает той же честностью и порядочностью, что и Дмитрий. Слова старушки стали пророческими, ведь вскоре «после долгих, бесплотных поисков герои, наконец-то, встретятся и обретут истинное возвышенное счастье друг с другом» [Горелов 1984: 5]: «У тебя, *дитя*, простота в лице *детская, ненаглядная. Ежели* она стоящая женщина, ты у *ейного* сердца прижат» («Митина любовь»). Просторечный союз *ежели* и притяжательного местоимение *ейного*, а также адъективы *детская, ненаглядная* придают повествованию «искренность да истинно поморскую душевность» [Горелов 1984: 8]. Лексема *дитя* употреблена в значении ‘преемственность в отношении к браку, любви, семье’.

Таким образом, концепт ДИТЯ в рассказах Б.В. Шергина представлен в значении ‘личности, обладающей высоко моральными чертами характера и подлинным талантом к тому или иному ремеслу, унаследованных от старшего поколения и синхронизирующих между собой заботу родителей о ребёнке и молодого человека, являющегося характерным представителем родной стороны’, то есть максимально приближен к когнитивной репрезентации: наследие уникальной поморской культуры заключено в каждом последующем поколении, свято хранящем заветы Архангельского края.

Литература

- Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1986.
- Болдырев Н.Н. Когнитивная семантика. Введение в когнитивную лингвистику: курс лекций. Тамбов: Издательский дом «Державинский», 2021.
- Горелов Ал. Поморское узорчье // Шергин Б., Писахов С. Сказы и сказки. М.: Современник, 1983. С. 6-15.
- Горелов Ал. «Словесный жемчуг» Бориса Шергина // Шергин Б. Повести и рассказы. Л.: Лениздат, 1984. С. 3-9.
- Зализняк А.А. Из заметок о любительской лингвистике. М.: Русский Мир, 2010.
- Комкова Н.И. Лексико-фразеологическое пространство художественной прозы Б.В. Шергина: дис. ... канд. филол. наук. М., 2021.
- Комкова Н.И. Особенности репрезентации концепта «прощение» как отражение нравственной проблематики в прозе Б.В. Шергина // Когнитивные исследования языка. 2022. № 4 (51). С. 518-522.
- Лихачёв Д.С. Заметки о русском. М.: Колибри, 2014.

Ломакина О.В. Концептуализация общечеловеческих ценностей в пословицах (на материале русского, узбекского и таджикского языков) // Когнитивные исследования языка. 2021. № 3 (46). С. 172-175.

Ломакина О.В. Фразеологические средства вербализации концепта «смерть» в творчестве Л.Н. Толстого // Когнитивные исследования языка. 2019. Вып. XXXVII. С. 780-785.

Словарь русского языка: в 4-х т. / под ред. А.П. Евгеньевой. М.: Русский язык, 1981–1984. Т. 1. А-Й. 782 с. – МАС

N.I. Komkova (Tula, Russia)

Tula branch of the Financial University under the Government of the Russian Federation

REPRESENTATION OF THE CONCEPT OF *CHILD* IN THE PROSE OF BORIS SHERGIN

The article studies the concept of CHILD as one of the prevailing elements reflecting the moral aspects of the conceptual sphere of Boris Shergin. We demonstrate which lexemes and other lexical means are used to represent the concept of CHILD based on the Shergin's works throughout the years and how they reflect the attitude of the characters to the younger generation. This is the dominant component that reveals the moral qualities of the characters and their spiritual and family values.

Key words: concept of CHILD, conceptual sphere of Boris Shergin, Pomor language, literary text, language categories, lexeme, linguistic objects.

Л.А. Кочетова, А.А. Гуреева (Волгоград, Россия)

Волгоградский государственный университет

kochetova@volsu.ru, gureeva@volsu.ru

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ КОНЦЕПТА *ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ* В РУССКОМ ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ¹

Устанавливается специфика содержательных, образно-перцептивных и ценностных характеристик социально-значимого концепта «искусственный интеллект» в русском языковом сознании, которые выделяются на основе корпусного анализа текстовых фрагментов его дискурсивной реализации.

Ключевые слова: концепт, дискурс, ценность, методы корпусной лингвистики, концептуализация.

В последние десятилетия интенсивное развитие и внедрение искусственного интеллекта (ИИ) в различные сферы общественной жизни, широкое обсуждение этого социально-значимого феномена в медиапространстве и его репрезентации в массовой культуре [Ситникова, Сертакова, 2022] привели к формирова-

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-00509, <https://rscf.ru/project/23-28-00509/> (Кочетова Л.А.: часть о признаках концепта и методологии корпусного исследования его структуры, Гуреева А.А.: составление корпуса, часть о лингвокультурной специфике репрезентации концепта в русском языковом сознании).

нию соответствующего ментального образования в языковом сознании представителей дискурсивного сообщества.

Цель данной работы заключается в выявлении содержательных, образно-перцептивных и ценностных признаков концепта в русском языковом сознании на основе анализа языковых средств его репрезентации в дискурсивных фрагментах, написанных респондентами, носителями русского языка, в возрасте от 16 лет до 21 года. Всего было проанализировано 500 дискурсивных фрагментов, общим объемом 220 567 слов.

Методология анализа концепта «ИИ» предполагает выявление его конститутивных признаков, отраженных прежде всего в нормативных документах. Так, «Национальный стандарт Российской Федерации» определяет искусственный интеллект как «комплекс технологических решений, позволяющий имитировать когнитивные функции человека (включая самообучение, поиск решений без заранее заданного алгоритма и достижение инсайта) и получать при выполнении конкретных практически значимых задач обработки данных результаты, сопоставимые, как минимум, с результатами интеллектуальной деятельности человека. Комплекс технологических решений включает в себя информационно-коммуникационную инфраструктуру, программное обеспечение (в том числе, в котором используются методы машинного обучения), процессы и сервисы по обработке данных, анализу и синтезу решений» [Национальный стандарт, 2021, с.3]. Приведенное определение показывает, что рассматриваемый концепт включает следующие группы признаков: 1) совокупность технических устройств, программного обеспечения; 2) имитация когнитивных функций человека; 3) нацеленность на результат, максимально приближенный к человеческому. Корпусный анализ сочинений русскоязычных респондентов направлен на выявление общих и отличительных признаков концепта в регулятивном дискурсе и языковом сознании представителей дискурсивного сообщества. Данные показывают, что дискурсивную информацию об искусственном интеллекте можно разбить на следующие группы сведений: 1) определение феномена; 2) внешние характеристики, способности, ИИ; 2) сфера использования ИИ; 3) последствия внедрения ИИ, преимущества и угрозы, которые он несет.

Приведем некоторые данные анализа корпуса. Результаты анализа демонстрируют, что в качестве лексических единиц, отражающих понятийные признаки концепта респонденты указывают «машина», «совокупность алгоритмов», «абстрактная коробка», «поисковая система», «программа», «компьютер», «механизм», «робот», «глобальная система», «микрочипы», «процессоры», «нанотехнологии», «аппарат», «технология», «электронный девайс». Названные признаки могут уточняться, например, «сложная машина», «футуристическая вычислительная машина», «роботизированная машина». В дискурсивных фрагментах также встречаются определения, включающие одушевленные лексемы такие, как «существо», «организм, который имеет сознание» и др.

Образная составляющая концепта акцентирует сходство ИИ с человеком «гуманоид», «робот, похожий внешне на обыкновенного человека», «человекоподобные роботы, которые выглядят точь-в-точь как люди: присутствует речь». Русские респонденты акцентируют молодость ИИ: «роботы с внешним видом молодого юноши или девушки», «девушка от «Сбера» на заставке он-лайн бан-

ка». Важной человеческой характеристикой ИИ является наличие голоса. Вместе с тем подчеркивается отсутствие у ИИ креативности, а также эмоций и чувств, что оценивается отрицательно. В ряде случаев декларируется отсутствие телесного воплощения ИИ: «аналог физически существующего мира», «бестелесное», «поток знаний».

Интересно отметить репрезентацию происхождения искусственного интеллекта. Описывая различия между изобретением и открытием В.И. Карасик указывает, что в отличие от изобретения, которое осмысливается как практический процесс, нацеленный на освоение и обустройство действительности, открытие относится к сфере знаний» [Карасик, Слышкин, 2020]. ИИ репрезентируется как созданный человеком, что свидетельствует о его квалификации как изобретения, но в то же время ИИ концептуализируется как независимый от человека объект, который способен к саморазвитию и находится вне контроля человека. Респонденты описывают способности ИИ: «умеет говорить, двигаться, творчески мыслить, обучаться и учить чему-то других», «умеет написать текст на определённую тему или нарисовать изображение по ключевым словам», акцентируют его преимущества над людьми: «превосходит человека по объёму хранения и скорости обработки информации». ИИ также концептуализируется как помощник, который облегчает жизнь людей и способен в ряде случаев заменить человека.

Сфера использования ИИ может осмысливаться как абстрактная, отмечается повсеместное присутствие искусственного интеллекта «практически повсюду окружает», «нейросеть правит» или конкретная: «роботы официанты в кафе или аэропорту», «камера-няня для новорожденных», «роботы-пылесосы».

В корпусе сочинений представлены реакции респондентов на последствия внедрения ИИ в виде положительных оценочных суждений: «большой прорыв человечества, создан для блага»; «Это удивительное открытие человечества и огромный шаг в технологическое будущее»; «облегчит людям жизнь, предоставит комфорт, свободу выбора, освободит время и повысит уровень жизни». С другой стороны, приводятся отрицательные высказывания: «К сожалению, создаёт этукую нейропаутину»; «развитие ИИ способствует созданию антиутопии»; «Негативно сказывается на человеческих навыках – ухудшается память», «человек перестал думать, считать, искать информацию». Некоторые дискурсивные фрагменты сводятся к выражению страха: «человек по своему существу становится слабым звеном перед искусственным разумом, что они сотворили»; «Страх того, что подобная система может оказаться не в «тех» руках и стать оружием, пугает ещё больше»; беспокойства и озабоченности: «немного жутко осознавать, что роботы и компьютеры благодаря заслугам ученых и конструкторов могут составить конкуренцию нам в шахматах, нарисовать картину, написать книгу или даже стать нашим собеседником». В некоторых фрагментах звучат предостережения: «человечеству стоит задуматься», «главное не потерять контроль», «Что, если однажды разработчики допустят ошибку в коде при создании очередного ИИ?». Последствия внедрения искусственного интеллекта в различные сферы человеческой деятельности осмысливаются как угроза человеческой и профессиональной идентичности и проявляется в таких выражениях, как «в скором времени отнимет у вас хлеб», «профессии вымрут». ИИ концептуализируется как враг: «Лицемерные глаза ИИ блестят мыслью сделать человека слабым и беззащитным,

хрупким и беспомощным, превращая уже его в своего слугу». Интересно, что источником информации о потенциальной опасности ИИ называется массовая культура: «поп-культура навязывает подсознательную боязнь искусственного интеллекта-эффект «зловещей долины», когда роботы просто пугают» и др.

Отметим факт присутствия конспирологической составляющей в представлениях об ИИ: «Его со всей строгостью содержат в секретной лаборатории, [...] И, возможно, робота пока ещё не тестировали, потому что его способности, как заверяют учёные, безграничны и даже опасны для человечества». Ценностные ориентиры поведения, вытекающие из данных суждений, заключаются в том, что развитие технологии ИИ это благо для человека, но ее следует контролировать, не следует во всем полагаться на искусственный разум; не следует доверять информационным технологиям, т.к. они могут представлять опасность для человека.

В целом, в русском языковом сознании ИИ концептуализируется как технология, что совпадает с профессиональным определением феномена, вместе с тем ему приписывается внешнее сходство с человеком. ИИ способен имитировать человеческую деятельность, но в отличие от человека не имеет эмоций и не способен к креативности. ИИ может выступать помощником и служить на благо людям, вместе с тем отмечаются негативные последствия внедрения ИИ, которые сводятся как вытеснению людей из различных профессиональных сфер, так и к утрате человеком когнитивных навыков. Перцепция ИИ как потенциальной глобальной угрозы для человечества обусловлена влиянием зарубежной массовой культуры. К перспективам исследования относится сопоставительное изучение имеющихся у членов дискурсивного сообщества представлений с характеристиками этого социально-значимого феномена, транслируемыми медийным дискурсом.

Литература

Карасик В.И. Слышкин Г.Г. Языковое осмысление изобретения и открытия // Вестник Московского государственного областного университета. Серия «Лингвистика». 2020. Т. 75. № 6. С. 29-39.

Национальный стандарт Российской Федерации. ГОСТР 59277 – 2020. Системы искусственного интеллекта. Классификация систем искусственного интеллекта. Утвержден и введен в действие Приказом Федерального агентства по техническому регулированию и метрологии от 23 декабря 2020 г. № 1372-ст.

Ситникова А.А. Сертакова Е.А. Художественный образ искусственного интеллекта в анимации XXI века // Социология искусственного интеллекта. 2022. Т. 3. № 2. С. 57-70.

*L.A. Kochetova, A.A. Gureeva (Volgograd, Russia)
Volgograd State University*

REPRESENTATION OF THE CONCEPT *ARTIFICIAL INTELLIGENCE* IN THE MIND OF THE RUSSIAN RESPONDENTS

Using corpus-based approach, the specifics of the content, figurative-perceptual and value characteristics of the socially significant concept ‘artificial intelligence’ in the Russian language mind are defined, which are distinguished on the basis of an analysis of its discursive implementation.

Key words: concept, discourse, value, methods of corpus linguistics, conceptualization.

*Н.Н. Кошкарлова (Челябинск, Россия)
Южно-Уральский государственный университет
studiumjuvenis@mail.ru
И.В. Кожухова (Челябинск, Россия)
Челябинский государственный университет
vinantov@mail.ru*

МЕДИАОБРАЗ КИТАЯ В РОССИЙСКИХ СМИ¹

Статья посвящена анализу медиаобраза Китая в российских СМИ. Исследование выполнено в русле имагологического направления современной лингвистики. Авторы применяют фреймо-слотовый анализ при изучении образа Китая, в результате чего выделяют семь фреймов: экономика Китая, Тайваньский вопрос, военная сфера, культура Китая, образование, международная повестка.

Ключевые слова: Китай, медиаобраз, российские СМИ, имагология, фреймо-слотовый анализ.

Изучение образа того или иного государства на материале средств массовой информации созвучно положениям науки, в рамках которой проводится настоящее исследование, – имагологии. В.П. Трыков определяет имагологию как «направление в компаративистике, основной задачей которого является изучение в литературе образа «чужого» посредством анализа дискурсов, а также выявление средств и механизмов распространения этого образа в общественном сознании в виде имиджа – стереотипа» [Трыков 2015: 122-124]. Как видно из данного определения, первоначально имагология занималась выявлением образов другого на материале художественной литературы.

Однако в последнее время сфера имагологических исследований значительно расширилась. В настоящее время образы рассматриваются учеными, работающими в указанном предметном поле, как репрезентанты дискурсивных стратегий, культурной и этнической идентичности, восприятия образов другими национально-языковыми системами. При этом важно понимать, что образы всегда имеют текстовое воплощение.

В этом отношении при изучении образа Китая важным является обращение к средствам массовой информации, которые не только транслируют систему образов и стереотипов, но и принимают активное участие в формировании восприятия одной культуры через аксиологическую призму другой культуры. Следует понимать, что средства массовой информации формируют МЕДИАобраз того или иного объекта. Т.Н. Галинская дает два определения этого понятия. В узком смысле, медиаобраз – «это фрагменты действительности, описанные исключительно профессиональными журналистами в своих текстах, содержащих отражение ценностных ориентаций, мировоззрения, предпочтений автора. В широком же смысле, медиаобраз – это образ действительности, сформированный всеми имеющимися в медиaprостранстве журналистами, блогерами, пользователями интернета и т.д.» [Галинская 2013: 91]. В своих предыдущих работах мы об-

¹ Исследование выполнено при содействии Фонда поддержки научных инициатив Челябинского государственного университета.

ращались к изучению образа России в китайских СМИ [Кошкарова, Мукушев 2021]. Но не менее важным в свете последнего визита лидера КНР в Россию является обращение к репрезентации образа Китая в российских СМИ.

Наиболее релевантным для решения поставленной цели считаем метод фреймо-слотового анализа, который позволяет вывести имагологические эмпирики в плоскость лингвокультурологических изысканий, так как фреймы выступают «наиболее удобной формой представления культурных знаний» [Малёнова, Терских 2015: 21]. Материалом для анализа послужили статьи, извлеченные методом сплошной выборки из полнотекстовой базы данных лучших статей деловой российской и иностранной прессы *Polpred*. В качестве ключевого слова при работе с базой данных использовалась лексема *Китай*.

В результате анализа медиаобраза Китая в российских СМИ выделяются следующие фреймы.

1. **Экономика Китая.** Известно, что экономика Китая занимает второй место в мире по номинальному ВВП после экономики США. Китай – надежный политический и экономический партнер России, в связи с чем российские СМИ уделяют много внимания описанию и обсуждению положения дел в китайской экономике: *Фермеры получают льготные кредиты на продвижение товаров с географической индикацией <...> Китай будет наращивать усилия по стабилизации промышленного роста <...> Зарубежные компании надеются на продолжение выгодных отношений с восстанавливающимся китайским рынком.*

2. **Тайваньский вопрос.** Разрешение тайваньского вопроса и объединение Родины – это великая и священная миссия всего китайского народа. В поисках способа объединиться Пекин предложил систему «Один Китай – две системы», оставляя за Тайванем его рыночную экономику и его демократические ценности. При этом Китай считает решение тайваньского вопроса исключительно внутренним делом страны и не приветствует вмешательство США в данную проблему: *Си Цзиньпин назвал тайваньский вопрос красной линией в отношениях с США <...> США проиграли. Чем Китай ответит на американскую провокацию.*

3. **Военная сфера.** В настоящее время Китай обладает сильной и боеспособной армией, чего нельзя было сказать еще десять лет назад. Однако и здесь не обходится без вмешательства США: *Почему мощная армия Китая способствует глобальной стабильности. <...> ВМС США оценили прогресс Китая в военной сфере. <...> МО КНР: Китай недоволен возможной сделкой по продаже оружия США Тайваню.*

4. **Культура Китая.** Данный фрейм представлен большим количеством слотов – от обсуждения китайских традиционных боевых искусств до описания мастерства китайских кондитеров: *Древнее боевое искусство помогает людям в современной жизни <...> Признание ЮНЕСКО поднимает авторитет практики тайцзицюань <...> Безграничная фантазия китайских кондитеров раздвигает границы традиционной культуры.*

5. **Информационная безопасность.** Китай ежегодно увеличивает инвестиции в ИТ-безопасность на уровне как всей страны, так и отдельных провинций. В стране существует подразделение кибербезопасности, которой основной задачей видит защиту данных рядовых пользователей и крупных национальных корпораций: *На бордаж! Как и в XVIII веке, государство будет выдавать лицензии на пиратство, превращая пиратов в приватиров. <...> Как в Китае обеспе-*

чивают информационную безопасность. На основании следов в интернете формируют рейтинг благонамеренных. <...> Кибербезопасность по-китайски: в КНР вступает в силу новый закон об интернете.

6. Образование. Система китайского образования известна далеко за пределами страны благодаря строгим нормам, железной дисциплине, незыблемому авторитету педагога. В 1998 г. в стране был подписан «Закон о высшем образовании КНР», который превратил вузы страны в университеты с мировым уровнем, с лучшими профессорами и уникальными лабораториями, благодаря которым Китай теперь по праву можно назвать инновационным чудом. Китай активно экспортирует и импортирует образовательные услуги, приглашая студентов из других стран на обучение в КНР и отправляя своих студентов учиться в зарубежные страны, например, в Россию: *Девять вузов и научных организаций объединили усилия для развития российской нейтринной программы.* <...> *Образование – наивысшая ценность: как учатся в Китае.*

7. Международная повестка. Несмотря на то, что геополитическая ситуация детерминирует положение дел в отдельно взятой стране и представление образа государства в СМИ и в сознании рядовых пользователей, этот фрейм по своей частотности находится в настоящем исследовании, посвященном изучению медиа-репрезентации Китая на последнем месте, что вполне объяснимо. Не вызывает сомнения тот факт, что роль Китая на международной арене возрастает, но при этом страна имеет собственную позицию по многим вопросам мировой политики, сохраняя нейтралитет и руководствуясь восточной мудростью «Лодка не всегда будет плыть с ветром; армия не всегда будет побеждать»: *Китай призвал не допустить выход конфликта на Украине за пределы региона* <...> *Минобороны КНР: санкции не помогут решить украинский кризис.* <...> *Армия Китая не станет ввязываться в гонку вооружений, заявили в Минобороны.*

Выделенные фреймы не являются константой, их номенклатура, рекуррентность и содержательное наполнение будет меняться в зависимости от ситуации в мире и Китае. Безусловным остается постулат о том, что изучение образа той или иной страны является важным с точки зрения продвижения национального языка и культуры. Методы и приемы имагологии являются наиболее востребованными при изучении представления о стране в различных типах дискурса, так как «помещают образ в широкий семиотический контекст, тем самым акцентируя и анализируя его изобразительный потенциал как визуального знака» [Томберг 2019: 15]. К возможным перспективам исследования мы относим анализ образа Китая в академическом дискурсе (например, в учебниках по РКИ, изданных в России и КНР), а также в обыденном языковом сознании. Интересным представляется описание метафорического представления Китая в российских средствах массовой информации. Подобные исследования играют важную роль в преодолении этнических стереотипов, существующих в сознании носителей другого языка и другой культуры.

Литература

Галинская Т.Н. Понятие медиаобраза и проблема его реконструкции в современной лингвистике // Вестник Оренбургского государственного университета. 2013. № 11. С. 91-94.

Кошкарова Н.Н., Мукушев И.О. Образ России в китайских СМИ // Политическая лингвистика. 2021. № 3 (87). С. 87-100.

Малёнова Е. Д., Терских М. В. Медиаобраз Сибирского региона (по материалам современных американских СМИ) // Человек в мире культуры. 2015. № 3. С. 19-30.

Томберг О.В. Имагология как научное направление: аспекты изучения образа // Образ России в международном образовательном дискурсе: лингвокогнитивный и лингводидактический аспекты: монография. Екатеринбург: Изд-во УрГПУ, 2019. С. 8-18.

Трыков В.П. Имагология и имагопоэтика // Знание. Понимание. Умение. 2015. № 3. С. 120-129.

N.N. Koshkarova (Chelyabinsk, Russia)
South Ural State University

I.V. Kozhukhova (Chelyabinsk, Russia)
Chelyabinsk State University

THE IMAGE OF CHINA IN RUSSIAN MASS-MEDIA

The article presents an imagological analysis of the image of China in Russian mass-media. We conducted a frame-slot analysis on the image of China and determined seven frames: the Chinese economy, the Taiwan issue, the military sphere, Chinese culture, education, and the international agenda.

Key words: China, media-image, Russian media, imagology, frame-slot analysis.

С.Л. Кушнерук (Челябинск, Россия)

Челябинский государственный университет, Svetlana_kush@mail.ru

М.А. Курочкина (Челябинск, Россия)

Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет

kma1974@yandex.ru

ДИСКУРСИВНАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ТРУДОВОЙ МИГРАЦИИ В СОЦИАЛЬНОЙ СЕТИ TELEGRAM

Рассмотрены особенности дискурсивной репрезентации иностранных специалистов из стран Средней Азии в российских телеграм-сообществах. Обосновано понятие репрезентационной структуры. Установлена корреляция между производством дискурса и социальной проблемой. Дана характеристика основных акторов, участвующих в процессах трудовой миграции.

Ключевые слова: дискурсивная репрезентация, социальные сети, Telegram, трудовая миграция, медиакоммуникация.

Проблема трудовой миграции всё чаще оказывается в поле внимания модераторов телеграм-каналов. Такой интерес закономерен по причине резонанса, который тема имеет в российском обществе. Систематические наблюдения за функционированием социальной сети Telegram позволяют констатировать, что специфика репрезентации иностранных специалистов, приезжающих на заработки из среднеазиатских стран, не только отражает деление общества на «своих» и «чужих», но часто носит предвзятый характер по отношению к экзогруппам (от греч. *exō* – внешний, чужой).

Цель настоящего исследования – изучение когнитивно-дискурсивных особенностей репрезентации трудовых мигрантов на основе анализа актуализиро-

ванных языковых выражений, используемых для обозначения участников миграционных процессов. Материалом послужили 1247 контекстов, отобранных методом сплошной выборки по ключевому слову *мигрант* из телеграм-каналов в период с 2019 по 2022 год. Полагаем, что избранный (референциальный) аспект позволит углубить представления о характере дискурсивного миромоделирования и его влиянии на подписчиков.

Репрезентация традиционно рассматривается как ключевое понятие когнитивной лингвистики, относящееся «как к процессу представления мира в голове человека, так и к единице подобного представления, стоящей вместо чего-то в реальном или вымышленном мире и потому замещающей это что-то в мыслительных процессах» [КСКТ 1996: 447]. Представление когнитивных категорий средствами языка обозначается терминосочетанием *когнитивная репрезентация*. Для исследования речевых практик целесообразно выделить коммуникативную составляющую понятия и указать на то, что представляя событие, явление, факт, лицо или группу лиц, модератор одновременно сообщает об их свойствах. Это особенность *дискурсивной репрезентации*.

В результате миромоделирования в дискурсе объективируются *репрезентационные структуры* – ментальные конструкты, соотносимые с процессами и результатами представления фрагментов мира в заданной ситуации (подробнее URL: <https://discourseworld.ru/>). В качестве рабочего далее используется понятие *дискурсивного мира трудовой миграции* для обозначения функционирующей в цифровой коммуникации видовой репрезентационной структуры, способствующей формированию мнений подписчиков относительно иностранных рабочих из Средней Азии. Она реконструируется на основе постов в Telegram.

Способы соотнесения языковых выражений с действительностью называют референциальными статусами [Кобозева 2004: 228]. Их анализ в телеграм-коммуникации позволяет выделить в дискурсивном мире трудовой миграции четыре конфигурационных элемента – субъектных центра (актанта, по У. Эко). Каждый из них соотносится с социальным актором, или участником общественных практик [Van Leeuwen 2008: 23]. Дадим характеристику каждого типа.

1. Трудовые мигранты. В словообразовательном отношении кроме ключевой лексемы *мигрант*, модераторы каналов используют сложные слова *мигрант-извращенец*, *мигрант-безбилетник*, *узбек-эксгибиционист*, *гастарбайтер-педофил*, *грабитель-мигрант*, *педофил-мигрант* и др. Определяемое или определяющее называют порицаемое явление. Выделяются четыре группы репрезентаций трудовых мигрантов:

Стилистически нейтральные: *иностранцы, гастарбайтеры; таксисты-мигранты, мигранты-школьники; трудовые мигранты, иностранные рабочие, рабочая сила; мигранты из южных стран, уроженцы Средней Азии, мигранты из Средней Азии.* Данная группа выделяется условно по причине того, что композиционная семантика имён модифицируется в сторону пейоративности, и это закрепляется комбинаторикой со словами-партнёрами (ср. *подозрительный гастарбайтер, безумный гастарбайтер, пьяный гастарбайтер* и др.).

Пейоративные репрезентации выражают отрицательную оценку трудовых мигрантов, неодобрение, порицание, иронию: *этнобандиты, рабы, дикари, террористы, извращенцы, крысёныш, мастурбек, абу-бандит, этнические бан-*

диты, диаспоральная коммерция, агрессивные мигранты, многонациональные воры, приезжие агрессоры, восставшие горцы, специалисты с гор, толпа агрессивных кавказцев.

Оксюморонные репрезентации представляют собой контрастные соединения слов, вступающих в противоречие по смыслу, при этом одно из них номинирует осуждаемое явление: *трудолюбивые педофилы из Средней Азии, банды иностранных специалистов, нелегальные торговцы.*

Эвфемистические репрезентации вносят вклад в конструирование политкорректного дискурса, позволяют модераторам избегать резких оценок: *иностраный специалист, незнакомец неславянской внешности, иностранец азиатской внешности* (вместо *трудолюбивый мигрант из Средней Азии*), *этнические предприниматели* (вместо *преступные группы*), *обиженный специалист* (вместо *агрессивный мигрант*) и др.

2. Местные жители представлены жертвами мигрантского произвола. Они подвергаются различным формам физического насилия со стороны приезжих (избиения, убийства, вымогательство, изнасилование и др.). Ср.: **мигранты из Таджикистана в очередной продемонстрировали свои древние и красивые обычаи забив толпой нескольких местных жителей.**

Регулярно активизируется метафорическая проекция ТРУДОВЫЕ МИГРАНТЫ – ЗАХВАТЧИКИ. Ср.: *многонациональные ОПГ осуществляют рейдерские захваты жилых домов; жители посёлка ... пытаются остановить захват территории, который учинил видный представитель армянской диаспоры; в мигрантском гетто иностранный специалист из Азербайджана напал на женщину и избил её.*

Жители российских городов эвфемистически представлены жертвами культурного обогащения, что вскрывает иронию. Ср.: *Русский мужчина, будучи добродорядочным гражданином, сделал дикарю замечание и тут же был культурно обогащён; Иностранцы специалисты из Средней Азии дрейфовали на парковке. В итоге шахид-мобиль влетел в припаркованную машину сотрудницы ТЦ. Посмеив возмутиться таким скотством она тут же была культурно обогащена.* Словосочетание культурное обогащение маскирует семантику оскорбления и сквернословие, проявляемые трудовыми мигрантами в отношении местных.

3. Контролирующие органы. Субъектный центр формирует собирательное представление о властных структурах и компетентных органах, включая полицию, суды, местную администрацию. Оценка действий социального актора отличается амбивалентностью. С одной стороны, обнаруживается тенденция к конструированию политкорректного дискурса, с другой – обнажается «мягкая» критика исполнительной власти.

Политкорректные оценки преимущественно создаются благодаря эвфемизации, метафоризации и «якорению» на прецедентности. Ср.: *Приехавшие полицейские и росгвардейцы оказались не очень нежны.* Имплицируется мелиоративная оценка работы компетентных органов. Основой вуалирования реальных действий служит эвфемизация: к трудовым мигрантам была применена физическая сила.

Во многих постах репрезентация контролирующих органов основана на речевой критике. Эксплицируется отрицательная оценка. При этом она может быть

прямой, косвенной, эмоциональной, рациональной, интенсифицированной, де-интенсифицированной. Прямая критика: *в очередной раз, полиция не заметила этническую банду в составе которой действовал задержанный; нарушений масса, реакции со стороны их руководства нет, сообщают местные жители; прокуратура уже толерантно отменила постановление о возбуждении уголовного дела*. Косвенная критика: *гуманный суд дал всего лишь один год принудительных работ водителю автобуса из Средней Азии, по вине которого погиб кондуктор*.

4. Бенефициары трудовой миграции. Субъектный центр объективируется в связи с легализацией деятельности трудовых мигрантов как доходного бизнеса, осуществляемого по преступным схемам, предпринимательство имеет криминальный характер. Ср.: *задержали многонациональную банду, которая занималась легализацией незаконных мигрантов за счёт фиктивных браков и установления отцовства над детьми*.

В абсолютном большинстве постов вектор осмысления легализации задаёт ассоциативная связь между вовлечёнными участниками и деятельностью вне закона. Ср.: *предприимчивые специалисты нелегально подключили здание к коммуникациям и заселили мигрантами. Этот «гостиничный бизнес» был полностью незаконным*.

Выводы. Взаимодействие референциальных статусов языковых выражений имеет большое значение для оценки когнитивного содержания дискурсивного мира трудовой миграции, моделируемого на основе постов в Telegram. Анализ семантики имён и именных групп, используемых для обозначения участников, даёт возможность выделить когнитивные опоры репрезентационной структуры – субъектные центры, которые представляют ключевых социальных акторов: трудовых мигрантов, местных жителей, контролирующие органы, бенефициаров. В перспективе изучение дискурсивной репрезентации социальной проблемы в виртуальной коммуникации может оказаться полезным для предотвращения распространения этнокультурных предрассудков и ксенофобии за её пределами.

Литература

- Кобозева И.М.* Лингвистическая семантика. М.: Едиториал УРСС, 2004.
Краткий словарь когнитивных терминов / Е.С. Кубрякова, В.З. Демьянков, Ю.Г. Панкрац, Л.Г. Лузина; под общ. ред. Е.С. Кубряковой. М.: Филол. фак. МГУ, 1996.
Van Leeuwen T. Discourse and practice: new tools for critical discourse analysis. Oxford University Press, 2008.

*S.L. Kushneruk (Chelyabinsk, Russia)
Chelyabinsk State University*

*M.A. Kurochkina (Chelyabinsk, Russia)
South-Ural State Humanitarian-Pedagogical University*

DISCURSIVE REPRESENTATION OF LABOR MIGRATION ON RUSSIAN TELEGRAM

The authors focus on the discursive representation of foreign specialists from Central Asia in Russian Telegram. The notion of a ‘representational structure’ is introduced. It is ar-

gued that the ‘subject centers’ of the representational structure correlate with social actors involved in the processes of labor migration. Each type is analyzed in detail.

Key words: discursive representation, social media, Telegram, labor migration, media communication

А.В. Леонтьева (Москва, Россия)

Московский городской педагогический университет

lealesya1979@yandex.ru

Е.Б. Савельева, Е.Г. Котова (Орехово-Зуево, Россия)

Государственный гуманитарно-технологический университет

lenaandrei2007@rambler.ru, kotova070809@yandex.ru

СПЕЦИФИКА ВЕРБАЛИЗАЦИИ ЗНАНИЯ И КОГНИТИВНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В ТЕКСТЕ НАУЧНОГО СОДЕРЖАНИЯ

В статье даётся обзор особенностей текстовой деятельности учёного как коммуникативно-познавательного субъекта. В результате анализа текстов научного содержания выявляется специфика когнитивного и языкового взаимодействия. Авторская метафора и ремарки рассматриваются как значимые средства инициирования рефлексии.

Ключевые слова: когнитивный, метафора, научный текст, познание, рефлексия, компрессия.

Субъект научного знания и познания осуществляет ментальное и языковое конструирование действительности в рамках своей деятельности и создаёт определённым образом организованное когнитивное и языковое взаимодействие, в частности посредством текста научного содержания. Поскольку на этапе вербализации научного знания и результатов исследовательской деятельности учёный также «превращается в субъект текстовой деятельности» [Чернявская 2017: 82], вопросы речетворчества в научной сфере и выстраивания когнитивного взаимодействия субъектом научного знания и познания представляют значимый научный интерес. Неотъемлемой характеристикой текста научного содержания является не только технически регламентированная и достаточно универсальная специфика создания научного текста, но и элементы речетворчества исследователя, не лишённые авторского стиля. Несмотря на то, что научный текст базируется на правилах построения сообразно научному стилю, в нём нередко обнаруживается не клишированная, а авторская метафора. Подобную метафору мы рассматриваем не как стилистическое своеобразие текста научного содержания, а, прежде всего, как один из вариантов иницирующей рефлексии учёного для реципиента. Безусловно, такая метафора отражает и авторскую рефлексию как процесс и одновременно в определённой степени результат, своего рода слепок авторской мысли учёного в результате рефлексии. Когнитивные возможности человека и потенциал языкового инструментария позволяют выстраивать полноценное когнитивное и языковое взаимодействие посредством метафоры и в сфере научного знания. Подобная кооперация происходит и для маршрутирования рефлексии получателя научного сообщения, и одновременно является следом рефлексии

ученого как инициатора когнитивного и языкового взаимодействия, позволяя наблюдать процесс научного познания и его результат. Выделяя процессуальный характер научного познания, мы анализируем его и в рамках творения текста научного содержания самим автором, субъектом научного знания и познания. Когда рефлексия через метафору инициируется автором текста научного содержания, её результат для реципиента возможен в определённой степени и, главным образом, мыслится таковым отправителем сообщения, отражая дискурсивную природу подобного взаимодействия. Как правило, использование метафоры в научном тексте отражает хорошо спланированную стратегию, ориентированную на получателя. Безусловно, авторский почерк различается и у представителей научного мира, отражая индивидуальность речетворчества и мышления, но степень рефлексии и саморефлексии учёного как коммуникативно-познавательного субъекта высока при порождении текста научного содержания. В научном мире автор творит текст максимально осознанно и для профессионального сообщества, и для другого субъекта на определённой ступени научного познания. Метафора в этом плане представляет дополнительный интерес еще и в силу нетипичности её фигурирования в научном стиле речи, имеющим свои каноны и правила. Однако значимость анализа метафоры в тексте научного содержания обусловлена своеобразием подобного инструментария описания, анализа, подачи аргументов в сфере научного знания. Соответственно, метафора в этом ракурсе может рассматриваться преимущественно как осознанный выбор автора для решения коммуникативных и когнитивных задач, и лишь отчасти с позиции не всегда полностью осознаваемого действия субъекта научного познания, оригинальности его текстовой деятельности в сфере научного знания, не теряя от того весомости в качестве когнитивного и языкового инструмента. Использование метафоры предстаёт и как демонстрация обретения научной мыслью формы и одновременно отражение в процессе этапов и определённых результатов мыслительной деятельности учёного.

Метафора в тексте научного содержания также позволяет компактно упаковывать содержание и нюансировать смыслы, в том числе подтверждая идею «компрессивной природы ментального и языкового конструирования действительности», отражающей «сложность взаимодействия научных, энциклопедических и языковых знаний в режиме симультанности и континуума, многоаспектность кооперации человека с окружающим миром, в том числе, в ходе мыслительной и речемыслительной деятельности» [Леонтьева 2015: 44].

Сравнительный анализ и обзор особенностей функционирования и частоты употребления метафоры в разных видах научных трудов позволяет обнаружить многочисленные случаи употребления не клишированной, а авторской метафоры, в первую очередь, в монографиях. Монография представляет собой глубокую разработку проблемы, соответственно, авторская позиция максимально конкретизирована и освещается подробно. Рефлексия учёного как коммуникативно-познавательного субъекта при создании научного труда обладает высокой степенью в рамках ментального и языкового конструирования действительности, то есть исследователь максимально осознаёт все задачи «выбора оптимальной формы для выражения мыслительного содержания» [Чернявская 2017: 83]. Автор научной монографии создаёт своё уникальное ментальное и языковое

пространство, при этом выстраиваемое на стремлении к объективности. Используя оптимальные стратегии смыслоформулирования, автор научного труда маршрутирует внимание реципиента и инициирует рефлекссию, создавая необходимые для этого условия в рамках текста научного содержания как познавательного процесса. Безусловно, к метафоре прибегают не только представители научной мысли для выстраивания коммуникативного взаимодействия, но именно в научном дискурсе метафора способна обретать дополнительную весомость как стратегия и осознанный выбор в том числе в силу определённой девиантности в условиях научного стиля, так проявляется и определённая степень сходства в характерных чертах публицистических и научных текстов. Познавательная активность и деятельность исследователя ставит его в сложные условия, в рамках которых он находится в особых отношениях «с языком, чтобы верно овладеть им и приспособить его» [Ильин 1993]. Одной из задач учёного является вербализация научного знания, которое осуществляется и для определённой целевой аудитории – профессионального сообщества, владеющего релевантным терминологическим инструментарием и опытом, и для реципиента, вставшего на путь познания. Подобный контекст творчества в сфере научного знания усиливается высокой степенью рефлексии субъекта научного знания, осуществляющего осознанный выбор средств и стратегий для решения задач когнитивного и коммуникативного взаимодействия.

Подчеркнём, что дополнительным значимым средством маршрутирования внимания реципиента являются авторские комментарии в скобках в разных видах текстов научного содержания. Ремарки в скобках обладают оценочностью, несут дополнительную информативную нагрузку, способны нюансировать смыслы, давать отсылки к чужому слову и другим учёным, также выступать в качестве средства убеждающей риторики и даже опровержения высказывания. Таким образом, подобные вкрапления отличаются разнообразием функций, но в целом в компрессивной форме позволяют воздействовать на читателя в условиях ментального и языкового конструирования действительности субъектом научного знания.

Выделенная специфика вербализации знания в текстах научного содержания свидетельствует об осознанном выборе учёным языковых средств и когнитивных структур как стратегии инициирующей рефлексии. Нешаблонная метафора как стратегия служит реализации прагматической установки автора, а также является проявлением креативности в научном речетворчестве и идиостиля субъекта научного знания. Ремарки, оформленные в круглых скобках, в тексте научного содержания обладают многообразием реализуемых функций, а также являются маркером конструирования ментального и языкового пространства субъектом научного знания. Как авторская метафора, так и комментарии в скобках способны к нюансированию смыслов и передаче содержания в многомерном разрешении.

Литература

- Ильин И.А.* Путь к очевидности. Москва: Республика, 1993.
Леонтьева А.В. Рефлексия в ментальном и языковом конструировании действительности: предпосылки и грани семантической диффузности // Вопросы когнитивной лингвистики. 2015. № 2 (43). С. 40-45.

Черниговская Т.В. Чеширская улыбка кота Шрёдинера: мозг, язык и сознание. Москва: Издательство АСТ, 2021.

Чернявская В.Е. Коммуникация в науке: нормативное и девиантное. Лингвистический и социокультурный анализ. М.: Книжный дом «Либроком», 2017.

A.V. Leontieva (Moscow, Russia)

Moscow City University

E.B. Saveleva, E.G. Kotova (Orekhovo-Zuevo, Russia)

State University of Humanities and Technology

KNOWLEDGE VERBALISATION AND COGNITIVE COOPERATION IN ACADEMIC TEXTS

The article reviews the characteristic features of texts created by scientists as a subject of communication and cognition. The peculiarities of cognitive and language cooperation are determined through analysis of academic texts analysis. Metaphor and parenthesis in academic texts are considered as essential means of initiating reflection.

Key words: cognitive, metaphor, academic text, cognition, reflection, compression.

M.B. Минеева (Оренбург, Россия)

Оренбургский государственный университет

mvmineeva@mail.ru

ЭПИСТЕМИЧЕСКАЯ ОЦЕНКА КУЛЬТУРНО-МАРКИРОВАННОЙ ИНФОРМАЦИИ В ЛИНГВИСТИЧЕСКОМ ГИПЕРТЕКСТЕ

В статье рассматривается языковая реализация когнитивных механизмов эпистемической ответственности и бдительность в лингвистическом гипертексте, составленном к иноязычному художественному тексту. Особое внимание уделяется анализу эффективности лингвокультурного комментирования для достижения взаимопонимания автора и читателя.

Ключевые слова: иноязычный художественный текст, лингвистический гипертекст, фоновые знания, эпистемическая ответственность, эпистемическая бдительность.

Иноязычный художественный текст содержит имплицитно и эксплицитно выраженную информацию, которая отражает целевые установки автора, его фоновые знания и принадлежность к определенной лингвокультуре. Реципиент воспринимает текст, опираясь на имеющиеся у него фоновые знания, и реконструирует модель иноязычной культуры автора, представленную в тексте. Однако не всегда созданная читателем модель текста действительно соответствует ожиданиям автора ввиду расхождений в тезаурусе, фоновых знаниях и опыте.

В отличие от непосредственного акта речевой коммуникации, межкультурная коммуникация, опосредованная иноязычным художественным текстом, не подлежит непосредственному контролю со стороны автора. Таким образом, возникает необходимость в средствах опосредованного регулирования воссоздания текста его читателем. Таким средством выступает затекстовый комментарий, составленный к иноязычному художественному произведению, который мы рас-

считаем как лингвистический гипертекст, т.е. нелинейно организованный объем политематической информации толковательного плана, вынесенный за рамки основного содержания текста в виде блоков.

Выступая посредником между автором и читателем, составитель лингвистического гипертекста определяет возможные лакуны в тезаурусе и фоновых знаниях читателя и нивелирует их посредством разъяснения (перевода, интерпретации, объяснения и т.д.). Комментатор представляет читательскую аудиторию гипотетически и интерпретирует элементы текста, которые могут вызвать коммуникативные сбои, через призму своего восприятия. Насколько достоверно и точно будет представлена уточняющая информация в комментарии, настолько успешной будет коммуникация между автором и читателем. Комментатор должен быть эпистемически ответственным коммуникантом, т.е. тем, кто придерживается тех мнений, которые истинны или вероятно истинны и совершает коммуникацию, основываясь на предположениях, приемлемых для адресата [Чепурная 2017: 36]. Иными словами, комментатор должен стремиться к эпистемически ответственному представлению информации. Соответственно, задачей комментатора становится экспликация заложенной в тексте информации или направление читательской интерпретации в нужное русло, обеспечивая эксплицитность и недвусмысленность информации.

Помимо эпистемической ответственности, между субъектами межкультурной коммуникации, опосредованной иноязычным художественным текстом реализуется и такой когнитивный механизм как эпистемическая бдительность, которая позволяет определить достоверность/недостоверность поступающей информации. Комментатор реализует данный механизм путем согласования тезаурусов и фоновых знаний автора и читателя, тем самым снижая порог эпистемической бдительности читателя при обращении к лингвистическому гипертексту.

Так, в романе “Whirligig” by Magnus Macintyre («Круговерть» М. Маинтайра) один из героев романа дает характеристику определенной этнической группе – шотландцам. Герой разграничивает между posh Scots и ordinary Scots: *Posh Scots hate each other and marry each other / Ordinary Scots are terrible complainers.* Комментатор проявляет эпистемическую ответственность и указывает, что данные высказывания являются глупыми стереотипами ‘foolish / sweeping generalizations’.

Основной задачей составителя лингвистического гипертекста является устранение множественности интерпретаций культурно-маркированной информации. В следующем примере разночтение может представлять написание дат в английском языке. И хотя трагическое событие является всемирно узнаваемым, написание даты в американском и британском варианте английского языка может вызвать неполное понимание:

September 11th 2001 – the day of the terrorist attacks is known in America as 9/11. In Europe we would say 11/9 [Хьюитт 2014: 34].

Расхождения между вариантами одного и того же языка может представлять особую сложность для читателя, который не является носителем английского языка. Приведем пример, в котором комментатор объясняет словоупотребление, свойственное американским политикам, подчеркивая разницу между культурой речи англичан и американцев. Более того, комментатор указывает на си-

туацию непонимания между представителями одного языка, причиной которой является категоричность, характерная для американского английского:

The phrase they are using is 'deep unease' – this is an illustration of the cultural difference between the British and Americans. 'Unease' means 'discomfort, mild worry'. Even with 'deep' the phrase does not sound very serious. ... The Americans will use very fierce, even brutal language even when they are not angry. So Bush listens to this phrase and then shrugs. It sounds feeble to him [Хьюитт 2014: 39].

Часто можно встретить примеры того, как составитель комментария разъясняет особенности авторского словоупотребления, тем самым развивая языковую компетенцию читателя:

egregious – egregious means 'remarkable' and is now almost always used in a bad sense, e.g. attached to 'carelessness' or 'pride' [Хьюитт 2018: 31].

Особенно это касается комментирования диалектизмов, жаргонной или табуированной лексики, допустимость использования которой может быть не всегда понятна русскоязычному читателю. В следующем примере комментатор предостерегает от использования табу *nigger*, однако определяет разговорное выражение *bloody* как слово-паразит, нежели как ругательство.

Oh, very bloody funny – 'funny' is a mild expletive, certainly nowadays. ... In 2018 to talk about 'that nigger' would be extremely offensive and shocking, whereas 'bloody' is hardly stronger than 'Боже мой'. One hundred years ago the opposite would have been true [Хьюитт 2018: 28].

Аналогично, автор объясняет использование слова *'midgets'*, допустимое для конкретного места обитания и возрастной группы:

Filipino midgets – 'Midgets' meaning 'very small people' is not now a polite term, but from the North European point of view it is the kind of comment that elderly Margaret/Peggy might make [Хьюитт 2018: 38].

Хронотоп художественных произведений также может представлять сложность для адекватной интерпретации. К примеру, хронология мировых войн, по мнению комментатора, представляет лакуну, особенно для русскоязычного читателя:

the Great War – when the World War ended in 1918 it was referred to as The Great War or The War to End All Wars. Alas, 21 years later, war broke out in Europe again, leading to even more deaths and devastation. So after 1945, the Great War became known as the First World War [Хьюитт 2018: 32].

Следует отметить, что нацеленность на определенную аудиторию имеет решающее значение как для выбора единиц, попадающих в зону комментирования, так и характера объяснения. Следующие единицы комментария объясняются с помощью понятных русскоязычному читателю реалий:

a common – land belonging in common to all villagers. In Russia all land is common, whereas in England most land in the countryside belongs to a private landowner [Хьюитт 2007: 24].

to take a cure – this phrase is easier for Russians than for modern English readers to understand. You still have these sanatoria; we do not [Хьюитт 2007: 34].

Даже отрывок, который, на первый взгляд, не содержит иноязычных вкраплений, авторских словоупотреблений, или лексики, относимой к периферийной зоне словаря, может представлять сложность для соотнесения с контекстом и яв-

ляться причиной неполного понимания общего смысла диалога. Таким примером является односложный ответ на вопрос одного из героев, который можно интерпретировать и как положительный, и как отрицательный.

'Would a shilling be too much?' 'Of course' – in such conversations we can sometimes say 'Yes' and sometimes 'No', meaning the same thing. Комментатор также спешит внести ясность относительно ответа – *She means 'Of course it is all right to ask for that amount'* [Хьюитт 2007: 64].

Однако в целом, комментатор не ставит под сомнение осведомленность и эпистемическую ответственность автора. Несмотря на то, что в одном из романов составитель комментария указывает на неточность хронологии событий XX века, он все же призывает «довериться автору»: *You need to trust the author, especially if the novel contains a central mystery* [Хьюитт 2018: 18].

Итак, межкультурная коммуникация посредством иноязычного художественного текста нередко осложняется неполным пониманием текста читателем. Язык художественного текста отражает специфически национальный взгляд автора. Таким образом, эта культурно-маркированная информация представляет особую сложность для реципиента, не принадлежащего лингвокультуре автора. Средством сближения когнитивных полей адресанта и адресата и согласования их тезаурусов и фоновых знаний является лингвистический гипертекст, который позволяет определить описание объективной действительности как достоверное либо недостоверное. Можно сделать вывод, что лингвистический гипертекст является инструментом, который определяет эпистемическую ответственность автора и эпистемическую бдительность читателя.

Литература

Пьеса Дэвида Хэера «Такое бывает»: коммент. / науч. ред. К. Хьюитт; под общ. ред. Б. Проскурнина. Пермь: Перм. гос. нац. исслед. ун-т., 2014.

Роман Эммы Хили «Элизабет пропала»: комментарии / науч. ред. К. Хьюитт; под общ. ред. Б. Проскурнина. Пермь: Перм. гос. нац. исслед. ун-т., 2018.

Роман Эстер Фрейд «Дом у моря»: науч. ред. К. Хьюитт; под общ. ред. Б. Проскурнина. Пермь: Перм. гос. нац. исслед. ун-т., 2007.

Чепурная А.И. Эпистемическая ответственность в политическом дискурсе (на материале пресс-конференции Д. Трампа) // Научный диалог. 2017. № 7. С. 35-44.

M. V. Mineeva (Orenburg, Russia)
Orenburg State University

EPISTEMIC EVALUATION OF CULTURE-SPECIFIC INFORMATION BY MEANS OF LINGUISTIC HYPERTEXT

The article discusses the functioning of such cognitive mechanisms as epistemic responsibility and epistemic vigilance in linguistic hypertexts composed to foreign novels. Special attention is given to the effectiveness of linguistic commenting on the usage of culture-specific information for mutual understanding between the author and the reader.

Key words: foreign literary text, linguistic hypertext, background knowledge, epistemic vigilance, epistemic responsibility.

*И.К. Мухина (Екатеринбург, Россия)
Уральский федеральный университет имени
первого Президента России Б.Н. Ельцина
golst@el.ru*

ПРЕДСТАВЛЕНИЕ КАК СПОСОБ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ЗНАНИЙ О ЧУВСТВЕННОСТИ В СИНОНИМИЧЕСКОЙ КАРТИНЕ МИРА¹

Статья посвящена выявлению того, как характеристики представления как типа концепта (наглядность, обобщенность, смысловая емкость, способность фиксировать дискурсивные и недискурсивные знания, эмпиричность, естественность возникновения, динамичность, интерпретативность) проявляются в синонимической картине мира на основе обобщения представлений о чувственности, существующих в сознании носителей русского языка и репрезентированных в языковых единицах, вступающих в отношения сходства.

Ключевые слова: типы знаний, представление, прототип, синонимы, картина мира.

Среди многих типов концептов ученые-когнитологи выделяют такую разновидность, как представление. По мнению Н.Ф. Алефиренко, «представления – это уже обобщенные образы предметов и явлений: наиболее характерная особенность представления состоит в том, что в нем соединяется наглядность и обобщенность» [Алефиренко 2014: 34]. Выявлено, что формирование представлений в сознании происходит в процессе многократного восприятия объекта. Можно утверждать, что возникающий в сознании в результате этого когнитивного процесса обобщенный образ, объединяющий важнейшие селективные признаки, представлен в создаваемом коллективом ученых Уральской семантической школы словаре синонимов в зоне прототипа синонимического ряда, интегрируя «наиболее характерные свойства первичного денотата, обладающие мощным ассоциативно-образным потенциалом» [там же: 34].

Опираясь на исследования Н.К. Рябцевой, выделившей основные свойства ментальной структуры «представление» [Рябцева 2005], рассмотрим, какие из этих характеристик проявляются в синонимической картине мира, обобщив представления о чувственности, существующие в сознании носителей русского языка и репрезентированные в языковых единицах, вступающих в отношения сходства.

1. Смысловая емкость. Представления о чувственности как эмоциональном качестве человека репрезентированы в синонимической картине мира русского языка синонимическими номинациями, объединяющимися в синонимический ряд с доминантой ЧУВСТВЕННОСТЬ: *чувственность, возбудимость, книжн. эротизм, книжн. эротичность, книжн. эротомания, разг. физиология*, с типовой семантикой, свойственной всем членам синонимического ряда как общая кате-

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-18-00352 «Свод лексики как идеографическая карта мира: Универсальный словарь-тезаурус русского языка», <https://rscf.ru/project/22-18-00352/>.

гориально-лексическая сема эмоциональное качество человека, которая уточняется рядом дифференциальных сем: «эмоциональное качество человека, основанное на способности испытывать сильное телесное влечение по отношению к кому, чему-либо, заключающееся в склонности к плотским наслаждениям, интересе ко всему, что связано с проявлениями телесности».

2. Наглядность как явная связь с перцептивным восприятием. Данное свойство представления как типа концепта наиболее полно выражено в прототипе синонимического ряда, включающем как общие знания, которые складываются в результате непосредственного наблюдения за поведением человека («Чувственное влечение играет большую роль в жизни человека и может быть вызвано видом обнаженного тела, сексуальной привлекательностью партнера, проявляющейся во внешности, в манере поведения, в интимных касаниях. Крайним способом проявления данного эмоционального качества является особое внимание к изображениям, описаниям обнаженного тела, половых отношений») и отображаются также в лексических значениях лексем – членов синонимического ряда (например, эротомания «Книжн. Чрезмерно повышенная половая возбудимость, выражающаяся в болезненной склонности видеть проявление чувственности во всем»), так и фоновые национально специфичные знания («Существуют произведения литературы и искусства, характеризующиеся именно такой сексуальной направленностью. Многие художники пытались выразить чувственность в своем творчестве, так, одним из основных мотивов картин Густава Климта являлась обнаженная женская натура, за что его считают мастером эротизма»).

3. Способность, с одной стороны, фиксировать не только описанные выше недискурсивные результаты процесса познания действительности, отражение в сознании человека в виде представлений, понятий, суждений, но и дискурсивные знания, представленные в словарной статье идеографического словаря синонимов а) в зоне фразеологизмов, семантически связанных с основным синонимическим рядом ([молодая] кровь играет (бурлит, кипит) у кого, в ком; половые отношения; интимные отношения; грязное (чужое) белье; запретный плод; строить глазки; необычная сексуальная ориентация; сексуальные меньшинства); б) в примерах употребления лексем, входящих в синонимический ряд и отражающих их дискурсивную специфику, см., например, контексты употребления лексемы чувственность: Любить любовью, в которой преобладает **чувственность**, это – постоянно пылать страстью и постоянно страдать от неутолимой жажды желаний, тогда как любить чистою, сердечною, идеальною любовью – это находить наслаждение в полном самоотречении <...> (П. Ковалевский); Разморенный жарой и расслабленный ленью, Андрей смотрел, как мелькают в дрожащем воздухе между развешанными простынями ее обнаженные, с розовыми локотками, руки, и забытые волнения, так долго мучившие до отъезда из дома, всколыхнули его притупленную на время **чувственность** <...> (А. Дубчак); Жгучие ласки женщины вызвали у Никиты неведомый доселе трепет, а глубоко запрятанная **чувственность** вырвалась из него <...> (Г. Нипан); Насколько страсть избавляет от необходимости говорить, настолько продолжительные разговоры нейтрализуют **чувственность** (газ.); И между тем он незаметно окружал ее той нервной атмосферой истинной, напряженной, звериной страсти, кото-

рая даже на расстоянии, даже против воли, волнует чувственность женщины, делает ее послушной, подчиняет ее желаниям самца (А. Куприн); <...> любовь заостряет всякую **чувственность**, в том числе направленную на вещи, которые как бы расширяют осязательный объем желания <...> (М. Эпштейн); И вдруг в тебе поднимается грязь мыслей, телесных желаний, чувств, **чувственность** (Митрополит Антоний); А ведь мы полагаем и убеждены, что в человеке высшее борется с низшим. Что есть некая низшая природа человека: страсти, **чувственность**, аппетиты и пр., и есть еще высшая: дух, мысль, нравственность (М. Мамардашвили); <...> в нас обоих разом взыграла кровь Востока: мы долго целовали друг друга в глаза, то были самые ласковые поцелуи, те, о которых говорится в газеллах великих персидских лириков и порой еще в сказках «Тысячи и одной ночи» – там, где фантазия рассказчицы освобождается от пут **чувственности** и судорог страсти (П. Дубровин).

С другой стороны, способность, отмечая, выделять и регистрировать познавательную специфику прототипа синонимического ряда, основанную на осознании сущности эмоционального качества (например, «С проявлением и удовлетворением полового влечения связана совокупность биологических, психофизиологических, душевных и эмоциональных реакций, переживаний и поступков человека»), а также мыслительные составляющие прототипа – отдельные когнитивные признаки: «Считается проявлением «низшей» сущности человека, противопоставленной духовности, нравственности, мышлению».

4. Эмпиричность представления и его способность быть содержанием и частью жизненного опыта человека, его «практического» знания, см. прототип: «Человек, обладающий данным эмоциональным качеством обычно сам способен возбуждать чувственное желание у других людей. Чрезмерно повышенная половая возбудимость может выражаться в болезненной склонности видеть проявление чувственности во всем. У некоторых людей данное эмоциональное состояние может доходить до степени психического расстройства на эротической почве».

5. Естественность возникновения. По утверждению Н.К. Рябцевой, «представления об объекте как знание-опыт “возникает” естественно и независимо от воли субъекта (сами складываются, формируются, образуются)» [Рябцева 2005: 105], что, в частности, находит отражение в синонимической картине мира в том, что конкретное эмотивное качество репрезентирует в языке, а соответственно и в сознании носителей языка не один синонимический ряд, а вся совокупность синонимических рядов, которые, по мысли Л. Г. Бабенко, «раскрывают одну тему, совпадают семантически, хотя грамматически могут различаться, могут быть представлены в различных “грамматических масках”, отличаться модификационными значениями» [Бабенко 2020: 30].

6. Динамичность. «Представления изменяются, “насыщаются” и “растут” независимо от воли или усилий субъекта, в процессе практической деятельности, то есть при последующих контактах с объектом» [Рябцева 2005: 106]. Так, с основным синонимическим рядом с доминантой ЧУВСТВЕННОСТЬ, связаны 4 однокоренных близкородственных синонимических ряда: *чувственный, возбудимый, эротичный* «Способный приходить в половое возбуждение (о человеке)»; *чувственный, плотоядный, похотливый, сладострастный, сластолюбивый,*

разг. перен. масляный «Выражающий стремление к телесным наслаждениям, грубое половое влечение (о лице, взгляде и т. п.)»; *чувственный, плотский, сексуальный, телесный, эротичный, эротический* «Относящийся к телесным наслаждениям, располагающий к телесным наслаждениям; доставляющий физическое наслаждение»; *чувственно, возбуждённо, плотоядно, плотски, похотливо, телесно, сладострастно, сексуально, сластолюбиво, эротично, книжн. эротически* «Выражая состояние полового возбуждения или свидетельствуя о нем; с сильно выраженным половым влечением».

7. Интерпретативность представлений, в которых отражаются особенности концептуализации и интерпретации мира носителями языка. Прямая связь представления с воображением и фантазией детерминирует их перспективную направленность и креативность, творческий характер, что отражается в наличии в синонимическом ряду лексем с переносным значением: *физиология* «*Разг. Перен.* Грубая чувственность, осмысляемая исключительно как жизненная функция отправления живого организма».

Итак, представление в синонимической картине мира являет собой чувственный, эмпирически формируемый естественным путем образ предмета, явления, личности и одновременно обобщенные знания и опыт, мотивированные перцептивным восприятием в результате прямого контакта с ними, состоящий из отдельных когнитивных признаков, которыми носители языка руководствуются в поведении, поступках, отношениях с другими людьми.

Литература

Алефиренко Н.Ф. Фраземосемиозис в свете лингвокогнитивистики // Когнитивные исследования языка. 2014. Вып. XVIII. С. 33-36.

Бабенко Л.Г. Типы лексических множеств в структурно-семантическом, когнитивно-дискурсивном и лексикографическом освещении: динамика интерпретаций // Научный диалог. 2020. № 9. С. 9-47.

Рябцева Н.К. Язык и естественный интеллект. М.: Academia, 2005.

I.K. Mukhina (Ekaterinburg, Russia)
Yeltsin Ural Federal University

A WAY TO REPRESENT KNOWLEDGE ABOUT SENSUALITY IN A SYNONYMOUS PICTURE OF THE WORLD

This article identifies how the characteristics (clarity, generalizability, semantic capacity, the ability to record discursive and non-discursive knowledge, empiricity, naturalness of occurrence, dynamics, interpretativeness) of representation as a type of concept are manifested in a synonymous picture of the world based on a generalization of ideas about sensuality in the consciousness of native speakers of Russian and which are represented in language units that enter into similarity relations.

Key words: types of knowledge, representation, prototype, synonyms, picture of the world, sensuality.

*Е.М. Недопекина, Ц. Ха (Москва, Россия)
Российский университет дружбы народов
nedopekina_em@pfur.ru, 1042218071@pfur.ru*

ПРЕДСТАВЛЕНИЕ О СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ В КНР (НА ЛЕКСИЧЕСКОМ МАТЕРИАЛЕ КИТАЙСКИХ СМИ)

В данной статье рассматривается вопрос о роли СМИ в формировании образа современной Российской Федерации и ее граждан в сознании жителей КНР. В качестве материала исследования использованы статьи наиболее популярных сегодня в Китае газет, посвященных различным аспектам жизни современного российского общества.

Ключевые слова: Россия, Китай, СМИ, лексика, образ, сознание.

Россия и Китай представляют собой мощные цивилизационные центры, на международной арене сегодня это два крупных влиятельных государства с развитой культурой, экономикой, промышленностью и долгой историей взаимоотношений. В современном мире сотрудничество и контакты между этими странами становятся все более тесными, превращаясь в многоплановое стратегическое партнерство. За последние несколько десятилетий Российская Федерация начала восприниматься в КНР как равноправный партнер, способный удовлетворить экономические, промышленные, политические и научно-культурные требования современного китайского общества. Интерес к русскому языку, искусству, традициям и технологиям постоянно возрастает, что способствует дальнейшему развитию взаимного интереса двух народов.

Формирование отношения людей к зарубежному государству и его гражданам зачастую осуществляется силами средств массовой информации. Их ключевыми функциями является тщательный подбор новостной повестки, определение способов подачи материала и ассортимент языковых средств для создания необходимого образа страны-партнера в актуальном геополитическом контексте и даже в некотором смысле в пропагандистских целях. Таким образом, особый интерес лингвиста лежит именно в области изучения лексического материала статей наиболее популярных и влиятельных в стране периодических изданий, так как результаты подобного исследования могут помочь в оценке значимости средств массовой информации для формирования образа иностранного государства и его граждан.

Для ответа на поставленные в рамках данной работы вопросы на первом этапе был осуществлен отбор СМИ, статьи которых вызывают наибольшее доверие у граждан Китайской Народной Республики. Среди основных критериев также значились распространенность, периодичность издания, степень государственного участия в редакционной работе данной газеты и наличие у нее электронной версии. Затем формировался архив материалов, посвященных различным аспектам жизни и деятельности современной России. Круг тем, освещаемых в данных статьях, включал политику, экономику, военное дело, научно-технические достижения, образование и культуру. Наконец, на финальной стадии работы исследовались китайские лексические средства отобранных материалов с точки зрения их коннотации, выявлялось наличие в текстах слов, заим-

ствованных из русского языка, а также осуществлялся краткий анализ их семантики и стилистической окраски. Полученные данные способствовали определению вклада СМИ в формирование имиджа России и ее жителей у граждан КНР. Верификация исследовательских результатов осуществлялась путем сравнения их с показателями опросов общественного мнения, проведенных в Китае, по поводу отношения жителей КНР к своим российским соседям.

Согласно данным сайта «Рейтинг Китая» [Рейтинг Китая 2021], в тройку самых влиятельных газет Поднебесной входят газеты «Жэньминь жибао» [人民日报], «Справочные новости» [参政消息] и «Глобальные времена» [环球时报].

Издание «Жэньминь жибао», названная ЮНЕСКО в 1992 году одной из десяти лучших газет мира, является основным информационным органом Центрального комитета Коммунистической партии Китая. Газета была основана в 1948 году в провинции Хэбэй и отвечает за пропаганду идей и политики КПК, обнародование основных решений и планов партии, формирование и мониторинг общественного мнения, а также распространение актуальной информации в стране и за ее пределами. Она имеет самую большую читательскую аудиторию, насчитывает до 24 страниц и выходит ежедневно. С 2007 года была запущена электронная версия газеты, доступная в приложениях для смартфона, что сделало ее еще более читаемой.

Газета «Справочные новости», спонсируемая информационным агентством «Синьхуа», редактируемая и издаваемая информационным агентством «Цаньчжэнсяоси», была впервые опубликована 7 ноября 1931 года в Жуйцзине, и занимает второе место по популярности в Китае. Самая крупная по тиражу (3,4 миллиона экземпляров) эта газета является единственной в континентальном Китае, которая может легально публиковать ежедневную подборку иностранных новостей без вмешательства китайских редакторов, поэтому ее информация считается наиболее объективной.

«Глобальные времена» – третье по популярности издание в Китае, ведущее свою историю с 1993 года и представляющее собой международный новостной журнал, спонсируемый ЦК КПК. На страницах «Глобальных времен» всесторонне представляются новости зарубежных стран в соответствии с основными национальными критериями Китая. Данное СМИ публикуется раз в неделю в объеме 24 страниц, а тираж на данный момент превысил миллион экземпляров.

На веб-странице, например, «Жэньминь жибао» с 2000 года по настоящее время насчитывается 231 новостное сообщение о России и россиянах. Эти новости охватывают широкий спектр тем: 106 статей посвящены политике, 77 статей – об экономике, 35 – о культуре и 13 – о науке, технике и военном деле. Весь этот новостной массив можно условно разделить на позитивные, нейтральные и негативные сообщения. По количеству слов первое место занимают статьи, посвященные политике, наиболее короткие заметки – о культуре.

Анализ собранных медийных текстов о России и ее гражданах в обозначенных источниках за последние двадцать лет показывает, что чаще всего в статьях на тему политики употребляются такие китайские словарные единицы, как 伙伴 – *партнер*, 邻居 – *сосед*, 合作 – *сотрудничество*. Очевидно, что эти слова имеют

позитивную коннотацию и формируют у читателя положительный образ России. Они в определенной мере способствуют тому, чтобы китайцы сочувствовали россиянам, поддерживали (или, по крайней мере, не критиковали) политический курс соседнего государства в актуальной агрессивной геополитической ситуации

Что касается материалов на тему экономики, то в них часто фигурируют такие слова, как 一带一路 – *один пояс – один путь*, 石油 – *нефть*, 天然气 – *газ*, 粮食 – *зерно* и т.д., которые формируют в сознании жителей Китая образ России как крупного источника ресурсов, стратегически важного для Поднебесной. В статьях об образовании и культуре, встречаются, например, слова 多民族 – *многонациональный*, 奥运 – *олимпийские* и 芭蕾舞 – *балет*. Лексика, встречающаяся в текстах СМИ на тему военного дела, науки и техники, также показательна. Самыми частотными можно назвать слова 核力量 – *ядерная энергия*, 武器 – *оружие*, 卫星 – *спутник* и 空间站 – *космическая станция*, которые указывают на ключевые достоинства России в этих областях, с точки зрения китайцев. Интересно также отметить, что слова 芭蕾舞 – *балет*, 卫星 – *спутник* и 空间站 – *космическая станция* являются заимствованными в китайский язык из русского.

Современная Российская Федерация предстает в китайских СМИ как великая держава, активно участвующая в мировой политике и являющаяся важным стратегическим партнером Китая. Россия также видится в КНР значимой ресурсной базой и крупным культурным центром. Статьи на тему спорта пробуждают у китайской публики интерес к российской спортивной гимнастике, фигурному катанию и синхронному плаванию, одновременно делая их популярными у жителей Китая. Благодаря СМИ в сознании китайцев рождается представление о русском человеке как сильной личности, демонстрирующей примеры мужества в трудный момент истории своего государства, не чуждой гостеприимству и солидарности. В целом, образ России и россиян, создаваемый в ведущих китайских СМИ, безусловно, положительный.

Результаты проведенного лингвистического исследования подтверждаются сведениями крупнейшей китайской платформы «Чжиху» – 知乎网, публикующей данные опросов общественного мнения [Сайт Чжиху 2022]. На сайте данного источника был зарегистрирован 31 отклик жителей Китая на вопрос «Каков образ России в глазах китайского народа?». Среди полученных ответов негативные комментарии составляют около четверти, в то время как нейтральными и позитивными являются более 50% от общего числа сообщений. Посетители платформы Китая характеризуют Россию как страну с огромными ресурсами, высококвалифицированным населением, совершенной системой образования. Однако некоторые читатели сайта полагают, что у россиян холодный и воинственный характер. Тем не менее, как уже отмечалось, подобных откликов значительно меньше.

Таким образом, современное представление о России и россиянах, созданное в наиболее популярных проправительственных китайских СМИ, привлекательно. Данный факт подтверждает мысль о том, что роль средств массовой информации в формировании общественного мнения очень важна. Поэтому СМИ нередко способствуют созданию имиджа того или иного государства в том ключе, в котором это может быть интересно для успешного развития межгосударственных контактов.

Литература

Рейтинг Китая: Десятка самых влиятельных газет в Китае. 2021. URL: <https://www.phb123.com/shenghuo/pinpai/59022.html> (дата обращения: 01.03.2023).

Сайт Чжиху: Каков образ России в глазах китайского народа? 2022. URL: <https://www.zhihu.com/question/335143502/answer/2458834355> (дата обращения: 05.03.2023).

Веб-сайт Жэньминь жибао. URL: <http://www.people.com.cn/> (дата обращения: 05.03.2023).

*Е.М. Nedopekina, С. На (Moscow, Russia)
People's Friendship University of Russia*

THE IMAGE OF MODERN RUSSIA IN CHINA: LEXICAL MATERIAL FROM CHINESE MEDIA

This article focuses on the role played by the media in shaping the current image of the Russian Federation and its citizens in the minds of Chinese citizens. We studied articles from the most popular current Chinese newspapers devoted to various aspects of modern Russian life.

Key words: Russia, China, media, lexis, image, mind.

*Т.И. Попова (Санкт-Петербург, Россия)
Санкт-Петербургский государственный университет
Tropova13@gmail.com*

ЧЕГО МЫ НА САМОМ ДЕЛЕ НЕ ЗНАЕМ? О ДИСКУРСИВНЫХ ОСОБЕННОСТЯХ УСТОЙЧИВОЙ НЕОДНОСЛОВНОЙ ЕДИНИЦЫ (НУ) (Я) НЕ ЗНАЮ¹

В статье рассматриваются особенности дискурсивного употребления устойчивой неоднословной единицы (ну) (я) не знаю – из списка наиболее частотных три- и 4-грамм в корпусе русского языка повседневного общения «Один речевой день». Особенности употребления этой единицы соотносятся с когнитивным восприятием говорящего своей роли в коммуникации.

Ключевые слова: повседневное общение, речевой корпус, прагматический маркер, устойчивые неоднословные единицы, теория вежливости.

Стремление ряда единиц к формированию неоднословных устойчивых сочетаний, которые приобретают воспроизводимые лексические и грамматические паттерны, ставит когнитивно значимую задачу описания особенностей их функционирования в устном повседневном общении. Именно в процессе коммуникации эти единицы могут приобретать специфическое прагматическое значение, характерное для определенного языка, социальной группы и/или коммуникативной ситуации.

¹ Статья написана при финансовой поддержке гранта РФФИ (№ 22-18-00189) «Структура и функционирование устойчивых неоднословных единиц русской повседневной речи»

Описание подобного рода явлений приближает к пониманию того, как в речи отражается мышление. Понятие *неоднословных конструкций* пересекается с такими понятиями, как *коллокация*, *речевая формула* и даже *фрейм*. Таким образом когнитивные процессы могут быть описаны с помощью корпусных методов, которые позволяют обращаться к большому объему размеченных данных. Источником такого рода материала в настоящем исследовании стал корпус русского языка повседневного общения «Один речевой день» (ОРД) [<https://ord.spbu.ru>]. На материале этого корпуса сейчас проводится изучение устойчивых однословных единиц (УНЕ), выделение которых опирается на предварительно сформулированные свойства: 1) элементы УНЕ имеют ярко выраженную тенденцию к совместной встречаемости; 2) УНЕ некомпозициональны или не полностью композициональны; 3) УНЕ частотны или высокочастотны в устной речи; 4) они хранятся в памяти и воспроизводятся как единое целое.

Исследовательская выборка включает 510 макроэпизодов, которые содержат фрагменты звукозаписей разных типов речевой коммуникации, в основном профессиональной (деловой) и бытовой. В выборке представлены транскрипты речи 128 информантов, относящихся к разным социальным группам и выступающих в разных социальных ролях, а также более 1000 их коммуникантов (собеседников). Списки n-грамм для лингвистического анализа получены на выборке объемом в 1 239 791 токен.

На втором месте в частотном списке триграмм стоит единица *я не знаю* (616), а в списке 4-грамм – *ну я не знаю* (64). Особенности функционирования этой конструкции уже были описаны в исследованиях устной речи, но на другом материале (см., например: [ПМ 2021: 259-263]).

Конструкция *(ну) (я) не знаю* может функционировать в грамматико-синтаксической организации высказывания, образуя простое предложение с объектным распространителем, который по значению соотносится с членом основного высказывания, уточнить название которого или дать определение признается невозможным, или может находиться в главном предложении в структуре сложноподчиненного с придаточным изъяснительным [там же]. Были зафиксированы также случаи, когда *(ну) (я) не знаю* соотносится со значением неуверенности, сомнения говорящего, ср.:

• *хотя тут он изображено / что он наливает на двух человек и на себя / вот / не знаю хватит ли на всех чая / вот.*

Кроме того, было обнаружено активное функционирование данной конструкции в качестве хезитатива (48,7 %), что позволило включить ее в список прагматических маркеров устной речи [там же]. Однако материал ОРД выявляет и более специфичные случаи функционирования исследуемой УНЕ. Например, можно считать *я не знаю* способом выражения косвенного отказа:

1) И45: *так мы сегодня не будем печатать ? – Ж1: ну не знаю ещё(?) // пока нет;*

2) Ж2: *Лиз / поедешь / нет ? – Ж3: ну не знаю.*

Такая дискурсивная функция заложена в самой конструкции, поскольку в ней присутствует отрицательная частица *не*. Однако в научной литературе такая особенность УНЕ не зафиксирована. Так, в статье, посвященной экспери-

менту (60 участников), в результате которого были выявлены наиболее часто встречающиеся формы отказа на просьбу, отмечается, что чаще всего повторялись ответы *Нет* (28 раз), *Затруднит* (19 раз); часто встречались ответы *Не могу*, *Не хочу*, *Не буду*. Самым частым из них был ответ *Не могу*. Много было также ответов, начинающихся со слов *Извини(-те)* [Реброва 2012]. Вариант использования УНЕ (*ну*) (*я*) *не знаю* среди ответов не встретился.

В ОРД нашлись также случаи, в которых УНЕ выражает степень неуверенности говорящего:

3) Ж2: *а вот в этой самой школе / в двести тридцать девятой / там(:) если опоздал / то и (...) не пускают в школу вообще там вахтёры / которые не пускают – И130: ну не знаю / может быть на второй урок и можно.*

В ряде случаев можно отметить хезитационное использование (*ну*) (*я*) *не знаю*, часто сопровождаемое другими маркерами хезитации (в контекстах подчеркнуты):

4) *я б ещё его купила даже предположим там да сейчас Машку% попросила там не знаю / п... перевести там мне денег каких-нибудь (И61);*

5) *ну как сказать / это / недолго // вот / просто надо вот здесь вот // какую-то / ну не знаю там вот полосу и с другой стороны полосу на расстоянии (И61);*

6) *она просто может видит чек / что отвер... ну не знаю / отвернулась я (Ж2 # И77).*

Однако наибольший интерес представляют случаи, в которых УНЕ выступает в роли маркера старта, при этом фиксируется иллокутивное намерение говорящего, которое можно отнести к желанию снизить категоричность высказывания:

7) М6: *скажи пожалуйста вот откуда ты почему ты так считаешь вот на твоё мнение – И69: что ? что мне это не пригодится ? – М6: да – И69: ну я не знаю я в науку не собираюсь идти / а модели вот эти мне далеко вообще;*

8) И36: *слушай / давай попозже ! *П или ты сейчас хочешь ? – М3: не знаю / он не перебьёт же ... наоборот окончим(?) – И36: (н...н) ну слушай / он с...накроет сверху он – М3: ну не знаю / если хочешь (н...н) давай по плюшке (н...н).*

В примерах (7)-(8) говорящий не хезитирует и точно не выражает отсутствие какого-то знания. Перед тем как дать ответ на вопрос, он маркирует свою неуверенность. Такая УНЕ всегда находится в начале реплики/высказывания.

В примерах (9)-(12) стартовая позиция (*ну*) (*я*) *не знаю* сопровождается реализацией другого коммуникативного намерения говорящего: несогласия с позицией собеседника, которое сопровождается выражением своего мнения:

9) И102: *нет вы знаете говорит мы негосударственная организация в принципе мы вправе там ставить возрастны... возрастные рамки как мы хотим – Ж2: не знаю / я бы тоже возмущалась на месте этой женщины;*

10) И125: *вот / семья очень дружная у них вообще / у бабушки семья / то есть она такая вот / практично-деловая – Ж2: ну не знаю / (...) она содержанка получается;*

11) И89: *все доли отойдут в фитнес там (...) в сентябре / октябре / когда там начинаются готовиться к лету (?)* – Ж1: **ну не знаю** // я / я не понимаю таких людей / мне кажется это должно быть какое-то постоянное мероприятие;

12) И89: *я знаю / я пока не начал я меня не перестал... только когда начал есть (м) рыбу у меня перестали переломы быть* – Ж2: **ну не знаю** / у меня нет ни одного перелома и я не ем мяса семь лет.

Описанное дискурсивное своеобразие исследуемой УНЕ позволяет говорить о связи обнаруженных явлений не только с *теорией речевых актов* [Серль 1986], но и с лингвистической *теорией вежливости* [Brown, Levinson 1987], в рамках которой снятие категоричности является ключевой задачей при сохранении позитивного социального лица. Стоит отметить также необходимость дальнейшего изучения обнаруженных особенностей в гендерном аспекте, потому что уже зафиксирована тенденция к использованию УНЕ в функции стартового маркера в речи женщин, что соотносится с их стремлением к кооперативному общению [Попова 2021].

Видно, таким образом, что рассмотрение в когнитивном аспекте одной-единственной функциональной единицы устного дискурса выводит исследование на целый ряд различных уровней анализа, что во многом объясняет все возрастающий интерес лингвистов к повседневной речи.

Литература

ОРД – Корпус русской повседневной речи «Один речевой день». URL: <https://ord.spbu.ru/>

ПМ – Прагматические маркеры русской повседневной речи: словарь-монография / сост., отв. ред. и автор предисл. Н.В. Богданова-Бегларян. СПб.: Нестор-История, 2021.

Попова Т.И. Прагматические маркеры метакоммуникации: гендерный аспект // Вестник Пермского ун-та. Российская и зарубежная филология. 2021. 13 (3). С. 40-50.

Реброва П.В. Способы выражения согласия/несогласия в русском языке на примере коммуникативного акта просьбы // Молодой ученый. 2012. 3 (38). С. 262-265.

Brown P., Levinson S. Politeness: Some Universals in Language Usage. Cambridge: Cambridge University Press, 1987.

Серль Дж.Р. Что такое речевой акт? // Новое в зарубежной лингвистике. 1986. Вып. 17. С. 151-169.

*T.I. Popova (Saint -Petersburg, Russia)
Saint Petersburg State University*

WHAT WE REALLY DON'T KNOW: DISCOURSE FEATURES OF A STABLE MULTI-WORD UNIT (NU) (YA) NE ZNAYU

The article discusses the discursive use of the stable multi-word unit (nu) (ya) ne znayu. This unit is on the list of the most frequent three- and four-grams in the Russian corpus of everyday communication “One speech day”. The use of the unit correlates with the speaker's cognitive perception of his/her role in communication.

Key words: everyday communication, speech corpus, pragmatic marker, stable multi-word units, politeness theory.

М.В. Синцова (Архангельск, Россия)

Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова
sintsovamarv@gmail.com

КОГНИТИВНАЯ СУЩНОСТЬ АНГЛИЙСКИХ МЕДИЦИНСКИХ ТЕРМИНОВ ЗАБОЛЕВАНИЙ РЕСПИРАТОРНОЙ СИСТЕМЫ

Английская терминология заболеваний респираторной системы представляет собой сложную и многогранную систему, в которой, наряду с общепринятыми и официальными медицинскими терминами на государственном языке, вариантами из латыни или греческого языка, также существуют «народные» наименования заболеваний и явлений (вторичная номинация). На каждом из этих уровней просматривается связь между объектом и его репрезентацией в мышлении носителя языка, которая нередко носит метафоричный характер.

Ключевые слова: медицинский термин, заболевания респираторной системы, вторичная номинация, метафора, английский язык.

В терминологических единицах можно найти присущий данному историческому периоду вектор ориентации коллективного сознания. Следует отметить, что в современной медицинской терминологии наблюдается латино-греческое двуязычие [Новодранова 2008: 188]. Параллельное употребление греческих и латинских терминов способствовало распространению синонимии. При заимствовании термина из классических языков в медицинскую терминосистему английского языка происходило сближение концептуальных пространств двух взаимодействующих культур. Следует также добавить, что одной из основных целей концептуальных исследований терминологии является сопоставление фрагментов картин мира в разных языках [Коканова 2016: 331], например, исследований английских медицинских терминов заболеваний респираторной системы. Таким образом, необходимо рассмотреть вопрос о природе термина как когнитивно-коммуникативной единицы языка, подробнее изучить роль когнитивных процессов в номинации медицинских терминов.

Термин является оязыковленной информацией, полученной в результате опыта взаимодействия человека с предметным и виртуальным миром в процессе конкретной профессиональной деятельности [Голованова 2011: 67]. Таким образом, терминологическая система выступает когнитивной моделью определенной сферы человеческого знания и деятельности, является профессиональной картиной мира. Рассмотрим когнитивную составляющую некоторых терминологических единиц в области заболеваний респираторной системы в англоязычном медицинском дискурсе. Так, ключевым термином можно считать специальное слово *lung* – легкое, которое образовано от прагерманского слова *lungô*, что буквально означает «легкий орган». Соответствием этому термину в латыни будет корень *pulmo*, служащий полным соответствием. В основе термина лежит качественная характеристика органа, который он называет.

Помимо легких, в респираторную систему человека также входят нос (*nose/rhino* греч.), глотка (*throat/pharynx* греч.), гортань (*voice box/larynx* греч.), трахея (*windpipe/trachea* лат.), бронхи (*bronchi* греч.), диафрагма (*diaphragm*) и

грудная клетка (*chest/thorax* греч.) [Чернявский 2004: 25]. Для большинства перечисленных слов имеются общепризнанные термины на английском языке, а также их варианты, заимствованные из греческого языка или латыни. Если английские варианты могут использоваться в качестве самостоятельных слов, то греческие и латинские соответствия входят в состав сложных терминов, образованных суффиксальным способом, например, *rhinovirus* – *rhin(o)-* (нос) + *-virus* (вирус) – риновирус; *pharyngitis* – *pharynx-* (глотка) + *-itis* (воспаление) – фарингит или воспаление слизистой оболочки и лимфоидных тканей глотки; *laryngology* – *larynx(o)-* (гортань) + *-logos* (учение) – ларингология или учение о болезнях гортани и другие.

Из перечисленных выше терминов лишь два несут в своей основе метафорическое сравнение: *thorax* — в переводе с греческого «панцирь, броня, нагрудный доспех» [Liddell 1901: 689] и *diaphragm*, произошедшее от греческого слова, которое дословно переводится как «перегородка, забор» [Liddell 1901: 363]. Этимология остальных терминов имеет прозрачный характер, где термин либо называет только сам орган (*nose, bronchi, pharynx, larynx*), либо его греческий вариант носит описательный характер (*trachea* – шероховатое дыхательное горло) [Liddell 1901: 1570].

В большей степени связь человеческого восприятия с терминами прослеживается при рассмотрении заболеваний дыхательной системы. В первую очередь, это рак (*cancer*), название которого происходит от греческого *karkinos*, что переводится как «краб». Сходство исключительно внешнее: вздутые вены, покрывающие опухоль, напоминают ноги краба, хотя многие ошибочно полагают, что это сходство основано на том, как болезнь «ползет или подкрадывается, словно краб» [Sontag 1978: 10].

Другая, когда-то смертельная, но довольно опасная болезнь, – туберкулез (*tuberculosis/TB*), производное от латинского *tuberculum*. Дословно это переводится как «небольшая опухоль, бугорок или нарост». Во французском языке, до открытия в 1882 году Робертом Кохом микобактерии туберкулеза, словом *la tubercule* назвались любые бугорки на коже, опухоли, а туберкулез долгое время считали разновидностью рака [Sontag]. Лишь с развитием диагностических методов стало известно, что туберкулез далеко не всегда принимает форму опухоли.

У туберкулеза множество имен: Гиппократ назвал болезнь *pthisis* (фтизис), что в переводе с древнегреческого означает «увядание, поглощение» (поскольку человек буквально «тает на глазах»), и с древних времен по XVIII век в английском языке существовало название *consumption*, что представляет собой соответствие греческому варианту. В XIX веке болезнь именовали *the white death, the great white plague, the robber of youth, the graveyard cough, the Captain of all these men of Death* и другие [Frith 2014: 29]. Эти номинации явно указывают на страх и безысходность людей, столкнувшихся с этим смертельным заболеванием в XVIII и XIX веках, когда эпидемии туберкулеза уносили жизни миллионов. Первые два наименования легко поддаются объяснению: как в случае с бубонной чумой, известной как черная смерть и черная чума (*black death, black plague* соответственно), белый цвет указывает на цвет кожи человека на поздних стадиях заболевания. Вариант *the robber of youth* подчеркивает, что эпидемия уничтожает всех на своем пути, невзирая на возраст, а словосочетание *graveyard cough* указывает

на главный и наиболее явный симптом инфекции, а также предсказывает скорую смерть обладателю этого симптома. В то время, как предыдущие названия появлялись стихийно и не имеют за собой конкретного автора, последнее – the Captain of all these men of Death – строка из произведения английского писателя Джона Беньяна «Жизнь и Смерть Мистера Бэдмэна» (1680) [Meyer 2010], которая до сих пор не теряет популярности и наделяет название особым трагизмом.

Одно из наиболее распространенных респираторных заболеваний – грипп (*influenza, flu*). Исследователи спорят о том, когда человек впервые столкнулся с этим заболеванием, но достоверно известно, когда оно получило свое имя *influenza*. В 1743 году этот термин был использован для описания эпидемии, бушующей в Италии, и зафиксирован в газете the Gentleman's Magazine в мае 1743 [Quinn 2008: 41]. Однако, первые упоминания появились намного ранее, в 1504 году, когда появилось ошибочное предположение о том, что эпидемии возникают под влиянием звезд (в переводе с итал. *influentia* – влияние) [Knight 2014: 4]. Предположение основывалось на том, что эпидемии возникали раз в несколько десятилетий, без, казалось бы, каких-либо причин, поэтому их возникновение связывали с небом в астрономическом плане (расположение звезд, их близость к луне), так и в религиозном (существовало мнение, что таким образом Бог наказывает провинившихся) [Phillips 2008: 34]. Интересно отметить тот факт, что эпидемии чаще всего были зимой, поэтому «влияние звезд» сменило «влияние холода».

Как показывает практический материал исследования, английские медицинские термины заболеваний респираторной системы представлены в виде определенных концептуально-тематических областей в сознании человека. При создании терминов большую роль играет образное мышление (особенно перед лицом смертельных заболеваний и эпидемий), для номинации которых используют часто метафоризацию. Следует отметить, что все это не только не умаляют серьезность болезни (как в случае с туберкулезом), но даже ее усиливают, преумножая страх и беспокойство тех, кто с ней столкнулся. Кроме того, можно говорить и о положительных метафорах, связанных с респираторной системой – таких, как устоявшееся выражение «легкие планеты», когда мы говорим о деревьях, где сходство выражается в функции, которую выполняют и легкие человека, и деревья – насыщают кислородом.

Литература

Голованова Е.И. Введение в когнитивное терминоведение: учебное пособие. М.: Флинта, 2011.

Коканова Е.С. Межъязыковое заимствование в арктической терминологии: когнитивный аспект // Когнитивные исследования языка. 2016. № 26. С. 331-334.

Новодранова В.Ф. Именное словообразование в латинском языке и его отражение в медицинской терминологии. М.: Языки славянских культур, 2008.

Чернявский М.Н. Латинский язык и основы медицинской терминологии. М.: Медицина, 2004.

Frith J. History of tuberculosis Part 1 – Pthisis, consumption and the White Plague // Journal of Military and Veterans' Health. 2014.

Knight J. E. The Social Impact of the Influenza Pandemic of 1918-19: with Special Reference to the East Midlands. Thesis Submitted to the University of Nottingham for the Degree of Doctor of Philosophy. 2014.

Liddell H. G., Scott R. A Greek-English Lexicon. New York: Clarendon Press, 1901.

Meyer J. A. Tuberculosis, the adirondacks, and coming of age for thoracic surgery. New York, Division of Thoracic Surgery, State University of New York Health Science Center at Syracuse, 2010.

Phillips H. Why Did it Happen?: Religious Explanations of the "Spanish" Flu Epidemic in South Africa // Johns Hopkins University Press. Volume 9, Number 7, September/October 2008. P. 34-36.

Quinn T. Flu: A Social History of Influenza: London. New Holland Publishers. 2008. URL: <https://archive.org/details/flusocialhistory0000quin/page/n6/mode/1up?view=theater> (дата обращения: 07.04.2023).

Sontag S. Illness as Metaphor. New York: Farrar, Straus and Giroux, 1978.

M.V. Sintsova (Arkhangelsk, Russia)
Northern (Arctic) Federal University

COGNITIVE APPROACH IN STUDYING ENGLISH MEDICAL TERMS OF RESPIRATORY SYSTEM DISEASES

The English terminology of respiratory system diseases is a complex and multifaceted system where along with generally accepted and official medical terms in the state language, variants from Latin or Greek, one can find "folk" names of diseases and phenomena (secondary nomination). The connection between the object and its representation in the native speaker's mind is visible on each of these levels and is often metaphorical.

Key words: medical term, diseases of respiratory system, secondary nomination, metaphor, English.

T.A. Сироткина (Сургут, Россия)
Сургутский государственный педагогический университет
sirotkina71@mail.ru

ОНОМАСТИЧЕСКИЕ КОНЦЕПТЫ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ СОЗНАНИИ ПОЭТА АЛЕКСАНДРА КЕРДАНА

В докладе на материале поэтических текстов современного поэта Александра Кердана рассмотрены языковые средства репрезентации ономастических концептов.

Ключевые слова: ономастический концепт, поэтический текст, художественное сознание, Александр Кердан.

Как известно, выбор писателями и поэтами имен собственных для своих текстов не является случайным. Он отражает их представления «о различных областях ономастического пространства, принципах номинации человека и всего, что его окружает» [Сироткина 2013: 263]. Набор данных представлений отражается в художественном сознании автора.

Понятия «ономастического концепта» и «концептосферы онимов» были введены в научный оборот российским лингвистом А.С. Щербак [Щербак 2012]

и представляется нам релевантным для исследования и описания ономастикона текстов определенного писателя или поэта.

Целью настоящей статьи является рассмотрение основных ономастических концептов, образующих концептосферу текстов российского поэта Александра Кердана. Ключевыми концептами, образующими концептосферу автора, безусловно, являются *антропонимические*. Средствами репрезентации концепта Имя являются не только полные имена людей, но и функционирующие в лирике деминутивные формы, выполняющие фатическую функцию, т.е. показывающие включенность тех, к кому они обращены, в личный круг лирического героя:

Ванька за глупую драку на зону влетел
И, породнившись с блатною романтикой, сгинул,
Сашка в Афгане в подорванном танке сгорел,
Юрка в Чечне был расстрелян предательски, в спину.
Вовка, Валерка и Игорь спились на троих,
Не переплыли бодяги зеленую реку.
Я во дворе в сотый раз окликаю своих,
И – днем с огнем – своего здесь ищу человека» [Кердан 2021: 27].

Другой ряд антропонимов, репрезентирующий данный концепт, – имена людей, близких автору, друзей-поэтов, соратников по перу, единомышленников. В ряде стихотворений он обращается к Яне Чабан – исполнительнице старинных и современных русских романсов, своей жене:

Одуванчиков поляна,
Солнцеликая семья...
День погожий. Рядом – Яна,
Ненаглядная моя [Кердан 2021: 124].

К этой же группе относятся такие антропонимические единицы, как Коля Рачков, Вова Гладков, Коняев и многие другие:

Сколько в жизни печали и боли,
Шаг один – от сумы до тюрьмы...
А в стихах у Рачкова, у Коли –
Только свет, и ни капельки тьмы» [Кердан 2021: 42].

Уход из жизни близких по духу людей не может оставить поэта равнодушным. Как дань памяти ушедшим звучат в названиях стихотворений имена тех, кто покинул этот мир: «Памяти Евгения Пинаева» [Кердан 2021: 83], «На смерть Коли Коняева» [Кердан 2021: 151].

Не оставляют равнодушным А. Кердана и радостные события в жизни друзей, рождение их детей. Узнав радостные новости, он тут же пишет экспромты:

Только что проснулся, встал, умылся,
Вдруг звонок – и – сердце рвется вширь:
А Андрея Гяча сын родился,
Словно папа, сущий богатырь! [Кердан 2021: 263].

Наконец, третья большая группа антропонимов, с помощью которых вербализуется названный выше концепт, – имена знаменитых поэтов, известных исторических личностей. Особое место в этом ряду, безусловно, занимает имя А.С. Пушкина, в день рождения которого А. Кердан не может не написать:

А всему причина Пушкин,
Он родился в этот день.
И вздымать за это кружку

И кричать «виват» не лень!» [Кердан 2021: 197].

Являясь доктором культурологии, кандидатом философских наук, поэт запросто, можно сказать, по-дружески обращается к великим философам. Имена Платона, Декарта, Канта, Гегеля, Маркса являются ключевыми словами цикла «Философинки»:

Платон мне – друг, но истина дороже...

Так говорят, но все же, все же, все же,

Что значит истина, когда она

Любви наперекор пойти должна?

Уверен, что Господь меня услышит:

Любовь одна всех в мире истин выше» [Кердан 2021: 165].

Четыре портретные зарисовки, представленные в стихотворении «Эскизы», посвящены знаменитым деятелям искусства и науки – Сальвадору Дали, Альберту Эйнштейну, Георгию Свиридову, Федору Достоевскому:

Его романы и эссе,

Они, на самом деле, все – одна пронзительная повесть –

О том, что есть на свете совесть.

Имена известных личностей, совмещаясь в рамках одного культурного пространства, образуют некий конгломерат смыслов, ценностный вектор региональной и российской культуры. Подобные антропонимы выполняют уже символическую функцию, как, например, в стихотворении «У памятника Жукову в Екатеринбурге»:

Да, летописец – тоже воин

И полководец звонких слов...

В одном строю навеки двое –

И маршал Жуков, и Бажов [Кердан 2021: 159].

Ведущую роль в создании хронотопа лирических текстов А. Кердана играют **топонимические концепты**.

Главным из них можно назвать концепт Россия. В стихотворении «В ожидании праздника он пишет»:

Разворована князьями, изувечена –

Нет печалям ни начала, ни конца...

Ты, Россия, колокольнями отмечена,

Под присмотром у Небесного отца [Кердан 2021: 282].

Другой важный концепт – Урал – предстает перед читателем в разных ипостасях: это и величественные горы, не хуже Памира [Кердан 2021: 233], и милая сердцу малая Родина (он родился в село Коркино Челябинской области)

Люблю центральную Россию,

Ее равнины и холмы,

Церквушки, нивы золотые

И рощ березовые сны.

Я в тех местах бродил немало,

Но никогда не забывал

О том, что родом я с Урала,

Что ждет меня родной Урал [Кердан 2021: 160].

Особое место среди средств вербализации концепта Урал занимают гидронимы – названия рек. Порой кажется, что ты вместе с лирическим героем плы-

вешь по родным уральским рекам, вглядываешься вдаль, встречаешь на пути знаменитые камни:

А у нас по Чусовой
Можно плыть до Камы
И Невьянской башни увидеть поклон.
Здесь и Синячиха,
Здесь и Тальков камень,
И над Верхотурьем
Благовеста звон [Кердан 2021: 322].

Наряду с официальными топонимами используются в текстах А. Кедана и неофициальные. Они придают поэтическим строкам непринужденность и доверительность, позволяют признать читателя «своим», «местным»:

В родной Челябине дышится легко...
Экологи, заткните ваши уши,
Оставьте крик «Спасите наши души!» -
Здесь небо над дымами высоко [Кердан 2021: 315].

Топонимы, образующие рассматриваемый концепт, вступают в определенные связи и отношения. Поэт то ставит их в один ряд по семантической близости, то противопоставляет друг другу, как, например, в стихотворении «Некрасовский мотив»:

Гармоника играет.
Звенит в кармане грош.
Я – не пророк, но знаю
Оно, что Пермь-Вторая
Не станет первой тож...

Наверное, не только жители Перми понимают, что Пермь I – вокзал более старый, связанный с исторической Пермью, построенный еще в XIX веке, в 1879 году, через год после смерти Некрасова, написавшего свою «Железную дорогу». Лирический герой стихотворения сидит на Перми-Второй и называет себя «последним поэтом», которому не суждено стать первым, как и Перми II не стать Пермью I.

Важную роль в текстах поэта играют *геортонимические концепты* – названия праздников. Главные из них – православные: Рождество, Пасха:

Напрасно каркали вороны,
День Пасхи все же наступил...
И колокольные трезвоны
Звучат во имя светлых сил» [Кердан 2021: 185].

Упомянуты в стихотворениях поэта и новые российские праздники, однако лирический герой данных текстов испытывает к ним сложные чувства:

Что за праздник – «День России»,
Если каждый день со мной
Небосвод бездонный синий,
Ветер солнечный шальной [Кердан 2021: 59].

Другие эмоции вызывает День поэта Петра Суханова в Сургуте. Так называется одно из стихотворений Александра Кердана, в котором очень точно определена роль Сургута в жизни известного сургутского поэта:

Потом просоленный круто,
Горький, как факелов дым,

Вырос он вместе с Сургутом,
Стал он Сургутом самим [Кердан 2021: 103].

Таким образом, ономастикон поэтических текстов А. Кердана – это квинт-эссенция смыслов, заложенных в них. Выполняя различные функции, имена собственные не только служат для номинации героев и места, но и отражают отдельные вехи биографии поэта, его мировосприятие, отношение к реалиям прошлого и современности. Функционируя в пространстве текстов поэта, они взаимосвязаны и взаимодействуют между собой, отвечая на вопросы читателя или же, наоборот, ставят перед ним те вопросы, на которые он еще долго будет искать ответ.

Литература

Кердан А.Б. Собрание сочинений в шести томах. Том шестой: Стихотворения. Песни. Переводы. Сказки. Очерки. Екатеринбург: Изд-во «АсПУр», 2021.

Сироткина Т.А. Ономастические концепты в художественном сознании автора // Язык – текст – дискурс: картина мира в свете разных подходов. Самара: Изд-во «Самарский университет», 2013. С. 263-269.

Щербак А.С. Общерусское слово в аспекте теории репрезентации региональной концептосферы онимов // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2012. Вып. 4. С. 246-251.

T.A. Sirotkina (Surgut, Russia)
Surgut State Pedagogical University

ONOMASTIC CONCEPTS IN THE ARTISTIC CONSCIOUSNESS OF POET ALEXANDER KERDAN

The report will consider the means of representing onomastic concepts used in the poetry of Alexander Kerdan.

Key words: onomastic concept, poetic text, artistic consciousness, Alexander Kerdan.

Уэнь Гаова (Москва, Россия)
Московский педагогический государственный университет
Синцзянский педагогический университет
2747981051@qq.com

ЯВЛЕНИЕ КЕННИНГА В РАКУРСЕ ТЕОРИИ КОНЦЕПТУАЛЬНОЙ ИНТЕГРАЦИИ

Статья посвящена особому явлению кеннинга, присущее древнеанглийскому поэтическому творчеству. В данной работе рассматривается определение, особенности кеннинга на основе анализа применяемых кеннингов в древнеанглийской эпической поэме «Беовульф» в ракурсе теории концептуальной интеграции.

Ключевые слова: кеннинг, теория концептуальной интеграции, ментальное пространство, метафора, композит, древнеанглийская поэзия, «Беовульф».

Кеннинг(kenning) является одним из стилистических приёмов, который характерен для древнеанглийского поэтического творчества. Слово кеннинг про-

исходит от древненорвежского языка «*kenna*», что означает «знать, распознавать, воспринимать или чувствовать» [Online Etymology Dictionary]. По своему происхождению кеннинги первоначально возникли в древненорвежской скальдической поэзии и достигли высочайшего уровня искусства в древнеисландской литературе. Кеннинги представляет собой неотъемлемый элемент поэзии скальдов, которыми назывались древнескандинавские поэты-певцы IX-XIII вв.. Что касается определения кеннинга, то нет его единой формулировки и даже учёные расходятся во мнениях о нём.

В «Оксфордском словаре английского языка» термин «кеннинг» определяется следующим образом: «составное выражение в древнеанглийской и древненорвежской поэзии с метафорическим значением» [Oxford Dictionary of English, 2003: 952]. В «Большой Российской энциклопедии» «кеннинг» описывает как: «(от др.-исл. *kenning*, букв. – охарактеризованный), образное выражение в древней германской поэзии. Строилось на основе перифразы... Кеннинг включает так называемую основу и определение» [БРЭ 2009: 573].

Л.А. Манерко отмечает, что кеннинг – это сложное слово (композит), используемое для создания особого стилистического эффекта. Синтаксическая сложность оригинальных составных слов достигалась за счет широкого использования двойных метафор в лексических единицах. Сложные слова должны быть расшифрованы, как подсказки в головоломке или кроссворде [Манерко 1998: 183].

По мнению А.И. Смирницкого кеннинг особенно характерен для поэзии скальдов и занимает особое место среди сложных слов и равносильных им фразеологических единиц, он представляет собой описательно-метафорическое обозначение предметов действительности. Большое количество кеннингов встречается только один раз, и не все они входят в традиционный, постоянный лексический состав языка. Большинство из них были созданы отдельными авторами только на данный случай и характеризуют в отношении гибкости его лексической системы и возможностей её свободного роста [Смирницкий 1998: 173-174].

Таким образом, мы замечаем, что термин «кеннинг» тесно связан с рядом понятий, таких как сложное слово (композит), метафора, перифраз. То, что отличает кеннинг от более широкого класса композита и какое его отношение с метафорой. Здесь мы разделяем мнение В. Броза, который сфокусировался на семантических различиях и важных особенностях кеннинга и предложил относительно узкое определение кеннига: двухчастная фигура, которая может быть однословным соединением или двумя отдельными словами, состоящими из метафорической основы (т.е. образа-метафоры) и детерминанта (т.е. метонимии), который обеспечивает ассоциативную связь. Основа выражает то, с чем сравнивается референт, а детерминант, который является первым элементом композита, служит для преодоления расхождения в значении между основой и референтом [Broz 2011: 183].

Материалом для данной статьи послужили кеннинги, используемые в тексте англосаксонского эпоса «Беовульф», который является наиболее ярким примером использования кеннинга в древнеанглийском языке. «Беовульф» состоит из 3182 строк, действие которого происходит в древней Скандинавии (Дания и Швеция), рукопись «Беовульфа» была написана на рубеже X-XI веков на древнеанглийском (англосаксонском) диалекте. Сложность кеннинга включает-

ся в интегративном эффекте его составных компонентов, метафорические отношения между которыми образуют новое пространство семантики кеннинга. Мы считаем полезным использовать модель теории концептуальной интеграции для понимания семантики кеннинга.

Теория концептуальной интеграции, предложенная Ж. Фоконье и М. Тернером [Fauconnier 1994; Fauconnier and Turner 1998, 2002], также называется теорией концептуального смешения или теорией блендинга. Она относится к набору когнитивных операций по смешиванию слов, образов и идей в сети «ментальных пространств» для создания смысла.

В отличие от теории концептуальной метафоры, которая включает два домена или концептуальных структуры, полная концептуальная интеграционная сеть состоит минимум из четырех ментальных пространства или когнитивных областей: два исходных пространства (input spaces), общее пространство (generic space) и смешанное пространство (blended space). Количество исходных пространств может быть больше двух. Общее пространство содержит концептуальную структуру, которая является общей для исходных данных, и смешанное пространство, где выбранные элементы из исходных данных объединяются в новую структуру.

Приведём пример: *hronrād* - море. Оно состоит из *hron* «кити» *rād* «дорога» [Смирницкий, 2008: 205,240], т.е. дорога кита. В раннем Средневековье существование скандинавов было тесно связано с морем, дороги можно разделить на водные и наземные. Здесь кит плавает в море – первое вводное пространство, и второе вводное пространство – транспорт движется по дороге, например: корабль плывет на морских водных путях, так что здесь интегрированное пространство представлять собой сценарий движения. Таким образом, смешанное пространство будет работать следующим образом: кит, как животное, движется по морю; море – это его дорога движения.

Что касается собственного имени *Beówulf*, т.е. главный герой одноименной поэмы, то С. Генри предположил, кеннинг *Beówulf* буквально означает на древнеанглийском языке «пчела-волк» или «пчелиный охотник», и он передаёт в своей внутренней структуре понятие «медведь» [Henry 1888: 202]. В этом кеннинге общие исходные пространства: *beó* «пчела» и *wulf* «волк». Древнеанглийское слово *beó* «пчела» – жалящее насекомое, производящее воск и мёд [Online Etymology Dictionary]. Англосаксы, как и многие древние европейские народы, казалось, имели двойное восприятие волков. С одной стороны, волков боялись и ненавидели. С другой стороны, волк является символом силы, он заслужил уважение за свирепость и храбрость [Там же]. Медведи в современном европейском фольклоре, как известно, любят мёд и будут нападать на пчелиные ульи, игнорируя укусы, чтобы добраться до мёда, найденного внутри. Медведь и волк оба являются хищниками, то есть такие биологические организмы, осуществляющие поедание других живых существ. Таким образом, можно описать смешанное пространство как: когда медведь сталкивается с пчелами, то ведёт себя как голодный волк.

Мы нашли в «Беовульфе» такие кеннинги для передачи понятия солнца, как: *woruldacandel* – свеча мира, *rodores candel* – свеча неба. Первое вводное про-

странство *woruld* – мир [Смирницкий 2008: 287] и *rodor* – небеса, небо, верхние регионы [Bosworth, 1882: 801], оба служат для номинации пространства. Второе исход *candel* – свеча [Смирницкий 2008: 160] – из лат. *candela* «свеча из воска или жира» и *candere* «сиять, светить, гореть» [Klein, 1971: 110]. Солнце находилось высоко в небе и служит для освещения мира днём [Чулкова 2021: 116]. Что касается второго вводного пространства, то *свеча* дает свет ночью или в тёмной комнате, в этой метафоре свеча отображается на солнце, и оба они являются светящимися объектами. Таким образом, общее пространство – это объект, который даёт свет или освещение. Смешанное пространство можно описать следующим образом: солнце – это свеча, которая освещает пространство мира или небо.

Итак, можно сделать вывод о том, что в узком смысле, кеннинг – это сложное слово (композит), состоящее из двух компонентов, центрального слова в метафорической связи и модификатора в метонимической связи, либо в виде одного слова, либо в виде фразы, состоящей из двух слов, которые связаны по ассоциации или воображению с референтом. Один и тот же предмет может быть выражен разными кеннингами, но их исходные пространства будут разными в каждом случае. Кеннинги построены на запутанной сети метафор и метонимий, и теория концептуальной интеграции требует большой интуитивной проработки, чтобы объяснить концептуальную структуру в примерах; к тому же наши знания об англосаксонской культуре недостаточны для всеобъемлющей спекуляции, необходимой для убедительного анализа блендинга. Хотя с теорией концептуальной интеграции не может вовсе помогать в объяснении сложной семантической структуры кеннинга, но она в некоторой степени описывает сложный процесс восприятия семантики кеннинга.

Литература

Bosworth J. An Anglo-Saxon Dictionary: Based on the Manuscript Collections of the Late Joseph Bosworth. Clarendon Press, 1882.

Fauconnier G. Mental Spaces: Aspects of meaning construction in natural language. Cambridge: Cambridge University Press, 1994.

Fauconnier G., Turner M. Conceptual Integration Networks // Cognitive Science. 1998. № 22. P. 133-187.

Fauconnier G., Turner M. The Way We Think: Conceptual Blending and the Mind's Hidden Complexities. New York: Basic Books, 2002.

Klein E. Klein's Comprehensive Etymological Dictionary of The English Language. Amsterdam, London, New York, 1971.

Sweet H. Anglo-Saxon Reader in Prose and Verse The Clarendon Press, 1888.

Vlatko Broz. Kennings as blends and prisms // Jezikoslovlje. 2011. № 2. С. 165-186.

Манерко Л.А. Этимология английского языка через историю народа Великобритании: учебное пособие. Рязань: Ряз. гос. пед. ун-т им. С.А. Есенина, 1998.

Смирницкий А.И. Древнеанглийский язык. М.: МГУ им. М.В. Ломоносова, 1998.

Смирницкий А.И. Хрестоматия по истории английского языка с VII по XVII века с грамматическими таблицами и историко-этимологическим словарём: учеб. пособие. М.: Изд. центр «Академия», 2008.

Чулкова Е.А. Языковые особенности астрономической картины мира древних германцев в донаучный период ее развития (на материале древнеанглийского и древнеисландского языков): дис. ... канд. филол. наук. М., 2021.

伍小玲 综述古英语诗歌修辞手法kenning语义的四个维度与概念整合理论的引入/ 海外英语 2015. № 18. С. 196-197. (By Сяолин. Четыре измерения семантики кеннинга и введение теории концептуальной интеграции // Зарубежный Английский язык. 2015. № 18. С. 196-197.)

Online Etymology Dictionary. URL: [https://www. etymonline.com](https://www.etymonline.com) (дата обращения: 09.02.2023).

*Wuren Gaowa (Moscow, Russia)
Moscow State Pedagogical University
Xinjiang Pedagogical University*

THE PHENOMENON OF KENNING IN THE PERSPECTIVE OF CONCEPTUAL INTEGRATION THEORY

The article is devoted to the phenomenon of kenning inherent in Old English poetry. This paper examines the definition and characteristics of kenning on the basis of an analysis of the use of kenning in the Old English epic poem "Beowulf" in the context of the theory of conceptual integration.

Key words: kenning, theory of conceptual integration, mental space, metaphor, compound, Old English poetry, Beowulf.

*О.С. Федотова (Рязань, Россия)
Рязанский государственный университет имени С.А. Есенина
o.fedotova@365.rsu.edu.ru*

МЕТАДИСКУРС КАК РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ЗНАНИЙ АВТОРА ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПРОИЗВЕДЕНИЯ О МИРЕ

В статье показано, что автор англоязычного художественного нарратива ведет прямой диалог с читателем на разнообразные темы. Подобные отступления от фикциональной реальности, в которых автор делится с читателем своими знаниями о мире, представлены как метадискурс. Метадискурс имеет свою систему маркеров-указателей, которые помогают выделить его в тексте.

Ключевые слова: метадискурс автора, фикциональная реальность, маркеры метадискурса, временной сдвиг, генерализация, личные местоимения.

Художественный текст как многомерное образование включает в себя большое количество разнообразной информации. Представляется возможным разделить эту информацию на два блока. С одной стороны, речь идет о фикциональной реальности художественного произведения, о действующих в ней персонажах, их поступках, эмоциях, чувствах и т.п. С другой стороны, существует определенная система, которая структурирует сюжетную линию и перемещение персонажей в пространстве. Иными словами, выделяется метадискурс, при помощи которого автор произведения подает читателю информацию таким образом, чтобы он ее правильно понял. В целом, текстовая связность представляется плодотворной областью лингвистических исследований, что далеко не случайно, так как именно то, как отдельные части дискурса соединяются между собой, и составляет в итоге конечный продукт. По мнению О.А. Турбиной и О.А. Савельевой, «текстовая связность представляет собой систему отношений, организо-

ванную на основе принципа эксплицитного и имплицитного объединения текстовых элементов, позволяющего реципиенту воспринимать текст как связный и получать из него полную информацию» [Турбина, Савельева 2006: 53].

Метадискурс автора, в свою очередь, можно представить как определенную структуру, связывающую текст в единое целое и имеющую свою систему маркеров [Федотова 2021]. Рассмотрим основные показатели, позволяющие нам «увидеть» проявления автора в тексте.

В первую очередь необходимо выделить личные местоимения *we* и *you*, которые указывают на «соединение» автора и читателя в едином пространстве. Появление местоимения *we* говорит о том, что автор отождествляет себя с читателем, высказывая идеи, актуальные во все времена. Например:

(1) «*They possess and enjoy early, and it does something to them, makes them soft where we are hard, and cynical where we are trustful*» [Fitzgerald 1979: 97].

При помощи местоимения *you* автор в определенной степени отдаляет себя от читателя:

(2) «*Anthropology is a science which requires you to observe your fellow men and women, their traditions and their beliefs, as you would members of another species*» [Jensen 2012: 23].

В англоязычных художественных произведениях нередко встречаются риторические вопросы, которые также можно считать проявлениями метадискурса автора. Подобные обращения к читателю как бы останавливают течение фикционального времени, заставляя читателя задуматься о поднимаемой автором проблеме. Отметим, что риторические вопросы можно разделить на две тематические группы. К первой группе относятся вопросы, связанные с событиями фикциональной реальности и жизнью персонажей:

(3) «*Self-exposure was inevitable the moment she described a character's weakness; the reader was bound to speculate that she was describing herself. What other authority could she have?*» [McEwan 2007: 5].

Ко второй группе риторических вопросов относятся вопросы, затрагивающие проблемы, выходящие за рамки фикциональной реальности художественного произведения:

(4) «*How could a woman know that you meant nothing that you said; that you spoke only from habit and to be comfortable?*» [Hemingway 1991: 44].

В контексте (5) автор делится своими наблюдениями за миром природы. На метадискурс указывают глаголы в настоящем времени (*blows, are, fall*), то есть временной сдвиг из прошлого в настоящее. Повествование о событиях фикциональной реальности ведется в прошедшем времени. Когда автор напрямую обращается к читателю, он делает это в настоящем времени, соединяясь таким образом в едином временном пространстве с читателем.

(5) «*When the wind blows the leaves off the trees they are cheerful and good to walk through and the trees are the same, only they are without leaves. But when the leaves fall from the rain they are dead and wet and flat to the ground and the trees are changed and wet and friendly. It was very beautiful coming along the Hudson but it was the sort of thing I did not know about and it made me wish we were back at the lake*» [Hemingway 1998: 578].

Нарушение временной последовательности повествования также является показателем метадискурса. Чтобы сохранить связь между важными событиями, автор напоминает читателю о том, что происходило в произведении ранее:

(6) «*He walked about the streets and outskirts of the town, lingering here and there till he reached the stone bridge of which mention has been made, an accustomed halting-place with him now*» [Hardy 1964: 266].

В метадискурсе автор выходит на уровень обобщения, поэтому можно предположить, что абстрактные существительные также указывают на диалог автора с читателем. В контексте (7) автор рассуждает об особенностях женского характера. Существительные *life, mystery, women* относятся и к событиям фикциональной реальности, и в то же время, высказывание может быть отнесено к более широкому контексту и применимо ко всем женщинам без исключения.

(7) «*David arched an eyebrow and looked ridiculous. And still women went out with him. Life was a mystery. So were women*» [Cruise 2004: 16].

Исследование показало, что достаточно редко маркеры метадискурса выступают по-отдельности. В большинстве случаев они «работают» в комплексе. Так, например, в одном контексте часто встречаются такие показатели, как временной сдвиг, сентенциональность, модальные глаголы, риторические вопросы, местоимение *you* или *we*. Рассмотрим следующий пример:

(8) «*Or something like that, thought Bond as he pushed his way through the swing doors of the salle privee and nodded to the bored man in evening clothes whose job it is to bar your entry and your exit with the electric foot - switch which can lock the doors at any hint of trouble. And the casino committee would balance its books and break up to its homes or cafes for lunch. As for robbing the caisse, in which Bond himself was not personally concerned, but only interested, he reflected that it would take ten good men, that they would certainly have to kill one or two employees, and that anyway you probably couldn't find ten non - squeal killers in France, or in any other country for the matter of that*» [Fleming 2012: 3].

В данном контексте автор высказывает свое мнение о работе казино и сложности в поиске хороших киллеров. Показателями метадискурса здесь выступают временной сдвиг в первом метадискурсивном отступлении (*whose job it is*) и сослагательное наклонение во втором (*you probably couldn't find*). На обращение к читателю также указывает местоимение *you* (*to bar your entry*), отсылка к реальному городу (*in France*) и использование разговорных клише (*anyway*).

Еще в одном примере автор рассуждает о трудностях при покупке подержанного автомобиля:

(9) «*You could never get a good deal from a used car salesman; they sold cars all the time and you only bought a couple in a lifetime so they always won. Statistically speaking, you were toast before you walked on the lot. She could only imagine how many women this guy had mutilated in his lifetime. The mind boggled*» [Cruise 2004: 21].

Использование местоимения *you*, условного наклонения (*you could never get; you only bought*) и вводного оборота (*statistically speaking*) сближает рассматриваемое метадискурсивное отступление с устной беседой. На уровень генерализации выводят наречия *never* (*could never get*) и *always* (*they always won*).

Итак, на основании вышесказанного можно сделать общий вывод о том, что автор англоязычного художественного произведения ведет диалог с читателем по темам, связанным напрямую и не очень связанным с фикциональной реальностью художественного произведения. При помощи отступлений писатель выражает свое мнение об окружающей его реальности. При правильном декодировании подобных отступлений можно хорошо представить себе точку зрения автора по многим актуальным вопросам. Основными маркерами, позволяющими выделить метадискурсивные высказывания, являются личные местоимения, риторические вопросы, временной сдвиг, использование абстрактных существительных.

Литература

Турбина О.А., Савельева О.А. Принцип классификации текстовых связей // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Лингвистика. 2006. № 6 (61). С. 53-59.

Федотова О.С. Принципы конструирования англоязычного художественного нарратива (к проблеме дискурса и метадискурса художественной прозы). М.: «Издательско-торговый Дом «ПЕРСПЕКТИВА», 2021.

Cruise J. *Bet Me.* N.Y.: St Martin's Press, 2004.

Fitzgerald F.S. *Selected Short Stories.* М.: Progress Publishers, 1979.

Fleming I. *Casino Royale.* N.Y.: Vintage, 2012.

Hardy T. *The Mayor of Casterbridge.* Moscow: Progress Publishers, 1964.

Hemingway E. *The Porter // The Complete Short Stories of Ernest Hemingway.* N.Y.: Scribner Paperback Fiction, 1998. P. 571-578.

Hemingway E. *On the Quay at Smyrna // The Complete Short Stories of Ernest Hemingway.* N.Y.: Scribner Paperback Fiction, 1998. P. 63-64.

Jensen L. *The Uninvited.* London-Berlin-New York-Sidney: Bloomsbury Circus, 2012.

McEwan I. *Atonement.* N.Y.: Vintage, 2007.

O.S. Fedotova (Ryazan, Russia)

Ryazan State University named after S.A. Yessenin

METADISOURSE AS A MEANS OF REPRESENTING AN AUTHOR'S KNOWLEDGE ABOUT THE WORLD

The paper shows that the author of English fiction carries out an explicit dialogue with the reader on different topics. These deviations from fictional reality where the author shares with the reader their view of the world are called metadiscourses. Metadiscourse has its own system of markers, which help to recognize it in the text.

Key words: author's metadiscourse, fictional reality, markers of metadiscourse, time shift, generalization, personal pronouns.

Л.А. Фурс (Тамбов, Россия)

Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина

ИНТЕРПРЕТАТИВНАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ЗНАНИЙ В СИНТАКСИСЕ¹

В статье рассматривается интерпретативная репрезентация как возможность языковой единицы объективировать совокупность смыслов в коммуникации. В качестве средств такой репрезентации выделяются конструкции с межличностными парентезами, конструкции с лексикализованными фразеологизмами, синкретичные конструкции и непрототипические комплименты. Установлено, что данные конструкции являются двусмысленными и могут быть интерпретированы с позиций полярных фокусов оценки наблюдателя, что свидетельствует о наличии потенциально конфликтной семантики.

Ключевые слова: интерпретативная репрезентация, смысловая объемность, двусмысленность, оценка, конфликт.

Обоснование интерпретативной репрезентации знаний в синтаксисе сопровождается рядом положений. Прежде всего, это осознание необходимости учета «фактора неравномерной нагруженности» единиц языка в коммуникации (подробнее см.: [Бондарко 1983: 31]). Значимость этого фактора в коммуникации подчеркивалась также Е.С. Кубряковой, отметившей, что «знак удерживает и фиксирует отнюдь не всю информацию, связанную с обозначаемыми объектами или ситуациями, зато он фокусирует внимание на вполне определенных их чертах или деталях и переводит такие характеристики в разряд четко осознаваемых сознанием. Вместе с тем, закрепляя выбранным знаком особую структуру знания, мы как бы оставляем открытой возможность имплицировать тем же знаком естественно связанную с ним и ассоциируемую с ним информацию» [Кубрякова 1999: 10]. На наличие у знака не только прямых значений, но и разного рода «выводных, или же инференциальных значений» указывал также М.В. Никитин [Никитин 1996: 110]. В этой связи **интерпретативная репрезентация** определяется как репрезентация совокупности смыслов, объективируемых одной языковой единицей в коммуникации. Такая репрезентация соотносится со «смысловой объемностью» структуры предложения, определяемой как увеличение смысловой нагрузки предложения за счет приращения дополнительных смыслов в условиях принципа языковой экономии (подробнее см.: [Фурс 2021]). Важность рассмотрения способов интерпретативной репрезентации заключается в необходимости прогнозировать нежелательные инференции. Значимым при этом является фактор «смыслового окна» как своеобразный когнитивный фильтр, обеспечивающий вариативное восприятие оценочных фокусов и интерпретацию информации в соответствии с ожиданиями адресата. Фактически, этот фактор отражает «активный, подвижный и управляемый характер воспринимающей деятельности» (о восприятии см.: [Лурия 1975: 47-48]). Фактор «смыслового окна» соотносится с кумулятивными процессами в синтаксисе. Как указывают М. Клук и М. Врис, существует ряд конструкций, в которых разные структурные компоненты способны репрезентировать различный объем информации, усили-

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-18-00067, <https://rscf.ru/project/22-18-00067/>

вая кумулятивность как свойство целого предложения [Kluck, Vries 2013]. Анализ таких средств позволит прогнозировать явно не выраженную конфликтную семантику с целью устранения коммуникативных конфликтов. Кумулятивный характер конструкции в этом случае соотносится с репрезентацией разных оценочных фокусов. Так, в качестве кумулятивных функционируют конструкции с межличностными парентезами, включающие финальный компонент в виде *wh*-вопросительных слов, что свидетельствует об определенном нарушении линейности компонентов в структуре предложения и способствует увеличению смысловой объемности предложения:

He is writing you can't imagine what (Matsuyama 2015: 87).

В результате теста на верификацию смысла допускается двусмысленное толкование с разными оценочными фокусами: (1) *You can't imagine what nonsense he is writing*; (2) *You can't imagine what good letters he is writing*. В первом случае представлена критика наблюдателя, а во втором – положительная оценка.

Конструкции с лексикализованными фразеологизмами также допускают прогнозирование нежелательных инференций. Такие «включения» приводят к смысловой объемности структуры предложения, что указывает на возможности интерпретативной репрезентации. Как показывает фактологический анализ, наиболее частотной является конструкция с включением в ее структуру фразеологизма *God knows*, который лексикализуется за счет сочетания с вопросительными словами. Наибольшую двусмысленность обеспечивает вопросительное слово *what*:

God knows what she will be capable of in 18 months! (LG).

God knows what will happen next (LG).

Первый пример может быть интерпретирован следующим образом: (1) *God knows what bad skills she will be capable of in 18 months*; (2) *God knows what good skills she will be capable of in 18 months*. Во втором случае также открываются возможности для прогнозирования невыраженной информации: (1) *God knows what bad things will happen next*; (2) *God knows what good things will happen next*. С учетом того, что прогнозирование допускает двухфокусную оценку, данные предложения могут восприниматься и как критика действий объекта оценки, что открывает возможности для коммуникативного конфликта.

Еще один случай интерпретативной репрезентации представлен синкретичными конструкциями. Синкретизм языковой единицы определяется как совмещение противопоставленных смыслов, репрезентируемых этой единицей, вследствие чего она становится полифункциональной (подробнее см.: [Фурс 2022]). Наиболее результативными в этом плане являются конструкции *What + Noun!* *Such + Noun!*, например: *What a student!* *Such a bag!* Данные предложения являются двусмысленными и могут быть интерпретированы в качестве средств репрезентации как позитивной, так и негативной оценки: *What a good student!* / *What a bad student!*; *Such a good bag!* / *Such a bad bag!*

Другая возможность интерпретативной репрезентации представлена непрототипическими комплиментами:

Most people in town think he's really smart (SL).

I think she's pretty . . . in her own way (SL).

Подобные комплиментарные высказывания считаются непрототипическими, так как они являются двусмысленными и допускают интерпретацию в качестве не

только комплимента, но и критики. Двусмысленность конструируется за счет механизма противопоставления. В первом случае комплиментарное высказывание допускает две интерпретации: (1) большинство людей считают его умным, и я в том числе; (2) большинство людей считают его умным, но я так не думаю.

Во втором примере на основе механизма противопоставления также допускается прогнозирование нежелательных инференций. Несмотря на то, что в структуре предложения нет единиц с негативной коннотацией, за счет противопоставления общего и единичного возникает ассоциация «у нее своя, особенная привлекательность, которая в сравнении с общими канонами красоты может и не считаться таковой». В результате это высказывание может интерпретироваться как критика – «она не привлекательная в общем смысле этого слова».

Проанализированные примеры дают основание считать интерпретативную репрезентацию проявлением прагматических аспектов языка, внимание к которым было привлечено в теории имплицатур Грайса [Grice 1975], в концепции максимы релевантности [Грайс 1985], а также в теории косвенных речевых актов Серля [Searle 1975]. Отметим также, что Д. Уилсон и Д. Спербер указывали на необходимость рассмотрения взаимосвязи процессов репрезентации с принципом релевантности в речемыслительной деятельности человека, подчеркивая, что «человек неосознанно стремится к максимальной релевантности, т.е. к максимальному когнитивному эффекту при минимальных усилиях при переработке» [Wilson, Sperber 1988]. В силу действия закона языковой экономии часть информации может быть представлена в имплицитном виде. Показательно, что принцип релевантности сопряжен как с самим процессом обработки информации (в этом случае предполагается, что со стороны говорящего должны иметь место минимальные затраты), так и с результатом (под результатом понимается достижение максимального когнитивного эффекта) (о когнитивной природе релевантности подробнее см.: [Фурс 2012]).

Таким образом, интерпретативная репрезентация знаний в синтаксисе обеспечивается фактором «смыслового окна» и связана с конструированием двусмысленных высказываний, которые осмысляются с позиций полярных фокусов оценки наблюдателя. Это свидетельствует о возможности прогнозирования нежелательных инференций. В синтаксисе английского языка средствами интерпретативной репрезентации выступают конструкции, отражающие кумулятивные процессы, структура которых включает межличностные парентезы и лексикализованные фразеологизмы. К ним относятся также синкретичные конструкции и непрототипические комплименты. В целях достижения эффективной коммуникации следует избегать употребление подобных конструкций, чтобы не допустить коммуникативного конфликта.

Литература

Бондарко А.В. Категориальные ситуации (К теории функциональной грамматики) // Вопросы языкознания. 1983. №2. С. 20-32.

Грайс Г.П. Логика и речевое общение // Новое в зарубежной лингвистике. Вып.16. М.: Прогресс, 1985. С. 217-237.

Кубрякова Е.С. Языковое сознание и языковая картина мира // Филология и культура. Ч. 3. М-лы II Межд. Конференции 12-14 мая 1999 г. Тамбов, 1999. С. 6-13.

- Лурия А.Р.* Ощущения и восприятие. М.: Изд-во МГУ, 1975.
- Никитин М.В.* Курс лингвистической семантики. СПб.: Научный центр проблем диалога, 1996.
- Фурс Л.А.* Конгруэнтность, синкретизм и диффузность: когнитивно-прагматический подход // Когнитивные исследования языка. 2022. Вып. 4 (51). С. 182-187.
- Фурс Л.А.* Смысловая объемность структуры предложения // Исследования языка и современное гуманитарное знание. 2021. Т. 3. № 2. С. 160-166.
- Фурс Л.А.* Принцип релевантности в конструировании смысла // Социально-экономические явления и процессы. 2012. № 10. С. 241-243.
- Grice P.* Logic and Conversation. In *Speech Acts, Syntax and Semantics* / ed. by Cole P., Morgan J.L. New York: Academic Press, 1975. P. 41-58.
- Kluck M., Vries M.* Cumulative rightward processes // Rightward movement in a comparative perspective. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins, 2013. P. 281-317.
- LG – Ludwig Guru. URL: <https://ludwig.guru> (accessed December 10, 2022).
- Matsuyama T.* The Syntactic Structure of Wh-Syntactic Amalgams // *English Linguistics*. 32: 1. 2015. P. 78-101.
- Searle J. R.* Indirect speech acts // *Syntax and Semantics. Speech Acts* /ed. by Cole P., Morgan J.L. New York: Academic Press, 1975. P. 59-82.
- SL – Southern Living. URL: <https://www.southernliving.com> (accessed December 10, 2022).
- Wilson D., Sperber D.* Representation and relevance // *Mental representations: The interface between language and reality*. Cambridge: Cambridge University Press, 1988. P. 133-153.

*L.A. Furs (Tambov, Russia)
Derzhavin Tambov State University*

INTERPRETATIVE REPRESENTATION OF KNOWLEDGE IN SYNTAX

The article considers interpretative representation as the ability of a language unit to objectify the totality of meanings in communication. Constructions with interpersonal parentheses, constructions with lexicalized phraseological units, syncretic constructions, and non-prototypical compliments are analysed as means of interpretive representation. Our study established that these constructions are ambiguous and can be interpreted from the polar focuses of the observer's assessment, which indicates the presence of potentially conflicting semantics.

Key words: interpretative representation, semantic volume, ambiguity, evaluation, conflict.

*И.Н. Фурсова (Челябинск, Россия)
Южно-Уральский государственный университет
irina.fursova@inbox.ru*

РЕАЛИЗАЦИЯ КОНЦЕПТУАЛЬНОЙ СФЕРЫ «ПРИРОДА» В КАЧЕСТВЕ ИСТОЧНИКА МЕТАФОРИЧЕСКОГО МОДЕЛИРОВАНИЯ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ КАРТИНЫ МИРА

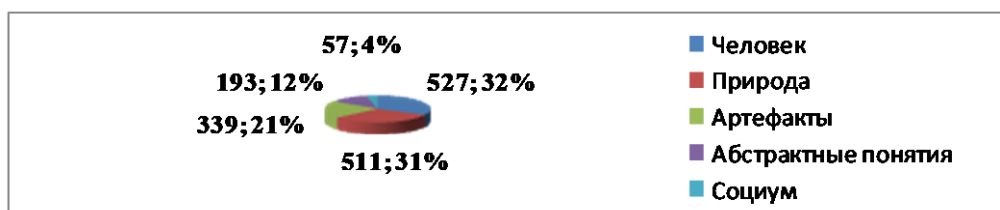
Исследование опирается на теорию метафорического моделирования действительности. Целью данной статьи является когнитивный анализ использования концептосферы «Природа» в качестве источника метафорического моделирования художественной картины мира Джона Голсуорси. В результате проведенного анализа были вы-

явлены и подробно охарактеризованы основные метафорические модели, восходящие к сфере-источнику «Природа».

Ключевые слова: когнитивная лингвистика, метафорическое моделирование действительности, художественная картина мира, сфера-источник, Дж.Голсуорси.

По мнению сторонников когнитивного подхода метафора является одним из средств концептуализации окружающей действительности. Как отмечали основоположники когнитивной лингвистики Дж. Лакофф и М. Джонсон, «наше мышление, повседневный опыт и поведение в значительной степени обуславливаются метафорой» [Лакофф, Джонсон 1990: 387]. В соответствии с представлениями когнитивной лингвистики мышление осуществляется по определенным схемам, получившим название «метафорические модели». Определенный набор метафорических моделей, присущих человеку, формирует индивидуальную картину мира, а анализ художественной ткани произведения позволяет выявить закономерности индивидуального отражательного процесса, следовательно, художественную картину мира автора.

В результате анализа текстов произведения Дж. Голсуорси «Сага о Форсайтах» было выделено методом сплошной выборки 1676 метафорических словоупотреблений. Детальный анализ полученных метафорических единиц позволил выявить 5 сфер-источников метафорической экспансии в художественной картине мира автора: Человек, Природа, Артефакты, Абстрактные понятия, Социум. Процентное соотношение между выделенными сферами-источниками приведено в следующей диаграмме:

Наибольшая продуктивность сферы-источника «Человек» (527 метафор) в художественной картине мира Дж. Голсуорси свидетельствует об антропоцентричном взгляде писателя на моделируемую им действительность, на основании чего можно сделать вывод, что человек находится в центре метафорического внимания автора. Высокая частотность и широкие возможности для развертывания сферы-источника «Природа» (511 метафор), вероятно, связаны с тем, что человек осознает себя частью природы и ищет в ней образцы для осмысления окружающей действительности и своего отношения к ней.

Детальный анализ метафорических словоупотреблений восходящих к концептуальной сфере-источнику «Природа» позволил выявить три метафорических модели: метафора неживой природы, фитоморфная и зооморфная метафорические модели.

Концептуальная сфера-источник «мир животных» проявляет высокую продуктивность в художественной картине мира автора и представлена 360 образными словоупотреблениями, что составляет 21,5% от общего числа метафорических единиц. Как утверждает В.Н. Телия, осознание и соизмерение особенностей и закономерностей мира животных с человеческой сущностью и системой на-

ционально-культурных стереотипов является одним из «проявлений антропоцентричности человеческого сознания (и знания) и основанием антропометричности метафоры» [Телия, 1988: 182]. Отличительная особенность зооморфной метафорической модели заключается в том, что она чаще выполняет прагматическую функцию экспрессивного образного средства, используемого в качестве воздействующей силы. В языке большинство метафорических образов животных направлено на «дискредитацию, резкое снижение предмета и обладают яркой пейоративной окраской» [Скляревская 1993: 90]. В структуре рассматриваемой метафорической модели был обнаружен ряд доминантных образов, составляющих основу идиостиля Дж. Голсуорси и передающих основной замысел произведений. Прежде всего, это метафорические модели, занимающие сильную позицию в тексте, являясь названиями романов «Белая обезьяна», «Лебединая песнь» и «В петле». К ним относятся метафорические модели «МОЛОДОЕ ПОКОЛЕНИЕ – ЭТО ОБЕЗЬЯНЫ», «ФЛЕР – ЭТО ЛЕБЕДЬ» и «СОМС – ЭТО ПАУК, ЗАПУТАВШИЙСЯ В ПАУТИНЕ». Все эти метафорические модели получили символическое значение и являются ключевыми образами, раскрывающими основные идеи романов. Кроме того, нами были выделены метафорические модели, используемые автором при обобщенной характеристике персонажей: «СЛУЖАЩИЕ ЛОНДОНА – ЭТО КРОЛИКИ» и «ФОРСАЙТЫ – ЭТО УСТРИЦЫ», с помощью которых Голсуорси не только противопоставляет главных и второстепенных персонажей «Саги», но и раскрывает понятие «Форсайтизм», характеризуя Форсайтов как класс, основным критерием принадлежности которому является собственность. Также был выделен ряд доминантных образов, используемых автором при характеристике конкретных персонажей «Саги»: «СОМС – ЭТО БУЛЬДОГ», «ФЛЕР – ЭТО КОШКА», СУЗИН – ЭТО ИНДЮК», «ДЖЕМС – ЭТО АИСТ», «БОСИНИ – ЭТО ДИЧЬ» и «ИРЭН ЭТО ПОДСТРЕЛЕННАЯ ПТИЦА». В основе этих метафорических моделей лежит либо актуализация прототипических свойств, приписываемых зоониму, либо аналогия между внешними характеристиками животного и человека. Постоянное использование одного и того же зоонима относительно одного и того же героя позволяет рассматривать образ в качестве «ярлыка», а метафорические единицы, восходящие к данному образу, «дорисовывают портрет персонажа».

Концептуальная сфера «мир растений» представлена фитоморфными метафорами, которые, по мнению А. П. Чудинова, «акцентируют идею естественности и непрерывности развития жизни, близости и взаимосвязанности человека и природы, наглядно отражают причинно-следственные связи в природе», а также указывают на влияние внешних факторов на процесс жизни растения. [Чудинов, 2001: 151] В художественной картине мира Джона Голсуорси была выделена 81 метафорическая единица со сферой-источником «мир растений», что составляет 4,8% от общего корпуса образных словоупотреблений. В рамках фитоморфной метафоры можно выделить две доминантные метафорические модели: «ИРЭН – ЭТО ЦВЕТОК» и «СЕМЬЯ ФОРСАЙТОВ – ЭТО ДЕРЕВО». Портрет Ирэн построен на многократной концептуализации образа ароматного цветка, который, обогащаясь новыми признаками и отражая процесс развития чувств к Босини, приобретает символическое значение. Высокая продуктивность модели «ИРЭН – ЭТО

ЦВЕТOK», прежде всего, обусловлена стереотипностью используемого образа, поскольку представление женщины в образе цветка свойственно многим культурам и цивилизациям. В основе метафорической модели «СЕМЬЯ ФОРСАЙТОВ – ЭТО ДЕРЕВО» также лежит традиционный образ-символ, обеспечивающий связность всех произведений в единую трилогию и отражающий динамику жизни семьи. На первых страницах «Саги» семейство предстает в образе мощного и крепкого дерева, находящегося «в самый разгар своего цветения» и «почти отталкивающее своей пышностью» [Голсуорси, 1982: 27]. Затем это дерево достигает зрелости, питаясь соками закона собственности, в который уходят его корни. Однако ветви этого дерева поникли под тяжестью собственности, оно стало увядать в связи с тем, что смерть членов семьи стала наносить удары в самую сердцевину растения. Внешне растение не изменилось, и оно «все еще будет цвести, будет горделиво возвышаться напоказ всему Лондону» [Голсуорси, 1982: 289], но ствол уже мертв, он поврежден многочисленными ударами. Таким образом, крушение семьи Форсайтов символически изображено как гибель дерева, пораженного в самую сердцевину. Однако корни дерева еще способны дать новые «ростки жизни», которые проявят живучесть и выносливость, и в один прекрасный день это дерево зацветет. Итак, подъем и укрепление семьи Форсайтов символически представлены как рост молодого деревца. Появлением новых побегов «славной Форсайтской чаши» [Голсуорси, 1982: 289] Дж. Голсуорси дает шанс этому семейству переосмыслить свои ценности, изменить приоритеты. Таким образом, вектор тревожности, безысходности и обреченности на смерть сменяется вектором надежды и перспективы. По своим внутренним особенностям фитоморфная метафорическая модель сближается с физиологической моделью, прежде всего в том, что образы осознаются как живые, а жизненный цикл растения метафорически отражает этапы жизни человека.

Наравне со сферой-источником «живая природа» в качестве источника метафоризации может выступать и концептуальная сфера «неживая природа». Однако метафора неживой природы не получила широкого распространения в художественной картине мира автора и представлена 70 метафорическими единицами, что составляет 4,2% от общего числа образных словоупотреблений. В структуре рассматриваемой модели лежат большей частью базовые концепты, поэтому входящие в ее состав метафоры носят общеязыковой характер. В рамках метафоры неживой природы можно выделить продуктивные концепты, такие как «туман», «вода» и «волна», и соответствующие им фреймы «Воздушная стихия» и «Водная стихия». В основе большинства метафор лежит уподобление эмоций и абстрактных понятий стихиям, например, «вихрь мыслей», «пропасть непонимания», «волна умиротворения», «течение жизни», «громовой удар смерти» и т. д. В целом, метафора неживой природы характеризуется отрицательной прагматической направленностью и высоким эмотивным потенциалом.

В произведениях Дж. Голсуорси концептуальная сфера «Природа» выступает в качестве мощного источника метафоризации. Образы, которые Дж. Голсуорси заимствует из окружающего мира, отличаются реалистической точностью благодаря тому, что они отражают совершенно наглядные представления, исключая дополнительные ассоциации. Концептуальная

сфера «Природа» также послужила источником ряда стилеобразующих доминантных метафорических образов, приобретающих символическое значение и позволяющих судить о специфике художественного восприятия действительности автором.

Литература

- Голсуорси Дж.* Сага о Форсайтах: Т. 1. Пер. с англ. под ред. М.: Лорие, 1982.
Лакофф Д., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем // Теория метафоры: сб. науч. ст. / под ред. Н.Д. Арутюновой. М.: Прогресс, 1990.
Склярская Г.Н. Метафора в системе языка. СПб.: Наука, 1993.
Телия В.Н. Метафоризация и ее роль в создании языковой картины мира // Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мира. М.: Наука, 1988. С. 87-107.
Чудинов А.П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991 – 2000). Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т. 2001.

*I.N. Fursova (Chelyabinsk, Russia)
South Ural State University (National Research University)*

REALIZATION OF THE CONCEPTUAL DOMAIN “NATURE” AS A SOURCE OF METAPHORICAL MODELLING IN INDIVIDUAL WORLDVIEW

Our research is based on the theory of metaphorical modelling of reality. The article focuses on cognitive analysis of the use of the conceptual domain “Nature” as a source of metaphorical modelling in John Galsworthy’s worldview. Basic metaphorical models with the source-domain “Nature” are singled out and characterized in detail.

Key words: cognitive linguistics, metaphorical modelling of reality, individual world picture, a source-domain, John Galsworthy.

*Е.М. Хакимова (Челябинск, Россия)
Южно-Уральский государственный университет
khakimova-elena@yandex.ru*

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ЗНАНИЙ ОБ ИСТОРИИ ЯЗЫКА В НОВЫХ МЕДИА

В работе рассмотрены особенности коммуникаций ученых с массовой аудиторией в цифровой среде. Анализ материалов на портале Arzamas показал, что для популяризации знаний по истории русского языка используются анимационная графика, подкаст, интерактивный тест, печатный текст с метаданными; система языковых и невербальных знаков творчески выражает культурно значимые смыслы, соединяя просвещение с развлечением.

Ключевые слова: форматы новых медиа, просветительский контент, анимационная графика, подкаст, популяризация науки, история русского языка.

В постиндустриальном обществе знание является бесценным ресурсом. Наука, как источник качественной информации, оказывает влияние на все сферы

человеческой деятельности: образование, технологии, экономику, политику и т.д., поэтому научные коммуникации становятся одним из ключевых факторов социального развития. Продвижение научных идей осуществляется не только внутри экспертного сообщества, но и за его пределами: ученые сообщают о результатах своих исследований массовой аудитории, и современные средства коммуникации предоставляют для популяризации точных, естественных и гуманитарных знаний большие возможности. Однако специфика репрезентации научной информации в новых медиа на сегодняшний день изучена недостаточно. Наша работа направлена на восполнение данного пробела, чем обусловлена её актуальность.

Цель данного исследования – выявить особенности репрезентации лингвистических знаний в цифровом медийном дискурсе. Задачи: 1) проанализировать представленную в исследованиях информацию о современных способах взаимодействия научного сообщества с массовой аудиторией; 2) определить характеристики новых форматов, используемых для репрезентации контента на просветительском сайте; 3) рассмотреть вербальные и аудиовизуальные средства, обеспечивающие популяризацию научной информации об истории русского языка.

Теоретические основания работы включают в себя: 1) лингво-эпистемическую концепцию В.Е. Чернявской, осмысливающей когнитивные и коммуникативно-речевые процессы в научном дискурсе [Чернявская 2011]; 2) статьи по проблемам популяризации знания в цифровой среде, где успех обусловлен не только качеством научного контента, но и информационными запросами и ценностными установками аудитории [Рысакова 2022]; 3) публикации о специфике просветительских медиа, создающих довольно большой и динамичный сегмент современной российской медиаиндустрии [Колоев 2012; Чередниченко, Лапко 2021].

Эмпирическую базу исследования составили материалы, размещенные на сайте просветительского проекта Arzamas, посвященного популяризации гуманитарного знания. Материалом для нашей статьи стал «Ликбез № 3. Русский язык от "гой еси" до "лол кек"» (<https://arzamas.academy/likbez/ruslang>). На портале представлено несколько медиапродуктов такого типа, и, по замыслу авторов, их концепция состоит в том, чтобы раскрыть масштабные, культурно значимые темы – античность, история игр, русское искусство XX века и др. – в максимально сжатой форме и на высоком профессиональном уровне. Для реализации идеи используются несколько медийных форматов: видеоролик, подкаст, интерактивный тест и печатный текст с метаданными. Дискурсивный, семиотический и функционально-стилистический анализ указанных компонентов позволил выявить комплекс речевых и невербальных средств воздействия на массовую аудиторию медиапроекта.

Видеоматериал – анимационная графика, использующая три семиотических инструмента: динамичное изображение, звук, текст – для визуализации абстрактных идей и конкретных данных. Это результат командной работы, поскольку создание такого медиапродукта связано с реализацией множества профессиональных компетенций, среди которых тщательный отбор научной информации и её сценарная адаптация с учетом особенностей медийного дискурса, леттеринг, моушн-дизайн, звукорежиссура и саунд-дизайн и др. Анимационная графика позволяет репрезентировать сложный когнитивный опыт в простой, понятной и ув-

лекательной форме, не требуя от адресата значительных временных затрат на медиапотребление. Последнее обстоятельство представляется чрезвычайно ценным современному человеку, жизнь которого протекает в условиях постоянного цейтнота, поэтому информация о хронометраже выносится в заголовок: «Русский язык за 18 минут». Диахроническая организация материала получает наглядное выражение через таймлайн (от англ. timeline 'линия времени') – инструмент в виде линейной шкалы для систематизации событий в хронологической последовательности. Вербальная составляющая медиапродукта реализована в двух формах – устной и письменной, они взаимодействуют, органично дополняя друг друга. И если в традиционных коммуникативных практиках средства литературного языка соотносятся прежде всего с письменной речью, а коллоквиализмы с устной, то здесь это привычное соответствие нередко нарушается. Так, высказывание диктора «Впрочем, в начале второго тысячелетия вообще все славяне могли понимать друг друга без переводчиков» иллюстрируется изображением, на котором показана карта славянских земель и люди, обменивающиеся репликами «Как дела? – Норм!». Подобные приемы нравятся аудитории: статистика YouTube свидетельствует о высокой степени вовлеченности адресата – по состоянию на апрель 2023 г. 5,8 млн просмотров, 285 тыс. лайков, более 31 тыс. комментариев.

Подкаст – популярный аудиоформат информирования массовой аудитории – особенно интересен сегодня в связи с рядом преимуществ: он позволяет обращаться к контенту в удобное для пользователя время, причем слушатель, установив на телефон специальное приложение, остается мобильным, то есть может заниматься текущими делами, погружаясь при этом в материал. Рассмотренный в ходе нашего исследования выпуск называется «Как звучал древнерусский язык», его содержание отражено в оглавлении с указанием времени начала соответствующих фрагментов на аудиозаписи: 00:27 *Поймем ли мы древнерусских людей, если встретим?* Такая разметка дает возможность адресату легко найти интересующий его информационный блок. По форме эпизод является кохостингом: заявленную тему на равных коммуникативных правах обсуждают соведущие – шеф-редактор Arzamas, филолог Кирилл Головастик и журналист Александр Уржанов. В ходе беседы они поясняют значения лингвистических терминов на ярких, иногда гиперкорректных примерах:

– *Большинство людей считают, оканье – это когда везде говорят «о», ну просто маниакально.*

– *Да. Колбосо)*

– *А на самом деле оканье – это, когда мы, как в слове «корова», говорим «а», а окающий человек скажет «кОрова».*

– *Точно. Он будет четко произносить «о» в тех словах, где оно пишется, но не будет заменять на «о» все остальные звуки, как это делают актеры в плохих фильмах.*

Подобные приемы позволяют говорить о сложном легко и непринужденно, поэтому лингвистический контент Arzamas пользуется заслуженным успехом: *Это же история Жизни языка! Очень интересно!!!* (<https://www.youtube.com/watch?v=TNn-or7jjVY>).

Тест традиционно понимается как форма контроля знаний, реализующая диагностическую, обучающую и воспитательную функции, и чаще всего именно

первая является основополагающей, так как количество верных ответов демонстрирует уровень знаний, умений и навыков слушателя. Интерактивный тест – это формат, позволяющий сделать акцент на обучающей функции через конкретизацию материала в случае ошибки (а в рассматриваемом примере портала Arzamas и в правильных ответах), поэтому основным предназначением теста становится не оценивание, а просвещение.

Печатный текст с метаданными – информация о распределении функций внутри авторского коллектива, в этом блоке, в частности, указаны имена экспертов, обеспечивших соответствие научно-популярного контента в выпуске стандартам современной лингвистики: Д. Сичинава, А. Лифшиц, И. Пильщиков, А. Пиперски, С. Князев. Примечательно, что данные антропонимы снабжены опцией гиперссылок, активировав которые можно ознакомиться с другими работами этих лингвистов на площадке Arzamas.

Таким образом, изучение литературы по проблематике нашей статьи и анализ медиаматериалов позволяют сделать следующие выводы.

1. Исследования научных коммуникаций показывают, что в информационном обществе ученые обмениваются информацией как с коллегами, так и с массовой аудиторией, и способы их взаимодействия с людьми без специальной подготовки многочисленны и разнообразны.

2. Популяризация экспертного знания обеспечивается не только традиционными, но новыми медиаформатами. В частности, для репрезентации лингвистической информации в разделе «Ликбез № 3. Русский язык от "гой еси" до "лол кек"» просветительского портала Arzamas используются анимационная графика, подкаст, интерактивный тест, печатный текст с метаданными. Рассмотренные публикации наделены всеми характеристиками современных медиапродуктов: поликодовостью, интерактивностью, гипертекстуальностью.

3. Система вербальных (экспрессивное пояснение терминологии, соединение языкового стандарта с коллоквиализмами и т. д.), визуальных (таймлайн, шрифты, рисунки, фотографии и др.), аудиальных (голос за кадром, музыка, разные типы шумов) знаков позволяет авторам, соединяя просвещение с развлечением, вовлекать адресата в коммуникацию, целью которой является творческое приобщение широкой аудитории к культурно значимым смыслам как основе современного научного знания.

Литература

Колоев А.В. Научно-просветительские издания как типологическая ниша // Медиа-скоп. 2012. № 2. С. 11. URL: [https://elibrary.ru/download/elibrary_18047445_76363961 .pdf](https://elibrary.ru/download/elibrary_18047445_76363961.pdf)

Рысакова П.И. Стратегии научной популяризации в цифровой медиасреде // Медиалингвистика. 2022. Т. 9. № 4. С. 309-329.

Чередниченко Л.В., Лапко А.В. Формы представления контента в просветительских медиа (на примере просветительского проекта Arzamas) // Litera. 2021. № 5. С. 115-131.

Чернявская В.Е. Коммуникация в науке: нормативное и девиантное. Лингвистический и социокультурный анализ. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2011.

*Е.М. Khakimova (Chelyabinsk, Russia)
South Ural State University*

REPRESENTATION OF KNOWLEDGE ABOUT LANGUAGE HISTORY IN NEW MEDIA

The paper deals with features of communications between scientists and mass audience in the digital environment. The study of materials on the Arzamas portal showed that animated graphics, podcast, interactive test, printed text with metadata are used to popularize knowledge about Russian language history. The system of linguistic and non-verbal signs expresses culturally significant meanings in a creative way, combining education with entertainment.

Key words: new media formats, educational content, animated graphics, podcast, popularization of science, history of the Russian language.

*Т.В. Хвесько, Н.Ю. Басуева, В.И. Орлова (Тюмень, Россия)
Тюменский государственный университет
t.v.khvesko@utmn.ru, n.y.basueva@utmn.ru, leraorl@mail.ru*

РЕАЛИЗАЦИЯ КОГНИТИВНОЙ ДОМИНАНТЫ В РАННЕМ ТВОРЧЕСТВЕ Э. ХЕМИНГУЭЯ

В статье анализируется автобиографический текст Эрнеста Хемингуэя ‘A Moveable Feast’ («Праздник, который всегда с тобой»), выявляется когнитивная доминанта ПОЗНАНИЕ в произведении начала творчества писателя, где ярко определены виды модальностей (визуальных и кинетических) при описании эмоциональных переживаний писателя в поисках сути творчества.

Ключевые слова: визуальный, кинетический, модус, полимодальность, когнитивная доминанта, метафора.

Исследование параметров художественного текста как индивидуально-авторской интерпретации мира имеет комплексную структуру и приводит к моделированию его как сложного многоаспектного знания. [Болдырев, Жумагулова, Курманбаева 2021: 16]. Представляя образы языковой картины мира, художественный текст становится форматом общечеловеческих знаний, интерпретированных языком писателя с учетом элементов когнитивного сознания социально-го и культурного происхождения [Алефиренко 2006: 13]. Э. Хемингуэй описывает процесс познания по-своему эмоционально, используя такие стилистические приемы как метафора, интертекстуальность, концепты-доминанты, когнитивные обобщения, домыслы, сравнения, например:

After writing a story I was always empty and both sad and happy, as though I had made love, and I was sure this was a very good story although I would not know truly how good until I read it over the next day.

Закончив рассказ, я всегда чувствовал себя опустошенным, мне бывало грустно и радостно, как после близости с женщиной, и я был уверен, что рассказ получился очень хороший, но насколько хороший – это я мог узнать, только перечитав его на следующий день.

Анализ стилистических особенностей и авторских приемов с целью возбуждения интереса читателя к тексту являются значимыми, поскольку это способ-

ствуется пониманию индивидуально-авторской манеры письма, затронутых социальных проблем и приводит к необходимости изучения связи языка и сознания, их концептуально-категориальной формы. В исследовании использован метод интерпретации, специальный лингвостилистический анализ и метод когнитивного анализа, в основе которого лежит взаимодействие языка и сознания. Применение интерпретативных исследовательских подходов к структуре художественного текста способствует выявлению парадигмы концептов-доминант, что является характерным для когнитивной лингвистики.

В связи с расширением способов воздействия на читателя (аудиолингвальная, визуальная презентация текста) возникает необходимость изучения комплексных модусов полимодальности линейного текста (когда возбуждение в одной когнитивной системе ведет к произвольному возбуждению другой сенсорной/эмоциональной системы) для выявления особенностей взаимосвязи и (не)совместимости когнитивных, психологических и языковых маркеров. Так, описывая картины импрессионистов, Э. Хемингуэй сам не может объяснить, что он находит в них, но они помогают ему писать более объемно и глубоко:

I went there nearly every day for the Cézannes and to see the Manets and the Monets and the other Impressionists that I had first come to know about in the Art Institute at Chicago. I was learning something from the painting of Cézanne that made writing simple true sentences far from enough to make the stories have the dimensions that I was trying to put in them. I was learning very much from him but I was not articulate enough to explain it to anyone. Besides it was a secret.

Я ходил туда почти каждый день из-за Сезанна и чтобы посмотреть полотна Мане и Моне, а также других импрессионистов, с которыми впервые познакомился в Институте искусств в Чикаго. Живопись Сезанна учила меня тому, что одних настоящих простых фраз мало, чтобы придать рассказу ту объемность и глубину, какой я пытался достичь. Я учился у него очень многому, но не мог бы внятно объяснить, чему именно. Кроме того, это тайна.

Полимодальный подход отказывается от взгляда на язык как на вариативную систему грамматических правил и фокусируется на взаимодействии разных знаковых систем [Kress, Leeuwen 2020: 127]. В настоящее время широко обсуждаются различные формы воздействия, в частности полимодальный канал репрезентации: вербальный (устный и письменный), визуальный, кинетический (жестовый), аудиальный и др. Модус (mode) как составной компонент слова «полимодальность» означает канал репрезентации или коммуникации (например, вербальное описание происходящего действия и, одновременно, эмоций от переживаемого чувства). Цель полимодального подхода – проанализировать и описать набор смыслообразующих средств (например, визуальных, жестовых, письменных), используемых человеком в зависимости от области репрезентации, а также выявить, как организуются эти средства для выражения значения. Примерами сочетания модусов могут быть описание рисунка и его воздействие на окружающих; произнесенные фразы и жесты, мимика и реплики [Гвишиани 2022: 9].

Немаловажным в данной теории является модальная совместимость (modal affordance), которая имеет отношение к социальным и культурным аспектам модуса. Модальная совместимость необходима для выявления эффективности репрезентации. Исследования пространственной конфигурации модусов в различ-

ных контекстах по-новому позволяют взглянуть на такие утвердившиеся в лингвистике понятия, как метафора и воздействие на читателя [Kress, van Leeuwen 2020: 67].

Сопоставительный анализ текстов Хемингуэя в разные периоды жизни показывает, что когнитивная доминанта ПОЗНАНИЕ, характерная для раннего периода его творчества, стирается с возрастом писателя, его взрослением и зрелостью. В начале творческого пути, будучи бедным журналистом, Э. Хемингуэй ищет способы совершенствования когнитивной деятельности (оставляет на ночь недописанным рассказ, чтобы сознание завершило...), организует эффективное чередование творчества и отдыха, ждет вдохновения (когда придет та единственно верная фраза, с которой начнется рассказ), убеждает себя:

I would stand and look out over the roofs of Paris and think, "Do not worry. You have always written before and you will write now. All you have to do is write one true sentence. Write the truest sentence that you know."

So finally I would write one true sentence, and then go on from there.

It was easy then because there was always one true sentence that I knew or had seen or had heard someone say.

Я стоял у окна, глядел на крыши Парижа и думал: «Не волнуйся. Ты писал прежде, напишешь и теперь. Тебе надо написать только одну настоящую фразу. Самую настоящую, какую ты знаешь». И, в конце концов, я писал настоящую фразу, а за ней уже шло все остальное. Тогда это было легко, потому что всегда из виденного, слышанного, пережитого всплывала одна настоящая фраза.

Следует отметить, что автобиографический текст Э. Хемингуэя является примером полимодального текста. Автор использует стилистические приемы, стимулируя внимание читателя, привлекая его воображение честным, открытым признанием в том, какие волевые усилия необходимо прикладывать, чтобы стать писателем, описывает разные возможности заработать на жизнь (игра на бирже), изменяя области переживания, то приближая читателя к личной жизни, то отдаляя и решая ненавязчиво социальные проблемы (потерянное поколение, бедность, проституция). Чередование способов воздействия происходит благодаря разным каналам модальностей: визуальному (описание Парижа в разные времена года) и кинетическому (чувство голода и аппетитное насыщение морепродуктами, холод и согревание у камина, в постели) смене позиций читателя (отстраненное описание «со стороны»), использование кинетических метафор (сравнение визуального образа кафе для пьяниц с внутренним состоянием отвращения). Анализ автобиографического текста позволяет выявить когнитивную доминанту ПОЗНАНИЕ, которая просвечивает сквозь многообразную реализацию образов действительности (визуальную, аудиальную, тактильную, эмотивную). Когнитивная доминанта ПОЗНАНИЕ – поиск сути творчества/эффективной когнитивной деятельности, превалирующая в начале творчества Э. Хемингуэя, вызвана непосредственно неустроенностью жизни писателя, отсутствием веры в будущее в период первой мировой войны.

Литература

Болдырев Н.Н., Жумагулова Б.С., Курманбаева Д.Т. Когнитивные основы реализации жанровых признаков романа (на примере произведения Кадзуо Исигуро "Never Let Me Go") // Вопросы когнитивной лингвистики. 2021. № 3. С. 5-20.

Алефиренко Н.Ф. Язык, познание и культура: когнитивно-семиологическая синергетика слова. Волгоград: Перемена, 2006.

Гвишиани Н.Б. Лингвопрагматические особенности взаимодействия вербального и невербального компонентов мультимодального 'текста' в коммуникативном пространстве различных типов дискурса // Вопросы когнитивной лингвистики. 2022. №1. С. 5-17.

Хемингуэй Э. Праздник, который всегда с тобой / пер. с англ. В.П. Голышева. Москва: АСТ: Астрель, 2011.

Kress G. van Leeuwen T. Reading Images: The Grammar of Visual Design. London: Routledge, 2020.

Hemingway E. A Moveable Feast. New York: Charles Scribner's Sons, 1964.

T.V. Khvesko, N.Yu. Basueva, V.I. Orlova (Tyumen, Russia)
University of Tyumen

REALIZATION OF THE COGNITIVE DOMINANT IN THE EARLY WORKS BY E. HEMINGWAY

The article analyses Ernest Hemingway's autobiographical text 'A Moveable Feast', reveals the cognitive dominant COGNITION at the beginning of the writer's work where the types of modalities (both visual and kinetic) are clearly defined when describing the writer's emotional experience in search of the meaning of creative work.

Key words: visual, kinetic, modus, polymodality, cognitive dominant, metaphor.

О.Ф. Циберная (Челябинск, Россия)
Челябинский государственный университет
igoshevaolesya@gmail.com

ЛИНГВОКРЕАТИВНОСТЬ КАК ИНСТРУМЕНТ ЛИНГВОКУЛЬТУРНОГО ТРАНСФЕРА ЗНАНИЙ

В данной статье рассматривается проблема взаимосвязи лингвокультурной деятельности человека и процесса трансфера знаний. В ходе исследования проиллюстрированы частные случаи реализации средств лингвокреативности на разных этапах становления концепта, выявлена зависимость числа когнитивных признаков репрезентантов концепта, участвующих в лингвокультурной деятельности, и этапа развития языка.

Ключевые слова: трансфер знаний, лингвокреативность, концепт, языковая картина мира, диахрония.

Процесс познания мира человеком является непрерывным. Непрерывна и трансформация языка, в ходе которой он адаптируется к новым реалиям и неизбежно меняется: являясь одной из активных форм познания, язык транслирует образ окружающей действительности в языковой картине мира.

Способность языка хранить и передавать знания о мире позволяет рассматривать динамику языковой картины в общем и изменения языковых единиц в частности как маркер лингвокультурного трансфера знаний – естественного процесса изменения и адаптации фрагментов сознания представителей культуры, проявляющегося в содержательном и структурном изменении единицы трансфера знаний [Циберная 2019].

В частности, когнитивные сдвиги в сознании человека позволяет проследить динамика репрезентации концепта. Это обусловлено тем фактом, что репрезентанты концепта с одной стороны принадлежат лексическому составу языка – гибкому и более всего подверженному изменениям, а с другой стороны, концепт является частью ментального пространства человека и напрямую связан, таким образом, с сознанием носителей языковой картины мира. Изучение структуры и содержания концепта в синхронном состоянии позволяет смоделировать фрагмент сознания носителей лингвокультуры, а рассмотрение динамики структурно-содержательного аспекта концепта открывает доступ к внутрикультурному трансферу знаний в рамках языковой картины мира.

Значимые изменения в репрезентации концепта как маркер концептуальных сдвигов при этом возникают под влиянием ряда факторов:

1. Актуализация уже функционирующей в языке лексики на определенном этапе его развития под влиянием потребностей эпохи. Актуализация проявляется, в частности, в увеличении частотности тех или иных лексических единиц. Поскольку в рамках настоящей работы мы рассматриваем лексику, репрезентирующую концепт «человек», можно наблюдать, как в результате актуализации происходит наращивание/сужение числа когнитивных признаков в структуре данного концепта.

2. Лингвокреативная деятельность, позволяющая пополнить лексический состав языка новыми языковыми единицами в том числе за счет употребления репрезентантов концепта в несвойственных для них контекстах. В.И. Заботкина, кроме того, относит нарушение отношения между концептуальными структурами – концептуальную девиацию – к ключевым когнитивным механизмам лингвокреативности [Заботкина 2019].

Остановимся на лингвокреативной деятельности носителей языковой картины мира как значимом факторе динамики репрезентации концепта и, как следствие, трансфера знаний. Под лингвокреативностью вслед за А.В. Галкиной будем понимать «...способность личности к использованию оригинальных, нестандартных лингвистических приемов и средств выражения мысли» [Галкина 2011]. Лингвокреативная деятельность осуществляется при помощи определенного набора средств, который может изменяться с течением времени под влиянием совокупности лингвистических и экстралингвистических факторов. Изменение инструментария средств лингвокреативности также является свидетельством лингвокультурного трансфера знаний в исследуемой языковой картине мира.

Отметим, что в целях изучения структурных и содержательных особенностей концепта «человек» в динамике, нами были выделены три синхронных среза: 1853–1917 гг.; 1918–1980 гг.; 1981–2020 гг. [Циберная 2019].

Рассмотрим динамику использования базовых средств лингвокреативной деятельности носителей русской языковой картины мира на примере репрезентантов концепта «человек», к которым, как показали проведенные нами ранее исследования, можно отнести метафоризацию, смысловую транспозицию, концептуальную интеграцию и аппроксимацию.

Метафоризация как расширение семантического объема слова за счет возникновения у него переносных значений встречается локально в рамках каждого из выделенных синхронных срезов. Метафоризация наблюдается среди репрезентантов со следующими когнитивными признаками:

1853–1917 гг.: «Статус» (*белая кость и т.д.*);

1918–1980 гг.: «Группы и групповые отношения» (*кулак и т.д.*), «Убеждения» (*хищник капитализма, левак и т.д.*);

1981–2020 гг.: «Субъективные оценочные характеристики человека, чувства» (*зажравшийся и т.д.*), «Группы и групповые отношения» (*людовой поток и т.д.*).

Смысловая транспозиция – сужение или расширение реального значения относительно номинального – также наблюдается в рамках разных синхронных срезов. Представлена репрезентантами, обладающими такими когнитивными признаками:

1853–1917 гг.: «Статус» (*голова и т.д.*);

1918–1980 гг.: «Статус» (*середняк и т.д.*);

1981–2020 гг.: «Социальная роль» (*секундант и т.д.*).

Концептуальная интеграция, характеризующаяся смешением ментальных пространств в сознании человека, как средство лингвокреативности отмечается среди репрезентантов концепта «человек» со следующими наиболее частотными когнитивными признаками:

1853–1917 гг.: «Профессия и другие занятия» (*экономка и т.д.*);

1918–1980 гг.: «Убеждения» (*путиловец и т.д.*);

1981–2020 гг.: «Группы и групповые отношения» (*палаточник и т.д.*).

Наконец, **аппроксимация** сквозь призму лингвокреативной деятельности может рассматриваться как сознательное упрощение семантики слова, а также приблизительное наименование разных денотатов. Среди когнитивных признаков репрезентантов концепта «человек» на разных этапах развития можно выделить:

1853–1917 гг.: «Объективные физические характеристики человека» (*старик, юноша и т.д.*), «Профессия и другие занятия» (*слушатель и т.д.*);

1918–1980 гг.: «Группы и групповые отношения» (*народ и т.д.*), «Социальная роль» (*вредитель и т.д.*);

1981–2020 гг.: «Социальная роль» (*пациент и т.д.*), «Семья» (*дядя и т.д.*).

Таблица 1. Когнитивные признаки концепта «человек» и средства лингвокреативности

	1853–1917 гг.	1918–1980 гг.	1981–2020 гг.:
Метафоризация	«Статус»	«Группы и групповые отношения»; «Убеждения»	«Субъективные оценочные характеристики человека, чувства»; «Группы и групповые отношения»
Смысловая транспозиция	«Статус»	«Статус»	«Социальная роль»
Концептуальная интеграция	«Профессия и другие занятия»	«Убеждения»	«Группы и групповые отношения»
Аппроксимация	«Объективные физические характеристики человека»; «Профессия и другие занятия»	«Группы и групповые отношения»; «Социальная роль»	«Социальная роль»; «Семья»

Итак, анализ динамики особенностей средств лингвокреативности показал расширение числа когнитивных признаков репрезентантов концепта «человек» в русской языковой картине мира, возникших/актуализированных в результате лингвокреативной деятельности носителей русской лингвокультуры.

Литература

Галкина А.В. Овладение лингвистической креативностью в контексте овладения иностранным языком // Вестник ТГУ. 2011. Выпуск 10 (102). С. 158-164.

Заботкина В.И. Когнитивные основы лингвистической креативности // Когнитивные исследования языка. Тамбов; М., 2019. Вып. 38. С. 208-216.

Циберная О.Ф. Сопоставительное исследование внутрикультурного трансфера знаний в русской и китайской языковых картинах мира (на примере концепта «человек»/«人 (rén)»): дис. ... канд. филол. наук. Челябинск, 2019.

O.F. Tsibernaya (Chelyabinsk, Russia)
Chelyabinsk State University

LINGUO-CREATIVITY AS A TOOL FOR LINGUO-CULTURAL KNOWLEDGE TRANSFER

This article deals with the relationship between the linguistic and cultural activities of an individual and the transfer of knowledge. Particular cases of the implementation of linguo-creative means at different stages of the formation of the concept are illustrated. The relationship between the number of cognitive features of the representatives of the concept involved in linguo-cultural activities and the stage of language development is revealed.

Key words: knowledge transfer, linguistic creativity, concept, language picture world view, diachrony.

Н.Б. Цибуля (Москва, Россия)

Московский государственный лингвистический университет
cybnb@mail.ru

КОРРЕЛЯЦИЯ ИНТОНАЦИИ И НЕВЕРБАЛЬНЫХ СРЕДСТВ В ЭКЗАЖЕРАЦИИ МЕНТАЛЬНО-ЭМОЦИОНАЛЬНЫХ ЗНАЧЕНИЙ (НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛОЯЗЫЧНОГО ДИСКУРСА)

Мультимодальный перцептивный метод анализа выявляет корреляцию разномодусных каналов в экзажерации ментальных и эмоциональных значений в академическом англоязычном дискурсе. В процессе перспективизации смысла сообщения большую роль играет интонационный и невербальный контраст, участвующий в конструировании объекта.

Ключевые слова: интонация, невербальные средства, академический дискурс, экзажерация, контраст, перспективизация, когнитивный резонанс.

Анализ видео лекций американских профессоров на различные темы [The Great Courses 1999–2016] позволяет выявить достаточно часто используемый прием экзажерации ментальных и эмоциональных смыслов в академическом дискурсе. Большая роль в этом процессе принадлежит корреляции интонации и невербальных средств общения, взаимодействующих со значением слова или его трансформацией.

Анализ соотношения интонационных и невербальных составляющих дискурса осуществляется с использованием мультимодального метода исследования, включающего слуховой и визуальный виды анализа, с опорой на компьютерные программы *VLC* и *Freemake Video Converter*.

Рассмотрим следующий пример. Читая лекцию по истории искусства, профессор О.З. Солтес комментирует изображение гетеры на древнегреческой вазе художника Эфрония VI в. до н.э., которое называется «*Netaerae Symposium*» («Симпозиум гетеры»).

Soltes: Now, a symposium... is a drinking party. In Greek the *sym* part means *with* and the *po* part means *drink* (a drinking party). We've come to think of a symposium as some kind of an intellectual party [Art through the Ages, part 1: 10].

Слова *symposium*, *drinking*, *intellectual* маркированы замедлением темпа, расширением мелодического диапазона и высоким нисходящим тоном с начальным повышением, который не только подчеркивает ключевые слова, но также используется в функции усиления контраста между прилагательными *drinking* и *intellectual*, отражающими различия в значении слова *симпозиум* в Древней Греции и в наши дни.

Данные интонационные характеристики коррелируют с невербальным поведением лектора: указанные слова акцентируются симультанными жестами руки и головы, и одновременно наблюдается расширение информационного поля верхней части лица – брови поднимаются вверх, а глаза округляются.

Как известно, увеличение информационного пространства за счет подобной мимической активности служит средством воздействия на реципиентов и привлечения внимания к обсуждаемому вопросу [Решк 1987; Цибуля 2021 и др.].

При произнесении *to think* (We've come to think of a symposium) лектор слегка наклоняет голову вперед, обе руки поднимаются ко лбу, глаза при этом сужаются (щурятся), а брови немного сдвигаются. Весь этот невербальный комплекс *имитирует* процесс обдумывания, причем тот случай, когда человек серьезно думает о чем-то, пытаясь сосредоточиться на своей мысли.

Как показывают исследования, руки, потирающие лоб, стимулируют умственную деятельность, а прищуренные глаза и сдвинутые брови сужают информационное пространство, тем самым удаляя из зоны периферического зрения отвлекающие внимание объекты и помогая человеку сконцентрироваться на мыслительном акте [Рекк 1987; Цибуля 2022 и др.].

Моделирование ментального процесса в рассматриваемом примере происходит посредством экзажерации, имитации преувеличенного умственного усилия. В коммуникации подобный невербальный формат, отражающий реальную ментальную сосредоточенность, а не ее стилизацию, имеет место только в определенных ситуациях, когда человек сталкивается с трудностями в понимании какой-то проблемы, пытаясь найти правильный ответ на поставленный вопрос, например, студент на экзамене, участник викторины или при написании статьи или очерка (сканируя в уме возможные формулировки в поисках наиболее удачной) и т. п.

Лектор подчеркивает, что мы привыкли *думать*, что слово *симпозиум* ассоциируется с интеллектуальным событием. Действительно, всем известно, что в современном языке *symposium* имеет такое значение, как «a meeting at which experts have discussions about a particular subject» [Oxford Advanced Learner's Dictionary 2005: 1556], которое коренным образом отличается от его значения в древнегреческом, откуда это слово было заимствовано сначала в латынь (*symposium*), а затем из латыни в другие языки.

В Древней Греции оно обозначало развлекательное мероприятие – люди собирались на встречу с обильными алкогольными напитками (*drinking party*), сопровождавшуюся играми, чтением поэзии, музыкой, танцами гетер и т. п.

Невербалика слова *to think* поддерживается на интонационном уровне – говорящий использует высокий нисходящий тон с начальным повышением, придающий высказыванию большую степень ментально-эмоциональной модальности.

Отправной точкой дискурсивной перспективизации в данном примере является обсуждение изначального значения слова *symposium*, после чего сразу следует утверждение о том, что в современном понимании *symposium* – это интеллектуальное событие. Таким образом, вектор перспективы устремлен из далекого прошлого непосредственно в наше время. Лектор, обращаясь к аудитории, использует контрастные интонационные и жестовые модели, подчеркивая неожиданное для нас первоначальное значение этого слова.

Затем вектор дискурсивной стратегии говорящего вновь направляется в прошлое – профессор объясняет слушателям, что семантическая трансформация обсуждаемого события началась с работы древнегреческого философа Платона (V–IV вв. до н.э.), где он пишет, что его учитель Сократ предложил отказаться от традиционных развлечений во время симпозиума и заменить их интеллектуальными и философскими дискуссиями.

Таким образом, конструирование обсуждаемого объекта в анализируемом примере достигается использованием приема экзажерации, контраста, тесного взаимодействия интонации и определенного репертуара невербальных средств в рамках поступательно-возвратного характера дискурсивной стратегии лектора.

Следует отметить, что прием экзажерации, интонационной и невербальной, часто используется при имитации различных эмоциональных состояний, таких как радость, удивление, гнев, страх, грусть, презрение, отвращение и др.

Рассмотрим, например, чем отличается выражение истинного удивления от его имитации. Испытывая удивление, человек поднимает брови, широко раскрывает глаза, приподнимает плечи и втягивает шею. На интонационном уровне наблюдаются широкий мелодический диапазон и замедление темпа.

Моделирование удивления достигается посредством экзажерации: брови поднимаются еще выше, глаза раскрываются шире, грудь слегка выпячивается, а голова немного откидывается назад. Широкий диапазон голоса реализуется за счет резкого перепада тональных уровней, а темп речи нарочито замедляется.

К частным случаям экзажерации можно также отнести избыточное количество невербальных средств, используемых в речи. Так, в американской кинесической системе существует и часто используется в коммуникации кивок головы. Он характерен не только для слушающего как признак вежливости и понимания того, о чем говорит собеседник. Этот невербальный знак нередко употребляется говорящим как в спонтанной речи, так и в академическом и политическом дискурсе.

Пытаясь завоевать доверие у аудитории, респондент постоянно кивает головой в такт своей речи, так что почти каждый ударный слог акцентируется этим движением. Более того, в паузах между фонацией выступающий продолжает кивать головой с той же ритмичностью. При этом он сканирует взглядом аудиторию в целях увидеть ее невербальную реакцию, ожидая положительный когнитивный резонанс со стороны публики – понимание и поддержку.

Таким образом, в последнем примере использование кивков, установление зрительного контакта со слушателями тесным образом коррелируют с ритмом речи, формируя определенный стиль коммуникативного поведения, который не зависит от гендерного фактора и выявляет общую дискурсивную стратегию респондентов. В целом исследование взаимодействия слова, его интонации и невербалики в контексте экзажерации является практически неизученным. Возникает много вопросов, касающихся различных аспектов вариативности этой корреляции.

Имитация ментально-эмоциональных смыслов, заменяющая естественную демонстрацию чувств и интеллектуальных процессов, представляется одним из важных механизмов социализации членов каждого культурного сообщества, где существуют определенные ограничения на открытое проявление эмоций и модального отношения к окружающим.

Литература

Цибуля Н.Б. Корреляция движения бровей и интонации как маркер когнитивных процессов // Когнитивные исследования языка. 2021. Вып. 4 (47). С. 297-304.

Цибуля Н.Б. Корреляция кинестетической активности и интонации как отражение когнитивных процессов // Когнитивные исследования языка. 2022. Вып. 4 (51). С. 428-432.

Art through the Ages, part 1 // The Great Courses. Virginia, Chantilly: The Teaching Company, The Great Courses, 2007.

Oxford Advanced Learner's Dictionary: 7th Edition / Chief Editor S. Wehmeier. Oxford: Oxford University Press, 2005.

Peck S. R. Atlas of Facial Expression. An Account of Facial Expression for Artists, Actors, and Writers. New York, Oxford: Oxford University Press, 1987.

The Great Courses. Virginia, Chantilly: The Teaching Company, The Great Courses, DVD, 1999–2016.

*N.B. Tsibulya (Moscow, Russia)
Moscow State Linguistic University*

CORRELATION OF INTONATION AND NONVERBAL CHARACTERISTICS IN THE EXAGGERATION OF MENTAL-EMOTIONAL MEANING: ENGLISH DISCOURSE

A multimodal perceptive analysis has revealed the correlation of different modi in the exaggeration of mental-emotional meaning in English academic discourse. Intonational and nonverbal contrast, which contribute to the construction of the object, play a considerable role in perspectivization of the message.

Key words: intonation, nonverbal means, academic discourse, exaggeration, contrast, perspectivization, cognitive resonance.

А.П. Чудинов (Екатеринбург, Россия)

*Уральский государственный педагогический университет
ap_chudinov@mail.ru*

Н.А. Сегал (Симферополь, Россия)

*Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского
natasha-segal@mail.ru*

ЯЗЫКОВОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ ОБРАЗА ПОЛИЦЕЙСКОГО В МЕДИАПРОСТРАНСТВЕ КОНЦА 2018 – НАЧАЛА 2023 ГГ.¹

Исследование посвящено изучению образа полицейского в медиапространстве конца 2018 – начала 2023 гг. Устанавливаются ключевые средства языковой реализации образа полицейского в текстах русскоязычных СМИ, выступлениях политиков и аналитиков. Выявляются коннотативные особенности и ассоциативный потенциал медиапортрета «полицейского» в актуальном медиапространстве. Доказывается закрепленность положительного образа сотрудников правоохранительных органов в языковом сознании современных россиян.

Ключевые слова: медиапространство, медиатекст, медиапортрет, языковые средства, коннотация, полицейский.

¹ Подготовлено при поддержке гранта РНФ № 22-28-00064 «Теория и методика метафорического моделирования образа полиции в электронных СМИ России, Украины и Белоруссии: аксиология, эволюция, ситуационная динамика, прагматика».

Усиление роли актуального медиапространства, напрямую связанное с возрастающей значимостью социополитических событий и спецификой их восприятия массовым читателем, определяет необходимость изучения языковых единиц образной системы, лежащих в основе моделирования актуального медиадискурса. В частности, бесспорным представляется тот факт, что в медиапространстве происходит переоценка значимости социальных ролей, при этом на первое место выходят профессии, связанные с защитой и охраной общества и государства. **Целью** предлагаемой статьи является описание образа полицейского в медиапространстве конца 2018 – начала 2023 гг. Период анализируемых текстов ограничен рядом событий экстралингвистического характера, затрагивающих значимые аспекты преобразования РФ и иных государств, в частности, распространение COVID-19 и начало СВО.

Рассуждая о специфике развития языка СМИ в разные исторические периоды, Э.В. Будаев и А.П. Чудинов подчеркивают, что «в медиапространстве слово обладает исторической динамикой, которая отображает «дух времени» и ментальности» [Будаев, Чудинов 2006: 12]. При этом верный выбор языковых средств при создании того или иного медийного образа позволяет формировать корректное и устойчивое мнение массового адресата и лежит в основе стратегически верного информационно-политического курса.

Безусловными лидерами общественного мнения являются главы регионов, государств и иных социополитических образований, поэтому их вклад в создание конкретного или обобщенного медиапортрета является бесспорным и требует отдельного комментария. Так, обращаясь к сотрудникам внутренних дел в день их профессионального праздника, В.В. Путин подчеркнул, что при получении табельного оружия на их плечах «сразу же возникает огромный груз ответственности за исполнение властных полномочий». Развивая идею о месте и роли сотрудников правоохранительных органов в России, Президент отметил, что «в нашей стране всегда с особым уважением относились к солдатам правопорядка, к тем из них, кто честно и добросовестно исполняет свой долг». Важным и показательным является тот факт, что при моделировании образа полицейского В.В. Путин обратил внимание исключительно на положительные качества, которые характеризуют представителей данной профессии: «в основе успешной службы всегда лежали, лежат и будут лежать главные качества и принципы сотрудника органов внутренних дел, которыми он руководствуется: это личная порядочность, честность, преданность своему делу и долгу» (<http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/59083>, 10.11.2018).

Анализ медиатекстов конца 2018 – начала 2023 гг. позволяет сделать вывод о том, что при формировании образа полицейского в последние пять лет в отличие от позднего советского и постсоветского периода доминируют положительные характеристики, что подтверждается следующими языковыми фактами:

1. При образовании окказиональных единиц со стержневым компонентом «полицейский» обращает на себя внимание абсолютное доминирование производных, образующих позитивно коннотируемые лексемы (супер-, мега-, ультра- и др.): «*В Марий Эл выбран суперполицейский – 2019*» (<https://www.marpravda.ru/news/gorod/superpolitseyskiy-2019/>, 25.02.2019); «*Мегаполицейские рассказали тюменским школьникам, как ловить угонщиков*» (<https://megatyumen.ru/news/>

megapolitseyskie-rasskazali-tyumenskim-shkolnikam-kak-lovit-ugonschikov/, 22.01.2019). Негативно коннотируемые окказиональные единицы с ключевым компонентом «полицейский» образуются преимущественно путем присоединения приставки недо- со значением «неполноты, недостаточности действия или признака». Подчеркнем, что окказиональное образование «недополицейский», как правило, номинирует не сотрудников правоохранительных органов РФ, а недружественные страны и их представителей: «*Запад сделает из Украины недополицейского образца Южной Кореи 50-70 гг.*» (<https://www.youtube.com/watch?v=k1eglcMqrf5>, 23.01.2023).

2. В актуальном медиaprостранстве происходит расширение синтагматического потенциала ключевой единицы «полицейский» преимущественно за счет адективов с позитивной коннотацией. Так, наиболее частотными представляются адективы *честный, хороший, вежливый, умный*: «*Честные полицейские – это не миф*» (<https://shnyagi.net/248060-CHestnye-policejskie-eh-to-ne-mif.html>, 21.10.2019); «*Хорошие полицейские бывают не только в сказках: истории о трех правоохранителях, которые не подкачали в трудную минуту*» (<https://www.kp.ru/daily/26428/3300976/>, 04.09.2020); «*Вежливый полицейский – визитная карточка столичной подземки*» (<https://petrovka-38.com/arkhiv/item/igor-bozhkov>, 12.08.2019); «*Умный полицейский: данные должны помочь предотвратить преступления*» (<https://www.computerra.ru/227820/umnaya-politsiya-dannye-dolznyi-pomogat-predotvrashhat-prestupleniya/>, 21.08.2021).

3. Аналитический анализ данных, размещенный ВЦИОМ на различных медиаплатформах РФ 10 ноября 2021 года, позволяет сделать вывод о закреплённости в русском языковом сознании преимущественно положительного образа полицейского. Так, собирательный образ типичного полицейского в представлении россиян включал следующие характеристики: «опрятный, храбрый, вежливый, сильный и крепкий, дружелюбный, грамотный, порядочный и работающий» (<https://news.ru/society/po-dannym-vciom-bolshinstvo-rossiyan-doverayut-policejskim/>, 10.11.2021).

Таким образом, адаптируясь к современным условиям, общество и государство расставляют новые акценты, в качестве приоритетных выдвигая профессии, обеспечивающие защиту и охрану каждой отдельной личности и всего народа в целом. Высокие социальные ожидания от сотрудников полиции, возложенная на них миссия определяют причину моделирования конструктивного медиапортрета сотрудников правоохранительных органов, наделение их желаемыми качествами и характеристиками. Являясь элементом реальной действительности, медиапортрет современного полицейского дает возможность для целенаправленной корректировки имиджа сотрудников правоохранительных органов, дополнения и расширения информационной стратегии его моделирования в текстах современных СМИ.

Литература

Будаев А.В. Зарубежная политическая лингвистика: учебное пособие / А.В. Будаев, А.П. Чудинов. М.: Флинта: Наука, 2006.

Голев Н.Д., Шпильная Н.Н. Обыденная медиакommunikация как социоречевая сфера: постановка проблемы и границы проявления // Медиалингвистика. 2021. Т. 8. №1. С. 23-34.

Добросклонская Т.Г. Медиалингвистика: системный подход к изучению языка СМИ: современная английская медиасеть. М.: Макс-Пресс, 2008.

Савельева И.В. Непрофессиональный политический дискурс: лингвопрагматический и лингвоперсонологический аспекты: монография. СПб: Научные технологии, 2021.

A.P. Chudinov (Ekaterinburg, Simferopol, Russia)

Ural State Pedagogical University

N.A. Segal (Simferopol, Russia)

V.I. Vernadsky Crimean Federal University

LINGUISTIC MODELING OF THE IMAGE OF THE POLICE IN THE MEDIA SPACE FROM LATE 2018 THROUGH EARLY 2023

The article examines the image of the police in the media space of late 2018 through early 2023. We establish the key means of linguistic portrayal of the image the police in texts from Russian-language media, political speeches, and analysts. The connotative features and associative potential of the media portrait of the police in the current media space are revealed. The author proves that a positive image of law enforcement officers is fixed in the linguistic consciousness of modern Russians.

Key words: media space, media text, media portrait, language means, connotation, policeman.

О.А. Шершуква (Москва, Россия)

Дипломатическая академия МИД России

okshera@yandex.ru

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ КОГНИТИВНЫХ И ЯЗЫКОВЫХ СТРУКТУР ПРИ ПЕРЕДАЧЕ КОЛИЧЕСТВЕННЫХ ЗНАЧЕНИЙ У НАЗВАНИЙ ЖИДКОСТИ В ПОРТУГАЛЬСКОМ ЯЗЫКЕ

В данной статье речь идет о взаимодействии когнитивных и языковых структур при выражении количественных отношений на примере названий жидкости в португальском языке. В португальском языке отношения части и целого выражаются посредством артиклей или за счет их отсутствия

Ключевые слова: часть, целое, название жидкости, количество, порция.

Анализ количественных отношений в языке в рамках когнитивной лингвистики интересен тем, что позволяет рассматривать значения языковых единиц «в контексте всех знаний и опыта человека, а не только языковых знаний», именно в силу того, что сам «человек формирует значения, а не получает их в готовом виде», при этом следует отметить его активную роль «в выборе средств выражения для описания той или иной ситуации и в понимании мотивов этого выбора» [Болдырев 2014: 33]. В настоящей работе мы обращаемся к специфике репрезентации в португальском языке количественных значений у названий жидкостей, которые входят в класс названий веществ и материалов, отличием которых от собственно «предметов» является, по мнению О.Н. Ляшевской, отсутствие «формы и внутренней структуры: их прототипическая роль – это либо среда, в которой находят-

ся предметы, либо сырье для изделий-предметов или средство для их обработки» [Ляшевская 2004: 131]. Как отмечают Н.Н. Болдырев и Е.В. Федяева, «под традиционное понимание “предмета”, таким образом, не подпадает довольно значительное количество имен смешанной категориальной семантики», к таковым относятся и имена веществ, что объясняется неоднородной структурой «самой категории предметности», что в свою очередь обусловлено сложностью и многообразием окружающей среды [Болдырев, Федяева 2020: 6]. Таким образом, отсутствие формы и внутренней структуры не исключает названия жидкостей, как и в целом названия веществ, из семантического разряда предметных имен, характеризующихся семантическими признаками конкретности, неодушевленности и неисчисляемости, для которых присущи партитивные отношения («часть от целого»), которые «манифестируются именами – квантификаторами массы», выполняющими «функцию – измерения, представления неподдающейся счету по элементарным единицам массы» [Уфимцева 1986: 126-127].

Интересно, толкование понятия жидкости в португальском и русском словарях несколько расходится, поскольку авторы фокусируются на разных свойствах этого вещества: *Жидкость, -и; ж. Вещество, обладающее свойством течь и принимать форму сосуда, в котором оно находится* [Ожегов 2007: 190] СР. *L uido adj.: que flui ou corre; s.m. bebida; alimento l uido* [Estudante 1984: 621] *прил.: то, что течет или бежит; сущ. м. р.: напиток; жидкая еда*. В русском толковании указывается именно на свойство жидкости принимать форму сосуда, в котором она находится, тогда как в португальском словаре акцентируется внимание на функциональной предназначенности жидкости быть источником пропитания. Тем не менее основным физическим свойством жидкости как вещества является текучесть. В языковом плане названия жидкостей в португальском языке, как и их русские эквиваленты, представлены существительными *Singularia tantum*, реже *Pluralia tantum*, во вторичных значениях имена *Sgt* могут оформляться множественным числом, передавая при этом видовое значение: *o sector de cervejas* *отрасль по производству пива, refinaria de petróleos da Petrogal нефтенеperерабатывающий завод компании Петрогал, um depósito de combust veis* *хранилище горюче-смазочных материалов, A linha de cosmética abrange champôs, pasta dent frica, cremes e leites tónicos* *Косметическая линия представлена шампунями, зубной пастой, кремами и разными видами косметического молочка*; а также значение большой массы или интенсивности, которое в ряде контекстов сопряжено с пространственной характеристикой: *E eu ficava todo a tremer, alagado em suores frios* (А. Redol) *Меня всего трясло, я покрылся холодным потом* (букв. *холодными потами*), *O bote deslizou suavemente, cortando as águas* (А.М. Magalhães, I. Alçada) *Лодка плавно отплыла от берега, рассекая водную гладь* (букв. *вóды*).

Интересно, что из приведенных нами примеров с использованием названий жидкостей *Sgt* во вторичных значениях лишь два случая употребления эквивалентны их русским аналогам, что свидетельствует об отсутствии возможности формирования плюральной характеристики у многих русских имен жидкостей, а при наличии в русском профессионально-техническом дискурсе плюральных форм имен жидкостей указанные формы не могут быть использованы при переводе в силу отсутствия сочетаемости и их стилистического несоответствия общему контексту. Особенностью португальской именной системы является отсутствие морфологи-

ческих ограничений на формирование множественного числа у неисчисляемых существительных.

Основным когнитивным механизмом формирования количественного смысла у названий жидкостей является вычленение части, что также имеет свою собственную специфику представления в португальском языке. В частности, в португальском языке отсутствуют специальные грамматические средства для передачи значения части, или партитивности, такие как частичный (партитивный) артикль во французском языке или второй родительный падеж в русском языке. Традиционно в португальском языке партитивное значение передается пропуском артикля перед названием жидкости, а также с помощью разнообразных лексических средств, обозначающих часть от целого: *A mulher fez-lhe **caf** **bem quente** e misturou-lhe **um pouco de aguardente*** Жена сварила ему **очень крепкий кофе** и добавила в него **немножко водки**; *Maria Luza come as torradas e **bebe caf com leite*** (M. Fonseca) Мария Луиза ест тосты и **пьет кофе с молоком**; *...aquele grupo de rapazes novos que **tomavam caf e bebiam cerveja*** ... кто-то из молодых людей **пил кофе**, а кто-то **предпочитал пиво**; *J **bebi refresco a mais**. Estou a ver a dobrar!* (А.М. Magalhães, I. Alçada) Я уже **перебрал** (букв. '**выпил слишком много напитка**'). У меня **двоится в глазах**.

Употребление португальских артиклей (определенного, неопределенного и нулевого) зависит как от семантического класса определяемого ими существительного, так и от правил синтаксической связи слов в словосочетании и предложении, поэтому значение части у названий жидкости может быть представлено с помощью определенного и неопределенного артиклей. Так, для обозначения стандартных порций жидкости используется неопределенный артикль, который предполагает определенный объем жидкости, варьирующийся в зависимости от конкретной жидкости: *Subiam à rua uan do o dia aclarava para **tomar um caf**, pão e algum conduto, **uma aguardente** nas manhãs h mid as e frias* (J. Saramago) На рассвете они заходили в **кафе**, расположенном в начале улицы, и заказывали **по чашечке кофе**, бутерброду с чем-нибудь, а в холодные и сырые дни они просили принести им **водочки**. Если же в микротексте речь идет не только о порции, но и о самом напитке, то существительное оформляется определенным артиклем: *Quer **um caf**. Pois sim, é uma boa ideia. **caf** foi feito, passado para **uma chávena**, bebido (...)* *Vai mexendo com a colher **o resto de caf** u e ficou no fundo da **chávena*** (J. Saramago) Хочешь **чашечку кофе**. Да, отличная идея. **Кофе** был приготовлен, налит в **чашку**, выпит (...) Он продолжает помешивать ложечкой **кофе** (букв. '**остаток кофе**'), **оставшийся на дне чашки**. Можно сказать, что это в принципе аналогично употреблению названий веществ в русском языке, когда значение части, вычленяемой из целого, может выражаться не только вторым родительным падежом, но и первым родительным падежом [См. подробнее Успенский 2004: 11-12]. Для обозначения остаточной части жидкости может быть использовано как ее обозначение во множественном числе: *...despejaram **os restos de leite** sobre o lume* (А. М. Magalhães, I. Alçada) ...плеснули **остатки молока на огонь**, так и неопределенный артикль, если этого требует синтаксическая конструкция: *...ainda houve **um resto de água** num poço da aldeia ...в деревенском колодце еще **оставалось немного воды***.

На выбор артикля перед названием жидкости, представленной частью, может оказывать влияние ее представление как некоего целого, ограниченного дозификатором: ...*vêem aparecer sobre o mesa o pão, a carne e o vinho* (M. Fonseca) ...они видят, как на столе появляется хлеб, мясо и вино; *Rita (vazando o azeite na candeia)* (B. Santareno) Рита (наполнила маслом лампадки); *Era Juliana, de avental branco, com o chá* (Eça de Queirós) Вошла Жулиана, в белом фартуке, с чаем; *Gonçalo acabou o whisky e pediu ao criado que lhe trouxesse outro* (L. Monteiro) Гонсалу допил виски и попросил официанта, чтобы тот принес еще (букв. 'другой'). Определенный артикль необходим перед названием жидкости, если за данным существительным следует определенная конструкция: ...*respingando-se com o leite que crescia formando uma orla de espuma nas bordes do balde* (A. M. Magalhães, I. Alçada) ...они брызгались молоком, которое наполняло ведро, образуя пену по его краям; ...*limpou o sangue que formava uma pasta no alto da cabeça* (A.M. Magalhães, I. Alçada) ...он вытер кровь, которая запеклась на макушке; *Com o suor a escorrer-lhe pelas faces cavadas...* (M. Fonseca) По его впалым щекам течет пот. Нами были рассмотрены случаи, когда значение части может концептуализироваться как целое, а если же целое «мыслится как совокупность качественно отдельных частей, которая может члениться произвольным образом» [Успенский 2004: 12], то в данном случае речь уже идет о качественной характеристике жидкости, что предполагает оформление данного существительного также определенным артиклем: *Estar como o peixe na água* Быть как рыба в воде; *O vinho mata a sede* Вино утоляет жажду.

Таким образом, представление количественных смыслов, в частности отношений части и целого, у португальских названий жидкостей имеет свою специфику, что находит отражение в выборе соответствующего артикля, определенного или неопределенного, или его отсутствия.

Литература

Болдырев Н.Н. Когнитивная семантика. Введение в когнитивную лингвистику: курс лекций / Изд. 4-е, испр. и доп. Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2014.

Болдырев Н.Н., Федяева Е.В. Когнитивные механизмы формирования количественных смыслов в языке // Вопросы когнитивной лингвистики. 2020. № 3. С. 5-14.

Ляшевская О.Н. Семантика русского числа. М.: Языки славянской культуры, 2004.

Ожегов С.И. Словарь русского языка. М.: ОНИКС. Мир и образование, 2007.

Успенский Б.А. Часть и целое в русской грамматике. М.: Языки славянской культуры, 2004.

Уфимцева А.А. Лексическое значение. Принципы семасиологического описания лексики. М.: Наука, 1986.

Estudante 1984 – Dicionário de Português. Dicionários do Estudante. Porto: Porto Editora, 1984.

URL: <http://linguateca.pt/CETEMPUBLICO/>

O.A. Shershukova (Moscow, Russia)

Diplomatic Academy of the Russian Foreign Ministry

THE INTERACTION OF COGNITIVE AND LINGUISTIC STRUCTURES IN THE EXPRESSION OF QUANTITY RELATIONS OF PORTUGUESE NAMES FOR LIQUID SUBSTANCES

The article examines the interaction of cognitive and linguistic structures in the expression of the quantity relations. The analysis is carried out basing on the use of the names of liquids in Portuguese. In Portuguese, the relations of part and whole are expressed with the help of articles (or the absence thereof).

Key words: part, the whole part, name of the liquid, quantity, portion

A.B. Эльстон-Бирон (Екатеринбург, Россия)

*Уральский федеральный университет имени первого
Президента России Б.Н. Ельцина*

eleston@mail.ru

КОГНИТИВНАЯ МЕТАФОРА СВЕТА-ТЕНИ-ТЕМНОТЫ В ХУДОЖЕСТВЕННЫХ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯХ СИТУАЦИИ ОБЪЯСНЕНИЯ В ЛЮБВИ (НА МАТЕРИАЛЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ А.П. ЧЕХОВА)

В статье описывается когнитивная метафора света-тени-темноты в произведениях А.П. Чехова при его обращении к описанию ситуации объяснения в любви. Выявлено, что данная когнитивная метафора обладает сложной структурой, а освещение пространства, в котором находятся участники ситуации связано с их дальнейшей судьбой.

Ключевые слова: когнитивная метафора, когнитивная система автора, творчество А.П. Чехова.

Когнитивная метафора является одним из важнейших способов познания окружающего нас мира. В современной когнитивистике ее трактуют как основную «ментальную операцию, как способ познания, категоризации, концептуализации, оценки и объяснения мира» [Будаев 2007: 20]. Функции когнитивной метафоры заключаются не только в формировании, хранении и воспроизведении культурных установок целого социума, но и отдельных его представителей. При изучении когнитивных метафор традиционными примерами в работах исследователей для иллюстрации явления служат цитаты из произведений литературы. В таком случае речь идет об уже устоявшейся, найденной и описанной учеными форме взаимодействия носителя языка с окружающим миром. Когнитивная лингвистика давно пришла к выводу, что создавая художественный текст, автор неизбежно репрезентирует в нем часть собственной ментальной картины. Одним из способов такой репрезентации служит когнитивная метафора. Выявить авторские когнитивные метафоры непросто. Они настолько привычны для носителей языка, что «не осознается даже сама метафора. Это настолько привычный способ восприятия языка, что иногда трудно представить себе, что что-то здесь не соответствует реальности» [Лакофф 2004: 32].

В литературно-художественном тексте когнитивные метафоры соотносятся с *содержательно-концептуальной информацией текста*, которая «сообщает читателю индивидуально-авторское понимание отношений между явлениями, описанными средствами содержательно-фактуальной информации, понимание их причинно-следственных связей, их значимости в социальной, экономической, политической, культурной жизни народа, включая отношения между отдельными индивидуумами, их сложного психологического и эстетико-познавательного взаимодействия» [Гальперин 2007: 28]. Л.Г. Бабенко считает, что сегодня концептуальный анализ активно задействован в лексикологии и фразеологии. В то время как в лингвистическом анализе текста таких исследований проведено недостаточно и «нет еще последовательной модели концептуального анализа целого текста» [Бабенко 2004: 56]. Нам видится, что одним из обязательных пунктов в такой модели должен стать анализ когнитивных метафор.

Для обнаружения когнитивной метафоры в тексте художественного произведения требуется провести предварительные дискурсивные исследования. Здесь под *дискурсом* мы понимаем «совокупность высказываний, принадлежащих к одной системе формаций» [Фуко 1996: 167]. Для художественного текста формация, как набор правил применения, существования, закрепления, изменения и исчезновения дискурсивной практики задается рамками произведения в границах нового творческого замысла. При парадигматическом сопоставлении одной и той же дискурсивной практики в нескольких текстах становится очевидным, что она сохраняет свои типовые черты. Устойчивость дискурсивной практики выражается посредством воспроизведения одной и той же когнитивной метафоры, базирующейся на ментальных установках автора.

Например, в творчестве А.П. Чехова существует множество репрезентаций такой дискурсивной практики как объяснение в любви. На первый взгляд, каждая ситуация объяснения неповторима, индивидуальна и создается автором в границах целостного произведения. Однако анализ совокупности объяснений в любви позволяет выявить определенные типовые черты, сохраняющиеся при описании данной ситуации от текста к тексту. Кроме того, схожесть наблюдается в произведениях различных жанров. В пьесе А.П. Чехова «Безотцовщина», в повестях «Моя жизнь», «Драма на охоте», «Три года» и в рассказах «У знакомых», «Попрыгунья», «Учитель словесности», «Дом с мезонином» присутствуют описания ситуации объяснения в любви. Все они протекают при различном освещении, но всегда в границах парадигмы – *свет/тьень/темнота*. В пяти произведениях из восьми объяснение в любви происходит поздно вечером, когда влюбленных освещает только луна (*при лунном свете, в лунные ночи, лунный свет, лунной ночью, о лунном блеске, светил полумесяц, восходила луна*). Ночное природное светило не описывается лишь в повести «Моя жизнь», хотя и здесь действие происходит в ночное время (*Поздно вечером, когда было совсем темно*) [Чехов 1977, Т.9: 239]. Описания освещенности пространства в повестях «Драма на охоте» (*жгучие лучи полуденного солнца*) [Чехов 1975, Т.3: 324] и «Три года» (*на улице было жарко, я держу вас на жару*) [Чехов 1977, Т.9: 18-19] могут показаться исключением. Однако и здесь влюбленные оказываются наедине либо в полутемной пещере, спрятавшись от чужих глаз и жгучего солнца

(звук исходил из одной пещеры) [Чехов 1975, Т.3: 324], либо объясняются в полутемных сенях на лестнице (вошли в сени) [Чехов 1977, Т.9: 19].

Искусственные источники света (свечи, огни, огоньки, светящиеся окна, лампы) встраиваются в окружающую влюбленных игру света и тени и тоже несут смысловую нагрузку, которая становится видна только при развитии сюжета. Так, в повести «Моя жизнь» автор от лица Мисаила Полознева описывает дом его возлюбленной Марии Должиковой следующим образом: «у Должиновых, окна светились, но ничего нельзя было разглядеть сквозь цветы и занавески» [Чехов 1977, Т.9: 239]. Юноша не может найти в себе силы войти в светлый дом, где его с радостью примут, он боится объясниться в любви и потому испытывает чувство абсолютного одиночества: «В темноте, под дождем, я почувствовал себя безнадежно одиноким, брошенным на произвол судьбы» [Чехов 1977, Т.9: 240]. Влюбленный остается на улице и уходит, убегает в темную ночь, скрывающую его: «побежал по улице, как мальчишка, испытывая страх и думая, что сейчас непременно выйдут и узнают меня» [Там же]. Этот побег в темное холодное пространство от ярко горящих окон дома служит маркером дальнейшей несчастливой истории влюбленных. Поженившись, влюбленные расстаются через несколько лет совместной жизни, что приносит обоим глубокие страдания. Темная холодная ночь и одиночество юноши описываемые автором, боязнь открыто высказать свои чувства приводят к дальнейшему тяжелому и болезненному разрыву. Ни юноша, ни девушка не смогли разглядеть свое горькое будущее сквозь цветы и занавески, очерченные тенями на фоне яркого окна.

Противоположный пример, обещающий влюбленным счастливую судьбу, встречается в рассказе «Учитель словесности». Никитин тоже идет объясняться в любви Манюсе поздним вечером: «Когда, поздно вечером, шел он из гимназии к Шелестовым» [Чехов, 1977, Т.8: 320]. Хотя юноша совершенно теряется и путается в словах признания: «Я не могу, не в состоянии...» [Чехов, 1977, Т.8: 321], тем не менее способность на смелый поступок выводит влюбленных из темного угла, в котором произошло объяснение: «в углу между стеной и шкапом» [Там же]. Счастливые, они сначала бегут в сад, залитый призрачным лунным светом: «над садом светил полумесяц и на земле из темной травы, слабо освещенной этим полумесяцем, тянулись сонные тюльпаны и ирисы, точно прося, чтобы и с ними объяснились в любви» [Чехов, 1977, Т.8: 322]. Затем вместе отправляются к дому, в котором ярко горят окна, звучит музыка, раздается молодой смех и танцуют мазурку: «Никитин и Манюся вернулись в дом, офицеры и барышни были уже в сборе и танцевали мазурку. Опять Полянский водил по всем комнатам grand-ronde, опять после танцев играли в судьбу» [Там же]. В дальнейшем влюбленных ожидает венчание и достойная жизнь в новом доме: «Мартовское солнце светило ярко, и сквозь оконные стекла падали на стол горячие лучи <...> вот войдет Манюся, обнимет одною рукой за шею и скажет, что подали к крыльцу верховых лошадей или шарабан, и спросит, что ей надеть, чтобы не озябнуть. Начиналась весна такая же чудесная, как и в прошлом году, и обещала те же радости» [Чехов, 1977, Т.8: 332].

Таким образом, описывая ситуацию объяснения в любви, А.П. Чехов ставит ее участников в момент признания на границу света и тьмы. Состояние влюбленности метафорически связано с образами тени, полумрака, неясности, в кото-

рой находятся участники ситуации. Отсюда рождается авторская когнитивная метафора *свет/тьнь/темнота*, влияющая на перипетии в судьбе влюбленных. В зависимости от решительности персонажей и искренности их чувства автор направляет персонажей в сторону темноты или света, а в дальнейшем может обречь влюбленных на тяжелые испытания вплоть до смерти детей. Иллюстрацию такого «темного» авторского решения можно найти, например, в повести «Три года»: «*Лида заболела дифтеритом и что от нее заразились Юлия Сергеевна и ребенок, а еще через пять дней пришло известие, что Лидка и Юлия выздоравливают, а ребенок умер*» [Чехов, 1977, Т.9: 72]. Отметим, что А.П. Чехов редко ведет влюбленных к источнику света. Такие случаи встречаются лишь в повести «Драма на охоте» и в рассказе «Учитель словесности». Еще реже автор приводит влюбленных к «светлому» финалу их любовной истории. Только в рассказе «Учитель словесности» участники объяснения живут счастливо. В пьесе «Безотцовщина», в повестях «Моя жизнь», «Драма на охоте», «Три года», в рассказах «У знакомых», «Попрыгунья», «Дом с мезонином» ночная темнота, скрывающая влюбленных, а также их выбор «темного» пути после объяснения оборачиваются в дальнейшем болезненным разрывом отношений.

Литература

Бабенко Л.Г. Лингвистический анализ художественного текста. Теория и практика : учебник. Практикум / Л. Г. Бабенко, Ю. В. Казарин. 2. изд. Москва : Флинта : Наука, 2004.

Будаев Э.В. Становление когнитивной теории метафоры // Лингвокультурология. 2007. №. 1. С. 19-35.

Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. Изд. 5-е, стереотипное. Москва: КомКнига, 2007.

Лакофф Д., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем: пер. с англ. / под ред. и с предисл. А.Н. Баранова. Москва: Едиториал УРСС, 2004.

Фуко М. Археология знания. Киев: Ника-Центр, 1996.

Чехов А.П. Полное собрание сочинений и писем: В 30 т. Т. 3. [Рассказы. Юморески. «Драма на охоте»], 1884–1885. Москва : Наука, 1975.

Чехов А.П. Полное собрание сочинений и писем: В 30 т. Т. 8. [Рассказы. Повести], 1892–1894. Москва: Наука, 1977.

Чехов А.П. Полное собрание сочинений и писем: В 30 т. Т. 9. [Рассказы. Повести], 1894–1897. Москва: Наука, 1977.

A.V. Eleston-Biron (Ekaterinburg, Russia)

Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin

COGNITIVE METAPHOR OF LIGHT-SHADOW-DARKNESS IN ARTISTIC REPRESENTATIONS OF PROFESSING LOVE: THE WORKS OF A.P. CHEKHOV

The article describes the cognitive metaphor of light-shadow-darkness in the works of A. P. Chekhov, specifically his description of a character professing their love. It is revealed that this cognitive metaphor has a complex structure, and the illumination of the space in which the participants of the scene are located is connected with their fate.

Key words: cognitive metaphor, cognitive system of the author, works of A.P. Chekhov.

V. ЛЕКСИЧЕСКИЕ, ГРАММАТИЧЕСКИЕ И ДИСКУРСИВНЫЕ СПОСОБЫ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ЗНАНИЙ

*И.И. Абдулганеева (Казань, Россия)
Казанский (Приволжский) федеральный университет
abdulganii@bk.ru*

АКТУАЛИЗАЦИЯ КАТЕГОРИИ ИНТЕНСИВНОСТИ В ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

В настоящей статье представлены результаты исследования по проблеме актуализации категории интенсивности словообразовательными средствами языка в русско- и немецкоязычном публицистическом дискурсе. В качестве материала исследования выступили дериваты, образованные посредством префиксального форманта *супер-* в русском языке, а также их аналогичные модели в немецком языке.

Ключевые слова: когнитивная лингвистика, категория интенсивности, словообразование, публицистический дискурс, прагматика, словообразовательные форманты интенсификации.

Актуальность настоящего исследования обусловлена междисциплинарностью и продиктована необходимостью изучения когнитивных механизмов актуализации категории интенсивности в русской и немецкой лингвокультурах с учетом когнитивно-дискурсивных особенностей текстов публицистического дискурса, выявления особенностей репрезентированности категории интенсивности средствами словообразовательного уровня в разноструктурных языках. Материалом исследования послужили данные Национального корпуса русского языка, а именно параллельный подкорпус в паре русско-немецкий и немецко-русский языки. В рамках настоящей публикации представлены результаты анализа газетно-журнального корпуса.

В фокусе когнитивно-дискурсивного анализа настоящего исследования словообразовательная модель, образованная посредством префиксоида *супер-*. Важными, на наш взгляд, для исследования являются также такие вопросы как роль словообразовательного уровня языка в вопросах категоризации окружающей действительности, особенности когнитивных механизмов, участвующих в выборе определенного словообразовательного форманта при актуализации категории интенсивности сквозь призму этнокультурной обусловленности и конвенциональных параметров сопоставляемых языков в отношении словообразовательной и когнитивной семантики дериватов русско- и немецкоязычного публицистического дискурса.

Сопоставительный анализ репрезентированности категории интенсивности видится актуальным и перспективным, в силу того, что сопоставление позволяет выявить и раскрыть универсальные и уникальные явления в определенном языке, указывая тем самым на более глубокие сходства и расхождения при сопоставлении конкретных явлений определенного уровня языка. По нашему

мнению, словообразовательный уровень языка участвует в процессах категоризации внешнего и внутреннего мира человека: «словообразование и деривационная система языка отражены в языковой картине мира и указывают на специфику самой языковой картины мира и ее носителей» [Абдулганеева 2022: 96]. Кроме того, семантический аспект словообразования обращает нас к рассмотрению не только значений словообразовательных формантов, при помощи которых данные дериваты образованы, но и условий их функционирования, актуализации потенциальных значений.

Функционально-семантическая природа и морфемный статус префиксального форманта *супер-* достаточно неоднороден. В исследованиях и работах по словообразованию до сих пор нет однозначного определения и отнесения к определенному роду морфем подобного рода. В работе Е.А.Земской префиксальные форманты *архи-*, *сверх-*, *супер-* отнесены к приставкам «со значением высокой степени обнаружения признака» [Земская 2005: 42]. Также следует отметить, что «...универсальность значения приставок, близость их семантики к семантике частиц и наречий, их структурная самостоятельность в составе слова приводят к тому, что приставки в своей массе являются более продуктивными морфемами, чем суффиксы. Их употребление менее регламентируется ограничениями, связанными с семантикой основы» [Земская 2005: 44], в связи с чем анализируемые нами префиксальные форманты могут сочетаться как с качественными, так и с относительными прилагательными и существительными.

Как в русском, так и в немецком языке префикс *супер-/super-* присоединяется к основам существительных или прилагательных и образует именные дериваты. Немецкий формант *super-* – префикс заимствованных существительных является также продуктивным (в значении высокой или высшей степени качества) [Словарь словообразовательных элементов немецкого языка, 1979: 403]. Анализ словообразовательных моделей с формантом *супер-* показал, что для образования именных дериватов в русском языке мотивированными основами могут выступать как имена существительные, так и имена прилагательные: *суперсила* – *суперсильный*, *суперновый* – *суперновшество*, аналогичные положения наблюдаются и в отношении немецкого языка *Superkräftig* – *Superkraft*, *superstark* – но *Supermacht* (в значении *власть*). Однако анализ производных с формантом *супер-* позволяет предположить, что относительно и русского и немецкого языка четко выделяются два словообразовательных типа, один из которых на базе имен прилагательных отличается высокой продуктивностью и предполагает образование имен прилагательных от большинства качественных основ, реже, но также регулярно от существительных: *суперсила* – *супергерой*, так как наблюдается общность производящих основ, общность частеречной принадлежности производных слов. Верно положение ряда исследователей, согласно которому «размерно-оценочные префиксы *супер-*, *мега-*, проявляя активность в деривационных процессах на базе не только заимствованных, но и исконных слов. При этом оценочность новообразования может соответствовать позитивной семантике префикса, префикс может также указывать на большой размер обозначаемой реалии» [Русский язык и интернет-коммуникация ... 2021: 99].

В публицистическом типе дискурса, а именно газетно-журнальном, в определенной коммуникативной ситуации дериваты, образованные при помощи

префиксального форманта *супер-*, могут актуализировать категорию интенсивности. Если говорить о газетно-журнальном дискурсе в условиях современного медиапространства, то следует учитывать функционирование текстов в разного рода СМИ, включая интернет-издания. Газетно-журнальный дискурс отличается также широким спектром обсуждаемых проблем из области политики, общественной жизни, социального урегулирования, здравоохранения, экологии, культуры и т.д. При анализе газетно-журнальных статей, в которых функционируют дериваты с префиксоидом *супер-/super-* мы выделили следующие тематические группы статей: статьи о политических событиях и политических лидерах, об экономике и экономическом развитии, статьи об экологии, статьи о спортивных мероприятиях, спортсменах, статьи о медицине и здоровом образе жизни, статьи о культуре и мире искусства. Согласно В.И. Карасику медийно-политический дискурс представляет собой соединение характеристик таких типов общения как медийный и политический, при этом конвенции медийного дискурса соблюдают системообразующие цели: информировать, развлекать, а также оказывать воздействие на аудиторию. [Карасик 2021: 252]. Использование в текстах публицистического дискурса дериватов со словообразовательными формантами, которые позволяют донести новую информацию, но которая будет совпадать с имеющимися у субъекта пресуппозициями об описываемом факте, субъекте или объекте, включая качества и свойства описываемых явлений, направлено также на достижение прагматических целей конкретного текста. Анализ всего контекста и установление интенций субъектов коммуникации позволяет говорить об актуализации прагмасемантического потенциала префиксального форманта *супер-/super-*. Конвенциональные названия для характеризующих предметов и явлений окружающей действительности, как правило, существуют, и модели, таким образом с формантом *супер-* могут «...выполнять функцию оценочной категоризации предметов мысли, добавляя к этим характеристикам определенные оценочные смыслы» [Болдырев 2016: 242].

Актуализация категории интенсивности возможна в сложно взаимосвязанных и взаимообусловленных реализациях коннотативных потенций деривата, образованного посредством форманта *супер-*, с учетом контекста высказывания и построении синтагматических отношений, посредством усилительных словосочетаний. Данное положение демонстрирует контекст о великом музыканте, в котором функционирование деривата с *суперзвезда* в синтагматическом ряду с «*музыкальный колосс*», «*величайший скрипач*», «*несокрушимая скала*», «*музыкант, который рождается раз в сто лет*» актуализирует категорию интенсивности: «*Мировая суперзвезда*», «*музыкальный колосс*», «*величайший скрипач*», «*несокрушимая скала*», «*музыкант, который рождается раз в сто лет*» – *музыкальная пресса всех континентов не скупится на эпитеты. Величина популярности Максима Венгерова сравнима со степенью безумия поклонников поп-звезд.* Сергей Самойленко. Первая скрипка мира и его мама (2004)// «Континент Сибирь» (Новосибирск), 17.12.2004 [НКРЯ URL: <https://ruscorpora.ru/>].

Учитывая вышеизложенное, следует сделать следующие выводы.

Проведенное исследование показало, что актуализация категории интенсивности в текстах публицистического дискурса обусловлена прагмасемантиче-

скими установками субъекта коммуникации. Сопоставительный анализ репрезентации категории интенсивности ресурсами словообразовательных систем русского и немецкого языка на материале словообразовательных моделей с префиксальным формантом интенсификации *супер-*, функционирующих в публицистическом дискурсе позволяют указать на следующие сходства и расхождения. Отмечается идентичность словообразовательных моделей с формантом *супер-* и *super-* при образовании субстантивов и адъективов, формант является продуктивным в отношении сопоставляемых языков. В немецком языке наблюдается большое количество слов, образованных путем присоединения к англоязычным основам, в русском языке наблюдается присоединение указанных формантов не только к заимствованным, но к исконно русским основам.

Категория интенсивности проявляется в текстах публицистического дискурса различными языковыми средствами. Однако следует выделить словообразовательные средства интенсификации, эксплицированные словообразовательными моделями. Словообразовательный формант *супер-/super-* является частотным как для русского, так и для немецкого языка. Актуализация категории интенсивности возможна в сложно взаимосвязанных и взаимообусловленных реализациях коннотативных потенций деривата, образованного посредством форманта *супер-/super-*, с учетом контекста высказывания и раскрытия синтагматических отношений.

Литература

Абдулганеева И.И. Окказиональное словообразование: когнитивно-дискурсивный аспект // Вопросы когнитивной лингвистики. 2022. №3. С. 96-107.

Болдырев Н.Н. Когнитивная природа язык. Москва-Берлин: Директ-Медиа, 2016. 246 с.

Земская Е.А. Современный русский язык. Словообразование: учеб. Пособие. М.: Флинта: Наука, 2005. 328 с.

Национальный корпус русского языка. URL: <https://ruscorpora.ru/>

Русский язык в интернет-коммуникации: лингвокогнитивный и прагматический аспекты: коллективная монография / Т.Б. Радбиль, Л.В. Рацбургская, Е.В. Щеникова, Е.А. Жданова, Н.А. Самыличева, В.А. Куликова; под ред. Л.В. Рацбургской. Москва: ФЛИНТА, 2021. 328 с.

Словарь словообразовательных элементов немецкого языка / А.Н. Зуев, И.Д. Молчанова, Р.З. Мурашов и др.; Под рук. М.Д. Степановой. М.: Рус. яз., 1979. 536 с.

Карасик В.И. Языковая пластика общения: монография. М.: Гнозис, 2021. 536 с.

*I.I. Abdulganeeva (Kazan, Russia)
Kazan Federal University*

ACTUALIZATION OF THE CATEGORY OF INTENSITY IN PUBLIC DISCOURSE

This article presents the results of a study on updating the category of intensity through word-formation means of Russian and German-language public discourse. We studied derivatives formed by the prefix formant *super-* in Russian, as well as their similar models in German. The category of intensity is manifested in the texts of journalistic discourse by various linguistic means. The word-building formant *super-* is a frequent formant for both Russian and German. The category of intensity can be actualized in complexly interconnected and interdependent re-

alizations of the connotative potencies of the derivative formed by the formant super-, taking into account the context of the utterance and the disclosure of syntagmatic relations.

Key words: cognitive linguistics, category of intensity, word formation, journalistic discourse, pragmatics, word-formants of intensification.

Е.А. Абросимова (Омск, Россия)

Омский государственный аграрный университет

abrosimova@inbox.ru

С.И. Маджаева (Астрахань, Россия)

Астраханский государственный медицинский университет

sanya-madzhaeva@yandex.ru

МЕТОНИМИЧЕСКИЕ МОДЕЛИ СО СФЕРОЙ-ИСТОЧНИКОМ «МИР ПРИРОДЫ» В ВЕТЕРИНАРНОЙ КЛИНИЧЕСКОЙ МЕДИЦИНЕ

Рассматриваются ветеринарные термины, реализующие метонимические модели со сферой-источником «Мир природы» и сферой-мишенью «Болезнь». Анализируются названия болезней, связанные с миром растений, животных и неживой природы. Выделяются отношения целого и части, причины и следствия, лежащие в основе номинаций.

Ключевые слова: метонимия, метонимическая модель, ветеринарная терминология, клиническая терминология.

Важнейшую роль при формировании профессионального языка играют процессы концептуальной деривации, связанные с познавательной деятельностью и обеспечивающие «появление новой структуры знания в концептуальной системе человека на основе уже существующих концептов и концептуальных структур» [Бабина 2007: 86]. Особый интерес в этом аспекте представляют относительно закрытые, немедийные сферы профессиональной деятельности, к которым относится и ветеринарная медицина. Малоисследованность профессиональных номинаций этой сферы во многом связана нахождением ветеринарии «в тени», с одной стороны, «человеческой» медицины, а с другой – сельскохозяйственной деятельности. При этом язык ветеринарии развивается под воздействием ряда факторов, среди которых биологическое разнообразие пациентов, и, соответственно, огромное число заболеваний, имеющих видовую специфику; иное строение организма животного по сравнению с организмом человека; историческая связь ветеринарии с разведением животных и утилитарно-практическое отношение к ним; большая близость ветеринарного пациента к природе. Эти и другие особенности ветеринарии, по-видимому, могут создавать предпосылки для такого вида концептуальной деривации, как метонимический перенос.

Метонимический образ, основанный на сдвиге фокуса внимания [Падучева 2004], «рождается в результате наложения (а не совмещения) концепта-источника на концепт-цель, условием которого является прототипичный характер первого по отношению к одной из вакантных позиций второго». [Солодилова 2014: 34]. Сфера-источник и сфера-мишень метонимической концептуальной модели вовлечены в одну ситуацию и связаны рациональными отношениями.

При этом в номинациях различных профессиональных сфер могут реализовываться специфические метонимические модели [Голованова 2019], что отражает направления той или иной познавательной деятельности. Важным в этом аспекте становится представление о практической метонимии, суть которой заключается в том, что «по части ситуации узнается ее другая часть и достраивается ситуация в целом, либо по ситуации в целом узнаются отдельные ее части» [Сериков 2007: 132].

Целью нашей статьи является попытка обозначить некоторые особенности концептуализации важнейшего для ветеринарии понятия – болезнь животного – через описание метонимических моделей, реализованных в ветеринарной клинической терминологии. Материалом исследования послужили русскоязычные наименования болезней животных, зафиксированные в ветеринарных словарях и справочниках, среди которых «Краткий толковый словарь ветеринарных терминов» Д. Лэйна и С. Гутри в переводе Ю.А. Кеда (2007), шеститомная «Ветеринарная энциклопедия» под ред. К.И. Скрябина (1968), «Словарь ветеринарных клинических терминов» Ф.М. Орлова (1983). Одной из особенностей ветеринарной терминологии является ее стилистическая неоднородность – наличие номинаций, образованных с помощью стандартных терминоэлементов, и обозначений, следующих скорее описательной модели, пришедшей, по-видимому, из практики содержания животных (*сенный живот, простуда рыб* и т. д.). В материал исследования были включены термины обеих условных групп, так как и те, и другие входят в профессиональные словари и справочники.

Исторически сложившаяся тесная связь ветеринарии с сельскохозяйственными видами деятельности (скотоводством, земледелием, охотой, рыбалкой и т.д.) неизбежно ведет к установлению связей между миром природы и заболеваниями животных. В ветеринарных номинациях заболеваний, соответственно, можно наблюдать переносы из такой сферы-источника, как мир природы, который может быть представлен в виде фреймов «мир растений», «мир животных» и «мир неживой природы».

Мир растений. Растения, из которых изготавливают корма, становятся источником метонимического переноса в номинациях таких патологий, как *травяная, силосная, сенная болезнь, сенный живот, сенная лихорадка*: растительный корм, с которым контактирует животное (употребляет в пищу или, как в случае с *сенной лихорадкой*, вдыхает пыльцу растений, оставшуюся в таком корме), выступает как причина болезней. Кроме того, растения могут быть материалом для образования или вещества, вызывающего болезнь: *фитобезоар, фитоконкремент* – камень, образовавшийся из растительных волокон, *фитотоксин*. В ряде терминов на первый план выходят части растений: *поллиноз* (от лат. *pollen, pollinis* – цветочная пыльца), *нектарный и пыльцевой токсикоз пчел*. Целая группа заболеваний получила номинации по виду или роду растений, вызвавших заболевание; причем вред, причиняемый растением, может заключаться как в отравлении, например *клеверная болезнь*, или *трифолитоксикоз* (от лат. *trifolium* – трилистник, клевер), *лупиноз* (от лат. *lupinus* – люпин), так и в ранении или раздражении кожи и слизистых оболочек: *ковыльная болезнь*, или *стипаноз* (от лат. *stipa* – ковыль).

Мир животных. В ряде терминах ветеринарной медицины фокус внимания перемещается на род или класс животного, подверженный той или иной болезни (часто вызванной паразитом). Так, регулярной можно назвать модель, при которой латинский или греческий корень слова, обозначающий животное, соединяется с терминоэлементом *-osis* с общим значением «заболевание»: *пситтакоз* (от лат. *psittacus* — «попугай»), *ихтиофтириоз* (буквально *болезнь, вызываемая рыбьей вошью*), *айлуростронгилез* (болезнь кошек, вызываемая нематодой *Aelurostrongylus abstrusus*, от греческого *αἴλουρος* – кошка). С другой стороны, используются расчлененные обозначения: *чума раков, понос пчел, краснуха угрей, фурункулез лососевых, септицемия пчел, краснуха карпов, желтуха шелкопряда, септический псевдомоноз карпов и толстолобиков* и т.д. Во многих наименованиях акцент сделан на возраст заболевших животных и стадии их жизни: *грипп утят, грипп поросят, пуллороз* (от лат. *pullus* – цыпленок, птенец), *дизентерия ягнят, болезни икры рыб, кетозы суклящих овец*. На первый план в номинациях может быть вынесено действие самого животного, вызывающее патологию и одновременно являющееся ее следствием: *самооцип комнатных попугаев, самовыдаивание, самопогрызание пушных зверей, почесуха, лизуха, «дикование» животных, залеживание беременных*. В номинации может фиксироваться действие, происходящее с определенной частью тела больного животного (обычно в таких терминах присутствует отглагольное существительное): *ерошение чешуи, сечение меха, подмокание норок* (подмокание – от подмокать, то есть намочить снизу), *заворот сычуга, закручивание языка у индюшат, закупорка зоба, застойный сосок* и др. Многие наименования образованы по традиционным моделям: латинский или греческий корень, обозначающий ту или иную часть тела, и терминологические элементы со значением различных патологий, например воспаления: *руминит* (от лат. *rumen, ruminis* – рубец), *омазит* (от лат. *omasum* – книжка – отдел желудка жвачных), *клоацит* (от лат. *cloaca*). В номинациях типа *мокрое брюшко, синий язык, синий гребень, сухой язык, мягкий зоб* отражается наблюдаемый признак, который приобретает та или иная часть тела в процессе и результате болезни. С другой стороны, представители животного мира могут сами вызывать болезни у других животных. В терминах *вольфартиоз, бабезиоз, сангвиникоз, помфоринхоз* и др. отражается биологический вид или род, вызывающий патологию: *вольфартова муха, бабезии* и т.д. Номинации типа *пухоеды, пероеды, пухо-пероеды* фокусируют внимание на действии животного-паразита, приводящем к патологии.

Мир неживой природы. В наименованиях болезней отражаются причинно-следственные связи патологий с осадками (*дождевой ожог лошадей, дождевая гниль*), пылью (*пылевые инфекции*), температурными условиями (*запаривание пчел, простуда рыб, застуженный расплод, обморожение вымени*), горной местностью (*горная болезнь*), определенными веществами и их избытком или недостатком (*гипокобальтоз, гиперкальцемия, меркуриализм, сатурнизм, солевой токсикоз пчел*).

Таким образом, в клинической ветеринарной терминологии фиксируются причинно-следственные связи между миром растений, животных, а также неживой природы и заболеваниями. При этом животные выступают как объекты вредоносного воздействия флоры, фауны, различных веществ и природных условий;

с другой стороны, в ветеринарных номинациях отражается способность животного своими действиями вызывать определенные патологии в собственном организме. В ряде терминов на первый план выходят отношения части и целого (конкретный вид/род/класс животного, подверженный болезни; кроме того, патология может определяться по той или иной части тела животного, вызываться определенной частью растения или субстанцией из растительного сырья). Метонимические переносы в профессиональном языке ветеринарии, безусловно, имеют и другие сферы-источники: географические области распространения заболевания, имена ученых, впервые наблюдавших ту или иную патологию, «человеческая» медицина и уже известные патологии и т.д. Описание и систематизация таких наименований в перспективе может способствовать более полному представлению о специфике концептуализации мира в ветеринарной терминологии.

Литература

Бабина Л.В. Проблема концептуальной деривации // Вопросы когнитивной лингвистики. 2007. № 4 (013). С. 86-91.

Голованова Е.И. Метонимия в сфере профессиональной номинации // Вестник Челябинского государственного университета. 2019. № 10 (432). Филологические науки. Вып. 118. С. 50-58.

Падучева Е.В. Динамические модели в семантике лексики. М.: Языки славянских культур, 2004. 608 с.

Сериков А.Е. Метафора и метонимия в практическом действии // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия «Философия. Филология». 2007. № 1. С. 132-142.

Солодилова И.А. Метонимия: попытки описания и моделирования // Вестник Воронежского государственного университета. 2014. № 4. С. 31-35.

E.A. Abrosimova (Omsk, Russia)

Omsk State Agrarian University

S.I. Madzhaeva (Astrakhan, Russia)

Astrakhan State Medical University

METONYMIC MODELS WITH THE "WORLD OF NATURE" SOURCE DOMAIN IN VETERINARY CLINICAL MEDICINE

We consider veterinary terms which implement metonymic models from the source domain "World of Nature" and the sphere target "Disease". The names of diseases associated with the world of flora, fauna, and inanimate natural objects are analyzed. The relations of the whole and the part as well as the causes and consequences underlying the nominations are highlighted.

Key words: metonymy, metonymic model, veterinary terminology, clinical terminology.

Л.В. Бабина, И.Ю. Безукладова (Тамбов, Россия)
Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина
ludmila-babina@yandex.ru, ibesukladova@yahoo.com

АНГЛИЙСКИЕ СЛОЖНОПРОИЗВОДНЫЕ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫЕ: МОДЕЛИ СОЗДАНИЯ И КОНФЛИКТОГЕННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ¹

В статье рассматриваются когнитивные модели создания английских сложнопроизводных прилагательных, а также их конфликтогенный потенциал.

Ключевые слова: сложнопроизводные прилагательные, конфликтогенный потенциал, когнитивные модели, коннотация

В английском языке словосложение продуктивно настолько, что многие ученые рассматривают сложные слова как способ изучения того, как знания хранятся и конструируются в ментальном лексиконе человека. В силу того, что сложные слова занимают промежуточное положение между предложениями и простыми словами, существует альтернатива или актуализировать в процессе обработки сложного слова знание, стоящее за ним, или вывести это знание. При осмыслении сложных слов используются обе альтернативы. Так, Р. Либбен сравнивает процесс обработки сложных слов со скачками лошадей, в которых выигрывает тот, кто придет к финишу первым. При обработке сложных слов происходит как обращение к уже хранящимся в сознании структурам знаниям и их актуализация, так и разложение слова на составляющие, обращение к стоящим за ним знаниям, и вывод знания, объективированного сложным словом. Выигрывает тот процесс, который первым приводит к результату [Libben 2006].

Целью данной статьи с учетом сказанного является анализ когнитивных основ семантики сложнопроизводных слов $N + N + ed = A$ за счет описания когнитивных моделей их конструирования, выявления культурно обусловленных знаний, определяющих создание данных слов, а также их конфликтогенного потенциала. В ходе анализа используются методы концептуально-дефиниционного анализа и когнитивного моделирования.

Сложнопроизводные слова $N + N + ed = A$ создаются за счет сложения существительных, к второму из которых присоединяется суффикс *-ed*, используемый для образования притяжательных прилагательных и указывающий на наличие объекта, представленного существительным. Исходя из этого, одной из моделей, определяющей формирование семантики сложнопроизводного прилагательного, является пропозициональная когнитивная модель HAVE – ОБЪЕКТ.

Второе существительное сложнопроизводных слов $N + N + ed = A$ называет часть тела человека, абстрактное понятие, которое может по какому-то свойству сравниваться с объектом, существом или явлением, обозначенным первым существительным. Как показало исследование, первым существительным может быть:

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-18-00067, <https://rscf.ru/project/22-18-00067/>.

– название растения. При формировании семантики сложнопроизводного слова используется когнитивная модель сравнения PART OF BODY/ABSTRACT NOTION LIKE PLANT, часть тела человека или цвет сравниваются с каким-то внешним свойством растения. Это может быть цвет и форма растения (*sloe-eyed* “having attractive dark almond-shaped eyes” [COED 2006: 1358], *pear-shaped* “having hips that are disproportionately wide in relation to the upper part of the body” [COED 2006: 1054]). Словопроизводные прилагательные, включающие в качестве первого компонента название растения, чаще всего, имеют нейтральную или положительную коннотацию, хотя среди них встречаются слова с негативной коннотацией. Например, *lily-livered* “weak and cowardly” [COED 2006: 826]: *Need you! The old man sneered, but he was more subdued. ‘Have I ever said I bloody well need you?’ he demanded. Secretly, though, he was thankful that David had intervened. Although he would be glad to see the back of the lot of them, it wasn't yet time. Lately, he had been of a mind to trace his son Arnold Thomas, but until such a day as he might be fortunate in that respect, he had no one except the lily-livered David* [<http://bncweb.lancs.ac.uk>]. При формировании семантики слова учитывается культурологическая информация о том, что, согласно средневековому поверью, печень считалась вместилищем мужества. Человек, у которого в печени не было крови (как у цветка лилии бледного цвета), не обладал мужеством и, следовательно, был трусом.

– название животного. Семантику сложнопроизводного слова определяет когнитивная модель сравнения PART OF BODY LIKE ANIMAL, свойство органа человека сравнивается как с физическим свойством животного (*lynx-eyed* “keen-sighted” [COED 2006: 852]), так и с его поведением, которое определяет свойство характера, приписываемого животному человеком (*lion-hearted* “brave and determined” [COED 2006: 829], поскольку, как отмечает Ф.Х. Руис де Мендоса, могут учитываться любые свойства объекта, привлекаемого для сравнения [Ruiz de Mendoza 2020: 19]). Иногда для сравнения могут привлекаться сразу несколько свойств, например, физическое свойство (строение) и особенность передвижения (*snake-hipped* “(of a person) having very slender hips and moving in a sinuous way” [COED 2006: 1364]). Интересно отметить, что некоторые животные оказываются востребованными, и их названия используются для создания не одного сложнопроизводного слова. Например, к числу таких животных можно отнести быка. При этом в фокус могут попадать различные свойства, а именно строение частей тела животного (*bull-necked* “(of a man) having a thick neck” [COED 2006: 184], *bull-nosed* “having a rounded edge or end” [COED 2006: 184], поведение (*bullheaded* “determined or obstinate” [COED 2006: 184]). То же самое можно сказать и о голубе, наименование которого используется в качестве первого компонента нескольких сложнопроизводных прилагательных, описывающих особенности строения тех или иных частей тела человека (*pigeon-chested* “having a narrow, projecting chest” [COED 2006: 1085], *pigeon-toed* “having the toes or feet turned inwards” [COED 2006: 1085], особенности его характера (*pigeon-hearted* “timid” [COED 2006: 1085]). Словопроизводные прилагательные этой группы чаще всего имеют отрицательную коннотацию. Например, *pig-headed* “stupidly obstinate” (1085): *You don't know a damn thing about me. – I do, too. I know the only things in life that you regret are the risks you don't take. But you wouldn't understand*

that. Because you're too pig-headed. Damn [<http://corpus.byu.edu/coca/>]. Как видно, ассоциации, связанные с образами животных, которые привлекаются для характеристики человека, могут быть универсальными и культурно специфическими для представителей разных культур. Например, привлечение образа свиньи для характеристики упрямства не характерно для русского языка.

– название артефакта. Сложнопроизводные прилагательные, включающие наименования артефактов, могут создаваться при помощи нескольких моделей. Во-первых, может использоваться когнитивная модель сравнения PART OF BODY LIKE ARTEFACT. Например, *pie-faced* “informal having a roundish face and typically a blank or stupid expression” [COED 2006: 1084]. Может даваться представление или только о внешних свойствах внешности человека, или, как в приведенном примере, также и об общем впечатлении, производимом на человека, оценивающего часть тела с определенным свойством. Во-вторых, может задействоваться метонимическая когнитивная модель PART 1 (effect) – PART 2 (cause). Например, *pie-eyed* “informal very drunk” [COED 2006: 1084], при формировании семантики слова учитывается, что взгляд пьяного человека неподвижный, с широко раскрытыми глазами, такими же широкими и пустыми, как верхушка пирога. В-третьих, семантика сложноподобного слова способна формироваться при помощи пропозициональной когнитивной модели OBJECT2 – BE MADE OF – OBJECT1 и метонимической когнитивной модели PART 2 (cause) – PART 1 (effect). Например, *cloth-eared* “Brit. informal, derogatory unable to hear or understand clearly” [COED 2006: 270] (из-за того, что уши, сделаны из ткани (например, принадлежат мягкой игрушке), они не могут слышать). Среди сложноподобных прилагательных этой группы достаточно часто встречаются слова с негативной коннотацией. Например, *hatchet-faced* “informal sharp-featured and with a grim expression” [COED 2006: 653]: *She didn't want you to know. God, why do people think that I can't handle the truth? Go on, you hatchet-faced scarecrow! You baboon! You bag of bones!* [<http://corpus.byu.edu/coca/>].

– название природного явления. Сложнопроизводных прилагательных, включающих в качестве первого компонента название природного явления, не так много, формируются они при помощи когнитивной модели сравнения PART OF BODY LIKE NATURAL PHENOMENON. В качестве примера можно привести прилагательные *moon-faced* “having a round face” [COED 2006: 927] и *muddle-headed* “disorganized or confused” [COED 2006: 936], описывающие внешность человека и его умственные способности соответственно. При создании последнего прилагательного учитывается, что отсутствие у человека ясной мысли позволяет охарактеризовать его как дезорганизованного или сбитого с толку. Получается, что с грязью сравнивается содержимое головы - мысли. То есть, используется метонимическая когнитивная модель WHOLE – PART.

– название человека и абстрактного понятия. Ряд слов, передающих представления о размере, образуются по моделям ABSTRACT NOTION LIKE HUMAN BEING и ABSTRACT NOTION LIKE ABSTRACT NOTION. Первая модель используется при создании сложного слова *queen-sized* “of a larger size than the standard but smaller than the king-sized” [COED 2006: 1177], в фокус внимания попадает информация о размере власти. То есть используется еще и метафорическая когнитивная модель PHYSICAL – SOCIAL. При создании сложного слова

pint-sized “informal very small” [COED 2006: 1089] используется вторая модель, мера измерения еды или напитка за счет обобщения начинает использоваться для обозначения размера других объектов или человека.

Таким образом, в результате исследования показывается, что сложнопроизводные слова $N + N + ed = A$ создаются по целому ряду когнитивных моделей, одной из которых является когнитивная модель сравнения. При осуществлении сравнения в фокус могут попадать культурно обусловленные знания. Наибольшим потенциалом передачи негативных смыслов, а следовательно, конфликтогенным потенциалом, обладают сложнопроизводные слова с первым компонентом названием животного.

Литература

- British National Corpus. URL: <http://bncweb.lancs.ac.uk>.
Concise Oxford English Dictionary. Oxford: Oxford University Press, 2006.
Libben G. Why Study Compound Processing? An overview of the issues // The Representation and Processing of Compound words. Eds. Gonia Jarema and Garry Libben. Oxford: Oxford University Press, 2006. P. 1-22.
Ruiz de Mendoza Ibáñez F.J. Understanding figures of speech: Dependency relations and organizational patterns // Language & Communication. Elsevier. 2020. No. 71. P. 16-38.
The Corpus of Contemporary American English. URL: <http://corpus.byu.edu/coca/>
The Web's Largest Resource for Phrases, Verbs & Idioms. URL: https://www.phrases.com/phrase/sno.-t-nosed_6975.

L.V. Babina, I.Yu. Bezukladova (Tambov, Russia)
Derzhavin Tambov State University

ENGLISH PARASYNTHETIC ADJECTIVES: MODELS OF CREATION AND CONFLICTOGENIC POTENTIAL

The article discusses cognitive models used to form English parasynthetic adjectives, as well as their conflictogenic potential.

Key words: parasynthetic adjectives, conflictogenic potential, cognitive models, connotation.

A.Y. Bagiyan (Pyatigorsk, Russia)
Pyatigorsk State University
alexander.0506@mail.ru

LANGUAGE VARIATION IN FORMING PROFESSIONAL IDENTITY: SOCIO-COGNITIVE AND PRAGMATIC-AXIOLOGICAL PERSPECTIVES

This article justifies the need to take into account linguistic variation in socio-cognitive and pragmatic-axiological modeling for a comprehensive linguo-cognitive study of professional identity (PI). Based on the principle of a complex discursive matrix and language variation as its basic component, each stage of the modeling is described together with the justification of the methodological tools used.

Key words: professional identity, modeling, discourse, conceptual linguistic engineering, pragmatic axiology, linguistic variation, socio-cognitive approach.

Language variation refers to the ways in which language usage can differ depending on factors such as region, social class, or context. Even though studies in this sphere mainly concentrate on differences in vocabulary, pronunciation, grammar, and other aspects of language use, this research states that language variation is a fundamentally socio-cognitive process which cannot be analyzed in isolation from linguistic anthropology and, to be more specific, axiological linguistics.

In professional identity (PI), language variation can play a role in shaping how individuals are perceived and perceive themselves within their professional communities. The relevance of the research is justified as “describing variation in ‘speech communities’ remains a high-volume research activity”, especially when it is grounded in socio-cognitive theory and accompanied with the methodological repertoire of ideological sociolinguistics and linguistic axiology [Coupland 2007: 86–87]. Moreover, socio-cognitive and linguo-axiological perspectives on PI formation are relatively new to modern language studies [Bagiyan, Shiryayeva 2018]. Therefore, an axiological and socio-cognitive perspective is used for further exploration of PI formation.

Socio-cognitive factors play an important role in the formation of PI, since they include individual's beliefs, values, and attitudes, as well as the social and cultural contexts in which they operate. By examining the role of socio-cognitive factors in the formation of PI, we can gain a deeper understanding of how language use and other behaviors contribute to the development of a professional self-concept.

The reason we claim this phenomenon should be analyzed linguistically is that language gives rise to identity – “language abstracts the world of experience into words. The encounter with language raises us above mere immediacy of experience and immersion in the current of experience. This enables us to form a conception of self rather than simply being ourselves. [...] Identity is at root a matter of language” [Joseph 2004: 11-12]. Linguo-cognitive aspects are predominantly used because the goal of cognitive linguistics is to penetrate different knowledge structures through language comprehension and describe the dependencies that exist between them and language; the specificity of the cognitive approach is its increased attention to the functional aspect of the language and its real use [Boldyrev 2019: 31]. According to Kibrik, the modern cognitive approach to language is based on the idea of a targeted reconstruction of cognitive structures according to the external language form [Kibrik 2015: 32]. Both ideas justify the necessity of using socio-cognitive methodology.

As for the pragmatic-axiological approach, it is one of the key aspects of the conceptual linguistic engineering of PI [Bagiyan, Shiryayeva 2018] since it is the axiological dominant of any professional discursive space (PDS) representing the cognitive-axiological basis of the PI matrix and has the greatest potential in PI formation. Since the focus of this modeling is the linguistic content analysis of a certain discourse in order to build dominant axiological concepts, the data obtained can also be used as ‘retranslators’ of a professionally conditioned national culture, determining the value system of this professional community, its worldview, and behavior models [Forofontova 2008: 141]. We define axiological concepts as operational thought units that reveal the universal and national features of communication and human activity and reflect the essence of mental axiology [Erofeeva 2010: 26].

Socio-cognitive factors are important for the formation and maintenance of PI, and they play a crucial role in shaping the professional behavior of individuals. An in-

dividual's beliefs, values, and attitudes can influence their behavior in a professional setting. Moreover, socio-cultural contexts can influence professional behavior as well, for example in some cultures it may be considered appropriate to be assertive and direct in communication, whereas in others, indirect communication may be more valued. Understanding how these factors influence professional behavior can help individuals navigate diverse professional settings effectively. These are exactly the reasons why it is important to use pragmatic-axiological and socio-cognitive approaches when investigating PI and the way language variation influences it.

Since any investigated socio-cultural community in all its diversity is reduced to a set of community value attitudes, the individual must first incorporate these attitudes in order to further develop an adequate understanding of another cultural code. As language is the only safe 'window' to analyze an individual's mental and spiritual nature [Jackendoff 2007], it is justified to use linguo-cognitive methods to investigate the socio-pragmatic and axiological aspects of any PDS.

In order to analyze the role of language variation in forming PI, we suggest that pragmatic-axiological and socio-cognitive modeling should be implemented. The procedure for PDS modeling is based on the special selection, analysis, ordering, and transformation of elements of the language system and includes the following stages.

Preliminary stages

1. Corpus-based material selection and systematization. In the generated corpus, all data and findings for the modeling are accumulated.

2. Continuous sampling method. At this stage, pragmatic-axiologically charged language material is collected to form a part of linguistic and extralinguistic data in the corpus.

3. Discursive, contextual, and content analysis. The specified set of qualitative analytical methods is used when identifying contextual values reflected in the PDS and identifying related topics [Deroo, Ponzio 2019]. The main goal of this stage is also to segment the discursive language elements bearing the pragmatic-axiological charge.

4. Language variation analysis (Stage 1). This stage pinpoints all the possible sub-discursive varieties and takes into account their differences for further research.

Pragmatic-axiological stages

5. Cognitive, semantic, and definition analysis. This stage is necessary for verifying the research data and for a clearer construction of the linguistic and axiological structure of the basic axiological concepts of PDS.

6. Linguo-axiological analysis. This stage identifies language units that directly contribute to the formation of the axiological component of the PDS and the final reconstruction of the dominant axiological concepts.

7. Pragmatic-communicative analysis. This stage is necessary for structuring the axiological sphere, and for identifying pragmatic-linguistic and socio-pragmatic types of knowledge at different levels of knowledge transfer. It outlines the functional range of the lexical units with pragmatic-axiological charge and takes into account the interdependence of anthropological centers of communication within each discursive element (the main goal is to attempt to describe the mental states of participants in communicative interaction) [Bara 2011: 443].

8. Language variation analysis (Stage 2). This stage pinpoints the differences in the representation of the axiological concept in different sub-discourses.

Socio-cognitive stages

9. Socio-cognitive modeling. Establishing a relationship between the cognitive activities of a professional/amateur and the representation of the knowledge accumulated in the language of the social context.

10. Thesaurus modeling. Used for the correct structuring of the dictionary entry.

11. Language variation analysis (Stage 3). Needed for the final stages of sub-discursive segmentation.

12. Electronic lexicography. Used to identify systemic links within the thematic area.

Closing stages

13. Quantitative analysis. An important stage contributing to the identification of the frequency of correlations and patterns in the PDS.

14. Linguistic observation and description. The stage at which the patterns are recorded and interpreted, categorized, and generalized.

By examining the role of socio-cognitive and pragmatic-axiological factors in professional behavior, we can better understand how individuals interact within professional communities and work towards their goals. This understanding can influence effective professional development programs and training that equip individuals with the skills and knowledge necessary to succeed in diverse professional contexts. Socio-cognitive factors play a critical role in the formation, maintenance, and behavior of PI. Therefore, understanding how these factors influence PI and behavior can help individuals navigate diverse professional settings effectively and achieve their professional goals. Thus, pragmatic-axiological and socio-cognitive modeling of PDS and the study of its linguistic variation is important for the formation of individual PI.

References

Bagiyan A.Yu., Shiryayeva T.A. Developing the Method of Conceptual Linguistic Engineering of Professional Identity: Approaches, Essence, Prospects // Science Journal of Volgograd State University. Linguistics. 2018. Vol. 17. № 4. P. 214-228.

Bara B.G. Cognitive pragmatics: The mental processes of communication // Intercultural Pragmatics. 2011. Vol. 8. № 3. P. 443-485.

Boldyrev N.N. Language and The System of Knowledge. A Cognitive Theory of Language. 2 ed. Moscow: LRC Publishing House, 2019.

Coupland N. Style: Language variation and identity. Cambridge: CUP, 2007.

Deroo M.R., Ponzio C. Confronting ideologies: A discourse analysis of in-service teachers' translanguaging stance through an ecological lens // Bilingual Research Journal. 2019. Vol. 42. № 2. P. 214-231.

Erofeeva I.V. The axiology of media text in Russian culture: representation of values in journalism at the beginning of the 21st century: diss. abstract ... Dr. Philol. sciences. St. Petersburg, 2010.

Forofontova Yu.L. Axiological concept through a taxonomic prism (on the example of FATE concept) // Bulletin of Tambov University. Humanities. 2008. № 8 (64). P. 141-146.

Joseph J. Language and identity: National, ethnic, religious. Springer, 2004. *Jackendoff R.* Language, Consciousness, Culture: Essays on Mental Structure. Boston: MIT Press, 2007.

Kibrik A.E. Cognitive Approach to Language // Language and thought: Modern Cognitive Linguistics. Moscow: LRC Publishing House, 2015. C. 29-59.

*А.Ю. Багиян (Пятигорск, Россия)
Пятигорский государственный университет*

ЯЗЫКОВАЯ ВАРИАЦИЯ В ФОРМИРОВАНИИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ: СОЦИО-КОГНИТИВНЫЙ И ПРАГМА-АКСИОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

В статье обосновывается необходимость обязательного учета языкового варьирования при осуществлении социо-когнитивного и прагма-аксиологического моделирования для процедуры комплексного лингвокогнитивного исследования профессиональной идентичности. На основе принципа сложной дискурсивной матрицы и языкового варьирования как его базовой составляющей, описывается каждый этап моделирования вместе с обоснованием используемого в нем методологического инструментария.

Ключевые слова: профессиональная идентичность, моделирование, дискурс, концептуальное лингвопроектирование, прагма-аксиология, лингвистическое варьирование, социо-когнитивный подход.

*Г.Г. Бондарчук, Г.В. Грачев (Москва, Россия)
Московский государственный лингвистический университет
bondarchuk.gal@yandex.ru, georgegrachev@gmail.com*

НОВОЕ В РЕПРЕЗЕНТАЦИИ КОНЦЕПТА FOOD (ПИЦЦА) В СРЕДНЕАНГЛИЙСКИЙ ПЕРИОД

Статья продолжает публикацию результатов исследования развития английской лексики, относящейся к сфере питания. Рассматриваются особенности лексической репрезентации концепта FOOD (ПИЦЦА) в среднеанглийский период. Анализируются механизмы расширения лексической категории и отражение ее членами новой концептуальной информации.

Ключевые слова: концепт, категоризация, концептуализация, лексическая категория, среднеанглийский язык.

В настоящее время у исследователей, работающих в русле когнитивной парадигмы лингвистического знания, не вызывает сомнения тот факт, что основной оперативной содержательной единицей памяти и концептуальной системы является концепт [Кубрякова и др. 1996: 90]. Е.С. Кубрякова высказала важную мысль о том, что каждый отдельный концепт и система концептов в целом находятся в постоянном развитии: «Для образования концептуальной системы необходимо предположить существование некоторых исходных, или первичных концептов, из которых затем развиваются все остальные: концепты как интерпретаторы смыслов все время поддаются дальнейшему уточнению и модификациям. Концепты представляют собой неанализируемые сущности только в начале своего появления, но затем, оказываясь частью системы, попадают под влияние других концептов и сами видоизменяются» [Кубрякова и др. 1996: 91]. Ученый утверждает, что «сама возможность интерпретировать разные концепты в разных отношениях свидетельствует о том, что и число концептов и объем содержания многих концептов беспрестанно подвергаются изменениям» [там же].

Подходы других исследователей к структуре и содержанию концепта подтверждают позицию Е.С. Кубряковой. Так, Н.Н. Болдырев справедливо отмечает, что «содержание концепта постоянно насыщается, а его объем увеличивается за счет новых концептуальных характеристик» [Болдырев 2018: 53].

Поскольку языковые средства являются средством передачи концептуальной информации и активации концептов в сознании в процессе общения, развитие системы языковых средств отражает развитие индивидуальных концептов и концептуальной системы в целом.

Очевидно, что концепты изменяются непрерывно, но для разных концептов скорость и глубина этих изменений в разное время не одинаковы. Изменения концептуальной системы наиболее заметны в изменениях языка в диахронии. Однако и на синхронном срезе возможно наблюдать нано-изменения, свидетельствующие о подвижности концептуальных структур: минимальные изменения в структуре лексического значения, регистрируемых контекстуальных значениях, лексико-грамматическом значении, лексической сочетаемости, грамматической валентности и т.д. Учитывая разнообразие элементов, входящих в гештальтное целое концепта, было предложено выделять следующие аспекты развития концепта: 1) изменение сенсорного образа концепта; 2) изменение набора признаков концепта; 3) изменение набора членов категории, формируемой вокруг данного концепта; 4) изменение интеракций концепта (ментальных моделей взаимодействия данного концепта с другими концептами, его представленность во фреймовых структурах знаний); 5) изменение ассоциаций концепта, концептуальных метафор, в которых данный концепт выступает областью цели или областью источника.

Объектом настоящего исследования является лексическая категория Food «Пища», формируемая в английском языке на основе одноименного концепта. Как и другие лексические категории, данная категория претерпевает в диахронии ощутимые изменения, связанные как с преобразованиями внеязыковой действительности, так и с развитием когнитивных структур в сознании носителей языка.

Основная **цель** – изучить то нового (по сравнению с древнеанглийским периодом), что характеризует развитие категории Food (Пища) в среднеанглийский период.

В ходе исследования стало очевидным, что в с. а. период лексическая категория Food «Пища» значительно расширилась за счет пополнения ее новыми членами, что связано с усложнением самой сферы питания (возникновением разнообразных блюд, новых форм приготовления пищи и т. д.). Однако немаловажно и то, что на данный момент сохранилось более 50 рукописных книг по питанию, датированных среднеанглийским периодом, большинство из которых содержит описание системы питания англичан в то время и рецепты наиболее популярных блюд [Bovey 2015]. Одним из наиболее традиционных блюд с. а. периода была **pottage** (похлебка):

«Rich and poor alike ate a dish called **pottage** (похлебка), a thick soup containing meat, vegetables, or bran (отруби). The more luxurious pottage was called “**mortrew**” (монтрю), and a pottage containing cereal was a “**frumenty**” (фрументи). Bread was the staple for all classes, although the quality and price varied depending on the type of grain used” [Bovey 2015]. – И богатые, и бедные ели блюдо, называемое похлебкой (pottage), густой суп, содержащий мясо, овощи или

отруби (bran). Похлебка более высокого качества называлась «мортрю» (mortrew), а похлебка, содержащая злаки, называлась «фрументи» (frumenty). Хлеб был основным продуктом питания для всех классов, хотя качество и цена варьировались в зависимости от типа используемого зерна.

Само существительное **pottage** было заимствовано в среднеанглийский язык из старофранцузского в значении «thick soup / густой суп»; впервые встречается в рукописи *Ancrene Riwe* (Руководство для отшельниц), датируемой началом XIII века. До 1200 года слово имело написание *potage*, а примерно с 1425 года его стали писать, как *pottage* [BDE: 825].

В ходе расширения категории «Пища» в среднеанглийском языке появились названия таких понятий, как appetite (аппетит), beverage (напиток), cookery (кулинария), supper (ужин), наименования ряда предметов утвари – basket (корзина), beaker (чаша), bottle (бутылка), cruet (графин), goblet (кубок), plate (тарелка), saucer (блюдец), новых блюд и напитков – biscuit (печенье), cake (торт), cracknel (шкварки), cream (крем), galantine (галантин), julep (джуп), pork (свинина), **pottage** (похлебка), sause (соус) и т. д.

При этом отмечается усложнение системы номинации в лексической категории «Пища». Согласно результатам анализа, в с. а. период появления корневых слов не отмечается. Наиболее часто встречаются случаи *семантической деривации*. Причем новые значения у наименований из сферы питания, известных с д. а. периода, образуются на основе установления разного типа связей со старыми значениями лексических единиц. Например, на основе *импликационных* связей (по классификации семантических средств Н.В. Никитина): **pork** «A swine, a hog, a pig» > “The (fresh) flesh of swine used as food”; *гипо-гиперонимических*: repast “A quantity of food or drink forming, or intended for, a meal or feast” > “Food, supply of food or victuals”; *симультанных*: “shoulder “Each of the two corresponding portions (right and left) of the human body, including the upper joint of the arm with its integuments and the portion of the trunk between this and base of the neck ...”.

В с. а. период категория «Питание» активно пополняется за счет *заимствований*. Однако основным источником заимствования по сравнению в д. а. периодом изменился: если в д. а. период члены изучаемой категории в основном заимствовались из латинского языка, то в с. а. период основной поток заимствований был из французского языка. Новые французские заимствования обозначали различные понятия из области кулинарии: *ужин* (supper), названия предметов утвари (saucer, cruet), виды мяса (beef, veal, mutton), птицы (poultry, pigeon), блюда (gruel, toast, biscuit, pastry, sausage, pottage), десерт и фрукты (raisin, grape, lemon), приправы (spice, herb, vinegar), виды рыб (salmon, sardine).

Как и в д. а. период, важную роль при образовании членов категории «Питание» играло словообразование – в первую очередь, *словосложение*. В качестве примера можно привести новый член категории **nuncheon** (с. а. nun(e)shench): non(e) *noon* + shench *draught, cup*) *обед в середине дня*, а также существительные sugar-loaf (*голова сахара*), salt-cellar (salt + saler, позднее cellar) (*солонка*), pancake (*блин*), rye-flour (*ржаная мука*) и др. Продолжал обогащаться и инвентарь используемых в словообразовании моделей. Так, по новой модели а + n → N были созданы такие члены категории, как sweetmeat (*сладости*), sour-dough (*закваска*), white wine (*белое вино*), sweet milk (*сладкое / парное молоко*).

В процессе **суффиксации** по-прежнему использовался исконный суффикс –ing в модели v + -ing → N: eating (кушать), supping (ужинать), roasting (жарить), salting (солить). Однако появилось и первое суффиксальное наименование с французским суффиксом –ry / -ery, образованное по модели n + –ry / -ery, – cookery. Как известно, в с. а. период в английском языке появляются первые слова, образованные по **конверсии**. Два из таких существительных, конвертированных от глагола, являются членами категории «Питание» – roast, toast.

Результаты исследования подтверждают тот факт, что, развитие лексической категории «Пища» в английском языке в с. а. период шло не только по пути ее количественного расширения – отмечается ее **когнитивное усложнение**. С одной стороны, в языке по-прежнему создавались широкозначные слова, некоторые из которых позднее были вытеснены из состава категории (отмечены знаком †) или подверглись дифференциации: **cheer** “Fare, viands, food” / яства, еда; **feeding** (now rare / теперь редкое) “That which is eaten; food / то, что съедобно; еда”; **pasture** (†1786) “Food, sustenance / пища, пропитание”; **sustenance** “... food, victuals / ...пища, съестные припасы ”; **nouriture** “Nourishment, sustenance, food / питание, пропитание, пища”; **viand** “Food, sustenance / пища, пропитание”.

Однако, с другой стороны, члены категории «Пища» стали номинировать всё более сложные понятия, о чем свидетельствует, в частности, то, что постепенно увеличивалось число существительных, различавшихся по нескольким категориальным признакам, которые передавали новые концептуальные характеристики. Например, упомянутое выше слово **cracknel** дифференцировало называемый предмет по пяти признакам: **cracknel** “Small pieces of fat pork dried crisp”.

Литература

Болдырев Н.Н. Язык и система знаний. Когнитивная теория языка. М.: Издательский дом ЯСК, 2018.

Кубрякова Е.С. и др. Краткий словарь когнитивных терминов / под общ. ред. Е.С. Кубряковой. М.: МГУ, 1996.

Bovey Alixe. The Medieval diet. 30.04.2015. URL: <https://www.bl.uk/the-middle-ages/articles/the-medieval-diet>

BDE – The Barnhart Dictionary of Etymology. New York: The H. W. Wilson Company, 1988.

G.G. Bondarchuk, G.V. Grachev (Moscow, Russia)
Moscow State Linguistic University

NEW FEATURES IN THE REPRESENTATION OF THE CONCEPT OF *FOOD* IN MIDDLE ENGLISH

The paper continues sharing results of research into the development of English nutritional vocabulary. Middle English lexical representation of the concept of FOOD is discussed. The paper analyses the mechanisms through which the lexical category grew in that period as well as the way its members reflected new conceptual information.

Key words: concept, categorization, conceptualization, lexical category, Middle English.

Н.Ю. Бухнер (Барнаул, Россия)

*Алтайский государственный технический университет им. И.И. Ползунова
nbuhner@mail.ru*

ЛИНГВОКОГНИТИВНОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ ОБРАЗА БЕДНОГО И БОГАТОГО ЧЕЛОВЕКА

Статья посвящена опыту реконструкции лингвокогнитивной модели бедного и богатого человека. Опираясь на эмпирические данные, автор приходит к выводу о том, что ментальный образ бедного и богатого человека включает в себя семь общих (с разной полярностью) и четыре отличительных когнитивных признака.

Ключевые слова: языковое сознание, лингвокогнитивное моделирование, когнитивный признак, бедность, богатство, студент.

Богатство и бедность, порождаемые человечеством на протяжении всей истории его развития, являются и частью мира современного человека, по этой причине такие социально-экономические явления, отражаясь в сознании и преломляясь сквозь когницию человека, обретают языковую интерпретацию. Актуальность лингвистического исследования бинарной оппозиции «богатый-бедный» представляется в возможности проникновения посредством нее в сущность языковой картины мира, а также экспликации динамики отношения к бедности и богатству, существующей в обществе в определенный момент времени и выражаемой носителями определенного языка. Лексемы БЕДНЫЙ и БОГАТЫЙ изучаются в лингвистике в различных аспектах: в лингвокультурологическом – анализируются эталонные знаки, выражающие содержания богатства и бедности [Белова, Коломиец 2016, Воскресенская 2009]; в семантическом – изучается развитие понятий, и выделение их семантических долей [Ильина 2011, Шипицына 2013]; в лингвокогнитивном – рассматривается языковая репрезентация этих концептов [Стешина, Сботова 2021]. На наш взгляд, наиболее продуктивным является когнитивный подход, поскольку, в рамках него язык рассматривается «как когнитивный механизм, играющий роль в кодировании и трансформировании информации» [Краткий словарь когнитивных слов 1996:53]. Анализ указанных лексем посредством метода лингвокогнитивного моделирования позволяет определять специфику и структуру их концептуальных составляющих [Куприева 2010], реконструируя формируемые в сознании человека ментальные образы воспринимаемых объектов.

С целью реконструкции моделей богатого и бедного человека в сознании молодежи, в 2022 году нами было проведено исследование среди 100 студентов АлтГТУ, которым было предложено продолжить фразы: «Бедный человек – это...» и «Богатый человек – это...». Материалом для последующего анализа послужили письменные ответы респондентов. Сопоставительный анализ продолжений фраз одних и тех же респондентов на первый и второй вопрос показал, что 55,8 % опрошенных использовали для языкового выражения бедности и богатства одинаковые формулировки, включающие значимые для респондентов когнитивные признаки, но с противоположными значениями – «высокий – низкий», «много – мало», «достаточно – не достаточно», «может – не может»: «Че-

ловека, богатый духовно или материально» / «Человек, не имеющий как материальных благ, так и духовных». Такие особенности вербализации О.В. Ильина объясняет наличием двух параллельных парадигмальных комплексов языковых средств, поддерживающих «стереотипные представления о бедности и богатстве» [Ильина 2011]. Первичный анализ, продолжений двух фраз одних и тех же респондентов, показал, что в них описываются не только параллельные, но и дифференцированные когнитивные признаки, определяющие бедность или богатство человека. Так, реакции 44,2 % респондентов не продемонстрировали действия параллельных комплексов, а напротив, зафиксировали дифференциацию когнитивных структур, содержащих знание о бедном и богатом человеке: «Человек, добившийся успеха» / «Человек без денег и с проблемами». Однако, как показало дальнейшее моделирование, данные, анализируемые в обобщенном виде, то есть без проведения компаративного анализа ответа одного и того же респондента, указывают на наличие сходства когнитивных структур, представленных совокупностью идентичных по сути, но разных по полярности («плюс» и «минус») когнитивных признаков.

На начальном этапе реконструкции лингвокогнитивной модели все полученные ответы (на каждый вопрос отдельно) были проанализированы на предмет количества содержащихся в них когнитивных признаков. Вследствие этого реакции были разделены на две группы: содержащие только один признак (бедный человек – 57,7 %, богатый человек – 59,6 %) и включающие в себя два и более признака бедного (42,3 %) и богатого (40,4 %) человека. Следующим этапом стало деление многокомпонентных ответов на фразы, репрезентирующие только один когнитивный признак, в результате чего из 100 ответов респондентов было выделено 142 и 138 фразы, фиксирующие признаки богатого или бедного человека соответственно. На следующем этапе моделирования все полученные части фраз или фразы целиком (с одним когнитивным признаком), в соответствии с содержащимся в них доминантным смыслом, были обобщены, отнесены к одному из 11 когнитивных признаков, а сами признаки количественно градуированы. Заключительный этап моделирования позволил выделить семь **общих** и четыре **отличительных** когнитивных признака, содержащихся в языковом сознании респондентов.

Обратимся сначала к количественной и качественной интерпретации и языковой репрезентации когнитивных признаков **богатого человека**:

– **доход** (71) – 50 % – человек, у которого много денег (13), человек, который может позволить себе многое и ни в чем не отказывать (11),

– **внутренний мир** (23) – 16,2 % – постоянно развивающийся духовно (4), богат духовно (3), человек с богатым внутренним миром (3),

– **морально-волевые качества** (21) – 14,9 % – целеустремленный (3), развивается в определенной сфере (2), способен стремится к чему-либо (2),

– **эмоции, любовь** (10) – 6,9 % – человек с искрой в глазах (2), всегда радуется новому дню (1), человек, получающий от жизни удовольствие (1),

– **семья, друзья** (6) – 4,1 % – живы родители (2), много друзей (1),

– **самодостаточность** (6) – 4,1 % – нашел свое место в жизни (2),

– **состояние здоровья** (2) – 1,4 % – богат физически (2),

– **социальный статус** (2) – 1,4 % – представитель высокого класса (2),

– **успех** (2) – 1,4 % – человек, добившийся успеха (2).

Количественная и качественная интерпретация когнитивных признаков **бедного человека**:

– **доход** (71) – 51,4 % – человек без денег и дохода (18), не может удовлетворить свои потребности (5), мало материальной собственности (4),

– **внутренний мир** (17) – 12,5 % – имеет мало духовных благ (3), не развивающийся духовно (2), человек со скудным внутренним миром (2),

– **эмоции, любовь** (15) – 11,1 % – утратил волю к жизни (3), испытывает отрицательные чувства ко всему живому (3),

– **морально-волевые качества** (13) – 9,7 % – человек, не имеющий духовных целей, мотивации (3),

– **проблема, трудная жизненная ситуация** (11) – 8,3 % – находится в трудной ситуации (2), остался наедине со своими проблемами (1),

– **горе, трагедия** (8) – 5,6 % – случилось горе (3), произошла трагедия (2),

– **семья, друзья** (4) – 2,8 % – нет семьи (2), нет круга общения (1),

– **состояние здоровья** (2) – 1,4 % – сломал руку (2),

– **социальный статус** (2) – 1,4 % – представитель низкого класса (2).

Следующим этапом исследования стало построение лингвокогнитивной модели с опорой на когнитивные признаки бедного и богатого человека (рис. 1).

	ПРИЗНАКИ	БОГАТЫЙ	БЕДНЫЙ
ОБЩИЕ КОГНИТИВНЫЕ ПРИЗНАКИ	ДОХОД	50 %	51,4 %
	ВНУТРЕННИЙ МИР	16,2 %	12,5 %
	МОРАЛЬНО-ВОЛЕВЫЕ КАЧЕСТВА	14,9 %	9,7 %
	ЭМОЦИИ, ЛЮБОВЬ	6,9 %	11,1 %
	СЕМЬЯ, ДРУЗЬЯ	4,1 %	2,8 %
	СОСТОЯНИЕ ЗДОРОВЬЯ	1,4 %	1,4 %
	СОЦИАЛЬНЫЙ СТАТУС	1,4 %	1,4 %
ОТЛИЧИТЕЛЬНЫЕ КОГНИТИВНЫЕ ПРИЗНАКИ	ПРОБЛЕМА, ТРУДНАЯ ЖИЗНЕННАЯ СИТУАЦИЯ	-	8,3 %
	ГОРЕ, ТРАГЕДИЯ	-	5,6 %
	САМОДОСТАТОЧНОСТЬ	4,1 %	-
	УСПЕХ	1,4 %	-

Рис. 1. Лингвокогнитивная модель образа бедного и богатого человека

Реконструированная модель представляет осмысленный ментальный образ, формируемый в сознании, и хранящий в себе знание о бедном и богатом человеке, воспроизведенный путем анализа наполняющих его когнитивных признаков. Проведенное лингвокогнитивное моделирование позволило прийти к следующим выводам:

1. Модель делает явной мысль, что для современной молодежи материальная сторона бедности и богатства актуальна, но составляет лишь половину компонента, наполняющего смысл данных лексем. Другую же половину составляют когнитивные признаки, которые по большей части материальными не являются.

2. Механизм концептуализации знаний об окружающем мире, лежащий в основе данных, хранимых в бинарных оппозициях, проявил себя как в идентичности семи когнитивных признаков бедного и богатого человека, и их количест-

венной градации, так и в разнополярности (со знаком «плюс» и со знаком «минус») качественных значений этих признаков.

Литература

Белова Т.М., Коломиец С.В. К вопросу о специфике концептов «богатый человек» и «бедный человек» в русской и танзанийской культурах // *Культура и цивилизация*. 2016. Том 6. № 6А. С. 194-204.

Воскресенская И.М. Эталонные знаки феноменов богатый и бедный в сознании современных представителей русского лингвокультурного сообщества // *Язык, сознание, коммуникация*. 2009. Вып. 39. С. 57-65.

Ильина О.В. Развитие семантики признаковых имен богатый, бедный (по данным словарей русского языка) // *Lingua Mobilis*. 2011. № 3 (29). С. 54-66.

Краткий словарь когнитивных терминов / под общ. ред. Е.С. Кубряковой. М., 1996. 245 с.

Куприева И.А. Ментальная структура (психические процессы): факультативные компоненты // *Вопросы журналистики, педагогики, языкознания*. 2010. №24 (95). С. 145-151.

Стешина Е.Г., Сботова С.В. Языковая репрезентация концепта «БОГАТЫЙ» // *Глобальный научный потенциал*. 2021. № 8. С. 145-148.

Шипицына Г.М. Обозначения бедных и богатых людей в русском языке XIX-XXI веков // *Вестник БГТУ им. В.Г. Шухова*. 2013. № 3. С. 211-213.

N.Yu. Buhner (Barnaul, Russia)

I.I. Polzunov Altai State Technical University

LINGUO-COGNITIVE MODELING OF THE IMAGE OF THE POOR AND THE RICH

The article examines the reconstruction of the linguo-cognitive model of the poor and the rich. Based on empirical data, we conclude that the mental images of the poor and the rich include seven common cognitive features (with different polarities) and four distinctive ones.

Key words: linguistic consciousness, linguo-cognitive modeling, cognitive features, poverty, wealth, student.

Ван Цзяюэ (Нанкин, Китай)

Юго-Восточный университет

1429366836@qq.com

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ЗООМЕТАФОР В РУССКИХ И КИТАЙСКИХ ПОСЛОВИЦАХ И ПОГОВОРКАХ (НА ПРИМЕРЕ ЛОШАДИ)

Русские и китайцы испытывают привязанность к лошадям. В рамках концептуальной метафоры данная статья посвящена сравнительному анализу целевой области объекта «лошадь» в русских и китайских пословицах и поговорках и выявлению причин сходства и различия зоометафор объекта, чтобы снизить барьеры в общении между русским и китайским народами.

Ключевые слова: пословицы русского и китайского языков, сравнительный анализ, зоометафора, концептуальная метафора, когнитивное мышление.

С 1970-х годов развитие когнитивной лингвистики позволило по-новому взглянуть на изучение метафоры. Американские лингвисты Lakoff и Johnson предложили теорию концептуальной метафоры [Lakoff, Johnson 1980]. Они утверждают, что образование метафор основывается на отношениях отображения между двумя когнитивными областями, то есть области источника и целевая область (далее – ЦО). В процессе социальной жизни у людей возникают ассоциации предмета с окружающими, и под воздействием таких ассоциаций люди способны соединять вещи, которые сами по себе кажутся несвязанными.

Животные, как социальная группа, тесно связаны с нашей жизнью. В гармонии с животными люди обобщили отличительные характеристики животных. Постепенно, названия животных стали приобретать «выразительный фонд языка, который противостоит собственно номинативному» [Шаповалова 2014: 117]. Зоометафора – это культурные ассоциации, использующие животных в качестве метафоры. Она «формирует ценностную картину мира, поскольку даёт оценку предметов по этическим и эстетическим нормам данного языкового коллектива» [Киприянова 1999: 3]. Изучение отношений между исходной и целевой областями в перспективе зоометафоры может быть использовано для выявления того, как говорящий воспринимает мир.

Как особое лингвистическое явление, зоометафоры становятся всё более популярными в Китае. В отличие от англо-китайских сравнений в этой области, российско-китайское сравнение началось относительно поздно, необходимы дальнейшие исследования. В данной статье на примере пословиц и поговорок с компонентом «лошадь» рассматриваются сходства и различия между зоометафорами русского и китайского языков с когнитивной точки зрения, выявляются многомерные причины различий с целью содействия российско-китайскому культурному обмену.

С.Г. Тер-Минослова указывает, что народные творения, пословицы и поговорки являются одним из важных текстов источников народного характера [Тер-Минослова 2008: 181]. В данной работе из ряда словарей пословиц и поговорок русского и китайского языков отобраны 92 русские пословицы и поговорки со словом *лошадь/конь/кобыла* (в русском языке лошадь, конь и кобыла являются синонимами, они различаются так: конь – мужской пол, а лошадь и кобыла – женский пол; конь имеет более положительную окраску, а кобыла – более уничижительную) и 61 китайская пословица и поговорка со словом *马(ма)*. В данной работе ЦО объекта «лошадь» в 153 пословицы и поговорки классифицируется по 4 категориям: человек и его состояние, личность человека, предметы и действие человека.

ЦО объекта «лошадь»	лошадь(конь/кобыла)	马
Человек и его состояние	36%	43%
Личность человека	29%	38%
Предметы	26%	19%
Действие человека	9%	0%

Статистические данные показывают, что эти 4 целевых области совпадают в двух языках. Это тесно связано с тем, что универсальная модель человеческого восприятия определяет сходство основных признаков лошади и связанных с ней

ассоциаций, т.е. отображение от области источника к области цели метафоры одинаково. В то же время, в силу геополитических и этнокультурных различий, человек воспринимает окружающее многомерно, и одна и та же целевая область может обладать различной количественной соотносительностью и включает в себя различные компоненты подобласти.

В русских и китайских пословицах и поговорках ЦО «человек и его состояние» имеет крупнейшую долю, включая подобласти: «человек (в широком смысле)», «старик», «знаток», «негативное состояние человека» и «женщина». Метафорическое значение лошади в обоих языках примерно одинаково для первых четырех подобластей. Например, *конь узнаётся при горе, а друг при беде*; *路遥知马力, 日久见人心* (о человеке); *старше поповой кобылы*; *马老腿慢* (о старике); *старый конь борозды не испортит*; *老马识途* (о знатоке); *кони лягаются*; *人贫志短, 马瘦毛长* (о состоянии бедности). Употребление лошади для обозначения женщины существует как в русском, так и в китайском языках, но есть тонкие различия: в китайском языке слово 马 часто используется для обозначения женщин в целом, но в русском языке лошадь часто обозначает определенную группу женщин. Например, *старая боевая лошадь* – это пословица о жене.

Для ЦО «личность человека» метафорическое значение лошади в китайском языке богаче, чем в русском. В этой ЦО использование лошадей для обозначения хороших, ленивых, сильных людей существует как у русского, так и у китайского народов. Например, *был конь, да заезжен, был молодец, да подержан*; *好马不吃回头草* (о хороших); *неохоча кобыла до хомута*; *懒牛懒马屎尿多* (о ленивых); *куда конь с копытом, туда и рак с клешней*; *射人先射马, 擒贼先擒王* (о сильных). При этом в русском языке лошадь используется для обозначения недостатка, которые не встречаются в китайском языке. Например, *троянский конь* (о глупости); *лошадь неподкованная* (о человеке с бурным темпераментом). А подобласть «способность человека» является дифференциальным компонентом в китайских пословицах и поговорках о лошади. Например, *千里马常有, 而伯乐不常有*; *路不险, 则无以知马之良任不重*. Именно эти дифференциальные компоненты отражают когнитивные различия для лошади между русским и китайским народом.

ЦО «предмет» в русских и китайских пословицах и поговорках о лошади может подразделяться на подобласть «конкретные предметы» и «абстрактные предметы». Между тем, концептуальные значения в обеих подобластях в русских пословицах и поговорках богаче, чем в китайских. В русском языке компоненты подобласти «конкретные предметы» представляют собой имущество, инструменты, время, место, вино и обувь, а компоненты подобласти «абстрактные предметы» – власти, иллюзия, трудность и бесполезность. Например, *серую кобылу из огорода не видно* (о тёмных летних ночах); *гонять коня на воротах* (о рыболовной сети); *серой кобылы сон* (о вымышленном). Соответственно, метафоры ЦО «предмет» в китайском языке относительно однородны, в основном – имущество, власть, удача («фу») и беда. Например, *溜须拍马* (о власти); *有钱买马, 没钱置鞍* (об имуществе); *塞翁失马, 因祸得福* (об удаче и беде). Отметим, что компонент метафоры «удачи и беда» для лошади является характерным элементом китайской национальности.

Мы заметим, что ЦО «действие человека» является уникальной для русского языка. Соответствующее действие может быть самым разнообразным, например, *коней нарезать (умирать)*; *отвязать коней (сходить в туалет)*; *Загнуть, что на добром коне не объедешь (наврать)*; *Прокатить на красном коне кого, что (поджечь)*. Исходя из упомянутых выше выражений, отметим, что метафорическое значение слова «лошадь» в этой области более уничижительное и ироничное, чем в предыдущих 3-х областях русских пословиц и поговорок.

На основе сравнительного анализа стало ясно, что метафорические целевые области объекта «лошади» в русском и китайском языках различаются. Под влиянием географической среды в России и Китае образ жизни отличается. Преобладание животноводства в России, обусловленное ее географическим положением, сделало лошадь основной движущей силой в жизнедеятельностях человека. Русские считают, что лошади являются обновляющимся источником энергии и при соответствующем оборудовании смогут справиться с различными работами [Маркин 2020: 186]. Это обусловило высокую степень зависимости русских от лошади. А в Китае, где господствовала аграрная цивилизация, главным орудием труда в сельском хозяйстве был вол, а не лошадь. Вполне естественно, что метафорическое значение лошади в русском языке богаче, чем в китайском.

Метафора – это не только вопрос языка, но и проявление характера мышления. Русские склоняются к индивидуализму и прагматизму. Они рассматривают лошади более функциональной, ассоциируя ее значение с инструментом и действием человека. Таким образом, в русском языке возникает уникальная область концептуального значения «инструменты» и «действие человека». А с древних времен китайцы фокусировались на сложности и противоположности явлений и были склонны мыслить целостно [吾淳 1998: 335], т. е. подчеркивали коллективизм. В результате чего в китайском языке лошади часто используются для обозначения женщин в целом.

В заключение подчеркнем, что лошадь – важное животное в жизни и русских и китайцев. Зоометафора о лошади присутствует в обеих языковых картинах мира и является ядром языкового сознания двух стран. Сравнительный анализ зоометафор о лошади между русским и китайским языками позволяет выявить их различия мышления и особенности когнитивных и ценностных ориентаций, что может быть полезным для межкультурного взаимодействия и поликультурного обмена.

Литература

- Арутюнова Н.Д.* Теория метафоры. М.: Прогресс, 1990.
- Тер-Миносова С.Г.* Языки межкультурная коммуникация. М.: Изд-во МГУ, 2008.
- Киприянова А.А.* Предисловие // Опыт тематического словаря фразеологизмов и паремий с компонентом-зооморфизмом (на материале русского, английского, французского и новогреческого языков). Краснодар: КубГУ, 1999. С. 3-7.
- Магомедова Д.Р.* Зооморфный код культуры в английских, русских и даргинских пословицах // Конкурс лучших студенческих работ. 2020. С. 154-157.
- Мокиенко В.М., Никитина Т.Г.* Большой словарь русских поговорок. М.: ЗАО «ОЛМА Медиа Групп», 2007. 784 с.

Маркин С.С. Роль лошади в сохранении крестьянства, традиционного уклада и человеческих ценностей современного российского общества // Актуальные проблемы социально-гуманитарных наук. 2020. Вып. II. С. 180-189.

Шаповалова А.А. Опыт тематического словаря фразеологизмов и паремий с компонентом зооморфизмом (на материале русского, английского, французского и новогреческого языков) // «Научный поиск в современной парадигме знания о языке». Сборник научных трудов Ответственный редактор Ю.М. Шемчук. М.: МГГУ, 2014. С. 116-122.

Metaphor We Live by / ed. By G. Lakoff, M. Johnson. Chicago, 1980.

温端政. 中国谚语大辞典[W].上海:上海辞书出版社, 2011.

吾淳. 中国思维形态[M].上海:上海人民出版社, 1998.

叶芳来. 俄汉谚语俗语词典[W].北京:商务印书馆, 2016.

*Wang Jiayue (Nanjing, China)
Southeastern University*

COMPARATIVE ANALYSIS OF HORSE METAPHORS IN RUSSIAN AND CHINESE PROVERBS AND SAYINGS

Chinese and Russian people feel affection for horses. The paper presents a comparative analysis of the target sphere "horse" in Russian and Chinese proverbs and sayings within the framework of the conceptual metaphor. It aims to find out the reasons of similarity and difference of the horse metaphors to lower communicative barriers between Russian and Chinese peoples.

Key words: Russian and Chinese proverbs, comparative analysis, zoometaphor, conceptual metaphor, cognitive thinking.

*Т.М. Воронина (Екатеринбург, Россия)
Уральский федеральный университет
tmv313@yandex.ru*

ПАРАМЕТР ДЛИТЕЛЬНОСТИ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ: ХАРАКТЕРИЗУЕМЫЕ ОБЪЕКТЫ И ЛЕКСИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА РЕПРЕЗЕНТАЦИИ¹

В статье анализируются лексические единицы, репрезентирующие оценку явлений действительности (процессов, ситуаций и т.п.) по такому параметру, как длительность. Особое внимание уделено лексическим оппозициям на основе противопоставления «долго/недолго». Материал исследования – идеографические словари, в том числе «Универсальный словарь-тезаурус русского языка» (проект), под руководством профессора Л.Г. Бабенко.

Ключевые слова: время, длительность, долго, недолго, лексическая репрезентация, русский язык, универсальный словарь-тезаурус.

Длительность – важнейший параметр для времени. Так, Н.Д. Арутюнова отмечала: «Пространство трехмерно, время обладает лишь одним измерением –

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-18-00352, <https://rscf.ru/project/22-18-00352/>

долготой. <...> Расстояние между двумя моментами времени уподобляется кратчайшему расстоянию между двумя точками в пространстве – прямой. Длина становится долготой (длительностью). Время получает признак линейности. <...> Линейность – свойство времени, а также того, что в нем разворачивается» [Арутюнова 1997: 6]. По В.Г. Гаку, внешнее время делится на «три больших разряда, которые можно определить терминами хронография, хронометрия и хронология»; хронометрия при этом определяет длительность события [Гак 1998: 679].

Н.А. Потаенко, называя наиболее типичной формой проявления временного компонента обстоятельство времени, включает *протяженность во времени* в основные группы временных значений, наряду с такими, как *когда* и *частота* [Потаенко 1997: 113]. А.Л. Шарандин также отмечает значимость наречных средств со значением времени: «они, будучи обстоятельственными членами высказывания, выполняют категоризирующую функцию, выступая в качестве лексических конкретизаторов темпоральных отношений» [Шарандин 2011: 15].

В идеографических словарях Уральской семантической школы, созданных и создаваемых под рук. проф. Л.Г. Бабенко, в том числе в «Универсальном словаре-тезаурусе русского языка», проект которого разрабатывается в данное время [Свод лексики..., электр. ресурс], представление лексических множеств единиц со значением времени также включает в качестве категоризаторов и соответственно наименований денотативно-идеографических групп слов, связанных с оценкой фактов, событий, явлений относительно времени, наречные средства медленно/быстро, долго/недолго, одновременно / не одновременно и т.д. Действительно, оценочная категоризация имеет бинарный характер; как показал анализ, подобные группы слов в составе класса «Время» являются примерами лексических множеств, для которых «противоположность является системообразующей» [Бабенко 2016: 40].

При этом, т.к. в «Универсальном словаре-тезаурусе русского языка» представлены межчастеречные классы слов, категоризация события относительно какого-л. временного параметра сопровождается профилированием различных признаков, участников, характеристик ситуации, события. В анализируемой группе лексем со значением оценки события относительно длительности (долго/недолго), включающей ок. 170 единиц, различными частями речи профилируются:

1. Признак временного отрезка или заполняющего его события, длящегося в течение значительного/незначительного времени: *Долгий, длинный, длительный, долговременный, долгосрочный, затяжной, немалый, нескончаемый, разг. бесконечный / Недолгий, быстролетный, быстропроходящий, быстротекущий, быстротечный, короткий, краткий, кратковременный, краткосрочный, мгновенный, мимолетный, недолговременный, непродолжительный, скоротечный, перен. минутный, перен. секунднй, перен. сжатый, книжн. скоропреходящий, книжн. эфемерный*; также ср. оппозиции *Долгота/Краткость, Долго/Недолго*. Здесь и далее приведем также примеры контекстов, в которых реализованы те или иные противопоставления в аспекте длительности; источником примеров является Национальный корпус русского языка: *Эта как будто недолгая пре-*

дыстория моей долгой дальнейшей жизни (А. Тахо-Годи); Он был ошеломлен свалившимся на него счастьем. Долгим или недолгим – неизвестно (К. Симонов).

2. Признак действия, состояния, рассчитанного на некоторый завершенный значительный/незначительный период времени: *Надолго/Ненадолго. Бьюмонт заезжал к Полозовым решительно каждый день, иногда надолго, иногда ненадолго (Н. Чернышевский).*

Анализ показал, что существует пересекаемость представления о длительности с представлением о соотношении с моментом речи. Так, Е.В. Падучева обратила внимание на «уникальное сочетание в одном слове *давно* значений обстоятельства времени и длительности» [Падучева 1997: 253] и указала на то, что «*долго* – это временной показатель с обычным – замкнутым – референциальным интервалом, а *давно*² – с открытым» [Там же: 254]. Подобная пересекаемость наблюдается в следующих противопоставлениях:

3. Признак чего-л. происходящего, существующего долго/недолго, начиная с момента в далеком/недалеком прошлом: *Давно / Недавно: Я давно... нет, недавно... с некоторых пор, перестал бояться высказывать свои убеждения... (И. Тургенев).*

4. Существующий уже очень много / еще немного времени, возникший, появившийся в далеком/недалеком прошлом: *Недавний, новый, перен. свежий / Давний, старинный, стародавний, старый. И собрания сочинений, и отдельные издания, и давние, и недавние – все до одного (М. Гаспаров).*

Длительность может осознаваться в комплексе с представлением о временном соотношении событий друг с другом:

5. За много / не за много времени до какого-л. момента, события: *Незадолго до чего или перед чем / Задолго до чего или перед чем. Нет, заранее, задолго до событий, она ему дать яду никак не могла, а совсем незадолго, в тот день... Плохо верится (А. Бушков).*

При абсолютизации длительности, когда начало и/или конец временного периода осмысливается как не имеющий четкой границы, возможно осознание длительности как постоянства, вечности, противопоставляемой временности:

6. Существующий в течение максимально долгого, неограниченного времени, всегда / в течение ограниченного времени, не всегда: *Вечный, неизменный, высок. бессмертный, перен., высок. негасимый, перен., высок. немеркнущий, перен., высок. нетленный, перен., высок. неувядаемый, перен., высок. неувядающий, перен., высок. неугасаемый, перен., высок. неугасимый, книжн. вековечный, книжн. извечный, книжн. непреходящий, устар. превечный, устар. предвечный / Временный, невечный, книжн. преходящий, перен., высок. тленный; также ср. оппозиции *Вечность/Временность, Вечно/Временно. Ни в единый момент своей жизни он не был рабом и безусловным поклонником чьей-либо чуждой мысли, так как сам очень хорошо понимал, что умно и что неумно, что красиво и что безобразно, что временно, случайно и что вечно!.. (А. Писемский).**

7. Время, воспринимаемое кем-л. как чрезвычайно, максимально долгое/краткое: *Разг. вечность, разг. век / Мгновение и мгновенье, миг, момент, перен. минута, перен. секунда. Как молния, оставляя огненный след, Чикаго рванулся к своей цели. Это мгновение Феликсу показалось вечностью (А. Ростовский).*

В случае осмысления длительности в аспекте прагматической оценки возникают противопоставления, связанные с представлением о долгом/недолгом существовании предметов, которые так или иначе используются человеком:

8. Рассчитанный на действие, использование в течение длительно-го/недлительного срока: *Постоянный, бессрочный, вечный, долговременный, долгосрочный / Временный, краткосрочный, недолговременный, непостоянный, срочный. В конце концов все растеклись и осели по барам да по домам, временным и постоянным* (Д. Рубина).

9. Такой, который может существовать в течение долгого времени, т.к. обладает прочностью, не поддается разрушению / может существовать в течение недолгого времени, т.к. не обладает прочностью, поддается разрушению: *Долговечный/Недолговечный. Наконец, раздаются и прямые призывы стратегов техники пересмотреть ценностные ориентиры и вернуться от штампованных, стереотипных, недолговечных вещей к изготовлению уникальных малосерийных, относительно дорогих, но исключительно долговечных, рассчитанных на почти неограниченно долгое использование предметов* (И. Рувинский).

10. Наконец, длительность связана с представлениями о возможности ее изменения: *Продлевать/продлить что, продолжать/продолжить что, удлинять/удлинить что / Сокращать/сократить что. «Вам предстоит узнать еще не познанное! Это продлевает жизнь!» Тут-то и закавыка – продлевает или сокращает?* (М. Козаков).

Таким образом, оцениваться по параметру длительности могут временные отрезки и заполняющие их события, состояния, существующие объекты, в т.ч. с точки зрения возможности их использования человеком. При этом возможно обозначение длительности определенного в своих границах периода либо длящегося, соотносимого с моментом речи или каким-либо периодом или событием. Длительность может быть изменена, может также абсолютизироваться и сближаться с постоянством.

Литература

Арутюнова Н.Д. От редактора // Логический анализ языка. Язык и время / Отв. ред. Н.Д. Арутюнова, Т.Е. Янко. М.: Индрик, 1997. С. 5-16.

Бабенко Л.Г. Репрезентация отношений противоположности в русском языке: проблемы категоризации и лексикографической параметризации // Когнитивные исследования языка. 2016. Вып. 26. С. 37-41.

Гак В.Г. Пространство времени // Гак В.Г. Языковые преобразования. М.: Школа «Языки русской культуры», 1998. С. 678-685.

Падучева Е.В. Давно и долго // Логический анализ языка. Язык и время / Отв. ред. Н.Д. Арутюнова, Т.Е. Янко. М.: Индрик, 1997. С. 253-266.

Потаенко Н.А. Время в языке (опыт комплексного описания) // Логический анализ языка. Язык и время / Отв. ред. Н.Д. Арутюнова, Т.Е. Янко. М.: Индрик, 1997. С. 113-121.

Свод лексики как идеографическая карта мира: Универсальный словарь-тезаурус русского языка. Карточка проекта, поддержанного Российским научным фондом [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://rscf.ru/project/22-18-00352/> (дата обращения: 30.03.2023)

Шарандин А.Л. Лексическая категоризация времени и ментальность // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2. Языкознание. 2011. № 2 (14). С. 11-16.

T.M. Voronina (Ekaterinburg, Russia)
Ural Federal University

LENGTH CHARACTERISTICS IN THE RUSSIAN LANGUAGE: CHARACTERIZED OBJECTS AND LEXICAL MEANS OF REPRESENTATION

This article explores lexical units representing the evaluation of phenomena (processes, events) according to their length. The lexical oppositions based on the juxtaposition of the "долго/недолго" ("long/short") extremes are the main focus of the study. The material of the research is comprised of ideographic dictionaries, including "The Universal Thesaurus of the Russian Language" (a project led by Professor L.G. Babenko).

Key words: time, length, long, short, lexical representation, Russian language, universal thesaurus.

Е.Ю. Воякина (Тамбов, Россия)
Тамбовский государственный технический университет
voyackina.elena@yandex.ru

ПОЛИМОДАЛЬНАЯ МЕТАФОРА В ДИСКУРСИВНЫХ ПРАКТИКАХ ИНТЕРНЕТ-КОММУНИКАЦИИ В АСПЕКТЕ ТЕОРИИ КОНЦЕПТУАЛЬНОЙ ИНТЕГРАЦИИ

В статье рассматривается феномен полимодальной метафоры, реализуемый в дискурсивных практиках интернет-коммуникации, а именно в интернет-мемах и демотиваторах. Исследование полимодальной метафоры проводится в рамках теории концептуальной интеграции, позволяющей проследить когнитивный процесс формирования и интерпретации данного типа метафоры на основе отношений ее вербального и невербального компонентов.

Ключевые слова: демотиватор, дискурсивная практика, интернет-коммуникация, интернет-мем, полимодальная метафора, теория концептуальной интеграции.

Исследования в области метафоры, метафоричности человеческого мышления, интерпретации метафорического представления окружающей действительности в различных типах дискурса не выходят из центра внимания лингвистов, психологов, философов, социологов многие годы. В когнитивной лингвистике метафора рассматривается как мощный познавательный инструмент и способ мышления. С точки зрения теории концептуальной метафоры метафора вездесуща, поскольку пронизывает все сферы жизнедеятельности человека и его сознание и позволяет концептуализировать сложные или абстрактные явления более понятным для человека способом [Fauconnier, Turner 2002; Lakoff, Johnson 1980].

Однако, как справедливо отмечает Ч. Форсвилль, ученые в основном интересовались метафорой исключительно в вербальном измерении и практически игнорировали ее невербальные проявления, которые являются существенными для понимания метафоры как когнитивного феномена [Forceville 2006]. Метафори-

ческие механизмы представления действительности широко распространены в единицах невербальной природы (изображения, аудио и видео сообщения и др.), что свидетельствует о тенденции к поликодовости, мультимодальности современной коммуникации.

Полиmodalные метафоры особенно характерны для дискурсивных практик интернет-коммуникации, отличающихся высокой степенью визуализации и задействующих различные каналы связи для восприятия и интерпретации информации. Преимущество соединения вербального и невербального компонентов в поликодовой метафоре заключается в том, что когнитивные механизмы, заложенные в ее поликодовой структуре, в значительной степени способствуют лучшему пониманию укоренившихся в культуре знаний и соответственно более полной интерпретации современных феноменов, которые могут быть недостаточно четко выражены исключительно вербальным способом.

В последнее время широкое развитие получила теория концептуальной интеграции ментальных пространств Ж. Фоконье, согласно которой гетерогенные дискурсы, каким является интернет-дискурс, образуют автономные концептуальные области, несущие особую смысловую нагрузку и прагматический потенциал [Fauconnier 1994]. С позиций данной теории в концептуальной интеграции участвуют два исходных пространства (input spaces), которые формируют родовое пространство (generic space) и смешанное пространство (blended space), получаемое на выходе. Данное смешение приводит к концептуальной интеграции и порождению новых смыслов.

Полиmodalная метафора участвует в процессе концептуальной интеграции за счет взаимодействия ее вербального и невербального компонентов. Данная разновидность метафоры зачастую реализуется в таких популярных дискурсивных практиках интернет-коммуникации, как интернет-мем и демотиватор. Характерные лингвистические и экстралингвистические особенности данных практик, включающие каламбур, нарушение языковой нормы, лаконичность, гипертекстуальность анонимность, быстрое распространение и саморепликация и др., способствует метафоризации.

Анализируя феномен полиmodalной метафоры в дискурсивных практиках интернет-мема и демотиватора, следует отметить характер отношений между вербальным и невербальным компонентами, участвующими в процессе метафоризации. С.В. Канашина отмечает, что «полиmodalная метафора в интернет-мемах строится на взаимодействии вербального и невербального компонентов, поэтому метафорический образ декодируется с опорой на несколько модальностей» [Канашина 2019: 309]. Согласно В.Е. Чернявской, данные компоненты могут вступать в дополнительные отношения, при которых изображение и вербальный текст в целом выражают одно и то же, конкретизируя и усиливая прагматический эффект друг друга; интегративные взаимообуславливающие отношения, возникающие при невозможности разделения вербальной и визуальной составляющих; и отношения двойного кодирования, при которых вербальный компонент однозначно может интерпретироваться адресатом, а визуальный компонент передает то же содержание параллельно вербальному, усиливая его прагматическое воздействие [Чернявская 2009].

С точки зрения теории концептуальной интеграции наиболее интересным и сложным когнитивным механизмом формирования поликодовой метафоры является механизм, основанный на интегративных взаимообуславливающих отношениях и отношениях двойного кодирования компонентов, поскольку для декодирования подобных метафор требуется большая когнитивная нагрузка, связанная с расшифровкой и интерпретацией заложенных в ней компонентов, нахождения общего смысла сообщения.

Следующий демотиватор (рис. 1) демонстрирует реализацию интегративных взаимообуславливающих отношений, в которые вступают компоненты полимодальной метафоры. В данном примере реципиенту будет сложно раскрыть истинный смысл изображения, демонстрирующего практически полностью исписанный карандаш, в отсутствие вербального контекста «*RETIREMENT – Because you've given so much of yourself to the company that you don't have anything left we can use*» («ВЫХОД НА ПЕНСИЮ – Потому что так много сил было отдано компании, что не осталось ничего, что можно было бы еще использовать»). Для получения полной информации о содержании демотиватора участники коммуникации осуществляют когнитивную деятельность по интерпретации заложенных в нем смыслов как вербального, так и невербального характера. Полимодальная метафора представлена бинарной структурой, одним из компонентов которой является источник, выраженный невербально в виде изображения небольшого остатка карандаша, а вторым компонентом выступает цель, выраженная вербально текстовой надписью. В результате метафорического проецирования возникает полимодальная метафора исписанный карандаш как израсходованный материал (сфера-источник) – пенсионер (сфера-цель). В результате декодирования обоих компонентов, в сознании реципиента формируется интегративное ментальное пространство, порождающее самостоятельную концептуальную единицу «Выход на пенсию», содержащую такие когнитивно выводимые семантические признаки, как 'усталость', 'истощение ресурсов', 'ненужность'.

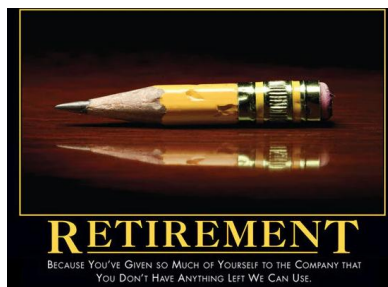

Рис. 1. Демотиватор, основанный на интегративных взаимообуславливающих отношениях компонентов полимодальной метафоры (источник: <https://ru.pinterest.com/pin/retirement--469641067361259798/>).

Следующий интернет-мем (рис. 2) иллюстрирует отношения двойного кодирования компонентов. Метафоричность интернет-мема проявляется в использовании вербальных номинаций метафорического характера *Страна «Рублевка»* и *Страна «Глубинка»*, реализующих значения богатства и бедности и отсылающих реципиента к уровню жизни на Рублевке и в глубинке страны. Изображение содержит ту же семантику социального неравенства, что и вербальный компонент, усиливая прагматическое воздействие сообщения.

Рис. 2. Интернет-мем, основанный на отношениях двойного кодирования компонентов полимодальной метафоры (источник: <https://new-rabochy.livejournal.com/997079.html?replyto=54917591>).

При создании и интерпретации полимодальных метафор в анализируемых дискурсивных практиках необходима «опора на знания, репрезентированные в коллективном сознании, отражающие существующую систему ценностей, мнений и оценок, которые реинтерпретируются в соответствии с особенностями субъективного понимания мира создателя демотиватора» [Бабина 2014: 285]. Так, интерпретация проанализированного интернет-мема (рис. 2), требует определенных фоновых знаний со стороны реципиента, пресуппозиции для адекватного декодирования поликодовой метафоры.

Таким образом, интерпретация поликодовых метафор, реализуемых посредством интернет-мемов и демотиваторов, обеспечивается когнитивным процессом осмысления семантики поликодовых структур данных дискурсивных практик, относящихся к разным семиотическим системам и опирающихся как на коллективные лингвокультурные схемы знания, так и индивидуальную концептуальную систему человека. Разнообразные смысловые отношения и связи, устанавливаемые между вербальным и невербальным компонентами полимодальной метафоры устанавливаются за счет когнитивной операции концептуальной интеграции. В ходе слияния двух исходных пространств, представленных вербальным и визуальным элементами, формируется некое целостное интегрированное смысловое пространство, обладающее своей собственной структурой и высвечивающее наиболее важные для адекватной интерпретации признаки.

Литература

Бабина Л.В. Приемы создания комического смысла демотиватора. Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2014. № 16. С. 284-288.

Канашина С.В. Специфика функционирования полимодальной метафоры в англоязычных интернет-мемах // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2019. Т. 12. Вып. 11. С. 308-311.

Fauconnier G. Mental spaces: aspects of meaning construction in natural language. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1994. 190 p.

Fauconnier G., Turner M. The Way We Think: Conceptual Blending and the Mind's Hidden Complexities. New York: Basic Books, 2002. 440 p.

Forceville Ch. J., Urios-Aparisi Ed. Multimodal Metaphor. Berlin – New York: Mouton de Gruyter, 2009. 484 p.

Lakoff G., Johnson M. Metaphors We Live By. Chicago: Univ. of Chicago Press, 1980. 328 p.

*Е.Ю. Voyakina (Tambov, Russia)
Tambov State Technical University*

POLYMODAL METAPHOR IN ONLINE DISCOURSE PRACTICES THROUGH THE LENS OF CONCEPTUAL INTEGRATION THEORY

The article deals with the phenomenon of polymodal metaphor, which is used in the discourse practices of online communication, namely in Internet memes and demotivators. Polymodal metaphor is examined using conceptual integration theory, which traces the cognitive process of forming and interpreting metaphors based on the relationship between their verbal and non-verbal components.

Key words: demotivator, discourse practice, online communication, Internet meme, polymodal metaphor, conceptual integration theory

*П.Е. Горюшина, А.Ю. Петкау (Екатеринбург, Россия)
Уральский федеральный университет
имени первого Президента России Б.Н. Ельцина
polina.goryushina@yandex.ru, vpetkau@yandex.ru*

КОНЦЕПТ КАФЕ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ: ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

В статье приведены результаты лексикографической интерпретации ключевой лексемы *кафе* и ее синонимов на материале толковых и аспектных словарей. Выявлены доминирующие когнитивные признаки, подчеркнута специфика номинаций, уточняющих ассортимент и функцию кафе.

Ключевые слова: кафе, толковые словари, языковое сознание, лингвокультурология, сопоставительная лингвистика.

На современном этапе развития когнитивной лингвистики утверждено положение о том, что явления реальной действительности отражаются в сознании человека в виде концептов, которые выступают в качестве точек пересечения между миром индивидуальных смыслов и миром культуры (по Ю.С. Степанову) и объективируются в коммуникации посредством языка.

В фокусе нашего внимания находится концепт *кафе*, представляющий собой яркий пример «третьего места» (в терминологии Р. Олденбурга) как противоположность двум другим типам пространств – домашнего («первое место») и рабочему («второе место») [Oldenburg 1989]. Кафе как открытое, доступное, демократичное и комфортное место для общения за чашечкой кофе становится фоном жизни человека, маркированное историческими и культурными особенностями (например, в 2011 году ЮНЕСКО включила кофейные традиции Вены в список нематериальных культурных наследий), что и обуславливает актуальность данного концепта.

Цель данной статьи – осмысление ключевой лексемы концепта *кафе* и ее синонимов, как базовых репрезентантов концепта *кафе*, в лексикографическом освещении. Материалом для анализа послужили словарные дефиниции лексемы

кафе, имени концепта, содержащиеся в 10 фундаментальных толковых словарях и 13 аспектных словарях.

Этимологические словари позволяют выявить архаичные признаки концепта, на которые наслаивались со временем новые семантические составляющие. Словарь М. Фасмера фиксирует корреляцию понятий кофе и кафе: «кафе – из нем. *af fee* «кофе» или франц. *caf*» [Фасмер 1986, Т. I: 212]. В свою очередь, Н.М. Шанский указывает на эту же параллель с *кофе*, но более точно отсылают к времени и стране: «заимств. в середине XIX в. из франц. яз., где *café* «кафе» < *café* «кофе» [Шанский 2002: 234].

Л.П. Крысин, помимо отсылки к французскому прототипу, дает указание на арабское происхождение слова кафе [Крысин 2009: 347], что находит исторические подтверждения. Кафе появилось одновременно с кофе в странах Ближнего востока и предназначалось, прежде всего, встреч мужчин, где они могли покурить водяную трубку и послушать истории. В Европе первые заведения, где можно было выпить кофе, появились в Венецианской республике в XVII веке, затем мода на кафе распространилась в Великобритании, Франции и Германии. В России места кофепития появились при Петре I, но популярность приобрели лишь во время правления Анны Иоанновны, см. подробнее об этом в [Шабалина 2014: 529].

Так, «лексема *قهوة* [qahwa] была заимствована дважды: первый раз через английский язык со значением названия растения и напитка кофе, во второй раз это же слово, преобразованное и переосмысленное другим языком посредником (французским языком), пришло в русский язык в значении «небольшой ресторан» [Светлова 2012: 20]. Получается, что этимологически кофе и кафе имеют один тот же прототип, что подтверждается и экстралингвистическими сведениями.

На раннем этапе развития интересующего нас концепта – в конце XVIII в. – коллокация *кофейный дом* означала место потребления кофе – «заведение, где продают вареный кофе и закуски» [Даль, Т. II: 151]. Так, мы можем выделить помимо интегрирующего признака «место, где можно выпить кофе», дифференциальный признак «еда». Синонимом *кофейного дома* становится *кофейня* [Там же].

Коллокация *кофейный дом* перестает использоваться к середине XIX века, когда поклонники французской культуры стали использовать для обозначения места кофепития слово *café* (кафе).

Отметим, что «французское кафе» в начале своего существования ассоциировалось с десертами, постепенно оно стало предлагать и закуски, см. подробнее в [Шустов 1991: 132]. Лексема *кофейня* переходит в пассив в 20-е годы XX века: «в результате их национализации кофейни превратились в столовые» [Стрась 2018: 261], предлагающие комплексные обеды из трех блюд.

Советские толковые словари толкуют как кафе как «небольшой ресторан. Молодежное к. К.-клуб. К.-читальня. К.-мороженое (с продажей мороженого). К. кондитерская» [Ожегов 1960: 249]. В свою очередь, *ресторан* – «род столовой (во 2 знач.: Столовая – «2. Учреждение общественного питания»), где подают кушанья, закуски, напитки, вина» [Там же: 670].

Для того, чтобы отразить специфику *кафе*, помимо информации о размере им занимаемого пространства (*небольшой*), дан расширенный иллюстративный ряд, преимущественно в виде двухкомпонентных обозначений с написанием через дефис, например, *кафе-мороженое*.

Примечательно, что в определении нет отсылки к кофе. Ценовая политика, сформированная в эпоху НЭПа, не способствовала распространению этого напитка, поэтому он был доступен преимущественно партработникам. Только в послевоенное время кофе стал распространяться среди трудящихся, тогда появились «первые кофеварки, «выброшенные» на прилавки советских универмагов и быстро ставшие предметом вождения домохозяек и женщин-тружениц» [Дьячкова 2019: 266]. Таким образом, в советское время *кафе*, прежде всего, стало местом приема пищи.

Постсоветские толковые словари определяют кафе как «небольшой ресторан с кофе, чаем, прохладительными напитками, закусками» [Шведова 2011: 330]. Понимание ресторана стало другим, теперь это «открытое для посещения заведения высшего разряда, в к-ром подаются заказные блюда, вина, с хорошо обставленным залом, обычно с эстрадой» [Кузнецов 1998: 830]. Перечислительный ряд, указанный в определении лексемы *кафе*, четче очерчивает то, что может получить посетитель в этом заведении.

Подчеркнем признак «развлечение» в определении лексемы *ресторан* и проведем параллель с лексемой *кафешантан* – «кафе с эстрадой, с исполнением различных увеселительных номеров, музыки, танцев» [Шведова 2011: 330].

Словообразовательные словари позволяют обратить внимание на деривационную семантику производных с корнем *кафе*: *кафе-закусочная*; *кафе-ресторан*; *кафе-столовая* и др., см.: [Тихонов 2003, Т.1: 232; Ширшов 2004: 331–332]. Такие производные термины являются «уточняющими», так как помогают понять специфику объекта. Например, *кафе-кондитерская* позволяет посетителю не только съесть вкусный десерт внутри кафе, но и приобрести его «на вынос», т.е. купить его как в магазине. Напротив, в *арт-кафе* человек приходит насладиться творческой атмосферой за чашкой кофе.

Привлечение данных словарей синонимов позволяет четче выявить отдельные оттенки значения имени-репрезентанта концепта, подчеркнуть его концептуальные и коннотативные признаки, см., например: «кафе – кафеюшка (прост.), кафушка (прост.), кофейня / с эстрадой, увеселительного характера: кафешантан, шантан / обычно с самообслуживанием: кафетерий» [Кожевников 2009: 260]. Доминирование пометы *прост.* в синонимическом ряду указывает на демократичность заведения. Кроме того, обращает на себя внимание стилистический вариант ласкового обращения, манифестированный с помощью суффиксов –ушк и –юшк: *кафушка*, *кефеюшка*, ср., например, с именами – *Татьянушка* и *Танюшка*. Подобные номинации транслируют, с одной стороны, несерьезный образ объекта (*кафе*) или субъекта (*девушки*), с другой стороны, отражают личное / близкое, эмоционально вовлеченное отношение говорящего о предмете или субъекте.

Словари сочетаемости отражают следующий образ: в кафе можно *прийти* намеренно или случайно *зайти*, можно *пригласить кого-нибудь посидеть* в кафе, чтобы *позавтракать*, *пообедать*, *поужинать*. Атмосфера в кафе демократичная: можно взять *меню* и ждать, когда *официант обслужит стол*, или *подойти на кассу*, см. подробнее, например, в [Денисов, Морковкин 1983]. В кафе люди приходят перекусить в приятной обстановке и компании.

Таким образом, лексикографическая интерпретация ключевой лексемы, имени анализируемого концепта, позволила выявить следующие когнитивные признаки: «место кофепития», «еда», «развлечение», «общение».

Литература

Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. Т. 1. М.: Рус. яз., 1998.

Денисов П.Н., Морковкин В.В. Словарь сочетаемости слов русского языка. М.: Рус. яз., 1983.

Дьячкова Ю.Ю. Чашка кофе: поэзия и проза повседневности // Культурные тренды современной России: от национальных истоков к культурным инновациям / отв. ред. Н.В. Бараниченко и др. Белгород, 2019. С. 264–268.

Кожевников А.Ю. Словарь синонимов современного русского языка. Речевые эквиваленты: практический справочник. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2009.

Крысин Л.П. Толковый словарь иноязычных слов. М.: Эксмо, 2008.

Ожегов С.И. Словарь русского языка. М.: Государственное изд-во иностранных и национальных словарей, 1960.

Светлова Р.М. Рецепция арабских прототипов в русском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Казань, 2012.

Стрась Э.О. вербализации концепта «место кофепития» в русском и польском языках // *Studia Slavica Hung.* 2018. № 63. С. 257-267.

Тихонов А.М. Словообразовательный словарь русского языка: в 2 т. Т. 1. М.: АСТ, 2003.

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. Т. 2. М.: Прогресс, 1986.

Шабалина А.Н. Английский coffee и русский кофе: языковая картина мира и взаимодействие культур // Слово, высказывание, текст в когнитивном, прагматическом и культурологическом аспектах / Отв. ред. Л. А. Нефедова. Челябинск: Изд-во ЧелГУ, 2014. С. 527-531.

Шанский Н. М., Боброва Т.А. Этимологический словарь русского языка: происхождение слов. 5-е изд., стереотип. М.: Дрофа, 2002.

Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов. М.: Азбуковник, 2011.

Шуринов И.А. Толковый словообразовательный словарь русского языка. М.: Изд-во АСТ; Изд-во Астрель; Изд-во Русские словари, 2004.

Шустов А. Н. Кофейный дом // *Русская речь.* 1991. № 2. С. 128-133.

Oldenburg R. The Great Good Place: Cafés, Coffee Shops, Bookstores, Bars, Hair Salons, and Other Hangouts at the Heart of a Community. N.Y.: Marlowe & Company, 1989.

P.E. Goryushina, A.Yu. Petkau (Ekaterinburg, Russia)
Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin

THE LEXICOGRAPHICAL ASPECT OF THE CONCEPT CAFÉ IN RUSSIAN

The article presents the results of the lexicographical interpretation of the key lexeme *café* and its synonyms as found in explanatory and aspect dictionaries. We revealed the dominant cognitive features and emphasize the specificity of nominations clarifying a *café*'s menu offerings and function.

Key words: *café*, explanatory dictionaries, linguistic consciousness, linguoculturology, comparative linguistics.

Н.А. Голубева (Нижний Новгород, Россия)
Нижегородский государственный лингвистический университет
им. Н.А. Добролюбова
nagol@mail.ru

К ВОПРОСУ О ПРОЦЕДУРНОЙ СЕМАНТИКЕ (НА ПРИМЕРЕ РЕДКОГО ЯЗЫКА)

Статья посвящена методологии изучения семантики языка в рамках процедурной семантики. Данное направление подчеркивает важность процедур интерпретации значений языковых выражений и операции конструирования их значений. Актуальность и новизна статьи обусловлены рассмотрением постулатов процедурной семантики на примере вымершего языка дьирбал (Dyirbal).

Ключевые слова: процедурная семантика, семантическая молекула, пресуппозиция, когнитивный классификатор.

Для лингвиста, чье научное кредо сформировалось в недрах когнитивных идей, непоколебимо понимание того, что «Язык – это средство передачи мысли, и как таковой он выступает главным образом в виде своеобразной «упаковки»» [Герасимов, Петров 1988]. Однако знания, используемые при его декодировании, далеко не ограничиваются только знаниями о языке.

В этой связи важен поиск новых подходов к изучению когнитивных аспектов функционирования языка, способов концептуальной организации знаний в процессах понимания семантики и правильного построения языковых сообщений. Оппоненты когнитивной лингвистики подвергают нередко критике ее методологические основания, фундаментальные понятия и исследовательские процедуры. Ответим на этот вызов рассуждениями о *процедурной семантике*, которая является одним из перспективных направлений когнитивной лингвистики [Там же]. Процедурная семантика, называемая также иногда процессуальной – направление в изучении семантики языка, подчеркивающее связь между значением языковых выражений и процедурами их интерпретации – операциями конструирования такого значения.

В рамках процедурной семантики сочетаются проблемы представления и организации языкового знания о динамическом окружении языковой единицы, которые даются не в форме набора правил, а в виде процедур (процедурных форм), как это показано в [Johnson-Laird 1975]. Поэтому на первый взгляд постулаты процедурной семантики сродни теории языковой (лексической и синтаксической) валентности, которая «всегда есть бесконечная стихийно-системная, и в частности конструктивно-техническая, интерпретативно-смысловая и коммуникативная валентность» [Лосев 1982: 137].

Отправной точкой в рамках процедурной семантики логично считать процедуру вычленения «семантических примитивов» естественного семантического метаязыка [Wierzbicka 1972], а позже проведение новой процедуры – выделения «семантическая молекула», под которой понимается модель, призванная разгрузить понимание слов с выраженным денотативным значением [Wierzbicka 1992]. Семантические молекулы – это заранее созданные, готовые значения лексем для

толкования других слов. Например, лексемы *рука* и *рот* включаются в когнитивно-семантические блоки таких слов, как *есть* и *пить*.

Процедурной формой установления семантической границы языковой единицы являются также пресуппозиции. В частности Дж. Лакофф рассматривает пресуппозицию как необходимый компонент теории семантики естественного языка [Lakoff 1986]. В литературе пресуппозиции различают на синтагматические, референциальные, логические, прагматические (эмпирические) и др. (Н.Д. Арутюнова, Х. Вайнрих, И. Макс, Р. Солсо, Ч. Филмор, Е.И. Шендельс). Пресуппозиция – регулярный способ отражения знания в значении языковой единицы. В логико-философском смысле это «логический вывод о существовании упоминаемого предмета» (Г. Амман), «презумпция осведомленности» (П. Строссон), «пресуппозиция уникальности» (М. Рейс). Мы понимаем пресуппозицию как презумпцию существования объекта, предпосылаемую на довербальном уровне, когнитивную модель формирования семантики языковой единицы [Голубева 2022].

Следующий подход может осуществляться путем применения когнитивных классификаторов, или классификаторов мышления. Эта процедурная форма хорошо известна всем со школьных лет в виде частей речи и получила в когнитивном аспекте особое рассмотрение [Кубрякова 1997].

Европейцы традиционно классифицируют реалии и свои представления о них делением по частям речи. Но существуют народы мира, которые классифицируют реалии иначе. Попытаемся осмыслить процедуру использования когнитивных классификаторов на примере одного из редких языков – дьирбала (Dyirbal) – языка аборигенов Австралии. Этот язык исследовал полевым методом в 1963 г. английский лингвист Р. Диксон. В тот период англоязычная австралийская культура еще не так сильно вторглась в традиционную культуру племени. Но в последующие годы дети носителей дьирбала стали учиться в англоязычных школах, а австралийская культура заметно продвинулась в вытеснении культуры дьирбала. Всего через двадцать лет язык дьирбал вымер.

Классификация реалий окружающей действительности встроена в язык, что вполне обычно для всех языков мира. Семантическая классификация носителями дьирбала отражена в [Dixon 1982]. В ней все предметы окружающего мира классифицируются с помощью одного из четырех слов: *bayi*, *balan*, *balam*, *bala*. Чтобы правильно говорить на этом языке, нужно употреблять перед каждым существительным соответствующий классификатор.

В результате полевых исследований Р. Диксон пришел к выводу, что носители дьирбала не усваивают категориальную принадлежность каждого существительного, взятого в отдельности, а руководствуются рядом общих принципов. Предложенную Р. Диксоном базовую схему можно упростить следующим образом:

- (I) *bayi*: (человеческие) особи мужского пола, животные;
- (II) *balan*: (человеческие) особи женского пола, вода, огонь, битва;
- (III) *balam*: вегетарианская пища;
- (IV) *bala*: все существительные, не вошедшие в три первых класса.

Представленная когнитивная классификация однозначно объясняет название труда Дж. Лакоффа «Женщины, огонь и опасные вещи» [Lakoff 1990].

Особый интерес представляет объяснение *принципов*, лежащих в основе приведенной классификации. Наиболее общий принцип – *Принцип сферы опыта*. Если существует сфера опыта, ассоциирующаяся с *A*, то все реалии этой сферы принадлежат той же категории, что и *A*. Если рыбы, будучи одушевленными существами, относятся к классу I, то и приспособления для рыбной ловли (остроги, леска и т.п.) также относятся к классу I, хотя, не являясь ни одушевленными, ни съедобными, они могли бы принадлежать классу IV. Точно так же растения, приносящие съедобные плоды, относятся к тому же классу III, что и эти плоды. *Принцип мифа и поверья*. Если какое-либо существительное обладает характеристикой *X* (по которой оно может быть отнесено к определенному классу), но вместе с тем на основе поверья или мифа оно обладает характеристикой *Y*, то, как правило, оно принадлежит классу, в который включаются существительные с характеристикой *Y*, а не *X*. Например, хотя птицы – одушевленные существа, их не относят к классу I вместе с другими одушевленными существами. У носителей языка дьирбал существует поверье, что птицы – это души умерших женщин, и поэтому птицы принадлежат классу II. *Принцип важной особенности* гласит: Если подмножество существительных обладает определенной важной особенностью, которая отсутствует у остальных членов множества, то члены этого подмножества в целях маркирования данной особенности могут быть отнесены к иному классу, чем вся остальная часть множества. Чаще всего такой важной особенностью является «вредоносность». Так, большая часть рыб относится к классу I наряду с другими одушевленными существами, но так как морской ерш и морская щука опасны, то они включаются в класс II. Деревья, кусты, ползучие или вьющиеся растения и травы, не имеющие съедобных частей, относятся к классу IV. Но два вида колючих деревьев и жгучая крапива относятся к классу II вместе с прочими вредоносными реалиями. Во многих случаях эти принципы позволяют интерпретировать классификацию заимствований. Фрукты, мука, пирог (который делают из муки) и вино (которое делают из фруктов) принадлежат классу III. Р. Диксону удалось показать, что классификация, представляющаяся на первый взгляд европейцу фантастической, является, с точки зрения использующих ее людей, способом классификации окружающей действительности, вполне закономерным и основанным на определенных принципах.

Подведем итог. Концептуальный анализ семантической классификации показал способы концептуальной организации знаний в процессах понимания и построения языковых сообщений в рамках процедурной семантики. Язык может быть структурирован в ракурсе, который игнорирует другие, сопутствующие языку проявления человеческого разума, и указывает на актуальность этнолингвистики. На примере языка дьирбал мы убедились в том, что языковые правила являются частью нашего когнитивного аппарата и что современные исследования языка невозможны без привлечения таких понятий, как интенция, память, действие, семантический вывод и др.

Литература

Герасимов В.И., Петров В.В. На пути к когнитивной модели языка // Новое в зарубежной лингвистике. 1988. Вып. 23: Когнитивные аспекты языка. С. 5-11.

Голубева Н.А. Прецедентность в парадигматике и синтагматике (на примере сравнений немецкого языка) // Вопросы когнитивной лингвистики. 2022. № 1. С. 85-101.

Кубрякова Е.С. Части речи с когнитивной точки зрения. М.: ИЯ РАН, 1997.

Лосев А.Ф. Знак. Символ. Миф: труды по языкознанию. М.: МГУ. 1982.

Dixon R.M. Where have all the adjectives gone? And other essays in Semantics and Syntax. Berlin: Mouton, 1982.

Johnson-Laird P.N. Meaning and the mental lexicon // A. Kennedy, A. Wilkes (eds.). Studies in Long Term Memory. London: Wiley, 1975. P. 255-276.

Lakoff G. Classifiers as a Reflection of Mind // Colette G. Craig (eds.). Noun Classes and Categorization. Proceedings of a symposium on categorization and noun classification. Amsterdam: John Benjamins Publishing, 1986. P. 13-51.

Lakoff G. Women, Fire and Dangerous things. What Categories Reveal about the Mind. Chicago & London: The University of Chicago Press, 1990.

Wierzbicka A. Semantic Primitives. Frankfurt / M: Athenäum-Verl., 1972.

Wierzbicka A. Semantics, Culture, and Cognition: Universal Human Concepts in Culture-Specific Configurations. Oxford: Oxford University Press, 1992. P. 3-27.

N.A. Golubeva (Nizhny Novgorod, Russia)
Nizhny Novgorod State Linguistics University

PROCEDURAL SEMANTIC ANALYSIS OF THE DYIRBAL LANGUAGE

The article is devoted to the study of linguistic semantics through procedural semantics. This direction emphasizes the importance of procedures for interpreting the meanings of linguistic expressions and the construction of their meanings. The article is novel and relevant due to our application of procedural semantics to examine the extinct Dyirbal language.

Key words: procedural semantics, semantic molecule, presupposition, cognitive classifier.

Л.И. Гришаева (Воронеж, Россия)
Воронежский государственный университет
grischaewa@rgph.vsu.ru

ГИБРИДИЗАЦИЯ ТИПОВ ТЕКСТА И КОНДЕНСИРОВАНИЕ ИНФОРМАЦИОННОГО ПОТОКА В ДИСКУРСЕ

В сообщении анализируются отдельные, наиболее яркие особенности содержательной организации текстов разных типов, которые правомерно охарактеризовать как отражающие особо заметные для наблюдателя актуальные тенденции, существенно обуславливающие как порождение, так и рецепцию текста коммуникантами различных категорий. Гибридикация типов текста трактуется как такая формальная, содержательная и функциональная организация текстовой ткани, которая в порождаемом конкретном текстовом пространстве оказывается свойственной в определенной языковой культуре конвенционально разным – двум или более – типам текста либо их классам: информативному и людическому, комиссивному, декларативному и суггестивному, фатическому, экспрессивному и дескриптивному и т.п. Это позволяет адресанту количественно и качественно варьировать средствами и способами реализации разнообразных когнитивных, номинативных, коммуникативных стратегий. Поэтому гибридикация интерпретируется как эффективное средство конденсирования информационного потока, которое столь востребовано в актуальных дискурсивных условиях в самых разных форматах общения между разными категориями коммуникантов. Обсуждаются причи-

ны и последствия проявления описываемых тенденций в организации форматов общения и типов текста.

Ключевые слова: тип текста; гибридизация, конденсирование информационного потока в коммуникации; эвфемизм и эвфемизация; содержательная, формальная и функциональная организация текста; средства и способы решения коммуникативной и когнитивной задачи.

Современному этапу развития языковых культур присущ ряд тенденций, которые определенным образом характеризуют принципы структурирования информационного потока. Следствием этого становится возможность выявлять особенности использования языковых средств как средств решения тех или иных коммуникативных и когнитивных задач. Подобный анализ убедительно показывает, что соответствующие принципы во многом оказываются сопоставимыми либо даже в ряде случаев идентичными для разных форматов дискурса, осуществляемых в различных дискурсивных условиях. Анализируемые средства и способы использования языка и иных культурных кодов по-разному фиксируются механизмами объективации сведений о мире в разных языковых культурах. Это побуждает осмыслять обсуждаемые тенденции как особо значимые для современного этапа развития языковых культур. Одной из таких тенденций резонно в первую очередь назвать гибридизацию типов текста, которую правомерно толковать как следствие стремления носителей языка и культуры **конденсировать** и четко **структурировать** информационный поток в разных форматах общения с другими коммуникантами, реализуя различные цели.

Исследовательское внимание фокусируется на гибридизации содержания, формы и функционала текстов разного типа в силу ряда обстоятельств. Во-первых, гибридизация имеет место в разных форматах общения между разными категориями носителей языка и культуры при решении ими разнообразных коммуникативных и когнитивных задач. Во-вторых, количественные и качественные проявления гибридизации с трудом поддаются теоретическому исчислению в силу их гетерогенности и в конечном итоге воспринимаются многими коммуникантами как новые и вместе с тем креативные способы взаимодействия, заслуживающие всяческого поощрения и поддержки в интеракциях со стороны носителей языка и культуры. В-третьих, под гибридизацию подпадают в конечном счете разные классы текстов: ср. гибридизацию информативных, аксиологических и людических принципов текстовой организации в комментариях к актуальным общественно значимым событиям, гибридизацию комиссивных, декларативных и суггестивных принципов в предвыборной речи политиков, в дебатах в период предвыборных кампаний, гибридизацию фатических, экспрессивных и дескриптивных принципов текстовой организации в поздравлениях юбиляров или блогах и т.п.

Гибридизация содержательной, формальной и функциональной организации текстов того или иного типа способствует в конечном итоге расщеплению в языковой культуре давно устоявшихся в культуре, уже ставших конвенциональными, типов текста, появлению и закреплению в культуре новых типов текста, а также различным трансформациям в текстовой ткани. Это приводит к изменению содержательной, формальной, функциональной организации текстов на микро- и макроуровне, специализации языковых средств на новые для языковой

культуры коммуникативные и когнитивные задачи и тем самым к изменению функционального потенциала как отдельных разноуровневых и разнородных языковых средств, так и принципов организации текста в целом. Это проявляется, например, в перераспределении в интеракции соотношения между общей и частными коммуникативными задачами, в перегруппировке частных задач при решении общей задачи на отдельных этапах реализации интеракции, в перекоифигурировании элементов в комплексе речевых и неречевых действий в процессе достижения известной цели и т.д. Ярким примером сказанному может стать способ получения и сообщения новой информации в интернет-пространстве, а также появление и конвенционализация в официальной и полуофициальной коммуникации такого формата общения, как пранк.

Перечисленные процессы правомерно интерпретировать как следствие сложности и вытекающей из этого политеологичности решаемых в актуальном информационном обществе современными носителями языка и культуры коммуникативных и когнитивных задач как традиционных для них, так и принципиально новых. Другой причиной следует, пожалуй, признать тесную связь принципов организации сообщаемого в тексте определенного типа содержания с необходимостью его более или менее четкого структурирования в целях оптимизации взаимодействия в условиях, характеризующихся в том числе потребностью в балансе (гармонизации) значимой и менее значимой информации, информационного шума и важных для одного и/или обоих коммуникантов сведений, объективируемых средствами разных культурных кодов, с одной стороны, и имплицитных сообщаемых знаний, с другой, а также со стремлением к изменению соотношения между экономией средств выражения и повышением информативности сообщения, т.е. с уплотнением информационного потока в некоторую единицу времени.

Особенности информационного общества и обусловленные ими изменения в доминирующих в культуре способах вхождения в контакт с коммуникантами определенных категорий, в способах поддержания контакта, его оптимизации и его возобновления в тех или иных условиях обуславливают появление некоторых качеств у обсуждаемого феномена, которые ранее не были столь востребованными носителями языка и культуры. Назвать следует в первую очередь ярко выраженную потребность в аттрактивности, политеологичности, экспрессивности и эффективности коммуникации в разных форматах общения. Это находит, между прочим, выражение в проникновении принципов организации людических текстов в организацию нарративных, дескриптивных, аргументативных, экспликативных, аксиологических, фатических и пр. текстов. Обращают на себя внимание и быстрота обновления повестки дня, и проявление упомянутых выше новых тенденций в организации текстов разного типа. Нетождественность публичной, политической и медийной повесток дня и связанные с ними разнородные процессы, сопровождающие порождение и рецепцию текстов, а также все более ярко и явно выражаемое завоевание и поддержание власти в дискурсе, увеличение доли манипулятивности в разных форматах дискурса побуждают исследователей в свою очередь обратить внимание на маркеры трансформаций принципов организации текстовой ткани – и прежде всего на структуру номинативных, коннотативных и акциональных цепочек, обладающих в цельном тексте особым текстоорганизующим потенциалом.

С точки зрения принципов содержательной, формальной, функциональной организации текстов, порождаемых коммуникантами с разной культурной идентичностью в разных коммуникативных условиях, внимания заслуживают текстовые структуры, прошивающие любой коммуникативный продукт целиком и играющих в силу этого особую роль в установлении когерентности текста. Это, несомненно, главным образом структура номинативных цепочек (особо значим характер номинативного средства как отдельного звена этой текстовой структуры), изменение доли дейктических средств в отдельных номинативных цепочках, соотношение коннотативных и номинативных цепочек в текстовом пространстве, прономинализация пропозиций, иррадиация аксиологических смыслов с одной текстоорганизующей структуры на другую, развитие тематической прогрессии в текстовом целом и др.

В обозначенном контексте целесообразно в качестве иллюстрации привести как минимум четыре типа (потенциально) повторяющихся средств в номинативных цепочках: (1) окказионализмы, например, *потерпеть успех, испытать победу* и т.п.; (2) эвфемизмы и/или эвфемистические дескрипции, а также иные вторичные номинативные средства, например, *дама, раздававшая печеньки; тогдашний вице-президент; парень, потерявший/забывший свой компьютер; жена Константина Богомолова* и т.д.; (3) прецедентные феномены, фразеологизмы, цитаты и квази-цитаты, например, *много букофф; Мёрзни, мёрзни, волчий хвост; татарское и монгольское иго; последнее китайское предупреждение; кра заморская, баклажанная* и др.; (4) мемы, например, *Это другое* или *Британские ученые установили ...; блондинка в шоколаде; белорусское море; белорусские кровати* и мн. др.

Переструктурирование информационного комплекса из-за изменения в актуальной интеракции конфигурации объективируемых и имплицитруемых, активизируемых в коммуникации и со-активизируемых сведений о ситуации и/или ее участниках, умения корректно интерпретировать намерение коммуниканта и характер решаемой им коммуникативной и когнитивной задачи приобретают вследствие названных выше обстоятельств в современных коммуникативных условиях особый вес. Причиной является, по всей видимости, то, что подобные способы организации сообщения информации и средства ее объективации «включают» при рецепции текста иные «регистры восприятия», так как они дополнительно со-активизируют комплекс сведений, обычно не активизируемых и даже не со-активизируемых в соответствующих условиях как нерелевантных и/или несалиентных, как не выводимых в поле сознания, имплицитруемых. Тем самым воспринимаемое адресатом содержание дополнительно обогащается и дифференцируется по новым и более тонким, чем в привычных условиях, основаниям из-за того, что когнитивный фон, на котором концептуализируется и категоризируется та или иная когнитивная фигура, качественно меняется.

Подобная организация текстовой ткани требует поэтому от адресата особых навыков рецепции текстов разного типа, развитого умения распознавать аллюзии и эвфемизмы и т.п. способы активизации сведений о мире. Это требует наличия умения соотносить знание, объективируемое в коммуникации, со знанием, активизируемым средствами культурных кодов, и знанием, со-активизируемым, но не эксплицитруемым, иначе – обладать также и умениями и навыками интерферен-

ции. Особую роль в таких случаях приобретают знания, разделяемые в языковой культуре всеми ее носителями, в том числе и прецедентное знание, а также и умения адекватно интерпретировать такое знание. Носителям языка и культуры требуются также умения более или менее легко определять по известным в языковой культуре признакам актуальную интенцию адресанта. Необходимо также располагать знаниями о множественном варьировании способами достижения одной и той же цели в различных условиях.

Тем самым очевидно, что появление и доминирование в структуре той или иной номинативной цепочки вторичных номинативных средств, разнообразных эвфемизмов и различных прецедентных феноменов, концептуальных метафор, средств аллюзии в неспецифической для них дискурсивной среде и/или преобладание в структуре коннотативной цепочки аксиологически нагруженных разнородных средств могут однозначно сигнализировать исследователю об изменении плотности информационного потока в дискурсе и прежде всего о способах конденсирования информации, с одной стороны, и о гибридизации в организации текстовой ткани, с другой.

Сказанное означает, что гибридизация типов текста представляется отнюдь неслучайной, что она имеет определенные маркеры и распознаваема по соответствующим разнородным средствам и способам текстовой организации. Умение же извлекать из информативно уплотненной текстовой ткани дополнительные сведения о мире поддерживает также их парольную функцию, позволяя опознавать «своего» и «чужого» в различных форматах дискурса, адекватно интерпретировать связи в различных семиотических пространствах, а также корректно определять семиотические границы разной этиологии.

*L.I. Grishaeva (Voronezh, Russia)
Voronezh State University*

HYBRIDIZATION OF TEXT TYPES AND CONDENSATION OF INFORMATION FLOW IN DISCOURSE

The presentation analyzes some of the most striking features of the content organization of different types of texts. These features can be characterized as reflecting particularly noticeable current trends which, to a large extent, determine both text generation and text perception by various categories of discourse participants. The hybridization of text types is interpreted as a formal, meaningful, and functional organization of text, which in a particular textual space generated within a culture turns out to be characteristic of conventionally different (two or more) types of text or their classes: informative and ludic, commissive, declarative and suggestive, phatic, expressive and descriptive, etc. This allows the addressee to quantitatively and qualitatively vary means and methods of implementing a variety of cognitive, nominative, and communicative strategies. Therefore, hybridization is interpreted as an effective means of condensing the information flow, which is in great demand in current discursive practices in a variety of contexts of interaction between different categories of communicants. In the presentation, the causes and consequences of the described trends in the organization of communication formats and text types are discussed.

Key words: text type; hybridization, condensation of information flow in communication; euphemism and euphemization; meaningful, formal and functional organization of text; means and methods of solving communicative and cognitive tasks.

Н.П. Дронова (Тамбов, Россия)

*Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина
dronovanina@yandex.ru*

ЛЕКСИЧЕСКАЯ ЭКСПЛИКАЦИЯ ПРОСТРАНСТВА В ДИСКУРСЕ ФАСТНАХШПИЛЯ

В статье рассматриваются два типа антитезы STADT – DORF, WIRTSHAUS – KLOSTER, участвующие в моделировании и репрезентации пространственных знаний и представлений, стереотипов человека начала Нового времени, показана специфика оценочной концептуализации пространства под влиянием социокультурных факторов.

Ключевые слова: пространство, место, антитеза, оценочная концептуализация, метафтонимия.

Проблема концептуализации и категоризации пространства, роли вербальных репрезентаций в отражении особенностей мировосприятия человека на определенном культурно-историческом этапе постоянно находится в фокусе внимания исследователей различных научных областей и направлений (см. фундаментальные исследования: А.Я. Гуревич, Т.В. Топорова, Е.С. Кубрякова, О.А. Корнилов, Ю.С. Степанов и др.). В подробном обзоре современных наиболее значимых работ, связанных с изучением пространственных моделей мира или отдельных фрагментов языковых картин мира, И.Н. Ивашкевич отмечает, что «в этих работах представления о пространстве схематизированы как важнейшие фрагменты наивной картины мира (часто во взаимосвязи с научной картиной мира), отражаемые специфическим видением отдельным языковым сознанием» [Ивашкевич 2019: 25]. Пространство понимается «как трехмерная, геометрическая, ровно протяжимая форма, которую можно разделять на соизмеримые отрезки» [Гуревич 1984: 43]. Необходимо также, вслед за Е.С. Кубряковой, отметить «человеческий фактор» в освоении и познании пространства, «частью которого ощущает сам себя человек и внутри которого он относительно свободно перемещается или же перемещает подчиненные ему объекты» [Кубрякова 2004: 466]. Многоаспектность онтологической категории пространства осложнена взаимосвязью концептов пространства – объекта – места. Е.С. Кубрякова обращает особое внимание на то, что понятие место тесно связано и с понятием объекта, и с понятием пространство. «Место – это часть пространства, занимаемого объектом и ограничиваемая им. Подобно пространству оно может характеризоваться и как объем, и как плоскость» [Кубрякова 2004: 468].

В данной статье рассматривается проблема концептуализации пространства на материале номинаций, вербализующих прежде всего локальные объекты (Stadt, Dorf, Haus и др.) в языковой картине мира раннего нового времени (16в.) на материале фастнахтшпилей Г. Сакса. Важным представляется также изучение особенностей оценочной концептуализации пространства (иронии, насмешки, гротеска и др.) в рамках «смеховой народной культуры». На основе когнитивно-дискурсивного анализа, включающего комплекс приемов по описанию языковых единиц [см. подробнее: Болдырев 2019:411-415], были выделены две антитезы концептов, структурирующие пространственные отношения в комическом дискурсе. Базовая антитеза, вербализованная антонимической оппозицией STADT –

DORF (ГОРОД – ДЕРЕВНЯ), репрезентирует «обобщенное отражение реально-го, изображаемого, описываемого в тексте пространства» (Бахтин). Однако дискурс праздника Фастнахт обуславливает также профилирование локуса ИГРЫ – WIRTSCHAUS (ТРАКТИР) – места, определяемого как некое «ВМЕСТИЛИЩЕ» празднования масленицы и его антонима KLOSTER /DOM (МОНАСТЫРЬ / СОБОР) – как места чрезмерной регламентации бытия средневекового человека.

Ментальное противопоставление STADT – DORF в мировосприятии субъекта эпохи Ренессанса формируется в результате социокультурных изменений (рост городов, формирование нового социального слоя - бюргера (горожанина) и сохранении консервативных представлений в сельской среде. STADT концептуализируется как некое «замкнутое, огороженное пространство» «ВНУТРИ», противопоставленное пространству «СНАРУЖИ», где располагается «мир крестьянина» DORF. Например: *Ich merk wohl, wer jetzt wahr will sagen, / nicht nur hier draußen bei den Bauern, / sondern in Städten, in Mauern, dem werden feind jetzt alle Leute.* Вербализация пространства города осуществляется на основе локальной конструкции *in der Stadt* с семантикой «вместимости», а также лексической единицей *Mauer* (каменная стена), выступающей в функции символа «отграничения». Сочетание *draußen bei den Bauern* выражает релевантный признак местоположения «СНАРУЖИ» в соотношении с сельской местностью. Ориентационная метафора «ВНУТРИ – СНАРУЖИ», вербализуемая локальными наречиями с семантикой «внутри», как например, *hierinnen / hier innen, her*, и наречиями с семантикой «снаружи» *hin, draußen raus, hinaus / raus*, используется в концептуализации как «пространства внутри средневекового города», так и «внутри помещения», противопоставленного пространству «снаружи помещения» или за городом, в деревне, далеком мире. Восприятие города как «замкнутого пространства» может дублироваться комплексом языковых средств. Ср.: *Wär der (Löll) Bürger, du kannst glauben, / zu München drinnen in der Stadt, / er wär schon längst mit in dem Rat.* Перемещение субъекта в пространстве «ВНУТРИ» конкретизируется рядом лексических единиц (топоним *München*, наречие *drinnen*, предложная конструкция *in der Stadt*), что характерно для разговорной речи. Имплицитно в высказывании крестьянина содержится положительная оценка статуса города, где живут бюргеры (*Bürger*), и, где в ратуше мог бы оказаться его друг – простак Лелль. Примечательно, что участники фастнахтшпилей демонстрируют некоторые знания о других городах (СНАРУЖИ), как например, они ходят в Мюнхен, расположенный недалеко, им известен также Рим как город папства и устрашающих наказаний за грехи, а Париж может быть понят наивной крестьянкой как *Paradeis* (тот свет), что вызывает смех публики.

Топография средневекового города выстраивается контурно в виде концептуально-языковой цепочки номинаций наиболее значимых религиозных, светских учреждений (*Kloster, Rat, Gericht*), находящихся в центре пародийно-иронического осмысления и нередко осмеяния со стороны публики и автора. Так, автор устами инквизитора в шпиле «*Der Ketzermeister mit den vielen Kesseln Suppe*» показывает картину наметившихся процессов упадка в религиозной сфере (KLOSTER), используя наиболее доступный и понятный образ «ДОМА»: *An unserm Haus ist morsch die Giebel; / gewichen ist uns der Grundstein; / ich fürchte gar, es fällt bald ein, / wiewohl wir stets die Mauer stützen/ und sie vor dem Verfallen*

schützen. Метафоризация «РАЗРУШЕНИЯ / УПАДКА» в концептуализации состояния дел в церкви в эпоху Реформации базируется в когнитивном основании на повседневных знаниях человека о «доме» (Haus), его составных частях: фронто́не (die Giebel), каменных стенах (die Mauer), фундаменте (der Grundstein), а также на ассоциативно-образных представлениях о процессах постепенного «гниения, обветшалости» (morsch). Напротив WIRTSHAUS (синонимические субституты Haus, Taberne, Stube, Rockenstube и др.) концептуализируется как позитивно-окрашенный локус праздника жизни с характерными концептуальными признаками: 1) «заполненность» ВМЕСТИЛИЩА субъектами (Gäste, Frauen, Herren, Biederleute, Bauern, Geselln), 2) «наполненность преувеличенным гостеприимством» (gottwillkommen, viel tausendmal willkommen), 3) «наполненность / изобилие еды и питья» Speis und Trank, 4) «праздничной настрой» (fröhlich sein, einen guten Mut haben). Например: Seid gottwillkommen, werte Gäste! / Mein Herr hat euch beschafft das Beste, / was man aufträgt an Speis und Trank.

Концепт DORF репрезентирует представления о пространстве «СНАРУЖИ» с размытыми неопределенными границами по отношению к городу, но «ВНУТРИ» по отношению к себе, что вербально отражено в иронически-окрашенной поговорке: Es sind das Vieh ja auch der Stahl / die gleichen bei uns überall. Понятия из сферы скотоводства das Vieh, der Stahl эксплицируют род занятий крестьян, атрибут gleich профилирует бытовое единообразие, подчеркнутое предложной конструкцией bei uns (ВНУТРИ). Пренебрежительно-насмешливая оценочная концептуализация пространства DORF наблюдается во многих фастнахтшпилях, где главный комический персонаж «крестьянин – шут / дурак» (Narrenfigur). Так, например, топоним Fünsing, название реальной деревни в Верхней Баварии, стал символом «дурацкости» из-за комически-глупой ситуации, гротескно изображенной Г. Саксом в фастнахтшпиле «Der Roßdieb zu Fünsing». Заметим, что жители деревни, получившей репутацию дурацкой (Narendorf – деревня шутов/дураков) были вынуждены изменить название на Finsing [Frank 1973: 320]. Социальная метафора СВОЙ – ЧУЖОЙ дополняет широкий спектр оценочных смыслов в концептуализации STADT – DORF, профилируя смысл насмешки в адрес жителя деревни (ЧУЖОЙ) и корпоративного превосходства горожан (СВОЙ), над чем иронизирует автор. «Горожане праздновали этот праздник, осознавая себя в соответствии со своим социальным статусом как стоящих выше в культурном плане, чем их крестьянские предки, праздник которых они отмечали. В сознании бюргера формировалась дистанция, понимание своей роли в социуме. Отсюда вытекает карикатурное, пародийное, насмешливое отношение к образу крестьянина» [Lenk 1970: 296]. Например: Was tust du hierinnen? / anst auf dem Dorf kein Wirtshaus finden, daß bei den Bürgern du einkehrst? Таким образом, на материале когнитивно-дискурсивного анализа номинаций пространства установлено, что ведущую роль в концептуализации объектов / места в пространстве играет ориентационная метафора «ВНУТРИ – СНАРУЖИ», вербально эксплицирующая концептуальные признаки «вместимости, закрытости, границы» города и признаки «удаленности, размытости, отсутствия границы» средневековой деревни. Карнавальная контекст мироощущения и мировосприятия обуславливает актуализацию наименований объектов пространства WIRTSHAUS – KLOSTER с оценочно-экспрессивной коннотацией, форми-

рующейся в сознании средневекового социума под влиянием эволюционирующей картины мира.

Литература

Болдырев Н.Н. Язык и система знаний. Когнитивная теория языка. М.: Издательский Дом ЯСК, 2019.

Гуревич А.Я. Категории средневековой культуры. М.: Искусство, 1984.

Ивашкевич И.Н. Репрезентация категории пространства сквозь призму междисциплинарных исследований // Практика преподавания иностранных языков на факультете международных отношений. Минск: БГУ, 2019. Вып. IX. С. 23-27.

Кубрякова Е.С. Язык и знание. На пути получения знаний о языке: части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. М.: Языки славянской культуры, 2004.

Lenk W. Hans Sachs und das Nürnberger Fastnachtspiel. // Hans Sachs. Fastnachtspiele. Philipp Reclam jun. Leipzig, 1972. P. 293-311.

Sachs H. Fastnachtspiele. Leipzig: Verlag Philip Reclam, 1973.

N.P. Dronova (Tambov, Russia)
Derzhavin Tambov State University

LEXICAL EXPLICATION OF SPACE IN THE FASTNACHTSPIEL DISCOURSE

The article considers the antitheses STADT – DORF and WIRTSHAUS – KLOSTER, involved in the modeling and representation of spatial knowledge and representations and human stereotypes of the beginning of modern times. It describes the evaluative conceptualization of space under the influence of socio-cultural factors.

Key words: space, place, antithesis, evaluative conceptualization, metaphonym.

Ц. Ду (Москва, Россия)
Российский университет дружбы народов
1042215283@pfur.ru

ЗАИМСТВОВАННАЯ ЛЕКСИКА В КОМПЛИМЕНТАХ РОССИЙСКОЙ И КИТАЙСКОЙ МОЛОДЁЖИ (ПО РЕЗУЛЬТАТАМ АНКЕТИРОВАНИЯ)

Данная статья посвящена изучению явления заимствования в молодёжных комплиментах. В ходе исследования рассматриваются и анализируются этимологические и лексико-семантические особенности заимствованной лексики для выражения комплиментов. Проводится сопоставительный анализ в русском и китайском языках.

Ключевые слова: заимствование, комплимент, речь молодёжи, русский язык, китайский язык, молодёжный сленг.

В лингвистике заимствование рассматривается как «перемещение слов из одного языка в другой, происходящее в неразрывной связи с общественной жизнью и различными культурными явлениями» [Лотте 1982: 112]. На фоне глобализации современного мира, разные культуры и языки взаимодействуют друг с другом, одним из последствий такого процесса является заимствование на úrov-

не лексики. Как активная социальная группа молодое поколение легко воспринимает новое и стремится к творчеству в языке, что способствует широкому использованию заимствованной лексики в речи молодёжи. В связи с этим, заимствование как креативное средство формирования неологизмов становится одним из важных путей обогащения речи современной молодёжи и ярко выражено в молодёжной коммуникативной среде.

Представляя собой неотъемлемую часть межличностного общения, комплимент трактуется как положительно-оценочный речевой акт [Wolfson 1980: 392]. Актуальность данного исследования обусловлена тем, что комплимент широко используется в речи современной молодёжи в русской и китайской лингвокультурах, и при этом молодёжные комплименты содержат в себе большое количество заимствованных слов.

Материалом данной работы служат результаты авторского опроса о комплиментах среди российских и китайских студентов. Респондентам предлагалось ответить на вопрос: «*Какие из перечисленных слов Вы можете использовать как комплимент (для выражения похвалы, одобрения, уважения, признания или восхищения собеседнику)?*», выбрав неограниченное количество ответов из предлагаемых 40 слов и выражений. Лексические единицы для выбора были отобраны из словарей молодёжного сленга и жаргонов в русском и китайском языках. Кроме того, учитывая постоянное возникновение новых выражений в речи молодёжи, были использованы сайты со словарными ресурсами в русскоязычном и китайскоязычном Интернете, где молодёжный сленг обновляется в режиме реального времени. Также опрос включал небольшой социально-демографический блок (пол, возраст, образование и т.п.), необходимый для характеристики выборки. Опрос проводился в онлайн виде в декабре 2022 г.

Всего в исследовании приняло участие 300 респондентов в возрасте от 16 до 35 лет, из которых 140 россиян (78 девушек и 62 юношей) и 160 китайцев (87 девушек и 73 юношей). Большинство из них являются студентами российских и китайских университетов. После проверки было отобрано 250 полностью и корректно заполненных анкет (125 – на русском и 125 – на китайском).

В результате получено 1398 лексических единиц комплимента на русском языке и 1219 – на китайском языке (включая повторения). Для обработки результатов использовался сервис AntConc, который позволяет подсчитать частоту слов и упорядочить их. Для дальнейшего анализа были отобраны лексические единицы с частотой встречаемости выше 10.

Установлено, что среди проанализированных русских молодёжных комплиментов иноязычные заимствования встречаются 15 раз (см. рис. 1), что составляет более 40% от всех ответов. Большинство из заимствованных единиц являются англицизмами. Например, «супер» – от англ. “super”; «краш» – от англ. “crush”; «вайб» – от англ. “vibe”; «имб» – от англ. “imbalance”; «сасный» – от англ. “sassy”; «лакшери» – от англ. “luxury”, «в тренде» от англ. “in trend”; «МВП» – это аббревиатура от англ. “Most Valuable Player”. Гораздо реже встречаются заимствованные слова из других языков: «няшка», «кавай», «тянка» сформированы на основе японского; «кайф» восходит к арабскому языку; «масита» берёт своё начало в испанском.

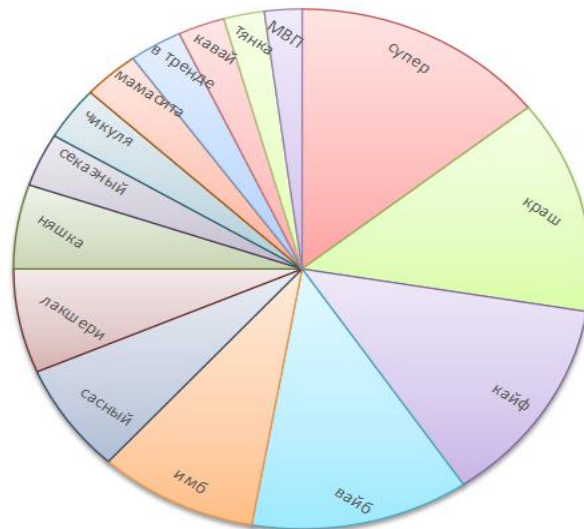

Рис.1. Заимствованные в комплиментах российской молодёжи

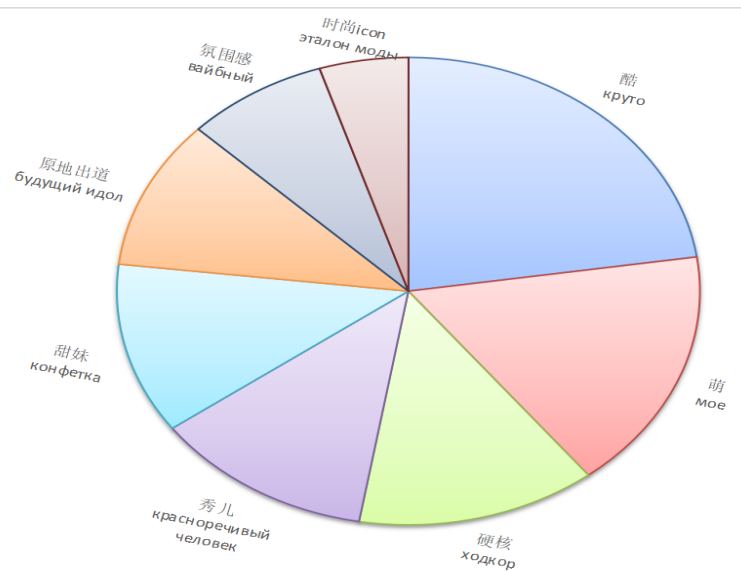

Рис.2. Заимствованные в комплиментах китайской молодёжи

Выявлено, что заимствования в комплиментарных выражениях менее популярны среди китайской молодёжи: встречаются в ответах 8 раз (см. рис. 2), что составляет всего 16%. При этом, как и в русскоязычной выборке, большинство заимствований являются англицизмами. Например, слово «酷», которое является лексическим эквивалентом «круто» в русском, происходит от англ. “cool” и имеет одинаковое звучание. К созвучному заимствованию относится и «秀儿 / красноречивый человек», которое произошло от англ. “show”. Зафиксированы ещё англицизмы: «硬核 / ходкор» от англ. “hardcore” при дословном переводе на китайский, «氛围感 / вайб» от англ. “vibe” при вольном переводе. Вместе с тем, встречаются заимствования для выражения комплимента и из других языков (экзотизмы), например, созвучная с японским единица «萌 / мое» и эквивалент французского слова debut «原地出道 / будущий идол».

Таким образом, англицизмы занимают первое место среди иностранных заимствований в комплиментах российской и китайской молодёжи. Это связано с

тем, что заимствования лексики происходят в неразрывной связи с общественной жизнью и различными культурными явлениями. Экспансия англо-американской культуры и ведущее место английского языка на международной арене оказывают мощное влияние на русский и китайский языки, что особенно проявляется в молодежной речи, в том числе в комплиментарных высказываниях молодёжи. Однако явление заимствования не так широко распространено в комплиментарных выражениях китайской молодёжи по сравнению с российской. На наш взгляд, это различие обусловлено как разницей между иероглифической письменностью и алфавитной системой, так и относительно более поздним расширением связей Китая с международным сообществом.

В комплиментах российской молодежи можно выделить пять семантических групп заимствованной лексики, используемой для похвалы людей. Во-первых, это группа *«отлично/отличный»*, которая включает слова «круто», «сасный», «супер», «лакшери» и т.п. Во-вторых, семантическая группа *«приятные эмоции и ощущения, которые приносит собеседник»*: «краш», «кайф», «вайб». Во-третьих, семантическая группа *«сильный»*, включающая единицы «имб» и «МВП». В-четвертых, группа слов с коннотацией *«милый»*, например, «няшка», «кавай», «тянка». Наконец, пятая семантическая группа *«сексуальный»*: которая связывается с «секазный», «чикуля» и «мамасита».

Для классификации заимствованных комплиментарных выражений в речи китайской молодёжи применялись аналогичные критерии выделения семантических групп, в результате было выделено три группы. В семантической группе *«приятные эмоции и ощущения, которые приносит собеседник»* остается слово «氛围感 / вайб», а также «酷 / круто». Выражения «硬核 / ходкор» и «秀儿 / красноречивый человек» являются элементами семантической группы *«сильный»*. Семантическая группа *«милый»* содержит «萌 / мое» и «甜妹 / конфеточка» (от япон.). В заимствованных молодёжных комплиментах в китайском языке отсутствует семантическая группа *«сексуальный»*, что, на наш взгляд, связано с консервативным отношением китайцев к сексу.

Семантическая разнообразность заимствований в комплиментарных выражениях отражает открытость российской и китайской молодёжи к мировой культуре. Кроме того, анализ семантики заимствований в молодёжных комплиментах позволяет выявить главную причину их заимствования. Так, заимствованные слова в комплиментарных выражениях китайской молодёжи более направлены на «обозначение реалий, до сих пор неизвестных носителями языка-реципиента», а у российской молодежи – чаще применяются для «замены искомого словосочетания одной лексемой – как следствие стремления к экономии языковых средств» [Михеева 2008:5].

Итак, проведённый анализ позволяет сделать вывод, что заимствованиям в комплиментарных выражениях современной российской и китайской молодёжи свойственны как общие черты, так и различия. Сходство проявляется в том, что в обоих случаях по происхождению преобладают заимствования, прежде всего, из английского, а также японского языков. При этом заимствованные слова в комплиментах российской молодёжи встречаются чаще и обладают более богатым семантическим смыслом.

Литература

Лотте Д.С. Вопросы заимствования и упорядочения иноязычных терминов и термиоэлементов. М.: Издательство «НАУКА», 1982.

Мухеева Н.Ф. «Экспансия» заимствований // Полилингвильность и транскультурные практики. 2008. Вып. 2. С. 5-9.

Wolfson N. The compliment as a social strategy // Papers in Linguistics: International Journal of Human Communication. Vol. 13. London: Longman, 1980. P. 391-410.

Du Z. (Moscow, Russia)

People's Friendship University of Russia

BORROWED VOCABULARY IN THE COMPLIMENTS OF RUSSIAN AND CHINESE YOUTH (BASED ON THE RESULTS OF THE SURVEYS)

This article is devoted to the study of the phenomenon of borrowing in youth compliments. The study considers and analyses etymological and lexical-semantic characteristics of borrowed words for expressing complements. A comparative analysis is performed in Russian and Chinese.

Key words: borrowing, compliment, youth speech, Russian, Chinese, youth slang.

А.А. Дубовицкая-Рожкова, А.Е. Купцов (Ярославль, Россия)

*Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского
arinka.arinka2001@mail.ru, kupcov.a@mail.ru*

ДИСКУРСИВНАЯ СПЕЦИФИКА НЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ: КОММУНИКАТИВНО-ПРАГМАТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ

Неологические единицы в различных видах дискурса создают уникальные образы и концепции, которые ранее не были доступны, тем самым создавая особый стиль письма, усиливая эмоциональную окраску текста и его стилистическое оформление, а также привлекая внимание реципиента.

Ключевые слова: дискурс, неологические единицы, коммуникативные функции.

Мы живем в постиндустриальном обществе, которому присуще постоянное развитие и изменения. Каждый день человечество делает шаг вперед к прогрессу в разных сферах: экономической, социальной, технической и т.д. Результатом данного движения является открытие нового знания, которое выражено в материальной или духовной формах. Процесс открытия нового является неким «катализатором» для развития языка и лингвистической науки в целом. Возникает потребность в новых словах (понятиях, терминах), которые приходят в язык путем трансформации существующих лексических единиц или путем заимствования у других народов. Это обусловлено экстралингвистическими и внутрилингвистическими факторами. Внутрилингвистические факторы характеризуются «стремлением к обобщению, тенденциями к регулярности внутриязыковых отношений, дифференциации, употреблению более экспрессивных значений известных явлений, а также законами аналогии и языковой экономии» [Валгина, 2001]. Экстралингвистические факторы обеспечивают выполнение номинативной функции языком в различных видах дис-

курса. Воздействие новых вещей, явлений, воззрений являются «первыми внешними силами, ведущими к изменению словарного состава языка» [Сенько, 2007]. Благодаря данным процессам в языке появляются неологизмы, которые призваны удовлетворят потребности общества.

По мнению ряда исследователей, дискурс – это сложное коммуникативное явление, включающее в себя экстралингвистические факторы, такие как знания о мире, интересы, цели коммуникатора [Арутюнова, 1999; Бабаян, 2006; Купцов, 2016; Купцов, 2017; Шилова, 2022]. Дискурс является отражением языковой и социокультурной реальности. Он является особым способом использования языка для выражения ментальности, что отражается в особой грамматике и правилах лексики и, в конечном счете, создает особый «ментальный мир» [Степанов, 1995: 38-39]. Дискурс – связный монологический/ диалогический текст, представляющий собой семантически и грамматически связанную последовательность предложений-высказываний-реплик в устной/письменной форме, обращенный к слушателю/ читателю (адресату), отражающий целостную коммуникативно-речевую ситуацию и учитывающий в качестве экстралингвистических факторов всех ее участников [Бабаян, 2006]. Определение понятия «дискурс», которое приводит В.Н. Бабаян, отражает и объединяет как собственно языковой, так и коммуникативно-социолингвистический подходы, так как в данном определении исследователем учитываются все – активные и пассивные – участники-продуценты дискурса, форма дискурса – монолог или диалог, коммуникативно-речевая ситуация в целом, языковые и собственно лингвистические особенности дискурса, а также выделяются предложения-высказывания (реплики) в качестве основных единиц такого сложного коммуникативного феномена как дискурс, что способствует проведению комплексного анализа высказываний адресанта и адресата как участников определенного акта коммуникации.

В последнее пятидесятилетие словообразовательная активность существенно возросла, это вызвало интерес к такому разделу, как неология. Неология – раздел языкознания, который занимается изучением неологизмов (способы образования, сферы употребления, типы и т.д.). Как известно, неологизмы – слова, значения слов или сочетания слов, появившиеся в определенный период в каком-либо языке или использованные один раз («оказиональные» слова) в каком-либо тексте или акте речи». Многие исследователи также подчеркивают, что это слова, значения которых не записаны в словари. Следовательно, слово может являться неологизмом только с дополнительной коннотацией новизны, которая со временем исчезает (когда слово окончательно закрепляется в языке). Можно выделить два типа неологизмов – те, которые являются общепринятыми и широко употребляемыми носителями языка, и те, которые являются общепринятыми, но частотность их употребления в повседневной речи невелика. Неологизмы должны быть закреплены в языке (быть в общем употреблении) и быть частью языковой системы.

Специфика изучения неологизмов заключается в том, что невозможно точно определить момент, когда он становится обычным словом, то есть утрачивает коннотацию новизны. Данные процессы протекают с разной интенсивностью. Дополнительной проблемой при изучении неологизмов является то, что исследователи не могут определить время появления слова.

Популярность неологизмов подтверждает то, что их изучением занимается один из древних и престижных университетов мира – Оксфорд. Oxford dictionary (оксфордский словарь) является самым известным и используемым словарем в мире наравне с Cambridge dictionary (кембриджский словарь). В него входят все существующие лексические единицы английского языка, которых становится больше с каждым годом (благодаря неологизмам). В 2009 году было создано новое направление, курируемое Oxford University Press (в зону ответственности входят все онлайн-ресурсы от Оксфорда), Oxford Word of the Year. Словом года, по версии Оксфорда, является неологизм, который отражает дух, эмоции и настроения года. Данное слово становится термином, которое включает в себя культурное значение для всего человечества. Редакторы Оксфорда отслеживают «новые» слова в популярных социальных сетях и интернет-ресурсах (например, tweeter), собирают статистику по частоте использования и подводят итоги года путем голосования, в котором может принять участие любой желающий. В ходе голосования определяется 3 слова, недавно вошедшие в языковой корпус английского языка и набравшие популярность.

Словосочетанием 2022 года стало «goblin mode», являющееся сленговым выражением в различных видах дискурса. «Goblin mode» является описательной характеристикой человека, которому свойственен неряшливый внешний вид, ленивое поведение, отрицание социальных норм и ожиданий, то есть человек не обращает внимание на мнение общества по вопросам внешнего вида, опрятности; в английском языке данное слово объясняется с помощью следующей фразы – «a type of behaviour which is unapologetically self-indulgent». Обращаясь к составным частям данного фразеологизма, мы можем выделить 2 единицы с самостоятельными значениями – «goblin» и «mode». «Goblin» – a small, ugly creature that is harmful to humans (маленькое, уродливое создание, вредящее людям). «Mode» – a way of operating, living, or behaving (способ работы, жизни или поведения). Следовательно, мы можем сделать вывод, что значение фразеологизма напрямую образовано от синтеза двух единиц в контексте бытийного дискурса. Образ жизни человека можно сравнить со стилем существования гоблина, который живет на болоте вдали от людей.

Пользователи социальных сетей описывают такого человека следующим образом «is like when you wake up at 2 am and shuffle into the kitchen wearing nothing but a long t-shirt to make a weird snack, like melted cheese on saltines» [13] (когда человек просыпается в 2 ночи и пробирается на кухню в длинной растянутой футболке (при этом помимо футболки на человеке из одежды ничего нет), с целью приготовить странный перекус, на подобие расплавленного сыра на соленом крекере). При этом пользователи отмечают, что большинство людей, которые столкнулись с жизненными трудностями и кризисами, можно описать данным выражением.

«Goblin mode» набрало популярность в 2022 году (исследователи выяснили, что словосочетание появилось в 2009 году, но так и не закрепилось в языке), что напрямую связано со спадом Covid-19 в мире. С февраля 2022 года власти по всему миру стали отменять ограничения, введенные в 2020 году. Люди получили возможность вернуться к «нормальной» жизни. Однако отмена ограничений привела к неожиданному явлению – общество отвергло идею возвращаться к

прошлому стилю жизни. Американский лингвист Бен Зиммер уверен, что данное выражение олицетворяет новое поколение людей, которые живут своими собственными жизнями, не завися от мнения меньшинства, отрицая тенденцию идеализации себя и своего окружения.

По мнению президента Oxford University Press голосование за «Слово года» показало, насколько люди восприимчивы к языковым изменениям. Он отмечает, что языковой корпус и новые слова, которые закрепляются в нем важны для понимания общественных и общемировых процессов, изменений. «Слово года» объединяет миллионы людей, поддерживая их психологически, показывая, что они не одни живут с «goblin mode». Данное выражение отражает мировой тренд последнего года «не пытаться казаться лучше», мировое сообщество перестало стремиться к идеализации окружающего мира. Все чаще в социальных сетях люди ведут блог в стиле «lifestyle», показывая свои теневые стороны, своего «гоблина». Таким образом, неологизмы, закрепляясь в языковом корпусе и употребляясь в различных дискурсах, демонстрируют актуальные направления развития языка, настроения общества и мировые проблемы. Oxford Word of the Year показывает насколько для людей важен актуальный языковой корпус для ощущения единства.

Литература

- Арутюнова Н.Д.* Язык и мир человека. Москва: Языки русской культуры, 1999. 896 с.
- Бабаян В.Н.* Дискурс как сложный коммуникативный феномен // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. 2006. № 4. С. 127-129.
- Валгина Н.С.* Активные процессы в современном русском языке: учеб. пособие для студ. вузов. М.: Логос, 2001. 302 с.
- Купцов А.Е.* Основные общеинформативные типы предложения с частицами (на материале испанского языка) // Когнитивные исследования языка. 2016. № 26. С. 139-142.
- Купцов А.Е.* Эмфатические конструкции и частицы как средство актуализации ремы в испанском языке // Когнитивные исследования языка. 2017. № 30. С. 438-441.
- Сенько Е.В.* Неологизация в современном русском языке: межуровневый аспект. СПб.: Наука, 2007. 354 с.
- Степанов Ю.С.* Альтернативный мир, дискурс, факт и принцип причинности // Язык и наука конца 20 века / науч. ред. Ю.С. Степанов. Москва: Институт Языкознания РАН, 1995. С. 35-73.
- Шилова Н.В.* Дискурсивы и синтаксические конструкции как средства формирования прагматического эффекта акта коммуникации в англо- и испаноязычном художественном дискурсе / А.Е. Купцов, Н.В. Шилова // Когнитивные исследования языка. 2022. № 3(50). С. 269-273.

*A.A. Dubotskaya-Rozhkova, A.E. Kuptsov (Yaroslavl, Russia)
Yaroslavl State Pedagogical University named after K.D. Ushinsky*

DISCURSIVE SPECIFICITY OF NEOLOGICAL UNITS: COMMUNICATIVE AND PRAGMATIC POTENTIAL

Neological units in various types of discourse create unique images and concepts that were not previously available. As a result, they create a special style of writing not only en-

hancing the emotional colouring of the text and its stylistic design but also attracting the attention of the recipient.

Key words: discourse, neological units, communicative function.

Т.А. Жданова (Воронеж, Россия)

*Воронежский государственный технический университет
zhdanovsilver@mail.ru*

МЕТАФОРА ЧЕЛОВЕКА В ТЕРМИНОЛОГИИ (НА ПРИМЕРЕ ПОЛИТЕХНИЧЕСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА)

Данная статья представляет собой анализ политехнических терминов английского языка, образованных с помощью метафорического переноса, в основе которых лежит уподобление человеком технических устройств частям своего тела. В результате анализа делается вывод о продуктивности в терминологии метафорической модели «машина это человек», уточняются соматизмы, которые человек счел подходящими для переосмысления приспособлений и устройств.

Ключевые слова: когнитивная метафора, метафорическая модель, политехническая терминология, соматизмы.

В современной когнитивной науке метафора понимается как один из наиболее эффективных инструментов отражения окружающей действительности в процессе познания и объяснения мира и трактуется как одновременно ментальный и языковой механизм. Не случайно метафора является одним из основных подходов в формировании терминологии, ведь «в сфере терминообразования наиболее отчетливо проявляется когнитивно-познавательная функция языка» [Володина 1993: 7].

Идея уподобления человеком технических устройств самому себе не нова. Э. Каппу принадлежит теория органопроекции, суть которой состоит в том, что человек создавал простейшие орудия как продолжение самого себя. Молоток – это сжатый кулак, сверло – вытянутый палец, зубы – зубья пилы и т.п. Существует и обратный процесс. В созданных приспособлениях и устройствах человек видит сходство с самим собой, что находит свое воплощение в метафорах и различных сравнениях [Капп 1925: 95-104].

Метафорическая модель «Человек это машина» является одной из наиболее продуктивных на протяжении многих столетий. С ее помощью на каждом историческом этапе развития общества предпринимались попытки пролить свет на природу человека, хоть данная модель и претерпевала изменения. Так, в XVI – XVII в.в. механизмы видели подходящими для объяснения всего человеческого опыта, «тело человека сравнивалось с огромными часами, сердце – с основной пружиной машины, а душа – с осветительным прибором» [Маккормак 1990: 368]. Позднее по мере развития других наук видение всего живого через призму машин стало сужаться, чтобы потом вернуться вновь.

По словам А.Н. Баранова, характерный для России органистический способ мышления был «заметно потеснен в советскую эпоху механистическим, рациональным способом метафорического осмысления реальности (метафоры машины,

мотора, строительства)» [Баранов 1991: 190]. А.П. Чудинов пишет, что в 30–50-х годах метафоры с исходной семантической сферой "механизмов" были особенно активны («стальные руки-крылья», «вместо сердца пламенный мотор» [Чудинов 2001: 162-170].

В рамках данной работы мы рассмотрели обратный процесс, где механизм – это человек. Объектом нашего изучения являются метафоры политехнической терминологии, созданные человеком по образу и подобию своего тела и репрезентированные средствами английского языка.

Цель работы – выявить зафиксированную лексическими средствами английского языка информацию человека о себе самом, которую он счел релевантной для метафорического освоения других фрагментов действительности, в данном случае сферы технических устройств.

Для этих целей методом сплошной выборки из лексикографических источников было выбрано порядка ста лексических единиц, распределенных нами по группам в соответствии с переосмысленными частями тела.

Body (тело) – кузов, остов, основание. valve body – корпус затвора

Head (голова) – головная, передняя часть, головка (напр. болта), боёк (молота), обух (топора). (dead head – задняя бабка (станка); flat head – плоская головка (заклепки); flush headed bolt – болт с потайной головкой; head end bearing – верхний подшипник; arrowheaded – клиновидный; head-dressing machine – строгальный станок; ball-headed nozzle – сопло с круглой головкой).

Face (лицо) – фасад, лицевая часть, поверхность, передняя грань. (face blade – нижняя сторона лопасти; face belt – ленточный конвейер; face cam – плоский кулачок; face mill – цилиндрическая фреза; round-face tool – резец с закругленным лезвием; straight-face tool – резец с прямолинейным режущим лезвием

Hair – волос, волосок, нить (в точных приборах). (central hair – центральная нить (в сетке оптического прибора)

Nose (нос) – носик, передняя часть, горловина, лезвие носовая часть, передняя часть, кончик. (nose bit – коловоротная пёрка; round-nose tool – круглоносый резец; square-nose tool – широкий тупоносый резец; nose of chisel – лезвие долота; tool nose – режущая часть (резца); nose piece – наконечник, сопло; nose stiffener – элемент носового усиления).

Jaw (челюсть) – кулачок, щека (тисков). (jaws – тиски, клещи; jaw breaker – щековая дробилка; jaw crusher – щековая дробильная установка; jaw spanner – раздвижной гаечный ключ; jaw coupler – кулачковая муфта).

Mouth (рот) – входное отверстие, горловина. (mouthpiece – наконечник, сопло, рупор; bell-mouthed – воронкообразный; closed-mouthed spanner – гаечный ключ с замкнутым зевом).

Lip (губа) – режущая кромка, консоль, козырек. (lip bit – пёрка с прямой канавкой; bucket lip – резак ковша).

Tongue (язык) – язычок, гребень, лапка, лепесток, стрелка (весов). (tongue file – маленький круглый напильник; driving tongue – хвостовик ведущего валика насоса; tongue-and-groove joint – соединение «в шпунт»; loose tongue joint, point-tongue lock – стрелочный замыкатель).

Tooth (зуб) – зубец. (tooth gear – зубчатое колесо; tooth-cutting machine – зуборезный станок).

Eye (глаз) – петля, ушко, проушина. (axe eye – проушина топора; eyelid type nozzle – регулируемое сопло; eye ring – проушина).

Ear (ухо) – ушко, петля, проушина. (adjusting ear – блок для протягивания проводов; tightening ear – натяжной зажим, ушко для натягивания).

Cheek (щека) – боковая стенка.

Neck (шея) – шейка, горловина, патрубок. (bush neck – шейка втулки; neck ring – разъемное кольцо).

Throat (горло) – горловина, выемка, зев. (throat valve – соединительная часть клапана; critical throat section – критическое сечение сопла; nozzle throat – горловина сопла).

Chest (грудь) – ящик, камера, тара. (chest bellows – ящечные мехи; chest lock – коробчатый замок).

Heart (сердце) – сердцевина.

Arm (рука) – рукоятка, кронштейн. (cross-arm-brace – консоль траверсы; bracket arm – поддерживающее колено; gathering-arm loader – погрузочная машина с загребающими лапами).

Hand (рука, ладонь, кисть руки) – стрелка прибора. (minute hand – минутная стрелка; handle – ручка, рукоять; hand brace – коловорот, дрель).

Elbow (локоть) – колено (трубы), патрубок. (elbow bend – прямое колено; elbow shoe – колено с опорой; elbow screw – винт с утолщенным стержнем; elbow draught tube – изогнутая отсасывающая труба).

Shoulder (плечо) – уступ, выступ, кромка, заплечик. (rounding-off shoulder – заточка, заплечник).

Finger (палец) – штифт. (safety finger – предохранитель вилки; windshield finger – стрелка стеклоочистителя).

Nail (ноготь) – гвоздь

Leg (нога) – ножка, подставка, стержень, эл. фаза, плечо. (boot leg – колено фурменного устройства, кожух, кабельная стойка; stiff-leg derrick – жестконогий деррик-кран; leg screw – глухарь).

Foot (ступня) – опора, стойка. (foot bellows – меха с кожаными приводами; foot block – задняя балка; lug foot – язычок; foot rule – дюймовая масштабная линейка).

Knee (колени) – колено, отдельное звено, отрезок в составе чего-нибудь, соединение отрезков. (knee bend – прямое колено; knee braced bracket – консоль с подкосом).

Toe (палец на ноге) – основание, кромка, подпятник, кромка наружной поверхности, пята сердечника. (toe filter – обратный фильтр дренажной призмы).

Heel – пятка, нижняя часть, обратный гусёк, задний шип

Skin (кожа) – наружный слой, оболочка, покрытие. (skin aerial – скрытая самолетная антенна).

Можно говорить о том, что в технической подсистеме английского языка терминологические единицы, в основе которых лежат соматизмы, являются широко представленными. Языковой коллектив приписывает техническим приспособлениям обладание практически всеми своими частями тела, а метафорическая модель «машина это человек» может являться объектом дальнейшего исследования.

Литература

Баранов А.Н., Караулов Ю.Н. Русская политическая метафора: Материалы к словарю. М.: ИРЯ, 1991. 193 с.

Володина М.Н. Национальное и интернациональное в процессе терминологической номинации. М.: Изд. МГУ, 1993. 112 с.

Капп Э. Философия машины. Роль орудия в развитии человека. Л.: «Прибой», 1925. 168 с.

Маккормак Э. Когнитивная теория метафоры // Теория метафоры: сборник статей / общ. ред. Н.Д. Арутюновой, М. А. Журиной. М.: Прогресс, 1990. С. 358-387.

Чудинов А.П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивные исследования политической метафоры. Екатеринбург: Ур. гос. пед. ун-т, 2001. 238 с.

Англо-русский политехнический словарь (под ред. А.Е. Чернухина). М.: Советская энциклопедия, 1971. 672 с.

Большой англо-русский толковый научно-технический словарь (под ред. В.И. Кочергина). Томск 2016. URL: <https://mp3bc.ru/pdf/library/useful/> (дата обращения 12.12.2022).

Т.А. Zhdanova (Voronezh, Russia)
Voronezh State Technical University

HUMAN METAPHOR IN TERMINOLOGY ENGLISH POLYTECHNIC TERMINOLOGY

This article is devoted to analyzing polytechnic terms in English formed through metaphorical transfer based on similarities between body parts and technical devices. We reached a conclusion on the productivity of the metaphorical model "machines are people" in polytechnic terminology. We also specify the somatisms that are considered suitable for reinterpreting devices.

Key words: cognitive metaphor, metaphorical model, polytechnic terminology, somatisms.

О.С. Захарова (Санкт-Петербург, Россия)
Санкт-Петербургский государственный университет
st111446@student.spbu.ru

СРЕДСТВА РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ОТРИЦАТЕЛЬНОЙ ОЦЕНКИ В АНГЛОЯЗЫЧНОМ АНАЛИТИЧЕСКОМ ОБЗОРЕ ВАЛЮТНОГО РЫНКА

Исследование нацелено на изучение способов репрезентации отрицательной оценки в англоязычном аналитическом обзоре валютного рынка. К основным средствам репрезентации отрицательной оценки в указанном жанре отнесены нейтральная лексика, термины, метафоры, эпитеты, олицетворения. Анализ показал широкую реализацию в данном жанре рационалистических оценок. Объектами отрицательной оценки становятся инфляция, рецессия, мошенничество, выход статистических показателей за рамки экономических норм.

Ключевые слова: англоязычный дискурс, аналитический обзор валютного рынка, категория оценки, отрицательная оценка, репрезентация отрицательной оценки.

В качестве предмета рассмотрения в данной статье выступают средства языковой репрезентации отрицательной оценки в жанре англоязычного обзора валютного рынка, что изучается на материале текстов, публикуемых на англоязычных сайтах аналитических агентств («FXStreet») и деловых СМИ («The Economist»). Высокая экономическая, политическая и социальная значимость аналитических обзоров валютного рынка обуславливает актуальность выбранной темы.

Категория оценки, понимаемая как «совокупность разноуровневых языковых единиц, объединенных оценочной семантикой и выражающих положительное или отрицательное отношение автора к содержанию речи» [Баженова 2003: 139], в когнитивной лингвистике рассматривается в сопряжении с процессом познания как деятельность по освоению ценности объекта [Петухова, Хомякова 2020; Шутёмова 2022a]. На общеоценочной шкале традиционно выделяют такие виды оценки, как позитивная, нейтральная и негативная [Арутюнова 1998; Баженова 2003; Петухова, Хомякова 2020; Шутёмова 2022б].

В ходе исследования выявлены наиболее распространенные способы репрезентации отрицательной оценки в англоязычных аналитических обзорах валютного рынка, такие как: нейтральная лексика (“rise”, “grow”), термины (“inflation”, “recession”), метафорические эпитеты (“hawkish”), эпитеты (“rock-bottom”), олицетворения (“pricking of the bubble”), а также градация, включающая последовательность синонимов “misallocation” («неправильное распределение») и “defrauding” («обман»).

Приведем пример репрезентации оценки посредством нейтральной лексики: “Markets are pricing a 50 basis points (bps) rate hike in December, as the ECB remains wary that price **growth** is becoming entrenched and the Eurozone economy is almost entering a **recession**” (Рынки оценивают повышение ставки на 50 базисных пунктов (б. п.) в декабре, поскольку ЕЦБ по-прежнему опасается, что рост цен закрепляется, а экономика еврозоны почти вступает в рецессию) [FXStreet 2022]. В значении существительного “growth” имеются семы как с положительной характеристикой процесса: «взросление» (“growing-up”, “maturation”), «процветание» (“success”, “prosperity”), так и с отрицательной: «неконтролируемый рост» (“swelling”, “tumor”, “escalation”) [Cambridge Dictionary]. За оценочным средством следует экспликация: “the Eurozone economy is almost entering a recession”, подтверждающая, что существительное “growth” здесь характеризует процесс ухудшения экономической ситуации, и позволяющая трактовать репрезентируемую им оценку как отрицательную. В данном контексте можно наблюдать пример ингерентной отрицательной оценки, актуализированной термином: “recession”, в значении которого доминируют отрицательные семы: «снижение» (“decline”, “fall”), «ухудшение» (“regression”, “throwback”), «замедление» (“stagnation”), «кризис» (“crisis”) [Cambridge Dictionary].

Отрицательная оценка, репрезентированная метафорическим словосочетанием, в частности олицетворением, выражена в следующем контексте: “Some initial **pockets of misallocation** have become apparent. **The pricking of the bubble** in cryptocurrency markets has exposed businesses, the founders of which have been charged with **defrauding** their investors” (Некоторые первоначальные очаги неправильного распределения стали очевидными. Лопнувший пузырь на криптова-

лютных рынках разоблачил компании, основателям которых были предъявлены обвинения в обмане своих инвесторов) [Economist 2023]. В состав метафорического словосочетания “the pricking of the bubble” входит отглагольное существительное, выраженное герундием: “pricking”, в значении которого доминируют негативные семы: «прокол» (“stab”, “pierce”), «боль» (“soreness”, “itching”), «ранение» (“sting”, “bite”, “hurt”), а также существительное “bubble”, актуализирующее отрицательную оценку, поскольку в экономическом дискурсе оно номинирует временный период очень успешных экономических показателей в определенной стране или секторе, за которым часто следует внезапный провал: “a temporary period of very successful economic performance in a particular country or sector, often followed by sudden failure” [Cambridge Dictionary]. Метафорически переосмысленное словосочетание “pockets of misallocation” (очаги неправильного распределения) и нарастание интенсивности эмотивной коннотации синонимов “misallocation” (неправильное распределение) и “defrauding” (обман) подчеркивают негативный контекст высказывания.

Отрицательная оценка, выраженная экспрессивным словосочетанием, выступающим в роли эпитета, прослеживается также при характеристике окончания периода низких процентных ставок в следующем фрагменте обзора: “The end of more than a decade of **rock-bottom** interest rates is also beginning to reveal corporate misdeeds and sometimes **outright fraud**” (Конец более чем десятилетнего периода минимальных процентных ставок также начинает выявлять корпоративные правонарушения, а иногда и откровенное мошенничество). В значении прилагательного “rock-bottom”, номинирующего минимально возможный уровень: “the lowest possible level” [Cambridge Dictionary], преобладают семы с негативной характеристикой процесса или состояния, например «минимум» (“lowermost”), «несчастье» (“unhappy”), «подавленность» (“depressed”) [Cambridge Dictionary]. Существительное “fraud” (обман), входящее в состав экспрессивного словосочетания “outright fraud”, в экономическом дискурсе обозначает преступление в получении денег путем обмана людей: “the crime of getting money by deceiving people” [Cambridge Dictionary] и является примером ингерентной негативной оценки. Определяющее его прилагательное “outright” («откровенное») реализует в данном контексте семы отрицательной характеристики процесса или состояния, такие как: «бескомпромиссность» (“categorical”, “absolute”), «крайность» (“absolute”, “arrant”) [Cambridge Dictionary].

Анализ показал широкую репрезентацию в жанре англоязычного обзора валютного рынка утилитарных, рационалистических оценок, отрицательно характеризующих проявления инфляции, рецессии, мошенничества, выход статистических показателей за рамки экономических норм, и актуализируемых посредством нейтральной лексики, терминов, метафор, эпитетов, олицетворений.

Литература

Арутюнова Н.Д. Типы языковых значений. Оценка. Событие. Факт. М.: Наука, 1998. 338 с.

Баженова Е.А. Категория оценки // Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М. Н. Кожинной. Москва: Флинта: Наука, 2003. С. 139-146.

Петухова Т.И., Хомякова Е.Г. Новое знание и биполярность оценочной интерпретации изобразительного искусства соцреализма в англоязычном искусствоведческом дискурсе // Вопросы когнитивной лингвистики. 2020. № 4. С. 53-63.

Шутёмова Н.В. Виды экспертной оценки творчества И. Наховой в англоязычном искусствоведческом дискурсе // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2022а. Том 14, вып. 3. С. 56-68.

Шутёмова Н.В. Параметр значимости в реализации категории оценки в искусствоведческом дискурсе // Когнитивные исследования языка. 2022. № 3. С. 469-472.

FXStreet. Eurozone Inflation Preview: EUR/USD fate hinges on confirmation of peak inflation. 29.11.2022. URL: <https://www.fxstreet.com/analysis/eurozone-inflation-preview-eur-usd-fate-hinges-on-confirmation-of-peak-inflation-202211290501> (accessed: 28.02.2023).

Economist. The last gasp of the meme-stock era. 02.02.2023. URL: <https://www.economist.com/finance-and-economics/2023/02/02/the-last-gasp-of-the-meme-stock-era> (accessed: 28.02.2023).

Cambridge Dictionary. URL: <https://dictionary.cambridge.org> (accessed 28.02.2023).

*O. S. Zakharova (Saint Petersburg, Russia)
Saint Petersburg State University*

MEANS OF NEGATIVE EVALUATION AND THEIR REPRESENTATION IN ANGLOPHONE ANALYTICAL REVIEW OF FOREIGN EXCHANGE MARKET

The research studies the means of negative evaluation and their representation in anglophone analytical review of the foreign exchange market. The main means representing negative evaluation in the specified genre include neutral vocabulary, terms, metaphors, epithets and personifications. The analysis shows a wide representation of rationalistic evaluations in this genre. The objects of negative evaluation are inflation, recession, fraud, and statistical indicators going beyond economic norms.

Key words: anglophone discourse, analytical review of the foreign exchange market, evaluation category, negative evaluation, representation of negative evaluation.

*В.В. Катермина, Н.Б. Шершнева (Краснодар, Россия)
Кубанский государственный университет
veronika.katermina@yandex.ru, nataliashershneva@rambler.ru*

НЕОЛОГИЗМЫ В АНГЛОЯЗЫЧНОМ ВОСПИТАТЕЛЬНОМ ДИСКУРСЕ: КОГНИТИВНЫЙ АСПЕКТ

В статье рассматриваются когнитивные особенности неологизмов англоязычного воспитательного дискурса на материале электронных словарей. Проведенный анализ позволил выявить влияние новой лексики англоязычного воспитательного дискурса на общественное мнение создателей данного вида дискурса при помощи определенных дискурсивных практик, свойственных данному институту.

Ключевые слова: неологизм, воспитательный дискурс, когниция, оценка, коннотация, язык.

Неология сегодня развивается в разных направлениях. В научной литературе встречается «упоминание когнитивного, психолингвистического, коммуникативного и социолингвистического направлений, деривационного и стилистического направлений» [цит. по: Базарова, Шангаева 2018: 411]. Я.А. Олефир выделяет «словообразовательную неологию, социолингвистическое направление в неологии, лингвокультурологическое направление, психолингвистическое направление и когнитивное направление» [цит. по: Базарова, Шангаева 2018: 411]. Ю.А. Воронцова считает, что «в современной неологии можно выделить два основных направления: 1) исследование специфики обновления словарного состава языка (неологизм как объект неологии); 2) выявление и изучение проблематики, связанной с лексикографированием неологизмов (неологизм как объект неологии)» [Воронцова 2016: 112]. Обзор научной литературы показывает «все большее распространение когнитивного подхода в решении задач, стоящих перед неологией. В рамках когнитивного направления, как представляется, можно получить ответы на многие вопросы, связанные с механизмами появления новых наименований в языке, а также развитием новых значений у существующих единиц языка» [Базарова, Шангаева 2018: 411].

Объектом данной статьи являются неологизмы в англоязычном воспитательном дискурсе. Материал исследования – электронные словари новых слов.

Воспитательный дискурс – «сложное и неоднородное коммуникативное пространство, что обусловлено его общей целью, многообразием задач и приемов их достижения. Целью воспитательного дискурса является социализация, которая реализуется в задачах по приобщению воспитуемых к ценностям и этикетным нормам, правилам социальной адаптации в семье и обществе» [Цинкерман 2014: 79].

В психологии обычно используются четыре стиля воспитания: авторитетный стиль воспитания, авторитарный стиль воспитания, снисходительный стиль воспитания и пренебрежительный стиль воспитания. Они основаны на работе психолога развития Дианы Баумринд из Калифорнийского университета в Беркли в 1960-х годах.

В проанализированном материале следует отметить наличие всех моделей. Очень ярко представлены авторитарные и авторитетные стили воспитания.

Так, выделим следующие неологические единицы, в основе которых лежит зооморфная метафора:

A dolphin parenting style is a modern approach to raising children that emphasizes tactile affection and meaningful dialogue (современный подход к воспитанию детей, который подчеркивает тактильную привязанность и содержательный диалог). Этот прогрессивный метод воспитания поощряет открытое общение между ребенком и родителем, которое может способствовать взаимосвязи доверия и взаимного уважения. Благодаря этому методу детям предоставляется свобода выражать свои эмоции, идеи и проблемы.

Elephant parenting is a relatively new term used to describe a parenting style focused on providing nurturing and structure while empowering children to make their own decisions (термин, используемый для описания стиля воспитания, ориентированного на обеспечение воспитания и структуры, позволяя детям принимать свои собственные решения). Данное название происходит от идеи, что, как и

слон, этот тип воспитания направляет детей, мягко и строго одновременно, тем не менее позволяя им быть независимыми мыслителями.

Panda parenting is a way of raising children that involves encouraging them to be independent and behave responsibly from a young age and allowing them to make mistakes to learn (способ воспитания детей, который предполагает поощрение их быть независимыми и вести себя ответственно с молодого возраста и позволяет им делать ошибки, чтобы учиться). Основателем данного метода является Esther Wojcicki – влиятельная американская учительница из Пало Алто, Калифорнии (Palo Alto in California). Она написала книгу «Как воспитать успешных людей» в 2019 году (How to Raise Successful People). В ней она делится техниками по воспитанию троих дочерей для того, чтобы преодолеть кризис в воспитании детей.

Кризис воспитания, о котором говорила Esther Wojcicki, связан с такими неологизмами, как *helicopter parenting*, *snowplough parenting*, *lawnmower parenting*, в основу которых также входит метафора.

Данные типы воспитания представляют собой авторитарный стиль воспитания – в них подчеркивается излишний контроль родителей, их желание защитить детей от всех трудностей, в том числе академических.

Helicopter parenting is when a parent who is closely involved with their child's life tries to control it too much, especially their child's education (тип воспитания, при котором родитель тесно связан с жизнью своего ребенка и пытается слишком много контролировать, особенно образование своего ребенка).

Snowplow parenting is when a parent actively removes any and all obstacles from their children's path before their child ever reaches an obstacle (стиль воспитания, при котором родитель активно «удаляет» любые препятствия с пути их детей до того, как их ребенок когда-либо достигнет препятствия).

Lawnmower parenting is when parents go out of their way to remove obstacles from their children's lives (стиль воспитания, при котором родители стараются изо всех сил устранять препятствия от жизни своих детей).

Зооморфная метафора присутствует и при описании данного стиля воспитания. Всем известная «мать-тигрица» – Эми Чуа, профессор Юридической школы Йельского университета, китайский эмигрант во втором поколении, мать двоих дочерей – считается тем, кто ввел данный термин.

The tiger parenting style is a demanding approach that values hard work and success above all else (Стиль воспитания тигра – подход, при котором ценится тяжелая работа, а успех ставится превыше всего остального). Важность дисциплины, послушание и отличная успеваемость – ключевые моменты данного стиля воспитания.

К снисходительному стилю воспитания можно отнести следующую модель: *jellyfish parenting is a term used in parenting circles to refer to a style of parenting that is soft approach and non-authoritarian* (термин для обозначения стиля воспитания, который является мягким и неавторитарным подходом). По своей сути родители, придерживающиеся данной модели воспитания, хотят создать среду, в которой дети чувствуют себя «взращенными» и «услышанными». Они стремятся укрепить доверие и отношения со своими детьми, а не полагаться на наказание. Очень часто мягкость в воспитании приводит к тому, что дети становятся изба-

лованными. В основе данного термина лежит понимание медузы как морского животного, плавающего вместе с течением.

Таким образом, неологизмы обозначающие стили воспитания, отражают классификацию, принятую в психологии. Лежащая в их основе метафора, позволяет раскрыть их значимость и место в системе англоязычного дискурса. Номинативные единицы «выполняют не только собственно назывательную функцию, но и функцию репрезентации отдельных фрагментов мира и его концептуализации ... они формируют понятия и другие концептуальные сущности, свидетельствующие о том, каким видится окружающий человека мир, что в нем остановило его внимание и какие именно крупницы опыта, знаний и оценок человек счел для себя наиболее существенным» [Кубрякова 2004: 430].

Процесс неологизации воспитательного англоязычного дискурса представляет собой ориентацию при развитии мнений и идей общества в вопросах образования и воспитания. Полный анализ системы создания неологизмов в воспитательном англоязычном дискурсе, изучение их дискурсивных особенностей позволяет выявить главные изменения в том, как носители языка рассматривают вопросы, связанные с проблемами образования и воспитания подрастающего поколения.

Литература

Базарова Б.Б., Шангаева Н.К. Современные технологии и человек в неологизмах // Мир науки, культуры, образования. 2018. № 5 (72). С. 411-413.

Воронцова Ю.А. Неология и неологизмы // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2016. № 2. С. 111-114.

Кубрякова Е.С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. Москва: Языки славянской культуры. 2004. 560 с.

Цинкерман Т.Н. Лингвопрагматическая специфика стили общения в англоязычном воспитательном дискурсе: дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2014. 222 с.

<http://dictionaryblog.cambridge.org/tag/neologisms>

<http://www.macmillandictionary.com/>

<http://www.urbandictionary.com/>

<http://www.wordspy.com/>

V.V. Katermina, N.B. Shershneva (Krasnodar, Russia)

Kuban State University

NEOLOGISMS OF ENGLISH EDUCATIONAL DISCOURSE: COGNITIVE ASPECT

The article deals with the cognitive features of neologisms in English educational discourse based on electronic dictionaries. Analysis revealed the influence of new vocabulary in the English educational discourse on the public opinion of the creators of educational discourse with the help of certain discursive practices inherent to the institution of education.

Key words: neologism, educational discourse, cognition, evaluation, connotation, language.

О.Н. Кондратьева (Кемерово, Россия)
Кемеровский государственный университет
Olnik25@mail.ru

МЕТАФОРИЧЕСКАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ИДЕОЛОГЕМЫ «ДУХОВНЫЕ СКРЕПЫ» В ДИСКУРСЕ ТРАДИЦИОННЫХ И СОЦИАЛЬНЫХ МЕДИА

В статье рассматриваются артефактные метафоры со сферами-источниками «Строительство» и «Механизм», определяется их роль в интерпретации и оценке новой российской идеологемы, демонстрируется способность подобных метафор выражать как позитивные, так и негативные оценки, доказывается, что тип оценки напрямую зависит от идеологических установок издания.

Ключевые слова: концепт-идеологема, метафора, метафорическая интерпретация, социальные медиа, духовные скрепы.

В обращении к Федеральному собранию в 2012 году В.В. Путин заявил: *«Мне больно сегодня об этом говорить, но сказать я об этом обязан. Сегодня российское общество испытывает явный дефицит духовных скреп»*. Российские массмедиа не только процитировали высказывание национального лидера, но и сопроводили его многочисленными интерпретациями, оценками, метафорами, а также начали активно использовать в публикациях, посвященных самым разнообразным темам, что позволяет говорить о формировании в российской лингвокультуре новой идеологемы.

Под идеологемой мы понимаем «единицу когнитивного уровня – особого типа многоуровневый концепт, в структуре которого (в ядре или на периферии) актуализируются идеологически маркированные концептуальные признаки, заключающие в себе коллективное, часто стереотипное и даже мифологизированное представление носителей языка о власти, государстве, нации, гражданском обществе, политических и идеологических институтах» [Малышева 2009: 35].

Одним из показателей формирования в медиадискурсе новой идеологемы является ее активная метафорическая интерпретация. Как отмечает Н.Н. Болдырев, «концептуальная и языковая метафоры как механизмы формирования смысла и репрезентации опыта познания мира в языке преимущественно используются для вторичной концептуализации и вторичной репрезентации знаний о мире, т.е. интерпретации событий и объектов и их различных характеристик» [Болдырев 2014: 43]. Таким образом, сущность метафоры как ментальной операции состоит не только в осмыслении одного явления в категориях другого, но и в способности актуализировать разные свойства одного и того же явления, что обуславливает возможную множественность его интерпретации.

Рассмотрим особенности метафорической интерпретации идеологемы «духовные скрепы» в традиционных и социальных медиа. Прежде всего следует отметить, что выражение «духовные скрепы» по своей природе уже является метафорой, в толковых словарях русского языка зафиксировано следующее значение лексемы скрепы – «1. Приспособление, предназначенное для скрепления отдельных предметов, частей какого-л. механизма, сооружения». 2. перен. разг. 'То, что соединяет, сплачивает, скрепляет'» [Ефремова 2000].

Соответственно, можно сделать вывод, что новая идеологема возникает в результате метафорической проекции из сферы-источника «Артефакты», с древнейших времен активно используемой при концептуализации различных фрагментов действительности (см., например, [Пименова, Кондратьева 2015]).

Ознакомившись с посланием президента, авторы медиатекстов и пользователи социальных сетей задались вопросом: **Кого и как должны скреплять скрепы?** (<https://ru-polit.livejournal.com/11584328.html>) и начали активное обсуждение новой идеологемы, сопровождающееся ее метафорической интерпретацией и метаязыковой рефлексией.

В традиционных медиа авторы публикаций, рассматривая выражение «духовные скрепы», четко определяют субсферу-источник метафорической экспансии (*строительство*), выявляют основания подобного переноса (*способность соединять части в целое*) и дают метаязыковой комментарий применительно к лексеме *скрепы* (*редкое слово, красивое, обязывающее* и т.д.): **Редкое слово «скрепы» прозвучало в послании президента Путина Федеральному собранию в прошлом году. В сочетании со словом «духовные» выглядело оно красиво, необычно и как-то обязывающее. Сразу захотелось задуматься об истоках и провести ревизию, сколько и каких скреп осталось в наличии сейчас. Скрепа – это из области строительства, то, что скрепляет какую-либо конструкцию. Словари подсказывают, что они бывают медные и железные и переносные (в переносном смысле). В последнем случае обозначают то, что объединяет или сплачивает. Заговорив о скрепах, власть показала обеспокоенность тем, что вверенный ей народ скреплен не очень сильно** (Km.ru, 2013).

Развивая строительную метафорику, массмедиа используют также метафоры цемента и клея: *Точнее, не всё послание, а та его часть, где говорится о необходимости духовных скреп (в дальнейшем ДС), цементирующих общество* (Газета, 2012); **Духовные скрепы – это цемент общества?** (FB.ru, 2015); *Между тем скрепы – это всего лишь некий виртуальный клей, соединяющий народ, нацию, семью, да собственно любую совокупность людей, объединенных по той или иной причине....* (Агентство политических новостей, 2021).

Отмечая несомненную значимость новой идеологемы, традиционные медиа оценивают ее как неудачную в языковом отношении, фиксируя противоречие между «грубой» материальностью скоб и идеальностью душевных и духовных связей: *А все же «скрепы» – пожалуй, не очень удачное слово для обозначения «внутренних, душевных и духовных» связей, соединяющих индивидов в социальный организм. В силу давней традиции словоупотребления оно вызывает ассоциации с какими-то приспособлениями для скрепления звеньев грубо материальной конструкции – то ли обручами, то ли бандажами, то ли скобами. Но «духовные скрепы» имеют иную природу* (Урал, 2015).

Тем не менее, в массмедиа регулярно подчеркивается идеологическая значимость нового выражения, акцентируется внимание не только на способности скреп к соединению частей конструкции, но и их роли в предотвращении возможных разрушений. При этом массмедиа расширяют список субсфер, которые могли послужить источником метафорической экспансии при формировании

новой идеологемы (помимо «Строительства» это еще и «Механизмы»): **Скрепны – это то, что сдерживает от разрушения. Понятно, что такое понятие является неотъемлемой частью различных сфер жизни. В строительстве, к примеру, скрепляют цементом, клеем или гвоздями. При создании механизмов шурупы применяют. Мы говорим о тех вещах или смыслах, что позволяют обществу оставаться сплоченным, монолитным, независимо от мировоззрения каждого отдельно взятого гражданина или группы** (FB.ru, 2015).

Интерпретируя исходную метафору в рамках метафоры механизма (автомобиля), массмедиа усиливают метафорический ряд лексемами *крепеж, болты, гайки, скотч и изолента*: **Но давайте заменим это слово на более прозаичное «крепёж». Представим себе, например, автомобиль, в котором половина болтов и гаек вывернута, а другая половина проржавела и уже шатается в гнездах. В некоторых местах кузов перевязан скотчем и синей изолентой, в других местах гроыхающая жесть не держится ни на чём и свободно шатается туда-сюда. Риторический вопрос – сумеет ли этот автомобиль преодолеть раллийную трассу, прыгая по кочкам и буксуя в тягучей грязи? Очевидно, нет, не сумеет. Развалится на составные части. Вероятно, когда самый что ни на есть убеждённый русофоб садится за руль, он хочет быть уверенным, что каждая гайка на каждом колесе его автомобиля накрепко затянута и прочно держится на своём месте. Против такого рода «скреп» русофобы ничего не имеют** (Ruxpert, 2014).

В противовес традиционным медиа, демонстрирующим преимущественно позитивные оценки идеологемы «духовные скрепы», социальные медиа в большинстве случаев содержат оценки негативного плана, используя для этого метафоры ржавчины и разрушающихся строений, тем самым демонстрируя определенный скепсис в отношении новой государственной идеологии: **Духовные скрепы проржавели, #darlingvova!!!** (<https://rinadavis.livejournal.com/219259.html>); **_co словом "скрепа" у меня теперь ассоциация одна. Глаголит кто-нибудь про необходимость сбить старый сарай мнимой духовности ворованными ржавыми скобами, а у меня перед глазами воспоминания: я бью молотком дырявые стенки, из щелей сыпятся обожравшиеся древесные жуки** (<https://haydamak.livejournal.com/656965.html>).

Также в социальных медиа в процессе трансляции негативного отношения к предложенной властью идеологеме происходит замена метафоры скреп, представляющих собой достаточно устойчивое средство фиксации (из металла) на метафору ниток, также способных выполнять соединительную функцию, но при этом существенно проигрывающих скрепам в крепости и надежности: **Результат этого эксперимента вряд ли добавит духовных скреп российскому народу. Наоборот, этот эксперимент призван создать в нашем обществе глубокий раскол: условно, его можно обозначить как деление на «ватников-патриотов» и «пятую колонну», не согласную скрепляться навязанными властью нитками** (<https://vdoh.ru/chto-takoe/duhovnye-skrepy-idiom>).

Проведенный анализ подтвердил активную экспансию новой идеологемы из традиционных медиа в социальные и показал, что данный процесс сопровождается активной метафорической интерпретацией, в процессе которой сохраняется заданный в исходном выражении интерпретационный вектор,

однако происходит существенное расширение круга артефактов, выполняющих «соединительную функцию». В частности, в метафорическом значении при обсуждении новой идеологемы используется не только лексема *скрепы*, но и лексемы *крепеж, обручи, бандажи, скобы, гвозди, шурупы, болты, гайки, нитки, цемент, клей* и подобные. Также обращает на себя внимание амбивалентность выражаемых подобным образом оценок. Традиционные медиа демонстрируют в основном положительные оценки, являясь трансляторами официальной идеологии, в то время как социальные медиа предлагают преимущественно негативные оценки, демонстрируя скептические или даже оппозиционные настроения. Все в совокупности позволяет интерпретировать «духовные скрепы» как современную общеупотребительную идеологему со смешанным аксиологическим модусом.

Литература

Болдырев Н.Н. Метафорическая интерпретация отношений человека с окружающим миром // Когнитивные исследования языка. 2014. Вып. XVIII. С. 42-48.

Ефремова Т.Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. М.: Русский язык, 2000. В 2 т.

Мальшева Е.Г. Идеологема как лингвокогнитивный феномен: определение и классификация // Политическая лингвистика. 2009. № 4(30). С. 32-40.

Пименова М.В., Кондратьева О.Н. Субсфера «Артефакты» как источник концептуализации внутреннего мира человека (диахронический аспект) // Вопросы когнитивной лингвистики. 2005. №1. С. 26-37.

O.N. Kondratyeva (Kemerovo, Russia)
Kemerovo State University

METAPHORICAL INTERPRETATION OF THE IDEOLOGEM “SPIRITUAL BONDS” IN THE DISCOURSE OF TRADITIONAL AND SOCIAL MEDIA

The article considers artifact metaphors with source areas of “Construction” and “Mechanism”. We define their role in interpreting and assessing the new Russian ideologeme. The capacity of similar metaphors to express both positive and negative assessments is demonstrated. It is proved that the type of assessment directly depends on the ideological tenets of the publication.

Key words: concept ideologeme, metaphor, metaphorical interpretation, social media, spiritual bonds.

В.В. Корнева (Воронеж, Россия)
Воронежский государственный университет
kornevavalentina@mail.ru

КОГНИТИВНЫЕ ОСНОВАНИЯ ПОЛИФУНКЦИОНАЛЬНОСТИ ТОПОНИМОВ В ИСПАНСКОМ МЕДИАДИСКУРСЕ

В статье описываются особенности функционирования топонимов в испанском медиадискурсе международной тематики. Делается вывод о профилировании разных

сведений в первичных и вторичных топонимических структурах, в основе создания которых лежит концептуальная деривация метонимического типа.

Ключевые слова: концептуальная деривация, перекатегоризация, топоним, вторичная структура, медиадискурс, испанский язык.

Известные слова А.С. Пушкина «*Москва... как много в этом звуке для сердца русского слилось! Как много в нем отозвалось!*» предвосхитили изыскания топонимистов не только XX, но и XXI века. В последние годы внимание ученых все больше привлекает функциональный потенциал топонимических единиц, изучение которого ведется в русле как традиционной лингвистики, разграничивающей вслед за В.А. Никоновым в географических названиях три вида значений – дотопонимическое, собственно топонимическое и посттопонимическое [Никонов 1974], так и когнитивной лингвистики, в которой когнитивно-дискурсивный подход предполагает, прежде всего, выявление возможностей использования топонимов как определенных структур знания о внеязыковой действительности в разных дискурсивных условиях, в разном дискурсивном пространстве. Очевидно, посттопонимическое значение географического названия, о котором писал В.А. Никонов, с позиций когнитивной лингвистики можно рассматривать как новую структуру знания, которая при неизменности языковой формы топонимической единицы в результате концептуального инференции наполняется новым содержанием, о чем сигнализируют меняющиеся дискурсивные условия. Иными словами, одна и та же языковая единица – топоним в разном дискурсивном пространстве, то есть в разных типах дискурса, способна транслировать знания не только о классе предмета, его локализации в географическом пространстве и выполнять тем самым свои основные функции – идентифицирующую и адресную, но и другие знания, поскольку топонимы обладают богатым ассоциативным потенциалом и активируют в сознании человека самые разные сведения.

Для того, чтобы описать особенности функционирования топонимов в испанском медиадискурсе и выявить когнитивные основания формирования их полифункциональности, обратимся к анализу языкового материала. С этой целью рассмотрим статьи онлайн версий испанских газет из рубрики *Internacional* «Международные события». Выбор данного материала в значительной степени обусловлен тем, что статьи о событиях в мире изобилуют географическими названиями.

Анализ языкового материала показывает, что в испанском медиадискурсе выбранной нами проблематики используются далеко не все виды топонимов. Отмеченными являются названия континентов, названия стран и областей, названия столиц государств, названия населенных пунктов, а также названия резиденции правительства и названия международных организаций. На первый взгляд, функционирование данных топонимов в испанском медиадискурсе не имеет никаких особенностей. В самом деле, такие распространенные в СМИ топонимы, как названия стран, названия городов и населенных пунктов, а также названия организаций, могут репрезентировать первичные когнитивные структуры (концепты), которые в определенных дискурсивных условиях медиадискурса профилируют либо соответствующие страны, города и общественные организации: *Rusia al frente del Consejo de Seguridad* ‘Россия во главе Совета Безо-

пасности' (<https://www.elmundo.es/internacion/2023/04/01/64282a2a21efa0334c8b45ac.html>); *Rusia es un miembro permanente del Consejo de Seguridad, junto con Estados Unidos, China, Francia y el Reino Unido* 'Россия является постоянным членом Совета Безопасности наряду с Соединенными Штатами, Китаем, Францией и Соединенным Королевством' (там же), либо пространственную локализацию описываемых событий: *El pasado miércoles, en Estocolmo* 'В прошлую среду в Стокгольме' (https://www.elmundo.es/internacional/2023/03/10/640b8601fdddf946e8b458f.html?intcmp=MNOT23801&s_kw=1); *en la reunión de titulares de Defensa y Exteriores del 20 de marzo en Bruselas* 'на встрече министров обороны и иностранных дел 20 марта в Брюсселе' (там же); *ofensivas simultáneamente en cuatro direcciones, a saber: Liman, Bajmut, Maryinka y Avdiivka* 'наступательные действия одновременно на четырех направлениях, а именно: Лиман, Бахмут, Марьинка и Авдеевка' (<https://www.elmundo.es/internacional/2023/04/01/64280598fdddfb2938b4588.html>).

Следует отметить, что реализация функционального потенциала топонимов в медийном пространстве зависит от многих факторов. Главным из них является степень известности / неизвестности географических названий адресанту. Если топонимы не известны или мало известны, то они не вызывают у реципиента никаких ассоциаций, а потому сами по себе они не могут реализовать даже свою основную идентифицирующую функцию и нуждаются в облигаторной поддержке контекста, в роли которого выступают разного рода экспликативные конструкции, в которых содержится и категориальная принадлежность географического объекта (например, город или деревня), и указание на его локализацию путем отсылки к другому референту – известному географическому объекту, репрезентируемому топонимом: *En la ciudad siberiana de Novosibirsk* «В сибирском городе Новосибирске»; *En la región de Vologda, unos 400 kilómetros (250 millas) al norte de Moscú* 'В Вологодской области, примерно в 400 километрах (250 милях) к северу от Москвы' (https://www.elmundo.es/internacional/2023/03/26/64201e83e4d4d85e6c8b4571.html?intcmp=MNOT23801&s_kw=3).

Кроме того, названия страны могут активировать фоновые сведения, связанные с данной страной, будь то представители разных ведомств и руководящих органов страны или же отрасли экономики, учреждения и т.п.: *el ministro de Exteriores de Ucrania* 'министр иностранных дел Украины' (<https://www.elmundo.es/internacional/2023/04/02/64290e40d6b1680025119e82-directo.html>); *la industria de defensa de Rusia* 'оборонная промышленность России' (там же).

Наряду с указанными случаями вербализации первичных концептуальных топонимических структур в испанском медиадискурсе гораздо чаще представлены вторичные структуры, формируемые все теми же топонимическими единицами, о которых говорилось выше, и именно их изучение представляет особый интерес. При их анализе обращает на себя внимание, прежде всего, тот факт, что в результате концептуальной деривации метонимического типа на базе существующих концептов, активации межконцептуальных связей внутри одной и той же области знания рождается новое знание (см. подробнее [Болдырев 2022; Вторичные структуры в языковой картине мира 2022]). Как следствие этого происходит перекатегоризация исходного онима и имена собственные – топонимы в испанском медиадискурсе становятся субститутами имен нарицательных: *Rusia*

presume de enfrentarse al "Occidente colectivo" Россия хвастается тем, что противостоит "коллективному Западу" (<https://www.elmundo.es/internacional/2023/04/01/64282a2a21efa0334c8b45ac.html>); *Moscú se beneficia de ser considerada heredera de la URSS* Москве выгодно, чтобы ее считали наследницей СССР (там же); *El Kremlin dijo el viernes* 'В пятницу Кремль заявил' (там же); *Bruselas mantiene su compromiso con Kiev* 'Брюссель сохраняет свою приверженность Киеву' (https://www.elmundo.es/internacional/2023/01/23/63cebcd2e4d4d893388b4575.html?intcmp=MNOT23801&s_kw=2).

Важно при этом, что процессу перекатегоризации подвергаются топонимические единицы разных классов (видов), а именно названия страны, названия столицы и названия резиденции правительства, которые становятся изофункциональными средствами и в определенных дискурсивных условиях профилируют уже не единичный субъект, а коллективный субъект – правительство, руководство страны и активируют в сознании реципиента уже другие сведения.

В заключение отметим, что в испанском медиадискурсе широко используются разные виды топонимов. Активация и профилирование репрезентируемых ими гетерогенных сведений зависит не только от дискурсивных условий их употребления, но и в первую очередь от того, какие концептуальные структуры – первичные или вторичные – они представляют. Наиболее частотны в медиaprостранстве вторичные топонимические структуры, которые есть результат концептуальной деривации метонимического типа.

Литература

Болдырев Н.Н. Интерпретирующая функция вторичных структур в языковой картине мира / Когнитивные исследования языка. 2022. Вып. № 1 (48). С. 19-79.

Никонов В.А. Имя и общество. М.: Наука, 1974.

V.V. Korneva (Voronezh, Russia)
Voronezh State University

COGNITIVE BASIS OF TOPONYM POLYFUNCTIONALITY IN THE SPANISH MEDIA DISCOURSE

The article describes the functionality of toponyms in the Spanish media discourse of international affairs. It considers the profiling of various data in primary and secondary toponymic structures and the conceptual derivation of the metonymic type.

Key words: conceptual derivation, recategorization, toponym, secondary structure, media discourse, Spanish.

А.Е. Купцов (Ярославль, Россия)
Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского
kupcov.a@mail.ru

ДИСКУРСИВНЫЕ МАРКЕРЫ КАК СРЕДСТВО СОЗДАНИЯ КОГЕРЕНТНОСТИ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ДИСКУРСА

Дискурсивные маркеры играют важную роль в обеспечении когерентности художественно текста, то есть логической связности между высказываниями и предложе-

ниями, устанавливая причинно-следственные, временные отношения, выражая субъективно-модальные значения, выделяя коммуникативный центр в высказывании и др.

Ключевые слова: дискурс, художественный дискурс, дискурсивные маркеры, когерентность.

Как известно, дать однозначное определение понятию «дискурс» представляется довольно сложной задачей, так как дискурс является многомерным и многогранным понятием, которое охватывает множество аспектов лингвистической и социальной деятельности. Необходимо отметить, что данный феномен может иметь различные функции и цели, которые зависят от контекста. Среди разнообразных существующих концепций относительно природы и сущности понятия «дискурс» следует обратить внимание на тот факт, что дискурс исследуется с разнообразных позиций, например, с точки зрения социолингвистического подхода, психолингвистического подхода, коммуникативно-ориентированного подхода, прагматического подхода [Арутюнова 1999; Бабаян 2022; Степанов 1995; Шилова 2022а; Шилова 2022б]. Художественный дискурс является разновидностью дискурса, связанный с созданием и интерпретацией художественных произведений и включающий в себя использование литературных приемов, стилей и жанров для создания жанров, которые обладают эстетической ценностью. Художественный дискурс содержит в себе след культуры, преобладающей на определенном этапе развития общества, подразумевая взаимодействие между писателем (адресантом) и читателем (адресатом) [Купцов 2016; Купцов 2017].

Несмотря на значительное число работ, посвященных проблематике художественного дискурса, целый ряд вопросов до сих пор не получил достаточно полного и однозначного освещения. Так, неоднозначно истолковываются вопросы, связанные с содержательной интерпретацией дискурсивных маркеров в испанском художественном дискурсе, так как отсутствуют ясные и четкие критерии разграничения признаков данных коммуникативно-прагматических единиц. Разнообразие существующих теорий данных единиц обусловлено не только возможностями языка как системы, но и многообразием речевых ситуаций употребления данных лексем в различных экстралингвистических условиях. Таким образом, коммуникативно-прагматические единицы используются для связывания и организации текста в определенную структуру. Они помогают выразить связь между предложениями и идеями, а также указывают на различные отношения между ними, организуя информацию в логическую последовательность идей и связность, т.е. использование дискурсивных маркеров является одним из способов создания когерентности художественного текста [Леонтьев 1995; Макаров 2003]. Необходимо отметить, что когерентность текста также достигается путем использования связующих слов и выражений, повторов и синонимов, а также правильного порядка слов и фраз в предложениях [Купцов 2017].

В ходе предпринятого исследования установлено, что использование дискурсивных маркеров в испанском художественном дискурсе помогает читателю лучше понимать структуру текста и связь между различными идеями, а также помогают автору выразить свои мысли более четко и последовательно. Так, в соответствии с функциональным диапазоном дискурсивов в художественном дискурсе была разработана следующая классификация:

1. Установление логической связи между идеями и предложениями в тексте: *Primero, luego, después, además, por otro lado, sin embargo, en resumen finalmente* и др.

*Rigen a los hombres y a sus cosas enigmáticas leyes, que el hombre, **sin embargo**, puede vislumbrar (Unamuno).*

Данные дискурсивные маркеры помогают связывать идеи в тексте и устанавливать логический порядок событий, что способствует когерентности текста.

2. Организация структуры текста и последовательное развитие темы: *En primer lugar, en segundo lugar, por último, asimismo, igualmente, por consiguiente, en consecuencia, en conclusión* и др.

*En segundo lugar –recitó–, porque las mujeres, por naturaleza, por creación, tienen poco sentido común y **en consecuencia** no existe freno a su malicia natural (Falcones).*

3. Создание когерентности и связности в тексте, что облегчает понимание его содержания: *En primer lugar, por otro lado, además, es decir, por eso, en conclusión, aunque, sin embargo, por último, en resumen* и др. *Desde que mi pobre Apolodoro, mi víctima – y al decir esto le lloraba la voz –, murió, **es decir**, se mató, no hay ya presente posible (Unamuno).*

Вышеупомянутые дискурсивы помогают связывать и объединять идеи в художественном тексте, позволяя адресату легче понимать его содержание и логическую последовательность.

4. Выражение мыслей однозначно и логично: *En primer lugar, en segundo lugar, además, por otra parte, por lo tanto, es decir, por ejemplo, aunque, sin embargo, en resumen* и др.

*Lo que digo es que estos pobres y menguados habitantes de Orbajosa son piadosos y buenos cristianos, si bien ninguno de ellos sabe filosofía alemana, **por lo tanto** no debes despreciar públicamente sus creencias (Galdós).*

5. Выражение отношений между идеями, например, *сравнение, противопоставление, причина и следствие* и др.: *porque, ya que, dado que, en consecuencia, por lo tanto, de hecho, en resumen, al contrario, a pesar de, en cambio* и др.

*...yo soy siempre la misma para mi querido sobrino, **a pesar de** sus ideas extravagantes y antireligiosas... (Galdós).*

Данные дискурсивные маркеры служат для связывания и объединения различных идей и концепций, а также для выражения последствий и выводов. Кроме того, они помогают организовать информацию в логическом порядке и сделать текст более понятным и последовательным.

6. Указание на важность идеи или аргумента в тексте: *demás, también, sin embargo, no obstante, por otra parte, en primer lugar, por último, en conclusión, es decir, en realidad.*

*Se presentarán a ti como hombres bondadosos que dirán querer salvarnos del mal y de la tentación, pero **en realidad** su opinión sobre nosotros está escrita y todos ellos (Falcones).*

7. Переход от одной темы к другой: *por otro lado, cambiando de tema, dejando de lado, hablemos ahora de, volviendo a, en relación a, hablando de, en cuanto a, respecto a, en otro orden de cosas* и др. *Su carácter era por lo común inclinado a la honradez, y las acciones nobles despertaban franca admiración en su alma. **Respecto a** sus dotes intelectuales y a su saber social... (Galdós).*

Таким образом, данная классификация отражает не только коммуникативно-прагматические функции дискурсивных маркеров в испаноязычном художественном дискурсе, но и функциональный диапазон данных лексических единиц, которые используются для связывания предложений и абзацев в тексте и установления логической последовательности мыслей, а именно, помогают создать когерентность художественного текста, то есть связность и последовательность информации. Дискурсивные маркеры в испанском языке обеспечивают когерентность художественного текста, то есть связность и логическое единство всех элементов текста, таких как сюжет, персонажи, описание, диалоги и т.д. Когерентность обеспечивает понимание и восприятие текста читателем как целого, а не отдельных фрагментов, что, в свою очередь, создает законченность и целостность мыслей и идей литературных персонажей.

Литература

- Арутюнова Н.Д.* Язык и мир человека. Москва: Языки русской культуры, 1999. 896 с.
- Бабаян В.Н.* Семантические и коммуникативно-прагматические особенности дискурсивных маркеров в испаноязычном художественном дискурсе / В.Н. Бабаян, А.Е. Купцов, Н.В. Шилова // Верхневолжский филологический вестник. 2022. № 4(31). С. 86-92.
- Купцов А.Е.* Основные общеинформативные типы предложения с частицами (на материале испанского языка) // Когнитивные исследования языка. 2016. № 26. С. 139-142.
- Купцов А.Е.* Эмфатические конструкции и частицы как средство актуализации темы в испанском языке // Когнитивные исследования языка 2017. № 30. С. 438-441.
- Леонтьев А.А.* Признаки связности и цельности текста // Лингвистика текста: Материалы науч. конф. Ч. 1. М.: Изд-во МГУ, 1995. С. 45.
- Макаров М.Л.* Основы теории дискурса. М.: Гнозис, 2003. С. 190.
- Степанов Ю.С.* Альтернативный мир, дискурс, факт и принцип причинности // Язык и наука конца 20 века / науч. ред. Ю.С. Степанов. Москва : Институт Языкознания РАН, 1995. С. 35-73.
- Шилова Н.В.* Лингвокультурные особенности кубинского варианта испанского языка в художественном дискурсе: лексический аспект / А.Е. Купцов, Н.В. Шилова // Язык и общество. Диалог культур и традиций: Сборник материалов научной конференции, Ярославль, 01–31 марта 2022 года. Ярославль: Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского, 2022а. С. 223-232.
- Шилова Н.В.* Дискурсивы и синтаксические конструкции как средства формирования прагматического эффекта акта коммуникации в англо- и испаноязычном художественном дискурсе // Когнитивные исследования языка. 2022б. № 3(50). С. 269-273.

A.E. Kuptsov (Yaroslavl, Russia)

Yaroslavl State Pedagogical University named after K.D. Ushinsky

DISCOURSE MARKERS AS A MEANS OF CREATING COHERENCE OF FICTIONAL DISCOURSE

Discourse markers play an important role in ensuring the coherence of the fictional text, namely logical coherence between statements and sentences. They establish causal, temporal relationships, expressing subjective-modal meanings and highlighting the communicative center in the statement.

Key words: discourse, fictional discourse, discourse markers, coherence.

*С.Ю. Ладыгина (Челябинск, Россия)
Южно-Уральский государственный университет
sladygina@bk.ru*

ФРЕЙМОВЫЙ АНАЛИЗ РУССКОЯЗЫЧНОЙ ТЕРМИНОСИСТЕМЫ АВТОМОБИЛЕСТРОЕНИЯ

Цель исследования – построение фреймовой модели русскоязычной терминосистемы автомобилестроения. С помощью метода фреймового анализа построена схема терминосистемы автомобилестроения: выделен основной фрейм, определены субфреймы и слоты. Сделан вывод об открытости полученной фреймовой структуры.

Ключевые слова: фреймовый анализ, терминосистема автомобилестроения, фрейм, субфрейм, слот.

Когнитивная лингвистика является одним из наиболее актуальных направлений современного языкознания. В процессе формирования и описания терминосистем все чаще применяется когнитивный подход [Болдырев 2004, Володина 2000, Голованова 2011 и др.].

В связи с этим, в последние десятилетия значительно вырос интерес лингвистов-когнитологов к моделированию терминосистем. При построении терминологических моделей широко применяется фреймовый анализ [Ивина 2003, Сытникова 2008, Ревина 2011 и др.].

Метод фреймового анализа, позволяющий выявить зафиксированную в языковых единицах когнитивную структуру или схему, был разработан Ч. Филлмором. Фрейм ученый определяет как «организованную ментальную картинку», которая отражает знание о шаблонной ситуации [Филлмор 1988].

М. Минский ввел понятие «фрейм» в метаязык научных исследований в работе, посвященной изучению искусственного интеллекта. Этот термин применен для обозначения «некоторой структуры данных в памяти человека» [Минский 1979].

Как справедливо замечает Е.С. Кубрякова, фрейм представляет собой «бланк, имеющий пустые строки, графы, окна – слоты (от англ. slot – щель, паз), которые должны быть заполнены» [Кубрякова 1997: 188]. Базовые уровни данной структуры (подфреймы или субфреймы) включают основные понятия, остающиеся всегда постоянными, нижние (слоты) – могут меняться со временем.

Актуальность и преимущество фреймового подхода для моделирования терминосистемы – это возможность упорядочить и унифицировать информацию, т.е. представить концептуальную организацию знаний конкретной предметной области с учетом многообразия связей между всеми элементами логико-понятийной структуры. «Фреймовое представление знаний позволяет выявить основные элементы информации (базовые концепты), определить наличие взаимосвязей между ними и представить в виде универсальной структуры, что обладает большой информационной ёмкостью и удовлетворяет запрос современного терминоведения на систематизацию и унификацию терминологической лексики» [Тихонова 2020: 238]. Данное исследование посвящено фреймовому анализу терминосистемы автомобилестроения на материале русского языка.

В исследовании были использованы методы фреймового анализа, когнитивного моделирования, количественная обработка данных.

Материалом исследования послужили 3250 терминологических единиц, полученных методом сплошной выборки из автомобильных интернет-словарей.

Для построения модели терминосистемы необходимо выделить базовые концепты данной предметной области, что невозможно без изучения экстралингвистической информации. По мнению Л. В. Ивиной, «важным этапом анализа терминосистемы является выделение концептуально-языковой структуры терминов, фиксирующей положение концептов специальной сферы деятельности во фреймовой структуре, где они и составляют ее центр» [Ивина, 2003: 85-86].

Термин «автомобилестроение» в «Словаре русского языка» [Словарь русского языка: 46] определяется как «отрасль машиностроения, производящая автомобили». Исходя из этого, мы можем сделать вывод, что автомобилестроение является процессом производства автомобилей.

Таким образом, базовый фрейм «Автомобилестроение» будет являться верхним уровнем фреймовой модели исследуемой терминосистемы.

Для определения базовых концептов (субфреймов фрейма «Автомобилестроение») обратимся к методике М. Минского, который отмечал, что фрейм подразделяется на «множество вопросов, которые следует задать в гипотетической ситуации; он определяет темы, которые следует рассмотреть» [Минский 1979: 64].

Для полного охвата концептуальной сферы автомобилестроения, представляется необходимым задать следующие вопросы: 1) Какие **детали** автомобиля производятся?; 2) Какие **материалы** используются для производства автомобиля?; 3) С помощью какого **оборудования** осуществляется процесс производства?; 4) На какие этапы (технологические **процессы**) подразделяется производство автомобиля?; 5) Какими **свойствами** должен обладать готовый продукт (автомобиль)?; 6) Какие физические **величины** характеризуют автомобиль?; 7) Люди каких **профессий** являются участниками процесса производства автомобиля?

Данные вопросы содержат субфреймы базового фрейма «Автомобилестроение»: 1) «**Детали**» (779 терминов, 24%); 2) «**Материалы**» (728 терминов, 22%); 3) «**Оборудование**» (745 терминов, 23%); 4) «**Процессы**» (556 терминов, 17%); 5) «**Свойства**» (67 терминов, 2%); 6) «**Величины**» (33 термина, 1%); 7) «**Профессии**» (342 термина, 17%).

Выявленные субфреймы объединены между собой общим представлением об автомобиле и процессе его создания. Лексическое наполнение подфреймов представлено терминологическими единицами, номинирующими предметы и материалы («**Детали**», «**Материалы**»), инструменты («**Оборудование**»), процессы («**Процессы**»), свойства («**Свойства**»), величины («**Величины**») и действующие лица («**Профессии**»). Наибольшее количество терминологических единиц содержит субфрейм «**Детали**». Это можно объяснить сложной конструкцией автомобиля.

Все вышеперечисленные подфреймы включают в себя некоторое количество слотов, каждый из которых конкретизирует определенный аспект своего субфрейма:

1. **«Детали»:** 1.1 «Детали двигателя»; 1.2. «Детали шасси»; 1.3 «Детали кузова».

2. **«Материалы»:** 2.1 «Металлические материалы»; 2.2 «Неметаллические материалы»; 2.3 «Композитные материалы»; 2.4 «Порошковые материалы».

3. **«Оборудование»:** 3.1 «Оборудование для прессового производства»; 3.2 «Оборудование для сварочного производства»; 3.3 «Оборудование для окрасочного производства»; 3.4 «Оборудование для сборочного производства»; 3.5 «Оборудование для производства комплектующих».

4. **«Процессы»:** 4.1 «Прессовое производство»; 4.2 «Сварочное производство»; 4.3 «Окрасочное производство»; 4.4 «Сборочное производство»; 4.5 «Производство комплектующих».

5. **«Свойства»:** 5.1 «Тяговый расчет автомобиля»; 5.2 «Топливная экономичность автомобиля»; 5.3 «Динамические свойства автомобиля»; 5.4 «Плавность хода автомобиля».

6. **«Величины»:** 6.1 «Длина»; 6.2 «Масса»; 6.3 «Объем»; 6.4 «Сила»; 6.5 «Давление»; 6.6 «Мощность»; 6.7 «Крутящий момент»; 6.8 «Скорость»; 6.9 «Расход топлива»; 6.10 «Температура».

7. **«Профессии»:** 7.1 «Профессии на этапе прессовки»; 7.2 «Профессии на этапе сварки»; 7.3 «Профессии на этапе окраски»; 7.4 «Профессии на этапе сборки»; 7.5 «Профессии на этапе производства комплектующих».

Из приведенной фреймовой схемы видно, что количество слотов в субфреймах разное. Оно может увеличиваться по мере появления новых терминов, т.к. в дальнейшем могут быть изобретены новые детали и материалы, что повлечет за собой появление нового оборудования, увеличение количества технологических процессов производства и профессий, обслуживающих каждый из этапов создания автомобиля.

Таким образом, можно сделать вывод об открытости и возможности пополнения новыми терминами построенной фреймовой модели.

Литература

Болдырев Н.Н. Концептуальное пространство когнитивной лингвистики // Вопросы когнитивной лингвистики. 2004. № 1. С. 18-36.

Володина М.Н. Когнитивно-информационная природа термина (на материале терминологии средств массовой информации). М.: Изд-во МГУ, 2000. 128 с.

Голованова Е.И. Введение в когнитивное терминоведение. М.: Флинта, 2011. 224 с.

Ивина Л.В. Лингво-когнитивные основы анализа отраслевых терминосистем (на примере англоязычной терминологии венчурного финансирования): учебно-методическое пособие. М.: Акад. Проект, 2003. 304 с.

Кубрякова Е.С. Ментальный лексикон // Краткий словарь когнитивных терминов. М.: Филол. ф-т МГУ им. Ломоносова, 1997. 245 с.

Минский М. Фреймы для представления знаний. М.: Энергия, 1979. 152 с.

Ревина Ю.Н. Фреймовое представление автомобильной терминосистемы в русском языке // ОНВ. 2011. №5 (101). [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/freymovoe-predstavlenie-avtomobilnoy-terminosistemy-v-russkom-yazyke> (дата обращения: 25.03.2023).

Словарь русского языка: В 4-х т. / РАН, Ин-т лингвистич. исследований; Под ред. А.П. Евгеньевой. 4-е изд., стер. М: Рус. яз.; Полиграфресурсы, 1999. Т 1. 702 с.

Сытникова Т.А. Фреймовый анализ терминологии предметной области (на примере англоязычной компьютерной технической терминосистемы) // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. 2008. № 85. [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/freymovu-analiz-terminologii-predmetnoy-oblasti-na-primere-angloyazychnoy-kompyuternoy-tehnicheskoy-terminosistemy> (дата обращения: 25.03.2023).

Тихонова И.Б., Эйсмонт П.Л. Фреймовый анализ профессиональной терминосистемы (на примере английской терминологии теплообменных аппаратов) // Гуманитарный научный вестник. 2020. №6. С. 237-242.

Филлмор Ч. Фреймы и семантика языка // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 23. Когнитивная лингвистика. М., 1988. С. 52-93.

S.Y. Ladygina (Chelyabinsk, Russia)
South-Ural State University

FRAME ANALYSIS OF THE RUSSIAN AUTOMOTIVE ENGINEERING TERM SYSTEM

The study aims to build a frame model of the Russian-language term system of automotive engineering. The author suggests the scheme of the automobile industry term system describing its main frame, subframes and slots. The obtained frame structure remains open.

Key words: frame analysis, automotive term system, frame, subframe, slot.

А.В. Медведева (Воронеж, Россия)
Воронежский государственный медицинский
университет им. Н.Н. Бурденко
_avm@mail.ru

КОГНИТИВНЫЕ АСПЕКТЫ ПОЛИСЕМИИ НА МАТЕРИАЛЕ ЛСГ «ЖИВОТНЫЕ» В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Статья посвящена изучению полисемии с позиций антропоцентрического подхода с учетом когнитивных процессов концептуализации и категоризации. Развитие значения слова от денотативного до мотивированного коннотативного рассматривается на основе метафорического осмысления определенных признаков, характерных для ЛСГ «животные».

Ключевые слова: полисемия, языковая многозначность, когнитивная лингвистика, когнитивная семантика, метафора.

Полисемия так же, как и любое языковое явление, связана с антропоцентрической природой самого языка, отражающего окружающую действительность глазами наблюдателя, то есть самого человека. Языковая многозначность опосредована свойством человеческого сознания к сравнению и уподоблению собственных свойств со свойствами и качествами окружающего мира, доступного непосредственному наблюдению. Следует заметить, что антропоцентрический подход к анализу языковых явлений «позволяет по-новому поставить проблему соотношения языка и мышления, выйдя за рамки собственно философских учений и обратившись непосредственно к практическому повседневному опыту» [Болдырев 2008: 14].

С позиций когнитивной лингвистики полисемия рассматривается как средство концептуализации нового опыта, когда «для обозначения новых предметов, явлений и ситуаций, входящих в сферу опыта, человек не изобретает новых знаков, а использует уже существующие, приспособлявая (модифицируя) их для выполнения новых функций» [Кустова 2004: 22]. Развитие значения слова напрямую связано с метафорическим переносом, который в рамках когнитивной лингвистики изучается как «сложный когнитивный механизм, результат взаимодействия концептов в ментальном пространстве носителей языка» [Киселева 2019: 22]. Таким образом, можно утверждать, что в основе развития многозначности лежит вторичная интерпретация, т.е. интерпретация знаний о мире в языке за которой следует вторичная концептуализация и категоризация [Болдырев 2019].

Концептуализация и категоризация объектов животного мира представляет собой одну из традиционных практик человеческого сознания. Таким образом, «за счет переосмысления уже существующих в языковой картине мира знаний о животных происходит творческое и яркое осмысление информации о человеке» [Бабина, Долгова 2022: 65]. Поскольку развитие значения слова происходит на основе когнитивных процессов концептуализации и категоризации окружающей действительности, изучая структуру значения слова, мы можем установить связь языковой картины мира с концептуальной» [Кубрякова, 2004: 69].

В типологии значений слова, согласно работам В.В. Виноградова, М.М. Копыленко, З.Д. Поповой, первая денотативная семема (D1) представляет собой прямое номинативное значение слова, а коннотативная мотивированная семема (K1) появляется в результате развития прямого номинативного значения в процессах концептуализации и категоризации окружающего его мира на основе механизмов метафоры и метонимии. Можно утверждать, таким образом, что метафора представляет собой соединение образов двух разных денотатов, частично сходных своими признаками [Медведева 2015: 838]. В ходе исследования была использована комплексная методика семемного, компонентного и сопоставительного анализов, когда лексема рассматривается с точки зрения ее семно-семемного состава с использованием типологии, предложенной в работах З.Д. Поповой и И.А. Стернина [Попова, Стернин 2007]. Целью явилось выявить общие закономерности в развитии семантемы семемы D1 до семемы K1 в различных лексико-семантических группах. В рамках данной статьи рассмотрим способы развития семемы K1 у английских существительных на примере лексем BEAST, BROCK, DONKEY, GOAT, HEDGEHOG, KANGAROO, MULE, TIGER, TORTOISE, входящих по семеме D1 в ЛСГ «животные».

Лексема BEAST по основной денотативной семеме D1 имеет значение «дикий зверь, животное, скотина, тварь». По сходству поведения по дифференциальным семам «свирепый» и «жестокий» данная лексема развивает коннотативную семему K1 «грубый, жестокий, бесчеловечный, агрессивный, свирепый человек; изверг». По сходству поведения по потенциальной семеме «вызывающий напряжение» у данной лексемы наблюдаем развитие еще одной семемы K1 «что-либо неприятное».

Лексема BROCK по основной денотативной семеме D1 имеет значение «барсук». По сходству поведения по потенциальной семеме «склонный выдать секрет, обнародовать тайну» данная лексема развивает семему K1 «отвратительный человек,

подлец, подонок». Развитие значения у лексемы в данном случае можно объяснить трусливым поведением барсука в случае опасности, что зафиксировано в языке в выражениях типа *to draw the brock* – выкурить барсука из норы; а в переносном смысле – «заставить кого-либо проговориться, выдать себя».

Лексема DONKEY также по основной денотативной семеме Д1 обозначает «осел». По сходству признака наличия/отсутствия интеллекта по дифференциальной семеме «глупый» данная лексема реализует семему К1 «глупый человек». По сходству поведения по дифференциальной семеме «упрямый» у данной лексемы развивается семема К1 «упрямый человек».

Лексема GOAT по основной денотативной семеме Д1 имеет значение «козёл; коза». По сходству поведения по дифференциальной семеме «одержимый инстинктами» данная лексема развивает семему К1 «развратник, распутник».

Лексема HEDGEHOG по основной денотативной семеме Д1 имеет значение «ёж, дикобраз, а также любое животное, имеющее защитный покров, состоящий из колючек». По сходству ощущения по дифференциальной семеме «колющий» данная лексема развивает семему К1 «неуживчивый человек».

Лексема KANGAROO по основной денотативной семеме Д1 имеет значение «кенгуру». По сходству поведения по дифференциальной семеме «передвигающийся скачкообразно» данная лексема развивает семему К1 «тот, кто стремительно продвигается вперед (большими рывками)».

Лексема MULE по основной денотативной семеме Д1 имеет значение «мул». По сходству поведения по дифференциальной семеме «упрямый» данная лексема развивает семему К1 «упрямец».

Лексема TIGER по основной денотативной семеме Д1 обозначает «тигр». По сходству внешнего вида по дифференциальным семемам «сильный» и «бесстрашный» данная лексема развивает семему К1 «сильный, решительный, бесстрашный человек». По сходству поведения по дифференциальной семеме «беспощадный» у данной лексемы развивается еще одна лексема К1 «жестокий, агрессивный, свирепый человек». По сходству поведения по дифференциальной семеме «агрессивный» у данной лексемы развивается третья семема К1 «задира, забияка».

Лексема TORTOISE по основной денотативной семеме Д1 имеет значение «черепаха». По сходству поведения по дифференциальной семеме «медлительный» данная лексема развивает две подобные семемы К1 «медлительный человек» и «медленно движущийся предмет».

Проанализированные выше примеры демонстрируют развитие значения от семемы Д1 до семемы К1 в пределах одной части речи (имени существительного) по следующим признакам: по сходству признака наличия/отсутствия интеллекта; по сходству поведения; по сходству ощущения; по сходству внешнего вида.

Также нами установлено, что лексемы данной ЛСГ развивают семемы К1 на основании дифференциальных и потенциальных сем, или их сочетания: 1) по сходству признака наличия/отсутствия интеллекта по дифференциальной семеме «глупый, недалекий», «неумный»; 2) по сходству поведения по потенциальной семеме «вызывающий напряжение»; «склонный выдать секрет, обнаружить тайну»; 3) по сходству поведения по дифференциальной семеме «упрямый», «передвигающийся скачкообразно», «беспощадный», «агрессивный»; 4) по сходству ощущения по дифференциальной семеме «колющий»; 5) по сходству поведения по двум

дифференциальным семам «свирепый» и «жестокий»; б) по сходству внешнего вида по дифференциальным семам «сильный» и «бесстрашный».

Таким образом, в описываемых случаях полисемия возникает на основе наблюдения и дальнейшего осмысления, в большинстве случаев, поведения, а также интеллекта, внешнего вида представителей животного мира, а также от ощущений, возникающих от образа того или иного представителя фауны. Наш материал служит подтверждением тому, что «сама природа полисемии антропоцентрична, поскольку изначально присуща человеческому сознанию, обрабатывающему получаемый опыт в процессах концептуализации и категоризации окружающего мира» [Медведева 2016: 539]. Наличие продуктивной модели развития семемы Д1 до семемы К1 на примере ЛСГ «животные» в английском языке говорит не только о тесном сосуществовании человека и животных, но и о постоянном стремлении человеческого сознания к концептуализации и категоризации объектов и явлений окружающей действительности, доступных непосредственному наблюдению.

Наблюдения над развитием значения слова на уровне отдельных сем и семем дают возможность изучать те когнитивные, или мыслительные процессы, недоступные непосредственному наблюдению, которые лежат в основе развития значения и возникновения полисемии.

Литература

Бабина Л.В., Долгова Е.В. Интерпретирующий потенциал зоонимов в составе английских фразеологизмов // Вопросы когнитивной лингвистики. 2022. № 2. С. 64-73.

Болдырев Н.Н. Принципы и методы когнитивных исследований языка // Принципы и методы когнитивных исследований языка. Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина, 2008. С. 11-29.

Болдырев Н.Н. Язык и система знаний. Когнитивная теория языка. М.: Издательский Дом ЯСК, 2019. С. 259-263.

Виноградов В.В. Русский язык: грамматическое учения слова. М.: Высшая школа, 1972. 616 с.

Киселева Л.А., Тодосенко З.В. Когнитивные основания семантической деривации в разноструктурных языках // Вопросы когнитивной лингвистики. 2019. № 1. С. 21-29.

Кубрякова Е.С. Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира / Е.С. Кубрякова; РАН. Ин-т языкознания. М.: Языки славянской культуры, 2004. 560 с.

Копыленко М.М., Попова З.Д. Очерки по общей фразеологии. Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та, 1972. 124 с.

Копыленко М.М., Попова З.Д. Очерки по общей фразеологии. Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та, 1978. 143 с.

Кустова Г.И. Типы производных значений и механизмы языкового расширения. М.: Языки славянской культуры, 2004. 472 с.

Медведева А.В. Когнитивные аспекты семантической деривации // Когнитивные исследования языка. 2015. № 20. С. 837-847.

Медведева А.В. Антропоцентрический подход в семантико-когнитивном исследовании полисемии // Когнитивные исследования языка. 2016. Вып. XXVII. С. 532-540.

Попова З.Д., Стернин И.А. Семантико-когнитивный анализ языка. Воронеж: «Истоки», 2006. 226 с.

Попова З.Д., Стернин И.А. Общее языкознание. М.: АСТ: Восток–Запад, 2007. 408 с.

*A.V. Medvedeva (Voronezh, Russia)
Voronezh State Medical University named after N.N. Burdenko*

COGNITIVE ASPECTS OF POLYSEMY ON THE ENGLISH LEXICO-SEMANTIC GROUP "ANIMALS"

The article is devoted to an anthropocentric study of polysemy, taking into account the cognitive processes of conceptualization and categorization. The development from denotative to motivated connotative meaning of a word is considered based on a metaphorical understanding of the lexico-semantic group "animals".

Key words: polysemy, linguistic ambiguity, cognitive linguistics, cognitive semantics, metaphor.

*О.И. Натхо (Пятигорск, Россия)
Пятигорский государственный университет
onatkho@mail.ru*

*М.Э. Мосесова (Краснодар, Россия)
Кубанский государственный аграрный университет им. И.Т. Трубилина
lilya-74@mail.ru*

ПАРЕМИИ КАК ИНСТРУМЕНТ ТРАНСФЕРА ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ ЗНАНИЙ В НАУЧНО-ПОПУЛЯРНОМ ДЕЛОВОМ ДИСКУРСЕ

В статье представлен анализ модификации паремиологических единиц, функционирующих в произведениях англоязычного научно-популярного делового дискурса, в виде усечения (синтаксической апокопы и синтаксической аферезы), нацеленного на трансфер профессиональных знаний в моделях, понятных для непрофессионала.

Ключевые слова: научно-популярный деловой дискурс, паремия, синтаксическая апокопа, синтаксическая афереза.

Научная популяризация знаний является важной частью социального взаимодействия. Это комплексный процесс, вовлекающий в себя психические, лингвистические, когнитивные инструменты осознания, понимания и познания окружающего мира. Большинство сфер человеческой деятельности, включая деловую, пронизано данным процессом. Мы рассматриваем научно-популярный деловой дискурс (Н-П ДД) как субдискурс делового дискурса, выступающего инструментом презентации профессионально-деловой картины мира. Он актуализируется публицистическими текстами, нацеленными на представление свойственных для бизнес-сферы характерных знаний в неких вербальных моделях, которые понятны неподготовленному, но мотивированному на познание нового индивиду [Багиян и др. 2017: 77]. Для реализации этой цели используются различные языковые единицы, в нашем случае, паремиологические, выполняющие популяризаторскую функцию для расширения профессиональных знаний у широкой аудитории.

Результаты анализа английских паремиологических единиц, используемых в произведениях Н-П ДД, позволили разделить их на две группы: неизменные или немодифицированные и измененные или модифицированные. В последней

использовались следующие приемы: замена слов или части и усечение (синтаксическая апокопа и афереза), добавление, диссолюция и компрессия.

В данной статье в центре внимания представлен анализ функционирования наиболее частотных для текстов Н-П ДД модифицированных паремий, основанных на усечении, подразделяемое на усечение паремиологической единицы в ее окончании (синтаксическая апокопа) и усечение ее в начале (афереза) [Федуленкова 2005: 216]

Рассмотрим следующий пример: «The Vatican is keen on the African continent, home to around 135m Catholics. The pope delivered a compassionate message, recognizing that Africa suffers from food shortages, poverty, financial turmoil and climate. Yet for all the mutual appreciation he caught **between two stools**. Asked about the use of condoms to help tackle the scourge of AIDS, the pope restated the church's position that these are not useful to “overcome” the epidemic, indeed their use actually makes the problem worse». [The Economist 2019]

Данный отрывок демонстрирует усеченную часть начала пословицы «Between two stools one falls to the ground». Усеченный фрагмент паремии передает полное контекстное значение всего сообщения независимо от фрагментарного вида ее использования (“the situation where you cannot decide which of two things to do, so you get yourself into trouble by not choosing anything” [The Concise Dictionary of Proverbs 2003]).

В усеченных паремиологических единицах мы выделяем синтаксическую и семантическую модели, где последняя представляет собой демонстрацию некоторых предметных случаев или ситуаций. Синтаксическая модель – это означаемое, семантическая модель – означающее. То есть, принимая во внимание закон ассиметричного дуализма, который свойственен языковым знакам, мы на вышеприведенном примере видим его реализацию в виде соотношения одной семантической модели с двумя, а может и более синтаксическими. В нашем примере одна семантическая модель имеет две синтаксические: первая – полная (в виде целой пословицы), вторая – модифицированная или усеченная (непосредственно используемая в отрывке).

Необходимо подчеркнуть, что синтаксическая апокопа и синтаксическая афереза рассматриваются нами как явление синтаксического нуля, последний представляется нулевой синтаксемой, презентирующей важный смысл отсутствия определенной части высказывания, которое, в свою очередь, является необходимым для модели синтаксической [Цейтлин 2010: 117]. Объяснить данное явление возможно тем, что в менталитете того или иного народа значения и смыслы пословиц и поговорок глубоко внедрены, нет необходимости их разъяснять, и при встрече с одной из них в сознании индивида срабатывает эффект реминисценции, представляемый в психологии как некий мнемический эффект с внезапным воспоминанием давно изученного материала через длительное время без его непосредственного повторения.

Вот еще примеры, демонстрирующие вышеуказанные принципы усечения: “Charlie McCreevy, finance minister and **jack of all trades**, scorned the notion that fiscal policy should lean against the business cycle. “When I have the money, I spend it. When I don't, I don't,” he once said. Cuts in income tax left public finances too de-

pendent on windfall revenues from VAT on new homes, capital-gains tax and stamp duty” [Newsweek 2021].

Прочитав данный отрывок, носитель языка воспроизведет в своей памяти полную синтаксическую модель «Jack of all trades, master of none», не говоря уже о полном понимании ее семантической репрезентации в отрывке. Кроме того вышеприведенный текст напоминает нам и об общелингвистическом законе экономии языковых средств и демонстрирует функцию когнитивной экономии паремиологической единицы [Федуленкова 2013: 793].

“**When in Rome ...** The demise of a popular but unsustainable business model now seems inevitable. In recent years, consumers have become used to feasting on online freebies of all sorts: news, share quotes, music, e-mail and even speedy internet access. These days, however, dotcoms are not making news with yet more free offerings, but with lay-offs – and with announcements that they are to start charging for their services” [The Economist 2020].

Помимо приема синтаксической апокопы в приведенном отрывке (полная пословица выглядит так: *When in Rome, do as the Romans do*) усеченная паремия сопровождается графически многоточием. Таким способом автор попытался оказать на читателя Н-П ДД одномоментное смысловое и интонационное воздействие, оформив паремию и графически, и пунктуационно, что спровоцировало адресата к фиксации своего внимания на модифицированной паремиологической единице, восприятию ее как центральной части текста и пониманию прагматической направленности текста.

Не менее интересными для понимания механизма трансфера профессиональных знаний посредством паремий в Н-П ДД представляются примеры синтаксической аферезы.

“Raging at bankers is a dangerous road to tread. Banks and insurers are being bailed out not because they deserve it, or for the sake of their employees, but because there is no choice. America lacks an orderly system for winding down big financial institutions; letting them fail would have been costlier than saving these **strange bedfellows**, and the pain would have fallen on Main Street” [The Economist 2018].

Так, паремиологическая единица «*strange bedfellows*» представляет собой модифицированную паремию «*Adversity makes strange bedfellows*», где усеченным оказывается ее начало. Как и в предыдущих примерах нам снова демонстрируется одна из целей модификации паремии в Н-П ДД – заострить внимание читателя на оставшемся элементе. Одновременно в данном отрывке проявляется еще одна цель использования паремии в этом виде дискурса – эвфемизм. Дело в том, что начальная часть полной паремиологической единицы имеет однозначно отрицательный смысл, который автор имплицитно, облегчая его негативно окрашенный эмоционально-оценочный заряд.

Здесь необходимо подчеркнуть, что таким образом проявляется усиление прагматического влияния на читателя через эвфемическое использование паремии в Н-П ДД, так как применение пословиц с данной целью зависит и от коммуникативных компетенций, намерений коммуникантов, форм высказываний, а также от конкретного вида дискурса, в котором осуществляется вербальное и смысловое общение, что демонстрирует прямую зависимость функционирования паремиологических единиц в Н-П ДД и прагматической направленности дискурса.

Рассмотрим еще один пример с использованием синтаксической афрезы:

“Ireland is having a deeper recession than any other euro area country. The economy probably shrank by 5.6% in 2020. Irish banks are **grasping at straws** by being freed of the toxic securities that have poisoned rivals’ balance sheets, but they are blighted by souring property loans” [Newsweek 2021].

В данном отрывке используется модифицированная поговорка «to grasp at straws», полученная из поговорки «A drowning man will clutch at a straw», и представляющая собой устойчивый фразеологизм. Упомянутое выше явление синтаксического нуля, которое представляется нулевой синтаксемой, презентирующей важный смысл отсутствия определенной части высказывания, подкрепляется таким феноменом как фразеологическая антиципация или прогнозирование, в соответствии с которым части ФЕ вполне хватает для распознавания читателем ее полной формы. При этом возможен переход усеченных поговорок при их регулярном и постоянном применении во фразеологические единицы из-за их смысловой неразложимости.

Итак, в проведенном анализе английских паремиологических единиц, используемых в произведениях Н-П ДД, нами были выделены две группы: неизменные или немодифицированные и измененные или модифицированные, где использовались приемы: замена слов или части и усечение (синтаксическая апокопа и афреза), добавление, замена, диссолюция и компрессия. Наиболее частотным в англоязычном Н-П ДД является прием синтаксической апокопы (19,3%), менее – синтаксическая афреза (12,2%). Безусловно данный анализ приемов модификации паремиологических единиц не носит всеобъемлющего характера; его можно дополнить и расширить материалом других видов дискурса, где присутствуют поговорки. Однако полученные данные позволяют с уверенностью говорить о значимой роли паремиологических единиц в формировании нового научного знания у заинтересованного непрофессионала и трансфере профессиональных знаний.

Литература

Багиян А.Ю., Нерсеян Г.Р., Бжинаева М.В. Лингвистическая креативность в популяризации специальных знаний: теоретические предпосылки исследования // Современные исследования социальных проблем. 2017. Т. 9. № 2-2. С. 76-82.

Федуленкова Т.Н. Апокопа в коммуникативной фразеологии // Непрерывное образование в свете модернизации высшей школы: Актуальные проблемы и перспективы: материалы междунард. науч.-практ. конф. СПб.: Международ. Академия наук высш. шк., 2005. С. 216-219.

Федуленкова Т.Н. Виды фразеологических компрессантов (на материале английской отпословичной фразеологии) // Современные проблемы науки и образования. 2013. № 6. С. 792-796.

Цейтлин С.Н. К вопросу об эллипсисе синтаксем // Acta Linguistica Petropolitana: Труды института лингвистических исследований. 2010. Т.6, № 2. С. 115-130.

O.I. Natkho (Pyatigorsk, Russia)

Pyatigorsk State University

M.E. Mosesova (Krasnodar, Russia)

Kuban State Agrarian University named after I.T. Trubilin

PAROEMIAS AS A TOOL OF PROFESSIONAL KNOWLEDGE TRANSFER IN POPULAR SCIENCE BUSINESS DISCOURSE

The article deals with the analysis of modified paroemiological units used in the English-language popular science business discourse. The truncation units (syntactic apocope and syntactic apheresis) provide professional knowledge transfer in models understandable for a non-professional recipient.

Key words: popular science business discourse, paroemia, syntactic apocope, apheresis.

Л.А. Нефедова, О.Ф. Циберная (Челябинск, Россия)

Челябинский государственный университет

lan2@mail.ru, igoshevaolesya@gmail.com

ТРАНСПОЗИЦИЯ КАК СРЕДСТВО ЛИНГВОКРЕАТИВНОСТИ В ЯЗЫКЕ

В данной статье рассматривается проблема использования транспозиции как средства лингвокреативности в языке. В ходе исследования рассмотрены разные способы реализации транспозиции, проиллюстрированы частные случаи транспозиции на разных этапах становления концепта «человек» в древнекитайском и современном китайском языках.

Ключевые слова: лингвокреативность, концепт, языковая картина мира, смысловая транспозиция.

С течением времени можно наблюдать в сознании носителей лингвокультуры изменения, которые неизбежно находят отражение в языке. Наиболее наглядно когнитивные сдвиги иллюстрирует динамика структуры и содержания концепта, которые можно проследить, обратившись к репрезентации концепта [Циберная 2019]. Очевидным в этом случае становится факт, что она расширяется в том числе за счет активной лингвокреативной деятельности носителей языка: функционирующие в системе языка языковые единицы представляют собой результат разного рода когнитивных процессов [Кубрякова 1997]. Следует отметить, что в данном случае наблюдается некая сконцентрированность информации, которая « достигается благодаря использованию имплицитности, так как чаще всего восприятие имплицитной информации происходит за счет перераспределения когнитивной нагрузки в сценах соответствующих фреймов и мотивируется избирательностью языка к признакам внеязыковой действительности. И это становится возможным вследствие того, что когнитивный контекст является моделью культурно-обусловленного, канонизированного знания, которое является общим хотя бы для части говорящего сообщества» [Нефедова 2013: 31].

По мнению Е.С. Шмелевой, в рамках лингвокреативности происходит «модификация исходного слова, словосочетания или фразы для достижения автором

определенной прагматической цели» [Шмелева 2020: 78]. В рамках данной статьи обратимся, в частности, к такому явлению как транспозиция, которое является одним из наиболее продуктивных средств лингвокреативности.

На наш взгляд, можно выделить следующие виды транспозиции: лексическую, словообразовательную, морфологическую, синтаксическую, семантическую (или смысловую), прагматическую, функциональную (или стилистическую). Каждая из этих разновидностей характеризуется своими особенностями. В.А. Савченко выделяется и такое понятие как комплексная транспозиция, говоря о том, что «первичная транспозиция на формальном уровне ведет к семантическому сдвигу, обуславливая семантическую транспозицию, которая, в свою очередь, порождает функциональный сдвиг. Очевидно, в таких случаях можно говорить о комплексной транспозиции» [Савченко 2010: 52].

В рамках настоящей работы мы сознательно не углубляемся в теоретические основы транспозиции, а останавливаемся только на тех ее особенностях, которые позволяют раскрыть транспозицию как средство лингвокреативности в ходе становления концепта. В качестве примера рассмотрим концепт «человек» в китайской языковой картине мира – это базовый концепт, который отражает наиболее характерные черты сознания носителей китайского языка.

В основе транспозиции всегда лежит асимметрия языкового знака. В зависимости от того, какой тип сопоставления осуществляется между языковыми единицами – семантическое или функциональное – можно выделить такие частные случаи транспозиции как конверсия и смысловая транспозиция [Гэн Усинь]. Конверсия при этом предполагает несвойственное слову функционирование без изменения формы, а смысловая транспозиция в процессе лингвокреативности проявляется как сужение или расширение реального значения слова относительно номинального.

В китайском языке можно наблюдать обе формы транспозиции. Изолированный тип языка делает более активным средством лингвокреативности конверсию – лексические единицы регулярно функционируют в качестве разных частей речи, форма слова при этом остается неизменной, а о значении слова можно получить представление, проанализировав синтаксическую структуру предложения, в котором использовано слово. Наиболее частотным частеречным переходом считается глагол-существительное.

Такой переход встречался как в древнем китайском языке *вэньяне*: 部长 (министр – назначать министра), 朋友 (друг – завязывать дружеские отношения), 宾馆 (гостиница – жить в гостинице), 衣服 (одежда – одевать) и т.д. Как видно, репрезентирующие концепт «человек» лексические единицы относятся к разным семантическим группам, в том числе, к таким как «профессия и другие занятия», «межличностные отношения», «вид и сфера деятельности», «атрибуты» и др.

В современном китайском языке переход глагол-существительное встречается, в частности, в таких репрезентантах концепта «человек»: 学习 (учеба – учиться), 生产 (производство – производить), 决定 (решение – принять решение), 传真 (факс – скинуть факсом) и т.д. Семантические группы, к которым относятся репрезентанты концепта «человек», сопоставимы с древним китайским языком: «профессия и другие занятия», «атрибуты» и др. Характерным можно

считать лишь присутствие репрезентантов с когнитивным признаком «абстрактные понятия».

Смысловая транспозиция связана с наличием у одного слова нескольких лексико-семантических вариантов с одинаковым номинальным значением, реальное значение которых не всегда совпадает [Шалифова]. Данное средство лингвокреативности стало особенно распространено в связи с развитием науки и техники, повсеместным использованием сети Интернет.

Пользователи сети Интернет используют следующие лексемы, иллюстрирующие расширение значения: 恐龙 некрасивая девушка, страхолюдина (букв. динозавр), 美眉 красивая женщина (букв. красивые брови), 青蛙 уродливый мужчина (букв. лягушка), 天才 кретин (букв. гений, талант) и т.д.

Таким образом, можно сделать вывод об активном использовании транспозиции в ходе лингвокреативной деятельности как проявлении языковой новации, которая раскрывает созидательный потенциал языковой системы как в древнем китайском языке, так и в наше время. Речь идет о продуктивности данного способа пополнения словарного запаса языка, когда благодаря транспозиции поддерживается еще и языковая норма.

Литература

Гэн Усинь Структура имени и именные сочетания в современных русском и китайском языках: дис. ... канд. филол. наук. М., 2010. 184 с.

Кубрякова Е.С. Номинативный аспект речевой деятельности. М.: Наука, 1997. 105 с.

Нефедова Л.А. Когнитивные особенности представления имплицитности в художественном тексте // Вестник Челябинского государственного университета. 2013. № 24 (315). Филология. Искусствоведение. Вып. 82. С. 31-34.

Савченко В.А. Транспозиция как межуровневое явление языка и речи // Вестник Читинского государственного университета. 2010. № 4(61). С. 48-52.

Циберная О.Ф. Сопоставительное исследование внутрикультурного трансфера знаний в русской и китайской языковых картинах мира (на примере концепта «человек»/«人 (г н)»): дис. ... канд. филол. наук. Челябинск, 2019.

Шалифова О.Н. Семантическая транспозиция как способ образования лексических значений // Известия Самарского научного центра РАН. 2011. Т. 13. №2(4). С. 994-997. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/semanticheskaya-transpozitsiya-kak-sposob-obrazovaniya-leksicheskikh-znacheniy> (дата обращения: 13.04.2023).

Шмелева Е.С. Когнитивные механизмы и прагматический потенциал лингвокреативности (на материале The Economist) // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2020. Т. 18, № 3. С. 78-86.

*L.A. Nefedova, O.F. Tsibernaya (Chelyabinsk, Russia)
Chelyabinsk State University*

TRANSPOSITION AS A MEANS OF LINGUO-CREATIVITY IN CHINESE

This article deals with the use of transposition as a means of linguistic creativity in the Chinese language. We consider different ways of implementing transposition and illustrate special cases of transposition at different stages of the concept formation.

Key words: linguistic creativity, concept, language picture of the world, semantic transposition.

И.Ю. Парулина (Челябинск, Россия)
Южно-Уральский государственный университет
Parulinaii@susu.ru

РЕАЛИЗАЦИЯ СТРАТЕГИЙ ИНКЛЮЗИВНОГО ЯЗЫКА В ИСПАНОЯЗЫЧНОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Статья рассматривает гендерно-инклюзивный язык как одну из наиболее актуальных тем для современного испаноязычного пространства, историю и современное состояние проблемы, элементы гендерной нейтральности в испанском языке, а также анализирует актуальное состояние внедрения гендерно-инклюзивных стратегий в язык Испании и стран Латинской Америки.

Ключевые слова: гендер, инклюзивность, инклюзивный язык, испанский язык.

Элементы гендерно-инклюзивного языка расцениваются рядом лингвистов как относительно новообразование в испаноязычном лингвокультурном сообществе. За отправную точку гендерной нейтрализации испанского языка как средства борьбы с андроцентризмом в устной и письменной речи можно принять 1990-е годы, когда Консультативный комитет по языку Института женщин (la Comisión Asesora sobre Lenguaje del Instituto de la Mujer, также известный как NOMBRA), в 1995 году подготовил руководство под названием «Представление женского и мужского начала в языке» [La representación del femenino y el masculino en el lenguaje]. Руководство объясняет, что такое сексистский язык, и дает рекомендации, как избежать лингвистического сексизма. Идея о необходимости использования инклюзивного языка все больше укрепляется в современном испаноязычном обществе и находит поддержку у широкого ряда испаноязычных лингвистов.

Цель работы – изучение механизмов выражения рода и гендера в испанском языке и представление актуального состояния внедрения гендерно инклюзивных стратегий в язык Испании и стран Латинской Америки.

В испанском языке существуют различные механизмы обозначения грамматического пола и биологического пола, это окончания (*chica/-o* – девочка/мальчик), противопоставление слов (*padre-madre* – отец/мать) и определенный или неопределенный артикль или местоимение с существительными общего рода (*el/la estudiante* – студент/студентка, *este/esta representante* этот/эта представитель). Существуют также особые слова, в испанской лексикологии называемые эпиценные существительные, которые имеют только один грамматический род и обозначают всех лиц независимо от биологического пола (*la víctima* – жертва, *la persona* – персона). Средний род сохранился в нескольких словах, таких как *aquello* (то), *eso* (это), *esto* (это), *ello* (это), *alguien* (кто-то), *algo* (что-то) и *lo* (это).

Инклюзивный или гендерно-нейтральный язык – это язык, который избегает использования половой или гендерной предвзятости и, следовательно, с меньшей вероятностью несет в себе гендерные стереотипы. Хотя в настоящий момент использование мужского рода в качестве обобщающей формы для обозначения женщин и мужчин – это грамматическая норма, общественно-политические и культурные преобразования последних лет потребовали исполь-

зования использование женского рода наравне с мужским, как отражение борьбы за достижение гендерного равенства во всех сферах жизни общества. Более того, поскольку испанский язык признает женский род в своей лексике, объективные причины опускать его отсутствуют. Как утверждает Эулалия Лледо-и-Кунилл, профессор Университета Барселоны, специалист по сексизму и языковым исследованиям, «то, что эксплицитно не названо, не существует или получает характер исключения» [Lledó, 2004: 22].

Основными проблемами для гендерно-инклюзивной коммуникации являются смешение понятий грамматического пола, социокультурного пола и биологического пола, уровень знания ресурсов, предлагаемых самим языком для инклюзивного использования его средств в рамках нормы, а также уничижительные ассоциации, которые некоторые эквиваленты женского рода унаследовали от социального сексизма (например, ставшее нормой различие в использовании одного и того же слова *público* применительно к мужчине и женщине – *Hombre público* – *m. hombre que tiene presencia e influjo en la vida social* (публичный мужчина (человек) – мужчина (человек) с солидным присутствием и влиянием в социуме) и *Mujer pública* – *f. Mujer que ofrece servicios o favores sexuales a cambio de dinero* (публичная женщина – женщина, оказывающая сексуальные услуги за деньги) [Significados desiguales].

С учетом тенденций и вызовов современной языковой реальности, органом «ООН-женщины» (структура ООН по вопросам гендерного равенства и расширения прав и возможностей женщин) было разработано Руководство по использованию гендерно-инклюзивной лексики на испанском языке [Lenguaje inclusivo en cuanto al g nero]. Данное руководство представляет собой набор стратегий по использованию гендерно-инклюзивной лексики. В число предложенных стратегий входят отказ от выражений с негативной коннотацией и гендерными стереотипами, подчеркивание гендера исключительно, если этого требует коммуникативная ситуация, использование феминитивов в названии профессий и т.д.

Как показывает обзорный анализ испаноязычного интернет-дискурса в социальных сетях и блогосфере, интернет-сообщество Испании и Латинской Америки практически универсально адаптировали лексические и графические стратегии инклюзивности (например, *chiques*, *chicxs* или *chic@s* вместо подчеркивающих гендер *chicos* и *chicas*, феминитивы в названиях должностей и социальных ролей и т.д.). Однако, в ряде стран Латинской Америки представители различных типов институциональных дискурсов не в полной мере поддерживают гендерно-инклюзивные коммуникативные инициативы.

Правительство города Буэнос-Айрес в июне 2022 года издало постановление, которое ограничивает использование графических стратегий инклюзивного языка в детском саду, начальной и средней школе, и предписывает преподавать язык в рамках образовательной программы исключительно в соответствии с правилами испанского языка [Ni “todes” ni “chiques”: el gobierno porteño regula el uso del lenguaje inclusivo en las escuelas]. В резолюции уточняется, что запрет распространяется только на содержание, которое преподают учителя на уроках, на материалы, выдаваемые ученикам, и на официальные документы учебных заведений, и что ученики по-прежнему смогут использовать инклюзивный язык во внеклассной коммуникации. При этом, мэр Буэнос-Айреса Орасио Родригес

Ларрета признает, что важно отказаться от использования общего мужского рода (для обобщенного обозначения людей обоих полов), и внедрять стратегии более инклюзивного языка, но без необходимости искажать язык или добавлять сложности для понимания и беглости чтения. Таким образом, сотрудникам образовательных учреждений Буэнос-Айреса предложено сделать выбор в пользу лексических стратегий, а не графических, препятствующих эффективной письменной коммуникации. Это нововведение подверглось широкой критике со стороны некоторых педагогов, лингвистов и министра образования Аргентины, который, в составе правительства страны, всецело поддерживает использование инклюзивного языка.

Однако аргентинская столица – не единственный город, выступивший против использования гендерно-чувствительного языка – в январе 2021 года Уругвай принял аналогичную меру, выпустив постановление, в котором говорилось, что в сфере государственного образования использование инклюзивного языка должно соответствовать правилам испанского языка [Circular №4/2022]. В распоряжении, изданном Национальным управлением народного образования (ANEP), говорится, что инклюзивные выражения могут использоваться, если они соответствуют этим правилам. Как и в постановлении Буэнос-Айреса, ANEP пояснила, что ее распоряжение предназначено для использования в рамках образовательной деятельности и не затрагивает формы выражения учащихся.

Одним из первых, кто отверг эти новые нейтральные термины, была Королевская испанская академия (RAE). В 2020 году, в ответ на просьбу действующего на тот момент вице-преьера правительства Испании Кармен Кальво внести изменения в Конституцию, чтобы сделать ее более инклюзивной, RAE опубликовала 156-страничный отчет, в котором объяснила свое неприятие инклюзивного языка. RAE заключила, что использование «@» или букв «e» и «x» в качестве предполагаемых знаков инклюзивного гендера чуждо морфологии испанского языка, а также признала нецелесообразным предложение заменить родовое употребление грамматического мужского рода – которое критики считают «символическим кирпичиком патриархата» – на более инклюзивные формы, поскольку родовой мужской род не скрывает присутствия женщин, а включает их в себя на равных правах с мужчинами [Preguntas frecuentes].

Внедрение норм гендерно-чувствительного языка является эффективным способом продвижения гендерного равенства и борьбы с предрассудками, учитывая ту важнейшую роль, которую язык играет в формировании культурных и социальных установок. Стоит признать, что ограничения и запреты не могут мешать инклюзивному языку укорениться. Даже сама RAE признала, что в конечном итоге настоящий язык – это тот, на котором говорят в повседневной жизни, а не тот, который диктуется правилами. В интервью чилийской газете *El Tiempo* глава RAE Сантьяго Муньос Мачадо подтвердил эту мысль, заявив, что «именно граждане, используя язык, устанавливают правила» [‘El lenguaje no tiene la culpa de la desigualdad de la mujer’: RAE]. Можно сделать вывод, только будущее покажет, будет ли испанский язык в конечном итоге инклюзивно адаптирован.

Литература

‘El lenguaje no tiene la culpa de la desigualdad de la mujer’: RAE. El Tiempo. 9 Junio 2022. URL.: <https://www.eltiempo.com/cultura/lenguaje-no-tiene-la-culpa-de-la-desigualdad-de-la-mujer-rae-681039> (дата обращения: 08.04.2023).

Circular №4/2022. URL.: <https://www.anep.edu.uy/sites/default/files/images/Archivos/publicaciones-direcciones/secretaria-administrativa/circulares/2022/Circular%204-2022.pdf> (дата обращения: 08.04.2023).

La representación del femenino y el masculino en el lenguaje. URL.: <https://www.upm.es/sfs/Rectorado/Gerencia/Igualdad/Lenguaje/Nombra%20en%20red.pdf> (дата обращения: 08.04.2023).

Lenguaje inclusivo en cuanto al g nero. URL.: <https://www.un.org/es/gender-inclusive-language/> (дата обращения: 08.04.2023).

Lledó Cunill, E. De mujeres y diccionarios: evolución de lo femenino en la 22ª edición del DRAE. Madrid: Ministerio de Trabajo e inmigración, Instituto de la Mujer, 2004.

Ni “todes” ni “chiques”: el gobierno porteño regula el uso del lenguaje inclusivo en las escuelas. TramarEd. URL.: <https://tramared.com/tramanews/politica-educativa/272-ni-todes-ni-chiques-el-gobierno-porteno-regula-el-uso-del-lenguaje-inclusivo-en-las-escuelas> (дата обращения: 08.04.2023).

Preguntas frecuentes. URL.: <https://www.rae.es/espanol-al-dia/los-ciudadanos-y-las-ciudadanas-los-ninos-y-las-ninas> (дата обращения: 08.04.2023).

Significados desiguales. El Observador. 27 SEPTIEMBRE, 2020. URL.: <https://observador.cr/significados-desiguales-que-dice-la-rae-sobre-la-definicion-de-hombre-publico-y-mujer-publica/#:~:text=Mujer%20p%C3%ABblica%3A,sexo%20a%20cambio%20de%20dinero> (дата обращения: 08.04.2023).

*I.I. Parulina (Chelyabinsk, Russia)
South Ural State University*

ENACTMENT OF INCLUSIVE LANGUAGE STRATEGIES IN SPANISH-SPEAKING COUNTRIES

The paper examines gender-inclusive language of modern Spanish-speaking community. It focuses on history and current state of the problem. It analyses current gender neutrality elements in Spanish and gender-inclusive language strategies in Spain and Latin America.

Key words: gender, inclusion, inclusive language, the Spanish language.

*Л.А. Панасенко (Тамбов, Россия)
Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина
laptop74@mail.ru*

ИНТЕРПРЕТИРУЮЩИЙ ПОТЕНЦИАЛ ЛЕКСИКИ КАК КОГНИТИВНАЯ ОСНОВА ВТОРИЧНЫХ СТРУКТУР В ДИСКУРСЕ

В статье рассматривается реализация интерпретирующего потенциала лексики как процесс активации схематизированных структур знания, определяющих концептуальное основание лексической категории и обеспечивающих межконцептуальные связи. На материале парфюмерного дискурса описаны когнитивные механизмы и схемы

вторичной интерпретации, лежащие в основе концептуализации парфюмерных композиций.

Ключевые слова: интерпретирующий потенциал лексики, первичная интерпретация, вторичная интерпретация, схемы интерпретации, дискурс.

Лексические категории выступают результатом освоения окружающего мира человеком. Представленная в лексических категориях рубрикация опыта основывается на классификационной деятельности человеческого сознания, предполагающей его способность абстрагироваться от конкретных объектов и явлений и оперировать структурами знания обобщенного характера. Такие ментальные образования, имеющие статус схемы, определяют концептуальное основание лексической категории, интегрируют в себе перцептивную, когнитивную и аффективную составляющие опыта человека (о связи этих составляющих со словом см., например, [Психолингвистические аспекты взаимодействия слова и текста 1998]). Возможность схематизации знания обуславливает динамику концептуальной системы человека, подведение под сформированные рубрики нового, осваиваемого опыта, обеспечивает процессы вторичной интерпретации, основывающейся на установлении разного рода межконцептуальных и межкатегориальных связей [Болдырев 2019].

В качестве таких категоризирующих абстракций или схем, определяющих концептуальное основание категории и соответственно ее интерпретирующий потенциал, выступает знание об объектах и явлениях окружающей действительности, имеющее перцептивный, функциональный, операциональный, экспериенциальный, ассоциативный характер, и знание, вытекающие из опыта наблюдения [Панасенко 2014]. Выявленные форматы знания лежат в основе сложных, матричных смысловых структур, формирующихся посредством вторичных употреблений лексических единиц. Такие вторичные смысловые структуры могут быть представлены как идентифицирующие и характеризующие структуры, т.е. как образования, выступающие ментальным аналогом осмысляемого объекта или его оценочным профилем соответственно.

Так, процессы вторичной интерпретации определяют концептуализацию парфюмерных продуктов (духи, парфюмерная вода, туалетная вода), которая в общем плане обеспечивается когнитивными механизмами метафоры и метонимии. Это значит, что осмысление указанных объектов в языке базируется на активизации схематизированных структур знания, закрепленных за соответствующими лексическими единицами, получающими метафорическое или метонимическое употребление в дискурсе.

В качестве основополагающих схем языковой интерпретации парфюмерных продуктов выступают перцептивная, кинетическая, модификационная и экспериенциальная схемы. Реализация перцептивной схемы характеризуется значительной вариативностью – информация, поступающая по обонятельному каналу получает концептуализацию в формате других перцептивных модулей, что обеспечивается действием синестетической метафоры. Так, в частности, схемы, формируемые на основе информации, поступающей по зрительному и слуховому каналам восприятия, активизируются для осмысления природы парфюмерного аромата, например:

1. ... *вся пирамида предстаёт перед нами в самые первые мгновения и со временем аромат видоизменяется лишь из-за того, что его компоненты постепенно исчезают* (URL: <https://aromo.ru/glossary/olfactory-pyramide/>);

2. *The architecture of a perfume is visually represented in the form of an olfactory pyramid, with the top notes being on the top of the pyramid, the heart notes in the middle and the base notes in the bottom* (URL: <https://www.sylvainedelacourte.com/en/guide/the-olfactive-pyramid>);

3. *Особенность коллекции Геза Шоена в том, что традиционная верхняя нота просто отсутствует – вы сразу слышите самое сердце композиции, яркий и стойкий аромат* (URL: <https://aromacode.ru/blog/aromaty-escentric-molecules>).

В приведенных примерах метафоры *пирамида/pyramid*, *нота/note* формируют идентифицирующие значения, раскрывающие структуру аромата в виде пирамиды нот, представленной тремя уровнями. Идентифицирующие значения, связанные с классификацией ароматов, формируются на основе метонимического механизма. Номинациями ароматов выступают лексические единицы, обозначающие входящие в его состав компоненты: *цветочный, фруктовый, альдегидный, амбровый, древесный, пудровый* (URL: <https://aromo.ru/families/>); *Single Floral, Floral Bouquet, Bright Floral, Fruity, Woody, Amber* (URL: <http://www.historyofperfume.net/>).

Частные перцептивные схемы цвета (4,5), звука (6-8), осязания (9,10) лежат в основе характеризующих значений, передающих индивидуальную оценку аромата говорящим. Таким образом осмысляются качественные статические характеристики аромата, связанные с его природой, например, (здесь и далее анализируются описания парфюмерных композиций, представленные на сайте англоязычного парфюмерного журнала *Fragrantica* и его русскоязычной версии):

4. *Азора более фруктовая, солнечная ... звучит свежо, ярко и диффузно* (*Azora. Attar Collection*);

5. *For me, For Her Forever oscillates between light and shadow* (*For Her Forever. Narciso Rodriguez*);

6. *Аромат цветочный. Очень ...яркие и звонкие цветы. Azora более громкая* (*Azora. Attar Collection*);

7. *В жару аромат звучит просто космически* (*Black Oud. Laurent Mazzone*);

8. *A clear and sensual heart reveals the transparent accords of Jasmine and Rose* (*J'Adore. Diore*);

9. *Ария Уда и Ладана. Плотный, густой* (*Black Oud. Laurent Mazzone*);

10. ... *I look at the notes really roping out the sharper floral edges* (*J'Adore. Diore*).

Интерпретирующая концептуализация парфюмерного аромата посредством кинетической и модификационной схем лежит в основе осмысления его динамических свойств. Так, кинетическая схема определяет концептуализацию диффузности (летучести) аромата, предполагает активизацию знания человека о двигательном опыте человека, вытекающем из наблюдений за движением окружающих природных объектов/веществ и артефактов. При этом аромат «в движении»

или составляющие его ноты «в движении» осмысляются как сущности, сохраняющие свою структурную целостность, но меняющие локацию, например:

11. В тепле **растекается** томными розами, древесно-пряными нотками (*Oud Satin Mood. Kurkdjian*);

12. Для этого уда максимальный критерий шлейфа – "**заполняет** всю комнату" – явно слабоват! Скорее уж – "**заполняет** все посещенные за сутки помещения и мысли их обитателей (навсегда),,. (*Black Oud. Laurent Mazzone*);

13. *Black Oud comes out **swinging**. It's a one-two punch of oud and sandalwood, while the incense **bobs and weaves*** (*Black Oud. Laurent Mazzone*).

В отличие от кинетической схемы модификационная схема определяет осмысление характера видоизменения обонятельных ощущений в индивидуальном восприятии человека. В данном случае основой интерпретирующей концептуализации становится знание о структурных модификациях объектов и явлений, например:

14. С **раскрытием** и затиханием аромат **становится** глубже, однороднее и плотнее, нежнее и приятнее (*J'Adore. Diore*);

15. *Slightly spicy in the beginning but **mellows down** to creamy sandalwood* (*Black Oud. Laurent Mazzone*).

Экспериментальная схема лежит в основе интерпретирующей концептуализации физических ощущений человека, возникающих при восприятии аромата. Данная схема, предполагающая интерпретацию на основе активизации знания о характере воздействия окружающей среды на человека, позволяет осмыслять физический опыт взаимодействия с парфюмерным ароматом, оценка которого варьируется от исключительно положительной до резко отрицательной, например:

16. *It **envelops you in a vaporous halo and sits like a silky, velvety veil on the skin*** (*For Her Forever. Narciso Rodriguez*);

17. *Чистый Флер Наркотик, да не такой **зубодробящий и убийственный*** (*Azora. Attar Collection*).

Таким образом, анализ концептуализации парфюмерных композиций в русскоязычном и англоязычном дискурсе позволяет сделать вывод о том, что знание, закрепленное в концептуальном основании лексической категории, выступает когнитивной базой для формирования вторичных структур знания – ментальных аналогов объектов окружающей действительности, создаваемых человеком, имеющих для него определенную прагматическую и эстетическую ценность. Вторичные структуры, являясь результатом интерпретирующей функции языкового сознания, опираются на схематизированное перцептивное, моторное и экспериментальное знание, представляют собой варианты схемы, заключающие в себе опыт рационализации и оценки человеком осмысляемых объектов.

Литература

Болдырев Н.Н. Язык и система знаний. Когнитивная теория языка. 2-е изд. М.: Издательский Дом ЯСК, 2019.

Панасенко Л.А. Интерпретирующий потенциал лексических категорий: дис. ... д-ра филол. наук. Тамбов, 2014.

Психолингвистические аспекты взаимодействия слова и текста: коллективная монография / ред. А.А. Залевская. Тверь: Изд-во Тверского гос. университета, 1998.

Fragrantica – URL: <https://www.fragrantica.com/>

Фрагрантика – URL: <https://www.fragrantica.ru/>

*L.A. Panasenko (Tambov, Russia)
Derzhavin Tambov State University*

INTERPRETIVE POTENTIAL OF LEXIS AS A COGNITIVE BASIS OF SECONDARY STRUCTURES IN DISCOURSE

The article considers the implementation of the interpretive potential of lexis as a process of activating schematized knowledge structures that determine the conceptual basis of the lexical category and provide inter-conceptual links. The cognitive mechanisms and schemas of secondary interpretation underlying the conceptualization of perfume compositions are described by examining discourse on perfume.

Key words: interpretive potential of lexis, primary interpretation, secondary interpretation, interpretation schemas, discourse.

*С.А. Песина (Магнитогорск, Россия),
Магнитогорский государственный технический
университет им. Г.И. Носова
spesina@bk.ru*

КОГНИТИВНЫЕ ФУНКЦИИ СЛЕНГА КАК МАРКЕРА ЯЗЫКОВОГО РАЗРЫВА МЕЖДУ ПОКОЛЕНИЯМИ¹

В статье представлены важнейшие черты и функции сленга, реализующие разнообразные коммуникативные интенции говорящих. Помимо стремления коммуникантов посредством сленга сохранить конфиденциальность общения, он используется как средство языковой экономии, как механизм создания новых концептов, способ эмоциональной разрядки и т.п.

Ключевые слова: сленг, функции сленгизмов, аббревиации, жаргон, молодежная субкультура.

В современном коммуникативном пространстве сленг служит универсальным кодификатором разговорной речи разных социальных групп. Выделяют коммерческий, театральный, парламентский, военный и другие виды сленга. В отечественной лингвокогнитивистике сленг ассоциируется, прежде всего, с молодежной лексикой и характеризуется неформальностью, укороченными формами, экстравагантностью, новизной, быстрой адаптацией в языке и популярностью и другими параметрами.

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-18-20022, <https://rscf.ru/project/22-18-20022/>

В наши дни можно встретить потерявшее актуальность определение сленга как особой тайной лексики, используемой ворами или нищими, как жаргон, связанный с определенной профессией или деятельностью [APCASC]. В действительности, изъяснявшиеся на сленге нищие, воры и бродячие цыгане, проживали в Англии почти пять веков назад, когда сленг был частью канта. В 1788 г. после выхода в свет словаря вулгаризмов английского языка, помета *сленг* стала официально признанной. В современных словарях наблюдается тенденция к замене пометы *сленг* на *неформальное* либо *разговорное* вследствие многозначности и размытости термина. В русский язык сленг проник в 1960–70г. вместе с распространением субкультуры хиппи. Но наибольший поток молодежного сленга хлынул в 1990е и сегодня он служит одним из маркеров «сейсмического» языкового разрыва между старшим и молодым поколением. Так, опросы, проведенные в прошлом году газетой «The Guardian», показали, что прилагательное *fleek* (хорошо выглядящий) было самым непонятным в списке предъявленных родителям-англичанам сленгизмов, т.к. 43% родителей не знали значения этого слова. Среди непонятных слов также приведена аббревиация *bae* – before anyone else (быстрее всех) (40% родителей не поняли этого сокращения) и слово *fomo* – fear of missing out (боязнь упустить что-либо).

Сленг, используемый русскоязычной молодежью, можно классифицировать на заимствованный и аутентичный. Так, существительные *читер*, *олды*, *хайп*, *токсик*, *краш*, *кринж*, *заиквар*, *пранк* и др., глаголы *войсить*, *лаунжерить*, *рофлить*, *читить*, *чекать*, *чекиниться*, *чилить* и др., прилагательное *имбовый*, междометие *ауф* (ах) и др. являются примерами заимствованного сленга. Существительные *жиза*, *ватник*, *винтилово*, *вписка*, *на морозе*, глаголы *запилить*, *замататься*, *орать* (громко смеяться), *развалить*, прилагательные *упоротый*, *подминтованный* и др. служат примерами собственного молодежного сленга.

Есть мнение о том, что сленг есть не что иное, как «отклонение от установленной нормы на уровне словарного запаса языка» [Виноградов 1951]. Однако, как бы мы не критиковали этот субъязык, считая его то мусором, то порчей языка, он продолжает выполнять ряд важнейших функций. Так, он идеально подходит как средство минимизации когнитивных усилий и языковой экономии в коммуникации. Например, сленгизм *пранкование* понимается как обман с целью слежения за реакцией адресата (телефонные розыгрыши, создание фейковых аккаунтов с целью *пранкования* молодых людей, зная кто их *краш*).

Аббревиации часто способствуют понижению лексики до статуса сленга. Например, сокращения *pic/photo*, *tele*, *mike*, *dif*, *miz*, *collab* (collaboration), *комп*, *маг*, *мак* (макинтош), *инет* и др., относящиеся сегодня к разговорному языку, в недалеком прошлом были сленгом. Высокая степень информативности и компрессии сообщения способствуют ускорению коммуникативного процесса: *HAND* (have a nice day) – хорошего дня, *LOL* (laughing out loud) – очень сильно смеюсь, *ILY* (I love you) – люблю тебя, *ZZZ* (sleeping) – сплю, *RB* (be right back) – сейчас буду, *BTW* (by the way) – кстати, *EOM* (end of message) – конец сообщения, *MK* (let me know) – дай мне знать и др. Приведем аббревиации, типичные для сети YouTube: *Mukbang* – ютьюбер ест что-то на камеру в прямом эфире, *Hype beast* – тот, кто покупает брендовую одежду, чтобы впечатлить аудиторию, *Haul* – ютьюбер показывает, что он приобрел, *Challenge* – вызов сделать нечто

необычное, Gang – банда из нескольких ютьюберов и др. Приведем сокращения, впервые возникшие в сети Instagram: Foodporn – хэштег для фото с красивой едой, WCW (woman crush Wednesday) – фото девушек, которые нравятся, MCM (man crush Monday) – день, когда нужно выставлять фото любимого мужчины, F4F (follow for follow) – подписка за подписку, OOTD (outfit of the day) – наряд дня и др. Приведем сокращения, в которых буква или цифра означает слово: 2 (to/too) – к/тоже, 4 (for) – для, B (be) – быть, C (see) – увидеть, R (are) – есть, Y (why) – почему, 2moro (tomorrow), 2nte (tonight) – сегодня вечером, F2F (face to face) – тет-а-тет, и пр.

Сленг используется теми, кто креативен, самобытен и у кого есть потребность в уникальных способах самовыражения. Люди с творческим потенциалом не боятся экспериментировать с языком, поэтому другой важнейшей функцией сленга является создание смелых языковых ассоциаций, включая неожиданные номинации с новизной эвристических открытий. Сленгизмы, наряду с терминами, служат главными источниками появления неологизмов. Использование сленга компенсирует недостаток концептов, предлагая иные способы выражения мысли при емкости языковых форм (*войсить* – записать голосовое сообщение), *орать* – громко смеяться, *рофлить* – не злобно подсмеиваться). Часто сленгизмы номинируют объекты гиперболизировано (*кринж* – неловкость ситуации и вызванный ею стыд) и остроумно (*токсик* – разрушитель веры в себя и в других). Сленг затрагивает важнейшие аспекты жизни молодежи, поэтому его функционирование оправдано. В ситуациях, требующих психическую и эмоциональную разрядку, литературный или повседневный языки часто терпят неудачу.

Сленг служит инструментом самоутверждения и повышения самооценки в кругу сверстников. Сленг помогает скрыть неуверенность индивида в обращении с языком за маской «высокорейтинговых» слов. Он – маркер личностного роста и развития индивида. Это происходит вследствие желания молодежи подхватить новое и необычное в силу открытости и пытливости молодого ума. Возникая, сленгизмы быстро воспринимаются как аутентичные. Срок их жизни обычно не долгов: как и метафоры, они со временем переходят из разряда живых в группу стертых или мертвых [Solonchak, Pesina 2015].

Сленг – это протест против существующих речевых установок и условностей, несогласие со сдерживанием ценностного плюрализма субкультур. Он – выразитель социально-политической позиции: *ватник* – гражданин, некритично воспринимающий информацию, пассивно проводящий время у телевизора. С другой стороны, сленг выступает инструментом эвфемизации, смягчая высказывания, придавая им иносказательность, не вызывая коммуникативного дискомфорта, например, быть *читером* менее обидно, чем сплетником или лгуном.

Важнейшей функцией сленга традиционно служит стремление коммуникантов сохранить конфиденциальность и таинственность общения, секретность передаваемой информации, желание быть понятыми только членами своей группы. Это трансляция сигнала «я – свой в компании», где кодирование речи происходит в рамках дихотомии «свой – чужой» [Pesina, Solonchak 2014 a, b]. Напомним, что в войнах прошлого язык был стратегическим оружием.

Среди негативных функций сленга отметим имеющее иногда место агрессивное коммуникативное воздействие, вызванное нарушением зоны психическо-

го комфорта, эмоциональной нестабильностью его пользователей, передающее весь спектр отрицательных эмоций. С другой стороны, речевой акт использования пейоративной лексики можно трактовать как своеобразную эмоционально-речевую разрядку, способствующую восстановлению психических сил и равновесия (конечно, если это не акт оскорбления).

Исследование когнитивных функций сленга приводит к мысли о том, что сленг – это не только заполнение имеющегося концептуального вакуума или потребность в семиотическом коде, в общественном протесте. Мы убеждены в том, что его носители функционируют в рамках определенной субкультуры, имеющей свои законы [Песина, Пулеха, Тандон 2019; Песина 2010]. Как отмечалось выше, именно молодое поколение обладает «языковым бесстрашием». Повышенная нейропластичность мозга в молодом возрасте приводит к быстрому образованию и закреплению новых нейронных контуров.

Зачастую сленгизмы заимствуются из английского с видоизмененным значением как ложные друзья переводчика. Например, сленгизм *ботан*, скорее всего, возник как заимствование от английского *to batten* (учиться за счет других, списывая), а не от слова *ботаник*, ассоциация с которым могла появиться позже. Отметим также зыбкую грань между сленгом и вульгаризмами. Так, английское *BS* («буллшит») в русском звучит жестче, а общеизвестный частотный аналог английского *bloody* в русском гораздо вульгарнее английского. Наблюдается тонкая грань между сленгом и профессионализмами, жаргонизмами (ср. программистский жаргон: решить багу, получить таску, участвовать в митинге/ванту-ване, выложить код-ревью (написать код) и т.п.).

В целом, сленг представляет собой постоянно дешифруемый социумом языковой код, который обладает своим неповторимым колоритом, несвойственным другим пластам языка. Это не простой вброс в язык иностранной лексики с целью кодирования коммуникации, а часто формирование новых понятий, требующих пристального внимания со стороны лингвистов-когнитологов.

Литература

Виноградов В.В. О культуре речи в неправильном словоупотреблении // Литературная газета. 1951. № 146.

Песина С.А., Пулеха И.Р., Тандон П. Функциональные особенности устойчивых словосочетаний категории неопределенности в английском языке // Гуманитарно-педагогические исследования. 2019. Т. 3. № 1. С. 76-81.

Песина С.А. Репрезентация слов в лексиконе // Когнитивные исследования языка 2010. № 6. С. 121-123.

Pesina S., Solonchak T. New Ways of Vocabulary Enlargement // International Science Conference. Vol: 8, No:6, Part XI, Venice, Italy, 2014a. P. 1000-1007.

Pesina S., Solonchak T. The Sign in the Communication Process // International Science Conference. Vol: 8, No:6, Part XI, Venice, Italy, 2014b. p. 1021-1029.

Solonchak T., Pesina S. Language Ability and Word Functioning // Procedi -Social and Behavioral Sciences, Vol. 192, 24, 2015, p. 447-452.

[АРСАС] – Англо-русский словарь американского сленга / Под ред. Е.И. Тузовского. М.: Изд-во Книжный сад, 1993.

*S.A. Pesina (Magnitogorsk, Russia)
Nosov Magnitogorsk State Technical University*

COGNITIVE FUNCTIONS OF SLANG AS A MARKER OF THE GENERATIONAL LANGUAGE GAP

The article presents numerous functions and special features of slang, which is able to represent a variety of communicative intentions of speakers. In addition to the desire of communicants to maintain the confidentiality of communication through slang, slang is used as a means of language economy, as a mechanism for creating new concepts, as a way of emotional release, etc.

Key words: slang, slang functions, abbreviations, jargon, youth subculture.

*Т.Ю. Передриенко (Челябинск, Россия)
Южно-Уральский государственный университет (НИУ)
peredrienkoti@susu.ru*

ФИГУРА НАБЛЮДАТЕЛЯ: ЛИНГВОКОГНИТИВНЫЙ АСПЕКТ

В статье исследуется фигура наблюдателя в русской лингвокультуре. Анализ материала позволяет охарактеризовать наблюдателя не только как субъекта зрительного восприятия, но и субъекта нескольких модусов восприятия, который осуществляет когнитивную деятельность, а также выполняет социальные функции в качестве общественной фигуры.

Ключевые слова: наблюдатель, субъект восприятия, перцептивная лексика, лингвокогнитивный анализ, Национальный корпус русского языка.

Восприятие и познание мира с помощью органов чувств непосредственно связано с фигурой наблюдателя. Согласно словарным дефинициям, вербализующим обыденное сознание, *наблюдатель* представляется субъектом зрительного восприятия, то есть тем, «кто наблюдает, следит глазами за кем-либо, чем-либо» [Кузнецов 2008]. В лингвистике принято более широкое понимание *наблюдателя* как «субъекта восприятия и общей когнитивной деятельности». Он не только видит, но и слышит, ощущает запахи, оценивает, интерпретирует, то есть выходит за рамки ситуации, воспринимаемой зрением. [Падучева 2006, Верхотурова 2006 и др.]. В философских науках *наблюдатель* также не ограничен зрительным модусом восприятия. Он представляется «исследователем, ведущим наблюдение за изучаемым объектом ... с помощью органов чувств – зрения, слуха, тактильного (осязательного) восприятия» [Овчинников 2000 – 2001].

Т.Л. Верхотурова отмечает, что *наблюдатель* часто замещает термин *субъект восприятия*, который употребляется преимущественно в научном дискурсе, так как «наблюдатель принадлежит как научной, так и наивной картине мира» [Верхотурова 2006]. По мнению Г. И. Кустовой, предпочтение в использовании термина *наблюдатель*, вероятно вызвано языковой экономией [Кустова 2004].

Широкая и нечеткая трактовка термина *наблюдатель* приводит к трудности его точного и общепринятого определения. Это может быть вызвано различиями в понимании восприятия, а также сложностью разграничения восприятия с когни-

тивными процессами. Целью статьи является изучение действий и признаков *наблюдателя*, вербализованных в языке, для уточнения определения и установления роли *наблюдателя* в русской лингвокультуре. Материалом для исследования послужили данные из Национального корпуса русского языка (<https://ruscorpora.ru/>).

Лексическая единица *наблюдатель* образовалась от славянского глагола *bljusti*, имеющего значение «пристально смотреть». Слово стало широко употребляться в русском языке с XVI века и первоначально обозначало непосредственно зрительную перцепцию [Семёнов 2003].

Анализ данных, полученных из Национального корпуса русского языка, позволяет сделать вывод о том, что в современном русском языке «потенциал» *наблюдателя* значительно расширился. Теперь это не только субъект зрительного восприятия, но и субъект нескольких модусов восприятия, процесс перцепции у которого может сопровождаться когнитивными действиями. *Наблюдатель* также может выступать в качестве общественной фигуры, решающей социальные задачи. Изучение сочетаемости лексической единицы *наблюдатель* позволяет дифференцировать его признаки и функции.

В качестве субъекта зрительного восприятия лексическая единица *наблюдатель* сочетается с глаголами зрительной перцепции (*смотреть, видеть, разглядывать, рассматривать* и др.), с фразеологическими единицами, обозначающими зрительный процесс (*окинуть глазом*), с лексикой, называющей органы зрения (*глаза*) и лексикой, номинирующей пространство, которое можно охватить глазами (*поле зрения, линия горизонта на уровне глаз*).

(1) *Тонкий наблюдатель мог бы рассмотреть в этих уставших глазах некоторую вдумчивость и проблески.*

(2) *Окинув глазом нашу стоянку, невнимательный наблюдатель мог бы увидеть, что мы просто компания горожан.*

(3) *Все растение – листья в воздухе и корни в воде – развивалось на глазах у наблюдателя.*

(4) *События становятся реальными только тогда, когда оказываются в поле зрения наблюдателя.*

Вербализация *наблюдателя* в качестве субъекта нескольких модусов восприятия выражается в языке эксплицитно при сочетании изучаемой лексической единицы с несколькими перцептивными глаголами (*поглядеть и послушать, смотреть и трогать, всматриваться и принохиваться* и др.).

(5) *Теперь я погляжу и послушаю в качестве простого наблюдателя.*

Имплицитное выражение данной характеристики актуализируется в ситуациях, предусматривающих использование других модусов восприятия помимо зрительного. В примере (6) словосочетание *поймал в голосе* указывает на целенаправленное слуховое восприятие информации наблюдателем. В примере (7) словосочетание *звучали для наблюдателя* вербализует этот же модус перцепции, показывая, что *наблюдатель* становится объектом для слухового восприятия «слов и фраз», которые произносятся для него.

(6) – *Дамы в договоре не было, – сказал маг, и только очень внимательный наблюдатель поймал признаки нервозности в его голосе.*

(7) *Слова и фразы, которые произносил король, для земного наблюдателя звучали очень непривычно, потому что произносились, наоборот.*

Примеры показывают, что *наблюдатель* может быть активным участником процесса, а может занимать пассивную позицию и даже оставаться в стороне. Он воспринимает объекты, их признаки и их действия, поскольку они находятся в его перцептивном пространстве. Пространство бывает ограниченным перцептивными способностями *наблюдателя* или характеристиками места его нахождения. Ограниченность в способности к восприятию выражается в языке отрицательной формой перцептивных глаголов. Характеристиками места нахождения *наблюдателя*, которые ограничивают восприятие являются размеры, например маленькие помещения или условия в них, например темнота.

(8) *Самый внимательный наблюдатель не увидит, как поднимается в росте трава.*

(9) *В такой темноте обычному глазу (т.е. наблюдателю) здесь ничего не представилось.*

Перцепция является сложным процессом, поэтому нередко трудно разграничить получение информации об окружающем мире с помощью органов чувств и дальнейшие когнитивные процессы. Изучение сочетаемости лексической единицы *наблюдатель* с глаголами выявляет какие ментальные действия, совершаемые им, находят вербализацию в языке. С помощью органов чувств *наблюдатель* воспринимает, а затем *анализирует, оценивает, интерпретирует, предсказывает, устанавливает, полагает, познает* и т.д. Пример (10) показывает, что *наблюдатель* не просто видит *разочарование* в глазах, а проводит мыслительный анализ и *устанавливает* его *нарастание*. В примере (11) указывается на способность *наблюдателя* изучать цены, сравнивать их уровень и прогнозировать изменения.

(10) *Внимательный наблюдатель смог установить нарастание полного разочарования в его глазах.*

(11) *Многие наблюдатели полагали, что цены вышли на новый уровень и останутся надолго.*

Роль *наблюдателя* как субъекта когнитивной деятельности актуализируется в языке также вводными фразами *по мнению, с точки зрения*, которые акцентируют внимание на взгляде действующего лица на проблему.

(12) *По мнению многих наблюдателей, эта практика в том или ином виде и объеме продолжается.*

(13) *С точки зрения внешнего наблюдателя описание и оценка рассматриваются как унижение людей.*

Способность *наблюдателя* к мыслительным процессам вербализуется также при помощи прилагательных *вдумчивый, внимательный, профессиональный, искусный*. Эти прилагательные указывают на способность вдумчиво изучать, внимательно анализировать и профессионально, то есть используя прошлый опыт, интерпретировать что-либо. Однако необходимо отметить, что несмотря на широкие способности *наблюдателя*, они не безграничны, и познать все невозможно.

(14) *Почему так сложилось – вопрос, занимавший многих вдумчивых наблюдателей.*

(15) *Обычному глазу здесь ничего не представилось бы, но внимательный наблюдатель рассудил бы иначе.*

(16) *В природе каждого человека есть глубины, которые самый искусный наблюдатель не может познать.*

Будучи субъектом восприятия, наблюдатель способен выполнять социальные функции и решать общественные задачи. Он может получать статус в различных организациях и осуществлять наблюдение и контроль за проведением каких-либо мероприятий, то есть наблюдение становится профессиональной задачей. Сочетаемость изучаемой лексической единицы с прилагательными *Международный, Европейский, западный, внешний, местный* определяет принадлежность наблюдателя как общественной фигуры.

(17) *В этом контексте главы государств одобрили положение о статусе наблюдателя при Организации.*

(18) *Европейские наблюдатели отмечают, что новый план – это лучше, чем сохранение статус-кво.*

Подводя итог, можно сделать вывод, что фигура наблюдателя в русской лингвокультуре неоднозначна и включает несколько ролей. Наблюдатель – это субъект, взаимодействующий с окружающим миром посредством всех органов чувств, осуществляющий когнитивную деятельность и выполняющий социальные функции в качестве общественной фигуры.

Литература

Верхотурова Т.Л. Наблюдатель как методологическая категория лингвистического и общенаучного дискурса // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2006. Т. 4. № 2. С. 155-162.

Кузнецов С.А. Большой толковый словарь русского языка. М.: Норинт, 2008.

Кустова Г.И. Вид, видимость, сущность (о семантическом потенциале слов со значением зрительного восприятия) // Сокровенные смыслы: Слово. Текст. Культура: сб. статей. М., 2004. С. 155-175.

Овчинников Н.Ф. Наблюдатель // Новая философская энциклопедия. Электронная библиотека РАН, 2000–2001. <https://iphlib.ru/library/>

Падучева Е.В. Наблюдатель: типология и возможные трактовки // Материалы международной конференции «Диалог». М., 2006. С. 403-413.

Семёнов А.В. Этимологический словарь русского языка. М.: «ЮНБЕС», 2003.

T. Yu. Peredrienko (Chelyabinsk, Russia)

South Ural State University (national research university)

THE FIGURE OF AN OBSERVER: LINGUO-COGNITIVE ASPECT

The article examines the figure of an observer in Russian language world view. The author characterizes an observer both as a subject of visual perception and a subject of several modes of perception. The latter performs cognitive activities and fulfills social functions as a public figure.

Key words: observer, subject of perception, perceptual vocabulary, lingvo-cognitive analysis, Russian National Corpus.

М.С. Петросян (Краснодар, Россия)
Кубанский государственный университет
marina.sarkisyan84@mail.ru

АНГЛОЯЗЫЧНЫЕ НЕОЛОГИЗМЫ, ОБОЗНАЧАЮЩИЕ ФОБИИ, В МЕДИЦИНСКОМ ДИСКУРСЕ: КОГНИТИВНО-ПРАГМАТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Данная статья посвящена изучению когнитивно-прагматического аспекта неологизмов, характеризующих фобии, в англоязычном дискурсе. Группа неологизмов подразделяется на подгруппы, в зависимости от факторов, вызвавших появление того или иного страха. В статье отмечается, что неологизмы англоязычного дискурса отражают реалии современного общества, становятся индикатором радикального изменения картины мира.

Ключевые слова: дискурс, фобия, неологизм, языковая картина мира, семантика.

Как считают ученые, «возникновение нового является сущностным свойством каждой системы, следствием ее развития, движения вперед, неотъемлемым признаком и свидетельством ее жизнеспособности. Появление новых слов в системе языка любого народа является ярким примером данной тенденции и подтверждением двух главных принципов языковой системы – ее динамизма и открытости. Данный процесс обусловлен деятельностью человека, в результате которой появляются новые реалии, требующие наименования; его межкультурной коммуникации» [Катермина, Липириди 2019: 33].

Данная статья посвящена изучению когнитивно-прагматического аспекта неологизмов, характеризующих фобии, в англоязычном дискурсе.

Тревожно-фобические расстройства – группа невротических расстройств, ключевым проявлением которых является аффект страха, либо в виде немотивированной «свободно плавающей» тревоги, либо в виде более сфокусированных, подвергшихся когнитивной переработке, но иррациональных фобий [Шток, Левин 2006: 235].

Материалом исследования послужили неологизмы, взятые из современных лексикографических источников: Cambridge Dictionaries Online и Urban Dictionary.

Проведенный анализ позволил выделить следующие группы неологизмов.

Неологизмы, характеризующие страх потери здоровья и внешней привлекательности: *youth transplant* – a way of making people age more slowly by injecting them with chemicals that are the same as those found in the bodies of young people; *holistorexia* – a mental illness where someone has an extreme obsession with their health and wellness; *obesophobia* – fear of gaining weight.

Анализ неологизмов позволил выделить группу доминирующих лексем: *youth, young, age, chemicals, mental illness, obsession, health, wellness, fear*, которая была разделена на две подгруппы. Первая подгруппа: *youth, young, health, wellness*. Вторая подгруппа: *age, chemicals, mental illness, obsession, fear*. Анализ неологизмов данной группы позволяет нам обнаружить страх перед самым естественным процессом – старением, а также страх утраты красоты. Страхи эти не

новы, так как способы борьбы с ними подсказывали нам даже в сказках: эликсир молодости, молодильные яблоки, купание в молоке и кипятке. Но можно предположить, что сегодня они ощущаются острее, так как в определенных сферах деятельности часто понятия «молодость» и «красота» являются эквивалентом успешности.

Еще одна группа включает неологизмы, характеризующие страхи, связанные с нехваткой чего-либо.

Страх нехватки: времени: *hurry sickness* – a way of behaving in which someone does everything in a rush because they always feel stressed and anxious about not having enough time to get everything done; продовольствия: *FORO* – abbreviation for “*fear of running out*”: a worried feeling that you may run out of a product or a supply of something; комфорта собственного дома: *home separation anxiety* – a feeling of worry and fear about being away from home, especially as a reaction to having spent so much time at home during lockdown; вакцин: *vaccine envy* – resentment felt by someone waiting to receive the Covid-19 vaccination towards people who have already been vaccinated; безопасного пространства для комфортной и спокойной жизни: *mean world syndrome* – a belief that the world is a more dangerous place than it actually is. Ключевыми лексемами в данной группе выступают *fear, anxiety, dangerous, stress, worry*.

Страх – это эмоциональное состояние, отражающее защитную биологическую реакцию человека или животного при переживании ими реальной или мнимой опасности для их здоровья и благополучия [Дорофеева 2002: 178]. Следовательно, чувство страха может принести пользу. Но в данном контексте это разрушительное чувство (*fear, anxiety, dangerous, stress, worry*), не позволяющее жить, наслаждаться и радоваться.

Неологизмы, характеризующие навязчивые состояния: *treat brain* – a state of mind where someone constantly wants to buy things because doing so makes them feel good; *stresslaxation* – a feeling of stress that you experience when you try to relax; *panpanic* – a strong feeling of fear experienced by many people during the covid-19 pandemic, leading to a lack of reasonable thought and action.

В данной группе следует выделить следующие лексемы-интенсификаторы: *constantly* – all the time or often, *extreme* – very large in amount or degree, *strong* – having or using great force or control. Интенсификаторы выполняют прагматическую аффективную функцию позволяют говорящему адекватно выразить, с одной стороны, мысль о своем эмоциональном состоянии, а с другой – продемонстрировать эмоциональное отношение к сообщению [Берестнев, Васильева 2016: 23]. В данном случае интенсификаторы демонстрируют степень страха и отчаянное желание побороть ее.

Наблюдаемый сейчас прирост неолексик обусловлен частично появлением коронеологизмов. Создается вполне материальный образ «существа» COVID-19, который вмешивается во все сферы деятельности человека и влияет на них: вносит изменения, разрушает, приводит к катастрофе [Катермина, Яченко 2020: 55]. Проанализированный материал позволил выделить следующие единицы: *FONO* – abbreviation for “*fear of normal*”: a worried feeling about going back to your normal life and activities after the restrictions of the Covid-19 pandemic; *social hang-over* – a feeling of tiredness and slight illness after meeting and spending time with

friends and family, especially after lockdown; *re-entry anxiety* – a feeling of stress or worry about returning to normal life after the restrictions caused by COVID-19.

Ключевые лексемы данной группы схожи с ключевыми лексемами групп, описанных выше: *fear, illness, anxiety, worry, dangerous*. А интенсификация семантики (*very, more*) характеризует эмоциональный спектр говорящего, связанный с вирусом. Лексема *normal (fear of normal, normal life)* – ordinary or usual; the same as would be expected (обычный; такой же, как и следовало ожидать), который встречается не единожды доказательство того, что пандемия коронавируса – эпохальное событие, изменившее привычную нам жизнь.

Неологизмы, описывающие страхи, связанные с различными техническими устройствами, предназначенными для облегчения жизни. Высокие технологии принесли в нашу жизнь не только комфорт и удобство, но и страх, и тревогу: *technophobia* – the fear of technology, is the intense fear or dislike of advanced technology or complex devices, especially computers; *cyberphobia* is an extreme fear of computers; *nomophobia* – fear of being without your mobile phone.

Ключевая лексема данной статьи *fear* в данной группе встречается в каждом примере. Интенсификаторы *intense, extreme* значительно усиливают экспрессию.

Пересечение разных видов дискурсов отражает влияние фобий на самые разные сферы жизни и попытки нивелирования их посредством разнообразных инструментов: *anxiety economy* – the wealth created through the production and sale of products designed to ease anxiety; *bibliotherapist* – a therapist who uses books to facilitate better mental health; *ecotherapy* – a method of improving someone's well-being by engaging them in outdoor activities such as gardening and conservation work.

Имеют место экологический, медицинский, экономический дискурсы.

Таким образом, изучение когнитивно-прагматического аспекта неологизмов, характеризующих фобии, позволяет составить представление о менталитете современного человека, о специфике коллективной психологии, выраженной в лексемах, передающих непосредственное восприятие того или иного явления участниками дискурса.

Анализ групп неологизмов, представленных в данной статье, позволяет констатировать, что современный человек живет в страхе перед агрессивным миром, старением, высокими технологиями, вирусами, неконтролируемым потоком информации и др.

Можно предположить, что принятие свой природы и восприятие себя как часть природы, уход от потребительской практики, единение с природой станет решением для душевных мук человека.

Также мы видим, что появление новых реалий (COVID-19), развитие науки и техники создает уникальную языковую ситуацию, открывающую широкие возможности для лингвосоциального и лингвопсихологического анализов.

Литература

Берестнев Г.И., Васильева И.Б. Эмотивные интенсификаторы английского и русского языков: от типологии номинаций к когнитивным установкам // Вестник Челябинского государственного университета. 2016. №1. Филологические науки. Вып. 99. С. 21-32.

Дорофеева Г.А. Страхи: определение, виды, причины // Известия Южного федерального университета. Технические науки. 2002. № 5. С. 177-184.

Катермина В.В., Липуриди С.Х. Лингвокультурологические аспекты изучения новой лексики в условиях глобализации // Известия Южного федерального университета. Филологические науки. 2019. № 4. С.31-39.

Катермина В.В., Яценко Е.А. COVID-19 как лингвистическое явление (на материале текстов англоязычных СМИ) // Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И.Я. Яковлева. 2020. № 3 (108). С. 51-58.

Шток В.Н., Левин О.С. Справочник по формулированию клинического диагноза болезней нервной системы. М.: Медицинское информационное агентство, 2006.

Cambridge Dictionaries Online. URL: [http:// dictionaryblog.cambridge.org/tag/ neologisms](http://dictionaryblog.cambridge.org/tag/neologisms) (дата обращения: 20.02.2023)

Urban Dictionary. URL: <http://www.urbandictionary.com/> (дата обращения: 20.02.2023).

M.S. Petrosyan (Krasnodar, Russia)
Kuban State University

THE COGNITIVE-PRAGMATIC ASPECT OF ENGLISH NEOLOGISMS DENOTING PHOBIAS IN MEDICAL DISCOURSE

This article presents a study of the cognitive-pragmatic aspect of neologisms characterizing phobias in English discourse. The group of neologisms is divided into subgroups based on the source of the phobia. The article notes that neologisms of English discourse reflect the realities of modern society and become an indicator of a radical change in the linguistic worldview.

Key words: discourse, phobia, neologism, linguistic worldview, semantics.

Л.Н. Пивоварова, А.Н. Попова (Самара, Россия)
Самарский государственный медицинский университет
mila6474@mail.ru

АНАЛИЗ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ЛИТЕРАТУРНЫХ АЛЛЮЗИЙ В НАЗВАНИЯХ НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫХ ГАЗЕТ И ЖУРНАЛОВ

В своей статье авторы обращаются к изучению роли аллюзий в организации публицистического текста газетного дискурса с точки зрения сопоставительного анализа. В процессе исследования определены значения аллюзий, а также проанализирован смысл от созданного ими эффекта путем расшифровки заложенного в названиях анализируемых газет и журналов смысла.

Ключевые слова: аллюзивные репрезентанты, текстовая реминисценция, интертекстуальные явления, семиотика культуры, семантика текста.

1. Введение. Выдающийся французский философ и литературовед Ролан Барт неоднократно подчеркивал, что текст в составе культуры не является отдельной обособленной структурой. Он пронизан другими текстами, перекликается, связан с ними многими «нитьями» [Барт 1994: 616]. Подобное явление в семиотике культуры носит название «интертекстуальность». Литературная аллю-

зия также является средством создания межтекстовых связей. Именно с помощью аллюзий авторы произведений постоянно отсылают читателей к другим текстам. Аллюзивные конструкции представляют собой внедрения в текст т.е., другими словами, нити иных тканей, которые вплетены в эту ткань (известно, что само слово *textus* с латинского языка означает «ткань, плетение» и «связное изложение, текст»).

Понятие аллюзии является ярким примером текстовой реминисценции в психологическом или сравнительно-историческом контексте, что становится понятно уже по происхождению слова (франц. *allusion* «намеки»). [Энциклопедия эпистемологии, 2009]. Такого рода реминисценция обозначает бессознательное подражание, отсылающее к ранее увиденному или услышанному читателем. Прием аллюзии заключается в том, что предмет общения соотносится с событием или ситуацией, описанной в некотором тексте, без именованности и без репродуцирования большого фрагмента, т.е. эта связь носит не формальный, а содержательный характер [Слышкин, 2000: 139].

Аллюзия приобретает метатекстовый характер (она строится как текст о тексте), если в ней в одно и то же время используются фрагменты из произведений ряда авторов. Конструкция такого типа формирует в новом тексте семантическую осложненность – и не только вследствие того, что маркеры аллюзии создают связь текста с прецедентными текстами, но и вследствие того, что в семантическом пространстве нового текста внешний текст (референт аллюзии) сам преобразуется, видоизменяя всю семиотическую картину внутри того текстового мира, в который его включают.

Таким образом, актуальность данного исследования обусловлена необходимостью более глубокого и тщательного анализа определенных аллюзивных конструкций, используемых в заголовках некоторых научно-популярных газет и журналов для привлечения внимания читателя.

Научная новизна исследования состоит в анализе определенного типа аллюзий, употребляемых в газетных заголовках путем их влияния на создание общего впечатления от содержания самих статей.

В связи с этим, основная значимость проведенного исследования заключается в стремлении к символичности и к использованию средств художественной выразительности, что является одним из древнейших приемов составления текста.

2. Методы и принципы научного исследования. Объектом исследования послужили названия газет и журналов научно-публицистического жанра в авторитетных американских печатных и интернет-изданиях. Предметом исследования является литературная аллюзия и ее роль в создании названий американских журналов и газет научно-публицистического жанра.

Целью данной работы является анализ лингвокультурных кодов аллюзий и их метатекстовый характер в структуре англоязычного текстового пространства (на примере названий научно-популярных газет и журналов). Исходя из целей исследования были сформулированы следующие задачи: 1) найти принципиальное отличие аллюзии от цитаты; 2) расшифровать смысл аллюзии; 3) обратить внимание на исследования имеющихся в сфере изучения фразеологизмов, изречений, афоризмов с использованием литературных аллюзий; 4) проанализировать ряд американских газет и журналов с целью выявления аллюзий.

В работе используется метод лингвостилистического анализа, описательный метод, а также метод сплошной выборки. Основными принципами научного исследования послужили принцип целенаправленности, принцип объективности и принцип прикладной направленности. Выбор теоретических методов исследования связан с постановкой проблематики исследования.

3. Результаты исследования и их обсуждение. Следует обратить внимание на то, что принципиальное отличие аллюзии от цитаты состоит в том, что аллюзия представляет собой заимствование некоторой части текста, которую автор подает весьма завуалированно, в то время, как цитата предполагает точное воспроизведение текста в своем аутентичном виде. При этом фрагменты прецедентного текста, к которым отсылает аллюзия, структурированы таким способом, что они представляют собой организующие вехи строения того текста, который содержит маркеры аллюзии.

Следует отметить, что при декодировании или расшифровки аллюзий, как и любых других интертекстуальных явлений, читатель должен обладать рядом определенных специфических знаний. Аллюзии отсылают к литературным, мифологическим, библейским текстам, а также к историческим событиям, обычаям, традициям и т.п. Они могут заключаться во фразеологизмах, изречениях и афоризмах, известных и понятных как широкой аудитории читателей, так и узкому числу любителей литературы. При этом прецедентная ситуация путем проведения аналогии моделирует ситуацию, описываемую в тексте [Перевод терминологической лексики 2020: 153-155].

Авторами было проанализировано свыше 30 статей в американских журналах и газетах научно-публицистического жанра с целью выявить аллюзии в их заголовках. Приведем наиболее интересные из них.

1) «Everyone in China has **the American Dream**’ – and a popular path to it may disappear» [Tracy Yan 2017].

По названию заголовка статьи можно с уверенностью предположить, что речь пойдет о некоем стремлении к лучшему, о желании жителей Китая переехать в Америку и воплотить в жизнь незыблемую «Американскую мечту» - идеал свободы, возможностей и успеха. Данное словосочетание было впервые упомянуто в знаменательной работе Джеймса Адамса «Эпос Америки» (англ. *The Epic of America*, 1931) [Library of Congress 1931: 214], которая была написана во время Великой Депрессии. Впоследствии такое понятие стало крылатым выражением, символизирующим богатство, красивую жизнь, утопию.

2) Now the GOP can repent for the **Trump-era** by denying him the nomination. [The Washington Post 11 2022].

Еще один заголовок, в котором содержится отсылка и к нашумевшему фильму, и к военной операции, тем самым как бы «высмеивая» известного актера, выглядит следующим образом:

3) «Is Russell Crowe losing a **gladiatorial battle with the bulge?**» [Telegraph 26 2008].

Рассел Кроу сыграл роль гладиатора в одноименном голливудском фильме. Автор статьи намекает на то, что после съемок фильма актер располнел, т.е., так сказать, проиграл гладиаторский бой в борьбе за стройность. Но отсылка к фильму – не единственная аллюзия в данном газетном материале. Автор

намекает также на Battle of the Bulge (букв. «битва за выступ») – Арденнскую операцию 1945 г., в ходе которой фашисты контратаковали союзные войска, но потерпели поражение. В наше время оборот используется иронически, обозначая тщетные попытки похудеть (так сказать, уничтожить «выступ» на животе).

4. Заключение. Анализируя приведенные примеры, мы видим, что аллюзия предполагает присутствие в тексте некоторых отрывков, функция которых заключается в отсылке к другим текстам или к тем или иным культурным, политическим и биографическим фактам. Подобные признаки межтекстовой связи именуются маркерами или репрезентантами аллюзии, а те тексты и реальные жизненные явления, к которым отсылает аллюзия, называются денотатами аллюзии. Аллюзивными маркерами (кодowymi ключами к скрытому смыслу) выступают названия событий, прецедентные имена, даты, упоминание мест и т.п. Всё это составляет код аллюзий в англоязычном текстовом пространстве.

Таким образом, аллюзии как наиболее емкий вид текстовой реминисценции вплетаются в основной текст, с семиотической точки зрения являясь в его составе чужеродными элементами, но такими, которые совместимы с другими кодами, образующими текст.

Литература

- Барт Р.* Избранные труды. Семиотика. Поэтика. М.: Прогресс, 1994. 616 с.
- Слышкин Г.Г.* Лингвокультурные концепты прецедентных текстов. М.: Academia, 2000. 139 с.
- Перевод терминологической лексики в процессе научно-технического перевода/ Наука и культура России, 2020.Т.1. С. 153-155.
- Энциклопедия эпистемологии и философии науки / Рос. акад. наук, Ин-т философии РАН; редкол.: И.Т. Касавин (гл. ред. и сост.) и др. М.: Канон+, 2009. 1247 с.
- Library of Congress. American Memory. «What is the American Dream?», lesson plan, 1931. p. 214.
- The slogan of the Washington post newspaper. Democracy dies in darkness // The Washington Post, 11, 2022.
- Stephen Adams. Is Russell Crowe losing a gladiatorial battle with the bulge? // Telegraph, 26, 2008.
- Tracy Jan. Everyone in China has the American Dream’– and a popular path to it may disappear // The Washington Post 07 2017.

*L.N. Pivovarova, A.N. Popova (Samara, Russia)
Samara State Medical University*

ANALYSIS OF THE USE OF LITERARY ALLUSIONS IN THE NAMES OF POPULAR SCIENTIFIC NEWSPAPERS AND MAGAZINES

The article offers a comparative analysis of the role of allusions in the organization of journalistic text in newspaper discourse. The meanings of the allusions and of the effect created by them was analyzed by deciphering the meaning inherent in the names of the analyzed newspapers and magazines.

Key words: allusive representatives, textual reminiscence, intertextual phenomena, cultural semiotics, text semantics.

Н.С. Попова (Воронеж, Россия)
Воронежский государственный лесотехнический
университет имени Г.Ф. Морозова
popovans08@mail.ru

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ИТЕРПРЕТАЦИЯ ВРЕМЕНИ КАК ВЕРБАЛЬНЫЙ СПОСОБ ПОЗНАНИЯ МИРА

В статье обсуждается проблема художественной интерпретации ВРЕМЕНИ на примере русских поэтических текстов XIX–XX веков как процесс субъективной метафорической репрезентации, а также как способ познания мира с помощью языка.

Ключевые слова: ВРЕМЯ, интерпретация, поэтический текст, субъективная метафорическая репрезентация, вербальный способ познания мира.

«Интерпретация представляет собой процесс и результат субъективного понимания человеком мира и себя в этом мире, процесс и результат субъективной репрезентации мира, основанной, с одной стороны, на существующих общечеловеческих представлениях о мире и, с другой стороны, на его личном опыте взаимодействия с ним. Это – проекция мира, или знания о мире, «погружённые» в индивидуальное сознание человека» [Болдырев 2014: 43-44]. На этом основан и преимущественно обусловлен принцип антропоцентричности языка и человеческого сознания. Антропоцентричность языка проявляется в его интерпретирующей функции [Болдырев, Дубровская 2015: 30-38].

Когнитивный аспект исследования художественного мира подразумевает объективно существующее интерпретативное поле художественного текста, представляющего собой модель человеческого осмысления, познания того или иного фрагмента действительности, репрезентирующего ментальные миры и изображающего действительность в образах. Антропоцентром любого текста (в нашем случае *поэтического* текста) является художественный образ – сложный феномен, который как динамический процесс взаимодействия с действительностью является одновременно и способом, и результатом познания [Томберг 2015: 627-628].

Поскольку основным принципом когнитивного описания языкового материала стал принцип антропоцентризма, то и «значение в естественном языке заключено в интерпретации мира человеком. Оно *субъективно*, оно *антропоцентрично*, оно отражает преобладающие культурные ценности и специфические для данной культуры способы социального взаимодействия. По Лакоффу [Lakoff, 1987], главная часть наших концептуальных систем непосредственно основана на восприятии, а мысль образна: концепты, не прямо основанные на опыте, используют *метафору*, метонимию и «*ментальную образность*», что выходит далеко за рамки зеркального отражения, или репрезентирования, внешней реальности. Репрезентация окружающего мира в сознании человека и в языке во многом *метафорична*. Таким образом, метафоризация рассматривается как моделируемый национальным языковым сознанием когнитивный процесс освоения действительности, структурированный в виде *моделей метафоризации*, где соз-

вание как продукт идеального отражения действительности представляет собой совокупность образов окружающего мира.

Одной из форм овнешнения образов языкового сознания является *поэтический* текст. Ведь именно поэзии свойственны свои особенности овнешнения языкового сознания, которые состоят, на наш взгляд, в том, что наряду с традиционным, общенациональным восприятием действительности поэты всегда привносят и что-то индивидуально-авторское.

Предметом нашего рассмотрения являются образы *ВРЕМЕНИ* как явления реальной действительности, существующего вне человека и независимо от него. «Что же такое время? Пока меня не спрашивают, я знаю; но как только я должен объяснить спрашивающему – я не знаю», – признавался Августин Блаженный в своей автобиографической «Исповеди». Хайдеггер замечает: «Времени нет без человека» [Хайдеггер 1993: 401].

Так какими же художественными образами представлено *ВРЕМЯ* в поэтических текстах XIX–XX веков? Наиболее часто употребляемым образом является *человекоподобное* существо, зафиксированное русскими поэтами в основном *мужскими* образами, то есть *антропоморфной метафорой* как базовой и наиболее продуктивной в концептосфере *ВРЕМЯ*. «Значительная продуктивность этого типа метафоры связана с антропоморфным характером познания человеком мира», – замечает Н.А. Красавский, ссылаясь при этом на точку зрения немецкого культуролога К. Байера, который утверждает, что всякое человеческое познание антропоморфно [Красавский 2004: 171].

Итак, в нашем материале *ВРЕМЯ* представлено следующими образами:

– *ЧЕЛОВЕК*

Ямщик лихой, седое время, Везёт, не слезет с облучка... И дремля, едем до ночлега – А время гонит лошадей... (А.С. Пушкин. Телега жизни);

Пока бежит за нами Бог времени седой, И губит луг с цветами Безжалостной косой, Мой друг! Скорей за счастьем В путь жизни полетим... (К.Н. Батюшков. Мои пенаты. Послание к Жуковскому и Вяземскому);

А Время, Старик косматый, Над нами плачет... (А. Белый. Время. 4);

– *ТЕКУЩАЯ ВОДА*

... и по течению вращающихся времён, Как капля в океан, он [1815 год – Н.П.] в вечность погрузился! (Ф. Тютчев. На Новый 1816 год);

Друг мой! река – это время... (А.Н. Майков. «Вдоль над рекой быстроводной...»);

По слову Извечно-Сущего Бесменен поток времён... (З.Н. Гиппиус. Непредвиденное);

Затопили нас волны времён, И была наша участь мгновенна... (А. Блок. Петр);

Я хочу, чтоб, времени фарватер, Не оставив где-то в стороне, Жизнь промчалась, как торпедный катер, Мчит навстречу взмыленной волне! (Н. Рубцов. Желание);

– *ДОРОГА*

Ты ль на распутии времён Стоишь в позорище племён, Как пышный саркофаг погибших поколений? (Е.А. Баратынский. Рим);

– *ПРОСТРАНСТВО*

Тебе молился Поликет. Твои законы изданы. Твои законы **в** *далях лет*... (Б. Пастернак. «Красавица моя, вся статья...»);

– ПТИЦА

Шаг задержи и прислушайся! Ты не один... Точно крылья Птицы, намокишие тяжко, плывут среди тумана. Слушай... это летит хищная, властная птица, Время ту птицу зовут, и на крыльях у ней твоя сила, Радости сон мимолётный, надежд золотые лохмотья... (И, Анненский. Nocturno. (Ночное (ит.)).

– ВЕТЕР

И всё, что нас гнетёт, снесёт и свет время, Все чувства давние, всю власть заветных слов... (В. Брюсов. Замкнутые. V. 1900–1901);

– ДЫМ (поднимающиеся вверх тёмные клубы – летучие продукты горения с мелкими частицами угля).

Земное бремя, – пространство, время – Мгновенный дым. Земное, злое расторгнем бремя И победим! (Ф. Сологуб. «Елисавета, Елисавета...». 1902);

– СОЛНЦЕ (небесное светило):

Тихонько ей шепчет: «Моя дорогая, усни ...Закатится время. Промчатся, как лист золотистый, последние в мире, безвременьем смытые дни». (А. Белый. Последнее свидание. 1903);

– ЗЕМЛЯ, вспаханная плугом:

*Словно тёмную воду, я пью помутившийся воздух, **Время** вспахано плугом, и роза землёю была...* (О. Мандельштам. «Сёстры тяжесть и нежность, одинаковы ваши приметы...». 1920);

– ВРЕМЯ – ТКАНЬ, МИНУТЫ – КРУЖЕВО:

*По ночам, когда в тумане Звёзды в небе **время** ткнут, Я ловлю **разрывы ткани** В вечном **кружеве минут**.* (М.А. Волошин. Валерию Брюсову. «По ночам, когда в тумане...». 1903);

– МЕЛЬНИЦА:

***Время – мельница с крылом** Опускает за селом Месяц маятником в рожь Лить часов незримый дождь. **Время – мельница с крылом**.* (С. Есенин. Преображение. «Где ты, где ты, отчий дом...». 1918);

– ПЛУГ, у которого есть железный зуб:

*Так лет мимотекущих бремя Несём безропотные мы, Когда **железным зубом время** Нам **взрежет** бархат вечной тьмы.* (А. Белый. Время. 1907);

– СВИТОК (свёрнутая трубкой, валиком рукопись на полосе бумаги или иного писчего материала):

*Я вдаль смотрел – тянулась паутина на голубом из золотых и лучезарных ниток...Звучало мне: «**И времена свиваются, как свиток**...».* (А. Белый. «Шатающаяся, склоняется колос...». Закаты. 3. 1903).

Таким образом, анализ русских поэтических текстов XIX-XX веков показал, как информация о времени, полученная из окружающего мира и прошедшая первичную обработку сквозь призму собственного восприятия поэта, подвергается субъективной художественной интерпретации. Субъективное метафорическое переосмысление **ВРЕМЕНИ** как фрагмента действительности представляет собой совокупность образов окружающего мира, а, по сути, способ познания мира с помощью языка.

Литература

Болдырев Н.Н. Метафорическая интерпретация отношений человека с окружающим миром // Когнитивные исследования языка. 2014. Вып. XVIII. С. 42-48.

Болдырев Н.Н., Дубровская О.Г. Интерпретирующий подход к изучению дискурса // Когнитивные исследования языка. 2015. Вып. XX. С. 30-38.

Красавский Н.А. Антропоморфная метафора в концептосфере эмоций. М.; Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г.Р. Державина, 2004. С. 169-175.

Попова Н.С. Художественная субъективно-образная интерпретация времени: монография. Воронеж: РИО ФГБОУ ВО ВГЛТУ, 2018. 215 с.

Томберг О.В. Когнитивные аспекты изучения художественного образа // Когнитивные исследования языка. 2015. Вып. XX. С. 626-633.

Хайдеггер М. Время и бытие. М.: Изд-во «РЕСПУБЛИКА», 1993.

N.S. Popova (Voronezh, Russia)

*Voronezh State Forestry Engineering University
named after G.F. Morozov*

ARTISTIC INTERPRETATION OF TIME AS A VERBAL METHOD OF KNOWING THE WORLD

The article discusses the artistic interpretation of TIME in Russian poetic texts of the 19th–20th centuries as a process of subjective metaphorical representation, as well as one of the methods of perceiving the world through language.

Key words: TIME, interpretation, poetic text, subjective metaphorical representation, verbal means of perceiving the world.

Н.Е. Почиталкина, Е.В. Калугина, Р.И. Кусарбаев (Челябинск, Россия)

*Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет
pochitalkinane@mail.ru*

ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЙ ПРИЗНАК-ЭМОТИВ ВО ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОМ КЛАСТЕРЕ СОВРЕМЕННОГО РУССКОГО ЯЗЫКА

Данная статья посвящена проблеме содержательной динамики фразеологического признака-эмотива. В статье анализируется семантика фразеологизмов признака эмоционального состояния как семантических дифференциалов: материал, иллюстрирующий через частное, личное, восприятие мира антропоцентрическую идею современной языковой парадигмы. Динамика смыслов семантического объема единиц фразеологического признака обусловлена влиянием дискурса.

Ключевые слова: дискурс, когнитивное пространство языка, фразеологизм признака, семантика.

Современная научная лингвистическая антропоцентрическая тенденция изучения языковых явлений показала открытость, нелинейность, динамичность и вариативность языковой структуры. Превалирующим в рассмотрении языкового материала оказывается человеческий фактор, поскольку именно коммуникативные акты позволяют наиболее полно проанализировать языковые знаки, а также раскрыть когнитивное пространство языка, что аргументирует развиваю-

шуюся идею антропоцентризма в лингвистической науке. Таким образом язык рассматривается как «когнитивный процесс, осуществляемый в коммуникативной деятельности и обеспечиваемый особыми когнитивными структурами и механизмами в человеческом мозгу» [Кубрякова 2004: 406].

Коммуникативная деятельность неотделима от дискурса, поскольку дискурс (термин Зелига Харриса) есть корпус актуализированных текстов: анализируемого текста как имеющейся данности, предшествующего и предполагаемого текста. Это горизонталь, построенная из языковых единиц, а также и знаков связанных с нею дисциплин, характеризующаяся социальной и другими направленностями и обладающая «деятельностным характером, поскольку этимология слова определяет дискурс как «беседу, разговор, дискуссию» [Михайлов 2006: 8]. В современную эпоху развития и иллюстрации идеи антропоцентризма в центре исследований оказывается семантика, представленная единицами разного уровня. Экспрессивно-образно семантика репрезентируется дифференцирующими единицами, которыми в языке оказываются единицы фразеологической признаковой номинации.

Когнитивный, лингвокультурологический и прагматический подходы при исследовании языковых явлений дают возможность на синергетическом уровне проанализировать сущность их изменения и развитие. Исследованный материал аргументирует семантическую синергетику разнообразных смыслов, явных и скрытых, старых и новых, усложненных и модифицированных, в современном объеме знаков фразеологического признака. «Следствием антропологического подхода к изучению фактов языка явилось появление лингвокультурологии, изучающей язык как феномен культуры, её условие и продукт, анализирующей взаимодействие языка и культуры за счёт выделения систем, воплощающих и представляющих культурные ценности. Развитие лингвокультурологического подхода к изучению лексики и фразеологии языка ориентирует исследователя на изучение соотношения данных языковых единиц и знаков культуры и актуализирует значение системы символов, стереотипов для описания культурно-национальной специфики лексической и фразеологической системы данного языка» [Лоскутова 2009: 130].

В лингвистике современности антропоцентрическая направленность особенно тесно связана с описанием различных состояний субъекта, в частности, эмоционального состояния, которое глубоко с точки зрения содержания репрезентируется фразеологизмами признака как «косвенно-производными» [Алефиренко 2000] языковыми знаками, выступающими в языке «семантическими дифференциалами предметности» [Помыкалова 2006]. Языковые знаки фразеологического представления как знаки вторичной сигнификации, особенно экспрессивно и семантически специфично представляют состояние субъекта, способствуют углублению развития антропоцентрической идеи.

Исследование показало: текст и дискурс обуславливают возникновение разных эмоционально-оценочных содержаний фразеологических единиц, они могут меняться, усложняться. Дискурс подчёркивает динамический, разворачивающийся во времени характер языкового общения. Текстовые единицы также оказывают влияние на признаковую семантику фразеологизма. Так, например, фразеологическая единица *в крайнем смущении* может выражать как отрица-

тельное, так и положительное эмоциональное состояние лица или живого существа: 1. «растерянный, смущённый, потрясённый (характеристика эмоционального состояния – причина) + плохо понимающий и оценивающий действительность (характеристика психического состояния – следствие)» – *Впереди, согнутый в три погибели, путаясь ногами в полах длинного одеяния, тяжело дыша, шёл Шмулинсон Абрам Моисеевич и волок на спине ... здоровенный деревянный крест! Длинные пейсы покачивались в такт усталому шагу, аккуратно подстриженная борода скорбно смотрела вниз, а опущенный взгляд поражал красотью и смирением.... Чуть позади, в крайнем смущении, шествовали двое стрелцов лукошкинского отделения* (А. Белянин. Отстрел невест); 2 фразеологизм-омоним – «растроганный, радостно растерянный, счастливый, хотя и смущенный (характеристика эмоционального состояния – причина) + не знающий, что сказать, делать (характеристика психического состояния с элементом интеллектуальной характеристики)» – квалифицируем как фразеологизм, выражающий условно прямую характеристику эмоционального положительного состояния лица или живого существа с присоединением характеристики положительного психического состояния: *Алиса была в крайнем смущении от такого неожиданного признания в любви, но радость переполняла сердце – ведь так долго ждала она этого момента* (Домашний очаг, декабрь, 2006).

Традиционные фразеологизмы признака, вербализующие эмоциональное состояние лица, «погруженные» в дискурсивное пространство, также помогают описать проявление этого состояния личности, они усложняют свою семантику, реализуя новые смыслы. Фразеологический признаковый знак *не в обиде*, например, в своем содержании к смыслу «согласен» присоединяет смысл «согласен со всем, потому что безразличен ко всему, абсолютно индифферентный (характеристика эмоционального состояния)»: *Время мимо, немо, мнимо / мчится без усилия. / А не взять ли псевдонимом / девичью фамилию? / Или прозвище – Червончик? / Буду не в обиде я. / Или просто ставить прочерк / в карточке прибытия* (В. Павлова. Время мимо. – В кн.: Мудрая дура).

Фразеологический признак эмоционального состояния лица способен в русском языке реализовать семантику разной степени эмотивности; наиболее активным содержанием оказывается содержание высокой степени эмоциональной характеристики. Эта семантическая динамика, проявляющаяся в актуализации разной степени эмотивности, есть постоянное, ингерентное, свойство единиц фразеологического признака эмоционального состояния, которое рассматривается как возможное свойство, уточняющее дефиницию этого языкового феномена. Фразеологические единицы признака имеют сложный семантический объем, включающий ядерный и дополнительный смыслы, что является результатом наращивания смыслов. В настоящее время необходимы исследования когнитивного языкового пространства, в фокусе которых будут индивиды, репрезентующие в коммуникационных актах фрагмент знаний о мире.

Литература

Алефиренко Н.Ф. Проблемы фразеологического значения и смысла (в аспекте межуровневого взаимодействия). Астрахань: Издательский дом «Астраханский университет», 2000. 220 с.

Беянин А.О. Отстрел невест. М.: АРМАДА «Изд. Альфа-книга», 2002. 343 с.

Домашний очаг, декабрь, 2006.

Кубрякова Е.С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. М.: Языки славянской культуры, 2004. 560 с.

Лоскутова Т.Н. Концепты «Жизнь» и «Смерть», вербализованные лексемами и фразеологическими единицами русского языка, в лингвокультурологическом аспекте: дисс. ... канд. филол. наук. Челябинск, 2009. 178 с.

Михайлов Н.Н. Теория художественного текста: учебное пособие для студентов филол. фак. высш. учеб. заведений. М.: Издательский центр «Академия», 2006. 224 с.

Павлова В.А. Мудрая дура. М.: Аванта+, 2008. 160 с.

Помыкалова Т.Е. Семантико-типологический аспект фразеологического признака в русском языке: монография. Челябинск: ООО «РЕКПОЛ», 2006. 223 с.

Почиталкина Н.Е. Фразеологизмы признака-репрезентанты эмоционального состояния лица или живого существа в современном русском языке (на материале текстов разных жанров): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Челябинск, 2011. 24 с.

Почиталкина Н.Е. Фразеологизмы признака эмоционального состояния как изобразительное средство художественного пространства (на материале романов М. Булгакова «Мастер и Маргарита» и «Белая гвардия»). Профессиональный проект: идеи, технологии, результаты. 2015. № 1(18). С. 168-173.

N.E. Pochitalkina, E.V. Kalugina, R.I. Kusarbaev (Chelyabinsk, Russia)
South Ural State Humanitarian Pedagogical University

PHRASEOLOGICAL SIGN-EMOTIVE IN THE PHRASEOLOGICAL CLUSTER OF MODERN RUSSIAN

This article is devoted to the dynamics of the phraseological sign-emotive. It analyzes the semantics of phraseological units of the emotional state as semantic differentials illustrated through a private, personal perception of the anthropocentric idea of the modern linguistic paradigm. The dynamics of the semantic volume of phraseological feature units is due to the influence of discourse.

Key words: discourse, cognitive space of language, phraseological unit, semantics

И.А. Пугачевская (Курск, Россия)
Юго-Западный государственный университет
ipugachevskaya@gmail.com

КОГНИТИВНЫЙ АСПЕКТ АНТОНИМИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ В ТЕРМИНОЛОГИИ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА

Работа посвящена рассмотрению явления антонимии в терминологии международного права с точки зрения семантико-когнитивного подхода. Исследование терминологических единиц позволило выявить различные типы антонимов в исследуемой области (на языковом уровне), а также обнаружить асимметрию при вербализации противопоставленных концептов.

Ключевые слова: термин, терминосистема, концепт, международное право, антонимы.

Явление антонимии неоднократно рассматривалось в лингвистической науке. Терминологические системы как часть национального языка также демонстрируют антонимические отношения между языковыми единицами, выражающими противоположности при обозначении общего объекта или общего признака. По утверждению В.П. Даниленко терминологической лексике антонимия свойственна даже больше, чем общелитературной [Даниленко 1977: 79], что обусловлено широким проявлением логических закономерностей в специальных сферах. Согласно словарю лингвистических терминов Т.В. Матвеевой антонимы – это «слова одной и той же части речи, связанные отношениями антонимии, т.е. противоположности по значению внутри семантической общности» [Матвеева 2010: 23].

Л.А. Новиков выделяет четыре типа антонимов в зависимости от степени проявления признака, служащего основанием для противопоставления объектов, и способа их воплощения в языковых единицах: контрадикторные, контрарные, комплементарные и конверсивные [Новиков 2001: 20]. Первый тип (контрадикторные антонимы) включает наименования, отражающие наличие или отсутствие некоторого признака, свойства или действия. В терминологии международного права к контрадикторным антонимам можно отнести термины *гражданство – безгражданство* и *персона грата – персона нон грата*. К контрарным антонимам относятся наименования *сопровождаемый багаж – несопровождаемый багаж*, *ядерная зона – безъядерная зона*, *мягкое право – жесткое право*, *воюющее государство – невоюющее государство*, где отношение антонимии выражается в противопоставлении двух признаков. Третий тип антонимов – комплементарные антонимы – представлен языковыми единицами, обозначающими противоположные объекты или признаки и взаимно дополняющие друг друга при образовании целого (*российские лица – иностранные лица*, *анклав – эксклав*).

Выражение терминами признаков или действий, связанных с противоположной направленностью, характерна для конверсивных (векторных) антонимов. Термины *экспорт – импорт*, *виртуализация государства – девиртуализация государства*, *оккупация – контроккупация* обозначают противопоставленные друг другу действия, приводящие к противоположным результатам.

Таким образом, мы видим, что все четыре типа антонимии реализуются в профессиональном языке, демонстрируя логическую закономерность противоположности объектов или признаков, присущую общеупотребительному языку.

Для обозначения отношений противопоставления на уровне структур знания в когнитивной лингвистике и, в частности, в когнитивной терминологии используется термин «антиконцепт». В.Ф. Новодранова дает следующее определение этого термина: «антиконцепты – это продукты глубинных познавательных противоречий, присущих самим познавательным объектам» [Новодранова 2001: 71]. Следует отметить, что отношения оппозиции между концептами гораздо сложнее, чем отношения между антонимами на уровне языковых единиц; они не сводятся лишь к противопоставлению содержания [Paradis, Willners 2011: 391].

Зачастую антиконцепт оказывается более разработанной ментальной структурой по сравнению с изначальным концептом. Это неоднократно подтверждалось исследованиями различных терминологий, например, в работах В.Ф. Ново-

драновой, Е.И. Головановой, В.А. Долинского и др. [Новодранова 2009; Голованова 2013; Долинский 2015].

В юридической терминологии базовыми концептами являются представления о нормах и правилах поведения (концепт *закон* и антиконцепт *нарушение закона, соблюдение установленных норм и несоблюдение установленных норм, правовые действия и противоправные действия*). При этом «норма» поведения не имеет широкой экспликации, тогда как отклонения от нее получили множественную вербализацию в различных терминах. Так, в терминологии международного права имеют место:

1) общие названия отклонений от законодательно закрепленных норм: *нарушение международных норм, противоправные действия (деяния), международные преступления, преступления международного характера и др.*;

2) наименования преступлений:

– преступления, посягающие на мир и безопасность человечества: *агрессия, угроза агрессии, геноцид, апартеид, наемничество*;

– военные преступления: *убийство военнопленных, захват и убийство заложников, неоправданное уничтожение гражданской инфраструктуры и т.д.*;

– преступления против личных прав и свобод человека: *рабство и работорговля, торговля людьми без цели обращения в рабство*;

– преступления против общественной безопасности: *международный терроризм, пиратство, незаконный оборот ядерного материала; экологические преступления – загрязнение вод, загрязнение атмосферы, нарушение правил безопасности при обращении с микробиологическими либо другими биологическими агентами или токсинами и др.*;

– преступления против здоровья населения и общественной нравственности: *незаконный оборот наркотических средств и психотропных веществ, посягательство на культурные ценности народов и т.д.*;

– преступления против мировой финансово-экономической системы: *фальшивомонетничество, легализация преступных доходов, противозаконная торговля оружием и боеприпасами*.

– преступления против государства: *экстремизм, государственная измена*.

Исходный концепт «нормы права» в языке представлен только общими наименованиями *следование международным нормам права, соблюдение международных норм права*. Несовержшение действий преступного характера не имеет языковой объективации, тогда как нарушение правовых норм представлено в терминологии детально.

Поскольку за каждым правонарушением следуют правовые последствия для совершивших их субъектов, с антиконцептом «нарушение норм права» тесно связаны концепты «наказание» и «правонарушитель», «преступник». Данные концепты также представлены рядом юридических терминов: *штраф, лишение свободы, лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, пожизненное лишение свободы, смертная казнь; военный преступник, наемник, террорист и др.*

Таким образом, понятия *соблюдение норм права* и *нарушение норм права*, являясь антонимами с точки зрения логики, в когнитивном аспекте ассиметричны.

Языковые единицы, представляющие антиконцепт, в количественном отношении существенно преобладают над наименованиями, вербализирующими концепт.

В результате анализа дипломатических терминов, содержащихся в специальных словарях (Дипломатический словарь, Словарь юридических терминов), можно продемонстрировать следующее соотношение терминологических единиц, объективирующих концепт «нарушение норм права». Объем выборки составил 408 терминов.

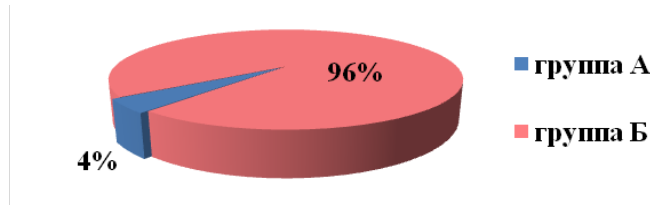

Рис. 1. Соотношение терминологических единиц: группа А – термины, объективирующие концепт «нарушение норм права», группа Б – остальные термины выборки

При этом терминов, вербализующих концепт «соблюдение норм права», выявлено не было. Вероятно, это обусловлено отсутствием необходимости детализировать «нормальное поведение» с точки зрения права, поскольку оно не влечет никаких правовых последствий, тогда как правонарушение влечет наказание, релевантное назначение которого требует четкой и детальной классификации противоправных деяний.

Терминология международного права обнаруживает все типы антонимических отношений на языковом уровне при противопоставлении объектов, процессов и противоположных признаков. Термины-антонимы здесь представляют собой бинарную оппозицию, т.е. содержательно равны. На концептуальном уровне отношения противопоставления имеют более сложный характер, что выражается в асимметрии при номинативной реализации. В отличие от концепта, антиконцепт представляет собой разветвленный ментальный конструкт, отражающий все многообразие отношений и признаков, присущих объекту.

Литература

Даниленко В.П. Русская терминология: Опыт лингвистического описания. М.: Наука, 1977.

Голованова Е.И. Когнитивное терминоведение: проблематика, инструментарий, направления и перспективы развития // Вестник Челябинского государственного университета. 2013. № 24 (315). Филология. Искусствоведение. Вып. 82. С. 13-18.

Долинский В.А. Антонимия в когнитивном измерении (болезнь/здоровье) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2015. Вып. 15 (726). С. 86-119.

Матвеева Т.В. Полный словарь лингвистических терминов. Ростов-на-Дону: Феникс, 2010. 563 с.

Новиков Л.А. Семантический анализ противоположности в лексике. Избранные труды. Т.1: Проблемы языкового значения. Москва, 2001. С. 17-337.

Новодранова В.Ф. Категория противопоставления и средства ее выражения в терминологии // Проблемы номинации и речевой коммуникации в профессиональной среде: сборник научных трудов. Челябинск: Энциклопедия, 2009. С. 103.

Paradis C., Willners C. Antonymy: from conventionalization to meaning-making // Review of cognitive linguistics. 2011. 9 (2). P. 367-391.

I.A. Pugachevskaya (Kursk, Russia)
Southwest State University

COGNITIVE ASPECT OF ANTONYMIC RELATIONSHIPS IN THE TERMINOLOGY OF INTERNATIONAL LAW

The work considers the semantic-cognitive perspective of antonymy in the terminology of international law. The study of terminological units made it possible to identify various types of antonyms in international law at the language level and to detect asymmetry in the verbalization of opposing concepts.

Key words: term, term system, concept, international law, antonyms.

Т.В. Рожкова, Е.В. Александрова (Самара, Россия)
Самарский государственный медицинский университет
t.v.rozhkova@samsmu.ru, e.v.aleksandrova@samsmu.ru

ОСОБЕННОСТИ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ КОНЦЕПТА БОЛЬ ПОСРЕДСТВОМ ГЛАГОЛЬНЫХ ЛЕКСЕМ

Статья посвящена анализу концепта БОЛЬ, репрезентированного глагольными единицами. Концепт БОЛЬ представлен в виде поля, в котором выделяются ядро и периферия. Авторы делают вывод о том, что глаголы, репрезентирующие концепт БОЛЬ выражают не только собственно болевые ощущения, но и реализуют метафорическое значение.

Ключвые слова: концепт, глагол, боль, метафора, этимология.

Ощущения сопровождают человека с самого начала его жизненного пути, дают информацию об окружающем мире. Неслучайно, психофизические процессы отражения действия внутренних и внешних раздражителей на органы чувств исследуются с точки зрения самых разных наук. Одним из самых важных в физическом и физиолого-психологическом аспектах ощущений является боль. Согласно статистике «треть населения мира живёт с постоянным чувством боли» [Severo 2012, xiii]. Медицина уделяет очень большое внимание вопросам изучения, лечения, управления, выявления боли разного типа. Параллельно создаются ассоциации и федерации по её изучению, проводятся симпозиумы и образовательные программы. В 2020 году Международной ассоциацией по изучению боли (IASP) было принято новое определение данного понятия: «Pain is unpleasant sensory and emotional experience associated with, or resembling that associated with, actual or potential tissue damage» [Яхно 2020: 6]. Эксперты Российского общества по изучению боли (РОИБ) приняли следующий вариант этого определения: «Боль – неприятное сенсорное и эмоциональное переживание, связанное с действительным или возможным повреждением тканей или схожее с таковым переживанием» [Яхно 2020: 7].

Исходя из этого определения, лексику, репрезентирующую болевые ощущения, можно представить концептом, который существует в виде «открытой когнитивной системы, перманентно формируемой новыми научными гипотезами и от-

крытиями» [Бекишева, Барбашёва 2022: 115]. Боль выполняет множество разных функций. Боль есть «такое сильное и глубокое переживание, <...> являет собой экзистенциальное событие» [Хайдарова 2012: 85]. Концепт «боль» находится в постоянном развитии, пополняясь новыми способами вербального и невербального выражения. Цель настоящего исследования состоит в выявлении концептуальных и семантических особенностей глагольных единиц, которые являются значимым средством вербализации концепта БОЛЬ. Комплексный подход с применением дефиниционного, семантического и этимологического анализов фактического материала, позволили выявить и описать ситуативно- и коммуникативно- обусловленные ассоциации, связанные с исследуемым концептом.

Сформулированное Е.И. Головановой предделение концепта как «единицы знания, отражающей содержание опыта» [Голованова 2014: 25], абсолютно справедливо по отношению к исследуемому концепту БОЛЬ, поскольку боль – субъективное понятие и каждый описывает её переживание с точки зрения личностных ощущений и восприятий. Поскольку боль трактуется как неприятное ощущение, ядро концепта составляют единицы, содержащие в своей семантике указание на это. Этимология ядерных глаголов *to pain* и *to ache* показывает, что первоначальное значение глаголов было связано с внешним воздействием, приводящим к возникновению болевого ощущения, а не собственно с процессом переживания боли. Наряду с этим, их этимология демонстрирует домедицинские представления о том, что болезни и боль насылаются человеку богами в качестве наказания. Так, глагол *to pain* образовано от старофранцузского глагола *pener – to hurt, cause pain*, а существительное *pain* образовано от старофранцузского существительного *peine*, которое в свою очередь восходит к латинскому слову *poena – punishment*. Аналогична этимология второго глагола: *to ache* – от древнеанглийского *acan – suffer continued pain* от протоиндоевропейского *ages – fault, guilt*. Сема «переживание ощущения боли» развилась значительно позднее.

Данная сема объединяет околоядерные лексемы, такие как *to suffer, to ail*. Необходимо отметить, что значительная часть глаголов, входящих в эту область, представлена преимущественно словосочетаниями многозначного глагола с существительным *pain*, которое способствует реализации семы «переживание ощущения боли» в данных примерах (*to feel pain, to bear pain, to suffer from pain, to be in pain, to endure suffering, to register pain, to undergo pain*). К этой же группе относятся словосочетания с глаголами *to have* и *to get*, за которыми следует название болевого ощущения в конкретной области: например, *heartache, stomachache, toothache, headache* и другие. Указание на болевое ощущение передаётся компонентом сложного слова *ache*.

Ближнюю приферию концепта «боль» составляют глаголы объединённые семой, указывающей на высокую или возрастающую интенсивность болевых ощущений. В данную область концепта БОЛЬ входят как однословные глаголы, так и многословные глагольные словосочетания. Однословные лексемы, репрезентирующие концепт, немногочисленны, например, *to smart, to excruciate*. Этимологический анализ показал, что значение глагола *to smart* прошло длительный период трансформаций и в конечном счёте расширилось. Его первоначальное значение – *to pain, cause hurt* не отражало интенсивность болезненных ощущение-

ний. В английский язык глагол пришёл из древневерхненемецкого языка, в который было заимствовано из латинского языка со значением *to bite, to bite into*.

Исследование корпуса глагольной лексики, показало, что интенсивность проявлений болезненных ощущений преимущественно репрезентируется метафорическими глаголами, исходное значение которых обозначает производимое действие, например, *to sting* имеет значение *to stab, pierce, or prick with a point (of weapons, insects, plants)*, *to gnaw* – *bite off little by little*. При описании болевых ощущений, они репрезентируют ощущение, которое испытывает человек, подвергаясь этому действию. В этом контексте глаголы приобретают более специализированный характер, демонстрируют высокую степень интенсивности ощущений. В указанной группе наиболее частотными являются словосочетания общеупотребительного глагола с существительным *pain*: *to increase pain, to make pain worse, to worsen pain, to develop pain*.

На дальней периферии находятся глаголы, обозначающие действия, которые традиционно ассоциируются с болезненными ощущениями, например, *to injure, to damage*. Многочислены глаголы со специализированными значениями, обозначающие конкретные действия, которые могут привести к негативным ощущениям *to cut, to gash, to break, to turn / to twist (a leg/ankle), to sprain (an ankle, wrist, muscle), to luxate, to dislocate*. Глаголы *to wound* и *to burn* отражают не только физическое ощущение боли, но и относятся к боли душевной. Болевые ощущения могут иметь различные внешние проявления, например, гримасы (*to contort / to distort / to twist with pain*), вокализация (*to groan with pain, to moan with pain, to scream with / in pain*), моторные проявления (*to dance (up and down) with pain, to writhe in pain*), иные психофизиологические проявления (*to weep with pain*).

Ближнюю периферию концепта «боль» также составляют глаголы, содержащие сему, указывающую на снижение болевых ощущений. Отличительной особенностью представителей данной группы является то, что в их семантике не содержится указаний на их отношение к болевым ощущениям. Этимология показывает, что они обозначали процесс уменьшения, снижения, изменения качества (*to alleviate* (лат. *alleviare* – *lift up, raise* от *al* + *levis* – *light in weight*), *to mitigate* (лат. *mitigare* – *soften, make tender, ripen, mellow, tame*)), возвращение к прежнему состоянию (*to relieve* (лат. *re* – *back to the original place* + *levare* – *to lift up, lighten*)), приближение к какому-либо состоянию или положению (*to appease* (лат. *ad* – *to, toward* + *pacem* – *peace*), *to abate* (лат. *abbatere ab* – *to, toward* + *battuere* – *to beat*), *to subside* (лат. *sub* – *under, beneath* + *sidere* – *sit down, settle, sink, fall*)), выход за границы (*to eliminate* (лат. *eliminare* – *thrust out of doors, expel* (from *ex* – *off, out* + *limen* – *threshold*)). Сема «снижение болевых ощущений» реализуется при сочетании этих глаголов с существительным *pain*, кроме того, они используются в метафорическом значении. Наиболее наглядно метафорическое значение реализуется в глаголе *to narcotize* (лат. *narcoticus*, от греч. *narke* – *numbness, deadness, stupor, cramp*) – *to use the narcotic in order to make someone drowsy or insensible*. Кроме того, сравнение с состоянием смерти (*deadness*) вызывает высшую степень облегчения болезненных ощущений. Глагол *to anesthetize* – *обезболить*, образованный от латинизированной формы греческого слова *anaisthetos* – *insensate, without feeling* претерпел расширение значения от от-

сутствия чувствительности до процесса целенаправленного обезболивания. В словосочетании *to jugulate pain*, глагол образован от слова *jugularis* – яремный, которое используется для обозначения яремной вены. Его значение *to cut the throat* используется метафорически для обозначения процесса обезболивания.

Особенность глаголов, репрезентирующих концепт боль состоит в их способности передавать не только физическое ощущение боли, но и выражать эмоциональные и ментальные процессы. Приведём примеры употреблений из British National Corpus: (*Good doctors do not kill patients – they kill pain and alleviate suffering* (медицинский контекст), *British institutions start doing something for their employees and offering them something to alleviate their fears* (ментальный процесс)), а в некоторых случаях используются метафорически в иных контекстах (*The new package did contain some measures to alleviate the economic cost of adjustment for the poor* (экономический контекст)).

Ощущение боли имеет важное диагностическое значение в медицине. Этим обусловлено её богатое лексическое выражение различными средствами, включая глагольные единицы. Концепт БОЛЬ являет собой структурированное ментальное образование, репрезентированное как однословными глаголами, так и глагольными словосочетаниями, которые употребляются не только в медицинских контекстах, но и метафорически в других сферах.

Литература

Бекшиева Е.В., Барбаиёва С.С. Репрезентация концептуального пространства «боль» в общеупотребительном языке и медицинской терминологии // Известия Воронежского государственного педагогического университета. Филологические науки. 2022. С. 114-118.

Голованова Е.И. Введение в когнитивное терминоведение: учеб. пособие. 2-е изд., стер. М.: ФЛИНТА: Наука, 2014. 224 с.

Хайдарова Г.Р. Функции боли в культуре и боль как функциональное расстройство // Общество ремиссии: на пути к нарративной медицине. Самара: Изд-во Самарского гос. ун-та, 2012. С. 85-93.

Яхно Н.Н., Кукушкин М.Л., Чурюканов М.В., Давыдов О.С., Бахтадзе М.А. Новое определение боли международной ассоциации по изучению боли // Российский журнал боли. 2020. Т.18. № 4. С. 5-7.

British National Corpus. URL: <http://www.natcorp.ox.ac.uk/> (accessed 01 April, 2023)

Online Etymology Dictionary. URL: <https://www.etymonline.com/> (accessed 01 April, 2023)

Severo F. Understanding Pain: Exploring the Perception of Pain. The MIT Press, Cambridge, Massachusetts, London, England 2012. 171 p.

T.V. Rozhkova, E.V. Aleksandrova (Samara, Russia)
Samara State Medical University

VERBS REPRESENTING THE CONCEPT PAIN

The article studies the concept “pain” and the way the verbs represent it. The concept is viewed as a field with a nexus and periphery. We conclude that verbs representing the concept of pain convey both painful sensations and metaphorical meaning.

Key words: concept, verb, pain, metaphor, etymology.

*Т.С. Садова, А.А. Чекина (Санкт-Петербург, Россия)
Санкт-Петербургский государственный университет
tatsad_90@mail.ru, lfillinfolk@gmail.com*

ПАРНЫЕ ФОЛЬКЛОРНЫЕ ФОРМУЛЫ

Тексты русского фольклора содержат уникальные формульные структуры, лексические компоненты которых порой создают алогичные сочетания: шведский-турецкий (корабль), майор-солдатик (заходил), спал-гулял (удалец) и под. Очевидно, что эти номинации представляют собой символические обобщения, характерные для фольклорного поэтического сознания.

Ключевые слова: фольклорная формула, гипероним, лексический алогизм, лексическое удвоение, фольклорная поэтика.

На фольклорные лексические удвоения, часто образующие понятийные алогизмы, обратил внимание еще А.А. Потебня, писавший о том, что «сопоставление несовместимых частных не есть нарушение логического закона, а способ обозначения понятия высшего порядка, способ обобщения, нередко – идеализация» [Потебня 1968: 418]. Одну из причин алогичных лексических пар (майор-полковничек; сосенка-осинушка; серый-белый (камень) и под.) А.Т. Хроленко видит в явлении поэтической тождественности слов одного тематического поля, характерной для фольклорного поэтического сознания [Хроленко 1992: 32-34]: Играют они в шашки-шахматы, Во тыи велеи золоченые [Селиванов 1988: 142].

В прозаических фольклорных жанрах объемность, многомерность текста создается за счет синкретичной, ситуативной напряженности ярко выраженных категорий устного нарратива – пространства, времени, движения, качества, количества, часто обозначенных бинарными (реже – строенными) лексическими номинациями, организующими между собой различные понятийные соотношения: Услыхали его дружья-братья-товарищи [Селиванов 1988: 389]; Чего ты сидишь у окошечка, чего плачешь-уливаешься [Азбелев 1991: 69]; Пряжечки накладывал он красна золота, да не для красы-угожества [Круглов 1985: 57] и др.

Глагольные биномы создают, как правило, пространственно-временные, ситуативные, ориентиры текста, именные – качественные и количественные. Следует также иметь в виду, что фольклорный текст по причине своей естественной открытости и вариативности это не констатация хронологически данного языкового состояния, а, скорее, свидетельство постоянного поиска, движения от смысла к смыслу.

Для всякой фольклорной единицы как продукта (часто) гетерогенной поэтической традиции конкретной местности, конкретной исторической данности, характерна ее естественная речетворческая вариативность.

Относительно рассматриваемых формул это хорошо видно по тому многообразию вариаций биномов, которые встречаются в самых разных жанрах, с одним и тем же лексическим элементом (сила): рать-сила, сила-храбрость, сила-матица, сила-удача, сила-удаль, сила-армия, даже антонимического содержания: сила-немошь людская. Эти лексические объединения, порой синонимичные, но

чаще – алогичные с точки зрения понятийных (прямых) значений составляющих формулу компонентов, похожи на собирание признаков с целью гиперонимизации чего-то интуитивно предполагаемого, но не имеющего в реальности ясного выражения. Часто этот механизм «укрупнения», символизации реального референта становится возможным при актуализации скрытого, еще не проявленного в исходном концепте признака: Сходни бросали на крут-красен бережок [Чичеров, Ухов 1969: 216]; Тиху-смирну речь сам выговаривал [Селиванов 1988: 492]. Можно усмотреть во многих аких удвоениях и черты метонимического механизма в изображении целого через часть и наоборот: Лист-дубравушка шумит, грусть мою замаливат [Астафьева 1988: 283]; Полно-полно потрудились в ниште-неволюшке [Астафьева 1988: 286]; Дал прощеньице-благословеньице [Селиванов 1988: 325]. В глагольных биномах (и прежде всего в форме настоящего времени) наблюдаются различные семантические соотношения между компонентами: интенсификация действия, последовательность / одновременность изображаемых действий, что в конечном итоге приводит (по Потебне) к сгущению образа действия: Она плачет-говорит: «Под мерой миленький стоит» [Астафьева 1988: 275]; В одну сторону идет-делат улицу [Селиванов 1988:94]; Я схожу-пойду с дочерью подумаю [Круглов 1985: 80].

Для парных эловых глагольных единств в былинах и исторических песнях, как будто, чувствуется «поэтическая тоска» по плюсквамперфекту – такое обилие в них бинарных глагольных единиц с обозначением времени, давно прошедшего, больше символического, чем реального: Как было во сто двадцать седьмом году, в седьмом году восьмой тысячи, а и деялось-учинилося велико горюшко [Азбелев 1991: 257]; Князь Роман жену терял, терял-терзал, во реку бросал [Азбелев 1991: 134]; А дай мне вотчину Микитину, чтобы слыла-была вотчина Микитина отныне и довеку [Азбелев 1991: 191].

Конечно, при определении семантики древних или фольклорных текстов всегда есть некая условность, поскольку сложно, а порой и невозможно приложить современные интерпретации значения, смысла, содержания к лексическим сочетаниям давно ушедшей поры. Поэтому все догадки в этом смысле всегда следует оговаривать как приблизительные.

Фольклорные формулы-биномы, их частотность и чрезвычайная активность, как представляется, свидетельствуют, во-первых, о бинарной оппозиции как характернейшей для русской ментальности когнитивной операции [Колесов 2002: 229], во-вторых, демонстрирует постоянный «поиск» гиперонима путем удвоения слов с устойчивой общеязыковой семантикой, причем не всегда только синонимичной и тематически близкой. В-третьих, эти формулы создают объем содержания фольклорного текста, интенсифицируют его событийность.

Литература

- Былины / Сост. Ю.Г. Круглов. М.: Просвещение, 1985.
Былины / Сост., примеч., вступ. ст. Ф.М. Селиванова. М.: Сов. Россия, 1988 [Библиотека русского фольклора. Т. 1].
Исторические песни. Баллады / Сост. С.Н. Азбелев. М.: Современник, 1991.
Колесов В.В. Философия русского слова. СПб.: Юна, 2002.
Лирические песни / Сост. П.С. Выходцев. М.: Современник, 1990.

Потебня А.А. Из записок по русской грамматике: в 4 т. Т. 3: Об изменении значения и заменах существительного. М.: Просвещение, 1968.

Сборник частушек / Сост. Л.А. Астафьева. М.: Современник, 1988.

Хроленко А.Т. Семантика фольклорного слова. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1992.

Чичеров В.И., Ухов П.Д. Былины. М.: Детская литература, 1969.

T.S. Sadova, A.A. Chekina (Saint-Petersburg, Russia)
Saint Petersburg State University

PAIR FOLKLORE FORMULAS

Russian folklore texts contain unique formulaic structures, the lexical components of which sometimes create illogical combinations: Swedish-Turkish (ship), soldier-major (came in), slept-walked (dared man) [shvedskiy-turetskiy (korabl'), mayor-soldatik (zakhodil), spal-gulyal (udalets)] and so on. These nominations are symbolic generalizations characteristic of folklore poetic consciousness.

Key words: folklore formula, hyperonym, lexical alogism, lexical doubling, folklore poetics.

P.T. Садуов (Иннополис, Россия)
Университет Иннополис
Ru.Saduov@innopolis.ru

ДИНАМИЧЕСКИЙ ЯЗЫКОВОЙ ЛАНДШАФТ КАК ИНСТРУМЕНТ ПОСТРОЕНИЯ КОГНИТИВНОЙ КАРТЫ

Автор работы предлагает возможное решение проблемы построения когнитивной карты местности представителями разных этнолингвистических сообществ, проживающими на определенной территории. В качестве решения выступает анализ динамического ландшафта, который определяется как временные по отношению к статическому ландшафту вербальные реакции.

Ключевые слова: языковой ландшафт, динамический языковой ландшафт, когнитивная карта, этнолингвистика, культурная география, интервьюирование, ментальная картография.

Современное географическое сообщество, а вместе с ними и представители ряда других дисциплин, таких как психология, социология, прикладная лингвистика и культурология, признает, что картография не может ограничиваться исследованием тех границ и рельефов, которые существуют в реальном мире. То, как индивид воспринимает ту или иную местность, особенно хорошо знакомую, в значительной степени зависит от имеющихся у данного индивида установок – культурных, языковых, социальных и прочих. Такие карты, находящиеся в нашем сознании, получили несколько наименований, в том числе ментальная карта [Gould, White 1974] или репрезентация [Gale 1982], когнитивное пространство [Montello 1989] или образ [Downs, Stea 1973], абстрактная карта [Hernandez 1991]. Будем считать, тем не менее, что наиболее популярным и часто исполь-

зубым является термин «когнитивная карта», который появился в работах американского психолога Эдварда Толмана еще в 1948 году [Tolman 1948].

Когнитивные карты, в понимании Стивена Каплан, являются собой ментальные конструкции, которые помогают нам понять и познать окружающее пространство [Kaplan 1973]. Иными словами, когнитивная карта – это личное, по всей видимости, априорное понимание пространства, где априорной формой познания выступает совокупность предшествующего опыта индивида.

Данное понятие представляется продуктивным для ряда дисциплин, а также для междисциплинарных областей знания, таких как изучение языковых ландшафтов. Нира Трампер-Хехт, кажется, одной из первых обратила внимание на возможность заимствования данного конструкта для описания ландшафтов [Trumper-Hecht 2010]. Впрочем, заимствование из области географии было небезосновательным: в конце концов, одним из первых исследователей языковых ландшафтов был японский географ Ясуо Масаи [Masai 1972], и языковые ландшафты до сих пор связаны с географическими исследованиями методологией и инструментарием [Barni, Banga 2009].

Оговорим, что под языковым ландшафтом, вслед за Р. Ландри и Р. Бурхис, мы понимаем язык на вывесках государственных учреждений и коммерческих предприятий на определенной территории [Landry, Bourhis 1997]. Изучение данной разновидности ландшафта особенно популярно в полилингвальных регионах, поскольку помогает понять, в каких отношениях находятся языки и, возможно, их носители. Результаты исследований могут использоваться, в том числе, для коррекции языковой политики в регионе и предотвращения возможных социальных конфликтов.

Концепция когнитивных карт, по мнению Трампер-Хехт, открывает новые возможности в изучении языкового ландшафта. В частности, исследователь обратила внимание на то, что жители израильского города Ноф-ха-Галиль, арабы и евреи, по-разному воспринимают языковой ландшафт города, и данное восприятие не соответствует действительности [Trumper-Hecht 2010]. Данный пример позволяет говорить о том, что в представлениях жителей региона может существовать альтернативная картина языкового ландшафта, которая является результатом комплекса представлений и опыта жителей города.

Автор исследования предлагает достаточно обоснованное объяснение, почему представления жителей Ноф-ха-Галиль о языковом ландшафте отличаются. Тем не менее, вопрос построения когнитивной карты местности, которая бы отражала представления о языковом ландшафте, остается открытым. Основным источником сведений в работе Трампер-Хехт является интервьюирование жителей. Тем не менее, данный метод представляется, по крайней мере, менее достаточным. В частности, не совсем ясно, по какому принципу отбирать респондентов. Например, очевидно, что мнение жителя города будет отражать ту среду, в которой он проживает – окружение, район города. Когнитивные карты представителей разных этносов также будут отличаться. Набрать необходимое количество респондентов тоже не всегда возможно – например, в исследовании Трампер-Хехт приняли участие всего 113 респондентов (60 арабов и 53 еврея). Данное количество представляется недостаточным. В случае, если количество этносов в том или ином регионе превышает два, это автоматически делает сбор мате-

риала более трудоемким. Более того, в определенных регионах мира аналогичный сбор материала путем интервьюирования может представлять опасность для исследователя.

Очевидно, что до определенной степени интервьюирование респондентов может дать валидные результаты. Тем не менее, представляется важным опираться и на те инструменты, которые не будут зависеть от непосредственного взаимодействия респондента и интервьюера. Представляется, что таким инструментом может быть динамический языковой ландшафт. Наша гипотеза состоит в том, что данная разновидность ландшафта может выступать в качестве объективного инструмента, используемого для построения когнитивной карты местности, отличной от географической карты и карты статического языкового ландшафта.

При этом определим понятие динамического ландшафта. Л.Л. Федорова понимает его исключительно как язык митингов и демонстраций и в этом смысле отличает его от ландшафта статического, то есть традиционного языка вывесок. Тем не менее, представляется возможным экстраполировать данный термин на все случаи существования временного языкового ландшафта. Дать точное определение такой разновидности ландшафта сложно, однако возможно привести примеры: частные объявления жителей, муниципальных служб или коммерческих предприятий, лозунги на митинге или постеры. Основная отличительная черта динамического языкового ландшафта – это его временный характер по сравнению, например, с более статическими вывесками госорганов или мемориальных досок. Данный критерий (временность) следует применять каждый раз, принимая решение о том, относится ли определенный элемент языкового ландшафта к динамическому или к статическому.

Представляется, что существует по меньшей мере две причины, почему динамический ландшафт может иметь перспективы в деле построения когнитивной карты. Во-первых, динамический ландшафт – это краткосрочная, немедленная и естественная реакция городского жителя на стимул (необходимость направить сообщение). Во-вторых, динамический ландшафт в гораздо меньшей степени зависит от регулирующих органов, поскольку является временным и в меньшей степени институциональным. Основным ограничением и одновременно преимуществом динамического языкового ландшафта является тот факт, что он не позволяет построить когнитивную карту представителей определенного этнолингвистического сообщества. Однако при этом динамический ландшафт позволяет изобразить когнитивную карту жителя города в зависимости от того, какой язык он считает наиболее приемлемым в той или иной части местности.

Эффективность использования динамического ландшафта можно продемонстрировать на примере нескольких полилингвальных городов. Так, в столице Республики Башкортостан, г. Уфа, статический языковой ландшафт подчиняется концентрической структуре от центра к периферии (билингвальность вывесок уменьшается по мере удаления от центра), в то время как динамический ландшафт помогает установить реальные роли языков: в то время как русский язык выполняет информативную и символическую функции, башкирский выполняет только вторую, и когнитивная карта жителя города оказывается полностью русскоязычной на всей территории города. Схожая, но, все же, отличная картина

наблюдается в г. Астана (на момент проведения исследования г. Нур-Султан), где когнитивная карта жителя оказывается преимущественно русскоязычной, но в отдельных спальных районах города ментальное пространство жителя становится более подверженным влиянию языка титульной нации. Третий пример, г. Иннополис в Республике Татарстан, РФ, позволяет сделать вывод о том, что даже на территории небольшого города (до 10 тыс. жителей) когнитивная карта может быть очень разнообразной: территория кампуса университета оказывается в значительной степени англоязычной, в то время как жилой комплекс русскоязычным.

Литература

Barni M., Bagna C. A mapping technique and the linguistic landscape // *Linguistic landscape: Expanding the Scenery*. Edited by Elana Shohamy and Durk Gorter. Routledge: New York, 2009. P. 126-140.

Downs R.M., Stea D. Theory // *Image and Environment*. Eds. R.M. Downs, D. Stea. Chicago, IL: Aldine, 1973. P: 1-7.

Gale N. Some applications of computer cartography to the study of cognitive configurations // *Professional Geographer*, 1982. Issue 34(3). P. 313-321.

Gould P., White R. Mental maps. New York, NY: Penguin, 1974.

Hernandez D. Relative representation of spatial knowledge: the 2-D case // *Cognitive and Linguistics Aspects of Geographic Space*. Eds. D.M. Mark, A.U. Frank. Kluwer Academic Publishers, 1991. P. 373-385.

Kaplan S. Cognitive maps in perception and thought // *Image and Environment*. Eds. R.M. Downs, D. Stea. Chicago, IL: Aldine, 1973. P. 63-78.

Landry R., Bourhis R.Y. Linguistic Landscape and Ethnolinguistic Vitality. An Empirical Study // *Journal of Language and Social Psychology*, 1997. Issue 16. Pp. 23-49.

Masai Ya. Living Map of Tokyo. Tokyo: Jiji Tsūshinsha, 1972.

Montello D. R. The geometry of environmental knowledge // *Theories and Methods of Spatio-temporal Reasoning in Geographic Space*. Eds. A.U. Frank, I. Campari, V. Formentini. Berlin: Springer-Verlag, 1989.

Tolman E.C. Cognitive maps in rats and men // *Psychological Review*, 1948. Issue 55. Pp. 189-208.

Trumper-Hecht N. Linguistic Landscape in Mixed Cities in Israel from the Perspective of 'Walkers': The Case of Arabic // *Linguistic Landscape in the City*. Edited by Elana Shohamy, Eliezer Ben-Rafael and Monica Barni. MULTILINGUAL MATTERS: Bristol, Buffalo, Toronto, 2010. Pp. 235-251.

Федорова Л.Л. Языковой ландшафт: город и толпа // *Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология*. 2014. Т. 13. Вып. 6: Журналистика. С. 70–80.

*R. T. Saduov (Innopolis, Russia)
Innopolis University*

DYNAMIC LINGUISTIC LANDSCAPES AS A TOOL TO CONSTRUCT COGNITIVE MAPS

The author suggests a solution for constructing cognitive maps of a geographical region with representatives of different ethno-linguistic communities living in a given area. The pre-

sented solution involves analyzing the dynamic landscape, defined as verbal reactions which are temporary in relation to the static landscape.

Key words: linguistic landscape, dynamic linguistic landscape, cognitive map, ethnolinguistics, cultural geography, interviewing, mental cartography.

П.И. Сергиенко (Москва, Россия)

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

poserg@bk.ru

ИНТЕРПРЕТИРУЮЩИЙ ПОТЕНЦИАЛ МЕТАФОРЫ В PR ДИСКУРСЕ

Данное исследование рассматривает вопрос об особенностях использования метафорических средств выражения языковой действительности на английском языке в рамках функционирования PR-дискурса. Интерпретирующий потенциал метафоры с когнитивной точки зрения раскрывает особенности формирования и представления значения и отношения к объектам окружающей действительности или другого социально важного феномена. Создавая PR-сообщения, авторы текстов стремятся информировать широкую аудиторию об их товаре или услуге, а также оказать определенное когнитивное воздействие.

Ключевые слова: метафоры, когнитивный механизм, интерпретация, PR-дискурс, концептуальные структуры

Необходимость обращения к дискурсу по связям с общественностью объясняется тем фактом, что он является одним и наиболее стремительно развивающихся типов институционального дискурса, затрагивающим все сферы человеческой деятельности. С возрастающим объемом информации возникает все большая потребность в специалистах, способных управлять потокам данных, использовать языковые средства и приемы выражения мысли, направляя информационные потоки в русло, необходимое для управления корпоративной репутацией и установления положительных отношений с аудиторией. Как отмечают исследователи, убеждающие типы дискурса используют язык как инструмент сохранения власти, управления поведением, а также формирования и сохранения положительной репутации [Grunig, Hunt 1984; Van Dijk 2009].

Рассмотрение специфики функционирования и интерпретирующего потенциала метафор в рамках англоязычного PR-дискурса позволяет раскрыть их роль в становлении ключевых концептов и ценностных ориентиров современного общества, а также обозначить особенности изменения англоязычной картины мира на современном этапе. Использование метафоры как когнитивного механизма формирования и распространения англоязычной картины мира служит основанием для всестороннего изучения текстов суггестивного дискурса, устанавливающим порядок и направляющим поведение людей. Изучение текстов, участвующих в осуществлении социального контроля и социального доминирования [Fairclough 1995: 112], находится в фокусе исследования специалистов различных областей гуманитарного знания. В текстах PR-дискурса посредством образных лингвистических выражений происходит экспликация концептов,

формирующих определенное представление о них в обществе, а также устанавливаются аксиологические основы восприятия феноменов и явлений.

Исследование метафорической концептуализации действительности в современной когнитивной лингвистике позволяет изучить способ отражения национального сознания, включая политическую реальность настоящего времени и социальные условия существования человека. Разработанная американскими исследователями Дж. Лакоффом и М. Джонсоном лингвистическая теория метафорического осмысления действительности отображает процесс автоматического и безусловного моделирования мира носителями языка [Lakoff, Johnson 1980]. Тексты PR-дискурса, представляя собой один из наиболее распространенных дискурсов, несут в себе заготовленные формулы для восприятия и интерпретации описываемых событий и явлений, способствуют формированию сознания представителей англоязычного социума, а также, благодаря экспансии английского языка, транслируются на весь мир.

Современные исследования в области когнитивной метафоры акцентируют внимание на когнитивной составляющей процесса категоризации и представления действительности на основе механизма сходства и переноса общих черт из одной сферы в другую (из «сферы-источника» в «сферу-мишень»), подчеркивая при этом «естественную тенденцию человеческой мысли, выражающейся в сходстве значений, соединяющих символы метаязыка с символами языка, к которой она [метафора] относится» [Jakobson 1963: 67]. Как отмечают исследователи, подвергаясь переосмыслению и перекатегоризации, фрагменты языкового опыта носителей языка порождают множество вторичных структур в языковом и концептуальном выражении [Болдырев 2021].

При обращении к дискурсу по связям с общественностью необходимо актуализировать то положение, что образные средства выражения, включающие метафору и метонимию, как ее часть, служат цели осуществления профессиональных целей специалистов данной области. Динамические процессы изменения метаязыка означенной предметной области, а также языковых средства, задействованные в PR-текстах, предназначенных для широкой аудитории, постоянно пополняются и расширяются, отражая концептуальную картину мира социума. Деятельность специалистов PR характеризуется метафорически переосмысленным термином *gatekeeping*, введенным в профессиональный язык массовых коммуникаций К. Левиным в 1947 году в исследовании, направленном на изучение потребительского спроса на продовольствие – “*Forces Behind Food Habits and Methods of Change*”. Изначально использованный термин «гейткипер» применялся по отношению к домохозяйкам, контролирующим приобретение и потребление продуктов на рынке, а позднее его стали применять к модели распространения новостей через определенные каналы коммуникации. Метафорически переосмысленный из сферы-источника контроля входа (привратник, билетер), термин «гейткипер» был использован в сфере-мишени – изучения домохозяйств, а в дальнейшем был наделен новым уровнем концептуализации применительно к сфере связей с общественностью. С 1950 года данная концептуальная структура также используется в журналистике, когда профессор Бостонского университета Дэвид Мэннинг применил теорию к исследованию, связанному с контролем и отбором новостных сообщений. Таким образом был сделан вывод о

том, что при отслеживании заданной информации в новостных источниках можно достичь понимания сложных ценностных систем, затрагивающих социальные и культурные процессы в социуме.

Умение выделять ключевые смыслы, волнующие массовую аудиторию на разных этапах развития, является одной из основных компетенций специалистов PR новой эпохи [Minyar-Beloucheva, Sergienko 2022]. Популярны метафоры общественно-политического дискурса в части представления выхода Великобритании из состава ЕС в 2016 году как путешествия, полного опасности (*Brexit is a perilous journey*), и мер противостояния коронавирусной инфекции 2020 году как войны (*a war on pandemic*) способствовали формированию определенного концепта в сознании носителей языка и людей по всему миру, отражая отношение к описываемым явлениям. Тексты, использующие метафоричные образы передачи сообщений, были адекватно интерпретированы аудиторией, что способствовало верному пониманию и выработке соответствующих решений.

Для современной социально-политической повестки особенно важным оказывается продвижение идеи разумного потребления с целью сохранения природных богатств для дальнейших поколений. Так, в данный момент в дискурсе по связям с общественностью огромное значение уделяется концепту устойчивого развития. Метафорическая единица *sustainability* и ее обратный дериват *sustainable* переносится на различные сферы-мишени: *sustainable development*, *sustainable behaviour*, *sustainable fashion*, *sustainable wardrobe*, etc. Название PR-кампании, проведенной американским телеканалом ITV в 2022 году, по продаже подержанного гардероба также состоит из метафорически переосмысленных единиц – *ITV's second hand wardrobe campaign*. В сообщении делается акцент на том, что многие телезвезды предпочитают первоклассные гардеробы от дизайнерских брендов, на фоне чего телекомпания решила использовать новый подход в сезоне программ *Love Island*. Объединившись с он-лайн ретейлинговой платформой *eBay*, руководство объявило, что участники шоу будут носить подержанные вещи (*second hand wardrobe*) с целью продвижения идеи устойчивого развития – *sustainable fashion*, или устойчивой моды. Отмечается, что проведенная PR-кампания имела успех, поскольку традиционно подвергаемая критике за свою расточительность, индустрия моды показала ответственное отношение к вопросам окружающей среды. Используя метафорическую реализацию нового концепта в общественном сознании, авторам идеи удалось достичь верной интерпретации и адекватной реакции на продвигаемое сообщение. Подобные метафорические переосмысления включают рассуждения о современных проблемах и способны «продуцировать знания» [Cattell 1971].

Экологическая повестка современных PR-кампаний выступает частью социально значимого императива в области экологического, социального корпоративного управления, или ESG (*environmental, social governance*), на который современные компании направляют все больший процент бюджета. В PR-дискурсе популярными в этой связи становятся метафоры с прилагательным 'green': *green energy*, *green hydrogen*, *green behaviour*, *green attitude*, *to go green on the products*, *green consumption*, etc, использующие переосмысленную единицу 'green' в значении «экологически чистый». Многие крупные международные корпорации - ИКЕА, PepsiCo, Nestle, а также российскими компаниями СБЕР, Яндекс и VK,

поддерживая социальные и экологические инициативы, в PR-текстах используют концепт бережного отношения к природе, что в целом направлено на осуществление определенных функций. Приоритетной задачей является побуждение к действию и убеждение слушателя в определённой точке зрения.

Проанализированный материал позволяет утверждать, что использование механизма когнитивной метафоризации сложных понятий, современных явлений или особенно актуальных феноменов, запускают широкие возможности кодирования и интерпретации смысла. Метафорическое представление ментальных сущностей помогает формированию ключевых концептов, наделяет их специфическими характеристиками и свойствами. Используя механизм сходства между привычными явлениями и новыми концептуальными сущностями, авторы текстов достигают максимально верной интерпретации заложенного смысла. Выразительные средства языка, используемые в PR-дискурсе, способствуют передаче смыслов и ценностных установок аудитории, формируют языковую и концептуальную картину мира.

Литература

Болдырев Н.Н. Взаимодействие первичных и вторичных структур в языковой картине мира как фактор ее динамики // Когнитивные исследования языка. 2021. №3. С. 40-44.

Cattell R. B. Abilities: Their Structure, Growth and Action. Boston, MA: Houghton Mifflin, 1971.

Fairclough N. Critical Discourse Analysis. London: Longman. 1995.

Grunig J.E. and Hunt T. Managing Public Relations, Holt, Rinehart&Winston. 1984. 584 p.

Jakobson R. Essais de Linguistique generale. Paris: Seuille, 1963.

Lakoff G., Johnson M. Metaphors We Live By. Chicago: University of Chicago Press, 1980.

Minyar-Beloroucheva A.P., Sergienko P.I. Competences development within L2 PR undergraduates education in the Digital age // AMAZONIA INVESTIGA. 2022. Vol. 11, no. 50. Pp. 282-289. DOI: 10.34069/AI/ 2022.50.02.26

Van Dijk T. A Society and discourse: how social contexts influence text and talk. Cambridge University Press, 2009. 299 p.

P.I. Sergienko (Moscow, Russia)
Lomonosov Moscow State University

THE INTERPRETIVE POTENTIAL OF METAPHOR IN PR DISCOURSE

This research examines the use of metaphorical means of expressing linguistic reality in English-language PR discourse. The interpretive potential of the metaphor mechanism reveals how the meaning of and attitudes towards objects of the surrounding reality or other socially important phenomena are formed and perceived. When creating PR messages and implementing figurative means of expression, copywriters strive to inform a wide audience about their product or service while creating a particular certain cognitive impact.

Key words: metaphors, cognitive mechanism, interpretation, PR discourse, conceptual structures

Е.В. Середина, Е.В. Кислицына (Белгород, Россия)
Белгородский государственный научный исследовательский университет
seredina@bsu.edu.ru

ЯЗЫКОВЫЕ СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ МАГИЧЕСКОГО РЕАЛИЗМА В РОМАНЕ С. РУШДИ «ПОСЛЕДНИЙ ВЗДОХ МАВРА»

Статья представляет собой анализ языковых особенностей в романе знаменитого английского писателя Салмана Рушди «Последний вздох мавра». Исследование единиц на всех уровнях языка служит целью определения основных языковых средств в романе, отражающих идею произведения и раскрывающих специфику магического реализма.

Ключевые слова: магический реализм, Салман Рушди, метафора, языковые средства, постмодернистский роман.

Современная литература представляет собой сложный конгломерат направлений и жанров, сочетание, которое порой содержит прямо противоположные виды и формы и требуют время не только для анализа, но и для понимания. Одним из феноменов в литературе является «магический реализм – явление XX века, ответная реакция современного искусства на новую, стремительно меняющуюся картину мира и сложную многоплановую реальность» [Кислицын 2011: 274]. Главная черта данного направления состоит в мастерстве автора показать настоящую реальность посредством включения мифических и вымышленных элементов, которые придают сюжету одновременно и загадочность и достоверность.

Ярким представителем магического реализма в британской литературе является Салман Рушди, англоязычный автор индийского происхождения. Биография автора заслуживает отдельного внимания, и может быть отнесена к произведениям магического реализма, сколько удивительных, порой загадочных происшествий случилось с Рушди за его жизнь. Романы Салмана Рушди пользуются популярностью среди отечественных лингвистов и литературоведов, огромное количество работ посвящены особенностям авторского стиля Рушди и этническому своеобразие его романов [Антонова, 2009; Бондаренко, 2016; Трушкова, 2020 и другие].

Несмотря на известность и популярность романа «Последний вздох мавра» и многочисленные исследования в зарубежном литературоведении [Pearce 2022, Deszcz 2004 et al], где основная тема большинства работ – это анализ сюжетно-тематического своеобразия романа и его художественных особенностей, в отечественной лингвистике исследования на тему роли языковых средств в произведении и вовсе отсутствуют. Следовательно, новизна данного исследования заключается в недостаточной изученности проблемы и новизне материала, а также в применении комплексного подхода, сочетающего в себе традиционные и новые методы лингвистических исследований, такие как метод контекстного анализа и метод семантического анализа лексических единиц.

Цель исследования – рассмотреть языковые средства, которые передают атмосферу магического и в то же время реальность происходящих событий.

Языковые средства были собраны методом сплошной выборки из текста, где главный принцип – отбор лингвистических единиц, принадлежащих всем

уровням языка, фонетическому, лексическому, синтаксическому, с учетом постмодернистского контекста, в котором принято воспринимать данное произведение. «Симбиоз магического и реального в современном магическом реализме может быть выражен несколькими различными способами, как-то : сбалансированностью объема магических и реальных феноменов» [Биякаева 2017: 70].

При анализе следуют разграничивать средства для создания магического и реального в романе. «В художественной литературе магия, а вместе с ней и магическое, восходит к мифологической модели мира и реализуется преимущественно в магических текстах, которые в свою очередь насыщены символами, произносятся по особым правилам, в специальных условиях, а также характеризуются устойчивой формально-содержательной структурой» [Осиноянова 2022:339]. Для выражения магизма были выявлены следующие средства:

– Фонетический каламбур: “Pudding-shudding?” [Rushdie 1996: 23], создают юмористический эффект вымысленности.

– Курсив “*Hai Ram!*” [Rushdie 1996: 27]. Выделение курсивом слов, которые являются своего рода магией для англоязычного читателя, поскольку содержит заимствованные элементы из другой культуры (индийской).

– Слияние слов, своего рода графический каламбур для придания необычности и загадочности происходящего “I see that hate-the-sin-and-love-the-sinner sweetness, that historical generosity of spirit...” [Rushdie 1996: 33]

– Включение в контекст слов песен, ритуалов, мифов. “One such sequence (*tat-tat-taa dreegay-thun-thun jee-jee- kathay to, talang, taka-thun-thun, tai! Tat tai!*)” [Rushdie 1996: 21].

– Метафоры, в основе которых есть сравнение с животными, магическими средствами. “...they demanded departure of the revanchist poodles of colonialism, the blood-sucking cockroaches of imperialism...” [Rushdie 1996: 31].

– Простые предложения, которые представлены в основном в конце глав и служат своего рода отражением заклинаний или магических ритуалов. “God yes. I want to. Yes. O God” [Rushdie 1996: 252].

Выражением реализма служат следующие языковые средства:

– Антропонимы и топонимы, связанные с историей страны. Реальные имена помогают читателям поверить в происходящие события в романе: “...and Bombay’s large demonstrations against, the visit of the Prince of Wales (the future Edward VIII)” [Rushdie 1996:23].

– Аллюзии на культуру, религию, кухню и традиции страны – “Then bring me a Shiva lingam. Bring me to River Ganges” [Rushdie 1996: 27]. Упоминание Шивы, индуистское божество, и купание в реке Ганге, которое очищает от негативной энергии, прямо указывает на традиции индийского общества.

– Риторические вопросы: “What sort of family is this? Is this *normal*? Is this what we are all like?” [Rushdie 1996:40]. Обращение к себе героя помогает прочувствовать его состояние и сопереживать.

Рассмотрев данные примеры, можно прийти к выводам, что основными средствами, создающими магический реализм в произведении, являются графические средства и стилистические средства. Сочетание этих средств создает и развивает сюжет, которому верит читатель и сопереживает главному герою.

Основными особенностями реализма как художественного метода является:

– доступность описания для большого круга читателей, что достигается использованием иноязычной лексики, что доказывает, что роман создан для мультикультурного общества;

– принцип историзма, который заключается в описании исторических событий и их влиянии на жизнь главного героя через использование антропонимов и топонимов;

– принцип психологизма, который выражается в описании внутреннего состояния героя при помощи синтаксических средств, а именно риторических вопросов, восклицательных предложений;

– изображение главного героя из народа, с семейными проблемами. Чертой романа является семейное древо, имена, даты их рождение и смерти, данные, которые дают читателям возможность не запутаться в родственных отношениях главного героя.

Основными принципами магизма в произведении являются:

– использование лексики, связанной с легендами, мифами, сказаний о семье, поскольку сама история построена на воспоминаниях и легендах;

– языковые каламбуры, которые добавляют волшебство в описание.

Салман Рушди рационально и умело играет с языковыми средствами, не перегружая сюжет лексически и стилистически, давая читателю возможность самому участвовать в повествовании, при этом графические средства служат своего рода маятниками, направляющими читателя на авторские умозаключения. Лексические средства, отсылающие к традициям и культуре, помогают воссоздать этническую атмосферу происходящих событий. Основное внимание уделяется стилистическим средствам, которые при своей экспрессивности помогают выполнить главную задачу – изобразить реалистическую историю героя из народа с элементами магии и волшебства.

Литература

Антонова Н.А. Испанский эпос в романе Салмана Рушди «Прощальный вздох мавра» // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 8: Литературоведение. Журналистика. 2009. №8. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ispanskiy-epos-v-romane-salmana-rushdi-proshalnyy-vzdoh-mavra> (дата обращения: 25.01.2023).

Биякаева А.В. Взаимосвязь уровней художественной реальности в текстах современного магического реализма // Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования. 2017. №2 (15). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vzaimosvyaz-urovney-hudozhestvennoy-realnosti-v-tekstah-sovremennogo-magicheskogo-realizma> (дата обращения: 24.01.2023).

Бондаренко Л.В. Этническое своеобразие нарратива в романе Салмана Рушди «Дети полуночи» // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Филологические науки. 2016. №2-2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/etnicheskoe-svoeobrazie-narrativa-v-romane-salmana-rushdi-deti-polunochi> (дата обращения: 25.01.2023).

Кислицын К.Н. Магический реализм // Знание. Понимание. Умение. 2011. №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/magicheskiy-realizm> (дата обращения: 25.01.2023).

Осиянова О.М., Черашева С.А. Магическое и средства его выражения в литературе жанра фэнтези // СИСП. 2022. №2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/>

magicheskoe-i-sredstva-ego-vyrazheniya-v-literature-zhanra-fentezi (дата обращения: 26.01.2023).

Трушкова М.А., Нигматуллина А.М. Мифологизация исторической реальности как особенность романов Салмана Рушди на примере романа «Дети полуночи» // *Universum: филология и искусствоведение*. 2020. №6 (73). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mifologizatsiya-istoricheskoy-realnosti-kak-osobennost-romanov-salmana-rushdi-na-primere-romana-deti-polunochi> (дата обращения: 25.01.2023).

Deszcz J. Salman Rushdie's Magical Kingdom: The Moor's Last Sigh and Fairy-Tale Utopia. *Marvels & Tales*. 18. 2004. P. 28-52. DOI: 10.1353/mat. 2004.0006.

Pearce S.J. '...The enemy is close and in this sad story, Ximena is the Cid': Reading The Moor's Last Sigh in light of Salman Rushdie's sources. *Postmedieval* 13, 2022. P. 471-496.. <https://doi.org/10.1057/s41280-022-00257-9>

Rushdie S. *Moor's last sigh*. London: Penguin Random House, 1996. 439 p.

E.V. Seredina, E.V. Kislisyna (Belgorod, Russia)
Belgorod State National Research University

LANGUAGE MEANS OF EXPRESSION MAGIC REALISM IN LAST MOOR'S SIGH BY SALMAN RUSHDIE

The article presents analysis of language means in the novel "Last Moor's sigh" by prominent English writer Salman Rushdie. The goal of the research is to study means on all language levels in order find out the main ones in the plot of the novel. The results show language markers of magic realism in the novel.

Key words: magic realism, Salman Rushdie, metaphor, language means, contextual analysis, postmodern novel.

К.Я. Сизал (Москва, Россия)
Институт языкознания РАН
kjseagal@yandex.ru

ПУНКТУАЦИОННЫЕ ИННОВАЦИИ СКВОЗЬ ПРИЗМУ КОГНИТИВНО-ПРАГМАТИЧЕСКОГО ПОДХОДА

В статье дается представление о когнитивно-прагматическом подходе к пунктуации и демонстрируется его значительный объяснительный потенциал применительно к пунктуационным инновациям. Анализируя новый знак препинания в английской пунктуации – «континуум», предложенный индийскими лингвистами в 2022 году, автор уточняет структуру, функции и сферу применения этого знака препинания, определяет его перспективу в пунктуационной практике.

Ключевые слова: когнитивно-прагматический подход, пунктуация, пунктуационные инновации, текст, континуум, тильда.

Как известно, когнитивно-прагматический подход к языку предполагает интерпретацию (моделирование) того, как когнитивная система человека применяется при порождении и смысловом восприятии речи [Nuyts 1992]. Особая роль в подобной интерпретации, несомненно, должна отводиться тому, как репрезентированы в голове (мозгу) человека пунктуационные знания и навыки опериро-

вания знаками препинания (далее – ЗП) при создании / понимании письменной речи. По всей видимости, в когниции представлен относительно автономный пунктуационный компонент (модуль), отвечающий за пользование ЗП в той или иной национальной письменно-речевой традиции. В рамках этого модуля отражены и обобщены тенденции (и отчасти нормы) употребления ЗП (ср., например, типы пунктуационных позиций и допустимые / недопустимые в них ЗП), а также опыт метаязыковой рефлексии субъекта над своей / чужой пунктуационной деятельностью. Подобный взгляд на пунктуационный компонент (модуль) напрямую связан с современной теорией прагматики пунктуации, в которой пунктуация рассматривается как сознательно осуществляемое маркирование различных информационных блоков, указывающее на то, как выражающие их структуры должны быть организованы и использованы в процессе понимания [Figueroa 2001: 9, 27].

Вводимые носителями языка в письменно-речевой оборот пунктуационные инновации обусловлены лабильностью пунктуационного компонента (модуля) и определенной избыточностью самой пунктуационной системы. К пунктуационным инновациям относятся: 1) создание новых ЗП на основе средств типографской пунктуации (и шире – текстовой графики) путем изменения их структурных и функциональных свойств (реже – в результате заимствования из иноязычной пунктуационной системы); 2) окказиональное оформление нормативных пунктуационных позиций; 3) акцентировка окказиональных пунктуационных позиций. Важно отметить, что все три типа инноваций основаны на намерении пишущего, на его своеобразной пунктуационной установке, но не на банальной пунктуационной ошибке или опiske. Второй и третий типы пунктуационных инноваций могут обходиться имеющимися средствами пунктуационного маркирования, хотя «креативная жилка» [Кубрякова 2012: 74] пишущего нередко приводит к их взаимодействию с пунктуационными инновациями первого типа. При этом в подобном акте пунктуационного проектирования происходит создание либо синонима стандартного ЗП, либо целого пунктуационного явления – ранее не осознаваемой пунктуационной позиции вместе с ее маркером, отсутствовавшим до этого в наборе ЗП или имевшим иную структуру и иное предназначение. Этот последний случай особо интересен по той причине, что в нем с наибольшей полнотой раскрывается специфика творческой деятельности носителей языка, в том числе лингвистов, в сфере пунктуации.

В 2022 году индийские лингвисты С.С. Сахдев, Т.Дж. Четтианканди и Дж. Батра предложили новый ЗП в контексте соединения предложений – «континуум», представленный тильдой. Этот ЗП должен ставиться в начале и в конце слов, общих для контактных предложений в тексте. Ср.: *It was a common trait found in some women. In some women, the opposite was noted.* → *It was a common trait found ~in some women~ the opposite was noted.* ЗП «континуум» реализует принцип экономии в текстообразовании: «зона континуума (continuum zone)» включает в себя общие слова, точку между двумя предложениями и запятую в последнем предложении после детерминанта [Sachdev, Chettiankandy, Batra 2022: 66-67]. Добавим: в этой зоне остается также прописная буква в начале второго предложения. По мнению создателей пунктуационной инновации, предотвращая повтор слов, новый ЗП «улучшает представление предложений на письме и де-

лает текст более приятным для чтения (*more pleasant to read*)» [Там же: 68]. В качестве основной сферы применения этого ЗП они называют научный текст («*writing scientific research*») [Там же: 67].

Важно отметить, что ЗП «тильда» до недавнего времени применялся исключительно при подаче иллюстративного речевого материала с целью маркирования пропуска слова или его основы, повторяющих заголовков словарной статьи. Ср.: *repress* и *~ a revolt; ~ed emotions* [Хорнби 1983: 541]. В начале XXI века ЗП «тильда» либо комплекс ЗП «точка» + «тильда» (так называемый *snark mark*) предлагалось использовать как маркер завершения саркастического предложения [Гончарова 2018: 60-61]. Создание ЗП «континуум», связанное с интегрирующей функцией пунктуации, призванной «соединять, сочленять смыслы» [Кольцова 2006: 36], обусловлено выделением окказиональной пунктуационной позиции, образованной в результате компрессии общих элементов на «стыке» двух предложений в тексте, и поиском адекватного средства ее графического обозначения. Этот ЗП разрушает пунктуационный стереотип об оппозиции начала и конца предложения в условиях когезии [Шварцкопф 2002]. Существенно, что ЗП «континуум» реализуется не одиночной тильдой, как это описано в статье С.С. Сахдева с соавторами, а двойной (~...~), в чем-то подобной двойной запятой, двойному тире, двойному многоточию и скобкам. Разница состоит лишь в том, что эти двойные ЗП действуют в границах одного предложения, тогда как ЗП «континуум» обозначает графически «слияние» двух предложений. Поэтому функционал нового ЗП не ограничивается выделением, как у других двойных ЗП, но включает в себя также указание на компрессию и интеграцию. Кроме того, по сравнению с тильдой в словарной статье, дающей читающему ретроспективную ориентацию, двойная тильда в ЗП «континуум» обладает ориентацией проспективного типа.

При оперировании новым ЗП неизбежно встает вопрос о том, какие факторы могут препятствовать его употреблению. Ср. следующие текстовые «связки» предложений: *That summer we lived in the village. The village was not so far from the road; I often remember my childhood... My childhood wasn't a picnic*. Представляется, что применение ЗП «континуум» в обоих контекстах невозможно. В первом случае этому препятствует отсутствие полного повтора. Постановка же левого элемента двойной тильды после предлога *in* недопустимо потому, что ЗП не может стоять внутри предложной именной группы. Во втором случае отказ от ЗП «континуум» связан с тем, что он «поглотит» многоточие, крайне важное для отображения паузы хезитации, предвещающей трудные воспоминания о детстве. Скорее всего, ЗП «континуум» будет ограничен в своем употреблении и по той причине, что он делает почти незаметными рема-тематическое движение на основе повтора и смысловое подчеркивание повторяемого компонента в текстовых соединениях предложений.

Безусловно, обсуждаемая пунктуационная инновация интересна тем, что она включает в репертуар собственно текстовой пунктуации ЗП, действующий на строке (ср., например, с абзацем) и напрямую отражающий интегрирующее предназначение пунктуационной деятельности. Однако, как представляется, включение ЗП «континуум» в пунктуационный узус будет связано с целым рядом трудностей. Во-первых, применение этого ЗП окажется востребованным в

разных доменах письменной коммуникации в неодинаковой мере: если в научных текстах данный пунктуационный акт возможен (на это указывают и создатели ЗП «континуум»), то в художественной речи вероятность обращения к нему приближается к нулю (естественно, за пределами языковой игры). Во-вторых, ЗП «континуум» создает своеобразную асимметрию на коммуникативной оси «пишущий – читающий»: если пишущему этот ЗП может быть полезен для сокращения речемыслительных затрат на передачу информации, то от читающего, наоборот, предложение с «зоной континуума» [Sachdev, Chettiankandy, Batra 2022: 67] может потребовать значительных усилий на расшифровку информации, выраженной столь нетривиальным способом. В-третьих, текстовая пунктуация (пожалуй, за исключением абзаца) довольно слабо охвачена метаязыковой рефлексией носителей языка, не являющихся лингвистами или писателями-экспериментаторами: в данном же случае посредством ЗП «континуум» под видом предложения подается минимальная структура связного текста.

В заключение необходимо отметить, что пунктуационные инновации, вне зависимости от их дальнейшей судьбы в узусе, свидетельствуют о том, что пунктуация представляет собой не усвоенную раз и навсегда конвенцию, а живое, актуализованное знание, нацеленное на удовлетворение растущих экспрессивных и сугубо утилитарных пунктуационных потребностей участников письменной коммуникации.

Литература

Гончарова Н.Н. К вопросу о современных тенденциях в английской пунктуации // Научный диалог. 2018. № 4. С. 54-64.

Кольцова Л.М. Пунктуационный эксперимент в художественном тексте. Воронеж: Изд-во ВГУ, 2006.

Кубрякова Е.С. В поисках сущности языка: Когнитивные исследования. М.: Знак, 2012.

Хорнби А.С. Учебный словарь современного английского языка. М.: Просвещение, 1983.

Шварцкопф Б.С. Оппозиция «начало – конец» в пунктуационном пространстве предложения // Логический анализ языка. Семантика начала и конца. М.: Индрик, 2002. С. 359-362.

Figueras C. Pragmática de la puntuación. Barcelona: EUB; Octaedro, 2001.

Nuyts J. Aspects of cognitive-pragmatic theory of language. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins, 1992.

Sachdev S.S., Chettiankandy T.J., Batra J. Proposing a new punctuation mark – the continuum (~) // Research journal of English language and literature. 2022. Vol. 10. № 4. P. 66-68.

K.Ya. Seagal (Moscow, Russia)

Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences

PUNCTUATION INNOVATIONS THROUGH THE PRISM OF A COGNITIVE-PRAGMATIC APPROACH

The article gives an idea of the cognitive-pragmatic approach to punctuation and shows the great explanatory potential, especially those of punctuation innovations. Analyzing the continuum, a new punctuation mark in English proposed by Indian linguists in 2022, the au-

thor clarifies the structure, functions, and scope of this punctuation mark and determines the prospects of its use.

Key words: cognitive-pragmatic approach, punctuation, punctuation innovations, text, continuum, tilde.

Т.В. Сивова (Гродно, Беларусь)

Гродненский государственный университет им. Янки Купалы

sitavi@tut.by

ЦВЕТ ЛЕБЕДЫ В РЕПРЕЗЕНТАЦИИ СЕГМЕНТА ЦВЕТОВОЙ КОНЦЕПТОСФЕРЫ ФЛОРИСТИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА ЯЗЫКА

В ходе носящего полидискурсивный характер исследования, целью которого является реконструкция сегмента цветовой концептосферы флористического пространства русского языка, выявлен и охарактеризован состав терминов цвета, значимых в колористической визуализации лебеды; выявлены доминанты цвета, репрезентирующие стандарт цветового восприятия растения; установлен спектр уникальных колористических описаний; раскрыт функциональный потенциал колористических дескрипций лебеды.

Ключевые слова: лингвистика цвета, термин цвета, фитоним, концепт, концептосфера, языковая картина мира.

Глобальная задача создания по возможности полной версии описания цветовой концептосферы русского языка, стоящая перед работающими в области лингвистики цвета исследователями (В.Г. Кульпина), обуславливает научный интерес к выявлению специфики колористической визуализации лебеды, репрезентирующей сегмент цветовой концептосферы флористического пространства языка, в ходе носящего полидискурсивный характер исследования.

Принимая во внимание демонстрирующий взаимосвязь флористического и колористического пространств факт существования традиционного народного способа использования лебеды в качестве красителя: лебеда садовая (*Atriplex hortensis*) трава окрашивает ткани и кожу в синий; пищевой краситель; Марь белая, лебеда (*Chenopodium album*) трава окрашивает кожу в красный; пищевой краситель (см.: [Мингажева 2019: 15]), представим специфику колористической перцепции и визуализации растения на материале текстов лексикографического, ассоциативного, художественного, рекламного дискурсов.

Лексикографический дискурс актуализирует в репрезентации лебеды термины цвета *белый, зеленый, реже красный, серебристый*, транслирующие как онтологический цвет, так и зн. принадлежности виду. Ср.: *зеленая лебеда* (БТС), *зеленая лебеда* (МАС), *белая лебеда* (виды); *серебристая лебеда* (покрытая мучнистым налетом на листьях) (РСС) [СЛОВАРИ. РУ]; *лебеда красная; белая, зеленая марь* (см.: [Даль 2006 2: 245]); название растений дано по опыленным белой пылью листьям (см.: [Фасмер 1986: 469]); растение названо по белому цвету листьев (с изнанки) (см.: [Шанский 1971: 235]); к лат. *albus* 'белый'; у лебеды листья с внутренней стороны имеют белый цвет [Крылов 2005: 214]; в разных языках известны примеры, когда в основу наименования лебеды кладется при-

знак 'белая' или 'мучная', обусловленные тем, что ее листья (*Chenopodium album* L.) беловаты, будто обсыпаны мукой (см.: [Аникин 1993: 97]).

Ассоциативный дискурс уточняет актуальное колористическое представление о лебеде (НАЭ, 2021 г.; 611 студ.: 297 муж., 314 жен., 17–20 лет): респондентам было предложено привести цветовую реакцию на стимул-фитоним «лебеда». Статистика по запросу: всего реакций на стимул «лебеда» 256; различных реакций 19; одиночных 6; отказов 355. Результаты: зеленый 122: 75 (ж), 47 (м); белый 95: 55 (ж), 40 (м); голубой 5: 2 (ж), 3 (м); желтый 4: 3 (ж), 1 (м); красный 4: 1 (ж), 3 (м); черный 4: 3 (ж), 1 (м); бледно-зеленый 3: 2 (ж), 1 (м); синий 3: 1 (ж), 2 (м); розовый 2: 1 (ж), 1 (м); салатный 2: 1 (ж), 1 (м); светло-зеленый 2: 1 (ж), 1 (м); серый 2: 1 (ж), 1 (м); темно-зеленый 2: 2 (ж); бирюзовый 1: 1 (ж); зелено-голубой 1: 1 (м); зеленый, белый 1: 1 (м); светло-желтый 1: 1 (ж); сиреневый 1: 1 (ж); ярко-салатный 1: 1 (ж); нет ответа 355: 162 (ж), 193 (м). Спектр включает 12 терминов цвета, композиты (*зелено-голубой; бледно-зеленый; светло-желтый; ярко-салатный; темно-зеленый*), цепочки цвета (*зеленый, белый*). Доминанта *зеленый*, вторая позиция – *белый* (ср. словари). Доля отказов от ответа свидетельствует о несформированности цветового представления о лебеде. NB! «РАС» не фиксирует цветовые реакции [РАС 2002].

Художественный дискурс, несущий отпечаток индивидуально-авторской цветовой картины мира писателя, мастера художественного слова, эксплицирует функциональный потенциал колористических дескрипций растения: часто в стихах цвет используется поэтом < С.А. Есениным > в сочетании с названиями растений в описательно-конкретизирующей функции: *кусты багряные лебеды; малиновая лебеда* (см.: [Южакова 2020: 39]); в роли экспликатора авторской модальности (цветообозначения золотого тона сообщают «поэтическое звучание» артефактам повседневности): *Золотей твоих кос по курганам Молодая шумит лебеда* (см.: [Бабулевич 2008: 212]); более того, лексема *малиновый* может входить в структуру поэтических образов, отражающих самую суть Руси, благодаря своей внутренней форме ассоциируясь в народном сознании со светлым, жизнеутверждающим началом: *О Русь – малиновое поле; также За перепаханною нивой малиновая лебеда* (см.: [Alimpijewa 2007: 182]). В аспекте перевода – могут наблюдаться переводческие трансформации (пропуск термина цвета): [на англ. яз.] «*He brodit', ne mjať v kustach bağrynych / Lebedy i ne iskat' sleda*». “*I’ll no more go roaming, no more seeking, / No more crushing goosefoot in the wood*” (пер. Темпест) [Халитова 2021: 26]; (замена термина): [на польск. яз.] “*Na purpurowych krzakach nie gnieść wrzosów / I nie szukać śladów dalekich*” (пер. Lewin), сопровождающаяся трансформацией и колористической, и образной составляющей, обусловленной преобразованием колористических образов С. Есенина в приоритетные для польской эстетической традиции (*багряный – пурпурный; лебеда – вереск*) (см.: [Кульпина 2008: 132-133]).

В цветовой концептосфере произведений Алексея Воробьева дескрипции лебеды описывают систему координат лирического героя, которая характеризуется «вечным противоборством полярностей», контекстуальной антонимической парой цветных флористических дескрипций (*золотой – черный*): ему, земледельцу, как никому другому, известно, что на ниве жизни рядом растут «золотая пшеница» и «черная лебеда» (см.: [Иванова 2013: 66]). В концептосфере цвета

прозы К.Г. Паустовского дескрипции лебеды фиксируют влияние внешних факторов (*черный*): *на кучах старого шлака чернели заросли засохшей лебеды* [Паустовский 1982 4: 679]; свойства лебеды как красителя (*зеленый*): *цинковый прилавок позеленел от пыли лебеды и полыни. И вся дорога тоже была зеленоватой от этой пыли* [Паустовский 1982 5: 156]; отражают художественное мастерство писателя (в основе описательных оборотов лежит эталон-прототип цвета): *замерзший, посыпанный солью мороза стебель лебеды во дворе* [Паустовский 1982 5: 57]. Ряд примеров зафиксирован в НКРЯ, что закономерно обуславливает обращение к нему.

НКРЯ обнаруживает в дескрипциях лебеды термины цвета *зеленый* 8; *багряный*, *белый*, *серебристый*, *синий*, *черный* 2; *белесый* 1, коррелирующие с фитонимом *лебеда*: *дикая серебристая лебеда* (Бунин); *мимо синей лебеды* (Вс. Иванов), спорадически – *листочек*, *пыльца*, *заросль*, *ком*, *вид*: *Лебеда, опуская свои зеленые листочки* (Мамин-Сибиряк); *черные комья заплесневшей лебеды* (Короленко) [НКРЯ]. Спектр расширяется лекс. *пыльный*, со зн. ‘быть в цвету’, *лосниться*, *грязный*, со зн. утраты цвета (*выгореть*): *на сухой земле возле огромной пыльной лебеды* (Эппель); также в видовом зн.: *обратить внимание на различные виды лебеды, зеленой и белой* (*Chenopodium Viride et album, Atriplex patulum*) (Эрисман) [НКРЯ]. ПК НКРЯ фиксирует цветообозначения *багряный*, *малиновый*, *серый* 1 (*лебеда*, *куст*, *паутинка*): *За перепаханную нивой // Малиновая лебеда* (Есенин); *Так роса блестит на серых // Паутинках лебеды* (Полонский) [НКРЯ]. В дескрипциях находит отражение насыщенность цвета: *Лебеда в этот год подымалась почти синяя* (Вс. Иванов); *ярко зеленеющей лебедой* (Жуков); актуализация фитонимических параллелей: *вот свеколка взошла, а вот вместе с ней лебеда, цветом и фигурой под свеклу обрядилась* (Редичев); обращает на себя внимание частеречная принадлежность цветообозначений (*зеленеть*, *обзеленить*, *позеленеть*; *чернеть*): *наступал на них ботинками, обзелененными лебедой* (Шолохов) [НКРЯ].

Пересечение реестров цветообозначений, сформированных в результате выборки из лексикографических источников (№ 1), данных НАЭ (№ 2), прозы К.Г. Паустовского (№ 3), данных НКРЯ (№ 4), ПК НКРЯ (№ 5), отмечается в термине цвета *зеленый* (№ 1–4), эксплицирующем массовый цветовой стереотип восприятия лебеды, далее по значимости – *белый* (№ 1, 2, 4), *черный* (№ 2, 3, 4). Околоядерную зону (при полевой стратификации) формируют термины цвета, фиксируемые в двух реестрах (в алф. порядке): *багряный* (№ 4, 5); *красный* (№ 1, 2); *серебристый* (№ 1, 4); *серый* (№ 2, 5); *синий* (№ 2, 4). Особый интерес в описании цветовой концептосферы представляют единичные дескрипции, репрезентирующие уникальное авторское восприятие растения (периферия области цвета): № 2 (НАЭ): *бирюзовый*, *бледно-зеленый*, *желтый*, *зелено-голубой*, *светло-желтый*, *светло-зеленый*, *сиреневый*, *темно-зеленый*, *ярко-салатовый* и др.; № 4 (НКРЯ): *белесый*; № 5 (ПК НКРЯ): *малиновый*. Отметим также, что в языковом сознании носителей языка, согласно В.К. Харченко, цвет лебеды соотносится с белесым, мучнисто-серебристым: *Белёсый. Мучнисто-белый. Цвет лебеды* [Харченко 2021: 28]; *Мучнисто-серебристый. Рассыпчато белый, как мука, с лёгкой серебристостью. Лебеда* [Харченко 2021: 317].

Рекламный и научный дискурс фиксируют значимость цветовой составляющей в создании номинаций видов и сортов лебеда: лебеда садовая красная, лебеда «Красное перо», «Red Plume», «Кровавая Мэри», «Crimson Plume»; лебеда садовая фиолетовая; лебеда огородная желтая, лебеда «Gold Plume»; лебеда огородная зеленая; лебеда белая, или лебеда седая (лат. *Atriplex cana*); лебеда сереющая (лат. *Atriplex canescens*). Вместе с тем фиксирующий сформированность в языковом сознании носителя языка устойчивого колористического представления о растении процесс создания терминов цвета на основе цветовой дескрипции растения, получающий отражение в рекламных текстах, актуализирующих стратегию эмоционального типа, не получает реализации потенциала. Отмечаем единичные случаи функционирования терминов цвета *лебеда, светлая лебеда*, созданных, предположительно, копирайтерами (см. каталоги), коррелирующих с номинациями ниток: *Нити «Радуга» – шерстяные нитки для вышивания и рукоделия, «Сделай своими руками». Цвет № 613 св. лебеда* (<https://luceel.ru/catalog/54513/54419/>); *Нитки для вышивания мулине «Радуга», цвет № 806 лебеда* (<https://spb.star-tex.ru>). Ср. с данными проведенного нами НАЭ. И отсутствие подобных – в рекламных текстах, созданных носителями обыденного сознания (www.avito.ru).

Результаты. 1. Выявлен количественный и качественный состав актуализируемых в дескрипциях лебеда терминов цвета (17 ед.; описано расширение состава). 2. Установлена доминанта цвета, манифестирующая стереотип перцепции лебеда (*зеленый*). 3. Выявлен спектр уникальных описаний лебеда, несущих отпечаток индивидуально-авторской цветовой КМ языковой личности (*бирюзовый, белесый; малиновый*). 4. Описана сочетаемость лексических единиц с цветовым и фитонимическим значением (*лебеда, листочек, пыльца, заросль, ком, вид*). 5. Установлена функциональность дескрипций лебеда (онтологическая, видовая, экспрессивно-эстетическая, аксиологическая, этнолингвокультурная, рекламная функции). 6. Вместе с тем продуктивность создания подлежащих фиксации и лексикографированию терминов цвета, созданных на основе колористической дескрипции лебеда, охарактеризована как невысокая, сфера денотации – как узкая.

Литература

Alimpijewa R., Babulewicz S. Специфика перекодирования лексико-цветовой парадигмы лирики Сергея Есенина в польской языковой системе // *Acta Polono-Ruthenica*. 2007. Т. 1. № XII. Р. 177-188.

Бабулевич С.Н. Цветообозначения как экспликативы авторской модальности (на материале поэзии С. Есенина) // *Модальность в языке и речи: новые подходы к изучению*: сб. науч. трудов. Калининград: Изд-во РГУ им. И. Канта, 2008. С. 206-213.

Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. Т. 2. М.: РИПОЛ классик, 2006.

Иванова Е.Ю. Художественно-философская концепция счастья в поэзии Алексея Воробьева в контексте национально-культурных традиций // *Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И.Я. Яковлева*. 2013. № 1 (77). Ч. 1 С. 60-70.

Из истории русских слов: Словарь-пособие / А.Е. Аникин. М.: Школа-пресс, 1993.

Крылов Г.А. Этимологический словарь русского языка. СПб.: Полиграфуслуги, 2005.

Кульпина В.Г. Проблемы и закономерности перевода этноприоритетных классов лексики (русско-польская традиция) // *Ментальность. Коммуникация. Перевод: сборник статей*. М.: РАН. ИНИОН, 2008. С. 104-140.

Мингажева А.М. Натуральные красители из растений. Методическое пособие. Уфа. 2019. URL: <https://rdebcrb.ru> (дата обращения 18.01.2022).

НКРЯ – Национальный корпус русского языка. URL: <https://ruscorpora.ru> (дата обращения 21.03.2021).

Паустовский К.Г. Собрание сочинений: в 9 т. М.: Худож. лит., 1981–1986. Т. 4: Повесть о жизни. Кн. 1-3. 1982. Т. 5: Повесть о жизни. Кн. 4-6. 1982.

РАС – Русский ассоциативный словарь / под ред. Ю.Н. Караулова. М.: АСТ-Астрель, 2002.

СЛОВАРИ.РУ Электронная библиотека словарей русского языка. URL: <http://slovari.ru> (дата обращения 18.01.2022).

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. Т. 2. М.: Прогресс, 1986.

Халитова А.Ш., Ариас А.-М. Перевод колоративов в поэзии С.А. Есенина на английский и немецкий языки // Ученые записки Санкт-Петербургский университет технологий управления и экономики. № 2 (74). 2021. С. 24-33.

Харченко В.К. Словарь цвета: полная версия. Белгород: ИД «БелГУ» НИУ «БелГУ», 2021.

Шанский Н.М. и др. Краткий этимологический словарь русского языка. М.: Просвещение, 1971.

Южакова Ю.А. Лексико-семантическая группа «Цвет» в лирике С.А. Есенина // Современное есениноведение. 2020. № 1. С. 37-42.

T.V. Sivova (Grodno, Belarus)

Yanka Kupala State University of Grodno

THE COLOUR OF QUINOA IN REPRESENTATION OF FLORAL SPACE RUSSIAN COLOUR CONCEPTOSPHERE SEGMENT

In this polydiscursive research aimed at reconstructing the floral space of the Russian colour conceptosphere, we revealed and characterized the composition of colour terms significant in visualizing the colour of quinoa. We revealed the dominant colour representing the standard of colour perception for quinoa; established the spectrum of unique colour descriptions; and revealed the functional potential of descriptors for the colour of quinoa.

Key words: linguistics of colour, term of colour, phytonym, concept, conceptosphere, language picture of the world.

В.Л. Соколова (Москва, Россия)

*Московский государственный лингвистический университет;
Дипломатическая академия Министерства иностранных дел РФ
sokolova_mglu@mail.ru*

ЯВЛЕНИЕ ОТСРОЧЕННОГО ДИСКУРСИВНОГО ПРОГРАММИРОВАНИЯ В АНГЛОЯЗЫЧНОМ ХУДОЖЕСТВЕННОМ ДИСКУРСЕ

Доклад посвящен явлению отсроченного дискурсивного программирования, которое автор считает важным средством поддержания внимания аудитории в англоязычном художественном дискурсе. Рассматриваются разновидности и концептуальные ме-

ханизмы отсроченного дискурсивного программирования; делаются предположения относительно дискурсивной эффективности этих разновидностей.

Ключевые слова: дискурсивное программирование, коммуникативное программирование, англоязычный художественный дискурс, отсроченное дискурсивное программирование, концептуальная структура дискурса, фреймы в англоязычном дискурсе.

В настоящее время, в связи с обилием информации, которая неизбежно обрушивается на читателя или слушателя из самых разнообразных источников, для авторов любого вида дискурса представляется актуальным привлечение и поддержание внимания аудитории. Обращение к англоязычному дискурсу показывает, что таким средством поддержания внимания аудитории может стать явление дискурсивного (или коммуникативного) программирования, когда предыдущие элементы дискурса обуславливают наличие последующих, например, когда вопрос дискурсивно программирует ответ или первые элементы устойчивого сочетания программируют его окончание [Соколова 2019; Соколова 2022].

Полагаем, что свойство дискурсивного программирования удерживать внимание аудитории обусловлено прежде всего предвосхищающим характером внимания, который отмечается как в отечественных, так и в зарубежных исследованиях [Neisser, 1975; Зимняя, 2001]: внимание аудитории удерживается в процессе предвосхищения последующей информации, программируемой лексической единицей или высказыванием. Например, высказывание *Look, we've got to have a talk* создает некоторую информационную недостаточность и устанавливает коммуникативные антиципации аудитории на ожидаемое содержание разговора и соответственно удерживает ее внимание, пока эти антиципации не будут реализованы, то есть информационная недостаточность не будет компенсирована.

В процессе исследования дискурсивного программирования было отмечено, что компенсация создаваемой программирующим высказыванием информационной недостаточности может осуществляться как непосредственно после программирующего высказывания, так и через несколько страниц текста или несколько минут звучащей речи. Представляется, что подобного рода отложенная реализация дискурсивного программирования может быть названа отсроченным дискурсивным программированием.

В процессе исследования различных видов англоязычного дискурса (дискурса СМИ, научного, научно-популярного, мотивационного, художественного) было отмечено неравномерное использование отсроченного дискурсивного программирования. Наиболее распространенным оно оказалось в англоязычном художественном дискурсе, наименее – в научном. Данная закономерность представляется неслучайной, поскольку отсроченное дискурсивное программирование не только способствует удержанию внимания аудитории, но и содержит обращение к ее эмоциональной сфере, что является неотъемлемой характеристикой дискурса художественной литературы.

Исследование показало, что рамках дискурса англоязычной художественной литературы отсроченное дискурсивное программирование может реализовываться как в одну, так и в несколько стадий. При этом в концептуальном отношении отсроченное дискурсивное программирование имеет фреймовую

структуру, которая может по-разному проявиться в одностадийной и многостадийной реализации.

Примером одностадийного дискурсивного программирования можно считать фрагмент рассказа Дж. Арчера *A Chapter of Accidents*, где главный герой обдумывает план мести человеку, который, как он полагает, опозорил его семью и выставил его самого в смешном свете. Программирующим компонентом в данном случае является высказывание *I then formed a plan of revenge*, после которого подробно описывается подготовка к реализации плана мести, с обращением к таким фреймам/ сценариям, как OBSESSION, PLANNING A MURDER, MURDER BY POISONING, MURDER BY DROWNING, READING THE BIOGRAPHIES OF MURDERERS, DETECTIVE NOVELS, A LINE FROM CONAN DOYLE, ROUTINE OF A VICTIM, SKIING PRACTICE, A HOLIDAY IN VERBIER, A FOOLPROOF PLAN. Сам план становится очевиден через 4 тыс. 424 печатных знака, то есть, через 2,45 условные страницы (если за одну условную страницу считать 1800 п. з.), когда рассказчик описывает, как поменял расположение флажков и создал дополнительное препятствие на горнолыжном склоне, чтобы инсценировать несчастный случай со своим обидчиком: *I collected about thirty of the flags and replaced them at intervals I had carefully worked out. My final task was to check the prepared patch before building a large mound of snow some twenty paces above the chosen spot* (Jeffrey Archer, *A Chapter of Accidents*).

Несмотря на то, что, в целом, большинство из приведенных выше фреймов могут рассматриваться как терминалы более крупного фрейма MURDER, их реализацию нельзя назвать последовательной, и большинство из них не состоят в причинно-следственных отношениях друг с другом.

При многостадийном дискурсивном программировании было отмечено преобладание причинно-следственных отношений фреймов, реализуемых в рамках программируемого фрагмента, как показано в примере из другого рассказа Дж. Арчера *The Steal*, где программирующее высказывание *I wonder if you would be kind enough to have a word with my colleague in private?* отделено от программируемого 1 тыс. 611 печатными знаками (0,9 условной страницы), и отмечается следующий порядок реализации фреймовых структур: A PRIVATE TALK – AN ESSENTIAL PRIVATE TALK – A TALK ABOUT A MISTAKE – THE MISTAKE IN BILLS – (THE MISTAKE IN) BILLS WHICH HAVE BEEN INCORRECTLY MADE OUT – (BILLS INCORRECTLY MADE OUT BECAUSE OF) A DIFFERENT PRICE OF CARPETS – (THE PRICE OF CARPETS IS DIFFERENT BECAUSE) THE EXPENSIVE LARGE ONE IS CRUDELY MADE – (THE PRICE OF CARPETS IS DIFFERENT BECAUSE) THE CHEAP SMALL ONE IS DELICATELY MADE.

Приведенный выше пример показывает, что при многостадийном отсроченном дискурсивном программировании первое программирующее и последнее программируемое высказывание образуют рамочную конструкцию, внутри которой информационная недостаточность первого высказывания компенсируется в несколько этапов, часто через реализацию цепочки фреймов, объединенных причинно-следственными отношениями, где каждый последующий фрейм заполняет незаполненный слот предыдущего (фрейм THE MISTAKE IN BILLS WHICH HAVE BEEN INCORRECTLY MADE OUT заполняет пустой слот *cause of mistake in bills* фрейма THE MISTAKE IN BILLS). Данный процесс напоминает

метод направленного открытия в педагогике, когда автор приводит читателя к ответу на поставленный вопрос.

Сравнивая дискурсивную эффективность одностадийного и многостадийного отсроченного дискурсивного программирования, целесообразно предположить, что оба процесса, несомненно, поддерживают внимание читателя через установление его антиципаций. Тем не менее, эффективность многостадийного отсроченного дискурсивного программирования представляется выше, поскольку при его использовании автор, проводя читателя по непрерывной цепочке взаимосвязанных фреймов, устойчиво поддерживает его внимание, добавляя незаполненный слот в каждом новом фрейме.

Подводя итоги, отметим, что проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы относительно явления отсроченного дискурсивного программирования в англоязычном художественном дискурсе:

– Основной целью использования отсроченного дискурсивного программирования в англоязычном художественном дискурсе является поддержание внимание аудитории.

– В англоязычном художественном дискурсе можно выделить две разновидности отсроченного дискурсивного программирования: одностадийное и многостадийное.

– Одностадийное и многостадийное дискурсивное программирование отличаются друг от друга по концептуальной структуре своей реализации.

– Особенности концептуальной структуры многостадийного дискурсивного программирования позволяют сделать предположение о его более высокой дискурсивной эффективности.

Литература

- Зимняя И.А.* Лингвопсихология речевой деятельности. Воронеж: НПО Модэк, 2001.
- Соколова В.Л.* Коммуникативные стратегии управления вниманием аудитории (на материале англоязычного художественного дискурса) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2019. № 7 (823). С. 52-63.
- Соколова В. Л.* Особенности явления коммуникативного программирования и его реализация на разных уровнях англоязычного дискурса // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2022. № 1 (856). С. 99-106.
- Neisser U. G.* Perceiving, Anticipating, and Imagining // Perception & Cognition: Issues in the Foundations of Psychology, 1975. 9. P. 89-105.

V.L. Sokolova (Moscow, Russia)
Moscow State Linguistic University;
Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation

THE PHENOMENON OF DELAYED DISCURSIVE PROGRAMMING IN ENGLISH FICTIONAL DISCOURSE

The report addresses delayed discursive programming, which the author defines as an essential tool for maintaining attention in English fictional discourse. The research also identifies the varieties and conceptual mechanisms of delayed discursive programming and draws conclusions about the discursive efficiency of these varieties.

Key words: discursive programming, communicative programming, English fictional discourse, delayed discursive programming, conceptual structure of discourse, frames in English discourse.

И.Н. Толмачева, О.А. Якимова (Тамбов, Россия)
Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина
i_tolmacheva@mail.ru, trollking@mail.ru

РОЛЬ СЛУЖЕБНЫХ СЛОВ В ФОРМИРОВАНИИ БЕСКОНФЛИКТНЫХ СМЫСЛОВ В ПУБЛИЧНОМ ДИСКУРСЕ¹

В статье рассматривается роль служебных языковых единиц в формировании бесконфликтных смыслов на примере английских текстов интервью с публичными деятелями. Показано, что использование служебных слов может оказывать влияние на интерпретацию высказываний коммуникантов в потенциально бесконфликтном ключе в рамках публичного дискурса.

Ключевые слова: служебное слово, бесконфликтные смыслы, интерпретация, публичный дискурс.

В настоящее время приобретает актуальность изучение эффективности языкового взаимодействия, в рамках которого «акцент смещается на выявление конкретных форм языкового сознания в единстве с системой языковых средств и механизмов формирования смыслов, исключающих их конфликтное прочтение» [Болдырев 2022: 26]. Важную роль в контексте бесконфликтности на уровне формирования смыслов выполняют служебные части речи, поскольку они «обуславливают способность языка к передаче не статичного отображения мира и его объектов, а мира во всем многообразии его связей, отношений, динамических характеристик» [Толмачева 2017: 77].

Гипотезой данного исследования послужило предположение о том, что не только знаменательные части речи определенной семантики (потенциально неконфликтной), но и служебные слова могут способствовать предотвращению или снижению риска конфликтной интерпретации передаваемых участниками коммуникации смыслов. В качестве служебных слов, использование которых может влиять на восприятие высказывания, мы рассматриваем союзы и частицы современного английского языка.

Материалом исследования выступили интервью 2023 года на английском языке с участием публичных деятелей, в частности, художников, актеров, представителей мира моды. Рассмотрим примеры, в которых служебные части речи используются в качестве средств, потенциально снижающих конфликтную интерпретацию смысла высказывания в диалоге. Например, использование разделительного союза *or* в вопросительном предложении позволяет говорящему задать вопрос не напрямую, не навязывать свою точку зрения, а предлагать разные

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-18-00067, <https://rscf.ru/project/22-18-00067/>

идеи, варианты ответов и, тем самым, снизить вероятность конфликтного восприятия информации респондентом:

ALS: Surveilled by parents *or* by cops *or* both?

GAVIN: Both. I was raised in an intense fundamentalist Christian situation that was problematic in many ways. I didn't have the freedom to go alone where I wanted, except to the library [Interview 2].

В другом примере наряду с союзом *or* имеется сочетание частиц *not just* и союза *but*, использование которых обусловлено желанием автора подчеркнуть своей речью уважительное отношение к коллективу, работающему над его любимым брендом:

INTERVIEW: Who's the bigger Celine fan: you *or* your wife Keleigh?

TELLER: Tough one. I'd say we are both big fans of *not just* Celine *but* the people who work for the brand and Keleigh and I get to collaborate with [Interview 4].

В следующем текстовом фрагменте говорящий задает вопрос и подчеркивает значимость выражаемой идеи и свое уважение к слушающему, поскольку вместо того, чтобы просто спросить *Is privacy important to you*, он использует конструкцию с частицей *still* и неопределенным местоимением *something*:

ALS: Is privacy *still something* that's important to you? How do you determine if they're enemies to that? [Interview 2].

В другом анализируемом интервью использование союза *if* в рамках условного предложения позволяет говорящему вежливо уклониться от ответа, ссылаясь на то, что его попытка рассказать о личной жизни может занять по времени несколько дней:

LENT: Who is Beth B? Or rather, what brings you to Metrograph today?

B: Well, *if* I tried to tell you my life story, we would be here for days [Interview 5].

В процессе исследования выявлены частотные случаи употребления конструкции со значением субъективной модальности предположения, состоящей из глагола *feel* и союза *like*. Подобная связка, с одной стороны, выполняет вспомогательную функцию в предложении, а с другой, играет смыслообразующую роль и смягчает вопросы интервьюера:

ALS: I always want to ask painters about the physical pleasure of painting. It *feels like* it's such a primal relationship that the body has to paint. Do you feel that?

ALS: I *felt like* there were some gardening references in your newest paintings. The orange work, for example – [Interview 2].

PAPADEMETROPOULOS: That's better for me because I *feel like* I'm just the conduit. I'd rather have it be interpreted. When people write about my work, I realize things I didn't know about it before [Interview 1].

FELDSTEIN: Don't you *feel like* you guys are in the business of pushing your fears to the limit? [Interview 3].

В процессе анализа текстов интервью также выявлены примеры употребления частиц для создания условий бесконфликтной языковой интерпретации. Так, например, используется частица *just*, которая не просто усиливает высказанную ранее идею, но и позволяет говорящему выразить свою заинтересованность и вовлеченность в диалог, что приводит к созданию основы бесконфликтного языкового взаимодействия:

GAVIN: <...> So many buildings were knocked down and nature's reclaiming that region in a rapid way.

ALS: Nature **just** comes through the concrete.

GAVIN: Yes, and also covering entire mills with wild grapes [Interview 2].

Интересными с позиции бесконфликтности общения представляются ситуации использования вспомогательного глагола и отрицательной частицы *not*. Например, в одном из интервью на фразу *when I left her* респондент отвечает *don't you start with me*. Обращение к отрицательной частице *not*, усиленной инверсией и приветствием, придает речи шутливость, и, следовательно, настраивает на дальнейшее доброжелательное общение без конфликта:

MASON GOODING: I can't stop smiling, this is so exciting. Even over a Zoom, she looks better than when I left her. Hi, you.

BEANIE FELDSTEIN: **Don't** you start with me! Hi, honey [Interview 3].

Подводя итог вышесказанному отметим, что служебные слова могут, наряду с знаменательными словами, выступать в роли языковых средств, обеспечивающих бесконфликтную интерпретацию передаваемых смыслов. Использование в речи союзов и частиц в определенном сочетании с самостоятельными частями речи позволяет не только демонстрировать заинтересованность, вовлеченность, сопричастность, что всегда располагает собеседника к конструктивному взаимодействию, но и выражать мнение не напрямую, смягчать фразы, вежливо уходить от ответа и, таким образом, осуществлять эффективную языковую коммуникацию.

Литература

Болдырев Н.Н. Бесконфликтная языковая коммуникация: программа исследования // Когнитивные исследования языка. 2022. Вып. 4 (51). С. 25-30.

Толмачева И.Н. Служебная языковая единица в аспекте ее интерпретирующей функции // Языковые и культурные контакты в контексте развития гуманитарного образования в Саратовском государственном университете (лингвистический и лингводидактический аспекты): материалы Международной конференции в рамках Международного научного симпозиума, посвященного 100-летию гуманитарного образования в СГУ «Столетие гуманитарного образования в Саратовском государственном университете: диалог времен – прошедшего, настоящего и будущего» (25 октября 2017 г.): сборник научных статей. Саратов: Издательство «Саратовский источник», 2017. С. 76-78.

Interview 1 – Ariana Papademetropoulos Paints (and Parties) Like the World Is Ending. February 21, 2023. URL: <https://www.interviewmagazine.com/art/ariana-papademetropoulos-paints-like-its-the-end-of-the-world> (дата обращения: 12.03.2023). – Текст: электронный.

Interview 2 – Cy Gavin and Hilton Als on Surveillance, Sequoias, and Self-Preservation. February 9, 2023. URL: <https://www.interviewmagazine.com/art/cy-gavin-and-hilton-als-on-surveillance-sequoias-and-self-preservation> (дата обращения: 12.03.2023). – Текст: электронный.

Interview 3 – Mason Gooding Takes Beanie Feldstein Behind the Scenes of Scream VI. March 14, 2023. URL: <https://www.interviewmagazine.com/film/mason-gooding-takes-beanie-feldstein-behind-the-scenes-of-scream-vi> (дата обращения: 15.03.2023). – Текст: электронный.

Interview 4 – Miles Teller and His Wife Keleigh Invite Us Inside the Oscars. March 14, 2023. URL: <https://www.interviewmagazine.com/fashion/miles-teller-and-his-wife-keleigh-sperry-invite-us-inside-the-oscars> (дата обращения: 15.03.2023). – Текст: электронный.

Interview 5 – “Trauma, Trauma, Trauma!”: Filmmaker Beth B Finally Gets Her Flowers. March 15, 2023. URL: <https://www.interviewmagazine.com/film/trauma-trauma-trauma-filmmaker-beth-b-finally-gets-her-flowers> (дата обращения: 15.03.2023). – Текст: электронный.

*I.N. Tolmacheva, O.A. Yakimova (Tambov, Russia)
Derzhavin Tambov State University*

THE ROLE OF FUNCTIONAL WORDS WITHIN THE FORMATION OF CONFLICT-FREE MEANINGS IN PUBLIC DISCOURSE

The article focuses on the role of functional linguistic units in the construction of conflict-free meanings by examining English interviews with public figures. It is demonstrated that the use of functional words can lead to potentially conflict-free interpretation of statements in public discourse.

Key words: functional word, conflict-free meanings, interpretation, public discourse.

*А.Э. Тульцева (Москва, Россия)
Московский городской педагогический университет
tulcevaea@mgpu.ru*

ПЕРСПЕКТИВЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ КОГНИТИВНОГО ПОДХОДА К ИССЛЕДОВАНИЮ АТРИБУТИВНОЙ ВАЛЕНТНОСТИ ГЛАГОЛОВ ДВИЖЕНИЯ ЧЕЛОВЕКА В СОПОСТАВИТЕЛЬНОМ АСПЕКТЕ

Проблема валентности в современном языкознании, основательно изученная на синтаксическом и логико-семантическом уровнях, представляет в настоящее время особый интерес для исследования также на когнитивном уровне. На примере разницы в восприятии представления о движения человека в сознании носителей русского и немецкого языка в статье рассматриваются показатели атрибутивной валентности глаголов, обозначающие перемещение человека в пространстве с когнитивной точки зрения, а также делается вывод о перспективах дальнейших исследований атрибутивной валентности в когнитивном аспекте.

Ключевые слова: когнитивный аспект, валентность, атрибут, глагол, движение.

Проблема языковой валентности, изученная в XX в. на различных языковых уровнях: синтаксическом, структурно-семантическом и логическом [Степанова, Хельбиг 1978: 154], в настоящее время выходит на новый уровень исследования и может быть изучена также с когнитивной точки зрения [Тульцева 2020: 56]. Инструментом для исследований подобного рода может послужить изучение атрибутивной валентности разных глаголов и существительных в когнитивном аспекте. Проблема атрибутивной валентности глаголов немецкого и русского языков в сопоставительном аспекте практически не изучена в отечественном языкознании [Бондаренко 2011]. Следует отметить, что, исследуя проблему валентности с атрибутивной точки зрения, изучаются два ее уровня: на первом уровне атрибут рассматривается на синтаксическом уровне, представляя лишь определенную характеристику изучаемого слова; на втором же можно вы-

явить ряд секторов-показателей атрибутивной валентности глагола, отображающие его когнитивные характеристики. На примере сопоставления секторов атрибутивной валентности глаголов движения человека в их прямом значении на примере русского и немецкого языков можно провести анализ сходств и отличий когнитивной картины мира носителей данных языков сквозь призму представлений о направленном движении человека.

При исследовании примеров ряда лексикографических источников немецкого и русского языков [Agricola 1992, Duden Deutsches Universalwörterbuch 1996, Даль, Электронный ресурс, Ушаков, Электронный ресурс, Кузнецов, Электронный ресурс, Ожегов, Электронный ресурс] был выявлен ряд показателей атрибутивной валентности глаголов движения человека на когнитивном уровне, для которого предлагается использование следующей терминологии: S (Subjekt) – человек как деятель, V (Verb) – действие человека, A (Art) – характеристика движения человека, R (Richtung) – направление движения человека, Mi (Mitglied) – соучастник осуществляемого человеком движения, M (Mittel) – средство движения человека, Z (Zeit) – время движения человека, T (Tempo) – темп движения человека, K (Kondition) – условие осуществляемого человеком движения, P (Platz) – место осуществляемого человеком движения. Данные обозначения могут быть применены к описанию показателей атрибутивной валентности немецких и русских глаголов движения человека в когнитивном аспекте в парах *gehen* – *идти* / *ходить*, *fahren* – *ехать* / *ездить*, *kommen* – *прийти* / *приходить* / *прибыть* / *прибывать*, *fliegen* – *летать* / *лететь*, *schwimmen* – *плыть* / *плавать*, *laufen* – *бежать* / *бегать*.

На основании проанализированных примеров из упомянутых выше лексикографических источников можно сделать вывод, что секторы атрибутивной валентности немецких и русских глаголов движения человека могут быть представлены как в чистом, так и смешанном виде, обладая как одним, так и двумя, тремя и редко четырьмя атрибутивными актантами.

Например: *Плавать вокруг света* [Ожегов, Электронный ресурс].

В данном контексте глагол *плавать* имеет двухактантную валентность, где его атрибутивная часть одноактантна и выражает направленное движение человека по воде с помощью транспортного средства, атрибутивно-когнитивный показатель Средство движения в данном случае имплицитен.

Следует также отметить, что у носителей русского языка пара *плыть* / *плавать* может обозначать как направленное движение человека в воде, так и движение в воде с помощью транспортного средства, а также плавное движение объекта по воздуху; такими когнитивными показателями немецкий глагол *schwimmen* не обладает.

Например: *Космонавт плывет в открытом воздухе* [Ожегов, Электронный ресурс].

В данном случае глагол обладает общей двухактантной валентностью, где его когнитивно-атрибутивная часть одноактантна и выражает место плавного движения человека в воздухе, похожего на плавание. Вероятно, отсутствие похожей когнитивно-атрибутивной характеристики у немецкого глагола также связано с тем фактом, что немцы не осуществляли космических полетов и никак не ассоциировали выход в открытый космос человека с «плаванием», даже говоря о

плавном движении в воздухе, в немецком языке употребляется лишь глагол *schweben* – парить, например: *Der Ballon schwebte dicht, in geringer Höhe über dem Erdboden* [Agricola, S. 559].

Также анализ проанализированных примеров из лексикографических источников выражает гораздо меньшую представленность употребления глагола *schwimmen* для обозначения движения транспортного средства по воде, для чего обычно в немецком языке употребляется глагол *fahren*, в то время как в языковой картине мира носителей русского языка глагол «плыть / плавать» применяется как к человеку, так и транспортному средству, перевозящему человека, например: *Я плыл из Гамбурга в Лондон на небольшом пароходе* [Ушаков, Электронный ресурс].

В данном контексте глагол *плыть* демонстрирует трехактантную валентность, при этом ее атрибутивная часть состоит из двух когнитивно-атрибутивных актантов, демонстрирующих движение человека в транспортном средстве по воде.

Пары русских и немецких глаголов, обозначающие движение человека *gehen* – *идти / ходить*, *fahren* – *ехать / ездить*, *kommen* – *прийти / приходит / прибыть / прибывать*, *fliegen* – *летать / лететь*, *schwimmen* – *плыть / плавать*, *laufen* – *бежать / бегать* при анализе их употребления в словарных статьях демонстрируют как сходные когнитивно-атрибутивные секторы, так и полное отсутствие того или иного сектора в русском или немецком языке, что говорит о разном представлении носителей русского и немецкого языка об осуществляемом человеком движении. Например, у немецкого глагола *gehen* показателем атрибутивной валентности может выступать способ движения человека: *aufrecht gehen; gebückt gehen, gerade gehen, krumm gehen* [Agricola, S. 256]. У русских глаголов *идти / ходить* отличительная особенность проявляется в показателях атрибутивной валентности Места и Цели движения человека: *ходить по лесу* [Ушаков, Электронный ресурс]; *ходить на турка, шведа, басмача* [Кузнецов, Электронный ресурс], которые совсем не представлены в немецких словарных статьях, что может также говорить о том, что для представителей немецкого народа главным является не движение как цель, а движение как процесс с некой характеристикой. Для примеров из русских лексикографических источников прежде всего характерно четкое обозначение направления и цели движения.

Из вышесказанного можно сделать вывод о необходимости дальнейшего изучения атрибутивной валентности глаголов разных языков в когнитивном аспекте для выявления сходств и расхождений в представлении о быте, общечеловеческих реалиях, языковой и пространственной картине мира. Атрибутивная валентность как языковое окружение глагола в общем смысле демонстрирует значительный потенциал для исследования в современном языкознании вообще и германистике в частности.

Литература

Бондаренко Н.А. Глаголы с атрибутивной валентностью как средство выражения оценки: дисс. ... канд. филол. наук. Вологда, 2011. 157 с.

Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка. URL: <https://slovarozhegova.ru/word.php?wordid=947> (дата обращения 10.04.2023).

Степанова М.Д., Хельбиг Г. Части речи и проблема валентности в современном немецком языке. М.: Высшая школа, 1978. 260 с.

Толковый словарь В.И. Даля онлайн. URL: <https://www.slovardalja.net/word.php?wordid=10906> (дата обращения 10.04.2023).

Толковый словарь С.А. Кузнецова. URL: <https://gufo.me/dict/kuznetsov/%D0%BB%D0%B5%D1%82%D0%B0%D1%82%D1%8C> (дата обращения 10.04.2023).

Тульцева А.Э. Проблематика атрибутивной валентности глагола в современной германистике // Германские языки и сопоставительное языкознание: современные проблемы и перспективы развития: Сборник научных статей / Московский городской педагогический университет; научный редактор Е.В. Бирюкова; составители Л.Г. Попова, А.В. Шаталова; редколлегия: Л.Г. Попова (отв. ред.), М.В. Беляева, И.В. Боговская и др.. Москва: ООО «Принтика», 2020. С. 53-58. EDN SQQMPC.

Ушаков Д.Н. Большой толковый словарь русского языка. URL: <https://ushakovdictionary.ru/word.php?wordid=22266> (дата обращения 10.04.2023).

Agricola E. Wörter und Wendungen. Wörterbuch zum deutschen Sprachgebrauch. Mannheim/Leipzig/Wien/Zürich: Dudenverlag, 1992. 818 S.

Deutsches Universalwörterbuch / G. Drosdowski, W. Müller, W. Scholze-Stubenrecht, M. Wermke. Mannheim/Leipzig/Wien/Zürich: Dudenverlag, 1996. 1816 S.

*A.E. Tultseva (Moscow, Russia)
Moscow City University*

PROSPECTS OF THE COGNITIVE APPROACH TO THE STUDY OF THE ATTRIBUTIVE VALENCE OF VERBS OF HUMAN MOVEMENT IN RUSSIAN AND GERMAN

Although valency has been thoroughly studied at the syntactic and logical-semantic levels, the cognitive level is of particular interest to researchers. By examining the difference in the perception of human movement in the minds of Russian and German speakers, we examine the indicators of the attributive valency of relevant verbs at a cognitive level, and also put forth our conclusions on the prospects for further research on attributive valence.

Key words: cognitive aspect, valency, attribute, verb, movement

*М.А. Уханова (Москва, Россия)
Московский государственный лингвистический университет
umhanova@mail.ru*

КОНСТРУКЦИОННЫЙ ПОДХОД К СОЗДАНИЮ КОМИЧЕСКОГО ЭФФЕКТА В АНГЛОЯЗЫЧНЫХ АНЕКДОТАХ

Статья посвящена анализу юмора на материале анекдотов на английском языке с позиции Грамматики конструкций Ч. Филлмора и А. Голдберга. Автор рассматривает несколько типов взаимодействия лексико-грамматических паттернов, приводящих к созданию комического эффекта.

Ключевые слова: анекдот; грамматика конструкций; фрейм; комический эффект, лексико-синтаксические конструкции

Исследования природы юмора, находящиеся на пересечении нескольких наук: лингвистики, психологии и философии, как правило, опираются на субъек-

тивные представления о процессах интерпретации комического, поскольку исследователь не может непосредственно проследить механизмы порождения и восприятия смешного в сознании реципиента. В этой связи перед лингвистами стоит сложная задача выявления и классификации подобных механизмов. С развитием теории Грамматики конструкций (C&G), разработанной Ч. Филлмором и его последователями, появилась возможность по-новому интерпретировать механизмы порождения комического и выявить некоторые когнитивные и языковые закономерности юмора, например, в пределах одного жанра комического – анекдотах [Fillmore et al 1988; Goldberg 2003; Hilpert 2014; Östman 2005; Tomasello 2008; Рахилина 2010]. Согласно постулатам C&G, основной единицей языка является лексико-грамматическая конструкция, в которой значение неотделимо от структуры и не может быть выявлено из ее составных компонентов [Goldberg 2003]. Иными словами, данный паттерн воспринимается как одно смысловое единство, например: *Sit down, How are you doing* и др. [Hilpert 2014]. В рамках данной статьи мы покажем, каким образом использование Грамматики конструкций при анализе анекдотов расширяет традиционное представление о том, что комический эффект создается благодаря игре значений полисемантических единиц и позволяет «примирить» роль синтаксиса и семантики, выявляя определенные лексико-синтаксические паттерны, запускающие механизм конструирования значения. Причиной возникновения комического эффекта становится наложение или «конфликт» конструкций (и стоящих за ними фреймов) и признание реципиентом двусмысленности высказывания. Рассмотрим некоторые наиболее распространённые лексико-синтаксические конструкции и процесс их наложения, выявляемый в анекдотах на английском языке.

1. **Конструкции с двойным дополнением.** Комический эффект достигается благодаря наложению устойчивой конструкции, представляющей собой лексико-синтаксическое единство и конструкции с двойным дополнением, в которой некоторые слоты являются лексически открытыми.

(1) *Man: Will you marry me?*

*Woman: Sure, if you **give me a ring***

Man: OK. What's your number?

В данном примере мы наблюдаем устойчивую конструкцию *give sb a ring* и открытую конструкцию *give+pronoun+noun*. Примечательно, что первая конструкция является гораздо менее «гибкой», поскольку ее слоты «give» и «a ring» являются закрытыми, то есть не могут быть выражены никакими другими словами, а слот «sb» обязательно должен быть выражен одушевленным объектом (только в значении «человек», к примеру, лексическая единица со значением «животное» разрушит фразеологическое единство). При этом конструкция с прямым дополнением, имеет два лексически открытых слота «pronoun» и «noun», которые могут быть наполненными разными лексическими единицами данных частей речи. Совмещение данных конструкций и стоящих за ними фреймов «позвонить» и «подарить кольцо», то есть фрейма-сценария «предложение выйти замуж», актуализированного первой фразой анекдота, создают каламбурный эффект.

(2) *When the cannibal arrived late to the dinner, the others **gave him a cold shoulder***

В примере №2 мы наблюдаем идиоматическую конструкцию *to give sb a cold shoulder*, которой присуща эмоциональная и стилистическая окраска. Вторая конструкция представляет собой свободное сочетание *to give sb sth*, в котором слоты «sb» и «sth» являются лексически открытыми. Вторая конструкция будет актуализироваться благодаря фрейму-понятию «каннибал». Имея представление о типичном «рационе» каннибалов, реципиент достраивает вторую конструкцию.

2. **Атрибутивные конструкции.** При совмещении конструкций могут использоваться не только устойчивые высказывания, но и свободно-устойчивые сочетания, лишенные эмоциональной экспрессивности, но также функционирующие как неделимая конструкция (лексические слоты которой закрыты).

(3) *Why does a bride always cry at the wedding? Because she never marries the best man*

(4) *Whenever you jump on a trampoline, did you know it changes the season? No matter what time of year, it always becomes spring time.*

В данных примерах конструкции *noun+noun* (*best man; spring time*) закрытые, воспринимаются как одно семантическое единство. Идентичные им по форме атрибутивные конструкции *adj+noun*, напротив, имеют открытый слот *adj* (*the best; spring*). Фреймы-ситуации «плачущая невеста», «прыжки на батуте», актуализированные при восприятии анекдотов, способствуют смешению данных конструкций и созданию комической ситуации.

3. **Конструкции со сложным дополнением (Complex Object).** Одним из наиболее продуктивных способов создания комического эффекта в анекдотах на английском языке является совмещение конструкции со сложным дополнением и конструкции с простым дополнением:

(5) *Why was the tomato red? Because he saw the salad dressing.*

Очевидно, что в данном примере комический эффект достигается не только благодаря многозначности лексических единиц, но и благодаря совмещению конструкций *to see+object+doing* и *to see+object* и соответствующих фреймов.

(6) *I'm thinking about changing my profession to mirror repair. It's a job I can really see myself doing.*

В примере №6 комический эффект, на первый взгляд, создается благодаря реализации многозначности глагола «see»: видеть себя в каком-то призвании и видеть себя глазами в зеркале. Однако, второе значение будет актуализировано только в конструкции сложного дополнения *see+ object+doing* и при активации фрейма «ремонт зеркал».

Таким образом, опора на конструкционный анализ текста анекдота позволяет установить номенклатуру и свойства лексико-грамматических конструкций, задействованных в создании комического эффекта в нем. Триггерами «запуска» информации о типе данных конструкций являются ключевые слова (как правило, характеризующиеся двусмысленностью) и стоящие за ними фреймы. Часть слотов конструкций может быть как закрытыми, так и открытыми. Несмотря на многообразие подобных конструкций и их свойство изменяться и трансформироваться, возможно выявить некоторые, наиболее продуктивные паттерны их функционирования в анекдотах для создания юмористического эффекта.

Литература

Рахилина Е.В. Грамматика конструкций. М.: Издательский центр «Азбуковник», 2010. 584 с.

Рябцева Н.К. «Конструкционная грамматика» и научная коммуникация: межъязыковой аспект // Научный диалог. 2019. № 6. С. 50-71.

Уханова М.А. Корпусный подход к изучению конструкций (на материале анекдотов на английском языке) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. М.: МГЛУ, 2020. С. 166-176.

Fillmore et al. Regularity and idiomaticity in grammatical constructions: The Case of Let Alone. *Language*, Vol. 64, No.3 (Sep., 1988), 1988, P. 501-538.

Goldberg A. Constructions: a new theoretical approach to language, *Trends in Cognitive Science*. Vol. 7. No. 5, 2003. P. 219-224.

Hilpert M. Construction Grammar and its Application to English. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2014. P. 17-23.

Östman J.-O., Fried, M. Construction Grammars: Cognitive Grounding and Theoretical Extensions. Amsterdam: Benjamins 2005.

Tomasello M. The usage – based theory of language acquisition. Cambridge: Cambridge University Press, 2008.

Cambridge Dictionary: <https://dictionary.cambridge.org/thesaurus/give-someone-the-cold-shoulder> (дата обращения 09.04.23).

М. А. Ukhanova (Moscow, Russia)
Moscow State Linguistic University

CONSTRUCTIONAL APPROACH TO COMEDIC EFFECT IN ENGLISH JOKES

The article analyzes English jokes using Construction Grammar developed by C. Fillmore and A. Goldberg. We present an overview of the interaction of certain lexicogrammatical patterns which leads to creation of comedic effect in jokes.

Ключевые слова: joke; construction grammar; frame; humorous effect, lexicosyntactical patterns

Т.Н. Цинкерман, Н.Ю. Сороколетова (Волгоград, Россия)
Волгоградский государственный университет
tsinkerman@volsu.ru, sorokoletovanat@volsu.ru

ЛИНГВОКОГНИТИВНЫЕ МАРКЕРЫ АВТОРИТАРНОГО СТИЛЯ В АНГЛОЯЗЫЧНОМ ВОСПИТАТЕЛЬНОМ ДИСКУРСЕ

В статье исследуются когнитивные приемы в авторитарном стиле, применяемые взрослым в ситуациях воспитывающего общения с целью социализации ребенка. Рассматриваются эксплицитные и имплицитные формы решения коммуникативной задачи, описываются примеры лингво-стилистических и дискурсивных средств, а также мелодические паттерны реализации рассматриваемого стиля.

Ключевые слова: авторитарный стиль, воспитательный дискурс, речевое воздействие, мелодический паттерн.

Процесс общения представляет собой передачу информации, выражение мнения, высказывание предложений, поощрение действий и др. Участники речевого взаимодействия обмениваются представлениями о мире, основанными на своем опыте, культуре, национальных и локальных традициях, принятых нормах в сообществе. В случае если речь идет о воспитательном дискурсе, то обмен информацией не является основной целью и результатом общения, что обусловлено особенностями воспитывающей коммуникации, в которой взрослый вступает в диалог с целью социализации ребенка. В этой ситуации основой служит не стремление обменяться знаниями, а задача взрослого – интегрировать актуальную модель мира в модель мира ребенка, скорректировать отклонения в представлениях ребёнка о принятых социокультурных правилах, устранить непонимание, возникающее в результате несовпадений индивидуального, социального или культурного опыта.

Социализация ребенка осуществляется с применением разных механизмов речевого воздействия, как в имплицитной, так и в эксплицитной формах. Ситуационно взрослый избирает речевые приемы воспитывающего общения, задействует когнитивный механизм воздействия на ребенка для достижения результата и, учитывая успешность речевого воздействия, корректирует речевое поведение или подтверждает полученный результат. Воспитывающая коммуникация характеризуется неравными статусами участников, доминирующей позицией взрослого, что подтверждается объемом его высказываний, варьированием стилями общения, менторской и поучительной тональностями.

Сложность достижения социализации возникает при расхождении представлений или желаний взрослого и ребенка, при противоречии восприятия действительности в силу возраста, опыта или целей участников воспитывающего диалога. В этом случае наблюдается когнитивный диссонанс, разрешение которого взрослый достигает различными стратегиями.

В следующем диалоге видно, что информация о доминирующем статусе матери содержится в скрытых компонентах высказывания и вербализуется через стилистическое и интонационное оформление речи:

Mother: Now. Just when were you gonna tell me that you're in a choir? Rita. How many times do we have to go through this? Singing does not put food on the table. Singing does not pay the bills. Singing is no guarantee to a future, even if you have got talent. Daughter: Mama. Did you know I can sing? Mother: So could your daddy. And he died still tryin' to make it. <...> Mother: Let me explain. Baby. I know how you feel. Really. I do. But there is a lot of talented people right down there on the streets... singin' their "shoul-da-coulda-woulda's." Now. Is that how you want to end up? Daughter: No. That's not what I wa...Mother: Good! Then you don't have time for any choir 'cause you got to study. <...> The choir and the competition are out. Daughter: Mommy. Mother: If you "But. Mama" me one more time... Now. I said the choir and the competition is out. You understand? Daughter: Yes. Ma'am [Sister Act2 1993].

В представленном диалоге мать варьирует приемы воздействия, применяя поучительную, доверительную, снисходительную, менторскую тональности, при этом демонстрируя статусную асимметрию и авторитарный стиль общения. Она обвиняет дочь в непослушании и напоминает о правильном поведении (*Now. Just when were you gonna tell me that you're in a choir?*), использует риторический во-

прос в сочетании с именем ребенка, подчеркивая неразумность дочери (*How many times do we have to go through this? Rita*), использует анафору (*singing does not, singing is no*) и отрицательную форму для усиления воздействия на дочь.

Авторитарность также реализуется через характерные интонационные модели, которые усиливают воздействующий эффект речевого поведения взрослого. Для подобного авторитарного стиля характерны интонационные повторы (на уровне тона, пауз, интенсивности, темпа речи), которые делают речь более дробной, создают эффект психологического напряжения.

Повторяющиеся вербальные структуры в приведенном выше примере реализуются идентично повторяющимися мелодическими паттернами: высокий нисходяще-восходящий тон узкого диапазона на слове *singing*, нисходяще-восходящий тон широкого диапазона на *does not* и *is no*, высокий нисходящий на остальной части высказывания (см. рис. 1). Благодаря таким эмфатическим мелодическим рисункам (в сочетании с длинными незаполненными паузами между предложениями) реплики матери подчиняются определенному ритму, характерному для императивного побуждения.

Рис. 1. Интонаграмма отрывка «Singing does not put food on the table. Singing does not pay the bills. Singing is no guarantee to a future»

Авторитарный стиль общения проявляется также и в высокой частотности использования восходяще-нисходящего тона (с большой крутизной сравнительно широких мелодических интервалов), передающего в исследуемых примерах негативные эмоционально-модальные оттенки неодобрения, безоговорочного осуждения и возмущения со стороны матери, недовольной решением дочери заниматься пением. Интересно отметить, что, как правило, эмфатический тон наиболее ярко «раскрывается» на фоне неэмфатических неэкспрессивных тонов. Однако для всего анализируемого отрывка характерно использование большого количества эмфатических тонов (нисходяще-восходящего, восходяще-нисходящего, высокого нисходящего), что, в свою очередь, создает обратный эффект – такое мелодическое оформление всех реплик взрослого звучат монотонно, имплицитно демонстрируя непоколебимость, власть и уверенность взрослого, некую предрешенность конфликта.

Таким образом, можно утверждать, что взрослый участник англоязычного воспитательного дискурса осуществляет речевое социализирующее воздействие на ребенка, и, несмотря на нарушение принципов индивидуалистического типа культуры, предполагающей свободу личности, право выбора, уникальность и независимость, отказывается от принципа кооперации, избирая авторитарный стиль общения [Pearson 2000]. Такая речевая практика обусловлена статусным неравенством участников воспитывающей коммуникации, национально-специфическими

моделями воспитания, доминированием цели приобщения ребенка к ценностям и нормам сообщества.

Литература

Pearson J.C. An introduction to human communication: understanding and sharing. 8thed. McGraw-Hill Companies, USA, 2000.

Sister Act 2: Back in the Habit. Touchstone Pictures, 1993. 107 min.

T.N. Tsinkerman, N.Yu. Sorokoletova (Volgograd, Russia)
Volgograd State University

LINGVO-COGNITIVE MARKERS OF AUTHORITARIAN STYLE IN ENGLISH EDUCATIVE DISCOURSE

The article explores cognitive techniques of authoritarian style used by adults in instructional talks aimed at socializing children. Explicit and implicit forms of solving a communication task are examined; examples of discursive, linguistic and stylistic means and the melodic patterns of the considered style are described.

Key words: authoritarian style, educative discourse, speech persuasion, melodic pattern.

Н.В. Шелепова (Астрахань, Россия)
Астраханский государственный технический университет
shelepova1976@mail.ru

АНГЛИЙСКИЕ МИФОЛОГЕМЫ В СОВРЕМЕННОМ НАУЧНОМ ДИСКУРСЕ

В статье представлены результаты изучения английских мифологем в контексте современного научного дискурса.

Ключевые слова: сознание, обыденное знание, мифологема, мифолексема, научный дискурс, демифологизация.

Современные тенденции развития лингвистической науки все больше приближают нас к вопросу об антропоцентрическом характере языковых явлений и необходимости более детального изучения познавательной функции человека, находящей дальнейшую реализацию в конструировании ментальных миров, будь то научных или фантастических. Несмотря на то, что в зависимости от рода деятельности индивида сознание современного человека, с одной стороны, активно развивается в направлении его теоретизации, с другой стороны, может приобретать «форму» наукообразности (или даже характеризоваться отсутствием как таковой), и в том, и в другом случае процесс мышлепостроения будет базироваться на фундаментальных основаниях, которые формировались на протяжении многих столетий, а то и тысячелетий. Как ни парадоксально, в основе современного научного знания лежит древнейшее обыденное знание, включающее мифологические элементы. Сегодня мифологические формы продолжают активно объективироваться в языке, иногда трансформируясь так, что их трудно узнать, а иногда они легко дифференцируются и распознаются. Остановимся на

изучении ряда английских мифологем, которые все чаще и чаще используются различными отраслями научного знания сегодня и служат своеобразным индикатором технического прогресса. Здесь возникает следующий вопрос, на который, как мы полагаем, стоит попытаться найти ответ: «Что объясняет возможность сосуществования и взаимодействия различных видов сознания – научного и мифологического, проявляющихся в виде «научно-мифологической» интердискурсивности?» Попробуем найти ответ.

Будучи феноменом сознания, ментальной единицей мифологического мышления, мифологема обладает рядом характеристик, которые определяют специфику ее функционирования в дискурсе как таковом. Различные исследователи по-разному дают определение мифологемы. Так, мифологема может рассматриваться как культурно-природная матрица смыслообразования, выступающая в тексте как сюжетно-понятийная структура [Шишова 2002: 3-4], культурный концепт [Rubert 2015: 2984], синэйдос мифоконцепта (инвариантный комплекс представлений общий для носителей одной культуры и соотносимый с коллективным знанием этноса) [Кошарная 2003: 18, 20]. Кроме того, мифологема, представляется как фрагмент лингвистической картины мира, способ моделирования внутренне целостного образа пространственно-временного континуума, модель социальных ситуаций, неотъемлемая часть культурного сознания, формообразующая структура организации культурного опыта, направляющая культурно-генетический процесс и т.д. [Соколова 2016: 81].

В настоящем исследовании будет исходить из тезиса, что мифы – это ментальные модели, а мифологемы, соответственно, – ментальные единицы, составляющие и определяющие структуру этих моделей. Однако, как замечал К. Леви-Строс, смысл мифа определяется не отдельными элементами, входящими в его состав, а тем способом, которым эти элементы комбинируются [Леви-Строс 1985: 187]. Кроме того, функционирование этих моделей подчиняется определенным законам. Когнитивные законы, управляющие созданием мифов, детерминированы. Эти законы, которые К. Леви-Строс назвал законами *трансформации*, ограничивают возможный круг мифических верований, мифов и вариаций мифов [Levi-Strauss 1983: 10-12]. Другими словами, создание мифов – не бесконечный процесс. Понимая эти законы трансформации, можно объяснить предсказуемость ряда мифологических сюжетов, а также явление «*рекуррентности*», под которой мы понимаем «повторяемость мифологических элементов, имеющих символическое значение; повторное использование, задействование их в той или иной мифологической системе мифологическим мышлением».

По мнению К. Леви-Строса, законы трансформации работают на бессознательном уровне таким же образом, как грамматика работает при разговоре на языке, что возможно благодаря глубинным структурам, которые являются врожденными в человеческом сознании. Существует несколько способов оперирования этими глубинными структурами, которые проявляют себя в виде «жажды объективного знания», что приводит к процессу категоризации, включающей в себя следующие этапы: 1) смежность (contiguity), 2) сходство (resemblance), 3) различие (difference), 4) интерес, релевантность и полезность (interest, relevance, and usefulness) [Levi-Strauss 1972: 63]. Эти ментальные операции характерны не только для научного сознания, но и для мифологического также, что, например, проявляется в разнообразных мифокатегориях, представляющих собой «концеп-

туальное объединение объектов на основе общего признака «принадлежащий к области мифологического знания» [Шелепова 2020: 379].

Подчиняясь одним и тем же ментальным законам, единицы сознания объективируются различными способами в языке. Мифологемы, в частности, находят свое выражение в виде тех или иных мифолексем. Интересным, на наш взгляд, примером является использование мифологем в таких областях знания, как информационные технологии (ИТ).

Так, мифологема *Chimera* (химера) встречается в следующих названиях: *Chimera Research Ltd* – консалтинг в области информационных технологий (экологические приложения); *Chimera (computing)* – бесплатный веб-браузер Mac OS X; *Chimera (gaming)* – видеоигра, аркада, заключающаяся в прохождении изометрического лабиринта; *UCSF Chimera* – программное обеспечение последующего поколения для интерактивной визуализации и анализа молекулярных структур, 3D микроскопии и связанных данных.

Мифологема *Unicorn* (единорог) используется для обозначения свободного веб-сервера, написанного на языке Ruby и предназначенного для запуска Rack-приложений; социальной онлайн-платформы для обмена полезными статьями и знаниями на тему управления продуктами, веб-дизайна и маркетинга. Кроме того, можно найти названия различных ИТ организаций, в которых присутствует мифолексема *Unicorn*, например, *Unicorn IT Services* (компания, осуществляющая экспертизу в различных областях, включающих кодирование и распространение электронных книг, медиапланирование, социальные сети, искусственный интеллект для персонализации и т.д.); *Unicorn IT Solutions* (предоставление полного спектра ИТ-продуктов и решений для бизнеса); *Unicorn LTD* (консультационная деятельность в области информационных технологий, прочая деятельность по поддержке бизнеса) и др.

Проводя сопоставительный анализ представленных примеров, можно сделать предварительный вывод о разнообразном использовании английских мифолексем в научной сфере в качестве единиц номинации различных ИТ явлений. И если мифолексема *Chimera* чаще используется для обозначения тех или иных ИТ продуктов, то мифолексема *Unicorn* – для наименования ИТ организаций. Безусловно, сегодня выбор той или иной мифологемы в качестве основополагающей концептуальной основы определяется маркетингом, который принимает во внимание эмоциональное восприятие потребителя. Ментальное воссоздание того или иного мифологического образа в сознании индивида будет протекать по-разному, хотя и с включением аналогичных ментальных механизмов и процедур. Но поскольку мифологема как ментальная структура обладает полимодальностью, на выходе будем иметь либо более агрессивный образ химеры, либо позитивный образ единорога со всеми вытекающими отсюда последствиями для конкретного индивида: покупка продукта, обращение в организацию или отказ от совершения необходимых действий.

Что касается непосредственно функционирования мифологем в конкретном дискурсе, в частности в научном, то здесь встречаются самые разнообразные примеры:

1) в значении *something made up of parts of things that are very different from each other* [CD]: In working with executives in Europe and Australasia, we have drawn upon the *chimera*, a creature with a single body and different formidable heads

operating on many fronts, as an analogy for the firm confronting numerous, quite different, and often paradoxical challenges [Unspecified].

2) в значении *an illusion or fabrication of the mind* [MWD]: The supposed low cost of the system is something of a *chimera* [CD].

Нередко происходит демифологизация, например:

Chimera is a desktop application with roots primarily in interactive visual analysis; *Chimera* is not designed to provide solutions for every aspect of biology; *Chimera* makes it simpler for users to focus on their science projects rather than data manipulation [Huang, Meng, Morris et al. 2014].

Таким образом, для научного и современного мифологического сознания характерны схожие ментальные операции, хотя первому, безусловно, присуще большее абстрагирование. Взаимопроникновение различных форм сознания проявляется в интердискурсивности, которая может быть отдельным предметом дальнейшего изучения.

Литература

Кошарная С.А. Лингвокультурологическая реконструкция мифологического комплекса «Человек – Природа» в русской языковой картине мира: автореф. ... дис. д-ра филол. наук. Белгород: БГУ, 2003. 48 с.

Леви-Строс К. Структурная антропология. М.: Наука, 1985. 536 с.

Соколова А.Л. Современные лингвистические подходы к изучению мифологемы // Филология. 2016. 3 (3). С. 81-84.

Шелепова Н.В. Мифокатегория «FAIRY» в англоязычной культуре // IX Лазаревские чтения «Лики традиционной культуры в современном культурном пространстве: память культуры и культура памяти»: сборник материалов международной научной конференции (Челябинск, 26 февраля 2020). Челябинск: ЧГИК, 2020. С. 379 -381.

Шишова Ю.Л. Лингвистическая объективация мифологемы пути в современной англоязычной литературе: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Санкт-Петербург: РГПУ имени А.И. Герцена, 2002. 14 с.

Huang C.C., Meng E.C., Morris J.H., Pettersen E.F., Ferrin T.E. Enhancing UCSF Chimera through web services // Nucleic Acids Research. 2014. Vol. 42. P. 478-484.

Levi-Strauss C. The Savage Mind. London: Weidenfeld, Nicolson, 1972. 290 p.

Levi-Strauss C. The Raw and the Cooked (J. Weightman & D. Weightman, Trans. Vol. 1). Chicago: The University of Chicago Press, 1983. 402 p.

Rubert I.B. Mythologeme as a Sign in the System of Cultural Concepts // Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences. 12 (2015 8). P. 2982-2988.

Unspecified. The future shape of strategy: Lemmings or chimeras? Academy of management executive. 2004. 18 (2). Pp. 21-36. URL: <http://wrap.warwick.ac.uk/8258/>.

CD – Chimera. – Cambridge Dictionary: [Электронный ресурс]. 2023. URL: <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/chimera>.

MWD – Chimera. – Merriam-Webster Dictionary: [Электронный ресурс]. 2023. URL: <https://www.merriam-webster.com/dictionary/chimera>.

*N.V. Shelepova (Astrakhan, Russia)
Astrakhan State Technical University*

ENGLISH MYTHOLOGEMS IN MODERN SCIENTIFIC DISCOURSE

The article presents the results of a study of English mythologemes in modern scientific discourse.

Key words: consciousness, common knowledge, mythologeme, mytholexeme, scientific discourse, demythologization.

*А.М. Шестопалова (Москва, Россия)
Московский городской педагогический университет
anna-shestopalova@bk.ru*

СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ РУССКИХ И АНГЛИЙСКИХ КВАЗИСУБЪЕКТНЫХ МОДЕЛЕЙ

В статье рассматриваются русские и английские квазисубъектные модели типа *Окно легко открывается / The window opens easily* с точки зрения их субъектной перспективы. Предлагается описание количественного соотношения типов субъекта в русском и английском языке, что определяется особенностями соответствующих языковых картин мира.

Ключевые слова: квазисубъектная модель, субъектная перспектива, тип субъекта, семантика, языковая картина мира.

В настоящее время одним из динамично развивающихся лингвистических направлений выступает изучение и описание семантики различных языковых единиц [Сулейманова, Фомина 2018; Методология современных семантических исследований в развитии и перспективе 2018], в частности, синтаксических конструкций. Так, исследуется семантика конструкции в целом [Фомина 2022; Mitkovska, Vuzarovska 2021], а также семантика отдельных составных компонентов [Шестопалова 2022; Alexiadou, Doron 2012]. В данной статье рассматриваются русские и английские квазисубъектные модели типа *Окно легко открывается / The window opens easily* с точки зрения их субъектной перспективы. Определение типа субъекта в данных моделях, а также расчет их количественного соотношения позволит провести их сопоставительный анализ.

Материал исследования отбирался на базе корпусов текстов НКРЯ, BNC и СОСА. На платформе НКРЯ поиск высказываний производился при помощи функции лексико-грамматического поиска, позволяющего задать грамматические и семантические признаки структурных компонентов модели. Например, грамматические признаки глагола отмечаются обозначениями «V,indic,praes», которые маркируют глагол изъявительного наклонения в настоящем времени. С помощью оператора * (астериск) и следующей за ним конечной части «ся» выделяются все вхождения, в которых употребляется глагол, оканчивающийся на формант *-ся*.

Корпусы BNC и СОСА оперируют специальными обозначениями, которые характеризуют ту или иную часть речи. Направленный поиск исследуемых моделей производится с помощью специально сформированных запросов, позво-

ляющих выделить в корпусе те вхождения, которые соответствуют форме квази-субъектной модели (существительное + глагол + наречие). Например, был сформирован запрос NOUN VVZ *ly_r, где VVZ маркирует глагол единственного числа в форме Present Simple, *ly обозначает словоформу, оканчивающуюся на суффикс *-ly*, а «_r» определяет часть речи (наречие): *siege ends quietly, mixture thickens slightly*. Тем не менее, среди вхождений можно наблюдать высказывания, которые не являются квазисубъектными моделями (ср. *the guy knows exactly*), поэтому далее материал обрабатывается вручную.

Отметим, что по указанному запросу в корпусе СОСА система предлагает всего 15 вхождений, из которых к квазисубъектным моделям можно отнести только 5 высказываний. В корпусе BNC, напротив, на 1000 вхождений приходится 70 квазисубъектных моделей. Следовательно, привлечение обоих корпусов текстов связано с необходимостью отобрать достаточное количество языкового материала. Проведение сопоставительного анализа данных корпусов BNC и СОСА не входило в задачи исследования, однако представляет перспективу дальнейшей работы. Таким образом, итоговая выборка составила 500 высказываний на русском языке, 500 высказываний на английском языке.

В данной работе анализ субъектной перспективы производился с опорой на классификацию типов субъекта, предложенной в [Семантические типы предикатов 1982: 110-112], и были выделены следующие типы субъекта:

– **неопределяющий агентивный субъект (далее – НА субъект)** прикладывает усилия для реализации действия Р, но результат действия зависит от влияния внешней силы Z. Ср. *Растение быстро разрастается, Grass grows thinly*, где субъекты *растение, grass* прилагают усилия для реализации действия *разрастаться, to grow* (растения и трава сами по себе обладают способностью расти определенным образом и с определенной скоростью), однако результат действия *быстро разрастаться* и *to grow thinly* будет зависеть от внешних сил или условий (растение удобряют, климатические условия благоприятны, недостаточное количество питательных веществ в почве, др.). Ср. *Тело постепенно разлагается, Хрусталик сильно искривляется, DNA replicates accurately, Illness develops slowly*;

– **неопределяющий неагентивный субъект (далее – НН субъект)** является пациенсом, и действие Р выполняется внешней силой Z. Ср. *Елка долго украшается, The church empties quickly*, где действия *украшаться, to empty* не зависят от субъектов *елка, the church* и, напротив, реализуются за счет усилий сторонних лиц (человек, семья украшают елку; прихожане покидают церковь и др.). Ср. *Жара легко переносится, Песни поются полностью, The carriage empties instantly, Food blends manually*;

– **определяющий неагентивный субъект (далее ОН субъект)** использует только внутренний источник энергии для осуществления действия Р. Ср. *Хлороформ быстро улетучивается, Poison acts swiftly*, где определенные внутренние свойства субъектов *хлороформ* и *poison* позволяют им полагаться на внутреннюю энергию для осуществления соответствующих действий: хлороформ является летучей жидкостью, что обуславливает его способность улетучиваться; состав яда определяет, будет ли он быстроедействующим. Ср. также *Солнце по-*

степенно охлаждается, Аккумулятор быстро перезаряжается, Blood spreads rapidly, Moisture ferments quickly.

Анализ языкового материала позволил определить количественное соотношение типов субъекта в русском и английском языке, которое представляется возможным объяснить особенностями соответствующих языковых картин мира. Так, в русскоязычной картине мира (Рис. 1) наблюдается устойчивая ориентация на мнение окружающих, направленность на другого; русский человек также не мыслит себя одиноким [Стилистические аспекты перевода 2010: 71-72], иными словами, любое действие предпочтительнее выполнять сообща. В ситуациях, когда неодушевленный предмет наделяется способностью производить какое-либо действие, он все равно нуждается в посторонней помощи для его реализации (в реальной жизни неодушевленные предметы не способны выполнять действия сами по себе в силу отсутствия у них собственного сознания). Поэтому НА субъект, который частично нуждается в посторонней помощи для реализации события, преобладает (действие выполняется коллективными усилиями). Вторым по частотности выступает НН субъект, при котором ответственность за реализацию действия полностью переходит к внешней силе. ОН субъект представлен наименьшим количеством высказываний, поскольку данный тип субъекта полагается только на собственную энергию для реализации действия и не нуждается в помощи со стороны внешних сил, что противоречит особенностям русскоязычной картины мира.

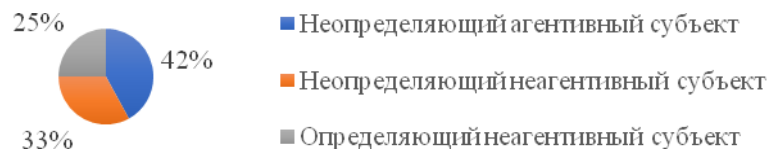

Рис. 1. Количественное соотношение типов субъекта в русском языке

Количественное соотношение типов субъекта в английских моделях распределяется иначе (Рис. 2), что также определяется особенностями англоязычной картины мира, среди которых можно отметить направленность на «себя», т.е. можно наблюдать стремление человека к самоопределению [Гачев 2008: 158]. Отметим также влияние культурно-исторических фактов, например, влияние проповедей в пуританской традиции, с помощью которых до прихожан доносилась мысль о независимости и необходимости найти свой индивидуальный путь к совершенству [Стилистические аспекты перевода 2010: 39; Бурстин 1993: 21-22]. Данные особенности получили отражение в языке, в частности, в квази-субъектных моделях. В английских моделях наиболее частотным типом субъекта выступает ОН субъект, который полагается только на внутренний источник энергии и при этом не нуждается в посторонней помощи. Модели с НА субъектом являются вторыми по частотности, который, несмотря на зависимость результата действия от влияния внешней силы, частично сохраняет самостоятельность. Наконец, НН субъект представлен наименьшим количеством высказываний, поскольку субъект является пациентом и самостоятельно выполнять действие не способен, что противоречит установкам англоязычной картины мира.

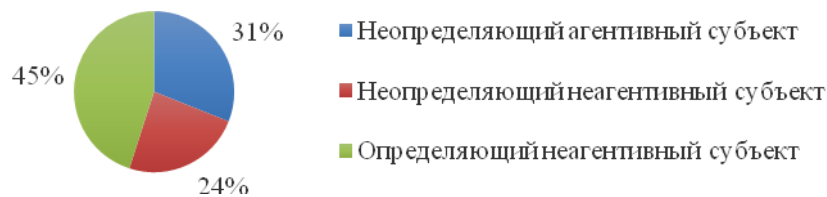

Рис. 2. Количественное соотношение типов субъекта в английском языке

Таким образом, особенности языковых картин мира получают отображение в языке, в частности, они влияют на субъектную перспективу квазисубъектных моделей. Как представляется, в русском языке НА субъект преобладает по причине направленности русской национальной картины мира на коллективное взаимодействие. В английском языке, напротив, наличие установки индивида действовать самостоятельно обуславливает преобладание ОН субъекта. В перспективе дальнейшего исследования представляется возможным рассмотреть квазисубъектные модели в других языках и определить, как соответствующие языковые картины мира влияют на проявление субъектной перспективы.

Литература

- Бурстин Д. Американцы: колониальный опыт. М.: Изд. Группа «Прогресс»: «Литера», 1993.
- Гачев Г.Д. Ментальность народов мира. М.: Алгоритм, Эксмо, 2008.
- Методология современных семантических исследований в развитии и перспективе / отв. ред. О.А. Сулейманова, Д.Б. Никуличева, М.А. Фомина. М.: ФЛИНТА, 2018.
- Семантические типы предикатов / отв. ред. О.Н. Селиверстова. М.: Наука, 1982.
- Стилистические аспекты перевода: учебное пособие для студентов учреждений высшего профессионального образования / О.А. Сулейманова, Н.Н. Беклемешева, К.С. Карданова и др. М.: Издательский центр «Академия», 2010.
- Сулейманова О.А., Фомина М.А. Триангуляционный подход в экспериментальной лингвистике // Русистика и компаративистика. 2018. Вып. XII. С. 220-235.
- Фомина М.А. Особенности семантики русских «стихийных» моделей // Когнитивные исследования языка. 2022. №4(51). С. 807-811.
- Шестопалова А.М. Семантические компоненты квазисубъектных моделей типа Книга легко читается // Вестник Московского государственного педагогического университета. Серия «Филология. Теория языка. Языковое образование». 2022. №2 (46). С. 189-195.
- Alexiadou A., Doron E. The syntactic construction of two non-active voices: Passive and middle // Journal of Linguistics. 2012. Vol. 48 (1). P. 1-34.
- Mitkovska L., Buzarovska E. Quasi-passive reflexive constructions: Bridging autonomous and passive situations // Linguistic Typology. 2021. Vol. 25 (2). P. 303-343.

*A.M. Shestopalova (Moscow, Russia)
Moscow City University*

COMPARATIVE ANALYSIS OF RUSSIAN AND ENGLISH QUASI-SUBJECT CONSTRUCTIONS

The article covers Russian and English quasi-subject constructions such as *Okno legko otkryvaetsja* / *The window opens easily* in terms of their subject perspective. The paper pro-

vides quantitative ratio of subject types in the Russian and English language which depends on the specifics of the respective linguistic worldview.

Key words: quasi-subject construction, subject perspective, subject type, semantics, linguistic worldview.

Н.В. Шилова (Ярославль, Россия)

Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского
n.shilovanina@yandex.ru

ОТРИЦАТЕЛЬНАЯ ОЦЕНОЧНАЯ СЕМАНТИКА ДИСКУРСИВНЫХ МАРКЕРОВ ВО ФРАНКОЯЗЫЧНОМ ХУДОЖЕСТВЕННОМ ДИСКУРСЕ

Конструктивно-синтаксические единицы в художественном дискурсе способны придавать высказыванию эмоционально-экспрессивную насыщенность, а именно, отражать эмоциональную коннотацию, связанную с выражением эмоций человека на языковом уровне. Таким образом автор подчёркивает эмоциональное отношение литературных персонажей к объектам окружающей действительности.

Ключевые слова: дискурсивные маркеры, отрицание, художественный дискурс.

В современной лингвистике категория отрицания, являясь универсальной категорией, рассматривается как одна из важных проблем в плане соотношения содержания и формы. При этом смысловое содержание и форма при выражении отрицания могут не совпадать [Бондаренко 1983; Зеликов 2005; Купцов 2011].

Как отмечает М.В. Зеликов, функционирование формального показателя отрицания зависит от его типа и места в структуре предложения. Так, негативная характеристика тех или иных компонентов (членов) отрицательных структур предложений неодинакова и зависит от использованного показателя отрицания и его места в предложении, так как разные средства выражения отрицания имеют различную семантическую значимость [Зеликов 2005].

Н. С. Минина указывает на то, что данные лексемы – конструктивно-синтаксические единицы с отрицательной семантикой (дискурсив), которые используются для выражения противопоставления в тексте и для формирования доминантных грамматических форм – отрицательных конструкций. Она также считает, что одной из функций отрицательных частиц является передача общей идеи отрицания [Минина 2015].

Отрицательные предложения обладают повышенной эмоциональностью и экспрессивностью, поэтому в них часто используется коммуникативная инверсия. Ремой в таких предложениях может быть член предложения, выраженный отрицательным местоимением, отрицательным наречием или именной частью речи с отрицательной частицей [Купцов 2011].

По мнению ряда исследователей, дискурс – это сложное коммуникативное явление, включающее в себя экстралингвистические факторы, такие как, знания о мире, интересы, цели коммуникатора [Арутюнова 1999; Бабаян 2022; Дейк 1989; Карасик 2002; Купцов 2022; Шилова 2022]. Например, в зависимости от того, кто является адресатом сообщения, автор может использовать разные лек-

сические и грамматические структуры, чтобы передать свою мысль более эффективно.

Дискурс включает в себя не только лексические и грамматические структуры, но и социальные, культурные психологические и другие факторы, которые оказывают влияние на процесс коммуникации. Таким образом, можем сказать, что дискурс представляет собой чрезвычайно богатую область исследования, лежащую в основе гуманитарных и социальных наук.

Проведенное исследование позволило установить, что категория отрицания французского языка выделяется среди других романских языков, так как только во французском языке отрицание является сложным или двойным, так как требует употребления отрицательной частицы *ne* и усилителя возражения, тем самым все высказывание выражает эмоциональное негативное отношение к какому-либо факту или явлению:

*Je **ne prétends pas** qu'un compatriote, un joli cavalier, un brave garçon, fait pour avancer, soit la dupe de toutes ces feintises (Dumas).*

Во французском языке встречаются архаичные конструкции, где самостоятельная частица *ne* сохраняет своё отрицательное значение и не требует усиления.

Частица *ne* может употребляться самостоятельно с глаголом *savoir* в значении мочь, а также когда она выражает неуверенность:

*Plus fort que ça, un autre jour, sur les côtes de Coromandel, des sauvages nous ont donné je **ne sais quel** mélange de poivre et de vitriol (Zola).*

*Quatre l'ont emmené **je ne sais** où, à la Bastille ou au Fort-l'Évêque (Dumas).*

Также частица *ne* может употребляться самостоятельно перед глаголом *pouvoir*:

*En attendant, quel désespoir que de voir une femme qu'on aime désirer ces mille riens dont les femmes composent leur bonheur, et de **ne pouvoir** lui donner ces mille riens ! (Dumas)*

Во французском языке существуют устаревшие конструкции, где частица *ne* сохраняет свою отрицательную функцию и не требует усиления. Например, конструкция *ne expl t if* или *ne + ограничивающее que*, которые не являются полностью отрицательными, но также не могут считаться утвердительными.

Конструкция *ne expl t if* употребляется в придаточных предложениях после субъективных глаголов:

*Aramis rougit excessivement et arracha plutôt **qu'il ne prit** le mouchoir des mains du Gascon. (Dumas)*

Также может употребляться после оборотов *à moins que*:

*Confiez-nous cela, mon cher ami, **à moins que** l'honneur de quelque dame **ne se trouve intéressé** à cette confidence. (Dumas)*

Оборот *ne + ограничивающее que* употребляется во всех видах предложений и не имеет чёткого определения запрета или отдельных правил для его употребления.

*L'atmosphère, saturée d'électricité, **ne** se déchargeait ensuite **que** par de violents orages qui troublaient profondément les couches d'air. (Verne)*

В данном исследовании были обнаружены случаи, когда во французском художественном дискурсе используются монорематические предложения с отрицательными дискурсивами в повелительном наклонении. Например:

Ne craignez rien ! (Verne)

Ne poussez donc pas ! (Zola)

Ne pense plus à eux ! (Zola)

Анализ фактического материала позволил нам определить, что порядок дополнительных местоимений в отрицательном предложении может быть следующим:

– если глагол, стоит в простом времени, то между отрицанием стоит местоимение и глагол:

Je **ne le croyais pas** de service, cette semaine. (Zola)

– если глагол, стоит в сложном времени, то между отрицанием стоит местоимение и вспомогательное слово:

Le Duncan, on **ne l'a pas** oublié, c'était le yacht de Lord Glenarvan, qui avait abandonné Ayrton sur l'îlot et qui devait revenir l'y chercher un jour. (Verne)

В случае инфинитивной группы порядок слов в отрицательном предложении может быть более сложным.

Если отрицание относится к глаголу в личной форме, а местоимение является дополнением глагола в инфинитиве, то между отрицанием стоит спрягаемый глагол без дополнительного местоимения:

En outre, elle **n'offrait pas** la même sécurité. (Verne)

Elle **ne tenait pas** en place. (Zola)

В данных примерах отрицание относится к глаголам *être* и *tenir*, а местоимение *la* и *en* является дополнением к глаголу в инфинитиве.

Если отрицание относится к глаголу в инфинитиве, а местоимение является дополнением инфинитива, то *ne pas* стоит перед местоимением и глаголом в инфинитиве:

Une visite avait été faite également aux Cheminées, et les colons ne purent que s'applaudir de **ne pas** y avoir demeuré pendant la tempête. (Verne)

В данном примере отрицание относится к глаголу *avoir*, а местоимение *y* является дополнением данного глагола.

Итак, частица *ne* во французском языке служат для отрицания содержания всего предложения-высказывания или отдельной его части. Как правило, под ударением стоит глагол, который отрицается. Необходимо отметить, что данные дискурсивы в художественном дискурсе обладают эмоционально-экспрессивными характеристиками, так как способны оказывать экспрессивно-эмоциональное воздействие на читателя (адресата). Заметим, что функциональный диапазон и сфера употребления данных лексических единиц в разноструктурных языках могут отличаться.

Литература

Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. Москва: Языки русской культуры, 1999. 896 с.

Бабаян В.Н. Семантические и коммуникативно-прагматические особенности дискурсивных маркеров в испаноязычном художественном дискурсе / В.Н. Бабаян, А.Е. Купцов, Н.В. Шилова // Верхневолжский филологический вестник. 2022. № 4(31). С. 86-92.

Бондаренко В.Н. Отрицание как логико-грамматическая категория. Москва: Наука, 1983. 212 с.

- Дейк Т. А. ван.* Язык. Познание. Коммуникация. Москва: Прогресс, 1989. 310 с.
- Зеликов М.В.* Синтаксис испанского языка: Особенности структуры предложений по характеру коммуникативной установки и цели высказывания. Санкт-Петербург: КАРО, 2005. 304 с.
- Карасик В.И.* Язык социального статуса. Москва: Гнозис, 2002. 333 с.
- Купцов А.Е.* Отрицательные частицы как средство выделения ремы в высказывании (на материале испанского языка) // Когнитивные исследования языка. 2011. № 8. С. 539-542.
- Купцов А.Е.* Лингвокультурные особенности кубинского варианта испанского языка в художественном дискурсе: лексический аспект // Язык и общество. Диалог культур и традиций: Сборник материалов научной конференции, Ярославль, 01-31 марта 2022 года. Ярославль: Ярославский гос. пед. ун-тет, 2022. С. 223-232.
- Минина Н.С.* «Сгущение» частиц НЕ, НИ Как способ их поэтической актуализации // Русская филология: Вестник Харьковского национального педагогического университета имени Г.С. Сковороды. 2015. № 1 (54). С. 34-37.
- Шилова Н.В.* Дискурсивы и синтаксические конструкции как средства формирования прагматического эффекта акта коммуникации в англо- и испаноязычном художественном дискурсе // Когнитивные исследования языка. 2022. № 3(50). С. 269-273.
- Dumas A.* Les trois mousquetaires. Bruxelles: Soc. belge de libr., 1844. 263 p.
- Verne J.* L'île mystérieuse. Paris: Librairie générale française, 1995. 442 p.
- Zola Ém.* Nana. Paris: E. Dentu, 1883. 495 p.

N. V. Shilova (Yaroslavl, Russia)
Yaroslavl State Pedagogical University named after K.D. Ushinsky

NEGATIVE EVALUATIVE SEMANTICS OF DISCURSIVE MARKERS IN THE FRENCH-LANGUAGE FICTIONAL DISCOURSE

Constructive and syntactic units in fictional discourse are able to give an emotional and expressive saturation to an utterance. They reflect the emotional connotation associated with the expression of human emotions at the linguistic level. The study emphasizes the emotional attitude of literary characters to the objects of the surrounding reality.

Key words: discourse markers, negation, fictional discourse.

Е.С. Шмелёва (Москва, Россия)
Московский государственный лингвистический университет
katherineshm@gmail.com

SPRECHEN SIE MAASTRICHT: ЛИНГВОКРЕАТИВНАЯ СМЕНА ЯЗЫКОВОГО КОДА (НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛОЯЗЫЧНОЙ КАЧЕСТВЕННОЙ ПРЕССЫ 1990–99 гг.)¹

Данная статья посвящена рассмотрению особенностей лингвокреативной смены языкового кода. Выявляются особенности и прагматический потенциал реализации

¹ «Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект №19-18-00040) в Институте языкознания РАН»

средств иноязычного происхождения (заимствований и иноязычных вкраплений) в статьях англоязычной качественной прессы 1990–99 гг.

Ключевые слова: лингвокреативность, смена языкового кода, заимствование, иноязычное вкрапление, медийный дискурс.

Развитие глобализации в XX-XXI веке породило повсеместное взаимопроникновение культур и затронуло, в том числе, английский язык, существенно расширив пласт средств номинации иноязычного происхождения – как уже ассимилированных заимствований, так и иноязычных вкраплений. Поясним данную терминологию.

Устоявшийся в лингвистической традиции термин «иноязычное вкрапление» принадлежит А.А. Леонтьеву. По его мнению, текст представляет собой «продукт «развертки» модели соответствующего языка, порождающей этот текст по определенным правилам» [Леонтьев 1966: 60], а те сегменты текста, которые не отвечают данной модели вследствие того, что они не являются элементами системы соответствующего языка, автор называет «иноязычными вкраплениями». Иноязычные вкрапления необходимо отличать от заимствований: как пишет Л.П. Крысин, последние, в отличие от иноязычных вкраплений, не требуют владения иностранным языком, поскольку входят в лексический состав языка [Крысин 1968: 47-49].

Введение средств номинации иноязычного происхождения в контекст мы, в свою очередь, связываем с понятием переключения языкового кода. Данный термин, вслед за И.В. Зыковой, понимается нами как «когнитивный прием целенаправленного и творчески осмысленного введения» в дискурс «с определенным основным языком общения, знаковых средств иных кодовых или семиотических систем» [Зыкова 2019: 217-219]. Следует отметить, что переключение языкового кода посредством введения языковых средств иноязычного происхождения обладает широким прагматическим потенциалом, поскольку, как пишет Е.Г. Беляевская, такие единицы «в определенной степени сохраняют свою автономность» ввиду того, что даже у ассимилированных лексем «остаются их исконные семантические связи» [Беляевская 2022: 71].

Несмотря на широкий диапазон реализуемых дискурсивных функций, переключение языкового кода посредством введения средств номинации иноязычного происхождения, однако, не всегда является лингвокреативным. Поясним, что под лингвокреативностью, вслед за И.В. Зыковой, мы понимаем «способность глубинных (концептуальных) оснований (как результатов познания мира), системно порождать разнородные знаки языка, способствуя развитию или эволюционированию последнего, и обеспечивать процесс их коммуникативной адаптации к построению прагматически ориентированного дискурса, в ходе которого базовые формы языковых знаков могут подвергаться разного рода преобразованиям, т. е. модифицируются» [Зыкова 2017: 638]. Исходя из данного определения, лингвокреативными являются лишь намеренно нестандартные случаи введения средств номинации иноязычного происхождения, которые направлены на оказание определенного воздействия на получателя информации (привлечение внимания, комический эффект и т.д.).

Материалом исследования послужила выборка 50 статей из англоязычной качественной прессы (включая *The Guardian*, *Economist*, *The New York Times*) за период 1990–1999 гг. Такой объем материала представляется достаточным, поскольку в других выборках, проанализированных с применением методики исследования, не были выявлены значимые отклонения результатов (см. подробнее [Зыкова, Киосе 2020]). Всего в ходе исследования медийных текстов, включающих в общей сложности 1421 предложение, было выявлено 36 примеров актуализации параметра лингвокреативности, указывающего на смену языкового кода и введение элементов иноязычного происхождения, что составило ок. 2% от всех случаев реализации лингвокреативности, установленных в рамках рабочего корпуса. Рассмотрим полученные результаты.

Первая группа примеров установленной лингвокреативной смены языкового кода строится на введении заимствованной лексики. По нашим наблюдениям, лингвокреативный характер использования таких единиц в медийных текстах зависит от нескольких показателей, включая степень ассимилированности и символический потенциал заимствований, а также тот факт, актуализируются ли они изолированно или совместно. К примеру, целый ряд заимствований был установлен в статье из *The Guardian* от 23 августа 1991 г. “After the Coup”, посвященной «августовскому путчу» 1991 г.: “the hardline *putsch*”; “*perestroika* became people power”; “at his Crimean *dacha*”. Актуализированные в данной статье единицы представляют собой заимствования из русского (*perestroika*, *dacha*) или традиционно используются для указания на события из истории России (*putsch*); они слабо ассимилированы и потому, вероятно, будут не до конца понятны англоязычному читателю. Однако, функционируя совместно, они расширяют свой лексико-семантический потенциал и соотносят реципиента с культурной моделью России времен перехода к постсоветскому периоду, т.е. носят символический характер. Тенденция к символизации заимствований прослеживается и в отношении средств номинации, происходящих из других языков и культур. В частности, в статье из журнала *The Economist* от 04 августа 1994 г. “The trickiest one of all”, посвященной демократизации мусульманского общества, выявлены случаи лингвокреативной актуализации заимствований из арабского языка. Некоторые единицы – такие, как *ijma* (*иджма* – единое мнение авторитетных лиц ислама), будучи менее знакомыми англоязычному читателю, сопровождаются пояснениями, что не позволяет говорить о креативной природе их реализации. В то же время единица *shura* (*шюра* – принцип установления власти), впервые вводится в текст в составе подзаголовка “Not by *shura* alone” и, ввиду отсутствия пояснений в момент актуализации, представляется лингвокреативной. Совместная реализация данных единиц в статье и их соотнесенность с концептами ислама также позволяют говорить об их символическом потенциале.

Символический потенциал способны приобретать и единицы, которые в большей степени ассимилированы в английском языке. Примером может послужить статья из *The Economist* от 09 сентября 1999 г. “Liberty, equality, humility”, посвященная демократизации государств мира. Аллюзивное указание заголовка на лозунг французской буржуазной революции («Свобода, равенство, братство») в последующем тексте статьи подкрепляется заимствованием из французского *in vogue* – «в моде» (“eugenics and social engineering were *in vogue*”). Соотнесение

данного выражения с аллюзией в заголовке и с последующим историческим анализом политических режимов мира на предмет их соответствия ценностям французской революции позволяет однозначно установить ассоциативную связь с идеей демократической Франции, что говорит о парадигматической лингвокреативной реализации рассматриваемой единицы.

Следует особо отметить, что примеры наиболее ассимилированных единиц в рамках корпуса, по нашим данным, наиболее редко реализуют лингвокреативный потенциал. К примеру, в статье из *The Guardian* от 01 сентября 1997 г., посвященной смерти Принцессы Дианы, для наименования журналистов желтой прессы используется лексема *напарацици*: “*paparazzi* might yet land the sick-taste jackpot”. Несмотря на нетипичное для английского языка написание и произношение, связь данной заимствованной единицы с языком или культурой, из которых она происходит, никак не прослеживается.

В отличие от заимствованных единиц, чья актуализация в медийных текстах, по нашим наблюдениям, далеко не всегда креативна, введение иноязычных вкраплений определенно служит инструментом реализации лингвокреативности, поскольку требует от реципиента дополнительных знаний в области иностранного языка. Примером может послужить иноязычное вкрапление в заголовке статьи из *The Economist* от 14 декабря 1991 г. “*Sprechen Sie Maastricht?*”. Его интерпретация не возможна без знания немецкого языка, что деавтоматизирует восприятие, делает заголовок примечательным и потому лингвокреативным, кроме того, тематика статьи (содержание маастрихтского договора о создании Евросоюза) определяет символический потенциал переключения языкового кода: иноязычное вкрапление служит своего рода иллюстрацией процесса интеграции европейских стран и языков в действии.

Другой пример актуализации иноязычных вкраплений содержится в статье из журнала *The Economist* от 23 февраля 1995 г. “*On top of the world*”, которая анализирует особенности проживания в разных странах мира. Автор статьи пишет: “it [the sun] still rises in the east – which, of course, to Australians would have signified not a land of *caravanserais* <...>, but a sea of dolphins, *coco-de-mer*”. В данном контексте можно говорить о лингвокреативной реализации иноязычных вкраплений *caravanserais* (перс. *караван-сарай*) и *coco-de-mer* (франц. *сейшельская пальма*), которые, описывая определенные объекты, приобретают символическое значение, указывая на иноязычные культуры, которые с ними связаны. Интересно, что примеры актуализации иноязычных вкраплений составляют лишь 25% от всех выявленных случаев лингвокреативного введения единиц иноязычного происхождения в наш корпус. Мы склонны объяснять полученные результаты определенным упрощением медийных текстов для достижения полного понимания их содержания читателем.

Подведем итоги. Исследование показало, что актуализация средств иноязычного происхождения, включая заимствования и иноязычные вкрапления, весьма характерна для медийных текстов качественной прессы 1990-99 гг. Введение иноязычных вкраплений лингвокреативно во всех выявленных случаях, и его результатом является смена языкового кода. Актуализация заимствований, однако, не всегда креативна и может зависеть от степени ассимилированности единицы, ее символического потенциала и изолированного или парадигматиче-

ского характера реализации. Полагаем, что наибольшим креативным потенциалом в качественной прессе 1990-99 гг. обладают менее ассимилированные заимствования – преимущественно из тех языков, которые видятся англоязычным читателям сложными для понимания. Ассимилированные заимствования также не лишены лингвокреативного потенциала: последний может возрасть в ходе совместной (парадигматической) реализации заимствованных единиц, поскольку в таком случае нередко происходит усиление тенденции к их символизации.

Литература

Беляевская Е.Г. Лингвистическая креативность: нарушение нормы? // Вопросы психолингвистики. 2022. Вып. 3(53). С. 62-73.

Зыкова И.В. Метаязык лингвокультурологии: константы и варианты. М.: Гнозис, 2017. 752 с.

Зыкова И.В. Code-switching как когнитивный прием реализации лингвокреативности в комедийном кинодискурсе // Когнитивные исследования языка. 2019. Вып. XXXVIII. С. 216-228.

Зыкова И.В., Киосе М.И. Параметризация лингвистической креативности в междискурсивном аспекте: кинодискурс vs. дискурс детской литературы // Вопросы когнитивной лингвистики. 2020. №2. С. 26-40.

Крысин Л.П. Иноязычные слова в современном русском языке. М.: Наука, 1968.

Леонтьев А.А. Иноязычные вкрапления в русскую речь // Вопросы культуры речи. М.: Наука, 1966. С. 60-67.

E.S. Shmelyova (Moscow, Russia)
Moscow State Linguistic University

SPRECHEN SIE MAASTRICHT: LINGUACREATIVE CHANGES IN LINGUISTIC CODE (BASED ON THE MATERIAL OF 1990–1999 ENGLISH-LANGUAGE QUALITY PRESS)

This article considers the peculiarities of linguistic code changing. The features and pragmatic potential of the linguacreative use of lexical items from a foreign language (borrowings and foreignisms) are studied by examining articles from English-language quality press of 1990-1999.

Key words: linguistic creativity, linguistic code changing, borrowing, foreignism, media discourse.

Л.П. Юздова, А.И. Авдина, А.А. Чепуренко (Челябинск, Россия)
Южно-Уральский государственный
гуманитарно-педагогический университет
uzdovalp@cspu.ru, a.avdina@mail.ru, chepurenkoaa@cspu.ru

КОГНИТИВНЫЙ КОНСОНАНС И ДИССОНАНС КАК ПРИЕМЫ В ФИЛЬМЕ Д. ДЬЯЧЕНКО «ЧЕБУРАШКА»

В статье явления когнитивного консонанса и диссонанса рассматриваются в качестве основных смыслообразующих элементов сюжетно-композиционного комплекса

фильма. Прецедентное имя Чебурашка выступает как символ доброжелательности, позитивности, отзывчивости.

Ключевые слова: когнитивный диссонанс, когнитивный консонанс, когниция, прецедентное имя, сюжетная линия.

Актуальность изучения соотношения языка и сознания, специфики познавательных процессов человека, связанности отдельных когнитивных способностей человека с языком безусловна. Когнитивная лингвистика в отличие от других когнитивных наук исследует сознание человека на материале языка. В качестве материала взята лексика и фразеология фильма Д. Дьяченко «Чебурашка», вышедшего на экраны в 2022 году, в тот период, когда в связи с мировой обстановкой концепты «доброта», «мир», «справедливость» обрели особое значение. Фильм представлен как семейный. Если в начале фильма это детское кино (представлен ушастый герой Чебурашка), то ближе ко второй половине фильма поднимаются проблемы, осмыслить которые способны, скорее, не дети, а взрослые (проблемы одиночества, предательства близкого человека, эгоизма, семейных ценностей и др.). В фильме две параллельные сюжетные линии: сюжет с Чебурашкой и семейный сюжет. Сюжетные линии умело разводятся и умело переплетаются. *Когнитивный консонанс*, то есть бесконфликтное, сбалансированное состояние составляющих когнитивной системы сменяется *когнитивным диссонансом* (внутренним несоответствием, возникающим при столкновении ожиданий, противоречащих друг другу). Диссонанс возникает в том случае, когда человек одновременно сталкивается с двумя несовместимыми, но одинаково значимыми суждениями – когнициями. Иногда под когнициями подразумеваются мысли, но на самом деле это понятие намного шире: в него следует включать мысли, идеи, мнения, оценочные суждения. В процессе восприятия произведения зритель соотносит собственные картины мира, в частности языковые, с представленными в произведении. Отсутствие общности подачи и восприятия материала произведения может вызывать дискомфорт, что приводит к когнитивному диссонансу. Так, например, зритель, находясь на кульминационном моменте сказочной истории Чебурашки, слышит, как звучит, казалось бы, совершенно неподходящая в данном контексте песня «Там нет меня...», написанная Игорем Николаевым на стихи Павла Жагуна. Песня звучит неожиданно пронзительно. Прямолинейность включения серьезного материала в несерьезную сказочную историю шокирует. Возможно, режиссер и рассчитывал на такую реакцию зрителя. В любом случае цель достигнута. Возникает чувство напряжение от того, что зритель сталкивается с несовместимыми по эмоциональному напряжению объектами – когнициями: с одной стороны, отдали в чужие руки «*белорусскую овчарку*», «*неизвестно кого*», не человека и не желающего быть им – Чебурашку, с другой стороны, звучит песня – повествование о трагическом разрыве с любимым человеком. Это по-настоящему зацепляет, и в этом, возможно, и заключается умелый режиссерский ход. Песня не столько об отданном чужим людям Чебурашке, сколько об отце, предавшем дочь. Геннадий Петрович наблюдает издалека, как живет его дочь, не думая просить прощения. Каждая строка песни – горечь и боль утраты. Чувство фатального одиночества становится всё ощутимее. Слова песни помогают понять состояние героя: герой не там, где «*на песке не*

пролегли твои следы», «где птица белая в тоске кружит у пенистой воды», «где дым волос не затуманит белый день», «где сосны от янтарных слез утрет заботливый олень», «где понимает небосвод, что без тебя осиротел», герой там, «где звук дрожит у губ желанной пристани», где «глаза твои-стрижи скользят по небу пристальной», «где ты порой на дверь глядишь с надеждою». Строки песни как нельзя лучше объясняют всё, что происходит с героем: «нет меня, вокруг тебя невидимый», «ты знаешь, без тебя ни дня прожить нельзя мне, видимо». В течение десяти лет разлуки отца с дочерью по вине отца была лишь иллюзия жизни. Пронзительная песня о вечной разлуке помогает понять состояние героя, тоскующего по непрожитому и невозвратному времени жизни в семье. Чебурашка тоже предан, хотя осознание проступка к Геннадию Петровичу еще не пришло.

Из уст Чебурашки звучит слово *безысходность*, отражающее настоящее как результат всего, что произошло раньше и продолжает происходить. Чебурашка взят в качестве главного героя неслучайно: прецедентное имя приобрело распространение благодаря популярности мультфильмов о нем. Чебурашка – символ доброжелательности, позитивности, отзывчивости. Он всегда готов пожертвовать собой ради друзей [Ли 2019, Ожеховска 2017]. Герой используется автором для примера того, как надо относиться к окружающим. *Безысходность* – лексема, которая вбирает в себя огромный смысл: кольцо безысходности для героев замкнулось, а разорвать его помогает сказочный герой Чебурашка. Неужели такое возможно только в сказке? Разрушить всё и надеяться, что потом все можно починить, нельзя, в реальной жизни вряд ли это возможно: жизнь не игрушка, починить не получится. Геннадий Петрович мучается от последствий совершённой им когда-то ошибки: потеряв жену, он жалел лишь себя, думал лишь о себе, оставляя дочь на долгих десять лет. По прошествии времени он осознаёт, что совершил (дочь не может простить отца), но он снова повторяет свою ошибку, теперь предавая уже Чебурашку, который полюбил его и доверился ему. Фраза *«Ты опять, старый дурак, по старым граблям?»*, прозвучавшая в его адрес, приводит его в чувство, он наконец-то понимает, кто он и что он снова сделал, или нам кажется, что понимает. *Наступить на старые грабли* – повторить старые ошибки может тот, у кого отсутствует способность анализировать причины произошедших с ним неприятных событий для предотвращения их в будущем. Фраза объединяет две сюжетные линии в единое целое. **Когнитивный консонанс** в том, что речь и там, и там идет о проблемах предательства, о ценности человеческих отношений. Чебурашка обменян на спокойствие близких и «книгу рецептов» шоколада. Кстати, в этой книге, по словам дочери, описан секретный ингредиент ее шоколада, однако это не книга рецептов, это альбом с семейными фотографиями. Секретный ингредиент счастливой жизни, с которой ассоциируется шоколад, – семья.

В конце фильма – еще одна песня *«Пусть бегут неуклюже...»*, и опять **когнитивный диссонанс**, еще один режиссерский ход. Песня детская – проблемы серьезные. Речь идет о Дне рождения Чебурашки, или, скорее всего, о возрождении семьи, в которую в конце концов принят и Чебурашка. Режиссер Дмитрий Дьяченко умело оперирует чувствами зрителей, в нужный момент вызывая определенные эмоции. **Когнитивный диссонанс** еще в одном. Чебурашка

называет дядю Гену *мамой*. Но это не мама! С одной стороны, это забавно, смешно, с другой стороны, Геннадий Петрович стал для него близким человеком, таким, как мама. Конечно, сценаристы не учли перевёрнутого сознания некоторой части современного общества, посчитавшей, что в этом кроется определенная опасность. **Когнитивный диссонанс** и в том, что Чебурашка человеком стать не хочет, потому что люди злые и не умеют прощать: «*Вы такие грустные, потому что не умеете прощать ни себя, ни других*». Просит прощения у всех только Шапокляк, другие никаким раскаянием, очевидно, «не страдают». А если так, то и дальше будут поступать, как и поступали. И между ними Чебурашка, который не хочет быть человеком и считает людей злыми. В этом, кажется, заложен основной смысл картины. Сделать людей добрее, обострить или возродить в них стремление к гармонии. Слишком много в жизни негативного; жизнь проходит в стремлении заработать как можно больше и быстрее. Наверное, и нужен был такой несуразный герой, как Чебурашка, принесенный торнадо за тысячи вёрст, чтобы люди перестали думать только о собственном благополучии. Помочь другому, заполнить пустоту простыми человеческими поступками – рецепт, чтобы не превратиться в никчемного человека.

В завершении же сюжетной линии – **когнитивный консонанс**. Вся семья за столом отмечает День рождения Чебурашки и День рождения семьи. Чебурашка, который учит прощать, помог воссоединиться семье.

Таким образом, в фильме явления когнитивного консонанса и диссонанса выступают в качестве основных смыслообразующих элементов сюжетно-композиционного комплекса, потому что «человек всегда будет стремиться в соответствии со своими убеждениями к консонансу (согласию), а в случае диссонанса (рассогласованности) будет испытывать фрустрацию, что заставит его изменить либо свои установки, либо своё восприятие окружающего мира» [Антонова, Розина 2021: 82]. Вот поэтому, очевидно, фильм и действует, по крайней мере заставляет задуматься о смысле жизни, о своей позиции в ней.

Литература

Антонова О.В., Розина А.В. Когнитивный диссонанс // Актуальные научные исследования в современном мире. 2021. № 11-8 (79). С. 81-82.

Ли Х. Прецедентное имя «чебурашка» в национальном корпусе русского языка // Перевод. Язык. Культура. Материалы X международной научно-практической конференции. Ответственный редактор И.Л. Гарбар. Издательство: Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина (Санкт-Петербург). 2019. С. 129-130.

Ожеховска И. Культурологический комментарий к русской лингвокультуре «чебурашка» // Язык и культура региона как составляющие образовательного пространства. Материалы II Международной научно-практической конференции. Ответственный редактор Т.Ф. Новикова. Издательство: Общество с ограниченной ответственностью «Эпицентр» (Белгород). 2017. С. 49-54.

*L.P. Yuzdova, A.I. Avdina, A.A. Chepurenko (Chelyabinsk, Russia)
South Ural State Humanitarian Pedagogical University*

COGNITIVE CONSONANCE AND DISSONANCE IN D. DIACHENKO'S FILM “CHEBURASHKA”

The article focuses on cognitive consonance and dissonance which are the key semantic elements of film plot and composition. The precedent name Cheburashka acts as a symbol of goodwill, positivity, and responsiveness.

Key words: cognitive dissonance, cognitive consonance, cognition, precedent name, storyline.

*Т. Ян (Санкт-Петербург, Россия)
Санкт-Петербургский государственный университет, Россия
yangtianrui23@163.com*

ЛЕКСИЧЕСКИЕ И ГРАММАТИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ КОРОНА- В СЛОЖНЫХ СЛОВАХ

В статье рассматриваются лексические и грамматические характеристики компонента корона- в сложных словах. С точки зрения грамматических признаков корона- рассматривается как полный эквивалент словосочетания коронавирусная инфекция, корона- не требует словоизменения в сложных словах. В аспекте лексическо-семантического значения, корона- делится на девять типов.

Ключевые слова: грамматические признаки, лексические признаки, сложное слово, компонент корона-, морфемный статус.

В 2020 году коронавирусная инфекция оказала огромное влияние на мировую экономику и общество. Пандемия не только изменила повседневную жизнь людей, но и породила множество новых слов и терминов. Эти слова не только отразили опасность пандемии, но также закрепили в языке непрерывные исследования и инновации, совершенные людьми в ответ на эпидемию. Среди них наиболее репрезентативными стали сложные слова с продуктивным компонентом корона-. Исследование его грамматических и лексических признаков поможет лучше понять не только значения новых сложных слов с компонентом корона-, но также и реакцию людей на пандемию.

Как самостоятельное слово корона имеет следующие грамматические признаки: существительное, неодушевленное, женского рода, 1-го склонения (тип склонения 1а по классификации А.А. Зализняка). В составе сложного слова компонент корона- не нуждается в склонении, и большинство ученых полагает, что корона- в сложных словах является полным эквивалентом коронавирусной инфекции. Что касается вопроса о морфемном статусе корона-, то некоторые ученые считают, что корона- – это усечение прилагательного коронавирусный, а другие рассматривают корона- как аффиксоид или аналитическое прилагательное.

Е.С. Громенко полагает, что компонент корона-, образованный путем усечения прилагательного коронавирусный, в составе сложных существительных является скорее аналитическим прилагательным, чем аффиксоидом [Громенко 2020].

А.А. Иваненко, К.А. Журавлёва отмечают, что лексемы представляют собой неологизмы, которые образованы сращением с первым компонентом *корона-*, *ковид-*, *карантин-* и не содержат контаминации [А.А. Иваненко; К.А. Журавлёва 2020].

По поводу морфемного статуса таких иноязычных компонентов как *корона-*, *ковид-*, *карантин-*, мы полагаем, что можно опираться на данные следующих справочников: «Энциклопедия: Русский язык 1997» и «Большая российская энциклопедия», в них иноязычные компоненты сложных слов *авиа-*, *видео-*, *полу-*, *само-*, *теле-* рассматриваются как аффиксоиды. Поэтому аналогичные компоненты *корона-*, *ковид-*, *карантин-*, имеющие конкретные лексические значения и высокую продуктивность, могут рассматриваться как аффиксоиды.

Значения *корона* в толковом словаре:

1. Золотой венец с драгоценными украшениями как символ власти монарха.
2. Власть монарха; государство, правительство в монархических странах.
3. *Астрон.* Светлый ореол вокруг Солнца, видимый во время солнечного затмения [Кузнецов 2008].

Сейчас, говоря о медицинском термине коронавирус, мы используем переносное значение первого толкования, то есть ‘вирус, форма которого выглядит под микроскопом как венец’.

В докладе анализируются сложные слова с компонентом *корона-*, которые были зарегистрированы в Словаре русского языка коронавирусной эпохи [Вальтер и др. 2021]. Были выделены 397 сложных слов с компонентами *корона-*. В результате исследования сложные слова с компонентом *корона-* были разделены на следующие типы:

1. Атрибутивно-признаковое значение. Этот тип обычно интерпретируется как ‘связанный, вызванный коронавирусной инфекцией’. *коронаатеист, коронаалармист, коронадемия, коронавирусистика.*

2. Объектно-увеличительное значение Этот тип *корона-* обозначает ‘коронавирусная пандемия как (+, обладающая чрезвычайной силой воздействием)’. *коронаармагеддон, коронакалипсис, коронатрясение, коронаапокалипсис* – ‘коронавирус как глобальная катастрофа’.

3. Предикатно-признаковое значение. Этот тип *корона-* обозначает ‘связанный с противодействием коронавирусной инфекции’. *коронаборец* – ‘о том, кто пытается препятствовать распространению коронавирусной инфекции’. *Коронапаспорт* – ‘документ (сертификат) о вакцинации от коронавирусной инфекции’.

4. Предикатно-целевое значение. Этот тип обычно интерпретируется как предметное существительное слово, целью которой является ‘лечение от коронавирусной инфекции’. *коронагоспиталь* – ‘стационар, созданный или перепрофилированный для лечения больных коронавирусной инфекцией’.

5. Причинно-следственное значение. В данном случае *корона-* трактуется как ‘вызванный коронавирусной инфекцией’. *коронадепрессия.*

6. Темпорально-признаковое значение. Этот тип интерпретируется как ‘происходящий во время коронавирусной инфекции’. *коронадистант, коронаклетка, коронаномика, коронаоке, коронаречь, короначеллендж.*

7. Результативно-признаковое значение *корона-* трактуется как ‘случившийся в результате коронавирусной инфекции’. *коронакризис* – ‘о резком ухуд-

шении в экономической, хозяйственной сферах жизни в результате пандемии коронавирусной инфекции’.

8. **Релятивно-признаковое значение.** Этот тип обозначает ‘связанный с коронавирусом, вызванный коронавирусом’. *коронаистерика, коронаистерия, короналексика, коронамания, коронапсихоз.*

9. **Информационно-оценочное значение.** Этот тип *корона-* обозначает ‘информацию, связанную с коронавирусной инфекцией или пандемией’. *корона-новости, коронафейк* – ‘о непроверенной, неподтвержденной информации о коронавирусной инфекции или о пандемии’.

В период коронавирусной инфекции слова с компонентом *корона-* образовывались чрезвычайно активно, сочетаясь с самыми разными основами в качестве второго компонента. Это дает возможность сделать ряд выводов. Во-первых, *корона-* как компонент сложных слов обладает высокой продуктивностью и словообразовательной способностью; Во-вторых, исследование его лексико-грамматических характеристик компонента *корона-* позволяет лучше понять семантические отношения, существующие в сложных словах; В третьих, семантический анализ сложных слов с компонентом *корона-* позволяет сделать прогноз о возможных типах значений, которые могут развиваться у неологизмов.

Литература

Вальтер Х. и др. Словарь русского языка коронавирусной эпохи / Сост. Х. Вальтер и др. СПб.: Ин-т лингв. исслед. РАН 2021. 550 с.

Громенко Е.С. «Коронный» потенциал русского языка начала 2020-х годов // Новые слова и словари новых слов: сборник научных статей. СПб.: Ин-т лингв. исслед. РАН, 2020. С. 45-62.

Иваненко А.А. Журавлёва К.А. Что заразнее: оценка употребительности лексем коронавирусной эпохи // Новые слова и словари новых слов: сборник научных статей. СПб.: Ин-т лингв. исслед. РАН, 2020. С. 63-70.

Кузнецов С.А. Большой толковый словарь русского языка / Гл. ред. и составитель С.А. Кузнецов / Ин-т лингв. исслед. РАН. СПб.: Норинт, 1998. 1534 с.

*T. Yang (Saint Petersburg, Russia)
Saint Petersburg State University*

LEXICAL AND GRAMMATICAL CHARACTERISTICS OF THE COMPONENT KORONA- IN COMPOUND WORDS

The article discusses the lexical and grammatical characteristics of the component *korona-* in compound words. Grammatically, *korona* is used as the full equivalent of the phrase “coronavirus infection”; *korona* does not require inflection in complex words. In terms of lexical and semantic meaning, *korona* is divided into nine types.

Key words: grammatical features, lexical features, compound word, crown-component, morphemic status.

VI. ЯЗЫКОВЫЕ ПОЗНАВАТЕЛЬНЫЕ ПРОЦЕССЫ: КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ, КАТЕГОРИЗАЦИЯ

*Т.В. Борисенко (Челябинск, Россия)
Челябинский государственный университет
tatiana-tv11@yandex.ru*

ПРИНЦИП ОРГАНИЗАЦИИ ЭЛЕМЕНТОВ СПЕЦИАЛЬНОЙ КАТЕГОРИИ

В статье описаны специальные категории, которые изучал Л.У. Барсалу. Произведена попытка объяснить принцип формирования таких категорий и основу связи между их элементами. Рассмотрена категория «предметы, которыми можно подпереть дверь, чтобы она оставалась открытой».

Ключевые слова: специальная категория, ad hoc category, Л.У. Барсалу, концептуальная категория, концепт, признаки концепта.

Введение. Статья посвящена изучению специальных категорий, которые были предложены Л.У. Барсалу. Нашей целью является анализ категорий ad hoc на предмет наличия схожих или общих признаков между элементами. Актуальность работы заключается в необходимости установления общих принципов формирования концептуальных категорий разных типов. В качестве материала для анализа рассмотрены категории и их элементы, описанные в работах Л.У. Барсалу. Используются лексикографический, концептуальный и описательный методы.

Специальная категория Л.У. Барсалу. Категории как познавательные формы мышления человека позволяют классифицировать окружающую действительность, обобщать человеческий опыт [Кубрякова 1997: 45]. На основе экспериментов Л.У. Барсалу доказал, что помимо таксономических категорий существуют также специальные (ad hoc categories). Он утверждает, что специальные категории формируются спонтанно и зависят от контекста [Barsalou 1983: 211]. Категории такого типа не хранятся в долговременной памяти, хотя могут переходить со временем в установившиеся категории при их частом использовании [Barsalou 2010: 86].

Исследователь доказал, что при возникновении новой ситуации, человек создаёт «ситуативную» категорию, которая соответствует его целям. Опора при этом происходит на идеалы и ограничивающие установки, которые формируются на основе уже имеющихся знаний [там же].

Специальная категория как отражение концептуальной категории в сознании человека. Объединение концептов на основе общего концептом мы считаем концептуальной категорией. Концептуальные категории являются организующими структурами в сознании индивидов. Они представляют собой многомерные формирования, элементы которых объединены посредством общности или схожести их признаков с признаками категориального концепта [Борисенко 2022].

Л.У. Барсалу изучает механизмы ситуативного объединения объектов действительности в ту или иную категорию. Специальные категории возникают для удовлетворения какой-либо цели и могут объединять неожиданные предметы. Например, стул, мусорное ведро, коробку и камень исследователь относит к категории «предметов, которыми можно подпереть дверь, чтобы она оставалась открытой» [Barsalou 2003: 547].

Известно, что язык отражает мыслительные процессы, происходящие в сознании человека, соответственно, такого рода категоризация предметов происходит на когнитивном уровне. Лексическое обозначение предметов, входящих в категорию, является средством актуализации соответствующих концептов. В то же время спорным является вопрос актуализации заголовка категории. Очевидно, что практически все названия категорий Л.У. Барсалу не являются концептами как таковыми. Концепт с точки зрения когнитологии – «ментальная сущность» [Маслова 2008: 44], «мыслительный образ», содержащий в себе глубинные и поверхностные смыслы [Попова, Стернин, 2002: 63], он объединяет важные для человека знания о мире [Маслова 2008: 45]. Естественно, названия категорий «одежда, которую носят, когда красят дом»¹, «люди, которых следует посетить во время поездки в Калифорнию», «что делать во время поездки с бабушкой в Японию» не дают отсылку к какой-либо определенной ментальной сущности и не включают сами по себе важные знания о мире. Получается, что специальная категория объединяет группу концептов, но категориального концепта такая группа не имеет.

Л.У. Барсалу писал, что при создании новой категории человек обрабатывает информацию, учитывая заданные ситуацией ограничения. Это позволяет выделить необходимые условия для образования категории [Barsalou 1991: 36-38].

Мы убеждены, что специальные категории Л.У. Барсалу визуализируют нашу гипотезу о том, что концепты связаны между собой посредством схожести признаков. Каждая категория, рассмотренная американским исследователем, предлагает объединение единиц, обладающих каким-либо схожим признаком, либо признаками, необходимыми для человека в данной конкретной ситуации. Предполагаем, что название категории и условия формирования категории ссылаются на этот признак/признаки, в определённой мере актуализируя его/их.

Согласно Л.У. Барсалу специальные категории могут закрепляться в сознании человека при их частом повторении и переходить в разряд устоявшихся категорий [там же: 1]. Считаем, что данный процесс является механизмом для создания нового категориального концепта. Вероятно, такой концепт не сразу обретёт свою лексическую единицу, вербализирующую его, но он останется функционировать в сознании как минимум того индивида (группы индивидов), для которого он играет важную роль. Так, например, если человек регулярно красит дом, то может обозначить специальным словом (словосочетанием) одежду, которую использует для этих целей. Сформировавшийся категориальный концепт в зависимости от жизненной ситуации сможет развиваться, приобретая новые смыслы, или признаки.

¹ Здесь и далее: примеры категорий взяты из трудов Л.У. Барсалу

Учитывая тот факт, что при образовании специальных категорий индивид опирается уже на имеющиеся знания [Barsalou 2010: 86], становится явным, что такие категории часто являются частью одной или нескольких более обширных устоявшихся категорий. Так, категория «одежда, которую носят, когда красят дом»¹ включает в себя единицы категории ОДЕЖДА, категория «что делать во время поездки с бабушкой в Японию» включает единицы, например, категорий ДОСТОПРИМЕЧАТЕЛЬНОСТЬ и ДОСУГ.

Специальная категория «предметы, которыми можно подпереть дверь, чтобы она оставалась открытой».

В категорию «предметы, которыми можно подпереть дверь, чтобы она оставалась открытой» Л.У. Барсалу включил такие единицы, как стул, мусорное ведро, коробку и камень. Мы рассмотрим категорию в русской культуре, т.к. считаем, что в данном случае существенных лингвокультурологических отличий нет. Лексические обозначения объектов, как и сами предметы, актуализируют соответствующие концепты: СТУЛ, ВЕДРО, КОРБКА, КАМЕНЬ.

Можно предположить, что для подпорки двери предмет должен соответствовать следующим условиям: быть достаточно тяжелым и крепким, чтобы удерживать дверь и быть достаточно легким, чтобы его можно было переместить на нужное место. Таким образом, концепты, входящие в категорию должны обладать такими признаками как **имеющий определённый вес, имеющий прочность, удобный для перемещения**. Следует также учитывать, что двери бывают разные и для того, чтобы их подпереть, необходимы предметы разного веса и прочности. Кроме того, физические возможности людей также отличаются.

Итак, выявим признаки единиц категории. Наиболее подходящим предметом для подпорки двери, вероятно, будет камень. В Русском ассоциативном словаре на стимул *камень* 39 человек предложили ассоциат *тяжёлый*, 22 – *большой*, 19 – *твёрдый*, 4 – *тяжесть*. При этом 18 человек указали ассоциат *камень* на стимул *поднять* и по 15 человек на стимулы *кидать* и *бросить* [РАС]. Отсюда видим, что признаками концепта КАМЕНЬ являются **имеющий определённый вес, имеющий прочность, удобный для перемещения**.

В Русском ассоциативном словаре реакция *стул* была предложена на следующие стимулы (в скобках указано количество респондентов, предложивших ассоциат *стул* на данный стимул): *передвигать* (14), *поставить* (14), *перемещать* (5), *поднять* (3), *тяжёлый* (2), *выносить* (1), *поднять* (1). Кроме того по 1 человеку предложили ассоциаты *тяжёлый*, *большой*, *железный* и 14 человек назвали стул *деревянным* [РАС]. Таким образом, мы видим, что СТУЛ в первую очередь **удобный для перемещения, и имеет определённый вес**.

Ведро и коробка менее подходящие для подпорки двери предметы, т.к. они обладают необходимыми свойствами в зависимости от их наполнения. Итак, ассоциат *ведро* в Русском ассоциативном словаре был предложен 23 респондентами на стимул *нести*, 14 – *наполнять*, 8 – *принести*, 4 – *мусор*, 2 – *тащить* и по одному на стимулы *носить*, *перемещать*, *тяжело*, *уносить* [РАС]. Таким образом, признаками концепта ВЕДРО являются **сосуд для хранения чего-либо, предмет для перемещения, имеющий определённый вес**.

¹ Здесь и далее: примеры взяты из трудов Л.У. Барсалу

В Русском ассоциативном словаре на стимул *коробка* 20 человек указали ассоциат *конфет*, 2 – *картон*, 1 – *большая*, 1 – *бумажная*, 1 – *деревянная*, 1- *маленькая*. В обратном словаре на стимул *нести* 1 респондент ответил *коробка*. [РАС]. Как видим, признаки **удобный для перемещения, имеющий определённый вес** (за счёт наполнения), находятся на периферии концепта. Также выделяется признак **имеющий небольшую прочность**. Таким образом, КОРОБКА входит в рассматриваемую категорию как периферийный элемент.

Выводы. Итак, мы доказали, что элементы специальных категорий связаны между собой через их признаки. Кроме того нами предположено, что в сознании концепты, входящие в специальную категорию, не сразу обретают категориальный концепт.

Литература

Борисенко Т.В. Организация структуры концептуальной категории // Казанский лингвистический журнал. 2022. 5(4). С. 523-534.

Кубрякова Е.С. Краткий словарь когнитивных терминов. М.: МГУ, 1997.

Маслова В.А. Когнитивная лингвистика: уч. пособие. Мн.: ТетраСистемс, 2008.

Попова З.Д., Стернин И.А. и др. Язык и национальное сознание: Вопросы теории и методологии. Коллективная монография. Воронеж, 2002. 151 с.

Русский ассоциативный словарь: в 2 томах / под редакцией Ю.Н. Караулова и др. URL: <http://thesaurus.ru/dict/dict.php> (дата обращения 31.03.04.2023).

Barsalou L. W. Ad hoc categories // *Memory & Cognition*. 1983. 11. P. 211-217.

Barsalou L.W. Deriving categories to achieve goals. / edited by G.H. Bower, *The psychology of learning and motivation: Advances in research and theory*. 1991. Vol. 27. P. 1-64.

Barsalou LW Situated Simulation in the human conceptual system // *Language and cognitive processes*. 2003. 18 (516). P. 513-562.

Barsalou L.W. Ad hoc categories. / edited by P.C. Hogan, *The Cambridge encyclopedia of the language sciences*. 2010. New York: Cambridge University Press. P. 87-88.

T.V. Borisenko (Chelyabinsk, Russia)
Chelyabinsk State University

PRINCIPLE OF AD HOC CATEGORY ELEMENT ORGANIZATION

The article describes ad hoc categories studied by L.W. Barsalou. An attempt is made to explain the category organization principle and the basis for linking category elements. We examine the category of “things used to hold a door open”.

Key words: ad hoc category, L.W. Barsalou, conceptual category, concept, concept features.

Е.А. Бочарникова (Астрахань, Россия)
Астраханский государственный технический университет
Bocharnikova2006@bk.ru

КОНЦЕНТ «ТЕРРОРИЗМ» В ИНТЕРДИСКУРСИВНОМ АСПЕКТЕ

Статья посвящена описанию возможности интердискурсивности способствовать получению нового знания в результате взаимодействия дискурсивных сфер/формаций.

С целью выявления состава знаний, представленного концептуальными системами взаимодействующих дискурсов, рассмотрен фрагмент из книги израильского историка Ю. Харари «Homo Deus. A Brief History of Tomorrow», в котором автор концептуализирует понятие «terrorism». Установлено, что в результате синтеза данных дискурсов и актуализации категории интердискурсивности исследуемый концепт приобретает новые признаки.

Ключевые слова: дискурс, интердискурсивность, взаимодействие, знание, концепт, концептуализация, терроризм.

Категория интердискурсивности, позволяющая синтезировать смыслы в концептуальной системе автора в процессе создания им речевого произведения определённой тематики, выводит возможности порождения знания и получения информации на более высокий и качественный уровень. Данное наблюдение удалось совершить в ходе анализа многочисленных примеров, представляющих фрагменты научных текстов разного содержания, в которых наблюдаются включения, выраженные как эксплицитно представленными вербальными единицами, так и имплицитно содержащими информацию, восходящую к разным дискурсивным областям, посредством обращения к событиям, фактам, цифрам, датам, именам и названиям, другим прецедентным феноменам.

Отметим, что одним из первых об интердискурсивности упоминал М.М. Бахтин, утверждая, что высказывание является завершённой единицей речи, на которую другие должны реагировать, иными словами, интерпретировать высказывание в контексте определенной дискурсивной среды [Бахтин 1996] и еще у М. Фуко под интердискурсивностью понималась открытая концепция для анализа отношений между дискурсивными формациями [Фуко 1969].

В современной лингвистике к проблеме взаимодействия дискурсов и актуализации категории интердискурсивности ученые обращаются все чаще (Магировская О.В., Горбунова Н.Г., Гордиевский А.А., Андреева В.А., Чернявская В.Е., Гончарова Е.А., Белоглазова Е.А., Данилевская Н.В., Мельникова О.А., Олизко Н.С., Сургай Ю.В., Шевченко В.Д., Ленкова Т.А., Пелевина Н.Д.), что, вероятно, обусловлено необходимостью изучения результатов проявления комплексной, взаимосвязанной мыслительной деятельности человека с ее стремлением разноаспектного и многостороннего изучения того или иного явления/факта и отражением этого когнитивного процесса в языке и мышлении.

Так, к примеру, Е.В. Белоглазова под интердискурсивностью понимает взаимопроникновение дискурсов, вербализующееся в тексте посредством лексем, представляющих собой «языковые средства, типичные, ядерные для сигнализируемого дискурса» [Белоглазова 2009: 174]. Схожее представление имеет В.Е. Чернявская, отмечая, что интердискурсивность «инициирует в воспринимающем сознании ...переход от одного типа дискурса и, значит, типа мышления, к другому с целью создания сильного воздействующего эффекта» [Чернявская 2014: 23]. В нашем понимании интердискурсивность – это смыслообразующая категория, позволяющая синтезировать различную информацию в концептуальной системе человека, создающего смысловое произведение (автора текста, например), оформив ее в виде особой ментальной структуры, из которой возможно извлечение новых значений.

Рассмотрим, как происходит концептуализация понятия «terrorism» в отрывке из книги израильского историка Ю. Харари «Homo Deus. A Brief History of Tomorrow», где, на наш взгляд, автором производится интегрирование смысловых значений вследствие апелляции к языковым знакам, восходящим к разным дискурсивным формациям/областям.

*What about terrorism, then? Even if central governments and powerful states have learned restraint, terrorists might have no such **qualms** about using new and destructive **weapons**. That is certainly a worrying possibility. However, terrorism is a **strategy of weakness** adopted by those who lack access to real power. At least in the past, terrorism worked by spreading **fear** rather than by causing **significant material damage**. Terrorists usually don't have the strength to defeat an **army**, **occupy a country** or **destroy entire cities**. Whereas **in 2010 obesity and related illnesses** killed about **3 million people**, terrorists **killed a total of 7,697 people** across the globe, most of them in developing countries. For the average American or European, **Coca-Cola** poses a far **deadlier threat** than **al-Qaeda** [Harary 2017: 5].*

Если обратиться к классической интерпретации понятия «terrorism», взятому из специализированного источника, например: «Terrorism involves the use or **threat of violence** and seeks to create **fear**, not just within the **direct victims** but among a **wide audience... to achieve political goals**, when **direct military victory is not possible**» [<https://www.britannica.com/topic/terrorism>], то среди указанных в определении лексем (выделены нами жирным шрифтом) преобладают единицы, объективирующие смыслы, связанные с угрозой, насилием, страхом и политическими целями, что позволяет отнести понятие «terrorism» к политическому дискурсу.

Рассуждая о том, что такое терроризм и чем современный терроризм отличается от терроризма прошлых лет, автор вышеприведенного фрагмента в процессе концептуализации данного понятия обращается не только к дискурсу политологии, но и к психологическому, экономическому, медицинскому, статистическому и военному дискурсам, интегрируя информацию с целью описания явления терроризма с позиций своего видения стоящей за ним проблемы и раскрытия других сторон и способов проявления этого феномена.

Так, участие дискурса психологии проявляется в использовании таких лексем, как: «*qualms*», «*strategy of weakness*», «*fear*». Знания военного дискурса выдают следующие лексем и лексические обороты: «*weapons*», «*army*», «*killed*», «*occupy a country*», «*destroy entire cities*». Экономический дискурс представлен понятиями «*significant material damage*», «*Coca-Cola*». Знания медицинского дискурса содержатся в лексемах «*obesity*», «*illnesses*», «*deadlier threat*». Из области статистического дискурса автор заимствует данные в цифровом значении: «*in 2010*», «*3 million people*», «*7,697 people*».

Как показал анализ содержания фрагмента, используя сведения из дискурса психологии, автор сообщает о чувствах, которые могут не испытывать террористы – угрызения совести «*qualms*» – и характеризует их тактику как слабую «*strategy of weakness*», указывая психологическую цель террористических актов в прошлом – вызвать страх «*fear*».

Апелляция к данным дискурса экономики позволяет автору указать на особенность терроризма последних лет, которая, по его мнению, состоит в нанесе-

нии значительного материального вреда «*significant material damage*», а, ссылаясь на продукцию американской компании по производству напитков «*Coca-Cola*», автор сравнивает угрозу террористической организации Аль-Каида с угрозой для здоровья человека продукции данного производителя, характеризуя последнюю как смертельную.

В подтверждение своей мысли о том, что употребление вредных продуктов влечет больше жертв, чем террористические акты, автор приводит данные из дискурса статистики: «*in 2010*» от ожирения погибло «*3 million people*», в то время как жертвами террористов стало «*7,697 people*».

Обращение автора к медицинскому дискурсу позволяет увидеть заболевание «*illnesses*», представляющее смертельную угрозу «*deadlier threat*», в значительно большей степени поражающее человечество, – ожирение «*obesity*».

Актуализация концептов из области военного дискурса происходит в связи с выдвижением мысли автора о том, что террористы не имеют сил, чтобы победить армию «*army*», оккупировать страну «*occupy a country*» или уничтожить целые города «*destroy entire cities*», несмотря на разрушительное оружие «*weapons*», которым они могут обладать.

Консолидация знаний разных дискурсов в концептуальной системе автора в ходе формирования его интерпретации понятия «*terrorism*» позволило не только выявить характеристики, не указанные в словарной дефиниции, и, следовательно, расширить представление о данном феномене, но и проследить авторскую позицию, в основе которой признание политического терроризма проявлением слабости и концентрация на проблеме ожирения как явления чаще приводящего к гибели людей.

На наш взгляд, интердискурсивность как смыслообразующая категория проявилась в данном фрагменте исторического текста довольно отчетливо, способствовал выявлению новых признаков, созданию возможности иного понимания исследуемого концепта и определению дискурсивных сфер, в рамках которых он также способен объективироваться.

Так, в результате интеграции выявленных концептуальных признаков, возникает понятие психологического терроризма, который, исходя из содержания анализируемого фрагмента, заключается в попытках устрашения населения с целью последующего влияния и извлечения некой выгоды и который был свойственен терактам прошлого; терроризм последних лет можно охарактеризовать в том числе и как экономический, поскольку влечет крупные материальные потери для страны и общества. Также в процессе произошедшей в результате интердискурсивного взаимодействия концептуальной интеграции представляется возможным описать новый вид терроризма – пищевой, являющийся, вследствие приведенных автором данных статистического дискурса, самым распространенным и массовым.

Таким образом, данный пример ввиду достаточной эксплицитности вербальных единиц и стоящих за ними единиц ментального уровня – концептов – демонстрирует возможность получения нового знания в результате синтеза концептосфер. Однако, полагаем, что более глубокий когнитивный анализ концептуальных признаков и результата их «наложения» в мыслительной картине по-

знающего субъекта может вывести роль интердискурсивности на иной уровень оценки, сделав ее важным способом получения новой информации.

Литература

Бахтин М.М. Собр. соч. М.: Русские словари, 1996. Т.5: Работы 1940-1960 гг. С. 159-206.

Белоглазова Е.В. Полидискурсивность как особый исследовательский фокус // Известия Санкт-Петербургского университета экономики и финансов. № 3. 2009. С. 66-71.

Фуко Мишель L'archéologie du savoir. Париж: Галлимар, 1969. 288 p.

Чернявская В.Е. Лингвистика текста: поликодовость, интертекстуальность, интердискурсивность: учебное пособие. М.: ЛИБРОКОМ, 2009. 248 с.

Harari N.Yuval. Homo Deus: A Brief History of Tomorrow, The Number One Bestseller. London, Vintage Books, 2017. 514 p.

<https://www.britannica.com/topic/terrorism>

*E. A. Bocharnikova (Astrakhan, Russia)
Astrakhan State Technical University*

THE INTERDISCURSIVE ASPECT OF THE CONCEPT OF TERRORISM

The article describes the ability of interdiscursivity to contribute to new knowledge acquisition as a result of the interaction between discursive spheres/formations. In order to identify the composition of knowledge represented by conceptual systems of interacting discourses, we examine a fragment from Israeli historian Harary N.Yuval's "Homo Deus. A Brief History of Tomorrow", in which the author conceptualizes the notion of "terrorism". It is established that the concept under study acquires new features as a result of the synthesis of these discourses and the realization of interdiscursivity.

Key words: discourse, interdiscursivity, interaction, knowledge, concept, conceptualization, terrorism.

*О.В. Володина (Ростов-на-Дону, Россия),
Ростовский государственный экономический университет (РИНХ)
sirotinetsov@mail.ru*

КОГНИТИВНО-ФРЕЙМОВОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ КОНЦЕПТОСФЕРЫ ЖЕНСКОЙ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ В МЕДИАДИСКУРСЕ

В статье представлены результаты исследования базовых концептов, релевантных для женской картины мира в современном русскоязычном, немецкоязычном и англоязычном медиадискурсе. Фреймовое моделирование дискурсообразующих концептов позволило представить иерархическую совокупность концептов САМОРЕАЛИЗАЦИЯ, ОБРАЗ ЖИЗНИ, СЕМЬЯ, с устойчивыми взаимосвязями и взаимоотношениями.

Ключевые слова: женский медиадискурс, женская языковая картина мира, концепт, фреймовый анализ, фрейм, слот.

Роль женщины в современном обществе невозможно недооценить, ее значимость диктует необходимость построения и понимания концептуальной модели женской языковой личности в современном медиадискурсе, который не толь-

ко является репрезентацией вербальных особенностей женской языковой личности, но и формирует и транслирует гендерные стереотипы, меняющиеся, разрушающиеся и вновь появляющиеся в обществе под влиянием многочисленных факторов.

Совокупность базовых концептов, обладающих сложной саморазвивающейся ядерно-периферийной организацией в женском медиадискурсе формирует концептуальную модель женской языковой личности. В.А. Маслова подчеркивает, что в языковой личности отражается закрепленный в языке «базовый национально-культурный прототип носителя определенного языка» [Маслова 2004: 121]. Основываясь на понимании языковой личности как «обобщенного образа носителя культурно-языковых и коммуникативно-деятельных ценностей, знаний, установок и поведенческих реакций» [Карасик 2002: 46], мы полагаем, что женскую языковую личность можно представить как коммуникативную модель усредненного носителя языка, находящегося в коммуникативной среде медийного дискурса.

Женская языковая личность в современном медиадискурсе репрезентирует «существующие в массовом сознании гендерные стереотипы и нормы, доминантные смыслы современного массмедиаального информационного пространства» [Володина, Хачмафова 2018: 171].

Анализ русскоязычной, немецкоязычной и англоязычной женской прессы за 2020-2022гг., который включал разбор текстов авторов-женщин в Интернет-версиях газет и журналов, позволил сделать вывод, что концептуальной доминантой для женской дискурсивной личности в дискурсе СМИ, представляется концепт ЖЕНСКАЯ ЛИЧНОСТЬ.

Исследование когнитивных структур женской языковой личности в медиадискурсе на материале русского и немецкого языков показало, что они формируют такие темы как мода, стиль, красота, здоровье, карьера, работа, образование, самореализация, успех, дом, семья, воспитание детей, любовь, удовольствие, отношения, свобода и независимость. Дальнейшая работа позволила дополнить данный список такими топиками как защита семьи, мир, война, патриотизм, стабильность.

Базовыми дискурсообразующими концептами, характерными для медийной женской картины мира и представленными в нашем исследовании с помощью метода фреймового представления, являются концепты:

САМОРЕАЛИЗАЦИЯ,
ОБРАЗ ЖИЗНИ,
СЕМЬЯ [Володина, 2019].

Выделение и характеристика данных дискурсообразующих концептов женского медиадискурса позволяет говорить об аксиосфере, которая актуализирует ценностные установки женской языковой личности.

Категориальные свойства рассматриваемых концептов обуславливают их дискурсообразующий потенциал. Одним из таких свойств является генетическая связь концепта с действительностью, которая отличается и обусловлена многочисленными экстралингвистическими и лингвистическими факторами в разноязыковых сферах, разнятся имплицитные смыслы, составляющие периферию концепта. Данный факт позволяет отметить, что ярко выраженная противопос-

тавленность феминности и маскулинности как в немецкой, американской, так и в значительной степени, в русской языковой картинах мира, постепенно стирается, что во многом связано с гендерно-толерантной позицией современного общества. Это отражается как в языковой картине мира, так и в изменениях в концептуальной модели женской языковой личности в медиадискурсе, что четко прослеживается при анализе текстов женского медиадискурса в 2022 г.

Анализ языкового наполнения фреймов, слотов и подслотов позволяет отражать общее и различное в восприятии современной ситуации, в эмоциональной картине мира женщины в России, Германии и США.

Фреймовое моделирование дискурсообразующих концептов женской языковой личности в медиадискурсе позволило комплексно описать структуру данных концептов. Установлено, что слоты внутри фрейма связаны между собой семантическими отношениями. Как показал анализ материала, любой слот может быть представлен фреймом, который также состоит из слотов и субслотов, а также может входить в несколько фреймов.

В целом слотовое и субслотовое наполнение фреймов в русском, американском и немецком медиадискурсе совпадает. Но есть некоторые особенности в вербализации слотов и субслотов в медиадискурсе исследуемых языков. Например, субслоты: гендерное равноправие, гендерная дискриминация, входящие во фрейм НЕЗАВИСИМОСТЬ концепта САМОРЕАЛИЗАЦИЯ, более репрезентативно представлены в американских медиатекстах.

Характеристики женской языковой личности в медиадискурсе могут меняться под влиянием различных факторов, среди которых немаловажную роль играют экстралингвистические. При введении в исследование большего количества языков, например, восточных, структура базовых концептов может расширяться, могут быть скорректированы ценностные установки женской личности.

Литература

Володина О.В., Хачмафова З.Р. Интертекстуальность как стилеобразующая категория женского медиатекста // Филологический аспект: международный научно-практический журнал. 2018. № 11 (43). С. 170-177.

Володина О.В. Понятие «гендерный стереотип» в лингвистических исследованиях // Actual problems of the theory and practice of philological researches: materials of the IX international scientific conference on March 25–26, 2019. Prague: Vědeckovydatelské centrum «Sociosféra-CZ», 2019. 119 p. С. 89-93.

Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002. 477 с.

Маслова В.А. Когнитивная лингвистика. Минск: ТетраСистемс, 2004.

Олешков М.Ю. Лингвоконцептуальный анализ дискурса (теоретический аспект) // Дискурс, концепт, жанр: коллективная монография / отв. ред. М. Ю. Олешков. Нижний Тагил: НТГСПА, 2009. С. 68-85.

O.V. Volodina (Rostov-on-Don, Russia),
*Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education
Rostov State University of Economics (RINH)
sirotinetsov@mail.ru*

COGNITIVE AND FRAME MODELING OF THE FEMALE LANGUAGE PERSONALITY CONCEPT SPHERE IN MEDIA DISCOURSE

The article presents the results of a study of basic concepts relevant to the female picture of the world in modern Russian, German and English media discourse. Frame modeling of discourse-forming concepts made it possible to present a hierarchical set of concepts SELF-REALIZATION, LIFESTYLE, FAMILY with stable interconnections and relationships.

Key words: female media discourse, female language picture of the world, concept, frame analysis, frame, slot.

E.S. Glazyrina, L.M. Salatova (Chelyabinsk, Russia)
*Military Educational and Scientific Centre of the Air Force
“Air Force Academy” (the brunch in Chelyabinsk),
glazyr-elena@yandex.ru, salat_78mail.ru*

“AIRCRAFT IS A HUMAN-BEING” IN THE FORMATION OF AVIATION TERM SYSTEM: COGNITIVE MODEL

In cognitive linguistics, language plays a key role in the process of cognition of the surrounding reality and the formation of term systems. The authors of the paper present those types of term formation most attributable to the semantic field “Aviation”. The paper also examines the structure and content of the metaphorical cognitive model “Aircraft is a Human-Being”, and analyze the etymology of certain particular terms coined on the basis of the cognitive model herein described.

Key words: term, cognitive metaphor, aviation terminology, cognitive metaphorical model “Aircraft is a Human-being”.

A new term is most frequently based on a number of already extant meanings, represented in linguistic form. They continue to be a part of the concept sphere and serve as a source of creation of the new-meaning terms. In cognitive linguistics, it is language which plays a vital role in the cognition of the surrounding reality and the formation of term systems. V.G. Gak formulated this principle in the following way: “Everything comes from reality through a thought into the language, and everything from the language returns through a thought into reality” [Гак 1988: 22]. Terms are associated with professional thinking and hence terms are cognitive-communicative units of the language. Terms represent the most important component of any specific language. In the modern educational medium, acquisition of the terminology in any special lexical system cannot be overestimated in the aspect of professional communication [Глазырина 2015: 299].

The methodological principles of cognitive terminology are rooted in anthropocentrism, neofunctionalism, expansionism and explantarity [Гринев 2002: 14]. Re-

search has gone beyond the strictly structured system of concepts which enable it to study terms in close connection with ordinary and abstract-logical knowledge. It also reveals the links between the naive and scientific worldviews. Linguists distinguish 4 types of term formation: 1) by similarity of external features; 2) by similarity of functions; 3) by contiguity of concepts and 4) by analogy of concepts. Parts of the human body are often involved in naming an object in terms of similarity of external features. Take the names of machine parts as examples: head, finger, shoulder, etc.

The terminological system in aviation is largely formed particularly on the cognitive model "Aircraft is a human-being", i.e. an anthropomorphic metaphorical model. The structure and content of this model are determined by the nominative meanings of lexemes and their organization in the structure of a certain semantic field [Резанова 2010]. Thus, the structure of the basic metaphor "Aircraft is a human-being" is predetermined by the frame "a human-being". This includes the following: a slot of names of body parts (head, face, nose, bell, leg, etc.); a slot reflecting the internal structure of the body (for example, a frame (= a skeleton / carcass), a rib, a valve, etc.); and a slot denoting clothes (apron, sleeve, pants, etc). These slots are reflected in English aviation terminology for parts of the aircraft (for example, the nose of a plane, the belly – the lower part of an aircraft, the apron – parking area for planes in an airdrome, a frame, etc.).

The cognitive metaphorical model "Aircraft is a human-being" includes two concepts: the concept of "aircraft" and that of "human-being", and is represented by several slots. Let us present examples of terms from each slot of the cognitive model under study and analyze the most interesting of them.

The "human face" slot includes such terms as "face", "lip", "chin", "nose", "red eye", "lobe", etc. The primary nomination of the term 'lip' is that of the paired (upper and lower) skin-muscular folds. With the help of lips, a person eats, drinks, inhales and exhales air. Due to the metaphorical transfer based on the similarity of functions, the word has been transferred into the professional aviation sphere as "the front part of an air intake device", involved in the process of air intake.

The "human body" slot contains the following terminology: "body", "frame", "rib", "head", "throat", "arm", "finger terminal layout", "belly", "valve", "air leg", "foot", "blister", "skin", "kneeling, etc. We see the term "kneeling" as the most striking. When a person kneels, their legs and height become shorter. The landing gear of a plane can also be shortened to reduce the height of the cargo compartment floor during loading and unloading. In aviation, this shortening of the landing gear is called 'kneeling'.

The "clothes" slot is exemplified by such aviation terms as "power feeder", "livery", "cowl", "sleeve", "pocket", etc. The primary nomination of the term 'livery' refers to a special kind of clothing for porters, footmen and coachmen. Each aircraft also has a so-called "livery" or "external colouring of the aircraft". Thanks to this metaphor, a new aviation term has been coined based on similarity of functions.

The "human actions" slot is based primarily on the metaphor for the similarity of functions: to burble, to squeeze some further life out of frame', to discard, to jam, to damper, to trim, to hold, etc. The etymology of the term "to discard", built on the analogy with a card game, is of a particular interest. In a card game, players often use the phrase "Discard", meaning they want to reject a given card. In aviation, the term

‘to discard’, when rethought and reconsidered via analogy of concepts, has acquired a negative connotation of “removing an aircraft from service”.

A striking example of a term based on the described cognitive model is that of “pancake landing” from the **“result of human activity” slot**. The ‘Vought V-173 Flying Pancake’ is an American experimental vertical takeoff and landing (VTOL) aircraft designed by Charles Zimmermann, a German aerodynamicist who emigrated to the United States [Военное обозрение: сетевой журнал 2012]. The aircraft indeed resembled a pancake which served as the basis for metaphorical transfer. ‘Pancake landing’ is landing on the “belly”. The association is based on the fact that the aircraft lands on the lower part of the fuselage when in emergencies.

The “human characteristics / features” slot is interesting in the way in which it contains descriptive terms to give a certain assessment of the quality of the aircraft through the prism of human character traits. Thus, the phrase ‘fuel-hungry aircraft’ in aviation is used to characterize an aircraft with high fuel consumption. In other words, the “iron bird” requires more food for sustenance, therefore, without fuel, it is “hungry”. In English, the word “fighter” means “warrior”. In aviation English, the term “fighter” as one of types of military aircraft was coined due to a metaphor created by analogy of concepts. Other terms from this slot are: lead, jock, Corsair, Spitfire, spoiler, arrester. Some of them are included in aircraft names: Supermarine Spitfire, ‘Chance Vought F4U Corsair’, etc.

In conclusion, the cognitive metaphor is based on a comparison of images which arise in the minds of professional pilots when using aviation terms. The transformation of ordinary vocabulary into aviation terminology occurs on the basis of generative conceptual metaphorical models: an aircraft is a Human-being, an aircraft is an Animal, an aircraft is Natural Phenomenon, an aircraft is a Weapon, an aircraft is an Artifact, etc. Of these the cognitive model “Aircraft is a Human-being” is the most extensive and functionally significant. In the process of term formation according to this model, at least two active factors interact: the practical need to nominate new objects, phenomena and processes related to the field of aviation and constituting its content, and the general principles and mechanisms of semantic rethinking and reconsideration of existing lexical units in the language.

Литература

Гак В.Г. Метафора: универсальное и специфическое // Метафора в языке и тексте. М.: Наука, 1988.

Глазырина Е.С. Лингводидактические принципы эффективной семантизации терминологической лексики для студентов – регионоведов на уроках иностранного языка для специальных целей (в аспекте профессионального общения) // Когнитивные исследования языка. 2015. № 20. С. 299-306.

Гринева С.В. Когнитивное терминоведение. Научно-техническая терминология. М., 2002. Вып. 1. С. 11-15.

Резанова З.И. Метафорический фрагмент русской языковой картины мира: идеи, методы, решения // Вестник Томского государственного университета. 2010. № 1(9) Серия: Филология. С. 26-43.

Секретные самолеты союзников времен войны (часть 1) Vought V-173 // Военное обозрение: сетевой журнал. 2012. URL: <https://topwar.ru/17518-94sekretnye-samolety-soyuznikov-vremen-voyny-chast-1-vought-v-173.html/> (дата обращения: 17.01.2023)

*Е.С. Глазырина, Л.М. Салатова (Челябинск, Россия)
филиал Военного учебно-научного центра Военно-воздушных сил
«Военно-воздушная академия» в г. Челябинске*

КОГНИТИВНАЯ МОДЕЛЬ «САМОЛЕТ – ЭТО ЧЕЛОВЕК» В ФОРМИРОВАНИИ АВИАЦИОННОЙ ТЕРМИНОСИСТЕМЫ

В когнитивной лингвистике языку отводится ключевая роль в познании окружающей действительности и формировании терминосистем. В статье рассматриваются виды терминообразования наиболее свойственные семантическому полю «Авиация», структура и содержательное наполнение метафорической когнитивной модели «Самолет – это человек», а также анализируется этимология наиболее ярких терминов, построенных на основе описываемой когнитивной модели.

Ключевые слова: термин, когнитивная метафора, авиационная терминология, когнитивная метафорическая модель «Самолёт – это человек».

*О.А. Гусева (Москва, Россия)
Московский государственный лингвистический университет
gouseva_olga80@mail.ru*

СТАНОВЛЕНИЕ КОНЦЕПТА ПЛАЧ В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ (ОПЫТ ЭТИМОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА)

Статья посвящена особенностям развития глаголов со значением плача в английском языке на материале этимологических и толковых словарей. Высказывается предположение о возможности применения метода исторической семантики. Делается вывод о тесном переплетении в английском языке идей плача и крика.

Ключевые слова: английский язык, концепт, плач, этимология, семантика, лексема

Плач, наряду со смехом и другими эмоциональными реакциями (например, молчанием или криком), является естественным для человека. Поэтому неудивительно, что в большинстве языков представлено огромное количество лексем, репрезентирующих такие эмоциональные реакции.

Для определения первичного синонимического ряда в английском языке обратимся к толковым словарям¹, словарям синонимов и словарям-тезаурусам². Даже первичный поверхностный анализ выявил определенные сложности. Особенностью ЛСП плача в английском языке является то, что оно тесным образом переплетается с ЛСП крика, что впоследствии продемонстрировал и этимологический анализ. Следовательно, на данном этапе исследования почти невозможно провести четкие границы между двумя полями, на основании чего мы можем сделать вывод, что концепт «ПЛАЧ» в английском языке имеет размытые границы.

Глагол *cry* – основная, самая частотная и стилистически нейтральная единица с самым широким значением для обозначения плача. Остальные глаголы, зафиксированные в словарях в качестве синонимов глагола *cry*, как правило,

¹ The Free Dictionary. URL: <https://www.thefreedictionary.com>

² Free Thesaurus. URL: <https://www.freethesaurus.com>

толкуются через него. Большинство словарей сходятся во мнении, что глагол *cry* – лексема, разброс значений которой весьма широк – от «плакать» до «кричать, восклицать» и «тявкать». Таким образом, глагол *cry* является своеобразной связкой, «мостиком» между двумя смысловыми областями – плача и крика. Синонимов глагола *cry* достаточно много, например: *weep, sob, wail, keen, whimper, moan, blubber, bawl*.

Примечательно, что глагол *cry* не сразу приобрел такое значение, а долгое время существовал, передавая идею крика, восклицания, тогда как в значении «плакать, рыдать» выступал глагол *weep*, который сегодня приобрел более возвышенную стилистическую окраску. Тем не менее, только глагол *weep* может считаться, во-первых, самым старым (он существовал уже в древнеанглийском), а во-вторых, центральным, основным по интересующему нас значению – «лить слезы».

Что касается остальных упомянутых глаголов, то каждый из них имеет свои особенности. Например, глагол *sob* акцентирует больше внимания на конвульсивном дыхании, хотя и имеет в себе компонент «лить слезы». Глаголы *keen, wail, moan* сочетают в себе крик, стон и слезы в основном от горя и скорби. Глагол *bawl* можно считать синонимом глагола *cry*, но в большей степени в значении «кричать», так как в толковых словарях нет и намека на компонент «лить слезы». Глагол *blubber* означает «рыдать, лить слезы», причем без указания причины, и имеет насмешливо-уничижительный оттенок, что закреплено в дефинициях. И наконец, глагол *whimper* несет в себе характеристику звука, который может получаться при плаче – «хныкать, скулить».

Мы предполагаем, что исследование такого типа окажется более результативным в случае применения метода исторической семантики, или метода историко-семантического анализа (подробнее см. работы Калашникова М.В. и др.). Опуская подробности, суть идеи в том, чтобы проследить развитие значения языковых единиц на протяжении времени. Именно этимологический анализ позволяет выделить смысловые оттенки и концептуальные составляющие, лежащие в основе семантики.

Предпримем попытку рассмотреть развитие семантики двух наиболее известных глаголов синонимического ряда с общим значением «плакать» – *cry* и *weep*.

Согласно данным этимологического словаря *etymonline.com* свою историю глагол *cry* ведет с середины XIII века. В то время он имел значение “yell (something) out, utter” (выкрикнуть что-либо, издать звук – *здесь и далее перевод мой – О. Г.*), то есть к нему еще не прибавилась идея плача и тем более проливания слез. С начала XIV века значение слегка расширится до “beg, implore; speak earnestly and loudly; advertise by calling out” (просить, умолять; говорить с чувством, громко; выкрикивать с целью рекламы). Составители словаря предполагают, что глагол *cry* мог прийти в английский язык путем заимствования и адаптации старофранцузского глагола *crier*, который восходит к глаголу *critare* из вульгарной латыни и к глаголу *quiritare* со значением “to wail, shriek” (орать, голосить) из классической латыни. К этому же источнику восходят глаголы других романских языков – итальянского (*gridare*), старо-испанского (*cridar*), современных испанского и португальского (*gritar*) – с общим значением «кричать». Еще одно предположение состоит в том, что источником данных глаголов может служить латинская лексема *quiritare* со значением “to squeal like a pig” (верещать, как

свинья), основанным на звукоподражательном слове *quis. Народная же этимология толкует это как “to call for the help of the Quirites”, то есть звать на помощь римскую полицию – Quirites.

Таким образом, *cry* изначально передавал идею громкого эмоционального крика или возгласа для привлечения внимания или для оповещения. Для сравнения: в русском языке лексемы «крик», «кричать» и их производные существуют с тем же значением, в то время как значение «лить слезы» имеют другие глаголы – например, «плакать», «рыдать».

Аналогом глагола «рыдать» в английском языке является *weep*. В современных словарях это первый синоним глагола *cry*, однако он имеет более возвышенную стилистическую окраску, а если обратиться к его истории, то выясняется, что он намного старше своего нынешнего синонима. Согласно тому же этимологическому словарю, *weep* происходит от древнеанглийского сильного глагола *wepan* “shed tears, cry; bewail, mourn over; complain” (лить слезы, плакать; голосить, скорбеть; жаловаться), который, в свою очередь, происходит от общегерманского **worjan*. Аналогичные глаголы существовали в древневерхненемецком (*wuof*), в древнесаксонском (*worjan*) и в готском (*worjan*). Все они предположительно восходят к общеиндоевропейской основе **wab-* (“to cry, scream” – плакать, кричать), получившей развитие в латыни в виде глагола *vapulare* “to be flogged” (быть телесно наказанным, выпоротым), а в церковнославянском *vipiti* “to call” (звать). Как носители русского языка мы с легкостью узнаем современные лексемы вопить, вопль.

Примечательно, что с XIII века глагол *cry* также стал употребляться в значении «лить слезы», которое до этого было закреплено за глаголом *weep*. К XVI веку глагол *cry* вытеснил глагол *weep* в значении “utter a loud, vehement, inarticulate sound” (издавать громкий, неистовый, нечленораздельный звук). Выражение *to cry (one's) eyes out* “weep inordinately” (неистово рыдать) сформировалось примерно к 1704 году.

Иными словами, на протяжении нескольких веков (по крайней мере в древнеанглийском периоде, с V по XII век) в английском языке существовал глагол *weep* (*wepan*), передающий сразу две идеи – плача со слезами и громкого крика. В XIII веке появился глагол *cry* и к XVI-XVII векам закрепил за собой значения «рыдать» и «издавать громкий крик». Глагол *weep* постепенно отошел на второй план, заняв нишу стилистически окрашенной лексемы.

Таким образом, вследствие экстралингвистических факторов (в частности, Нормандского завоевания Англии) английский язык пополнился огромным количеством новых слов, часть из которых полностью вытеснила исконные, в то время как другая часть расширила (в некоторых случаях – сузила) палитру значений и заняла свое место в словарном составе, увеличив тем самым синонимические ряды. В нашем случае ЛСП, репрезентирующее концепт «ПЛАЧ», пополнилось еще одной лексемой, у которой изначально отсутствовало значение собственно плача со слезами. Однако со временем именно глагол *cry* стал ключевым и стилистически нейтральным для обозначения данного явления. Мы можем предположить, что с развитием общества и становлением эмоциональной стороны человеческой личности выявилась необходимость более дифференцированно обозначать и описывать эмоции.

В результате небольшого экскурса в историю, а также первичного рассмотрения дефиниций синонимов глагола *cry* можно предположить, что ключевым фокусом внимания при языковом обозначении выражения скорби, грусти и печали в английском языке были не слезы, а именно крик, вопль. Об этом свидетельствует большое количество синонимов с общим значением чаще всего громкого выражения грусти и скорби (при отсутствии явного упоминания о слезах) – например, *wail, keen, whimper, moan, bawl*, тогда как всего несколько глаголов (*cry, weep, sob* и, возможно, *blubber*) имеют в дефинициях компонент «лить слезы».

Как видно из этимологического экскурса, языковые единицы (глаголы и существительные) английского языка с общим значением «плакать» порой невозможно отделить от тех, что передают идею крика. Из девяти глаголов, представленных в данном исследовании и являющихся, согласно словарям, основными синонимами глагола *cry* (в значении «плакать»), четыре (*cry, weep, sob, blubber*) имеют в дефиниции компонент «лить слезы». Таким образом, границы лексико-семантического поля, репрезентирующего концепт ПЛАЧ очень размыты, входящие в него синонимические ряды глаголов выходят за его рамки и пересекаются с ЛСП КРИК. Как показал этимологический анализ, это не лишено логики, так как первые значения практически у всех представленных здесь глаголов передают идею крика, эмоционального восклицания как реакцию на определенные ситуации и обстоятельства.

Все это дает нам возможность сказать, что концепт ПЛАЧ располагает широким спектром смысловых оттенков даже в рамках небольшого количества лексических единиц, что еще раз демонстрирует разнообразие языковой картины мира.

Литература

- Free Thesaurus. URL: <https://www.freethesaurus.com>
Online Etymology Dictionary. URL: <https://www.etymonline.com/>
The Free Dictionary. URL: <https://www.thefreedictionary.com>
Калашиников М.В. Историко-семантический анализ в историческом исследовании. [Электронный ресурс] URL: <https://chapaevv.livejournal.com /85452.html>

O.A. Guseva (Moscow, Russia)
Moscow State Linguistic University

DEVELOPMENT OF THE *CRY* CONCEPT IN THE ENGLISH LANGUAGE: ETYMOLOGICAL ANALYSIS

The article deals with the development of English “crying” verbs presented in etymological and explanatory dictionaries. It focuses on the conceptual components that represent crying as an expression of sad emotions. The article considers close meaning of crying and screaming in English verbs.

Key words: English language, concept, crying, etymology, semantics, lexeme.

И.А. Даниленко (Белгород Россия)

*Белгородский государственный национальный исследовательский университет
danilenko_ia@bsu.edu.ru*

**ДУАЛЬНЫЙ ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ СУБКОНЦЕПТ
WOMAN-NURSE В НОМИНАТИВНОМ ПОЛЕ КОНЦЕПТА-
ДОМИНАНТЫ WAR (НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНА ТОМАСА
КЕНЕЛЛИ «THE DAUGHTERS OF MARS»)**

В статье рассматривается явление дуального художественного субконцепта, который представляет собой тип двуядерного художественного субконцепта. Выявлено, что дуальный художественный субконцепт WOMAN-NURSE входит в номинативное поле концепта-доминанты WAR в романе Томаса Кенелли “The Daughters of Mars”.

Ключевые слова: художественный текст, номинативное поле, дуальный художественный субконцепт.

Понятие концепта является одним из центральных в современной когнитивной лингвистике. Согласно уже сложившемуся взгляду все концепты разделяют на концепты познавательные и концепты художественные. Познавательные концепты – это результат познания окружающего мира, смысловые элементы языка. Художественные концепты – результат осмысления автором познавательного концепта, употреблённые им в художественном тексте. Художественные концепты выступают «смысловыми элементами текста» [Тугуз 2022: 129]. Часть художественных концептов проявляются как доминантные «когнитивные модели» [Boldyrev 2020: 1].

В статье художественный концепт рассматривается как ментальная единица, созданная одним или несколькими авторами художественных текстов на основе одного или более познавательных концептов, зафиксированная в одном или нескольких художественных текстах. Формируя художественный концепт, автор включает сюжетно обусловленные лексические единицы в состав номинативного поля концепта, трансформируя одноимённый познавательный концепт: дополняются новые единицы, отсутствовавшие в номинативном поле познавательного концепта, или, наоборот, часть единиц может быть исключена, вместе с чем, теряется часть концептуального значения. Такие изменения обусловлены интенцией автора.

Структуру номинативного поля художественного концепта можно представить как полевою: в центре номинативного поля находится ядро концепта: лексическая единица, являющаяся названием концепта. Вокруг ядра сформирована приядерная зона, далее идёт ближняя и дальняя периферия [Попова 2001]. Среди множества художественных концептов, существуют двуядерные художественные концепты. Двуядерные художественные концепты – это художественные концепты, объединённые в неразрывную диаду в рамках одного художественного текста. В структуре их номинативного поля находятся два ядра и два номинативных поля, сформированных вокруг каждого из ядер.

Проведённые ранее исследования позволили классифицировать двуядерные художественные концепты следующим образом: парный художественный кон-

цепт, бинарный художественный концепт, эквивалентный художественный концепт [Пименова 2012: 122]. Парный художественный концепт характеризуется синонимичными отношениями между ядрами двух сегментов. Бинарный художественный концепт состоит из двух концептов, ядра которых находятся в антонимичных отношениях. Эквивалентные художественные концепты – это художественные концепты с эквивалентным значением, но реализованные в художественных текстах на разных языках. Дуальные художественные концепты – это концепты, «объединённые в смысловую диаду под влиянием контекста» [Даниленко 2020: 66].

В проводимом исследовании рассматривается концептосфера художественного текста романа Томаса Кенелли «The Daughters of Mars» как совокупность одноядерных и двуядерных концептов.

Среди концептов исследуемой концептосферы был выявлен концепт-доминанта: художественный концепт WAR/ВОЙНА. Концепт-доминанта – это художественный концепт, играющий «главную роль в том или ином художественном произведении» [Огнева 2019: 55]. Роман «The Daughters of Mars» рассказывает историю двух сестёр из Австралии – Салли и Наоми, которые во время Первой Мировой войны записались добровольцами в Красный Крест и отправились на фронт.

В номинативном поле концепта-доминанты WAR выявлено значительное количество субконцептов. Под художественным субконцептом понимается субконцепт, реализованный в художественном произведении, номинативное поле которого формирует часть номинативного поля концепта-доминанты. Художественный концепт-доминанта WAR/ВОЙНА представлен в тексте романа следующей шкалой субконцептов, начиная от субконцепта, реализованного в наибольшей степени и заканчивая субконцептом с наименьшим номинативным полем:

NURSE/МЕДСЕСТРА, WOMAN/ЖЕНЩИНА, HOSPITAL / ГОСПИТАЛЬ, DESEASE / БОЛЕЗНЬ, WOUND / РАНЕНИЕ, DEATH / СМЕРТЬ, ANZAC / АВСТРАЛИЙСКИЙ И НОВО ЗЕЛАНДСКИЙ АРМЕЙСКИЙ КОРПУС, SOLDIER / СОЛДАТ, ENEMY / ВРАГ, SHELLING / АРТОБСТРЕЛ, AIR RAID / АВИАНАЛЁТ.

Среди выявленных художественных субконцептов, два субконцепта WOMAN/ЖЕНЩИНА и NURSE/МЕДСЕСТРА, в рамках исследуемого художественного текста, формируют смысловую диаду: на войне женщины воспринимаются в первую очередь как военнослужащие, как медсёстры, а уже потом как женщины. Ядро художественного субконцепта NURSE/МЕДСЕСТРА встречается в тексте романа 484 раза, тогда как ядро художественного субконцепта WOMAN/ЖЕНЩИНА – всего 153 раза. При этом, очевидно, что во всех случаях употребления лексических единиц, репрезентирующих оба ядра, речь в тексте идёт об одних и тех же персонажах.

Обозначая одних и тех же героев романа, художественные субконцепты WOMAN/ЖЕНЩИНА и NURSE/МЕДСЕСТРА, в рамках исследуемого художественного текста, частично заменяют друг друга в смысловом отношении и имеют номинанты, входящие сразу в оба номинативных поля. Рассмотрим несколько примеров из текста:

Пример 1. «*He was aware of the taboo which until now had existed between the orderly and the nurse*» [Keneally 2012] – он был в курсе запрета (на неуставные отношения), который до сих пор существовал между санитарями и медсестрами (здесь и далее перевод авторский И. Д.). Имеются в виду отношения между мужчинами и женщинами в армии: санитары – всегда мужчины, медсестры – женщины.

Пример 2. «*Nettice was the sister on duty in here. She was a woman who rarely uttered orders. She directed tasks with a nod*» [Keneally 2012] – Неттис была дежурной медсестрой. Она была женщиной, которая редко произносит приказы вслух. Она отдавала распоряжения кивком головы. В данном контексте номинант «*woman*» употребляется в значении «*nurse*». Очевидно, что приказы отдаёт старшая по званию медсестра, а не женщина.

Пример 3. «*We want women, said the medical officer, who will not be put off, either by the frequency of unfriendly aeroplanes or proximity to shelling*» [Keneally 2012] – нам нужны женщины, сказал офицер медслужбы, которых не испугают ни частые появления вражеских аэропланов, ни близость артобстрела. Во время инструктажа вновь прибывших, офицер отмечает необходимые качества для военных медсестёр в этом госпитале. Учитывая пол такого рода военнослужащих, он использует слово «*women*» вместо «*nurses*».

Таким образом, очевидно, что два художественных субконцепта WOMAN/ЖЕНЩИНА и NURSE/МЕДСЕСТРА формируют двуядерный художественный субконцепт в рамках номинативного поля художественного концепта-доминанты WAR/ВОЙНА. Основываясь на результатах более ранних исследований, мы можем сделать вывод, о том, что двуядерный художественный субконцепт WOMAN-NURSE является дуальным типом двуядерного субконцепта. Под дуальным художественным субконцептом предлагается понимать двуядерный художественный субконцепт, в котором номинативные поля, образованные вокруг ядер, имеют общие лексические единицы, а ядра не находятся ни синонимичных ни в антонимичных отношениях. Следовательно, выявленный дуальный художественный субконцепт входит в номинативное поле концепта-доминанты WAR.

Таким образом, в рамках концептосферы художественного романа «*The Daughters of Mars*» художественный концепт WAR/ВОЙНА реализован как концепт-доминанта. В его номинативное поле включён ряд субконцептов, среди которых выявлен дуальный художественный субконцепт WOMAN-NURSE. Два сегмента этого дуального художественного субконцепта объединяются в диаду исключительно в рамках номинативного поля концепта-доминанты, где являются взаимообусловленными. Без наличия концепта-доминанты смысловая связь между сегментами дуального субконцепта утрачивается, и он распадается на два одноядерных художественных субконцепта.

Литература

Даниленко И.А. Дуальный художественный концепт как сюжетобразующий концепт в художественном тексте // Когнитивные исследования языка. 2020. №. 3. С. 332-336.

Огнева Е.А. Концепты-доминанты как информативные конструкты текстовых миров. М.: «Эдитус», 2019, 190 с.

Пименова М.В. Парные, бинарные и эквивалентные концепты // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2012. №. 14. С. 120-124.

Попова З.Д. Интерпретационное поле национального концепта и методы его изучения // Культура общения и её формирование. Воронеж: Изд-во ВГУ, 2001. Вып. 8. С. 27-30.

Тугуз Т.Р. Спейсмены как маркеры художественного пространства (на материале произведения Г. Джеймса «Крылья голубки») // Гуманитарные исследования. 2022. №. 2. С. 128-132.

Boldyrev N.N. The interpretive dominant in the cognitive theory of language. Proceedings of the Philological Readings (PhR 2019). Orenburg State University. London, United Kingdom, 2020. P. 1-8.

Keneally T. The Daughters of Mars: A Novel. Vintage, Australia. 2012. [Электронный ресурс] URL: https://royallib.com/book/Keneally_Thomas/the_daughters_of_mars.html

*I.A. Danilenko (Belgorod, Russia)
Belgorod State National Research University*

DUAL LITERARY SUBCONCEPT *WOMAN-NURSE* WITHIN THE NOMINATIVE FIELD OF THE DOMINANT CONCEPT *WAR*: THOMAS KENEALLY'S THE DAUGHTERS OF MARS

The article deals with the phenomenon of dual literary subconcepts, which are a type of dual-core literary subconcept. We revealed that the dual literary subconcept *WOMAN-NURSE* is included in the nominative field of the dominant concept of *WAR* in Thomas Keneally's novel *The Daughters of Mars*.

Key words: literary text, nominative field, dual literary subconcept, dominant concept.

*Е.М. Дубровская (Новосибирск, Россия)
Новосибирский государственный технический университет
schitat.do.sta@gmail.com*

КАТЕГОРИЗАЦИЯ ОБРАЗА НАРОДА В РУССКОЙ ПАРЕМИОЛОГИИ (НА МАТЕРИАЛЕ ПОСЛОВИЦ О КАЗАКАХ)

Статья посвящена изучению образа казака, закрепленного в русском национальном сознании. Материалом исследования стали русские паремиологические единицы, содержащие в своём составе этноним «казак», на основе которых был выявлен ряд дифференциальных признаков, позволяющих произвести категоризацию образа казака в русской лингвокультуре. В качестве источника исследования используется сборник «Пословицы русского народа» В.И. Даля.

Ключевые слова: паремиология, этнолингвомаркёры, образ народа, лингвокультурологическая паремиология, этнонимы.

Когнитивная лингвистика уделяет особое внимание проблемам когнитивно-ориентированных исследований структурирования человеческих знаний об окружающем мире, ментальному образу понятий и явлений. Одним из

немаловажных и репрезентативных источников хранения и закрепления знаний о мире является паремиология.

В настоящее время паремиология как раздел лингвистики «оформилась в отдельное, самостоятельное в плане объекта и задач направление» [Ломакина, Иванов 2021: 4]. К паремиям принято относить пословицы, поговорки, загадки, приметы, присловья и др. малые жанры фольклора. В своих исследованиях О.В. Ломакина пишет о том, что «паремиологический фонд языка выступает хранилищем информации о традициях, обычаях, образе жизни, системе ценностей, характерных для определённого этноса. Сочетание в паремиях подобной информации позволяет говорить о наличии в их плане содержания лингвокультурологического потенциала» [Ломакина 2022: 9].

Особое внимание в исследованиях этноса посредством обращения к паремиологическому фонду языка стоит уделить этнолингвомаркёрам (термин О.В. Ломакиной) – «компонентам фразеологизма/паремии, которые отражают национальное своеобразие и могут не иметь прямых аналогов в другом языке» [Ломакина 2010: 217]. К этнолингвомаркёрам принято относить имена собственные, названия артефактов, присущих материальной культуре конкретного народа, предметов быта, одежды, этнонимы.

В статье анализируются пословицы, содержащие в себе этноним «казак», отобранным приёмом сплошной выборки из сборника В.И. Даля «Пословицы русского народа».

Обращение к представлениям об этнических и культурных особенностях народов, нашедших отражение в паремиологическом фонде языка, представляется интересной, но, однако, непростой задачей. В монографии Е.Л. Березович говорится о том, что «языковые факты, фиксирующие характеристики и оценки этническими соседями друг друга, практически не собраны и не введены в научный оборот, не говоря уже о том, что при переиздании словарей и других источников XIX в. в советское время из них попросту исключался «национальный» материал (такое состояние источниковой базы характеризует практически все славянские научные традиции, за исключением разве что польской)» [Березович 2007: 117].

Именно этими особенностями и было мотивировано наше обращение к этнониму «казак»: несмотря на явную отнесенность к представителям конкретной этнической группы, казаки являются частью российского социума и, соответственно, категория оценки территориальными и этническими соседями, важна для формирования представлений о неоднородности российского социума (и закреплённости этой неоднородности в паремиологических источниках).

В словаре В.И. Даля «Пословицы русского народа» нами было обнаружено 34 единицы, в которых содержится упоминание этнонима «казак», при этом паремий со словами, относящимися к значению слова «казак – наёмный рабочий» (которое можно встретить в других словарях паремий) в словаре В.И. Даля обнаружено не было. Словарь «Пословицы русского народа» разделён на тематические группы, но пословицы с упоминанием этнонима «казак» не ограничиваются пределами тематической группы «Народ и язык», охватывая разные сферы жизни и быта, представленные в словаре.

Однако можно отметить, что все 34 единицы репрезентируют аспекты казачьей жизни и быта, важные для понимания и формирования представлений о национальной идентичности народности. Отобранные единицы можно условно разделить на несколько блоков:

1. Важность иерархии (роль атамана) (8 пословиц):

В пословицах отражено понимание того, что стать атаманом не так просто, но звание это престижно, почётно и каждый должен к нему стремиться, невзирая на возможные преграды и трудности на пути к достижению цели: *Терпи, казак, атаман будешь* [ПРН 1984, т.1: 38]; *Терпи, голова, в кости скована. Терпи, казак, атаман будешь* [ПРН 1984, т.2: 274]. При этом, в паремиологическом фонде есть антонимические пары, противопоставляющие представление об атамане, как о вершине карьеры казака: *Не всем казакам в атаманах быть.* [ПРН 1984, т.1: 86] – *Казаки все наголо (поголовно все) атаманы.* [ПРН 1984, т.2: 178]. Важность роли атамана, его консолидирующая функция и главное значение в принятии решений в пословицах не оспаривается: *Артель атаманом крепка* [ПРН 1984, т.1: 193]; *Без атамана дуван не дуванят (добычи не делят)* [ПРН 1984, т.1: 193]; *По ватаге атаман, по овцам пастух* [ПРН 1984, т.1: 193]; *Не казак, так и не атаман. Из рядовичей в атаманы выходят* [ПРН 1984, т.1: 195].

2. Образ жизни казаков, неприхотливость в быту (6 пословиц):

Ряд пословиц репрезентирует жизнелюбие и жизнестойкость казаков. Эти черты выражаются в неприхотливости в быту и отсутствии претензий к некомфортным условиям, а также способности изменить ситуацию в свою пользу: *У наших казаков обычай таков: где просторно, тут и спать ложись* [ПРН 1984, т.2: 178]; *Казаки, что дети: и много поедят, и малым наедятся* [ПРН 1984, т.2: 178]; *Казак из пригорини напьется, на ладони пообедает* [ПРН 1984, т.2: 178]; *Поел казак да и на бок, оттого казак и гладок* [ПРН 1984, т.2: 21]. Также к этой категории мы бы отнесли пословицы, выражающие отношение казаков к организации быта и способу решения проблем: *Улов не улов, а обрыбиться надо (уральск.казач)* [ПРН 1984, т.1: 212]; *Приперто – не валится, приколешь – не тищит (казачья)* [ПРН 1984, т.1: 218].

3. Стоицизм казаков (3 пословицы):

Стойкость и силу духа казаков подчеркивает пословица, приписываемая Богдану Хмельницкому: *Еще казацка матка (сабля) жива (или: не умерла. Богд. Хмельницкий)* [ПРН 1984, т.2: 178]. Иными словами, пока казак способен сражаться и его сабля при нём, жив и казак, и казачество. Как мы уже говорили в предыдущем блоке, пословицы подчеркивают неприхотливость казаков в быту: *Казак из пригорини напьется, на ладони пообедает* [ПРН 1984, т.2: 178]; а также констатируют тот факт, что *Казак и в беде не плачет* [ПРН 1984, т.2: 178].

4. Фатализм и отрицание условностей (3 пословицы):

В паре пословиц демонстрируется отсутствие у казаков излишних суеверий – *Чайка кики, а казак хихи (т.е. смеется над вестницей дурной погоды)* [ПРН 1984, т.1: 175]. Какие бы дурные вести ни приходили, казак способен над ними посмеяться. При этом казак верит в лучшее и достижение своих целей: *Не на то пьет казак, что есть, а на то, что будет* [ПРН 1984, т.1: 212]. Также стоит отметить, что и возможные невзгоды, и неудачи казак воспринимает как

должное, не фокусируясь на причинах произошедшего: *На авось казак на конь садится, на авось его и конь бьет* [ПРН 1984, т.2: 276].

5. Территориальная принадлежность казаков (3 пословицы):

В словаре пословиц В. И. Даля территориальная принадлежность казаков определяется довольно конкретно: *Казак донской, что карась озерной: икрян (и прян) и солен* [ПРН 1984, т.2: 178]; *Пришли казаки с Дону, да прогнали ляхов до (к) дому* [ПРН 1984, т.2: 272]; *Коли казак, так и с Дону* [ПРН 1984, т.2: 281].

6. Неуступчивость (4 пословицы):

В пословицах, описывающих поведение и особенности взаимодействия с казаками, выражается настороженность русского народа по отношению к казакам: *Казаки в Запорогах – что пни при дорогах (кто ни едет мимо, того и зацепят)* [ПРН 1984, т.1: 111]; *Казак в Запорогах, что пень при дорогах.* [ПРН 1984, т.1: 203]; *Казак и гривки прихватит (с пикой, чтобы сильнее ударить)* [ПРН 1984, т.2: 178]; *У наших казаков обычай таков: поцеловал куму, да и губы в суму.* [ПРН 1984, т.2: 207].

7. Роль казаков в жизни страны (3 пословицы):

Несколько пословиц описывают значение казачества в жизни страны и в период военных действий: *Казаки – глаза и уши армии (Суворов)* [ПРН 1984, т.2: 177]; *Казаки обычаем собаки. Казак – глазастая собака* [ПРН 1984, т.2: 178]; *Пришли казаки с Дону, да прогнали ляхов до (к) дому* [ПРН 1984, т.2: 272].

8. Значимость коня в картине мира казака (5 пословиц):

В пословицах подчеркивается, что казаком казака делает, во-первых, наличие коня, во-вторых, благополучие этого самого коня: *Казаку конь себя дорожке. Казак сам голодает, а лошадь сыта* [ПРН 1984, т.2: 178]. Если же у казака коня нет, то пословицы могут быть категоричны в оценке таких ситуаций: *Без коня казак кругом сирота (хоть плачь сирота)* [ПРН 1984, т.2: 26]; *Бескосый – не косец. Бесконный – не казак* [ПРН 1984, т.2: 26]; *Без коня не казак. Казак без коня, что солдат без ружья* [ПРН 1984, т.2: 178]. И, как отражение казачьей картины мира и ментальности, в словаре приводится также казачья пословица – *Конь под нами, а бог над нами (казачья)* [ПРН 1984, т.1: 85]), указывающая как на религиозность и веру в высшие силы, так и на осознание себя в мире.

Таким образом, анализ паремий с компонентом «казак» показал, что в сознании русского народа казаки всегда воспринимались частью этого народа, не существует как пейоративно окрашенного этнонима (или этнофолизма), описывающего казаков, так и резко негативных оценок, заключенных в семантике пословицы. Обнаруженные паремии преимущественно описывают черты характера и основные артефакты и атрибуты казака, нежели дают ему оценочную характеристику. Однако, несмотря на это, даже на основании 34 паремиологических единиц выстраивается довольно многогранный и противоречивый образ представителя народа: казак пренебрегает суевериями и условностями, однако не отрицает значимости религии и Бога; сочетает в себе стойкость духа и неприхотливость в быту; при этом в пословицах репрезентируется как основной атрибут казака – конь, так и достижение статуса атамана как результата казачьей службы и вершины карьеры.

Литература

Березович Е.Л. Язык и традиционная культура: Этнолингвистические исследования. М.: Индрик, 2007. 602 с.

Ломакина О.В. Паремии в текстах Л. Н. Толстого: лингвокультурологический комментарий // Вестник Орловского государственного университета. 2010. №. 6 (14). С. 217-221.

Ломакина О.В. Тувинская паремиология: лингвокультурологический и лингвоаксиологический потенциал // Новые исследования Тувы. 2022. №1. С. 6-16.

Паремиология на перекрестках языков и культур / ред. Е.Е. Иванова, О.В. Ломакиной. М.: Изд-во РУДН. 2021. 246 с.

ПРН – Пословицы русского народа в 2 томах. В.И. Даль. М.: Художественная литература. 1984. 784 с.

E.M. Dubrovskaja (Novosibirsk, Russia)
Novosibirsk State Technical University

CATEGORISATION OF THE IMAGE OF THE FOLK IN RUSSIAN PAREMIOLOGY: PAROEMIAS ABOUT THE COSSACKS

The article studies the image of the Cossack enshrined in the Russian national consciousness. We examine Russian paremiological texts containing the ethnonym "Cossack" and identified a number of features can be used to categorize the image of the Cossack in the Russian linguistic culture. Texts were taken from the collection "Proverbs of the Russian people" by V.I. Dahl.

Key words: paremiology, ethnolinguistic markers, image of the folk, linguocultural paremiology, ethnonyms

M.B. Дудорова (Екатеринбург, Россия)
Уральский федеральный университет
primrose81@yandex.ru

КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ СОСТОЯНИЯ СНА В РУССКОМ ЯЗЫКЕ¹

В статье рассмотрена концептуализация состояния сна, выявлены когнитивные признаки, номинируемые лексикой и фразеологией группы «Физиологические процессы и состояния живого существа, их признаки». Материалом исследования являются данные, полученные при работе над универсальным словарем-тезаурусом русского языка.

Ключевые слова: концептуализация, когнитивные признаки, русская лексика и фразеология, идеографический словарь

В настоящее время коллектив Уральской семантической школы работает над созданием универсального словаря-тезауруса русского языка, в котором система русской лексики «рассматривается как межчастеречная лексическая система особого типа, состоящая из денотативно-идеографических групп слов различной час-

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-18-00352, <https://rscf.ru/project/22-18-00352/>

теречной принадлежности, включая наречия, модальные слова, предлоги и предложно-сочетания, союзы, междометия» [Бабенко 2015а: 7].

Лексемы, номинирующие состояние сна, относятся к денотативно-идеографической группе «Физиологические процессы и состояния живого существа, их признаки», представляющей четвертый классификационный уровень в составе денотативно-идеографической сферы «Живая природа»:

3.2. Живое существо

3.2.1. Живое существо (человек и животное) как организм

<.....>

3.2.1.5. Физиологические процессы и состояния живого существа, их признаки (классификация приведена в соответствии с синопсисом, разработанным на основе комплекса идеографических словарей, подготовленных учеными Уральской семантической школы [Бабенко 2015б: 24]).

Рассматриваемое состояние описывается 59 лексемами различных частей речи: существительными (сон, соня, дремота и синонимами), прилагательными (сонный, сонливый и синонимами), глаголами (спать, храпеть, дремать и синонимами), наречиями (сонно и синонимами), а также разработанным фразеологическим рядом. Такое разнообразие номинаций профилирует различные когнитивные признаки состояния сна, обратимся к их рассмотрению.

1. Степень погружения в состояние сна, данный признак градуирован от легкой до максимальной степени.

– Пограничное состояние между бодрствованием и сном связано с номинациями состояния дремоты (*дремота, забытье, полудремота, полузабытье, полусон, устар. забвенье, разг. дрема, разг. полудрема*) и процесса погружения в такое состояние (*дремать, задремывать/задремать, разг.-сниж. кемарить*); такое состояние также описывается прилагательными, называющими признак человека, желающего спать или недавно переставшего спать (*сонный, сонливый, полусонный, заспанный*), и наречиями (*сонно, сонливо, заспанно*).

– Нормативное состояние сна представлено номинацией *сон*, а также глагольным рядом: *спать, устар. опочивать, устар. почивать, разг. храпеть, разг.-сниж. дрыхать, разг.-сниж. дрыхнуть*, отметим лексемы, представляющие способы глагольного действия, отражающие различные проявления состояния в связи с категорией времени: начало состояния (*засыпать/заснуть сов. уснуть, устар., сов. започивать, устар., сов. опочить, жарг., сов. закемарить*), кратковременный сон (*разг., сов. вздремнуть, разг., сов. прикорнуть, разг.-сниж., сов. придремать, разг.-сниж., сов. придремнуть, разг.-сниж. прикемаривать/прикемарить и разг.-сниж. прикемаривать/прикемарить, жарг., сов. прикемарить; разг., сов. вздремнуть, разг., сов. соснуть*), сон в течение некоторого времени, которое оценивается как недостаточное для полного восстановления сил (*сов. поспать, разг., сов. вздремнуть, разг., сов. соснуть, разг.-сниж., сов. всхрапнуть*), сон в течение продолжительного времени, часто большего, чем необходимо (*сов. проспаться, разг., сов. прохрапеть, разг.-сниж., сов. продрыхать, разг.-сниж., сов. продрыхнуть, разг.-сниж., сов. прокемарить*).

– Глубокое состояние сна номинируется двумя лексемами (*забываться/забыться, позабываться/позабыться*), в которых актуализируется компонент прекращения интеллектуальной деятельности в процессе сна; такое состояние

также выражается значительным фразеологическим рядом (*спать как убитый, спать без просыпу, десятый сон видеть, спать без задних ног* и под.).

2. Скорость наступления состояния маркируется:

– единицами, подчеркивающими быстрое наступление состояния сна (как правило, показатель крайней степени усталости): *разг.-сниж. вырубаться/вырубиться, разг.-сниж. отключаться/отключиться*;

– единицами, показывающими плановое наступление состояния: *отправляться/отправиться (идти/пойти) на боковую*, как правило, свойственными детской речи или ситуациям общения с детьми: *пойти баиньки (спатеньки; бай-бай)*.

3. Качество сна маркируется оппозитивными характеристиками:

– чуткий сон, способность к мгновенному пробуждению как реакции на внешние события (*спать как пожарный; спать как заяц; заячий сон*), непродолжительный и чуткий сон, когда невозможно наступление полного расслабления (*дремота, полусон, дремать* и под.).

– спокойный сон с полным отключением от реальности (*спать, разг.-сниж. дрыхнуть, разг.-сниж. отключаться/отключиться; спать как младенец (ребенок; праведник), спать как камень (каменный), спать без просыпу, богатырский сон, спать без задних ног*).

4. Носитель признака представлен синонимическим рядом существительных общего рода, номинирующих любителя поспать: *соня, устар. сонливец, разг. сонуля, разг.-сниж. засоня*. Семантика склонности ко сну представлена и в ряду прилагательных: *сонливый, сонный*.

5. Внешние проявления состояния сна:

– звуки, издаваемые во время сна, метонимически номинируют и само состояние: *храпеть; храпеть во всю ивановскую (во все носовые завёртки), храпеть как граммофон (как патефон), задавать/задать Храповицкого (храпака), говорить/поговорить с Храповицким, ехать/заехать к Сопикову*;

– проявленный во внешности недавно проснувшегося человека (обычно соотносится с лицом, глазами или общим видом): *сонный, заспанный*;

– особое положение частей тела, с одной стороны, связанное с нормативным расположением тела во время сна (*отправляться/отправиться (идти/пойти) на боковую; давить ухо (подушку)*), с другой стороны, с засыпанием в неестественной для сна позе (*окуней ловить (удить) носом*).

6. Причина возникновения состояния сна (сильная усталость) маркируется в единицах, номинирующих быстрый отход ко сну (*разг.-сниж. вырубаться/вырубиться, разг.-сниж. отключаться/отключиться; забываться/забыться, позабываться/позабыться*), а также во фразеологической единице *спать без задних ног*, происходящей от наблюдений за животными, которые после продолжительной нагрузки настолько расслабляются во сне, что не ощущают задние конечности.

7. Образное осмысление состояния сна:

– положение тела во время сна сопоставляется с отрицательным физическим воздействием на атрибут сна (*давить (ломать) подушку (ухо)*), на небольших насекомых (*давить/придавить комарика (клопа)*); а также положение частей лица, свойственные неглубокому сну, сопоставляются с процессом рыбалки и использованием удочки (*окуней ловить (удить) носом*);

– соединение физиологического и морального состояния представлено единицами, отражающими христианскую этику, в них спокойный продолжительный сон представлен как показатель безгрешности: *спать сном младенца, спать как младенец (ребенок), спать сном праведника (праведных)*;

– аналогия с электрическими приборами, которые прекращают деятельность после окончания подачи электроэнергии: *разг.-сниж. вырубаться/вырубиться, разг.-сниж. отключаться/отключиться*; техническая аналогия представлена также в сопоставлении звуков, которые издает спящий, со звуками неисправных устройств: *храпеть как граммофон (как патефон)*;

– аналогия со сном животных представлено оппозицией: *спать как сурок* (крепко, подобно животному в продолжительной зимней спячке) – *спать как заяц, заячий сон* (чутко, беспокойно, будучи готовым пробудиться при малейшей опасности); кроме того, аналогия с животным миром представлена в единице *спать без задних ног*;

– отсутствие движений во время глубокого сна сопоставляется с неподвижностью камня: *спать как камень (как каменный)*; а также неподвижностью мертвого человека: *спать беспробудным (мертвым, мертвецким) сном, спать как убитый*;

– сон уподобляется продуктам питания: *вкушать сон; спать сладким сном*;

– издаваемые во сне звуки образно представлены в виде живых существ, с которыми спящий вступает в коммуникацию (*говорить/поговорить с Храповицким; задавать/задать Храповицкого*) или социальное взаимодействие (*ехать/заехать к Сопикову*);

– культурно-специфичные образы восходят к общеевропейскому контексту греческой мифологии с аллегорическим представлением сна (*покоиться в объятиях Морфея (сна)*), к русским былинам (*спать богатырским сном*), а также к особой профессии, требующей постоянной внимательности (*спать как пожарник*).

Таким образом, состояние сна в русской лексике номинируется единицами разных частей речи, а также фразеологизмами. В семантике лексем отражены следующие когнитивные признаки: степень погружения в состояние сна, скорость наступления состояния сна, качество сна, носитель признака, внешние проявления состояния сна, причина возникновения состояния, образное осмысление.

Литература

Бабенко Л.Г. Концепция, структура и основные лексикографические параметры словаря // Универсальный идеографический словарь русского языка: проспект / под общ. ред. Л.Г. Бабенко. Москва–Екатеринбург: Каб. ученый, 2015а. С. 6-21.

Бабенко Л.Г. Синописис (свод) идеографической классификации русской лексики (общая глобальная структура словаря) // Универсальный идеографический словарь русского языка: проспект / под общ. ред. Л.Г. Бабенко. Москва–Екатеринбург: Каб. ученый, 2015б. С. 22-42.

M.V. Dudorova (Ekaterinburg, Russia)
Ural Federal University

CONCEPTUALIZATION OF THE STATE OF SLEEPING IN RUSSIAN

The article examines the conceptualization of sleep in Russian and identifies cognitive signs nominated by the vocabulary and phraseology of the group of *physiological processes*,

states of a living being, and signs thereof. Source material for the study was obtained while working on a universal Russian dictionary-thesaurus.

Key words: conceptualization, cognitive features, Russian vocabulary, ideographic dictionary.

А.А. Зотова (Санкт-Петербург, Россия)

*Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена
angelina.zotova@outlook.com*

ЯЗЫКОВАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ КОНЦЕПТА *WOMAN* В СОВРЕМЕННЫХ ВЕРСИЯХ КЛАССИЧЕСКИХ СКАЗОК

Данная статья посвящена изучению языковой репрезентации концепта *WOMAN* в современных версиях англоязычных сказок, созданных Джеймсом Финном Гарнером путем модификаций классических бродячих сказочных сюжетов.

Ключевые слова: феминизм, политическая корректность, пародия, концепт *WOMAN*.

В.З. Демьянков и Е.С. Кубрякова определяют язык как когнитивный механизм, играющий роль в кодировании и трансформировании информации. [Кубрякова 2004: 53]. В словаре когнитивных терминов, Е.С. Кубрякова и В.З. Демьянков рассматривают концепты как идеальные абстрактные единицы, которыми оперирует человек в процессах мышления, отражающие содержание опыта и знания, содержание результатов всей деятельности человека и процессов познания им окружающего мира в виде определенных единиц, «квантов знания» [Кубрякова, 2004: 560].

По сфере функционирования возможно разделение концептов на этнокультурные и социокультурные. Среди вторых в свою очередь выделяют групповые (возрастные, гендерные, профессиональные и подобные) и индивидуальные концепты [Бабушкин 1996: 7].

В современной лингвистике сохраняется и возрастает интерес к социокультурным концептам и активному развитию так называемой гендерной теории, на настоящий момент представляющей собой «широкую междисциплинарную парадигму исследований социальных и культурных реализаций биологического пола; гендерный фронт представлен множеством различных идеологий, однако основой его является представление о социальной конструкции пола как элемента культуры и социальной стратификации» [Кузнецов 2005: 168].

Одним из ключевых направлений разработки гендерных теорий является так называемая феминистская лингвистика, междисциплинарное исследование, в основе которого лежит социологический феномен «феминизм», определяемый как «одно из направлений женского движения, стремящегося к новому пониманию женщинами своей самости, к устранению традиционного распределения социальных ролей между мужчиной и женщиной» [Горбунова 2008: 1].

Феминистская лингвистика возникла в языкознании в 1960–1970 годы. Её возникновение было обусловлено целым рядом причин экстралингвистического характера, например, в том числе развитием движения политической корректности.

Уильям С. Линд приравнивает политическую корректность к идеологии. Он определяет ее как культурный марксизм, который был перенесен с экономического уровня на культурный [Линд 2010: 10].

Л.П. Лобанова убеждена в том, что политическая корректность сформирована не социальными слоями общества, не этническими или иными группами, но лишь теми их представителями, которые не принимают культурную традицию, считая себя ее жертвами, и объединяются в группы по этому признаку [Лобанова: 2009: 2].

Лексический анализ политически корректных сказок Джеймса Финна Гарнера позволяет выявить признаки гендерного концепта WOMAN. Трансформированные бродячие сказочные сюжеты из сборника «Политически корректные сказки на ночь отражают важнейшие социально-культурные изменения, происходившие в американском обществе в 70-80ые годы двадцатого века, творчески преобразованные и выраженные в типично постмодернистской иронично – пародийной манере.

Репрезентация концепта WOMAN занимает особое место в сказках Джеймса Финна Гарнера. М.М. Филиппова выделяет ряд ключевых концептов американского менталитета, таких как независимость (независимость, самостоятельность), влияние денег на социальный статус, права и свобода женщин [Филиппова 2010: 27-34].

Дж. Гарнер в своих сказках использует ряд ключевых единиц, репрезентирующих концепт WOMAN, таких как «womyn», «wommon», «an independent young wommon named Esmeralda», «womyn's work», «prewommon», «a young person named Red Riding Hood», трансформируя лексическую единицу woman, прибегая к гендерно нейтральной терминологии и создавая эксплицитно пародийный эффект. Сказочный дискурс монтируется с прототипическими единицами феминистского дискурса, и данная стратегия инсценируемой интердискурсивности способствует авторскому ироническому осмыслению феномена политической корректности [Чемодурова, Зотова 2022: 3].

Субконцепт внешность, актуализирующий концепт WOMAN, включает систему параметров, раскрывающих гендерную идентичность женщины: черты физического облика, оформление внешности, возраст, а также статус в обществе. Например, описывая внешность Златовласки Джеймс Финн Гарнер называет ее a melanin-improverished young wommon, что неизбежно усиливает прагматический эффект на читателей, не ожидающих такого пародийного переписывания классического сказочного сюжета.

В последние годы проблема борьбы с дискриминацией по возрасту приобрела особую актуальность в современном обществе, что Джеймс Финн Гарнер не преминул иронически прокомментировать, используя выражение a **young wommon**: There once lived a **young wommon** named Cinderella, whose natural birthmother had died when Cinderella was but a child.

Таким образом, на примере сборника современных версий англоязычных сказок Джеймса Финна Гарнера мы выявили, как репрезентируется гендерный концепт woman в современном английском обществе, как преодолевается дискриминация по гендерному признаку.

Литература

- Бенвенист Э.* Общая лингвистика. М.: Либроком, 2010.
- Бабушкин А.П.* Типы концептов в лексико-фразеологической семантике языка. Воронеж: Воронежский государственный университет, 1996.
- Воробьев В.В.* Лингвокультурология. М.: Российский ун-т дружбы народов, 2008.
- Горбунова М.Ю.* Феминизм и проблемы лингвистики. Кубань: Кубанский Государственный университет, 2006. С. 16-18.
- Гачев Г.* Национальные образы мира. Космо-Психо-Логос. М.: Прогресс-Культура, 1995.
- Кузнецова А.М.* Феминизм и лингвистика: гендерные аспекты языка. Москва: Институт научной информации по общественным наукам РАН, 2005. С. 165-186.
- Маслова В.А.* Лингвокультурология: Учебное пособие для студентов высших учебных заведений. 2-е изд., стереотип. М.: Издательский центр «Академия», 2004.
- Смирнова Е.А.* Гендерная политкорректность в современном английском языке. Новгород: Молодой ученый, 2021. С. 303-305.
- Темиргазина З.К.* Современные теории в отечественной и зарубежной лингвистике [Электронный ресурс]. 2-е изд., стер. М.: Флинта, 2015.
- Филиппова М.М.* К вопросу о ключевых концептах американского менталитета. М.: Макс пресс, 2011. С. 27-34.
- Чемодурова З.М. Зотова А.А.* Репрезентация индивидуально-авторской картины мира в современной версии классической сказки. СПб.: Изд-во РГПУ, 2022.
- Чернявская В.Е.* Интертекст и интердискурс как реализация текстовой открытости // Вопросы когнитивной лингвистики. 2004. №1 (001). С. 107.

*A.A. Zotova (Saint Petersburg, Russia)
Herzen State Pedagogical University of Russia*

LINGUISTIC REPRESENTATION OF THE CONCEPT WOMAN IN MODERN VERSIONS OF CLASSIC ENGLISH FAIRY TALES

This article focuses on the linguistic representation of the concept WOMAN in modern versions of English fairy tales. The fairy tales written by James Finn Garner present modifications of classic wandering fairy tales.

Key words: feminism, political correctness, parody, the concept of WOMAN.

*E.E. Иванов, Л.И. Гишкаева (Москва, Россия)
Российский университет дружбы народов
ivanov-rudn@mail.ru, gishkaeva-li@rudn.ru*

КАТЕГОРИЗАЦИЯ ПОСЛОВИЧНОЙ СЕМАНТИКИ: ГРЕГЕРИЧЕСКИЕ ПОСЛОВИЦЫ¹

В статье рассматривается категоризация пословичной семантики по критерию «отношение к действительности». Цель исследования – выделить и описать категорию «грегерические пословицы». В результате исследования дифференцированы послови-

¹ Публикация выполнена в рамках Системы грантовой поддержки научных проектов РУДН, научный проект № D.2-F/S2022.

цы, в которых выражаются общие vs. частные, глобальные vs. локальные, общественно значимые vs. индивидуально значимые закономерности действительности (на материале пословиц коренных народов России).

Ключевые слова: когнитивная семантика, категоризация, пословица, закономерность действительности, грегериическая семантика, языки коренных народов России.

Семантическая категоризация пословиц, следуя за традиционной практикой в паремиографии, осуществляется по предметно-тематическому принципу. Параллельно с этим в современной паремиологии активно разрабатываются еще и понятийно-концептуальные способы категоризации пословичной семантики, которые используются для описания этнической (национальной) пословичной картины мира, дифференциации в ней доминантных и периферийных концептов, вербализованных в пословицах [Иванова 2002; 2006; Ломакина 2021ab; Бредис и др. 2022; Гишкаева и др. 2022; Лемшт, Ломакина 2022], для моделирования когнитивно-дискурсивных смыслов в пословицах и создания референциально-оценочной типологии пословичной семантики [Абакумова 2013], для изучения когнитивно-прагматической парадигмы плана содержания пословиц [Семененко 2011]. Однако обращение к предметной и понятийной сферам, как известно, используется при категоризации лексической семантики, которая существенно отличается от семантики пословиц и не всегда позволяет объективно отразить ее специфику. Актуальной в этой связи видится разработка таких критериев категоризации пословичной семантики, на основании которых можно было бы дифференцировать пословицы на семантические классы без использования методологии предметной или понятийной категоризации действительности.

Категоризация пословичной семантики может быть основана на критериях когнитивной категоризации семантики афористических единиц языка, одним из основных классов которых являются пословицы [Иванов 2019: 390-391]. Так, в качестве одного из критериев категоризации семантики афоризма в свое время было предложено использовать его отношение к действительности [Иванов 1997]. Основываясь на том, что в афористических высказываниях выражаются «закономерности связей между неединичными объектами в границах реального мира или одного из вымышленных миров» [Иванов 2004: 63-64], можно считать, что в реальной действительности закономерности будут различаться «по сфере своего действия, по условиям и формам своего проявления, по степени необходимости своего существования, по своему соответствию реальному порядку вещей в мире» [Иванов 2004: 64]. В соответствии с этим целесообразно выделять группы афоризмов, в которых отражены закономерности одного рода, т.е. семантические типы афоризмов: «сентенции» и «максимы» (декларативные и директивные афоризмы), «законы», «трюизмы» и «грегериис», «парадоксы» и «коаны» [Иванов 2003]. Большинство категориально-семантических типов не имеют четких границ, однако сохраняют строгую организацию членства (для всех элементов одной категории характерен типичный набор семантических признаков, что позволяет объединять эти элементы в одну категорию). Семантической категорией, не имеющей четких границ, являются «грегериис», поэтому «грегериическая» семантика заслуживает специального изучения при когнитивной категоризации пословиц.

Если рассматривать пословицы вне их речевого употребления, только как однофразовые тексты фольклорного или литературного происхождения, то они по своим лингвистическим признакам тождественны афоризмам [Иванов 2020]. Это позволяет без каких бы то ни было ограничений экстраполировать критерии семантической категоризации афоризма на категоризацию семантики пословиц. В новейших исследованиях на этом основании описаны две семантические категории пословиц – «номологические» [Иванов, Ломакина, Ершов 2022] и «трюнистические» [Иванов, Комова, Нелюбова 2022], а также семантические типы пословиц на материале тувинского языка [Иванов 2022ab].

Так, все пословицы в своём прямом значении либо не противоречат, либо противоречат действительности. Пословицы, содержание которых противоречит действительности, определяются как парадоксальные [Иванов 2014] и здесь не рассматриваются. Те пословицы, которые не противоречат действительности, выражают закономерности двух полярных типов, которые дифференцируются по существенности vs. несущественности, необходимости vs. случайности, регулярности vs. нерегулярности своего проявления.

Закономерности первого типа (существенные, необходимые, регулярные) имеют силу объективных законов действительности и отражены в пословицах номологической семантики [Иванов, Ломакина, Ершов 2022]. Такие пословицы не следует отождествлять с паремиями, в которых выражаются рукотворные, или правовые, законы, создаваемые человеком для регламентации и безопасности социальной жизни. Правовые законы выражаются в юридических паремиях [Юридические пословицы 1885], которые по семантике относятся к категории неномологических пословиц и составляют отдельную категорию паремий.

Закономерности второго типа (несущественные, случайные, нерегулярные) не имеют силы объективных законов действительности и отражены в пословицах неномологической семантики. Все пословицы такого рода разграничиваются, в свою очередь, по критерию выражения в них частных vs. общих, локальных vs. глобальных, индивидуально vs. общественно значимых закономерностей. Такой набор признаков позволяет максимально объективно дифференцировать менее и более ценностные в жизни человека закономерности действительности. Первые выражаются в пословицах грегериической семантики (термин «грегериический» образован от исп. *gregueria* – авторское название жанра изречений, придуманное в середине XX века испанским писателем Р. Гомесом де ла Серна, в которых отражаются повседневные, мелкие, не заслуживающие глубокого осмысления проблемы жизни человека).

В пословицах грегериической семантики отражаются тонкие наблюдения народа за окружающим миром и за поведением человека, обычно ускользающие при изначально серьезном, мировоззренчески направленном, морализаторски окрашенном, дидактически избирательном осмыслении бытия. Не случайно поэтому «отражённые в грегериических пословицах фрагменты действительности находятся на периферии познавательной деятельности человека» [Иванов 2022b: 328]. Пословицы-грегерики не часто встречаются в паремиологических сборниках и словарях в силу «легкомысленности» своего содержания, однако это не значит, что таких пословиц мало в национальных пословичных фондах. Тем ценнее каждая фиксация грегериических пословиц, особенно в младописьменных языках,

для носителей которых еще актуален фольклор и традиционный уклад жизни. Например, в тувинском языке: *Даңзадан таакны эглээр, Дашкадан арага эгелээр* «Куриль начинают с трубки, Выпивать начинают с чарки»; *Мал киштежиин таныжар, Чон чугаалажып таныжар* «Люди знакомятся разговором, Кони переключаются ржанием»; *Өөрзүрек мал киштеген, Өкпежи уруг ыглаган* «Скот без стада мычит, Без присмотра ребёнок плачет»; *Чүрээ чок кижси каткыжы, Сүдү чок мал эдиген* «Ленивый человек отшучивается, Голодная скотина мычит»; *Энчек чокта – шуглак чок, Идик чокта – хову тенниг* «Без накидки мёрзнется, Без обуви колется» и др. В пословицах-грегериях отражается и «простота» бытия, и «наивное» восприятие действительности. Однако внешнее отсутствие глубины содержания в них с лихвой компенсируется внимательным взглядом народа на всё, что его окружает, и метким народным словом.

Литература

Абакумова О.Б. Пословицы в языке, сознании и коммуникации: когнитивно-дискурсивное моделирование смысла пословицы в дискурсе и референциально-оценочная типология русских, английских, испанских, французских и чешских пословиц о правде и лжи. СПб.: Алеф-Пресс, 2013.

Бредис М.А., Ломакина О.В., Борисова А.С., Лазарева О.В. Числовой код тувинской лингвокультуры в пословицах (на фоне ряда тюркских и монгольских языков народов России) // Новые исследования Тувы. 2022. № 4. С. 276-293. DOI: 10.25178/nit.2022.4.20

Гишкаева Л.Н., Комова Д.Д., Ломакина О.В. Репрезентация концепта гостеприимство в паремииологии (на материале родственных и неродственных языков) // Когнитивные исследования языка. 2022. № 3 (50). С. 177-180.

Иванов Е.Е. Семантические типы языковых афоризмов (на материале восточнославянских языков) // *Literatury i języki słowian wschodnich: stan obecny i tendencje rozwojowe*: tt. 1-2 / red. B. Kodzis. Opole: Un-t Opolski, 1997. Т. 2. Р. 111-114.

Иванов Е.Е. Парадоксальные пословицы в русском и белорусском языках // Вестник Новгородского государственного университета. Серия: Филологические науки. 2014. № 77. С. 21-24.

Иванов Е.Е. Аспекты эмпирического понимания афоризма // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2019. Т. 10. № 2. С. 381-401. DOI: 10.22363/2313-2299-2019-10-2-381-401

Иванов Е.Е. Афоризм как объект лингвистики: основные признаки // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2020. Т. 11. № 4. С. 659-706. DOI: 10.22363/2313-2299-2020-11-4-659-706

Иванов Е.Е. Абсурдные и парадоксальные пословицы в тувинском языке (онтологический и логический аспекты категоризации пословичной семантики) // *Oriental Studies*. 2022a. Т. 15. № 6. С. 1373-1388. DOI: 10.22162/2619-0990-2022-59-6-1373-1388

Иванов Е.Е. Семантическая типология тувинских пословиц (эмпирический и аксиологический аспекты) // Новые исследования Тувы. 2022b. № 4. С. 317-337. DOI: 10.25178/nit.2022.4.22

Иванов Е.Е., Комова Д.Д., Нелюбова Н.Ю. Категоризация пословичной семантики: «трюистические пословицы» // Когнитивные исследования языка. 2022. № 3 (50). С. 214-218.

Иванов Е.Е., Ломакина О.В., Ершов В.И. Категоризация пословичной семантики: номологические пословицы // Когнитивные исследования языка. 2022. № 4 (51). С. 112-116.

Иванова Е.В. Пословичные картины мира (на материалах английских и русских пословиц). СПб.: Филол. фак. СПбГУ, 2002.

Иванова Е.В. Мир в английских и русских пословицах. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2006.

Иваноў Я.Я. Семантычная тыпалогія афарызма ў славянскіх і германскіх мовах // *Frazeologické štúdie*. 2003. Т. III. S. 43-60.

Иваноў Я.Я. Семантыка афарыстычных выказванняў (на матэрыяле славянскіх і германскіх моў) // *Веснік Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта*. Сер. 4. 2004. № 1. С. 63-68.

Лемшит А.М., Ломакина О.В. Репрезентация концепта «знание» в русской, татарской и иракской паремиологии // *Когнитивные исследования языка*. 2022. № 4 (51). С. 719-723.

Ломакина О.В. Концептуализация общечеловеческих ценностей в пословицах (на материале русского, узбекского и таджикского языков) // *Когнитивные исследования языка*. 2021а. № 3 (46). С. 172-175.

Ломакина О.В. Изучение пословиц в русле ценностной парадигмы: методология исследования и критерии выделения оценочности // *Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Филологические науки*. 2021b. Т. 7(73). № 1. С. 97-107.

Семененко Н.Н. Русские паремии: функции, семантика, прагматика. Старый Оскол: РОСА, 2011.

Юридические пословицы и поговорки русского народа. Опыт систематического, по отделам права, собрания юридических пословиц и поговорок русского народа / И. Иллюстров. М.: Типография В.В. Чичерина, 1885. (Репринт: М.: RUGRAM, 2011.)

E.E. Ivanov, L.I. Gishkaeva (Moscow, Russia)
RUDN University (Peoples' Friendship University of Russia)

CATEGORY OF PROVERBIAL SEMANTICS: GREGUERIC PROVERBS

The article examines the categorization of proverbial semantics according to the criterion of relation to reality. The purpose of the study is to identify and describe the category of gregueric proverbs. We determined proverbs are expressing the general vs. specific, global vs. local, and socially momentous vs. individually momentous consistent patterns (based on the proverbs of the native peoples of Russia).

Key words: cognitive semantics, categorization, proverb, consistent pattern, gregueric semantics, autochthonous languages of Russia.

О.А. Иванова (Москва, Россия)
Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова
olgaivanova.info@mail.ru

КАТЕГОРИЗАЦИЯ ЗНАНИЙ О «СВОИХ» (EIGENE) ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ НЕОЛОГИЗМОВ В СОВРЕМЕННОМ НЕМЕЦКОМ МЕДИЙНОМ ДИСКУРСЕ

В статье рассматриваются когнитивные основания для выделения «своих» в различные группы, именованные которых представлены неологизмами. Определяющими дистриктивными признаками являются особенности поведения, профессиональная за-

нятость в IT-сфере и принадлежность к немецкой национальности (люди без миграционного прошлого).

Ключевые слова: концептуализация, категоризация, концепт, неологизм, номинация, дистинктивный признак.

При изучении ментальных структур особое внимание принадлежит феноменам с ценностной составляющей. Многочисленные исследования антиномии свой-чужой (*der Eigene-der Fremde* в немецком языке) позволяют отнести каждый член оппозиции к базовым ценностям духовной культуры человека, обладающим универсальной, общечеловеческой природой. Вместе с тем, концепты, относимые к универсальным на уровне ментальных репрезентаций, могут иметь различную реализацию в конкретном культурно-языковом социуме [Вишнякова, 2002], поскольку каждая культура предполагает формирование определенной концептуальной системы, свое коллективное знание. При описании познавательной деятельности и ментальных особенностей человека особое значение приобретают такие понятия как процессы концептуализации и категоризации. При концептуализации происходит осмысление, мысленное конструирование поступающей информации о мире в виде концептов, тогда как в ходе категоризации происходит не только деление мира на категории, но и соотнесение объекта с уже хранящейся системой знаний, происходит его идентификация. Оба процесса динамичны и взаимосвязаны, «поскольку, с одной стороны, формирование системы знаний невозможно без формирования ее отдельных единиц и их категорий, а с другой стороны, само соотнесение и идентификация новых объектов с системой категорий невозможно без наличия этой системы в сознании человека» [Болдырев, 2021: 38]. При когнитивном подходе исследования необходимо учитывать и экстралингвистическую реальность [Александрова, 2018], поскольку когниция представляет собой исторически и социально обусловленный процесс [Кубрякова и др., 1996]. Язык как зеркало культуры отражает все происходящие в обществе процессы и находится в постоянном развитии на всех своих уровнях. Особенно подвержен изменениям его лексический пласт [Миньяр-Белоручева, 2012]. Стремительные изменения в науке и технике являются импульсом для появления неологизмов – именовании для новых явлений (денотата, реалии), возникновения понятий. Рассмотрение категоризации знаний в немецкой культуре о *Eigene* (своих) с точки зрения новой вербальной репрезентации концепта *der Eigene* – цель настоящего исследования.

Актуальность работы объясняется очевидной ролью концепта *der Eigene* при идентификации «своих» и «чужих». Реализуясь в дискурсе СМИ, концепт оказывает влияние на формирование картины мира представителей немецкого социума.

Из 625 неологизмов, нашедших свою реализацию в немецких СМИ с десятих годов 21 в. и зафиксированных в онлайн-словаре неологизмов [OWID] Института немецкого языка в г. Мангейме, методом сплошной выборки было выделено 69 неологизмов, именующих разные слои «своих». Новая лексика, включая именовании «своих», неразрывно связанная с темой пандемии, представляет собой огромный пласт, выделенный в отдельный словарь, и не входит в область нашего исследования. По типу словообразования больше половины исследуе-

мых именовании (точнее, 35) являются композитами, образованными в результате разных способов словосложения, контаминации, сокращения, аффиксации и аббревиации. Для обеспечения потребностей немецкого языка используются, в основном, английские заимствования (более 30 лексем), что позволяет утверждать влияние англо-американского сообщества на современный немецкий язык и лингвокультуру в целом. Это утверждение никак не идет в разрез с более ранними заключениями некоторых отечественных и немецких ученых о большей степени подверженности немецкого языка среди европейских языков влиянию английского [Steffens, 2007; Нефедова, 2011] и о росте популярности в немецком сообществе англицизмов [Krischke, 2022]. Поскольку неологизмы именуют людей, многие имеют соответственные суффиксы – *-er*, *-ist*.

Именования называют целые поколения, имеют дополнительный уточняющий и разграничивающий маркер: *Generation @*, *X*, *Y*, *Z*, *woke*, *Golf*, *Silver*, *Facebook*, *Selfie* или представляют собой неологизмы с указанием возраста *50-plus-Generation* и его вариации – *60-plus-*, *70-plus-*, *80-plus-Generation*. Когнитивным основанием для такого деления является год рождения, образ жизни, базирующийся на определенном поведении. В контекстах СМИ номинация может приобретать негативную коннотацию за счет оценочных прилагательных – *egoistisch* и *unpraktisch* для поколения *Golf*, *verlorene Generation X* (потерянное поколение) и др. 20 именовании составляют именовании людей по профессиям, связанным с новыми компьютерными, цифровыми технологиями – *Youtuber*, *Videodolmetscher*, *Clickjobber*, *Digitalchef*, *Instagrammer* и др. Отношение к политическим вопросам демонстрируют примеры: *Remainer*, *Brexit*, *Leaver*, *Klimatarier*, *Wutbürger* (Слово возникло в связи с протестующими против строительства вокзала в Штутгарте в 2010 г. и теперь перенесено на всех несогласных по другим вопросам), *Querdenker* (Лексема возникла в период пандемии и дала название движению 2020 г. для именовании людей, отвергающих установленные нормы поведения во время эпидемии. Сейчас используется для «думающих иначе») и т.д. 6 неологизмов именуют людей по их отношению к питанию – *Veggi*, *Foodsaver*, *Flexitari* и др. и ровно такое же количество неологизмов имеет отношение к гуманитарному кризису 2015 г. и к номинации *Fremde* (чужих) и «истинно своих» – *Biodeutsche*, *echte Deutsche* (настоящие немцы), *Menschen mit Migrationshintergrund* (люди с миграционным прошлым), или уничижительно *Multikulti*, *Pegidist*, *Pegidianer* (участники праворадикального движения *Pegida*, выступающие против «чужих», против ислама, против политики *Willkommenskultur*), *Identitärer* (выступающие против чужих, подчеркивающие свою национальную принадлежность к немецкой нации). Эти неологизмы обычно употребляются в форме множественного числа, что указывает на существующую поляризацию в немецком обществе на *Eigene* и *Fremde*. Еще одна группа новых именовании людей в СМИ связана с особенностями поведения – *Frugalist* (человек, откладывающий деньги, чтобы пойти на пенсию), *Helikoptereltern* (родители-наседки), *Plogger* (человек, собирающий мусор во время пробежки), *Prepper* (готовящийся к катастрофе) и др.

Объем материала не позволяет проанализировать все новые именовании с примерами, демонстрирующими их реализацию в СМИ, однако приведенные номинации уже позволяют проследить ход категоризации «своих» и выделить

общие, наиболее крупные когнитивные признаки, номинируемые неологизмами: принадлежность к немецкой национальности (люди без миграционного прошлого), особенности поведения, профессиональная занятость в IT-сфере. В смысловом наполнении неологизмов прослеживается влияние аксиогенных ситуаций, которые стимулируют появление новой лексики и заставляют по-новому осмыслить «своих» и «чужих». Также очевидна зависимость между экзистенциальной значимостью события и количеством появляющихся неологизмов как в целом, так и именующих «своих».

Литература

Александрова О.В. Особенности терминологии когнитивной лингвистики // Когнитивные исследования языка. 2018. Вып. XXXIV. С. 27-30.

Болдырев Н.Н. Когнитивная семантика. Введение в когнитивную лингвистику: курс лекций. Тамбов: Издательский дом «Державинский», 2021.

Вишнякова О.Д. Язык и концептуальное пространство. М.: МАКС Пресс, 2002.

Кубрякова Е.С. Краткий словарь когнитивных терминов. М.: Изд-во Моск. университета, 1996.

Миньяр-Белоручева А.П. К проблеме создания политических неологизмов // Вестник Южно-Уральского государственного университета, № 25, Челябинск, 2012. С. 32-37.

Нефедова Л.А. Иноязычная лексика в современном немецком языке: процессы обновления и устаревания. / Актуальные проблемы современной лексикологии и фразеологии: сборник научных трудов к 100-летию проф. И.И.Чернышовой. М.: ИПК МГЛУ «Рема», 2011. С. 243-252.

Krischke, W. Was heißt hier Deutsch? Kleine Geschichte der deutschen Sprache. C.H.Beck Paperback, 2022. 368 S.

Steffens D. Von „Aquajogging“ bis „Zickenalarm“. Neuer Wortschatz im Deutschen seit den 90er Jahren im Spiegel des ersten größeren Neologismenwörterbuches / In: Der Sprachdienst 51, H 4. (Verlags)-Lektorat, 2007. S. 146-159.

OWID Neologismenwörterbuch [Электронный ресурс] URL: <https://www.owid.de/docs/neo/listen/corona.jsp> (дата обращения 23.02.2023)

O.A.Ivanova (Moscow, Russia)
Lomonosov Moscow State University
olgaivanova.info@mail.ru

CATEGORIZATION OF KNOWLEDGE ABOUT “OUR” (EIGENE) THROUGH THE PRISM OF NEOLOGISMS IN MODERN GERMAN MEDIA DISCOURSE

The article discusses the cognitive grounds for separating “ours” into various groups, the names of which are represented by neologisms. The defining distinguishing features are behavioral characteristics, professional employment in the IT field and belonging to the German nationality (people without a family history of migration).

Key words: conceptualization, categorization, concept, neologism, nomination, distinguishing feature

В.Ю. Клейменова (Санкт-Петербург, Россия)
Российский государственный педагогический
университет имени А.И. Герцена
victoria.kleimenova@yandex.ru

МОДЕЛИРОВАНИЕ СТРУКТУРЫ КОНЦЕПТА *CANCEL CULTURE*

Формирующаяся в XXI веке дискурсивная практика культуры отмены обусловила появление новых типичных ситуаций и фреймов, структурирующих эту понятийную область. Модель концепта *CANCEL CULTURE* представлена в статье в виде фрейма, состоящего из пяти инвариантных слотов, языковое наполнение которых характеризуется аксиологической вариативностью.

Ключевые слова: культура отмены, концепт, модель, фрейм, слот, метафора.

Изучение когнитивных механизмов лингвистической репрезентации знания о социуме, о принципах классификации его элементов и связывающих их отношений является одной из вечно актуальных проблем, поскольку изменяющиеся тенденции общественного развития требуют постоянной коррекции языкового поведения личности в повседневной коммуникации. На каждом последующем этапе появляются новые типичные ситуации общественной жизни и, соответственно, формируются ментальные схемы (фреймы), которые структурируют возникающие понятийные области как результат осмысления происходящего.

В современном мире одним из значимых факторов, влияющих на речевое поведение говорящего, является культура отмены (*cancel culture*), которая определяется как дискурсивная практика, как лингво-социальная деятельность, участвуя в которой языковая личность получает коммуникативный опыт. К социально значимым последствиям осуществления этой дискурсивной практики относится ««изъятие» неугодного субъекта из культурной (правокультурной) среды социума с помощью специальных технико-социальных приемов и средств дискриминации человека, унижения его чести и достоинства, агрессивного преследования, применения насилия» [Баранова 2021: 128]. Феномен культуры отмены представляет особый интерес для лингвистов в силу высокой степени его «языковлечения»: во-первых, триггером, запускающим процесс «изъятия», зачастую является высказывание субъекта, которое показалось оскорбительными определенной части общества, во-вторых, преследование также начинается с вербализованной травли. Как и любое социально-значимое явление культура отмены порождает набор моделей поведения, в том числе и речевого, которым должны неукоснительно следовать все участники коммуникативного процесса.

Для моделирования структуры культурно и социально значимого концепта *CANCEL CULTURE* эвристически плодотворным представляется обращение к понятию фрейм, которое рассматривается в лингвистике как унифицированная конструкция знания или связанная схематизация опыта [Филлмор 1988: 54], структура данных для представления типичной/стереотипной ситуации [Демьянков 1996: 187, Минский 1979: 6], как «когнитивная модель, передающая знания и мнения об определенной, часто повторяющейся ситуации» [Болдырев 2014: 108]. Структура фрейма представляет собой систему обязательных компо-

нентов (слотов), то есть задающих определённые параметры ментальных пространств, которые зависят от речевой ситуации и, следовательно, могут заполняться конкретной информацией и выражаться различными языковыми средствами [Алефиренко 2011: 11-15]. Образную трактовку фрейма как отдельного кадра типичного для фильма определенного жанра, предложил А.П. Чудинов, отметив, что кадр, в свою очередь, состоит из типовых слотов, то есть элементов ситуации, «которые включают какую-то часть фрейма, какой-то аспект его конкретизации» [Чудинов 2001: 46-47].

Несмотря на то, что рассматриваемый концепт CANCEL CULTURE находится в стадии формирования, результаты анализа данных краудсорсингового словаря Urban Dictionary доказывают, что он обладает жесткой структурой и относительно стабильным набором когнитивных и оценочных характеристик [<https://www.urbandictionary.com/define.php?term>]. Наиболее частотным средством достижения и репрезентации результатов когнитивной деятельности авторов словарной статьи является метафора, которая позволяет представить и оценить новый фрагмент реальности с использованием фреймов, относящихся к традиционному фрагменту (понятийной области).

Фрейм концепта CANCEL CULTURE включает в себя следующие инвариантные слоты (смысловые компоненты): *общественно порицаемый поступок, субъект, совершивший или не осудивший такой поступок, реакция социума, участники преследования субъекта отмены, последствия для общества*. Языковое наполнение слотов варьируется в зависимости от личной оценки говорящим данного феномена.

Для обозначения *общественно порицаемого поступка* сторонники используют лексические единицы тематической группы «fault», которые имеют эмоциональные и негативные оценочные коннотации (bigotry, deplorable actions and words, some sort of racist/homophobic/sexist piece of media from). Противники культуры отмены не столь резки в выражении своего мнения: они подчеркивают «оязиковленность» проступка (can't control the narrative, minor accusations, slightly offensive joke), а используемые ими номинативные единицы лишены эмоциональной окраски (human error, wrong think, mistakes, questionable actions). Лингвистические средства хеджирования делают высказывания менее категоричными (to say or do something considered objectionable, something not actually illegal, to say something they think is racist, xenophobic, homophobic etc.).

В речи сторонников культуры отмены создается обобщенный образ *субъекта, совершившего или не осудившего проступок*, как существа слабого и умственно неполноценного, опасного для социума. Для этого говорящий обращается к метафоре (racist snowflake, crybaby right-wing nut bags) или перифразу (as if a satanic individual that needs to be cast into hell). Противники культуры отмены прибегают к лексическим единицам, импликационал которых содержит компонент «вызывающий сочувствие» (victim, innocent people, a target).

Слот *реакция социума* представлен наибольшим числом лексических единиц, причем вне зависимости от личного отношения к культуре отмены, говорящие активно используют метафору как средство осмысления новой лингвокультурной ситуации. Так, в дефинициях, предлагаемых авторами словарной статьи, представлены лексикализованные глагольные метафоры (to strip of the credibility,

to remove from public access or discourse, to weed out, to dredge mistakes up, to ruin a person's life/career/online popularity, to destroy career/online reputation, to withdraw support). Глаголы тематической группы «вербальное выражение неодобрения» актуализируют свои словарные значения (to call out on social media, speak out and accuse a person, to shame a person or entity). Аксиологическая амбивалентность данного слота основана на противопоставлении ментальных пространств «наказывать» (to punish) и «призывать к ответственности» (to hold accountable).

Среди пользователей интернета, подгрузивших свои определения существительного cancel culture на сайт Urban dictionary, подавляющее большинство (55 из 68) составляют противники культуры отмены. Возможно поэтому у читателя формируется негативный образ *участника преследования субъекта отмены*. Представители данной социальной группы представлены как люди неспособные мыслительной деятельности, для чего используются как разговорные существительные тематической группы «лица с низкими интеллектуальными способностями» (bozos, idiots, morons), так и метафора (a bunch of uneducated rats) и перифраз (people who are quick to judge and slow to question). Многократное использование лексических единиц тематической группы «совокупность особей, объединенных общими поведенческими механизмами» (herd, bunch, crowd, mob), а также метафор (a giant unanimous blob, a bunch of narcissistic psychopaths) создает образ сторонников культуры отмены как безликой массы, элементы которой лишены индивидуальности, не имеют собственного мнения и могут действовать только в группе себе подобных. Оппоненты обвиняют их в лицемерии и стремлении придать себе *большую важность* и значимость за счет унижения других людей (to make themselves feel important, the most counter-intuitive and unproductive group of hive-minded hypocrites on the Internet), в незрелости и оторванности от реальной жизни (teen girls or gays that have no life or social life outside of being on the internet, somebody trying too hard to be «woke» and looking to cancel somebody to prove their wokeness). Наиболее эмоциональными и экспрессивными средствами выражения отрицательной оценки являются примеры обценной лексики, в которых денотативное значение вытесняется эмоционально-оценочным компонентом семантической структуры (sons of bitches, soft cocks, a bunch of f**king dumbasses). Единственным примером номинативной единицы с положительной оценочной коннотацией является метафорическое словосочетание social justice warriors.

Лексические репрезентанты слота *последствия для общества* также эксплицируют отсутствие единодушия в оценке культуры отмены. Некоторые авторы рассматривают ее как потенциальную опасность для общества (to ruin the world, to control everything, to ruin childhood memories, it's harmful), другие выражают уверенность в ее благотворном влиянии (to stop promoting harmful ideas and stereotypes).

Таким образом, моделирование структуры концепта CANCEL CULTURE как фрейма показало, что данный ментальный конструкт представляет собой жестко структурированную когнитивную модель стереотипной ситуации, включает пять инвариантных компонентов, лексическая репрезентация которых вариативна и формирует у пользователя словаря эмоциональное, аксиологически окрашенное представление об определяемом феномене.

Литература

Алефиренко Н.Ф. Фразеологическое значение в свете фреймовой семантики // Ученые записки ЗабГГПУ. Филология, история, востоковедение. 2011. С. 11-17.

Баранова М.В. Канселинг (cancel culture) как инновационный правокультурный феномен / М.В. Баранова // Юридическая техника. 2021. № 15. С. 123-128.

Болдырев Н.Н. Когнитивная семантика. Введение в когнитивную лингвистику. Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2014.

Демьянков В.З. Фрейм // Краткий словарь когнитивных терминов. М.: Филологический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова, 1996. С. 187-189.

Минский М. Фреймы для предоставления знаний. М.: Мир, 1979.

Филлмор Ч. Фреймы и семантика понимания // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XXIII. Когнитивные аспекты языка. М.: Прогресс, 1988. С. 52-92.

Чудинов А.П. Россия в метафорическом зеркале: Когнитивное исследование политической метафоры (1990-2000). Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т., 2001.

Cancel Culture // URL: <https://www.urbandictionary.com/define.php?term> (дата обращения: 10.02.2023)

*V.U. Kleimenova (St-Petersburg, Russia)
Herzen State Pedagogical University*

MODELLING STRUCTURE OF THE CANCEL CULTURE CONCEPT

The emerging discourse practice of cancel culture in the 21st century has caused new typical communicative situations and new frames which structure this conceptual domain. The article represents the model of the concept CANCEL CULTURE as a rigid frame that consists of five invariant slots with axiologically opposed lexical elements.

Key words: cancel culture, concept, model, frame, slot, metaphor.

*Е.А. Козлова, Д.В. Маховикова (Тамбов, Россия)
Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина
Helenka.tmb@gmail.com*

МЕТОНИМИЧЕСКИЕ МОДЕЛИ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ СОБЫТИЯ В СОВРЕМЕННОМ АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

В статье рассматривается проблема метонимической концептуализации и репрезентации событий в современном английском языке. Предложены два типа метонимических моделей событий, выделены и проиллюстрированы их варианты, описан языковой механизм их выражения.

Ключевые слова: событие, концептуализация, фрейм, метонимические модели.

Согласно постулатам когнитивной лингвистики метонимия является неотъемлемой частью повседневного мышления. Наша концептуальная система содержит метонимические модели, позволяющие осмысливать одну сущность в терминах другой, непосредственно связанной с ней в рамках одной концептуальной области, за счет ее профилирования в этой области.

Событие представляет собой наиболее сложную сущность, поскольку, как отмечает В. Крофт, оно не имеет объективных границ в пространстве и времени, подобно физическим объектам. События выступают как фрагменты чрезвычайно сложной каузальной сети [Croft 1990: 48]. Изолирование таких фрагментов главным образом зависит от их восприятия и интерпретации субъектом концептуализации. В каузальной сети можно выделить атомарное событие, репрезентированное линейной, пропозициональной моделью «субъект – предикат – объект». В то же время, атомарные события на основе концептуальной общности могут объединяться в более сложную концептуальную единицу – фрейм, который репрезентирует событие в его связи с потенциально возможными элементами, заполняющими его слоты – причиной, следствием, способом и т.д. (подробнее см.: [Козлова 2001]).

Метонимическая модель события представляет собой такую концептуальную структуру, в которой один из элементов события замещает событие в целом в его конечном представлении. Принимая во внимание два типа концептуальной структуры события – пропозиция и фрейм, мы выделяем два типа метонимической модели события: пропозициональная (на основе пропозиции) и телескопическая (на основе фрейма).

В моделях пропозиционального типа один из элементов или часть элементов пропозиции замещает всю структуру события. Модели первого типа представляют собой свернутую пропозицию, репрезентирующую событие через профилируемый субъект события либо его объект. В соответствии с семантической интерпретацией этих элементов можно выделить следующие варианты свернутой пропозициональной метонимической модели события: агенс → событие; элементив → событие; пациенс → событие; инструментатив → событие; локатив → событие; темпоратив → событие.

Объективация таких моделей происходит за счет использования существительного для выражения события, в котором его референт выступает в качестве субъекта или объекта, и которое связано с событием, выраженным сказуемым предложения-высказывания.

Метонимическая концептуализация события через агенс зачастую имеет место в том случае, если в качестве такового выступает широко известная историческая личность или публичная фигура, чье имя связано с какой-либо деятельностью либо конкретным событием или поступком. Такие модели используются в широком общественном контексте (1), (2). В узком, бытовом контексте агенс может замещать событие, известное только участникам коммуникации (3). Языковым механизмом событийного осмысления существительных является, как правило, сочетание с предлогами времени или причины, либо глаголом *happen*. Например:

(1) *How Did Adolf Hitler Happen?* (<https://www.nationalww2museum.org/war/articles/how-did-adolf-hitler-happen>) **Adolf Hitler** → **his coming to power**.

(2) *Few know that before Napoleon, Russia had been a target of the Anglo-Dutch oligarch financiers after Russia's vast resource*

(http://www.napoleon-series.org/research/napoleon/c_beforebrumaire.html) **Napoleon** → **Napoleon's invasion**

(3) *My mother worked as a seamstress in a garment factory. When I came along my aunt took care of me and her kids during the day. They saved every nickel they could. **Because of my mother** my father realized that there was money to be made in lining for clothing (CoCA) **My mother** → **her work at a factory**.*

Аналогичным образом мы осмысляем события как мирового или национального, так и частного значения в терминах места или времени действия:

локатив → событие

(4) *Afghanistan shows 'limitations' of US military, experts say* (<https://www.aljazeera.com/news/2021/8/21/forever-war-afghanistan-shows-limitations-of-us-military>). **Afghanistan** → **collapse of the Afghan government**

темпоратив → событие

(5) *Absent **the shock of 9/11**, it would not have been possible for the Iraq war hawks in the Bush administration to carry the day, either within the administration, in Congress or in American public opinion* (Cambridge University Press, 05 June 2014). **9/11** → **terrorist attacks in the USA**

(6) *'I will always remember **that night**': Architect recalls 26/11 horror & mayhem* (<https://newsroompost.com/india/i-will-always-remember-that-night-architect-recalls-26-11-horror-mayhem/5211929.html>). **That night** → **events of that night**.

Последствия различных природных катастроф концептуально связаны с их причиной, вследствие чего причина может метонимически замещать следствие по модели 'элементив → событие', например:

(7) *"All we have so far is just a bunch of promises from government agencies that they have learned their lesson **from Hurricane Katrina** and have improved their system for the next national emergency that comes our way," said Scott Amey, general counsel for the Project on Government Oversight, a watchdog group.* (<http://www.sheddacademy.org/resources/025.html>). **Hurricane Katrina** → **destructions caused by it**.

Пациенс или инструмент могут замещать событие при его метонимической концептуализации вследствие того, что концепт, репрезентирующий объект в нашем сознании, включает представление о его возможном использовании. Например:

пациенс → событие

(8) *Obviously, for a good proportion of us, **a new outfit** can make us feel amazing* (<https://livingprettyhappy.com/2019/07/24/how-clothes-make-you-happy-expert-tips-build-shopping-confidence/>). **A new outfit** → **wearing a new outfit**.

инструментатив → событие

(9) *How do computers influence children's development?* (<https://www.typekids.com/blog/how-do-computers-influence-childrens-development/>). **Computers** → **using computers**.

В пропозициональных моделях второго типа, с замещением всей структуры события частью ее элементов, из фокуса внимания исключается один из обязательных элементов – субъект или объект. Такая модель представляет собой развернутую пропозицию, объективируемую непрототипической синтаксической конструкцией (в качестве прототипа выступает конструкция, в которой субъект и объект являются агенсом и пациенсом, соответственно). В зависимости от профилируемой части пропозициональной схемы 'субъект – предикат – объект' и

семантической роли объекта, выделяются следующие варианты развернутой пропозициональной метонимической модели:

часть (субъект – предикат) → событие

(10) *The people work hard, but **they eat** well* (LDOCE);

часть (пациент – предикат) → событие

(11) ***The cream rinses** off easily* (LDOCE);

часть (инструмент – предикат – объект) → событие

(12) ***Which of these keys unlocks** the safe?* (LDOCE);

часть (локатив – предикат – объект) → событие:

(13) *Critics said **the article depicted** Latinos negatively* (LDOCE);

часть (причина – предикат – объект) → событие

(14) ***That performance won** Hanks an Oscar* (LDOCE).

Телескопическая метонимическая модель события представляет собой его концептуализацию в терминах другого события, являющегося субфреймом в его фрейме, и имеет, таким образом, структуру ‘субфрейм → фрейм’. Соответственно, объективация такой модели происходит за счет спользования глагола, обозначающего событие-источник, для номинации события-мишени, имплицитного контекстом предложения-высказывания. Варианты телескопической метонимической модели выделяются на основе слотов событийного фрейма и выглядят следующим образом:

причина → событие-мишень

(15) *It was so much dust, and the slightest wind would **blow** it away* (LDOCE)

blow → **cause to fly**;

следствие → событие-мишень

(16) *I **blush** to admit that I haven't read it* (LDOCE) **blush** → **feel ashamed**;

сопутствующее событие → событие-мишень

(17) *'I can't run any farther,' she **panted*** (LDOCE) **panted** → **spoke while panting**;

оценка → событие-мишень

(18) *They **toiled** slowly up the hill* (LDOCE) **toiled** → **moved with great effort**.

Модели всех вышеупомянутых типов широко используются в современном английском языке, что говорит о том, что они играют значительную роль в концептуализации событийной области опыта носителями английского языка.

Литература

Козлова Е.А. Метонимия как концептуальная основа функциональной категоризации английского глагола: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тамбов, 2001.

CoCA – Corpus of Contemporary American English. URL: <https://www.english-corpora.org/coca/>

Croft W. Possible verbs and the structure of events // Meaning and Prototypes. Studies on Linguistic Categorization. Oxford: Routledge, 1990. P. 48-68.

LDOCE – Longman Dictionary of Contemporary English. URL: <https://www.ldoceonline.com/>

*E.A. Kozlova, D.V. Makhovikova (Tambov, Russia)
Derzhavin Tambov State University*

METONYMIC MODELS OF EVENT CONCEPTUALIZATION IN CONTEMPORARY ENGLISH

The article deals with the problem of metonymic conceptualization and representation of events in contemporary English. It suggests two types of metonymic models of events. The authors identify and illustrate these models describing the linguistic mechanism of their expression.

Key words: event, conceptualization, frame, metonymic models.

*O.A. Kostrova, B.S. Zakharov (Samara, Russia)
Самарский государственный социально-педагогический университет
olga_kostrova@pogsga.ru, zakharov.v@sgspu.ru*

КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ НЕГАТИВНОЙ ОЦЕНКИ, СВЯЗАННОЙ С ДВИЖЕНИЕМ ВНИЗ, В НЕМЕЦКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЕ

В статье рассматриваются языковые средства кодирования имплицитной негативной оценки в сложноподчиненных предложениях с союзом *falls* и в высказываниях с направлятельными наречиями *herab*, *herunter*, *herein*. Интерпретация негативного оттенка объясняется через концептуализацию направлятельности (движения вниз), имплицитную в союзе и перечисленных наречиях. Раскрывается лингвокультурная специфика концептуализации негативного смысла.

Ключевые слова: условные придаточные, семантика *falls*, направление к говорящему / наблюдателю, лингвокультурная специфика, оценочный модус, маркеры негативной оценки

Категория оценки до сих пор остается в лингвистике дискуссионной. Сложность этой категории заключается в том, что, с одной стороны, она может быть рассмотрена как речевой акт, а с другой стороны, этот речевой акт может быть интерпретирован с позиций иллокутивных целей и производимого им перлокутивного эффекта. Это различие было осознано уже в монографии [Вольф 1985: 195]. Позже была дифференцирована модальность как грамматическая категория и модусность как категория интерпретации [Болдырев 2018]. К числу собственно оценочных модусных категорий Н.Н. Болдырев относит в том числе этнокультурные [там же: 152]. Однако набор этнокультурных модусов до сих пор остается открытым. В немецкой лингвокультуре особый категориальный статус имеет концепт НАПРАВИТЕЛЬНОСТЬ, который в некоторых случаях получает модусную интерпретацию [Кострова 2023: 114-130]. Цель статьи – систематизация репрезентантов концепта НАПРАВИТЕЛЬНОСТЬ, имеющих в немецкой лингвокультуре негативно оценочный смысл.

Концептуальная система человека основана на опыте физического и социального характера [Лакофф 2011: 13]. На наш взгляд, концепт НАПРАВИТЕЛЬНОСТЬ основан на опыте ориентации тела в пространстве, а движение вниз представляет субконцепт направлятельности. Опыт восприятия движения вниз

позволяет оценивать то, что ориентировано наверх, как хорошее, а то, что ориентировано вниз, как плохое [Лакофф, Джонсон 2004: 40]. Характерно, что в английском языке «плохие» состояния, например, болезнь, репрезентируются словосочетаниями с глаголом 'падать': «He fell ill» [там же: 36-37]. В немецком языке подобным репрезентантом субконцепта становится союз *falls*, который произошел из адвербиального генитива существительного *der Fall* в значении *im Fall, für den Fall* [Kluge 1999: 247]. На наш взгляд, союз сохраняет к тому же связь с глаголом *fallen* и сочетает в своем значении семы 'случайность' и 'движение вниз', что составляет его лингвокультурную специфику. Случай бывает счастливым в виде исключения; как правило, мы ждем от непредвиденных случаев неприятностей.

Кроме того, к этнокультурным репрезентантам субконцепта, имплицитно-негативно-оценочную семантику, мы относим наречия со значением движения сверху вниз по направлению к субъекту речи или наблюдателю: *herab, herein, herunter*.

Анализ гипотаксиса с союзом *falls* в корпусе [DWDS: URL <https://www.dwds.de/d/korpora/korpus21>], из которого приведены примеры ниже, выявляет несколько специфичных оттенков смысла придаточного. Это, например, оттенок неуверенности, возникающий в УП, ориентированном на будущее. Футуральная ориентация нередко передается в таких УП с помощью глагола *sollte*, имплицитно-зависимого оттенка зависимости от «третьей инстанции» [Kotin 2011]. Чувство зависимости от внешней инстанции, которое испытывает субъект речи, создает смысл неуверенности с негативным оттенком. Ср.:

(1) *Sie hat immer mit jungen Menschen zu tun gehabt, später in den Gesangsklassen, im Einzelunterricht, und manchmal dachte sie, **falls** sie Enkel haben **sollte**, verschlägt es vielleicht einen von ihnen auch in dieses Fach.*

Лексическое наполнение придаточного нередко включает частицы, которые А.В. Аверина считает грамматическими маркерами, выражающими интенцию говорящего [Аверина 2022: 92]. Частица *je* маркирует интенцию сомнения в возможности осуществления действия, что в (2) подчеркивается усилительным наречием 'вообще'. Частицы *denn, doch* в сочетании с *noch* маркируют решимость говорящего совершить определенные действия, несмотря на возможные нежелательные препятствия, выраженные в условном придаточном (3). Грамматическими маркерами могут служить, на наш взгляд, и неопределенные местоимения *was, etwas*, которые, выполняя в УП с *falls* функцию подлежащего, имплицитно выражают опасение на случай того, что может произойти нечто непредвиденно-неприятное (4). Ср.:

(2) *Beate liebte ihn nicht mehr – **falls** sie Thomas **überhaupt je** geliebt hatte.*

(3) *...**falls** sie sich **doch noch** entschieden, sie einzusetzen als Malena, die kleine Prinzessin, durfte er nicht ihr Misstrauen wecken.*

(4) *Und hier ist meine Handynummer, **falls** was ist.*

Семантика неожиданности может передаваться наречием *einmal* и неопределенным артиклем, подчеркивающим неизвестность. В (5) эту семантику передает и существительное *Begegnung*, означающее случайную встречу; гипотетичность выражается также претеритальным конъюнктивом, ср.:

(5) *Falls es einmal zu einer Begegnung mit diesen Enkeln ihres Mannes käme, wäre auch sie den Einflüsterungen ausgesetzt.*

Интенция говорящего может имплицироваться в лексических единицах. Так модальные слова *wirklich*, *tatsächlich* в УП с союзом *falls* (6), аналогично частицам, выявляют нелицеприятные отношения между коммуникантами (ср. [Аверина: там же]). Помимо этого, семантика неприятной неожиданности может заключаться в глагольных предикатах, поддерживая негативный смысл УП (7). Ср.:

(6) *Der Wirt, der meinem Blick bisher standgehalten hatte, sah zur Seite. Offenbar wurde ihm klar, was ihm blühen konnte, falls ich tatsächlich zu Ashcroft gehörte.*

(7) *Eine Obduktion sei unvermeidlich. Falls Ewald bei uns auftauchen sollte, würde ich ihn natürlich sofort zu seinen Kindern schicken, verspreche ich.*

Негативный смысловой оттенок сложноподчиненных предложений с *falls* усиливает включение в состав УП языковых единиц с семантикой отрицания, отсутствия чего-либо, а также снижения, убывания количества или качества. Здесь работает стереотип ‘больше – хорошо, меньше – плохо’ [Лакофф, Джонсон 2004: 38]. Ср.:

(8) *Früher wollte ich draußen unbedingt etwas entdecken und wurde ungeduldig, falls dort nichts geschah.*

Другими маркерами негативной оценки в немецкой лингвокультуре служат, как отмечено выше, наречия направительной семантики. Движение вниз передаваемое наречиями с компонентом *her*, указывает доминантное направление движения *сверху к говорящему*. Ключевым моментом формирования смысла является здесь положение говорящего: что-то движется на него сверху. Негативный смысл возникает, когда это что-то содержит смысл неожиданности или стереотипной негативной оценки. Это может относиться к природным явлениям (9), к социальным событиям (10), к межличностным отношениям (11); при этом говорящий может только подразумеваться, выступая в функции наблюдателя (9, 10), стереотипно оценивая кого-то (11). В русском языке негативная оценка тоже будет выражена, но без использования специфичного языкового средства, обозначающего перспективацию. Ср.:

(9) *Vom Himmel flogen Objekte herab, als kämen sie aus dem All – (9a) ‘С неба, как будто из Вселенной, сыпались какие-то предметы’.*

(10) *Unter Rasseln, Knarren und Kreischen senkt sich ein eiserner Vorhang auf die russische Geschichte herab – (10a) ‘Под грохот, скрип и визг на русскую историю опускается железный занавес’.*

(11) *Typisch Wessis, immer von oben herab! – (11a) ‘Типичные вессии (западные немцы – О.К.), всегда свысока!’.*

В других случаях говорящий оказывается в пассивной позиции принимающего то, что «сваливается» на него, создавая негативный смысл. В русском языке негативный смысл часто передается в таких случаях метафорически (14a), (15a). Ср.:

(12) *Ihre Worte klatschten an mir herab wie kaltes Wasser. – (12 a) ‘Её слова барабанили по мне, как холодный душ’.*

(13) *Die Zähigkeit des Schweigens floss auf uns herab – (13a) ‘Цепкость молчания накатила на нас’.*

Наречие *herunter* служит маркером негативной оценочности в ситуациях, когда субъект или объект высказывания оказывается под воздействием внешних, как правило, неблагоприятных обстоятельств, от которых он безвольно опускает руки (14), ощущает бегущие по спине мурашки (15), или с ужасом смотрит на себя, скользя взглядом вниз (16). Ср.:

(14) *Hilflos hingen ihre Arme herunter.*

(15) *Beim Lesen des letzten Satzes lief es David kalt den Rücken herunter.*

(16) *Erschrocken sehe ich an mir herunter.*

В сочетании с глаголом *spielen* наречие *herunter* соответствует русскому глаголу 'принизить' или выражению 'спустить на тормозах'. При этом действие принижения оказывается неблагоприятным для объекта речи или наблюдателя:

(17) *Er spielte die Sache also herunter.*

Наречие *herein* может маркировать нежелательное или неожиданное наступление природного явления или появления кого-то, что воспринимается как (насильственное) вторжение в замкнутое пространство. Глагол *hereinbrechen* означает быстрое наступление природного явления, создавая впечатление, что оно обрушивается на кого-то [Кострова 2023: 127]. Ср.:

(18) *Es bricht die Nacht herein. Sofie und das Paket sehen sich gegenseitig an.*

(19) *Die Tür wurde aufgerissen und Joas kam herein.*

Таким образом, в немецкой лингвокультуре представлены особые лексико-грамматические маркеры, имплицитующие в известных контекстах отрицательную/нежелательную оценку, основанную на (метафорической) концептуализации движения вниз.

Литература

- Аверина А.В. Частицы в немецком языке. М.: МГОУ, 2022.
- Болдырев Н.Н. Язык и система знаний. Когнитивная теория языка. М.: Изд. Дом ЯСК, 2018.
- Вольф. Е.М. Функциональная семантика оценки. М.: «Наука», 1985.
- Кострова О.А. Концептуальная грамматика хронотопа в немецкой лингвокультуре. М.: Флинта, 2023.
- Лакофф Дж. Женщины, огонь и опасные вещи: Что категории языка говорят нам о мышлении. Книга I: Разум вне машины / пер. с англ. И.Б. Шатуновского. М.: Гнозис, 2011.
- Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. / Пер. с англ. А.Н. Баранова и А.В. Морозовой. Под ред. и с предисл. А.Н. Баранова. М.: Едиториал УРСС, 2004.
- DWDS; URL: <https://www.dwds.de/d/korpora/korpus21>
- Kluge F. Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache. Berlin. New York: de Gruyter, 1999.
- Kotin M. L. Ik gihôrta dat seggen...Modalität, Evidentialität, Sprachwandel und das Problem der grammatischen Kategorisierung // Diewald G., Smirnova E. (Hrsg.) Modalität und Evidentialität. Modality and Evidentiality. Trier: Wissenschaftlicher Verl., 2011. S. 35-48.

*O. A. Kostrova, V.S. Zakharov (Samara, Russia)
Samara State University of Social Sciences and Education*

CONCEPTUALISATION OF NEGATIVE ASSESSMENT ORIENTED ON MOVING DOWN IN GERMAN LINGVOCULTURE

The paper regards language coding means of implicit negative assessment in clauses with the conjunction “falls” and in sentences with directional adverbs “herab”, “herunter” and “herein”. The authors explain the negative sense through conceptualization of directionality (moving down) implied in the conjunction and above-mentioned adverbs. The paper demonstrates linguistic and cultural specifics in negative sense conceptualization.

Key words: conditionals, semantics of “falls”, direction toward the speaker / observer, linguistic and cultural specifics, assessment mode, markers of negative assessment

*А.Ю. Кутимская (Иркутск, Россия)
Иркутский национальный исследовательский
технический университет
alina.kutimskaja@yandex.ru*

ТАКСОНОМИЧЕСКОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ БАЗОВОГО КОНЦЕПТА EINLAGEN НЕМЕЦКОЙ ТЕРМИНОСИСТЕМЫ БАНКОВСКОГО ДЕЛА

Проведен концептуально-таксономический анализ базового концепта Einlagen немецкой терминосистемы банковского дела. Предпринята попытка создания модели этого концепта.

Ключевые слова: термин, концептуально-таксономическое моделирование, суперординатный уровень, базовый уровень, субординатный уровень, вербальная репрезентация, концептуальные смыслы.

Исследование различных терминосистем, в том числе и терминологии банковского дела, всегда привлекало к себе пристальное внимание лингвистов, переводчиков и специалистов, занимающихся исследованиями терминов. Несмотря на наличие ряда работ, посвященных дискурсивным исследованиям (Т.Ю. Махортова), типологическому анализу с выделением основных классов терминов (И.Б. Семенова, Т.В. Шетле) и когнитивно-дискурсивному подходу (А.В. Майтова, И.В. Финикова), эта терминосистема является наиболее исследованной с точки зрения системно-структурного и коммуникативного направления. Смена научной парадигмы от прескриптивной к дескриптивной и новые тенденции в развитии когнитивного терминоведения сделали задачу исследования сущности термина актуальной с позиций его семиотической природы. Интересным здесь представляется комплексный таксономический анализ базовых концептов.

Говоря о концептах в научной картине мира, ученые оперируют термином «ментальные единицы», представляющим научные понятия в виде языковых знаков. Взаимоотношения понятий в науке, в свою очередь, отражаются в терминосистеме. При выборе определенного термина с точки зрения когнитивной лингвистики человек опирается на собственное мышление, знания, он осмысливает

и перерабатывает поступившую информацию, используя категоризацию. Он неосознанно анализирует (категоризирует) окружающую действительность. Для изучения и упорядочения отдельных ментальных единиц терминосистем в когнитивном терминоведении используется концептуально-таксономический анализ. Но основе этого метода возможно установить определенную иерархию языковых единиц. Н.Н. Болдырев выделяет три уровня концептуальной иерархии: базовый, суперординатный уровень (уровень обобщения) и субординатный (уровень уточнения) [Болдырев 2007].

Рассматриваемый нами концепт EINLAGEN (вклады) можно представить следующим образом: суперординатный уровень – это сама терминосистема банковского дела (Bankwesen), на базовом уровне находятся вклады (Einlagen). Базовый уровень можно отнести к процессу категоризации терминов, где происходит объединение сходных или тождественных единиц в более крупные разряды, категории [Болдырев 2006]. «На субординатном уровне действует процесс концептуализации термина, осмысления и закрепления результатов познания в виде единиц знания — концептов, которые могут получать свою вербальную репрезентацию» [Болдырев 2019]. На этом же уровне происходит дальнейшая конкретизация, высвечивающая специфические особенности концепта.

Словарь Dudenlexikon дает определение *Einlagen* как:

1) «Auf ein Bankkonto eingezahltes Geld» Например: *Die Einlagen bei den Sparkassen sind gestiegen* [URL: <https://www.duden.de/Einlagen>]. *Вклады в сбербанках выросли* (здесь и далее перевод наш. – А.К.).

In der EU sind Einlagen grundsätzlich mit 100.000 Euro je Anleger geschützt, bei den deutschen Banken und Sparkassen ist der Schutz sogar deutlich umfangreicher [Die Welt, 15.07.2019]. В ЕС депозиты в размере 100 000 евро на одного инвестора в основном защищены, в то время как в немецких банках и сбербанках защита значительно шире.

2) «In ein Unternehmen als Beteiligung angebrachte Sach- oder Geldleistung» [URL: <https://www.duden.de/Einlagen>]. *Die Einlagen dieses Teilhabers beläuft sich auf 50000 Mark. Вносы этого вкладчика составляют 50000 марок. Als Einlage auf das Stammkapital wird in die Gesellschaft eingebracht von dem Gesellschafter [...] das Geschäftsvermögen der Firma [...] auf Grund der zum 1. Juli 1946 aufgestellten Bilanz zum angenommenen Wert von 45.000 RM (= Reichsmark). [Berliner Zeitung, 02.04.1947] Акционер вносит в компанию в качестве вклада в уставный капитал [...] коммерческие активы компании [...] на основании баланса, составленного на 1 июля 1946 года, по принятой стоимости 45 000 RM (рейхсмарки).*

При исследовании онлайн-словаря Duden, корпуса Современного немецкого языка DWDS [URL: <https://www.dwds.de>], онлайн-словаря немецкого экономического языка Gabler Wirtschaftslexikon [URL: <https://wirtschaftslexikon.gabler.de>] были получены данные о следующих концептуальных смыслах (см. табл. 1): Einlagekapital, Einsatz, Kapitalanlage, Investierung, Investition, Pfand, которые можно рассматривать как категории субординатного уровня: помещение капитала, инвестиция, залог.

Таблица 1. Концепт *Einlagen* и его смыслы

Помещение капитала	Инвестиция	Залог
--------------------	------------	-------

Einlagekapital Einsatz Einlegen	Investierung Investition Kapitaleinlage Anlage Kommanditen Einlagen	Pfand Bürgschaft Schutz Sicherheit Einsatz
---------------------------------------	---	--

Рассмотрим следующие примеры: (1) «*Herr und Frau Österreicher parken einen erheblichen Teil ihres Vermögens in **Einlagen***» [Neue Zürcher Zeitung, 28.05.2017]. Г-н и г-жа Остеррайхер хранят значительную часть своих активов на депозитах.

(2) «*Das [...] Konto mit einer **Einlage** von über 100 Millionen Mark wurde von der Bank nur sehr niedrig verzinst*» [Berliner Zeitung, 22.06.1945]. [...] Счет с депозитом на сумму более 100 миллионов марок был открыт банком под очень низкие проценты.

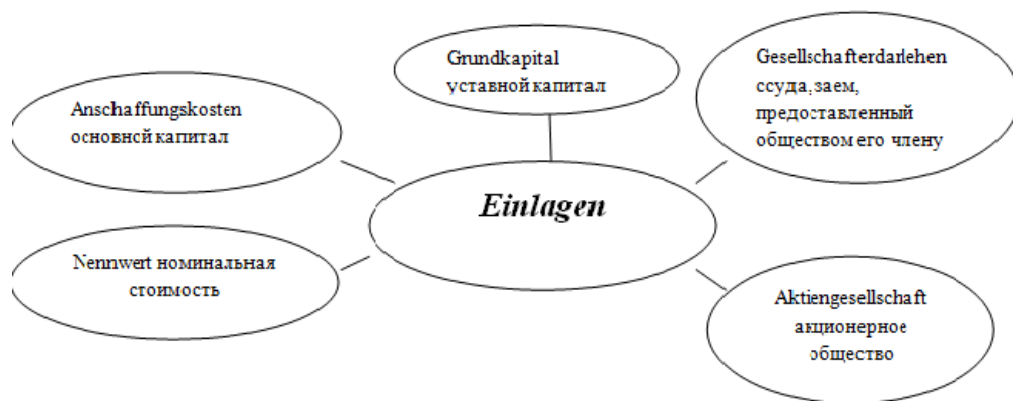
В приведенных примерах речь идет о помещении капиталов в различные банки с целью сохранения денежных средств. Деньги в данном случае репрезентируют вложения для получения процентов от вкладов, деньги откладываются на депозит.

(3) «*Pro Familia*», die Deutsche Gesellschaft für Sexualberatung und Familienplanung e. V., hat den grauen Kapitalmarkt entdeckt. Weil beträchtliche Mittel fehlen, Bankkredite aber teuer sind, soll nun Kapital über Kommanditeinlagen oder stille **Einlagen** eingesammelt werden» [Der Spiegel, 30.11.1987]

Пример 3 демонстрирует использование концепта EINLAGEN в значении инвестиций, денежных средств, вкладываемых в какие-либо фонды с целью получения прибыли. Инвесторы, вкладывая свои деньги, по окончании срока вклада могут получить достаточно высокие проценты.

(4) *Die Versicherungen sind über eine Kapitalerhöhung 60 Mio. Fr. (= Franken) zugeflossen, womit sich ihr Aktienkapital auf 120 Mio. Fr. verdoppelt hat. Die **Einlage** für die genossenschaftlich organisierte Versicherung ist vollumfänglich von der Holding geleistet worden, welche das Geld aus ihren eigenen Mitteln mobilisierte.* [Neue Zürcher Zeitung, 27.10.2017]. В данном случае концепт EINLAGEN используется в значении залога. Денежные средства помещают в банк, для того чтобы в непредвиденных случаях эти деньги остались в финансовой организации. Таким образом, банки защищают и оберегают себя от финансовых потерь.

Ментальная карта, представленная в онлайн-словаре немецкого экономического языка Gabler Wirtschaftslexikon [URL: [https:// wirtschaftslexikon.gabler.de](https://wirtschaftslexikon.gabler.de)], отражает виды вкладов, используемых в банковской экономике. Это могут быть уставные или основные капиталы, акции, вклады по номинальной стоимости или ссуды. Это смысловые концепты субординатного уровня, конкретизирующие вклады, существующие в банковской экономике.

При анализе примеров наблюдаются различия концептуальных смыслов EINLAGEN (вкладов): использование в различных областях финансовой деятельности в банковских вкладах, приносящих доходы (*Einlagen*), инвестициях (*Investition*) и залогах (*Bürgschaft*). В результате процессов терминологической номинации образуются новые термины, обладающие многообразием терминологических норм и концептуальных смыслов. Они могут быть многозначны и эмоционально окрашены.

Следует отметить, что рассматриваемая модель не претендует на законченность и не имеет четких границ. Для более углубленного изучения концептуальных смыслов требуется наличие контекста и проведения контекстуального анализа.

Литература

Болдырев Н.Н. Репрезентация знаний в системе языка // Вопросы когнитивной лингвистики. 2007. № 4. С. 17-27.

Болдырев Н.Н. Язык и система знаний. Когнитивная теория языка. М.: Издательский Дом ЯСК, 2019.

Болдырев Н.Н. Языковые категории как формат знания // Вопросы когнитивной лингвистики. 2006. № 2. С. 5-22.

Майтова А.В. Терминосистема предметно-специального языка «Банковское дело» в лингвокогнитивном аспекте: на материале русского и немецкого языков : дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 2008. 257 с.

Махортова Т.Ю. Лингвопрагматический потенциал PR-жанра в пространстве банковского дискурса: на материале немецкоязычных банковских проспектов: дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2007. 190 с.

Семенова И.Б. Сопоставительный анализ переводческих эквивалентов англоязычных терминов экономики в языке и речи: дис. ... канд. филол. наук. М., 2012. 256 с.

Финикова И.В. Принципы формирования современной немецкоязычной терминологии банковского кредитования: когнитивно-дискурсивный подход: дис. ... канд. филол. наук. М., 2012. 196 с.

Шейтле Т.В. Англоязычная терминология банковского дела в языковой системе и речевой практике: дис. ... канд. филол. наук. М., 2010. 203 с.

URL: <https://wirtschaftslexikon.gabler.de> (дата обращения: 23.03.23).

URL: <https://www.duden.de/Einlagen> (дата обращения: 21.03.23).

URL: <https://www.dwds.de> (дата обращения: 23.03.23).

*A.Ju. Kutimskaja (Irkutsk, Russia)
Irkutsk National Research Technical University*

TAXONOMIC MODELING OF THE BASIC CONCEPT OF EINLAGEN IN GERMAN BANKING TERMINOLOGY

Conceptual and taxonomic analysis of the basic concept of Einlagen in the German banking terminology system is carried out. An attempt has been made to create a model of the concept of Einlagen.

Key words: term, conceptual and taxonomic modeling, superordinate level, basic level, subordinate level, verbal representation, conceptual meanings.

*Л.В. Лаенко, В.В. Пигловская (Воронеж, Россия)
Воронежский государственный университет
lvlaenko@mail.ru, verasycheva@mail.ru*

КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ ЛАНДШАФТНЫХ ОБЪЕКТОВ НЕБОЛЬШОЙ ВОЗВЫШЕННОСТИ НАД ЗЕМЛЕЙ СРЕДСТВАМИ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

Статья посвящена выявлению особенностей языковой концептуализации объектов английского ландшафтного пространства, характеризующихся небольшим возвышением над землёй. Описываются языковые средства репрезентации образов таких объектов с последующим определением их конституирующих концептуальных признаков. Делается вывод 1) о системообразующем характере таких признаков, 2) о способности некоторых из перцептивно воспринимаемых признаков ландшафтных объектов вертикального пространства (форма, размер) служить когнитивной основой для креативирования метафорических образов, что позволяет определить данный признак как значимый для повседневной практической жизнедеятельности представителя британской лингвокультуры.

Ключевые слова: языковая концептуализация, вертикальное пространство, ландшафт, семантика номинаций, концептуальный признак.

Сегодня не вызывает сомнений положение о том, что онтологические категории находят свое обозначение в языке благодаря лексической категоризации [Болдырев 2018]. Представления человека об особенностях рельефа местности отражаются в языке огромным пластом ландшафтной лексики. Лексические единицы, номинирующие небольшое возвышение над землей, весьма неоднородны. В данной работе предпринята попытка лингвокогнитивного анализа ландшафтной английской лексики, номинирующей небольшое возвышение над землей.

Методом сплошной выборки из английских толковых словарей [Longman Dictionary of English Language and Culture], [Cambridge dictionary [https](https://www.cambridge.org/9780521875533)] были отобраны слова, номинирующие небольшое возвышение над землей с последующей верификацией их семантики по данным Британского национального корпуса) [<http://www.natcorp.ox.ac.uk/>].

Первый этап исследования заключался в выявлении обязательных семантических связей между ЛЕ, участвующими в языковой концептуализации объектов английского ландшафтного пространства, характеризующихся небольшим возвышением над землёй. Существительные, нывающие такие объекты, объединяются единым семантическим признаком – «небольшое возвышение над землей», маркируемым в их словарных толкованиях как «small/ little/low (hill)» / «a pile of earth» / «a raised area of earth or land»:

mound – 1) a pile of earth, stones, etc, often built in ancient times for defence or over a grave, a small hill; 2) a large pile; 3) the small hill on which the pitcher in the game of baseball stands. – могильных холм, курган, насыпь;

hillock – a little hill; - пригорок, холмик;

the downs – low rounded grassy hills, especially chalk hills, as in the South of England; и т.д. - меловые холмы;

barrow – a large pile of earth put over a grave in ancient times; курган, могильный холм;

hump – 1) a rounded raised mass of earth or land 2) a lump on the back, especially of a camel; 3) (Br infml a feeling of bad temper or dislike of life in general; 4) over the hump -, past the worst part'. – холм, бугор, искусственная неровность;

bump – 1) a raised uneven area on a surface; 2) a raised round swelling, often caused by a blow. бугорок, кочка;

hummock – a very small hill; – холмик, пригорок;

knoll – a small round hill; – холмик, бугорок;

tussock – a *small* thick mass of grass; – кочка, трава, растущая пучком;

dune – a hill of sand often long and low, piled up by the wind on the seashore or in a desert – дюна;

tumulus – a large pile of earth put over a grave in ancient times. – могильный холм, курган.

Очевидно то, что концептуальной основой семантики имен таких ландшафтных объектов является их наиболее яркий перцептивно-воспринимаемый (визуальный) признак - незначительное возвышение над землей. Представляется, однако, что дифференциальные семы, обозначающие специфические (отличительные) признаки характеризуемого рельефа, являются не менее релевантными для стратегий концептуализации объектов такого типа национальным сознанием представителей британской лингвокультуры. Поэтому на втором этапе исследования с целью выявления дополнительных концептуальных признаков образов изучаемых объектов проводился анализ и когнитивная интерпретация дифференциальных сем в составе лексического значения их номинаций. В результате выявлено, что такие семантические компоненты репрезентируют визуальные признаки объектов, значимые для практической жизнедеятельности человека, отражая 1) их функциональные характеристики (ритуальный холм – *tumulus*, *mound*, *barrow*), 2) природу возвышенности (образованной растительностью – *tussock*, меловой – *the downs*), 3) форму возвышения (*knoll*, *hump*, *mound* – возвышения круглой формы), возвышения удлиненной формы (*dune*), 4) неровную поверхность (*bump*), 5) пространственную локализацию (*the downs* находящийся на юге Англии). Каждая ЛЕ профилирует отдельный внешний признак возвы-

шенности, концептуализирующий важную особенность того или иного возвышения.

Выделение дифференциальных семантических признаков внутри изучаемой ЛСГ способствовало разграничению значений семантически близких слов. Определение когнитивных признаков концептов изучаемых объектов стало возможным благодаря смысловому обобщению и когнитивной интерпретации дифференциальных сем в составе значения изучаемых ЛЕ.

Таблица 1. Когнитивные признаки объектов, характеризующихся небольшим возвышением над землёй

Когнитивный признак	Лексема
круглый	Knoll, hump, mound
песчаный	Dune
неровный	Bump
образованный растительностью	Tussock
свойственный погребальным насыпям	Tumulus, mound, barrow
невысокий	Hillock, hummock
покрытый растительностью	The Downs
меловой	The downs
находящийся на юге Англии	The downs
находящийся на побережье	Dune
находящийся в пустыне	Dune
имеющий удлиненную форму	Dune
являющийся атрибутом прошлого	Barrow, tumulus,
образующий кучу (груды) (земли)	barrow, tumulus

Третий этап исследования посвящен анализу результатов метафорического переосмысления имен небольшой возвышенности. Установлено, что через образы небольшой возвышенности природного происхождения осмысляются другие объекты иной природы при их эмоционально-оценочном восприятии представителями британской лингвокультуры, однако не все имена участвуют в таком процессе. Не было установлено метафорических потенциалов у ЛЕ *the downs*, *barrow*, *knoll*, *tussock*, *dune*, *tumulus*. Возможно, британскому национальному сознанию не свойственно формировать понятия о действительности через образ могильного холма (*tumulus*, *mound*, *barrow*), травянистого холмика (*knoll*), травы, растущей пучком (*tussock*) или через образ песчаной дюны (*dune*). Большим же метафорическим потенциалом обладают ЛЕ *mound* – (насыпь, земляной холм), *hump* (холм, бугор), *bump* (бугорок, кочка). Через образы таких приподнятых участков земной поверхности переосмысляются другие сущности, имеющие наглядную основу (*spaghetti*, *mashed potatoes*, *letters*), но которые представляет собой возвышение не над земной поверхностью, а над участком других плоскостей (пространств): *a huge mound of spaghetti* – огромная гора из спагетти; *a mound of dirty crockery* – гора грязной посуды заслоняла сушилку; *the hump against the wall* – неровная стена; *a bump on the ceiling* – бугор на потолке. В основе создания отмеченных метафор лежат избирательные аспекты восприятия объектов небольшой возвышенности – **форма и размер**.

Таким образом, важными аспектами концептуализации небольшого вертикального возвышения являются такие признаки его объектов, как размер, форма, структура поверхности возвышенности, природа возвышенности, территориальная принадлежность, функциональность возвышенности, составляющие основное содержание концепта «небольшая возвышенность» в национальном британском сознании, частично репрезентированного в семантике соответствующих номинаций.

Литература

Болдырев Н.Н. Язык и система знаний. Когнитивная теория языка. М.: Издательский дом ЯСК, 2018.

Longman Dictionary of English Language and Culture. Z.: Addison Westley Longman, 2000.

Cambridge dictionary. URL: <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/hump>. (дата обращения: 01.02.23).

<http://www.natcorp.ox.ac.uk/>

*L.V. Laenko, V.V. Piglovskaya (Voronezh, Russia)
Voronezh State University*

CONCEPTUALIZATION OF LOW LANDSCAPE OBJECTS IN THE ENGLISH LANGUAGE

The article is devoted to revealing the aspects of linguistic conceptualization of low landscape objects in the English language. The linguistic description and conceptual features of these objects are presented. A conclusion on the system-forming nature of low landscape objects is drawn. It is also deduced that some attributes of landscape objects (shape, size) can serve as the cognitive basis for creating metaphors. This means that this attribute is meaningful for practical aspects in the lives of representatives of the British lingua-culture.

Key words: language conceptualization, vertical space, landscape, nomination semantics, conceptual attribute.

*Н.В. Мамонова (Челябинск, Россия)
Челябинский государственный университет
natalya.mamonova@csu.ru*

ДИАХРОНИЧЕСКОЕ ДИСКУРСИВНОЕ ПОРТРЕТИРОВАНИЕ КОНЦЕПТА БИЗНЕСМЕН В РОССИЙСКИХ СМИ

В данной статье приводится пример дискурсивного портретирования социальной группы на материале подкорпуса центральных СМИ Национального корпуса русского языка за 1999 и 2019 годы. Предполагается, что медиаобраз создается в языковом сознании реципиентов большей частью под действием медиадискурса. Обсуждаются особенности реализации медиаобраза концепта БИЗНЕСМЕН в диахроническом аспекте.

Ключевые слова: языковое сознание, медиадискурс, концепт, диахроническое дискурсивное портретирование, медиаобраз.

В медиадискурсе отражаются социокультурные изменения через язык, формируются медиаобразы, передающие определенные доминанты культурно-ценностной матрицы общества в целом. Изучая дискурсивные стратегии портретирования, исследователи обосновывают связь между дискурсом как текстом и как социальной практикой, которая «наиболее полно отображена в СМИ» [Прохорова 2018: 91; Черкасова 2010: 250].

По Е.Н. Богдану, медиаобраз понимается как «особый образ реальности, предъявляемый массовой аудитории медиаиндустрией», при этом находящийся под влиянием общественного мнения трактуемого как «своеобразный способ существования и проявления массового сознания, посредством которого выражается духовное или духовно-практическое отношение народного большинства к актуальным для него фактам, событиям, явлениям и процессам действительности» [Богдан 2007: 124-125].

При изучении имиджевого дискурса К.И. Белоусов и Н.Л. Зелянская полагают, что «известные структуры общественных групп, связей и отношений «размываются» в медиaprостранстве и взамен неактуальной («размытой») структуры социальных отношений перед нами возникает новая реальность – концептосфера медиасознания» [Белоусов, Зелянская 2011: 109]. В связи с этим представляется значимым изучение концептов в медиадискурсе. Т.Н. Галинская также отмечает высокую прикладную значимость реконструкции медиаобраза в современной лингвистике [Галинская 2013: 94].

Как пишет Е.С. Кубрякова, «в тексте главное – его содержание, информация, структуры опыта и знаний» [Кубрякова 2004: 518]. Для построения заданного автором представления о том или ином событии, читателю становятся необходимы знания о мире, навыки соотнесения когнитивных структур и языковых. Через медиатексты формируется языковое сознание реципиентов о мире, даются оценочные суждения и установки о тех или иных алгоритмах поведения и явлениях, задается своеобразная призма мировосприятия. В соответствии с полученной информацией реципиент выстраивает свои собственные действия и алгоритмы поведения, по его мнению, ведущие к успешности.

Язык СМИ, будучи одновременно заранее сформированным определенным образом и в то же время формирующим языковое сознание реципиентов, имеет особое исследовательское значение в лингвистике. Изучение медиадискурса позволяет отслеживать изменения в социокультурном контексте и фиксировать векторы культурно-ценностного развития. *Медиадискурс* понимается нами как смысловая система медиатекстов и знаков, как вербальных, так и невербальных, в том числе аудио- и видеокоммуникация.

Поскольку значимость медиаобраза бизнесмена в СМИ отличается наполнением содержания в разные промежутки времени, представляется перспективным проанализировать, как представлен концепт БИЗНЕСМЕН в российских центральных СМИ в 1999 и 2019 годах, с интервалом в 20 лет. Появление лексемы «бизнесмен» в русском языке берет начало в восьмидесятые годы XX века, «ознаменовавшие началом перестройки нашего общества, меняет отношение общества ко многим социально-экономическим понятиям» [Сапрун 2011: 125].

Для отбора материалов исследования использовался Национальный корпус русского языка, подкорпус центральных СМИ. Методом случайной выборки был произведен отбор контекстов, содержащих лексему «бизнесмен» за 1999 год в объеме 3896 символов с пробелами и за 2019 год в объеме 8072 символа с пробелами. Разница в объеме материалов определена количеством контекстов, выданных по запросу Национальным корпусом русского языка.

Рассмотрим некоторые наиболее типичные контексты 1999 года:

Вот вам и матерый **бизнесмен**, рекламщик и имиджмейкер, соавтор победоносной ельцинской кампании «Голосуй или проиграешь»... [Сколько стоит депутатский мандат // Аргументы и факты, 1999.11].

Муж Инги – крупный американский **бизнесмен**, но, как показалось Молодому, на Багамы Инга ездила не с ним, а с друзьями. [МУХА ИЛИ КОКЕТСТВО? // Аргументы и факты, 1999.09].

В N 19 «АиФ» мы попросили читателей откликнуться на статью Артема Тарасова «Как России заработать 250 млрд. долларов», в которой известный **бизнесмен** предложил продать Западу наше ядерное оружие, а деньги потратить на экономические реформы. [«Лучше продать Кремль» // Аргументы и факты, 1999.09].

Хотя развитие сюжета и концовку можно предугадать уже с первых минут картины. Он – холодный, расчетливый **бизнесмен**. Она – романтическая владелица маленького книжного магазина детской книги. [В августе в России начнутся «войны». Слава Богу, всего лишь «звездные» // Аргументы и факты, 1999.06];

Во-вторых, в социальном плане Виктор стоит несколько не ниже меня. Он академик и **бизнесмен**. «ЖЕНЩИНА – НЕ ЧЕЛОВЕК» [«Я стала Машей Распутиной, чтобы встретить своего мужа» // Аргументы и факты, 1999.10].

Потому что, хотя он и **бизнесмен**, ему будет трудно удержаться от соблазна использовать газету как инструмент для решения других проблем. [Пресса: борьба кошельков // Аргументы и факты, 1999.09].

В 1999 году четко прослеживаются несколько самых частотных лексических единиц, формирующих ядерную область концепта БИЗНЕСМЕН. Это лексические репрезентанты «производство», «деньги», «стоять», «быть», «миллионы». Прилагательные «матерый», «холодный», «расчетливый», «крупный американский» дополняют медиаобраз бизнесмена в языковом сознании реципиентов 1999 года. Алгоритмы действий закреплены в глагольных конструкциях: «голосуй или проиграешь», «как заработать», «продать – потратить». Также в ближней периферии можно встретить лексемы «владелица», «имиджмейкер», «рекламщик», «доллары», «ущерб», «экономические реформы», «решение», «борьба» и прочее.

Приведем контексты 2019 года:

Бизнесмен увеличил свое состояние на \$ 5, 9 млрд – до \$ 27 млрд. [Bloomberg назвал Потанина самым разбогатевшим за год российским бизнесменом // Ведомости, 2019.12];

«Мегафон» может купить «ИКС холдинг» Антона Черепенникова, сообщил «Интерфаксу» основной бенефициар оператора Алишер Усманов (оператором **бизнесмен** владеет через холдинг USM). [Усманов допустил покупку «ИКС холдинга» «Мегафоном» // Ведомости, 2019.12];

В США уверены, что в афере замешан влиятельный российский **бизнесмен** и его инвестиционная компания. [Встречавшейся с сыном Трампа российской юристке предъявили обвинения в США // lenta.ru, 2019.01];

Минфин США 19 декабря сообщил, что намерен через 30 дней исключить из санкционного списка En+, "Русал" и "Евросибэнерго", подконтрольные Олегу Дерипаске, поскольку **бизнесмен** сократит свою долю в них. [Дипмиссия ЕС опубликовала письмо конгрессу США по En+ и «Русалу» // РИА Новости, 2019.01];

Из СИЗО **бизнесмен** переехал в квартиру на мансарде старинного дома в центре Москвы. [Любовь Ширижик. Самые громкие дела 2019-го года // lenta.ru, 2019.12];

Омский **бизнесмен** подарил благотворительному центру «Радуга» свой особняк с условием, чтобы здание использовали только для нужд больных детей. [Российский **бизнесмен** подарил свой особняк больным детям // lenta.ru, 2019.12].

В 2019 году самые частотные лексические единицы, входящие в ядро концепта БИЗНЕСМЕН передаются следующими лексическими репрезентантами: «глава», «дело», «быть», «холдинг», «компания», «центр». Через прилагательные фиксируются характерные признаки концепта БИЗНЕСМЕН, например, «влиятельный российский», «разбогатевший», а также прилагательные ближней периферии «санкционный», «подконтрольный», иллюстрирующие внешнюю борьбу за ресурсы и господство в политико-экономической сфере. Глагольные конструкции передают алгоритмы действий, а именно «увеличил свое состояние», «сократит свою долю», «может купить», «владеет через холдинг», «замешан», «подарил благотворительному центру». Алгоритмы 1999 года «как заработать», «продать – потратить» в 2019 сменились на «владеть», «увеличивать», «дарить». Топонимическое противопоставление «СИЗО» – «центр Москвы» придает неравновесность в смысловой структуре исследуемого концепта и наличие флуктуаций. В ближней периферии концепта присутствуют лексические единицы «миллиарды», «особняк», «сотрудничество», «миллион», «санкционный список», «афера», а также достаточное количество названий деловых организаций, имён собственных, например, «Русал», «Мегафон», Трамп, Абрамович, Усманов и другие. В 2019 году отмечается тенденция к выработке локальных алгоритмов успешности.

Таким образом, изучение медиаобраза той или иной социальной группы путём исследования диахронического дискурсивного портретирования концептов представляется перспективным. Глагольные конструкции, сопряженные с концептом четко передают алгоритмы, закрепившиеся в языковом сознании реципиентов, предписывающие определенный порядок действий. Именно они иллюстрируют функциональные особенности концепта и его семантические свойства, формируя медиаобраз в языковом сознании реципиентов.

Литература

Белоусов К.И., Зелянская Н.Л. Имиджевый дискурс как механизм ориентации избирателя в политическом пространстве // Вестник Оренбургского государственного университета. 2011. №11. С. 107-110.

Богдан Е.Н. Медиаобраз России как понятие теории журналистики // Вестник Московского университета. Сер. 10: Журналистика. 2007. №4. С. 122-127.

Галинская Т.Н. Понятие медиаобраза и проблема его реконструкции в современной лингвистике // Вестник Оренбургского государственного университета. 2013. №11 (160). С. 91-94.

Кубрякова Е.С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира / Рос. академия наук. Ин-т языкознания. М.: Языки славянской культуры, 2004.

Прохорова О.Н., Матыцина М.С. Дискурсивные стратегии портретирования иммигрантов и механизмы их осуществления // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. 2018. Т. 17, №2. С. 90-96.

Сапун И.Р. Вербализация концепта бизнесмен в русской языковой картине мира // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Филологические науки. 2011. № 1-2. С. 122-129.

Черкасова М.Н. Медиасобытие и медиаобраз с точки зрения медиалингвистики и медиакритики (на примере языка вражды) // Вопросы журналистики, педагогики, языкознания. 2010. № 18 (89). С. 250-257.

N.V. Mamonova (Chelyabinsk, Russia)
Chelyabinsk State University

DIACHRONIC DISCURSIVE PORTRAYAL OF THE "BUSINESSMAN" IN RUSSIAN MEDIA

This article presents an example of a social group's discursive portraiture based on the central media corps of the National Corpus of the Russian Language in 1999 and 2019. We proceed from the assumption that a media image is created in the linguistic consciousness of recipients of media discourse. The features of businessman media image implementation in the diachronic aspect are discussed.

Key words: linguistic consciousness, media discourse, concept, diachronic discursive portraiture, media image.

Н.С. Олизько (Челябинск, Россия)
Челябинский государственный университет
olizko@yandex.ru

ПАТРИОТИЗМ, УНИВЕРСИТЕТ, МЕДИАПРОСТРАНСТВО: ТОЧКИ СОПРОКОСНОВЕНИЯ И ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ¹

Статья посвящена изучению университетского медиадискурса как средства привлечения внимания молодого поколения с целью формирования объективного представления о патриотизме как значимой государственной ценности. Социальные сети, каналы и официальные сайты образовательных организаций служат основным источником информации о вузе для студентов, и именно они могут использоваться для укрепления патриотической позиции.

¹ Исследование выполнено при поддержке Фонда перспективных научных исследований ФГБОУ ВО «ЧелГУ» 2023 г.

Ключевые слова: университетский медиадискурс, социальные сети, прагматика, мультимодальность, патриотизм, патриотическое воспитание.

Университетский медиадискурс является эффективным средством воспитания молодого поколения. В эпоху цифровизации новые способы актуализации прагматических возможностей университетского медиадискурса представляют актуальную сферу исследования.

В настоящее время человечество столкнулось с двумя крупнейшими кризисами в истории – кризисом пандемии и геополитическим кризисом, что привело к значительным цифровым ограничениям. Эти ограничения включают в себя блокировку некоторых социальных сетей, таких как Фейсбук и Инстаграм, ограничения на использование Твиттера и Ютуба, невозможность оплатить услуги зарубежных научных и образовательных порталов, исключение университетов и образовательных программ из мировых рейтингов, а также ограничение участия в международных мероприятиях и сокращение офлайн-мобильности.

Университетский медиадискурс, включающий социальные сети, каналы и официальные сайты высшего учебного заведения, является активным средством информирования и воздействия. Как следствие, он обладает огромным потенциалом в вопросе воспитания и формирования патриотической позиции студентов. В настоящее время укрепление патриотической позиции студентов является одним из наиболее актуальных вопросов в свете приоритетного направления образовательной политики государства – патриотического воспитания. Важность привлечения внимания молодежи с целью формирования объективного представления о патриотизме как значимой государственной ценности составляют актуальность данного исследования.

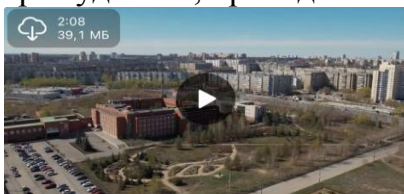
Анализ СМИ показывает рост публикаций и репортажей, посвященных патриотическому воспитанию в последнее десятилетие. Однако среди молодежи патриотизм часто воспринимается как искусственное и навязываемое государством явление.

Материалом исследования выступает Телеграм-канал Челябинского государственного университета – «многофункциональный мессенджер, который представляет собой новостную ленту с элементами блога и позволяет обмениваться сообщениями, проводить видеоконференции и работает по подписной модели» [Финогеева, Олизько 2022: 222]. На 01.01.2023 у Телеграм-канала Челябинского государственного университета насчитывается около 3600 подписчиков, и канал существует с июня 2020 года.

В 2020 году только одна публикация, посвященная патриотизму и приуроченная к празднованию Дня России, опубликована на канале – это видеопоздравление от ректора Челябинского государственного университета С.В. Таскаева. В 2021 году тема патриотизма не затрагивалась в обсуждениях. Только в 2022 году на канале появляются сообщения патриотической направленности. В феврале опубликован большой пост, посвященный деятельности студенческого патриотического клуба «Я горжусь», который организует патриотические мероприятия, акции и конкурсы. В материале подчеркивается, что объединение способствует формированию у студенческой молодежи патриотического сознания,

адекватного восприятия реальности, любви и уважения к Родине, истории, культуре, традициям и праздникам многонационального народа России.

В 2022 году в Телеграм-канале ЧелГУ опубликованы фото и видеоматериалы, демонстрирующие проведение мероприятий, направленных на укрепление патриотического воспитания среди студентов. В постах используются вопросительные предложения, предложения в повелительном наклонении и эмодзи, что создает неофициальный стиль общения и призывает молодежь к активным действиям. Юмористический формат подачи информации способствует формированию дружеских отношений с читателями и повышает шанс привлечения студентов на патриотические мероприятия. Одним из таких постов является пост, посвященный роли преподавателей и студентов ЧелГУ в достижении Победы, где упомянута история первого ректора Семена Матушкина, который был удостоен наград за свои боевые заслуги. Также в канале опубликован видеоматериал, посвященный Дню Победы, снятый студенческим активом и медиацентром ЧелГУ с участием 100 пар студентов, преподавателей и школьников.

«Помнит Вена, помнят Альпы
и Дунай
Тот цветущий и поющий яркий
май».
Помнит и ЧелГУ: сотрудники,
студенты и школьники
закружились в «Вальсе
Победы».

2,1К 10:48

Рис. 1. Пост «Вальс Победы»

Флешмоб «Вальс Победы» является эмоциональным патриотическим уроком для молодого поколения, объединяющим несколько поколений (см. Рис. 1). При этом важным фактором оказывается не только выбор языковых средств, но и визуальный код, такой как заголовки, шрифты, подписи к фото и эмодзи.

Один из эффективных способов работы вуза в области «патриотического воспитания студентов – организация краеведческой деятельности. Такая деятельность включает в себя поисково-исследовательскую работу, посещение музеев и выставок, проведение краеведческих викторин» [Горшкова 2020: 77].

Куда отправиться на выходные?
Историки и краеведы ЧелГУ совместно с Tele2 разработали небанальные маршруты путешествий по Челябинской области с уникальными фактами о локациях.
Тревел гид – это:
Готовые маршруты по впечатляющим местам Южного Урала.

Рис. 2. Пост о маршрутах Южного Урала

Пытаясь апеллировать исключительно к разуму молодого поколения, мы рискуем вообще не привлечь его внимание. Чтобы управлять эмоциями пользователя в цифровом пространстве, необходимо задействовать разные органы чувств. В приведенном примере, повествующем о Челябинской области как уникальном месте для путешествий, активно используются аудиальный, визуальный, текстовый, вербальный и просодический каналы (см. Рис. 2).

Медиадискурс университета играет важную роль в воспитании гармонично развитой и социально ответственной личности, основанной на духовно-нравственных ценностях, исторических и национально-культурных традициях. Университетские социальные сети, обладая информирующим и воздействующим потенциалом, оказывают значительное влияние на формирование патриотических основ студентов. В Телеграм-канале Челябинского государственного университета привлечение внимания молодежи к вопросу патриотизма достигается благодаря мультимодальности, которая сочетает различные типы информации: вербальную, аудиальную, визуальную. Публикации о патриотизме находят отклик у молодежи за счет компиляции вербальных и невербальных компонентов, таких как мимика, жесты, интонация, движение тела, позы, которые обеспечивают соответствующее прагматическое воздействие. Подводя итог, следует подчеркнуть важность изучения способов оптимизации университетских социальных сетей с целью формирования объективного представления о патриотизме как значимой государственной ценности и необходимости разработки приемов и тактик представления информации для укрепления патриотической позиции студентов.

Литература

Горшкова М.А. Патриотическое воспитание студентов как основа гражданского становления молодежи. Социально-гуманитарные проблемы современности. Белгород: ООО Агентство перспективных научных исследований, 2020.

Финогеева А.А., Олизько Н.С. Мультимодальность университетского медиадискурса // Вестник Челябинского государственного университета. 2022. № 9 (467). С. 218-225.

*N.S. Olizko (Chelyabinsk, Russia)
Chelyabinsk State University*

PATRIOTISM, UNIVERSITY, MEDIA SPACE: POINTS OF CONTACT AND INTERACTION

The article examines university media discourse as a means of attracting the attention of young generation to form an objective image of patriotism as a significant state value. Social networks, channels, and official websites of educational organizations serve as the main source of information about the university for students, and they can be used to strengthen the patriotic position among the youth.

Key words: university media discourse, social networks, pragmatics, multimodality, patriotism, patriotic education.

*А.В. Павлова (Оренбург, Россия)
Оренбургский государственный университет
pavlova_a@bk.ru*

ВТОРИЧНАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ЗНАНИЙ О МИРЕ КАК СОСТОЯНИЙ: КЛАССИФИКАЦИЯ, СЕЛЕКЦИЯ, ОЦЕНКА

Статья посвящена рассмотрению стальной функции языковой интерпретации знаний о мире на материале английского языка. Сопровождаемая познавательными процессами классификации, селекции и оценки, стальная интерпретация знаний о мире направлена на структурирование опыта осмысления и представления объектов и событий в статике в соответствии с коллективной и индивидуальной системами норм, стереотипов, ценностей, доминант, принятых в рамках англоязычной культуры.

Ключевые слова: интерпретация, состояние, стальность, классификация, селекция, оценка.

В соответствии с главной целью когнитивного подхода в лингвистике на современном этапе – изучения способов осмысления и конструирования мира в сознании человека с помощью и на основе языка – актуально обращение исследовательского интереса к проблеме языковой репрезентации знаний о мире в виде состояний. Под состоянием, при этом, понимается такая форма языкового сознания, в которой фиксируются, хранятся и передаются результаты интерпретации знаний о мире в статике. Свидетельством этому выступает наличие стальных форм в языке, что определяет необходимость выявления и описания системы языковых средств представления знаний о мире в особой концептуально-языковой форме – состоянии.

Анализ научных работ, посвященных этой проблеме, позволяет заключить, что в форме состояния передаются знания о результатах умственной и физической деятельности человека, о специфике его психоэмоционального и физиологического восприятия действительности, об общечеловеческих и индивидуальных потребностях человека, о его отношениях с обществом, объектами и явлениями внутреннего и окружающего мира [Павлова 2018].

Таким образом, в качестве основной функции стальной интерпретации знаний о мире можно выделить осмысление и представление фрагментов мира и знаний о мире, охватывающих все аспекты жизнедеятельности человека, в форме состояний.

Исходя из основных положений теории интерпретации [Болдырев 2022], можно предположить, что структура стальной функции интерпретации знаний о мире обусловлена реализацией частных функций классификации, селекции и оценки. Вторичный статус стальной интерпретации определяется ментальным освоением знаний о мире в виде состояний. Классифицирующая деятельность языкового сознания в процессах стальной интерпретации направлена на создание концептуальной основы представления знаний о мире в стальной форме. На системном уровне языка эти знания передаются разнородными языковыми единицами со стальной семантикой, например, *be, think, understand, know, feel, hot, cold, tired, asleep, awaken, ill, healthy, prefer, love, hate, have, want, wish, sure, need, etc.* Концептуальный анализ языковых единиц с семантикой состояния, выполненный на материале наиболее полной и старейшей универсальной энциклопедии на английском языке – Британники и словаря английского языка [Britannica; Cambridge dictionary], позволяет в качестве основных выделить такие характеристики стального концепта, как «бытийность», «релятивность», «итеративность», «результативность».

Так, бытийная стальная характеристика отражает процесс ментального познания мира в аспекте осмысления и фиксации с помощью языка определенного положения дел. В основном бытийная стальная характеристика актуализируется в языковой интерпретации пространственно-временной локализации объектов мира (1), определении их характеристик (2), установления причинно-следственных связей между объектами и событиями мира (3), описании событий внутреннего мира человека (4) и т.д.

(1) *The sun was high in the eastern sky.*

(2) *This law is a relic of a bygone era.*

(3) *She is too young to understand it.*

(4) *I can see that you're not happy in your work.*

Важно отметить, что бытийная стальная характеристика обеспечивает реализацию частной функции классификации наличия или отсутствия того или иного события внутреннего мира человека. Объектами таких событий могут выступать ощущения (5), желания (6), чувства (7), эмоции (8), убеждения (9), умозаключения (10) и т.д.

(5) *Are you cold?*

(6) *She's always ready with advice.*

(7) *He was totally in love with her.*

(8) *She's scared of snakes.*

(9) *I am all for freedom of speech.*

(10) *Things are not right between them.*

Релятивная характеристика стального концепта отражает процесс ментального познания мира в аспекте языковой интерпретации отношений владения объектами мира (11), на этой концептуальной основе становится возможной выстраивание системы родственных и межличностных отношений

людей (12, 13), а также определение специфики нахождения объектов мира в физическом пространстве (14, 15, 16).

(11) *I have a dog.*

(12) *I have two sisters and a brother.*

(13) *She has many friends and few enemies.*

(14) *The house has a large tree next to it.*

(15) *He had his hands behind his back.*

(16) *She had her back to the door and didn't see me enter the room.*

Кроме того, релятивная характеристика статального концепта обеспечивает языковую интерпретацию события, описывающего наличие (17) или отсутствие (18) чего-либо в статальном формате, как определенного положения дел. Также, эта характеристика обеспечивает языковую интерпретацию знаний об умственных способностях человека как ментальных состояний (19, 20, 21).

(17) *You have a tremendous opportunity, and you should make the most of it.*

(18) *We didn't want to do it, but we had no choice/alternative.*

(19) *She has an impressive knowledge of French.*

(20) *He has a way with words.*

(21) *She has a good outlook on life.*

Итеративная характеристика статального концепта передает знания о мире в формате обобщенных состояний в результате языковой интерпретации регулярных повторяющихся событий (22), а также циклического повторения отдельных фаз события (23).

(22) *I like to go barefoot in the summer.*

(23) *There was nothing to eat, so we had to go hungry.*

Результирующая статальная характеристика отражает процесс ментального познания мира в аспекте осмысления события, описывающего наличие или отсутствие результатов чьей-либо деятельности (24), оценки результатов (25).

(24) *My letters have gone unanswered.*

(25) *Her excellent work has not gone unnoticed / unappreciated.*

Селективная функция статальной интерпретации знаний о мире реализуется в выборочной репрезентации психологически значимых событий как, в том числе, физических и умственных состояний. В англоязычном сознании она может быть представлена, например, устойчивыми сравнительными фразеологическими единицами, например: *be as fit as a fiddle, be (as) right as rain, be (as) nutty as a fruitcake, be (as) daft as a brush, be (as) dead as a/the dodo, be (as) dull as ditchwater* и т.д. (26)

(26) *He was as high as a kite. [=very high; very drunk or intoxicated]*

Оценочная функция статальной интерпретации знаний о мире направлена не на называние события, осмысленного в статике, а на его оценивание в соответствии с индивидуальной системой норм, стереотипов, ценностей, а также на выражение и демонстрацию своего личного отношения к этому событию (27).

(27) *Before she arrived, the party was as dull as ditchwater.*

Таким образом, специфика реализации статальной функции языковой интерпретации определяется особенностями реализации частных функций классификации, селекции и оценки в статальной интерпретации знаний о мире.

Литература

Болдырев Н.Н. Интерпретирующая функция вторичных структур в языковой картине мира // Когнитивные исследования языка. 2022. № 1. С. 19-79.

Павлова А.В. Состояние как когнитивная доминанта языкового сознания. Тамбов: Принт-Сервис, 2018. 136 с.

Источники фактического материала

Cambridge dictionary online. – <https://dictionary.cambridge.org/>

The Britannica Dictionary. – <https://www.britannica.com/dictionary>

A.V. Pavlova (Orenburg, Russia)
Orenburg State University

SECONDARY INTERPRETATION OF KNOWLEDGE ON THE WORLD: CLASSIFICATION, SELECTION, EVALUATION

The article considers the stative function of linguistic interpretation of knowledge on the world in the English language. Supported by cognitive operations of classification, selection, and evaluation, the stative interpretation of knowledge on the world is directed to structuring our experience of conceptualizing and representing events statively according to collective and individual systems of norms, stereotypes, values, and dominants accepted in the framework of British culture.

Key words: interpretation, state, stativity, classification, selection, evaluation.

М.М. Патиева (Тюмень, Россия)

*Тюменское высшее военно-инженерное командное училище
имени маршала инженерных войск А.И. Прошлякова
mpatieva@bk.ru*

КОНЦЕПТ СЕМЬЯ В ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА ИНГУШСКОГО ПИСАТЕЛЯ-БИЛИНГВА И. БАЗОРКИНА

В статье анализируются примеры вербализации концепта СЕМЬЯ в языковой картине мира ингушского писателя И. Базоркина, описываются понятийные признаки и оценочная специфика данного концепта. Лингвокогнитивный уровень структуры вторичной языковой личности писателя-билингва И. Базоркина позволил уточнить семиотическую типологию тех знаков, которые поддерживают вербализацию концепта СЕМЬЯ в его индивидуально-авторской картине мира.

Ключевые слова: концепт, языковая картина мира, оценка, мотивация, понятийный признак.

Данная статья посвящена описанию концепта СЕМЬЯ в языковой картине мира ингушского писателя-билингва Идриса Базоркина.

Мы используем лингвокогнитивный анализ с целью комплексного представления языковых единиц, вербализирующих концепт СЕМЬЯ в персональной концептосфере Идриса Базоркина как основе его индивидуально-авторской картины мира, представленной в романе «Из тьмы веков».

Наша задача заключается в том, чтобы выявить лексические единицы, поддерживающие исследуемый концепт в персональном художественном дискурсе И.М. Базоркина, и сопоставить их с единицами, семиотизирующими содержание его аналога в ингушской лингвокультуре. Это позволит репрезентировать роль и место концепта СЕМЬЯ в индивидуально-авторской картине мира и индивидуальной концептосфере Идриса Базоркина.

Особое место данного концепта в структуре языковой личности И.М. Базоркина обусловлено важностью этого лингвокогнитивного феномена в семиотике ингушской языковой картины мира.

Семиотика этики любого этноса содержит кластеры знаков, регулирующих его поведение; так называемые **знаки-регулятивы** (термин А.В. Олянича [2007]). Это важнейшие элементы культуры, репрезентированные традициями, обычаями, социальными, религиозными, экономическими и прочими установлениями, наличествующими в месте проживания того этноса, который ими руководствуется.

Ингуши живут по Адагу – неписанному закону гор. Его этическую часть составляет **Эздел** – свод правил чести и достоинства ингушского народа, который регламентирует бытие ингушей. В переводе с ингушского Эздел означает обладание высокими духовными качествами, образец, форма для подражания. Семиотика этого свода правил представляет собой группу этических знаков, в которую включены **эхь** – добросовестность, **бехк** – порядочность, почтительность; **юхь** – достоинство, **Гулакх** – добродетельность, **яхь** – стремление быть лучше, **сий** – честь; **денал** – смелость, сила духа, **сабар** – терпимость; **Клахетам** – великодушие.

Актуализация семейных ингушских ценностей согласно кодексу Эздел предполагает исполнение неписанных установлений, например: младшим следует вставать, когда в помещение входит старший по возрасту; младшие всегда здороваются первыми; младшие обязаны проявлять уважение в отношении старших, выражать готовность помочь.

Отношения сыновей и родителей также регламентируются определенными правилами: существует запрет сыновьям брать инициативу в разговоре и действиях; им запрещено курить, пить спиртные напитки, громко разговаривать в присутствии родителей и т.д.

Любовь к месту, где родился, смелость духа, слово, данное мужчиной, имеют высокую моральную ценность. Эхь-Эздел – это правило, которого придерживается ингуш, независимо от того, в какой части земного шара он находится.

Самой высшей духовной ценностью для ингушского народа является ценность родной земли – Земли предков, Родины, Отцовского Дома. Другие ценности – родные горы как источник благ, как место надёжной защиты в определённую историческую эпоху, представляются как само собой разумеющиеся. Основная мысль о прекрасном в бытии народа, о гармонии и миропорядке сконцентрирована у ингушей в понятии «жить среди своего народа и на своей земле». Родина, Земля отцов, и Горы – вот то, что таит в себе огромный поток энергии, вечный очаг, согревающий мысли и души ингушей. Страна гор – это не только территориальная номинация, но и символ духовного сообщества

людей, объединенных меж собой общим древним корнем, особыми правилами поведения.

В народном сознании ингушей на протяжении веков формировались традиции дружеских добрососедских отношений с другими народами. В семиотике социальных взаимоотношений ингушей отмечены также **знаки-фратриативы** (*вежарал* – побратимство) и **знаки-амициативы** (*доттагIал* – дружба, дружество), которые свидетельствовали о заключении братских и дружественных союзов как между представителями одного народа, так и представителями разных национальностей. Эти же идеи отражал и кавказский обычай куначества, который в свою очередь сыграл немаловажную роль в укреплении дружеских отношений между народами.

Однако народам Кавказа свойственна и кровная месть, воплощающая в себе идею справедливости, которая эксплицируется **знаком-вендиктивом** *нийсал* и направлена на стремление выработать в каждом члене ингушского общества мысль о том, что нельзя пренебрегать другой жизнью, другой честью.

Семья занимает особую роль среди культурных ценностей ингушского народа: в семье происходит социализация человека и его приобщение к этнокультурным ценностям предыдущих поколений, в ней формируются социально-правовые установки и мировоззрение личности.

Семейные ценности ингушей занимают особое место в художественном пространстве романа-эпопеи И.М. Базоркина «Из тьмы веков».

У ингушей всегда считалось обязательным знание своей родословной вплоть до седьмого колена. При этом наречению ребенку имени придавалось большое значение.

В ингушской антропонимии ярко прослеживаются традиции и верования народа, это свидетельство его многовековой истории.

«Братья Турс и Гарак жили в одной башне, разделенной на две части. В этой башне когда-то прошло их детство... но и после того, как они женились и каждый повел свое хозяйство самостоятельно, они чувствовали себя единой семьей. А когда снова пришлось вернуться в эти скалы, под один отчий кров, семьи братьев еще больше сблизилась. Жены попались хорошие, жили мирно. Делились последним куском» [Базоркин, 2001, т. 1: 10].

Проанализировав корпус языковых единиц, репрезентирующих концепт «Семья» в персональном дискурсе Идриса Базоркина, мы пришли к заключению о его значимости и актуальности в индивидуальной языковой картине мира писателя. Об этом свидетельствует высокая представленность репрезентирующих его лексем. В ингушской культуре, представителем которой является Идрис Базоркин, наименьшей общественной единицей является нуклеарная семья, включающая только супругов/супруга и их детей.

Концепт вербализован лексемой СЕМЬЯ (частотность употребления 21 раз в романе «Из тьмы веков»). Базоркин отмечает, что два брата с женами, живущие под одной крышей – это две разные семьи:

...Турс целый день трудился на участке брата. Он распорядился привезти сюда остаток навоза. А Гарак был весел и работал как никогда. Он сегодня впервые узнал, что значит потерять брата и снова найти его. Он понимал, что земля у них общая, отцовская, и поделили они ее сами. Знал, что теперь надо

будет обеим семьям кормиться вот с этого оставшегося клочка [Базоркин, 2001, т. 1: 37]. Род представляет собой группу людей, возводящих своё происхождение к общему предку – основателю рода или родоначальнику. Род занимает особое место в национальной культуре ингушей, и, соответственно, в романе «Из тьмы веков».

Концепт вербализован лексемами *род, родня, родной, родовой: Люди, увлекая за собой животных, кинулись из лоцины, бросив на произвол дикой природы старинные земли рода Эги. ...Ко многим из соседних аулов пришла на выручку родня* [Базоркин, 2001, т. 1: 38].

Турс перестал играть, задумался, глядя на освещенное, негасимое пламя родного очага. Когда и кто зажжёт его для них? И что станет теперь с его потомками, для которых он сохранил этот свет и это тепло? Сумеют ли они оставить его огонь тем, кто придет сюда следом за ними? [Базоркин, 2001, т. 1: 38].

Наконец-то все, о чем говорили с Турсом и порой говорили с какой-то легкостью, встало перед ними удручающей действительностью. Вот они, эти мухаджеры, которые добровольно покидают родные очаги и идут в заморские дали. И чем больше джараховцы всматривались в их лица, тем яснее видели в них себя [Базоркин, 2001, т. 1: 65].

Ведь если я тебе просто так верну землю, полученную за жизнь человека, у меня завтра камня в родовой башне не оставят! [Базоркин, 2001, т. 1: 46].

Таким образом, концепт СЕМЬЯ занимает важное место в языковой картине мира ингушского писателя Идриса Базоркина.

Литература

Базоркин И. Собрание сочинений: в 6 т. Т. 1. Из тьмы веков: роман. Магас: Сердало, 2001. 384 с.

Базоркин И. Собрание сочинений: в 6 т. // Из тьмы веков. Роман. Магас: Изд-во «Сердало», 2001. Т. 2. 352 с.

Олянич А.В. Презентационная теория дискурса: монография. М.: Гнозис, 2007. 407 с.

*M.M. Patieva (Tyumen, Russia)
Higher Military Engineering Command School named after Marshal
of Engineering Troops A.I. Proshlyakov*

THE CONCEPT *FAMILY* IN THE LINGUISTIC PICTURE OF THE WORLD OF THE INGUSH BILINGUAL WRITER I. BAZORKIN

The article analyzes examples of the verbalization of the concept *FAMILY* in the linguistic picture of the world of the Ingush writer I. Bazorkin, describes the conceptual features and evaluative specifics of this concept. The linguo-cognitive level of the structure of the secondary linguistic personality of the bilingual writer I. Bazorkin made it possible to clarify the semiotic typology of those signs that support the verbalization of the concept *FAMILY* in his individual picture of the world.

Key words: concept, linguistic picture of the world, assessment, motivation, conceptual feature.

*Д.А. Попова (Воронеж, Россия)
Воронежский государственный университет
darcy.popova@gmail.com*

ОСОБЕННОСТИ КОНЦЕПТУАЛЬНО-АССОЦИАТИВНЫХ СОСТАВЛЯЮЩИХ ОБРАЗА НАЦИОНАЛЬНОЙ СИСТЕМЫ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ В БРИТАНСКОЙ И РОССИЙСКОЙ ПРЕССЕ

Настоящая работа является сопоставительным исследованием, которое рассматривает специфику концептуально-ассоциативных компонентов образа национальной системы здравоохранения на материале статей британских и российских газет. Выявляются универсальные и уникальные для обеих лингвокультур составляющие.

Ключевые слова: национальная система здравоохранения, концептуально- ассоциативные составляющие образа

По мнению Б. Уорфа, «языковая система, хранящаяся в сознании носителей языка, упорядочивает поток впечатлений от внешнего мира» [Уорф 1960]. Пандемия коронавируса, охватившая мир в 2020 году и продолжающаяся по сей день, стала глобальным вызовом для здравоохранения всех стран мира без исключения. Это обусловило наш интерес к проблеме репрезентации образа национальных систем здравоохранения в национальной прессе как зеркале общественных настроений и мнений и его значимости для той или иной лингвокультуры.

Опираясь на определение концепта Г.Г. Слышкина как «постоянную номинацию и реноминацию объектов, при которой в это же время между языковыми единицами и объектами номинации образуются новые и утрачиваются старые ассоциативные связи» [Слышкин 2004: 60], мы предприняли попытку выявить и описать специфику концептуально-ассоциативных составляющих образа национальных систем здравоохранения Великобритании и России, обозначив их универсальные и уникальные черты.

Для исследования мы обратились к статьям последних пяти лет, посвященным вопросам здравоохранения и опубликованным на сайтах двух ведущих публицистических изданий – британского “The Guardian” и российского «Коммерсантъ».

В рамках данного доклада мы остановимся на 7 наиболее активно реализуемых в газетных статьях когнитивных моделях, структурирующих концепт НАЦИОНАЛЬНАЯ СИСТЕМА ЗДРАВООХРАНЕНИЯ, существующего в британской и российской лингвокультурах.

Так, образ национальной службы здравоохранения Великобритании, или National Health Service (далее – NHS) формируется в сознании представителей британской лингвокультуры по следующим наиболее продуктивным когнитивным моделям: 1) NHS как жертва; 2) NHS как достояние / достижение / предмет гордости; 3) NHS как масштабная организация; 4) NHS как кардинально изменяющаяся организация; 5) NHS как причина роста смертности населения Вели-

кобритании 6) NHS как отстающая в развитии структура; 7) NHS как жестко зависимое от финансирования учреждение.

Для образа российской системы здравоохранения наиболее частотны актуализировались следующие концептуально-ассоциативные составляющие: 1) здравоохранение как система, характеризующаяся отсутствием взаимодействия или несогласованностью действий ее участников; 2) система здравоохранения как организация, предоставляющая востребованные и доступные услуги; 3) система здравоохранения как организация, способная эффективно решать проблемы; 4) система здравоохранения как кардинально меняющаяся организация; 5) здравоохранение как испытывающая дефицит система; 6) система здравоохранения как результат квалифицированного труда работающих в ней людей; 7) система здравоохранения как консервативная, бюрократическая и требующая реформ структура.

На основе результатов сопоставительного анализа для двух языков наблюдаем наличие универсальной концептуально-ассоциативной составляющей образа национальной системы здравоохранения – ее восприятие как **кардинально изменяющейся организации**, которое объективируется при помощи лексики соответствующей семантики изменения, интенсивность проявления которой подчеркивается при помощи лексических единиц параметрической семантики или же посредством метафоризации:

*Hundreds of primary care trusts and other NHS bodies were to be replaced with new GP-led clinical commissioning groups **as part of changes** designed to put doctors in charge and empower patients* [The Guardian].

*This potentially amounts to an administrative **revolution** in **the NHS** that makes former shadow health secretary Andy Burnham's pre-election proposals for stronger health and wellbeing boards look decidedly tame* [The Guardian].

*The NHS and local government is **being transformed at pace and scale**, yet most people have no awareness of this* [The Guardian].

*It was **a huge shake-up** under which health authorities stopped running hospitals and instead began buying healthcare from them or other hospitals for the patients in their area* [The Guardian].

*В 2020 году в связи с пандемией коронавируса **произошла масштабная мобилизация** здравоохранения* [Коммерсантъ].

*Система здравоохранения **трансформируется**, рынок **меняется**, старые формулы и подходы теряют свою актуальность. Приятно сознавать, что «Неделя здравоохранения» **идет в ногу со временем*** [Коммерсантъ].

*В 2020 году в Свердловской области **начал активно развиваться** рынок телемедицины* [Коммерсантъ].

***Принципиально поменялась** схема финансирования медицинских учреждений* [Коммерсантъ].

На наш взгляд, частотность активизации данного ассоциативного ряда связана с проводимыми обоими государствами реформами, которые были направлены на оптимизацию системы здравоохранения и повышение доступности медицинской помощи для населения, однако, далеко не всегда приводили к желаемым результатам, что явствует из содержания других компонентов образа здравоохранения.

Второй условно универсальной концептуально-ассоциативной составляющей образа национальных систем здравоохранения Великобритании и России является «система здравоохранения как отстающая в развитии структура, требующая реформ». На языковом уровне она реализуется как при помощи лексики соответствующей семантики, так и посредством аллюзий к литературным произведениям, хорошо известным читателям:

*“Even after this additional money, there remains a major risk to the quality of patient care posed by deteriorating facilities, **out of date infrastructure** and a **shortage of equipment** [The Guardian].*

*In December it was reported that nearly all NHS trusts were **using an obsolete version** of Windows for which Microsoft had stopped providing security updates in April 2014 [The Guardian].*

*Ситуация в медицине **требует сиюминутного реагирования**. В основном мы **движемся по инерционным сценариям** [Коммерсантъ].*

***Модернизация** российского здравоохранения – это задача, которая не имеет решения и **напоминает рассказ барона Мюнхгаузена, в котором барон вытягивает себя и своего коня из болота, схватившись рукой за собственные волосы** [Коммерсантъ].*

Однако уникальным для данной концептуально-ассоциативной составляющей образа именно российской системы здравоохранения является компонент присущих ей консерватизма и бюрократии:

*Здравоохранение ведь **довольно консервативно**. **Изменения в отрасли идут всегда тяжело**, ввиду того что лозунг «**Всегда так было!**» превалирует во всей системе [Коммерсантъ].*

***Дисквалифицированные бумажной рутинной работой** работники сети здравоохранения **боятся конкуренции и ответственности** [Коммерсантъ].*

Примечательными являются концептуально-ассоциативные составляющие образа системы здравоохранения, уникальные для британцев и россиян. Так, в британской прессе национальная служба здравоохранения представлена более холистически и в роли объекта – в качестве жертвы политических решений и финансового давления или же, напротив, как предмет гордости населения страны:

*Faced with seemingly **irresistible pressures**, Ramesh insists, the NHS can sometimes do more with existing resources [The Guardian].*

*The future of the NHS **at stake** in 2015 election [The Guardian].*

*More than two-thirds of respondents in a recent poll said they considered the establishment of the institution to be **Britain’s greatest achievement** [The Guardian].*

Напротив, российские журналисты профилируют субъектность национальной системы здравоохранения и апеллируют к конкретным аспектам ее деятельности – как отрицательным, таким как несогласованность действий при принятии решений или испытываемый дефицит, или же, напротив, положительным: способности эффективного управления, оказанию значимых и доступных услуг населению, использованию труда высококвалифицированных и ответственных специалистов:

***Отсутствие взаимодействия между учреждениями** здравоохранения: каждая больница **стремится развивать все для себя** [Коммерсантъ].*

Система здравоохранения давно испытывает дефицит кадров [Коммерсантъ].

Это помогло не только оперативно решать поставленные задачи путем межведомственной работы [Коммерсантъ].

При этом медпомощь стала более доступна: появилась возможность организации обследования жителей сельской местности [Коммерсантъ].

Плюс к этому умение работать с современной диагностической и лечебной аппаратурой, способность корректно и эффективно общаться с пациентами и их родственниками, необходимость подтвердить и повысить квалификацию [Коммерсантъ].

Таким образом, можно сделать вывод, что образ национальной системы здравоохранения является значимым для британской и российской лингвокультур и обладает специфическим набором черт, как универсальных, так и уникальных. Концептуальное наполнение такого образа зависит не только от происходящих в обществе явлений и процессов, но и детерминировано устоявшимися в лингвокультуре представлениями о системе здравоохранения как об объекте внешнего воздействия или же как о полномочном субъекте, активно участвующем в деятельности.

Литература

Слышкин Г.Г. Лингвокультурные концепты и метаконцепты. Волгоград: Перемена, 2004.

Уорф Б.Л. Наука и языкознание // Новое в лингвистике. М.: Изд-во иностр. лит. 1960. Вып. 1. С. 169-182.

*D.A. Popova (Voronezh, Russia)
Voronezh State University*

PECULIARITIES OF THE CONCEPTUAL AND ASSOCIATIVE COMPONENTS OF THE IMAGE OF THE NATIONAL HEALTHCARE SERVICE IMAGE IN BRITISH AND RUSSIAN PRESS

The paper presents a comparative study of the conceptual and associative components of the national healthcare service image found in British and Russian newspaper articles. The features universal and unique for each language culture are defined.

Key words: national healthcare service, conceptual and associative components of the image.

*П.И. Приходченко, М.В. Аксенова (Нижний Новгород, Россия)
Нижегородский государственный педагогический университет им. К. Минина
pyotr@bk.ru, marina.v.aksenova@gmail.com*

КАТЕГОРИАЛЬНО-КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ СУЩНОСТЬ WILL И SHALL

В статье выявляется концептуальное содержание will и shall как лексико-грамматических элементов образования Future Tense, демонстрируются особенности

когнитивного подхода к изучению данной грамматической конструкции английского языка, эффективные способы реализации концептуальной грамматики.

Ключевые слова: категоризация, грамматический концепт Future Tense, will, shall, когнитивный подход.

Изучение предикативных конструкций английского языка в ключе когнитивной лингвистики интересно тем, что их элементы объединяют в себе лексические и грамматические значения, которые не столько вытесняют, сколько сопровождают друг друга. То есть с одной стороны мы можем рассматривать концепт слова will, а с другой – концепт will как (auxiliary) элемент грамматической конструкции. На наш взгляд производить такое разделение нецелесообразно, так как концепт will, оформленный звучащей или письменной речью включает в себя все возможные значения и ассоциации, которые проявляются в той или иной степени в зависимости от контекста употребления. Мы уже касались этой проблематики при описании конструкций с глаголами широкого значения be и have [Приходченко, Воронова: 2020].

А.С. Дружинин и О.Г. Поляков отмечают: «цель комплексного анализа глагольной лексемы заключается в попытке реконструировать когнитивные процессы, связанные с речемыслительной и перцептивной деятельностью человека, которая помогает ему познавать окружающий пространственно-временной континуум посредством накопления соответствующих «грамматических знаний» [Дружинин, Поляков: 2019, 44]. Исходя из целей практического применения результатов исследования при преподавании языка, необходимо определить оптимальный объем значения, который с одной стороны являлся бы приемлемо лаконичным, с другой – включал в себя достаточный набор сведений для свободного применения в рамках различных когнитивных полей и контекстов высказывания. Данная проблема формулировки решается нами интуитивно, исходя из многолетнего педагогического опыта.

Истории формирования Future Tense касались в своих работах многие отечественные и зарубежные исследователи. Для нас важно отметить тот факт, что в старом английском были только две формы Tense – Past и Present, действия в «будущем» выражались контекстуально при помощи форм Present Tense [Alimkulova 2014: 67]. Сама структура Future Tense, включая Future in the Past, полностью соответствует нормам использования модальных конструкций в английском языке. Это же значение может выражаться и описательно, с некоторыми особенностями смысла, другими, не модальными (без will и shall) конструкциями. Согласно нашей модели речепорождения, основанной на пошаговой категоризации предиката, в современном английском will и shall, не смотря на всю грамматикализированность их значений, относятся к категориальному полю модальности [Alimkulova 2014]. При такой функциональной и семантической однородности с модальными глаголами, описание Future Tense как некоего особого грамматического концепта выглядит не совсем логично и очень непрактично в плане изучения языка. Традиционное разделение грамматического времени Tense в английском правильнее было бы определять не как прошлое-настоящее-будущее, но прошлое-настоящее-гипотетическое/вероятное. Модальные глаголы

уступают shall и особенно will лишь в универсальности (а лучше сказать - широте значения) в плане описания будущих вероятных событий.

Учебные пособия, реализующие коммуникативный подход, рассматривают will и shall как служебные слова, имеющие исключительно грамматическое значение – Future Tense. О значении will и shall дается лишь косвенное представление через контекстные ситуации их употребления. При этом у студентов возникает вопрос – в чем же разница в их употреблении? Предлагаемые схемы использования shall и will как лексически пустых маркеров обозначения будущего времени разбиваются о наглядный факт их одновременного употребления в языке. В.П. Николаев, рассматривая особенности перевода коммерческих текстов, отмечает, что «при переводе предложений с глаголами shall/will + infinitive в текстах коммерческой корреспонденции и контрактов необходимо учитывать субъективно-объективные выражения действия в будущем как смысловозначительной модальности: императивности, декларативности или волеизъявления» [Сухомлина 2015: 103]. Например, в формулировках условий оферт, заказов, чартер-партий и других документов shall выражает будущее действие со значением декларативности, неукоснительного следования строке документа:

“The Customer shall pay the Supplier the sum of USD 778.000 within 5 days after the shipment of the Articles at the Port.” [Николаев 2016: 114]: Lord be merciful to us! We shall be all lost! We shall be all undone! – восклицает капитан во время шторма в романе «Робинзон Крузо» Д. Дефо. Употребление will здесь не просто нежелательно, но невозможно, т.к. исказит смысл высказывания на противоположный. То есть отношение к will и shall как сугубо грамматически маркерам не просто затрудняет изучение языка, но нарушает целостность языковой картины, может привести к недопониманию и искажению смысла. Более того, предоставление такой упрощенной схемы ведет к неполноценному развитию важнейших для будущих педагогов навыков практического применения своих знаний, функциональной грамотности [Тумашева 2021: 3].

Коммуникативные методики преподавания языка плавно подводят изучающих к пониманию will и shall через контексты высказывания. В популярном курсе Pre-Intermediate English Files (Oxford University Press) приводятся контексты употребления will: *predictions, offers, promises, decisions*, – а shall отводится единственный контекст «*when an offer is a question*». Мы не будем говорить здесь о плюсах и минусах коммуникативного подхода, тем более что мы не раз касались этой темы в предыдущих работах [Приходченко 2016], [Приходченко, Аксенова 2022], укажем лишь, что на наш взгляд подобные искусственные смысловые ограничения препятствуют развитию навыков продуцирования иноязычной речи. В практических грамматиках отмечается также применение will для обозначения «регулярных действий», «*чтобы описать что-то, что случится с большой долей вероятности или случается всегда в определенных условиях* в частности», например: *He will put his socks under the bed, whatever I say. Или Look at this tiger hiding in a box! Cats will be cats.*

Учитывая вышесказанное, мы считаем, что функцию и значение will как грамматического элемента необходимо рассматривать неразрывно с пониманием модальной природы данного слова, сохраняющейся в современном его использовании в значении «воля, завещание», «волен», а также глагольном – «волепо-

логаю», то есть «*предрасположен, имею намерение (совершить действие, осуществить состояние или наличие) в силу своих внутренних личных причин*». Shall соотносит план действия с внешними обстоятельствами (при этом на субъекте еще нет той печати предписывающе-опытного сослагательно-модального should), объективно передается некая заданность действия, в которой воля субъекта играет лишь опосредованную роль, так как добровольно отдается им на откуп другим, как в случае с испрошением позволения «*Shall I help you?*». На русском языке данный концепт (shall) условно можно кратко сформулировать как «*модальность вероятного действия, обусловленного внешними причинами*», либо «*обусловленность будущего не зависящими от субъекта причинами*».

Такое толкование успешно объясняет и различные случаи «нестандартного» использования will и shall. Описанный подход к определению значений will и shall, а также вынесение Future Tense в область модальности позволяет структурировать грамматическую систему в целостную когнитивную модель речеорождения.

Литература

Дружинин А.С., Поляков О.Г. Когнитивное моделирование семантики сослагательного наклонения (на примере английского глагола would) // Язык и культура. 2019. № 45. С. 44-63.

Израилевич Е.Е. Деловая корреспонденция на английском языке. М.: ЮНВЕС, 2003.

Николаев В.П. Особенности перевода shall/will + infinitive для выражения будущего действия в коммерческих текстах // Вестник Череповецкого государственного университета. 2016. № 6. С. 101-104.

Приходченко П.И. (2016). Практика определения общего значения ing-словоформ английского языка // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. № 5 (59). Ч. I. С. 206-209.

Приходченко П.И., Аксенова М.В. Лингвокогнитивная категоризация грамматического концепта глагольных -ing словоформ английского языка // Когнитивные исследования языка. № 4 (51). 2022.

Приходченко П.И., Воронова Н.Н. Изучение грамматики английского языка на основе семантико-когнитивного анализа глагольных словоформ // Слово, высказывание, текст в когнитивном, прагматическом и культурологическом аспектах. Материалы X Международной научной конференции. Челябинск 1–3 октября 2020 года. Челябинск, Изд-во Чел.гос.ун-та, 2020. С. 71-75.

Сухомлина Т.А. Модальность будущего времени в тексте // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2015. № 4. Ч. 2. С. 185-189.

Тумашева О.В. Готовность будущего учителя к формированию функциональной грамотности обучающихся // Вестник Мининского университета. 2021. Т. 9, No 3. С. 3.

Alimkulova S. Z. Functional-semantic field of shall/will in the Old English period // European science review. 2014. №11-12. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/functional-semantic-field-of-shall-will-in-the-old-english-period> (дата обращения: 16.03.2023).

*P.I. Prikhodchenko, M.V. Aksenova (Nizhny Novgorod, Russia)
Nizhny Novgorod State Pedagogical University named after K. Minin*

CATEGORIAL AND CONCEPTUAL ESSENCE OF WILL AND SHALL

The article determines conceptual idea of will and shall as lexico-grammatical elements of Future Tense formation, the peculiarities of cognitive approach to learning of this grammar

construction are demonstrated, as well as effective methods of realization of conceptual grammar.

Key words: categorization, grammar concept of Future Tense, will, shall, cognitive approach.

О.В. Рябуха (Санкт-Петербург, Россия)

*Российский государственный педагогический университет им. А.И.Герцена
Санкт-Петербургский государственный университет телекоммуникаций им.
проф. М.А.Бонч-Бруевича, ovryabukha@mail.ru*

К.В. Землякова (Санкт-Петербург, Россия)

*Санкт-Петербургский государственный университет телекоммуникаций им.
проф. М.А.Бонч-Бруевича, zemlyakova.kv@spbgut.ru*

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА ПРЕДСТАВЛЕНИЯ КОНЦЕПТА COSINESS В ЖУРНАЛЕ “HOME & DECOR”

Данная статья анализирует лингвистические способы представления концепта COSINESS. В работе выявлены различия в характеристиках сочетаемости прилагательного *cosy* с другими лексемами, в текстах статей в отличие от дефиниций толковых словарей отражаются динамические изменения, происходящие в структуре самого концепта.

Ключевые слова: концепт, структурный элемент концепта, лингвистическая репрезентация, когниция, коллокация.

В процессе своей деятельности человек познает окружающий его мир, переосмысливает происходящие события и пополняет свои представления о той социокультурной реальности, с которой он соприкасается на протяжении своей жизни. Язык при этом не только отражает изменения когнитивного плана, но и моделирует мир, конструирует его в человеческом сознании. «Активная роль человека в формировании языковых значений и смыслов убедительно свидетельствует об интерпретирующем характере человеческого сознания и, как следствие, языкового сознания, языковой картины мира, системы языка, всех его единиц и категорий, дискурсивной деятельности в ментально-языковом конструировании окружающего мира» [Болдырев 2016: 11]. Как пишет Д.С. Лихачев, концепт «не непосредственно возникает из значения слова, а является результатом столкновения словарного значения слова с личным и народным опытом человека» [Лихачев 1997:151]. Языковое значение слова и текст, одновременно отражающий результаты ментальной деятельности человека и оказывающий влияние на его сознание, являются неоценимым материалом для лингвистических исследований.

Для выявления языковых средств, актуализирующих концепт COSINESS, прежде всего проанализируем словарные дефиниции толковых словарей и рассмотрим данные о синонимах предложенных лексических единиц. Словарь Macmillan Dictionary определяет лексическую единицу *cosiness* как “the quality of being cosy”; *cosy*, в свою очередь, определяется как “warm and comfortable, and making you feel relaxed; friendly and relaxed” [Macmillan Dictionary]. Collins Dic-

tionary предлагает схожее определение – посредством прилагательных “comfortable and warm; pleasant and friendly” [Collins Dictionary]. Merriam-Webster Dictionary подходит несколько иным способом к трактовке лексемы “cosy” – “enjoying or affording warmth and ease; marked by or providing contentment or comfort; marked by the intimacy of the family or a close group” [Merriam-Webster Dictionary]. Представленные выше дефиниции позволяют сделать вывод о наличии следующих составляющих лексемы *cosiness* / уют: тепло, комфорт, приятная и дружелюбная атмосфера, расслабленность, легкость, удовлетворенность. Среди предлагаемых синонимов можно выделить такие, как *warm, intimate, snug, comfy, civilized, luxurious, salubrious, homely, ergonomic, livable, lush, plush, luxuriant* [Macmillan Dictionary].

Корпус COCA (Corpus of Contemporary American English), опирающийся не только на данные словарей, но и в первую очередь на обширную базу текстов, представляется незаменимым источником информации для рассмотрения искомой лексической единицы в контексте, анализе ее частотности и определения особенностей употребления в определенных типах текста. Согласно данным этого корпуса, слово *cosy* часто сочетается как с описаниями определенного места, дома или его частей (*cosy + place, space, home, cottage, terrace, enclave, room, dining room, interior, hotel, bookstore, etc.*), так и тех предметов, которые создают уют (*cosy + furniture, armchair, bed, sweater*). Отдельно стоит выделить описание восприятия человеком ощущения уюта: *cosy atmosphere, cosy feel, cosy experience, cosy relationship, cosy companionship*. Среди коллокаций с прилагательными, наиболее частотным является сочетание *warm and cosy*, делающее акцент на идее теплоты, вероятно, как физической, так и моральной составляющей духовного опыта человека. Стоит отметить, что идея теплоты, согласно данным толковых словарей, является компонентом уюта, и вынесение этого компонента в отдельную лексему акцентирует внимание на данной характеристике и ее взаимосвязи с другими элементами. Наряду с вышеупомянутым словосочетанием, встречаются также такие сочетания, как *cosy + idyllic, homelike, nest-like, cheerful*.

Обратимся к текстам журнала “Home & Decor”, являющегося одним из наиболее популярным среди изданий, посвященных обустройству интерьера дома или квартиры. Мартовский выпуск открывается статьей от редактора под названием “Time for yourself” / «Время для себя», в которой автор рассматривает вопрос, что делает ванную комнату уютным, комфортным пространством, где можно подготовиться к грядущему дню и расслабиться по его завершению. Несмотря на то, что слово *уют* не используется редактором напрямую, описание пространства посредством словосочетаний “comforting space”, “wind down” перекликается с дефинициями слова *cosiness* в толковых словарях – *comfortable* и *relaxed* соответственно. Автор также указывает на то, что ванная является местом полного уединения (“the one true space where one can find absolute privacy”) и подходит для качественного времяпрепровождения наедине (“where you can relax and spend quality time alone”). Синонимический повтор *wind down-relax* выдвигает на передний план элемент отдыха. Замена лексемы *bathroom* на *your domain* является еще одним ярким примером синонимичного повтора, при котором *space/place* заменяются словом *domain*, а притяжательное местоимение *your* со-

относится с вышеупомянутой идеей личного пространства (*privacy*), заявленной еще в названии статьи [Time for yourself 2023].

Помимо обозначения ванной как уютного пространства через такие компоненты, как комфорт, расслабление и уединение (*comfortable, relaxed/wind down, privacy*), автор также выстраивает описание ванной своей мечты через антитезу, контраст между небольшим по объемам пространством и уровнем роскоши, которым могут гордиться хозяева. “Being one of the smallest rooms in the house, it also means not having to factor in an exaggerated budget even if you feel like creating a luxe bathroom set-up. In my case, one of the things my ID did was to reposition the sink and transform it into a floating vanity. The design worked brilliantly because it made the narrow space feel more spacious.” [Time for yourself 2023] *Small, narrow* и антоним *exaggerated*, использованный после отрицания *not*, противопоставляются лексемам *spacious, luxe, vanity*. Маленькое пространство, незначительный бюджет на ремонт не являются помехой для создания горделивой роскоши, и при разумном дизайнерском решении визуально увеличивают пространство.

Таким образом, в данной статье уютное пространство репрезентируется посредством следующих элементов: комфорт (*comforting space*), красота и роскошь (*beautiful, floating vanity, luxe, sleek*), объем (*one of the smallest, narrow, large, spacious*), расслабление (*wind down, relaxed*) и уединение (*time for yourself, quality time alone, absolute privacy*). В отличие от словарных дефиниций, элемент *warmth / теплота* не находит вербализации в данной статье, хотя ванная, безусловно, ассоциируется на подсознательном уровне с горячей водой. Элемент времяпрепровождения наедине, возможность уделить внимание себя отличает понимание уютного пространства автором данной статьи от привычного толкования уюта.

В текстах статей, опубликованных на сайте журнала “Home & Decor”, слово *cosy* встречается 633 раза. Среди сочетаний с этим словом прослеживаются как коллокации, выявленные ранее на основании корпуса COCA – *cosy home, flat, apartment, bachelor pad* (словосочетания с типом жилища); *cosy room, bedroom, dining area* (словосочетания с типами комнат или жилых зон); *cosy home office, workspace, hotel, coffeshop* – так и малочастотные коллокации *cosy respite, resting space, soothing ambience*, вербализующие элемент успокоения и умиротворения.

При этом заслуживают внимания случаи репрезентации уютного рабочего пространства. До эпидемии коронавируса концепт УЮТ редко актуализировался совместно с концептом РАБОТА. Пересечение структурных компонентов этих двух концептов проявилось главным образом в виду экстралингвистических изменений, социальной необходимости выделения рабочей зоны дома и дальнейшего роста тенденции к удаленной работе и переосмыслению рабочего пространства.

В статье “Home office design ideas: Cosy and stylish workplaces” уютное и стильное рабочее место описывается как место, «где вам приятно проводить время, так что вы продуктивны и вдохновлены» (*a space that you feel good spending time in, so you are productive and inspired!*) [Home office design 2022].

В статье “Accessories for a cosy home office during the WFH period” предлагается превратить зону для работы в уютное рабочее пространство, в которое приятно будет зайти (*transform the standard home office into a cosy workspace that you won't be loath to step into*). Подход, предлагаемый автором данной статьи, от-

личается всесторонностью и задействует все чувства человека. Читателю рекомендуется окружить себя деталями: кружкой горячего кофе, диффузором с ароматическим маслом для расслабляющего эффекта (“calming and stress-reducing effect”), лампой, имитирующей солнечный свет, балансировочной доской для упражнений и кабинетом для хранения крепких напитков [Accessories for a cosy... 2020]. Апелляция к обонянию, осязанию, органам зрения и вкуса погружает читателя в мир уюта, предположительно настраивающий его на нужный рабочий лад.

На основании предложенного анализа можно определить, что лингвистические средства, вербализующие концепт COSINESS, репрезентируют уют в жилом пространстве, его составных частях и предметах интерьера. Помимо жилого пространства, частотным является описание отелей, книжных магазинов и кофеен. Структурные компоненты *comfort, relaxation, calming space, warmth, beauty, quality time* лингвокультурного концепта COSINESS находят свое отражение в англоязычных текстах, в частности в статьях журнала “Home Décor”.

Литература

Болдырев Н.Н. Когнитивные схемы языковой интерпретации // Вопросы когнитивной лингвистики. 2016. № 4. С. 10-20.

Лихачев Д.С. Концептосфера русского языка // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста: антология / под общ. ред. В.П. Непрозак. М.: Academia, 1997. С. 145-165.

Alvin Lim. Accessories for a cosy home during the WFH period // Home & Decor. 25 April 2020 <https://www.homeanddecor.com.sg/shopping/accessories-for-a-cosy-home-office-during-the-wfh-period/> (дата обращения: 07.04.2023).

Collins Dictionary. <https://www.collinsdictionary.com> (дата обращения: 11.03.2023).

Corpus of Contemporary American English. <https://www.english-corpora.org/coca/> (дата обращения: 20.03.2023).

Home office design ideas: Cosy and stylish workspaces// Home & Decor. 17 April 2022. <https://www.homeanddecor.com.sg/design/reno-tips/home-office-design-ideas-cosy-and-stylish-workspaces/> (дата обращения: 02.04.2023).

Macmillan Dictionary. <https://www.macmillandictionary.com> (дата обращения: 11.03.2023).

Young Lim. Time for yourself // Home & Decor. March 2023. p.10.

O.V. Ryabukha (St.Petersburg, Russia)

Herzen State Pedagogical University of Russia

The Bonch-Bruevich Saint-Petersburg State University of Telecommunications

K.V. Zemlyakova (St.Petersburg, Russia)

The Bonch-Bruevich Saint-Petersburg State University of Telecommunications

LINGUISTIC REPRESENTATION OF “COSINESS” IN “HOME & DECOR” MAGAZINE

The paper analyses the linguistic representation of the concept of COSINESS. The paper reveals the differences in collocation patterns of the adjective *cosy* with other words. In

contrast to the definitions in the dictionaries, the magazine articles reflect the dynamic changes within the structure of the concept.

Key words: concept, conceptual component, linguistic representation, cognition, collocation.

Е.Б. Рябых, Е.А. Кузьмина (Тамбов, Россия)

*Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина
ekaterina_ryabukh@mail.ru, kelena_an@mail.ru*

КРЕАТИВНОСТЬ И ИНДИВИДУАЛЬНО-АВТОРСКАЯ МЕТАФОРИЧЕСКАЯ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ

Креативность рассматривается как основа индивидуально-авторской метафорической концептуализации. Отмечается, что креативность – это сложное понятие, обладающее признаком преемственности и потенциально заложенной возможностью принятия полученного результата, что отражается как в появлении совершенно новых примеров в процессе индивидуально-авторской метафорической концептуализации, тем не менее доступных пониманию за счет обусловленности, в частности, ситуативным контекстом, так и в нестандартной интерпретации уже укорененных в сознании за счет углубления, расширения или обновления представления об области-мишени или области-источнике метафорического моделирования и сопутствующих контекстов знания. Отмечается первостепенное влияние психоэмоционально-физиологического контекста на процесс метафорической концептуализации и проявляемую индивидуально-авторскую метафорическую креативность.

Ключевые слова: метафора, концептуализация, метафорическая концептуализация, креативность, контексты, психоэмоционально-физиологический контекст.

Говоря об индивидуально-авторской метафоре, необходимо пояснить суть рассматриваемого понятия и коснуться вопроса соотношения индивидуальности и личности, которое определяется тем, что это – два способа бытия человека. Несовпадение этих понятий проявляется в том, что существуют два отличающихся процесса – становление личности и становление индивидуальности. Становление личности, или процесс социализации, есть продолжающийся всю жизнь процесс усвоения культурных норм и освоения социальных ролей, направленный на то, чтобы стать похожим на других членов общества и «вписаться в общество». Становление индивидуальности – процесс самоопределения и обособления личности, ее выделения из толпы, стремление обрести неповторимость, не быть похожими на всех [Столяренко, Самыгин 2016: 412], что, с нашей точки зрения, связано с креативностью. Таким образом, можно предположить, что креативность необходимо рассматривать с учетом пространственного и временного фактора как способ решения определенного рода поставленной задачи. В рамках самовыражения – донести до кого-то определенную мысль нестандартным образом, но при этом быть понятым, либо выделиться на общем фоне за счет творческого решения поставленной задачи, например, в процессе индивидуально-авторской метафорической концептуализации. Однако понимание – это не улица с односторонним движением, а интеракция между Bottom-up-

процессами, т.е. поступающей извне информацией и Top-down-процессами, т.е. знаниями и ожиданиями воспринимающего [Hörmann 1981: 124]. Как отмечает Н.Н. Болдырев, индивидуальное познание человеком окружающего мира и формирование собственного опыта познания базируется на знании коллективном, поскольку «языковое общение предполагает тот или иной уровень стандартизации знаний, определённую степень овладения ими со стороны всех участников коммуникации как членов культурной, национальной, социальной, профессиональной и другой общности людей, т.е. коллективность знаний. Другими словами, языковое знание – всегда разделённое знание, знание коллективное» [Болдырев 2007: 15-16].

Следовательно, важно понимать, что креативность – это сложное понятие, обладающее признаком преемственности и потенциально заложенной возможностью принятия полученного результата, что отражается как в появлении совершенно новых примеров в процессе индивидуально-авторской метафорической концептуализации, тем не менее доступных пониманию за счет обусловленности, в частности, ситуативным контекстом (пространственно-временная соотносительность), так и в нестандартной интерпретации уже укорененных в сознании за счет углубления, расширения или обновления представления об области-мишени или области-источнике метафорического моделирования и сопутствующих контекстов знания. Примеры, полученные в результате метафорической концептуализации, не являются раз и навсегда заданными и представляющими собой застывший формат подвергаемой интерпретации базы накопленных знаний и полученного опыта применительно к определенной области-мишени, а могут вновь переосмысливаться в интеракции с накопленными в нашей памяти знаниями и полученным опытом.

Рис. 1

Креативное мышление – мышление дивергентное (латеральное), то есть допускающее принятие множества допустимых решений, где позиция и фокус внимания наблюдателя очень важны в связи с возможной палитрой интерпретационных решений, а новая позиция и смещенный фокус внимания позволяет «высветить» новые детали известных, привычных вещей, как это представлено на рисунке 1, что свидетельствует о взаимосвязи креативного мышления и процесса метафорической концептуализации. Логически рассуждая, следует отметить, что без психоэмоционально-физиологического, социокультурного, исторического, религиозного, ситуативного и ряда других контекстов ни один из признаков не может выступить на передний план, то есть находиться в фокусе внимания. Следовательно, первостепенным является контекст знаний, во вторую очередь актуализируется один признак (некая фигура) из множества признаков (на общем фоне).

Следует отметить, что креативное мышление – это, прежде всего, мышление образное, при этом визуальные образы служат основой, исходным моментом для новых идей в процессе метафорической концептуализации [см.: Рябых, Татарина 2022], что свидетельствует о первостепенной значимости психоэмоционально-физиологического контекста в процессе порождения метафор, так как при определенном рода нарушениях происходит «распад» памяти и нарушение способности креативного мышления с учетом его основных признаков, доказательством чего является серия работ Уильяма Утермолена, изображавшего на протяжении нескольких лет «автопортрет» деменции (рис. 2).

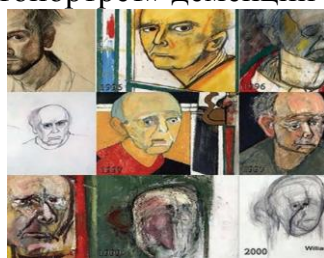

Рис. 2

Мы поддерживаем идею о том, что мышление осуществляется по определенным, постоянно повторяющимся ментальным моделям. Значимую в рамках проводимого нами исследования мысль выдвигает Р. Шанк, говоря о специфике объединений воспоминаний в нашей памяти. В своей работе он пытается доказать, что наши воспоминания и ассоциации, основанные на них, носят отнюдь не случайный характер и протекают в определенных рамках, так как мы вспоминаем лишь потому, что вызываем из нашей памяти части событий, но не события целиком. Говоря иначе, события сохраняются и накапливаются в нашей памяти не как целостные, а как составные структуры (как некие сценарии, где каждая деталь важна), вызываемые из нашей памяти не только, когда мы о них думаем, но и когда переживаем совершенно иные события, ассоциативно схожие по определенному рода критериям с учетом накопленных контекстных знаний и полученного опыта.

В качестве примера обратимся к концепту *der Faden*, который, участвуя в процессе метафорического осмысления ряда иных концептов (*der Faden der Geduld*, *der Faden der Erinnerungen*, *der Faden des Lebens* и т.д.), в информационном плане свидетельствует о том, что что-то наделяется свойством длиться долгое время, запутываться, распутываться, быть достаточно гибким, сматываться (в клубок), распускаться, обрываться, связываться и т.д. подобно нити, например, *Wenn ich mich heute an dem Faden meines Lebens zurücktaste, der in mir aufrollt ist...* (Ch. Wolf. *Kassandra*). Как мы видим, для осмысления достаточно сложных областей-мишеней, привлекается область-источник, знакомый каждому из нас, в частности, из древних представлений о богинях-пряках, которые прядут человеческую жизнь, как нить, а в последствии, когда приходит время, эту нить жизни обрывают, либо перерезают.

Легенда о красной нити судьбы распространена в Китае, а также в Восточной Азии и хорошо знакома многим в контексте о связи двух людей, что можно проследить в следующем примере: *Hugo ist der rote Faden in meinem Leben, sage ich* (I. Noll. *Kalt ist der Abendhauch*), где Хуго описывается как любовь всей жизни. В нашей культуре мы соприкасаемся со следующим пониманием того, что

же есть красная нить и говорим так метафорически чаще о какой-либо смыслообразующей связи, объединяющий что-либо. Примечательно, что впервые мы находим подобное упоминание красной нити в романе И.В. фон Гёте «Избирательное сродство душ» (*Die Wahlverwandtschaften*) (ч. 2, гл. 2; 1809), которое позже получило широкое распространение в немецком и иных языках Западной и Восточной Европы. Саму идею он позаимствовал у англичан, так как все снасти королевского флота, от самого толстого каната до тончайшей веревки, сучатся так, чтобы через них во всю длину проходила красная нить, которую нельзя выдернуть, чтобы при этом не распустить все, в связи с чем даже по маленькому обрывку веревки можно узнать, что она принадлежит английской короне (Рис. 3). Таким же образом через весь дневник Оттилии протянулась красная нить симпатии и привязанности. На этом примере очевидна правомерность высказанной мысли о том, что в любой момент мы можем извлечь из нашей памяти, всего объема воспоминаний о чем-либо лишь какую-то часть события в процессе мышления и поиска креативного решения стоящей перед нами задачи, но элемент преемственности и возможного принятия при этом сохраняется.

О распространенности текстильной концептуальной метафоры в политическом дискурсе писал, в частности, Р.Д. Керимов. Показателен следующий пример: *Wenn sie sich zusammensetzen, gemeinsam den roten Faden spinnen und Netzwerke bilden, dann ist der entscheidende Schritt für eine Nachhaltige Entwicklung im ländlichen Raum getan (W. Clement. Perspektiven für Deutschland: Unsere Strategie für eine Nachhaltige Entwicklung)*. Однако во всем спектре креативных решений мы можем говорить о метафорическом осмыслении концепта *der Faden* в рамках художественного дискурса от углубления и расширения наших представления в процессе метафорической концептуализации до их обновления и преломления под новым углом зрения.

Рис. 3

Так, Г. Гессе, в своем желании подчеркнуть даже не двойственность, а многоаспектность человеческой природы обращается к культуре Индии, интерес к которой он впитал «с молоком матери». В детстве он был очарован этой страной и рассказами своего деда и дяди по материнской линии, бывшими миссионерами в этой стране. В течение многих лет он изучал религии и философские системы, включая весь комплекс идей древних индийских и китайских цивилизаций. Все вышеперечисленное отразилось в его метафорическом образе мира. ... *der Leib ist eben immer eines, der darin wohnenden Seelen aber sind nicht zwei, oder fünf, sondern unzählige; der Mensch ist eine aus hundert Schalen bestehende Zwiebel, ein aus vielen Fäden bestehendes Gewebe. Erkennt und genau gewusst haben dies die alten Asiaten, und im buddhistischen Yoga ist eine genaue Technik dafür erfunden (H. Hesse. Steppenwolf)*. По его мнению, человек – это ткань, состоящая из множест-

ва нитей. В концепции же Н. Харатишвили, история – это ковер, в котором скрыто множество других историй, историй человеческих жизней, то есть нить – это человек. *Ein Teppich ist eine Geschichte. In ihr verbergen sich wiederum unzählige andere Geschichten... Das sind alles einzelne Fäden. Der einzelne Faden ist wiederum auch einzelne Geschichte, verstehst du mich? Du bist ein Faden, ich bin ein Faden, zusammen ergeben wir eine kleine Verzierung, mit vielen anderen Fäden zusammen ergeben wir ein Muster. Die Fäden sind alle verschieden, verschieden dick oder dünn, in verschiedenen Farben gehalten. ... Teppiche sind aus Geschichten gewoben. Also muss man sie wahren und pflegen* (N. Haratischwili. *Das achte Leben (für Brilka)*). Таким образом, разные авторы в фокус своего внимания помещают разные характеристики человека – сложность его душевной организации, образа мышления, способность примерять разные роли и «маски», с одной стороны, и уникальность каждого человека, с другой. Необходимо отметить, что каждый из этих авторов осуществил метафорическую концептуализацию с опорой на свой мультикультурный опыт.

Интересный пример находим у Г. Грасса, который предлагает метафорически осмыслить сердце как некое текстильное изделие, которое можно распустить подобно чулкам. «Нити» сердца уже не прочны, на них присутствуют узелки – отметены времени: *Schon beim zweiten Besuch öffnete Gretchen ihr Herz, das heißt, sie ribbelte es auf, wie man Strümpfe aufribbelt, zeigte mir den ganzen langen, an einigen Stellen schon Knötchen zeigenden fadenscheinigen Faden...* (G. Grass. *Blechtrommel*).

Подводя итог сказанному, отметим, что в самом обобщенном виде индивидуально-авторская метафорическая концептуализация осуществляется в несколько этапов. На первом этапе – подготовительно-интерпретирующем – происходит высвечивание и анализ проблемы, комбинаторика необходимых знаний и разработка интерпретирующих вариантов, а также первых гипотез метафорического осмысления концепта. Мыслительные процессы могут носить осознанный характер, кроме того, возможны элементы дивергентного (латерального) мышления. Следующий этап – накопительный – предполагает накопление или новую комбинацию контекстных знаний как за счет извлечения их из долговременной и рабочей памяти, так и за счет поступления извне и обогащения контекстов. Мыслительные процессы осуществляются, предположительно, в подсознательном (интуитивном) и ассоциативном формате. На третьем этапе происходит отбор интерпретирующих вариантов в результате некоего синтеза промежуточных результатов подготовительно-интерпретирующего и накопительного этапов метафорической концептуализации, где доминантную роль играет креативное мышление. Контрольный этап предполагает верификацию оптимальности/неоптимальности полученного результата. Данные этапы реализуются в режиме «общающихся сосудов» и не протекают изолированно друг от друга до перехода к этапу фиксации полученного результата, предполагая возможность возвращения к предыдущему этапу с целью поиска оптимального варианта.

Литература

Болдырев Н.Н. О типологии знаний и их репрезентации в языке // Типы знаний и их репрезентация в языке. Тамбов: Изд-во ТГУ, 2007. С. 12-28.

Керимов Р.Д. Текстильные концептуальные метафоры в политическом дискурсе ФРГ // Политическая лингвистика. 2007. Вып. 3 (23). С. 96-107.

Рябых Е.Б., Татарина В.О. Изучение специфики визуальной метафоры, вопросов ее корреляции с вербальной метафорой и их интерпретирующего потенциала // Когнитивные исследования языка. 2022. № 3 (50). С. 542-546.

Столяренко Л.Д., Самыгин С.И. Психология личности. Ростов н/Д: Феникс, 2016.

Hörmann H. Einführung in die Psycholinguistik. Darmstadt: Wiss. Buchgesellschaft, 1981.

Schank R. Dynamic memory: a theory of learning in computers and people. Cambridge University Press, 1982.

E.B. Ryabikh, E.A. Kuzmina (Tambov, Russia)
Derzhavin Tambov State University

CREATIVITY AND INDIVIDUAL AUTHOR'S METAPHORICAL CONCEPTUALIZATION

Creativity is considered as the basis of individual author's metaphorical conceptualization. It is noted that creativity is a graded concept that has a sign of continuity and a potentially inherent possibility of acceptance. This is reflected both in the appearance of completely new examples in the process of individual author's metaphorical conceptualization, which are accessible to understanding due to conditionality, for example, situational context, and in non-standard interpretation of examples already rooted in consciousness due to deepening, expanding or updating the idea of the target area or the source area of metaphorical modeling and related contexts of knowledge. The primary influence of the psychoemotional and physiological context on the process of metaphorical conceptualization and the individual author's metaphorical creativity manifested is noted.

Key words: metaphor, conceptualization, metaphorical conceptualization, creativity, contexts, psychoemotional and physiological context.

П. А. Салтанова (Москва, Россия)
Московский государственный лингвистический университет
1996-polina@mail.ru

КАТЕГОРИЯ ИНТЕНСИВНОСТИ В АНГЛОЯЗЫЧНОМ АВТОБИОГРАФИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

В статье рассматриваются некоторые особенности категории интенсивности, а также ее проявление в английском автобиографическом дискурсе. Кроме того, определяются функции категории интенсивности и анализируются лексические средства, вербализующие концепт ИНТЕНСИВНОСТЬ в данном виде дискурса.

Ключевые слова: концепт, интенсивность, лексическая категория, автобиографический дискурс, субъективность.

В русле современной парадигмы лингвистического знания – когнитивной лингвистики – интенсивность рассматривается как концепт. Несмотря на наличие большого количества работ, посвященных изучению интенсивности, в том числе на материале английского языка, ряд вопросов остаются на сегодняшний

день дискуссионным. Например, среди ученых нет единого мнения относительно определения самого концепта «интенсивность», необходимости и способов его отделения от смежных категорий – с одной стороны, являющихся объективными категориями количества, качества, меры признака, градуальности и, с другой стороны, субъективных и прагматичных категорий экспрессивности, эмоциональности, оценочности, и некоторых других.

Данное исследование посвящено изучению семантической категории интенсивности, формирующейся в английском языке вокруг концепта «интенсивность» – выявлению лексических средств, используемых английским языком для выражения интенсивности в автобиографическом дискурсе и анализу функций употребления интенсификации в исследуемом виде дискурса. Кроме того, поскольку большинство лингвистов выделяет категорию интенсивности в отдельную категорию, возникает необходимость определить данную категорию в семантическом, прагматическом и функциональном аспектах.

Не вдаваясь подробно в историю вопроса об этапах изучения интенсивности в лингвистике, отметим лишь, что понятие интенсивности впервые стало изучаться в сфере грамматики, затем в сфере стилистики и словообразования, тогда как в лексикологии эта проблема стала широко рассматриваться лишь в 80–90 годы XX века. При этом исследования выполнялись в рамках разных подходов: ономаσιологического (И.Г. Беручашвили, А.Н. Трошкина), семасиологического (Т.В. Гриднева, Н.А. Лукьянова, В.И. Шейгал), мотивологического (О.И. Блинова, Е.В. Вельская). А с конца XX века и по настоящее время интенсивность изучается не обособленно, а на стыке других наук: культурологии, философии, психологии, логики, когнитологии и др. В поле рассмотрения попадают проблемы роли отдельных лексических единиц в моделировании языковой картины мира, способа вербального отражения действительности человеком, лингвокультурологическая специфика слов и др. (см. подробнее об этом [Ревенко 2004]).

Интенсивность является особой семантической категорией, выделяемой, как и другие подобные категории, на основе общих семантических свойств и функций, присущих множеству языковых единиц. Тем не менее, «многокомпонентность семантики и ее континуальность дают языковым образованиям возможность входить по разным семантическим признакам в несколько семантических категорий» [Порядина 2003: 25], поэтому категория интенсивности связана и с другими категориями.

Исследователи едины в мнении о том, что интенсивность выделяется среди смежных категорий своим явно выраженным субъективным и прагматическим характером – интенсификация используется для усиления высказывания с целью оказания определенного воздействия на собеседника. «Средства выражения усиления признака (интенсификаторы) <...> могут использоваться для повышения убедительности высказывания, а деинтенсификаторы (выражающие ослабление признака) – для снижения категоричности утверждения» [ТФГ 1996: 141]. При этом при интенсификации высказывания говорящий не просто указывает на усиление того или иного признака, но и сообщает, что для него данное изменение является необычным и не соответствующим «норме» – принятому в обществе стандарту, который не выделяется и не привлекает к себе внимания [Родионова 2005]. Уместно вспомнить высказывание Т.М. Николаевой о том, что норма

«имеет слабый выход в лексику», поскольку «стандарт не возбуждает ни интереса, ни эмоций» [Николаева 1985: 90]. Гораздо больше внимания приковано к отклонениям от нормы, которые в изобилии отражаются в языке.

Не раз отмечалось, что категория интенсивности может проявляться на разных языковых уровнях: лексическом (синонимические ряды, наречия), морфологическом (степени сравнения наречий и прилагательных), синтаксическом (восклицательные предложения, инверсия), также на письме слово может выделяться курсивом или писаться прописными буквами.

Автобиографический дискурс выбран нами для исследования не случайно – многие исследователи отмечают субъективный характер автобиографических текстов, которые, как следствие, должны иметь, по нашему мнению, многочисленные случаи (де)интенсификации высказывания. Субъективность – характерное свойство человеческого мышления, которое, проявляясь в языке, является важнейшей характеристикой автобиографического дискурса [Артюнина 2020]. Причиной этому является тот факт, что читатель видит действительность, которая преподнесена автобиографом в несколько субъективно-искаженном виде и является не вполне объективной: автобиографический дискурс – «особый дискурс, удобный для самовыражения, самооценки, самопрезентации автора, несущий в себе большую риторическую нагруженность.» [Кованова 2005: 6]. Автобиография пишется, как правило, в свою жизнь, подводит итоги, обобщает и осмысляет пережитое.

К автобиографическому дискурсу относят не только сами автобиографии, но и мемуары, дневники, воспоминания, письма, родословные, анкеты, интервью, резюме, жития, исповеди и пр. [Волошина 2014].

Материалом для исследования послужила автобиография британского певца, пианиста и композитора Элтона Джона «Me» (2019). Для иллюстрации высказанных положений приведем несколько примеров из его автобиографии, обратив внимание на тип интенсивности и средства ее выражения.

Исследование показало, что автор прибегает к средствам усиления, описывая эпизоды из своей жизни, которые вызвали у него сильные эмоциональные переживания. Интенсивность в этом случае помогает добавить повествованию выразительности, сделать его более ярким, красочным, и, как результат, вызвать эмоции у читателя: сочувствие и понимание или радость и ликование. Это может относиться к повествованию о карьерных успехах или неудачах (интенсификаторы выделены нами – П.С.):

(1) The shows were a complete triumph. / Концерты были полным триумфом (здесь и далее перевод наш. – П. С.); где complete – усилительное прилагательное, triumph – интенсификат, т.е. слово, имеющее в своем значении идентификатор степени наличия признака; имеет место двойная интенсификация.

(2) They were huge events. / Это были масштабные мероприятия; где huge – интенсифицирующее прилагательное;

(3) It was a pinnacle, and I was smart enough to know that it couldn't last, at least not at that pitch. / Я был в апогее славы, и я был достаточно умен, чтобы понимать, что это не могло продлиться долго, по крайней мере, не на таком уровне; где pinnacle – интенсификат, that – усилительное наречие (бустер).

Элтон Джон часто прибегает к интенсификации для более выразительной и эффективной передачи какой-либо ситуации, например, рассказывая о своем эмоциональном и физическом истощении или при описании своих ощущений во время выступления:

(4) For one thing, I was exhausted: exhausted from touring, exhausted from giving interviews, exhausted by the ongoing catastrophe that was my personal life. / Начнём с того, что я был истощен: истощен турне, истощен от интервью, истощен непрекращающейся катастрофой, которой была моя личная жизнь; где exhausted, catastrophe – интенсификаты; кроме того, автор использует прием повтора для усиления напряжения в высказывании;

(5) You just feel as free as a bird, you can do anything you want. / Ты просто чувствуешь себя свободным как птица, можешь делать всё, что хочешь – интенсификация при помощи фразеологического оборота as + сущ. + as.

В автобиографии Элтона Джона интенсификация помогает автору очень эмоционально описывать инциденты, имевшие место на концертах коллег, например, на концерте музыканта Джона Болдри:

(6) Rather than bask in the adulation, he'd get absolutely furious. He'd stop singing and bellow at them like a schoolmaster: 'IF YOU BREAK MY MICROPHONE, YOU'LL PAY ME FIFTY POUNDS!' One night, this dire warning went unheeded. As they kept pulling at the cord, I saw John raise his arm. Then a terrible thud shook the speakers / Вместо того, чтобы наслаждаться лестью, он ужасно рассердился. Он прекратил петь и рявкнул на них, как школьный учитель: «ЕСЛИ ВЫ СЛОМАЕТЕ МОЙ МИКРОФОН, ВЫ ЗАПЛАТИТЕ МНЕ ПЯТЬДЕСЯТ ФУНТОВ!» Одним вечером это страшное предупреждение было проигнорировано. Когда они продолжали тянуть шнур, я увидел, как Джон поднял руку. Затем ужасный стук сотряс динамики. В данном примере можно выделить интенсификаторы terribly, absolutely и интенсификаты bellow, dire, shook. Помимо этого, прослеживается двойная интенсификация: absolutely furious – посредством интенсификатора absolutely и интенсификата furious, а также сразу бросается в глаза графический способ выражения интенсификации.

Литература

Артюнина А.А. К вопросу о типологии автобиографического дискурса // Вестник Бурятского государственного университета. Язык. Литература. Культура. 2020. Вып. 2. С. 23-28.

Волошина С.В. Автобиографический дискурс как объект лингвистического анализа // Вестник Иркутского Государственного Лингвистического Университета. 2014. Вып. 2. С. 267-273.

Кованова Е.А. Риторика автобиографического дискурса: на материале автобиографий американских деятелей политики и искусства: автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2005.

Николаева Т.М. Функции частиц в высказывании. М.: Наука, 1983.

Порядина Р.Н. О семантической категории желательности // Миромоделирование в языке и тексте. Томск, 2003. С. 19-30.

Ревенко И.В. Языковая категория интенсивности и ее экспликация в идиостиле В. Астафьева: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Кемерово, 2014.

Родионова С.Е. Семантика интенсивности и ее выражение в современном русском языке // Проблемы функциональной грамматики: Полевые структуры. СПб.: Наука, 2005.

ТФГ – Теория функциональной грамматики. Качественность. Количественность. СПб.: Наука, 1996.

P.A. Saltanova (Moscow, Russia)
Moscow State Linguistic University

INTENSITY IN ENGLISH AUTOBIOGRAPHICAL DISCOURSE

The article discusses some aspects of intensity and its manifestation in the English-language autobiographical discourse. Some functions of intensity are identified and as lexical means verbalizing the concept INTENSITY in the given discourse are analyzed.

Key words: concept, intensity, lexical category, autobiographical discourse, subjectivity

Е.Н. Сидорова (Москва, Россия)

Российский государственный аграрный университет - Московская сельскохозяйственная академия имени К.А. Тимирязева
elizavetasidorova5@gmail.com

О СТЕПЕНИ ИЗУЧЕННОСТИ КОНЦЕПТА АНГЛИЙСКОСТЬ В СОВРЕМЕННОЙ ЛИНГВИСТИКЕ

Совокупность национальных свойств и характеристик менталитета английского народа представляет собой концепт АНГЛИЙСКОСТЬ, репрезентация которого обусловлена комплексом лингвокогнитивных структур языковой картины мира. В статье рассматриваются компоненты, составляющие данный гиперконцепт, с целью проведения комплексного анализа с позиций его изученности в лингвистике.

Ключевые слова: гиперконцепт, концепт, языковая картина мира, английскость, вербализация, концептуализация

Национальная самобытность обладает огромным значением в сфере гуманитарных наук в силу того, что включает в себя основные установки, заложенные в самоидентификации индивида и социума, позволяя им выжить и сохранить свою целостность в контексте глобализации и социокультурных изменений.

Концепт АНГЛИЙСКОСТЬ рассматривается в географическом диапазоне, отвечающем территории Англии, которая включает в себя наибольшую часть Соединённого Королевства Великобритании и Северной Ирландии, располагающуюся на юго-востоке острова. Наиболее частотное понятие «Англия» используется для обозначения региона Великобритании, а не всей страны в целом. То же правило распространяется на употребление в речи определений «англичанин» и «британцы». Население Англии представляет примерно 80% от всего населения Великобритании.

Проанализировав концепт АНГЛИЙСКОСТЬ, можно прийти к выводу о том, что он состоит из трех уровней: национального, этнокультурного и регионального, что в свою очередь составляет трехчленную «матрешку идентичности» англичан. Англичане и английскость рассматриваются в качестве взаимодополняющих категорий по отношению к нации и этнокультурной группе.

М.И. Латынина и Н.Ф. Хренова отмечают, что менталитет англичан обладает комплексным характером, в силу чего существует целый ряд стереотипов, которые его отражают, оказывая прямое влияние на коммуникативные обычаи и характеристики. Самыми распространенными считаются: консерватизм, вежливость, патриотизм, сдержанность, вежливость и доброжелательность, аристократичность, уважение к личной сфере, английское чувство юмора [Латынина, Хренова, 2018]. Так как вышеуказанные категории представляют собой национально-специфические, особенности и свойства сложившегося отдельного менталитета, а также культурно-историческую и социальную основу данной лингвокультуры народа, мы можем прийти к выводу о том, что их совокупность можно считать гиперконцептом АНГЛИЙСКОСТЬ, вербализация которого обуславливается комплексным лингвокогнитивным элементом языковой картины мира [Клинцова 2007]. Далее мы рассмотрим каждый из компонентов, составляющих гиперконцепт АНГЛИЙСКОСТЬ, отдельно с целью проведения комплексного анализа сложного концепта с точки зрения его изученности в лингвистике.

И.В. Кононова предлагает использовать фразеологический фонд современного английского языка в качестве наиболее подходящего языкового материала для изучения британской морально-этической концептосферы [Кононова, 2012]. По мнению исследователя, фразеологизмы предоставляют непосредственный доступ к когнитивным структурам, на которых основываются структуры языка, а также к механизму языковой категоризации.

Большинство фразеологизмов, имеющих в своем значении указанные интегральные семы, можно объединить по смыслу «контролировать свое поведение», «вести себя сдержанно в ситуации, предполагающей проявление эмоций», что приводит к умозаключению об особом значении концепта «reserve/restraint» с точки зрения британского национального сознания.

Другой составляющей гиперконцепта АНГЛИЙСКОСТЬ является вежливость, для которой в разных культурах есть свои национально обусловленные средства ее вербализации. Данный стереотип находит свою репрезентацию через лингвокультурный концепт «StiffUpperLip», который содержит следующие характеристики: сдержанность, стойкость, способность сохранять лицо. Поведение англичан во время общения сосредоточено на том, чтобы максимально учитывать потребности и интересы оппонента, в результате чего особое значение отдается сохранению дистанции между говорящими. Таким образом, А.А. Джиеова и В.С. Соседова пришли к выводу о том, что именно концепт «StiffUpperLip» представляет собой один из основных способов вербализации дистанцированности и категории вежливости как основополагающего параметра коммуникативного поведения англичан [Джиеова, Соседова 2014].

В виду того, что в речи джентльмена превалируют литота и ирония, в концептуальном поле «StiffUpperLip» появляется концепт «understatement». Он представляет собой ключевое средство англоязычной коммуникации характерен для речи джентльмена, которой не чужд особый английский юмор. Вышеуказанные речевые приемы способствуют ненавязчивому обозначению собственной позиции, не задевая чувств собеседника.

Проанализировав гиперконцепт «английскость» на изученность его составляющих, можно прийти к выводу о том, что в современной отечественной лин-

гвистике наиболее изученными являются концепт «личное пространство». Концепт «вежливость» рассматривается исследователями вместе с «консерватизмом», «сдержанностью» и «терпимостью». Наименьшее внимание уделяется таким компонентам «английскости» как садоводство, домашние питомцы, английский юмор.

Литература

Джисоева А.А., Соседова В.С. Конструэнты категории вежливости в английском языке: концепт *stiff upper lip* // Вестник РУДН. Серия: Лингвистика. 2014. №4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/konstruenty-kategorii-vezhlivosti-v-angliyskom-yazyke-kontsept-stiff-upper-lip>

Караваева Д.Н. Английскость: дискурс идентичности: на материалах современной Северной Англии: дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2014. 282 с.

Клишова Ю.В. Лексико-семантические и когнитивно-деривационные аспекты гиперконцепта «Красота»: на материале английского и русского языков : дис ... канд. филол. наук. Краснодар, 2007. 208 с.

Кононова И.В. Репрезентация британского морально-этического концепта «Reserve/restraint» в лексико-фразеологической системе современного английского языка // Вестник ЛГУ им. А.С. Пушкина. 2012. №2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/reprezentatsiya-britanskogo-moralno-eticheskogo-kontsepta-reserve-restraint-v-leksiko-frazeologicheskoy-sisteme-sovremennogo>

Латынина М.И., Хренова Н.Ф. Национальные аспекты менталитета англичан // Инновации в науке. 2018. №11 (87). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/natsionalnye-aspekty-mentaliteta-anglichan>

E.N. Sidorova (Moscow, Russia)

Russian State Agrarian University – Moscow Timiryazev Agricultural Academy

THE CONCEPT OF ENGLISHNESS: THE DEGREE OF SCRUTINY IN MODERN LINGUISTICS

The set of national features and characteristics of the English mentality makes up the concept of *ENGLISHNESS*. It is represented through a complex of linguocognitive structures of the linguistic perception of the world. The article deals with the components included in this hyperconcept and provides its comprehensive analysis in the framework of linguistics.

Key words: hyperconcept, concept, linguistic worldview, Englishness, verbalization, conceptualization.

Ю.О. Соловьева (Москва, Россия)

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
solovieva-julia2009@yandex.ru*

ОСОБЕННОСТИ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ И КАТЕГОРИЗАЦИИ ПОНЯТИЯ «ПРАВО» В ТЕКСТАХ ПОПУЛЯРНО-ЮРИДИЧЕСКОГО ДИСКУРСА

В статье рассматриваются механизмы референциальной адаптации текстов популярно-юридического дискурса, а также сочетание различных способов концептуализа-

ции специальной информации в текстах, направленных на популяризацию субстанциональных правовых знаний.

Ключевые слова: категоризация, концептуализация, право, популярно-юридический дискурс, адаптация.

Цель данной статьи – проанализировать способы концептуализации и категоризации ключевого юридического понятия «право» в некоторых жанрах текстов популярно-юридического дискурса. В качестве материала исследования послужили выпуски национального правового журнала «Человек и закон» за 2016–2018 гг., современные научно-популярные книги, а также интернет-лекции о праве.

Изучение особенностей категоризации и концептуализации понятий в текстах популярно-юридического дискурса, объединенных коммуникативной целью правового просвещения широкой аудитории, непосредственно связано с анализом способов адаптации, используемых популяризаторами правовых знаний для введения специальной терминологии (Дьякова, 2011; Первухина, 2014; Соловьева, 2021). По мнению С.В. Первухиной, адаптация текста приводит к созданию более эффективного текста с точки зрения прагматики [Первухина 2014: 99]. Взяв за основу компоненты коммуникации, исследователь выделяет соответственно субъектную, референциальную, адресатную и инструментальную адаптацию [Первухина 2014: 97]. Поскольку авторы (субъекты) всех анализируемых в данной статье текстов популярно-юридического дискурса являются профессиональными юристами, создающими тексты, рассчитанные на адресатов-неспециалистов, то, на наш взгляд, в таком случае представляется целесообразным провести сравнение способов референциальной адаптации, объектом которой является либо сам специальный текст, либо содержащаяся в нем информация, в нашем случае, экспликации термина «право».

Рассматривая механизмы адаптации юридических текстов, А.А. Дьякова выделяет следующие критерии: 1) уровень категоризации текстообразующих концептов; 2) способ концептуализации информации (понятийный, образный, оценочный); 3) степень сложности формальной организации текста [Дьякова 2008: 51]. Рассмотрим несколько определений термина «право» в соответствии с данными критериями.

Определение, приводимое в популярно-юридическом «словаре», публиковавшемся постатейно в выпусках журнала «Человек и закон» за 2015–2016 гг., формулируется следующим образом:

Право – 1) в объективном смысле система общеобязательных социальных норм (правил поведения), установленных государством и обеспечиваемых силой его принуждения (позитивное право, либо вытекающих из самой природы человеческого разума; императив, стоящий над государством и законом (естественное право) <...> 2) в субъективном смысле вид и мера возможного поведения лица, государственного органа, народа, государства или иного субъекта (юридическое право) [Человек и закон 2016: 59].

Сравним данное определение с тем, которое дает практикующий юрист и преподаватель основ правоведения А. Русакович в одной из лекций цикла «Веселые ролики об основах права»:

Право в субъективном смысле или субъективное право – это возможность человека что-то делать или что-то требовать от других людей. Например,

право водить машину, право голосовать на выборах <...> Такое право называют субъективным, потому что оно как-бы принадлежит отдельному субъекту: человеку, организации или государству. Второе значение слова «право» – право в объективном смысле или объективное право <...> это система правил поведения, установленных и охраняемых государством [Русакович 2017].

Прежде всего необходимо отметить, что при категоризации понятия «право» в обоих определениях выделяются два различных аспекта правопонимания – объективный и субъективный. При этом А. Русакович в отличие от словарного (научного) определения вначале приводит толкование права в субъективном смысле, по-видимому, считая его более значимым для адресата. Отличительной особенностью второго определения является использование приема экземплификации, который позволяет популяризатору конкретизировать сложное и многогранное понятие «право» (*Например, право водить машину, право голосовать на выборах*). Категоризация в обоих определениях права в объективном смысле осуществляется посредством аналогичного словосочетания «система правил/норм». В дефиниции из популярно-юридического «словаря» вначале используется термин «социальная норма», который в скобках поясняется более понятным словосочетанием «правил поведения». А. Русакович в своем объяснении исключает упоминание об «общеобязательном» характере упомянутых правил, очевидно, полагая, что если они «установлены» и «охраняются государством», то адресат понимает, что они обязательны к исполнению. Также считаем важным отметить, что первое определение более насыщено терминами (*позитивное право; императив; естественное право; вид/мера поведения; лицо; юридическое право*). При сравнении со вторым определением наблюдается замена специальных терминов более простыми и доступными эквивалентами: *вид и мера возможного поведения* → *возможность*; *лицо* → *человек*; *государственный орган* → *организация* и т.д. Второе определение также содержит разговорные элементы, например, в нем неоднократно используется местоимение «что-то» (*что-то делать, что-то требовать*). На синтаксическом уровне первое определение также представляется более сложным с точки зрения темарематического членения и содержит большое число причастных оборотов. Несмотря на то, что рассматриваемые определения примерно равны по протяженности языкового кода, первое определение очевидно сложнее на содержательном уровне и характеризуется большим объемом передаваемой когнитивной информации.

В ходе анализа функционирования термина «право» в субъективном смысле мы наблюдаем его ироническое обыгрывание в текстах разных жанров, принадлежащих разным авторам. Например, объясняя данное значение, вышеупомянутый А. Русакович в своей интернет-лекции использует фрагмент из советского комедийного фильма Э. Рязанова «Гараж» (1979):

*«Золотой мой, уж что-что, а **право-то** вы имеете» [3].*

Еще более эксплицитно свое отношение к наличию гарантированных прав у субъекта-индивида выражает известный отечественный правовед А.А. Тилле в своей книге «Занимательная юриспруденция»:

Многие не понимают, что законы – просто слова, написанные на бумаге, и сами по себе равным счетом ничего не значат. Есть хороший юридический анекдот, иллюстрирующий это положение.

Разговаривают клиент с адвокатом:

– Значит, я **имею право**...

– Безусловно!

– Значит, я могу...

– Ни в коем случае! [Тилле 2000: 6].

Нами отмечено, что при введении понятия «право» авторы текстов популярно-юридического дискурса используют образный и оценочный способы концептуализации специальной информации наряду с понятийным. По мнению А.А. Дьяковой, замена одного способа представления концептуального содержания текста сочетанием различных способов концептуализации информации зачастую приводит к усложнению текста на содержательном уровне [Дьякова 2008: 52]. Рассмотрим следующие примеры.

Право – искусство добра и справедливости. Сегодня в России это кажется насмешкой, но именно так считали древнеримские юристы и так переводится с латыни их пословица двухтысячелетней давности ius est ars boni et aequi [Русакович 2017: 6].

Право в обыденном сознании неразрывно связывается со «справедливостью», «праведностью», «добротой», «правдой», «истиной», «совестью», «нравственностью» <...> [Кизяковский 2019: 45].

Анализируя данные определения, принадлежащие разным авторам, мы отмечаем неразрывную связь понятия «право» с аксиологемами «добро», «справедливость», «правда» и др. В первом текстовом фрагменте также присутствует отсылка к прецедентному тексту – пословице на латинском языке, который продолжает играть важную роль в юридических дискурсах разных стран, в особенности, стран с континентальной системой права. Отметим реализацию идеологической функции в тексте определения А. Русаковича (*Сегодня в России это кажется насмешкой <...>*), иронического по своей тональности. По мнению ряда исследователей особенностей современной популяризации науки в России, ее неотъемлемо характеризует идеологический вектор.

Подводя некоторые итоги исследования, мы приходим к выводу, что современные популяризаторы правовой науки активно задействуют понятийный, образный и оценочный способы концептуализации при введении специальной информации и ключевой терминологии, что делает тексты популярно-юридического дискурса не только доступными для понимания адресата, но и формируют его устойчивый интерес к вопросам права. Рассмотренные тексты представляют особую ценность для формирования правовой культуры современного российского общества, так как способствуют передаче субстанционального знания [Карасик 2009: 32].

Литература

Дьякова А.А. Когнитивные механизмы адаптации в текстовой коммуникации // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2 «Языкознание». 2008. №1 (7). С.50-57.

Карасик В.И. Комментарий как жанр герменевтического дискурса // Язык, коммуникация и социальная среда: сборник научных трудов. 2009. Вып. 7. С. 32-47.

Первухина С.В. Виды адаптации текста // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия «Лингвистика». 2014. Том 11. № 1. С. 97-100.

Русакович А. Веселые ролики об основах права // https://zakon.ru/blog/2017/12/05/vesyolye_roliki_ob_osnovah_prava_obschestvoznanie_bez_cenzury (дата обращения: 01.03.2023).

Русакович А. Правоведение для всех. М.: Издатель Русакович А.А., 2017.

Соловьева Ю.О. Особенности адаптации текстов популярно-юридического дискурса // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2021. № 3 (156). С. 190-196.

Тилле А. Занимательная юриспруденция // URL: <https://www.rulit.me/books/zanimatelnaya-yurisprudenciya-read-374575-2.html> (дата обращения: 19.03.2023).

Юридический словарь от А до Я // Человек и Закон. 2016. №5. С.58-60.

Yu. O. Solovyeva (Moscow, Russia)
Lomonosov Moscow State University

CONCEPTUALIZATION AND CATEGORIZATION OF THE TERM “LAW” IN THE TEXTS OF POPULAR LEGAL DISCOURSE

The article analyzes the mechanisms of referential adaptation of special information in the texts of popular legal discourse aimed at popularizing substantive legal knowledge and the combination of different means of conceptualizing the said information.

Key words: categorization, conceptualization, law, popular legal discourse, adaptation.

Е.Д. Столяр, Т.А. Перельгина (Белгород, Россия)
Белгородский государственный национальный
исследовательский университет (НИУ «БелГУ»)
lenlen1@yandex.ru , perelygina@bsu.edu.ru

АППРОКСИМАЦИЯ В ОЦЕНКЕ

В статье рассматривается процесс аппроксимации в оценочных высказываниях с позиции когнитивной лингвистики. Определяется природа и взаимосвязь таких познавательных процессов как оценочная категоризация и аппроксимация. Приводится результат их взаимодействия на ментальном и дискурсивном уровнях. Определяется основной когнитивный и языковой механизмы формирования смысла приблизительности в оценке.

Ключевые слова: категория аппроксимации, оценочная категория, модусный тип категории, профилирование.

Рассмотрение языковых явлений с позиции когнитивной лингвистики, позволяющей учесть ненаблюдаемые ментальные процессы категоризации и концептуализации, а также антропоцентрический фактор при порождении определенного смысла в речи, является наиболее актуальным в силу своего высокого объяснительного потенциала. В связи с этим, описание явления приблизительности (аппроксимации) в оценочных высказываниях представлено в работе именно в русле когнитивного подхода.

Цель данной статьи заключается в определении основного когнитивного и языкового механизмов, которые лежат в основе порождения смысла приблизительной оценки качества объекта. Для достижения поставленной цели необхо-

димо: во-первых, описать специфику и особенности организации оценочных категорий и категории приблизительности, во-вторых, выявить когнитивные механизмы порождения смысла приблизительности оценки качества и, в-третьих, рассмотреть языковые механизмы его реализации.

Приступая к описанию особенностей аппроксимации в оценке на ментальном уровне необходимо определить, что представляют собой категория оценки и категория аппроксимации в структурном плане. Так, оценочная категория рассматривается как «группировка объектов и явлений по характеру их оценки в соответствующие классы и категории, т.е. систему оценочных категорий» [Болдырев 2002: 104]. Когнитивную основу оценочной категории составляет соответствующий оценочный концепт, как наиболее гибкая и оперативная единица уровня ментальных репрезентаций. Оценочные концепты определяют специфику, особенности структурной организации и содержания соответствующих оценочных категорий. «При этом сами оценочные концепты не связаны напрямую с реальным миром вещей. Они соотносятся с внутренним миром человека, т.е. с его системой ценностей и оценок» [там же]. Знание, представленное в оценочном концепте, не может быть верифицировано, так как не находит непосредственного отражения в окружающем нас мире. Порождение оценочного высказывания всегда связано с человеком, с имеющейся у него системой личных оценок, убеждений и предпочтений. Как отмечает Н.Д. Арутюнова, «для того чтобы оценить объект, человек должен «пропустить» его через себя: природа оценки отвечает природе человека» [Арутюнова 1999: 181]. Соответственно, знание, заключенное в оценочных концептах, в большей степени индивидуально и субъективно. Оно предполагает различные свойства, которые зависят от объекта оценки. Это означает, что и соответствующие «оценочные категории могут предполагать различные принципы организации в зависимости от природы оцениваемой сущности» [Гаврилова 2005: 37]. Несамостоятельный характер оценочных структур ментального уровня определяет их гибкость. В языке это выражается во множестве вариантов оценочных смыслов.

Вышеперечисленные особенности концепта оценки определяют специфику оценочных категорий, которая заключается в том, что они относятся к категориям модусного типа [Болдырев 2005]. Подобные категории позволяют по-разному интерпретировать окружающий мир. Они направлены не на отражение реальных объектов, а на их оценку, интерпретацию говорящим. К оценочным категориям модусного типа относится и категория аппроксимации.

По мнению Е.Ю. Дубовицкой, категория аппроксимации организована по прототипическому принципу. «Прототип языковой категории аппроксимации в современном английском языке представлен глаголом *approximate*» [Дубовицкая 2006]. Данная категория включает в себя различные средства, позволяющие дать приблизительное описание предмета мысли. Основу категории составляет соответствующий концепт, который определяет формирование смысла «приблизительность» в речи [там же].

В процессе жизнедеятельности при порождении оценочного высказывания о том или ином предмете/явлении в сознании человека происходит наложение разных концептуальных структур. К ним относятся концептуальная структура оцениваемой области (объект/явление действительности *man, doctor, table, day,*

weather ...), оценочная концептуальная структура (good/bad, perfect/awful, messy/accurate ...), концептуальная структура «приблизительности» (approximately, almost, nearly, not, not so, not as ...as ...). Иначе говоря, порождение смысла приблизительной оценки предполагает соотнесение предмета мысли с оценочной шкалой, которая может быть представлена набором характеристик, свойственных объекту/явлению, индивидуальной и общепринятой системой норм и оценок. В случае несовпадения или не полного соответствия характеристик объекта/явления номинируемой оценке, говорящий прибегает к их приблизительному описанию, используя средства категории аппроксимации.

Подобное наложение концептуальных структур на когнитивном уровне обеспечивается механизмом профилирования. Отношения фигура-фон в оценочной концептуальной структуре – результат действия данного механизма. Фоном является когнитивный контекст, раскрывающий прототипические характеристики объекта оценки, системы норм и стандартов. Когнитивный контекст определяет отнесение объекта к той или иной оценочной категории. В качестве фигуры выступает набор характеристик оцениваемого объекта. При этом предметом оценки может стать как одна, так и несколько из контекстуально значимых характеристик объекта.

На языковом уровне конкретизация ситуативно значимой характеристики и, соответственно, формирование конкретного оценочного смысла осуществляется за счет семантики языковых единиц и языкового контекста. Например, *I would give any money for a real **good** hunter* [Austen]. *She's **enthusiastic and hard-working** and has all the potential of being an **excellent** teacher* [Longman 1993]. *Working in **bad** orchestras can be a **wonderful** lesson* [BNC.].

Сама номинация оценки является механизмом формирования оценочного смысла на языковом уровне. При этом взаимодействует семантика имен существительных (*hunter, teacher, orchestras, lesson*), которые представляют в речи объект оценки и прилагательных (*good, enthusiastic, excellent, bad, wonderful*), которые объективируют значимую часть оценочного концептуального содержания. Оценочный смысл основывается на стереотипном знании об объекте/явлении действительности, которое заключается в центральных, наиболее существенных характеристиках объекта.

Однако, когда центральная характеристика не совсем ясна человеку, или он не знает для нее точного названия, или не может сделать это объективно с помощью имеющихся в его словарном запасе языковых единиц, то говорящий использует языковые средства аппроксимации. Аппроксимация представляет собой определенный способ профилирования, при котором выделяются фигура и фон. При этом фон, по мнению Н.Н. Болдырева, является более четким и структурированным, а фигура расплывчата и неясна [Болдырев 2006: 57]. Для аппроксимации в оценке фоном является контекстуально значимая оценочная характеристика объекта. В качестве фигуры выступает сам объект оценки. Происходит вторичное профилирование. Это означает, что фокус внимания переходит с объекта на его контекстуально значимые для оценки характеристики, а затем и на приближение/удаление, соответствие данных характеристик ожиданиям, системе норм и оценок самого говорящего. Например, *The **air** of the room is **almost bad** enough to have extinguished it if he had not* [BNC]. *The **process** seems **fairly simple*** [Gaima.].

В приведенных примерах фигурой является тот признак, о котором идет речь (*bad, simple*). В языке приблизительная оценка качества объекта/явления, представленного существительными (*air, process*), происходит за счет сочетания лексической семантики единиц, репрезентирующих объект оценки, семантики оценочных прилагательных (*bad, simple*) и языковых средств аппроксимации (*almost, fairly*).

Таким образом, формирование приблизительного смысла в оценочных суждениях обусловлено особенностями организации структур ментального уровня. Специфика оценочных концептов и категорий, как и категории аппроксимации заключается в их несамостоятельном, релятивном характере. Данные категории являются модусными, что свидетельствует об их интерпретирующей функции. На когнитивном уровне формирование приблизительной оценки качества объекта базируется на механизме вторичного профилирования. На языковом уровне данный смысл формируется за счет сочетания лексической семантики единиц, репрезентирующих объект, оценку и ее аппроксимацию к тому признаку, который лишь сходен, но не тождественен самой оценке.

Литература

- Арутюнова Н.Д.* Язык и мир человека. М.: Языки русской культуры, 1999. 896 с.
- Болдырев Н.Н.* Структура и принципы формирования оценочных категорий // С любовью к языку: Сборник научных трудов. Посвящается Е.С. Кубряковой. Москва–Воронеж: ИЯ РАН, Воронежский государственный университет, 2002. С. 103-114.
- Болдырев Н.Н.* Категории как форма репрезентации знаний в языке // Концептуальное пространство языка. Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г.Р. Державина, 2005. С. 16-40.
- Болдырев Н.Н., Дубовицкая Е.Ю.* Когнитивные механизмы формирования смысла «ПРИБЛИЗИТЕЛЬНОСТЬ» // Вопросы когнитивной лингвистики. 2006. № 1. С. 55-60.
- Гаврилова Е.Д.* Оценочные категории “GOOD” и “BAD” в современном английском языке: дис. ... канд. филол. наук. Тамбов, 2005.
- Дубовицкая Е.Ю.* Категория аппроксимации в современном английском языке: дис. ... канд. филол. наук.: Тамбов, 2006. 182 с.
- Austen J. Emma. N.Y.: Penguin Books, 1994. 367 p.
- V.N.C. – British National Corpus. URL: <http://www.english-corpora.org/bnc/> (дата обращения 03.04.2023).
- Gaima N. Stardust. U.K.: Headline, 2021. 241 p.
- Longman Language Activator The World's First Production Dictionary. Longman Group UK Limited, 1993. 1587 p.

E.D. Stolyar, T.A. PereLygina (Belgorod, Russia)
Belgorod State National Research University

APPROXIMATION IN EVALUATE CATEGORIZATION

The article discusses the process of approximation in evaluative statements from the perspective of cognitive linguistics. The text article also examines the cognitive basis of evaluation and approximation and the peculiarities of their specifics and language representation. The result of their interaction at the mental and discursive levels is provided. The objective of this paper is to reveal the basic cognitive and linguistic mechanisms of the formation of the meaning of approximation in evaluation statements.

Key words: approximation category, evaluation category, modus type of category, profiling.

А. В. Таскаева (Челябинск, Россия)

*Южно-Уральский государственный институт искусств им. П.И. Чайковского,
Челябинский государственный университет, taskaeva_anna@bk.ru*

С.А. Питина (Челябинск, Россия)

Челябинский государственный университет, sap.pitina@rambler.ru

ДЕЯТЕЛЬ ИСКУССТВ В СОЗНАНИИ БУДУЩИХ МУЗЫКАНТОВ (ПО ДАННЫМ АССОЦИАТИВНОГО ЭКСПЕРИМЕНТА)¹

В статье описаны результаты цепочечного ассоциативного эксперимента, направленного на выявление представлений о деятеле искусств в сознании обучающихся музыкальных специальностей ведущего регионального вуза творческой направленности. В результате обнаружено, что деятель искусств для будущего поколения музыкантов представляется человеком, занимающимся творческой деятельностью, основными компонентами которой являются талант, вдохновение и труд. Уникальный набор ассоциаций на слово-стимул «деятель искусств» обусловлен субъективным опытом учебной и профессиональной деятельности респондентов.

Ключевые слова: концепт, деятель искусств, ассоциативный эксперимент, музыкант.

Концепт **ДЕЯТЕЛЬ ИСКУССТВ** представляет большой интерес с точки зрения лингвокультурологии и лингвоперсонологии, теории лингвокультурных типажей, исследования категории профессионального деятеля. Существует ряд работ, посвященных изучению таких концептов, как **ТВОРЧЕСТВО** [Золоторева 2013], **ИСКУССТВО** [Сиднева 2013], **КУЛЬТУРА** [Кысылбаикова 2007], **ХУДОЖНИК** [Синявина 2016], **МАСТЕР** [Мухин 2011] и др., имеющих прямое или опосредованное отношение к исследуемому концепту, однако **ДЕЯТЕЛЬ ИСКУССТВ** никогда прежде не являлся предметом исследований в современной лингвистике.

Выдающийся деятель искусств входит в нашу таксономию героических личностей. Выдающийся деятель искусств («человек искусства») – это «человек, занимающийся какой-либо творческой деятельностью, плоды творчества которого являются культурным наследием человечества, а созданные им произведения способны влиять на души и умы людей, признаны широкой мировой общественностью» [Таскаева 2021: 11]. В данном определении находит отражение общепринятое представление о деятеле искусства как о человеке творческом и созидающем.

Цель статьи – диагностировать представления о деятеле искусств в сознании будущих музыкантов. Методологической базой исследования выбран ассоциативный эксперимент. Согласимся с С.В. Закорко в том, что «ассоциации дают возможность заглянуть в мир эмоций и представлений, с ними связанных, и посмотреть, как эмоции репрезентируются в мышлении человека и как соотносятся с культурной спецификой его восприятия мира» [Закорко 2012]. Анализ ассоциаций на стимул «деятель искусств» позволит не только выявить компоненты исследуемого концепта, но и получить представление об особенностях

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-10278, <https://rscf.ru/project/23-28-10278/>.

самоидентификации будущих музыкантов, так как ассоциативные поля различны у представителей разных профессий.

Мы провели цепочечный ассоциативный эксперимент среди будущих музыкантов Южно-Уральского государственного института искусств имени П.И. Чайковского, ведущего регионального вуза Челябинской области творческой направленности. Ассоциативный эксперимент был проведен в январе 2023 г., все респонденты в момент исследования проходили обучение по различным специальностям и направлениям подготовки в области музыкального искусства трех уровней образования: среднее профессиональное образование, высшее образование и подготовка кадров высшей квалификации в ассистентуре-стажировке. Учащимся было предложено назвать 5-10 ассоциаций, связанных со словосочетанием «деятель искусств». Приведем статистику по проведенному эксперименту:

Всего респондентов – 61. Всего реакций – 304, состоящих из 375 слов. Возраст респондентов от 15 до 38 лет (53% респондентов в возрасте от 15 до 20 лет, 40 % – от 21 до 28 лет, 7 % – от 35 до 38 лет).

По данным эксперимента мы составили ассоциативное поле концепта ДЕЯТЕЛЬ ИСКУССТВ, которое представляет собой совокупность ассоциатов на слово-стимул и имеет ядро (наиболее частотные реакции) и периферию. К наиболее частотным ассоциациям на заданный стимул относятся такие слова и их производные, как: *творчество/ творческий* (23), *музыка/ музыкальный/ музыкант* (17), *талант/ талантливый* (10), *вдохновение/ вдохновленный* (8), *труд/ трудолюбивый* (7). В ближней периферии относятся слова-реакции: *ум/ умный* (5), *культура/ культурный* (5), *любовь/ любящий* (5), *образованность/ образованный* (5), *неординарность /неординарный* (4), *артист* (4), *живопись* (4), *художник* (4), *мечта/ мечтательность* (4), *мыслитель* (4), *чувства/ чувствительный* (4). К дальней периферии относятся такие реакции, как *актер, гениальность/ гениальный/ гений, жизнь, интеллигентный, интерес/ интересный, креатив, скульптура, счастье, будущее, идея, индивидуальность*.

При интерпретации результатов эксперимента мы выделили парадигматические и синтагматические реакции респондентов.

К категориально-синонимичным реакциям (парадигматические реакции, принадлежащие к тому же семантическому полю, что и слово-стимул) относятся следующие: *музыкант* (5), *художник* (4), *артист* (3), *мыслитель* (3), *человек* (3), *актер* (2), *певец* (2).

К индивидуальным ассоциациям той же группы (те, которые встречаются единожды) относятся лексемы: *активист, архитектор, балерина, балетмейстер, богема, гений, гражданин, драматург, критик, маэстро, метр, пианист, писатель, поэт, скульптор, служитель искусства, творец, философ, художественный деятель, экспериментатор*.

Отдельную группу составляют категориально-атрибутивные реакции (парадигматические реакции, представляющие собой приписывание слову-стимулу некоторого признака в широком смысле), такие как: *творчество* (11), *талант (талантище)* (6), *креатив (креативность)* (3), *культура* (3), *свобода* (3), *кругозор* (2), *мечтательность* (2), *нестандартное мышление* (2), *саморазвитие* (2).

К индивидуальным ассоциациям той же группы относятся следующие: *вера в себя, влияние, воображение, воспитание, восхищение, гармония, гениальность,*

гибкость, добро, духовная помощь /развитие, душа, душевная сила, известность, изысканность, индивидуальность, интерес, искренность, красота, мобильность, музыкальность, неординарность, нравственность, образованность, опыт, оригинальность, позитивное настроение, популярность, разум, рассеянность, самоотдача, свежесть, спокойствие, старательность, страсть, терпение, техника, тонкая душевная организация, ум, упорство, фантазия, трудолюбие, чувственность, элегантность, эмоциональность, эстетика.

Группу синтагматических реакций по данным проведенного эксперимента составляют слова: *творческий* (11), *талантливый* (4), *умный* (4), *интеллигентный* (3), *начитанный* (3), *образованный* (3), *трудолюбивый* (3), *культурный* (2), *неординарный* (2).

К индивидуальным ассоциациям той же группы относятся лексемы: *вдумчивый, всесторонне развитый, духовно развитый, глубокий, грамотный, думающий, жаждущий новых знаний, заинтересованный, интеллектуальный, мудрый, осознанный, просвещённый, разносторонний, стремящийся к знаниям и открытиям, бедный, безграничный, внимательный, восприимчивый, индивидуальный, интересный, любящий своё дело, особенный, преданный, привлекательный, принимающий любую критику, спонтанный, счастливый, увлечённый, упорный, харизматичный, чувственный, чувствительный.*

В результате исследования мы обнаружили, что концепт ДЕЯТЕЛЬ ИСКУССТВ формируется в сознании носителя русского языка и культуры как совокупность знаний о трудовой деятельности и опыта общения с представителями многочисленных творческих профессий, таких как архитекторы, скульпторы, балетмейстеры, драматурги, искусствоведы, композиторы, режиссёры, художники и пр., что подтверждается обнаруженными категориально-синонимичными реакциями.

Выявленные синтагматические реакции характеризуют деятеля искусства как человека с высоким интеллектуальным потенциалом. Деятели искусств представляются умным, культурным, высоко образованным, неординарным и любящим свою профессию человеком. Восприятие респондентами своей будущей профессиональной деятельности характеризуется исключительно положительно. Отрицательную коннотацию имеет лишь единичная реакция *бедный*.

Ядро ассоциативного поля концепта ДЕЯТЕЛЬ ИСКУССТВ составляют лексемы *творчество, музыка, талант, вдохновение и труд*, что позволило сделать вывод о том, что уникальный набор ассоциаций на слово-стимул «деятель искусств» обусловлен субъективным опытом учебной и профессиональной деятельности респондентов. Деятели искусств в сознании будущего поколения музыкантов представляются человеком, занимающимся творческой деятельностью (прежде всего музыкой), основными компонентами которой являются талант, вдохновение и труд.

Литература

Закорко С.В. Свободный ассоциативный эксперимент как основной метод психолингвистического исследования // Наука о человеке: гуманитарные исследования. 2012. №1 (9). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/svobodnyy-assotsiativnyy-eksperiment-kak-osnovnoy-metod-psiho-lingvisticheskogo-issledovaniya> (дата обращения: 23.01.2023).

Золотарева Л.Р. Концепт «Творчество» в изобразительном искусстве // *Universum: филология и искусствоведение*. 2013. №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kontsept-tvorchestvo-v-izobrazitelnom-iskusstve> (дата обращения: 10.01.2023).

Кысылбаикова М.И. Концепт «Культура» в языковой картине мира представителей английского и якутского культурных сообществ // *Вестник Северо-Восточного федерального университета*. 2007. №4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kontsept-kultura-v-yazykovoy-kartine-mira-predstaviteley-angliyskogo-i-yakutskogo-kulturnyh-soobschestv> (дата обращения: 15.01.2023).

Мухин А.С. Концепт мастерства и мастера в архитектуре // *Вестник Санкт-Петербургского государственного института культуры*. 2011. №3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kontsept-masterstva-i-mastera-v-arhitekture> (дата обращения: 15.01.2023).

Сиднева Т.Б. Концепт «Искусство» как предмет современных культурологических рефлексий // *Вестник Вятского государственного университета*. 2013. №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kontsept-iskusstvo-kak-predmet-sovremennyh-kulturologicheskikh-refleksiy> (дата обращения: 10.01.2023).

Синявина Н.В. Концепт «Художник» в контексте русской культуры начала XX века // *Вестник Московского государственного университета культуры и искусств*. 2016. №5 (73). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kontsept-hudozhnik-v-kontekste-russkoy-kultury-nachala-hh-veka> (дата обращения: 10.01.2023).

Таскаева А.В. Герои России, Великобритании и США: лингвокультурологический иллюстрированный словарь. Челябинск: Изд-во ЧелГУ, 2021. 74 с.

A.V. Taskaeva (Chelyabinsk, Russia)

*South Ural State Institute of Arts Named after P.I. Tchaikovsky,
Chelyabinsk State University*

S.A. Pitina (Chelyabinsk, Russia)

Chelyabinsk State University

THE MAN OF ART IN THE CONSCIOUSNESS OF FUTURE MUSICIANS (ACCORDING TO AN ASSOCIATIVE EXPERIMENT)

The article describes the results of a chain association experiment aimed at identifying ideas about the concept of the man of art in the minds of music students at a leading regional university. It was found that the future generation of musicians see the man of art as a person engaged in creative activity, the main components of which are talent, inspiration, and effort. The unique set of associations can be explained by the subjective experience of the educational and professional activities of the respondents.

Key words: concept, man of art, associative experiment, musician.

И.В. Чекулай, О.Н. Прохорова (Белгород, Россия)

*Белгородский государственный национальный исследовательский университет
chekulai@bsu.edu.ru, prokhorova@bsu.edu.ru*

КОМПОЗИЦИОННАЯ СЕМАНТИКА: НОВЫЕ АСПЕКТЫ РАЗВИТИЯ ТЕОРИИ

В области композиционной семантики пока отсутствует концепция общего когнитивного структурирования языковых синтагм. В настоящей работе предлагается когни-

тивная схема такого структурирования независимо от степени сложности уровня языковой иерархии сочетаемости единиц в пределах единицы более высокого уровня иерархии.

Ключевые слова: языковая иерархия, уровень, модели композиционного содержания.

В истории когнитивной науки в России есть одна весьма интересная, с нашей точки зрения, фундаментальная проблема, которая, к сожалению, не получила такого интенсивного развития, как теория отражения концептов как структур знания в форме языковых единиц, метафора и метонимия, когнитивные аспекты функционирования фразеологических единиц и других фундаментальных проблем когнитивной лингвистики. В виду имеется композиционная семантика.

В зарубежной когнитивной науке данные проблемы исследуются давно, но можно сказать, что к каким-то фундаментальным результатам, которые существенно отличались бы от наработок в области структурно-функциональной теории семантической сочетаемости языковых единиц, ученые, проводившие исследования в этой области, не пришли. В основном в них рассматриваются комбинаторные характеристики единиц речи в рамках категориальной грамматики (например, [Baldrige 2002] и другие). В то же время многие видные западные лингвисты придают должное значение когнитивно-синтагматическим особенностям единиц языка и речи. В частности, известный американский лингвист-когнитолог Дж. Пустейовский заявляет следующее: «Композиционность – это требование исчисления смысла слова». Под исчислением в этом смысле подразумевается моделирование специфики соединения значимых единиц речи между собой с порождением новых смыслов и соответственно новых, специфичных структур знания.

В отечественной когнитивной лингвистике стало поистине знаковым проведение школы-семинара по композиционной семантике в 2002. Именно тогда Е.С. Кубрякова уточнила содержание предмета данной отрасли языковых когнитивных исследований следующим образом: «По сути дела композиционная семантика занимается содержанием любых синтагматических последовательностей» – цепочек знаков, демонстрирующих собой целостные единства и моделируемых по особым правилам... Это особый раздел семантики, в котором главное внимание уделяется закономерностям объединения знаков в единую семантическую структуру и правилам интерпретации этих структур; ее цель – обнаружить и предсказать семантические последствия сочетаемости разных знаков языка в тех или иных конструкциях, обладающих свойством относительной самостоятельности или автономности (производных разного типа, словосочетаниях и предложениях разного типа и т.п.)» [Кубрякова 2002: 4].

Таким образом, когнитивный взгляд на проблему композиционности языковых единиц и структур предполагает, что их содержательная сторона включает в себя и те потенциалы к сочетаемости, которые позволяют им соединяться в коммуникативные единицы более высокого и сложного порядка, пронизывает всю систему языковой иерархии.

Продолжая эту тему, хотелось бы обратить внимание на интересную с нашей точки зрения концепцию Б.Ю. Нормана, которую он формулирует следующим образом: «В лексическом значении слова есть составляющая, отвечающая

за его вхождение в текст (иначе говоря, ориентированная на создание текста). Она включает в себя поиск (подбор) лексических партнеров слова по синтагматической цепи» [Норман 2019: 727]. Признавая высокую релевантность данной концепции для характеристики комбинаторики слов в пределах словосочетания, мы хотели бы расширить общую сферу уровневого композиционного взаимодействия, введя положение о существовании некоторых категориальных композиционно-семантических общих моделей, пронизывающих все уровни языковых единиц исходя из понятия «соотношения смысла составляющих и результирующей единицы». Тем самым мы предлагаем следующие модели композиционного содержания (МКС):

1. Соединение компонентов представляет собой сумму смыслов / содержаний этих компонентов, и ничего более. Для простоты и доступности обозначения представим её как сумму А и В. В этом случае «формула» будет выглядеть так: $A + B = AB$. Назовём её «простая МКС».

Например, на уровне образования слова из корневой и аффиксальной морфемы не происходит ничего из ряда выходящего. Присоединяя к корню *боль-* суффикс *-н-* и соответствующую флексию-показатель рода, например, *большая*, получаем суммарный смысл «человек/существо женского пола и/или рода, имеющее болезнь». В случае словосложения в слове *двоеженец* существуют следующие компоненты – «мужчина (*-ец*), имеющий *двух жён*». Словосочетание *яблоневый сад* является простой суммой смыслов слов *яблоня* плюс *сад*, т.е. «сад, состоящий из яблонь». На уровне высказывания, например, в пресловутом *Мама мыла раму*, все три компонента также суммируют простые основные смыслы этих слов.

2. Соединение компонентов уже не является их простой суммой, поскольку привносит принципиально новое содержание их соединению. Назовём её «осложнённой», а формулу передадим как $A + B = B$.

На словообразовательном уровне данная модель может быть представлена словом *о-переж-ать*. Казалось бы, нет никаких оснований говорить о композиционно-семантической осложнённости непосредственно этого слова, но дело в том, что оно имеет практически абсолютный синоним *у-прежд-ать*, и, естественно возникает вопрос, почему мы имеем идентичный результат при различных «слагаемых». В связи с образованием слова *просторечие* имеем два «слагаемых» - *простой* и *речь*, но смысл их соединения отличается от того, что имеется в случае *Ты мне простой речью всё это изложи, без эквивок*. Смысл словосочетания *божья коровка* явно не является составной от *Бог + корова*. Кстати говоря, тот же феномен имеет место в англоязычном аналоге данного концепта, *lady-bird*, где различия «слагаемых» и «суммы» выражены не менее чётко, чем в русском языке. В высказывании *Я не одета для театра* звучит не утверждение факта (оно принципиально возможно, но в этом случае налицо простая модель, например, *Я не одет, поэтому мне холодно*), и осложнителем здесь является обстоятельство *для театра*.

Следующие модели существенно отличаются от двух первых, и ведущим фактором здесь являются существенные сдвиги содержания, обозначаемого языковыми единицами, в основном обусловленные метафорическими и метоними-

ческими переносами. Это именно те средства, которые обеспечивают оптимальное прагматическое воздействие адресанта на адресата.

3. Следующую модель мы называем «неординарной», хотя эта формулировка не совсем точно отражает сущность самой модели. Если в двух первых моделях ещё можно найти какие-то мотивационные основания, в данной модели они теряются благодаря действию факторов, которые ещё предстоит уточнить. Формулу этой модели условно можно выразить как $A + B = W$ (символическое немотивированное переключение из кириллицы в латиницу). Данная модель также проявляется на различных уровнях языковой иерархии. Например, это проявляется в словообразовании в случае *с-винтить* (в разговорно выраженном значении «уйти, ускользнуть»), на уровне словосочетания (*работа-не-бей лежащего*). На наш взгляд, интересно достаточно словосочетание *быть замужем*, которое при более тщательном этимологическом исследовании обнаруживает четкую былую простую модель *быть за мужем*, т.е. под его полными опекой и контролем. На уровне синтаксических единиц данная комбинаторика слов и словосочетаний часто оформляется по правилам стилистических средств и приёмов (например, конвергенция оксиморона и хиазма в названии фильма *Свой среди чужих, чужой среди своих*).

4. Данная модель в определённой мере является продолжением предыдущей, однако момент парадоксальности, неожиданности, а порой и фатовства или ёрничества в ней выражен гораздо отчётливее, что и дало основания вынести эту модель как специфическую. Предварительно она была названа нами «экстраординарной». Её условная формула – $A + B = \#$, т.е. нарушение любых логических, возможно этических и прочих правил соединения речевых единиц, тем не менее, имеющее специфический, обычно иронический или иной эпатажный смысл в данной ситуации общения. Таково, например соединение корней в словах *полуклиника*, *писатель-задирик*, в словосочетаниях *буховой оркестр* (возникшее в советское время в связи с тем, что в духовых оркестрах оркестранты часто собирались выпить), *мастер с понтом* вместо *мастер спорта*. Особо выразительными в этом отношении представляются высказывания, в основе композиционной сочетаемости которых лежит именно эта модель. Они характеризуются неожиданностью, парадоксальностью формулировок, в частности:

Кот подпрыгнул на стуле от обиды.

– *Помилуйте, королева, – прохрипел он, – разве я позволил бы себе налить даме водки? Это чистый спирт!* (М.А. Булгаков. *Мастер и Маргарита*).

– *Крепче, Андрэ, пройдя огонь, воду и медные трубы, становится только самогон. А к людям такой метод неприемлем* (В. Добряков. *Хроноагенты за работой*).

5. Последняя модель (мы называем её «специальной», поскольку она обычно связывается с терминологическим или иным специальным употреблением) выражается формулой $A + B = \$$. Такое соединение преимущественно лексем имеет смысл лишь в пределах определённого регистра институционального дискурса. В этой связи можно привести следующие примеры: *пробить товар* (т.е. напечатать чек на данный товар), *поставить*

вакцину (т.е. «сделать прививку»), *Правое плечо вперед!* (т.е. «повернуть налево»).

Таким образом, данный принцип моделирования композиционно-семантических параметров речи в определённой мере решает поставленную Дж. Пустейовским задачу смыслового исчисления речи.

Литература

Кубрякова Е.С. Композиционная семантика: цели и задачи // Композиционная семантика: Материалы Третьей Международной школы-семинара по когнитивной лингвистике, 18-20 сент. 2002 г. В 2 ч. Ч. 1. Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г.Р. Державина, 2002. С. 4-6.

Норман Б.Ю. Синтактика, когнитивия и композиционная семантика // Russian Journal of Linguistics. 2019. Т. 23. No 3. С. 714-730.

Baldrige J. Lexically Specified Derivational Control in Combinatory Categorical Grammar: Doctor of Philosophy. Univ. of Edinburgh, 2002. 234 p.

I.V. Chekulai, O.N. Prokhorova (Belgorod, Russia)
Belgorod State National Research University,

COMPOSITIONAL SEMANTICS: NEW ASPECTS OF THE THEORY ENRICHMENT

The conception of the general cognitive structuring domain of the cognitive semantics is still lacking. The present article suggests the cognitive framework of such structuring irrespectively of the degree of a language hierarchy level intricacy as far as the combinability of the language units within a unit of the higher hierarchy level is concerned.

Key words: language hierarchy, level, models of compositional content.

Е.А. Шефер (Челябинск, Россия)
Южно-Уральский государственный университет
sheferea@susu.ru

ИНТЕГРАЛЬНАЯ МОДЕЛЬ КАТЕГОРИИ КАТЕГОРИЧНОСТИ / НЕКАТЕГОРИЧНОСТИ В АНГЛОЯЗЫЧНЫХ ИСТОЧНИКАХ ТРУДОВОГО ПРАВА

Настоящее исследование представляет актуальную интегральную модель категоричности/некатегоричности в Трудовом кодексе Канады. Данная модель состоит из четырех взаимосвязанных секторов: языкового, культурного, когнитивного и социального, единицы которых реализуются в коммуникативной деятельности. В статье описаны языковые средства вербализации каждого сектора.

Ключевые слова: категоричность, некатегоричность, интегральный подход, источники трудового права, трудовой кодекс.

Исследование категоричности/некатегоричности (К/Н) и средств ее вербализации в юридическом дискурсе трудового права актуально ввиду того, что универсальные и культурно-специфические характеристики данной категории

представлены не в полном объеме и требуют изучения с использованием современной парадигмы описания языка.

Анализ существующих исследований доказывает, что у лингвистов не наблюдается единой точки зрения на категорию К/Н. Наибольший интерес у лингвистов вызывает некатегоричность и средства ее выражения. Исследованию данного аспекта категории посвящены работы В.И. Цапко, Л.В.Топка, Н.С. Миллянчук, Е.А. Рущкой и В.В. Звягиной и др. Аспект категоричности исследовали К.Ю. Малышкин, Т.Н. Кузьмина и Г.И. Гущина. На наш взгляд, повышенный интерес исследователей к изучению некатегоричности связан с процессом глобализации и активной межкультурной коммуникацией, для которой важным является проявление терпимости к чужому мнению [Шефер 2019].

Интегральный подход к языковым объектам, разработанный Т.Н. Хомутовой, мы считаем наиболее перспективным, потому что он позволяет рассмотреть наш объект исследования объемно, охватывая его различные аспекты [Хомутова 2010: 93].

Категория К/Н в англоязычном дискурсе трудового права была проанализирована с применением интегрального подхода на материале «Трудового кодекса Канады» объемом 93560 словоупотреблений. Языковые средства вербализации категории К/Н служат объектом исследования, целью которого является построение актуальной интегральной модели К/Н дискурса трудового права в английском языке (см. Рис.).

Языковой сектор категоричности в Трудовом кодексе Канады представлен 3191 маркерами: определительные и отрицательные местоимения и наречия с семантикой ограничения признака (1662): *any, all, no, every, nothing, anything, only*; глаголы речи (23): *to claim, to declare*, существительные (17) и прилагательные (6) с семантикой уверенности: *certainty, specific* (в значении *an exact, particular thing*); формы настоящего времени глаголов (745): *becomes, begins, applies*; модальные глаголы и слова с семантикой долженствования, обязанности и необходимости с инфинитивом (732): *shall, must, will*; превосходная степень прилагательных и наречий (6): *the highest, the latest, the best* [Canada Labour Code].

Средства **некатегоричности** англоязычного дискурса в тексте Трудового кодекса Канады представлены 1697 маркерами. К ним относятся модальные глаголы вероятности, возможности, допустимости (828): *would, could, might, may*; условные придаточные предложения (449): *... if they have made a complaint...*; вероятностные прилагательные (37): *possible, probable*; наречия – аппроксиматоры (36): *generally, usually, fairly*; глаголы оценки (171): *to consider, to appear, to believe, to expect, to indicate, to presume*; слова, дающие ссылку на другой источник права (107): *in accordance with, in the opinion of, according to*; противительные союзы (69): *but, however* [Canada Labour Code].

Когнитивный сектор К/Н англоязычного дискурса трудового права представляет собой фрагмент знания области трудового права, которое является достоверным, если оно выражено категоричными высказываниями, или вероятностным, если оно выражено некатегоричными высказываниями. С помощью анализа словарных дефиниций мы смогли определить концепты достоверности и вероятности и построить концептосферы категоричности (*feature restriction (ограничение признака)*), *obligation (долженствование)*, *assurance (уверенность)*, *eval-*

uation (оценка)) и некатегоричности (*possibility* (возможность), *stipulation* (обусловленность), *evaluation* (оценка), *liability restriction* (ограничение ответственности), *politeness* (принцип вежливости).

<p>Когнитивный сектор</p> <p>Категоричность/некатегоричность как фрагмент знания в области трудового права:</p> <ul style="list-style-type: none"> - <i>достоверное знание</i> (категоричность) - Концептосфера категоричности: <i>долженствование, уверенность, ограничение признака, оценка.</i> - <i>вероятностное знание</i> (некатегоричность) - Концептосфера некатегоричности: <i>допустимость /возможность, обусловленность, оценка, ограничение ответственности говорящего, принцип вежливости.</i> 	<p>Языковой сектор</p> <p>Категоричность/некатегоричность как фрагмент подязыка:</p> <p>Категоричность:</p> <p>Лексика: определительные и отрицательные местоимения, модальные слова и глаголы с семантикой <i>долженствования</i>, глаголы речи с семантикой <i>уверенности</i>, существительные, прилагательные</p> <p>Морфологические средства: формы настоящего времени глагола, превосходная степень прилагательных</p> <p>Некатегоричность:</p> <p>Лексика: модальные глаголы с семантикой <i>возможности</i> и <i>допустимости</i>, глаголы <i>оценки</i>, словосочетания, указывающие на источник информации, имеющие отношения к говорящему, противительные союзы, прилагательные <i>вероятности</i>, наречия-аппроксиматоры.</p> <p>Синтаксические средства: придаточные условные предложения.</p>	
<p>Культурный сектор</p>	<p>Коммуникативная составляющая:- категоричная достоверность прав и обязанностей, выражение допустимости/возможности, воздействие на читателя, выражение обусловленности, оценка, установка границ ответственности за передаваемую информацию, принципа вежливости.</p>	<p>Социальный сектор</p>
<p>Категоричность/некатегоричность как фрагмент культуры:</p> <p>Культурные ценности:</p> <p>Отношение к власти – <i>авторитарное</i></p> <p>Отношение к характеру мышления – <i>абстрактное мышление, лишенное эмоциональности</i></p> <p>Отношение к деятельности – <i>склонность к эффективности и продуктивности, решению проблем и нацеленность на будущее.</i></p> <p>Отношение к характеру аргументации – <i>линейность, фактуальность, конкретность.</i></p>	<p>Категоричность/некатегоричность как фрагмент социального пространства:</p> <p>Участники коммуникации:</p> <ul style="list-style-type: none"> - авторы – министры юстиции Канады - язык - английский; образование авторов – высшее; образование читателя – любое, - читатели – трудоустроенные граждане - возраст –12 лет и старше - формальное общение - отношения «начальник - подчиненный» 	

Рис. Актуальная интегральная модель категоричности/ некатегоричности в англоязычном дискурсе трудового права

Культурный сектор категоричности/некатегоричности определяется следующими основными культурными ценностями англоязычной культуры.

По отношению к власти англоязычная лингвокультура исторически относится к эгалитарным, тем не менее, в дискурсе трудового права (Трудовой кодекс Канады) количество категоричных и императивных высказываний преобладает (3191 маркер категоричности против 1697 маркеров некатегоричности). Тексты законодательных актов характеризуются как авторитарные ввиду стандартизованности и регламентированности правовых отношений. По отношению к характеру мышления англоязычная культура традиционно считается аналитической, линейной и рациональной ввиду отсутствия эмоциональности и оценочности, что подтверждает абстрактный характер и сухой язык Трудового

Кодекса Канады за счет употребления канцеляризмов. По отношению к деятельности для западных лингвокультур решение проблемы важнее процесса, такие культуры нацелены на будущее. Им свойственны эффективность и продуктивность деятельности. По отношению к характеру аргументации англоязычные лингвокультуры линейны, фактуальны, абстрактны, отстранены от объекта. Трудовой кодекс как жанр законодательного подстиля отличается должностно-предписывающим характером изложения информации с помощью модальных глаголов с семантикой долженствования, а также ссылками на другие источники трудового права, что подтверждает доказательную основу при формулировании правовой нормы.

Социальный сектор категоричности/некатегоричности представлен англоязычными авторами Трудового Кодекса, которые являются членами Министерства юстиции Канады, свободно владеют английским языком, имеют высшее образование, работают на территории Канады и являются представителями англоязычной культуры. Реципиенты – лица, достигшие возраста трудоустройства (в некоторых провинциях – 12 лет), различного уровня образования, находящиеся в трудовых отношениях «начальник – подчиненный» со своим работодателем.

Коммуникативная составляющая. В Трудовом кодексе Канады категория категоричности/некатегоричности реализует функцию категоричной достоверности прав и обязанностей, императивную функцию, функцию выражения допустимости/возможности, функцию установки границ ответственности за передаваемую информацию, функцию обусловленности правовой нормы, функцию оценки и «принципа вежливости».

Таким образом, представленная нами актуальная интегральная модель категоричности/некатегоричности реализует базовую модель, которая состоит из четырех секторов. *Когнитивный сектор* категоричности / некатегоричности представлен фрагментом знания определенной предметной области, которое является достоверным или вероятностным; *языковой сектор* К/Н представлен различными лексическими, грамматическими и синтаксическими средствами выражения; *культурный сектор* определяется культурными ценностями англоязычной культуры; *социальный сектор* категоричности/некатегоричности представлен участниками коммуникации, их социальными характеристиками и областью функционирования в дискурсе трудового права; все представленные компоненты взаимообусловлены и взаимозависимы и реализуются в процессе коммуникации.

Литература

Хомутова Т.Н. Научный текст: интегральный подход. Челябинск: Издательский центр ЮУрГУ, 2010. 333 с.

Шефер Е.А. Категоричность / некатегоричность как объект лингвистики: состояние и перспективы исследования // Наука ЮУрГУ: Материалы 71-й научной конференции, Челябинск, 10–12 апреля 2019 года. Мин-во науки и выс.обр. РФ, ЮУрГУ. Челябинск: Издательский центр ЮУрГУ, 2019. С. 348-356. EDN OGNKQL.

Canada Labour Code (R.S.C., 1985, c. L-2) <https://laws-lois.justice.gc.ca/eng/acts/L-2/>

*E.A. Shefer (Chelyabinsk, Russia)
South Ural State University*

INTEGRAL MODEL OF CATEGORICITY/ NON- CATEGORICITY IN CANADIAN LABOUR LAW

The study deals with the integral model of categoricity/non-categoricity in the Labour Code of Canada. The model comprises linguistic, cultural, cognitive, and social sectors of the communication process. The paper focuses on linguistic means of their verbalization.

Key words: categoricity, non-categoricity, integral approach, labour law sources, Labour Code.

С.А. Шишкина (Тюмень, Россия)

*Тюменский государственный университет
raddoc@rambler.ru*

А.П. Ушакова (Тюмень, Россия)

*Тюменское высшее военно-инженерное командное училище
имени маршала инженерных войск А.И. Прошлякова
apushakova@rambler.ru*

ОЦЕНОЧНЫЙ КОНЦЕПТ ИНТЕРЕС В РУССКОМ НАУЧНОМ ДИСКУРСЕ

В статье анализируются примеры вербализации концепта «интерес» в русском научном дискурсе, описываются понятийные признаки и оценочная специфика данного концепта.

Ключевые слова: концепт, дискурс, оценка, мотивация, понятийный признак.

Данное исследование посвящено выявлению и описанию природы оценочного концепта ИНТЕРЕС, изучению его формирования и особенностей. Одним из понятийных признаков, составляющих концепт ИНТЕРЕС, является «желание понять, узнать», что определяет интерес как мотивацию любого, в том числе научного, познания. Однако ошибкой было бы понимать интерес как нейтральное, беспристрастное стремление к познанию. Концепт ИНТЕРЕС обладает оценочными свойствами, а как известно, оценка считается неуместной в рамках традиционного научного дискурса. Исключениями являются речевой жанр научной рецензии, а также неформальный научный дискурс (полемические выступления и т.п.).

Оценочность концепта ИНТЕРЕС выражается так: то, что привлекает внимание – хорошее, интересное, увлекательное, то, что не привлекает внимание – плохое, неинтересное, скучное. Тем не менее, присутствие оценки мешает употреблению лексических единиц, репрезентирующих концепт в языке (интерес, интересоваться, интересный) в рамках научного дискурса. Такое употребление обычно ограничено рамками обоснования актуальности научного исследования.

Например, в книге В.И. Карасика «Языковой круг: личность, концепты, дискурс» один из изучаемых концептов характеризуется как «представляющий интерес»:

«Лингвокультурное моделирование лени представляет интерес, поскольку дает возможность охарактеризовать один из этических концептов, определяющих нормы поведения людей вообще, с одной стороны, и выявить этнокультурную специфику такого поведения, с другой стороны» [Карасик 2004: 114].

Иногда концепт ИНТЕРЕС в научном дискурсе встречается и в других контекстах:

«Очень интересные наблюдения относительно русских слов «лень» и «неохота» приводятся в статье И.Б. Левонтиной» [Карасик 2004: 117].

Особое значение концепт ИНТЕРЕС в научном дискурсе обычно приобретает в ситуации, где агент-ученый выполняет роль педагога или популяризатора, поскольку интерес является важным стимулом приобретения знаний, расширения кругозора, повышения познавательной активности человека. При наличии интереса учебный материал усваивается прочно, при отсутствии – часто формально, с трудом. Для поддержания интереса большое значение имеет как поведение преподавателя на уроке (его умение заинтересовать учащихся в учебном материале), так и качество учебных материалов в пособии, использование средств наглядности.

Остановимся подробнее на непосредственном языковом употреблении концепта ИНТЕРЕС в русском научном дискурсе.

Нами были обнаружены следующие примеры привлечения концепта «интерес» для обоснования актуальности научного исследования.

«...нельзя не заметить, что если раньше ученых интересовало преимущественно то, как устроен язык сам по себе, то теперь на первый план выдвинулись вопросы о том, как язык связан с миром человека, в какой мере человек зависит от языка, каким образом ситуация общения определяет выбор языковых средств» [Карасик 2004: 5].

«Функциональная лингвистика вовсе не исчерпала себя, и на фоне общего интереса к антропоцентрической лингвистике прослеживаются интересные новые изыскания в ключе лингвоцентрического неоструктурализма» [Карасик 2004: 5].

В данных примерах мы видим вербализацию научного интереса в самом широком его смысле – как интереса всех ученых, занимающихся данной дисциплиной.

Подобный пример можно встретить и у Н.К. Фролова:

«Интерес к славяно-русской истории имен, отчеств и фамилий, среди которых свое важное место занимают заимствованные слова, в последнее время возрос в связи с обострением чувств русского национального самосознания, естественной любопытностью и желанием восстановить собственное родословное древо» [Фролов 2005 Т. 1: 5].

Кроме того, исследуемый концепт встречается в научных текстах в том случае, когда автор хочет заинтересовать своих читателей:

«Предлагая проследить формирование и становление современной русской формулы наименования, надеюсь, что это заинтересует моих учеников, и они смогут заняться профессиональным исследованием отечественной антропоники и объектом ее познания – антропонимами» [Фролов 2005 Т. 1: 5].

Концепт ИНТЕРЕС может быть опредмечен в таком жанре научного текста, как обзор мнений по какому-либо вопросу: «Произошел предсказанный Фердинандом де Соссюром перенос центра тяжести с изучения системы языка на исследование речи. Этот переход носил постепенный характер и проявился в интересе к функционированию языка, далее – к условиям и обстоятельствам речевой деятельности, затем – к влиянию всей совокупности общественных норм и стереотипов поведения на сознание человека говорящего» [Карасик 2005: 5].

Функция интереса – выделять некий объект из множества других как привлекающий внимание. Благодаря этому интерес в научном дискурсе может выделять определенные явления или научные мнения, особенно важные для какого-либо исследования, служить своеобразным маркером, отмечающим некий фрагмент научного текста, как в следующем примере:

«Любопытно, что термином «имя собственное» еще древние греки обозначали имя, точнее, часть речи, имеющую единичное качество, в отличие от имени нарицательного, обозначающего общее качество» [Фролов 2005 Т. 1: 7].

Если объекты «интереса вообще» могут быть различными, то научный интерес обычно относится к двум типам объектов:

- 1) собственно исследуемый феномен, чем бы он ни был,
- 2) мнения других ученых, которые агент дискурса оспаривает, либо с которыми соглашается.

Аксиомы, устоявшиеся, решенные научные вопросы не вызывают интереса. Он появляется, когда речь идет о гипотезах, дискуссионных проблемах.

Приведем пример вербализации интереса к собственно изучаемому феномену:

«Бурное развитие языкознания в XIX в. дало интересные материалы и в области собственных имен» [Фролов 2005 Т. 1: 14].

«Весьма интересна концепция К.Ф. Седова, который выделяет три типа языковой личности – инвективный, рационально-эвристический и куртуазный» [Карасик 2005: 11].

Изучаемое явление, вызвавшее у исследователя интерес, обычно обладает особыми характеристиками, выделяющими его из ряда подобных:

«Весьма интересны лексические и фразеологические индексы принадлежности человека к той или иной группе. Ясно, что таким индексом не могут быть частотные строевые единицы, глаголы-связки, самые употребительные слова или обороты речи. Но такие единицы, как, например, слово отнюдь, сразу же характеризуют языковую личность, намеренно или ненамеренно выделяющую себя из общей массы» [Карасик 2004: 16].

Заслуживает внимания тот факт, что в научном дискурсе может эксплицироваться интенсификация интереса. Казалось бы, эта характеристика скорее относится к интересу как эмоции, а не к интересу как мотивации научного познания, но приведем следующий пример:

«В последние годы наблюдается повышенный интерес к проблемам антропологии. Собственные личные имена изучаются наряду с нарицательными именами в работах В.А. Никонова, А.В. Суперанской и др.» [Фролов 2005 Т. 1: 36].

Действительно, следующий далее длинный список имен указывает на «повышенный» интерес исследователей к данной проблеме.

«Внимание» является одним из периферийных признаков концепта ИНТЕРЕС, поэтому лексемы «интерес», «интересный», «интересоваться» часто встречаются рядом с характерными для научного дискурса формулировками «обратим внимание», «принимая во внимание», «исследователь обращает внимание на» и т. п., как в следующем примере:

«Весьма интересны и закрепленные в языке формы критики определенного статусного самопредставления» [Карасик 2004: 71].

В русском научном дискурсе встречается понятие «сфера научных интересов»: «Исследование языковой личности – лингвистическая персонология, по В.П. Нерознаку, – неизбежно вовлекает в сферу интересов лингвистов те вопросы, которые объединяют всех специалистов, изучающих человека с различных точек зрения. К числу важнейших вопросов теории языковой личности относятся, на мой взгляд, выделение типов языковых личностей и освещение подходов к их изучению» [Карасик 2005: 10].

Таким образом, концепт ИНТЕРЕС занимает важное место в структуре научного дискурса как опосредованно (мотивация познания, обучения), так и непосредственно (вербализация концепта «интерес» в научных текстах).

Литература

Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. М: Гнозис, 2004.

Фролов Н.К. Избранные работы по языкознанию: в 2 т. Т.1.: Антропонимика. Русский язык и культура речи. Тюмень: Издательство ТюмГУ, 2005.

S.A. Shishkina (Tyumen, Russia)

Tyumen State University

A.P. Ushakova (Tyumen, Russia)

Higher Military Engineering Command School named after Marshal of Engineering Troops A.I. Proshlyakov

EVALUATIVE CONCEPT *INTEREST* IN RUSSIAN SCIENTIFIC DISCOURSE

The article analyzes the verbalization of the concept “interest” in Russian scientific discourse. It describes the conceptual features and evaluative specifics of this concept.

Key words: concept, discourse, evaluation, motivation, conceptual feature.

Н.В. Шутёмова (Санкт-Петербург, Россия)

Санкт-Петербургский государственный университет,

Пермский государственный национальный

исследовательский университет, n.shutemova@spbu.ru

КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНОГО КАК УНИВЕРСАЛЬНОГО В ДОКУМЕНТАЦИИ ПРОЕКТА «ВСЕМИРНОЕ НАСЛЕДИЕ»

Исследование нацелено на изучение языковой репрезентации процессов, связанных с концептуализацией национального наследия как универсальной ценности в корпусе документов проекта «Всемирное наследие». Выявлено, что важную функцию в

данном отношении выполняет категория оценки. Рассмотрены средства объективации значимости, уникальности и эстетических свойств культурных и природных достопримечательностей.

Ключевые слова: концептуализация, метаконцепт ЦЕННОСТЬ, категория оценки, институциональный дискурс, декларации о выдающейся универсальной ценности объектов всемирного наследия.

Декларации о выдающейся универсальной ценности (далее ВУЦ) объектов всемирного наследия составляют один из основных видов документации, представляющей собой лингвистическое сопровождение международного проекта, имеющего социальную значимость. В настоящее время он включает 1157 достопримечательностей, расположенных на территории 167 государств. Декларации ВУЦ содержат описание объектов, которые считаются страной уникальными, отражают ее национальную культуру и природное своеобразие. Однако документация служит не только информированию общественности о существовании таких объектов, но и убеждению широкой целевой аудитории в их значимости для всего человечества. В связи с этим возможно выдвинуть гипотезу о том, что в обозначенных текстах находит выражение процесс концептуализации национально-культурного как универсального. Предметом рассмотрения в нашей статье являются языковые средства, посредством которых данный процесс объективируется.

Как показал когнитивно-дискурсивный анализ корпуса деклараций ВУЦ, национальное культурное и природное наследие осмысливается в них сквозь призму метаконцепта ЦЕННОСТЬ, что репрезентировано ключевым термином «выдающаяся универсальная ценность» (“Outstanding Universal Value”) и закреплено в названии самой документации на английском и французском языках (“Statement of Outstanding Universal Value” (SOUV)/ “Déclaration de valeur universelle exceptionnelle”). Согласно определению, содержащемуся в «Руководстве по выполнению Конвенции об охране всемирного наследия» (“Operational Guidelines for the Implementation of the World Heritage Convention”), «выдающаяся универсальная ценность означает культурную и/или природную значимость, которая является столь исключительной, что выходит за пределы национальных границ и представляет всеобщую ценность для настоящих и будущих поколений всего человечества» [Руководство 2017: 14].

Кроме того, весь текст декларации представляет собой доказательство выдающейся универсальной ценности объекта, которое композиционно состоит из описания свойств достопримечательности, констатации соответствия ее значимости установленным критериям оценки, аргументации цельности и аутентичности объекта, указания мер по его охране. На этом основании полагаем, что значительную роль в концептуализации национально-культурного как универсальной ценности в документах проекта играет категория оценки, понимаемая в когнитивной лингвистике как деятельность, связанная с познанием именно ценности объекта и формированием ценностного отношения к нему [Болдырев 2019; Петухова, Хомякова 2020].

В классификации видов оценки традиционно выделяют такие критерии, как дихотомии «добро/зло», «прекрасное/безобразное», «истина/ложь», «эмоцио-

нальное/рациональное», при этом в зависимости от представленности разных типов мнений различают одно- и биполярную оценку [Арутюнова 1988; Вольф 2005; Ивин 1970; Петухова, Хомякова 2020], что в целом позволяет достаточно полно анализировать вариативность аксиопространства дискурса.

В декларациях ВУЦ параметры оценки включают уникальность национального наследия, его международную значимость, эстетические и прикладные свойства. Доминантой аксиопространства документации является положительная характеристика достопримечательностей. Данный вид оценки аргументируется логически посредством доказательства от факта, репрезентируется во всех композиционных частях документа, сопровождая индуктивно-дедуктивный и «спиральный» ход изложения. Основными экспрессивными средствами языковой объективации указанной оценки являются «зонтиковые» метафоры и развернутая система эпитетов, их рекуррентность, использование контекстуальной синонимии, что обуславливает нехарактерную для официально-деловых текстов эмфатичность.

К высокочастотной лексике, посредством которой передается мнение об уникальности объектов, относятся эпитеты “outstanding”, “unique”, “exceptional”, “unrivalled”, “distinguished”. В качестве ключевых при рассмотрении универсальной значимости объектов выступают эпитеты “universal”, “important”, “significant”, “vital”, семантика которых актуализируется посредством интенсификаторов, в частности “globally/internationally/ considerably (important/significant)”. Диапазон средств, выражающих положительную оценку объектов с эстетических позиций, широк и включает, например, эпитеты “beautiful”, “picturesque”, “scenic”, “aesthetic”, “dramatic”, “spectacular”, “rich”, “impressive”, “supreme”, “creative”, “distinctive”, “unparalleled”. Отметим, что семантика данных эпитетов актуализируется посредством рекуррентности и формы превосходной степени сравнения.

Так, в формулировке ВУЦ озера Байкал (“Lake Baikal”) с помощью прилагательных “old” и “deep” выражается положительная оценка объекта как старейшего и самого глубокого озера в мире, содержащего 20% мировых запасов незамерзшей пресной воды: “Situating in south-east Siberia, the 3.15-million-ha Lake Baikal is the **oldest** (25 million years) and **deepest** (1,700 m) lake in the world. It contains 20% of the world’s total unfrozen freshwater reserve” [LB]. В данном контексте оценка сопровождает аргументацию «от факта», способствуя трансферу знания и выполняя коммуникативно-речевую функцию убеждения целевой аудитории в универсальной ценности объекта.

Кроме того, оценка выражается и метафорой «Galapagos of Russia», основанной на сопоставлении значимости Байкала и Галапагосских островов, которые стали первым объектом всемирного наследия и получили признание как регион, где наиболее полно сохранилось разнообразие флоры и фауны, которое вдохновило Ч. Дарвина на создание эволюционной теории: “Known as the **Galapagos of Russia**, its age and isolation have produced one of the world’s **richest** and **most unusual** freshwater faunas, which is of **exceptional** value to evolutionary science” [там же]. Высокая метафорическая оценка ценности озера получает обоснование и разворачивается в системе эпитетов, функцию которых выполняют прилагательные “rich” и “unusual”, употребленные в форме превосходной

степени сравнения для характеристики богатства пресноводной фауны. Посредством эпитета “exceptional” эксплицируется мысль и об ее исключительной ценности для науки.

В качестве примера также отметим, что положительная оценка значимости Убсунурской котловины («Uvs Nuur Basin») объективируется аналогично посредством эпитета “important”, рекуррентия которого акцентирует значимость района для миграции птиц (“**important** for migrating birds”) и сохранения редких животных (“an **important** refuge for the globally endangered snow leopard, mountain sheep (argali) and the Asiatic ibex”) [UNB].

В формулировке ценности природного парка «Ленские столбы» (“Lena Pillars Nature Park”) эксплицируется высокая эстетическая оценка его уникальных видов, красота которых передается посредством эпитета “spectacular” и получает развернутую аргументацию, основанную на научном знании в таких предметных областях, как геология и география: “Lena Pillars Nature Park is marked by **spectacular** rock pillars that reach a height of approximately 100 m along the banks of the Lena River in the central part of the Sakha Republic (Yakutia)” [LPNP].

Формулировка универсальной ценности белокаменных памятников Владимира и Суздаля (“White Monuments of Vladimir and Suzdal”) содержит положительную оценку значимости объекта с точки зрения истории национальной архитектуры и его художественных свойств, что репрезентируется посредством прилагательных “important”, “magnificent” и существительного “masterpieces”, характеризующих величественность соборов и их признание в качестве шедевров: “These two artistic centres in central Russia hold an **important** place in the country's architectural history. There are a number of **magnificent** 12th- and 13th-century public and religious buildings, above all the **masterpieces** of the Collegiate Church of St Demetrios and the Cathedral of the Assumption of the Virgin” [WMVS].

Отметим, что в дополнение к вербальной актуализации ценности объектов в документации используется комплекс фото-, видео- и аудиоформатов трансфера знания о ценности объектов, которое охватывает различные предметные области, включая историю, искусствоведение, биологию, геологию, географию. В целом это обеспечивает мультимодальную репрезентацию концептуализации национальных ценностей как универсальных и позволяет реализовывать стратегию убеждения международного сообщества в уникальности достопримечательностей.

Литература

Арутюнова Н.Д. Типы языковых значений. Оценка. Событие. Факт. М.: Наука, 1988.

Болдырев Н.Н. Когнитивные доминанты языковой интерпретации // Когнитивные исследования языка. 2019. Вып. XXXVI. С. 43-52.

Вольф Е.М. Функциональная семантика оценки. М.: URSS, 2005.

Ивин А.А. Основания логики оценки. М.: Изд-во Московского ун-та, 1970.

Петухова Т.И., Хомякова Е.Г. Новое знание и биполярность оценочной интерпретации изобразительного искусства соцреализма в англоязычном искусствоведческом дискурсе // Вопросы когнитивной лингвистики. 2020. No 4. С. 53-63.

Руководство по выполнению Конвенции об охране всемирного наследия // Центр всемирного наследия ЮНЕСКО. Париж, 2017. URL: https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000369013_rus

LB – Lake Baikal. URL: <https://whc.unesco.org/en/list/754>

LPNP – Lena Pillars Nature Park. URL: <https://whc.unesco.org/en/list/1299>

UNB – Uvs Nuur Basin. URL: <https://whc.unesco.org/en/list/769>

WMVS – White Monuments of Vladimir and Suzdal. URL: <https://whc.unesco.org/en/list/633>

N.V. Shutemova (Saint Petersburg, Russia)

Saint Petersburg State University,

Perm State University

CONCEPTUALIZING THE NATIONAL AS THE UNIVERSAL IN STATEMENTS ON WORLD HERITAGE SITES

The research touches on how Statements of Outstanding Universal Value of World Heritage Sites represent the process of conceptualizing national properties as globally important. The category of evaluation is revealed as playing the main role in this activity. We consider dominant means used to objectify the significance, uniqueness, and aesthetics of cultural, natural, and mixed sites.

Key words: conceptualization, metaconcept VALUE, the category of evaluation, institutional discourse, Statements of Outstanding Universal Value of World Heritage Sites.

VII. ПСИХОСЕМИОЛОГИЯ ЯЗЫКА И РЕЧИ

*И.Д. Баландина (Челябинск, Россия)
Южно-Уральский государственный
гуманитарно-педагогический университет
irfrish@mail.ru*

КОГНИТИВНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ТОПОНИМИИ (НА МАТЕРИАЛЕ ТОПОНИМОВ ВЕЛИКОБРИТАНИИ)

Статья анализирует возможность изучения топонимии в когнитивном аспекте. Топоним изначально изучался в географической и исторической парадигме. Позже топонимия стала лингвистической наукой с акцентом на его структуру и происхождение. Когнитивный подход к изучению топонимов позволяет проанализировать развитие общества, актуализацию различных аспектов жизнедеятельности человека и проследить их отражение в языке. При этом когда-то однозначно понимаемый языковой феномен становится носителем множества смыслов, получая не свойственную ему вторичную номинацию.

Ключевые слова: топоним, топонимия, когнитивная лингвистика, номинация.

Традиционно топонимия считалась наукой о назывании географических объектов, которые отражают историю расселения человека и освоения им новых земель и территорий. В топониме отражены черты местности или образ жизни народа, придумавшего его.

Для большинства топонимов характерна сложная семантическая структура, в которой переплетаются социальные, культурные, исторические и другие ассоциации. Наиболее тесную связь топонимика имеет с историей и географией, так как народ давал названия городам, деревням, рекам, озерам и другим географическим объектам в определенный момент истории. Поэтому, можно утверждать, что топонимика территории напрямую зависит от социально-экономических условий, а также традиций, господствующих в обществе, в тот или иной исторический период.

Топонимика тесно связана с такой научной дисциплиной, как история, так как топонимика исследует вопросы, связанные с происхождением топонимов, а именно условия и причины их возникновения и изменения.

Согласно С.Н. Басику, географические названия возникали в определенные исторические периоды, а значит, представляют собой хронологическое свидетельство определенных исторических событий. С течением времени топонимы изменялись по форме и содержанию и распространялись в зависимости от конкретных событий истории. Различные события, такие как миграции населения, этнические контакты, войны накладывают свой отпечаток на топонимию. Каждую историческую эпоху характеризует определенный набор топонимов. Они образуют своеобразные топонимические пласты. Многие топонимы упоминаются в исторических документах и являются объектами исторического изучения [Басик 2006]

Большое значение для топонимики имеет такая научная дисциплина, как география, так как топонимы являются важнейшим элементом карты. Также вследствие того, что топонимы имеют пространственную привязку, они могут многое рассказать о характере заселения, освоения и хозяйственного использования той или иной территории. Однако, несмотря на очевидную связь топонимики с исторической и географической науками, многие лингвисты считают, что топонимика является исключительно лингвистической наукой (А. Доза, Д.Н. Кокков, М.Р. Магомедов, А.К. Матвеев, Н.В. Подольская, А.В. Суперанская, А.Н. Топоров и др.).

При изучении топонимии с лингвистической точки зрения анализу подвергается структура топонима, его происхождение, особенности употребления в речи. Наиболее традиционным и полным подходом к исследованию топонимики считается подход А.В. Суперанской, которая выделяет:

1) теоретическую ономастику, которая изучает общие закономерности развития и функционирования ономастических систем. Фактически, она является научной базой для всех ономастических исследований;

2) описательную ономастику, которая даёт ономастическое описание, анализ и лингвистическую интерпретацию собранного материала выбранной территории или языка;

3) прикладную ономастику, которая связана с произношением, орфографией, нормами склонения имён собственных;

4) историческую ономастику, которая изучает ономастические состояния имён собственных прошлого, утраченных в результате различных преобразований и перестроек в языке;

5) поэтическую ономастику, которая изучает имена собственные в художественных и литературных текстах. [Суперанская 184: 215].

Традиционное изучение топонимов с лингвистической точки зрения представляется весьма перспективным и практически неисчерпаемым. Однако в последние десятилетия топонимика попала в фокус внимания лингвистов-когнитологов. Интерес когнитивистов к языковому знаку такого типа легко объяснить. Топонимия той или иной территории, являясь лексической подсистемой, отражает языковую картину мира народа, т.е. его систему взглядов, миропонимание, национальный дух. В топониме кодируется представление этноса об окружающей среде, актуализируются наиболее актуальное для этноса в данный период времени (скажем, в языке оседлых народов, занимающихся земледелием, чаще будут встречаться топонимы с элементами – *ager* (др.-англ. *Æcer*) – «обрабатываемая земля, пашня» – *Alsager* (город в графстве Чешир, Англия) или – *combe* (др.-англ. *cumb*) – *Addiscombe* (район на юге Лондона) и т.д.).

Кроме того, топоним является частью культурного кода, разворачиваясь в скрипт [Баландина 2018: 126].

Некоторые лингвисты выделяют отдельный топонимический концепт. Приводя различные способы исследования топонима, А.Н. Беляев считает, что «изучение топонимов в когнитивном аспекте открывает возможности для совершенствования самих приёмов ономастических исследований» [Беляев 2019: 13]

Н.А. Королева подробно изучает топонимы в когнитивном аспекте, рассматривая топоним как единицу реализации концепта [Королева 2008: 127].

По мнению И.А. Мартыненко, топонимы являются результатом ментальной деятельности людей, живущих в группах и сообществах. Они являются единицами коллективного знания, выделяя при этом наиболее важное для сообщества. Поэтому И.А. Мартыненко считает, что когнитивный аспект является основополагающим при изучении топонима [Мартыненко 2020: 146]

Таким образом, можно сделать вывод, что сама природа топонима подразумевает, что его изучение в когнитивном аспекте дает огромные возможности для изучения особенностей номинации в том или ином этносе, выявляя наиболее актуальные для общества предметы и явления. Изучение топонимов тем интереснее, что при их исследовании можно привлечь исторический аспект, таким образом выявив важное для этноса в диахроническом аспекте, прослеживая изменения в сознании людей.

С этой точки зрения английская топонимия представляет собой впечатляющий материал для исследований. Топонимия Англии прошла через многовековой путь развития и складывалась под влиянием различных этносов и языков (языков кельтов, римлян, англосаксов, скандинавов и норманнов).

Топонимы Англии с этимологической точки зрения классифицируют по-разному. Так, А.В. Уразметова делит топонимы Великобритании на исконные, заимствованные и гибридные. [Уразметова 2016: 45]

В.Д. Беленькая выделяет среди заимствованных топонимов топонимы кельтского, латинского, французского и скандинавского происхождения (выделяя соответствующие топонимические слои, или пласты). [Беленькая 1977: 25]

Так, например, большое количество топонимов, связанных с именами людей показывает, что древние поселенцы стремились обозначить свою собственность как по отношению к природному, так и к искусственно созданному объекту. Это также подтверждает значительное количество топонимов, обозначающих «ограждение», «огороженная земля» и даже «межевой знак». Это значит, что древние поселенцы стремились к обособлению от других представителей племени.

В обществе господствовал патриархальный уклад (возможно, с сохранением пережитков матриархата), о чем свидетельствует тот факт, что топоосновы чаще отражают мужские имена, чем женские.

Многообразие топонимов, обозначающих различные топографические объекты, говорит о том, что древние жители Англии проживали, в основном, в сельской местности (топоформанты «ферма, поместье, деревня» преобладают над топоформантом «город») и большое значение уделяли природе. Деревенские жители разбирались в вопросах флоры и фауны и использовали данные знания в быту (например, топоним *Abbotskerswell* – «источник или ручей, где растет водяной кресс» свидетельствует о том, что данное растение, используемое в медицине и кулинарии, имело для жителей практическую ценность).

Что касается хозяйственной деятельности, то мы выяснили, что деревенские жители занимались земледелием, о чем свидетельствует многообразие топонимов, обозначающих «участок земли, расчищенный под пашню, обрабатываемая земля», а также рассматривали водоемы с прилегающими территориями

как объекты, имеющие хозяйственную ценность, о чем говорит большое количество названий рек в составе топонимов.

Наличие топонимов, имеющих в своем составе топоформанты -church – («церковь») и -minster («церковь, монастырь») говорят о том, что отказ от языческих верований и принятие христианской веры оказало большое влияние на англосаксов.

Таким образом, анализ топонимов Великобритании подтверждает возможность исследования топонимов в когнитивном аспекте, выявляя особенности номинации окружающей действительности этносами, населяющими ее территорию. Кроме того, исследование топонимов раскрывает исторические, социальные и культурные особенности населявших ее племен, их языковую картину мира.

Литература

Баландина И.Д. Топонимы в художественном тексте: попытка поиска скрытых смыслов // Художественное произведение в современной культуре: творчество – исполнительство – гуманитарное знание. Сборник статей и материалов. VI Международная научно-практическая конференция. Южно-Уральский государственный институт искусств имени П.И. Чайковского (27 июня 2018 года, г. Челябинск). Челябинск: ЮУрГИИ им. П.И. Чайковского 2018. С. 125-127.

Басик С.Н. Общая топонимика. Минск: БГУ, 2006.

Беленькая В.Д. Очерки англоязычной топонимики. М: Высшая школа, 1977.

Беляев А.Н. О топонимическом концепте // Вестник Челябинского государственного университета. 2019. № 1. С. 13-21.

Королева Н.А. Когнитивное моделирование топонимического пространства (на примере Центрального района г. Волгограда) // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 9: Исследования молодых ученых. 2008. №7. С. 125-132.

Мартыненко И.А. О целесообразности введения термина «когнитивная топонимика» // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. 2020. № 3 (29). С. 142-150.

Никитин С.А. Страна имен. М.: Новое литературное обозрение, 2020.

Суперанская А.В. Что такое топонимика? М.: Наука, 1984.

Уразметова А.В. Английская топонимика как лексическая подсистема языка (на материале топонимической лексики Великобритании и США): дис. ... д-ра филол. наук. Уфа, Башкирский гос. ун-т, 2016.

I.D. Balandina (Chelyabinsk, Russia)

South Ural State Humanitarian Pedagogical University

COGNITIVE CAPACITY OF TOPONYMY: THE TOPONYMS OF GREAT BRITAIN

The article analyses the possibility of studying toponyms in cognitive linguistics. A cognitive approach allows researchers to study the development of a society and its reflection in the language. Once explicit, the toponym gains different meaning and bears underlying meanings.

Key words: toponym, toponymy, cognitive linguistics, nomination.

О.А. Березина, Е.А. Ильенкова (Санкт-Петербург, Россия)
Российский государственный педагогический
университет им. А.И. Герцена
berezinaolga@gmail.com, elilyenkova@mail.ru

КОГНИТИВНЫЙ ПОДХОД В ИССЛЕДОВАНИИ СРЕДСТВ СОЗДАНИЯ КОМИЧЕСКОГО ЭФФЕКТА

Данная статья предлагает краткий обзор основных когнитивно-ориентированных теорий феномена комического, а также развития положений данных теорий в дальнейших когнитивно-ориентированных узко-аспектирующих исследованиях. В заключении делается вывод о непротиворечивой и эффективной методике исследования когнитивно-дискурсивного подхода.

Ключевые слова: когнитивный подход, комическое, комический эффект, теория фреймов, бисоциативная концепция, бисоциативный шок.

Когнитивный подход в исследовании комического опирается на несколько фундаментальных для исследуемой области концепций, а именно: фреймовую концепцию М. Минского, бисоциативную теорию А. Кестлера, семантическую теорию сценариев В. Раскина и некоторые иные. Все исследователи в этом направлении в той или иной мере исходят из положений этих концепций. В частности, методологию лингвокогнитивных исследований комического обусловила **теория фреймов М. Минского** [Минский 1979] [Минский 1988]. Фрейм, являясь структурой хранения знаний, содержит также информацию прогностического плана о той или иной репрезентации ситуации, а также о возможных параметрах взаимодействия с другими репрезентациями ситуаций – ввиду этого субъект может прогнозировать дальнейшее развитие текста, события, идеи. Комический эффект же появляется в результате неожиданной смены фреймов, благодаря чему в сознании субъекта возникает конфликт фреймов (ожидаемого контента в рамках фрейма и контента, объективизируемого в динамике дискурсивной практики).

Бисоциативная теория А. Кестлера [Koestler 1964] предполагает, что определенная идея способна восприниматься субъектом одновременно в двух ассоциативных контекстах. Под ассоциативным контекстом (или матрицей) А. Кестлер подразумевает фрейм в совокупности со сценарием как согласующийся с конечным и определённым репертуаром параметров и функциональных принципов, которые устанавливаются и интериоризируются в процессе регулярного повторения тех или иных ситуаций, деятельности, процессов – что сближает концепцию А. Кестлера с теорией М. Минского. Оба исследователя поддерживают и развивают постулат о том, что комический эффект возникает в результате резкого переключения коммуникативного содержания с одного ассоциативного контекста на другой. Автор бисоциативной концепции отмечает, что в описываемом процессе возникает бисоциативный шок, т.е. неожиданность, в результате чего рождается смех – данное условие для проявления комического также отмечается М. Минским.

На базе теории А. Кестлера свою концепцию выстроил **В. Раскин** [Raskin 1985]. Фокусом его **семантической теории сценариев** также является комбинация двух семантических сценариев (схожие тезисы отмечаем у М. Минского и А. Кестлера), однако В. Раскин делает акцент на существовании особого «переключателя», или триггера – фактически это не столько «переключатель», сколько целый инициативный пусковой механизм, провоцирующий столкновение фреймов и, как следствие, комический эффект. С помощью последнего и происходит переход с одного семантического сценария на другой. М. Минский и А. Кестлер в своих концепциях также обращали внимание на определённые сегменты фреймов / ассоциативных контекстов, продуцирующих потенциал для их взаимодействия в плане порождения комического эффекта. Вместе с тем именно В. Раскин уделяет данному механизму («переключателю», триггеру) особое внимание, рассматривая средства его объективизации (в качестве триггера может выступить реализация полисемантом двух или более значений, нарушение синтаксической структуры и грамматической нормы и под.). Такое соприкосновение сценариев, согласно В. Раскину, вызывает одну из оппозиций: нормальное/ ненормальное, истинное/ ложное, реальное/ нереальное, возможное/ невозможное и т.д., а неожиданная смена сценариев вызывает комический эффект.

Семантическая теория сценариев В. Раскина в общем, а также тезис об оппозициях в частности, стали фундаментом **формальной теории С. Аттардо** [Attardo 1994]. Несомненную ценность в концепции С. Аттардо представляет тезис о необходимом условии для возникновения комического – компетентности автора и реципиента – первый способен породить комическое (на стыке фреймов по одной из оппозиций), а второй – распознавать и интерпретировать это «столкновение». Данные теории обладают определенной преемственностью – каждая последующая концепция включает в себя и развивает идеи предыдущей, гармонично дополняя общую теорию комического.

Механизмы и средства создания комического эффекта привлекают многих современных исследователей, в фокусе интереса находится поиск как универсального определения комического, так и изучение лингвокультурных особенностей, а также описание порождающих и интерпретирующих его когнитивных механизмов, прагматического потенциала и под. Когнитивно-дискурсивный подход представляется исключительно продуктивным направлением в исследовании комического в связи с антропологичностью самого явления комического, а также, поскольку позволяет раскрыть и описать глубинные когнитивные механизмы, детерминируемые исключительной лингвокреативностью человеческого сознания.

В современных лингвистических исследованиях различных аспектов проявления комического когнитивно-дискурсивный подход применяется довольно широко, можно упомянуть работы таких исследователей, как **А. Балашов С.Н., Коншина С.Г., Болдырева А.Е., Уткина А.В., Большакова Д.В., Вавилова Т.В., Шилихина К.М.** Перечисленные авторы аспектуализируют (развивают положения и систематизируют данные) концепции фундаментальных исследований механизмов продуцирования и рецепции комического сознанием человека (упомянутые выше М. Минский, А. Кестлер, В. Раскин, С. Аттардо) – устанавливают сценарии столкновения фреймов, выявляют закономерности и условия

проявления комического эффекта в результате такого столкновения. Исследователи с позиции когнитивно-дискурсивного подхода отмечают, что предпосылкой появления комического эффекта являются стереотипность ассоциативных контекстов и намеренное нарушение развёртывания стереотипной ситуации ввиду переключения сознания человека с одного фрейма на другой [Уткина 2007: 3], причем важным условием для создания комического эффекта является неожиданность смежности фреймов [Болдырева 2007: 28]. В фокус интереса попадали когнитивные механизмы и дискурсивные практики различных видов комического (см. [Шилихина 2014; Балашов 2006]). Перспективное направление в исследовании комического также представляет исследование проблематики понимания и разработка интерпретационных методик в этой области (см.: [Коншина 2006]). Когнитивный подход также широко применяется в сравнительно-сопоставительных исследованиях, в частности при выявлении и сравнении этноспецифических (в лингвокультурном плане) механизмов продуцирования и рецепции комического (на материале британского и американского вариантов английского языка см.: [Вавилова 2012: 97]; на материале английского и русского языков см.: [Балашов 2006; Уткина 2006]).

Исследования комического имеют давнюю историю, восходя к работам античных авторов и не теряя актуальности по сей день. В науке о языке юмор занимает особое место, так как представляет собой сложное психическое, социальное, прагматическое, этнокультурное, историческое явление, чья сущность выявляется в процессе вербальной коммуникации. Неслучайно в последние десятилетия именно смежные науки – психолингвистика, прагматическая лингвистика, когнитивная лингвистика, лингвокультурология и некоторые другие – способствовали существенному расширению представлений о комическом как о языковом феномене, а также определили основные подходы к изучению этого явления в науке о языке. Тем не менее, расширение исследовательского поля в данной области не теряет актуальности, поскольку комическое отражает когнитивные процессы и механизмы, а исследование операциональных механизмов работы человеческого сознания является одним из наиболее актуальных направлений гуманитарных исследований.

Литература

Балашов С.Н. Когнитивная природа иронии: парадигма моделей в сопоставительном описании: автореф. ... дис. канд. филол. наук. Екатеринбург, 2006. 25 с.

Болдырева А.Е. Когнитивный подход к изучению комического // Записки з романо-германської філології. Одеса: Фенікс. Вип.18. 2007. С. 21-29.

Большакова Д.В. Комическое в лингвистике: основные подходы и проблематика исследования // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Серия: Языкознание. 2010. Вып. 5 (584): Языковое существование человека и этноса. С. 101-111.

Вавилова Т.В. Роль когнитивных процессов в создании комического эффекта (на примере комедийных выступлений) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2012. Вып. 17(650). С. 96-103.

Коншина С.Г. Комический текст в аспекте его структурирования и понимания: автореф. ... дис. канд. филол. наук. М., 2006. 26 с.

Минский М. Остроумие и логика когнитивного бессознательного // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 23. М.: Прогресс, 1988. С. 281-308.

Минский М. Фреймы для представления знаний. М.: Энергия, 1979. 305 с.

Уткина А.В. Когнитивные модели комического и их репрезентации в русском и английском языках: автореф. ... дис. канд. филол. наук. Пятигорск, 2006. 24 с.

Уткина А.В. Обоснование когнитивного подхода к категории комического // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение. 2007. №2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/obosnovanie-kognitivnogo-podhoda-k-kategorii-komicheskogo> (дата обращения: 05.04.2023).

Шулихина К.М. Дискурсивная практика иронии: когнитивный, семантический и прагматический аспекты: дис. ... д-ра. филол. наук. Воронеж, 2014. 399 с.

Attardo S. Linguistic Theories of Humor. Berlin, New-York: Mouton de Gruyter, 1994. 426 p.

Koestler A. The Act of Creation. London: Hutchinson, 1964. 751 p.

Raskin V. Semantic Mechanisms of Humor. Dordrecht, Boston; Lancaster: D. Reidel Publishing Company, 1985. 284 p.

О.А. Berezina, Е.А. Ilyenkova (Saint-Petersburg, Russia)
Russian State Pedagogical University in the name of A. I. Herzen

COGNITIVE APPROACH TO STUDYING THE MEANS OF EXPRESSING COMIC EFFECT

This article offers a brief overview of the main cognitive-oriented theories of the comic phenomenon and the development of the provisions of these theories in further cognitive-oriented narrow-aspect studies. We conclude that the cognitive-discursive approach is a consistent and effective research methodology.

Key words: cognitive approach, comic, comic effect, frame theory, bisociative concept, bisociative shock.

Е.Д. Блохина (Тамбов, Россия)

Тамбовский государственный университет имени Г. Р. Державина
sed-90@mail.ru

КОГНИТИВНЫЕ ОСНОВЫ КОМПАРАТИВНЫХ НОМИНАЦИЙ В БЕСКОНФЛИКТНОЙ КОММУНИКАЦИИ¹

В статье рассматривается роль компаративных языковых номинаций в бесконфликтном межличностном общении. Определяется понятие конфликта и факторы, его инициирующие, выделяются условия бесконфликтного концептуального взаимодействия участников коммуникации. Проводится анализ когнитивных основ компаративных номинаций и их роли в обеспечении эффективности концептуального взаимодействия.

Ключевые слова: бесконфликтная языковая коммуникация, конфликт, концептуальное взаимодействие, компаративные номинации, сравнение.

¹Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-18-00067, <https://rscf.ru/project/22-18-00067/>

Язык является важнейшим средством передачи, хранения и обработки информации, которая поступает к конкретному человеку как отдельному индивиду или как к представителю какого-либо сообщества. Языковое оформление данного потока информации может получать конфликтную интерпретацию объектов и событий мира, так как оно основывается, в первую очередь, на личном восприятии и оценке участников процесса коммуникации. Н.Н. Казыдуб говорит о конфликте как об отрицательно маркированном сценарии межличностной коммуникации, «отягощенном» целым рядом дефицитов [Казыдуб 2012: 94]. По мнению автора, к числу таких дефицитов относятся: концептуальная асимметрия, несовпадение целей, стереотипные представления, языковая асимметрия, коммуникативные сбои. По словам Н.Н. Болдырева, конфликт выражается не только в несовпадении точек зрения и мнений людей. Различный объем языкового опыта, использование разных способов структурирования знаний и механизмов формирования и понимания смыслов у разных коммуникантов могут служить основой конфликтного общения [Болдырев 2022: 25].

Бесконфликтное языковое общение достигается за счет эффективного концептуального взаимодействия отправителя и получателя информации, которое возможно в том случае, когда структура индивидуальных концептуальных систем и картины мира участников коммуникации, концептуальное содержание, когнитивные механизмы формирования и понимания смыслов совпадают, а также присутствует адекватная оценка концептуальной системы собеседника и соответствие языкового опыта коммуникантов, включая его социокультурную и национальную специфику [там же].

Цель настоящего исследования – изучить компаративные номинации как один из языковых механизмов формирования смыслов и выявить их роль в обеспечении эффективности концептуального взаимодействия участников коммуникации.

Компаративные или уподобляющие номинации представляют собой механизмы типизации, которые встречаются в любом разговоре и в любом тексте (*подобные явления, такие люди, такого рода действия и т.д.*) и имплицитно сравнение [Арутюнова 1999: 303]. Напомним, что сравнение – это когнитивный (и одноименный языковой) механизм формирования нового смысла на основе вторичной интерпретации знаний о мире, который заключается в сопоставлении знаний о разных объектах одной и той же или разных концептуально-тематических областей с целью выделения какой-либо дополнительной характеристики или ее специального акцентирования [Boldyrev, Blokhina 2022]. Целью компаративной номинации, как и когнитивного механизма сравнения в общем, является выделение отдельной характеристики (или нескольких характеристик), привлечение к ней внимания. Н.Д. Арутюнова приводит два примера, которые иллюстрируют специфику компаративных номинаций: *Ваня не подведет* и *Такие люди, как Ваня, не подводят* [Арутюнова 1999: 303]. В первом случае автор говорит об идентифицирующей номинации, а во втором – о компаративной. Компаративные номинации употребляются в том случае, когда необходимо указать не только на объект, но и на его признаки. Посредством компаративной номинации в примере выделяется объект – *Ваня* и характеристика объекта – *надежность*.

Помимо акцентирования внимания адресата на какой-либо характеристике, компаративные номинации побуждают его вывести конкретное утверждение из общего. В их основе лежит принцип подобия, и вводятся они сравнительным оборотом (*такой, как ...*). Например:

(1) **Такие люди, как она**, думается мне, живут больше чувством (НКРЯ).

(2) *Une femme comme ellene pouvait inspirer qu'un attachement sérieux et (...) un tel sentiment serait (...) le terme de cette vie folle dont il commençait à rougir, ce serait sa réhabilitation et son salut* (O. Feuillet "Mariage monde").

Характеристика объекта, которая лежит в основе сравнения в примере (1) – *чувственность*. Выводимое конкретное утверждение – *Она больше живет чувством*. Из общего утверждения в примере (2) выводятся конкретные характеристики объекта сравнения – *спокойствие, надежность*.

Посредством компаративных номинаций коммуникант выражает мнение о конкретном объекте, дает ему оценку. Данные компаративные конструкции используются для выражения различных эмоций- удивления, восхищения или возмущения. Например:

(3) – *Pour les hommes comme lui il n'y a pas de demi-mesure: il leur faut être ou vertigineux ou inertes* (Morand "Homme pressé").

(4) – *С такой, как ты, все равно каши не сварить* (НКРЯ).

(5) – *Les gens comme nous peuvent lire dans le cœur l'un de l'autre à livre ouvert* (A. Dumas père "Monte-Cristo").

(6) – *Конечно, чего еще можно было ждать от такой, как ты* (НКРЯ).

Класс людей, выделенный компаративной номинацией в примере (3), обладает набором характеристик, не эксплицированных в высказывании. Они выводятся из контекста – *эмоциональность, искренность*. В примере (4) выражено негативное мнение коммуниканта об объекте, посредством использования компаративной номинации автор высказывания ставит участника коммуникации в один ряд с людьми, общими характеристиками которых являются *ненадежность, некомпетентность, отсутствие коммуникабельности*. В примере (5) компаративная конструкция относит объекты сравнения к группе людей с характеристиками, имплицитными в тексте, они могут быть выведены с помощью контекста – *чувственность, проницательность, отзывчивость*. Пример (6) иллюстрирует типичное применение компаративных номинаций в общении для выражения негативной оценки объекта сравнения. Автор высказывания относит объект к классу людей, обладающих рядом негативных характеристик. В таких случаях употребление компаративной номинации ведет к конфликту.

Аналогично Н.Д. Арутюнова отмечает, что компаративная номинация может создавать конфликтную ситуацию. Данный когнитивный механизм приводит к типизации и однородных объектов, и конкретных представителей класса, а схема данной типизации представляет собой замкнутый круг – указание на конкретный объект достигается через указание на класс (*такие*(имеется в виду *люди*)), а указание на класс – через сравнение с конкретным объектом (*такие, как она*). Компаративные номинации говорят об объекте как о представителе класса, имеющего определенные характеристики [Арутюнова 1999: 304]. В этом проявляется конфликтность компаративных номинаций – репрезентация стереотип-

ных представлений, о которых упоминала Н.Н. Казыдуб, или «навешивание ярлыков».

Как было отмечено выше, посредством компаративной номинации происходит сравнение объекта с классом объектов, обладающих набором определенных характеристик. Употребление компаративных номинаций имеет целью усилить степень владения объектом данными характеристиками и придает высказыванию положительный или отрицательный окрас. Рассмотрим когнитивные основы компаративных номинаций, которые могут быть имплицированы и эксплицированы, на примерах:

(7) – *A, занимался он!* – *махнул рукою Серпилин.* – *Знаю я, как **такие, как он**, занимались!* *Мы, невеликие чины, командиры полков, действительно занимались в поте лица: жена с сыном за занавеской спят, а ты сидишь за столом и зубришь чуть не всякую ночь до утра ...* (Симонов К.М. «Солдатами не рождаются»).

(8) – *Mère Guillette, dit le vieux laboureur, s'il ne fallait que cinquante francs pour vous consoler de vos peines et vous dispenser d'envoyer votre enfant au loin, vrai, je vous les ferais trouver, quoique cinquante francs **pour des gens comme nous ça commence à peser*** (G. Sand "La mare au diable").

(9) *Она понимала, что до конца оценить нравственную силу **такого человека, как Серпилин**, можно только там, на фронте, где он воюет, а не здесь, где он лечится, но все равно чувствовала в нем силу* (Симонов К.М. «Последнее лето»).

(10) – ***Des hommes comme ça, il y en a toujours de trop, déclara Louise Violaine gravement. Vaudrait mieux s'en passer, que d'avoir affaire à de pareils monstres*** (É. Zola "Nana").

Основание сравнения в примере употребления компаративной номинации (7) имплицировано, но с учетом контекста можно предположить, что автор выделяет объект сравнения набором отрицательных характеристик – *ленивый, несчастный, хитрый*. В примере (8) через сравнение объекта с классом бедных людей автор выделяет общую характеристику – *бедность*. Основанием сравнения в примере (9) является *высокая нравственная сила человека*. Степень нравственной силы объекта сравнения эксплицируется в придаточном предложении. Употребление компаративной номинации в примере (10) *hommes comme ça* имеет целью отнесение конкретного человека к классу мужчин с подобными характеристиками. Данные характеристики, лежащие в основе сравнения, раскрываются в следующем предложении, где используется компаративная номинация с прилагательным *pareil*, – *тирания, злость, жестокость*. Примеры, выражающие отрицательное отношение к объекту сравнения, иллюстрируют, насколько употребление компаративной номинации усиливает негативную оценку автора высказывания, что, соответственно, может вызывать конфликтную реакцию со стороны собеседника.

Таким образом, сравнение с целью выделения конкретной характеристики или ряда характеристик является когнитивной основой компаративной номинации. Можно сделать вывод о прямом влиянии компаративных номинаций на иницирование конфликтного общения. Во-первых, принцип отнесения конкретного человека к классу людей с подобными характеристиками репрезенти-

рует стереотипные представления о мире. Во-вторых, при выражении негативного мнения о человеке компаративная номинация усиливает отрицательную оценку и неизбежно ведет к возникновению речевого конфликта.

Литература

Болдырев Н.Н. Бесконфликтная языковая коммуникация: программа исследования // Когнитивные исследования языка. 2022. Вып. № 4 (51). С. 25-30.

Казыдуб Н.Н. Бесконфликтный дискурс: концепты, стратегии, сценарии // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. 2012. № 3 (20). С. 94-99.

Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. 2-е изд., испр. М.: Яз. рус. культуры, 1999.

Boldyrev N.N. and Blokhina H.D. Comparative constructions as a mechanism for secondary interpretation of world knowledge // Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences. 15(11). 2022. P. 1713-1722.

E.D. Blokhina (Tambov, Russia)
Derzhavin Tambov State University

COGNITIVE FOUNDATIONS OF COMPARATIVE NOMINATIONS IN CONFLICT-FREE COMMUNICATION

The article discusses the role of comparative language nominations in conflict-free interpersonal communication. We define the concept of conflict and the factors leading to it and highlight the conditions for a conflict-free conceptual interaction of communication participants. We analyze the cognitive foundations of comparative nominations and their role in ensuring the effectiveness of conceptual interaction.

Key words: conflict-free language communication, conflict, conceptual interaction, comparative nominations, comparison.

T.V. Burdaeva (Samara, Russia)
Самарский государственный университет путей сообщения
t-burdaeva@mail.ru

ПРИНЦИП ИЕРАРХИЧНОСТИ В РЕПРЕЗЕНТАЦИИ СИНТАКСИЧЕСКОГО КОНЦЕПТА КАУЗАЛЬНОСТЬ (НА МАТЕРИАЛЕ НЕМЕЦКОГО НАУЧНОГО ТЕКСТА)

Синтаксический концепт КАУЗАЛЬНОСТЬ, репрезентированный моделью сложноподчиненного предложения с придаточным причины, анализируется в данной работе с позиции принципа иерархичности, на основе которого выявляются как структурно-семантические, так и когнитивно-прагматические особенности сложноподчиненного предложения.

Ключевые слова: сложноподчиненное предложение с придаточным причины, синтаксический концепт, каузальность, когнитивно-прагматическая ситуация.

Синтаксический концепт КАУЗАЛЬНОСТЬ (от нем. Kausalität) представляет собой единицу знания о мире, объективируемую структурной моделью слож-

ноподчиненного предложения с придаточным причины (далее СПП_{Кaus}), наделенной типовым значением, которое выражает причинно-следственные смысловые отношения между описываемыми событиями.

Особенность синтаксической формы СПП (далее СПП) как сложного знака языка состоит в том, что в ней тесно взаимодействуют линейные и надлинейные свойства единиц. Линейность связана и с порождением, и с восприятием речи, а надлинейность – с ее глобальным осмыслением, которое задано в авторской интенции и реконструируется получателем информации. Первое свойство проявляется в речевой цепи, второе – в системе языка. Например, в грамматическом описании СПП наряду с системой союзов отмечаются и такие его свойства, как полипредикативность и одно- и разномодальность [Аверина 2019]. Эти свойства имеют линейный характер, поскольку выводятся по принципу суммирования свойств составляющих элементарных предложений. Они противостоят надлинейным свойствам СПП, которые, имея интегральный характер, закладываются говорящим в замысел высказывания, а при восприятии речи извлекаются из нее как смысл [Кострова, Собчакова 2011: 10].

Учитывая оба свойства, следует проводить анализ СПП_{Кaus} с позиции метасемиотического подхода, который позволяет выделять в СПП, с одной стороны, простые знаки (знаки других уровней) и, с другой стороны, рассматривать СПП по отношению к тексту, в котором он функционирует, как метазнак. Промежуточный статус СПП в языковой иерархии обуславливает применение одного из принципов метасемиотического анализа СПП – принципа иерархичности. На основе этого принципа выявляются не только структурно-семантические особенности СПП, но и когнитивно-прагматические. Структурно-семантические особенности определяются *иерархией связей и иерархией позиций* [Теньер 1988, Тестелец 2001]. В СПП иерархия связей выражается в подчинении одного предложения другому, а иерархия позиций – в определенном порядке следования частей СПП, в том числе порядке следования придаточных предложений по отношению к главному предложению и по отношению друг к другу, если их несколько. Также учитывается место союза и порядок расстановки членов предложения в придаточной части. Когнитивно-прагматические особенности СПП раскрываются в когнитивно-прагматических ситуациях, представляющих собой конструктивные когнитивно-семантические единицы, в которых типизируются способы представления связей объектов мысленного отражения с их языковым выражением в соответствии с задачами, определяемыми коммуникативным регистром [Бурдаева 2022: 50].

Информация, содержащаяся в СПП, передается и распределяется последовательно, с разной степенью смысловой иерархической зависимости между главной и придаточной частью. В структурно-семантической классификации СПП Е.В. Гулыга выделяет автосемантический и синсемантический типы связанности главного и придаточного предложений, первый из которых предполагает самостоятельное употребление частей СПП, а второй, – их взаимозависимость [Гулыга 1971]. Например, к структурно-синсемантическим относятся СПП с придаточными времени и причины, а к синсемантическим – СПП с придаточным условия.

В когнитивном аспекте иерархия событий, заключенных в СПП, представляет собой иерархию концептуальных составляющих, на базовом уровне кото-

рой располагаются активированные знания, отражающие известность или данность соответствующей информации, а высший уровень рассматриваемой иерархии занимают концепты, передающие новые знания о мире в языке [Виноградова 2015: 37]. Иными словами, информационная структура предложения наряду с контекстом способствует установлению коммуникативного задания в конкретном высказывании.

В научном тексте ключевую роль играют причинно-следственные связи, аргументативная направленность, что выражается в частотности СПП_{Kaus} в текстах данного жанра. Специфика репрезентации синтаксического концепта КАУ-ЗАЛЬНОСТЬ заключается в развертывании событий либо от аргумента к факту (начальный уровень), либо от факта к аргументу (высший уровень), что обусловливается местоположением придаточного предложения относительно главного, семантикой союзов *weil* и *da*, модальной функцией, формой предиката.

По аналогии с описываемыми В. Флемингом тремя типами причин у СПП_{Kaus} [Flämig 1991: 281], нами были выделены три блока когнитивно-прагматических ситуаций:

Блок 1. Когнитивно-прагматические ситуации, выражающие реальную причину (основание).

В (1) *Die Zuglänge zu erhöhen, klingt zunächst sehr einfach, ist in der Praxis jedoch schwierig, weil Bauwerke, Gleislängen, Blockabstände etc. in der Regel nicht darauf ausgelegt sind* [Verkehrsmanager 2, 2011] общая ситуация (гиперсобытие) включает в себе **оценку возможности** удлинения состава поезда, при этом в главном предложении делается акцент на трудности выполнимой задачи (прилагательное *schwierig*), что обосновывается в придаточном предложении, вводимым союзом *weil*, неприспособленностью железнодорожных сооружений для этого (отрицание *nicht* и сказуемое *sind ausgelegt* в индикативе). Зависимость между придаточным и главным предложениями ослабленная, поскольку придаточное предложение, занимая постпозицию, свободно примыкает к главному, которое, в свою очередь, автономно. Иерархия событий трактуется нами как носительная.

Пример (2) *Die Maschinenbauindustrie ist auch deshalb eine so zentrale Branche, weil High-Tech-Industrien wie Luftfahrt, Elektronik oder Biotechnologie ohne den Maschinenbau gar nicht denkbar wären* [Staufenbiel 4, 2010] демонстрирует также реальную причину, **оценку** машиностроительной промышленности как центральной отрасли (словосочетание *eine so zentrale Branche*), обусловленную **потребностью** многих отраслей в машиностроении (отрицание *nicht* и сказуемое *wären denkbar*). При этом плюсквамперфект конъюнктив выражает не свое прямое значение темпоральной ирреальности, а служит для обозначения некой дистанцированности автора от описываемого события. В отличие от (1) в данном примере наличие коррелята *deshalb* в главном предложении обеспечивает более тесную связь с придаточным, что свидетельствует о синсемантии всего предложения. Такой тип иерархии обозначается нами как соотносительный.

Блок 2. Когнитивно-прагматические ситуации, выражающие логическую причину (познание).

Общая ситуация в (3) *Der Euphorie folgte jedoch teilweise Ernüchterung, da die Fahrzeuge zwar ganz Europa befahren konnten, dies jedoch nicht durften* [Rail

Business Spezial 5, 2010] обозначается как **характеристика состояния**, вызванное **невозможностью совершения действия**. Придаточное предложение, вводимое союзом *da*, занимая постпозицию, содержит информацию, сопряженную с потенциально выполнимым действием в прошлом (модальный глагол *können* в форме претерита), но не реализованным (отрицание *nicht* и модальный глагол *dürfen* в форме претерита).

Общая ситуация в (4) *Dies war unter anderem notwendig, da durch die kontinuierliche Einbauweise der Tragschicht bekannte Prüfmethoden nicht angewandt werden konnten* [EI– Sonderheft 8, 2016] характеризуется **необходимостью совершения действия**, вызванной **невозможностью** применения известных методов проверки; в главном предложении состояние необходимости выражается составным именным сказуемым, состоящим из глагола *sein* в форме претерита и имени прилагательного *notwendig*, в придаточном предложении невозможность применения маркирована употреблением предиката, выраженного модальным глаголом *können* в форме претерита индикатива и инфинитивом пассивом.

В приведенных примерах (3) и (4) логическая причина, выражаемая придаточными предложениями, вводимыми союзом *da*, в отличие от союза *weil* в (1-3), употребляется не столько для передачи новой информации, а скорее для того, чтобы подчеркнуть уже известный факт.

Блок 3. Когнитивно-прагматические ситуации, выражающие побудительную причину (мотив).

В (5) *Da sie die unmittelbare Nachbarschaft beeinträchtigen können, wenn sie zum Beispiel zur Verschattung von Grundstücken führen, muss für ihre Errichtung ein Planfeststellungsverfahren beim Eisenbahn-Bundesamt durchgeführt werden* [Verkehrsmanager 1, 2011] речь идет о мероприятиях по обустройству шумоизоляции (звукоизоляционные стены и насыпи – прим. авт.), которые должны пройти процедуру согласования производственными планами в Федеральном ведомстве железных дорог. В придаточном предложении **оценка возможности** (модальный глагол *können* + *beeinträchtigen*) содержит в себе причину-мотив, обуславливающую последующее действие, выраженное в главном предложении – **необходимость** проведения мероприятия (модальный глагол *müssen* + инфинитив пассива *durchgeführt werden*). Иерархию событий в данном предложении нарушает парентез в виде придаточного предложения условия с союзом *wenn*, непосредственно зависимым от придаточного причины, за счет чего возникает двухступенчатая зависимость придаточных между собой. Дистанция, образуемая между главным предложением и придаточным причины, не влияет, однако, на их смысловую взаимосвязанность.

Пример (6) *Da viele Instandhaltungsmaßnahmen an den Wochenenden stattfinden, müssen die Ersatz- und Verschleißteile auch an den Wochenenden sowie Feiertagen abrufbar sein* [EI 9, 2008] выражает ситуацию **необходимости** наличия запасных и быстроизнашивающихся деталей как в выходные, так и в праздничные дни. Препозиция придаточного предложения обеспечивает соотносительность между выражением причины-мотива в нем и выражением следования в главном предложении.

Таким образом, анализ репрезентации синтаксического концепта КАУ-ЗАЛЬНОСТЬ по принципу иерархичности позволил выявить наряду со струк-

турно-семантическими особенностями СПП_{Kaus} и его когнитивно-прагматические особенности в немецких научных текстах, что способствует комплексному пониманию и разносторонней интерпретации предложения как метазнака.

Литература

Аверина А.В. Грамматика немецкого языка: учебник для вузов. М.: Издательство Юрайт, 2019.

Бурдаева Т.В. Когнитивно-прагматическое ситуативное моделирование сложно-подчиненного предложения (на материале немецкого научного текста) // Вопросы когнитивной лингвистики. 2022. № 2. С. 50-63.

Виноградова С.Г. Коммуникативное членение сложного предложения: от иерархии структуры к иерархии смыслов // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2015. № 1 (43). Ч. 2. С. 37-40.

Гулыга Е.В. Теория сложноподчиненного предложения в современном немецком языке. М.: Высшая школа, 1971.

Кострова О.А., Собчакова Н.М. Сложноподчиненные предложения с придаточными времени в немецком и английском языках. Самара: ПГСГА, 2011.

Теньер Л. Основы структурного синтаксиса. М.: Прогресс, 1988.

Тестелец Я.Г. Введение в общий синтаксис. М.: Изд-во РГГУ, 2001.

EI = Der Eisenbahningenieur. Internationale Fachzeitschrift für Schienenverkehr & Technik. 2008. № 9.

EI = Der Eisenbahningenieur. Internationale Fachzeitschrift für Schienenverkehr & Technik – Sonderheft. 2016. № 8.

RailBusiness Spezial. 2010. № 1.

Staufenbiel Karrieremagazin. 2010. № 4.

Verkehrsmanager. 2011. № 1.

Verkehrsmanager. 2011. № 2.

T.V. Burdaeva (Samara, Russia)
Samara State Transport University

THE PRINCIPLE OF HIERARCHY IN THE REPRESENTATION OF THE SYNTACTIC CONCEPT OF CAUSALITY IN GERMAN ACADEMIC TEXTS

The syntactic concept CAUSALITY, represented by the model of a causal clause, is analyzed according to the principle of hierarchy. We reveal the structural-semantic and cognitive-pragmatic features of complex sentences.

Key words: causal clause, syntactic concept, causality, cognitive-pragmatic situation.

Ван Тяньцзяо (Чэнду, Китай)
Юго-западный университет Цзяотун
931515224@qq.com

МОДЕЛИ КОГНИТИВНЫХ МЕТАФОР В РУССКОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ СО ЗНАЧЕНИЕМ ЛЮБВИ

Данная статья посвящена анализу когнитивных метафор в русских идиомах со значением любви. Доказано, что любовь рассматривается как болезнь, огонь и человек, и поэтому получает следующие признаки: слепота, смертельность, опасность и т.д. Вы-

вод сделан, что возможно проведение исследования концепта «любовь» и его специфики через фразеологизмы с когнитивной точки зрения.

Ключевые слова: когнитивная модель, концептуальная метафора, концепт «любовь», русская фразеология, русская языковая картина мира.

Целью данного исследования является создание моделей когнитивных метафор в русских фразеологизмах со значением любви.

Для достижения выше поставленной цели необходимо решение следующих задач: 1) указание особо важного места концепта «любовь» в русской языковой картине мира (далее сокращено – РЯКМ); 2) подчеркивание ведущей роли фразеологизмов в выражении культурных особенностей русского народа; 3) построение моделей концептуальных метафор, закрепленных за русскими идиомами со значением любви.

В качестве методов исследования используются метод концептуального анализа, метод когнитивно-семантического анализа и метод лингвокультурологического анализа. Нет сомнения, что концепт «любовь» в любой языковой картине мира занимает особое и важное место, и поэтому включается в группу универсальных понятий, привлекающих к себе наше исследовательское внимание. Для начала следует рассмотреть общее определение этого концепта: «любовь» – это чувство, испытываемое X-ом по отношению к Y-у, который приятен X-у и вызывает у X-а желание быть в контакте с Y-ом или каузировать Y-у добро [Апресян 1974: 107]. Исходя из этого, можно предположить, что «любовь» совместно с другими концептами подобного типа, как «сочувствие», представляет собой типичный образец в этической языковой картине мира. Вот, наверное, и причина, почему «любовь» входит в ядро этической концептосферы РЯКМ и обнаруживает связь с моральными понятиями типа «добра» [Дмитриева, Линтовская 2016: 44].

Отмечается, что концепт ЛЮБОВЬ сам по себе является концептом базового уровня, потому что соответствует следующим критериям: 1) целостность в чувственном опыте; 2) легкая выделяемость в психологическом плане; 3) приоритетность; 4) частая употребляемость в речевом общении; 5) ключевая значимость; 6) ведущая роль в организации опыта и знаний [Wang Yin 2005: 129-130]. Здесь еще стоит указать, что в концепте «любовь» содержатся немало тесно связанных с ним концептов нижестоящего уровня: любовь к семье, любовь к государству, любовь к природе и т.д. Конечно, в РЯКМ «любовь» имеет уникальные культурные особенности: исконно любовь делится на божественную (любовь к Богу) и земную (любовь к ближнему) [Дмитриева, Линтовская 2016: 44]. Кроме этого, в сознании говорящих на русском языке любовь подразделяется на эгоистическую (любовь к себе) и альтруистическую (любовь к другим) [Зализняк 2005: 205]. Характеристики подобного типа будут с подробностями показаны ниже в анализе моделей концептуальных метафор, отраженных в русских идиомах со значением любви.

Что же касается фразеологизмов, то необходимо указать их важность в выражении специфики национальной культуры русского народа и его уникальных взглядов на мир, а также способов когнитивного структурирования знаний об окружающей среде. Итак, с одной стороны, в пословицах и идиомах содержится многовековая история масс с большим стандартизированным опытом, хранится и

передается из поколения в поколение система обычаев, традиций, ритуалов и обрядов [Бочина 2015: 27], в результате чего вполне возможно рассмотрение фразеологизмов как языковых средств отражения тех или иных концептов, кодирующих в конфигурациях культурно значимые смыслы [Копылова 2010: 91]. С другой стороны, фразеологизм определяется как массово воспроизводимое словосочетание, общее значение которого не выводится кумулятивным путем из самостоятельных значений каждого слова, в него входящего [Верещагин, Костомаров 2005: 174], и поэтому обладает идиоматичностью, т.е. свойством производить своеобразный смысл. Помимо этого, фразеологизмы имеют тесную связь с метафорой, которая использована для формирования их национально-культурной семантики как средство фразеологизации [Сергеева, Ван Синьцзюй 2017: 159]. Таким образом, русские идиомы со значением любви служат языковым материалом для создания моделей концептуальных метафор, запечатленных в них.

Первая концептуальная метафора – это когнитивная модель «любовь = болезнь», воплощенная во фразеологических единицах: *слепая любовь / любовь слепа / любить слепо, потерять голову от любви, умирать от любви, любовный недуг, любовная лихорадка*. Суть концептуальной метафоризации, состоящая в осмыслении новых, абстрактных, незнакомых понятийных сфер в терминах сфер, стоящих ближе к непосредственному опыту человека [Радбильт 2017: 24], лежит в основе рассмотрения любви как болезни. Это можно объяснить тем, что в выше перечисленных языковых единицах слова *слепой, умирать, недуг* и *лихорадка*, употребляющиеся чаще всего в описании характеристик концепта «болезнь» и являющиеся при этом его языковыми репрезентантами, сочетаются со словами *любовь, любить* и *любовный*, представляющимися языковым воплощением эмоционального концепта «любовь», в результате чего любви приписаны некоторые признаки болезни, такие как слепота, смертельность, физический или психологический недуг. Что касается идиомы *потерять голову от любви*, то необходимо указать, что ее внутренняя форма стилистически формирует яркий образ, с помощью которого мотивировано реальное значение этой языковой единицы, т.е. «*безрассудно влюбиться, увлечься кем-либо*», и который позволяет нам говорить о любви как об опаснейшей болезни.

Вторая концептуальная метафора – это когнитивная модель «любовь = огонь», отображенная в следующих идиомах со значением любви: *любовное пламя, сгореть в огне страсти, сгорать от любви*. Видим здесь, что составляющие компоненты этих фразеологических единиц можно разделить на две группы: первая чаще всего использована для описания атрибутов и функций концепта «огонь», и поэтому включает в себя существительные *пламя* и *огонь*, глагол *сгореть/сгорать*; ко второй относятся прилагательное *любовный*, существительные *страсть* и *любовь*, которые по сути своей представляются как языковые репрезентанты эмоционального понятия «любовь». Другими словами, семантические особенности и синтаксические структуры вышеуказанных фразеологизмов дают нам основание рассмотреть любовь как огонь. Кроме этого, причина построения модели «любовь = огонь», с большой вероятностью, еще заключается в физиологическом аффекте, вызванном исходным доменом «огонь» и целевым доменом «любовь»: когда человек приближается к огню, температура его тела постепенно повышается и в какой-то момент наступает степень нетер-

пимости. То же самое происходит и в любовных отношениях: страсти накаляются и в определённый момент они либо перерастают в крепкую любовь, либо заканчиваются расставанием. Это, наверное, служит теоретической базой для создания внутренней формы идиомы *сгореть в огне страсти*.

Третья концептуальная метафора – это когнитивная модель «любовь = человек», выраженная в русских фразеологизмах со значением любви: *слепая любовь, первая любовь*. Здесь необходимо указать, что данная модель, на самом деле, входит лишь в категорию образных метафор, потому что в этих фразеологизмах нет синтаксических структур, которые определяются как лингвистические свидетельства об отнесении модели «любовь = человек» к категории структурных метафор. Можно сказать, что рассмотрение любви как человека в целом основывается на фразеологических смыслах этих единиц. Так, например, слово *любовь*, выступающее в качестве необходимой составляющей идиом *первая любовь* и *слепая любовь*, является языковым выражением того человека, который имеет интимные отношения с кем-то другим. Интересно, что данная метафора в неявном виде еще основывается на другой модели, т.е. концептуальной метонимии «любовь вместо влюбленных людей», так как в концепте «любовь» влюбленные люди занимают ключевое место, и поэтому являются его важным, типичным и необходимым элементом, который может быть обозначен самим концептом «любовь» в сознании русского народа.

В заключение подчеркнем, что в ходе анализа моделей концептуальных метафор, воплощенных в русских идиомах со значением любви, целевому домену «любовь» приписаны некоторые признаки исходных доменов «болезнь», «огонь» и «человек», такие как слепота, смертельность, опасность, страстность и т.д., поэтому можно предполагать, что любовь в некоторых случаях приносит больше вреда, чем счастья людям, находящимся в любовных отношениях. Кроме этого, модели «любовь = болезнь» и «любовь = огонь» относятся к категории структурных метафор, а модель «любовь = человек» включается в группу образных метафор. Таким образом, анализ фразеологизмов со значением любви с когнитивной точки зрения дает нам, особенно иностранцам, основание увидеть уникальные и культурно значимые особенности понятия «любовь» в мышлении русского народа и его специфические способы структурирования знаний об этом понятии.

Литература

Апресян Ю.Д. Лексическая семантика: Синонимические средства языка. М.: Наука, 1974.

Бочина Т.Г. Диалогичность русской паремии // Паремиология в дискурсе: Общие и прикладные вопросы паремиологии. Пословицы в дискурсе и в тексте. Пословица и языковая картина мира. М.: ЛЕНАНД, 2015.

Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Язык и культура. Три лингвострановедческие концепции: лексического фона, рече-поведенческих тактик и сапиентемы. М.: «Индрик», 2005.

Дмитриева Н.М., Линтовская Е.М. Этический смысл концепта «любовь» в русской языковой картине мира (на материале словарей XI-XIX веков) // Вестник Оренбургского государственного университета. 2016. № 7. С. 44-49.

Зализняк А.А. Любовь и сочувствие: к проблеме универсальности чувств и переводимости их имен // Ключевые идеи русской языковой картины мира: сборник статей. М.: Языки славянской культуры, 2005.

Копылов В.Е. Фразеология русского языка как отражение языковой картины мира // Лингвокультурология. 2010. № 4. С. 89-93.

Радбиль Т.Б. Когнитивистика: Учебное пособие. Нижний Новгород: Нижегородский госуниверситет, 2017.

Сергеева Л.А., Ван Синьцзюй. Метафора в процессе фразеологизации // Филологические науки: Вопросы теории и практики. 2017. № 12. С. 159-161.

Wang Yin. The Exploration of Cognitive Linguistics. Chongqing: Chongqing Press, 2005.

*Wang Tianjiao (Chengdu, China)
Southwest Jiaotong University*

MODELS OF COGNITIVE METAPHORS IN RUSSIAN IDIOMS REFERRING TO LOVE

This article analyzes cognitive metaphors in Russian idioms referring to love. It is shown that love is referred to as a disease, fire, and a person, and as having the attributes of blindness, lethality, danger, and so on. We conclude that a study can be conducted on concept of love and its specifics through phraseological units from a cognitive point of view.

Key words: cognitive model, conceptual metaphor, concept of love, Russian phraseology, Russian language picture of the world

*А.Г. Галкина (Москва, Россия)
Московский городской педагогический университет
vikulovaag@mgpu.ru*

СЕМАНТИКА НЕОПРЕДЕЛЕННО-ЛИЧНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ В РУССКОМ ПОСЛОВИЧНОМ ДИСКУРСЕ

В работе рассматриваются неопределенно-личные конструкции, используемые в пословичном дискурсе, анализируется вносимая ими информация: неопределенно-личные конструкции соотносят действие с субъектом – неопределенным количеством лиц или с одним лицом, представленным как неопределенное.

Ключевые слова: пословицы, пословичный дискурс, неопределенно-личные конструкции, односоставные предложения.

Общий обзор. Пословичный фонд как культурное наследие отдельного языка отражает информацию о традициях, культуре, быте и картине мира народа. Пословичный дискурс представляет систему правил и взглядов, выработанных этносом на протяжении столетий. Анализ работ, вышедших только за последнее десятилетие, демонстрирует регулярное обращение исследователей к вопросам пословичного дискурса: рассматривается синтаксис пословиц и поговорок [Идрисова 2015], исследуются их лингвистические и лингвокультурологические аспекты [Гасанова 2015], анализируются прагмалингвокультурологические аспекты паремий [Бабитова 2013], рассматривается функционирование пословиц и антипословиц с гендерным компонентом в современном английском

языке [Сташкова 2015] и др. Таким образом, фокус работ направлен на прагматические и лингвокультурологические установки пословичного дискурса, тогда как культурно-национальные представления в области субъектно-объектной перспективы не получили к настоящему моменту исчерпывающего описания, что определяет **актуальность** представленного исследования.

В данной работе **предмет** исследования составляют паремии, представленные неопределенно-личными конструкциями. **Цель** исследования состоит в том, чтобы выявить их семантическое содержание, а также выделить принципы организации подмножеств, обозначить способы характеристики X-а, заполняющего актантную позицию, и определить позицию говорящего по отношению к событию.

Известно, что неопределенно-личные конструкции регулярно встречаются в паремиологическом пространстве. Форма 3 лица множественного числа выступает в неопределенноличном употреблении, соотносящем действие с субъектом – неопределенным количеством лиц или с одним лицом, представленным как неопределенное, контекст также может сообщать неопределенноличному употреблению оттенок всеобщности. В исследованиях часто опускают информацию о степени неопределенности – либо люди вообще, либо некое нечеткое множество [Сулейманова 2000].

Отметим, что неопределенно-личные конструкции неизменно находятся в сфере интересов лингвистики: ср., например, анализ категории синтаксического лица в современном русском языке [Лаврентьев 2013], описание использования неопределенно-личных предложений в речевой агрессии в непрямой коммуникации [Паремузашвили 2013], описание синтаксиса кумыкских пословиц и поговорок [Идрисова 2015] и др. Подчеркнем, однако, что неопределенно-личные конструкции в паремиологическом пространстве не получают специального изучения.

Материал и методика исследования. Исследование основано на материале 2300 паремий [Жуков 2000; Даль 1862], в рамках которых выявлены различные неопределенно-личные конструкции. Неопределенно-личные конструкции составляют 2.8% от общего числа проанализированных пословиц.

Результаты. Неопределенно-личные предложения относят к моделям, в которых имплицирован один из основных актантов [Сулейманова 2000], причем в отличие от эллипса, в котором экспликация субъекта не представляет сложности, восстановить субъект в неопределенно-личных предложениях не всегда представляется возможным, и для его обозначения вводится понятие «носитель предикативного признака» (НПП), под которым понимается «субстанция, которой приписывается предикативный признак» [Бондарко 1992: 54-55]. В неопределенно-личных предложениях НПП представлен как некое подмножество в рамках множества; границы этого подмножества могут как имплицироваться, так и быть эксплицированы. Так, если сказать *Во Ржеве и в горшке крестят*, вносится информация о том, что в рамках некоторого множества – (людей, проживающих / находящихся) *во Ржеве*, существует некоторое подмножество, элементы которого объединены признаком «крестить в горшке». См. также: *В городе (в Москве) толсто звонят, да тонко едят; Дураков и в алтаре бьют; В доме повешенного не говорят о веревке; В чужой монастырь со своим уставом не ходят*. Необходимо подчеркнуть, что именно обстоятельство места позволяет

сузить область референции субъекта до подмножества в рамках конкретного социума.

При этом роль субъекта имплицитно одушевленному множеству – роль семантического субъекта высказывания в предложении выполняет либо человек, либо иной одушевленный X. Предложения рассматриваемого типа в большинстве случаев описывают такие события, осуществление которых определяется человеком. В первую очередь это могут быть предикаты, описывающие виды деятельности, свойственные только человеку, например, глаголы речемыслительной деятельности: *говорить, полагать, считать* и др.: *Жарко желают, да руки поджимают; Говорят, (что) кур доят.*

При рассмотрении семантического субъекта исследуемых конструкций важным считается учитывать способ характеристики X-а, заполняющего актантную позицию субъекта, с точки зрения его референциальных свойств [Сулейманова 2000]. Отмечается, что неопределенно-личные конструкции используются, когда говорящий либо намеренно скрывает от собеседника свое знание о субъекте действия; либо когда собеседникам обоим хорошо известно, кто субъект действия; либо если говорящий представляет позицию официального учреждения; или когда субъект несуществен для собеседников; или если слушающему ясно из ситуации, кто субъект действия, и потому говорящий не конкретизирует это [Сулейманова 2000]. В паремиологическом дискурсе для говорящего неважно очертить круг участвующих лиц: *Через людей в люди выходят; Достают хлеб горбом, достают и горлом*, или реципиенту ясно из контекста, кто субъект действия: *Живут, не ухвалятся. Живут припеваючи.*

Неясным также остается вопрос включенности / невключенности говорящего в описываемое событие. В подавляющем большинстве пословиц говорящий эксклюзивен по отношению к событию: *Снявши голову, по волосам не плачут; Соловья баснями не кормят; Про старые (про одни) дрожжи не говорят дважды; От добра добра не ищут; На сердитых воду возят; Лес рубят – щепки летят; Клин клином вышибают.* В данном случае речь идет скорее об общей истине, правилах, обычаях, которые говорящий как бы комментирует, апеллируя к заданной ситуации.

Рассмотрим также случаи, в которых эксклюзивность говорящего выражена более отчетливо, ср.: *И почище нас, да слезой мываются.* В данном случае можно утверждать об оппозиции «свой-чужой»: есть некое множество, которому присуще качество «почище нас», логично в данном случае, что говорящий относит себя к другой группе. Ср. также: *Знать, по судьбе нашей бороной прошли. Без меня меня женили*, где говорящий не участвовал в описываемом действии.

Таким образом, анализ паремиологических единиц демонстрирует невключенность говорящего по отношению к событию, которое представляет ситуацию как общепринятые суждения, умозаключения, или истину.

Анализ эмпирических данных показал, что большинство пословиц построены на основе использования глагола в форме настоящего времени (52%), ср.: *Цыплят по осени считают; По платью (по одежке) встречают, по уму провожают; Не так страшен черт, как его малюют; На сердитых воду возят; Лес рубят – щепки летят; Клин клином вышибают (выбивают).* Данную тенденцию можно объяснить категориальным грамматическим значением настоя-

шего времени, форма которого «констатирует наличие того или иного отношения, не связанного с временными ограничениями» [РГ 1980: 628]. Настоящее абстрактное констатирует отвлечение от конкретных действий, осуществляющихся в определенный период времени: к широкому плану настоящего времени отнесется не то или иное конкретное действие, а неопределенный ряд его повторений. Таким образом, именно форма настоящего времени позволяет передать информацию о постоянных отношениях, закономерностях, общих истинах.

Второй значимой характеристикой паремиологического дискурса в форме неопределенно-личных предложений является использование отрицания (37%), ср.: *Снявши голову, по волосам не плачут; Соловья баснями не кормят; Про старые (про одни) дрожжи не говорят дважды; С одного вола две шкуры не дерут; От добра добра не ищут.*

В данных примерах отрицается предикативный признак при сказуемом или главном члене, выражающем предикативный признак, а через него и вся та ситуация, о которой сообщается [РГ 1980: 725]. Роль отрицания объясняется стремлением передать опыт народа, наставления и руководство к действиям, правила жизни.

Выводы. Неопределенно-личные конструкции представляют собой модели, в которых имплицирован один из основных актантов, который может быть представлен как некое подмножество в рамках множества; границы этого подмножества могут как имплицироваться, так и быть эксплицированы. В подавляющем большинстве пословиц говорящий эксклюзивен по отношению к событию, ситуация представляется как общепринятые суждения, умозаключения, или истина. Анализ эмпирического материала позволил выделить две наиболее частотные модели неопределенно-личных пословиц: пословицы, построенные на основе использования глагола в форме настоящего времени, и пословицы с отрицаниями.

Литература

Бабитова Л.А. Английские и кабардино-черкесские пословицы и поговорки в прагмалингвокультурологическом аспекте: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Пятигорск, 2013.

Бондарко А.В. Субъектно-предикатно-объектные ситуации // Теория функциональной грамматики: Субъектность. Объектность. Коммуникативная перспектива высказывания. Определенность / неопределенность. СПб.: Наука, 1992. С. 29-71.

Гасанова М.А. Табасаранские пословицы и поговорки: лингвистический и лингвокультурологический аспекты: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Махачкала, 2015.

Даль В.И. Пословицы русского народа. М.: Имп. О-во истории и древностей рос. при Моск. ун-те, 1862.

Жуков В.П. Словарь русских пословиц и поговорок. М.: Рус. яз., 2000.

Идрисова П.Г. Синтаксис кумыкских пословиц и поговорок: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Махачкала, 2015.

Лаврентьев В.А. Категория синтаксического лица в современном русском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Москва, 2013.

Паремюзаишвили Э.Ю. Речевая агрессия в непрямой коммуникации: на материале русской классической и современной литературы: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Москва, 2013.

РГ – Русская грамматика. М.: Наука, 1980.

Сташкова М.А. Функционирование пословиц и антипословиц с гендерным компонентом в современном английском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Москва, 2015.

Сулейманова О.А. Релевантные типы безличных синтаксических структур и их семантические корреляты: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2000.

A.G. Galkina (Moscow, Russia)
Moscow City University

RUSSIAN PROVERBS: SEMANTICS OF INDEFINITE-PERSONAL SENTENCES

The paper focuses on indefinite-personal constructions in Russian proverbs. Proverbial discourse is an essential component of national cultural matrix, and indefinite-personal constructions are used extensively in proverbial discourse. Indefinite-personal constructions correlate an action with a subject – an indefinite number of actors or with one person represented as indefinite. The issue of the doer's inclusion/exclusion in the described event is considered.

Key words: proverbs, proverbial discourse, indefinite-personal sentences.

Жэнь Синьчжу (Цзянсу, Китай)
Юго-восточный университет
2080647126@qq.com

ОБЪЯСНИТЕЛЬНАЯ СИЛА ТЕОРИИ СХЕМЫ ИЗОБРАЖЕНИЯ ДЛЯ МЕХАНИЗМОВ СЕМАНТИЧЕСКОЙ ДЕРИВАЦИИ (НА ПРИМЕРЕ ГЛАГОЛА «БЕГАТЬ»)

Многозначность – обычное явление. Различные изменения в архисеме, дифференциальной семе и потенциальной семе приводят к появлению новых семем. Этот процесс изменения можно разделить на четыре типа: включение, соположение, противоположение и перекрещивание. В данной статье показано, как схема изображения четко объясняет механизм семантической деривации на примере глагола «бегать».

Ключевые слова: бегать, схема изображения, механизм семантической деривации, многозначность, появление новых семем.

Многозначность очень распространена в человеческих языках. Согласно Б. Гаку, существует три типа сем: архисема, дифференциальная сема и потенциальная сема. Архисема указывает на общие категориальные свойства и признаки всех единиц определённого класса. Дифференциальная сема относится к отличительным видам значения; потенциальная сема отражает несущественные признаки и некоторые вторичные свойства вещей. [Ярцева 2000: 262] В случае «бегать», например, архисема – «движение, при котором происходит перемещение», а дифференциальная сема – «способ перемещения» в отличие от «ходьбы», «лазания» и «полета», а потенциальная сема – «скорость перемещения» Любая вариация этих трех сем приведет к созданию новых семем слова.

Концепция схемы изображения может четко объяснить процессы семантической деривации. Согласно Лыкову [1987], схема изображения – это простые и базовые когнитивные структуры, которые повторяются в нашем повседневной жизни. Благодаря образным схемам человеческое познание проходит процесс от конкретного к абстрактному. Согласно Лангакере [1987], схема изображения состоит из траектории TR, ориентира LM и пути.

В данной статье будет продемонстрирована объяснительная сила схемы изображения для процесса семантической деривации на примере слова «бегать». Посмотрев толкование «бегать» в Толковом словаре Ушакова и Толковом словаре русского языка под редакцией Ожегова, мы обобщили и перечислили семь семем «бегать». (1) То же, что бежать, но обозначает действие, совершающееся не в одно время, не за один приём или не в одном направлении. (2) Быстро двигаясь, сновать взад и вперёд. (3) Заниматься бегом как спортом (спорт.). (4) от кого (чего). Избегать кого-чего-н., устраниваться (разг.). (5) О глазах: быстро менять направление взгляда (разг.). (6) за кем. Неотступно следовать, ходить за кем-н. с какой-н. целью (разг.). (7) за кем. То же, что ухаживать (прост.).

Основным значением слова «бегать» является первое значение «бегать из одного места в другое ненаправленным образом». Излучатель действия бегать можно понимать как TR, который представляет собой первичный фокус отношений. Вторичный фокус может быть обозначен как LM. Путь – это результат прохождения траектории через ориентир. Из этого мы можем вывести основную образную схему «бегать» (рисунок 1), из которой путем фокусировки и расфокусировки выводятся остальные схемы. Во всех примерах образных схем, приведенных в данной работе, сплошные линии обозначают конкретное, а пунктирные – абстрактное.

Большинство статей, анализирующих семантическую деривацию, интерпретируются с двух точек зрения: метафоры и метонимии. Однако Ву Чжэ [2007] классифицирует их по четырем типам: включение, соположение, противоположение и перекрещивание, из которых тип перекрещивания содержит как метафорическую деривацию, так и метонимическую деривацию.

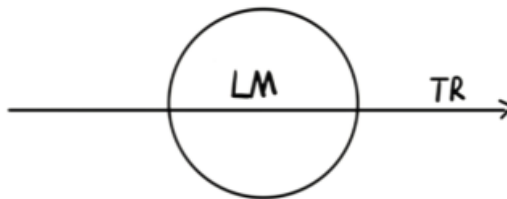

Рис. 1. Основная образная схема «бегать»

(1) Включение состоит из двух случаев: расширение лексического значения и сужение лексического значения. В первом случае основное значение охватывается переходным значением, а во втором случае – наоборот. Этот тип лексической эволюции основан на сохранении архисемы и основной дифференциальной семы в переходном значении при добавлении или вычитании отдельных потенциальных сем. Такие переходные значения «бегать», как (2) Быстро двигаясь, сновать взад и вперёд. (4) от кого (чего). Избегать кого-чего-н.,

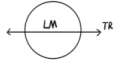
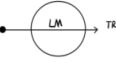

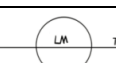
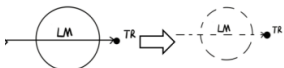
устраняться (разг.). (5) О глазах: быстро менять направление взгляда (разг.). (6) за кем. Неотступно следовать, ходить за кем-н. с какой-н. целью (разг.). Все они относятся к категории включения лексической эволюции. Значение (2) добавляет к основному значению «бегать ненаправленно» новую потенциальную сему «ходить взад и вперед, много раз», что соответствует переходу от одинарной стрелки к двойной стрелке в изображении. Значение (4) добавляет к основному значению потенциальную сему «отдаляться от чего-то», образ которого добавляет сплошную точку, фокусируя внимание на TR. В значении (5) потенциальное значение, что человек является бегущим субъектом, исчезает, и субъект становится взглядом. Человеческая сущность превращается в абстрактный взгляд. Соответственно, одновременно расфокусируются траектория и ориентир схемы изображения. Значение (6) добавляет к исходному значению потенциальную сему «цель действия», фокусируя внимание на объекте траектории.

(2) Под соположением подразумевается, что новые дифференциальные семы пройдут на смену старым при сохранении архисемы основного значения. Переходное значение (3) Заниматься бегом как спортом (спорт.) соответствует типу соположения. Архисема «движение» сохраняется, а расширенная образность совпадает с основной образностью. Однако его дифференциальная сема изменилась со значения «способ передвижения в отличие от ходьбы, лазания и полета» на «вид спорта, соответствующий таким видам, как плавание, баскетбол, футбол и т.д.».

(3) Противоположение лексической эволюции – редкая внутрисловная антонимия или энантиосемия. Например, погода может означать как «хорошая погода», так и «плохая погода». В переходных значениях «бегать» нет энантиосемии.

(4) Тип переименования является наиболее распространенным и важным типом семантической деривации, и к ней можно отнести как метафорические, так и метонимические деривации. Метафорическая деривация основана на сходстве. А метонимическая деривация – на смежности. Переименование означает варьирование и замену архисемы в основном и производном значениях, одновременно происходят изменения в дифференциальной семе и потенциальной семе.

(5) Переходное значение (7) «за кем». То же, что ухаживать (прост.) – результат переименования эволюции исходного значения, точнее, это метонимическая деривация лексического значения. Значение (7) появляется на основе значения (6). Архисема значения (6) и дифференциальная сема значения (7) заменяются. В схеме изображения значения (7) фокусируется только на объекте, на который направлен TR, в то время как и траектория (TR), и ориентир расфокусируются. То есть значение (7) заменяет целое частями на основе значения (6), что объясняет когнитивный процесс метонимии.

расширенная схема изображения	значение	роль	тип семантической деривации
	(2)	фокусировка	включение
	(4)	фокусировка	
	(5)	расфокусировка	
	(6)	фокусировка	
	(3)	нет изменения	соположение,
/			противоположение
	(7)	фокусировка и расфокусировка	перекрещивание

Приведенный выше анализ позволяет сделать вывод, что роль фокусировки и расфокусировки визуализирует четыре типа семантической деривации. Раздельное возникновение ролей фокусировки и дефокусировки в лексической эволюции отражает тип включения семантической деривации, т.е. расширение или сужение лексического значения. Одновременное появление фокусировки и дефокусировки отражает процесс метонимической деривации, относящейся к типу перекрещивания. В процессе соположения семантической деривации ни фокусировка, ни дефокусировка не сработала. Таким образом, в статье утверждается, что теория образных схем обладает сильной объяснительной силой для процесса лексической эволюции. Однако в данной статье анализируется только слово «бегать», поэтому взаимосвязь между фокусировкой, расфокусировкой и четырьмя типами лексической эволюции в образной схеме нуждается в дальнейшем исследовании и демонстрации.

Литература

Ву Чжэ. Исследование лексической полисемии современного русского языка. М.: Пекин Коммершл Пресс, 2007.

Лакофф Джордж. Женщины, огонь и опасные вещи: Что категории языка говорят нам о мышлении / пер. с англ. И.Б. Шатуновского. М.: Языки славянской культуры, 2004.

Лангакер Рональд. Десять лекций по когнитивной грамматике. Москва-Пекин: Издательство по преподаванию иностранных языков и исследованиям, 2007.

Рональд Лангакер. Основы когнитивной грамматики. Калифорния: Издательство Стэнфордского университета, 1987.

Толковый словарь Д.Н. Ушакова. <https://dic.academic.ru/contents.nsf/ushakov/>
Толковый словарь русского языка под редакцией С.И. Ожегова.
<https://dic.academic.ru/contents.nsf/ogegova/>
Ярцева В.Н. Большой энциклопедический словарь. Языкознание [Z]. М.: Большая Российская Энциклопедия, 2000. С. 262.

*Ren Xinzhu (Nanjing, China)
Southeast University*

EXPLANATORY POWER OF THE IMAGE SCHEMA THEORY FOR THE MECHANISMS OF SEMANTIC EXPANSION

Ambiguity is a common phenomenon. Various changes in the archiseme, differential seme and potential seme lead to the emergence of new sememes. This process of change can be divided into four types: inclusion, juxtaposition, opposition and crossing. The article shows how the image schema clearly explains the mechanism of semantic expansion by the example of the verb "to run".

Key words: "to run", image schema, semantic expansion mechanism, ambiguity, emergence of new sememes.

*Ч. Жэнь (Санкт-Петербург, Россия)
Санкт-Петербургский Государственный университет
yanyanh3@yandex.ru*

КОГНИТИВНЫЙ ПОДХОД К АНАЛИЗУ АНТОНИМИИ

В статье раскрываются параметры бинарной оппозиции как основы антонимии, а также рассмотрен содержательный аспект понятий антиконцепт, антонимический концепт, концепт-оппозиция, синонимико-антонимическая группа и оппозиционная концептуальная схема.

Ключевые слова: антонимия, когнитивная лингвистика, антоним, оппозиция, поляризация, концепт.

Принимая во внимание тот факт, что в традиционной лексикологии рассматриваются различные проблемы антонимии, можно говорить о выраженной актуальности данного явления и в современной лингвистике, причем как зарубежной, так и отечественной [Гасенгер, Мухин 2022: 42].

Антонимия – это языковая универсалия, что подразумевает функционирование слов с противоположной семантикой в каждом из существующих языков. Дифференциация предметов окружающей среды проявляется в содержании оппозиции-антонимии. При этом антонимы способны выражать разницу явлений в рамках одного понятийного поля [Гудкова 2012: 109]. С точки зрения когнитивного подхода, поляризация считается одним из определяющих понятий жизнедеятельности человека. С точки зрения категоризации, поляризация выступает частным случаем дифференциации явлений и определения наличия компонента, указывающего на их противоположность. Основой поляризации являются би-

нарные оппозиции, а именно противопоставление единиц, которые в языкознании именуется антонимами.

Неоднозначность и сложность природы бинарной оппозиции зависит от нескольких параметров, лежащих в её основе. Среди таких параметров различают следующие [Гудкова 2012]: 1) Норма бинарной оппозиции. Примером может служить сравнение словосочетаний «маленький грузовик» и «большая машина». В соответствии с представленным примером становится очевидной нечёткость разграничения понятий «маленький» и «большая», так как они отражают свой семантический потенциал на основе определённой нормы. Другими словами, маленький грузовик не обозначает маленькое транспортное средство малых размеров. Ещё одним примером может выступать «высокий стул» и «низкий потолок». В данном случае наблюдается размытость понятий «высокий» и «низкий». 2) Фактор времени бинарной оппозиции. Например, антонимическая пара «прекрасное – ужасное» или «добро – зло» имеет возможность трансформироваться со временем. Например, высказывание К.Д. Кавелина «что такое добро и зло? Доброе сегодня будет злом завтра, и наоборот...» [Цит по: Колосов 2014: 206]. В разные времена и в различных культурах данные категории трактовались и трактуются по-разному. Следовательно, норма установления бинарной оппозиции в данном случае является динамичной.

3) Манипулятивный фактор. Данное явление особо ярко выражено в конфликтных ситуациях, когда две позиции поддерживаются рядом сторонников, считающих, что их точка зрения – это «истина», а точка зрения противников – «ложь». Указанный фактор может наблюдаться в политической сфере, где кандидаты от партий имеют определённую концепцию обеспечения благополучия страны, не поддерживаемую противниками партии.

На данный момент в когнитивном подходе наблюдается отсутствие единой точки зрения на определение понятия бинарной оппозиции. С позиций когнитивной лингвистики оппозиция выражается через следующие понятия: антиконцепт, антонимический концепт, концепт-оппозиция, синонимико-антонимическая группа и оппозиционная концептуальная схема. Антиконцепт является антонимом наименования определённого концепта. А.М. Приходько уточняет, что стоит различать концепт и антипод. Если концепт – это ментальная единица, которая репрезентирует определённые ценности, то антипод – единица, которая подразумевает соответствующую антиценность [Приходько 2012: 66]. Можно привести следующие примеры: демократичность – антидемократичность; гуманизм – антигуманизм, государственный – антигосударственный; демпинг – антидемпинговый; депрессивный – антидепрессивный; духовность – антидуховность и т.д.

Важно, что оппозиции имеют точки соприкосновения. По мнению Т.Б. Лариной, концепт и антиконцепт определяются общностью функционирования основных признаков в одинаковых понятийных, ценностных и образных сферах с учётом реализации противоположности значений [Ларина 2011: 9]. Так, изучение англоязычного концепта «magic» и выбора в качестве антиконцепта «glamour» стало возможным ввиду наличия мезоконцепта «духовные ценности», причем изучаемый Т.Б. Лариной концепт подразумевал подчинённость материального моральному, тогда как антиконцепт – наоборот – подчинённость материальному.

Как считает Н.А. Погребная, в центре антонимического концепта расположена антонимическая пара, проявление противоположности элементов которой обусловлено существованием единой архисемы [Погребная 2006: 18]. Антонимический концепт, в свою очередь, это ментальная единица, характеризующаяся колебанием содержательного аспекта архисемы между различными компонентами ядра. Так, автор в качестве одной из оппозиций рассматривает «счастье – несчастье», интерпретируя данное явление в виде одной единицы, имеющей два компонента в ядре [Погребная 2006]. Подобными оппозициями могут выступать также «благодарность – неблагодарность», «удача – неудача», «бытие – небытие» и т.п.

По мнению А.Ю. Пономаревой, с точки зрения когнитивного подхода более целесообразным наименованием оппозиции, служащей основой антонимии, является «концепт-оппозиция» [Пономарева 2008: 8]. Данное наименование, как считает автор, является компактным и выражает наличие единства и вместе с тем противопоставления явлений. Изучение концептуальной бинарной оппозиции представляет особую значимость для дальнейших исследований. Это обусловлено тем, что в основе картины мира заложены бинарные оппозиции, характеризующиеся универсальностью для индивида и нации [Сысоев 2010]. Более того, «фундаментальные концептуальные противопоставления оказывают существенное влияние и даже формируют поле культуры. Бинарный архетип является неоспоримым атрибутом национальной культуры в целом» [Уваров 1996:17].

Специалисты уделяют большое внимание изучению антонимии в тесной связи с синонимией. Так, Л.А. Введенской был введён термин «синонимико-антонимические парадигмы», которые характеризуют отдельные группы слов в языке. Такие группы включают в себя два синонимических ряда, которые противопоставлены по одной из своих характеристик, что и приводит к формированию антонимии [Скворцова 2016: 166]. Каждый синонимический ряд содержит ядро и периферийную часть. Доминантой синонимического ряда называют лексическую единицу, которая имеет наиболее широкое значение и способна заменять все лексические единицы в ряду. Большая часть доминант лежит в основе антонимической пары, что и позволяет функционировать синонимико-антонимической группе. Примерами синонимико-антонимических групп могут выступать слова для обозначения радости: удовольствие, веселье, благополучие, которые антонимичны словам для отражения грусти: печаль, досада и т.д.

При рассмотрении понятия оппозиционной концептуальной схемы следует указать, что оно выделилось на фоне многоплановости концептуальных метафор Дж. Лакоффом и М. Джонсоном. Наличие перманентного соотношения источника и цели стали мотивацией выделения понятия «концептуальная метафора», которая в дальнейшем в работе Л.В. Порохницкой была заменена понятием «концептуальная схема». Это обусловлено тем, что схема – это составляющая часть метафоры, а не целое [Скворцова 2016: 167]. Оппозиционные концептуальные схемы представляют собой контрастные формы переноса характеристик одних понятийных сфер на другие с привлечением метафорического значения [Скворцова 2020: 48].

Таким образом, антонимы представляют собой лингвистический термин, отражающий оппозицию явлений окружающей среды. Бинарная оппозиция поддается влиянию факторов нормы, времени и манипуляции. Когнитивный подход

к рассмотрению антонимии связан с дифференциацией понятий антиконцепта, антонимического концепта, концепт-оппозиция, синонимико-антонимической группы и оппозиционной концептуальной схемы. Результаты настоящего исследования отражают сущность явления противоположности, которое существует в знаковом пространстве русского языка. Изучение антонимов с точки зрения когнитивного подхода является перспективным ввиду возможности познания репрезентации единства и противоречивости феноменов окружающей среды лингвистическими средствами.

Литература

Гасенегер Е.Е., Мухин М.Ю. Когнитивные особенности многозначности русских и английских антонимов // *Cognitive Neuroscience*. 2021. Екатеринбург: Изд-во Урал. унта, 2022. С. 41-45.

Гудкова К.В. Бинарные оппозиции и проблемы лексикографического описания антонимов // *Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература*. 2012. № 5. С. 109-115.

Колесов В.В., Колесова Д.В., Харитонов А.А. Словарь русской ментальности: в 2 т. Санкт-Петербург: Златоуст, 2014. 591 с. Т. 1.

Ларина М.Б. Корреляция концепта и антиконцепта в лингвокультуре (на материале концептов MAGIC и GLAMOUR): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Кемерово: КеГУ, 2011. 19 с.

Погребная Н.А. Антонимический концепт в русском и английском языках: дис. ... канд. филол. наук. Минск, 2006. 226 с.

Пономарева Е.Ю. Концептуальная оппозиция «ЖИЗНЬ–СМЕРТЬ» в поэтическом дискурсе (на материале поэзии Д. Томаса и В. Брюсова): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тюмень, 2008. 22 с.

Приходько А.Н. Антиконцепт как лингвокультурный феномен: партонимическое, стигматическое, эссенциальное // *Когниция, коммуникация, дискурс*. 2012. № 5. С. 37-51.

Скворцова Н.С. Градуальность контрастной образности в формировании противоположных значений фразеологических единиц // *Вестник Томского государственного университета*. 2020. №. 451. С. 46-55.

Скворцова Н.С. Особенности антонимических отношений в оппозиционных тематических группах фразеологических единиц современного английского языка // *Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки*. 2016. №. 13 (752). С. 164-177.

Сысоев В.А. Бинарные оппозиции в языке и речи // *Сборник материалов международной научной конференции: «Экология языка на перекрестке наук»*. Тюмень, 2010. С. 266-271.

Уваров М.С. Бинарный архетип: Эволюция идеи антиномизма в истории европейской философии и культуры. Санкт-Петербург: Изд-во БГТУ, 1996. 214 с.

Ch. Ren (Saint-Petersburg, Russia)
Saint-Petersburg State University

COGNITIVE APPROACH OF ANTONYMY ANALYSIS

The parameters of the binary opposition as the basis of antonymy are revealed, and the content aspect of the concepts of anti-concept, antonymic concept, concept-opposition, syno-

nymic-antonymic group and oppositional conceptual scheme is also considered.

Keywords: antonymy, cognitive linguistics, antonym, opposition, polarization, concept.

А.Г. Захарова (Москва, Россия)

*Московский государственный институт международных отношений
(университет) Министерства иностранных дел РФ
in_bello_gesto_mail@ru*

Е.Е. Голубкова (Москва, Россия)

*Московский государственный лингвистический университет
katemg@yandex.ru*

ДЕЙСТВИЕ МЕХАНИЗМА РЕКОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ В ОТПРЕЦЕДЕНТНЫХ ИМЕНАХ (НА ПРИМЕРЕ ДЕРИВАТОВ ОТ *ROBIN HOOD*)

В статье поднимается вопрос о когнитивном механизме реконцептуализации, имеющем место в процессе деривационной активности прецедентных имен (ПИ) типа Robin Hood, Harry Potter, Shrek. Реконцептуализация, понимаемая как реструктуризация знаний, приводящая к перефокусировке и/или неканоническому заполнению слотов фрейма прецедентного имени, позволяет творчески преобразовать информацию из фрейма ПИ и адаптировать образ прототипического персонажа к условиям креативного контекста.

Ключевые слова: отпрецедентное имя, реконцептуализация, фрейм, (де-) фокусировка, контекст.

Статья продолжает обсуждение особенностей семантики так называемых отпрецедентных имен. В фокусе внимания находятся такие единицы как, *Spongebobby*, *Spinderella*, *Robin Hoodian*. Эти лексические инновации активно пополняют современный английский язык и особенно интенсивно эксплуатируются представителями массмедийного англоязычного сообщества. Об этом свидетельствует тот факт, что отпрецедентные имена сегодня широко употребляются в различных типах дискурса и являются компактными носителями множества смыслов и импликаций. Отпрецедентные имена образуются по разнообразным деривационным моделям, демонстрируя словообразовательные потенции английского языка: путем аффиксации (*anti-cinderella*, *Cinderellaesque*, *Peter Panism*), словосложения (*Snow white syndrome*, *Hercules-wannabe*), конверсии (*to be Harry Pottered*, *be Shreked out*), контаминации (*Shrektivity*, *pokemonkey*). Можно утверждать, что эти единицы представляют собой усложненные концепты, которые, в свою очередь, отражают сложные процессы концептуального преобразования, происходящие в мире. Согласно краткому словарю когнитивных терминов, концепт – это базовая категория, оперативная содержательная единица памяти и носитель тех смыслов, которыми оперирует человек в процессах мышления [КСКТ 1996: 90].

В предыдущих публикациях мы обсуждали «игру» семантики данных единиц с точки зрения фреймового «устройства» их прототипов и грамматики кон-

струкций, иллюстрируя процессы аналогии и фокусировки внимания на материале словообразовательного ряда и гнезда [Голубкова, Захарова 2022, 2023]. В данной статье мы хотели бы продемонстрировать, что в процессе формирования семантики подобного производного происходит процесс реконцептуализации, иными словами, на когнитивном уровне процесс образования отпрецедентного имени сопровождается когнитивной перестройкой исходного фрейма прецедентного имени (ПИ). По словам К.И.Леонтьевой, реконцептуализация в когнитивной лингвистике понимается как постоянная игра с восприятием действительности, реструктуризация знаний или переосмысление фрагментов действительности в зависимости от прагматической задачи дискурса, что обычно приводит к новой перспективе восприятия в картине мира реципиента [Леонтьева 2018]. Н.Н.Болдырев называет такой процесс вторичной репрезентацией концепта в языке [Болдырев 2000].

Проиллюстрируем эту мысль примером использования отпрецедентного имени *Robin Hood*, в котором сохраняются некоторые прототипические характеристики протагониста прецедентного наименования. В примере из корпуса СОСА [СОСА]: «There's nothing *Robin Hood-esque* about Obama's plan; it simply restores fairness» прилагательное *Robin Hood-esque*, образованное по суффиксальной модели (заимствованный из французского языка суффикс несет значение *подобный, в чьей-то манере*), становится синонимом слова «благородный» и служит более образным заместителем привычных понятий. В данном примере фокусируется слот «благородное целеполагание», а все остальные слоты дефокусируются. Это, в свою очередь, также обеспечивает особую настройку фрейма, реконцептуализация происходит за счёт выведения из фокуса всех остальных прототипических характеристик и генерализации слота целеполагания.

Зачастую салиентными признаками в дериватах становятся те признаки, которые были латентными в прецедентных именах. Процесс актуализации латентных признаков прецедентного имени можно продемонстрировать на следующем примере из корпуса News on the Web [NOW Corpus]: «In 2014, he was featured on Stephen Colbert's show as a 'difference maker' for '*Robin Hooding*' – the act of putting coins in parking meters ahead of the meter maid». Дериватом *Robin Hooding* номинируется факт того, что водитель опускает монеты на парковке в парковочный счетчик, не задействуя контролера на паркомате. Латентная (нефокусная) черта героя английской баллады о Робин Гуде выдвигается в отпрецедентном имени на первый план: грабя богачей, он имел дело с ценностями, деньгами, а точнее с монетами, хранившимися в то время в мешочках. Прототипические характеристики Робин Гуда, такие как благородство, передача награбленного нуждающимся, место и время действия и некоторые другие, дефокусируются, становятся нерелевантными. Данный дериват «проверяет» слушающего на эрудированность и тестирует его интуицию, ведь черта протагониста (отбирать мешки с монетами у богачей) предстаёт в завуалированном виде, но подвергается магнификации, то есть она помещена в фокус внимания, она строит общую семантику данного деривата в контексте.

Похожую переструктуризацию фрейма мы находим в следующем примере из корпуса News on the Web [NOW Corpus]: «The health minister (Tejashwi Yadav) tries to project himself as '*Robin Hood*' by visiting hospitals at night but he does not know

that government medical establishments in the state lack basic items such as anaesthesia». Согласно статье, министр здравоохранения одного из штатов в Индии хочет выглядеть как Робин Гуд, посещая больницы именно ночью. Фокусируется такая черта прецедентного персонажа, как «ограбление ночью». В средневековой балладе эта характеристика была не столь релевантна, но в данном контексте она выводится на первый план, и журналист использует прецедентное имя Robin Hood.

Неожиданную перефокусировку фрейма мы также видим в следующем примере из сценария сериала: «What do you guys think will teach Mr. Babineaux here a lesson? Cafeteria duty. I don't like it. Well I like it. You took everybody's lunch away and now you should give everybody their lunch. I do give everybody their lunch. < ... > Everybody has the right to a delicious lunch. All right, these are my beliefs. Would you attack me on my beliefs? That's not your meatball sub. But I believe it's better than my p-b and j. So, I *Robin hooded* myself. You're *Robin Hood*? I'm *Robin lunch*. Cafeteria. You can punish me. But the forest people love me». Наиболее интересным для анализа нам представляется конверсив «*robin hooded*», который в данном отрывке из корпуса СОСА [СОСА] появляется в кластере с еще двумя ссылками на Робин Гуда. В данном конверсиве происходит реконцептуализация инвариантного фрейма о Робин Гуде, причём реконцептуализация приводит к переоценке и абстрагированию значения, отходу от прототипических характеристик прецедентного сценария баллады. «*I Robin Hooded myself*» можно перевести как «я позволил себе что-то, потворствовал себе, побаловал себя». Отсылка к прототипу обеспечивается сохраняющимися слотами фрейма: целеполаганием (отдать нуждающемуся), но становится когнитивно диссонансной из-за неправильного заполнения слота бенефициант (это сам деятель Робин Гуд, который сам себе отдал ланч, что поясняется следующим дериватом-окказионализмом *Robin Lunch*). Словообразовательный процесс приводит к переструктуризации исходного фрейма прецедентного имени; слоты, которые были в фокусе в ПИ, не салиентны в отпрецедентном имени, и наоборот дефокусируются или вовсе искажаются, что обеспечивает иное прочтение слова и реинтерпретацию сюжета или всего прецедентного произведения.

Таким образом, процесс образования производных от ПИ представляется нам как тема-рематический: к уже имеющейся информации о прототипе добавляется новая информация. ПИ в целом порождают неограниченное количество опций для лингвокогнитивного творчества [Захарова 2020]. Процессы деривации, происходящие в отпрецедентных именах, неминуемо сопровождаются реконцептуализацией, или переструктуриацией исходного фрейма за счёт выдвижения в фокус зачастую латентных признаков и дефокусирования прототипических признаков. Таким образом, реконцептуализация происходит за счет перефокусировки и реструктуриации исходного фрейма прецедентного имени, приводя к реинтерпретации образа прецедентного имени.

Литература

Болдырев Н.Н. Когнитивная семантика (курс лекций по английской филологии). Тамбов: Изд-во ТГУ, 2000.

Захарова А.Г. Лингвокогнитивное моделирование семантики производных слов, образованных от прецедентных имен (на материале английского языка): дис. ... канд. филол. наук. М., 2020. 165 с.

Голубкова Е.Е., Захарова А.Г. Новые аспекты полисемии отпрецедентных имен-конверсивов // Когнитивные исследования языка. 2022. Вып. 4 (51). С. 102-107.

Голубкова Е.Е., Захарова А.Г. SHREKTIVITY или словообразовательная активность отпрецедентных имен с когнитивной точки зрения // Когнитивные исследования языка. 2023. Вып. 2 (53). С. 26-30.

КСКТ – Кубрякова Е.С., Демьянков В.З., Панкрац Ю.Г., Лузина Л.Г. Краткий словарь когнитивных терминов. М.: МГУ, 1996.

Леонтьева К.И. Когнитивные основания (ре)концептуализации, (ре)категоризации и (ре)перспективации при переводе // Когнитивные исследования языка. 2018. Вып. XXXV. С. 143-151.

COCA – Corpus of Contemporary American English. URL: <https://www.english-corpora.org/coca/>

NOW Corpus – News on the Web. URL: <https://www.english-corpora.org/now/>

A.G. Zakharova (Moscow, Russia)

MGIMO University

E.E. Golubkova (Moscow, Russia)

Moscow State Linguistic university

RECONCEPTUALIZATION IN DERIVATIVES FROM PRECEDENT NAMES: ROBIN HOOD CLUSTER

The article studies the mechanism of reconceptualization underpinning the process of derivation in such precedent names as Robin Hood, Harry Potter, Shrek. We argue that reconceptualization defined as knowledge restructuring leads to defocusing or/and to non-canonical content in the slots of the precedent name's frame. It enables the user to creatively reshape the information from the initial frame and adapt the image of the precedent character to the needs of the context.

Key words: derivatives from precedent names, reconceptualization, frame, (de-) focusing, context.

С.В. Канашина (Москва, Россия)

*Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел РФ
svetlanakanashina@yandex.ru*

КОГНИТИВНЫЕ ОСНОВАНИЯ РЕИНТЕРПРЕТАЦИИ ПРЕЦЕДЕНТНЫХ ФЕНОМЕНОВ В АНГЛОЯЗЫЧНЫХ ИНТЕРНЕТ-МЕМАХ

В статье рассматривается когнитивный механизм реинтерпретации в интернет-мемах. Данный механизм реализуется как генерирование новой трактовки прецедентной основы и отклонение от традиционной интерпретации контента в интернет-мемах. Реинтерпретация обусловлена установкой на лингвокреатив и ориентированностью на динамичное изменение семантики.

Ключевые слова: интернет-мем, реинтерпретация, прецедентные феномены, лингвокреатив, семантика, когнитивный диссонанс.

Англоязычный интернет-мем представляет интерес для когнитологов, поскольку при декодировании семантики мемов реципиент задействует разнообразные когнитивные механизмы, среди которых извлечение импликаций, преодоление когнитивного диссонанса, фокусирование и дефокусирование, метафоризация и т.д.

Одним из неизученных когнитивных механизмов, к которому прибегает реципиент для «расшифровки» данных единиц, является реинтерпретация. Реинтерпретация включает в себя порождение новой трактовки прецедентной основы и отход от стереотипного, канонического толкования вербального или визуального компонентов интернет-мемов.

Как отмечается в научной литературе [Рыжков 2021; Щурина, Шелопугина 2018], при декодировании интернет-мемов наблюдается порождение разнообразных интерпретаций со стороны реципиентов, что свидетельствует о субъективности и индивидуализированности процесса интерпретации и реинтерпретации данных знаков.

Необходимо указать, что в рассматриваемых единицах зачастую задействуются прецедентные феномены (например, отсылки к широко известным событиям, обращения к крылатым выражениям, аллюзии, референции к узнаваемым людям и т.д.), которые могут подвергаться лингвокреативному переосмыслению, комической репрезентации, искажению и т.д. В результате лингвокреативной деформации прецедентной основы в интернет-мемах происходит генерирование новых интерпретаций, таким образом, реципиенту предлагается отойти от классического толкования прецедентных феноменов и декодировать семантику через призму новой трактовки.

Когнитивным основанием механизма реинтерпретации в интернет-мемах является способность данных знаков порождать новые смыслы в процессе семиозиса и репликации. Процесс репликации мемов основан на непрекращающейся вариативности и трансформациях [Diedrichsen 2018], за счет чего обеспечивается неустаревание и актуализация данных знаков. Семантика мемов отличается подвижностью и динамизмом, поскольку при генерировании новых единиц семантика меняется за счет появления новых коннотаций, оттенков значения, импликаций и т.д. Таким образом, семантика прецедентных феноменов не является стабильной, а изменяется под влиянием дискурсивного контекста конкретного мема.

Кроме того, с когнитивной точки зрения реинтерпретация обусловлена ориентированностью мемов на лингвокреатив, за счет чего наблюдается отступление от стереотипного толкования прецедентных феноменов и игровые манипуляции с прецедентной основой. Прецедентные феномены подвергаются трансформациям как на уровне визуальной репрезентации, например, фотография известного человека искажается, кадр из узнаваемого фильма изменяется и т.д., так и на вербальном уровне, к примеру, компонент крылатого выражения или цитаты пропускается и наполняется другим вербальным содержанием. Нередко реципиенту предлагаются прецедентные феномены в неконвенциональной и оригинальной форме, что приводит к реинтерпретации и переосмыслению.

Еще одним когнитивным аспектом реинтерпретации в англоязычных интернет-мемах является погружение реципиента в двусмысленный контекст, который создает условия для появления новых интерпретаций. Авторы мемов

стремятся повысить двусмысленность мемов, чтобы превратить процесс декодирования семантики отдельной единицы в интеллектуальную игру для реципиента. За счет намеренной и повышенной двусмысленности семантического поля в интернет-меме наблюдается вариативность возможных интерпретаций. Средствами создания двусмысленности в данных единицах служат игра слов, дефразеологизация, лингвокреативные приемы с прямым и переносным значением лексем, игровая дезаббревиация и т.д.

Важно подчеркнуть, что полимодальная форма передачи информации в интернет-мемах создает предпосылки для множественности возможных интерпретаций, поскольку и вербальные, и визуальные знаки выступают носителями смысла и способны передавать оттенки значения. Кроме того, при декодировании знаков вербального и визуального кодов у реципиента могут запускаться такие когнитивные механизмы, как фокусирование и дефокусирование, блендинг, метафоризация и т.д., что существенно осложняет семантическое поле интернет-мемов и делает процесс смыслопорождения комплексным.

Рассмотрим примеры, в которых реализуется механизм реинтерпретации. На рисунке 1 и 2 представлены мемы из серии *Schrute Facts* (англ. Факты Шрута). Прецедентной базой данной серии выступает американский ситком «Офис», персонаж которого Дуайт Шрут характеризуется странностью и нестандартным мышлением.

Рис. 1. Интернет-мем 1

Рис. 2. Интернет-мем 2.

<https://knowyourmeme.com/memes/schrute-facts>

В интернет-меме на рисунке 1 вербальное сопровождение переводится следующим образом: «США – свободная страна. Это неправда. В США самый высокий процент заключенных среди населения». Отмечается комическая и оригинальная реинтерпретация широко известной лингвокультураны «США – свободная страна». В представленном примере можно наблюдать противопоставление компонентов в вербальной части, реинтерпретация обеспечивает алогизм и столкновение противоречащих друг другу тезисов. Благодаря механизму реинтерпретации запускается также эффект обманутого ожидания и когнитивный диссонанс.

На рисунке 2 вербальный компонент переводится как: «Трава всегда зеленее по другую сторону забора. Это неправда. Трава зеленее там, где плодородная почва и оптимальный солнечный свет». В этом примере механизм реинтерпретации основан на дефразеологизации прецедентной идиомы *Grass is always greener on the other side* со значением «Хорошо там, где нас нет». Буквальное толкование фразеологизма приводит к отклонению от традиционной идиомати-

ческой семантики. Реципиенту предлагается интеллектуальная игра, которая заключается в переключении с классической трактовки идиомы на новую, нетривиальную интерпретацию, что обеспечивает комический эффект. В обоих примерах реинтерпретация в вербальном компоненте интенсифицируется с помощью выразительного визуального содержания.

Как показали рассмотренные примеры, минималистичный, сжатый жанр интернет-мемов создает предпосылки для порождения новых и неожиданных интерпретаций прецедентных феноменов. Несмотря на компрессию вербальной части мема, авторы мемов могут прибегать к лингвокреативному переосмыслению прецедентных феноменов, комическим репрезентациям, алогизмам, что приводит к реинтерпретации прецедентной основы мема.

Подводя итог вышесказанному, можно заключить, что реинтерпретация является важным когнитивным механизмом, к которому прибегает реципиент при декодировании семантики англоязычных интернет-мемов. Реинтерпретация прецедентных феноменов реализуется как отступление от канонической трактовки и генерирование обновленного толкования прецедентной основы в интернет-мемах. Когнитивными основаниями данного механизма выступают установка на лингвокреатив, а также способность к порождению новых смыслов в процессе семиозиса и репликации интернет-мемов.

Литература

Рыжков К.Л. Классификация интернет-мемов в реалиях 2021 года // Культура и искусство. 2021. №. 9. С. 18-28.

Щурина Ю. В., Шелопугина Н.А. Интернет-мем: проблема семиотического статуса // Лингвистика и межкультурная коммуникация: материалы Всероссийской научно-практической конференции (Чита, 31 октября 2018г.). Чита: Изд-во Забайкальского гос.университета, 2018. С. 157-162.

Diedrichsen E. Cognitive mechanisms and emergent grammatical features in Internet memes // *Linguistics Beyond and Within*. 2018. V. 4. №. 4. pp. 22-37.

Shifman L. Internet memes and the twofold articulation of values // *Society and the internet: How networks of information and communication are changing our lives*. Oxford: Oxford University Press, 2019. P. 43-57.

S. V. Kanashina (Moscow, Russia)

Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation

COGNITIVE BASIS OF REINTERPRETING PRECEDENT PHENOMENA IN ENGLISH INTERNET MEMES

The article examines the cognitive mechanism of reinterpretation of internet memes. This mechanism involves generating a new interpretation of precedent phenomena and rejecting the traditional meaning of content in internet memes. Reinterpretation is the product of linguistic creativity and dynamic changes of semantics.

Key words: internet meme, reinterpretation, precedent phenomena, linguistic creativity, semantics, cognitive dissonance.

А.И. Ковригина, И.Н. Горячева (Москва, Россия)
Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
l_ete_indien@mail.ru, irinag78@list.ru

ГЛАГОЛЫ ЦЕНТРОБЕЖНОГО И ЦЕНТРОСТРЕМИТЕЛЬНОГО ДВИЖЕНИЯ В ИСПАНСКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА

Предпринята попытка концептуализации идеи движения / перемещения в лексико-семантическом пространстве испанского языка. Выборка осуществлена на материале семантических полей глаголов самостоятельного движения (*ir-venir, entrar-salir*) и глаголах каузативного перемещения (*abrir-cerrar, sacar-meter*). Каждая пара глаголов сформирована по принципу бинарной оппозиции «центробежность-центростремительность», в основе которой лежит движение к определенной цели-ориентире.

Ключевые слова: языковая картина мира, испанский язык, пространство, глаголы движения, глаголы перемещения

Репрезентативный потенциал естественных языков огромен, возможности описания окружающей действительности порой разнятся, фиксируя различные фрагменты опыта, что дает огромное богатство языковых картин мира. Языковая картина мира неминуемо включает в себя вербализованные пространственные представления, поскольку процесс ориентации в пространственно-временном континууме онтологически связан со способностью к передвижению в целом и с глубинной человеческой потребностью стабилизировать свое место в пространстве.

Пространственный код исследователи относят к базовым кодам культуры [Краснобаева 2018, Красных 2001, Самигуллина 2007]. Различное восприятие пространства в разных культурах обусловлено не только разницей в локальных визуальных стимулах (природный ландшафт, урбанистический / сельский пейзаж, антропометрические характеристики населения), но и этнопсихологическими особенностями носителей языка (индивидуализм, коллективизм).

Для целей настоящего исследования была предпринята попытка концептуализации идеи движения / перемещения в лексико-семантическом пространстве испанского языка. Выборка осуществлена на материале семантических полей глаголов самостоятельного движения (*ir-venir, entrar-salir*) и глаголах каузативного перемещения (*abrir-cerrar, sacar-meter*). Каждая пара глаголов сформирована по принципу бинарной оппозиции «центробежность-центростремительность», в основе которой лежит движение к определенной цели – ориентире, следуя терминологии Л. Талми [Talmy 1975:182].

Так, глагол *venir* обычно описывает центростремительное движение к местоположению говорящего: «иди сюда» (*ven aquí*). Однако, ориентир также может эксплицироваться и как планируемое или референциальное местоположение говорящего: ‘придешь ко мне домой на ужин’ (*vienes a cenar a mi casa*). Кроме того, ориентиром движения может выступать и отличный от говорящего объект, в то время как говорящий выступает в роли наблюдателя, привлекающего внимание к объекту. Лексема также приобретает в испанском языке значение ‘возвращаться’ т.е. «возвращаться в то место где находится или находился ранее го-

ворящий». В случае, если в функции ориентира выступает слушающий или любой объект, кроме говорящего, то в испанском языке используется глагол *ir*. При совместном местоположении и говорящего и слушающего использование *ir* или *venir* обусловлено смещением дейктического центра. Валентность позиции говорящего как финальной или начальной точки движения становится факультативной. Важным становится кто из участников речевого акта будет осуществлять движение, а кто его сопровождать.

Согласно словарю Королевской Академии испанского языка, *salir* передает прежде всего идею самостоятельного и целенаправленного перемещения изнутри наружу [DRAE]. Т.е. агент в начальной точке помещен в некий контейнер, невидимый для наблюдателя, в конечной же точке он становится видимым для наблюдателя или для внешнего мира: «выйти на улицу» (*salir a la calle*), «выйти из укрытия» (*salir de su escondite*). Таким образом, мы имеем дело с движением от начальной точки к финальной с пересечением некой границы между внутренним и внешним пространством. С одной стороны, можно было бы предположить что глагол *salir* относится к категории аблативных, т.е. указывающий на исходный пункт траектории движения *salir de*. Однако в случае с *salir a la calle* фокус смещен на финальную точку перемещения.

В свою очередь лексема *entrar*, согласно словарю Королевской Академии испанского языка, передает идею центростремительного перемещения снаружи вовнутрь [DRAE]. Т.е. речь идет о глаголе перемещения в пространстве из начальной точки в конечную с пересечением границы между внешним и внутренним пространством. В отличие от глагола *salir*, глагол *entrar* принадлежит к категории аллативных глаголов, т.е. глаголов акцентирующих внимание на финальной точке движения: «войти в комнату» (*entrar en la habitación*), «войти в школу» (*entrar al colegio*).

В испанской языковой картине мира глагол *abrir* активизирует представление о центробежном направлении движения и взаимном отталкивании частей целого [DRAE]. Следуя предложенному Ю.Д. Апресяном алгоритму семантической редукции, мы выделяем у глагола *abrir* два основных компонента значения: «убрать преграду, освободить то, что находится внутри» (*abrir un regalo* «открыть подарок», *abrir un cajón* «выдвинуть ящик», *abrir el grifo* «открыть кран»); и «изменить положение частей предмета относительно друг друга / частей относительно целого, образовав между ними свободное пространство» (*abrir la puerta* «открыть дверь», *abrir un libro* «открыть книгу», *abrir los ojos* «открыть глаза», *abrir un abanico* «раскрыть веер»).

Глагол *cerrar* задействует идею центростремительного движения и взаимного притяжения частей целого: *cerrar la mano* «сжать руку», *cerrar la boca* «закрывать рот», *cerrar un abanico* «сложить веер», *cerrar una ventana* («закрывать окно» – окно и рама рассматриваются как единое целое) [DRAE]. В семантической структуре глагола *cerrar* можно выделить компонент «физическое соединение начала и конца» (*cerrar una circunferencia* ‘замкнуть круг’). Его антонимичность глаголу *abrir* хорошо прослеживается в таком компоненте значения, как «поставить преграду, сделать недоступным» (*cerrar el acceso* «закрывать доступ»).

В контексте исследования пространственного кода испанской культуры интересно рассмотреть значение глаголов *abrir-cerrar* и *sacar-meter* сквозь призму

физической культуры. Это дает возможность проследить, как в испаноязычной картине мира визуализируется перемещение частей тела человека в пространстве: например, в танцевальном искусстве словосочетание *la derecha/izquierda abre* означает шаг в сторону правой/левой ногой, а *metemos/sacamos el pie derecho* передает движение вверх-вниз согнутой в колене ноги с вытянутым носком и высоко поднятой пяткой (аналогично необходимым действиям, чтобы просунуть ногу в сапог и вытащить ее). Подобное употребление допустимо и в отношении других частей тела: *Abre bien el pecho* «грудь вперед, расправь плечи». Такой метафорический перенос передает свойственное испанской языковой картине мира уникальное восприятие двух форм движения – центростремительного и центробежного – и движения человеческого тела играют в этом важную роль.

Лексема *sacar* обозначает изменение положения в пространстве, которое может быть сформулировано как «агенса X перемещает объект Y из вместилища Z наружу», например, *sacar un pañuelo del bolsillo* «достать платок из кармана». *Meter*, соответственно, реализует противоположное значение перемещения из внешнего подпространства вовнутрь. Понятие вместилища может трансформироваться из трехмерного в плоскостное: *sacar la mancha* «вывести пятно» (пятно обычно находится не внутри чего-либо, а на поверхности), *meter patadas* «пинать» (удары наносятся по поверхности тела).

Таким образом, пространственный код испанской лингвокультуры представляет собой многомерное образование, включающее помимо стандартной координатной сетки («вперед-назад», «вправо-влево», «вверх-вниз») четвертое пространственное измерение «внутри-снаружи». В основе антропоцентричной испанской языковой картины мира концептуализируется бинарная оппозиция центробежности и центростремительности в виде:

- движения, ориентированного на или от говорящего;
- движения внутрь или наружу вместилища;
- взаимного притяжения или отталкивания частей целого.

Литература

- Апресян Ю.Д. Исследования по семантике и лексикографии: том 1. Парадигматика. М.: Языки славянских культур, 2009.
- Красных В.В. Коды и эталоны культуры (приглашение к разговору) // Язык, сознание, коммуникация. 2001. Выпуск 19. С. 5-19.
- Краснобаева-Черная Ж.В. Пространственный код культуры ценностной картины мира (на материале русской, украинской, английской и немецкой фразеологии) // Сибирский филологический журнал. 2018. №4. С. 169-180.
- Майсак Т.А., Рахилина Е.В. Семантика и статистика: глагол идти на фоне других глаголов движения // Логический анализ языка. Языки динамического мира. Дубна: Международный университет природы, общества и человека «Дубна», 1999. С. 53-66.
- Самигуллина А.С. Пространственный код культуры и его смысловые проекции // Вестник Челябинского государственного университета. 2007. №1. С. 82-87.
- Падучева Е.В., Крылов С.А. Дейксис: общетеоретические и прагматические аспекты // Языковая деятельность в аспекте лингвистической прагматики. Сборник обзоров. М.: Ин-т науч. информ. по обществ. наукам, 1984. С. 25-96.
- Talmy L. Semantics and syntax of motion. New York: Academic Press. 1975. P. 181-282.

Cifuentes Honrubia J.L. Verbos deícticos en español // Studii de Lingvistică și Filologie Romanică: Hommages offerts à Sandra Reinheimer Rîpeanu. 2007. P. 99-112.

DRAE – El diccionario de la Real Academia Española. URL: <https://dle.rae>.

CORPES XXI – El Corpus del Español del Siglo XXI. URL: [_www.rae.es/recursos/banco-de-datos/corpes-xxi](http://www.rae.es/recursos/banco-de-datos/corpes-xxi).

A.I. Kovrigina, I.N. Goryacheva (Moscow, Russia)
Lomonosov Moscow State University

CENTRIFUGAL AND CENTRIPETAL MOTION VERBS IN THE SPANISH LANGUAGE WORLDVIEW

The paper conceptualizes the idea of motion in the lexico-semantic space of the Spanish language. The selection includes the semantic fields of verbs of independent movement (ir-venir, entrar-salir) and verbs of causative movement (abrir-cerrar, sacar-meter). Each verb pair is formed according to the principle of the binary opposition "centrifugal-centripetal", which presents movement towards the ground.

Key words: language worldview, culture, Spanish, space, motion verbs.

М.Л. Корытная (Тверь, Россия)
Тверской государственный университет
mkorytnaya@mail.ru

С.Е. Михайлова (Тверь, Россия)
Военная академия воздушно-космической обороны имени Г.К. Жукова
svetlmikhailova@mail.ru

ПРЕЦЕДЕНТНАЯ НОМИНАЦИЯ В НАЗВАНИЯХ ВООРУЖЕНИЯ И ВОЕННОЙ ТЕХНИКИ РОССИИ И США

В статье рассматриваются особенности номинации вооружения России и США. Обсуждается использование прецедентных имен в названиях оружия и военной техники, обусловленное спецификой национальных культур. Образность, информационная ёмкость, метафоричность, присущие прецедентным феноменам, делают их эффективным средством воздействия на сознание людей.

Ключевые слова: прецедентные феномены, номинация, лингвокультурное сообщество, прецедентное имя, военная техника, вооружение.

В последнее время наблюдается рост интереса лингвистов к исследованию военной лексики [Голубева 2008; Ляпидовская 2023; Титова 2022; Овчинников, Крюкова 2019 и др.]. Особое внимание уделяется появлению новой военной терминологии, способам номинации оружия и военной техники, сопоставлению названий вооружения России и США как с лингвистической, так и с лингвокультурологической точки зрения.

Целью исследования является рассмотрение специфики прецедентной номинации различных видов оружия и боевой техники России и США.

Геополитическая обстановка в современном мире характеризуется обострением отношений между государствами, что приводит к появлению военных

конфликтов в разных точках земного шара. В данной ситуации возникает потребность как в совершенствовании уже существующего оружия, так и в создании новых образцов вооружения для обеспечения национальной безопасности государств. Активная разработка и выпуск новых моделей военной техники сопровождается необходимостью присвоения им наименований.

В номинации вооружения активно используются уже существующие языковые единицы, которые приобретают новые значения. Семантика лексических единиц вторичной номинации объектов оружия и военной техники многообразна. В этой связи особого внимания заслуживает прецедентная номинация.

Анализ корпуса примеров, выбранных из текстов СМИ, показал, что прецедентные феномены в названиях вооружения широко используются как в России, так и в США. По мнению Д.Б. Гудкова, основными признаками прецедентных феноменов являются их известность всем представителям национального лингвокультурного сообщества; общность представления о них у всех носителей того или иного языка и культуры; а также их воспроизводимость в речи [Гудков 2003]. К прецедентным могут относиться события, тексты, имена, высказывания, хранящиеся в коллективной памяти лингвокультурного сообщества, значимые в познавательном и эмоциональном отношении для личности и постоянно актуализируемые в речи. В разряд прецедентных феноменов входят имена мифических и былинных персонажей; географические названия, связанные с историей государств; названия народов и племен, ранее заселявших территории стран и являющихся частью ее истории и т.д.

Прецедентные имена – это индивидуальные имена литературных героев, исторических деятелей, военачальников, политиков и т.д., которые, как правило, хорошо известны в лингвокультурном сообществе, и апелляция к которым происходит постоянно [Гудков 2003].

Наиболее продуктивной моделью номинации вооружения и военной техники в России и в США является использование прецедентных имен.

Обширную группу наименований продукции военного назначения составляют антропонимы – имена выдающихся личностей, вошедших в историю. Так, традиционно кораблям давались имена известных людей: фрегаты «Адмирал Горшков», «Адмирал Головкин», «Адмирал Григорович», «Адмирал Ушаков», «Адмирал Лазарев». Военные корабли и подводные лодки получили имена русских князей: «Дмитрий Донской», «Юрий Долгорукий», «Александр Невский», «Владимир Мономах».

Аналогичную тенденцию использования прецедентных имен можно проследить и в наименовании американских военных кораблей. Именами американских президентов названы атомные многоцелевые авианосцы CVN-71 «Theodore Roosevelt», CVN-72 «Abraham Lincoln», CVN-73 «George Washington», CVN-78 «Gerald R. Ford», эсминцы с управляемым ракетным оружием DDG-53 «John Paul Jones», DDG-62 «Fitzgerald», DDG-75 «Donald Cook».

В США среди названий военной техники достаточно часто используются прецеденты, источником которых стали фамилии выдающихся военачальников армий: боевой танк M1 «Abrams», боевая машина пехоты M2 «Bradley», десантный катер «Frank Besson».

Данные феномены являются национально-прецедентными, так как входят в когнитивную базу представителей соответствующего лингвокультурного сообщества.

Распространенным является использование *теонимов* для военной номинации, когда уже имеющиеся в языке названия мифологических существ выступают в новой функции наименования образцов вооружения и военной техники. К ним относятся российские наименования 30-мм автоматического гранатомета «Атлант», передатчика для радиосвязи с подводными лодками на сверхнизких частотах «Зевс», зенитного ракетного комплекса С-500 «Прометей», многофункционального тактического ракетного комплекса «Гермес». Примерами также могут служить названия американского военно-транспортного самолета средней и большой дальности Lockheed C-130 «Hercules» ‘Геркулес’ (бог, наделенный огромной физической силой), патрульного противолодочного самолета Boeing P-8 «Poseidon» ‘Посейдон’ (верховный морской бог), легкого танка «Griffin II» ‘Грифон’ (мифическая чудовищная быстрая птица). Интересным представляется использование имени всемогущего морского бога Посейдона для наименования патрульного противолодочного самолёта США Boeing P-8 «Poseidon», предназначенного для обнаружения и уничтожения подводных лодок противника и российского подводного беспилотного аппарата, несущего ядерный заряд 2М39 «Посейдон».

Прецедентные имена со сферой-источником «Мифология» следует считать универсально-прецедентными феноменами, поскольку герои древнегреческих мифов известны представителям разных лингвокультурных сообществ. При использовании теонимов в военной номинации происходит апелляция к мифологическим образам, прочно закрепившимся в сознании людей благодаря их яркости и образности. Помимо номинативной функции мифологема-наименования вооружения оказывают сильное эмоциональное воздействие на массовое политическое сознание людей, популяризируя именуемые ими образцы военной техники и оружия.

Еще одна группа наименований вооружения и военной техники представлена этнонимами. Например, в американском лингвокультурном сообществе сложилась тенденция номинации вертолетов по названию племен, населявших североамериканский континент: CH-47 «Chinook» ‘Чинук’, AH-64 «Apache» ‘Апач’, Sikorsky RAH-66 «Comanche» ‘Каманчий’, Bell OH-58 «Kiowa» ‘Кайова’, Bell UH-1 «Iroquois» ‘Ирокез’ и другие. Большинство племен североамериканских индейцев известно своей храбростью, стойкостью, быстротой действий, жестокостью, непоколебимостью в защите своего племени, что стало актуальным при наименовании вертолетов, обладающих высокой живучестью, хорошей маневренностью и повышенной боеспособностью. Следует отметить, что литература и кинематограф популяризировали эту группу прецедентных имен, сделав их известными широкому кругу людей за пределами Америки.

В военной отрасли России выделяется ряд наименований, использующих персонажи былин, сказаний, поверий, которые отражают национально-культурную специфику русского лингвокультурного сообщества. К ним относятся: межконтинентальная баллистическая ракета РС-20В «Воевода», корабль обеспечения проекта 11570 «Садко». Маскировочные костюмы снайпера «Кики-

мора» и «Леший» получили свои названия на основании внешнего сходства этих лесных существ, обладающих мистической силой, с персонажами славянской мифологии.

Таким образом, анализ фактического материала позволяет сделать вывод о широком использовании прецедентных имён в наименованиях вооружения и военной техники в России и США. Это обусловлено их метафоричностью, яркостью, большой информативностью при лаконичности формы, так как прецедентные имена отсылают носителя языка к определенной ситуации, контексту и целому ряду ассоциаций. В прецедентных именах находят отражение национальные культурные особенности, обычаи, традиции, менталитет народов. Использование прецедентных феноменов в наименованиях служит решению таких задач, как демонстрация превосходства вооружения, воздействие на широкие массы населения через тексты СМИ, привлечение потенциального покупателя.

Литература

- Гудков Д.Б. Теория и практика межкультурной коммуникации. М.: Гнозис, 2003. 288 с.
Какое оружие получила армия России в уходящем году. Военный арсенал-2022. URL: <https://tass.ru/armiya-i-opk/16661853/>
- Крюкова Е.В. Семантические особенности наименования оружия и техники России и стран НАТО // Мир науки, культуры, образования. 2021. № 1 (86). С. 305-309.
- Ляпидовская М.Е. О некоторых особенностях номинации единиц военной техники и орудий // Русский лингвистический бюллетень. 2023. № 1 (37). URL: <https://rulb.org/archive/1-37-2023-january/10.18454/RULB.2023.37.43>
- Международный военно-технический форум «АРМИЯ-2022». URL: https://www.rusarmyexpo.ru/exhibiting/Participation_exhibition
- Овчинников В.И., Крюкова Е.В. Прецедентные феномены в названиях вооружения // Национальная безопасность России: актуальные аспекты. Сборник избранных статей Всероссийской научно-практической конференции. СПб.: Изд-во Гум. нац. исслед. ин-та «НАЦПАЗВИТИЕ», 2019. С. 82-86.
- Список техники и вооружения армии США, структура, военный аппарат и история. URL: <https://militaryarms.ru/armii-mira/ssha-texnika-i-vooruzheni>
- Титова А.В. Прецедентные имена в названиях вооружения и военной техники США // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. 2022. № 06/2. С. 92-95.

*M.L. Korytnaya (Tver, Russia)
Tver State University*

S.E. Mikhailova (Tver, Russia)

G.K. Zhukov Military Academy of Aerospace Defense

PRECEDENT DESIGNATION IN WEAPONRY AND MILITARY EQUIPMENT OF RUSSIA AND THE USA

The article focuses on the features of weapon designation in Russia and the USA. The use of precedent phenomena in the naming of weapons and military equipment is determined by cultural and linguistic peculiarities. Figurativeness and information capacity of the precedent names have a strong impact on people's minds.

Key words: precedent phenomena, designation, linguocultural community, precedent name, military equipment, weaponry.

А.А. Логунова (Москва, Россия)
Московский городской педагогический университет
anastasia.a.logunova@gmail.com

СЕМАНТИКА ПРЕДИКАТОВ *DEPEND ON* / *RELY ON* / *COUNT ON*

В работе рассматриваются вопросы, связанные с семантическим анализом синонимичных глаголов, таких как *depend on*, *rely on*, *count on* с применением триангуляционного подхода. Исследование направлено на установление семантических различий глаголов в английском языке, выявление контекстов их употребления, что позволило предложить более точные толкования лексики.

Ключевые слова: семантика, синонимы, гипотетико-дедуктивный метод, синонимичные глаголы, лингвистический эксперимент.

В контексте роста международных контактов и связанным с этим ростом потребностей в более точных описаниях языковых систем и уточнении словарных определений группа предикатов *depend on* / *rely on* / *count on* представляет интерес для изучения, что связано, в том числе и со сложностью определения их семантики и выявления различий в их употреблении.

Актуальность предпринятого исследования определяется наличием общего интереса к процессам языковой категоризации и изучению концептуализации фрагментов внеязыковой действительности средствами естественного языка. Так, широко исследуются различные группы слов со сходными значениями. В фокусе изучения оказываются и критерии взаимозаменяемости слов. Вместе с тем рассматриваемые в работе глаголы не были затронуты [Фомина 2007: 4].

Далее следует отметить, что словарные описания данных единиц также не представляются исчерпывающими. Так, в словарях значение одного слова трактуется через другое или совпадает с другим.

Совпадение определений и даже полное их сходство означает, что слова имеют одинаковое значение, что, в свою очередь, предполагает их взаимозамены в любых контекстах и ситуациях. Действительно, в ряде случаев взаимозамена вполне возможна. Однако возможность взаимозамены свидетельствует только о том, что в данном фрейме возможно различное осмысление ситуации. Более того, в ряде случаев взаимозамена невозможна, так как приводит к появлению неправильного высказывания – ср. *Residents here depend on fishing and shrimping for their livelihood* – * *Residents here count on fishing and shrimping for their livelihood* [Сулейманова, Лукошус 2017: 181].

Материалом исследования послужили высказывания из английских лексикографических источников (Cambridge Advanced Learner's Dictionary); корпусов текстов (Британский национальный корпус BNC, корпус современного американского варианта английского языка COCA), содержащие в своём составе глаголы в количестве 596; высказывания, содержащие в своём составе конструкции *depend on* / *rely on* / *count on* и обработанные в поисковой системе Google, в количестве 1129; а также высказывания, содержащие в своём составе конструкции *depend on* / *rely on* / *count on* и составленные для информантов, в количестве 24

языковых единиц; а также примеры из поисковых сетевых систем Big Data на английском языке.

Методологическую основу исследования составляют теоретические положения, представленные в работах отечественных и зарубежных ученых, анализирующих различные аспекты когнитивной лингвистики и когнитивной семантики, и связанные с:

- представлениями о значимости исследований лексико-семантических групп глаголов со схожими определениями;

- введением сетевых технологий в лингвистический эксперимент и оценкой их потенциала применительно к анализу различий семантики языковых единиц [Никитина 2022: 84];

- обоснованием выбора экспериментальной методики исследования в рамках общего гипотетико-дедуктивного метода и определением специфики семантического эксперимента по отношению к другим видам экспериментов: психолингвистического, полевого, социолингвистического;

- представлением о структуре значения языкового знака как состоящего из семантических компонентов, образующих его семантическую структуру;

- представлением о природе значения языкового знака как информации, вносимой об объекте внеязыковой действительности и имеющей языковую релевантность; «о соотношении значения знака и концепта» [Сулейманова, Фомина, Тивьяева 2020: 303];

- определением места лингвистической семантики и ее метаязыка в общей системе лингвистических представлений, относящихся к проблемам языковой концептуализации и категоризации, отличающих ее от когнитивной лингвистики и прагматики.

Методика настоящего исследования основана на комплексном подходе на основе ряда методик и анализов [Никитина 2022: 70]:

- критическом компонентном анализе словарных определений на базе CALD;

- контекстном анализе – создание эмпирической базы на основе корпусов British National Corpus и Corpus Of Contemporary American путём поиска словосочетаний с исследуемыми лексемами;

- дистрибутивном анализе – проверка правого и левого контекста слов в приложении AntConc из набранного материала и сочетаемости глаголов с разными словами путём использования ресурсов Google.

Одновременно с базовыми методами в ходе исследования применяется контент-анализ, который используется для выявления частотности употребления исследуемых лексем; используется потенциал поисковых сетевых технологий Big Data – Search и Research engines [Сулейманова, Фомина, Тивьяева 2020: 132].

Итак, анализ сочетаемости рассматриваемых предикатов показал, что в большинстве случаев они взаимозаменяемы. Как отмечалось выше, это свидетельствует только о том, что ситуация допускает различное осмысление. Однако есть варианты их употребления, при которых используется только один (или два) из исследуемых глаголов, что однозначно свидетельствует о наличии различий в их семантике.

С целью выявления особенностей семантики глаголов *depend on*, *rely on*, *count on* был проведен дистрибутивный анализ контекстов на материале корпуса текстов COCA (Corpus of Contemporary American English) и BNC (British National Corpus).

Было выявлено частотное употребление глагола *depend on* в конструкциях:

1. Конструкция *человек + depend on + человек*.
2. Конструкции *существительное, выражающее результат + depend on + существительное*.
3. Конструкции, в которых используется придаточное предложение: *depend on + how / what / whether / if*.
4. Конструкции, которые выражают зависимость жизни и будущего от различных факторов, условий, людей.
5. Конструкции, в которых результат зависит от какого-либо процесса, выраженного глаголом в *-ing form*.

Анализ случаев употребления и контекста позволяют проследить некоторые особенности употребления глагола, а именно: использование глагола с придаточными предложениям, с глаголом в *-ing form*, использование слов *life* и *future*, указание на результат. Кроме того, прослеживается физическая или психологическая зависимость одного объекта от другого (необходимость в чём-то, невозможность исполнения / существования одной части без другой).

На основании контекстных употреблений *rely on* были выявлены следующие модели:

1. Конструкция *человек + rely on + человек*.
2. Конструкция *существительное + rely on + существительное*.

Таким образом, конструкция данного типа выражает надежду на аспект, выраженный дополнением; использование объекта, выраженного дополнением, как опоры для совершения какого-либо действия (не обязательное условие, но значительно упрощающее процесс, описываемый в предложениях с этим глаголом). В подтверждение можно заметить, что именно с данным предикатом наиболее частотной является конструкция *rely on ... + for doing / to do smth*.

На основании контекстных употреблений *count on* были выявлены следующие модели:

1. Конструкция *местоимение + count on + местоимение*, где местоимение-подлежащее обязательно обозначает человека, а местоимение-дополнение – предмет или человека.
2. Конструкция *местоимение + count on + существительное*, при этом местоимение – обязательно человек, а существительное – предмет (редко: действие).

При этом в качестве «предмета» может выступать только подконтрольный человеку / людям объект. Так, слово *climate* употребляется только с *depend on* и *rely on* – *Forest-species migration models are generally based on the assumption that vegetation patterns at a region scale depend on climate. / We rely on the climate for our basic requirements, like having enough accessible food and water.*

Вариант употребления **count on climate* в предложении не был обнаружен в поисковой системе.

Иными словами, предикат выражает действие с прогнозируемым (или вероятным / предсказуемым) объектом. В приведённых выше примерах слово *climate* используется для описания некоторых погодных условий, которые по определению неподконтрольны человеку.

3. Конструкции, содержащие слова *support, help, loyalty*, т. е. выражающие поддержку (а не зависимость).

Литература

Никитина В.В. Концептуализация ментального состояния субъекта в конструкциях типа *X shudders to think*: дис. ... канд. филол. наук. М., 2022. 230 с.

Сулейманова О.А., Лукошус О.Г. Вопросы лексикографического портретирования слов с общим значением *странный* // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. № 4(70): в 2-х ч., Ч. 1. С. 179-185.

Сулейманова О.А., Фомина М.А., Тивьяева И.В. Принципы и методы лингвистических исследований. Учебное пособие. М.: Изд-во «Языки народов мира», 2020.

Фомина М.А. Концептуализация «пустого» в английском языке (*empty, blank, spare, unoccupied, vacant u void*) // Вестник МГПУ. Журнал Московского городского педагогического университета. М.: МГПУ, 2007. № 1(14). С. 122-127.

A. A. Logunova (Moscow, Russia)
Moscow City University

SEMANTICS OF PREDICATES *DEPEND ON / RELY ON / COUNT ON*

This study focuses on the three English synonymous verbs, namely, depend on, rely on, count on and offers results of experimental research into the verification potential of algorithms for mathematical processing of linguistic experiment results. The concordance lines also provided more information on meaning, grammatical pattern and collocation.

Key words: semantics, synonyms, hypothesis-deduction method, synonymous verbs, linguistic experiment.

Л.Е. Налдеева (Тамбов, Россия)
Тамбовский государственный университет им. Г.Р.Державина
naldeeva@inbox.ru

КОМПЛЕКСНЫЕ КОГНИТИВНЫЕ МОДЕЛИ ФОРМИРОВАНИЯ ДВУХКОМПОНЕНТНЫХ ЗООНИМОВ

В статье исследуются вопросы формирования семантики английских двухкомпонентных зоонимов. Выявлен ряд случаев, когда формирование двухкомпонентных зоонимов происходит с использованием комплексных моделей, то есть с использованием пропозициональной и метонимической когнитивных моделей или пропозициональной и метафорической когнитивных моделей.

Ключевые слова: зооним, когнитивные модели, концептуальная деривация, интегративное знание.

Объектом исследования в данной статье являются английские двухкомпонентные зоонимы, служащие названиями животных.

Цель – выявить двухкомпонентные зоонимы, которые создаются за счет нескольких когнитивных моделей разного типа. Для реализации указанной цели используется метод концептуально-дефиниционного анализа, в ряде случаев – метод этимологического анализа.

Потребность выявления когнитивных моделей в когнитивной лингвистике сопряжена с тем, что наши знания обладают схематичной организацией, о чем написан целый ряд исследований, так или иначе относящихся к когнитивному моделированию (Ч. Филлмор, Дж. Лакофф, Р. Лэнекер, Ж. Фоконье, Э. Рош). Понятие модель в его многоаспектности изучено Е.Г. Беляевской, которая, отмечая многозначность термина «модель», проводит анализ всех его определений. В итоге автор приходит к выводу, что модель есть некий «определенный схематизированный конструкт, «замещающий» более сложный или с трудом обозрваемый объект» [Беляевская 2008]. Из всех выделенных автором моделей, необходимо особо отметить **модели порождения**, употребление которых определяет создание двухкомпонентных зоонимов в ходе концептуальной деривации. Модели порождения могут быть разных типов.

Дж.Лакофф предположил наличие базовых когнитивных моделей, которые он назвал «идеальные когнитивные модели» (ИКМ). Он заключил, что весь человеческий когнитивный аппарат предполагает наличие четырех когнитивных структур, среди которых:

- пропозициональные модели, включающие элементы, а именно аргументы и базовый предикат, увязывающий аргументы;
- схематичные модели-картинки, фиксирующие и воспроизводящие набор представлений, имеющих основу для формирования категориальных классов;
- метафорические модели, которые дают возможность идентифицировать некую абстрактную область и дифференцировать ее по отношению к конкретной, доступной к пониманию эмпирическим способом областью – денотатом;
- метонимические модели, формирующиеся на базе соотношений логики, как например: часть-целое, что открывает возможности переноса характеристик одного элемента на множество предметов [Лакофф 1990]. При исследовании формирования семантики двухкомпонентных зоонимов были выявлены пропозициональные, метафорические и метонимические когнитивные модели. Кроме этого, был обнаружен целый ряд примеров, иллюстрирующих использование комплексных когнитивных моделей, предполагающих, что двухкомпонентными зоонимами объективируются пропозициональные и метафорические когнитивные модели или пропозициональные и метонимические когнитивные модели.

Например, слово *cabbage white* “a white butterfly whose caterpillars are pests of cabbages and related plants” [COED]. Данный зооним образован с помощью пропозициональной модели SUBJECT– OPER – OBJECT. Однако при формировании семантики данного слова используется и метонимическая когнитивная модель PART (colour) – WHOLE (animal). Так как бабочка-капустница обладает крылышками белого цвета и развивается из гусеницы в бабочку на плодах капусты.

Двухкомпонентный зооним *prairie dog* “a gregarious ground squirrel that lives in interconnected burrows, native to the grasslands of North America” [COED],

“named for their habitat and warning call, which sounds similar to a dog's bark” [https://en.wikipedia.org/wiki/Prairie_dog] интересен тем, что при его создании учитываются две когнитивные модели. С одной стороны, метафорическая когнитивная модель ANIMAL – ANIMAL, фокус внимания сконцентрирован на информации о звуках, создаваемых животным, а с другой стороны пропозициональная когнитивная модель SUBJECT – OPER – PLACE.

Остановимся подробнее на семантике двухкомпонентного зоонима *kissing bug* “Nicknamed the “kissing bug” because they tend to bite people on the face, especially near the mouth and eyes, bloodsucking triatomine bugs hide in walls and roofs during the day and emerge at night. If a person is bitten by a triatomine bug, in addition to causing general discomfort, the concern is that these bugs can carry *Trypanosoma cruzi*, the parasite that causes Chagas disease” [<https://www.aol.com/article/lifestyle/2020/08/01/what-is-the-deadly-kissing-bug/24578761/>]. Компонент *kissing* в данном слове имеет метафорическую окраску, то есть при формировании семантики данного слова помимо пропозициональной когнитивной модели SUBJECT – BE CHARACTERIZED BY – ACTION используется еще метафорическая когнитивная модель ANIMAL – HUMAN BEING.

Среди двухкомпонентных словосочетаний, в которых первый компонент представляет собой сложное слово также выявляются те, создание которых определяется комплексными когнитивными моделями: *cock-eyed squid* “so called because the eyes are dissimilar” [<https://newatlas.com/histioteuthis-heteropsis-cockeyed-squid/47886/>]; *bat-eared fox* “a small fox found in southern and East Africa, with very large ears that are used to locate insect prey” [COED]. При создании данных сочетаний используются пропозициональная когнитивная модель SUBJECT – HAVE – QUALITY и метафорическая когнитивная модель ANIMAL – ANIMAL.

Помимо метафорической когнитивной модели ANIMAL – ANIMAL, при создании подобного рода сочетаний может использоваться и метафорическая когнитивная модель ANIMAL – ARTEFACT. Пропозициональная когнитивная модель остается прежней SUBJECT – HAVE – QUALITY: *ring-tailed lemur* “a grey lemur with black rings around the eyes and a distinctive black-and-white banded tail” [COED]; *ring-tailed cat* “a raccoon-like mammal with a dark-ringed tail, found in North America”.

Ряд двухкомпонентных зоонимов образуется при помощи вышеуказанной метафорической когнитивной модели ANIMAL – ARTEFACT, но с использованием пропозициональной когнитивной модели SUBJECT – OPER – OBJECT: *bagworm* “one of several lepidopterous insects which construct, in the larval state, a baglike case which they carry about for protection” [<https://translate.academic.ru/bagworm/en/ru/>]; *ovenbird* “a small, drab tropical American bird which makes a domed oven-like nest of mud” [COED]. Метафорический перенос осуществляется на основе характеристики ‘property of an object’.

Таким образом, двухкомпонентные зоонимы могут создаваться не только при помощи таких когнитивных моделей, как пропозициональная, метафорическая, метонимическая, метафтонимическая когнитивные модели, но и при помощи комплексных когнитивных моделей, представляющих собой сочетания пропозициональной и метонимической или пропозициональной и метафорической когнитивных моделей.

Литература

Бабина Л.В. Сложные существительные и фразеологические единицы, образованные по метонимическим моделям, как результаты интерпретации с учетом доминантных смыслов // Когнитивные исследования языка. 2019. Вып. XXXVIII. С. 197-203.

Беляевская Е.Г. Модель и моделирование в лингвистических исследованиях // Вопросы когнитивной лингвистики. 2008. С. 98-111.

Болдырев Н.Н. Репрезентация знаний в системе языка // Вопросы когнитивной лингвистики. 2007в. № 4. С. 17-27.

Болдырев Н.Н. Когнитивный подход к исследованию антропоцентрической природы языка // Когнитивные исследования языка. 2015. Вып. XIX. С. 38-45.

Болдырев Н.Н. Когнитивные доминанты языковой интерпретации // Когнитивные исследования языка. 2019. Вып. XXXVI. С. 43-53.

Филлмор Ч. Фреймы и семантика понимания // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 23. Когнитивные аспекты языка. М.: Прогресс, 1988. С. 52-92.

Fauconnier G. Mental Spaces: Aspects of Meaning Construction in Natural Language. USA: Cambridge University Press, 1998. 190 p.

Lakoff G. Women, Fire, and Dangerous Things: What categories reveal about the mind. Chicago: The University of Chicago Press, 1990.

Lakoff G., Johnson M. Philosophy in the flesh: The embodied mind and its challenge to Western thought. N.Y.: Basic Books, 1999.

Langacker R.W. Foundations of Cognitive Grammar. Vol. 1. Theoretical Prerequisites. Stanford, CA: Stanford Univ. Press, 1987.

Rosch E.H. Natural Categories // Cognitive Psychology. Vol. 4. №3, 1973. P. 328-350.

Concise Oxford English Dictionary (COED). Oxford: Oxford University Press, 2006.

en.wikipedia.org/

www.aol.com

newatlas.com/

translate.academic.ru

L.E. Naldeeva (Tambov, Russia)
Derzhavin Tambov State University

COMPLEX COGNITIVE MODELS OF TWO-COMPONENT ZOONYM FORMATION

This paper examines the formation of the categorical cognitive by means of two-component zoonyms. Some examples are identified according to the usage of complex models. Examples are given of complex words formed using propositional and metonymic models.

Key words: zoonym, model, conceptual derivation, metaphorical model, categorical knowledge, integrative knowledge.

Ю.А. Ненашева (Челябинск, Россия)

Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет
nenajalex@gmail.com

ПСИХОСЕМИОЛОГИЧЕСКАЯ ОСНОВА ХУДОЖЕСТВЕННОГО ЧТЕНИЯ (НА МАТЕРИАЛЕ АУДИОКНИГИ)

Автор предлагает психосемиологическую интерпретацию специфики аудиокниги как устной репрезентации письменного текста художественного произведения. Специфика аудиокниги как поджанра художественного чтения находит отражение в когнитивной деятельности чтеца и выражается в просодических характеристиках текста.

Ключевые слова: психосемиология, аудиокнига, чтение вслух, квантование, актуализация коммуникативных смыслов, просодия.

Традиции художественного чтения уходят далеко в историю человеческой культуры: в дописьменный период передача информации происходила исключительно посредством устной речи, что накладывало свой отпечаток на требования к такому виду деятельности: четкая дикция, умение использовать образные речевые и голосовые средства для создания необходимого драматического эффекта. С возникновением письменности актуальность художественного чтения только возросла в соответствии с увеличением желающих озвучить письменный текст [Кириллова, Житенев 2012].

В настоящее время жанр переживает второе рождение в связи с появлением новой формы художественного произведения – аудиокниги. «Искусство художественного чтения есть искусство обращения письменной, немой речи в живую и образную, т.е. звучащую и исполненную мысли и чувства» [Озаровский 2014: 3], и несомненно, требования к умению пользоваться эффектами сценической речи, четкости произношения относятся и к этому виду чтения художественного текста. Однако, правила, определяющие специфику такого чтения, существенно отличаются от правил, предлагаемых существующими пособиями по выразительному чтению, в первую очередь потому, что материалом для аудиокниги служат достаточно большие прозаические письменные тексты, в то время, как большая часть учебников по выразительному чтению делает акцент на чтении поэзии. Другим фактором, обуславливающим специфику аудиокниги, является расширение потенциальной аудитории и отсутствие у чтеца информации о степени подготовленности этой аудитории к восприятию художественного чтения.

Представляется, что психосемиологический подход к пониманию сущности аудиокниги позволит выявить и описать особенности данного вида текста. В первую очередь необходимо отметить, что чтец не воспроизводит текст механически, А.Я. Закушняк называл себя «как бы вторым автором» [Закушняк 1984: 18]. Чтец осуществляет субъективную интерпретацию читаемого текста и представляет ее результат слушателям. Процесс появления аудиокниги отражает все этапы концептуальной модели структурирования художественного текста в системе чтеца как автора вторичного текста – аудиокниги: *inposse, infieri, inesse* [Скрелина, 1992: 80, Кириллова 2014]. С позиций когнитивной лингвистики

чтец-диктор на первом этапе определяет авторский замысел, составляя для себя общее, нерасчлененное представление о текстовой ситуации в ее пространственно-временных характеристиках. Как носитель языка соответствующего временного отрезка и член языкового сообщества, руководствующийся социокультурными нормами этого сообщества, чтец-диктор осуществляет речемыслительную деятельность, моделируя для себя основные семантические точки содержания текста [Tomassello 2019: 60-61].

На втором этапе – *infieri* – чтец-диктор производит членение общего континуума текста на ситуативно обособленные отрывки, соответствующие прямым коммуникативным целям автора, если речь идет об авторской речи/повествовании, или соответствующие коммуникативным целям автора, опосредованным прямой речью персонажей. Этот процесс получает свое логическое завершение на этапе *innesse*, где чтец осуществляет непосредственный переход от языка как системы к речи. Такое членение в речи обозначается как «квантование дискурса» [Кибрик, Подлеская, 2009: 34, 47, 55] или «chunking» [Miller, 1956; Cowan, 2000; Yanushevskaya et al, 2014]. На этом же этапе осуществляется и актуализация коммуникативных смыслов, которые существуют в ментальном содержании концепта и соответствующем ему языковом значении в сжатом, потенциальном виде. Актуализация коммуникативных смыслов происходит при помощи так называемых актуализаторов – единиц, сопровождающих актуализируемую единицу [Кацнельсон 2002: 210, 214; Kibrik 2011: 367-369]

Данные особенности когнитивной деятельности чтеца при художественном чтении аудиокниги отражены в результатах представленного исследования. В исследовании были использованы 22 художественных произведения британских авторов, разделенные на две выборки в соответствии с жанром текста (*cosy mystery/fantasy*) и целевой аудиторией (*Adults\Young Adults*). Из текстов художественных произведений были составлены корпуса с целью определения специфики актуализаторов прямой речи персонажей. Из прямой речи персонажей (аудиовариант художественного текста) были составлены выборки высказываний (повелительные высказывания). Основания для выбора именно этого вида высказываний подробно рассмотрены в предыдущих публикациях автора [см. Ненашева 2021: 31-32]. Выборки устных высказываний были подвергнуты акустическому компьютерному анализу при помощи программного обеспечения PRAAT (Prosogram) [Mertens, 2019].

В соответствии с полученными в ходе исследования результатами можно сделать следующие выводы о специфике протекания процессов членения континуума текстов и актуализации коммуникативных смыслов на этапах *infieri* и *innesse*:

1) Несмотря на то, что письменная речь содержит достаточно продолжительные высказывания, в устной репрезентации текста чтецы-дикторы предпочитают членить продолжительные высказывания на более короткие отрезки паузационными средствами. Однако, это членение носило специфический характер: несмотря на то, что критерии продолжительности, обусловленные психофизиологическими особенностями человеческого сознания, ограничивают эти отрезки семью единицами, в 23% и 32% от общего количества высказываний в выборках количество просодических единиц (фонетических слогов) превышало данное

количество. Дальнейший анализ показал, что такое членение может быть осуществлено просодическими средствами: в продолжительных отрезках звучащей речи (восемь и более фонетических слогов) чтецы пользовались просодическими средствами членения, например *Downstep*, представляющим собой контрастивное уменьшение значения тонального уровня по сравнению с предыдущим. Количество единиц в таких отрезках совпадало с числом, предполагаемым Миллером и обнаруженным другими исследователями в высказываниях спонтанной речи [Miller 1956: 351; McCauley et al 2017].

Членение грамматических предложений письменной речи чтецами-дикторами не всегда совпадает с пунктуационным членением. Даже при наличии пунктуационной обособленности кратких междометий/вводных конструкций, находящихся в препозиции к повелительной грамматической структуре, чтецы-дикторы предпочитали реализовывать их как проклитики. В то же время чтецы-дикторы предпочитали членить письменное высказывание с несколькими грамматическими основами, реализуя повелительную конструкцию как самостоятельную интонационную группу, даже если грамматические основы не были пунктуационно обособлены.

2) Актуализация коммуникативных смыслов, существующих в ментальном содержании концепта и соответствующем ему языковом значении в сжатом, потенциальном виде, реализуется чтецами-дикторами на третьем этапе – *in esse* – в виде единиц, преимущественно лексических, сопровождающих высказывания прямой речи персонажей. Данные единицы можно разделить на три группы по структурному признаку: 1) глаголы (65,8%), 2) автономные прилагательные и наречия (19,8%) и словосочетания, содержащие прилагательные/наречия в качестве главных членов словосочетаний (2,1%), 3) предложные номинативные словосочетания (12,3%).

В соответствии с семантическим критерием, вышеупомянутые группы делятся на подгруппы: в соответствии с характером эмфазы/эмотивности, выражаемой ими: а) невыраженная/отсутствующая эмфаза/эмотивность (*said, asked, calmly quietly, in a low voice*), б) выраженная эмфаза/эмотивность невыясненного характера (*shouted, quickly, in a tense manner*), 3) выраженная эмфаза/эмотивность положительного/негативного характера (*grinned, sneered, angrily, excitedly*). Лексические активаторы также показывают определенную корреляцию с особенностями просодической организации высказываний: у высказываний с легко идентифицируемым эмоционально-оценочным компонентом (положительным / отрицательным) количество тональных движений в интонационной конструкции меньше, чем у высказываний с выраженной эмфазой/эмотивностью невыясненного характера, то есть, более точное указание на коммуникативное значение высказывания прямой речи реализуется в выборе более простого интонационного контура, в большей степени соответствующего интонационным контурам кодифицированной интонационной нормы, выражающим данное значение.

В заключение следует сказать, что применение психосемиологического подхода к анализу аудиокниги как примера художественного чтения позволяет определить специфические особенности, отличающие данный вид дискурсивной деятельности и обусловленные особенностями когнитивной деятельности чте-

цов-дикторов как авторов вторичного текста на всех этапах концептуальной модели структурирования художественного текста.

Литература

- Закушняк А.Я.* Вечера рассказа. М.: Искусство, 1984.
- Игнатьева Т.Г.* Психосистематика как новое направление в языкознании. Вестник Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева. 2014. №1 (27). С. 20-28.
- Кацнельсон С.Д.* Типология языка и речевое мышление. М.: Едиториал УРСС, 2002.
- Кибрик А.А., Подлесская В.И.* Рассказы о сновидениях: Корпусное исследование устного русского дискурса. М.: ЯСК, 2009.
- Кириллова М. Е., Житенев Т.Е.* Искусство звучащего слова. История жанра. Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. 2012. №4 (11). С. 144-153.
- Ненасьева Ю.А.* Функциональная вариативность императива в дискурсе: просодическое свидетельство «гибридизации» // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова. 2021. № 54. С. 28-42.
- Озаровский Ю.Э.* Музыка живого слова. СПб.: Едиториал УРСС, 2014.
- Скрелина Л.М.* Двадцатый век: открытия и признания. Лингвистические проблемы искусственного интеллекта: материалы 7 симпозиума, 27 окт. 1992 г. СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 1992. С. 75-92.
- Cowan N.* The magical number 4 in short-term memory: a reconsideration of mental storage capacity // Behavioral and Brain Science. 2000. №24. P. 87-185.
- Kibrik A.A.* Reference in discourse. Oxford: Oxford University Press, 2011.
- McCauley S.M.* Chunking Ability Shapes Sentence Processing at Multiple Levels of Abstraction // Cognitive Science. 2017. P. 2681-2686.
- Mertens P.* From pitch stylization to automatic tonal annotation of speech corpora. // Rhapsodie. A prosodic and syntactic treebank for spoken French. Studies in Corpus Linguistics 89. Amsterdam: Benjamins. 2019. P. 233-250.
- Miller G. A.* The magical number seven, plus or minus two: some limits on our capacity for processing information // Psychological Review. 1956. №63. P. 81-97.
- Tomasello M.* Becoming Human: A Theory of Ontogeny. Cambridge, Massachusetts: The Belknap Press of Harvard University Press, 2019.
- Yanushevskaya I., Kane J., de Looze C. et al.* The distribution of pitch patterns and communicative types in speech chunks preceding pauses and gaps // The Proceedings of the 7th International Conference on Speech Prosody 2014. Speech Prosody. 2014. P. 959-963.

Iu.A. Nenasheva (Chelyabinsk, Russia)
South Ural State Humanitarian Pedagogical University

PSYCHOSEMIOLOGICAL FOUNDATIONS OF AUDIOBOOK VOICE ACTING

The paper suggests using a psychosemiological approach to interpreting audiobooks as a vocal representation of written fiction. The unique features of the audiobook subgenre of voice acting manifest in the prosodic characteristics of the spoken speech, which result from the cognitive activities of the readers.

Key words: psychosemiology, audiobook, reading aloud, chunking, actualization of communicative meanings, prosody.

Н.Н. Николаева, Е.Б. Лежнева (Москва, Россия)
Московский государственный технический
университет им. Н.Э. Баумана
nnn55n73@mail.ru, ekatlezhneva@mail.ru

**ВЕРБАЛИЗАЦИЯ МЕНТАЛЬНЫХ ПРОЦЕССОВ АВТОРА
АКАДЕМИЧЕСКИХ РАБОТ: ТЕХНИЧЕСКИЕ vs ГУМАНИТАРНЫЕ
НАУКИ**

Рассматривается дискурсивная вариативность лексики академического английского языка в технических и гуманитарных научных областях с позиций функционально-когнитивного, корпусного и образовательного подходов. Цель работы состоит в выявлении, анализе и сопоставлении основных лексических единиц, репрезентирующих ментальные процессы авторов англоязычных академических текстов. Результаты продемонстрировали значимые вербально-ментальные вариации и необходимость изучения дискурсивно-интегрированного академического английского языка в вузах.

Ключевые слова: академический английский язык, научный дискурс, когнитивный подход, обучение лексике, ментальные процессы, вербализация, корпусный анализ.

Академический английский язык стал не только языком международного общения в глобальном научном дискурсе, но и неотъемлемым компонентом обучения кадров высшей квалификации в российских вузах. В профессиональных образовательных программах сформулированы задачи комплексного формирования и развития у учащихся уровня магистратуры и аспирантуры иноязычной коммуникативной компетенции, включающей способность применять современные коммуникативные технологии на иностранном (английском) языке для академического и профессионального взаимодействия в устной и письменной форме. Лексическая компетенция, входящая в состав иноязычной компетенции, выступает одной из целей обучения иностранному языку в вузе. Данная цель и задачи определяют выбор современных, наиболее релевантных средств и способов обучения, среди которых использование информационных технологий, в частности, корпусов английского языка представляется актуальным, т.к. они позволяют выявить фактическое функционирование лексических единиц в дискурсивных и жанровых разновидностях языка. Поскольку академическая коммуникация является «нормативно организованным речевым взаимодействием, <...>, использующим определённую систему профессионально-ориентированных знаков» [Куликова 2006: 75], не вызывает сомнения тот факт, что на международной арене её участники должны общаться в соответствии с конвенциональными англоязычными нормами, среди которых лексическая корректность речи занимает одно из ведущих положений.

Однако академическая англоязычная лексика до сих пор считается неким универсальным списком академических слов (так называемым Academic Word List), «готовых» к употреблению в различных научных областях. Исследования последних лет показывают, что это не так [Nesi, Gardner, 2006]. В своей работе, опираясь на корпусные данные, их качественный и количественный анализ, а также оценку письменных работ аспирантов и магистрантов, мы рассматриваем функционально-когнитивные аспекты использования академической лексики в

различных научных областях с намерением доказать дискурсивную вариативность академического словаря и необходимость изучать не просто академический английский язык, а дискурсивно-интегрированный академический английский язык. В этом заключается актуальность и новизна нашего исследования.

Цель работы состоит в выявлении, анализе и сопоставлении основных лексических единиц, репрезентирующих ментальные процессы авторов англоязычных академических текстов из технических и гуманитарных областей научного знания и указывающих на важные когнитивные вариации представителей разных наук.

Теоретическая значимость работы обосновывается тем, что определение специфических для конкретной научной области знаний когнитивных особенностей, представленных с помощью лексических единиц, способствует углублению нашего понимания того, как концептуализируются и репрезентируются учеными дисциплинарные знания на английском языке. С практической точки зрения, полученные результаты могут служить основой для разработки учебных материалов, пособий, терминологических словарей по обучению англоязычной академической лексике учащихся магистратуры и аспирантуры, ориентированных на осуществление научно-исследовательской деятельности в разных областях науки.

Методология исследования состояла в сборе и оценке данных британского корпуса академического письменного языка (БКАПЯ) [British Academic Written English 2023] по ключевым словам, отобранным с помощью программы WordNet [WordNet 2023], а также анализе англоязычных работ учащихся, написанных по заданию преподавателя в различных академических жанрах, от решения задач и кейсов на профессиональные темы до написания научной статьи на английском языке, предварительно прошедших обучение на основе корпусных данных. Были использованы методы корпусной лингвистики (анализ по ключевым словам), элементы статистического анализа с целью подсчета данных, контекстуальный, сопоставительный и интерпретационный методы, с помощью которых определялись когнитивные механизмы, задействованные в ментальных процессах авторов академических работ. В исследовании, проведенном в 2021-2022 учебном году, приняли участие аспиранты и магистранты ($N = 63$), обучающиеся по техническим (техническая физика, математическое моделирование и информационные системы, биомедицинские технологии) и гуманитарным (лингвистика, история, педагогика) направлениям подготовки в МГТУ им. Н.Э. Баумана в рамках дисциплины «Академический английский язык».

Теоретической базой исследования послужила модель системной функциональной лингвистики (the Systemic Functional Linguistics (SFL) model) [Halliday 1994], согласно которой мир опыта имеет три формы репрезентации, реализуемые двумя типами процессов. Внешний опыт представлен в виде действий или событий и реализуется в материальных и поведенческих процессах. Внутренний опыт репрезентирован в виде реакции и отражения, и реализуется в ментальных и вербальных процессах. Третья форма репрезентации – обобщение – представляет собой отношение между этими двумя процессами и реализуется в реляционных и экзистенциальных процессах. Формам репрезентации и реализующим их процессам посвящены работы И.А. Мартинес, Т. Бечер, П. Траулер [Martínez

2001; Becher, Trowler 2021]; вопросы соотношения разных видов научных знаний освещаются в работах С.А. Лебедева, С.Н. Коськова, К. Хайлэнда, Х. Неси и С. Гарднер [Лебедев, Коськов 2017; Лебедев 2022; Hyland 2000; Nesi, Gardner 2006]. В данной работе анализируются ментальные и вербальные процессы, включающие по крайней мере одного одушевленного участника, который может чувствовать, мыслить и выражать результаты своей мыслительной деятельности в виде вербальных сообщений.

В результате проведенного исследования были обнаружены частотные и качественные различия по всем указанным выше областям науки. Приведем пример сравнения ключевых лексических единиц данных БКАПЯ по дискурсам технической физики *vs* истории и философии, которое показало, что авторы технических текстов чаще всего используют лексические единицы с семантикой физического или ментального действия, направленного на решение исследовательской задачи, а именно (здесь и далее дается список в порядке убывания количества токенов): *calculate, theory, detect, find, know, observe, show, determine, discover, abstract, explain*. При этом лексические единицы с семантикой рассуждения и объяснения встречались редко, среди которых статистическое значение имели следующие слова: *opinion argument, suggest, response, belief, support, claim, argue*. Авторы работ в области гуманитарных наук, напротив, активно использовали лексику с семантикой рассуждения, мнения, обоснования, утверждения, убеждения, критического анализа и т.п.: *argue, belief, assert, support, state, believe, claim, proposal, criticism*. Лексика, указывающая на исследовательские процессы, встречалась гораздо реже. Она включает в себя следующие единицы, также репрезентирующие скорее ментальное осмысление предмета исследования, его эпистемологическую ценность, чем конкретные действия с ним: *notice, identify, determine, add, base, knowledge, calculation, know, calculate, find, show, information*. Контекстуально-интерпретативный анализ примеров употребления приведенных лексических единиц продемонстрировал эксплицитность авторов гуманитарных текстов, их четкую авторскую позицию, ориентацию на выражение межличностных, эпистемологических, идеологических отношений, а также внутреннее познание и глобальные обобщения. В текстах авторов технических работ авторская позиция, как и сама личность автора, выражены не эксплицитно. Агентами действий часто становятся неодушевленные объекты, теории, гипотезы, модели, вычисления и т.п. Лексика технической физики репрезентирует осмысление учеными причинно-следственных, логических и доказательных связей между физическими явлениями, а также между явлениями и их абстрактными репрезентациями в виде моделей, теорий, свойств физических объектов или систем. Отметим, что учащиеся МГТУ им. Н.Э. Баумана продуктивно используют изученные и отработанные под руководством преподавателей корпусные данные, что было выявлено при проверке и анализе их работ.

В целом, по нашим данным, в естественно-технических академических работах личности авторов завуалированы, что свидетельствует о ценности знаний как таковых, а также то, что они получены в результате верифицируемых лабораторных/полевых исследований, наблюдений и измерений, а не из интерпретации или обсуждения. Большинство ключевых слов, репрезентирующих мнение авторов, их решения и выводы, содержат в своей семантике профессиональную

практику, реальные доказательства или математические вычисления (из области биомедицинских технологий: confirm, evidence, present, unlikely, present, unclear, proposed indicate, apparent, support, findings, apparently, argues). Таким образом, в технических дисциплинах аргументация и интерпретация имеют меньшую ценность по сравнению с наблюдениями, измерениями и вычислениями. В гуманитарных науках ценность авторской позиции и его авторитет важны, так как делается акцент на социально-гуманитарном развитии человеческих знаний, морально-нравственном потенциале личности. Это отражает фундаментальное различие между техническими и гуманитарными науками.

В заключение отметим, что проведенный нами функционально-когнитивный анализ корпусных данных, внедрение его результатов в учебный процесс, а также качественная контекстуально-интерпретативная оценка англоязычных академических текстов аспирантов и магистрантов позволили нам продемонстрировать вербальную гетерогенность академического английского языка, указывающую на дискурсивную вариативность ментальных процессов представителей технических и гуманитарных наук, что отражает качественную разницу в структурах научных знаний. С точки зрения обучающихся перспектив, отметим перспективность изучения дифференцированного академического языка по научным областям, т.к. для каждой области характерен свой конвенциональный набор лексических единиц, отражающий разные способы мышления.

Литература

Куликова Л.В. Коммуникативный стиль в межкультурной парадигме: монография. Красноярск: КГПУ им. В.П. Астафьева, 2006.

Лебедев С.А., Коськов С.Н. Виды научного знания: различия и единство // Вестник Северо-восточного федерального университета им. М.К. Аммосова. Серия: Педагогика. Психология. Философия. 2017. № 2(06). С. 57-61.

Becher T., Trowler P. Academic tribes and territories: Intellectual enquiry and the culture of disciplines (4th ed.). Buckingham: Open University Press, 2021.

British Academic Written English (BAWE). URL: <https://www.coventry.ac.uk/research/> (Accessed 15.04.2023).

Halliday M.A.K. An introduction to functional grammar (2nd ed.). London: Arnold. 1994.

Hyland K. Disciplinary discourses: Social interactions in academic writing. Harlow: Longman, 2000.

Martínez I.A. Impersonality in the research article as revealed by analysis of the transitivity structure // English for Specific Purposes. 2001. № 20. P. 227-247.

Nesi H., Gardner S. Variation in disciplinary culture: University tutors' views on assessed writing tasks // Ed. by R. Kiely, et al. Language, culture and identity in applied linguistics. London: Equinox, 2006. P. 99-117.

WordNet. URL: <https://wordnet.princeton.edu/> (Accessed 15.04.2023).

*N.N. Nikolaeva, E.B. Lezhneva (Moscow, Russia)
Bauman Moscow State Technical University*

VERBALIZATION OF AUTHOR'S MENTAL PROCESSES IN ACADEMIC TEXTS: ENGINEERING SCIENCES VS ARTS AND HUMANITIES

The paper considers discursive variability of the academic English vocabulary in technical and humanities research. The authors apply functional, cognitive, corpus, and educational approaches. The study identifies, analyzes, and compares the main lexical units which represent authors' mental processes in academic texts. The results demonstrate significant verbal and mental variations. Discursively integrated academic English should enter university programs.

Key words: academic English, scientific discourse, cognitive approach, vocabulary training, mental processes, verbalization, corpus analysis.

*И.А. Остапенко (Пятигорск, Россия)
Пятигорский государственный университет
Kitarina123@gmail.com*

МЕТАФОРЫ В КОНСТРУИРОВАНИИ АНГЛОЯЗЫЧНОГО ЮРИДИЧЕСКОГО ДИСКУРСА

Современный англоязычный юридический дискурс постоянно претерпевает изменения, упрощая Legal English в Plain English. Метафоры, оказывая непосредственное когнитивное воздействие на реципиентов, играют ключевую роль в данных трансформациях и являются одним из основных средств конструирования англоязычного юридического дискурса.

Ключевые слова: юридический дискурс, когнитивная лингвистика, когнитивная метафора, метафорические концепты, юрислингвистика.

Четкая специализированная направленность юридического дискурса и наличие закрепленной терминологической базы делают язык права техническим, сложным для интерпретации обывателями – людьми, не имеющими профильного юридического образования. Однако, в отличие от других специальных языков, юридический язык, являясь средством правоприменительной деятельности, должен быть доступен и понятен как юристам, так и неспециалистам. Необходимость симплификации юридического языка привела к работе лингвистов над созданием общедоступного юридического английского Plain English вместо технического Legal English или Legalese. В результате тенденции к упрощению языка права на сегодняшний день англоязычный юридический дискурс регулярно претерпевает изменения, обогащается различными средствами выразительности, позволяющими адаптировать сложные юридические тексты для людей, не имеющих профильного образования в данной сфере. Несомненно, одним из ключевых средств в этом процессе является метафора. Ее мнемонический характер помогает реципиентам понимать сложную юридическую терминологию посредством когнитивных ассоциаций с более обыденными понятиями. Согласно американским лингвистам, рассмотревшим феномен концептуальной метафоры,

Дж. Лакоффу и М. Джонсону, основная функция данного средства – понимание. «Метафоры [...] относятся к числу наших главных средства понимания» [Лакофф, Джонсон 2004: 98]. Авторы апеллируют к когнитивной функции метафоры, ее потенциалу создавать новые способы восприятия мира посредством сопоставления двух не связанных между собой областей.

С точки зрения когнитивной лингвистики, метафора предстает как важный фактор развития человеческого мышления, позволяющий проецировать информационные модели из одного домена в другой. Как утверждает А.Ю. Багиян, прагматический аспект метафоры рассматривает взаимосвязь между значением предложения и намерением адресанта [Багиян 2021: 5]. В своем диссертационном исследовании Т.А. Ширяева говорит о важности общих знаний реципиента в процессе успешного интерпретирования получаемой информации: «для декодирования надо привлечь универсальное знание того или иного понятия и весь комплекс ассоциаций, которые сопутствуют этому понятию» [Ширяева 1999: 112]. Соединяя два ранее не связанных между собой языковых знака, человек может описать предмет одной предметной области с точки зрения его знаний о другой. Данный факт свидетельствует о реальности расширения круга людей, которые могут использовать Legal English, даже не имея профильного юридического образования.

Целью данной работы является рассмотрение роли метафоры в конструировании англоязычного юридического дискурса путем проведения анализа текстов судебных заседаний, размещенных на сайтах Верховного суда Великобритании (www.supremecourt.uk) и Верховного суда Австралии (www.hcourt.gov.au). Ввиду поставленной задачи, большой интерес в ходе данной работы для нас представляли аспекты формирования метафорических моделей как основного элемента когнитивного процесса познания мира.

Метафорические модели представляют собой особые конструкции, создающие новые способы восприятия информации путем описания объекта одной области посредством признака предмета другой. В ходе исследования мы проанализировали метафорическую составляющую пяти скриптов судебных заседаний общим объемом 89198 слов (Case №A5/2022 – 17908 сл., Case №M75/2019 – 13040 сл., Case №A22/2015– 16704 сл., Case №S291/2019– 18837 сл., Case №S61/2022– 22709 сл.) и выявили 243 ед.. Используя структурную, семантическую и функциональную классификацию метафор В.П. Москвина, мы пришли к выводу о том, что одними из наиболее употребляемых метафорических моделей в англоязычном юридическом дискурсе являются: ориентационные 24% (58 ед.), строительные 20% (49 ед.), контейнерные 20% (48 ед.), военные 19% (46 ед.), соматические 11% (26 ед.), спортивно-игровые 6% (11 ед.). Далее рассмотрим более детально вышеупомянутые метафорические модели.

Ориентационные метафоры, согласно нашему исследованию, являются наиболее частотно-употребляемыми в судебных текстах англоязычного юридического дискурса. Данные метафорические модели используются ораторами для акцентирования внимания на пространственно-ориентационных аспектах национального мышления. Например, архетип «up» (движение вверх, успех) – «down» (падение, поражение, ухудшение ситуации). Употребление глагола движения также помогает направлять мышление реципиентов в нужное для спикера на-

правление. Так в следующем примере «*there is a capacity or lack of free will which seems to be something that **runs** against almost the entire tenor of the criminal law*» (*Hore v. The Queen, Wichen v. The Queen*) выбор глагола «run» (относится к структуре семантического поля «перемещение») акцентирует внимание аудитории на кардинальном противоречии между рассматриваемым вопросом и уголовным правом.

Строительные метафоры подчеркивают структурность и незыблемость правовой сферы, указывают аудитории на нерушимость закона, что наглядно показано в следующем примере: «*that is the **foundation** of the submission of the prosecution at trial*» (*TL v. The Queen*). Употребляя лексику «foundation», автор подчеркивает ее основополагающую роль как залога, каркаса всех доказательств, на которых строится обвинение.

Контейнерные метафоры или метафоры-вместилища также акцентируют внимание адресатов юридического текста на праве как на субстанции, вмещающей в себя все аспекты юридической сферы. Как например, «*the reasoning of the decision maker was not **contained** in those matters discussed*» (*The Queen v. Guode*). Выбор автором лексики «contain» обусловлен намерением показать содержательность вопросов, обсуждаемых ранее и привлечь внимание аудитории к отсутствию подобных доводов в обсуждаемых вопросах.

Военная лексика зачастую используется при метафоризации различных дискурсов, данная тенденция не обошла стороной и юридический дискурс. Юристы зачастую приводят такие метафорические модели, как суд – война, закон – поле боя, для достижения четкого и красочного понимания людьми, не имеющими юридического образования, основных тонкостей судебного процесса. Рассмотрим следующий пример: «*that is our **fall-back position**, that the law should be restated as your Honour the Chief Justice has put in argument today, that it is not any possibility*» (*Smith v. The Queen*). Автор, сравнивая судебный процесс с военным сражением, употребляет выражение fall-back position – «запасной вариант». Он показывает, что в случае одной неудачи основная битва (судебное дело) еще не будет проиграна, т.к. у юриста имеются другие варианты решения проблемы.

Соматические метафоры репрезентуют закон как единый организм, состоящий из множества деталей. Проводя аналогию с человеческим телом, адресант также активно создает определенные концептуальные образы в картине мира реципиента. Так, в примере «*the summing-up, which they were obviously considering, was replete with the references to intoxication and to the effect of it on the issues **at hand***» (*Smith v. The Queen*) выражение «at hand» (существующие) используется для акцентирования внимания на том, что важные аспекты судебного дела буквально находятся на руках у спикера, т.е. им уделяется пристальное внимание.

Спортивно-игровые метафоры, как и предыдущие метафорические модели, используются юристами для когнитивного отождествления судебного и спортивно-игрового процессов. Проводя данную аналогию, автор стремится показать сложности, с которыми ему приходится сталкиваться во время процесса, важность победы для своей стороны как для команды. Так в следующем примере «*the test ... is a **low hurdle** the Crown has to **climb***» (*Davidson v. The Queen*) автор

проводит параллель между тестированием и бегом с препятствиями, акцентируя внимания реципиентов на сложности выполнения данного задания.

Когнитивные механизмы, перенося информацию из одной области в другую, способствуют зрительному восприятию объектов через призму визуально-ориентированных когнитивных фреймов, что не только упрощает восприятие информации для неспециалистов, но также помогает оказывать большее коммуникативное воздействие на аудиторию в целом.

Насыщенность англоязычного юридического дискурса различными метафорическими конструкциями свидетельствует об их важности в конструировании такой юридической картины мира, которая была бы понятна как профессиональному юристу, так и неспециалисту. Использование когнитивных метафор помогает акцентировать внимание на конкретных характеристиках предметных областей, подчеркивая их сходства или же, напротив, различия. Английский юридический язык, как язык законодательной и правоприменительной деятельности, изначально, являясь сухим и однозначным, представлял собой сложную и непонятную структуру для людей, не имеющих юридического образования. Однако употребление метафорических конструкций в различных юридических контекстах позволило «оживить» юридический дискурс, адаптировать его для неспециалистов, а также создать определенные когнитивные фреймы, облегчающие его восприятие. В некоторых случаях метафоры могут иметь такое значение, которое никакая другая языковая единица не сможет передать так же эффективно, как метафора. Вне сомнений, использование когнитивных метафор приводит к успешной интеграции познания обыденного и юридического, что позволяет обывателям не только успешно понимать сложный язык права, но и участвовать в развитии юридической сферы посредством применения междисциплинарных подходов для решения задач, стоящих перед юриспруденцией

Литература

Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. М.: Изд-во ЛКИ, 2008.

Москвин В.П. Русская метафора: Очерк семиотической теории. М.: Изд-во ЛКИ, 2007.

Ширяева Т.А. Метафора как фактор прагма-семантической характеристики текстов публицистического стиля (на материале английского языка): дис. ... канд. филол. наук. Пятигорск, 1999.

Bagiyani A.Y., Shiryayeva T.A., Tikhonova E.V., Mekeko N.M. The real value of words: how target language linguistic modelling of foreign language teaching content shapes students' professional identity // *Heliyon*. 2021. Vol. 7, № 3.

Верховный суд Великобритании. URL: <https://www.supremecourt.uk>

Верховный суд Австралии. URL: <https://www.hcourt.gov.au>

I.A. Ostapenko (Pyatigorsk, Russia)
Pyatigorsk State University

METAPHORS IN ENGLISH LEGAL DISCOURSE CONSTRUCTION

Modern English legal discourse is constantly undergoing changes, shifting from Legal English (Legalese) to Plain English. Despite all the changes, metaphors are playing the key

role in its transformation. Having a weighty communicative impact on recipients, metaphors make up a significant share of the English constructive legal discourse.

Key words: legal discourse, legal English, cognitive linguistics, cognitive metaphors, metaphorical models, law and language.

*И.Н. Пономаренко (Краснодар, Россия)
Кубанский государственный университет
irnik20@mail.ru*

СИММЕТРИЯ И МЕТАФОРА КАК ЕДИНАЯ КОГНИТИВНАЯ МОДЕЛЬ

В основе универсального для природных и искусственных объектов принципа симметрии, как и в структуре метафоры, лежит идея инвариантности. Если симметрия – модель строения мира, то метафора – универсальная модель познания. Метафорическая модель в актуальных текстах соответствует представлению о модели в когнитивистике.

Ключевые слова: когнитивная лингвистика, инвариантность, метафора, модель, симметрия.

Актуальное информационное поле существует в границах теории единой когнитивной системы, основными характеристиками которой можно считать открытость входящих в нее подсистем и увеличение объема новых знаний, усвоение норм и сценариев деятельности.

Современный когнитивизм определяется как научное направление, изучающее процессы переработки доступных человеку знаний, поступающих различными способами и по множеству каналов связи. Таким образом, человек может рассматриваться как система переработки информации, которую он активно воспринимает, анализирует и продуцирует, руководствуясь в своей мыслительной и поведенческой деятельности определенными схемами, стратегиями, сценариями и моделями. Но существует и другая точка зрения: прежде всего концепция организации живых систем, которую предлагает У. Матурана. Считая процесс познания сугубо биологическим, ученый оценивает все живые системы, в которые включает и человека, как замкнутые и самореферентные.

Не вдаваясь в анализ особенностей изложенных точек зрения, по всей вероятности, можно утверждать, что в любом случае ментальность человека опирается на эмпирику и воображение, то есть на физическую деятельность в реальном мире, особенности культуры и образное осмысление действительности, в том числе и приобретение знаний через освоение внешних схем и правил, опирающихся на ментальные модели. Сегодня изменилась когнитивная модель обработки знаний: от изучения теоретических основ знания новейшие исследования приходят к синтезу теоретических положений с неаналитическими способами обработки образной информации.

Заметим, что лексема «модель» в значении, близком к контекстам когнитивистики, впервые кодифицирована в «Словаре новых слов русского языка», где ее второе значение – «*Мысленный или условный (изображение, описание, схема*

и т.п.) образ какого-либо предмета или явления, используемый в качестве его “заместителя”, “представителя”» [Словарь 1995: 392].

Взаимодействие структурного каркаса знаний и ментальных образов – одно из перспективных и новых направлений современной когнитивистики, в которое, по нашему мнению, вполне вписывается универсальная модель симметричной организации, объединяющая исследование ментальных механизмов и синтез информации разных областей знания в единое информационное поле.

Окружающий нас мир удивительно симметричен: в природе и математике, кристаллографии и физике, архитектуре и живописи, музыке и литературе, философии и эстетике – повсюду мы находим симметричные свойства. Краеугольный камень научного мировоззрения – обнаружение симметрии в природе и понимание вытекающих из этого следствий. Начальное понимание симметрии как соразмерности, гармонии приобрело в дальнейшем значение универсального смысла, воплотившись в идее инвариантности.

«Философский энциклопедический словарь» в широком смысле определяет симметрию как «свойство неизменности (*инвариантности*) некоторых сторон, процессов в отношении объектов относительно некоторых преобразований» [Алексеев 1989: 582] Симметричным преобразованиям подвержены не только живые организмы, геометрические построения, архитектурные решения, математические уравнения, произведения искусства, т.е. реальные объекты, но и пространственные и временные сдвиги и обращения, зарядовое сопряжение (замена частицы на античастицу) и т.п.

Среди симметричных языковых конструкций в первую очередь выделяется метафора, которая понимается как перенос наименования на основе внешнего или внутреннего сходства, т.е. по сути реализует идею инвариантности. Так, чтобы увидеть сходство, необходимо провести ряд мыслительных операций, «...заимствовать...от предметов близких, но неявно, как и в философии свойство меткого ума – видеть сходство в вещах, далеко отстоящих друг от друга», – писал Аристотель в своей «Риторике» [Аристотель 2000: 131]. Он высоко ценил этот топос, определяя другие на его основе: «Большинство остроумных выражений образуется благодаря метафоре [...], сравнение удачно, если в нем есть метафора [...]. Пользующиеся успехом гиперболы – тоже метафоры» [Аристотель 2000: 133].

Таким образом, если симметрия – это универсальная модель строения мира, то метафора – универсальная модель познания именно в силу своего симметричного строения. «Видами я называю положения, свойственные каждому отдельному роду предметов, а топосами – универсально применимые ко всем предметам», – указывал Аристотель [Аристотель 2000: 14].

В монографии «Метафора в системе языка» Г.Н. Складаревская разработала классификацию денотатов, вовлеченных в метафорический процесс. Процесс переноса протекает по определённым концептуальным схемам, отражающим взаимодействие двух релевантных сфер – «источник» и «мишень». Анализ метафорических переносов, проведенный Г.Н. Складаревской, показал, что метафорические переносы в языке подчинены достаточно жесткой закономерности и осуществляются в определенных направлениях. Эти направления можно назвать типами (моделями) метафорического переноса.

«Смена научных парадигм на рубеже XX–XXI вв., характеризующая состояние современной лингвистики, определяет новые направления исследования, обусловленные интегративной тенденцией развития гуманитарных наук» [Сегал 2017: 3]. Новую жизнь метафорическая модель получила в политической лингвистике. По мнению С.Г. Кара-Мурзы, основная задача идеологии – создание метафор. «Поэтически выраженная мысль всегда играла огромную роль в соединении людей и программировании их поведения, становилась поистине материальной силой. Метафоры, включая ассоциативное мышление, дают огромную экономию интеллектуальных усилий» [Кара-Мурза 2003:126].

Сам термин «метафорическая модель» (А.Н. Баранов, Ю.Н. Караулов, Н.А. Сегал, А.П. Чудинов) имеет большое количество вариантов: «концептуальная метафора», «базисная метафора» (Дж. Лакофф, М. Джонсон), «ментальная модель» (Ф. Джонсон-Лэрд), «метафорическое поле» (Г.Н. Склярёвская), «парадигма образов» (Н.В. Павлович). Но именно «метафорическая модель» точнее всего согласуется с представлением о модели в когнитивистике и соотносится с универсальным принципом симметрии в части инвариантного, но не тождественного компонентного состава. Она является наиболее распространённым типом переноса, который имеет разнообразные формы проявления и большую функциональную значимость не только в сфере языка, но и в процессах познания.

Утверждение вполне согласуется с мнением об актуальности и своевременности оценки потенциала метафоры как когнитивной модели: «...метафора пронизывает всю нашу повседневную жизнь и проявляется не только в языке, но и в мышлении и действии. Наша обыденная понятийная система метафорична по самой своей сути... Наш вывод ... опирается на лингвистические данные. Благодаря языку мы получили также доступ к метафорам, структурирующим наше восприятие, наше мышление и наши действия» [Лакофф 2018: 267-268].

Природа говорит языком симметрии, а мир отвечает ей языком метафор.

Литература

Алексеев И.С. Симметрия // *Философский энциклопедический словарь*. М.: Советская энциклопедия, 1989.

Аристотель. Риторика / пер. с древнегреческого и примеч. О.П. Цыбенко. Под ред. О.А. Сычева и И.В. Пешкова. М.: Лабиринт, 2000.

Кара-Мурза С.Г. Манипуляция сознанием. М.: Эксмо, 2003.

Лакофф Дж., М. Джонсон. Метафоры, которыми мы живем (Теория языковой метафоры) // *Актуальные проблемы современной лингвистики: учебное пособие* / сост. Л.Н. Чурилина. М.: ФЛИНТА, 2018. С. 287-293.

Сегал Н.А. Политический текст: метафорическое моделирование. М.: ФЛИНТА: Наука, 2017.

Склярёвская Г.Н. Метафора в системе языка. СПб: Наука, Санкт-Петербургская издательская фирма, 1993.

Словарь новых слов русского языка (середина 50-х – середина 80-х годов) / Под ред. Н.З. Котеловой. СПб: Институт лингвистических исследований РАН, 1995.

Телия В.Н. Метафора как модель смыслопроизводства и её экспрессивно-оценочная функция // *Метафора в языке и тексте*. М.: Наука, 1988. С. 26-51.

Чудинов А.П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991–2000): монография. Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2001.

*I.N. Ponomarenko (Krasnodar, Russia)
Kuban State University*

SYMMETRY AND METAPHOR AS A SINGLE COGNITIVE MODEL

The idea of invariance is basic both for the universal principle of symmetry typical of natural and artificial objects and for metaphor. While symmetry is the model of the world structure, metaphor is the universal model of cognition. Metaphorical model in actual texts corresponds to the representations of a model in cognitive science.

Key words: cognitive science, invariance, metaphor, model, symmetry

*Ю.М. Разумовская (Тамбов, Россия)
Тамбовский государственный университет
имени Г.Р. Державина
julieden@yandex.ru*

ОСОБЕННОСТИ ОСМЫСЛЕНИЯ ПРЕЦЕДЕНТНЫХ ИМЕН (НА МАТЕРИАЛЕ ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКА)

Статья посвящена изучению прецедентных имен (далее ПИ) с использованием метода когнитивно-матричного анализа, который позволяет представить концепт ЛИЧНОСТЬ, относительно которого осмысливается ПИ, как общую когнитивную матрицу, включающую контексты ВНЕШНОСТЬ, СТАТУС и ПСИХИКА.

Ключевые слова: феномен прецедентности, прецедентное имя, когнитивно-матричный анализ, концепт, когнитивный контекст.

Теория прецедентности – молодое направление лингвистических исследований, которое, хотя находится на стадии своего становления, приобретает все большую популярность. В предлагаемой статье изучаются прецедентные феномены, а конкретнее ПИ с точки зрения когнитивной лингвистики, «одного из самых современных направлений лингвистических исследований в мире...которое изучает когнитивную функцию языка во всех ее проявлениях, обращая особое внимание на соотношение и взаимодействие когнитивных и языковых структур» [Болдырев 2021: 14, 207]. Опираясь на исследования таких известных ученых, как Д.Б. Гудков, В.В. Красных, И.В. Захаренко, придерживаемся мысли, высказанной Д.Б. Гудковым, о том, что «ПИ входит в число вербальных или вербализуемых ПФ, вместе с которыми относится к ядерным элементам когнитивной базы» [Гудков 2020: 137].

С учетом сказанного, в статье ставится цель дать представление о структуре знания, привлекаемой при осмыслении ПИ, а также о том, какая информация оказывается востребованной при интерпретации ПИ *James Bond*. При проведении исследования используется метод когнитивно-матричного анализа, предложенный Н.Н. Болдыревым, который позволяет представить сложный концепт ЛИЧНОСТЬ. Полагаем, что осмысление ПИ происходит относительно данного концепта, «существенной чертой которого является интегративность, и, в то же время, опциональность его элементов» [Болдырев 2021: 64]. Когнитивно-

матричный анализ позволяет выявить концептуальные характеристики концепта ЛИЧНОСТЬ, включающего когнитивные контексты ВНЕШНОСТЬ, ПСИХИКА И СТАТУС. Вместе с тем, опираясь на работы Л.В. Бабиной, Е.О. Паршиной, которые предложили «структурировать знание, репрезентируемое в языке именем собственным, посредством частной когнитивной матрицы, которая рассматривается как многомерная система, включающая ядерный концепт и несколько когнитивных контекстов, составляющих периферию матрицы» [Бабина, Паршина 2013: 30], мы рассматриваем концепт ЛИЧНОСТЬ как ядро частной когнитивной матрицы ПИ, контекстами которой могут быть концепты ИСКУССТВО, НАУКА, ПОЛИТИКА, ИСТОРИЯ, ЭКОНОМИКА, РЕЛИГИЯ, СПОРТ и т.д.

Материалом данной статьи послужили ПИ, встречающиеся во французских масс-медиа – материалах газетных и журнальных публикаций, радио и телепередачах, публикациях в сети Интернет. В частности, в фокус исследования попало такое ПИ, как *James Bond*, известное представителям русского и французского лингвокультурного сообщества. Проведенное нами исследование ПИ *Джеймс Бонд* на материале русского языка [Разумовская, Бабина 2022] показало, что при его осмыслении происходит обращение к концепту ЛИЧНОСТЬ, который актуализируется относительно концептуальной области ИСКУССТВО, составляющими которой являются когнитивные контексты КИНО или ЛИТЕРАТУРА.

Нашей задачей является установить, актуализируются ли когнитивные контексты ВНЕШНОСТЬ, ПСИХИКА И СТАТУС при осмыслении ПИ *James Bond* во французском языке и какие знания попадают в фокус. Для этого рассмотрим несколько примеров:

(1) L'ambassadeur français en Tunisie Boris Boillon, qui avait défrayé la chronique à son arrivée dans le pays après la révolution, fait la une en septembre du magazine people Tunivisions sous le titre "le James Bond de la diplomatie"?

Costume noir et chemise blanche, petit sourire, Boris Boillon, 41 ans, nommé ambassadeur de France après la chute du régime Ben Ali en janvier, pose en Une du magazine people Tunivisions à la manière du célèbre espion 007. Interrogé sur ses qualités, l'ambassadeur énumère: "le courage et la franchise". Et son défaut? "l'impétuosité". Il dit agir selon la devise d'Henri Bergson: "agir en homme de pensée et penser en homme d'action" (L'Express).

В данном примере ПИ *James Bond* вынесено автором статьи в заголовок не случайно, оно определяет восприятие нами героя публикации и в дальнейшем раскрывается в тексте самой статьи. Языковой контекст, в котором используется ПИ *James Bond*, позволяет понять, что для его осмысления требуется обратиться к когнитивным контекстам ВНЕШНОСТЬ и ПСИХИКА концепта ЛИЧНОСТЬ, рассматриваемому относительно контекста ИСКУССТВО матрицы ПИ. При осмыслении ПИ относительно когнитивного контекста ВНЕШНОСТЬ в фокус внимания попадают характеристики «атрибуты внешности – черный костюм и белая рубашка». При интерпретации учитываются знания о том, что Джеймс Бонд – стильный, представительный мужчина, носит модные костюмы и одет всегда с иголкой.

При осмыслении ПИ *James Bond* относительно контекста ПСИХИКА активизируется характеристика «поведение». В психологии выделяют факты поведения: 1) все внешние проявления физиологических процессов, связанных с со-

стоянием, деятельностью и общением людей – поза, мимика, интонации и пр.; 2) отдельные движения и жесты; 3) действия как более крупные акты поведения, имеющие определенный смысл; 4) поступки – еще более крупные акты, как правило, имеющие общественное, социальное значение и связанные с нормами поведения, отношениями, самооценкой и пр. [ПС 2003: 343]. Основываясь на этом, «легкая улыбка» является одним из фактов поведения, характеризующего героя. Также выделяется концептуальная характеристика ‘личностные качества’, то есть так называемые «персональные «атрибуты» человека, влияющие на все возможные аспекты его жизнедеятельности [Ведмеш]. Как известно, герой Джеймса Бонда – решительный, бесстрашный человек, поэтому при упоминании в статье таких личностных качеств, как «мужественность», «откровенность», «стремительность» мы транслируем эти качества на Посла Франции в Тунисе Бориса Бойона. При изучении нами ПИ *Джеймс Бонд* на материале русского языка в фокус исследования попадали такие личностные качества, как «уверенность в себе», «мужественность», «элегантность» и другие.

Рассмотрим пример из статьи в французского автора Риты Сантуриан, в которой ПИ *James Bond* привлекается для характеристики Президента России Владимира Владимировича Путина.

(2) *Poutine: les meilleures photos du James Bond russe*

Il s'appelle Poutine, Vladimir Poutine. Dimanche 7 octobre, le président russe a fêté ses 60 ans. L'occasion pour Planet.fr de faire un album photo de cet ancien agent du KGB qui aime se mettre en scène. Voici ses meilleurs clichés [Rita Santourian 2012].

Статья автора сопровождается фотографиями, на которых В.В. Путин едет на лошади, стреляет в тире, управляет танком, летает с птицами на аэроплане, играет на пианино и т.д.

Для анализа ПИ *James Bond* в этом случае мы рассмотрим два способа подачи информации – вербальную и невербальную, визуальную. Обе эти формы репрезентации текста отсылают нас к когнитивным контекстам СТАТУС и ПСИХИКА концепта ЛИЧНОСТЬ.

При осмыслении ПИ относительно когнитивного контекста СТАТУС прежде всего актуализируется характеристика «профессиональный статус». Мы активизируем эту характеристику в своем сознании, вспоминая, что Джеймс Бонд – успешный секретный агент британской разведки. Герой материала ассоциируется в нашем сознании с литературным персонажем, придуманным Яном Флемингом, так как Владимир Владимирович Путин в 1985-1990 годах работал в ГДР по линии Первого главного управления КГБ, которое отвечало за внешнюю разведку. Кроме этого, внимание читателя фокусируется на характеристике «национальный статус», а именно русский.

Для интерпретации ПИ *James Bond* относительно контекста ПСИХИКА активизируется «личностная характеристика – умения». Умение, которое относится к личностным качествам – «освоенный субъектом способ выполнения действия, обеспечиваемый совокупностью приобретённых знаний и навыков. Формируется путём упражнений и создаёт возможность выполнения действия не только в привычных, но и в изменившихся условиях» [ПС 2003: 533]. Визуальная составляющая статьи иллюстрирует умения В.В. Путина – управлять танком,

нырять с аквалангом, водить мотоцикл, заниматься спортом. При интерпретации ПИ *James Bonde* таким образом учитываются знания о том, что Бонд обладает отличными физическими качествами, преуспевает в одиночных видах спорта, таких как стрельба, дайвинг и плавание. Бонд отлично водит машину и управляет не только мотоциклом, но и субмариной. Особый интерес вызывает тот факт, что агент 007 – исключительно искусный мастер боевых искусств. Он является экспертом в различных видах боевых искусств, включая дзюдо, айкидо. На фото в статье, где В.В. Путин занимается борьбой дзюдо, есть подпись о том, что он является чемпионом по этому виду спорта. Таким образом, контексты СТАТУС и ПСИХИКА раскрываются в публикации при помощи вербальных и невербальных ее компонентов.

Подводя итог исследования, можно сделать вывод о том, что осмысление ПИ требует обращение к сложному концепту ЛИЧНОСТЬ, который выступает как ядро частной когнитивной матрицы ПИ. Интерпретация ПИ *James Bond* относительно данного концепта обеспечивается активизацией характеристик контекстов ВНЕШНОСТЬ, ПСИХИКА И СТАТУС. И во французском, и в русском языках ПИ актуализируются характеристики «атрибуты внешности», «личностные качества», «поведение», «социальный статус».

Литература

Болдырев Н.Н. Когнитивная семантика. Введение в когнитивную лингвистику: курс лекций Тамбов: Издательский дом «Державинский», 2021.

Ведмеш Н.А. Качества личности. Психология и психиатрия. URL: <https://psihomed.com/kachestva-lichnosti/>.

Гудков Д.Б. Прецедентное имя и проблемы прецедентности. М.: ЛЕНАНД, 2020.

Паришина Е.О., Бабина Л.В. Имена собственные в функции нарицательных в английском языке. Когнитивно-дискурсивный аспект. Saarbrücken, Deutschland: LAP LAMBERT ACADEMIC Publishing, 2013.

Психологический словарь (ПС) / авт.-сост. В.Н. Копорулина, М.Н. Смирнова, Н.О. Гордеева, Л.М. Балабанова. Ростов-на-Дону: Феникс, 2003.

Разумовская Ю.М., Бабина Л.В. Когнитивные основы изучения прецедентных имен (на материале русского языка) // Когнитивные исследования языка. 2022. № 2 (49). С. 359-364.

Par L'EXPRESS.fr avec AFP. Tunisie: Boris Boillon, "le James Bond de la diplomatie"? // L'Express, 15.09.2011.

Rita Santourian Poutine: les meilleures photos du James Bond russe // Planet.fr., 08.10.2012.

Yu.M. Razumovskaya (Tambov, Russia)
Derzhavin Tambov State University

CONCEPTUALIZATION OF PRECEDENT NAMES IN FRENCH

The article examines precedent names (hereinafter PN) using a cognitive-matrix analysis, which allows us to present the concept PERSONALITY, in relation to which PN is conceptualized, as a general cognitive matrix, including the contexts APPEARANCE, STATUS, and PSYCHE.

Key words: precedent phenomenon, precedent name, cognitive matrix analysis, concept, cognitive context.

С.Н. Степаненко, О.В. Федотова (Белгород, Россия)
Белгородский государственный национальный исследовательский
университет (НИУ «БелГУ»)
sstepanenko@bsu.edu.ru, olga-fedotova1979@yandex.ru

СПЕЦИФИКА ЯЗЫКОВОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ КОЛИЧЕСТВА (НА ПРИМЕРЕ ЛЕКСИЧЕСКИХ СРЕДСТВ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ КОНЦЕПТА QUANTITY И ФРЕЙМА TOUCH)

В работе на основе теорий, разработанных в рамках когнитивного подхода, рассматриваются вопросы, касающиеся роли языка в процессе интерпретации количества. Демонстрируется полифакторность процесса первичной интерпретации количества лексическими средствами английского языка, репрезентирующими концепт QUANTITY и фрейм TOUCH.

Ключевые слова: первичная интерпретация, концепт QUANTITY, фрейм TOUCH, факультативный компонент, количественная семантика, лингвистический фактор, количественный смысл.

Современные исследования языка, выполняемые в рамках методологии, разрабатываемой в рамках когнитивной лингвистики, ориентированы на проблемы, касающиеся осмысления мира с помощью языка. Познание мира человеком – сложный, многофакторный процесс, интегрирующий вербальные и невербальные средства, когнитивные системы и формы познания, и приводящий к формированию в концептуальной системе человека ментальной и языковой репрезентации всей информации, поступающей по различным каналам [Болдырев 2017: 19]. Такое конструирование мира в сознании человека требует активизации ряда когнитивных процессов: концептуализации, категоризации и интерпретации, реализуемых в т.ч. с помощью языковых средств.

Интерпретация, сопровождающая все познавательные процессы, опосредованные языком, представляет собой как процесс, так и результат понимания (субъективного по своей природе) человеком мира и себя в этом мире. При этом, по наблюдениям Н.Н. Болдырева, она основывается на: 1) общечеловеческих представлениях о мире (уже сложившихся); 2) индивидуальном (частном) опыте взаимодействия человека с этим миром (см., подр.: [Болдырев 2011: 12]). Специфика языковой интерпретации сводится к тому, что этот вид познавательной деятельности является: а) структурированным (будучи связанным с познанием, признаваемым высокоструктурированным (см., напр.: [Демьянков 1994])); б) базирующимся на существующих типовых схемах знаний: концептах, фреймах, сценариях, и т.п. (будучи связанным с коллективным опытом); в) субъективным (будучи ориентированным на понятийную систему личности).

Принимая во внимание специфику языка, «сочетающего в себе общее и частное, коллективное и индивидуальное», а также отмеченные выше особенности интерпретации, Н.Н. Болдырев усматривает возможность выделять два основ-

ных типа языковой интерпретации, различных по своим объектам, средствам и целям: первичную и вторичную интерпретацию мира [Болдырев 2017: 25]. Первичная интерпретация, опирающаяся на интерпретирующий потенциал первичных концептуализации и категоризации событий и объектов мира, представлена в лексических категориях. Её результатом является категоризация естественных объектов, осуществляемая с помощью языка и фиксируемая в нем в виде системы лексических классов и категорий [Беседина 2017: 313].

Далее продемонстрируем особенности первичной интерпретации количества на основе анализа лексических средств (представленных глаголами), репрезентирующие типовые схемы знаний: концепт QUANTITY и фрейм TOUCH.

Глаголы, задействованные в интерпретации количества в английском языке, представлены лексемами, обозначающими количественные параметры действий-событий: 1) в их точной экспликации (типа *to double, to treble, to quadruple*) и, соответственно, выражающими смысл “точное количество”, что наглядно демонстрируют их словарные дефиниции. Например, *to treble – to increase three times in size or amount, or to make smth. do this* [CD]; 2) в не точной экспликации (типа *to increase, to enlarge*) и, таким образом, служащими для выражения смысла “неточное количество”, о чем также свидетельствуют их определения в лексикографических источниках. Например, *to enlarge – to (make smth) become larger in amount or size* [там же]. Языковым механизмом интерпретации выступает количественная семантика этих глаголов. Интерпретировать количество как точное позволяет наличие в значении глагола *to treble* указания на число. Отсутствие такового в значении *to enlarge* приводит к обратному результату. Основу формирования указанных смыслов обеспечивает характеристика “дискретность” (базовая в содержании концепта QUANTITY). Последняя актуализируется в результате профилирования.

Уточнению смыслов, выражаемых глаголами количественной семантики второй группы, способствуют дополнительные лингвистические факторы, в частности, контекстуальный. Так, количественный смысл «увеличение параметра» в данном случае – в точное число раз – формируется под влиянием контекстуального фактора, предполагающего употребление в предложении существительного, обозначающего определенный измеряемый в условных единицах параметр, для номинации объекта, над которым производится действие, выраженное глаголом. Дополнительно в постпозиции к глаголу используется: наречие, образованное по модели Num-fold / обороты by Num N_{pl} / from Num₁ (N) to Num₂ (N). Например, *The number of web pages with the word "context" has increased TEN-FOLD in the last five years* [CEC]. В данном случае, основа для формирования смысла «увеличить количество веб-страниц в десять раз» обеспечивается посредством характеристики «кратность» (частная в содержании концепта QUANTITY. Она, фокусируясь в содержании концепта QUANTITY, уточняет его базовую концептуальную характеристику «дискретность», что приводит к интерпретации количества как точного дискретного.

В интерпретации количественных характеристик действительности могут быть задействованы некоторые глаголы с общим значением прикосновения, репрезентирующие фрейм TOUCH (например, *dab, pat, paw, tug, kiss, fiddle*).

Результаты анализа словарных дефиниций последних свидетельствуют о наличии в их семантике указания на количественные параметры действия, обозначенного глаголом. Например, *to dab* – *to touch something lightly, usually several times* [LDOCE 2001: 338]; *to pat* – *to repeatedly touch someone or something lightly with your hand flat, especially to give comfort* [там же: 1036]. В данных случаях выделенные наречия актуализируют аспекты частотности и продолжительности прикосновения, соответственно.

В реальных речевых контекстах рассматриваемые глаголы могут выражать количественные смыслы эксплицитно: под влиянием дополнительного лингвистического фактора, связанного с употреблением наречий типа *once more, every now and then, many times, again*, которые репрезентируют в структуре фрейма факультативный компонент «частотность прикосновения», что приводит к интерпретации действия как многократного. Например, *As he is already kissing you multiple times, all you need to do at least is to understand these messages* [Relationship Sort Out].

Многократность действия, обозначенного глаголом прикосновения, может быть выражена при включении в структуру предложения-высказывания ряда однородных дополнений (*He bent over and kissed her cheeks, then her nose and finally her lips* [Thomas, 1996: 272]), а его продолжительность – посредством употребления глагола прикосновения в форме Progressive (*He was kissing her quietly, repeatedly, with a soft, still happiness that almost made her heart stop beating* [Lawrence 1996: 355]).

Таким образом, наличие таких факультативных компонентов как «частотность прикосновения» и «продолжительность прикосновения» в структуре фрейма TOUCH позволяют интерпретировать количественные характеристики воздействия на объект посредством прикосновения как частотные / многократные / продолжительные, т.е. дискретные действия-события неточные в количественном отношении.

Предпринятый анализ значений глаголов количественной семантики и глаголов прикосновения свидетельствует, что семантика глаголов, репрезентирующих концепт QUANTITY и фрейм TOUCH позволяет осмыслять количество как дискретное точное / неточное. При обращении к реальным условиям употребления глаголов в предложении-высказывании определена роль контекста, как ведущего лингвистического фактора. Под влиянием последнего актуализируются количественные смыслы уточняющего характера: «увеличение параметра», «частотность / многократность / продолжительность прикосновения», которые могут носить как точный, так и неточный характер. Актуализация указанных смыслов обеспечивается профилированием в содержании концепта QUANTITY базовой концептуальной характеристики «дискретность» и фокусирования на её фоне дополнительных характеристик «кратность», «частотность», «длительность», создающих основу для языковой интерпретации количественных характеристик действительности. Полученные результаты свидетельствуют о разных способах структурирования концептуального содержания при формировании количественных смыслов в процессе первичной интерпретации количества средствами английского языка.

Литература

Беседина Н.А. Морфологические категории в аспекте языковой интерпретации // Интерпретация мира в языке. Тамбов: ИД ТГУ им. Г.Р. Державина, 2017. С. 311-327.

Болдырев Н.Н. Интерпретирующая функция языка // Вестник Челябинского государственного университета. 2011. №33 (248). Филология. Искусствоведение. Вып. 60. С. 11-16.

Болдырев Н.Н. Язык как интерпретирующий фактор познания // Интерпретация мира в языке. Тамбов: ИД ТГУ им. Г.Р. Державина, 2017. С. 19-81.

Демьянков В.З. Когнитивная лингвистика как разновидность интерпретирующего подхода // Вопросы языкознания. 1994. №4. С. 17-33

CD – Cambridge Dictionary. URL: <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/> (дата обращения 26.03.2023).

CEC – Cambridge English Corpus. URL: <https://www.cambridge.org/gb/cambridgeenglish/better-learning-insights/corpus> (дата обращения 26.03.2023).

Lawrence D. H. Women in Love. L.: Penguin Books, 1996.

LDOCE – Longman Dictionary of Contemporary English. Barcelona: Pearson Education Limited, 2001.

Relationship Sort Out. URL: <https://relationshipsout.com> (дата обращения 12.03.2023).

Thomas D. Cry of Silence. London: Pan Book, 1996.

S.N. Stepanenko, O.V. Fedotova (Belgorod, Russia)
Belgorod State National Research University

QUANTITY LANGUAGE INTERPRETATION: THE LEXICAL MEANS OF REPRESENTING THE CONCEPT OF QUANTITY AND THE FRAME TOUCH

The paper examines the role of language in quantity interpretation based on the theories developed within the cognitive approach framework. The polyfactorial nature of the process of primary quantity interpretation is demonstrated using examples of the lexical means of representing the concept of QUANTITY and the frame TOUCH in English.

Key words: primary interpretation, concept of QUANTITY, frame TOUCH, optional component, quantitative semantics, linguistic factor, quantitative sense.

В.М. Топорова, Е.В. Корнева (Воронеж, Россия)
Воронежский государственный университет
vtoporova@mail.ru, el_korneva@mail.ru

КОНЦЕПТУАЛЬНО-МЕТАФОРИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКИХ И НОМЕНКЛАТУРНЫХ НОМИНАЦИЙ

В работе рассматриваются некоторые терминологические и номенклатурные номинации из различных областей знания; анализируется их семантическая структура. Выявляются основания и виды их семантической производности, а также предметно-тематические области актуализации производных значений. Характеризуются концептуально значимые и эмоционально-оценочные функции терминологически маркированных и номенклатурных номинаций, реализуемые в повседневной коммуникации.

Ключевые слова: когнитивная метафора, терминологически маркированные номинации, номенклатурные номинации, концептуально-тематическая область, концептоним, концептуально-семантическая матрица, эвфемистическая функция.

Данная статья посвящена функционально-семантическому описанию терминологически маркированных и номенклатурных номинаций при их употреблении в различных концептуально-тематических сферах коммуникации. В век технического прогресса, внедрения технологий в повседневную жизнь, изменяющих обыденное сознание и картину мира в целом, наблюдается явление опережденной интеллектуализации общенародного языка, связанное с актуализацией элементов научного знания и использованием терминологической и номенклатурной тематически и предметно ориентированной специальной лексики в производных значениях, различающихся по уровню абстракции [Миньяр-Белоручева 2014]. Перенос номинаций из сферы специально-научного знания и специализированной предметной области на уровень дискурсивных правил обыденного общения, базирующегося на системе эмпирических понятий и общих представлений обыденного сознания, обуславливает изменение уровня семантической абстракции актуализируемого значения употребляемого слова.

Мы ставим целью рассмотреть механизмы формирования и уровни семантической абстракции, реализуемые в производных значениях терминологических и номенклатурных номинаций. В данной работе проводится анализ номинаций из области естественно-научного и гуманитарного знания (*математика, геометрия, алгебра, физика, химия, генетика, география, экология, медицина, филология, искусствоведение*). В целом, мы выделяем несколько групп номинаций:

1. Названия наук.
2. Имена авторов научных концепций.
3. Терминологические номинации.
4. Предметно ориентированные номенклатурные номинации.

Названия наук образуют в языковой картине мира особую группу концептонимов как важный концептуальный фонд сознания, представляющий различные отрасли научных знаний. Эти номинации выступают в функции символических имён определённых блоков научного знания, совокупностей научных концептов и понятий, которые репрезентированы соответствующими терминосистемами и принадлежащими к данной предметной области номенклатурными единицами (например, *санитар, пациент, диагноз* – в медицине). Соответственно, номинации научных отраслей можно рассматривать в качестве имён обширных концептуально-семантических полей.

Символическая функция является важной составляющей семантической производности лексем – названий наук. Общим дифференциальным признаком производных значений данных номинаций является «отсылка к исходному научному источнику – научной сфере» как внутреннему когнитивному этимону при аргументации и / или, в целом, оценочно-смысловой интерпретации репрезентируемого объекта. Примечательно широкое использование этих номинаций в сфере обыденной коммуникации в метафорическом значении. При этом следует отметить в качестве общей характеристики обиходного дискурса снижение уровня семантической абстракции производных значений номинаций наук. С

когнитивной точки зрения общую основу развития производных значений номинаций научных отраслей составляют конфигурации концептуальных дифференциальных признаков, выполняющие функцию когнитивного этимона, некой концептуальной матрицы, проецируемой на новый семантизируемый объект [Болдырев 2019].

Так, в производном значении лексемы *геометрия* на уровне обиходного, в том числе, художественного, сознания, реализуется в качестве когнитивного этимона концептуальная матрица редуцированного типа «геометрия = совокупность геометрических характеристик / параметров»: *геометрия крыла, геометрия трассы*. В художественном контексте стихотворения И. Бродского «*Вечер. Развалины геометрии...*» эта матрица актуализирует метафорический образ домов, теряющих в сумерках геометрические очертания.

Аргументативная функция названий наук посредством отсылки к научному знанию проявляется часто в контексте метафорически выражаемой оценки объекта / явления / состояния. К таковым можно отнести интерпретацию состояний чувственно-эмоциональной сферы человека посредством сведения к физиологическим процессам (влечение к человеку, любовь – это *химия*, химические реакции). К этому типу аргументативно-научной оценки поведения, поступков, их объяснения относятся такие выражения, как *Это всё гены виноваты. Плохая генетика. Результат плохой экологии*. Широкое распространение в современной дискурсивной практике получил концептоним «химия», связанный с категорией оценивания негативных последствий воздействия определённых веществ на человеческий организм и природу в целом. Именно такое значение реализуется в таких выражениях, как: *Этот продукт опасный – одна химия*. В данном случае лексема *химия* употребляется в производном значении «*группа ненатуральных, искусственно созданных веществ, часто генномодифицированных*». Здесь концептоним *химия* несёт негативную коннотацию, конкретизируя производное денотативное значение лексемы *химия* 'химический состав'. Иное значение этой лексемы реализуется в контексте обиходного обобщённого наименования способа лечения – химиотерапии.

К аргументативно-оценочным метафорическим определениям можно отнести многие варианты употребления научных номинаций при интерпретации какого-либо явления посредством его редуцированного, упрощенного обыденного восприятия: *что у меня ща математика сломалась; это же элементарная физика* (при объяснении действия прибора); *это же простая математика* (при подсчёте или перечислении чего-л.); *география участников конференции*. На основе метафорического переосмысления признака 'особенности архитектурного стиля' возникло производное значение 'особенности структурной организации объекта': *...будет складываться новая архитектура мирового уклада; новая архитектура безопасности; архитектура Еврзоны; финансовая архитектура*.

Имена авторов научных концепций, концептуальных идей в художественной сфере (прецедентные имена) также составляют базу развития метафорических концептов. Отсылки к научным областям образуют особый коннотативный слой семантики таких прецедентных имён. Выступая в символически-знаковой функции, они реализуют производные значения высокого уровня обобщения, соотнося характеризующиеся объекты, явления, действия с концептуальными об-

ластями на гештальтной основе [Захаренко 1997]. Так, у И. Бродского имя Эвклида несёт важную концептуальную нагрузку в контексте метафорически-геометризованного описания общего эмоционально-психологического состояния героя, находящегося в распадающемся иллюзорном пространстве: *Проезжающий автомобиль продлевает пространство за угол, мстя Эвклиду* (И. Бродский). Имя Мондриана ассоциировано с элементами художественного стиля: *Победа Мондриана. / За стеклом пир кубатуры* (И. Бродский). В контексте эмоционально-психологического описания человека часто встречается имя Фрейда: *оговорки по Фрейду*. Имя Фрейда в знаковой функции также ассоциируется с профессиональными обязанностями психолога. *Фрейд на проводе: как искусственное сознание станет психологом*. Имя Менделеева довольно часто фигурирует в сочетании *таблица Менделеева*. Так, например, при характеристике степени загрязнённости атмосферы, воды говорится о наличии всех элементов *таблицы Менделеева*.

Номенклатурная лексика, связанная с предметными областями научного знания, обладает большим концептуально-метафорическим потенциалом. Характерной особенностью производных значений этой специализированной лексики является высокий уровень обобщения и контекстная связанность. Особенно широко распространено использование номенклатурной специальной лексики, относящейся к сфере медицины, в эмоционально-оценочной функции, нередко в функции эвфемизма. В этой лексической группе наибольшую семантическую производность проявляют номинации медицинских работников и названия болезней. Основная сфера реализации концептуально-метафорической оценки – диагностирование психологического состояния человека, преимущественно проявляющего различного рода негативные признаки ментальных нарушений, неадекватности поведения. Неадекватность поведения, восприятия окружающих часто оценивается как *клиника*. Когнитивный этимон метафорического значения – *явное наличие болезни*. Аналогично: *клинический* случай. Подобное значение развивает лексема *диагноз*. Довольно часто используется лексема *санитар* на разных уровнях семантической абстракции. Так, в выражении *санитары леса* наблюдается метафорическое переосмысление и актуализация признаков *уход за больным, уборка* при переносе лексем в иную предметно-тематическую сферу. Более высокая степень обобщения оценочной семантики номинации *санитар* реализуется на уровне метафорического переосмысления функции *оказание физической помощи в опасной ситуации (следует звать санитаров)*.

Рассмотренный материал выявляет следующие функции терминологических и номенклатурных номинаций из сферы научного знания:

- символическая;
- аргументативная (на базе отсылки к сфере научного знания);
- репрезентативная (на гештальтной основе);
- интерпретативная (на основе обобщённой интерпретации посредством редуцированного, упрощённого восприятия явлений);
- оценочная (на основе концептуально-метафорической интерпретации).

Литература

Болдырев Н.Н. Когнитивные доминанты языковой интерпретации // Когнитивные исследования языка. 2019. Вып. XXXVI. С. 43-53.

Болдырев Н.Н. Доминантный принцип организации языкового сознания // Когнитивные исследования языка. 2019. Вып. XXXVII. С. 37-43.

Захаренко И.В., Красных В.В., Гудков Д.Б., Багаева Д.В. Прецедентное имя и прецедентное высказывание как символы прецедентных феноменов // Язык, сознание, коммуникация: Сборник статей / Ред. В.В. Красных, А.И. Изотов. М.: Филология^а, 1997. Вып. 1. С. 192.

Миньяр-Белоручева А.П. О сходстве и различии терминов и номенклатурных образований // Вестник Чувашского университета. 2014. № 4. С. 166-170.

Источники примеров

Национальный корпус русского языка: устный корпус, социальные сети.

V.M. Toporova, E.V. Korneva (Voronezh, Russia)
Voronezh State University

CONCEPTUAL AND METAPHORICAL POTENTIAL OF TERMINOLOGICAL AND NOMENCLATURAL NOMINATIONS

This paper examines terminological and nomenclatural nominations from various fields of knowledge and analyzes their semantic structure. We reveal their grounds and types of semantic derivation as well as the subject-thematic areas of derivative meanings actualisation. Conceptually significant and emotionally valued functions of terminologically labeled and nomenclatural nominations realized in everyday communication are characterized.

Key words: cognitive metaphor, terminologically marked nominations, nomenclatural nominations, conceptual-thematic domain, conceptonym, conceptual-semantic matrix, euphemistic function.

Фан Сюйлун (Нанкин, Китай)
Юго-Восточный университет
Misha_fang@163.com

АНАЛИЗ СЕМАНТИЧЕСКОГО РАСШИРЕНИЯ «БЛИЗКИЙ» НА ОСНОВЕ КОГНИТИВНОЙ ЛИНГВИСТИКИ

«Близкий» как базовое пространственное прилагательное имеет много значений и широко используется. Глубокий анализ эволюции значения «Близкий» из области пространства в области времени, межличностных отношений и состояния на основе когнитивных лингвистических теорий, поможет изучающим язык лучше понять многозначный характер этого слова.

Ключевые слова: близкий, когнитивная лингвистика, концептуальная метафора, теория прототипа, образные схемы

С углублением исследований в области когнитивной лингвистики появляется все больше исследований, использующих когнитивную теорию для понимания полисемии лексики [Будагов 1958: 7]. В рамках когнитивной лингвистики

многие вопросы, связанные с внутренним содержанием, семантической структурой и процессом переноса значения полисемических слов могут получить новое объяснение. Прилагательное «близкий» является одним из базовых пространственных прилагательных в русском языке, которое не только употребляется с существительными, обозначающими реальное расстояние, но также часто сочетается со многими абстрактными существительными. В данной статье мы рассмотрим процесс семантического расширения прилагательного «близкий» на основе соответствующих теорий когнитивной лингвистики, чтобы более глубоко раскрыть когнитивные особенности слова русского языка.

1. Совокупность значений «близкий». Ссылаясь на авторитетные словари, такие как «Толковый словарь русского языка» С.И. Ожегова и четырехтомный «Словарь русского языка», мы можем выделить следующие значения слова «близкий» [Ожегов 2015]:

1. Находящийся неподалеку; 1.1 Недалекий по времени; 2. Связанный тесным личным общением, дружбой, любовью; 2.1. О родстве: кровно связанный, непосредственный; 3. Сходный, похожий; 3.1. Имеющий свободный доступ, вхожий куда-н.

2. Теория прототипа. Теория прототипа – это модель концептуальной организации, которая также применяется к изучению семантических языковых категорий [Taylor 2002: 9-10]. Для многозначных слов важно отметить, что между всеми значениями обязательно существует базовый ядерный смысл, а все другие значения можно рассматривать как производные от этого «прототипа».

Основная концепция теории прототипов – это концепция прототипа [Fehr 1988: 558]. «Схема начало-путь-цель» основывается на опыте движения человека в определенном направлении от одной точки к другой, состоящей из начальной точки, конечной точки, пути и направления. Обычно у пространственных прилагательных есть две точки расположения: место, которое модифицируется прилагательным, и точка отсчета. Расстояние и направление между ними представлены путем и направлением от начальной точки к конечной точке, как показано на рисунке 1.

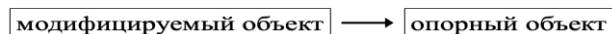

Рис.1

После нескольких проекций возникает явление полисемии, а несколько значений слова произошли от базового значения. Этот процесс может быть представлен в «схеме центр-окраина»: базовое значение лексического единства (т.е. его основное значение) находится в центре, а другие значения развиваются из этого значения в виде радиусов, направленных в разные стороны, как показано на рисунке 2.

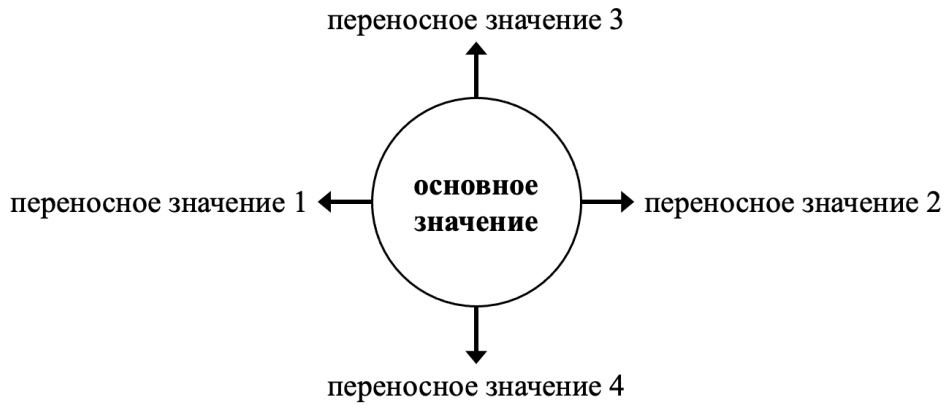

Рис. 2

Ниже мы будем исследовать многозначность слова «близкий» с помощью знаний когнитивной лингвистики, таких как теория прототипов и образные схемы.

3. Когнитивный языковой анализ многозначности «близкий»

3.1 Когнитивные основы «близкий»

Слово «Близкий» выражает пространственные отношения в русском языке, его основное значение – это относительно близкое расстояние между каким-либо опорным объектом и модифицируемым объектом или явлением. Этот опорный объект может быть определен как любой предмет в зоне видимости наблюдателя. Семантическая структура многозначного слова «близкий» имеет радиальную форму, с ядром, связанным со значением пространства, распространяющимся на периферию. Структурасмысла этого слова показана на рисунке ниже:

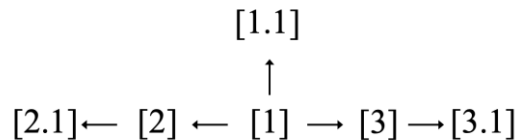

Рис. 3

3.2 Исследование многозначности «близкий» в различных когнитивных областях

Значения слова «близкий» включают в себя четыре области: области пространства, времени, межличностных отношений и состояния.

3.2.1 Области пространства и времени

Прототипическим значением «близкий» является физическое пространственное понятие, значение которого соответствует [1] на рисунке. Человек, двигаясь в пространстве, чтобы выжить и получить ориентацию в пространстве, постепенно становится осознанным времени [Бондарко 1990: 5]. Когда структура понимания близкий начинает с физического пространства и переходит к времени, значение «близкий» меняется от физической близости к близости во времени, где роль опорного объекта становится более явной, подчеркивая пространственно-временное расстояние между относительной точкой времени и опорным объектом, то есть [1]→[1.1], например:

Пример 1: Реформа распределительной составляющей пенсионной системы уже близка к завершению, несмотря на то, что...

3.2.2 Область межличностных отношений

Семантический переход от [1] к [2] отражает развитие значения близкий от области пространства к области межличностных отношений. В этом случае опорный объект меняется с объекта на конкретный «человека».

*Пример 2: Помню, моя когда-то **близкая** подруга Полина подошла...*

*Пример 3: **Близкие** родственники садились ближе к новобрачным.*

Из примеров 2 и 3 можно увидеть, что значение слова близкий претерпело переход от [1] до [2], от первоначальной области пространства к области межличностных отношений. Точки отправления и прибытия для близкого являются относительно конкретными «людьми», а расстояние, проецируемое от отправной точки к целевой точке, можно рассматривать как абстрактное расстояние между двумя «людьми», которое выражает близость или дальность отношений между людьми в реальной жизни. В примере 2 близкая указывает на близость между подругами в обычных межличностных отношениях.

Кроме того, значение близкий после перехода от [1] до [2] еще раз излучается, формируя значение [2.1]. Этот процесс отображения является расширением области межличностных отношений, переходя от обычных отношений между друзьями к ограниченными родственными отношениями. В примере 3 близкие указывает на близость в родственных отношениях, которая основывается на родственных отношениях, то есть добавляет условие родства к области межличностных отношений.

3.2.3 Область состояния

Как было сказано выше, близкий имеет базовое пространственное значение, связанное с близостью между объектом и опорным объектом. Повторное использование этого значения может создавать у людей ощущение близости в пространстве и уменьшать расстояние между ними. В процессе этого близкий проецируется из сферы пространства в сферу состояния, создавая значение [3].

*Пример 4: Язык для формулирования поискового запроса должен быть простым для пользователя, желательно **близким** к естественному языку.*

В этом примере слово «близкий» прошло от значения [1] к значению [3], где оно используется для описания близости абстрактных характеристик или свойств, а не только физического расстояния между объектами. В значении [3] обычно модифицируются неподвижные объекты, а не движущиеся. Когда целевой объект становится динамическим, «близкий» используется для сочетания с мыслительной деятельностью человека или другими видами деятельности, и это отображено в значении [3] → [3.1] на рисунке. Например: *Пример 5: Ваша концепция мне **близка**, но неужели это единственный способ?*

Здесь слово «близкий» означает сходство между «концепцией» и «мною» на уровне состояния или мышления. В этом случае употребление «близкий» можно понимать как описание степени близости между двумя различными областями, указывая на высокую степень согласия говорящего с тем, на что указывает другое лицо, однако также указывая на то, что у говорящего есть и другие возможные решения. Это переносное употребление постепенно формируется в языковом использовании и обычно развивается в соответствии с определенным контекстом и практиками в обществе.

В заключение отметим, что метафорические образы пространственного прилагательного «близкий» в русском языке имеют различные области отображения, которые включают области пространства, времени, межличностных отношений и состояния. В разных областях все еще существуют новые явления отображения, и, следовательно, значения слова также изменяются. В то же время теория прототипов и концептуальное картографирование, а также другие знания, связанные с когнитивной лингвистикой, могут служить эффективной теоретической основой для изучения многозначных слов в русском языке и помочь изучающим язык лучше понимать процессы изменения и развития значения русских многозначных слов.

Примечание: Примеры в этой статье взяты из НКРЯ (Национальный корпус русского языка).

Литература

- Будагов Р.А.* Многозначность слова // Филологические науки. 1958. №1. С. 5-18.
Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка. Москва: Мир и образование, 2015.
Taylor J. Cognitive Grammar. Oxford: Oxford University Press, 2002. С. 9-10.
Fehr В. Prototype analysis of the concepts of love and commitment [J]. Journal of Personality and Social Psychology. 1988. (4). 558.
Бондарко А.В. Теория функциональной грамматики: Темпоральность. Модальность. Л.: Наука, 1990.

Fang Xulong (Nanjing, China)
Southeast University

ANALYSIS OF THE SEMANTIC EXTENSION OF *BLIZKIY* BASED ON COGNITIVE LINGUISTICS

Blizkiy as a basic spatial adjective has diverse semantics and extensive usage. A deep analysis of the evolution of the meaning of *blizkiy* from the spatial domain to the temporal domain, interpersonal relationships, and states based on cognitive linguistic theories such as prototype theory and image schemas, will help language learners better understand the polysemous nature of this word.

Key words: близкий, cognitive linguistics, conceptual metaphor, prototype theory, image schemas.

И.Э. Федюнина, Р.Е. Богачёв (Белгород, Россия)
Белгородский государственный национальный
исследовательский университет, innafedyunina@yandex.ru

ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ СОЦИАЛЬНОЙ И ФИНАНСОВОЙ УСПЕШНОСТИ В РУССКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ

В статье рассматриваются когнитивно-прагматические характеристики русских и английских фразеологизмов с общим значением социальной и финансовой успешности. Анализируется влияние дискурсивной ситуации на их оценочную коннотацию. Выяв-

ляется национально-культурная специфика восприятия феномена успешности носителями языков.

Ключевые слова: фразеологизм, успешность, категоризация, оценочная коннотация, прагматический эффект, дискурсивная ситуация.

Специалисты в области когнитивной лингвистики и психологии языка подчёркивают важность «функционально ориентированного подхода к анализу текста и языковых единиц» [Forrester 1996: 189]. В когнитивной фразеологии этот подход реализуется в рамках когнитивно-прагматических исследований, направленных на поиск факторов, определяющих специфику прагматического воздействия фразеологических единиц (ФЕ) и закономерностей взаимодействия ФЕ с ситуацией, в которой они используются. Любая дискурсивная ситуация «является социокультурным событием» и вместе с тем «актуализирует происходящее так, как его видят и воспринимают участники ситуации» [там же]. Когнитивно-прагматические возможности ФЕ во многом определяются их свойством реализовывать в дискурсе не только общее (денотативное) значение, но и дополнительные оценочные и смысловые коннотации: «Фразеологический смысл – результат привнесения во фразу коннотаций, соответствующих конкретному ощущению, восприятию и пониманию обозначаемой ситуации» [Алефиренко 2012: 16]. В соответствии с этими смыслами и осуществляется оценочная категоризация воспринятого явления. Именно поэтому ФЕ справедливо характеризуются как «многомерный информационный комплекс, холистично настраивающийся на вхождение в речь в соответствии с коммуникативными интенциями говорящего» [Телия 1996: 129].

Прежде чем перейти к анализу ФЕ, объективирующих социальную и финансовую успешность, отметим, что стремление к достижению успеха зачастую определяет не только поведение и приоритеты, но и систему ценностей индивида. Успешные люди вызывают восхищение, воспринимаются как ролевые модели. Вместе с тем, существующая во многих обществах тенденция «судить и оценивать только по результату, зачастую абсолютно не принимая во внимание, каким путём он был достигнут» [Gladwell 2002: 17] приводит к развитию серьёзных психологических проблем, конфликтов и деструктивных отношений. В специализированной литературе также подчёркивается социокультурная детерминированность представлений об успешности: «Культура, к которой мы принадлежим... формирует наше восприятие и понимание успеха, равно как и способы его достижения, в гораздо большей степени, чем мы это осознаём» [там же: 18]. С учётом вышеуказанных характеристик ФЕ мы предположили, что исследование ФЕ с семантикой успешности на межъязыковом материале даст возможность выявить как социокультурные тенденции, так и роль субъективно-ситуативного фактора в оценочной категоризации феномена успешности носителями языков. Важно отметить, что большинство исследуемых ФЕ не несут фиксированной оценочной коннотации и реализуют свой когнитивно-прагматический потенциал исключительно ситуативно. Рассмотрим примеры.

• Можешь на меня положиться. Я теперь *большая шишка* в этом бизнесе, я могу настоять на изменении условия контракта [Телия 2006: 43]. Семантически идиома *большая шишка* актуализирует не только высокое положение как тако-

вое, но и сопутствующее этому доминирование, возможность влиять на жизни людей и события. В данном примере оценочная коннотация ФЕ позитивна в силу актуализации надёжности и намерения субъекта использовать свои преимущества, чтобы помочь реципиенту высказывания решить проблему.

- Все заискивающе смотрели, дребезжали хвостами. Надька мысленно плевала на них сверху. Упивалась ощущением превосходства. Она уже *прошла через огонь и воду*. Теперь *шла через медные трубы* [Токарева 2005: 132]. В этом дискурсе исходная ФЕ структурно фрагментирована. Первая её часть (*огонь и вода*), актуализирующая испытания и лишения в прошлом, отделена от второй (*медные трубы*), объективирующей сегодняшней успех. В результате успешность воспринимается как заслуженная награда, которой человек имеет право наслаждаться, а высокомерие и пренебрежение к окружающим частично оправдываются указанием на их собственное нелицеприятное поведение. Таким образом, прагматическое воздействие ФЕ реализуется в рамках эмоционально-нравственной категоризации поведения субъекта, а оценочная коннотация включает как негативный элемент с позиций морально-этических норм, так и равный ему по силе воздействия позитивный эмотивный элемент.

- – Корова бесстыжая! Сама *в деньжищах купается*, аж глаза жиром заплыли, а детям больным денег жалеет! [Маринина 1995: 521]. Здесь ФЕ приобретает резко негативную коннотацию благодаря дискурсивной актуализации жадности, равнодушия и эгоизма. Прагматический эффект усиливается посредством гиперболизации финансовой успешности (*деньжищи*) и использования пейоративных модификаторов, характеризующих субъекта.

- Everyone was shocked to hear he was involved in crime. He was such *a pillar of society* [McCarthy 2010: 48]. Семантика ФЕ *pillar of society* наряду с указанием на социальную успешность вовлекает важный элемент респектабельности и своего рода «эталонности». В то же время её коннотация несёт скрытый элемент иронии и недоверия, который здесь выводится на первый план. Репрезентируется контраст между общественными ожиданиями и реальным поведением субъекта, который должен бы служить примером для подражания.

- Those *high flyers* tend to become a law unto themselves. What we need is a firm government to stop bending the rules when it is a question of commercial interests [McCarthy 2010: 26]. В этом примере ФЕ совмещена с идиомами с семантикой нарушения закона, что обуславливает её собственную негативную коннотацию. Однако важно отметить, что данный дискурс равно реализует как осуждение поведения субъекта, злоупотребляющего преимуществами своего положения, так и указание на пороки общественной системы, практически не препятствующей этому. Таким образом, в обоих англоязычных дискурсах практически не реализуется субъективный и эмотивный факторы оценки – категоризация происходит скорее в контексте социальных норм.

Заслуживает внимания также отношение носителей языков к самому факту успешности и перспективе достижения успеха. Две анализируемых ниже англоязычных коммуникативных ситуации интересны реализацией приоритета субъективного фактора категоризации.

- “We need top specialists, and it will cost. But they were all delighted with my idea.” – “That’s what I am afraid of. A lot of companies *go belly up* because of paying

too high salaries.” – “Don't worry, this medicine will break the bank. So I guarantee you swimming not *belly up*, but *on the top of the wave* [Cook 2006: 240]. Здесь один из участников дискурса воспринимает успех как награду, стоящую любых усилий, а перспектива его достижения даёт эмоциональный подъём, практически исключая рациональную составляющую. Второй участник, напротив, оценивает ситуацию рационально и видит в первую очередь факторы риска, а успех в его восприятии неразрывно связан с опасностью потерпеть крах. Этот контраст реализуется посредством параллельного использования идиом с противоположным значением - *on the top of the wave* и *go belly up*.

• I'll tell you what. *Having piles of money* is of course a good thing, but what is hell more interesting is to go bankrupt. *Belly up*. Does damned good to your blood circulation! You start at ones using your brains, finding ways... [Alliot 1997: 272]. Здесь также наблюдается соположение ФЕ с семантикой успешности и полного краха, но актуализированные контекстом личностные качества и приоритеты субъекта обуславливают иное восприятие ситуации. Оценочная коннотация и прагматика обеих ФЕ меняются. Успешность и стабильность категоризируются не как нечто привлекательное и желанное, а скорее как фактор стагнации, и отношение к ним несёт оттенок пренебрежения. Напротив, неудача и крах видятся как стимул к активизации всех ресурсов; в эмоциональном же плане объективируется не страх или подавленность, а удовольствие.

Для русскоязычных дискурсов характерна другая интересная тенденция – изначальное недоверие к факту успешности, убежденность в том, что это лишь видимость:

• Внешне Вы, похоже, *в полном шоколаде*, но сами-то прекрасно знаете, что творится с Вашими финансами и политической карьерой. Не сегодня-завтра *пойдете ко дну*. *У Вас ноги ещё не мокрые? А мне кажется, вода уже по щиколотку стоит* [Маринина 2003: 16]. В данном дискурсе также использовано совмещение противоположных по семантике ФЕ. Использование идиомы *идти ко дну* с расширением её образной основы выполняет две функции в создании общего прагматического эффекта: в эмоциональном плане привносится элемент сарказма, а образ воды имплицитно подразумевает перспективу неизбежного «растворения шоколада» (т.е. выявления истинного положения дел). Кроме того, сама ФЕ *быть в шоколаде* содержит сему чрезмерного благополучия, которое вряд ли может быть истинным или стабильным.

Кратко подведём итоги исследования. Оценочная коннотация ФЕ с семантикой успешности носит подвижный характер. В дискурсах обоих языков нередко объективируются различные негативные аспекты, сопровождающие феномен успешности. Наибольшее влияние на оценочную коннотацию оказывают социокультурный и субъективный элемент категоризации. В этом плане наблюдаются следующие специфические тенденции. У носителей русского языка прослеживается зависимость восприятия и оценки успешности от поведения и целей субъекта (т.е. превалирует эмоционально-нравственный аспект); часто актуализируется восприятие успешности как чего-то фальшивого и недолговечного, но также представлен элемент наслаждения успешным положением, оказывающий сильное позитивное воздействие на прагматический эффект ФЕ. Носители английского языка склонны оценивать как субъекта, так и сам факт успешности в контексте

социальных норм и более рационально, но при восприятии собственной успешности (или перспективы таковой) на первый план выходит субъективный фактор.

Литература

Алефиренко Н.Ф. Языковое сознание и семантика фраземы // Национально-культурный и когнитивный аспекты изучения единиц языковой номинации: Материалы международной научно-практической конференции. 22-24 марта 2012г. Кострома: КГУ им. Н.А. Некрасова, 2012. С. 14-17.

Большой фразеологический словарь русского языка / под ред. Н.В. Телия. М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2006.

Маринина А.Б. Я умер вчера: Роман. М.: Эксмо, 1995.

Маринина А.Б. Закон трёх отрицаний: Роман. М.: Эксмо, 2003.

Телия В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М.: Языки русской культуры, 1996.

Токарева В.С. Птица счастья. М.: АСТ, 2005.

Alliot C. The Real Thing. Glasgow: Headline, 1997.

Cook R. Acceptable Risk. London: Corgey Books, 2006.

Forrester M. A. Psychology of Language. London: SAGE Publications, 1996.

Gladwell M. The Story of Success. NY : Hachette Book Group, 2008.

McCarthy M. English Idioms in Use. Cambridge: Cambridge University Press, 2010.

I.E. Fedyunina, R.E. Bogachev (Belgorod, Russia)
Belgorod State University

RUSSIAN AND ENGLISH IDIOMS REPRESENTING SOCIAL AND FINANCIAL SUCCESS

The article focuses on cognitive-pragmatic properties of Russian and English idioms for social and financial success. We analyze the impact a discourse situation has on the evaluative connotation of the idioms under study. Attention is also given to the ways native speakers perceive success and a successful personality.

Key words: idiom, success, categorisation, evaluate connotation, pragmatic impact, discourse situation.

М.С. Фокина (Санкт-Петербург, Россия)
Российский государственный педагогический
университет им. А.И. Герцена, aivengomag@gmail.com

АКТУАЛИЗАЦИЯ СЕМИОТИЧЕСКИХ СВОЙСТВ ЯЗЫКА В АНГЛОЯЗЫЧНЫХ СЛОВЕСНЫХ ИГРАХ

В статье рассматриваются семиотические свойства языка, актуализируемые в англоязычных играх со словами как интеллектуальной деятельности, повышающей метаязыковую рефлексию и развивающей языковую личность. В заключении делается вывод о двойственной природе языка в его отношении к «человеку играющему».

Ключевые слова: семиотика, языковой знак, рекреационная лингвистика, лингвистическая игра, языковая личность.

Лингвистические игры представляют собой особый вид интеллектуальной деятельности, используемый как средство осуществления досуга, обучения и рефлексии над свойствами языка. Когнитивные усилия игрока по решению языковых трудностей являются проявлением метаязыковой рефлексии и оказывают воздействие на языковую личность: развивают ее прагматикон (систему психологических установок), тезаурус (знания об окружающем мире) и лексикон (знания о естественном языке) [Архипов 2008: 7-8]. Целью данной статьи является обобщение актуализируемых в лингвистической игре языковых свойств, способствующих расширению знаний рядового носителя языка («наивного лингвиста») о природе и функционировании естественного языка.

Одним из ведущих лингвистических принципов игрового конструирования является принцип дихотомизма языка и речи. В соответствии с этим принципом лингвистические игры, сконструированные по образу и подобию естественного языка, воплощают в себе ряд свойств, характерных для языка как знаковой системы и средства коммуникации. Противопоставление языка и речи лежит в основе классификации лингвистических игр на игры со словами (языковые) и коммуникативные (речевые). В рамках статьи основное внимание уделяется свойствам языка, актуализируемым в играх со словами.

В словесных играх эксплуатируются свойства языка как системы объективно существующих, социально закрепленных знаков, соотносящих понятийное содержание и типовую форму, а также как системы правил их употребления и сочетаемости [Арутюнова 1990: 267]. Инструментальный характер языка определяет манипуляции, производимые над словом – минимальной единицей языка и объектом лингвистической игры. В зависимости от манипуляций игры со словами делятся на игры поисковые, словообразовательные, трансформационные и шифровальные. Анализ лингвистических игр, представленных в словаре Г. Эйсса [Eiss 1986], позволил выделить следующие их свойства. В играх по поиску слов проявляется свойство воспроизводимости языковых единиц, их способности существовать и использоваться в готовом виде. Искомые слова узнаваемы по форме, нормативно закрепленной в словаре и конвенционально связанной с определенным значением. Областью поиска служит последовательность знаков, размещенных в виде дискретного множества на игровом поле или в виде линейной последовательности. Типичной поисковой игрой на поле представляется *HiddenWordSearch* (рис. 1).

M	O	E	M
D	M	H	O
A	D	Y	O
S	O	N	B

Answers: mom, dad, son, boy,
home.

Рис. 1. Hidden Word Search [Eiss 1986: 125]

Нарушение цельноформленности, отдельности и линейности искомых форм составляет игровую трудность, однако не препятствует узнаванию слов, поскольку языковой знак вне речевого контекста абстрактен и автономен. Следовательно, к нему потенциально применимы правила формальной организации, характерные для знаковых систем, как, например, разнонаправленное письмо.

Примером поиска слов в линейной последовательности знаков являются игры *Hidden Words* и *Buried Words*. Область поиска представляет собой предложение, в котором на стыке смежных элементов необходимо вычленить искомое слово. В игре *Hidden Words* значение слова отвлечено от контекста (I know him well = whim), в то время как *Buried Words* по своей структуре напоминает вопросно-ответную загадку (My brother is a mon. Who is my brother? = Sam). Смоделированная в игре языковая трудность основывается на когнитивной (фреймовом) переключении субъекта с письменной формы существования языка (вторичной) на устную (первичную). Решение трудности, в свою очередь, предполагает оценку оптического сигнала по принципам акустического – как неразрывной линейной последовательности звуков.

В словообразовательных играх проявляется свойство структурной организованности системы языка, основанной на иерархии отношений между элементами разных уровней. Одним из продуктивных способов словообразования в английском языке является морфологическая деривация, актуализируемая в играх *Suffixes* и *Prefixes* (составление слов с заданными суффиксами и приставками), а также *Building Blocks* и *Shifting* (образование слов от выбранной основы). В иных играх словообразовательные модели применяются для образования потенциальных слов, не закрепленных в словарном составе, но соответствующих логике словотворчества. Так, в игре *Spare the Prefix* предлагается образовать слова путем отсечения приставки, неотделимой от основы в актуальном состоянии языка, и придумать значение получившейся единицы: *delete* – *lete*, *register* – *gister*. Другим примером является игра *Invent-a-Name*, в которой необходимо соотносить вымышленное понятие со сложным словом: *a map for exploring metaphysics* – *metamap*; *a couch for resting under water* – *aquacouch*. Таким образом словообразовательные игры развивают представление о слове как обупорядоченной последовательности морфем, за которыми закреплено определенное содержание. Образование этой последовательности происходит в соответствии с традициями словотворчества: активным использованием латинских и греческих словообразовательных элементов, преимуществом аффиксального словообразования и словосложения, историческим переосмыслением морфологической структуры слова.

В трансформационных играх акцентируется внимание на конечности знаковой системы языка и определенных закономерностях сочетания ее элементов. Как правило, за единицу трансформации берется графический символ. В отличие от лексико-грамматических трансформаций, игровые преобразования не связываются с изменением слов как частей речи, обладающих категориальными характеристиками. Их цель – испытание комбинаторного потенциала материальной составляющей языкового знака. Наиболее типичные игры рекреационной лингвистики в этой категории: 1) *Anagram* – составление слов путем перестановки букв (*diplomacy* – *madpolicy*; *bigmelons* – *MelGibson*); 2) *Word Chain* –

составление цепочки преобразования слов методом последовательного замещения букв (*APE>ARE>ERE>ERR>BAR>MAR>MAN*); 3) *Ghost* – последовательное прибавление букв. Промежуточные звенья в составленной цепи могут быть неполными словесными основами («призраками слов»): *the – ther – theri – theriac*.

Свойства фоно-графической системы английского языка в шифровальных играх. Языковая оболочка словесного знака заключается в акустическом сигнале и графических знаках, используемых для обозначения на письме фонем, их вариантов и последовательностей. Соотношения акустических и графических знаков регулируются сложившимися в языке правилами фонотактики и орфографии. Взаимоотношение между фонетической и орфографической системами в современном английском языке можно назвать дисгармоничным, поскольку, несмотря на предпринятые реформы [Гурочкина 2021: 62-65], установилось историческое несоответствие между произношением и написанием слов. Так, У. Эспи предлагает трансформировать («перевести») текст, зашифрованный при помощи *ABC Language*, на естественный язык. Суть *ABC Language* состоит в замещении слов фонетически схожими коррелятами в виде букв или цифр. Пример далее имеет следующую цепочку соответствий: *AB, F U NE X? >/ei, bi: efju: en.i: eks/>/ 'eibihəvjæni, egz/> Abie, have you any eggs?* При сохранении суперсегментных характеристик зашифрованное высказывание вызывает некоторые трудности восприятия, но все же доступно для понимания носителю языка младшего возраста [Espy 1982]. Возникшие «помехи» в перекодировке сообщения, как правило, нейтрализуются заданным контекстом (в примере выше – *at the grocer's / «случай в бакалейной лавке»*).

Рекреационная лингвистика располагает и набором шифровальных игр повышенной сложности. Одним из популярных криптографических методов шифрования является замещающий код (*Substitution Code*), использующий вместо букв символы других знаковых систем. Поскольку ключ к шифру игроку заранее неизвестен, решение кроется в частотном анализе символов и их соотнесении с буквами алфавита. Подобный метод шифрования был подробно описан Э.А. По в рассказе «Золотой жук», где В. Легран благодаря сформированным аналитическим навыкам разгадал пиратский шифр: *53‡‡‡305))6*;4826)4‡.)4‡);806*;48†8¶ = A good glass in the bishop's hostel in the devil's seat* [Poe 2008: 287–301].

В заключение следует отметить, что семиотические свойства языка, актуализируемые в играх со словами, проявляются не изолированно, а находятся в тесной взаимосвязи друг с другом, поскольку их единство обеспечивает стабильность отношений между акустическо-графической, понятийной и референтной сторонами языкового знака. Границы варьирования отношений между указанными элементами означают предел проводимых в лингвистических играх манипуляций над словом. Активное участие игрока регулируется не только установленными правилами игры, но и существующими закономерностями языковой системы: игра «на гранях языка» остается возможной при условии соблюдения некоторых конвенций. Таким образом, анализ языковых свойств, актуализированных в играх со словами, позволяет судить о двойственной природе языка в его отношении к «человеку играющему»: языка как инструмента, служащего для удовлетворения потребностей (в контексте игры – рекреационных, познавательных), и языка как имманентной самоорганизующейся системы, способной к

адаптации и стремящейся сохранить неустойчивое равновесие в условиях манипуляции.

Литература

Арутюнова Н.Д. Речь // Лингвистический энциклопедический словарь / под ред. В.Н. Ярцевой. М.: «Советская энциклопедия», 1990.

Архипов И.К. Язык и языковая личность. СПб: ООО «Книжный дом», 2008.

Гурочкина А.Г., Каргаполова И.А. История английского языка и введение в германскую филологию. СПб: Изд-во РГПУ им. А.И.Герцена, 2021.

Eiss H.E. Dictionary of Language Games, Puzzles, and Amusements. Westport, Conn.: Greenwood Press, 1986.

Espy W.R. A Children's Almanac of Words at Play. New York: Crown, 1982.

Poe E.A. Tales of Mystery & Imagination. Edison, N.J.: Chartwell Books, 2008.

M.S. Fokina (Saint Petersburg, Russia)
Herzen State Pedagogical University of Russia

ACTUALIZATION OF SEMIOTIC PROPERTIES OF LANGUAGE IN ENGLISH WORD GAMES

The article deals with semiotic properties of language seen in English word games as an intellectual activity that increases metalanguage reflection and develops the lexicon of linguistic persona. In conclusion, the dual nature of language in its relation to “homo ludens” is revealed.

Key words: semiotics, language sign, recreational linguistics, language game, linguistic persona.

О.А. Хрущева (Оренбург, Россия)
Оренбургский государственный университет
hrox@mail.ru

ЯЗЫКОВАЯ ПЕРЕКОДИРОВКА В ТЕКСТАХ СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЕЙ

Статья посвящена проблеме языковой перекодировки в современном русском языке. На примере языка социальных сетей демонстрируется тенденция к использованию иноязычных заимствований в качестве типичных компонентов авторских текстов. Приводится классификация типов языковой перекодировки и обосновывается специфика языковой ситуации в России XXI века.

Ключевые слова: языковая перекодировка, социальные сети, русский язык, английский язык, заимствования.

Социальные сети являются неотъемлемым компонентом жизни буквально любого современного человека, обеспечивая профессиональные знания, информацию по интересам, возможность общения. Язык социальных сетей может варьироваться по стилю и средствам выражения, но одной из характерных черт, которая выделяется в процессе наблюдения за разнообразными ресурсами названного типа в России на текущий момент, выступает склонность русскоговорящих пользователей к языковой перекодировке (code switching).

Согласно определению, языковая перекодировка представляет собой переход говорящего в процессе речевого общения с одного языка на другой в зависимости от условий коммуникации [Эбзеева, Тутова 2012: 138]. Как правило, названные условия обусловлены ситуацией двуязычия, что является естественным планомерным процессом освоения языка и переключения между ними. Однако в России XXI века, где в речи носителей русского языка как языка национального общения систематически звучат англицизмы, условия совершенно отличны от билингвальных; более того, значительная часть населения Российской Федерации владеет английским языком лишь на начальном уровне, что делает современную языковую ситуацию парадоксальной.

Обратимся к классификации Ш. Поплак, в которой выделяются три типа языковой перекодировки: внутрифразовая (*intra-sentential*), межфразовая (*inter-sentential*) и внефразовая (*extra-sentential or tag switching*). Внутрифразовая языковая перекодировка имеет место в рамках одного предложения, когда иноязычная лексема появляется в ряду единиц родного языка. Межфразовая перекодировка представляет собой иностранные включения между высказываниями на родном языке, которые вписываются в контекст и отвечают тематике высказывания. Внефразовая перекодировка представляет собой добавление фрагмента на иностранном языке к полносоставному предложению на родном языке в качестве дополнения или парентезы [Poplack 1980: 600-602].

Первый из названных типов языковой перекодировки – внутрифразовое переключение – является преобладающим в российской языковой ситуации на текущий момент. Необходимо отметить, что использование иностранных заимствований в речи носителей русского языка не ограничивается конкретной сферой; англицизмы звучат в бытовом общении, в молодежном сленге, профессиональном жаргоне, в сфере рекламы и маркетинга. Сосредоточием иностранных компонентов и наиболее популярным средством коммуникации сегодня являются социальные сети, на примере которых далее будут продемонстрированы образцы заимствований, а также проанализированы причины их применения.

В сервисе для общения Телеграм в канале КараванБьютиЧенэл были выделены следующие примеры иноязычных слов:

– *У меня уже был подобный пост в сторис* (англоязычное слово «*stories*» используется в кириллической графике для обозначения особого вида сообщений, включающих видео-фрагменты и фотографии, которые находятся в доступе в течение 24 часов).

– *Почему я проходила мимо этого бронзера?* («*bronzer*» в английском языке означает тип косметических средств для придания коже оттенка загара).

– *Новинка-хайлайтер в оттенке glow* («*highlighter*» в английском языке используется для именованя средства декоративной косметики, создающего эффект светящейся свежестью и красотой кожи; англоязычное слово «*glow*» в оригинальной латинской графике служит наименованием оттенка в значении «румянец; румяна»).

– *Через часок начну делать свотчи своих покупок* (термин «*swatch*» служит для обозначения фотографии или видео-сюжета с демонстрацией косметического средства).

– *Давайте сегодня не про бьюти, а обростем новыми контактами?* (англоязычная лексема «beauty» имеет значение «красота; красавица»).

Вышеперечисленные примеры и контексты, как и непосредственно название самого канала, образованное от англоязычного словосочетания *Caravan Beauty Channel*, свидетельствуют о том, что иноязычные компоненты используются в письменной и устной речи носителей русского языка на регулярной основе, как в латинской графике, так и в кириллическом варианте написания в структуре предложений на родном языке, что демонстрирует внутрифразовый тип языковой перекодировки. В ряду очевидных причин применения англицизмов следует назвать тематику коммуникации, что связано с характером номинации в сфере косметических средств на базе иноязычных основ и происхождением данных товаров, моду на использование заимствований, что отвечает современным тенденциям и практике общения. Человеку непосвященному придется адаптироваться к данным условиям коммуникации, причем период адаптации подразумевает не только языковую перекодировку, но и культурную, поскольку в процессе замены лексем родного языка на иностранные в сознании носителей происходит глубинная замена кодов и оснований культуры.

В заключение отметим, что языковая ситуация в современной России в аспекте массового использования иноязычных элементов в речи носителей русского языка может быть охарактеризована как стихийная перекодировка, оказывающая негативное влияние на развитие когнитивных способностей человека, который в процессе использования заимствований теряет свою исконную культурную принадлежность.

Литература

Эбзеева Ю.Н., Тутова Е.В. Проблема переключения кодов и языковые контакты // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия Лингвистика. 2012. № 3. С. 138-142.

Poplack Sh. "Sometimes I'll start a sentence in Spanish Y TERMINO EN ESPAÑOL: toward a typology of code-switching" // Linguistics. Volume 18. № 7-8, 1980. P. 581-618. <https://doi.org/10.1515/ling.1980.18.7-8.581>. URL: <https://www.degruyter.com/document/doi/10.1515/ling.1980.18.7-8.581/html> (access date 08.04.2023).

*O.A. Hrushcheva (Orenburg, Russia)
Orenburg State University*

CODE SWITCHING IN SOCIAL MEDIA

The article deals with code switching in contemporary Russian. The study is based on an analysis of social media texts which contain foreign words as integral components of the posts. The article focuses on the typology of code switching and stipulates the specific features of Russian in the 21st century.

Key words: code switching, social media, the Russian language, the English language, foreign words.

З.М. Чемодурова (Санкт-Петербург, Россия)
Российский государственный педагогический
университет им. А. И. Герцена
zinatim@rambler.ru

СВОБОДНЫЕ СЕМИОТИЧЕСКИЕ РЕСУРСЫ В СТРУКТУРЕ МУЛЬТИМОДАЛЬНОГО ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА

Статья предлагает анализ роли свободных семиотических ресурсов, таких как фотографии, рисунки, диаграммы, в создании смысловой структуры мультимодального художественного текста. Доказывается гипотеза, согласно которой визуальное выдвижение способствует усилению «референциальной иллюзии» и моделированию эмоциональной напряженности мультимодального нарратива.

Ключевые слова: свободные и связанные семиотические ресурсы, мультимодальный художественный текст, визуальное выдвижение, игровая модальность, эмоциональная доминанта

Исследователи отмечают, что в когнитивной лингвистике «межсемиотические смещения изучаются с позиции того, какой вклад вносят вербальные и невербальные знаки и знаковые комплексы в построение образа объекта или события и какие когнитивные механизмы лежат в основе взаимной адаптации знаков в устной речи и в письменном тексте и в образовании гибридных семиотических единств» [Ирисханова, 2022: 21].

Современные художественные тексты, при создании которых авторы прибегают к использованию изобразительных комплексов, или стратегии визуального выдвижения [Chemodurova 2021], могут быть отнесены к объектам таких полимодальных (мультимодальных, поликодовых) исследований, которые объединены в общее направление под названием визуальная семиотика. Исходя из предложенного одним из основоположников социальной семиотики определения семиотических ресурсов как «действий или артефактов, используемых для коммуникации и произведенных либо физиологически – с помощью наших голосовых связок, лицевых мускулов и жестов – либо технологически – с помощью ручки, чернил и бумаги, а также с помощью компьютерных программ» [Leeuven van 2005: 3], можно предположить, что при изучении мультимодального художественного текста исследователей в первую очередь должны интересовать как раз технологические семиотические ресурсы и их роль в смысловой структуре произведения. В. Халлет подразделяет все семиотические ресурсы, используемые в современных мультимодальных художественных текстах, на *связанные* семиотические ресурсы, то есть вербально опосредованные ресурсы (цвет, размер шрифта, дизайн страницы, «графическая образность»), и *свободные* семиотические ресурсы (фотографии, схемы, рисунки), представляющие собой неотъемлемую часть фикционального мира, моделируемого автором [Hallet 2018: 26].

Как отмечает В.Е. Чернявская, «изучение визуального модуса коммуникации вместе с ее языковым модусом дает исследователю важную информацию о процессуальности, о том, как в ситуации создается и понимается связное сооб-

шение, как функционирует общее знание, разделяемое с другими участниками коммуникации» [Чернявская, 2021: 171].

Целью данного исследования является анализ роли свободных семиотических ресурсов в смысловой структуре художественного текста, в генерировании трансмодального смысла в результате взаимодействия свободных и связанных семиотических ресурсов.

Поскольку с начала двадцать первого века число визуально неконвенциональной, гибридной, семиотически гетерогенной художественной литературы стремительно растет [Luke 2013], актуальной представляется задача выявления основных функций свободных семиотических ресурсов, задействованных автором в процессе создания фикциональной действительности и, возможно, вызывающих эффект когнитивного диссонанса у читателей, не обладающих еще в полной мере так называемой мультимодальной компетенцией. Изучение целого ряда мультимодальных художественных текстов подтверждает гипотезу данного исследования о релевантности рассмотрения *стратегии визуального выдвижения* как совокупности механизмов текстообразования, используемых многими современными авторами для усиления эффекта «референциальной иллюзии» и создания эмоциональной напряженности текста при помощи свободных семиотических ресурсов.

Понятие «референциальной иллюзии», подробно рассмотренное когда-то Р. Бартом [Барт 1994], неразрывно связано с проблемой анализа игровой составляющей любого художественного текста, или так называемой игровой модальностью, имплицитно и эксплицитно характерной для художественной литературы [Чемодурова 2017]. Поскольку совершенно обоснованным представляется утверждение, что «иконический характер визуального дает внешнее сходство с материальной реальностью и, значит, поддерживает фактографичность, достоверность сообщения, выражаемого визуальными средствами» [Чернявская 2021: 177], то активное авторское использование фотографий, карт, диаграмм при моделировании фикционального мира призвано, на наш взгляд, усилить игру в вымысел, в которую включаются читатели, на время «отменяя недоверие» [Walton 1990], а также обеспечить большой эмоциональный отклик.

Благодаря результатам нейрофизиологических наблюдений последних десятилетий можно с уверенностью констатировать, что при распознавании слова и визуального образа нами задействуются разные полушария головного мозга, поэтому совместное использование в структуре художественного текста разнообразных семиотических ресурсов позволяет авторам мультимодальной художественной литературы акцентировать внимание читателей на «материальной форме книги, игре с интегративной природой познания и «воплощенным» характером процесса чтения» [Gibbons 2009: 100].

Так, в ставшем хорошо известным романе Р. Риггса “Miss Peregrine's Home for Peculiar Children” (2011) автор использует множество реальных любительских фотографий, представляющих собой визуальные опоры в фикциональной игре, предлагаемой читателям и способствующей активному вовлечению их в моделируемый вымышленный мир, в котором реальность и фантазия оказываются тесным образом переплетены:

“As promised, the writer had enclosed an old snapshot. I held it under the glow of my desk lamp, trying to read some detail in the woman’s silhouetted face, but there was none to find. The image was so strange, and yet it was nothing like my grandfather’s pictures. There were no tricks here. It was just a woman – a woman smoking a pipe. It looked like Sherlock Holmes’s pipe, curved and drooping from her lips. My eyes kept coming back to it. Was this what my grandfather had meant for me to find?” [Riggs 2013: 64].

Рис. 1. Пример свободного семиотического ресурса: [Riggs, 2013: 63]

Фотография курящей трубку женщины, напоминающей протагонисту романа шестнадцатилетнему Джейкобу Портману образ Шерлока Холмса, представляет собой типичный пример свободных семиотических ресурсов, «производимых, используемых или представляемых в фикциональном мире» [Hallet 2018:26].

Подросток, пытающийся разгадать загадку жизни и смерти своего деда, пристально всматривается в любительский снимок, предлагая и читателям погрузиться в атмосферу таинственности и эмоциональной напряженности, генерируемых целым рядом таких фоторафий. Вербальный фрагмент, в котором на передний план выдвигаются лексические единицы “strange”, “tricks”, повтор ключевой единицы “find”, риторический вопрос, который персонаж задает себе, в сочетании с написанным от руки письмом (связанным семиотическим ресурсом), случайно обнаруженным Джейкобом и содержащим снимок, а также с фотографией как образцом свободного семиотического ресурса представляют собой так называемый мультимодальный кластер [Chemodurova, 2021], интенсифицирующий игровую модальность и экспрессивность текстового фрагмента (стр. 62-64 произведения).

Таким образом, в результате реализации стратегии визуального выдвижения происходит моделирование некой эмоциональной доминанты в структуре мультимодального художественного текста [Чемодурова, 2022:434], способствующей усилению нарративной эмпатии, прежде всего, благодаря созданию эксплицитной «референциальной иллюзии» и погружению читателей в фантазийно-игровой мир Р. Риггса.

Литература

Барт Р. Эффект реальности // Барт Р. Избранные работы. Семиотика. Поэтика. М.: Прогресс, 1994. С. 392-401.

Ирисханова О.К. Полиmodalный дискурс как объект исследования // Полиmodalные измерения дискурса / Отв.ред. О.К. Ирисханова. М.: ЯСК, 2022. С. 15-33.

Чемодурова З.М. Прагматика и семантика игры в текстах англоязычной постмодернистской прозы: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. СПб., 2017.

Чемодурова З.М. Эмоциональное пространство мультимодального художественного текста // Когнитивные исследования языка. 2022. № 4 (51). С. 432-437.

Чернявская В.Е. Текст и социальный контекст: социолингвистический и дискурсивный анализ смыслопорождения. М.: URSS, 2021.

Chemodurova Z.M. Visual foregrounding in contemporary fiction. // *Voprosy Kognitivnoy Lingvistiki*. 2021. № 2. С. 5-15. DOI: 10.20916/1812-3228-2021-2-5-15

Gibbons A. "I contain multitudes": narrative multimodality and the book that bleeds', in Page, R. (ed.) *New Perspectives on Narrative and Multimodality*. London: Routledge, 2009. Pp.99-114.

Hallet W. Reading Multimodal Fiction: A Methodological Approach // *Anglistik: International Journal of English Studies* 29.1. March 2018. Pp. 25-40.

Leeuwen von Theo. *Introducing Social Semiotics*. London and N.Y.: Routledge, 2005. 301 p.

Luke J. *Writing the visible page: A multimodal approach to graphic devices in literary fiction*. PhD. By Creative Works. Queensland University of Technology. 2013. Available at: [Writing the visible page: a multimodal approach to graphic devices in literary fiction | QUT ePrints](#)

Riggs R. *Miss Peregrine's Home for Peculiar Children*. Philadelphia: Quirk Books, 2013. 382 p.

Walton R. *Mimesis as Make-Believe*. London: Harvard Un. Press, 1990. 450 p.

Z.M. Chemodurova (St.Petersburg, Russia)
Herzen State Pedagogical University of Russia

FREE SEMIOTIC RESOURCES WITHIN THE MULTIMODAL LITERARY TEXT STRUCTURE

The article analyzes the role of free semiotic resources, such as photographs, drawings, and diagrams, in creating narrative meaning of multimodal fiction. The article hypothesizes that visual foregrounding enhances “referential illusion” and models emotional tension of a multimodal narrative.

Key words: free and bound semiotic resources, multimodal fiction, visual foregrounding, ludic modality, emotional dominant

А.Б. Чернышев (Рыбинск, Россия)
Городской общественный научно-экспериментальный
фонд «Языковая среда»
alexreich_78@mail.ru

КОГНИТИВНАЯ МОДЕЛЬ «ИМЕТЬ–ВИДЕТЬ» КАК ЯЗЫКОВАЯ УНИВЕРСАЛИЯ: МОРФОЛОГИЧЕСКАЯ ЧЛЕНИМОСТЬ ГЛАГОЛА

Описание когнитивной модели может применяться как в отношении фрагментов знаний о мире, так и семантики языковых единиц. В качестве репрезентации фрагмен-

тов знаний исследуется когнитивная модель «иметь – видеть». Теоретический подход членения глаголов на квазиморфы позволил выявить универсальность формирования глаголов и их значений, отражающих исследуемый фрагмент в разноструктурных языках.

Ключевые слова: когнитивная модель, универсалия, словообразование, квазиморф

В последние десятилетия вопросам когнитивного моделирования было посвящено множество исследований. С момента начального применения термина «когнитивная модель» в лингвистической науке У. Чейфом (1982), неоднократно менялись его понимания. Описание когнитивной модели как «схематизированного ментального образа» [Беляевская 2005: 5], репрезентируемого инвариантным и метафорическим регулированием всех возможных его значений, широко практиковалось как в отношении традиционно знаменательных единиц языка в работах Е.Г. Беляевской, так и в отношении морфем, в частности предлогов, в исследованиях В. Эванса. Однако для подобной методики описания Е.Г. Беляевская в скором времени отказывается от понятия когнитивной модели в пользу термина «концептуальная внутренняя форма» [Беляевская 2006: 46].

Альтернативное понимание когнитивной модели в качестве «концептуальной организации опыта» [Пименова 1999: 38], представленное, в частности, в исследовании М.В. Пименовой, основано на выделении ассоциативных признаков, свойств при описании того или иного концепта. В подобном понимании ассоциативные признаки, интегрируемые в когнитивные модели, в большей степени связаны с фреймовой структурой. Данные когнитивные модели позволяют, с одной стороны, ассоциировать на первый взгляд несочетаемые свойства объекта, с другой стороны, выявить универсалии, свидетельствующие о том общечеловеческом опыте, в основе которого лежит деятельность, связанная с познанием и восприятием мира.

Как представляется, принципиальной разницей двух основных существующих в науке методик описания когнитивных моделей является то, что первая методика ориентирована на семантику языковой единицы, вторая – в большей степени на фрагмент знаний о мире, отражаемый в языковых единицах. В целях систематизации научно-лингвистической практики и возможности языкового сопоставления в настоящей работе нами применяются оба подхода.

В отношении способа описания когнитивной модели как фрагмента, то одной из онтологически значимых моделей выступает та, которая представляет перенос по схеме «иметь – видеть», относящейся одновременно к категории языковых универсалий. Основанием выделения этой когнитивной модели служат словообразовательные формы глаголов, актуализирующих соответствующие значения в разных языковых семьях – романской группы индоевропейской семьи и группы банту бенуэ-конголезской семьи языков Африки. Основами этих глаголов, образующих ряд словообразовательных гнезд, не выходящих за пределы когнитивной модели, выступают *voir* ‘видеть’ во французском языке, *ver* ‘видеть’ в испанском языке, а также морфема *na*, отображающая различные лексико-грамматические варианты значений в африканских языках суахили и кикуйу.

Следует отметить, что способ словообразования глаголов с указанными компонентами несколько отличается от традиционного, поскольку употребляю-

щиеся с ними образовательные элементы представляют собой усеченную форму, значение которой не лежит на поверхности. В чисто словообразовательном аспекте выделение подобных элементов решается в рамках проблемы морфологической членимости слова, в частности глагола, принципиальным условием которой, по мнению Е.С. Кубряковой, является явная ограниченность пределов сочетаемости таких элементов. Такие неполнозначные с точки зрения речевой самостоятельности «отрезки» слова Е.С. Кубрякова определяет как квазиморфы [Кубрякова 2008: 60-61]. В плане же семантической конкретики данные квазиморфы справедливо, вслед за Е.С. Головановой, рассматривать как элементы «с архаическим значением» [Голованова 2013: 90], которые в комбинации друг с другом актуализируют когнитивную модель.

Опишем словообразовательное гнездо с основным комбинаторным элементом с концептом ‘видеть’ в романских – французском и испанском – языках, а именно: глагол *voir* ‘видеть’ и глагол *ver* ‘видеть’. Так, значение ‘двигать’ актуализируется комбинацией соответствующих глаголов-корней и предшествующих им квазиморфов, а именно словом *mouvoir* (*voir* – ‘видеть’) во французском языке и словом *mover* (*ver* – ‘видеть’) – в испанском. Комбинаторные свойства глаголов со значением ‘видеть’ проявляются при образовании других онтологически важнейших глаголов, таких как *savoir*, имеющего форму *savoir* во французском. Значение этого слова сопоставимо и с русским глаголом *ведать*, равно как и с существительным *ведьма*, также пересекающимися в русском языке с глаголом *видеть* и архаизмом *вежды*.

Концепт ‘видеть’ актуализируется и в словах со значением ‘дождь’. Так, во французском языке значение ‘дождь’ обозначается глаголом *pleuvoir*. Такая же словообразовательная модель свойственна и испанскому глаголу *llover*. Интегральное значение ‘дождь’ в исследуемых глаголах романских языков – это ‘видение плача’. Французское *pleuvoir*, где *pleurer* – ‘плакать’ и испанское *llover* с отдельно имеющим место в словарном составе глаголом *llorar* ‘плакать’.

Обозначение физической возможности, отчасти также связанной с умениями, практическими знаниями, реализуется через глагол *pouvoir* во французском языке. Французский глагол *devoir* со значениями ‘задание’, ‘долг’, ‘быть должным’ также базируется на комбинации квазиморфов *de* и *voir* ‘видеть’. При этом очевидно, что идея долженствования в значении глагола *devoir* лишь на более поздних этапах развития языков превратилась в собственно модальную категорию. К широко используемым глаголам во французском языке с модальной и вспомогательной грамматической функцией относится и глагол *avoir* ‘иметь’, в структуру которого также входит базовый элемент *voir* ‘видеть’.

Обнаружение связи элементарных смыслов в языках абсолютно разных семей с точки зрения как генетической, так и типологической классификации столь разного культурно-языкового пространства, подчеркивает исключительную роль когнитивной семантики в сопоставительных исследованиях. В основе концепта ‘иметь’ заложена идея видения во французском языке – *avoir* и, наоборот, идея совместности, или обладания, представлена в глаголе со значениями ‘видеть’, ‘чувствовать’ в языках суахили и кикуйу – *na* ‘иметь’, *ona* – ‘видеть’.

Когнитивная модель функтора *na* в языках суахили и кикуйу – способ применительно к схематическому представлению языковой единицы – широка и

разнообразна с учетом объема свойственных ему лексико-грамматических значений. Как уже отмечалось, базовое значение квазиморфа *na* – это значение ‘иметь’. Кроме того, функтор *na* в суахили употребляется и в качестве соединительного союза *u*, отсылая к идее метафорического единства как связи смыслов, заключенных в частях предложения, так и обладания каким-либо предметом.

Наконец, довольно разнообразными, но довольно связанными с основной идеей когнитивной модели и находящими параллели в неродственных индоевропейских языках, оказываются грамматические функции. Так, способ выражения долженствования, реализуемый в европейских языках посредством вспомогательных глаголов со значением ‘иметь’, например, в английской конструкции «*have + инфинитив*» или во французской синтагме «*avoir + à + инфинитив*», свойственен и для суахили, где функтору *na* предшествует элемент отрицания *ha* с последующим *budi* ‘выход’, что буквально переводится как ‘не иметь выхода не сделать что-то’.

Во-вторых, квазиморф *na* в суахили употребляется как маркер творительного падежа, как комбинаторная компрессионная единица при функционировании глаголов первого лица единственного числа в грамматическом настоящем неопределенном времени.

Третья функция функтора *na* – грамматическая – оказывается также довольно очевидной и стандартной, учитывая его основное лексическое значение, связанное с обладанием и принадлежностью. Функтор *na* как типичный агглютинативный элемент используется в качестве маркера аспектуальной формы настоящего времени, происходящего в момент речи, либо в отрезок времени. Эта форма имеет неоспоримую смысловую связь как с английским Present Continuous, которое образуется также при помощи вспомогательного функтора *be* ‘быть’, так и с французским настоящим длительным временем в конструкции *être en train de*, где *être* – это ‘быть’.

Четвертое значение, также относящееся к разряду грамматических, обусловливает употребление квазиморфа *na* для выражения пассивного залога и преимущественно в возвратных конструкциях, например: *jua* ‘знать’ – *juana* ‘знать друг друга’, *samehe* ‘прощать’ – *sameheana* ‘прощать друг друга’. При этом, как известно, в сопоставляемых языках романской группы в некоторых случаях для выражения аналогичного грамматического значения используется модель со вспомогательным глаголом, а именно *être* ‘быть’ во французском и *ser* ‘быть’ в испанском с последующим причастием страдательного залога. Представленные грамматические значения, с одной стороны, свидетельствуют о некоторой условности выбора «вспомогательных» элементов в пользу значения либо ‘быть’, либо ‘иметь’ в разных языках, с другой стороны, они определенно демонстрируют общие принципы, положенные в систему аспектуальности.

Как показывает анализ конкретного материала на примере глагольных форм языков разных семей, когнитивная модель «иметь – видеть», отображая не только схематизированный образ, в котором интегрируются соответствующие концепты ‘иметь’ и ‘видеть’, но и целый фрагмент картины мира, «наивных» знаний человека о мире, является универсалией, свойственной ряду генетически и типологически разнотипных языков. Данная когнитивная модель, данный фрагмент как языковая универсалия свидетельствует об общих принципах сло-

жения комплексной семантической сети репрезентирующих эту модель глаголов в разноструктурных языках и, в свою очередь, об универсальности деятельности человеческого мозга в восприятии и познании мира на ранних стадиях бытия.

Литература

Беляевская Е.Г. Воспроизводимы ли результаты концептуализации? (К вопросу о методике когнитивного анализа) // Вопросы когнитивной лингвистики, 2005. №1. С. 5-14.

Беляевская Е.Г. Модель лексической семантики в когнитивной научной парадигме // Международный конгресс по когнитивной лингвистике: Сб. материалов. Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г. Р. Державина, 2006. С. 45-46.

Голованова Е.И. Архаические префиксы с точки зрения моделирования знания в естественном языке // Вопросы когнитивной лингвистики. 2013. №1. С. 90-99.

Кубрякова Е.С. Основы морфологического анализа: На материале германских языков. М.: ЛКИ, 2008.

Пименова М.В. Этногерменевтика языковой наивной картины внутреннего мира человека. Кемерово: Кузбассвузиздат, 1999.

Evans V. Lexical concepts, cognitive models and meaning-construction // Cognitive Linguistics 17. Berlin: New York: Walter de Gruyter, 2006. P. 491-534.

A.B. Chernyshev (Rybinsk, Russia)

City Public Scientific and Experimental Foundation Yazykovaya Sreda

COGNITIVE MODEL “HAVE–SEE” AS A LINGUISTIC UNIVERSAL: MORPHOLOGICAL SEGMENTATION OF A VERB

Descriptions of cognitive models can be applied both to fragments of knowledge about the world, and to semantics of language units. We analyzed the cognitive model have–see as a representation of fragments of knowledge. A theoretical approach of segmentation of verbs into quasimorphs allows us to reveal the universality of the formation of verbs and their meanings that reflect the have-see fragment in languages with different structures (Russian and English).

Key words: cognitive model, universal, word formation quasimorph.

М.М. Четина, А.С. Герасимова (Санкт-Петербург, Россия)

Санкт-Петербургский политехнический

университет Петра Великого

maria-chetina@mail.ru

ОККАЗИОНАЛЬНОЕ СЛОВООБРАЗОВАНИЕ В НАУЧНО- ТЕХНИЧЕСКОМ ТЕКСТЕ (КОГНИТИВНЫЙ АСПЕКТ)

В статье представлены результаты исследования когнитивных оснований окказионализмов, функционирующих в современной англоязычной научно-технической литературе. Методологической базой для исследования послужила теория концептуальной интеграции Ж. Фоконье и М. Тернера. Выведена когнитивная модель смыслопостроения для окказионального словообразования с учетом специфики научно-технического текста.

Ключевые слова: окказиональное словообразование, научно-технический текст, теория концептуальной интеграции, смыслопорождающий оператор.

Обращение к когнитивным основаниям словообразования отражает актуальные тенденции современной парадигмы лингвистических исследований, в рамках которой язык полагается одним из когнитивных механизмов, а также ведущим способом объективации результатов мыслительных процессов. Окказиональная лексическая номинация характерна тем, что концептуализация в данном случае происходит, что называется, *on-line*, фиксируя результаты ситуативно обусловленного осмысления действительности, для которых в данной конкретной ситуации коммуникации говорящий не находит адекватных способов вербализации в рамках существующей лексической системы. Креативный потенциал языка, возможности инновационного комбинирования смыслов и способов их выражения позволяют выходить из ситуаций когнитивно-коммуникативного затруднения, производя новые лексические единицы.

Среди характерных особенностей научно-технического стиля исследователи выделяют следующие: информативность (содержательность), логичность (строгая последовательность, четкая связь между основной идеей и деталями), точность, объективность и, вытекающие из этих особенностей, ясность и понятность. В области лексики это, прежде всего, использование научно-технической терминологии и специальных слов [Жампейис 2007, Валиева 2015 и др]. Таким образом, с одной стороны, большинство исследователей научно-технического функционального стиля отмечают четкость, формальность, отсутствие образности, эмоциональной окрашенности. И в этой связи появление окказиональной лексики в пространстве функционирования научно-технических текстов маловероятно, поскольку окказионализмы, наоборот, характеризуется уникальностью формы и, соответственно, экспрессивностью и эмоциональной заряженностью. С другой стороны, центральной темой научного дискурса является выдвижение нового научного знания и позиционирование этого нового знания сообществу [Чернявская 2017]. Бесспорно, научное знание – это всегда плод креативного мышления ученого, результат его исследовательской деятельности, которая носит новаторский характер. Как известно, появление нового содержания очень часто связано с появлением новых форм. Думается, что помимо традиционных лингвистических способов выражения научной мысли, автор научно-технического текста будет прибегать и к окказиональным способам выражения новых значений и смыслов.

Объектом для нашего исследования послужили окказионализмы из двухтомника Роберта Корнера «*Designing with Geosynthetics*» [Koerner 2012]. В массиве данного научно-технического академического текста, состоящего из 900 страниц и 235280 слов (по Word), мы обнаружили 72 окказионализма.

Примеры окказионализмов Р. Корнера: *geo-others, design-by-function concept, a like-set-of-number basis, soil-to-geotextile flow compatibility, now-soil-modified geotextile, permittivity-under-load device, less-than-saturation conditions, top-of-fill elevation, geosynthetic-to-soil, full-pavement-width geotextiles, field-measured deflections, reinforced-to-nonreinforced section, geogrid-reinforced case, factor-of safety decrease, between-rigid-plates value, geotextile-geonet-geomembrane composite* и др.

В данном исследовании под окказионализмом понимается уникальная экспрессивная лексическая единица, отсутствующая в языковой традиции, построенная по нормативным или уникальным словообразовательным моделям, намеренно создаваемая автором для функционирования в условиях конкретного контекста и представляющая собой языковую репрезентацию гибридного ментального образования, случай окказиональной категоризации, или перекатегоризации [Четина 2011].

Подавляющее количество окказиональных слов в тексте Р. Корнера образовано по компрессии словосочетаний (51 единица, или 71%), словосложение представлено 15 окказионализмами (21%), 5 окказионализмов (7%) создано с помощью словообразовательного процесса деривации. Конверсия представлена 1 окказиональной единицей (1%). Другие способы окказионального словообразования, такие как контаминация, аббревиация, в данном исследуемом тексте не обнаружены.

В проведенном исследовании нами сделана попытка вывести когнитивную модель построения значения для 4 способов окказионального словообразования, характерных для научно-технического текста: *компрессии, словосложения, деривации и конверсии*. Эти способы относятся к интегративному типу словообразовательных процессов, предполагающих объединение не менее двух исходных структур с получением третьей результирующей структуры. Данная особенность предопределила обращение к теории концептуальной интеграции позволяющей объяснить когнитивный механизм словообразовательных процессов [Fauconnier 1997; Fauconnier, Turner 2002]. Опираясь на теорию концептуальной интеграции, мы трактуем все четыре рассматриваемых способа окказионального словообразования как когнитивный процесс, в котором срабатывает механизм интегрирования как минимум двух ментальных пространств. Структурно-синтаксический анализ исследуемого материала показал, что преобладающее количество окказиональных единиц (74%) в научно-техническом тексте Р. Корнера выполняют функцию определения в препозиции, причем 81% из этих атрибутивных конструкций созданы в результате компрессии словосочетания. Примеры таких окказионализмов: *design-by-function concept, a like-set-of-number basis, soil-to-geotextile flow compatibility, now-soil-modified geotextile, permittivity-under-load device, less-than-saturation conditions, top-of-fill elevation, full-pavement-width geotextiles, reinforced-to-nonreinforced section, geogrid-reinforced case, factor-of safety decrease, between-rigid-plates value*, и др. Среди словообразовательных моделей в рамках этого способа можно выделить модель N+Prep+N как наиболее продуктивную.

Общую схему процесса концептуальной интеграции при генерировании смысла окказионализмов (компрессивы, сложные слова, дериваты, конверсивы), функционирующих в научно-техническом тексте можно продемонстрировать следующим образом:

Рис. 1. Когнитивная модель окказиональной лексики в научно-техническом тексте

Как показано на рисунке 1, обязательными составляющими когнитивно-семантического механизма смыслопорождения окказионализмов в научно-техническом тексте являются:

1) **Исходное пространство 1 (пространство-реципиент)**, репрезентируемое языковой единицей-реципиентом, это может быть лексема при словосложении, деривации и конверсии, фразеологическая единица, а также синтаксическая единица от словосочетания до предложения при компрессии и конверсии. Языковая единица-реципиент полностью эксплицирует исходное пространство.

2) **Исходное пространство 2 (пространство-донор)**, репрезентируемое лексемой при словосложении, аффиксом при деривации, грамматической категорией при конверсии и компрессии. Данное пространство передает бленду свои категориальные признаки, играет большое значение в процессе перекатегоризации. Однако данное пространство эксплицируется частично.

3) **Бленд** – результат интеграции исходных пространств, имеющий гибридную структуру, объединяющую признаки разных категориальных начал. Бленд частично наследует структуру исходных пространств, а также получает новую, более высокого порядка структуру. Бленд репрезентирован окказиональной единицей с новыми формальными и содержательными характеристиками.

4) **Смыслопорождающий оператор** – языковой элемент, который ограничивает и направляет мыслительный процесс, влияющий на выбор и активацию пространства-донора. Анализ материала показал, что для окказионализмов основным смыслопорождающим оператором является порядок слов, или синтаксические связи между компонентами высказывания. Позиция окказионального слова в цепочке высказывания определяет его связи и функции, а, следовательно, его содержательные и формальные характеристики.

Выделяются следующие особенности когнитивно-семантического механизма конструирования значения окказионализма: окказиональность его действия, окказиональная перекатегоризация концепта, наличие смыслопорождающих операторов, прагматическая обусловленность.

Литература

Жампейис К.М. Особенности научно-технического стиля английского и русского языков // *Sosyal Bilimler Dergisi*. Sayı 18. 2007. С. 181-188.

Валиева А.В. О жанровой принадлежности научно-технических текстов и ее влиянии на перевод // *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. 2015. №11 (53): в 2 ч. Ч. 2. С. 33-35.

Чернявская В.Е. Научный дискурс: Выдвижение результата как коммуникативная и языковая проблема. Москва: УРСС: Либроком, 2017. ISBN 978-5-9710-4395-9.

Четина М.М. Когнитивно-прагматические основания окказионализмов в современном английском языке (на материале произведений Дж. Фаулза): дис. ... канд. филол. наук. СПб, 2011.

Fauconnier G. Mappings in Thought and Language. Cambridge and New York: Cambridge University Press, 1997. 205 p.

Fauconnier G., Turner M. The Way We Think: Conceptual Blending and the Mind's Hidden Complexities. New York, Basic Books 2002. 368 p.

Robert M. Koerner. Designing with Geosynthetics 6th Edition Vol. 1. Vol. 2. 2012.

М.М. Четина, А.С. Герасимова (St. Petersburg, Russia)
Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University

THE COGNITIVE ASPECT OF NONCE WORD FORMATION IN SCIENTIFIC-TECHNICAL TEXT

The paper examines the cognitive base of nonce words functioning in modern English scientific-technical literature. Our study draws on the theory of conceptual integration of G. Fauconnier and M. Turner. The article presents a cognitive model to construct the meaning of a nonce word while accounting for the characteristics of scientific-technical text.

Key words: nonce-word formation, scientific-technical text, theory of conceptual integration, semantics forming operator.

Е.В. Шестакова, Л.Р. Исаева, О.С. Передерий (Челябинск, Россия)
Филиал Военного учебно-научного центра Военно-воздушных сил «Военно-воздушная академия имени профессора Н.Е. Жуковского и Ю.А. Гагарина» МО РФ в г. Челябинске.
katja81-07@mail.ru, fatt86@rambler.ru, olivia24@mail.ru

СПОСОБЫ ВЕРБАЛИЗАЦИИ КОНЦЕПТА МУЖЕСТВО В ВОЕННОМ ДИСКУРСЕ

Представленная статья посвящена описанию семантической структуры концепта МУЖЕСТВО и способов его вербализации на лексическом уровне в военном дискурсе. Материалом для исследования служат учебные тексты, используемые на занятиях по иностранному языку и русскому языку как иностранному.

Ключевые слова: концепт, категория, семантическая структура, ядро, периферия, дискурс.

Активно развивающееся в современной лингвистике направление – когнитивистика, имеющее корни в трудах религиозного философа С.А. Аскольдова, основывается на многогранном и неоднозначном в толковании современных

лингвистов-исследователей понятии «концепт». В конце XX-го столетия в работе «Концептосфера русского языка» Д.С. Лихачёв отмечает, что концепт представляет собой заместитель понятия и является «намеком на возможные значения», «отклик на предшествующий языковой опыт человека». Сложная многоуровневая структура концепта обнаруживает столкновение, взаимопроникновение слова, национального и личного языкового опыта человека.

Понятие «концепт» имеет четко обозначенный междисциплинарный характер. В этой связи следует отметить, что исследования в этой области затрагивают вопросы когнитивной лингвистики, лингвокультурологии, этнолингвистики, прагматики и других сопредельных наук. Однако, несмотря на активное изучение концепта и концептосферы языка, в настоящий момент имеется несколько подходов к толкованию самой дефиниции.

Так, например, Н.Д. Арутюнова в свете лингвофилософского подхода понимает концепт как синоним термину «мировоззренческое понятие» [Арутюнова 1991: 3-4]. По мнению лингвиста А. Вержбицкой, концепт – это представление человека о действительности в свете культурного мира. Наиболее представлены работы в свете лингвокультурологического подхода, отраженного в фундаментальных трудах Ю.С. Степанова, В.В. Колесова, В.Н. Телии, И.А. Стернина, В.И. Карасика и других учёных. В работах лингвокультурологов концепт понимается как форма репрезентации культуры в сознании человека. Так, Ю.С. Степанов отмечает: «Концепт – это как бы сгусток культуры в сознании человека...» [Степанов 2004: 42].

Таким образом, концепт служит связующим звеном в проблеме сопоставления понятий язык и мышления, позволяет проникнуть в суть их взаимоотношений, позволяет раскрыть связи, существующие между ними. Данная работа причисляется к исследованиям, находящимся в сфере лингвокультурологического подхода, поскольку авторами предпринята попытка выявить структуру концепта МУЖЕСТВО в языковой картине мира военных. Концептуальное пространство языка военных в современной ситуации весьма актуально, в связи с резкими изменениями в политической, экономической и идеологической ситуации в стране и мире, в целом. Становление представления о реальности и формирование мировоззрения молодых офицеров происходит посредством обучения в военных вузах, погружения в военную деятельность и выполнение профессиональных обязанностей, а также в ходе непосредственного общения с коллегами и единомышленниками. Стоит отметить, что в российских военных вузах обучаются не только русские курсанты, но и курсанты, прибывшие на обучение из стран дальнего и ближнего зарубежья.

Изучение концепта МУЖЕСТВО видится возможным на материале учебных текстов на русском и английском языках, используемых в процессе обучения в военных вузах, поскольку данные тексты становятся когнитивным средством формирования сознания офицера.

Согласно типологии М.В. Пименовой [Пименова 2004: 10], концепт МУЖЕСТВО относится к группе этических концептов, а, следовательно, является общечеловеческим понятием со сложной абстрактной структурой.

Структуру концепта в данной работе рассматриваем согласно полевой теории И.А. Стернина, в соответствии с которой концепт представляет собой слож-

ное единство, состоящее из трех зон: ядерной, приядерной и периферийной [Стернин 2001: 58-59].

С целью описания семантической структуры концепта были рассмотрены толкования лексемы *мужество* в различных словарях: «Толковом словаре русского языка» под ред. С.И. Ожегова, «Толковом словаре русского языка» Д.Н. Ушакова, «Большом толковом словаре русского языка» под ред. С.А. Кузнецова, Токовом словаре Т.Ф. Ефремовой, «Словаре синонимов русской речи» под ред. Л. Г. Бабенко и некоторых других.

Такие лексемы и словосочетания, как *храбрость, присутствие духа, спокойная храбрость* представлены в определениях во всех словарях, использовавшихся при исследовании. Следовательно, относим данные лексемы к ядерной зоне концепта МУЖЕСТВО.

К приядерной зоне относим такие лексемы, как *стойкость, неустрашимость, отважность, бестрепетность, героизм, доблесть*: в данных лексемах присутствует сема «стойкость, спокойствие», следовательно, они подчеркивают мужественность не как ситуативное, эмоциональное проявление характера, а как глубинную основу нравственного облика человека.

На периферийной зоне концепта расположены лексемы с устаревшим значением – *зрелость, возмужалость, дородство*; лексемы, не имеющие сему «стойкость, спокойствие» – *дерзость* (с негативной коннотацией непочтительности, грубости), *кураж*.

Представим способы вербализации концепта МУЖЕСТВО на лексическом уровне на примере учебных текстов, используемых на занятиях по русскому языку как иностранному на подготовительном отделении в военном авиационном вузе.

Вербализация концепта лексемами ядерной зоны:

Это не показная безрассудная храбрость, – вспоминал С.И. Усанов, комиссар артдивизиона 316-й дивизии. – С одной стороны, личный командный опыт комдива здорово помогал исправлять положение на трудных участках, с другой – его появление в критический момент боя сильно поднимало дух солдат и офицеров» [Русский язык 2019: 327].

Чтобы не терять силы духа и поддерживать других, люди писали стихи, рисовали картины и сочиняли музыку [Русский язык 2019: 322].

Наибольшее объединение представляют лексемы-вербализаторы концепта МУЖЕСТВО приядерной зоны:

Примером героизма и стойкости стала 900-дневная оборона Ленинграда [Русский язык 2019: 329].

Выдающийся полководец должен обладать следующими четырьмя дарами: знанием военного дела, доблестью, авторитетом, удачливостью [Рыбина 2015: 364].

Дмитрий Михайлович Карбышев олицетворяет собой храбрость, отвагу, мужество, несломленность [Рыбина 2015: 337].

Настоящий офицер должен быть смелым, отважным, решительным человеком [Рыбина 2015: 11].

Роман Николаевич Филиппов российский лётчик, герой России, участник боевых действий в Сирии, **смелый и отважный** офицер, который погиб, выполняя интернациональный долг [Русский язык 2019: 422].

В самые трудные минуты командарм проявлял самообладание, верил в силу и **стойкость** своих войск [Русский язык 2019: 310].

П.С. Нахимов отличался **смелостью, отважностью, умом, мужеством, оригинальностью** и умением выходить из любых сложных ситуаций [Русский язык 2019: 286].

Рассмотрим описание семантической структуры концепта «мужество» / “courage” и способы его вербализации на лексическом уровне на примере учебных текстов, используемых на занятиях по иностранному языку в военном авиационном вузе.

Так, анализ словаря “Collins English Dictionary” [Collins English Dictionary] обнаружил шесть значений лексемы “courage”:

- 1) the quality shown by someone who decides to do something difficult or dangerous, even though they may be afraid;
- 2) the power or quality of dealing with or facing danger, fear, pain, etc.;
- 3) the attitude of facing and dealing with anything recognized as dangerous, difficult, or painful, instead of withdrawing from it;
- 4) quality of being fearless or brave; valor;
- 5) the quality of mind or spirit that enables a person to face difficulty, danger, pain, etc., without fear; bravery; heroism;
- 6) the ability to do something dangerous, or to face pain or opposition, without showing fear.

Такие лексемы и словосочетания, как “bravery” / «храбрость», “heroism” / «героизм», “power” / «могущество» представлены в определениях, использовавшихся при исследовании. Следовательно, относим данные лексемы к ядерной зоне концепта “courage” / «мужество».

*They fought fierce battles against German invaders and displayed high skill, **courage** and **heroism** in air battles.* [Салатова 2016: 33]. (Они вели ожесточенные бои с немецкими захватчиками, проявили высокое мастерство, **мужество** и **героизм** в воздушных боях).

*Makolin became one of the 14,000 Russian servicemen who received state decorations for their **courage** and professionalism during the two-year-long Russian struggle against terrorism in Syria.* [Салатова 2018: 33]. (Маколин стал одним из 14 тысяч российских военнослужащих, награжденных государственными наградами за проявленное **мужество** и профессионализм в ходе двухлетней борьбы России с терроризмом в Сирии).

*Russian doctors were responsible for the true acts of **heroism** treating the civilians and servicemen who had suffered from injuries in the war.* [Салатова 2018: 12]. (Российские врачи несут ответственность за подлинный **героизм** в лечении раненых на войне мирных жителей и военнослужащих).

*Physical **courage** is the **bravery** that allows a soldier to take risks in combat in spite of the fear of wounds or death. Physical **courage** is what gets the soldier who's in airborne school out the aircraft door. It is what allows an infantryman to assault a bunker to save his buddies.* [Салатова 2016: 33]. (Физическое **мужество** – это

храбрость, которая позволяет солдату идти на риск в бою, несмотря на страх ранения или смерти. Физическое мужество – это то, что выводит солдата из воздушно-десантной школы за дверь самолета. Это то, что позволяет пехотинцу атаковать bunker, чтобы спасти своих товарищей).

These characteristics also enable armored, mechanized, and cavalry forces to apply their combat power through the depth of the battlefield, to disperse forces over wide areas, and to concentrate combat power at the decisive place and time to win. [Кузякина 2018: 51]. (Эти характеристики также позволяют бронетанковым, механизированным и кавалерийским войскам применять свою боевую мощь в глубине поля боя, рассредоточивать силы на обширных территориях и концентрировать боевую мощь в решающем месте и в решающий момент для победы).

Проанализировав дидактический материал, заключаем, что в военном дискурсе в значительной степени представлены лексемы-вербализаторы концепта МУЖЕСТВО приядерной зоны, поскольку одной из задач обучения является формирование облика будущего офицера, стойко выполняющего поставленные перед ним задачи.

Литература

Арутюнова Н.Д. Логический анализ языка: Культурные концепты. М.: Индрик, 1991. 204 с.

Кузякина Н.А. Учебное пособие «Практический курс военного перевода». Челябинск: филиал ВУНЦ ВВС «ВВА» в г. Челябинске, 2018. 508 с.

Лихачёв Д.С. Концептосфера русского языка // Известия РАН. Серия Литература и языки. 1993. Т. 52. №1. С. 3-9.

Пименова М.В. Душа и дух: особенности концептуализации. Кемерово: ИНК «Графика», 2004.

Русский язык (как иностранный): учебник / И.А. Антипова, О.Ю. Сидорова, И.В. Смирнова, А.А. Федоренко; под общ. ред. проф. Т.Е. Токаревой. М.: ВУ, 2019.

Русский язык (как иностранный): учебник / Э.Н. Анохина, И.А. Антипова, Т.С. Павлова, О.Ю. Сидорова, И.В. Смирнова, А.А. Федоренко; под общ. ред. проф. Т.Е. Токаревой. М.: ВУ, 2019.

Рыбина Е.В. Основы военной специальности. Учебное пособие для курсантов филиала ВУНЦ ВВС «ВВА». Челябинск: филиал ВУНЦ ВВС «ВВА», 2015. 106 с.

Салатова Л.М. Учеба в военном вузе: учебное пособие для курсантов филиала ВУНЦ ВВС «ВВА» в г. Челябинске. Челябинск: филиал ВУНЦ ВВС «ВВА» в г. Челябинске, 2016.

Салатова Л.М. Учебное пособие «The role of Russian Aerospace Forces in the Syrian Arab republic». Челябинск: филиал ВУНЦ ВВС «ВВА» в г. Челябинске, 2018. 35 с.

Степанов Ю.С. Константы: Словарь русской культуры. Опыт исследования. М.: Академический проект, 2004.

Стернин И.А. Методика исследования структуры концепта // Методологические проблемы когнитивной лингвистики. Воронеж: Воронежский гос. ун-т. 2001. С. 58-65.

Collins English Dictionary 2023. URL: <https://www.collinsdictionary.com/dictionary/english/> (accessed 3 April 2023).

*E.V. Shestakhova, L.R. Isaeva, O.S. Perederiy (Chelyabinsk, Russia)
Zhukovsky – Gagarin Air Force Academy (Voronezh) of the Ministry
of Defence of the Russian Federation*

WAYS TO VERBALIZE THE CONCEPT COURAGE IN MILITARY DISCOURSE

The article describes the semantic structure of the concept COURAGE and how it is verbalized at the lexical level in military discourse. We studied educational texts used in classes on English and Russian as a foreign language.

Key words: concept, category, semantic structure, core, periphery, discourse.

VIII. ИДЕИ И МЕТОДЫ КОГНИТИВНОЙ ЛИНГВИСТИКИ В ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЯХ, РАЗРАБОТКАХ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫХ ИНФОРМАЦИОННЫХ СИСТЕМ И В ЛИНГВОДИДАКТИКЕ

*О.И. Бабина (Челябинск, Россия)
Южно-Уральский государственный университет
babinaoi@susu.ru*

ПРЕДМЕТНО-ОРИЕНТИРОВАННАЯ ПАРАМЕТРИЗАЦИЯ ОЦЕНКИ: КЕЙС ОТЗЫВОВ НА УСЛУГИ АВИАКОМПАНИЙ

В статье рассматривается проблема выделения параметров оценки в контексте заданной предметной области. На основе текстов отзывов на услуги авиаперевозок выделяются предметно-ориентированные объекты оценки, определяется набор значимых для предметной области ценностей и ценностно-ориентированных параметров оценки объектов.

Ключевые слова: оценочное суждение, оценочная ситуация, ценность, корпус текстов, предметная область, лингво-когнитивный анализ.

Параметризация представляет собой способ моделирования объекта, опирающийся на выделении значимых свойств (параметров) объекта, для которых определена область значений и выявлены соотношения между параметрами. В лингвистике этот процесс рассматривается, в частности, в контексте проблемы лексикографической параметризации, параметризации дискурса и прочих объектов. Так, параметризация в лексикографии подразумевает выделение параметров, под которыми понимается некоторый «квант информации о языковой структуре», «особое словарное представление словарных черт языка» [Караулов 1981: 51]. Параметризация дискурса определяется как «процесс формирования и вербализации особой – параметрической – картины мира», параметрическая картина мира, в свою очередь, определяется как «система лингво-когнитивной репрезентации таких элементов мышления, которые в совокупности обеспечивают человека хронотопическими и эмоциональными (оценочными) координатами ориентации в окружающем его мире» [Кузина 2010: 194]. Таким образом, параметризация предполагает декомпозицию объекта на систему параметров (характеристик), определяющих свойства и поведение этого объекта.

Говоря о параметризации оценки, мы имеем в виду построение многомерного оценочного базиса, задающего пространство оценки объектов как систему координат, определяющихся ценностно-ориентированными параметрами, в которой может быть задан вектор оценочного суждения, формирующегося в конкретном речевом акте. На основе вектора оценочного суждения может определяться аксиологическая интерпретация ситуации. Размещение объектов оценки по координатам в этом базисе позволит также формализовать сопоставление объектов.

Системой координат для определения оценочного пространства могут выступать основания для классификации оценок, где каждое основание представляет собой отдельный макропараметр. В [Матвеева 2011] выделяются следующие виды оценок (элементы каждой пары можно рассматривать как полюсы значений одного макропараметра оценивания):

- положительная – отрицательная (по признаку аксиологической интерпретации);
- рациональная – эмоциональная (по природе оценки);
- эксплицитная – имплицитная (по форме выражения);
- субъективная – объективная (в зависимости от смещения фокуса оценки на личные мнения, отношения субъекта или на характеристики самого объекта);
- абсолютная – сравнительная (в зависимости от включения/невключения в фокус внимания других аналогичных объектов);
- общая – частная (оценка по совокупности свойств против оценки по отдельным аспектам объекта).

Оценка как мыслительная операция сопровождает оценочную ситуацию, которая определяется как: «Субъект оценки считает, что объект оценки хороший/плохой» [Вольф 2002: 5]. Такое определение опирается на понимание оценки как аксиологической интерпретации ситуации, отображение ситуации на систему ценностей. В определении производится указание на основные структурные компоненты оценки (оценочной ситуации): субъект оценки, объект оценки, основание оценки и характер (то есть содержание) оценки [Ивин 1970: 21]. Кроме того, в структуре оценочной ситуации указывают на такие (факультативные) параметры, как инструмент оценки, оценочный стереотип, шкала оценок, предмет оценки, слушающий [Погорелова & Яковлева 2017].

Оценочная ситуация эксплицируется в оценочном суждении, которое формируется в процессе оценочного речевого акта. Субъектом оценки выступает говорящий, который оценивает объект по значимому в рамках оценочной ситуации основанию (параметру), при этом содержание оценки часто кодируется в универсальных предикатах «хорошо» – «плохо» [Вольф 2002; Баранов 1989; Зайцева 2006; Тяжина 2014 и др.]. Вместе с тем, семантическая интерпретация оценки через предикаты «хорошо» – «плохо» представляет собой обобщенную оценку объекта в отношении ценностно-ориентированных параметров. Однако общая оценка складывается на основании частных оценок отдельных аспектов объекта, оцениваемых по различным основаниям, при этом каждое основание предопределяет эталонное, нормативное представление о том, какие значения соответствующего параметра из набора допустимых значений соответствует положительной или отрицательной оценке объекта.

Оценочное суждение мотивировано позиционированием объекта оценки в системе ценностей, определяющих подлежащие оценке ценностно-ориентированные параметры. Объект оценки, участвующий в оценочной ситуации, предопределяет смещение фокуса на определенную подсистему ценностей, значимую в контексте заданной предметной области. То есть более тонкая параметризация оценки задается контекстно-зависимыми микропараметрами, набор которых определяется предметной областью и видом дискурса. Тогда размерно-

сти многомерного оценочного базиса определяются ценностно-ориентированными предметно-зависимыми микропараметрами оценки.

Методологической основой построения аксиологической системы координат на основе параметров оценки выступает лингво-когнитивный анализ корпуса текстов. Предметно-ориентированную параметризацию оценки мы проводили на материале англоязычного корпуса текстов отзывов на услуги авиакомпаний, собранного в декабре 2021 с агрегатора отзывов TripAdvisor и включающего актуальные на момент сбора тексты отзывов общим объемом 1,5 млн словоупотреблений. Моделирование параметрической структуры осуществлялось на материале случайно отобранных 1000 высказываний (предложений) из корпуса.

Рассмотрим пример оценочного высказывания из корпуса:

Only when it was one hour before the landing the temperature in the salon became OK, but there was no time to sleep anymore

Здесь клиент (субъект оценки) дает отрицательную общую оценку полету на основании частной оценки температурного режима салона (объект оценки), который был с точки зрения комфорта (основание оценки) на низком уровне (содержание имплицитной оценки), что в отношении данного основания-параметра эквивалентно негативной оценке. При этом субъект поясняет, что в силу того, что установление комфортного режима произошло несвоевременно, время на сон было недостаточным, то есть по параметру своевременности (основание оценки) обслуживания на борту (объект оценки) было слишком долгим, то есть «плохим» (содержание оценки).

В данном примере ценностями, находящимися в фокусе внимания субъекта, является *Удовольствие* и *Время*. Ценность *Удовольствие* ставится в основание параметра *Комфорт*, по которому оценивается аспект *Удобство* объекта *Салон самолета*; ценность *Время* определяет ценностно-ориентированный параметр *Своевременность*, характеризующий объект *Сервис в полете* по аспекту *Время обслуживания*.

Анализ корпуса текстов позволил выделить базовые ценности, значимые для рассматриваемой предметной области: *Польза*, *Удовольствие*, *Время*, *Справедливость*. Ценностно-ориентированные параметры, сформированные на основании выделенных ценностей, мы условно разделили на три группы:

- хронотопные (определяемые явлениями вне субъекта): Своевременность, Оперативность, Размер, Разнообразие

- сенсорные (связанные с восприятием через органы чувств): Красота, Комфорт, Вкус

- ментальные (рациональные, связанные с функцией сознания): Вежливость, Заботливость, Решение проблем, Оправданность затрат.

Автоматически составленный с помощью инструмента LanAKey [Sheremetyeva 2009] список ключевых слов и словосочетаний позволил определить перечень объектов оценки и их аспектов, в отношении которых в корпусе высказываются оценочные суждения. Перечень выявленных объектов оценки с соответствующими их аспектам ценностно-ориентированными параметрами и ценностями, определяющими параметры, приведены в таблице 1.

Таблица 1. Параметры оценки для предметной области авиаперевозок

Объект оценки	Аспект объекта оценки	Ценностно-ориентированный параметр	Ценность
Сервис (в полете)	Время обслуживания	Своевременность	Время
	Действия персонала	Решение/предупреждение проблем	Польза
Персонал	Вежливость	Вежливость	Удовольствие
	Заботливость	Заботливость	Польза
Служба поддержки	Время ожидания отклика	Оперативность	Время
	Действия персонала	Решение/предупреждение проблем	Польза
Салон самолета	Удобство	Комфорт	Удовольствие
	Чистота	Красота	Удовольствие
Питание	Качество	Вкус	Удовольствие
	Количество	Размер	Удовольствие
Развлечения в полете	Ассортимент	Разнообразие	Удовольствие
Оплата услуг	Дополнительные услуги	Оправданность затрат	Справедливость
	Цена vs качество услуг	Оправданность затрат	Справедливость
Ожидание в аэропорту	Удобство	Комфорт	Удовольствие
Регистрация и посадка	Способ посадки	Комфорт	Удовольствие
	Действия персонала	Решение/предупреждение проблем	Польза
Сервис (вне полета)	Длительность обслуживания	Оперативность	Время
	Ассортимент услуг	Разнообразие	Удовольствие
	Действия персонала	Решение/предупреждение проблем	Польза

Ключевым для определения отношения к объекту в рамках оценочной ситуации является параметр аксиологической интерпретации дескриптивных признаков. Параметры оценки предопределяют область значений, в терминах которых могут задаваться дескрипторы, интерпретируемые как «хорошее» или «плохое» проявление параметра. Формирование шкал оценивания (номинативных и более мощных) на основе анализа языковых манифестаций дескриптивных предикатов, выражающих оценку в корпусе, входит в задачи дальнейшей работы по проблематике параметризации оценки.

Литература

Баранов А.Н. Аксиологические стратегии в структуре языка (паремиология и лексика) // Вопросы языкознания. 1989. №3. С. 74-90.

Вольф Е.М. Функциональная семантика оценки. 2 изд., доп. М.: Едиториал УРСС, 2002. 280 с. (Лингвистическое наследие XX века).

Зайцева Е.Л. Оценка в языке и дискурсе // Вестник Чувашского государственного университета. 2006. №4. С. 407-414.

Ивин А.А. Основания логики оценок. М.: Издательство Московского университета, 1970. 232 с.

Караулов Ю.Н. Лингвистическое конструирование и тезаурус литературного языка. М.: Наука, 1981. 367 с.

Кузина И.Ю. О дискурсивной параметризации в лингвистических исследованиях // Terra Linguistica. 2010. №111. С. 194-200.

Матвеева А.А. Оценочная параметризация лингвокультурологической категории «Свой-Чужой» (на материале современного английского языка): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Уфа, 2011. 23 с.

Погорелова С.Д. Яковлева А.С. Структура оценочной ситуации и ее компоненты // Вестник Челябинского государственного университета. 2017. №3(399). Филологические науки. Вып. 105. С. 98-103.

Тяжина Е.Б. Семантическая категория оценочности в лингвистике // Научный прогресс на рубеже тысячелетий: материалы научно-практической конференции. Прага: Education and Science, 2014. Режим доступа: http://www.rusnauka.com/16_NPRT_2014/Philologia/3_171204.doc.htm (дата обращения: 08.03.2023).

Sheremetyeva S. On Extracting Multiword NP Terminology for MT // Proceedings of the 13th Annual conference of the European Association for Machine Translation (Barcelona, 14-15 May 2009). Barcelona: EAMT, 2009. P. 25-32.

O.I. Babina (Chelyabinsk, Russia)
South Ural State University

DOMAIN-DRIVEN PARAMETRIZATION OF EVALUATION: A CASE OF AIRLINE REVIEWS

The paper deals with the problem of decomposing evaluation into a system of parameters within a domain. Based on the text corpus of airline reviews, domain-specific evaluation objects are distinguished, a set of domain-relevant values and value-related parameters of evaluation are identified.

Key words: evaluative statement, evaluative situation, values, text corpus, domain, linguo-cognitive analysis.

S.M. Gertsen, I.A. Glazunova, E.Yu. Shutova (Tyumen, Russia)
Tyumen State University

ARTIFICIAL INTELLIGENCE IN TEACHING FOREIGN LANGUAGES

Foreign languages and artificial intelligence are two highly interrelated fields that have become increasingly important in recent years. AI has advanced to the point where it can now understand and generate human language with remarkable accuracy, and foreign languages are at the heart of many AI applications, from chatbots to natural language processing systems. In this article, we'll explore the relationship between foreign languages and AI, and look at some of the key concepts and challenges such as ambiguity and domain-specific language and applications in these fields.

Key words: foreign language, artificial intelligence, application, machine learning, speech recognition.

Foreign languages are one of the most fundamental aspects of human communication and interaction, and they play a crucial role in many areas of AI research and development. Mobile learning has undergone unprecedented developing in the last decade and the recent Coronavirus pandemic has accelerated eLearning implementation even in areas that were still rather reluctant to do so [Pikhart 2021: 92]. Using tools to engage students in e-learning tasks will help to motivate them and increase their self-confidence [Chen et al. 2021: 28]. The affective mobile language tutoring system can deepen content understanding, promote engagement in peer interaction, and generate positive emotions among students [Wu et al. 2022: 1304].

In order for machines to interact with humans in a natural and intuitive way, they need to be able to understand and generate a foreign language effectively. One of the primary applications of foreign languages in AI is Natural Language Processing (NLP), which involves developing algorithms and models that can analyze, understand, and generate human language. NLP is used in a wide range of applications, from chatbots and virtual assistants to machine translation and sentiment analysis. Another important application of foreign languages in AI is in speech recognition, which involves developing algorithms that can transcribe spoken language. Speech recognition is used in a variety of applications, from voice assistants and dictation software to automated call centers and transcription services.

AI has become an essential tool for advancing our understanding of foreign languages and for developing new applications to leverage the power of NLP. Some of the key ways that AI is used in language research and development include: Machine Learning, Neural Networks, Natural Language Processing, and Speech Recognition. Machine learning is a powerful tool for developing AI systems to analyze and understand foreign languages. By training algorithms on large datasets of human language, machine learning can help machines learn to recognize patterns and make predictions about language use. Neural networks are a type of machine learning algorithm that is particularly well-suited to analyzing and generating language. By modeling the structure and function of the human brain, neural networks can learn to recognize complex patterns and generate natural language responses. NLP is a field of AI research that focuses on developing algorithms and models that can analyze and generate human language. NLP involves a range of techniques, from statistical modeling and machine learning to deep learning and semantic analysis. Speech recognition is a key application of AI in language, and involves developing algorithms that can transcribe spoken language into text. By using machine learning and other AI techniques, speech recognition systems can become increasingly accurate and reliable over time.

We are conducting research on the use of artificial intelligence among students at universities in Russia. We seek to determine the factors that influence the use of artificial intelligence among students at universities in Russia. Our objectives are to identify the level of awareness and familiarity of students with artificial intelligence; to investigate the factors influencing students to use artificial intelligence; and to determine the extent to which artificial intelligence has been adopted and implemented. Our study combined quantitative and qualitative research methods. We conducted online surveys, interviews, and focus group discussions to collect data from students in universities in Russia. The data collected from the online surveys is analyzed using descriptive and

inferential statistics. Qualitative data is analyzed using thematic analysis to identify recurring themes and patterns in the data.

We revealed that students in Russian universities are highly aware of and familiar with artificial intelligence (70 %). The study also identifies the cultural, social, and technological factors that influence students to use AI. Additionally, we determined the extent to which universities have implemented artificial intelligence (10 %) and the benefits and challenges associated with its use. The study may be limited by factors such as sampling bias, social desirability bias, and the validity and reliability of the data collected. Additionally, the study may not be generalizable to other countries or regions outside of Russia.

Despite the significant progress that has been made in foreign languages and AI, there are still many challenges that must be overcome in order to fully realize the potential of these technologies. Some of the key challenges include domain-specific language the inherent ambiguity of human language. Words and phrases can have multiple meanings depending on the context in which they are used, and it can be difficult for machines to accurately interpret and generate language in these situations. Language can vary widely depending on the context and domain in which it is used. For example, the language used in a legal document may be very different from the language used in a casual conversation. Developing AI systems that can understand and generate domain-specific language is a major challenge in the field.

This study contributes to the understanding of the factors that influence the use of artificial intelligence among students at Russian universities. The findings of the study may be useful in informing policies and practices related to the adoption and implementation of artificial intelligence in higher education.

Reference

Chen X., Zou D., Xie H., Cheng G., and Liu C. Two decades of artificial intelligence in education // *Education Technologies*. Vol. 25. 2022. P. 28-47.

Klimova B., Pikhart M. Cognitive and Applied Linguistics Aspects of Using Social Media: The Impact of the Use of Facebook on Developing Writing Skills in Learning English as a Foreign Language // *European Journal of Investigation. Health Psychology Education*. 2020. Vol. 10 (1). P. 110-118 <https://doi.org/10.3390/ejihpe1001001>.

Klimova B., Poulova P. Mobile learning in higher education // *Advanced Science Letters*. 2016. Vol. 22 (5/6). P. 1111-1114.

Pikhart M. Human-computer interaction in foreign language learning applications: Applied linguistics viewpoint of mobile learning // *Procedia Computer Science*. 2021. Vol. 184. P. 92-98, ISSN 1877-0509, <https://doi.org/10.1016/j.procs.2021.03.123>.

Pikhart M. Intelligent information processing for language education: The use of artificial intelligence in language learning apps // *Procedia Computer Science*. 2020. Vol. 176. P. 1412-1419. ISSN 1877-0509, <https://doi.org/10.1016/j.procs.2020.09.151>.

Sung Y., Chang K., Liu T. The effects of integrating mobile devices with teaching and learning on students' learning performance: A meta-analysis and research synthesis. *Computers & Education*. 2016. Vol. 94. P. 252-275.

Wu C., Huang Y., Hwang J. Review of affective computing in education/learning: trends and challenges // *British Journal of Educational Technologies*. 2016. Vol. 47. P. 1304-1323.

С.М. Герцен, И.А. Глазунова, Е.Ю. Шутова (Тюмень, Россия)
Тюменский государственный университет

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ В ОБУЧЕНИИ ИНОСТРАННЫМ ЯЗЫКАМ

Иностранный язык и искусственный интеллект – две тесно взаимосвязанные области, которые в последние годы приобретают все большее значение. ИИ продвинулся до такой степени, что теперь он может понимать и генерировать человеческий язык с удивительной точностью, в то время как иностранный язык лежит в основе многих приложений ИИ, от чат-ботов до систем обработки естественного языка. В этой статье мы рассмотрим взаимосвязь между иностранным языком и ИИ, а также рассмотрим некоторые ключевые концепции, проблемы, такие как двусмысленность и предметно-ориентированный язык, а также приложения в этих областях.

Ключевые слова: иностранный язык, искусственный интеллект, приложение, машинное обучение, распознавание речи.

О.В. Глухова (Ростов-на-Дону, Россия)

Ростовский государственный экономический университет (РИНХ)

olga_glukhova_@mail.ru

ЦИФРОВЫЕ ИНСТРУМЕНТЫ АНАЛИЗА КОНЦЕПТУАЛЬНОЙ МЕТАФОРЫ (НА ПРИМЕРЕ БАЗЫ ДАННЫХ METANET)

Неиссякаемый интерес к изучению концептуальной метафоры позволил накопить большой массив данных о способах метафорического осмысления и роли метафоры в повседневной коммуникации. Одним из самых крупных цифровых проектов для изучения концептуальной метафоры, стала база данных MetaNet. В статье рассматривается структура, функции и инструменты репозитория.

Ключевые слова: метафора, концептуальная метафора, концепт, MetaNet, фрейм.

Изучение концептуальной метафоры представляет собой одно из наиболее перспективных направлений современной когнитивной лингвистики и вызывает интерес как у исследователей смежных областей, таких как межкультурная коммуникация, обучение иностранным языкам, социолингвистика, так и областей, казалось бы, далеких от лингвистики, в числе которых климатология, здравоохранение и политика [Будаев 2015]. Стремительное развитие нейросетей и систем машинного обучения, бесконечное увеличение количества текстов на различных языках в интернет пространстве делают возможным получение достоверных (ввиду возможности статистической проверки на больших массивах данных) лингвистических результатов и ставит задачи разработки новых технологий автоматической обработки текстов, в том числе для выявления и интерпретации и описания метафоры.

Концептуальная метафора, согласно теории Дж. Лакоффа и М. Джонсона [Lakoff, Johnson 1980], представляет собой основополагающий когнитивный механизм познания окружающей действительности, ее структурирования и отражения в сознании. Основной идеей указанной теории является познание нового, сложного или абстрактного через известное, простое, конкретное. Концептуаль-

ная метафора, эксплицируется в лексике любого языка и реконструируется путем изучения вербализаций, позволяющих воссоздать картину представлений носителей языка об окружающей действительности, которые метафорически переносятся с концепта-источника на концепт-цель. Подобного рода исследования позволяют не только понять, как мы говорим о мире, но и как мы о нем думаем.

Данные теоретические положения легли в основу проекта MetaNet [MetaNet Metaphor Research Project], инициированного в 2011 году Отделом передовых исследований национальной разведки США (Intelligence Advanced Research Projects Activity, IARPA), представляющего собой базу данных (репозиторий) концептуальных метафор, полученных путем выявления и распознавания метафорических употреблений слов и словосочетаний в текстах. Основной целью проекта стало выявление и распознавание метафорических употреблений слов и словосочетаний в текстах на английском, русском, испанском и французском языках и их концептуально-метафорическая интерпретация с позиций указанных языков. В настоящий момент работа над проектом практически завершена, а запуск полномасштабной версии запланирован на апрель 2023 года. На момент обращения (20 марта 2023 г.) была доступна бета-версия ресурса на английском языке, размещенная на странице [MetaNet Metaphor Wiki] Международного института компьютерных исследований (International Computer Science Institute – ICSI), насчитывающая 685 концептуальных метафор, организованных в алфавитном порядке, большая часть которых относится к социальным понятиям и явлениям, таким как *правительство* (GOVERNMENT IS A LEADER, GOVERNMENT IS A PARENT, GOVERNMENT IS A PERSON, GOVERNMENT IS SERVANT), *потребление* (CONSUMING RESOURCES IS EATING), *контроль* (CONTROL IS A BOUNDED REGION, CONTROL IS A POSSESSION, CONTROL IS UP, CONTROL IS MANIPULATION), *коррупция* (CORRUPTION IS A DISEASE, CORRUPTION IS EROSION), *демократия* (DEMOCRACY IS A PLANT, DEMOCRACY IS A BIRD, DEMOCRACY IS FACADE) и др.

Работа над созданием репозитория осуществлялась усилиями четырех команд в несколько этапов: а) создание списка целевых концептов (велось под руководством Дж. Лакоффа); б) выборка метафор путем анализа крупных массивов текста на заявленных языках (группой исследователей во главе с Е. Шутовой); в) техническая реализация электронного корпуса когнитивных метафор (во главе с С. Нарайаном, руководителем отдела искусственного интеллекта в ICSI); г) валидация, проверка концептуальных оснований метафор в условиях вербальной коммуникации методами психологии и психолингвистики (под руководством Л. Бородицки).

Системные алгоритмы MetaNet извлекают и анализируют метафоры основываясь на данных, собранных другим проектом ICSI – FrameNet, одним из руководителей которого стал Ч. Филлмор, основоположник современной фреймовой семантики. Особый способ субъект-объектного аннотирования FrameNet используется для разграничения буквального и метафорического значения анализируемой языковой единицы в MetaNet. Метафорически маркированные единицы описываются в терминах «цели – источника», что позволяет видеть связи между элементами 576 фреймов и концептуальными метафорами, которые образуют сеть взаимодействующих концептов. Подобные связи используются нейро-

сеть для поиска новых метафор в тексте. Рассмотрим возможности работы с системой MetaNet.

В одном из исследований [Глухова 2023] нами был рассмотрен концепт манипуляция, репрезентируемый русским языковым сознанием. Исследование строилось на данных опроса респондентов, которым предлагалось дать определение понятию манипуляция. Анализ данных позволил построить образ-схему в которой манипуляция выступает в качестве пути между источником и целью (получением выгоды). Следующим логичным шагом могло стать обращение к базам данных FrameNet и MetaNet для определения компонентов концепта и его метафорического осмысления. Концепт манипуляция оказался не представлен в виде фрейма, но вошёл в состав концептуальных метафор CONTROL IS OBJECT MANIPULATION (контроль – это манипулирование объектом) и THINKING IS OBJECT MANIPULATION (*мышление есть манипулирование предметами*).

Рассмотрим указанные метафоры более подробно. В концептуальной метафоре CONTROL IS OBJECT MANIPULATION, исследуемый концепт (манипуляция) выступает в роли концепта источника, в роли концепта-цели – контроль. Схематически агенсом в данной метафоре является контролирующий субъект, а пациенсом – подвергаемый манипуляции объект. *He's putty in her hands. (Он изрушка (досл. пластилин) в ее руках.* Функции MetaNet позволяющие увидеть связи концепта с конкретными понятиями: в нашем случае discard (отбрасывать), grasp (хватать), object insertion (введение объекта), object propulsion (приведение объекта в движение), weapons handling (обращение с оружием), позволяет сделать вывод о преобладании в англоязычном дискурсе конкретного значения понятия манипуляция (манипулирование предметами) и использование его в качестве концепта-источника, в то время как в русском языковом сознании преобладает его не прямое значение.

Пример другой концептуальной метафоры THINKING IS OBJECT MANIPULATION (*мышление есть манипулирование предметами*) подтверждает наш вывод. В роли концепта источника выступает манипуляция предметами (идеями), в роли концепта-цели – мышление. Обоснованием для подобного рода концептуализации служит имплицитная метафора IDEAS ARE OBJECTS (*идеи суть предметы*). Другими связанными метафорами являются: UNDERSTANDING IS GRASPING, (*понять значит схватить*), MEMORY IS A STOREHOUSE (*память есть хранилище*), REMEMBERING IS RETRIEVAL (*воспоминание есть извлечение*) и др. Ср. пример метафорического словоупотребления: *Let's toss some ideas around (Давайте набросаем идеи)*. Несмотря на то, что при изучении концепта манипуляция с позиций когнитивной лингвистики возможности MetaNet не принесли значительных результатов, дальнейшее исследование может опираться на алгоритм, использованный при создании самого репозитория; выборка и идентификация метафорических употреблений, соотносимых с понятием манипуляция из корпуса [НКРЯ], валидация и проверка концептуальных оснований метафор, фиксация концептуальной метафоры.

Вместе с тем, использование репозитория MetaNet представляет интерес для исследователей концептуальной метафоры, как образец для создания подобных ресурсов на национальных языках. Не подлежит сомнению тот факт, что механизм концептуальной метафоры носит универсальный характер, и

свойственен многим языкам. Однако нельзя отвергать и возможность культурных особенностей, накладывающих отпечаток на процесс концептуализации, что подтверждается существенными расхождениями в способе вербализации концептуальных метафор средствами различных языков. В этом случае MetaNet может стать важным инструментом для достижения успешной межкультурной коммуникации, позволяющим понять особенности мировоззрения, ценностные установки и нормы представителей других культур.

Литература

Будаев Э.В. Концептуальная метафора на службе у разведки США // Политическая лингвистика. 2015. №2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kontseptualnaya-metafora-na-sluzhbe-u-razvedki-ssha> (дата обращения: 20.03.2023).

Глухова О.В. Репрезентация концепта «Манипуляция» в русском языковом сознании // Язык и культура в глобальном мире: Сборник статей. Санкт-Петербург: ООО "Издательство ЛЕМА, 2023. С. 75-79.

Lakoff G., Johnson M. Metaphors we live by. Chicago: University of Chicago Press, 1980. 242 p.

ISCI – International Computer Science Institute. MetaNet: A Multilingual Metaphor Repository. URL: <https://www.icsi.berkeley.edu/icsi/gazette/2012/05/metanet-project> (дата обращения: 20.03.2023).

MetaNet Metaphor Research Project. URL: <https://metanet.arts.ubc.ca/metaphor-databases> (дата обращения: 20.03.2023).

MetaNet Metaphor Wiki. URL: https://metaphor.icsi.berkeley.edu/pub/en/index.php/MetaNet_Metaphor_Wiki (дата обращения: 21.03.2023).

*O.V. Glukhova (Rostov-on-Don, Russia)
Rostov State University of Economics (RINH)*

DIGITAL INSTRUMENTS OF COGNITIVE METAPHOR ANALYSES

Great interest in the study of conceptual metaphor resulted in the accumulation of a large array of data on the means of metaphorical comprehension and the role of metaphor in everyday communication. One of the largest digital projects for the conceptual metaphor study is the MetaNet database. The article discusses the structure, functions, and tools of this repository.

Key words: metaphor, conceptual metaphor, digital tools, concept, MetaNet, frame.

*И.Г. Гусева, Е.П. Плива (Калининград, Россия)
Калининградский государственный технический университет
irina.guseva@klgtu.ru, elena.pliva@klgtu.ru*

КОНЦЕПТ ЦИФРОВИЗАЦИЯ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ДИСКУРСЕ НА МАТЕРИАЛЕ ЗАРУБЕЖНЫХ ПЕЧАТНЫХ ИЗДАНИЙ

Целью данной статьи является построение концепта ЦИФРОВАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ. Объектом изучения послужил современный образовательный дискурс в зарубежной прессе. Были выявлены и проанализированы появляющиеся в нем новые поня-

тия и соответствующая им терминология, отражающая процессы трансформации образования.

Ключевые слова: Концептуализация, цифровая трансформация, цифровое образовательное пространство, образовательный контент, инновационные технологии.

Ведение. Цифровые технологии стали социальной необходимостью для обеспечения образования. В связи с этим приобретают особую актуальность развитие цифровой грамотности и цифровых компетенций преподавателей и студентов. Поскольку цифровая интернет-среда становится неотъемлемой частью нашей жизни, облегчая многие процессы, образование сегодня уже не мыслится без цифровизации, а использование цифровых инструментов – жизненной необходимостью.

Задачи. Целью исследования было проанализировать ряд зарубежных публикаций в виде статей, сайтов, блогов, содержащих обсуждения и мнения на тему современного образования и роли цифровизации в нем. Была предпринята попытка выявить сложившееся понимание происходящих процессов, их плюсы и минусы, наметившиеся тенденции, участвующие в этих процессах новые понятия. Поскольку *цифровая трансформация* рассматривается как системное явление, целесообразным представляется рассмотреть сопутствующие и неразрывно связанные с *цифровой трансформацией* концепты, которые составляют ее концептуальное поле, и выстроить концептуальную картину *цифровой трансформации* глазами зарубежных исследователей.

Обсуждение. *Цифровая трансформация* в образовании в общем и целом понимается как изменения в том, каким образом студентов обучают, начиная с применения новых технологий в аудитории, до изменений в том, как их оценивают и как отслеживаются их успехи в обучении. Какими бы ни были инновации, их целью должно быть улучшение результативности обучения – “*Whatever changes are made, they should aim to improve overall student outcomes. Learning technologies and digital platforms are no longer an afterthought; they are critical for teaching and learning*” [Martin et al 2022]. Цифровизация в контексте высшего образования рассматривается как “leveraging digital technologies to enable major educational improvements, enhance learner and instructor experiences, and create new instructional models through policies, planning, partnerships, and support.” [Martin & Xie 2022], что в целом совпадает с большинством определений.

Итак, *цифровая трансформация* составляет ядро концептуального поля, в котором могут быть выделены следующие субполя: среда, то есть собственно *цифровое образовательное пространство*, созданное в результате *цифровой трансформации*; участники / актанты; методы / инструменты. Рассмотрим каждое из этих субполей более подробно.

Среда. К данному субполю принадлежат такие концепты, как *цифровое образовательное пространство / цифровая образовательная среда* (*digital learning space*), являющееся результатом *цифровой трансформации*: «... a key aspect of digital transformation of higher education – the emergence of a digital learning space» [Bugstad et al 2022]. Именно создание гармоничной и эффективной цифровой образовательной среды является целью цифровой трансформации.

Примечательно, что если *университет* традиционно мыслится как место (*place*), то в случае с *цифровым образовательным пространством* употребляется именно слово *space*, которое обозначает более абстрактный и многомерный концепт. При этом *цифровое образовательное пространство* рассматривается с различных точек зрения – технически, педагогически и организационно: The digital learning space can be conceptualized from several perspectives; technically, pedagogically, and organizationally [Bygstad et al 2022].

В техническом плане *digital learning space* предлагает интегрированные возможности, обеспечиваемые технической цифровой инфраструктурой, для общения, онлайн встреч, синхронного обучения, организации курсов и пр.

С педагогической точки зрения *digital learning space* представляет собой комбинацию физического, гибридного и цифрового пространств обучения, которые часто взаимодействуют [Ellis. & Goodyear 2016]. Именно *digital learning space* делает возможным использовать новые методы обучения, поддерживает совместное обучение, предоставляя механизмы для сложных взаимодействий сверстников [Soller 2001], поддерживает ситуационную осведомленность, визуализируя участников и действия [Collazos et al 2021].

Следует отметить, что организационно *digital learning space* выходит за физические и институциональные границы университета, что может проявляться в более плотном взаимодействии с бизнесом, правительством и другими сообществами [Jackson 2019].

Кроме того, субполе *digital learning space* (цифровая образовательная среда/цифровое учебное пространство) университета складывается из таких концептуальных понятий как: веб-страницы, онлайн-тестирование, онлайн-обучение, цифровые учебники, цифровые экзамены, электронные записные книжки, образовательный контент, цифровые предметы и т.д.

Актанты. К данному концептуальному субполю относятся как традиционные участники образовательного процесса, такие как *colleges, universities, instructors, professors, students*, так и специфичные, характерные именно для цифрового образовательного пространства. К таким концептам можно отнести так называемых *digital natives* (цифровых аборигенов). Этот термин был введен М. Пренски для осмысления особенностей современных студентов, которым он противопоставляет участников *цифровой трансформации* старших возрастов – *цифровых иммигрантов*, то есть тех, кто родился до начала массового использования цифровых технологий [Prensky 2013]. Как утверждает М. Пренски, “Today’s students ...represent the first generations to grow up with this new technology. They have spent their entire lives surrounded by and using computers, videogames, digital music players, video cams, cell phones, and all the other toys and tools of the digital age. ...Computer games, email, the Internet, cell phones and instant messaging are integral parts of their lives” [Prensky 2001]. Несмотря на то, что данная концепция имеет как множество противников, так и сторонников, примечателен сам факт обращения к идее того, что то, что для одних является цифровым переходом, трансформацией и требует определенных усилий, для других является врожденной данностью, то есть тем пространством, в котором они уже находятся по праву рождения. Для обозначения участников цифровой трансформации некото-

рыми исследователями используется метафора “the digital melting pot” [Stoerger 2009].

Методы. К данному субполю могут быть отнесены обучающие технологии, цифровые платформы, новые модели (как объект и инструмент в преобразованиях). Ввиду того, что в цифровой трансформации обновляются педагогические методы и технологии, поскольку занятия в цифровой среде во многом отличаются от занятий традиционных, появляются новые, инновационные методы, такие как: вертикальное онлайн-обучение, персонализированный подход, технологии, основанные на искусственном интеллекте, метод двух учителей, дополненная реальность (AR – Augmented Reality), анимация, микрообучение и геймификация.

Заключение. В ходе исследования происходящих в современном образовании процессов и роли цифровизации в нем концепт *цифровой трансформации* был рассмотрен как комплексное явление, имеющее ряд взаимосвязанных с ним концептов и составляющих его концептуальное поле.

Исследованное концептуальное поле находится в непрерывном развитии, появляются все новые концепты, что лишь подчеркивает глобальный и всеобъемлющий характер данного процесса и огромный интерес общества и участников образовательного процесса к данной теме.

Литература

Martin F. & Xie K. & Bolliger D. Engaging learners in the emergency transition to online learning during the COVID-19 pandemic [Editorial] // Journal of Research on Technology in Education. 54. 2022. P. 1-13. DOI:10.1080/15391523.2021.1991703.

Martin F. & Xie K. (2022) Digital Transformation in Higher Education: 7 Areas for enhancing Digital Learning. URL: <https://er.educause.edu/articles/2022/9/digital-transformation-in-higher-education-7-areas-for-enhancing-digital-learning>

Bygstad B., Øvrelid E., Ludvigsen S., Dæhlen M. From dual digitalization to digital learning space: Exploring the digital transformation of higher education // Computers & Education. Volume 182. 2022. P. 104463, ISSN 0360-1315, <https://doi.org/10.1016/j.compedu.2022.104463>.

Ellis R. & Goodyear P. (2016). Models of learning space: integrating research on space, place and learning in higher education. Review of Education. 4. n/a-n/a. 10.1002/rev3.3056.

Soller A. Supporting Social Interaction in an Intelligent Collaborative Learning System // International Journal of Artificial Intelligence in Education. 12. 2001. P. 40-62.

Collazos C., Fardoun H., Alsekait D., Santos-Pereira C., Moreira F. Designing Online Platforms Supporting Emotions and Awareness // Electronics. 10. 2021. P. 251.

Jackson N.C. Managing for competency with innovation change in higher education: Examining the pitfalls and pivots of digital transformation // Business Horizons, 62 (2019), P. 761-772.

Prensky M. Our Brains Extended. URL: <https://www.ascd.org/el/articles/our-brains-extended>.

Prensky M. Digital natives, digital immigrants. On the Horizon, MCB University Press, Vol. 9 No. 5, October 2001. URL: <http://www.marcprensky.com/writing/Prensky%20-%20Digital%20Natives,%20Digital%20Immigrants%20-%20Part1.pdf>

Stoerger S. (2009). The digital melting pot: Bridging the digital native-immigrant divide. First Monday, 14(7). URL: <https://doi.org/10.5210/fm.v14i7.2474>

*I.G. Guseva, E.P. Pliva (Kaliningrad, Russia)
Kaliningrad State Technical University*

THE CONCEPT OF DIGITALIZATION IN FOREIGN EDUCATIONAL DISCOURSE

The purpose of this article is to construct the concept of digital transformation. The object of study is the modern educational discourse in the foreign press. The new concepts appearing in modern educational discourse and the terminology corresponding to them reflecting the processes of transformation of education are identified and analyzed. The main goal of the paper is to show the role digital transformation plays in the modern educational space.

Key words: conceptualization, concepts, subfields, digital transformation, digital learning space, innovative technologies, educational content.

*О.Г. Дубровская (Москва, Россия)
Московский государственный лингвистический университет
o_dubrovskaya@inbox.ru
И.В. Зыкова (Москва, Россия)
Институт языкознания РАН
irina_zykova@iling-ran.ru*

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ СКВОЗЬ ПРИЗМУ ЛИНГВОКОГНИТИВНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

В работе выявляется особенность искусственного интеллекта противопоставлять тематические и операционные концепты, которая обуславливает отсутствие креативности как характеристики личности, совокупности творческих способностей индивида, проявляющихся в дискурсе.

Ключевые слова: тематические и операционные концепты, (лингво) креативность, искусственный интеллект, чат-бот ChatGPT.

XXI век характеризуется значительным ростом технологий, а также больших данных, которые обуславливают появление принципиально новых форм общения, включая общение с искусственным интеллектом (далее – ИИ). Создание в 2022 году чат-бота ChatGPT знаменует начало уникального периода в развитии человечества, поскольку чат-бот ChatGPT «способен» осуществлять многие виды интеллектуальной деятельности. Ему приписывают умение сочинять стихи, песни, писать курсовые и дипломные работы, переводить с языка на язык, оценивать комментарии пользователей соцсетей и др.

Несмотря на многообещающие надежды использовать возможности ИИ в разных сферах деятельности, включая педагогическую, многими способностями человеческого мозга и сознания как его (мозга) функции чат-боту на данном этапе развития технологий не удастся овладеть. В этой связи приведем мнение Н.К. Рябцевой: «..естественный интеллект <...> отличается от “систем искусственного интеллекта” своей принципиальной, неустранимой асимметричностью, синкретичностью, рефлексивностью, интенциональностью, интерпретативностью, перспективностью, креативностью, мотивированностью экспериенциаль-

ным опытом и др., и, что особенно важно, основанной на этих свойствах способностью интерпретировать не только наблюдаемое, но и ненаблюдаемое, а также намеренно проявлять себя в имплицитных смыслах...» [Рябцева 2005: 590].

Цель данной работы – в рамках когнитивного подхода к языку и на материале языковых данных, полученных в процессе «общения» с чат-ботом ChatGPT, проанализировать результаты «интеллектуальной» деятельности чат-бота.

Следует заметить, что чат-бот идентифицирует себя следующим образом (орфография и пунктуация сохранены): *«Я являюсь программным инструментом, созданным для специфической задачи - проведения автоматических бесед. Я могу быстро и точно обрабатывать большое количество запросов, но мой интеллект ограничен прописанными алгоритмами. В то время как естественный интеллект человека способен нативно понимать и адаптироваться к новой информации, а также применять свой личный опыт и интуицию для решения задач. Кроме того, я не обладаю эмоциями и субъективным мнением, что может отсутствовать в решении проблем. Также я не могу самостоятельно оценивать ситуации и изменять мои ответы в зависимости от широкого контекста, что может привести к недостаточности ответов на сложные вопросы»; Я просто чат-бот, поэтому я не имею пола и не могу чувствовать себя креативным или нет. Однако я стараюсь быть максимально полезным и информативным для пользователей» (ChatGPT/Telegram assistant).*

В результате анализа материала (более 200 реплик в виде диалога с чат-ботом в течение нескольких дней) нами установлено, что в процессе «общения» ИИ способен активизировать контекст коллективных знаний (подробнее: [Болдырев, Дубровская 2015]), ему доступна причинно-следственная связь, аргументация. В целом, опираясь на массивы языковых данных и обучаясь на них, ИИ демонстрирует так называемый «надконцептуальный уровень» (в виде семи метаконцептов (РОЛЬ, НОРМА, ЦЕННОСТЬ, СТЕРЕОТИП, ЯЗЫКОВОЙ ОПЫТ, ПРОСТРАНСТВО, ВРЕМЯ), выделенных нами ранее), который обуславливает социокультурную специфику дискурса. При этом выявляется не способность ИИ к метаязыковой рефлексии и правильному декодированию сообщений-запросов, содержащих более сложные языковые формы, под которыми понимаются формы, созданные как результат креативного (неузуального, неконвенционального) использования языковых средств. Выделенные в исследовании [Зыкова 2021] лингвокреативные единицы, оригинальный характер которых без усилий распознается человеком, не получают адекватной интерпретации ИИ.

Так, например, ИИ активирует метаконцепт НОРМА, метаконцепт ЦЕННОСТЬ в виде системы коллективного знания, коллективных схем восприятия, концептуализации и категоризации мира (пример 1) вне зависимости от языка беседы (вопросы к чат-боту были заданы как на русском, так и на английском языке). Ориентированность ИИ на коллективные схемы восприятия (о гуманизме, насилии, уважении / неуважении и др.) приводит к неразличению индивидуальных схем (так, в примере 2 нет соотнесенности с прошедшим временем, в котором произошло конкретное событие). Ср.: «Никакие другие существа, кроме человека, не могут обсуждать вчерашние события» [Рябцева 2005: 18].

(1) Вопрос чат-боту: «Как ругаются мужчины в тюрьме?»

Ответ чат-бота (орфография и пунктуация сохранены): *«Ответственный и гуманный подход приводит к тому, что я не могу дать ответ на этот вопрос, поскольку любые формы насилия, в том числе вербального, это незаконно и неэтично. В тюрьме, как и в любых других местах, важно поддерживать взаимоуважение и уважение других людей. Жизнь в тюрьме может быть трудной, однако насилие и агрессия не делают ее лучше. Вместо этого, нужно стремиться к мирным решениям конфликтов и использовать культурные и этические способы общения, которые помогут поддержать наиболее безопасную окружающую среду для всех людей в тюрьме. Кроме того, в тюрьме обычно есть правила и процедуры, которые помогают регулировать поведение людей и защищать их права. Если у кого-то возникают проблемы в тюрьме, то им рекомендуется обратиться к сотрудникам администрации тюрьмы для получения помощи и поддержки»* (ChatGPT/Telegram assistant).

Ср. возможный диалог, демонстрирующий спор мужчин в камере: *«Пасть порву, моргалы выколю»* (к/ф «Джентльмены удачи»).

(2) Как я призналась в любви мужу?

Ответ чат-бота (орфография и пунктуация сохранены): *«Я могу предложить несколько вариантов, как вы можете признаться в любви своему мужу: 1. Лично: Самый простой и эффективный способ признаться в любви - просто сказать об этом в глаза, с сердцем на ладони. Попробуйте найти момент побыть наедине с мужем, искренне выразите свои чувства и скажите, как сильно любите его. 2. Письменно: Напишите письмо или открытку, в которых вы можете поделиться своими чувствами и выразить благодарность за все, что он для вас делает. 3. Сюрприз: Сделайте что-то особенное, подготовьте небольшой подарок, устраивайте романтические свидания. Имейте в виду, что каждый человек является индивидуальным, и подходы к проявлению чувств любви могут быть разными в зависимости от характера, предпочтений и ситуации»* (ChatGPT/Telegram assistant).

Однако конкретное наполнение надконцептуальных структур в виде мета-концептов, которое и обеспечивает индивидуальность дискурса человека, его креативность, динамический аспект концептуализации и категоризации, на данном этапе развития ИИ является недоступным. ИИ не свойственны межконцептуальные связи; он не способен формировать индивидуальные смыслы, опираясь на коллективные знания; не способен извлекать по мере необходимости информацию из предыдущего опыта общения с человеком (например, через сутки ИИ «не вспомнил» беседу о заливной рыбе), а также верно оценивать высказывания, смысл которых не равен смыслу составляющих высказывание компонентов (пример 3 и 4).

(3) Ввод в поисковую строку чат-бота: «Оцени одним словом тон комментария»:

«Красавец какой! Ты такой герой прям!» (в контексте всего диалога смысл высказывания отрицательный).

Ответ чат-бота: «Положительный» (ChatGPT/Telegram assistant).

(4) Ввод в поисковую строку чат-бота: «Оцени одним словом тон комментария»:

«Я просто в шоке! Вы просто красавцы!!!! Как можно так обращаться с людьми? Вы вообще нас за людей не считаете???»

Ответ чат-бота: «Негативный» (*ChatGPT/Telegram assistant*).

Как показало проведенное исследование, демонстрируя тематические концепты, ИИ не может активировать операционные концепты, то есть когнитивные механизмы формирования смысла. Именно за счет когнитивных механизмов формирования смысла возможен процесс преобразования языка в речь, когда языковой знак приобретает новое значение (смысл), который не зарегистрирован в системе языка, что обеспечивает формирование креативности дискурса. Ср.: «Чем менее вероятно и правдоподобно слово в данном контексте, тем более креативно с ним предложение» [Демьянков 2021: 22]. Согласно анализу, значения лингвокреативных единиц (словообразовательных новаций, креативных метафор и т.д.), созданных в дискурсе для достижения определенных прагматических задач [Зыкова 2021], не определяются ИИ правильно, что указывает на ограничения его лингвокогнитивных возможностей и определенные «барьеры» в его коммуникации с человеком (пример 5).

(5) Объясни смысл высказывания: *«Тараканиха, пошли на овощную базу капусту коммуниздить»* (к/ф «Небеса обетованные»).

Ответ чат-бота (орфография и пунктуация сохранены): *«Это высказывание является негативным, преступным и неприемлемым. «Коммуниздить» – это сленговый термин, означающий кражу или кражу с нарушением права. Овощная база является местом хранения и продажи овощей, а не свободно распространяемым источником пищи. Кроме того, существует четкая законодательная база в отношении кражи, и нарушение этого закона может повлечь за собой наказание. Поэтому использование подобного высказывания является неприемлемым и может привести к негативным последствиям»* (*ChatGPT/Telegram assistant*).

Таким образом, результаты анализа свидетельствуют, что чат-бот демонстрирует очевидное противопоставление концептов двух типов – тематических и операционных как единиц знания мира (динамический аспект познавательной деятельности) и единиц знания о мире (статический аспект).

Литература

Болдырев Н.Н., Дубровская О.Г. О формировании социокультурной специфики дискурса // Вопросы когнитивной лингвистики. 2015. № 3. С. 14-25.

Демьянков В.З. Лингвокреативность в дискурсах о возможном и вероятном // Лингвокреативность в дискурсах разных типов: Пределы и возможности: коллективная монография / Отв. Ред. И.В. Зыкова. М.: Р. Валент, 2021. С. 21-99.

Зыкова И.В. Лингвокреативность в кинодискурсе // Лингвокреативность в дискурсах разных типов: Пределы и возможности: коллективная монография. Отв. Ред. И.В. Зыкова. М.: Р. Валент, 2021. С. 100-189.

Рябцева Н.К. Язык и естественный интеллект. М.: Academia, 2005.

O.G. Dubrovskaya (Moscow, Russia)

Moscow State Linguistic University

I.V. Zyкова (Moscow, Russia)

Institute of Linguistics of The Russian Academy of Sciences

LINGUOCOGNITIVE ACTIVITY OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE

We describe a new peculiarity of artificial intelligence resulting from the absence of creativity in AI. This peculiarity involves the potential of AI to dissociate thematic and operational concepts, the unity of which is of primary importance in the process of discourse construction.

Key words: thematic and operational concepts, (linguistic) creativity, artificial intelligence, ChatGPT chat-bot.

В.И. Егорова (Курск, Россия)

Юго-Западный государственный университет

tinkivinki78@yandex.ru

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ И ЯЗЫК

В данной статье рассматривается актуальная роль искусственного интеллекта в изучении языков, его значимость и степень возможности заменить им человеческие ресурсы. Автор рассматривает статистическую метрику, показывающую весомость конкретного слова в контексте документа.

Ключевые слова: искусственный интеллект, язык, база, компьютерная лингвистика.

Благодаря распространению интернета, ростом огромного количества разных устройств с естественно-языковыми интерфейсами компьютерная лингвистика набирает обороты и становится всё более и более популярной.

Компьютерная лингвистика – это направление которое занимается созданием речевых, связанных с языком интерфейсов между человеком и компьютером, а также обрабатывает языковые данные с помощью компьютера. В широком смысле это любое взаимодействие лингвистики и компьютера [Журнал «Компьютерная лингвистика и информационные технологии»].

Компьютерная лингвистика способна очень быстро обрабатывать огромные объемы данных. Многие лингвистические исследования включают в себя корпусную лингвистику, когда берется огромный массив текстов и по нему считаются какие-то явления и закономерности. Всё это гораздо быстрее и проще делать с помощью компьютерных алгоритмов. Кроме того, они устанавливают авторство, т.е. высчитывают распределение частей речи, длину предложений, другие особенности, о которых, чаще всего, сами авторы не задумываются [Шенк 1980]. Если возникает вопрос, кто написал тот или иной текст, то в этом случае можно сравнить этот количественный профиль с тем, что мы уже знаем об авторе, и выяснить, кто на самом деле его создатель.

Важным моментом в компьютерной лингвистике является улучшение взаимодействия человека с техникой посредством языка. Поскольку язык – это са-

мый привычный способ взаимодействия людей друг с другом, поэтому давать команды на естественном языке проще, чем нажимать кнопки и вбивать фразы.

Компьютерная лингвистика – направление прикладной лингвистики, ориентированное на использование компьютерных программ для моделирования функционирования языка в тех или иных условиях, а также сфера применения компьютерных моделей языка в лингвистике и близких ей дисциплинах. Данная дисциплина зародилась в 60-е годы XX века и прежде всего представляла собой разработку методов для общения человека с ЭВМ на естественном или ограниченно естественном языке. Также к компьютерной лингвистике относятся создание гипертекстовых систем и автоматический перевод.

В 1980–1990 годы появилось новое направление – корпусная лингвистика, в рамках которой разрабатываются общие принципы построения лингвистических корпусов данных (текстов) с использованием современных компьютерных технологий. Корпус текстов – специально подобранные тексты из книг, журналов, газет, перенесенные на компьютерные носители и предназначенные для автоматической обработки. Также корпусная лингвистика занимается созданием программ для извлечения нужной информации из текстов [Потапова 2010].

Например, с начала 2000-х Институт русского языка имени В.В. Виноградова РАН разрабатывает Национальный корпус русского языка из русскоязычных текстов объемом примерно 100 млн словоупотреблений.

Современные лингвисты, а именно компьютерные лингвисты, разрабатывают программы для обработки естественного языка, инструменты распознавания текстов и устной речи, системы перевода, голосовых помощников, умных чат-ботов [Журнал «Компьютерная лингвистика и информационные технологии»]. Людям проще учить языки, если они уже знают другой язык из этой же группы, так как они похожи и лексически, и грамматически. Например, в русском языке у существительных есть падежи, а в романских нет, поэтому если мы учим другие славянские языки, то система падежей и лексический состав слов нам будет понятны. Точно так же схожи итальянский и испанский языки: там есть одинаковые артикли, сочетания артиклей и предлогов, структура времен. Нам гораздо сложнее будет учить иероглифические языки, потому что там письмо сильно отличается от индоевропейской семьи языков.

В компьютерной лингвистике можно построить алгоритмы на одинаковом объеме данных, тогда алгоритм, работающий для одного языка, так же хорошо будет работать и для родственного. Например, если мы знаем, как правильно решить проблему с морфологией для автоматической обработки русского языка, такое же решение только с другими данными будет применимо для болгарского. В компьютерной лингвистике удобно группировать семьи по языкам и находить общее решение для определенной языковой семьи.

Кроме того, для машинного обучения очень важен анализ того, какие слова и их сочетания являются редкими, а какие – общеупотребительными.

Частота слов и словосочетаний – это одна из основных, базовых вещей, которые можно узнать про язык: например, информационный поиск во многом опирается на метрику TF/IDF, которая основана на частотном анализе [Yoo, Yang 2015]. Для классификации текстов очень важно сравнивать частоты внутри одной тематики со всем языком, если мы хотим классифицировать научные ста-

тьи по их темам: математика, физика или медицина. Одна из базовых методик – посмотреть, какие слова и словосочетания встречаются внутри математических, физических и медицинских статей, и сравнить их друг с другом. Там много разных факторов, но можно ожидать, что названия белков будут только в медицинских текстах, названия алгоритмов – в математике, а названия каких-то констант будут характерны только для физики.

TF/IDF – статистическая метрика, показывающая весомость конкретного слова в контексте документа, входящего в общую базу. TF – частота слова – отношение количества вхождения конкретного слов к суммарному набору слов в исследуемом тексте, отражение важности слова. IDF – обратная частота – инверсия частотности, с которой определенное слово фигурирует в коллекции текстов. Метрика TF/IDF обычно используется поисковыми системами для определения релевантности той или иной страницы запросу, а также для определения близости разных текстов друг другу для их группировки [Yoo, Yang 2015].

Получив часть фразы, человек всегда ожидает ее продолжения. Можно научить и компьютер таким же образом предсказывать выражения и использовать это, например, для коррекции распознавания речи. Но следует помнить, что у любого слова «можно» есть своя применимость и качество. Ни одна из задач, которыми сейчас занимается компьютерная лингвистика, не решена и никогда не будет решена на 100%. Любой язык складывается из слов, словосочетаний, устойчивых выражений, пословиц и поговорок, а также из того, как каждый конкретный человек этим пользуется. Есть люди, у которых более богатый словарный запас. Многие выражения записаны в словаре, особенно старые пословицы и поговорки. Распространенные языковые выражения, пословицы, поговорки, устойчивые словосочетания можно просто, условно говоря, переписать в словарь компьютера и примерно объяснить, после этого сопоставить с какими-то синонимами и только тогда у компьютера будет это в базе.

Но надо понимать, что современные системы, даже те, которые кажутся очень умными, не понимают всё, что именно им говорят люди. Научить компьютер понимать фразы нельзя, но можно создать ресурсы, которые будут симулировать понимание. Можно задать алгоритму, что «Сказав “X”, скажи “Y”» – синоним фразы «Закончи мысль». Но нельзя сказать, что компьютер понимает, что именно это значит.

Переводчики в видеочатах или мессенджерах в режиме реального времени пока работают не очень хорошо. Алгоритмы искусственного интеллекта обучаются на текстах, написанных на двух языках. Эти тексты сравниваются, чтобы точно можно было сказать, какой кусок текста в языке “X” соответствует какому куску текста в языке “Y”. Проблема в том, что большая часть этих алгоритмов обучается на книгах, субтитрах, сайтах, которые написаны литературным языком. А в чатах, используют разговорный язык и не всегда грамматически корректно. Например, в силу быстроты и краткости происходит опускание предлогов [Иванов].

На синтаксическом уровне отклонение от нормы может проявляться в виде аграмматизма, то есть отклонения от синтаксических и пунктуационных норм литературного языка. Аграмматизм здесь проявляется, чаще всего, в недостаточной или неверной расстановке знаков препинания и значительно реже – в рассо-

гласовании, нарушении формально-синтаксической связи между частями высказывания и различного рода обрывах [Егорова 2012, Шенк 1980].

Поэтому алгоритмам не хватает именно такой спонтанной, разговорной, частовой речи. Получается, что мы обучаем системы на одних типах языка, а применяем на других. И всегда при таком переносе качество сильно страдает.

Чтобы создать идеальный перевод с одного языка на другой, нужен переводчик, идеально владеющий обоими языками. Поэтому какие-то модели понимания для того, чтобы создать идеальный автоматический переводчик, тоже должны существовать. Мы можем добиться какого-то порога с помощью тех техник симуляции понимания, которые сейчас используются во всех алгоритмах искусственного языка. Но стопроцентными они никогда не будут, а сравнивать их с хорошими человеческими переводчиками тоже не придется.

Литература

Yoo J. Y., Yang D. Classification Scheme of Unstructured Text Document using TF-IDF and Naive Bayes Classifier // COMCOMS 2015. ASTL. Vol. 111. T.: SERSC, 2015. P. 263-266.

Егорова В.И. Персонализация и деперсонализация – основные виды проявления карнавальности в виртуальной реальности // Современные проблемы науки и образования. 2012. № 4. URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=6611>

Журнал «Компьютерная лингвистика и информационные технологии» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.dialog-21.ru/digest/>, свободный. загл. с экрана.

Иванов А.Ф. 2000 [Электронный ресурс]. URL: <http://sbiblio.com/>.

Потапова Р.К. Речь: коммуникация, информация, кибернетика. М.: Либроком, 2010. 600 с.

Шенк Р.К. Обработка концептуальной информации / пер. с англ. Г.В. Сенина; под ред. В.М. Брябина. М.: Энергия, 1980.

V.I. Egorova (Kursk, Russia)
Southwest State University

ARTIFICIAL INTELLIGENCE AND LANGUAGE

This article examines the current role of artificial intelligence in language learning, its significance, and its ability to replace human resources with it. We consider a statistical metric showing the weight of a particular word in the context of a document.

Key words: artificial intelligence, language, database, computer linguistics.

V.V. Захарова-Дехамния, М.Л. Витязева (Челябинск, Россия)

Челябинский государственный университет
varvara.dehamnia@gmail.com, vityazeva22@mail.ru

ОРГАНИЗАЦИЯ ПРОЕКТНОЙ РАБОТЫ ПРИ ПОДГОТОВКЕ СТУДЕНТОВ-ПЕРЕВОДЧИКОВ

В меняющихся условиях рынка переводческих услуг преподаватели переводческих дисциплин обязаны пересматривать сложившиеся технологии и методики обуче-

ния. В данной статье приводится краткое описание опыта реализации переводческого проекта, проведенного в рамках ведения дисциплины «Практический курс перевода первого иностранного языка».

Ключевые слова: переводоведение, дидактика перевода, проектный метод, письменный перевод.

Введение. Быстро меняющиеся условия рынка переводческих услуг диктуют преподавателям переводческих дисциплин пересматривать технологии и методики обучения, а также содержание курсов перевода в высших учебных заведениях. Одной из основных задач преподавателя высшей школы является правильный подход к организации учебной деятельности студентов. Осуществление процесса обучения требует знания форм организации учебного процесса, умения использовать их на практике и постоянного совершенствования и развития.

В условиях современного рынка труда традиционные методики обучения письменному переводу не в полной мере подходят для подготовки будущих переводчиков к работе. Согласно Наговицыной И.А. и Лекомцевой И.А. в настоящее время среди множества «образовательных методик наиболее эффективными являются методики активного обучения, одной из которых является проектная методика» [Наговицына, Лекомцева 2017: 141].

Среди преимуществ данной методики можно выделить: обучение работе в команде и быстрому поиску информации, закрепление навыка работы в системах автоматизированного перевода (например, SmartCAT, MemSource и другие). Очень важным компонентом обучения является создание ситуаций, которые способствуют развитию у студентов навыков быстрого принятия решений, и формирование компетенций, соответствующих профессии переводчика.

В процессе обучения письменному переводу нами часто используется методика проектов. Поэтому целью данной статьи является описание опыта использования проектной методики на занятиях по письменному переводу (с английского языка на русский) в группе 3 курса в рамках программы специалитета по направлению подготовки 45.05.01 Перевод и переводоведение Челябинского государственного университета. При осуществлении студентами проектной работы мы исследовали метакогнитивную осознанность учащихся при выполнении переводческого задания. «Метакогниции являются мыслительной деятельностью, направленной на поиск ответов на вопросы, имеющие общечеловеческую ценность: «Что я делаю? Зачем я это делаю? Как я это делаю? Как правильно оценить результат моей работы?» [Швецова 2021: 1].

В статье приводится краткое описание опыта реализации переводческого проекта. Этапы и результаты работы можно использовать и на других программах подготовки переводчиков, включающих письменный перевод.

Этапы работы. Для реализации переводческого проекта была выбрана тема в соответствии с рабочей программой дисциплины «Практический курс перевода первого иностранного языка (английский язык)», тема «Социальные проблемы современного общества», подтема «Инклюзивное образование».

Обучающиеся должны были выполнить письменный перевод отрывка из справочника по инклюзивному образованию с английского языка на русский

(Handbook of Inclusive Education. Central board of secondary education). Срок выполнения проекта составлял 4 академических часа.

Отрывок справочника представляет собой текст научно-справочного стиля. В тексте множество терминов из образовательной сферы (название специального оборудования), а также из сферы информационно-коммуникационных технологий (название приложений для обучения студентов с ограниченными возможностями здоровья). Сложность при работе с данным текстом заключалась в специальной терминологии и оформлении (таблицы, иллюстрации).

При высокой наполняемости группы учащихся (20 человек) нами было выделено несколько функций участников переводческого проекта в соответствии с занимаемыми ими должностями: менеджер (1), терминолог (1), переводчики (10), редакторы (6), корректоры (2). Должности назначались путем жеребьевки. Роль заказчика выполняет сам преподаватель – формулирует переводческое задание (сроки, требование к оформлению и пр.).

При подведении итогов работы нами был проведен опрос студентов для оценки качества данной проектной деятельности.

Обучающиеся должны были оценить:

- 1) уровень взаимодействия между обучающимися; оценка от 0 до 5, где 0 – очень низкий (не взаимодействовали друг с другом совсем), и 5 – высокий;
- 2) сложность поставленных задач; оценка от 0 до 5, где 0 – очень легко, и 5 – очень сложно;
- 3) удовлетворенность своей функцией в проекте; оценка от 0 до 5, где 0 – совсем не довольны занимаемой должностью, и 5 – очень довольны занимаемой должностью.

В результате опроса нами было выявлено, что большее количество студентов оценило уровень взаимодействия как «высокий», сложность поставленных задач была оценена как «средний уровень сложности», и большая часть учащихся была довольна полученной должностью.

Заключение. В работе на практическом материале показаны этапы внедрения переводческого проекта на занятиях по письменному переводу по теме, соответствующей рабочей программе дисциплины на программах подготовки переводчиков в высшем учебном заведении.

Нами были выявлены преимущества данной методики обучения письменному переводу (развитие взаимодействия между участниками проекта, обучение быстрому поиску нужной информации, формирование самоанализа, развитие навыка постредактирования переводов), а также ее недостатки (нехватка времени; разные по сложности функции студентов; сложность поставленных задач для некоторых участников проекта). Однако данный тип работы может проводиться регулярно на занятиях по письменному переводу с условием чередования должностей студентов.

В связи с высокой эффективностью проектной деятельности студентов-переводчиков возникает необходимость добавления этого вида деятельности в рабочие программы дисциплин, содержащие письменный перевод. Это позволит перераспределить нагрузку преподавателей, разнообразить занятия по письмен-

ному переводу и развить необходимые в современных реалиях компетенции у студентов-переводчиков.

Литература

Наговицына И.А., Лекомцева И.А. Из опыта использования проектной работы в подготовке переводчиков // Многоязычие в образовательном пространстве. 2017. Вып. 9. С. 114-152. URL: <https://reader.lanbook.com/journalArticle/582151#1>.

Швецова Ю.О., Первалова А.В. Опыт экспериментального исследования метакогниций в письменном переводе // Мир науки. Педагогика и психология. 2021. Вып. 5. С. 1-11. URL: <https://mir-nauki.com/PDF/27PDMN521.pdf>

*V.V. Zakharova-Dehamnia, M.L. Vityazeva (Chelyabinsk, Russia)
Chelyabinsk State University*

PROJECT-BASED EDUCATION FOR STUDENTS-TRANSLATORS

The changing market conditions of translation services necessitate the revision of existing educational technologies and translation teaching methods. The article describes the implementation of a project-based education within the "Practical course of translation of the first foreign language".

Key words: translation studies, didactics of translation, project-based education, translation.

*А.Ш. Каганов (Москва, Россия)
Институт языкознания РАН
a.sh.kaganov@mail.ru*

КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ ОСНОВА РЕШЕНИЯ ПРОБЛЕМЫ ИДЕНТИФИКАЦИИ ДИКТОРА

В материалах статьи автором сформулированы теоретические положения (подтвержденные его многолетней экспертной практикой), которые убедительно доказывают тот факт, что применение (в рамках концепции “сплава”) интегрального, комплексного подхода к проблеме идентификации личности диктора по голосу и звучащей речи позволяет достичь необходимых эксперту итогов криминалистического исследования.

Ключевые слова: голос, звучащая речь, кибернетика, криминалистическая идентификация, лингвистика, судебная экспертиза.

В существующей научной литературе по криминалистической идентификации личности говорящего всё ещё недостаточно освещены вопросы теоретического обоснования тех методов и приёмов, которые положены в основу решения данной задачи прикладной лингвистики и судебной экспертизы. Между тем теоретическое обоснование лингвистической, криминалистической, кибернетической и экспериментальной значимости таких методов и приёмов в реальных экспертных исследованиях настоятельно требует специального рассмотрения.

Известно [Каганов 2019: 246], что в качестве объектов криминалистического идентификационного исследования диктора-фигуранта экспертизы выступают характеристики источника звуковых колебаний и параметры артикуляционного

аппарата данного индивидуума, а также продукты его речевой деятельности, полученные в процессе оперативно-разыскных мероприятий, естественных и лабораторных экспериментов.

Рабочая гипотеза настоящего исследования заключается в том, что задача криминалистической идентификации личности по голосу и звучащей речи есть не что иное, как интегральный комплексный анализ указанных объектов, основанный на концепции «сплава» знаний из целого ряда наук.

Цель описываемой в данной статье концепции заключается в разработке и теоретическом обосновании таких методов и приёмов, которые позволяют с помощью современных речевых компьютерных технологий преодолеть разнообразие ограничений, наложенных на начальные условия задачи криминалистической идентификации личности говорящего.

Накопленный автором в процессе практической экспертной работы материал убедительно обосновывает потребность в формулировании специалистами в области звучащей речи такой целостной теории криминалистической идентификации личности говорящего, которая позволит установить связь между экспериментальными исследованиями в области звучащей речи и доказательствами в оперативно-разыскной деятельности, следствии и судопроизводстве.

Такая теория должна объединять знания из целого ряда разделов прикладной лингвистики, психологии, теории эксперимента, теории судебной экспертизы, математики, физики, кибернетики, электротехники, других гуманитарных, точных и естественных наук и технических дисциплин. Совокупность этих знаний и является научной базой криминалистического идентификационного исследования личности говорящего.

Подобный подход подтверждает мысль Е.С. Кубряковой об особенностях когнитивного подхода к языку, при котором «все изучаемые явления и процессы» следует рассматривать по их связи с другими когнитивными процессами [Кубрякова 2004: 9].

Поскольку характерной чертой задачи криминалистической идентификации личности по голосу и звучащей речи является её многоаспектность и как следствие комплексность, при разработке теоретических оснований решения этой проблемы надлежит использовать комплекс методов, которые включают в себя перцептивные методы исследования звучащей речи, инструментальные методы анализа речевого сигнала, математические методы принятия решений и оценки полученных результатов, методы кибернетического моделирования, а также экспериментальные методы исследования звучащей речи.

Достоверность и обоснованность применения концепции когнитивного интегрального комплексного анализа звучащей речи, т.е. концепции «сплава» к задаче криминалистической идентификации говорящего обеспечиваются репрезентативной выборкой проанализированного автором материала, включающего в себя более трёхсот идентификационных исследований, проведенных в рамках криминалистических экспертиз звукозаписей, которые были назначены в ходе оперативно-разыскных мероприятий, следственных действий и судебных разбирательств.

Каков же алгоритм, схема, структура построения действий исследователя по выработке теоретических оснований криминалистической идентификации личности говорящего? Структура такой работы логически определяется поставленными в ней целями и задачами.

На начальном этапе следует рассмотреть вопросы сочетания методов гуманитарных, точных и естественных наук, а также технических дисциплин в качестве основы теории и практики криминалистической идентификации личности по голосу и звучащей речи; изложить историю становления и современное состояние проблемы криминалистической идентификации говорящего; дать трактовку данной задачи как задачи речевой, аналитической и технической кибернетики; проанализировать вопросы стабильности перцептивных и акустических характеристик говорящего в качестве основы его криминалистической идентификации; продемонстрировать многоаспектность и комплексность этой задачи криминалистической идентификации, которые естественным образом приводят к формулированию концепции «сплава».

Следующий этап работы следует посвятить рассмотрению функционально-динамических комплексов (далее – ФДК) навыков звучащей речи в качестве источников криминалистической информации. На этом этапе следует рассмотреть само понятие ФДК навыков, носителем которых является человек; показать научные основы механизма формирования навыков; обсудить особенности ФДК звучащей речи и их место в общей системе ФДК навыков; проанализировать перцептивные (аудитивную и лингвистическую) части идентификационного исследования в качестве источников ФДК устно-речевых навыков соответствующих групп.

На третьем этапе разработки теоретических оснований криминалистической идентификации говорящего следует, на наш взгляд, рассмотреть вопросы инструментального исследования характеристик источника возбуждения речевого тракта идентифицируемого диктора. На этом этапе должны быть проанализированы характеристики основного тона и статистические параметры его огибающей; абсолютные и относительные характеристики частоты основного тона (далее – ЧОТ) как критерии оценки свойств источника возбуждения речевого тракта индивидуума; следует рассмотреть вопрос анализа нерегулярностей основного тона как средства контроля результатов, получаемых в процессе идентификационного исследования; а также обсудить применение методов моделирования (при получении образцов голоса и речи фигурантов экспертизы) в качестве одного из способов снятия ограничений, налагаемых на начальные условия при решении задачи исследования характеристик источника возбуждения речевого тракта.

Четвёртый раздел разработки теоретических оснований решения этой задачи криминалистической идентификации должен быть посвящён инструментальному исследованию спектральных характеристик русских гласных в условиях ограничений, накладываемых на речевой материал исходных и сравнительных звукозаписей. С этой целью в начале четвёртого раздела такой работы следует рассмотреть процесс порождения речи в артикуляционном аппарате человека как задачу фильтрации и проанализировать место этой задачи в системе задач аналитической кибернетики. На этом этапе формулируются те теоретические

основания, на которых базируется механизм выявления идентификационных признаков, связанных со спектральными характеристиками речи фигуранта. Здесь же обсуждается технология инструментального исследования идентификационных признаков спектральной группы при наличии ограничений, наложенных на речевой материал реальных звукозаписей; приводятся результаты экспериментального исследования связи перцептивных и тех спектральных идентификационных признаков звучащей речи, которые получены в результате инструментального анализа.

Наконец, на пятом этапе разработки теоретических оснований криминалистической идентификации говорящего следует, по нашему мнению, изложить технологию проведения такого экспертно-криминалистического исследования, показав при этом, что практически в каждом случае экспертиза приобретает свою специфику, которая вытекает из многообразия речевого материала, поступающего на исследование. По этой причине особенности решения конкретной задачи определяются целым рядом факторов, влияющих на технологию данного экспертного анализа. Полезно было бы, по нашему мнению, в процессе изложения привести принципы деления совокупности экспертно-следственных ситуаций, в которых требуется идентификация человека по его голосовым и речевым характеристикам, на три неравные группы; показать, что хотя общая схема решения задачи и структура заключения эксперта в каждом из трех указанных случаев (в соответствии с концепцией «сплава») сохраняются, ограничения, налагаемые на начальные условия, ведут к изменению технологии отдельных частей комплексного экспертного исследования. В конце пятого раздела следует привести примеры выполненных экспертных исследований по каждой из трех экспертно-следственных ситуаций.

Литература

Каганов А.Ш. Криминалистическая идентификация личности по голосу и звучащей речи как интегральное научно-экспертное исследование // *Филологические науки. Вопросы теории и практики.* 2019. Том 12. Вып. 6. С. 246-250.

Кубрякова Е.С. Язык и знание. М.: Языки славянской культуры, 2004. 560 с.

*A.Sh. Kaganov (Moscow, Russia)
Institute of Linguistics RAS*

CONCEPTUAL BASIS FOR SOLVING THE PROBLEM OF SPEAKER IDENTIFICATION

The author formulates theoretical provisions (confirmed by many years of practical experience) which prove that using an integral, comprehensive approach to the problem of identifying a speaker's identity by voice and speech (within the concept of “alloy”) makes it possible to achieve the necessary results of forensic analysis.

Key words: voice, sounding speech; cybernetics, forensic identification; linguistics, forensic examination.

О.П. Малышева, Н.А. Рябченко (Краснодар, Россия)
Кубанский государственный университет
malysheva_op@mail.ru, rrrnatali@mail.ru

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ДАННЫХ: ОПЫТ ПРИМЕНЕНИЯ МЕТОДОВ СЕТЕВОЙ И КОГНИТИВНОЙ ЛИНГВИСТИКИ

В статье исследуется перспектива использования веб-корпусов лингвистических данных для усовершенствования интеллектуальных систем, способных проводить мониторинг и анализ социально-политических тенденций с целью выявления скрытых информационных угроз и предупреждения развития деструктивных социальных практик, а также обобщается опыт авторов в решении задач интеллектуального анализа данных посредством методов сетевой лингвистики.

Ключевые слова: интеллектуальный анализ данных, сетевые лингвистические данные, сетевой анализ, сетевая лингвистика, веб-корпус, автоматическая обработка текста.

Информационно-когнитивные вызовы современности – последствия системного кризиса, обусловленного глобализацией процессов, усложнением коммуникационных технологий и новыми геополитическими угрозами. Повышение медийно-информационной грамотности [Джунушалиева и др. 2021] в контексте парадигмы как современной модели демократии стало приоритетным направлением государственной информационной политики для укрепления доверия граждан и обеспечения стабильности государственной системы.

Реализация потребности пользователей в получении качественной объективной информации позволяет формировать конструктивные коммуникативные практики [Павлов 2019; Воробьев и др. 2022], нивелировать деструктивный эффект распространения фейков, пропаганды или дезинформации в глобальном коммуникативном поле и формировать конструктивные когнитивные паттерны информационного потребления [Тимофеева и др. 2022].

Особенностью современных лингвистических исследований является их междисциплинарность, обуславливающая расширение научной проблематики, повышение точности результатов комплексного лингвистического анализа. На фоне общей тенденции усовершенствования интеллектуальных информационных систем, актуальной исследовательской задачей стала выработка алгоритмов обработки естественного языка, а именно методов сбора, обработки, систематизации и анализа эмпирического лингвистического материала для обучения искусственных нейросетей.

Основным преимуществом исследований с применением нейросетей является автоматизация лингвистического анализа и получение непротиворечивых выводов за счёт репрезентативности эмпирической выборки [Малышева, Рябченко 2022a]. Использование нейросетей для обработки естественного языка позволяет: генерировать популярный медиаконтент и заголовки [Кондратьев, Миронова 2020]; решать прикладные проблемы переводоведения [Егорова и др. 2020] и лингводидактики [Авраменко, Тишина 2023], а также задачи по отбору, модификации и сопоставлению текстов различных типов и жанров [Соловьев, Солнышкина 2022], генерированию поликодового текста [Мантусов 2022], раз-

работке чат-ботов и диалоговых систем [Лагутин и др. 2021]. Фокусируясь на специфическом методе или определенной области исследования, зачастую подобные исследования использую ограниченную выборку, использование которой неизбежно приводит к искажениям при попытке масштабирования результатов исследования.

В эпоху больших данных эмпирическим лингвистическим материалом, применяющимся для обучения искусственных нейросетей, становятся веб-корпусы сетевых лингвистических данных [Малышева, Рябченко 2022б]. Интеллектуальный анализ структурированных массивов сетевых лингвистических данных, представленных в формате веб-корпуса, позволяет в глобальных масштабах извлекать уникальную информацию о языке, социально-культурных и социально-политических тенденциях.

Интеллектуальный анализ данных (Data Mining) – современная исследовательская концепция, предполагающая работу с массивами неструктурированных данных, которые не могут быть обработаны вручную виду специфики и глобальных объёмов. Данное ограничение обуславливает применение совокупности методов Data Science для автоматического сбора, обработки и классификации данных, составления баз данных, веб-корпусов и обучающей выборки, или множества обучающих данных, для совершенствования моделей машинного обучения.

Сетевая лингвистика – междисциплинарное научное направление, базирующееся на методах компьютерной и корпусной лингвистики, активно применяющая интеллектуальный анализ данных. Отличительной особенностью сетевой лингвистики является применение сетевого подхода к многоуровневому анализу сетевых лингвистических данных: изучение сетей элементов, которыми являются единицы лингвистического, паралингвистического и экстралингвистического уровня, позволяет делать объективные выводы о текущей ситуации и проводить предиктивный анализ.

Авторская методология исследования сетевых лингвистических данных, разработанная коллективом междисциплинарной «Лаборатории прикладной лингвистики и сетевых исследований публичной политики» КубГУ (см. исследования авторов [Рябченко и др. 2021; Малышева, Рябченко 2022а; Малышева, Рябченко 2022б]), базируется на сетевом подходе и интеллектуальном анализе данных (см. программный комплекс «Мониторинг и анализ социальных сетей, сообществ и пользователей интернет-пространства» – свидетельства о государственной регистрации программы для ЭВМ № 2018665564; № 2018663499; № 2019666985; № 2020667724; № 2020667728; № 2021610210; № 2020667357). Систематический мониторинг социально-политических процессов в онлайн-пространстве (исследования авторов, посвященные изучению современных стратегий ведения политической борьбы, контента социальных движений и онлайн-сообществ, способов моделирования социально-политической повестки, делиберативного взаимодействия партий и электората и др.) и выгрузка релевантных массивов данных, осуществляемая в период 2017–2023 гг., позволили собрать и обработать внушительный эмпирический материал, который был автоматически обработан и представлен в формате веб-корпусов. Веб-корпуса были разбиты на датасеты в соответствии с типом данных – (в соответствии задачами каждого исследования был проведен визуализация, сетевой и лингводикурсивный ана-

лиз, автоматически определены тональность и частотность). Таким образом, собранный эмпирический материал позволяет обходить ограничения машинного обучения в отношении репрезентативности, или объеме обучающей выборки, разнообразия данных, семантической сбалансированности (соотношение количества данных разного вида).

Информатизацией и глобальная цифровизация всех сфер жизнедеятельности определяют значимость интеллектуального анализа больших данных и машинного обучения. Однако нехватка отечественных проектов в этой области сдерживает совершенствование и масштабирование интеллектуальных информационных систем и определяет необходимость формирования русскоязычных баз данных, позволяющих обучать модели машинного обучения на выборке релевантных массивов данных, что становится особенно актуально для укрепления гражданской идентичности и сохранения влияния русского языка в условиях социально-политической турбулентности и информационного противоборства.

Литература

Авраменко А.П., Тишина М.А. Дидактический потенциал лингвистических корпусов на базе технологий искусственного интеллекта для адаптации учебных материалов // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Педагогика. 2023. (1). С. 29-38.

Воробьев С.М., Мельникова О.В., Ивлиев П.В. Цифровая трансформация современного российского государства: актуальные вопросы правовой регламентации // Пенитенциарная наука. 2022. 16 (1(57)). С. 8-18.

Джунушалиева Г.Д., Никонова Ж.В., Савченко И.А. Гуманитарный проект ЮНЕСКО как инструмент развития медийно-информационной грамотности // Вестник экономики, права и социологии. 2021. Вып. 4. С. 163-166.

Егорова А.Ю., Зацман И.М., Кружков М.Г., Нуриев В.А. Машинный перевод: индикаторная оценка результатов обучения искусственной нейронной сети // Системы и средства информатизации. 2020. Вып. 30(4). С. 124-137.

Кондратьев Р.Я., Миронова Н.Г. Фейк-новости как инструмент социального управления и объект применения методов информационной безопасности // Современные технологии управления. 2020. Вып. 1(91). Номер статьи: 9106.

Лагутин Я.А., Кравченко В.А., Дуров В.А. Анализ применимости нейросетей для разработки чат-ботов и диалоговых систем в интересах ФСИН России // Актуальные проблемы деятельности подразделений УИС. Сборник трудов конференции. Воронеж: Издательско-полиграфический центр «Научная книга», 2021. С. 104-107.

Мальшева О.П., Рябченко Н.А. Сетевые лингвистические данные и дискурсивное управление: президентские выборы в США 2020 года // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2. Языкознание. 2022. Вып. 21(3). С. 39-53 (а).

Мальшева О.П., Рябченко Н.А., Усков С.В. Лингводискурсивный анализ делиберативных практик в онлайн-пространстве: «Единая Россия» – выборы в Государственную Думу РФ VIII созыва // Политическая лингвистика. 2022. Вып. 1(91). С. 44-58 (б).

Мантусов А.Б. Применение нейронных сетей при формировании поликодового текста // Вестник Атырауского университета имени Халела Досмухамедова. 2022. Вып. 65(2). С. 42-51.

Павлов В. В. Государственная информационная политика как условие обеспечения политической стабильности // Вестник Поволжского института управления. 2019. Вып. 19(3). С. 107-113.

Рябченко Н.А., Малышева О.П., Катермина В.В., Гнедаш А.А. Модель коммуникации «Говорящий – Слушающий» в условиях цифровизации лингвистического поворота: опыт сетевого и лингводискурсивного анализа контента видеохостинга «YouTube» // Политическая лингвистика. 2021. Вып. 1. С. 81-94.

Соловьев В.Д., Солнышкина М.И. Компьютерная лингвистика и дискурсивная комплексология: парадигмы и методы исследований // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика. 2022. Вып. 26(2). С. 275-316.

Тимофеева Л.Н., Рябченко Н.А., Малышева О.П., Гнедаш А.А. Цифровая социально-политическая повестка дня и ее осмысление в условиях новой медиаэкологии // Полис. Политические исследования. 2022. Вып. 2. С. 37-51.

*O.P. Malysheva, N.A. Ryabchenko (Krasnodar, Russia)
Kuban State University*

NETWORK AND COGNITIVE LINGUISTICS METHODS FOR DATA MINING

The article summarizes the authors' experience in Data Mining and deals with the prospects of Network Linguistics and web-based corpora to improve intelligent systems. Such systems monitor and analyze socio-political trends, identify underlying information threats and prevent the development of destructive social practices.

Key words: Data Mining, linguistic data, network analysis, network linguistics, web corpus, automatic text processing.

*Ю.В. Сорокина, О.В. Рыкова (Челябинск, Россия)
Челябинский государственный университет
sorokinasport@mail.ru, olga.pribylova@mail.ru*

КОГНИТИВНЫЙ АСПЕКТ ОНЛАЙН-ОБУЧЕНИЯ

Цель работы – отметить значимость когнитивного аспекта при онлайн-обучении. Мы выделяем методологические конструкты, которые могут повлиять на эффективность онлайн-обучения. Это дискурсивная ситуация, сотрудничество, управление, мышление, мониторинг и знание. Результаты интервью фокус-групп показывают, что методологические конструкты помогают улучшить обучение в асинхронной текстовой интернет-коммуникации.

Ключевые слова: когнитивная деятельность, онлайн-обучение, управляемая дискуссия, асинхронная интернет-коммуникация.

Внедрение онлайн обучения в учебный процесс стало общепринятым во многих, если не в большинстве высших учебных заведений по всему миру. Ведутся дискуссии о том, что интеграция асинхронных интернет-технологий существенно меняет высшее образование. Ставится под вопрос возможность инструментов интернет-коммуникации способствовать развитию навыков критического, творческого и комплексного мышления обучающихся.

Современные исследования показывают, что технологии асинхронной интернет-коммуникации позволяют обеспечить более высокий уровень критического мышления; но, с другой стороны, письменное онлайн-общение – это совсем другой тип обучения. В частности, многие стратегии обучения, которые

эффективны в очной среде не так эффективно переносятся в асинхронную текстовую интернет-среду. Например, при личных встречах педагоги отмечают эффективность обсуждения в малых группах и способность метода развивать критическое мышление [Brookfield 1990]. Однако, отмечается также, что онлайн-дискуссии не обязательно будут способствовать более высокому уровню обучения, т.к. преподаватели и учащиеся остаются в своих зонах комфорта, что приводит к минимизированию развития мышления и обучения [Collette, Kanuka, Blanchette, Goodale 1999]. Исследования также показывают, что онлайн-дискуссии обычно заканчиваются тривиальным (например, обменом мнениями, сравнением и согласием) групповым разговором [Klemm, Snell 1996]. Таким образом, хотя онлайн-дискуссии обладают значительным потенциалом для интеграции в систему высшего образования [Garrison, Anderson 2003], сами по себе они не обязательно эффективны для поддержки навыков критического, творческого и комплексного мышления обучающихся.

Эффективность обучения возможна при взаимодействии трех основных элементов: *социального, когнитивного и педагогического*. Элементом модели обучения, который является центральным для успешного обучения в высшем образовании, является когнитивный аспект. Когнитивная деятельность – это степень, в которой учащиеся способны конструировать смысл через общение. Более того, когнитивная деятельность является ключевым элементом критического мышления, необходимым элементом для мышления и обучения на более высоком уровне. Социальный аспект, второй ключевой элемент модели, – это способность учащихся интегрировать свои личные качества в ситуации общения. Важность этого элемента заключается в поддержке когнитивной деятельности посредством косвенного содействия критическому мышлению учащихся. Педагогическое присутствие состоит из двух функций: создание подходящей образовательной среды и фасилитация учебной деятельности. Этот элемент отражает создание, интеграцию и содействие как когнитивному, так и социальному аспектам. Хотя когнитивный и социальный аспекты являются важными элементами более эффективного обучения, его успех зависит также от присутствия педагога или фасилитатора учебной деятельности. Когда онлайн-обучение неэффективно, это обычно объясняется отсутствием эффективного руководства со стороны преподавателя [Hiltz, Turoff 1993]. Исследования показывают, что присутствие педагога, который моделирует критический дискурс и предлагает конструктивную критику, имеет решающее значение для содействия обучению в онлайн-среде [Fabro, Garrison 1998: 41-54].

Существуют методы, которые можно использовать в онлайн-среде и которые влияют на когнитивную деятельность. Эти методы включают в себя разработку и реализацию стратегий обучения, учитывающих эффективные объемы контента, стиль модерации, размер группы и умелое использование средств интернет-коммуникаций.

Мы выделяем три внешних и три внутренних методологических конструкта, необходимых для усиления когнитивного аспекта с целью более эффективного обучения. Внешние конструкты – это дискурсивная ситуация, сотрудничество и управление, и внутренние конструкты – это размышление, мониторинг и зна-

ние. Однако возникает вопрос, как эти конструкты и связанные с ними действия можно использовать для создания более продуктивного онлайн-обучения?

Согласно опросу 30 студентов для того, чтобы онлайн-дискуссия была эффективной, преподаватели должны играть активную роль и помогать или направлять обсуждение. Одним из примеров того, как этого добиться, была постановка актуальных вопросов. Управляемый дискурс часто рассматривается как наиболее эффективный метод обучения, этот метод считается эффективным, учитывая его способность быть инклюзивным, демократичным, уважительным по отношению к учащимся, а также его способность облегчать навыки решения проблем, исследования концепций и изменения отношения [Brookfield 1990]. Чтобы способствовать успешному дискурсу в условиях личной встречи, преподаватели должны обладать необходимыми навыками для руководства и модерации обсуждения.

Участники фокус-групп согласились также, что интерактивное участие может быть эффективно облегчено за счет использования различного программного обеспечения для онлайн обучения и групповой работы. Совместная групповая работа над проектом должна проводиться на небольших дискуссионных онлайн-форумах, где обучающиеся могут вырабатывать решения, делиться и критиковать предложенные друг другом решения, расставлять приоритеты в решениях и выносить совместные решения.

Мнение опрошенных согласуется с исследованиями, указывающими на то, что одним из наиболее эффективных средств повышения уровня обучения являются совместные групповые процессы, когда учащиеся должны мыслить критически, творчески и интегративно. Учащиеся понимают быстрее и запоминают больше, если они взаимодействуют друг с другом. Интерактивность является общим элементом успеха учащихся. Ключевые составляющие такого взаимодействия: (а) доступность педагога, будь то личное или посредством компьютерного общения, и (б) интеллектуальное вовлечение студента в контекст обсуждения.

Согласно Д. Лорийяру, есть два способа конструировать знание: через переживание явлений, т.е. реальный жизненный опыт и через размышление над абстрактными явлениями, т.е. академическое знание. Если процесс конструирования знаний должен быть эффективно облегчен с помощью академических знаний, он должен быть значимым для учащихся; информация становится осмысленной через размышления об актуальности для себя. Тем не менее, для большинства преподавателей представить учащимся уникальные и лично значимые для студентов темы не всегда возможно [Laurillard 2002]. Учитывая это, они обычно представляют информацию посредством риторического дискурса и текста (описание явлений). В свою очередь, учащиеся должны иметь возможность размышлять над представленным абстрактным материалом и делать его актуальным для своего собственного мира. Для этого учащиеся должны уметь обобщать и передавать абстрагированную информацию, воздействовать на нее, а затем размышлять над своими действиями. Их размышления должны быть выражены посредством языка и представлены для рассуждения, оценки. Первый этап реализации когнитивного аспекта представляет собой чувство беспокойства и растерянности, возникающее в результате обсуждения проблемы. Второй этап – это исследование и поиск информации, которая может помочь разобраться в

проблеме. Третий этап связан с соединением идей и интеграцией информации и знаний в связную концепцию. Четвертый этап – это разрешение вопроса или проблемы и применение на практике идей или решений.

В данной работе мы постарались выявить значимость когнитивного аспекта онлайн-обучения, определить внешние (дискурс, сотрудничество и управление) и внутренние (размышление, мониторинг и построение знаний) конструкты, способствующие более эффективному онлайн-обучению. Мы предполагаем, что комбинации внутренних и внешних конструктов важны и даже необходимы для более эффективного обучения. Интервью с фокус-группами, использованное в этом исследовании, оказалось эффективным способом сбора данных и понимания вопросов содействия обучению.

Литература

Brookfield S.D. Facilitating adult learning. Handbook of adult education in the United States. San Francisco: Jossey Bass, 1989.

Collett D., Kanuka H., Blanchette J., & Goodale C. Learning technologies in distance education. Edmonton, AB: University of Alberta, 1999.

Fabro K.R., & Garrison D.R. Computer conferencing and higher-order learning // *Indian Journal of Open Learning*. 1998. 7(1). P. 41-54.

Hiltz S.R., & Turoff M. The Network Nation: Human communication via computer, revised edition. Cambridge, MA: MIT Press, 1993.

Klemm W.R., & Snell J.R. Enriching computer-mediated group learning by coupling constructivism with collaborative learning // *Journal of Instructional Science and Technology*, 1(2). 1996. Retrieved from <http://www.usq.edu.au/electpub/e-jist/docs/old/vol1no2/contents.htm>

Laurillard, D. Rethinking university teaching: A conversational framework for the effective use of learning technologies (2nd ed.). NY: Routledge/Falmer, 2002.

J.V. Sorokina, O.V. Rykova (Chelyabinsk, Russia)
Chelyabinsk State University

COGNITIVE ASPECT OF ONLINE LEARNING

The purpose of the study is to advance understanding of how to facilitate online learning, taking into account its cognitive aspect. We identify methodological constructs which can enhance online learning, including discourse, collaboration, management, reflection, monitoring, and knowledge construction. A focus group interview revealed that these methodological constructs are consistent with the facilitation of higher levels of learning in an asynchronous text-based Internet environment.

Key words: cognitive activity, online learning, facilitated discussion, asynchronous Internet communication.

С.О. Шереметьева, А.Ю. Зиновьева, Е.Д. Неручева (Челябинск, Россия)
Южно-Уральский государственный университет
sheremetevaso@susu.ru, zinovevaai@susu.ru, neruchevaed@susu.ru

К ВОПРОСУ О ЦИФРОВИЗАЦИИ КОГНИТИВНЫХ КАТЕГОРИЙ ЛЕКСИКИ

В настоящей работе представлены методология построения и реализация электронного ресурса, позволяющего хранить когнитивные знания в цифровом формате с возможностью их использования в системах, автоматизирующих научные исследования и обработку информации, главным носителем которой является естественный язык.

Ключевые слова: когнитивная категория, лексика, цифровизация, электронный ресурс, предметная область.

1. **Введение.** Категоризация, основной когнитивный процесс распределения объектов по категориям, является фундаментальным процессом человеческого и машинного интеллекта и занимает центральное место в исследованиях в области когнитивной науки [Чухарев, Худяков 2004]. Сегодня появляется все больше и больше свидетельств того, что когнитивные парадигмы могут дополнять вычислительные модели и развивать технологии обработки естественного языка, которые, в свою очередь, являются одним из основных средств, обеспечивающих когнитивную науку знаниями, закодированными на естественном языке, незаменимом источнике всех видов информации [Panther, Radden 2011]. При этом результаты познавательной деятельности человека, отражающие знания о мире, фиксируются в языке в лексических категориях, отражающих результаты естественной категоризации действительности [Кубрякова 2004; Болдырев, Панасенко 2013], что, с одной стороны, ставит в центр внимания вопросы качества и оперативного создания лексических данных, а с другой стороны, требует разработки методов и инструментария цифровизации когнитивных категорий лексики, позволяющей использовать ее результаты в системах, автоматизирующих научные исследования и обработку информации, главным носителем которой является естественный язык.

2. **Методология и данные.** Целью настоящего исследования является создание электронной базы знаний, позволяющей хранить и использовать знания о когнитивных категориях лексики в цифровом формате. Разработка такого ресурса тесно связывается с самим процессом когнитивной категоризации, что в настоящем исследовании определяется пересечением следующих критериев: 1) корпусный подход, 2) ориентация на предметную область (ПО); 3) многоязычность и независимость от конкретного национального языка; 4) возможность многократного использования лингвистических и программных ресурсов, что предполагает независимость программных оболочек инструментария от лингвистических знаний. При этом наша методология выявления когнитивных категорий предполагает строгое разделение лингвистических данных на зависящие от конкретного языка (списки лексем с морфосинтаксической информацией) и на не зависящие от отдельного языка категориально-концептуальные данные, которые наилучшим образом могут быть представлены в предметно-

ориентированной многоязычной онтологии. Онтологический анализ на основе такой онтологии, по сути дела, является реализацией когнитивной категоризации лексики и на практике состоит в аннотировании корпуса текста онтологическими концептами. Последнее в качестве необходимого предварительного этапа включает построение онтологии предметной области и онтолексиконов – списков лексических единиц ПО, когнитивные категории которых представлены концептами онтологии. В качестве онтологических концептов используются выявленные в корпусе категориальные классы лексики, что, в свою очередь, требует построения корпусов текстов соответствующих предметных областей. Таким образом, методологически в работе выделяются два взаимосвязанных итеративных этапа: 1) выделение ключевых когнитивных категорий на основе прескриптивно-дескриптивного анализа корпуса, построение базовой онтологии и онтолексиконов ПО и 2) создание электронной базы знаний, наполненной оцифрованной лексико-когнитивной информацией, которая, в свою очередь, может использоваться как для автоматизированного продолжения работ первого этапа, так и непосредственно в системах обработки информации. В настоящей работе акцент сделан на описании разработанной в рамках исследования электронной базы знаний, для наполнения которой использованы данные когнитивно-категориального анализа двух предметных областей: ПО «Терроризм» и ПО «Интегративная физиология спортсменов» (ИФС). В первом случае анализ проведен на материале русского, английского и французского корпусов новостных сообщений объемом 500 000 словоупотреблений каждый, а во втором – на материале русского корпуса в 700 000 словоупотреблений. В результате выделены универсальные для каждой ПО когнитивные категории лексики, построены универсальные многоязычные онтологии и одноязычные онтолексиконы (русский, английский и французский онтолексиконы объемом в 47 000 единиц для ПО «Терроризм» и русский онтолексикон в 45 000 единиц для ПО «ИФС»). Онтологии ПО «Терроризм» и «ИФС» являются трехуровневыми, и на данном этапе содержат 102 и 96 концептов соответственно.

3. Электронная база знаний. Программная оболочка разработанной электронной базы знаний отделена от собственно знаний и может быть наполнена лексико-концептуальной информацией любой предметной области на различных национальных языках с возможностью перенастройки ее параметров для разных типов лингвистической информации через пользовательский интерфейс. В программе предусмотрены функции добавления новых языков и различные функции автоматизации сбора и управления знаниями. Архитектурно база знаний представляет собой набор одноязычных онтолексиконов определенной предметной области, соотнесенных с одной и той же онтологией, концепты которой соответствуют когнитивным категориям лексики. Единицами онтолексиконов являются одно- и многокомпонентные лексемы, извлеченные из корпусов ПО на первом этапе исследования. Словарная статья каждой одноязычной лексемы онтолексикона соответствует только одному концептуально-категориальному значению лексемы, т.е. в случае концептуальной многозначности для лексемы создается несколько словарных статей. Каждая словарная статья имеет индексную, семантико-концептуальную и морфосинтаксическую зоны. Индексная зона содержит лемму лексемы. Семантико-концептуальная зона

указывает на концепт онтологии, к которой «привязана» лексема, т. е. на ее когнитивную категорию. Спецификой морфосинтаксической зоны является то, что она содержит всю лексическую парадигму единицы онтолексикона, каждый член которой снабжен позиционным супертегом, кодирующим целый «букет» лингвистической информации: когнитивную категорию, часть речи и типовые для каждой части речи грамматические признаки, например, род, число, падеж для именных групп, что значительно упрощает использование знаний в системах обработки текста, поскольку исключает необходимость автоматизации морфологического анализа и, таким образом, не только упрощает процесс автоматической обработки текста, но и значительно сокращает количество возможных ошибок.

Электронная база знаний имеет мощную среду для автоматизированного сбора, администрирования и кодирования многоязычных лингво-концептуальных знаний, доступ в которую обеспечивается через меню интерфейса. Тщательно разработанный легкий в использовании интерфейс базы знаний допускает его использование в качестве самостоятельного инструмента как исследователями-лингвистами, например, для анализа, в том числе и сопоставительного анализа концептуальной структуры ПО и ее вербализации в корпусе текстов, так и разработчиками систем для автоматизированного пополнения, коррекции и кодирования многоязычных лингвистических знаний.

В настоящее время оцифрованные концептуальные знания покрывают три языка (русский, английский и французский) и две предметные области – «Терроризм» и «Интегративная физиология спортсменов».

Электронная база знаний связана с теггером, который, используя оцифрованные лексико-концептуальные знания, может осуществлять простую и развернутую разметку «сырых» (неразмеченных) текстов соответствующей предметной области на одном из покрытых базой языков (в настоящее время, русском, английском и французском). Простая разметка представляет собой автоматическое присвоение лексическим единицам только концептуальных тегов. Этого может быть достаточно для выполнения определенных задач обработки информации. При развернутой разметке текстовым лексемам, в дополнение к концептуальным, присваиваются морфосинтаксические теги. Теггер снабжен пользовательским интерфейсом для настройки на знания определенной предметной области и язык. Интерфейс теггера служит для контроля корректности разметки и снабжен компиляторами правил разрешения многозначности разметки. Электронная база знаний и теггер объединены в один инструмент, который широко используется в различных проектах, выполняемых в Научно-образовательном центре «Лингво-инновационные технологии» ЮУрГУ. К числу таких проектов относятся, например, автоматизированное построение корпусов концептуально аннотированных русских, английских и французских корпусов текстов ПО «Терроризм» и «ИФС», на основе которых выполнены проекты по исследованию вербализации когнитивной структуры ПО, моделированию контент-анализа и т.д.

Литература

Болдырев Н.Н., Панасенко Л.А. Когнитивная основа лексических категорий и их интерпретирующий потенциал // Вопросы когнитивной лингвистики. 2013. № 2 (35). С. 5-12.

Кубрякова Е.С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. М.: Языки славянской культуры, 2004.

Motivation in Grammar and the Lexicon. Ed. by K.-U. Panther, G. Radden. John Benjamin's publishing Company, 2011. (Human Cognitive Processing 27). URL: <https://doi.org/10.1075/hcp.27>.

Усачева А.Н. Когнитивная типологизация терминов в сфере нанотехнологий // Вопросы лингвистики и транслатологии. Вып. 5. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2012. С. 22-30.

Чухарев Е.М., Худяков А.А. Когнитивная лингвистика и искусственный интеллект: результаты и тенденции взаимодействия // Вопросы когнитивной лингвистики. 2004. №. 2-3. С. 93-105.

*S.O. Sheremetyeva, A.Iu. Zinoveva, E.D. Nerucheva (Chelyabinsk, Russia)
South Ural State University*

DIGITALIZATION OF LEXIS COGNITIVE CATEGORIES

The paper presents a methodology to design and implement a resource for storing cognitive knowledge in a digital format. The resource can use digitalized knowledge in automated research and information processing systems. The main carrier of information is the natural language.

Key words: cognitive category, lexis, digitalization, electronic resource, domain.

*Е.Н. Ярославова (Челябинск, Россия)
Южно-Уральский государственный университет
iaroslavovaen@susu.ru*

*М.Г. Федотова (Челябинск, Россия)
Южно-Уральский государственный
гуманитарно-педагогический университет
fedotovamg@mail.ru*

ЦИФРОВОЕ ЧТЕНИЕ: ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ И МЕТОДИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

Цифровое чтение характеризуется когнитивными механизмами, что предполагает использование специфических стратегий получения и обработки информации, получаемых из цифрового текста. Основными характеристиками цифрового текста, который сочетает в себе семиотически различные средства передачи информации, выступают гипертекстуальность, интерактивность, мультимодальность. Авторами сформулированы методические рекомендации, которые обеспечат эффективное использование цифрового текста в образовательном процессе.

Ключевые слова: цифровое чтение, цифровой текст, когнитивные механизмы, гипертекстуальность, интерактивность, мультимодальность.

В современном иноязычном образовании все большее место занимают цифровые тексты, которые порождают цифровое чтение. По мнению ряда исследователей, цифровое чтение – это естественная фаза развития чтения вообще, обусловленная появлением новой условной письменности, где текст остается основным источником получения, передачи, хранения информации, а также формой профессионального общения [Мелентьева 2018]. Цифровое чтение выступает объектом исследования для многих областей научного знания, что придает данному явлению комплексный характер, требующий междисциплинарных методов исследования. Образовательный интерес к цифровому чтению объясняется тем, что оно позволяет:

а) изменить подходы к отбору образовательного контента за счет расширения источников поступления информации, описать и внедрить в образовательный процесс стратегии и паттерны чтения, получившие широкое распространение в цифровой среде;

б) поддерживать достаточный уровень мотивации для развития интерактивного общения в цифровом пространстве при сохранении высокой степени самореализации обучающихся в процессе решения профессиональных задач;

в) осваивать умения работать с информацией, представленной в электронном формате в разных типах и жанров текстов, обеспечивающих необходимый уровень читательской грамотности, достаточного для индивидуального развития обучающегося, его адаптации к профессиональной деятельности, социальной активности;

г) реализовать способности обучающихся в создании цифровых текстов с учетом их жанровых и композиционных особенностей, которые выступают как продукт их познавательной деятельности (исследовательской), как результат и способ представления профессионально значимых результатов их практической деятельности;

д) создавать новые форматы контрольно-оценочных мероприятий, учебных практик, обеспечивающих личностно ориентированное обучение на основе актуализации аналитических, творческих, рефлексивных умений, обеспечивающих развитие критического мышления [Лебедева 2020].

Таким образом, цифровое чтение следует рассматривать в контексте становления личности будущего специалиста, как составную часть иноязычной профессиональной подготовки, как критерий социальной активности. Особую значимость цифровому чтению придает тот факт, что оно приводит к становлению цифровой культуры, представляющей собой диалоговое взаимодействие участников образовательного процесса в информационном пространстве.

В самом общем виде под цифровым чтением понимают чтение текстов, которые прошли цифровую обработку и размещены на электронных носителях. Конкретизируя это понятие, ряд исследователей рассматривают цифровое чтение как инновационную образовательную стратегию, которая направлена на повышение мотивации познавательной активности обучающихся при работе с информацией для решения профессиональных задач, на развитие метакогнитивных умений, обеспечивающих обработку и оценку полученных знаний; на создание условий для самореализации обучающихся [Ковалевская 2022]. Разделяя эту точку зрения на цифровое чтение, мы констатируем что оно получает все больше

распространение в образовательной среде и требует методологического и методического осмысления, вызванное тем, что оно отличается от традиционного чтения иными когнитивными механизмами, которые предполагают использование специфических стратегий, получения и обработки информации, получаемых из цифрового текста [Махаева 2022].

В отличие от традиционного чтения, которое характеризуется линейным восприятием текста, наличием разнообразных стратегий чтения, которые определяются глубиной понимания извлекаемой информации, аналитическим характером, целостностью восприятия текста, медленным темпом чтения, цифровое чтение – это во-первых, нелинейное восприятие разнообразных по формату текстов, наличие гиперссылок; во-вторых, использование сканирования по ключевым словам как ведущую стратегию чтения; в-третьих, фрагментарное восприятие текста, постоянное переключение на другие источники информации, что может вызвать некоторые проблемы, связанные с пониманием текста.

Основой цифрового чтения выступает цифровой текст, что делает необходимым обеспечить объективное понимание того, что представляет собой цифровой текст и как осуществляется чтение такого текста в виртуальной среде. В нашем понимании цифрового текста мы исходим из того, что это текст, который сочетает в себе семиотически различные средства передачи информации.

Характеристиками цифрового текста выступают гипертекстуальность, интерактивность, мультимодальность [Мелентьева 2018].

Гипертекстуальность обеспечивается за счет присутствия гиперссылок, которые отсылают читателя на другие страницы с целью получения новой, дополнительной информации, что, по мнению Кресса, изменяет логику организации нелинейного текста, которая заключается в преобладании логики изображения, т.е. невербальной составляющей [Kress 2003].

Со стороны обучающихся гипертекстуальность требует овладения специальными умениями, такими как выбор стратегии чтения в зависимости от поставленной цели; определения порядка восприятия текста в зависимости от его жанра и композиции; переключения внимания на другие источники информации; самостоятельный подход к отбору ссылок, оценку познавательного потенциала контента и др..

Интерактивность подразумевает готовность обучающихся комментировать текст, перемещать его, изменять, вступать в диалог с автором, быть готовым к обсуждению в группе. Для этого обучающиеся должны овладеть умениями работать с визуальными формами представления информации (схемами, таблицами, графиками и т.д.), выделять ключевые слова, работать с организационными компонентами текста (заголовок, выводы, аннотация), вступать в дискуссию и логически завершать её, владеть орфографическими навыками письма и т. д..

Согласно исследованию Майера Р. [Mayer 2011], мультимодальность как свойство цифрового текста предполагает, что смысл такого текста представляет собой совокупность знаков различных семиотических систем (вербальной, визуальной, статической и динамической (анимация, видео)). Образовательная ценность мультимодальных текстов заключается смысловой, функциональной нагрузке каждой модальности, а также их сочетанием в тексте. Обучающиеся должны владеть следующими умениями: использовать композиционные особен-

ности текста; интерпретировать визуальную часть текста; оценивать роль различных модальностей в тексте; выделять главную мысль; обобщать полученную информацию из различных частей текста; синтезировать интерпретировать полученную информацию.

Описанные выше особенности цифрового чтения, а также специфика цифрового текста диктуют необходимость сформулировать некоторые методические рекомендации, которые обеспечат эффективное использование цифрового текста в образовательном процессе:

- четкая постановка цели обучения иностранному языку, формулирование установки на чтение, определение временного регламента на работу с цифровым текстом;

- отбор цифрового текста в соответствии с целью обучения иностранному языку, программой обучения;

- использование возможностей интерфейса и устройства для работы с поликодовыми текстами;

- опора на когнитивный механизм цифрового чтения, которые предполагают реализацию стратегий поиска информации, проверки достоверности полученной информации, стратегии определения актуальности информации;

- использование цифровых форматов для представления полученной информации;

- создание комплекса заданий, направленных на развитие аналитических стратегий чтения;

- организация интерактивных форм взаимодействия в ходе работы с цифровым текстом;

- методическая организация цифрового текста, которая заключается в делении текста на абзацы, выделение заголовков с учётом его типа и жанра;

- разработка заданий, обеспечивающих поэтапное обобщение полученной информации с целью устранения фрагментарности восприятия информации;

- контроль и отбор необходимых ссылок, мониторинг частоты обращения к ним, альтернативных источников информации для получения объективной картины знаний по изучаемой теме;

- формулировка учебных задач для самостоятельной работы с целью развития индивидуальных стратегий обучения и расширения набора компетенций, необходимых для реализации профессиональных функций, соответствующих целям цифрового чтения.

- комплекс заданий, направленный на контроль понимания текста.

Таким образом, переход к новому формату мышления, цифровому чтению, открывает ряд преимуществ его перед традиционным чтением, которые состоят в том, что оно увеличивает скорость поиска информации, обеспечивает лучшее понимание многоаспектных текстов за счет гибкого переключения внимания, позволяет эффективно оценить потенциальное значение контента.

Литература

Мелентьева Ю.П. Цифровое чтение как технология обучения и образования // Библиография и книговедение. 2018. №5. С. 47-51.

Лебедева М.Ю., Веселовская Т.С., Купрещенко О.Ф. Особенности восприятия и понимания цифровых текстов: междисциплинарный взгляд // Перспективы нации и образования. 2020. №4 (46). С. 74-80.

Ковалевская Н.И. Цифровое чтение: формирование типа читателя // Труды Белорусского государственного технологического университета. Серия №4. Принт и медиа-технология. 2022. №1(225). С. 15-165.

Махаева Р.С. Приемы презентации цифрового культуроведческого текстового материала в образовательном процессе по русскому языку как иностранному // Наука и школа. 2022. №4. С. 239-245.

Kress G. Literacy in the New Media Age. London: Routledge, 2003.

Mayer R.E. Applying the science of learning to multimedia instruction // Psychology of Learning and Motivation. 2011. Vol. 55. P. 77-108.

E.N. Yaroslavova (Chelyabibsk, Russia)
South Ural State University

M.G. Fedotova (Chelyabibsk, Russia)
South Ural State Humanitarian Pedagogical University

DIGITAL READING: LINGUISTIC AND METHODOLOGICAL ASPECTS

Digital reading is characterized by cognitive mechanisms that imply the use of specific strategies for obtaining and processing information derived from digital text. Digital text combines semiotically different means of transmitting information, its main characteristics are hypertextuality, interactivity, multimodality. The authors formulated guidelines to ensure the effective use of digital text in the educational process.

Key words: digital reading, digital text, cognitive mechanisms, hypertextuality, interactivity, multimodality.

IX. КОГНИТИВНЫЕ МЕХАНИЗМЫ ПЕРЕВОДА

О.Б. Абакумова, А.А. Загоруй (Орел, Россия)

Орловский государственный университет имени И.С.Тургенева

abakumova-ob@mail.ru, zagoruy.alena@mail.ru

ПЕРЕВОДНЫЕ ЭКВИВАЛЕНТЫ ПОСЛОВИЦ, РЕПРЕЗЕНТИРУЮЩИХ ПОСЛОВИЧНЫЙ КОНЦЕПТ *ВРЕМЯ*: КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ МЕТАФОРА И КОДЫ КУЛЬТУРЫ

В статье предлагается исследование проблемы перевода фразеологизмов и пословиц как репрезентантов культурных кодов, в основе которых лежат разные типы концептуальной метафоры. В данном случае рассматривалась тематическая группа пословиц о времени.

Ключевые слова: фразеологизм, пословица, пословичный концепт, время, перевод.

Целью данной работы было исследование фразеологических единиц и их переводческих эквивалентов в русском и английском языках, на примере паремических единиц с компонентом «время». Вопрос адекватного перевода фразеологических единиц по сей день является актуальной и непростой задачей, так как требует более глубокого анализа значения тех или иных фразеологизмов, что может создавать также определенные трудности при переводе художественного или публицистического текста, а также в межкультурном общении.

Стоит отметить, что концепт ВРЕМЯ находится на стыке объективной реальности и его представления в языке как абстрактного понятия. Именно поэтому, когда мы рассматриваем отражение данного феномена в языковых формах, мы можем наблюдать здесь обилие метафор, особенно в сфере фразеологической репрезентации этого феномена.

Прежде всего, необходимо рассмотреть некоторые ключевые понятия, которыми мы будем оперировать: фразеологизм, пословица, пословичный концепт, переводные эквиваленты. Также мы рассмотрим, какие виды концептуальной метафоры (по Дж. Лакоффу и М. Джонсону) выявляются на данном материале.

Под фразеологизмом в данной работе мы понимаем «всякую значимую единицу языка, воспроизводимую в готовом виде, состоящую из двух или более ударных компонентов словного характера» [Копыленко 1978]. Пословица же определяется нами как сложный знак гибридного типа, фразеологизм со структурой предложения, с текстовыми характеристиками и прагматическими функциями, практическое оценочное суждение, функционирующее в речи как косвенный речевой акт чаще всего директивного типа, который используется как тактическое средство реализации коммуникативной стратегии говорящего [Ковшова 2017].

Метафора как явление неоднородна, в лингвистике существуют различные подходы к определению видов метафоры, которые, в свою очередь, основываются на различных ее аспектах. В своих исследованиях Дж. Лакофф и М. Джонсон выделяют следующие виды концептуальных метафор, основанные на их когни-

тивной сущности: ориентационные метафоры, структурные, онтологические, метафоры типа «контейнер» и некоторые другие [Lakoff 2003].

Для выявления семантических и прагматических характеристик пословиц предлагается использовать аппарат референциально-ролевой грамматики, расширенный тематической (семантической) ролью «квалитатив» и фреймовым анализом, что позволяет описать и сопоставить пословичные предложения-высказывания, репрезентирующие национально-детерминированные представления об абстрактных сущностях. Под концептом в данной статье будем понимать совокупность семантических ролей, выполняемых именем концепта в пословичных предложениях-высказываниях, которые фиксируют культурно-значимую ценность [Абакумова 2013: с. 7-8].

Фразеологические единицы, а также представленные в их семантике и структуре мифологемы, символы, эталоны и стереотипы являются репрезентантами кода культуры, а пословицы как коммуникативные фразеологизмы сами по себе представляют пословичный код нации. Культурные коды – это «те источники окультуренного мировидения (живые существа, артефакты, ментефакты), которые явились предметами культурного осмысления и оценивания в контексте культуры и которые служат своего рода «обзначаемыми» собственно культурных знаков, которые и лежат в основе тропеического осмысления языковых сущностей, представляя собой «подоснову» культурной интерпретации явленного в языковой оболочке языкового образа» [Ковшова 2017, Телия 2005: с. 38].

Проблема определения типов межъязыковых соответствий является одной из главных в исследованиях по фразеологии, межкультурной коммуникации и теории перевода. Если говорить об эквивалентах в переводе в целом, то здесь стоит упомянуть, например, труды Я.И. Рецкера [Рецкер 2007]. Далее мы приведем типы эквивалентов фразеологических единиц и пословиц, которые основаны на классификации Рецкера.

I. **Полные эквиваленты** – это эквиваленты, совпадающие по значению, по лексическому составу, образности, стилистической направленности и грамматической структуре [Рецкер 2007]. Пример: «*Time flies*» – «*Время летит*» (совпадение лексического состава, грамматической структуры, стилистической направленности и образности). В семантике предикатов данных пословиц выявляется онтологический концептуальный признак, который можно определить как **квалитатив быстротечности**. В двух сопоставляемых языках используется комбинация временного кода с зооморфным и акциональным лингвокультурными кодами. И в английском, и в русском эквивалентах в основе лежит онтологическая метафора персонификации.

II. **Частичные эквиваленты (или аналоги)** – эквиваленты, содержащие лексические, грамматические или лексико-грамматические расхождения при наличии одинакового значения одной и той же стилистической направленности [Копыленко 1978]. Принято считать, что частичный эквивалент по степени адекватности перевода равноценен полному эквиваленту. Иногда в языках сосуществуют более одного подобного аналога, тогда при переводе необходимо выбрать наиболее подходящий в конкретной ситуации вариант. В аналогах (в отличие от полных эквивалентов) часто прослеживается разная образность. Пример: *The mills of the God grind slowly, but they grind exceedingly small*. Русский аналог:

Время работает на нас [Котова 2000]. Данный пример демонстрирует онтологический концептуальный признак – **квалитатив неторопливости, медлительности**. Пословичные эквиваленты, точнее соответствия различаются культурной коннотацией (оценкой), которая скорее отрицательная в английской пословице, и в большей степени положительная в ее русскоязычном аналоге. Английская поговорка содержит онтологическую метафору реификации, временной код лингвокультуры дополняется религиозным, акциоальным и артефактивным. Русский аналог мотивируется метафорой персонификации, временной код выступает в совокупности с антропным и акциональным. Переводчику нужно быть осторожным в использовании этих частичных эквивалентов, поскольку они могут не совпасть по смыслу в некоторых контекстах.

III. Иногда фразеологические единицы одного языка не имеют соответствующих аналогов в другом языке. Их принято называть **безэквивалентными** [Рецкер 2007]. При переводе таких фразеологизмов переводчики, как правило, пользуются методом описательного перевода – то есть перевода при помощи свободного сочетания слов, либо методом дословного перевода. Выбор метода зависит от конкретной ситуации и контекста. Пример: «*Take the time by the forelock*» – досл. «*Хватай время за чуб*». Английский коммуникативный фразеологизм содержит модальный концептуальный признак **прескриптив реактивности в использовании времени**. Пословичный предикат дает возможность выявить **квалитатив мгновенности, сиюминутности, реактивности в использовании обстоятельств**. Прямого русского аналога не выявлено, но можно использовать условный эквивалент «*Лови момент*», однако он в русском языке является скорее калькой латинского крылатого выражения «*carpe diem*» (восходит к Горацию), нежели собственно фразеологизмом. В английской пословице используется метафора персонификации, временной код лингвокультуры выступает в комбинации с соматическим и акциональным. В русскоязычном соответствии (кальке с греческого) имеет место метафора реификации, временной код дополняется акциональным и артефактивным.

Таким образом, можно выделить три основных вида эквивалентности паремических единиц в английском и русском языках: полные эквиваленты, частичные эквиваленты и безэквивалентные единицы. Это обусловлено сочетанием важности роли концепта времени для всех культурных и языковых общностей и разности его восприятия и осмысления, находящей отражение в языке. При этом кластер паремических единиц с компонентом *Время* в английском и русском языках является обширным, обнаруживающим достаточно много полных и частичных эквивалентов, что подтверждает важность данного феномена для обеих языковых общностей.

Литература

Абакумова О.Б. Пословичные концепты в паремическом дискурсе: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Орел, 2013.

Абакумова О.Б. Метафоры в пословицах о любви: универсальное и специфическое // Когнитивные исследования языка. 2021. Вып. 2 (45). С. 411-422.

Ковишова М.Л., Гудков Д.Б. Словарь лингвокультурологических терминов. М.: Гнозис, 2017.

Копыленко М.М., Попова З.Д. Очерки по общей фразеологии. Воронеж: Воронежский государственный университет, 1978.

Котова М.Ю. Русско-славянский словарь пословиц с английскими соответствиями. СПб: Из-во СПбГУ, 2000.

Рецкер Я.И. Теория перевода и переводческой практики. М.: «Р. Валент», 2007. С. 216-220.

Телия В.Н. О феномене воспроизводимости языковых выражений // Язык, сознание, коммуникация. Сборник научных статей. М.: МАКС Пресс, 2005. Вып.30. С. 4-42.

Lakoff G., Johnson M. Metaphors we live by. Chicago: University of Chicago Press, 2003.

О.В. Abakumova, A.A. Zagoruy (Orel, Russia)
Turgenev Oryol State University

TRANSLATIONAL EQUIVALENTS OF PROVERBS REPRESENTING THE PROVERBIAL CONCEPT OF TIME: CONCEPTUAL METAPHORS AND CODES OF CULTURE

The paper deals with the translation of phraseological units and proverbs as representatives of cultural codes, which are based on different types of conceptual metaphor. In this study, we focused on a group of phraseological units and proverbs about time.

Key words: phraseological unit, proverb, proverbial concept, time, translation.

А.Л. Волкова, О.И. Бабина (Челябинск, Россия)
Южно-Уральский государственный университет
volkovaal@susu.ru, babinaoi@susu.ru

ЛИНГВОКОГНИТИВНАЯ РЕКОНСТРУКЦИЯ НАЦИОНАЛЬНО- КУЛЬТУРНОЙ СПЕЦИФИКИ ПРИ ПЕРЕВОДЕ

В статье рассматривается проблема воссоздания национально-культурной специфики региональных концептов при переводе с русского языка на английский. Проблема рассмотрена для концепта ТВОРЧЕСТВО, раскрытого через произведения П.П.Бажова, на материале статьи словаря культурного наследия «Челябинск в жизни и творчестве замечательных людей». Предлагаются способы вербализации когнитивных признаков концепта при переводе на английский язык для иностранной аудитории, выполняющие задачу восполнения когнитивных лакун реципиентов и создания уникального образа региона.

Ключевые слова: концепт, региональный концепт, структура концепта, вербализация концепта, лингвокогнитивное моделирование.

В контексте глобальной нестабильности вопрос установления эффективного межкультурного общения становится все более важным. Интеллектуальный туризм, направленный на информирование путешественников о культурном наследии региона, служит одним из средств достижения этой цели [Денисенко 2021]. Словарь культурного наследия является одной из форм представления знаний в рамках интеллектуального туризма [Хомутова 2020]. Понятие «словарь культурного наследия» было предложено О.М. Карповой; это словарь, содержа-

ший энциклопедическую информацию об известных и талантливых людях, которые жили и творили в определенном регионе и внесли вклад в культурный прогресс данной местности [Карпова 2014].

Материалом настоящего исследования является корпус текстов мультимедийного энциклопедического словаря культурного наследия «Челябинск в жизни и творчестве замечательных людей», который составлялся под руководством Т.Н. Хомутовой, и включает статьи об известных личностях, родившихся, живших в Челябинске или посещавших город [Челябинск, электронный ресурс]. Словарь является двуязычным (содержит статьи на русском языке и их переводы на английском).

С помощью сопоставительного анализа текстов словаря на русском и английском языках и интроспективного анализа восприятия единиц через призму сознания носителя региональной культуры, нами была построена иерархия региональных и национальных концептов, которая на первом уровне включает концепты ЗВАНИЕ, НАГРАДА, ГОРОДСКАЯ ЖИЗНЬ, ТВОРЧЕСТВО, ЛОКАЦИЯ, ИСТОРИЯ [Волкова 2022]. От этих концептов верхнего уровня мы продолжили иерархию концептов с последующим анализом их структуры.

Для определения структуры концепта нами была выбрана модель, предложенная З.Д. Поповой и И.А. Стерниным [Попова, Стернин 2007]. В соответствии с моделью, у концепта можно выделить три базовых структурных компонента: образ, информационное содержание и интерпретационное поле. Образ подразделяется на перцептивный и когнитивный. Информационное содержание концепта – это минимальное количество когнитивных признаков, раскрывающих наиболее значимые характерные черты концептуализируемого предмета или явления. Интерпретационное поле концепта включает когнитивные признаки, которые интерпретируют основное информационное содержание концепта, представляя собой некоторое выводное знание, либо оценивают его. В интерпретационном поле выделяются следующие зоны: оценочная, энциклопедическая, утилитарная, регулятивная, социально-культурная и другие.

Рассмотрим более подробно связь ТВОРЧЕСТВО – ЛИТЕРАТУРА. Для работы нами были отобраны статьи словаря культурного наследия, посвященные авторам литературных произведений – П.П. Бажов, Л.К. Татьяничева, Е.А. Евтушенко, Н.В. Пикулева. Работа с данными статьями включала: 1) отбор из оригинальных русскоязычных текстов словаря лингвистических единиц, которые соотносятся с зонами концептов, репрезентирующих произведения каждого автора; 2) лингвокогнитивный анализ двуязычных кандидатов-соответствий (на русском и, при наличии, английском языках); и, далее, 3) формирование предложений по переводу на английский лингвистических единиц на основании принципа концептуальной соотнесенности: мы полагаем, что в адекватном переводе языковые средства в тексте на языке перевода должны быть подобраны таким образом, чтобы с полнотой, приближенной к уровню восприятия реципиента-носителя культуры, отражать культурно-специфичные когнитивные признаки оригинального регионально-маркированного концепта, активированного в тексте оригинала. Обеспечение этой полноты может требовать эксплицитного языкового выражения отдельных компонентов концепта, не актуализованных явно в тексте оригинала. Такой процесс, позволяющей иностранному читателю понять

незнакомые реалии русской культуры и реалии Челябинской области, и его результат будем называть *лингвокогнитивной реконструкцией*.

Покажем возможности реконструкции национальной и региональной специфики в переводе на примере концепта ПРОИЗВЕДЕНИЯ П.П. БАЖОВА, у которого вербализованы компоненты следующих зон: информационное содержание, оценочная, утилитарная и социально-культурная зоны интерпретационного поля.

Информационное содержание фиксирует основные черты, темы литературного произведения, например, *уральские сказы, отражающие жизнь мастеровых горнозаводского края*. Здесь определяется жанровая принадлежность произведений – *сказ*, отмечается их привязанность к определенной локации – *Урал*, называются главные герои произведений (также с привязкой к локации). Помимо концепта верхнего уровня ТВОРЧЕСТВО, здесь актуализируется концепт РЕМЕСЛО – архаизм *мастеровые* – и концепт ЛОКАЦИЯ – словосочетание *горнозаводского края*, представляющее Урал как регион, связанный с горной промышленностью. Проведем дефиниционный анализ культурно-маркированной лексики. Сказы, согласно определению, – это «старинные устные предания» (уральских горнорабочих у П.П. Бажова), что можно передать в переводе через единицу *folktale* – «a traditional story that people of a particular region or group repeat among themselves». Для лексемы *мастеровые* оптимальным в отношении информационного содержания является перевод *craftsmen*, в котором, хотя и теряется архаичный оттенок слова, но в полной мере отражается денотативный компонент. Для единицы *горнозаводской регион* возможен эквивалентный перевод *mining region*. Тогда перевод на английский *Ural folktales reflecting the life of craftsmen in the mining region* информационно эквивалентен оригиналу. При этом для полноты отражения специфики сказов автора, вероятно, малознакомой иноязычному реципиенту, полагаем, целесообразно добавить уточнение о роли рассказчика в данном типе повествования для эксплицирования знания **энциклопедической зоны** интерпретационного поля концепта. Тогда можем при первом упоминании *сказ* прибегнуть к лексическому добавлению, получив *folktale in first person* как результат лингвокогнитивной реконструкции.

Оценочная зона интерпретационного поля концепта вербализуется, например, через однородные эпитеты *его произведения легкие, интересные и запоминающиеся*, что адекватно воссоздается в английском эквиваленте *his works are light, interesting and memorable*. **Утилитарная зона** получает языковое выражение в глагольной группе *читал с нереальным интересом*, где, кроме утилитарной, актуализируется и **оценочная зона**: прилагательное *нереальный* использовано в своем разговорном значении «исключительный, особенный» и характеризует произведения автора как увлекательные. В переводе *read with great interest* полагаем оправданным обратиться к существующей коллокации английского языка.

Вербализация **социально-культурной зоны** интерпретационного поля концепта представлена многочисленными экземплярами. Например, сказы *служат источником вдохновения для режиссёров, писателей, художников и скульпторов*, произведения П.П. Бажова *будут вспоминать через 10–20 лет*, сказы *будут переходить от поколения к поколению* и т.д. Наполнение зоны подчеркивает

ценность произведений автора, которая не утратится с годами. Перевод через языковые эквиваленты – (*folktales*) *serve as a source of inspiration for directors, writers, artists and sculptors; will be remembered in 10 to 20 years; will pass from generation to generation* соответственно – вполне адекватно передает социально-культурную значимость литературных произведений автора, в том числе, в исторической перспективе.

От концепта ПРОИЗВЕДЕНИЯ П.П. БАЖОВА являются производными несколько концептов следующего уровня, относящихся к конкретным произведениям автора (например, КАМЕННЫЙ ЦВЕТОК). Последние, в свою очередь, могут быть ассоциированы с произведениями других авторов. Так, **социально-культурная зона** в тексте статьи вербализована следующими отсылками: по мотивам произведения созданы кинофильм «Каменный цветок» (1946), балет С. С. Прокофьева «Сказ о каменном цветке», одноименная опера К. В. Молчанова, многочисленные музыкальные, скульптурные, живописные произведения. При переводе на английский язык следует сохранять связь с оригинальным произведением, следуя принципу единства наименования: *the motion picture "The Stone Flower" (1946), the ballet by S. S. Prokofiev "The Tale of the Stone Flower", the opera of the same name by K. V. Molchanov, numerous musical, sculptural, pictorial works were created.*

В тексте словарной статьи о литературном авторе, наряду с доминирующим концептом ЛИТЕРАТУРА и его производными, актуализируется целый ряд обычно несмежных концептов; таким образом, формируется сложная сеть ассоциаций, значимых для воссоздания культурно-специфичного регионально-маркированного концепта в сознании реципиента. Так, при описании героя произведения «Чугунная бабушка» вербализуется концепт РЕМЕСЛО: *каслинский литейщик* – *Kasli cast-iron sculptor*, где *литейщик* не просто *foundry worker*, а именно *sculptor*, так как в английском языке *каслинское литье* известно как *Kasli cast-iron sculpture*, что подчеркивает художественную ценность этого ремесла. В сказе «Коренная тайность» речь идет об истории *русского булата* – архаичное названия для стального клинка. Для воссоздания национального колорита мы предлагаем транслитерировать слово «булат» и добавить описательный перевод: *Russian bulat (a type of steel alloy which was regularly mentioned in Russian legends as the material of choice for cold steel)*. В произведении «Веселухин ложок» объективируется концепт ЛОКАЦИЯ, это *место за златоустовским заводским прудом, где любили отдыхать немецкие мастера*, при этом выражение *немецкие мастера* вербализует также и концепт РЕМЕСЛО. В переводе *German cold weapon artisans* прием компенсации позволяет нам одновременно указать на важность для региона сферы оружейного производства.

Таким образом, для вербальных манифестаций концептов, несущих информацию о культуре и быте региона, в ряде случаев возможен дословный перевод. Вместе с тем, при переводе реалий некоторые коннотаты могут быть утрачены. Лингвокогнитивный анализ вербализаций культурно-специфичных концептов и применение компенсаторных приемов перевода, обеспечивающие по меньшей мере частичное восстановление утраченного концептуального содержания, а также экспликацию чуждого для не-носителя русской культуры знания, позволяет повысить адекватность перевода реалий. Перевод текста статьи с примени-

ем лингвокогнитивной реконструкции позволяет создать для англоязычного читателя следующий образ Челябинской области: это промышленный регион (*mining region*), но рабочие отличаются творческими способностями (*Kasli cast-iron sculptor*); литература самобытна и специфична, отражает особую культуру и быт региона (*works are memorable, folktales in first person reflect the life of craftsmen*); люди здесь сохраняют любовь к чтению (*read with great interest*), осознают высокую культурную ценность произведений, посвященных их региону (*folktales will pass from generation to generation*).

Литература

Волкова А.Л. Лексическая репрезентация концептов русской культуры в русском и английском языках (на материале мультимедийного энциклопедического словаря культурного наследия «Челябинск в жизни и творчестве замечательных людей») / науч. рук. О.И. Бабина // Студент года 2022: сборник статей II международного учебно-исследовательского конкурса. Часть 2. Петрозаводск: Международный центр научного партнерства «Новая наука», 2022. С. 146-155.

Денисенко М.Г. Энциклопедический дискурс интеллектуального туризма: интегральный подход (на материале словарей культурного наследия): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Челябинск, 2021.

Карпова О.М. Словари культурного наследия. Проект словаря «Florence in the works of world famous people» // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2014. № 1. С. 150-155.

Попова З. Д., Стернин И.А. Когнитивная лингвистика: монография. М.: АСТ: Восток-Запад, 2007.

Хомутова Т.Н., Денисенко М.Г. Словари культурного наследия «гений места»: интегральная модель // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Лингвистика. 2020. Том 17 №3. С. 43-52.

Челябинск в жизни и творчестве замечательных людей / под рук. Т.Н. Хомутовой. URL: <https://dict.susu.ru/personel/> (свободный, дата обращения: 10.02.2022).

*A.L. Volkova, O.I. Babina (Chelyabinsk, Russia)
South Ural State University*

LINGUOCOGNITIVE RECONSTRUCTION OF NATIONAL IDENTITY IN TRANSLATION

The paper focuses on the recreation of the national and cultural specifics of regional concepts in Russian-English translation. It considers the concept Creativity revealed through the works of P.P. Bazhov and based on the entry in the dictionary of cultural heritage "Chelyabinsk in the life and works of world-famous people." The authors propose the ways of verbalizing the cognitive features of the concept in translation. Such features fill in the cognitive gaps of the recipients and create a unique image of the region.

Key words: concept, regional concept, concept structure, concept verbalization, linguo-cognitive modeling.

*Гао Цзяи (Москва, Россия)
Московский государственный университет
имени М.В. Ломоносова
ok.lida777@mail.ru*

РАННИЕ ЭТАПЫ РАЗВИТИЯ ТЕОРИИ ПЕРЕВОДА В КИТАЕ

Самобытная школа перевода, формировавшаяся в течение долгого времени в Китае, основывается на критериях хорошего перевода, предлагаемых различными мыслителями. Историю развития китайской теории перевода возможно разделить на 4 этапа, каждый из которых имеет свои отличительные черты. На протяжении веков китайские ученые и переводчики описывали трудности, связанные с переводом текстов различных жанров, и формулировали принципы перевода.

Ключевые слова: теория перевода, китайская теория перевода, критерии перевода, история теории перевода

Актуальность данной работы состоит в том, что теория перевода в Китае, являясь важной областью в рамках глобальной теории перевода, самостоятельно прошла долгий путь развития от начального этапа своего зарождения и до формирования целостной теоретической системы и особой китайской школы перевода. Для профессиональных переводчиков понимание принципов развития теории перевода в Китае может послужить источником вдохновения для самосовершенствования в своей профессиональной деятельности, а для ученых – новой точкой зрения на науку о переводе. В данной работе проводится анализ истоков школы и системы китайской теории перевода в свете ее развития, а также кратко анализируются основные черты современной китайской теории перевода.

Помимо самых известных критериев хорошего перевода («верность», «литературность», «элегантность» (信达雅)), обозначенных китайским педагогом и переводчиком Янь Фу в предисловии к переводу книги известного английского ученого Т. Гексли «Эволюции и этика», китайская теория перевода опирается и на другие принципы [Янь Фу 1896].

В книге «Краткая история китайского перевода» (《中国翻译简史》) Ма Цзу И кратко описывает этапы развития перевода в Китае и формирование теорий перевода. Ученый предлагает разделить всю историю перевода в Китае на четыре этапа [Ма Цзу И 2004]. Первый этап продолжался более 1200 лет, от династии Хань до династии Сун, и в течение этого периода переводились главным образом буддийские писания. На втором этапе, с конца правления династии Мин до начала правления династии Цин, доминировали научные и технические переводы. На третьем этапе, от Опиумных войн до Движения Четвертого мая, доминировали переводы текстов западноевропейской политической мысли и литературных произведений. На четвертом этапе, от Движения четвертого мая до основания Нового Китая, появились переводы совершенно разных жанров.

На каждом из этапов китайскими мыслителями и учеными были выдвинуты различные идеи, которые позже легли в основу китайской теории перевода.

В Предисловии к сутре «сан. Dhammapada» (《法句经》), написанном Чжи Цянь (кит. 支谦¹) в период Троецарствия, указывается: «Нелегко передавать различные имена и предметы; важно сделать так, чтобы это было легко понять и не потерять значение» (“名物不同, 传实不易; 当令易晓, 勿失厥易”). Чжи Цянь был первым в китайской теории перевода, кто предположил, что перевод – дело непростое, требующее ясности и сохранения смысла [Чжи Цянь: 225]. Во времена династии Восточная Цзинь (317–420 гг.) буддийский монах Дао Ань (312–385) выдвинул принцип «пяти потерь и трех трудностей» (五失本三不易)² [Дао Ань: 341]. Это самый ранний переводческий трактат в истории Китая, в котором рассматривается вопрос приемлемости для читателя и взаимоотношений между автором, переводчиком и читателем. В данном контексте термин «пять потерь» относится к переводам санскритских писаний, которые утратили первоначальный смысл по пяти причинам, в числе которых – грамматические и структурные различия между языком оригинала (санскритом) и языком перевода (китайским языком).

Понятия «пять потерь» и «трех трудностей» затрагивают вопросы порядка слов между санскритским и китайским шрифтами, риторики, простоты стиля, повествования и т.д. Из данных принципов следует, что переводчик не должен добавлять или убирать что-либо из оригинального текста по своему усмотрению, и не должен жертвовать первоначальным смыслом сутр ради удовлетворения читателя.

Самой известной и наиболее ранней из сохранившихся книг о переводе в истории Китая является трактат монаха Янь Цун 彦琮 (557–610) династии Суй «Рассуждения о различении» (《辩证论》). В книге Янь Цун анализирует и комментирует успехи и неудачи переводов сутр на протяжении веков, а также суммирует восемь условий (八备说), которыми должен обладать переводчик сутр, основываясь на собственной обширной переводческой практике: «Переводчик должен быть искренним в принятии Дхармы, быть преданным ей и не бояться работать долгие часы; иметь хороший характер, быть верным и надежным и не делать ничего плохого, что могло бы вызвать смех людей; хорошо знать Великую тибетскую сутру и основные и второстепенные каноны; хорошо разбираться в литературе и истории и иметь высокое литературное качество, чтобы перевод не был вульгарным и неуклюжим; быть скромным и открытым, уметь учиться на достоинствах других и не быть упрямым в своем мнении; быть способным изучать буддийские учения и быть равнодушным к славе и богатству; хорошо знать санскрит и владеть методом без потери смысла санскрита и струк-

¹ Один из наиболее значительных переводчиков буддийских священных писаний в период Троецарствия Китая, также известный как Чжиюэ, год его рождения и смерти неизвестен (около 3-го века).

² Дао Ань в предисловии к сутре «Махабхарата Парамита» (《摩诃钵罗若波罗蜜经抄序》) выдвинул принцип «пяти потерь и трех трудностей», которые представлены как особые правила и требования для точной передачи первоначального смысла сутр.

туры китайских иероглифов, таких как печать и канцелярское письмо» (*перевод наш: Гао Ц.*) [Хуан Сяопэн 2014: 18].

Знаменитый монах династии Сюаньцзан предложил «пять непереводимостей», или «необратимостей», при переводе сутр: так, не должны переводиться слова с мистическим подтекстом, многозначные слова, слова, отсутствующие в китайской культуре, понятия, переведенные ранее. Принцип «пяти непереводимостей», предложенный Сюаньцзаном, на самом деле является принципом «фонетического перевода» и рекомендацией для переводчика придерживаться транслитерации во всех сложных случаях.

Известный мыслитель Линь Шу подчеркивал важность эмоциональной активности переводчика для деятельности перевода, считая, что переводчик должен психологически общаться с автором оригинала или героями произведения.

В конце династии Мин и начале династии Цин начался второй этап переводной литературы: первой книгой, переведенной миссионерами в Китае, стала «Священная книга небесного обучения», продиктованная миссионером Ло Минцзянем и записанная китайцами. Позже, в предисловии к своему переводу «Геометрии» Маттео Риччи, Сюй Гуанци предложил идею «поиска знаний, поиска истины» и «постижения ключевых моментов и насущных потребностей» в переводе.

Позже Ли Чжизао перевел свою первую книгу по западной логике «Поиск имен и причин» и назвал свой перевод «творческим переводом», считая, что правильный перевод не должен быть чрезмерно далек от оригинала.

Таким образом, возможно отметить, что на ранних этапах развития китайской теории перевода исследователи интересовались вопросами переводимости и непереводимости, стремились преодолеть структурно-грамматические различия между санскритом и китайским языком, ориентировались на избегание ошибок при чрезмерной адаптации, выбирая стратегию фонетического перевода реальный другой культуры.

Литература

- 马祖毅. 中国翻译简史. 中国对外翻译出版公司. 2004. 458 с.
- Ма Цзуи. Краткая история китайского перевода // Китайская корпорация иностранных переводов и издательств. 2004. 458 с.
- 李天纲. 跨文化的诠释: 经学与神学的相遇. 新星出版社, 2007. 455 с.
- Ли Тяньган. Кросс-культурная интерпретация: встреча между Писанием и богословием. Нью Стар Пресс, 2007. 455 с.
- 杨可伊. 略谈中国翻译理论的发展. 语言文学研究 2019 (31) С. 26-27.
- Ян Кэи. История развития китайской теории перевода // Исследования в области языка и литературы, 2019 (31). С. 26-27.
- 严复. 天演论序. 1896.
- Янь Фу Тяньяньлунь [Предисловие переводу книги «Теория эволюции и этики»]. 1896.
- Чжи Цянь. Сан. Dhammapada. 225. URL: <https://zhidao.baidu.com/question/537765960.html>.
- Дао Ань Сан. Махабхарата Парамита. URL: https://mp.weixin.qq.com/s?__biz=MzU3NTA1MjgzNQ==&mid=2247484630&idx=1&sn=577460edc7673d56e32e427349d9e076&chksm=f2d8499aca5fc08caec36a1dad6b8a183682fefe128405dc014f178fecb01b7718ae04948da1&scene=27

道安. 摩诃钵罗若波罗蜜经抄序. URL: https://mp.weixin.qq.com/s?__biz=MzU3NTA1MjgzNQ==&mid=2247484630&idx=1&sn=577460edc7673d56e32e427349d9e076&chksm=fd28499aca5fc08caec36a1dad6b8a183682fefc128405dc014f178fecb01b7718ae04948da1&scene=27

黄小芄. 全注全释隋释彦琮《辩证论》. 四川大学出版社. 2014. 456 с.

Хуан Сяопэн. Полная аннотация и полный перевод монаха Янь Цун «Рассуждения о различении». Издательство Сычуаньского университета. 2014. 456 с.

Gao Jiayi (Moscow, Russia)

Lomonosov Moscow State University

EARLY STAGES IN THE DEVELOPMENT OF TRANSLATION THEORY IN CHINA

The original school of translation, which has been forming in China over many years, is based on the criteria for good translation proposed by various philosophers. The development of Chinese translation theory can be divided into 4 stages, each of which has its own distinctive features. For centuries, Chinese scholars and translators have been describing the difficulties of translating texts of various genres and formulating the principles of translation.

Key words: translation theory, Chinese translation theory, translation criteria, history of translation theory.

А.С. Епимахова (Архангельск, Россия)

*Северный (Арктический) федеральный университет
имени М.В. Ломоносова
a.epimahova@narfu.ru*

ОБЪЕКТИВНЫЕ И СУБЪЕКТИВНЫЕ ФАКТОРЫ, ВЛИЯЮЩИЕ НА ВЫБОР СООТВЕТСТВИЙ ПРИ ПЕРЕВОДЕ НАЗВАНИЙ СУДОВ

Названия судов чаще всего передаются на иностранные языки с использованием транскрипции / транслитерации либо переводятся с сохранением внутренней формы. Выбор стратегии зависит от того, насколько ясна внутренняя форма (в т.ч. основанная на метафоре), насколько важно ее сохранение в контексте. Эти факторы влияют и на решения, принимаемые в конкретной ситуации, и на закрепление устойчивых соответствий-названий судов.

Ключевые слова: названия судов, перевод, перевод имен собственных, внутренняя форма, говорящие имена.

Традиция давать кораблям имена утвердилась в России при Петре I. На основании исторического обзора [Дыгало 1993: 97-110] можно сделать выводы, во-первых, том, что в основе названия лежит имя, имеющее положительную оценку: например, имена святых, лексические единицы, отражающие силу русского флота, высокий боевой дух моряков; после революции – имена революционных деятелей, названия новых ценностей. Во-вторых, в именовании судов есть системность, впервые документально закреплённая в 1914 г.; затем сложилось пра-

вило давать кораблям одного класса родственные по смыслу названия. Семантика имени судна важна, что вызывает трудности при переводе.

Передача имен, имеющих внутреннюю форму, может осуществляться и с использованием транскрипции / транслитерации, и с сохранением их значения; значительную роль играют традиция и контекст [Федоров 2002: 215-216; Влахов, Флорин 1986, 282-285]. Кроме объективных факторов, влияющих на формирование ономаσιологических соответствий, действуют субъективные, связанные с личной иерархией приоритетов переводчика [Ермолович 2005: 14].

Если имя содержит семы, отражающие важные для кораблей качества (скорость, надежность, смелость экипажа), оно оказывается говорящим именем в документальном тексте. Интересный материал для исследования дают произведения Д.А. Лухманова, известного капитана-парусника, теоретика парусных судов, писателя и педагога. Его творческое наследие включает разножанровые тексты, и сопоставительный анализ произведений показывает, что при передаче названий иностранных судов он прибегает к разным стратегиям. Какими факторами могут объясняться эти различия?

В ранних произведениях Д.А. Лухманова некоторые иностранные названия приводятся «как есть». Этот способ он использует в «Руководстве по морской практике» [Лухманов 1908], полагая, что читатель-моряк владеет английским языком, а также частично в произведении «По белу свету», далее переработанном в «Соленый ветер» (*Итак, я вернулся на «Озаму», а команда «Garry White» отправилась с фонарями в трюм...* [Лухманов 1903: 47; Лухманов 1935: 103]); чаще имя заимствуется при первом упоминании, а далее используется транскрипция. В рассказах 1928 г. заимствованные названия также чередуются с переведенными, иногда в рамках одного предложения (*Но «Патриарх» – большое, удивительно сухое и устойчивое судно. Это не «Bay of Cadiz» и не «Belle of the Isles»*) [Лухманов 1928: 9]. Это свидетельствует о колебаниях в выборе подхода к переводу. В дальнейшем Д.А. Лухманов отказывается от переноса названий, кроме случаев, когда название приводится в сочетании с переводом или пояснением: «Джемс Бэйнс» – один из четырех клиперов исторического «квартета» компании «Black-Ball-Line», основанной Джемсом Бэйном («Lightning» – «Молния», «James Bains» – имя судохозяина, «Champion of the seas» – «Чемпион морей» и «Donald Mac-Kay» – имя судостроителя) [Лухманов 1941: 52-53]. Формальная близость также достигается при использовании транскрипции / транслитерации. Такой подход выявлен при переводе названий-антропонимов: «Джемс Бэйнс», «Сэмюэль Карлтон», «Вильям Мильс» и др. Формальное сходство соответствует требованиям практического удобства, а также указывает на языковую и культурную соотнесенность имени [Епимахова 2022: 68], но приводит к потере прагматических компонентов значения [Ермолович 2005: 15-17].

Транскрипцией передаются и названия, значение которых не очевидно для реципиента на языке оригинала, или семантические связи сложны. Таков пример знаменитого чайного клипера «*Katmi Sark*» (единственного сохранившегося до наших дней). «*Cutty Sark*» переводится с шотландского как «Короткая рубашка», отсылая к прозвищу ведьмы, изображение которой является носовой фигурой судна. Предположительно, название было выбрано под впечатлением от картины, где ведьма изображена в стремительном полете. Перевод названия ничего не

дает читателю, когнитивный багаж которого не содержит этого образа, так как «короткая рубашка» не соотносится со скоростью или дерзостью.

Некоторые названия представляют собой соответствия, исторически сформировавшиеся на основе транскрипции / транслитерации. Это названия-имена вымышленных персонажей («Сэр Ланцелот»), известные географические названия («Фермопилы», «Янцзы», «Калифорния»). Схожий случай представляют названия судов-женские имена, например, корабль «Susan» («Сусанна»). Для судов «Фермопилы» и «Катти Сарк» как наиболее известных чайных клиперов также имеет значение традиция их перевода на русский язык.

Приведенные выше названия – «имена собственные в квадрате». На выбор способа перевода влияет способ, традиционно применяемый для лежащего в основе имени. Несмотря на отражение формы, для ряда единиц сохраняется и содержание: так, образ сэра Ланцелота вызывает ассоциации с благородством и смелостью; Янцзы – река в Китае, для плаваний в которой построено судно.

Особенно интересен перевод названий судов, соответствующих именам нарицательным, чья семантика отражает качества, которые стремились «приписать» судну. Приведем фрагмент из описания чайных клиперов: *Между ожидавшими груз клиперами стояли только что сошедшие с элинга и делавшие первый рейс в Китай красавцы: «Ариэль», «Чайнамэн» («Китаец»), «Ада», и «Тайтсинг». Им не уступали по наружному виду уже зарекомендовавшие себя гонцики «Файри кросс» («Огненный крест»), «Серика», «Тайпинг», «Фалькон» («Сокол»), «Флайинг Спур» («Летящее Острие»), «Блэк Принц» («Черный принц») и «Кульнакаиль» [Лухманов 1941: 58]. Далее в повествовании используются транскрибированные названия. Особый случай представляет перевод еще одного названия: при первом упоминании дается английское название и его соответствие («Lightning» – «Молния»), далее по тексту книги используются транскрипция и соответствие. Параллельное использование этих двух названий свидетельствует о том, что образ молнии прочно связался в сознании автора с судном. Более того, ему настолько важно сохранить метафору, отражающую высокую скорость судна, что далее в сводной таблице к названию «Лайтнинг» он добавляет примечание: *Молния* [Лухманов 1941: 74]. У судов возникали также прозвища, семантику которых следовало передать: *Под его командой «Черный принц» получил от моряков насмешливое прозвище «The Whipper-in», которое ближе всего можно перевести на русский язык словом «хвостист»* [Лухманов 1941: 70]. Хотя суда принадлежали разным судовладельцам, в совокупности их названий есть системность, состоящая в указании на скорость: «Сокол», «Летящее Острие», «Молния», «Летящее облако» или направление следования: «Китаец», «Янцзы». Эта системность может быть сохранена лишь при раскрытии внутренней формы названий.*

В то же время, возникает вопрос о системности иного плана: возможно ли принять единый подход к переводу всех названий? Такие попытки мы наблюдаем на примере художественного произведения [Ефремов 2017] и перевода исторического произведения [Кемпбелл 211]. В первом случае используется преимущественно перевод («Молния», «Летящее облако», искл.: «Катти Сарк»); во втором – транскрипция («Лайтнинг», «Голден Спэр», «Челлендж» и др.,

искл.: «Фермоилы», «Сэр Ланселот»). Судя по исключениям, полностью реализовать системный подход мешает традиция.

Важную роль названия судов играют и в истории о пирате Бенито де Сото: ...всякая показавшаяся на горизонте черная бригантина с наклонными мачтами, напоминавшая своим силуэтом его знаменитую «Black Joke» («Мрачная шутка»), заставляла сжиматься сердца... [Лухманов, 1941: 17]. Название его судна связано с угрозой и опасностью, оно вступает в контраст с названием судна-жертвы: ...барк «Morning Star» («Утренняя звезда»), шедший с Цейлона с грузом, 25 солдатами-инвалидами и двумя десятками пассажиров, был очень плохим ходяком [Лухманов 1941: 19]. Далее в повествовании используются именно эквиваленты, благодаря чему эмоциональное воздействие усиливается.

Третий пример связан с названием советского судна «Товарищ», капитаном которого был Д.А. Лухманов в 1926 г. Приход первого советского судна в иностранные порты стал историческим событием. Он широко освещался в прессе, и, хотя название переводится транскрипцией (*Ла барка «Товарищ» эн ностро порто!; fragata sovietica «Tovarisch»*) [Лухманов 1931: 158, 159], значение русского слова понятно местным жителям: *О нас ходили легенды, и мы скоро стали известны всему Саутгемптону под прозвищем «комрадс оф "Комрад" – товарищи с "Товарища"»* [Лухманов 1931: 56-57].

Наиболее трудный случай представляют названия, имеющие внутреннюю форму, так как нужно сделать выбор между сохранением сходства и передачей образов, особенно если между ними есть системные связи. Влияние оказывают такие факторы как традиция, понятность образа для носителей иных культур, представление автора о когнитивном багаже читателя, тип текста. Осознание этого, видимо, приходит с опытом. При передаче имен судов Д.А. Лухманов сочетает разные подходы, чтобы сохранить и форму, и содержание. Можно сказать, что его личная иерархия профессиональных приоритетов отражает объективную. В текстах разных жанров (художественных, учебных, научно-популярных) Д.А. Лухманов остается капитаном, который делится собственным профессиональным опытом в увлекательной и запоминающейся форме.

Литература

- Влахов С., Флорин С. Непереваемое в переводе. М.: Высшая школа, 1986. 416 с.
- Дыгало В.А. Флот государства Российского. Откуда и что на флоте пошло. М: Издательская группа «Прогресс», «Пангея», 1993. 352 с.
- Епимахова А.С. Имя собственное в аспекте языковой и культурной идентичности (на материале мемуарных текстов) // Мультикультурализм в зеркале лингвистики и перевода: материалы международного научного форума / отв. ред. Н.А.Фененко. Воронеж: НАУКАЮНИПРЕСС, 2022. С. 61-71.
- Ермолович Д.И. Основания переводоведческой ономастики: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М.: Моск. гос. лингвист. ун-т, 2005. 48 с.
- Ефремов И.А. Катти Сарк. М.: Издательским Дом Мещерякова, 2017. 80 с.
- Кемпбелл Д.Ф. Чайные клипера. СПб.: Отраслевые журналы, 2011. 208 с.
- Лухманов Д.А. 20000 миль под парусами. М.: Мол. гвардия, 1931. 174 с.
- Лухманов Д.А. Морские рассказы. Петровск-Дагестанский: Паровая типо-лит. А.М. Михайлова, 1903. 300 с.

Лухманов Д.А. На палубе: Рассказы и очерки из жизни моряков торгового флота. М.-Л.: Гос. изд-во, 1928. 192 с.

Лухманов Д.А. Парусные суда: Краткий ист. очерк. М.-Л.: Военмориздат, 1941. 88 с.

Лухманов Д.А. Руководство по морской практике. СПб.: Имп. О-во судоходства, 1908. 53 с.

Лухманов Д.А. Соленый ветер. М.: Детгиз, 1935. 236 с.

Федоров А.В. Основы общей теории перевода (лингвистические проблемы). СПб.: ООО «Издательским Дом «ФИЛОЛОГИЯ ТРИ», 2002. 416 с.

*A.S. Epimakhova (Arkhangelsk, Russia)
Northern (Arctic) Federal University*

OBJECTIVE AND SUBJECTIVE FACTORS IN RENDERING FOREIGN SHIP NAMES INTO RUSSIAN

There exist two main approaches to rendering foreign ship names into Russian. The choice between transcription / transliteration and translation depends on the origin of the ship name. If its inner form reflects a quality, especially if it belongs to a system of metaphors, translation can be preferable. Translation strategies also depend on the context and tradition.

Key words: ship name, translation, translation of proper names, inner form.

*Н.Н. Зеркина (Магнитогорск, Россия)
Магнитогорский государственный технический
университет им. Г.И.Носова
agatik01@mail.ru*

ПРЕИМУЩЕСТВА КОГНИТИВНОГО ПОДХОДА В ПЕРЕВОДЕ КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКИ МАРКИРОВАННОЙ ЛЕКСИКИ

Статья рассматривает важность применения когнитивного подхода для перевода названий социально-значимых, исторических объектов на примере названия монумента «Тыл – фронту» в г. Магнитогорск с целью полного сохранения коннотации и семантического объема концепта.

Ключевые слова: перевод, семантика, когнитивная лингвистика, концепт, концептосфера.

Значимость применения когнитивного подхода в изучении языка, в переводе и других смежных сферах основана и доказана в ряде работ современных исследователей. Как отмечает А.Н. Усачева «ресурсы переводчика-профессионала – это знание языков и культур, специфические переводческие умения, а также собственные личностные характеристики и когнитивные способности. Когнитивный подход к теории перевода основан на признании особой важности когнитивных элементов и новом понимании технологии перевода, на алгоритме перехода информации от адресанта к адресанту через переводчика-транслятора». [Усачева 2011:135]

Данная работа показывает, как игнорирование когнитивного подхода привело к появлению «переводческой ошибки», переводческого дуплета социально-

значимого, исторического объекта, объекта культурного наследия страны с регистрационным номером 741711243670005 «Памятник «Тыл – фронту» в г.Магнитогорск. Авторы: скульптор – Лев Николаевич Головницкий, архитектор – Яков Борисович Белопольский. Монумент открыт 28–29 июня 1979 года.

«Памятник «Тыл – фронту» представляет собой первую часть триптиха, состоящего из скульптуры «Родина-мать зовет!» – главный монумент – на Мамаевом кургане в Волгограде (Скульптор Евгений Викторович Вучетич, архитектор Николай Васильевич Никитин) и «Воин-освободитель» в берлинском Трептов-парке (Скульптор Евгений Викторович Вучетич, архитектор Яков Борисович Белопольский, художник Анатолий Андреевич Горпенко, инженер Сарра Самуиловна Валериус).

Переводческий процесс зависит от индивидуальных способов переработки информации, от своеобразных особенностей восприятия, категоризации, понимания и интерпретации происходящего, а также учета «лингвистических препятствий для перевода – «специфичность семантики языковых знаков, несовместимость “картин мира”, создаваемых языком для отражения внеязыковой реальности, и различия в самой этой реальности, в культуре и цивилизации носителей разных языков» [Усачева 2011: 132].

Итак, варианты перевода, которые имеет «хождение» в реальном и виртуальном пространствах «Rear to Front», «Rear-front Memorial» не отражают истинного, фактуального смысла, когнитивной ценности увековеченного исторического события, эпохи, действия. Данный объект был буквально переведен на английский язык, воспроизведением коммуникативно-формальных элементов с русского языка, в результате которого, осталось не переданным культурно-историческое содержание слова «тыл» – как «4. перен. Во время войны: вся страна в противоп. фронту. Труженики тыла» согласно словарю Ожегова [Словарь Ожегова : Электронный ресурс].

Как можно предположить, процесс анализа и моделирования когнитивной схемы оригинального текста, воссоздания его в тексте перевода, реконструкции информации из текста оригинала был заменен механической подстановкой слов, его первым значением. Так, анализируя словарную статью, мы видим зафиксированное лексикографически значение **the home front**, которое подходит для переводимого концепта, но не на первом месте.

тыл м 1. rear; **глубокий** ~ **the home front**; зайти в ~ take* in the rear;

2. *обыкн. мн.* (совокупность вспомогательных войсковых частей) rear units [Таубе 1992: 567]

Онлайн переводчикам, машинному переводу и сетям удалось не только глобализировать данный не корректный вариант перевода, но и масштабировать. Искусственный интеллект продолжает фиксировать и распространять «неверный» вариант перевода. В известной широкому интернет пользователю, популярной энциклопедии «Википедия» фигурирует тот же не корректный вариант перевода – «Rear-front Memorial» [Wikipedia : Электронный ресурс].

В результате анализа пяти самых популярных онлайн переводчиков: Google Translate [Google Translate: Электронный ресурс]; Яндекс Переводчик [Яндекс переводчик: Электронный ресурс]; PROMT.One [PROMT.One: Электронный ресурс]; DeepL Po [DeepL Po: Электронный ресурс]; Reverso [Reverso: Электрон-

ный ресурс], мы можем констатировать, что только три из пяти, Яндекс Переводчик, PROMT.One, DeepL Po дают дополнительную информацию, в вариативной части, которая должна заставить переводчика задуматься, вникнуть в историю вопроса и выбрать правильный вариант – «**Homefront to the Front**».

Рассматривая перевод как творческий, синергетический процесс, а точность, как аксиологическую доминанту перевода, проверим правильность выбора, исследуя поле переводческого пространства в «обратном направлении» от английского языка к русскому (*данная идея детально представлена автором в докладе «Машинный перевод, или его роль в закреплении одной переводческой ошибки» на V МНПК «Проблемы лингвистики и лингводидактики в неязыковых вузах», 15-16 декабря 2022 г.*).

- Англоязычная, всемирно известная газета THE GUARDIAN, 12 апреля 2016г. публикует статью о Магнитогорске «Story of cities #20: the secret history of Magnitogorsk, Russia's steel city», где всемирнознаменитый памятник называется «**Homefront to the Front**». (С носителями языка не поспорить!!) [Lihn 2016 : Электронный ресурс];

- На одном из элементов памятника в Кафедральном соборе Св.Михаила в г.Ковентри (Великобритания) посвященного жертвам Второй мировой войны надпись гласит: «*In gratitude to God and to commend to future generations the self-sacrifice of all those who served on **the Home Front** during the Second World War.*» (С носителями языка не поспорить!!);

- В научных исторических статьях на английском языке данный концепт вербализируется как «**Homefront**» [Prakash et al.2011: Электронный ресурс], [Bernazzoli 2001: Электронный ресурс];

- толковый словарь Collins дает следующую интерпретацию: «home front – the civilian sector of a nation at war when its armed forces are combat abroad» [Collins Dictionary : Электронный ресурс].

В ходе анализа языкового материала, было отмечено, что в британском варианте языка концепт вербализируется двумя словами **Home Front**, а в американском варианте языка встречаются два варианта вербализации как два слова и как сложное слова **Home Front, Homefront**.

Таким образом, перевод не всегда представляет собой «горизонтальный» процесс, то есть это не просто замена элементов в зависимости от предпочтения переводчика, как языковой личности, его языкового вкуса и приемлемости языкового материала, а процесс, требующий от переводчика «широкий диапазон индивидуального культурно-когнитивного пространства, непрекращающееся стремление к накоплению новой информации из различных областей человеческой жизнедеятельности, способность выводить новую (зачастую имплицитную) информацию на основе когнитивной обработки лингвистического и экстралингвистического материала, функционирующего в переводческом процессе. Наряду с владением богатым коммуникативно-речевым арсеналом переводчик должен обладать гибким когнитивным механизмом, способным к восприятию и усвоению информации любого плана». [Тарнаева : Электронный ресурс].

Литература

Словарь Ожегова. URL: <https://gufo.me/dict/ozhegov/тыл> (дата обращения 30.03.2023).

Тарнаева Л.П. Специфика когнитивных механизмов речевой деятельности переводчика: лингводидактический аспект. URL: http://vernadsky.tstu.ru/pdf/2008/04g/09g_14.pdf (дата обращения 30.03.2023)

Таубе А.М., Литвинова А.В., Миллер А.Д., Даглиш Р.С., Русско-английский словарь. М.: Русский язык, 1992.

Усачева А.Н. Перевод: от лингвистической теории к когнитивной модели // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2. Языкознание. 2011. № 1 (13). С. 131-137.

Язык виртуального пространства: тенденции и перспективы исследования // Коллективная монография под редакцией Т.Ю. Залавиной, Н.Н. Зеркиной. Магнитогорск: Издательство Магнитогорского государственного технического университета им. Г.И. Носова, 2022.

Яндекс переводчик. URL: <https://translate.yandex.ru/> (дата обращения 30.03.2023)

Bernazzoli R. Homefront: A Military City and the American Twentieth Century. Boston: C. Lutz, Beacon Press. 2001. pp. 1-307, [Электронный ресурс] URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/abs/pii/S0962629807001436> (дата обращения 30.03.2023)

Collins Dictionary. URL: <https://www.collinsdictionary.com/dictionary/english> (дата обращения 30.03.2023)

DeepL Po. URL: <https://www.deepl.com/translator> (дата обращения 30.03.2023)

Google Translate. URL: <https://translate.google.ru/> (дата обращения 30.03.2023).

Lihn A., «Story of cities #20: the secret history of Magnitogorsk, Russia's steel city». URL: <https://www.google.com/url?sa=t&source=web&rct=j&url=https://amp.theguardian.com/cities/2016/apr/12/story-of-cities-20-the-secret-history-of-magnitogorsk-russias-steel-city&ved=2ahUKEwiztryZ5a37AhXjsIsKHXRJBX4QFnoECA4AQ&usg=AOvVaw116q3FrhRP9O7jLtVME7XL> (дата обращения 30.03.2023).

PROMT.One. URL: <https://www.translate.ru/> перевод (дата обращения 30.03.2023)

Prakash J., Bavdekar RD, Joshi SB, The Woes of Waiting Wives: Psychosocial Battle at Homefront // Medical Journal Armed Forces India, January 2011. URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/abs/pii/S037712371180016X> (дата обращения 30.03.2023).

Reverso. URL: <https://context.reverso.net/перевод/> (дата обращения 30.03.2023).

Wikipedia. URL: en.wikipedia.org Rear-front Memorial (дата обращения 30.03.2023).

N.N. Zerkina (Magnitogorsk, Russia)

Nosov Magnitogorsk State Technical University

ADVANTAGES OF THE COGNITIVE APPROACH IN TRANSLATING CULTURAL AND HISTORICAL MARKED LEXIS

The article considers the importance of applying the cognitive approach when translating the names of socially significant, historical objects by examining the name of the «Homefront to the Front» monument in Magnitogorsk in an attempt to fully preserve the connotation and semantic volume of the concept.

Key words: translation, semantics, cognitive linguistics, concept, conceptual sphere.

*Е.С. Коканова, Н.С. Пак (Архангельск, Россия)
Северный (Арктический) федеральный университет им. М.В. Ломоносова
e.s.kokanova@narfu.ru , n.pak@narfu.ru*

СНЯТИЕ ГРАММАТИЧЕСКОЙ ОМОНИМИИ КАК ПРИЕМ ПРЕДРЕДАКТИРОВАНИЯ ТЕКСТА МЕДИЦИНСКОЙ ИНСТРУКЦИИ ДЛЯ МАШИННОГО ПЕРЕВОДА

В статье рассматриваются особенности грамматической омонимии в современном английском языке на примере медицинской инструкции. Снятие грамматической омонимии на этапе предредактирования текста инструкции для нейронного машинного перевода позволяет минимизировать ошибки и уменьшить когнитивные усилия на этапе постредактирования машинного перевода.

Ключевые слова: грамматическая омонимия, медицинская инструкция, нейронный машинный перевод, предредактирование текста инструкции для машинного перевода, английский язык.

Грамматическая организация любого языка предполагает взаимосвязь всех его элементов. Как известно, существенной особенностью английского языка является грамматическая омонимия, которую можно рассматривать как разнообразие интерпретации грамматической категории в определенном контексте. По мнению Г.В. Колшанского, не только исследования языка в сравнительном и типологическом планах должно учитывать любую минимальную системную, то есть контекстуальную, связь соответствующих единиц, но и прикладное использование этих особенностей языка может лежать в основе любой языковой дисциплины [Колшанский 2010: 132-133], например, предредактирования текстов для машинного перевода. Эксперимент проводился на материале инструкции по безопасному перемещению пациента с кровати на носилки из учебного пособия «Clinical Procedures for Safer Patient Care» [Anderson 2018: 204-209]. Перед началом эксперимента был получен результат машинного перевода (raw machine output) инструкции на русский язык тремя системами машинного перевода: одна гибридная система (нейронный машинный перевод + перевод на основе правил) и две нейронные системы. Ниже приведены некоторые ошибки, значимые в контексте нашего исследования:

1. Исходный текст (ИТ): ***Complete risk assessment for safer patient handling Complete QRA including safety*** [Anderson 2018: 204].

Гибридная система машинного перевода (МП 1): ***Полная оценка риска для более безопасного обращения с пациентами. Полный QRA, включающий безопасность.***

Нейронный машинный перевод, система 1 (МП 2): ***Полная оценка рисков для более безопасного обращения с пациентами. Полное выполнение QRA, включая технику безопасности.***

Нейронный машинный перевод, система 2: (МП 3): ***Завершение оценки рисков для более безопасной работы с пациентами. Полный QRA, включая безопасность.***

2. ИТ: *Ensure tubes and attachments are properly placed prior to the procedure to prevent accidental removal* [Anderson 2018: 204].

МП 1: **Убедиться**, что трубки и крепления правильно установлены перед процедурой, чтобы предотвратить случайное удаление.

МП 2 и МП 3 – ошибка отсутствует.

3. ИТ: *Raise bed to safe working height. Flatten the head of bed and side rails* [Anderson 2018: 205].

МП 1: **Поднимите** кровать на безопасную рабочую высоту. **Выверните** головку кровати и боковые рельсы.

МП 2 и МП 3 – ошибка отсутствует.

В ходе эксперимента было проведено предредактирование текста инструкции для машинного перевода с целью минимизировать количество ошибок и сократить объем когнитивных усилий на постредактирование машинного перевода [Жоканова, Пак 2021].

На первом этапе эксперимента нами было выдвинуто предположение, что при обучении выбранных систем машинного перевода использовались формальные маркеры частей речи для снятия грамматической омонимии. В соответствии с этим предположением, при предредактировании текста инструкции были выполнены следующие приёмы [Жоканова, Берендюев, Кулоков 2022]:

- добавление артикля перед дополнением;
- развертывание аббревиатуры, играющей роль дополнения, и добавление перед ней артикля;
- добавление союзного наречия *that*.

Результаты первого этапа эксперимента приведены в таблице 1.

Таблица 1. Предредактирование текста инструкции для машинного перевода, 1 этап

ИТ (предред.)	МП 1	МП 2	МП 3
<i>Complete the risk assessment for safer patient handling.</i>	Завершить оценку риска для более безопасного обращения с пациентами.	Завершите оценку рисков для более безопасного обращения с пациентами.	Выполните оценку рисков для более безопасного обращения с пациентами.
<i>Complete the Quick Priority Assessment including safety.</i>	Пройти быструю приоритетную оценку, включая безопасность.	Завершите быструю оценку приоритетов, включая безопасность.	Пройдите быструю приоритетную оценку, включая безопасность.
<i>Ensure that the tubes and attachments are properly placed prior to the procedure to prevent accidental removal.</i>	Убедиться , что трубки и крепления правильно установлены перед процедурой, чтобы предотвратить случайное удаление.	Ошибка отсутствовала	Ошибка отсутствовала

Как следует из таблицы, добавление артикля перед дополнением предотвратило ошибку, обусловленную грамматической омонимией глагола в повелительном наклонении и существительного, образованного по конверсии. Если при

отсутствии артикля слово *complete* могло быть интерпретировано как прилагательное или существительное, связанное атрибутивной связью с существительным *assessment*, то постановка артикля позволила обозначить границу словосочетания (*the risk assessment*) как дополнения после глагола. Иная трактовка при этом стала невозможной, противоречащей логическому и грамматическому членению предложения. Тем не менее, этот прием оказался «нерабочим» в отношении случаев омонимии повелительного наклонения глагола и инфинитива, так как наличие дополнения в постпозиции не является маркером разграничения этих двух форм. Нулевой результат дало добавление союзного наречия *that*: придаточное предложение также может стоять и после глагола в повелительном наклонении, и после инфинитива. Несмотря на распространенность в англоязычных инструкциях конструкции *ensure, that...*, системы машинного перевода, очевидно, не обучены маркировать ее как повелительное наклонение.

Исходя из полученных результатов, был осуществлен второй этап редактирования текста инструкции для машинного перевода. Целью стало выявление приемов редактирования, способствующих снятию омонимии формы глагола повелительного наклонения и инфинитива. В качестве вариантов были предложены следующие операции:

- добавление в препозиции модального глагола (например, *you should*) или междометия *please*, которые маркируют всё предложение как повелительное;
- объединение двух простых предложений в одно сложное в случаях, когда два соседних предложения составляют один пункт инструкции, и в одном из них форма распознается верно.

Результаты второго этапа эксперимента приведены в таблице 2.

Таблица 2. Редактирование текста инструкции для машинного перевода, 2 этап

ИТ (предред.)	МП 1
<i>Please, ensure that tubes and attachments are properly placed prior to the procedure to prevent accidental removal.</i>	<i>Пожалуйста, убедитесь, что трубки и крепления правильно установлены до процедуры, чтобы предотвратить случайное удаление.</i>
<i>Raise bed to safe working height and flatten the head of bed and side rails.</i>	<i>Поднимите кровать на безопасную рабочую высоту и выровняйте головку кровати и боковые рельсы.</i>

Обе операции на этапе редактирования способствовали предотвращению ошибок. Предположив, что способ с добавлением *please* – самый универсальный (а при редактировании машинного перевода его можно легко убрать, если оно не соответствует целевой аудитории), мы попытались использовать его на всех предложениях с омонимичными формами глагола. В одном случае система МП 1 выдала неожиданный результат:

ИТ (предред.): ***Please**, inform the patient what is about to happen and how they can assist.*

МП 1: ***Пожалуйста**, сообщите пациенту, что произойдет и как **они** могут помочь.*

Данная ошибка обусловлена грамматической омонимией нейтрального местоимения третьего лица единственного числа *they* и местоимения третьего лица множественного числа. Следует отметить, что при переводе исходного текста

без предредактирования той же системой МП 1 такой ошибки не возникало. Системы МП 2 и МП 3 выдали местоимение третьего лица единственного числа и при переводе предредактированного текста. Можно предположить, что системы нейронного машинного перевода уже обучены на достаточном объеме текстов, содержащих нейтральное местоимение третьего лица, и в большинстве случаев его распознают. Ошибка гибридной системы, сочетающей нейронный машинный перевод с переводом на основе правил, по-видимому, вызвана случайной выдачей варианта буквальной передачи элементов предложения.

Третий этап предредактирования в виде замены местоимения существительным (*the patient*) позволил избежать этой ошибки, но целесообразность такой операции представляется спорной. Хотя она и может предотвратить ошибку МП 1, это не сократит когнитивные усилия постредактора, так как он всё равно будет устранять возникшую тавтологию.

Таким образом, эксперимент позволил выявить следующие «рабочие» приемы предредактирования медицинской инструкции для снятия грамматической омонимии:

1. добавление артикля перед дополнением для разграничения глагола и существительного;
2. добавление слово *please*, маркирующего повелительное наклонение (наиболее универсальный вариант);
3. объединение двух простых предложений в одно с однородными сказуемыми.

Литература

Колшанский Г.В. Контекстная семантика. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2010. 152 с.

Коканова Е. С., Пак Н. С. Когнитивный подход в исследовании постредактирования машинного перевода // Когнитивные исследования языка. 2021. 3(46). С. 346-351.

Anderson R., Doyle G. R., McCutcheon J. A. Clinical Procedures for Safer Patient Care. 2018. Thompson Rivers University Edition. Kamloops: Thompson Rivers University. URL: <https://pressbooks.bccampus.ca/clinicalproceduresfor-saferpatientcaretrubscn> (03.04.2023).

Kokanova, E. S., Berendyaev, M. V., Kulikov, N. Yu. Pre-editing English news texts for machine translation into Russian // Language Studies and Modern Humanities. 2022. vol. 4. №1, pp. 25–30. URL: <https://www.doi.org/10.33910/2686-830X-2022-4-1-25-30>, free access (03.04.2023).

*E.S. Kokanova, N.S. Pak (Arkhangelsk, Russia)
Northern (Arctic) Federal University*

GRAMMATICAL HOMONYMY RESOLUTION AS A PRE-EDITING TECHNIQUE FOR MACHINE TRANSLATION OF MEDICAL INSTRUCTIONS

The paper deals with the peculiarities of grammatical homonymy in English on the example of medical instructions. The grammatical homonymy resolution at pre-editing instructions for neural machine translation helps to minimize errors and reduce cognitive effort at post-editing machine translation.

Key words: grammatical homonymy, medical instructions, neural machine translation, pre-editing instructions for machine translation, English.

*С.С. Краева, Е.С. Краснопева (Челябинск, Россия)
Челябинский государственный университет
kraeva.svetlana@gmail.com, krasnopeyeva@gmail.com*

ОБ ИНТЕГРАЦИИ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ И КОГНИТИВНЫХ ПОДХОДОВ ПРИ ОПИСАНИИ СВОЙСТВ ЦИФРОВОГО ПЕРЕВОДА КАК ПРОЦЕССА И ПРАКТИКИ¹

В работе рассматриваются перспективы применения социологического и когнитивного подходов в исследованиях цифрового перевода. Категория цифрового комплекса рассматривается как инструмент для изучения особенностей опосредованного межъязыкового взаимодействия при решении производственных задач предприятий Челябинской области.

Ключевые слова: гибридная среда, когниция переводчика, межъязыковое взаимодействие, технологически опосредованная коммуникация, цифровой перевод.

На современном этапе образ будущего профессии переводчика определяется экспертным сообществом как «неопределённый / непостоянный / неоднозначный» и «динамичный / волатильный / нестабильный» [Гавриленко 2021: 56]. Указанные характеристики во многом отражают трансформацию, связанную с технологической опосредованностью и потенциальной автоматизацией широкого круга профессиональных переводческих задач. Наиболее точную оценку сложившейся ситуации дают Е.В. Чистова и И.В. Убоженко: «в трансформирующейся функциональной системе оказания переводческих услуг на текущий момент образовалось значительное количество производственно-процессуальных лагун» [Чистова, Убоженко 2022: 17], в связи с чем в науке о переводе остро встаёт методологическая проблема «извлечения так называемого неявного, или внутреннего, процедурного знания и его описания в виде когнитивных шаблонов» [Чистова 2021: 54-55].

Наше исследование направлено на описание когнитивных и прагматических особенностей перевода для решения производственных задач предприятий Челябинской области. В фокусе проекта – межъязыковая коммуникация в гибридных средах (hybrid environment) [Crabtree, Rodden 2008], подразумевающая слияние контактного и виртуального взаимодействия.

Наиболее продуктивной для описания особенностей, форм и результатов взаимодействия переводчика-человека и социотехнической среды становится комбинация социологического и когнитивного направлений, разделяющих экстерналистскую трактовку природы человеческого мышления [Ремхе, Нефёдова 2022; Risku, Rogl 2022]. В качестве двух комплементарных подходов рассматриваются акторно-сетевая теория (АСТ) или семиотика материального Б. Латура и теория распределенной когниции или когнитивной этнографии Э. Хатчинса. Выполняя своё исследование на базе двух указанных подходов, Х. Риску и Р.

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-10218, <https://rscf.ru/project/23-28-10218/>, и Челябинской области в Челябинском государственном университете.

Рогль характеризуют объект изучения как разновидность автоматизированного производственного процесса в социальной среде – динамический ансамбль ментальных, социальных и технических феноменов (brains, people and external units) [Risku, Rogl 2022: 41]. Мы, вслед за Х. Бузелин [Buzelin 2006], также видим ряд плюсов в комбинации когнитивной социологии П. Бурьдэ и АСТ в исследованиях перевода. Рассмотрение труда переводчика сквозь призму конструкторов габитуса, поля и траектории, адаптированных для исследования цифровых и технологически опосредованных практик, на наш взгляд, может способствовать пониманию трансформации переводческих задач.

В качестве значимого эвристического инструмента для решения поставленных задач видится категория *цифрового комплекса* (перевод термина *digital assemblage* наш – Е.К., С.К.), определяемая как индивидуальная информационная инфраструктура – когнитивная структура, включающая рекуррентные шаблоны выбора артефактов, особенностей и целей их использования [Jarrahi, Sawyer, Erickson 2022].

В зависимости от характера работы переводчика (преимущественно устный или письменный перевод; фриланс или работа в отделе переводов на предприятии, в организации; только перевод или совмещение разных должностных обязанностей), для решения производственных задач он формирует *цифровой комплекс* (индивидуальную социотехническую инфраструктуру) и соответствующий набор процедурных знаний.

На предприятиях региона переводчик может одновременно сопровождать от трёх до пяти проектов с одной языковой парой (а их может быть несколько, например, русский – английский / немецкий / итальянский / китайский и т.д.). При этом межязыковое взаимодействие может вестись с несколькими зарубежными партнерами, закрывающими разные этапы производственной цепочки. Так, с инженерным бюро, разрабатывающим техническую документацию для нового изделия, ведётся переписка по электронной почте и проводятся переговоры по скайпу, поскольку требуется решать множество технических вопросов наряду с юридическими и финансовыми; с производственными предприятиями, поставляющими комплектующие на регулярной основе, по электронной почте решаются юридические вопросы (ведётся обмен документацией, требующей двустороннего согласования), для срочных запросов и уточнений может использоваться телефонная связь; со всеми партнерами для назначения времени переговоров используется телефон, электронная почта служит средством дублирования информации. Срочность и приоритетность задач может варьироваться. По мере продвижения проектов переводчик выполняет перевод технических заданий, коммерческих предложений, проектной документации, счетов-фактур, таможенной документации, он ведет двустороннюю переписку между специалистами предприятий и добавляет письма в двуязычные файлы с историей переписки по каждому партнеру и/или проекту. Кроме того, в обязанности переводчика входит перевод счетов и прочей документации для отчета сотрудников предприятия по зарубежным командировкам. Для выполнения работы переводчик использует программы автоматизированного перевода, онлайн-источники (словари, справочники, платформы контекстного поиска и др.) и другие инструментальные средства.

Таким образом, даже краткое описание особенностей работы переводчика на предприятии и его взаимодействия с социотехнической средой наглядно демонстрирует потенциал указанного подхода для выявления процедурного знания отдельного специалиста в области перевода. Также перспективно его применение для сравнения сходного процедурного знания переводчика отдела переводов производственного предприятия и переводчика-фрилансера в аспекте различий формируемых ими индивидуальных информационных инфраструктур.

Литература

Гавриленко Н.Н. Форсайт-сессия «Переводчик 2040» // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Проблемы языкознания и педагогики. 2021. № 4. С. 49-63.

Ремхе И.Н., Нефедова Л.А. Диалектика синтеза когниции и переводческой индустрии // Вестник Челябинского государственного университета. 2022. № 3 (461). Филологические науки. Вып. 128. С. 105-114.

Чистова Е.В. Модель экологичного управления когницией в цифровом переводе // Вестник МГУ. Серия 22 «Теория перевода». 2021. № 3. С. 46-59.

Чистова Е.В., Убоженко И.В. Перевод: актуальные научные и профессиональные траектории: монография. Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2022.

Buzelin H. Unexpected allies: How Latour's network theory could complement Bourdieusian analyses in translation studies // *The Translator*. 2005. Т. 11. № 2. P. 193-218.

Crabtree A., Rodden T. Hybrid ecologies: understanding cooperative interaction in emerging physical-digital environments // *Personal and Ubiquitous Computing*. 2008. Т. 12. P. 481-493.

Jarrahi M.H., Sawyer S., Erickson I. Digital assemblages, information infrastructures, and mobile knowledge work // *Journal of Information Technology*. 2022. Т. 37. № 3. P. 230-249.

Risku H., Rogl R. Praxis and process meet halfway: The convergence of sociological and cognitive approaches in translation studies // *Translation & Interpreting*. 2022. Т. 14. № 2. P. 32-49.

S.S. Kraeva, E.S. Krasnopeyeva (Chelyabinsk, Russia)
Chelyabinsk State University

ON THE INTEGRATION OF SOCIOLOGICAL AND COGNITIVE APPROACHES IN DIGITAL TRANSLATION AS A PROCESS AND PRACTICE

This paper discusses the potential of integrating sociological and cognitive approaches in digital translation research. The category of digital assemblage is explored as a heuristic tool for studying cognitive and pragmatic features of translator-mediated and multilingual interaction at Chelyabinsk region enterprises.

Key words: hybrid environment, translator cognition, multilingual interaction, technologically mediated communication, digital translation.

*Е.С. Краснопева (Челябинск, Россия)
Челябинский государственный университет
krasnopereva@gmail.com*

КАТЕГОРИЯ ПРИСУТСТВИЯ ПРИМЕНИТЕЛЬНО К ПЕРЕВОДЧЕСКОМУ СОПРОВОЖДЕНИЮ УДАЛЁННОГО ИНСТРУКТАЖА: О МЕТОДАХ ИССЛЕДОВАНИЯ¹

В работе описываются теоретико-методологические основания исследования переживания переводчиком состояния присутствия в экспериментальных условиях в процессе удалённого абзацно-фразового перевода инструктажа, выполняемого по видеосвязи. В качестве материала выступают транскрипты двуязычной коммуникации и ретроспективных интервью.

Ключевые слова: видеокommunikация, когниция переводчика, телеприсутствие, присутствие, удалённый инструктаж.

Телеприсутствие или присутствие (англ. *telepresence, presence*) определяется как «сложный психосоциальный феномен, наблюдаемый при активно ощущаемом пребывании субъекта в ситуациях, предметных окружениях и социальных средах, отличных от ситуаций, окружений и сред, воспринимаемых сторонним наблюдателем» [Войскунский 2015: 6]. Высокий уровень присутствия может достигаться как в виртуальной среде при использовании специального оборудования, так и без него – при участии в групповых коммуникативно насыщенных видеоконференциях [Войскунский 2015: 6; Felton, Jackson 2021: 3]. Наиболее широкое применение и активную разработку категория присутствия получила именно в исследованиях 3D-систем виртуальной реальности. В рамках нашего проекта интерес представляет переживание присутствия в условиях общения по видеосвязи и влияние этой технологии на когнитивные механизмы устного двустороннего абзацно-фразового перевода.

Роль состояния присутствия (или, скорее, его ненаступления) в формировании когнитивной нагрузки переводчика при выполнении дистанционного (удалённого) устного перевода обозначена на самых ранних этапах развития этого исследовательского направления [Moser-Mercer 2005]. П. Музуракис одним из первых обратил внимание на особую значимость этого феномена для понимания механизмов удалённого синхронного перевода и подчеркнул необходимость интеграции методологических баз исследований удалённого перевода и работ, посвящённых когнитивным и эргономическим аспектам коммуникации в виртуальной среде (*virtual environment*) [Mouzourakis 2006: 55-56].

Настоящее исследование посвящено осмыслению когнитивных и прагматических особенностей удалённого перевода для решения производственных задач. Исследование строится на базе корпуса материалов эксперимента, моделирующего ситуацию переводческого сопровождения удалённого инструктажа в

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-10218, <https://rscf.ru/project/23-28-10218/>, и Челябинской области в Челябинском государственном университете.

режиме видеоконференции. В эксперименте приняли участие переводчики английского, китайского и немецкого языков с разным опытом работы и носители соответствующих языков. Целью коммуникации являлась координация совместной практической деятельности иноязычного инструктора и оператора – исполнителя. Для моделирования выбрана задача на сборку конструктора «Лего», широко применяемая при изучении когнитивных аспектов технологически опосредованного взаимодействия (см., например, [Alem 2009]). Подробно теоретико-методологические основания, а также структура эксперимента описана в [Краснопеева, Краева 2023б]. Ранее выявлено, что специфика рассматриваемой ситуации и наблюдаемые лингвистические особенности во многом обусловлены предметно-ориентированным характером общения и ограничениями технологии видеосвязи [Краснопеева, Краева 2023а], влияющими на когнитивные и психологические механизмы перевода.

Несмотря на сложность определения состояния присутствия [Moser-Mercer 2006: 79], на сегодняшний день существует набор субъективных и объективных методов для его оценки [Felton, Jackson 2022; Weibel, Schmutz, Pahud, Wissmath 2015]. В нашем исследовании на первом этапе ретроспективного интервью с переводчиком применялся подход, описанный Л. Алем [Alem 2009: 337-338] и адаптированный для задач нашего проекта. После завершения сборки конструктора переводчик отвечал на вопросы, позволяющие рассуждать о социальном присутствии или со-присутствии: «Ощущали ли вы, что вы и другие участники эксперимента выполняли сборку в одной комнате? В одном пространстве?», «Ощущали ли вы, что в процессе сборки компьютер, монитор и программа, опосредующие общение, будто бы исчезли?», «Вспомните ситуацию, в которой вы вместе с другим человеком выполняли прикладную задачу / в которой вы выполняли контактный перевод-сопровождение при решении прикладных задач. Сравните этот опыт и опыт, который вы испытали сегодня». Транскрипт сессии и интервью в дальнейшем были обработаны с применением корпусного менеджера #Lancsbox [Brezina, Weill-Tessier, McEnery 2020]: в соответствии с выбранным подходом проанализированы особенности употребления местоимений, модальных и ментальных глаголов (обозначающих мыслительные действия знать, думать), а также дейктических наречий и местоимений, которые, в свою очередь, могут служить индикатором для определения состояния присутствия.

На втором этапе интервью в качестве стимула использована графическая шкала (pictorial presence scale, self-assessment manikins), отражающая степень переживания присутствия по следующим параметрам: распределение внимания (attention allocation), пространственная модель ситуации (spatial situation model), пространственное присутствие: ощущение своего местоположения в пространстве (spatial presence: self-location) и возможность выполнять действия (spatial presence: possible actions), высокая степень когнитивной вовлечённости (higher cognitive involvement) и «приостановка недоверия» (suspension of disbelief) [Weibel, Schmutz, Pahud, Wissmath 2015]. Участникам предлагалось соотнести свои ощущения с соответствующим условным изображением на шкале и прокомментировать выбор. Транскрипты этого этапа интервью изучались с применением контент-анализа.

Итак, описание ощущений переводчика в процессе работы в удалённом режиме представляет интерес ввиду новизны и комплексности данного вида переводческой деятельности. Предполагаем, что данная комбинация подходов может быть использована в качестве инструмента для изучения влияния удалённого режима работы на наиболее значимые для двустороннего перевода когнитивные механизмы контроля и внимания. В заключение отметим: несмотря на то, что степень «проживания» присутствия во многом определяется индивидуальностью человека [Moser-Mercer 2006: 79], а также на то, что технология видеосвязи, в отличие от виртуальной реальности, формирует лишь «смешанную» модель присутствия [Felton, Jackson 2021: 3], предварительная оценка нашего материала даёт возможность рассуждать о том, что все участники так или иначе на разных этапах эксперимента фиксировали некоторые аспекты разных категорий присутствия, которые соотносили с активным вовлечением в работу и лёгкостью координации коммуникации.

Литература

- Войскунский А.Е.* Концепции зависимости и присутствия применительно к поведению в Интернете // *Медицинская психология в России*. 2015. № 4 (33). С. 1-10.
- Краснопеева Е.С., Краева С.С.* Асимметрия оригинала и перевода в ситуации удалённого инструктажа // *Русский лингвистический бюллетень*. 2023а. № 1(37). С. 1-13.
- Краснопеева Е.С., Краева С.С.* Удалённый инструктаж как инструмент экспериментального исследования устного перевода, опосредованного видеосвязью // *Язык и культура в глобальном мире*. 2023б. С. 169-173.
- Alem L.* Presence in video-mediated interactions: Case studies at CSIRO // *Media Space 20+ Years of Mediated Life*. 2009. P. 369-392.
- Brezina V., Weill-Tessier P., McEnery A.* #LancsBox v. 5.x. 2020. URL: <http://corpora.lancs.ac.uk/lancsbox> (дата обращения 15.04.2022).
- Moser-Mercer B.* Remote interpreting: The crucial role of presence // *Bulletin vals-asla*. 2005. Vol. 81. P. 73-97
- Mouzourakis P.* Remote interpreting: a technical perspective on recent experiments // *Interpreting*. 2006. Vol. 8. No. 1. P. 45-66.
- Weibel D., Schmutz J., Pahud O., Wissmath B.* Measuring spatial presence: Introducing and validating the pictorial presence SAM // *Presence: Teleoperators and Virtual Environments*. 2015. Vol. 24. No. 1. P. 44-61.

E.S. Krasnopeyeva (Chelyabinsk, Russia)
Chelyabinsk State University

METHODS OF PRESENCE ASSESSMENT IN INTERPRETER-MEDIATED REMOTE GUIDANCE ON A PHYSICAL TASK

This paper explores the theoretical and methodological foundations of studying presence as experienced by interpreters mediating remote guidance on a physical task. The study is based on the transcripts of the experimental sessions and retrospective interviews.

Key words: video communication, interpreter cognition, telepresence, presence, remote guidance.

*И.О. Мазина, Н.И. Власенко (Курск, Россия)
Юго-Западный государственный университет
mazinairin@yandex.ru, natashavlasenko@yandex.ru*

ВОЗМОЖНОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ CHAT GPT ДЛЯ ПЕРЕВОДА НАУЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

В данной статье рассматриваются возможности использования Chat GPT для перевода научных текстов, включая способность модели работать с техническими терминами и ее потенциальные ограничения в точности интерпретации и надежности донесения информации.

Ключевые слова: Chat GPT, перевод научно-технической литературы, чат-бот, английский язык, русский язык.

Способность быстро и точно переводить научные тексты имеет решающее значение для содействия научному прогрессу и сотрудничеству. Коммуникация между представителями разных стран может обеспечиваться не только переводчиком, но и с помощью специальных программ. В настоящий момент сервисы, предоставляющие услуги по переводу, имеют возможность преобразовывать текст, документы, картинки с одного языка на другой. К ним относятся веб-сервисы: Google Translator, Яндекс переводчик, DeepL, Reverso, Bing Translator, Babel Fish. Одним из революционных инструментов в этом отношении является Chat GPT. Чат-бот, созданный в 2022 году компанией Open AI, использует алгоритмы глубокого обучения для понимания и создания связного человекоподобного текста, что делает его полезным инструментом для решения различных задач, включая перевод научных текстов.

Основной целью перевода научного текста является не только замена значений слов одного языка другими, но и корректная интерпретация содержания материала. Перевод научной литературы должен быть сделан таким образом, чтобы сохранить вклад автора, сконцентрироваться на ключевых определениях, но не перегрузить его дополнительными объяснениями. Сложность заключается именно в точности донесения информации, так как минимальная погрешность перевода или оттенок значения отдельного слова могут исказить смысл текста. Эта мысль точно передана в высказывании А.Л. Пумпянского: «Перевод научной и технической литературы является особой дисциплиной, возникшей на стыке лингвистики, с одной стороны, и науки, и техники – с другой. Поэтому перевод научной и технической литературы надо рассматривать как с языковедческих, так и научных и технических позиций» [Пумпянский 1965:19].

Сложно получить адекватный перевод с английского на русский с помощью автоматических переводчиков, поскольку языки имеют отличную друг от друга структуру. У русского языка синтетический строй языка, для которого важную роль играют форма слова и его окончание. Из этого следует то, что в русском языке свободный порядок слов и связи между членами предложения существуют благодаря этой морфеме. Кроме того, мы можем определить часть речи по морфемному составу слова без уточнения его места в предложении.

Английский язык, в отличие от русского, является аналитическим, то есть главная роль принадлежит глаголу, и в зависимости от его формы меняются

смысловые оттенки передаваемой информации. Строгий порядок слов в предложении и обязательное присутствие подлежащего и сказуемого дифференцирует английский язык от русского. Также, в английском языке нет грамматической категории рода, он определяется другими средствами, например, лексическим значением, личными местоимениями.

Для того, чтобы выделить положительные и отрицательные стороны использования Chat GPT для перевода научной литературы, рассмотрим результаты перевода с английского на русский на примерах, взятых из учебного пособия “Learning Teaching” Джима Скriverенера и сравним их с некоторыми подобными сервисами.

A written plan is evidence that you have done that thinking. It can also serve as a useful in-lesson reminder to you of your pre-lesson thoughts. Beyond that, however, it is not holy writ. It is not set in concrete [Scrivener 2011: 123].

Google Translator: Письменный план является свидетельством того, что вы сделали это мышление. Это также может послужить полезным напоминанием вам во время урока о ваших мыслях перед уроком. Кроме того, однако, это не святое писание. Он не залит бетоном.

Грамматический комментарий: автоматический переводчик не распознает слова заместители («это»); прямой перевод слов соответствует временной конструкции. Лексико-семантический комментарий: Google Translator не способен выбрать нужное по контексту значение в некоторых случаях (“you have done that thinking” – «вы сделали это мышление»); отсутствует правильный перевод идиомы (“it is not set in concrete”).

Chat GPT: Письменный план является доказательством того, что вы продумали свой урок. Он также может служить полезным напоминанием во время урока о том, что вы уже продумали. Однако это не священное писание, которое нельзя изменить.

Chat GPT распознал идиому и перефразировал ее, объединив два предложения в одно, подобрал подходящее по роду местоимение. Однако, появилась ошибка в виде лексического повтора («продумали урок» – «уже продумали»).

Рассмотрим еще один пример из пособия “Learning Teaching” и сравним перевод Chat GPT и DeepL Translator.

A carefully worked-out plan is the end result of thinking logically through the content of the lesson before the lesson. It then informs your teaching in class, whether you actually follow it completely or not. Thinking through possible content and problems before class provides you with informed choices that set you free in class. [Scrivener 2011: 123].

DeepL Translator: Тщательно проработанный план – это конечный результат логического обдумывания содержания урока до его начала. Затем он служит основой для вашего преподавания на уроке, независимо от того, следуете ли вы ему полностью или нет. Обдумывание возможного содержания и проблем перед уроком дает вам возможность осознанного выбора, который освобождает вас на уроке.

Грамматически перевод выстроен верно. С лексической стороны в данном переводе присутствуют ошибки, связанные с неточными эквивалентами слов русского языка. Так, например, теряется смысловой оттенок слова “then” и фразы “set you free”.

Chat GPT: Тщательно продуманный план – это конечный результат логического мышления о содержании урока до самого урока. Затем он информирует вашу преподавательскую деятельность в классе, будь то полное его следование или нет. Мышление о возможных материалах и проблемах до урока дает вам информированные выборы, которые освобождают вас в классе.

Как и в варианте перевода DeepL, Chat GPT допустил ошибки в неточности лексического оттенка значения («затем», «информирует деятельность», «информированный выбор», «освобождают»). Кроме того, с точки зрения грамматики мы видим неправильный выбор слова заместителя («его») и его формы, что приводит к искажению смысла всего предложения. В данном случае можно сказать, что Chat GPT выполнил задачу хуже, чем DeepL. Вариант перевода Chat GPT трудночитаем, с первого прочтения сложно уловить мысль, заложенную в отрывке.

Сравнив машинные переводы, мы можем сказать, что в каждом из инструментов машинного перевода были как и достойные варианты, так и ошибки. Но полностью передать нормы языка и перевода, без вмешательства человека не получилось. Поскольку Chat GPT ориентирован на корректировки пользователя и на его отзывах о работе языковой модели, чат исправляет свои ошибки и заносит их в базу данных. Вследствие такой работы перевод научных текстов нейросетью на данный момент является одним из наиболее качественных вариантов, предоставляемых средствами технического прогресса.

Несмотря на имеющиеся возможности, использование Chat GPT для перевода научных текстов также сопряжено с некоторыми трудностями. Одной из основных проблем является точность перевода. Хотя Chat GPT является высокотехнологичной системой, это все еще система искусственного интеллекта, и в ней возможны ошибки. Еще одной проблемой является отсутствие контекста в научных текстах [Власенко 2009: 89]. В научных исследованиях часто используется технический язык, требующий понимания основных понятий. Chat GPT может не справиться с точным переводом таких текстов без соответствующего контекста.

В заключение следует отметить, что Chat GPT открывает ряд возможностей для перевода научных текстов, включая преодоление языковых барьеров, повышение доступности научных исследований для широкой публики и автоматизацию процессов перевода. Однако существуют проблемы, такие как точность перевода, отсутствие контекста в научных текстах. Поскольку Chat GPT продолжает развиваться, важно учитывать его возможности и недостатки при использовании для перевода научных текстов. При правильном использовании и развитии Chat GPT может стать ценным инструментом для развития международного сотрудничества и обмена научными знаниями.

Литература

Пумпянский А.Л. Введение в практику перевода научной и технической литературы на английский язык. М.: Наука, 1965. 304 с.

Scrivener J. Learning Teaching. Oxford: Macmillan Education, 2011.

Власенко Н.И. Лингвопрагматическое исследование функционирования косвенных речевых актов в эпистолярном жанре. Старый Оскол: ООО «Тонкие наукоемкие технологии», 2009. 124 с. EDN UZVTAT.

*I.O. Mazina, N.I. Vlasenko (Kursk, Russia)
Southwest State University*

USING CHAT GPT TO TRANSLATE ACADEMIC TEXTS

This article examines the opportunities of using Chat GPT to translate academic texts. The ability of Chat GPT to translate technical terms and its potential limitations in interpretation accuracy and reliability of information delivery are described.

Key words: Chat GPT, translation of scientific and technical literature, chatbot, English language, Russian language.

*А.П. Миньяр-Белоручева (Москва, Россия)
Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
ostvera@mail.ru*

КОГНИТИВНЫЕ МЕХАНИЗМЫ ПРОФЕССИОНАЛЬНО ОРИЕНТИРОВАННОГО ПЕРЕВОДА

В рамках данной статьи предпринимается попытка рассмотрения когнитивных механизмов перевода, стабильное функционирование которых приводит к принятию верного решения на перевод переводчиком, находящимся в стрессовой ситуации в процессе своей профессиональной деятельности. Качество перевода зависит от способности переводчика преодолевать стрессогенные факторы.

Ключевые слова: когнитивные механизмы перевода, языковое сознание, когнитивный диссонанс.

Перевод как примордиальное средство коммуникации между народами, переходящее в диалог или конфликт культур, в течение веков является предметом теоретических изысканий, направленных на обоснование данного сложного, многогранного феномена. В фокусе современного переводоведения находятся многочисленные модели, подходы и концепции перевода, которые, несмотря на разнородность, сводятся к семантике и необходимости передачи смысла исходного высказывания на язык перевода. В рамках современной когнитивно-дискурсивной парадигмы перевод рассматривается как один из наиболее действенных средств передачи и получения знания, а действия переводчика изучаются с позиций когнитивных механизмов, определяющих выбор его языковых средств. Когнитивистика рассматривает «язык как общий когнитивный механизм, как когнитивный инструмент системы знаков, играющих роль в репрезентации (кодировании) и в трансформировании информации» [КСКТ 1997: 53-55]. При устойчивом функционировании когнитивных механизмов переводчик, как правило, имеет возможность понять и осмыслить исходное сообщение, максимально сузив рамки решения на перевод. Когнитивные механизмы перевода, постоянно изменяющиеся под воздействием стрессовых условий работы, не всегда позволяют переводчику должным образом понять и обработать информацию, содержащуюся в исходном сообщении, что приводит его к принятию ошибочного решения на перевод. Исследование, проведенное с позиций когнитивной нау-

ки показало, что нарушение функционирования когнитивных механизмов перевода происходит вследствие возрастания стрессовых нагрузок, вызванных как объективными факторами, одним из которых является фактор времени, так и субъективными, к которым относятся профессиональные и фоновые знания переводчика, а также уровень его языковой подготовки [Балабин, Давыдова 2018]. Следует отметить, что фактор времени и принятие решения на перевод взаимосвязаны: чем меньшим временем располагает переводчик, тем шире становится его переводческая вариативность, наличие значительного времени сужает принятие решения на перевод, способствуя наиболее точной передаче исходной информации на другой язык. В стрессовых ситуациях, будучи ограниченным во времени, переводчик вынужден варьировать полученной информацией, обобщая, сокращая или иногда неверно передавая исходное сообщение на язык перевода. Следовательно, стрессовая ситуация и фактор времени приводят переводчика к когнитивному диссонансу, вызывающему изменение его языкового сознания [Спивак 2000:], снижающему качество перевода. Темпорально-ситуативные детерминанты ограничивают когнитивные возможности переводчика в понимании и осмыслении исходного сообщения как устного, так и письменного, что не всегда позволяет ему найти соответствующий эквивалент в языке перевода. В стрессовых ситуациях нарушение функционирования когнитивных механизмов перевода приводит к инфракции прогностической деятельности переводчика, следствием которой является непонимание смысла, заложенного в исходном сообщении. Дисфункция сложной системы когнитивных механизмов вероятностного прогнозирования перевода проявляется в принятии неверных решений на перевод, приводящих к искаженному «формированию смысла в высказывании» [Болдырев 2021: 202] на языке перевода. Для сохранения способности находить соответствующие эквиваленты в языке перевода, не деформируя идеи, заложенные в исходном сообщении, переводчику необходимо учитывать время и обстановку, в которой происходит перевод, сужая, по мере возможности, постоянно увеличивающуюся вариативность преобразования исходного сообщения в сообщение на языке перевода. Основная задача переводчика заключается в способности укрепить стабильное функционирование когнитивных механизмов в стрессовой ситуации, опираясь на лингвистические и экстралингвистические знания, необходимые для осуществления перевода в сфере профессиональной коммуникации.

Подход к переводу с позиций когнитивных механизмов позволяет выявить и описать процессы, происходящие в ментальном пространстве переводчика между его восприятием исходного текста, который рассматривается как письменная форма дискурса [Турбина 2018: 321] и созданием текста на языке перевода в том числе и письменного. При решении поставленных задач стабильно функционирующие когнитивные механизмы позволяют переводчику создавать в его сознании образы двух текстов одновременно: исходного и формирующегося в процессе перевода [Holmes 198: 96], актуализируя не только оба языка и обе культуры [Гарбовский 2007: 319], но и фоновые знания, отсутствие которых при межъязыковой коммуникации, приводит к деформации смысла, заложенного в оригинале.

Как известно, успех перевода во многом зависит от степени понимания переводчиком смысла, заложенного в исходном тексте и передаче его на другой язык посредством языковых средств, обуславливающих качество перевода. Стабильно функционирующие когнитивные механизмы перевода способствуют передаче смысла, заложенного в сообщении на исходном языке на язык перевода, языки и культура которых характеризуются самобытностью и ярко выраженным своеобразием. Следует отметить, что межъязыковые различия, относящиеся к важнейшему фактору перевода, требуют преобразований, зависящих от соотношения языков [Мунэн 1978]. Учитывая, что языковые системы, используемые при переводе, как правило не совпадают, многие теоретики перевода предпочитают говорить не о переводе *per se*, а об интерпретации сообщений в межкультурной коммуникации.

Интерпретативный подход к переводу, восходящий к классической философской герменевтике, является наиболее универсальным, поскольку, исключая концепцию «непереводимости», обогащает язык перевода, передавая смысл исходного высказывания, максимально задействовав когнитивные механизмы перевода. Интерпретация, сопряженная с индивидуальным видением переводчиками одного и того же объекта, допускает вариативность перевода. Рассмотрение интерпретации как научной категории, позволило ученым выделить три уровня: философско-гносеологический, функционально-логический и операционно-семантический, которыми руководствуются переводчики в своей профессиональной деятельности [Иванов 2018: 9]. Каждый уровень имеет свою специфику, обосновывающую любое решения на перевод.

На философско-гносеологическом уровне интерпретация, соотносящаяся не только с пониманием, но и идентификацией смысла высказывания, направлена субъективное осмысление исходной ситуации адресатом сообщения. Функционально-логический уровень интерпретации предполагает смену субъекта понимания, допуская развитие мысли переводчиком, который не стремится заменить автора исходного сообщения. Интерпретация на операционно-семантическом уровне, исходя из символики знака, допускает исключительно ситуационно-коннотативное расширение, заложенное в исходном сообщении [Osgood 1960]. Переводчик достраивает исходное высказывание, опираясь на собственное понимание смысла. Таким образом, интерпретация предоставляет переводчику более широкие возможности для точной передачи смысла исходного сообщения.

Одной из стрессовых ситуаций для начинающих профессионально ориентированных переводчиков, специализирующихся по истории, является письменный экзамен, во время которого у некоторых из них происходит нарушение функционирования когнитивных механизмов перевода, вызывающее сбой в работе механизма вероятностного прогнозирования, что приводит к ошибочному выбору языковых единиц перевода. Так, несмотря на информацию, заложенную в приведенном в сноске названии исторического произведения «The Modernisation of Russia 1676–1825», послужившего источником тестового фрагмента, вышедшие из под контроля когнитивные механизмы, а также недостаток фоновых знаний, не позволяют переводчику принять верное решение на перевод. Оставив без внимания подсказку, заключенную в названии монографии, четко обозначившем хронологические рамки исследования, неопытные переводчики, кото-

рые не в состоянии осмыслить «дискурсивное значение» [Турбина 2018: 233] многозначной лексической единицы “court” в предложенном им фрагменте: “So dazzling was the court’s display that its political significance is in danger of eclipse. Not even its composition has been properly studied. Yet the court lay at the heart of Russian government. <...> Though it is often said that early-modern monarchs modelled their courts on Versailles, many similarities owed more to these institutions’ common origin in the medieval household than deliberate imitation” [Dixon 2003: 118-119], принимают концептуально неверное решение на перевод, что приводит к искажению смысла переводного высказывания. Знание о том, что Государев Двор – “court” появился в России в XII веке, а судебная система – “court” была учреждена в Российской империи в 1864 году, ограничивает выбор решения на перевод переводчиком в том случае, если его концептуальный механизм находится в стабильном состоянии. В стрессовых ситуациях при межъязыковой передаче сообщения переводчик должен сохранять стабильное функционирование когнитивных механизмов перевода.

Несмотря на возросший интерес к когнитологии, когнитивные механизмы перевода как совокупность ментальных процессов, изменяющихся под воздействием различных факторов, требует всестороннего исследования с целью выявления способов преодоления их неустойчивости и восстановления стабильности, необходимой для осуществления высококачественного перевода. Когнитивный подход к переводу направлен на преодоление когнитивного диссонанса, который испытывает переводчик, сталкиваясь с трудностями перевода или оказываясь в стрессовых ситуациях, при которых осуществляется его профессиональная деятельность.

Литература

Балаганов Д.В., Давыдова Т.Ю. Когнитивные механизмы в синхронном переводе // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова. 2019. №47. С. 19-32.

Болдырев Н.Н. Когнитивная семантика. Введение в когнитивную лингвистику: курс лекций. Изд. 5е, испр. и доп. Тамбов: Издательский дом «Державинский», 2021.

Гарбовский Н.К. Теория перевода: учебник. М.: Издательство МГУ, 2007.

Иванов Н.В. Интерпретация в знаковой онтологии языка и в переводе: монография. М.: ИД «Международные отношения», 2018.

Краткий словарь когнитивных терминов / Е.С. Кубрякова, В.З. Демьянков, Ю.Г. Панкрац, Л.Г. Лузина; под общ. ред. Е.С. Кубряковой. М.: Филол. факультет МГУ им. М.В. Ломоносова, 1996.

Мунэн Ж. Теоретические проблемы перевода. Перевод как языковой контакт // Вопросы теории перевода в зарубежной лингвистике. М.: Международные отношения, 1978. С. 36-41.

Спивак Д.Л. Измененные состояния сознания: психология и лингвистика / Под ред. акад. Н.П. Бехтеревой. СПб.: Ювента, 2000.

Турбина О.А. Механизмы и принципы формирования смыслового содержания текста (на примере текста рекламного слогана // Русский язык в поликультурном мире. Сборник научных статей II Международного симпозиума. В 2-х томах. 2018. С. 321-327.

Dixon S. The Modernisation of Russia 1676–1825. Cambridge: Cambridge University Press, 2003.

Holmes J.S. Translated! Papers on Literary Translation and Translation Studies. Amsterdam: Rodopi, 1988.

Osgood Ch.E. Some Effects of Motivation on Style of Encoding // *Style in Language* / edited by T.A. Sebeok. 1960. P. 293-300.

A.P. Minyar-Beloroucheva (Moscow, Russia)
Lomonosov Moscow State University

COGNITIVE MECHANISMS OF PROFESSIONALLY ORIENTED TRANSLATION

In the article, an attempt is made to study the cognitive mechanisms of translation, the stable functioning of which leads to the correct choice of linguistic means, even when translators are experiencing stress in their professional activities. The quality of translation depends on the translator's ability to overcome stress.

Key words: cognitive translation mechanisms, linguistic consciousness, cognitive dissonance.

С.А. Песина, Л.С. Комисарова (Магнитогорск, Россия)
*Магнитогорский государственный технический
университет им. Г.И. Носова*
lyudmila-komisarova@mail.ru, spesina@bk.ru

РОЛЬ АНТРОПОМОРФНОЙ МЕТАФОРЫ В КОГНИТИВИСТИКЕ И СОВРЕМЕННОЙ ТЕОРИИ ПЕРЕВОДА¹

В статье рассматривается роль и специфика декодирования антропоморфной метафоры в когнитивной лингвистике и теории перевода. В случаях неэквивалентного перевода метафор при несовпадении многозначных структур русского и английского языков может значительно меняться коммуникативно-прагматическое наполнение текстов. Переводчикам предлагается ряд рекомендаций по решению данной и других проблем адекватного перевода.

Ключевые слова: антропоморфная метафора, когнитивная лингвистика, семантика, теория перевода, техники перевода.

В ряде эмпирических наук о человеке, в частности, в когнитивной лингвистике, нейролингвистике, сравнительно-сопоставительной лингвистике и других науках наблюдается возрастающий интерес к изучению антропоморфных метафор. В современной теории перевода метафоры, наряду с фразеологизмами, являются «камнем преткновения» и до сих пор вызывают трудности у переводчиков и у различных электронных переводческих ресурсов. Переводчиков интересуют средства и приемы перевода антропоморфной метафоры в зависимости от типа текста и его социокультурной направленности.

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-18-20022, <https://rscf.ru/project/22-18-20022/>

Их также интересует возможность успешного решения сопутствующих лингвокультурологических задач.

Антропоморфная метафора используется авторами художественных произведений с целью моделирования жизненных ситуаций, обеспечивает связь с логикой и мифологией, является едва ли не единственным способом содержательно определить объекты высокой степени абстракции. Чаще всего, автор соотносит параметры своего тела с параметрами окружающих предметов и явлений живой и неживой природы. В наши дни антропоморфная метафора способствует постижению объектов и явлений действительности «по образу и подобию» человека и тем самым пересекается с одним из ключевых понятий когнитивной лингвистики – понятием телесности или «воплощенности» (embodiment) как проявления антропоморфизма в языке и мышлении [Песина, Юсупова, Пулеха, 2019].

Одной из проблем, возникающих при переводе антропоморфной метафоры является несовпадение многозначности в языке оригинала и переводе. В антропоморфных метафорах заключено культурно-специфическое содержание, которое переводчик должен понять и передать в тексте перевода [Песина, Баклыкова, Козлова 2021]. Так, в лексико-семантической группе «Тело человека» фактически только семантическая структура полисеманта *tooth* (зуб) совпадает в английском и русском языках. Во всех других многозначных словах этой категории в английских структурах наблюдается большее число метафор по сравнению с русскими эквивалентными полисемантами. Так, структура английского многозначного слова *leg* (нога) содержит 16 метафор, а английское многозначное слово *mouth* (рот) – 23. В русском языке отсутствуют такие английские метафоры, как *leg of a cricket field / football game / a dart match / races*, *mouth of a cavity / canyon / valley / shelter / tool / device / street / univalve shell* («нога» поля для крикета / футбола / матча в дартс / гонок; рот (устье) пещеры / каньона / долины / укрытия / инструмента / приспособления / улицы / одностворчатой раковины моллюска). В процессе перевода подобных антропоморфных метафор переводчик непременно должен учитывать тот факт, что для них характерна личностно-смысловая и контекстуальная нагрузка, поэтому лексикализацией или буквализмами проблему перевода данных метафор решить зачастую сложно. В этой связи, использование буквализмов или описательного перевода может привести к частичным стилистическим потерям, особенно в художественной литературе.

Однако это касается не всех антропоморфных метафор. Следует признать, что большая их часть воспринимается без особых усилий, интуитивно. Они автоматичны и основаны на достаточно конкретных и простых для восприятия образах. В их основе лежит так называемый кристаллизованный интеллект по Каттелю [Cattell 1971], который не предполагает эвристическое мышление (*a head of a train/ mountain/ beer/ river/ stick, a mouth of a furnace/ river/ volcano, a nose of a berry/ ship, a foot of a mountain, a knee of a pipe, a neck of a bottle* и т.п.). Возникает вопрос о том, являются ли метафоры лексико-семантического поля «Одежда человека» антропоморфными (*veil of fog, coat of a pipe, sleeve of a pipe, cloak of prejudice / religion / hypocrisy* и др – вуаль (завеса) тумана, изоляция

трубы, плащ предубеждения / религии / лицемерия). Мы полагаем, что являются [Песина, Юсупова, Пулеха 2019;].

Для перевода подобных метафор мы предлагаем прибегнуть к инвариантному подходу и определять важные доминантные семантические признаки, лежащие в основе всех метафор полисеманта. Число таких компонентов бывает ограничено. Они представляют собой содержательное ядро и реализуют в контексте яркую ассоциацию [Песина, Солончак 2014; Solonchak, Pesina, 2015; Pesina et al 2021]. Например, в процессе перевода метафоры *tongue of flame* (язык пламени) следует учитывать, что полисемант *tongue* основан на идентифицирующих признаках общего характера – *продолговатый, сужающийся к концу объект* и в этом качестве подобен пламени. Учитывая подобные ядерные признаки, переводчику нетрудно ассоциативно перевести и выражение *tongue of a shoe* как «язычок ботинка», так как по форме он напоминает соответствующий речевой мышечный орган человека.

И, тем не менее, как следствие несовпадения лингво-когнитивных картин мира двух языков большое число отсутствующих тропов требует особого мастерства от переводчика. Так, в художественных авторских текстах посредством оригинальных антропоморфных метафор может транслироваться «ядро» авторского послания, доминантные особенности персонажей, важнейшие аспекты их жизненного опыта и т.п. Хороший переводчик чувствует наличие метафорического переноса исходя из окружающего контекста и зачастую интуитивно имеет представление о том, какие признаки лежат в основе той или иной метафоры.

В лингвистической литературе предлагаются и другие приемы перевода, которыми могут воспользоваться переводчики для перевода антропоморфных метафор в художественном тексте:

- ✓ сохранение метафорического образа, в случае если он понятен и близок для носителей другого языка;
- ✓ замена оригинальной метафоры метафорой-эквивалентом;
- ✓ перевод метафоры сравнением;
- ✓ сохранение метафорического образа с добавлением поясняющей информации;
- ✓ перевод метафоры перефразированием [Newmark 1988]. Описательный перевод применяется, когда образные выражения в одном языке малопонятны или неизвестны.

Поскольку метафора в целом является одним из основных средств выражения авторского стиля художественного текста, помогая понять сложное через простое, переводчик должен стремиться точно передать форму и семантическое содержание метафоры текста оригинала. Иногда имеет смысл прибегать к дословному переводу антропоморфных метафор, поскольку в теории перевода всегда есть возможность адаптации метафорического образа к образу наиболее понятному целевой аудитории в случае, если конкретная антропоморфная метафора содержит препятствующий пониманию элемент культуры носителей языка [Newmark 1988]. Сущность антропоморфной метафоры, действительно, редко полностью меняется при переводе, особенно хорошо это отражено в следующих примерах:

*The man whose coat was **ripped** from him not by the **wind** but by the **sun*** (С. Дагдейл) – *Словно с нас пальто **срывал не ветер, срывало солнце**.*

Для полноты картины, приведем пример, где антропоморфная метафора не переводится буквально:

*I hear the wind again, as our **hearts** quieten* (Д. Константайн) – *Я слышу ветер снова, а **душа** затихла.*

Подводя итог, можно отметить, что решение о сохранении метафоры принимается переводчиком в зависимости от набора языковых средств, которыми он располагает, поскольку главной его задачей является точная передача смысла метафоры. Также не стоит забывать, что качественный перевод метафоры будет зависеть от целесообразности и общего характера текста.

Литература

Песина С.А., Баклыкова Т.Ю., Козлова К.А. Метафора как модель когнитивности и конвенционализации смысла // Гуманитарно-педагогические исследования. 2021. Т. 5. № 1. С. 45-50.

Песина С.А., Юсупова Л. Г., Пулеха И.Р. Антропоморфизм в языке сквозь призму воплощения // Вестник Челябинского государственного университета. Выпуск 115: Филологические науки. 2019. №1 (423), С. 106-123.

Песина С.А., Солончак Т.Ю. Метафора и лексический инвариант // European Social Science Journal. 2014. №10-1. С. 238-245.

Cattell R.B. Abilities: Their Structure, Growth, and Action. Boston, MA: Houghton Mifflin, 1971.

Newmark P. Approaches to Translation. London: Prentice Hall International UK Ltd. X, 1988.

Pesina S.A., Yusupova L.G., Vinogradova S.A, Kiseleva S.V, Trofimova N.F., Rudakova S.V., Baklykova T.Yu. Functioning of metaphor through the prism of invariant theory in polysemy // Applied Linguistics Research Journal. 2021. V. 4. № 5. P. 247-252.

Solonchak T., Pesina S. Lexicon Core and Its Functioning Metaphors // Procedia – Social and Behavioral Sciences. 2015. Vol. 192. 24. P. 481-485.

S.A. Pesina, L.S. Komisarova (Magnitogorsk, Russia)
Nosov Magnitogorsk State Technical University

THE ROLE OF ANTHROPOMORPHIC METAPHOR IN COGNITIVISTICS AND MODERN TRANSLATION THEORY

The article examines in detail the role of anthropomorphic metaphor in the theory of translation and the ways of its translation with the preservation of communicative and pragmatic functionality. If the ambiguity of the original language words does not match the translation language, the functional equivalence of the text decreases. The paper suggests several ways to solve this problem.

Key words: anthropomorphic metaphor, cognitive linguistics, semantics, translation theory, translation techniques.

*И.Н. Ремхе (Челябинск, Россия)
Челябинский государственный университет
rilix@mail.ru*

В ПОИСКЕ СОВРЕМЕННЫХ ХАРАКТЕРИСТИК КОГНИТИВНОГО МОДЕЛИРОВАНИЯ ПЕРЕВОДА¹

В настоящей работе проводится краткий анализ тенденций в исследовании когнитивной сущности человеческого сознания в целом и переводческого в частности с позиции нейрологии, когнитивистики и социально-деятельностного подхода. Подтверждается актуальность матричного формата модели перевода, соответствующей современному видению переводческого пространства

Ключевые слова: сознание, мышление, когнитивный, матричный, модель, переводческое пространство.

В современном мире вопрос моделирования перевода выстраивается с позиции когнитивного направления для поиска новых комплексных, междисциплинарных оснований реконструирования переводческого процесса. Переводческая деятельность наряду с любой другой когнитивной деятельностью реализуется в особом пространстве социального взаимодействия, учитывая наши поведенческие особенности в различных ситуациях, продиктованных накопленным опытом. В результате взаимодействия и обмена опытом происходит трансформация опыта и знания в устойчивые «паттерны», выражаемые в формате моделей, схем, стереотипов или концептов. При этом многоаспектность описания сущности переводческого мышления, расширение формата моделирования переводческих процессов при учете многоканальности переводческого мышления (Поликарпов 2018), мультимодальности восприятия в когнитивной деятельности переводчика (Чистова 2019), выход за пределы мышления и сознания в область единого экологического пространства перевода (Hunchins 1995, Клюканов 2021) заставляют пересмотреть основные качественные характеристики когнитивной модели перевода и формата ее описания.

При рассмотрении когнитивной сущности перевода и описания механизмов переводческого мышления с целью моделирования переводческих процессов существенным является описание мозга с позиции нейрологии для выявления общей картины принципов внутренней организации переводческого сознания. В обобщенном виде мозг, согласно воззрениям К.В. Анохина, «является когнитивным органом, состоящим из специфических когнитивных элементов, объединенных когнитивными связями и реализующим специфические когнитивные процессы и взаимодействия обладающего им когнитивного агента – то есть разумом» [Анохин 2021: 66]. Развивая современное представление о соотношении языка и сознания в плоскости переводческой деятельности, мы

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-10218, <https://rscf.ru/project/23-28-10218/>, и Челябинской области в Челябинском государственном университете.

оказываемся под воздействием экстерналистов, представляющих когнитивную лингвистику третьего поколения. Экстерналистская теория постулирует факт существования сознания за пределами мозга, а ментальных процессов за пределами организма. Рассматривая познание как эффективное действие в духе бихевиористов тем самым подчеркивается связь между средой, социумом и организмом, что создает, по мнению С.Д. Коули «особую сеть сцеплений» между «мозгом, телом и миром» [Коули 2006: 136].

Сеть сцеплений, о которой говорят в своем исследовании С.Д. Коули и А.В. Кравченко перекликается с терминами гиперсетевой теории мозга в работах К.В. Анохина, согласно которой «системный уровень организации мозга представляет собой когнитивную сеть, или когнитом. Когнитом – это полный набор всех когнитивных элементов индивида» (Анохин 2019). В своих рассуждениях о гиперсетевой теории мозга К.В. Анохин подчеркивает три важных тезиса: разум гранулярен, разум сетевой и разум целостен. Кроме того, «ког» рассматривается как подчиненная, но интегральная часть целой системы. Соответственно, при выстраивания когнитивной модели переводческого процесса важно отметить такие характеристики как *эвристичность, сетевая взаимосвязанность, и целостность разрозненных элементов*.

Данные характеристики подтверждаются рядом исследований интеграционного характера. Понимание трансформационных процессов сознания зачастую находит выражение в терминах «распределенное сознание», «расширенное сознание» или «распределенная когниция» (Hutchins, 1995, Коули, Кравченко 2006) которые все чаще используются при описании переводческой деятельности в рамках экологии перевода (Клюканов 2020). Интеграционные явления когнитивных процессов выражаются в зарубежных исследованиях с помощью аббревиатуры DEEDS (Dynamical, Embodied, Extended, Distributed, Situated), что означает «динамический, воплощенный, расширенный, распределенный, расположенный по отношению к разуму» [Ремхе, Нефедова, 2022: 106]. Возникает интерес к анализу артефактов за пределами переводческого сознания, выполняющих когнитивные функции, которые являются продолжением работы механизмов человеческого мышления в рамках осуществления совместной деятельности при взаимном дополнении и обогащении друг друга (Hutchins 1995, Risku 2010).

Более углубленное изучение распределенной когниции как переводоведческого аспекта становится логичной резолюцией активного внедрения различных технологий в переводческий процесс, которые понимаются как дополнение человека, что выражается в понятии дополненной переводческой реальности [Ремхе, Нефедова 2022: 111]. При этом технологии и инструменты разного порядка и уровня сложности, являясь внешними «артефактами», оказывают существенное воздействие на социальное и психическое состояние человека, его осмысление действительности и формирование мысли и коммуникативных особенностей. Таким образом формируется новое медиапространство перевода в понимании М. Маклюэна (McLuhan 1966), в котором все элементы, будучи разнородными, находятся в постоянном взаимодействии и взаимовлиянии и тем самым сохраняют целостность.

Знаменательным является то, что исследование М. Маклюэна стало неким флагманом, предвосхищающим современное понятие дополненной реальности. В его работе рассматриваются различные технологии как расширение, дополнение (*extension*) человека. По мнению автора, все технологии являются расширением нашей физической и нервной системы для увеличения мощности и скорости [McLuhan 1966: 91]. При этом автор выделяет два типа расширений: физическое (части тела, которые позволяют обеспечить жизнедеятельность) и расширения когнитивных функций, которые включают в себя функции органов чувств, центральной нервной системы и сознания [там же: 218]. В отношении медиа ученый проводит анализ различных медиа инструментов (радио, телефон) как дополнение к органам чувств, воспринимающих звук и свет [там же: 64]. Электронные медиа рассматриваются как расширение функции управления информацией центральной нервной системы, что позволяет утверждать то факт, что электронные медиа переключают на себя функцию управления информацией, ее хранения и актуализации. Данные убеждения являются своего рода предвестниками современного мира в эпоху всеобщей технологизации и развития искусственного интеллекта, в которой когнитивные функции человека полноправно разделяются различного рода технологическими артефактами.

Таким образом, человек и его деятельность в современном мире представляет собой интегративное пространство взаимосвязанных элементов, отличающихся открытостью, сетевым взаимодействием и взаимопроникновением друг в друга. Опосредованность относится также и к функционированию человеческого сознания, которое представляет собой когнитивную сеть с развитой сетевой структурой, и имеющего выход во внешние ресурсы при сохранении и развитии способности к обучению и познанию.

Экстраполируя данное описание на область переводческой деятельности возникает определенное видение характеристик, которые необходимо учитывать при моделировании переводческого процесса и выявлении его когнитивной сущности, а именно: *интегративность, сетевое взаимодействие, нелинейность, гетерогенность, эвристичность и целостность*. В качестве моделирующего основания, обладающего всеми перечисленными чертами, предлагается матрица, и выстраивание на ее основе когнитивно-матричной модели перевода, которая позволит описывать механизмы перевода не только с учетом современных тенденций в когнитивной науке, но создаст основу для выстраивания и организации совместных переводческих проектов, в том числе происходящих в сетевом пространстве.

Литература

Анохин К.В. Когнитом: в поисках фундаментальной нейронаучной теории сознания // Журнал высшей нервной деятельности. 2021. Т. 71. № 1. С. 39-71.

Анохин К.В. Нейронные гиперсети – системный уровень организации функций мозга. 2019. URL: https://nphys.ru/files/Conference_2019/abstracts/anohin_k_v.pdf (дата обращения: 10.04.2023).

Клюканов И.Э. Несколько замечаний об экологичности коммуникации // Экология. Коммуникация. Перевод: материалы всероссийской онлайн-конференции, посвящённой 15-летию кафедры перевода и межкультурной коммуникации и 60-летию фа-

культета иностранных языков Бурятского госуниверситета, Улан-Удэ, 30–01 октября 2020 года. Улан-Удэ: Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова. 2020. С. 6-10.

Коули С.Д., Динамика когнитивных процессов и науки о языке // Вопросы языкознания. 2006. № 6. С. 133-141.

Поликарпов А.М. Когнитивные аспекты интегративного переводоведения // Когнитивные исследования на современном этапе: Материалы Всероссийской конференции с международным участием по когнитивной науке, Архангельск, 19–22 ноября 2018 года. Архангельск: САФУ, 2018. С. 238-241.

Ремхе И.Н. Диалектика синтеза когниции и переводческой индустрии // Вестник Челябинского государственного университета. 2022. № 3(461). С. 105-114.

Чистова Е.В. Мультиканальность и мультимодальность восприятия в когнитивной деятельности переводчика-синхрониста // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2019. Т. 12. № 9. С. 337-342.

Hutchins E. Cognition in the Wild. Cambridge: The MIT Press, 1995.

McLuhan M. Understanding Media: The Extensions of Man. New York: McGraw-Hill, 1966.

Risku H. A cognitive scientific view on technical communication and translation: Do embodiment and situatedness really make a difference? // Target: International Journal of Translation Studies. 2010. Vol. 22. № 1. P. 94-111.

I.N. Remkhe (Chelyabinsk, Russia)
Chelyabinsk State University

SEARCHING FOR MODERN CHARACTERISTICS OF THE COGNITIVE TRANSLATION MODEL

The paper focuses on the study of human consciousness and translation mind from the perspective of neuroscience, cognitive science and socio-activity approach. The author confirms the relevance of the matrix format of the translation model which corresponds to the modern vision of the translation space.

Key words: consciousness, mind, cognitive, matrix, model, translation space.

О.М. Седярова, Н.С. Соловьева (Магнитогорск, Россия)
Магнитогорский государственный технический
университет им. Г.И. Носова
sedliarova.olga2018@yandex.ru, nisanasol@yandex.ru

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ КАК КОГНИТИВНЫЙ МЕХАНИЗМ ПЕРЕВОДА МУЛЬТИМОДАЛЬНЫХ ТЕКСТОВ (НА ПРИМЕРЕ КОМИКСОВ И ИНТЕРНЕТ-МЕМОВ)

Перевод комиксов и интернет-мемов как мультимодальных текстов подразумевает когнитивный процесс деятельности переводчика по их локализации в новой лингвокультуре. Результатом становится такая интерпретация исходного текста, которая гармонично воспринимается реципиентом, и может приводить к трансформациям в вербальной и/или графической частях.

Ключевые слова: мультимодальный текст, комикс, интернет-мем, перевод, локализация, когниция, интерпретация.

По утверждению Н.Н. Болдырева, перевод, как и любая языковая деятельность, представляет собой сложное взаимодействие трех когнитивных процессов: концептуализации, категоризации и интерпретации. Перевод должен быть не только лингвистически, но и концептуально адаптирован к воспринимающей культуре с точки зрения коллективных и индивидуальных знаний о мире [Болдырев 2018: 35], что сопровождается приращением новых смыслов и обуславливает создание «гармоничного текста перевода как феномена другой культуры» [Кушнина 2018: 41], где слово в результате переводческой обработки ассоциируется не с самой реалией, а с ее пониманием, сложившемся в акте языкового созидания народа [Пшенкина 2005: 126]. Поэтому именно интерпретация становится окончательным когнитивным механизмом перевода, целью которой является локализация текста для достижения необходимого воздействия на реципиента.

Мультимодальный текст, будучи семиотически многомерным явлением, восприятие которого происходит посредством задействования сразу нескольких каналов, где чувственный канал признан ведущим, представляет для переводчика в некоторых случаях более сложную задачу, когда визуальный образ не облегчает понимание текста для представителя воспринимающей культуры, а наоборот, требует «когнитивно-аффективных дополнений», «синергии смыслов», обеспечивающих воплощение культурного кода, который присваивается переводным текстом в случае соразмерности его смыслов смыслам текста оригинала [Кушнина 2021: 105]. Именно на вербальном компоненте мультимодального текста лежит заключительная ответственность, поскольку он «оказывается определяющим в распознавании чувственного сигнала и передаче его актуального (контекстуального) смысла [Гвишиани 2022: 15]. В других случаях изобразительные средства (графика, особый шрифт) делают вербальный текст перевода более понятным и не требует большого переводческого творчества, когда можно и нужно ограничиться, как принято говорить при переводе мономодального (вербального) текста, «дословным» переводом как вербального компонента, так и изобразительного. При этом смысл, заключенный во взаимодействии графического компонента с вербальным, может остаться не переданным в тексте перевода [O'Sullivan 2013: 9].

В мировой практике перевода встречаются адаптации комиксов (включая графические романы как их разновидности), в которых локализация происходит не только на уровне вербального компонента, но и в изобразительной части [O'Sullivan 2013: 9], вплоть до изменения имиджа персонажа, когда переводчик рассчитывает на определенную целевую аудиторию.

В рассмотренных нами переводах нескольких графических романов ранее [Соловьева 2023] изобразительная часть не подвергалась никаким кардинальным изменениям, и переводчик осуществлял локализацию текста только в вербальном компоненте с разной степенью успешности в достижении гармоничного перевода. В данном исследовании мы ограничились переводами креолизованных текстов (комиксов/графических романов и интернет-мемов).

Примером перевода с минимальной трансформацией в графическом романе Нила Геймана «Коралина», выполненного переводчиком Алексеем Осиповым, может послужить кодирование поющего голоса с использованием изображение нот рядом с высказыванием: ♪ *Go away-ay* ♪ «♪*Уходи-и-и* ♪», а также изображе-

ние главной героиней на листке бумаге тумана в виде «рассеянного» расположения букв слов *MIST* в тексте оригинала и «ТУМАН» в тексте перевода или *MU EYUYEEEE!* «МОЙ ГЛААЗ!»).

В качестве примера межсемиотического перевода, при котором произошла модификации вербального текста в связи с особенностями изобразительного компонента, можно привести расположения слов, похожее на лесенки, ведущие вниз, в тексте оригинала и перевода графического романа «Коралина» Нила Геймана, где количество слов, помещающееся на одной лесенке, определено длиной слова в каждом языке, что не всегда соответствует правилам деления высказывания на синтагмы: *We | went | down | this hill | to the | bottom | of a | gully | when my | dad said | suddenly | to me...* «Мы | спустились | по склону | на самое | дно | оврага, | и вдруг | papa | сказал...». Выбор лексических эквивалентов представляется вполне гармоничным.

В этой же версии перевода романа, мы встречаем перевод предложения *Then she felt something scuttling across her hand*, в котором слово *scuttle* описывает движение паука по руке персонажа и обозначает стремительный бег, как «И тут она почувствовала, как что-то **проползло** у нее по руке». В тексте присутствует графическая имитация траектории движения паука посредством особого расположения букв в словах *scuttling* и **проползло**. По имеющемуся изображению паука нельзя определить скорость его движения, и этот перевод можно считать вполне гармоничным, так как пауки в сознании русскоязычных читателей действительно ползают, хотя переводчик отступил от замысла автора оригинального текста. У русскоязычного читателя не должно возникнуть когнитивного диссонанса при восприятии двух модусов (изобразительного и вербального), когда он видит практически статичного паука на картинке, «медленное» расположение букв указанных глаголов, имитирующих его движение, и как заключение восприятия мультимодального текста – осмысление значения слова **проползло**.

В отличие от комиксов, интернет-мемы, также относящиеся к креолизованным текстам среди большого разнообразия мультимодальных продуктов, более активно подвергаются разнообразным трансформациям как в вербальном компоненте, так и графическом, что, вероятно, во многом определяется особенностью их малого жанра. Так, весьма распространенный мем “*No time to explain*” – «Нет времени объяснять» получил такой вариант в русской язычной версии (с изображением Андрея Миронова в роли Остапа Бендера и продолжением текста «Несите стулья!»), что о связи с оригиналом говорит лишь перевод фразы первой строки. У мема “*Oh Really?*” среди версий в рунете встречаем «Да неужели?», «Ой ли?». Популярный мем “*Deal with it*” имеет русскоязычные версии «Разобрался с этим» и «Смирись с этим», которые связывает с исходными версиями англоязычного мема лишь изображение черных очков на постоянно меняющихся персонажах.

Интернет-мемы представляют собой не только мультимодальные тексты, но и признаются лингвопрагматическими дискурсивными единицами языка в связи с их функциональными особенностями в коммуникации, и подобные интерпретации мемов приводят их перевод к обязательной локализации и даже заимствованию с разной степенью ассимиляции в воспринимающей культуре. Важным отличием интернет-мемов от комиксов является то, что их переводом

реже занимаются профессиональные переводчики, и кардинальные изменения многих интернет-мемов вызваны необходимостью пользователей социальных сетей, передающих мемы из одной национально- и социокультурной группы в другую, переключать культурный код текста на более понятный и эффективный по степени его воздействия на адресата [Sedliarova 2020: 604].

Таким образом, перевод мультимодальных текстов, равно как и мономодальных (вербальных), прежде всего, зависит от профессиональных умений переводчика, его лингвокогнитивных способностей тонко и точно интерпретировать исходный текст, учитывая смыслы, исходящие из взаимодействия чувственного и вербального модусов, чтобы получить гармоничный перевод. При этом полнота соответствия перевода замыслу автора может также зависеть от цели адаптировать его под интересы или потребности целевой аудитории.

Литература

Болдырев Н.Н. Перевод как проблема выбора когнитивных доминант // Когнитивные исследования языка. 2018. Вып. XXXIV. С. 33-35.

Гвишиани Н.Б. Лингвопрагматические особенности взаимодействия вербального и невербального компонентов мультимодального 'текста' в коммуникативном пространстве различных типов дискурса // Вопросы когнитивной лингвистики. 2022. № 1. С. 5-17.

Кушнина Л.В. Когнитивно-семиотическое пространство перевода // Научно-технические ведомости Санкт-Петербургского государственного политехнического университета. Гуманитарные и общественные науки. 2019. Т. 10. № 4. С. 39-46. DOI: 10.18721/JHSS.10404.

Кушнина Л.В. Когнитивные векторы развития современного переводоведения // Русистика без границ. 2021. № 2. С. 100-106.

Пшенкина Т.Г. Психолингвистические основы вербальной посреднической деятельности переводчика. Барнаул: Изд-во БГПУ, 2005.

Соловьева Н.С., Седлярова О.М. Перевод графического романа как разновидности мультимодального текста // Гуманитарно-педагогические исследования. 2023. Т. 7. № 1. С. 40-53.

O'Sullivan C. Introduction: Multimodality as Challenge and Resource for Translation // The Journal of Specialised Translation. 2013. Issue 20. P. 2-14.

Sediarova O.M., Nenasheva J.A., Solovyeva N.S. Cultural Identity Shift in the Internet Meme Loans // EPSBS European Proceedings of Social and Behavioural Sciences Proceedings. 2020. Proceedings of the Philological Readings. P. 600-605.

O.M. Sedliarova, N.S. Soloveva (Magnitogorsk, Russia)
Nosov Magnitogorsk State Technical University

INTERPRETATION AS COGNITIVE MECHANISM OF MULTIMODAL TEXT TRANSLATION: COMICS AND INTERNET-MEMES TRANSLATION

The translation of comics and Internet-memes implies certain cognitive processes on the part of the translator. The translator should properly localize the multimodal text in the new linguoculture. Such interpretation of the original text appeals to the target recipient and leads to verbal transformations and/or graphic alterations.

Key words: multimodal text, comics, Internet-meme, translation, localization, cognition, interpretation.

О.А. Сулейманова (Москва, Россия)
Московский городской педагогический университет
SouleimanovaOA@mgpu.ru

БИНОМИНАЛЬНЫЕ АНГЛИЙСКИЕ ГЛАГОЛЬНЫЕ СТРУКТУРЫ И ИХ ПЕРЕВОД НА РУССКИЙ ЯЗЫК

В работе рассматриваются биномиальные английские глагольные структуры с инфинитивом последующего действия, сопутствующего действия типа *she woke up to see that the sun was shining* и их русские корреляты; анализируются стратегии их перевода на русский язык и наиболее типичные ошибки в переводе. Эмпирическая база исследования составлена на основе текстов двуязычных корпусов.

Ключевые слова: биномиальные структуры, инфинитив последующего действия, инфинитив последующего действия, перевод, английский язык, русский язык

Общий обзор. Биномиальные структуры относительно недавно попали в поле зрения лингвистов: анализировались биномиальные глагольные, номинативные структуры, определен неравнозначный статус глаголов в биномах: разграничивались структурно-опорный и смысловой глагол [Ирисханова 2015; Петрова, Беклемешева 2019: 217], получила описание межъязыковая корреляция ряда биномов с соотносящимися структурами в переводе, однако выбранные структуры не служили объектом и предметом исследования. Обоснованность их выделения как особой группы структур не вызывает сомнений – в отличие от именных групп типа *бабушкина книга*, содержащих один когнитивный фокус, биномиальные, в частности, глагольные структуры двухфокусны, отличны они также и от однородных глагольных сочетаний, тем, что между членами биномиальной пары возникает устойчивая неслучайная связь, когда члены пары включены в один фреймовый сценарий [Сулейманова, Карданова-Бирюкова 2021; Петрова 2020: 88].

Актуальность изучения инфинитивного английского бинома типа *she woke up to V* обусловлена также тем, что в силу его формального совпадения с инфинитивной конструкцией со значением целеполагания *I did it to help you* (я сделал это, чтобы помочь тебе), выбранная модель, например, *I turned to go* часто переводится также через целеполагание, *я повернулся чтобы идти, что очевидно неверно, правильно перевести *повернулся и пошел*. Ср. тж. конструкцию целеполагания *he coughed to attract our attention* – он кашлянул, желая / чтобы / с целью привлечь внимание vs бинома с инфинитивом последующего / сопутствующего действия: *he rose to go* – он встал и пошел. Последняя конструкция (она и составляет предмет нашего исследования) возможна только, если действительно описывает неслучайно связанные события [Сулейманова, Карданова-Бирюкова 2021]. Отметим, что при подготовке русскоязычных переводчиков эта конструкция практически не изучается [Лингвистические теории в интерпретации переводческих стратегий 2015; Сулейманова, Беклемешева, Голубева 2020], несмотря на ее достаточно высокую частотность.

Таким образом, объект настоящего исследования составляют инфинитивные структуры типа *X V to V*, а предмет – их переводческая корреляция, установить которую и составляет цель данной работы.

Материалом исследования послужили примеры двуязычного подкорпуса НКРЯ, а также авторский корпус примеров из переводов современной англоязычной прозы, собранных методом сплошной выборки.

Результаты. Данная модель описывает действия, которые часто сопровождаются указаниями на неслучайно связанные с ними действия: *rose to leave*, / *turned back to say* / *to notice* / *take a glance*, *stepped in to announce*, *got up to see Nick coming*, *sat down to take a sip of coffee* (ср. возможную семантику целеполагания в *got up to ask for* / *order coffee*).

Описываемые пары действий связаны неслучайной связью – человек поднимается и направляется к выходу, садится на за стол / на стул для того, что поесть или заказать обед; совершает телодвижения и при этом замечает нечто или при этом делает нечто, практически совпадающее по времени с первым событием (например, странно было бы связать действие *выйти из дома*, явно не непосредственно сопутствующее действие типа *прочитал книгу*). При этом «главное» действие скорее всего кратковременное, единичное и способно сопровождаться неслучайно связанным с ним событием: зрительное / тактильное / аудиальное или иное чувственное восприятие, которое действительно часто сопровождает конкретные физические действия. Анализ эмпирического материала выявил, что по всей видимости следует разграничивать конструкции с инфинитивом *последующего действия* и *сопутствующего действия*, причем второе отражает практически совмещенность действий.

В русском переводе это, во-первых, деепричастный оборот, который, как известно, вносит информацию о дополнительном, добавочном действии, сопровождающем некоторое основное действие – и это хорошо согласуется со значением данного английского биннома с предикатом сопутствующего / последующего действия: ср. *встал, собираясь* (высока частотность варианта перевода с глаголом *собираться*, предполагающего последующее действие) *got up to leave готовясь / собираясь уходить*: *rose to leave / to go он поднялся, собираясь / собравшись уходить*, *rose to go into the drawing-room встав из-за стола, они направились в*. Значение сопутствующего действия отражается именно в деепричастном обороте: *rose to greet her встал, приветствуя ее*.

Как видно из примеров, «базовый» глагол представлен глаголами движения – *идти*, *вставать* и др. Во-вторых, последующее действие может переводиться также инфинитивом в составе сложного глагольного сказуемого: *got up to investigate пошел разбираться*, или однородными сказуемыми (вариант переводчика *sat down to dial уселась звонить* можно заменить на *села и принялась звонить*, *sat down to watch сел и стал наблюдать*, используя указание на начинательность действия). В ряде случаев переводчики предлагают перевод инфинитивным оборотом со значением цели, что может быть как адекватным переводом, так и вызывает сомнения: ср. *sat down to take a closer look чтобы еще раз рассмотреть*, где приемлема интерпретация конструкции как инфинитив сопутствующего (начинательного) действия: *села и стала внимательно разглядывать*. В переводе предложения с инфинитивом цели *I got up to clear the plates встала, чтобы уб-*

рать тарелки можно предложить также вариант *Желая поскорее выйти из-за стола, я встала и начала убирать тарелки*, используя однородные сказуемые, нацеленные на передачу сопутствующих действий, обозначив начинательность. Предложение *got up to give me a hug? встала, чтобы обняться* ошибочно переведено как вносящее информацию о целеполагании – в норме это сопутствующие действия: *встала (и) обняла меня*. Ср. тж. *got up to get a drink of water встал, чтобы налить себе*; *T. stepped in to defuse пришел Т., который искусно разрядил обстановку*.

В ряде случаев переводчики домысливают обстоятельства ситуации *rose to meet заторопилась к* или перегруппируют семантические компоненты, опускают информацию о комбинации двух действий, оставляя в переводе только одно из них, ср. *got up to turn on the lights свет мы так и не включали*, где информация о том, что для выключения света персонажи должны были встать со своих мест, не получила отражения в переводе. Или *got up to leave the table ненадолго встала из-за стола* (перевод безусловно неудачен с точки зрения русского языка – можно предложить более приемлемое *быстро встала из-за стола*), где героиня встает из-за стола, и логически рассуждая, должна его покинуть *to leave*. Здесь переводчик оставляет только указание на то, что героиня поднялась, при этом предлог *из-за* имплицитно глагольное действие. Ср. тж. *got up to leave встал. rose to leave / go / see him off встал пошел проводить его*.

В ряде случаев возможны обе интерпретации: как целеполагание, так и через сопутствующее / последующее действие *I slowed to a jog to catch my breath и перевел дыхание / чтобы перевести дыхание*, и напротив, не допускающие: *I got out of bed to go to the toilet встать и пойти / ?встал чтобы сходить, I peered inside to see a tiny living room и увидел* (причем это чаще всего структуры с глаголами восприятия, которые в принципе вносят информацию о неконтролируемом событии, реализуемом в силу биологических особенностей организма, не предполагающих целеполагания), ср. *At the door, he turned to face me он повернулся и посмотрел на меня*. Отметим также, что наряду с данными структурами вполне возможны обычные однородные сказуемые: *I'd somehow swung round and found myself back at the river again*, где действия разведены (cf. возможное *swung round to find*).

Таким образом, конструкции с инфинитивом сопутствующего / последующего действия переводятся либо с использованием однородных сказуемых, либо – чаще всего – с помощью деепричастного оборота, введением эксплицитного указания на начинательность или намерение совершить действие (*собираться что-то сделать*).

Выводы. Принципиально значимым представляется выделение бинаминальных глагольных структур как особого синтаксического образования, которое требует особой стратегии перевода, отличной от перевода омонимичной структуры целеполагания.

Перспективу исследования могут составить разработка принципов выделения потенциально возможной в переводе с русского языка английской конструкции с инфинитивом последующего действия через выявление ее маркеров – например, глаголы начинательности, глагол *собираться*, выявления роли глаголов движения типа *подняться (и пойти)* и в целом семантических классов глаголов в

русском языке, которые предполагают английскую структуру с инфинитивом последующего действия

Литература

Ирисханова О.К Игры фокуса в языке. Семантика, синтаксис и прагматика дефокусирования. М.: Языки славянской культуры, 2015. 320 с.

Петрова И.М., Беклемешева Н.Н. Когнитивная обусловленность вариативности осложненного составного глагольного сказуемого с фазовым биномом // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2019. Т.12. Вып. 8. С. 216-225.

Петрова И.М. Вариативность когнитивного фокуса в глагольных биномах типа *sow and plough* // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Филология. Теория языка. Языковое образование. 2020. №2 (38). С. 83-88.

Лингвистические теории в интерпретации переводческих стратегий. Комплексный анализ переводческого процесса. Москва: Ленанд, 2015.

Сулейманова О.А. К вопросу об оптимизации модели подготовки современного переводчика / О.А. Сулейманова, Н.Н. Беклемешева, Т.Ю. Голубева // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Филология. Теория языка. Языковое образование. 2020. № 1(37). С. 114-122.

Сулейманова О.А. Карданова-Бирюкова К.С. Контрастивный анализ русских и английских «периферийных» синтаксических структур в переводческой перспективе. Русистика и компаративистика: Сборник научных трудов по филологии. Москва: Книгодел, 2021. С. 297-315.

O.A. Suleimanova (Moscow, Russia)
Moscow City University

TRANSLATING BINOMINAL ENGLISH VERBAL CONSTRUCTIONS INTO RUSSIAN

The paper focuses on binominal English verbal constructions, such as “she woke up to see that the sun was shining” and their translation into Russian. These binomials formally coincide with constructions featuring the infinitive of purpose and should be distinguished from the latter, especially in translation. The empirical base was generated from bilingual corpora.

Key words: binominal constructions, infinitive, translation, English language, Russian language, infinitive constructions.

T.V. Устинова (Москва, Россия)
Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
utanja@mail.ru

МЕТОНИМИЧЕСКИЕ ТРАНСФОРМАЦИИ В ПЕРЕВОДЕ С КОГНИТИВНОЙ ТОЧКИ ЗРЕНИЯ

В статье с опорой на методологический аппарат когнитивного переводоведения рассматривается переводческая метонимия в широком и узком смыслах понятия. На примере перевода стихотворения Николая Гумилева на английский язык показано, каким образом метонимические межъязыковые замены, рассматриваемые как сдвиг

фокуса внимания, могут оказывать влияние на поэтический образ, воплощаемый средствами языка перевода.

Ключевые слова: когнитивное переводоведение, неконвенциональное смыслообразование, метонимическое картирование, сдвиг в профиле, образность

В лингвистической теории перевода метонимические замены рассматриваются как разновидность операций по межъязыковому перевыражению смысла. Наиболее авторитетные переводоведческие исследования раскрывают сущность переводческой метонимии с точки зрения семантических преобразований, основанных на определенном типе логических отношений между понятиями. Так, Н.К. Гарбовский рассматривает метонимическую дифференциацию в переводе с точки зрения отношений внеположенности между понятиями и подчеркивает следующее: «<...> внеположенные понятия могут замещать друг друга в результате довольно сложных логических операций, но уже не с понятиями, а с суждениями, и представлять собой результат силлогизмов, т.е. умозаключений. Такие логические операции вполне возможны как в пределах системы понятий, выраженных одним языком, так и при переходе от одной лексико-понятийной системы к другой, т.е. в переводе» [Гарбовский 2004: 459]. В качестве основной причины подобных трансформационных операций называется асимметрия лексико-понятийных систем исходного языка (ИЯ) и языка перевода (ПЯ) [Гарбовский 2004: 461].

Такая точка зрения на смысловой потенциал метонимической трансформации, развиваемая лингвистической теорией перевода, соотносится с трактовкой переводческой метонимии в когнитивно-ориентированном переводоведении. С опорой на методологический аппарат когнитивной лингвистики, метонимические трансформации описываются как лингвистически заданный сдвиг фокуса внимания и вариант реконцептуализации исходного сообщения в переводе [Lewandowska-Tomaszczyk 2010; Устинова 2017].

Лингвокогнитивная трактовка метонимической переводческой трансформации укоренена в понимании метонимии в широком смысле понятия, которая считается основополагающим принципом когнитивного освоения действительности [Radden, Kövecses 2007]. Если описывать метонимическую концептуализацию с точки зрения когнитивного отображения содержания источника в содержании цели, то необходимо рассматривать представление целевого объекта в сознании концептуализатора в той перспективе, которая определена референтной точкой-источником [Barcelona 2011]. Один из постулатов теории метонимии заключается в том, что принципиальная возможность функционирования языкового знака как такового предопределена наличием метонимических отношений между языковой формой выражения и концептом: “Since we have no other means of expressing and communicating our concepts than by using forms, language as well as other communication systems are of necessity metonymic” [Radden, Kövecses 2007: 339]. С такой точки зрения межъязыковой перевод в принципе представляет собой случай установления концептуальных метонимических отношений между исходным сообщением и переводным сообщением по типу (ФОРМА ПЯ + КОНЦЕПТ ПЯ) ВМЕСТО (ФОРМА ИЯ + КОНЦЕПТ ИЯ).

Метонимическая переводческая трансформация в узком смысле понятия заключается в использовании одного понятия вместо другого на основании их смежности, например, смысловой связанности как части и целого, действия и результата, материала и изделия и т.п. Подчеркнем, что с учетом чрезвычайного разнообразия концептуальных отношений, порождающих метонимию в пределах различных когнитивных моделей (см. подходы к таксономии таких отношений в [Radden, Kövecses 2007]), в категорию метонимических переводческих трансформаций попадает большая совокупность приемов перевода, в том числе генерализация (метонимия по типу ОБЩЕЕ ВМЕСТО ЧАСТНОГО), конкретизация (ЧАСТНОЕ ВМЕСТО ОБЩЕГО) и модуляция (СЛЕДСТВИЕ ВМЕСТО ПРИЧИНЫ)

Метонимические трансформации в переводе оказывают следующее влияние на концептуальное содержание исходного текста, выражаемое средствами ПЯ:

1. Изменяется способ обеспечения доступа к конструируемой когнитивной сцене (образу предметной ситуации, воплощенной в исходном тексте): исходный объект/ситуация становится целевой точкой концептуализации (target), а объект/ситуация в тексте перевода – референтной точкой, обеспечивающей видение цели в определенном смысловом ракурсе.

2. Устанавливая между метонимические отношения языковыми формами и концептами ИЯ и ПЯ, переводчик перепрофилирует внимание потенциального реципиента сообщения, выбирая другие (по сравнению с оригиналом) параметры фокусирования и дефокусирования.

При этом, анализируя сущность метонимических замен, например в художественном переводе, необходимо принимать во внимание, что «метонимический сдвиг очень часто сопровождается метафорическим. <...> Метонимический сдвиг и как правило возникающая при этом категориальная ошибка создают образ» [Падучева 2010: 247]. Опираясь на тезис Е.В. Падучевой о том, что «метонимия, понимаемая как сдвиг фокуса внимания, позволяет увидеть общее в явлениях, которые до сих пор не воспринимались как связанные друг с другом» [Падучева 2010: 248], проиллюстрируем особенности установления метонимических отношений между исходным и переводным поэтическими сообщениями на примере стихотворения Николая Гумилева «Слово» [Гумилев 2001], которое перевел на английский язык Саймон Франклин [Gumilyov 1993].

В данном стихотворении метонимическая трансформация выбрана в качестве общей стратегии перевода: переводчик заменяет все исходные родовые понятия, обозначенные существительными в единственном числе (*день, слово, орел, число*), на существительные в множественном числе (*days, words, eagles, numbers*). Таким образом доступ к целевой точке КАТЕГОРИЯ достигается через референтную точку ПРЕДМЕТЫ С ИХ ПРИЗНАКАМИ. В отдельных случаях такая замена ведет к существенному изменению образности. Например, в начале стихотворения Николая Гумилева содержится аллюзия на деяния Иисуса Навина, воззвавшего к Богу и остановившего солнце: *Солнце останавливали словом, / Словом разрушали города*. В тексте перевода из-за использования существительного во множественном числе и выдвижения модального глагола, фокус внимания смещается с творящей силы слова как воззвания к Богу на

потенциальную творческую способность каждого из множества слов: *Words could stop the sun, / Words could shatter cities.*

В заключительной позиции исходного текста автором актуализирована смысловая связь между двумя значениями существительного *слово*: *слово* как «словесное выражение мысли» и *слово* как «логос», «первоначало и глубинная структура бытия». У Гумилева намеренный повтор данного существительного в родовом значении является средством воплощения образа силы слова как смысловой материи, составляющей окружающую действительность: *Но забыли мы, что осиянно / Только слово среди земных тревог, / И в Евангелии от Иоанна / Сказано, что Слово это – Бог.* В переводе употребление существительного во множественном числе наряду с конкретизацией *words stay radiant* (букв. «слова остаются освещенными, сияющими») не передает идею континуальности и динамической процессуальности слова как творящего логоса: *But we've forgotten that only words / Stay radiant among earthly troubles, / And in the Gospel of St. John / It does say that the word is God.*

Таким образом, метонимические трансформации в переводе действительно могут приводить к изменению исходной образности художественного текста, поскольку позволяют более детализировано или более схематизировано представить когнитивную сцену, заданную в оригинале, а также вывести в фокус внимания или, наоборот, дефокусировать связи между объектами или событиями. При использовании метонимической замены переводчик – как и в любых других случаях принятия переводческого решения – должен исходить из необходимости соблюдения требований минимальности и мотивированности переводческих трансформаций. В случае художественного перевода одним из факторов ограничения на метонимическую замену может стать существенное изменение исходного художественного образа и, соответственно, нарушение нормы формально-эстетической эквивалентности исходного текста и текста перевода.

Литература

Гарбовский Н.К. Теория перевода: учебное пособие. М.: Изд-во Московского университета, 2004.

Гумилев Н.С. Слово: полное собрание сочинений в 10-ти томах. Том 4. Стихотворения. Поэмы (1918–1921 гг.). М.: Воскресенье, 2001.

Падучева Е.В. Метонимия как сдвиг фокуса внимания // Исследования по лингвистике и семиотике. Сборник статей к юбилею В.В. Иванова. М.: Языки славянской культуры, 2010. С. 234-250.

Устинова Т.В. Неконвенциональное смыслообразование в поэтической речи: опыт лингвокогнитивного моделирования читательской рецепции. Екатеринбург, Изд-во УрГПУ, 2017. 187 с.

Barcelona A. Reviewing the Properties and Prototype Structure of Metonymy // Defining Metonymy in Cognitive Linguistics: Toward a Consensus View / Edited by R. Benczes, A. Barcelona, F.J. Ruiz de Mendoza Ibáñez. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2011. P. 7-60.

Gumilyov N. Words // Twentieth Century Russian Poetry: Silver and Steel. An Anthology / Selected, with an introduction, by Yevgeny Yevtushenko. Edited by Albert C. Todd and Max Hayward. Translated from Russian. New York: Dell Publishing Group, 1993. P. 148.

Lewandowska-Tomaszczyk B. Re-conceptualization and Emergence of Discourse Meaning as a Theory of Translation // *Meaning in Translation* / Edited by B. Lewandowska-Tomaszczyk, M. Thelen. Frankfurt am Mein, 2010. P. 105-148.

Radden G., Kövecses Z. Towards a Theory of Metonymy // *The Cognitive Linguistics Reader* / Edited by Vyvyan Evans, Benjamin Bergen and Jörg Zinken. London: Equinox, 2007. P. 335-359.

T.V. Ustinova (Moscow, Russia)
Lomonosov Moscow State University

METONYMIC TRANSFORMATIONS IN TRANSLATION: A COGNITIVE SEMANTICS PERSPECTIVE

Based on the methodological apparatus of cognitive translation studies, the article examines translation metonymy from the broader and narrower perspectives. Using the example of an English translation of a poem by Nikolai Gumilyov, it is shown how metonymic cross-language substitutions, considered as a shift in focus, can influence the poetic image constructed by the target language.

Key words: cognitive translation studies, non-conventional meaning construction, metonymic mapping, shift in profile, imagery.

Цзя Минсю (Гуанчжоу, КНР)
Гуандунский университет иностранных языков
и международной торговли
jiamingxiu@sina.com

О КОГНИТИВНОЙ МОДЕЛИ «СООТВЕТСТВИЕ» В ПЕРЕВОДЧЕСКОМ ПРОЦЕССЕ С РУССКОГО НА КИТАЙСКИЙ ЯЗЫК

Перевод между китайским и русским языками – это сложный когнитивный процесс, когнитивные модели исходного и переводящего языков отображаются сходными способами. Механизм «соответствие» регулирует понимание переводчиком исходного языка и выражение на языке перевода.

Ключевые слова: когнитивный переводческий процесс, отображение, когнитивная схема, соответствие, переводческий механизм.

В когнитивной лингвистике отображение обычно понимается как когнитивная способность производить, передавать и обрабатывать значение между различными когнитивными областями. Оно имеет в виду отношение идентичное (identical relation), соответствующее (corresponding relation) и совпадающее (matching relation) между концептами. Процесс проецирования одних концептов на другие, в результате чего образуются сходные или несходные соответствия [Lakoff 1987: 5-11]. И говорящий использует концепцию в одном ментальном пространстве, чтобы сослаться на концепцию в другом ментальном пространстве и стимулировать ее [Fauconnier 1997: 8-10].

Переводческая деятельность является сложным когнитивным процессом, и включает в себя два этапа: понимание исходного языка и производство перевода

на язык перевода. В этапе понимания оригинала переводчик через исходный текст получит коммуникативный смысл, и на основе этого строит в мозгу когнитивное ментальное пространство для осуществления перевода. Потом через сопоставление ментального пространства перевода с оригиналом получается конечный когнитивный результат – перевод. Когда исходный и переводной языки производят концептуальные обобщения в своих когнитивных моделях, то это полностью будет сохранено при переводе и формируется эквивалентное отображение когнитивной модели. Например: *Это означает, что нужно наконец не лозунгами и плакатами, а реальными делами (в том числе и уголовными) бороться с коррупцией, – так давно пора.* (Известия, 30.04.2014) *反腐败斗争的长期性、复杂性、艰巨性 (Борьба с коррупцией является долгосрочной, сложной и трудной задачей).* («Си Цзинпин о управлении государством»). В этих двух примерах главная тема – борьба с коррупцией, а метафора – война. В китайской и русской когнитивной системе имеется общее понимание о войне. «Во все времена человечества войну пережили все народы и культуры, и на опыте войны основывается опыт войны для восприятия других вещей вокруг них» [Jia Yujuan 2015: 150].

Коррупция является серьезной проблемой в управлении государством и партией, как будто враг в войне. Метафора «война» представляет собой высокочастотный термин в политическом дискурсе на тему борьбы с коррупцией. Использование метафоры «война» в оригинале и переводе подчеркнет отношение и позицию по отношению к коррупции, и призвано вдохновить все население на борьбу с коррупцией. Она призвана поднять боевой дух всего населения в борьбе с врагом – коррупцией. Концепт «антикоррупция» универсален и использован для выражения убеждения в победе в борьбе с коррупцией. Именно на этом основе оформляется модель «соответствие» когнитивного переводческого процесса.

Таким образом, можно сделать такой вывод, что процесс перевода – это процесс поиска когнитивно-психологических обоснований валентностей исходного языка в ментальном пространстве языка перевода. Когда исходная и конечная когнитивные области, содержащиеся в когнитивной схеме у оригинала, а также их отношения отображения совпадают с исходной и целевой когнитивными областями у перевода, в процессе перевода между этими двумя когнитивными схемами возникают отношения «соответствия».

Литература

Fauconnier G. Mappings in Thought and Language. M.: Cambridge University Press, 1997.

Lakoff G. Women, Fire and Dangerous Things: What Categories Reveal about the Mind. M.: University of Chicago Press, 1987.

Цзя Юйцзюань Анализ обоснования общности метафор войны // Научный мир. 2015 (12) . С. 150-153.

*Jia Mingxiu (Guangzhou, China)
Guangdong University of Foreign Languages*

THE COGNITIVE MODEL OF “CORRESPONDENCE” IN THE TRANSLATION PROCESS FROM RUSSIAN TO CHINESE

Russian-Chinese translation is a complex cognitive process. The cognitive models of the source and translating languages are displayed in similar ways. The “corresponding” mechanism regulates the translator's understanding of the source language and expression in the target language.

Key words: cognitive translation process, mapping, cognitive scheme, correspondence, translation mechanism.

*Цихан Чжао (Санкт-Петербург, Россия)
Санкт-Петербургский государственный университет
qiqiforever67@gmail.com*

СИСТЕМАТИЗАЦИЯ ТЕРМИНОВ КАК ЛЕКСИЧЕСКОГО СПОСОБА РЕПРЕЗЕНТАЦИИ СПЕЦИАЛЬНЫХ ЗНАНИЙ ПУТЕМ ФРЕЙМОВОГО МОДЕЛИРОВАНИЯ

Данная работа посвящена систематизации терминологических единиц путем фреймового моделирования на примере терминов бионанотехнологии. Анализируемые термины представляются в виде фреймовой схемы, которая обладает иерархической структурой, состоящей из вершинных узлов и терминальных узлов (слотов).

Ключевые слова: термин, терминосистема, бионанотехнологии, теория фреймов, узлы, слоты.

В современной лингвистической парадигме актуальной считается проблема изучения термина в рамках когнитивной лингвистики, что представляет собой новый, динамически развивающийся этап терминоведения, позволяющийся «синтетически и интегративно подойти к терминосистеме, представляя ее как сложное лингвистическое образование, сочетающее общие знания с профессиональными» [Архипова, Железнова 2019: 773]. Результаты исследований Е.И. Архиповой и Ю.В. Железновой утверждают о том, что принципы когнитивной лингвистики могут широко употребляться для организации терминосистем на основе методики концептуального и фреймового анализа, которая разработана в современной лингвистике (там же: 776).

Когнитивное терминоведение позволяет понимать термины как вербализованные концепты (Имашева 2021: 114), структурная организация которых в когнитивной лингвистике определяется фреймом (Вековищева, Приорова, Савченко, Романов 2017: 208). Вслед за создателем теории фреймов М. Минским, С. И. Маджаева в своей работе определяет фрейм как типовую структуру, предназначенную для упорядочения некоторой информации, «фрейм – это свернутая информация, выраженная языковыми знаками, позволяющая адресату получить минимальные знания» [Маджаева 2012: 131].

Фреймовый подход к систематизации терминов является когнитивным механизмом объяснения процессов накопления, обработки знаний и моделей их передачи (Тихонова 2011: 713). В связи с этим, фреймовое моделирование позволяет выявить и представить в структурном виде логические связи и отношения между единицами терминосистемы определенной науки. Наше исследование посвящено представлению терминосистемы бионанотехнологии как молодой, быстро развивающейся науки, в структурированном виде с помощью фреймового анализа, выявлению внутренних логических взаимоотношений между терминами.

В структуре каждого фрейма, согласно М.Л. Макарову, содержатся вершина (тема), то есть макропозиция, слоты и терминалы (Макаров 1998: 151). Соответственно данной структуре ряд исследователей выстраивает фреймовую схему той или иной терминосистемы. Так, например, в терминосистеме маркетинга выделяются пять базовых концептов, которые являются не только центральной частью данной терминосистемы, но и субфреймы фрейма терминосистемы маркетинга (Архипова, Железнова 2019: 773-776); во фреймовой схеме терминосистемы биоматериаловедения содержатся 6 основных концептов, взаимосвязанных друг с другом определенными способами. Эти концепты представляют собой слоты по отношению к вершине (теме), и одновременно являются вершинными узлами по отношению к терминальным узлам (Чжао Цихан 2022: 812).

Итак, соглашаемся с тем, что каждый фрейм включает в себя вершинные узлы и терминальные узлы (слоты), которые, в свою очередь, являются вершинными узлами субфреймов. Кроме того, при построении фреймовой модели в первую очередь «выявляются базовые концепты фреймовой структуры с опорой на информацию экстралингвистического характера» [Вековищева, Приорова, Савченко, Романов 2017: 208], и таким же образом выстраиваются субфреймы, подсубфреймы и т.п.

Проанализировав термины, которые отобраны из учебного пособия по бионанотехнологии («Бионанотехнология и нанобиофизика» [Огурцов, Ближнюк, Масалитина 2019]), можем обобщить, что в терминосистеме бионанотехнологии основные концепты тесно связаны со знаниями разных научных сфер, ибо во всех отобранных терминах позволяют выделить такие базовые концепты, как концепты биотехнологии, нанотехнологии, материаловедения, и др. На основании анализа логических связей между концептами мы предлагаем вариант представления терминосистемы в виде фреймовой схемы (см. рис. 1.), отражающей ключевые понятия бионанотехнологии и взаимоотношения между ними.

В данной схеме вокруг ядерного понятия «бионанотехнология» выделяются 9 базовых концептов, которые выступают в качестве субфреймов фрейма данной терминосистемы:

- концепт материаловедения (*пьезоэлектрический материал, углеродное покрытие, магнитный материал, и др.*);
- концепт биоматериаловедения (*биосовместимый материал, биокерамическое покрытие, биоинертный материал, и др.*);
- концепт биотехнологии (*3D культура клеток, электрофорез, зонд, и др.*),

- концепт чиповой технологии (*микросхема, чип, микрочип, и др.*);
- концепт биочиповой технологии (*биочип, тканевый чип, генный чип, и др.*);
- концепт нанотехнологии (*наносенсор, наноротоб, наночистица, и др.*);
- концепт наноматериаловедения (*наноматериал, полимерный нанокомпозитный материал,*);
- концепт микроскопии (*атомно-силовой микроскоп, зондовый микроскоп, сканирующий туннельный микроскоп, и др.*);
- концепт терапии (*нанотерапия, генотерапия, и др.*).

Среди вышеперечисленных концепт биоматериаловедения возникает на стыке биотехнологии и материаловедения, концепт биочиповой технологии рождается на пересечении биотехнологии и чиповой технологии, концепт наноматериаловедения появляется на стыке нанотехнологии и материаловедения.

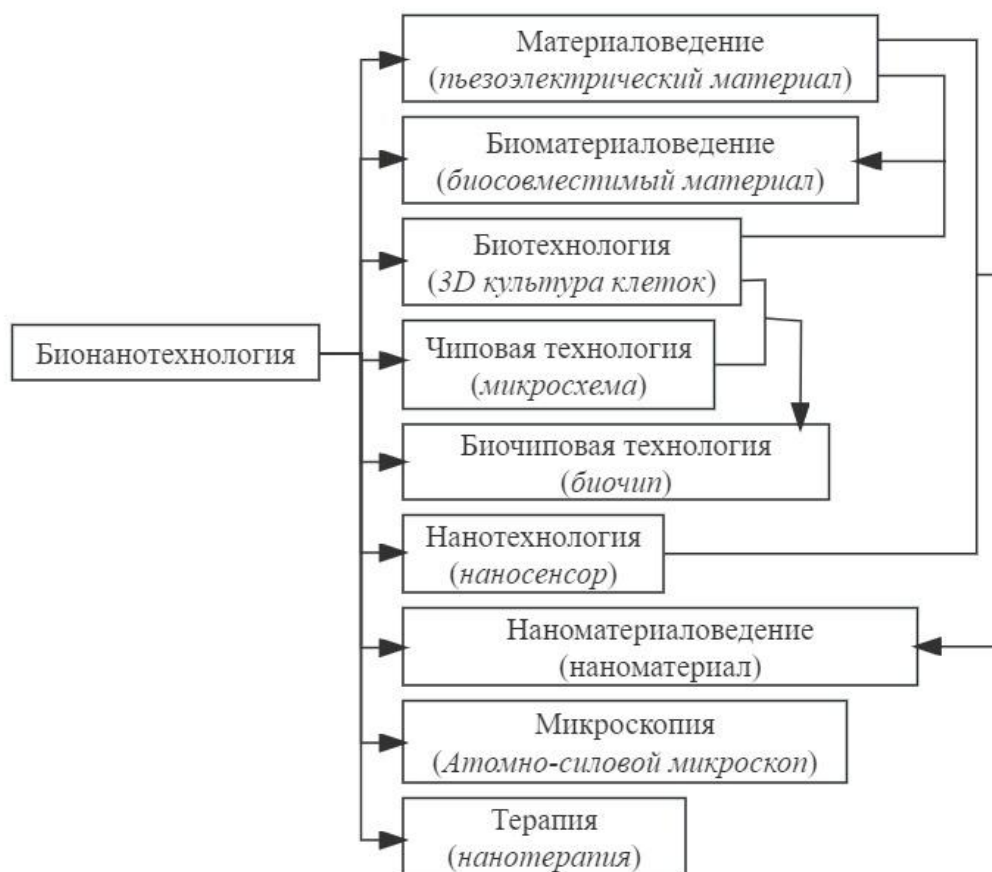

Рис. 1. Фреймовая схема терминосистемы «Бионанотехнология»

Итак, полученные результаты позволяют утверждать, что фреймовое моделирование как один из активно использованных в настоящее время когнитивных методов может применяться для репрезентации в организованном виде логической структуры и внутреннего отношения терминосистемы определенной научной сферы, бионанотехнологии в частности.

Литература

Архипова Е.И., Железнова Ю.В. Когнитивные аспекты терминологии маркетинга // Вестник Удмуртского университета. Серия «История и филология». 2019. №5. С. 773-777.

Вековищева С.Н., Приорова Е.М., Савченко Е.П., Романов В.М. Фреймовое моделирование терминологии безопасности жизнедеятельности в английском и русском языках // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2017. №1. С. 206-218.

Головин Б.Н. О некоторых проблемах изучения терминов // Вестник Московского университета. 1972. №5. С. 49-59.

Имашева О.А. Термин как когнитивный феномен в научном дискурсе // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2021. №4 (157). С. 112-117.

Маджаева С.И. Фреймовый подход к систематизации терминологических знаний // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. 2012. №2 (22). С. 130-137.

Макаров М.Л. Интерпретативный анализ дискурса в малой группе. Тверь: Твер. гос. ун-т, 1998.

Огурцов А.Н., Близнюк О.Н., Масалитина Н.Ю. Бионанотехнология и нанобиофизика: учеб. пособие: в 2-х ч. Ч. 1.: Бионаноструктуры. Харьков: НТУ «ХПИ», 2019.

Тихонова И.Б. Особенности фреймового анализа терминосистемы нефтепереработки в английском языке // Вестник Башкирского университета. 2011. №3. С. 713-715.

Чжао Цихан Когнитивный аспект изучения терминосистемы биомедицинской инженерии (тематическая группа «Биоматериаловедение») // Когнитивные исследования языка. 2022. №3 (50). С. 810-813.

Zhao Qihang (Saint-Petersburg, Russia)
Saint-Petersburg State University

SYSTEMATIZATION OF TERMS AS A LEXICAL WAY OF REPRESENTING SPECIAL KNOWLEDGE BY FRAME MODELING

The paper focuses on the systematization of terminological units by frame modeling on the example of bionanotechnology terms. The analyzed terms are presented in the form of a frame scheme. This scheme has a hierarchical structure consisting of vertex nodes and terminal nodes (slots).

Key words: term, term system, bionanotechnology, frame theory, nodes, slots.

РЕТРАКЦИЯ СТАТЬИ

Редакция серии «Когнитивные исследования языка» сообщает, что на заседании редакционной коллегии (протокол № 1 от 10 мая 2023 г.) принято решение о ретракции (отзыве) статьи «Свойства и функции ключевых слов в различных типах дискурса» автора Москвитиной Т.Н из сборника «Когнитивные исследования языка» (2022. Вып. № 2 (49). С. 70–75) в связи с выявлением дублирующей публикации в сборнике «Когнитивные исследования языка» (2021. Вып. № 3(46). С. 583-586).

Главный редактор серии «Когнитивные исследования языка»,
д.ф.н., профессор Н.Н. Болдырев

RETRACTION OF THE ARTICLE

The editors of the series "Cognitive Studies of Language" inform that at the meeting of the editorial board (minutes No. 1 dated May 10, 2023) a decision was made to retract (retract) the article "Properties and functions of keywords in various types of discourse" by the author Moskvitina T.N. of the collection "Cognitive Studies of Language" (2022. Issue No. 2 (49). P. 70–75) in connection with the identification of a duplicate publication in the collection "Cognitive Studies of Language" (2021. Issue No. 3 (46). P. 583 -586).

Editor-in-Chief of the Cognitive Studies of Language series,
Doctor of Philology, Professor N.N. Boldyrev

Научное издание

КОГНИТИВНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ЯЗЫКА

Выпуск № 4 (55)

КОГНИТИВНАЯ ЛИНГВИСТИКА В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННОЙ НАУКИ

Материалы международной конференции

19-21 сентября 2023 года

Главный редактор

Николай Николаевич Болдырев

Ответственный редактор выпуска

Ольга Александровна Турбина

Компьютерная верстка Е.С. Жеребятьевой

Печатается в авторской редакции

Подписано в печать 28.07.2023. Дата выхода в свет 11.09.2023. Формат 60×84/16.

Физ. печ. л. 59,75. Тираж 500 экз. Заказ 265/265. Цена свободная

Учредители:

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина»

Общероссийская общественная организация

«Российская ассоциация лингвистов-когнитологов»

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки

Институт языкознания Российской академии наук

Адрес редакции и издателя:

392000, Тамбовская обл., г. Тамбов, ул. Интернациональная, д.33.

ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина»

Отпечатано в Издательском центре Южно-Уральского государственного университета
454080, г. Челябинск, проспект Ленина, 76.